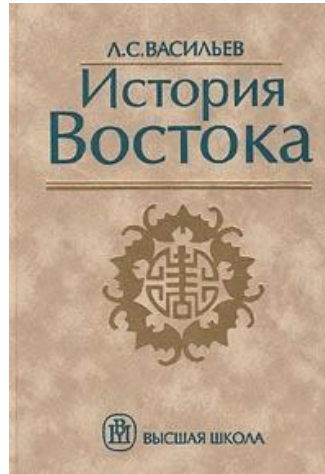

<http://bookz.ru/>

**Леонид Сергеевич Васильев
История Востока. Том 1**

История Востока – 1

«История Востока Т.1»: Высшая школа; Москва; 1998
ISBN 5-06-002909-3

Аннотация

Предлагаемое издание принадлежит к числу учебников нового поколения, свободных от идеологической заданности. История Востока излагается с глубокой древности и до сегодняшнего дня в рамках единой авторской концепции. Смысл ее в том, что традиционный Восток структурно отличен от Западной Европы со времен античности.

В первом томе рассматривается история древних и средневековых (до начала XIX в.) государств и обществ Азии и Африки. Дается анализ общих закономерностей развития Востока, много внимания уделяется традициям, особенностям религии и культуры разных народов.

Рецензенты: кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова (директор ин-та, зав. кафедрой д-р ист. наук М.С. Мейер), гл. редактор журнала «Восток», д-р ист. наук. Л.Б. Алаев и зав. отделом ИМЭМО Российской АН д-р ист. наук В.Г. Хорос.

Рекомендовано Министерством общего и профессионального образования РФ в качестве учебника для студентов вузов.

**Л.С. Васильев
История Востока**

Предисловие

Двухтомник, предлагаемый вниманию читателя, – это дополненный и переработанный курс лекций, читавшийся на протяжении многих лет студентам-востоковедам МГИМО и ИСАА при МГУ. В том, что при издании учебника курс лекций подлежит серьезной переработке, нет ничего удивительного. Так всегда было и всегда будет. Важнее обратить внимание на то, что этот курс существенно дополнен, в результате чего вместо лекций по древнему и средневековому Востоку – историческому периоду, в пределах которого (более древности,

нежели средневековья) автор мог бы ощущать себя достаточно компетентным специалистом, – появился учебник по истории Востока с ее начала и до сегодняшнего дня. Все произошло далеко не случайно. Во-первых, на рубеже 80–90-х годов XX в. в нашей стране, переживавшей бурные дни революционных перемен, стал остро ощущаться дефицит учебников по истории. Разумеется, учебников в принципе хватало, их было даже в избытке. Но беда в том, что все они безнадежно устарели, ибо были написаны под жестким воздействием марксистской идеологической схемы, хорошо известной каждому из пособий по истмату. Возникла объективная потребность в новом поколении учебников, которые были бы свободны от предвзятых суждений и соответствовали бы как современному уровню развития мировой исторической науки, так и уже давно достигнутому в мире высокому стандарту историософского осмысления истории. Во-вторых, разрабатывавшаяся автором данного учебника еще в 60–80-х годах весьма спорная, с точки зрения марксистских ортодоксов того времени, схема истории Востока, которая для противостояния привычным истматовским стандартам должна была опираться на самого Маркса (имеется в виду концепция так называемого «азиатского» способа производства), еще в то время настоятельно требовала внимания не только к древности и средневековью, но и ко всей истории Востока, столь отличного по многим параметрам от Запада. Наконец, в-третьих (соединив «во-первых» и «во-вторых»), стало очевидным, что сегодняшний читатель нуждается именно в цельной историософской концепции исторического процесса, которая годилась бы как для понимания глубокой древности, так и для оценки событий на современном Востоке, и что для обоснования такого рода концепции необходимо дополнить материалы древности и средневековья рассмотрением исторического процесса и многочисленных проблем более позднего времени.

Двухтомник предлагает прежде всего авторскую концепцию, т. е. одну из возможных трактовок истории Востока, места Востока, можно сказать и шире, всего неевропейского мира, во всемирной истории. Авторское начало в нем, как увидят читатели, весьма заметно, что, впрочем, никак не исключает того факта, что многие элементы концепции были взяты у различных специалистов и мыслителей-теоретиков. Главной целью было собрать все работающие элементы разных теорий в некую единую внутренне непротиворечивую систему, вычленив в заново созданной системе ее системообразующий стержень и на конкретном материале всей истории Востока, включая и Африку, проверить работоспособность концепции. Собственно, именно это, прежде всего и побудило автора вторгнуться в сферу знаний, где он не может считать себя специалистом. Естественно, что это повлекло за собой необходимость в достаточной степени овладеть теми знаниями (речь о колониальном и постколониальном Востоке), о которых, было упомянуто.

Несколько слов об источниках, откуда черпались материалы, фактические данные. Они в общем-то хорошо известны и общедоступны. Это, прежде всего, сводные труды, начиная с капитальной многотомной Всемирной истории и кончая обычными вузовскими учебниками разных поколений. Использовались также наиболее важные монографические исследования, различные энциклопедии, а также многочисленные хрестоматии, учебные пособия, журнальные статьи, обзоры в справочно-библиографических изданиях и т. п. Работ подобного рода великое множество, так что главным было не потонуть в содержащемся в них материале и отобрать из него наиболее достоверные и репрезентативные факты, описания и суждения. Разумеется, даже при самом тщательном отборе, включая проверку отобранного, в корпус двухтомника могли вкрасться неточности и ошибки – автор заранее просит за них прощения у читателя, ибо хорошо понимает, что несет ответственность и за чужие ошибки, если они воспроизведены в его работе.

Чтобы свести количество ошибок к минимуму, были проведены обсуждения тех частей книги, которые выходили ранее отдельными малотиражными изданиями в качестве учебных пособий для студентов МГИМО («Курс лекций по древнему Востоку: Средний и Дальний Восток», 1984; «Курс лекций по древнему Востоку: Ближний Восток», 1985; «Курс лекций по средневековому Востоку», 1988). Кроме того, отдельные части настоящего издания и все оно целиком рецензировались многими специалистами, которым автор глубоко благодарен за их замечания. Здесь уместно сказать, что в некоторых отзывах подвергались критике и определенные элементы авторской концепции, что следует считать вполне естественным:

слишком много сложных проблем поднято и очень многие из них решаются иначе, подчас совсем не так, как это было принято и считалось нормальным до недавнего времени. Разумеется, авторская концепция, о которой уже упоминалось, остается именно авторской и ни в коей мере не претендует на непогрешимость, что обычно считалось обязательным еще совсем недавно, особенно если речь шла об учебниках по истории. Иными словами, читателю предлагается история Востока в том разрезе, в каком она видится автору учебника, – другие, вполне возможно, увидят ее иначе и будут иметь естественное право опубликовать свой вариант той же истории. Это и должно быть нормой, к которой мы пока еще не привыкли (думается, находимся на пути к ней).

В заключение автор хотел бы выразить признательность директору ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова (в прошлом заведующему кафедрой истории Востока МГИМО) А. В. Меликсетову, по чьей инициативе он несколько лет тому назад взялся за работу над общим курсом по истории Востока.

Вводная часть Сущность проблематики

Глава 1

Феномен Востока: история изучения и современные проблемы

Интерес к Востоку в наши дни огромен и, видимо, будет возрастать. Интерес этот всесторонен и всеобъемлющ: история и культура, общество и государство, человек и религия (боги и люди), наконец, древние первоосновы великих цивилизаций Востока – все это ныне в центре внимания как самих жителей стран Востока, стремящихся к самопознанию и самоидентификации, к открытию фундаментальных основ собственного бытия, так и тем более представителей иной, западной, европейской традиции, чьи генеральные параметры столь отличны от восточных. Такого рода всеобщий интерес далеко не случаен: конец XX в. с его нависшими над планетой мрачно-апокалиптическими тучами побуждает многих всерьез заинтересоваться как экзистенциальными проблемами (что пробуждает активное внимание к мистике, а здесь бесспорный приоритет за древними культурами и религиями Востока), так и поисками корней, первоистоков. Кроме того, многое в современном мире вплотную связано с Востоком – достаточно напомнить о феномене развивающихся стран с их острейшими экономическими, демографическими и социокультурными проблемами, пути решения которых пока далеко еще не найдены. Как и когда эти проблемы будут решены, каковы пути, ведущие к их решению, – все это волнует и не может не волновать мир, подавляющее большинство населения которого, все возрастающее как абсолютно, так и относительно, живет именно в развивающихся странах, в первую очередь в странах Востока.

Что такое Восток?

Что же это такое – Восток? Вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд. Речь идет не о географическом понятии – скорее об историко-культурном, социополитическом, цивилизационном... Речь идет о гигантской всечеловеческой цельности, пусть в чем-то весьма неоднородной и противоречивой, но все же почти монолитно цельной в своей глубинной основе – той самой основе, которая, собственно, и породила в свое время дихотомию Восток – Запад. Но как возникла эта дихотомия и что в конечном счете ее породило?

Как известно, история начинается именно на Востоке. В плодородные долины и предгорья Ближнего Востока уходят своими корнями древнейшие очаги мировой цивилизации. Именно здесь возникали и приобретали устойчивые формы древнейшие социальные и политические институты, совокупность которых определила очертания наиболее ранних модификаций человеческого общества, а затем и государства. Недаром древние римляне, цивилизация которых во многом была дочерней по отношению к ближневосточной, с уважением говорили: «Ex Oriente lux» («Свет с Востока»).

Ближневосточно-средиземноморские земли, узким перешейком соединяющие Африку с Евразией, на протяжении многих сотен тысячелетий были тем естественным мостом-перекрестком, по которому перемещались, встречаясь и смешиваясь друг с другом, древнейшие популяции гоминид (предлюдей), архантропы и палеоантропы. Смешение таких популяций и связанная с этим метисация резко ускорили процесс трансформации гоминид, сыграв существенную роль в подготовке тех благоприятных мутаций, которые привели в конечном счете к возникновению именно в этом районе мира человека современного типа – *Homo sapiens*. И хотя специалисты расходятся во мнениях по вопросу о том, была ли ближневосточная зона сапиентации единственной, есть веские основания полагать, что именно здесь около сорока тысячелетий назад появились первые сапиентные люди, миграция которых в различные районы ойкумены с вытеснением из них обитавших там досапиентных гоминид и с метисацией с этими последними послужила основой для появления в различных районах земного шара многочисленных расовых типов.

Первые сапиентные неантропы были в основном охотниками и собирателями и перемещались вслед за служившими им пищей животными, зоны обитания которых изменялись в зависимости от колебаний в климате, от вызывавшихся геологическими катаклизмами ледниковых периодов. Наиболее благоприятной для существования зоной при этом по-прежнему оставалась ближневосточно-средиземноморская; именно здесь 10–12 тысячелетий назад начался переход от палеолита (древнекаменного века) к неолиту. Суть перехода сводилась к постепенному оседанию коллективов бродячих охотников и собирателей в обильных растительностью и дичью лесостепных районах ближневосточных предгорий (Палестина, Анатолия, Загрос и др.). Осевшие здесь группы вначале лишь охотились за обитавшими в горах мелкими животными и собирали дикорастущие растения, особенно злаки. Позже они нашли способ приручить животных и одомашнить некоторые растения, что положило начало скотоводству и земледелию.

Совершенный на рубеже палеолита и неолита переход от присваивающего хозяйства (охота, рыболовство, собирательство) к производящему, т. е. к регулярному производству пищи, получил в науке наименование неолитической революции (иногда ее именуют также аграрной революцией – термин менее удачный из-за невозможности избежать лишних совпадений и ассоциаций). Этот переход действительно сыграл поистине революционную роль в истории человечества, так что в смысле открывшихся перед людьми новых возможностей и перспектив он может быть поставлен в один ряд с промышленным переворотом раннего европейского капитализма и современной НТР. Суть его в том, что оседлый быт с гарантированной пищей способствовал резкому ускорению дальнейшего развития производства и культуры, что, в свою очередь, привело к расцвету жилищного и хозяйственного строительства, производству разнообразного и высококачественного каменного инвентаря (неолитические орудия), керамических сосудов для хранения и приготовления пищи, а также к изобретению прядения и ткачества с последующим изготовлением различных одежд. Однако для истории наибольшее значение имеют те следствия, причиной которых была революция в производстве. Среди них следует обратить внимание на два главных и наиболее важных.

Во-первых, новые условия оседлой и обеспеченной пищей жизни земледельцев сыграли важную роль в кардинальном изменении всего образа жизни человека, приобретшего благоприятные возможности для гарантированного стабильного существования. Увеличение рождаемости (рост фертильности женщин) и выживаемости детей в новых условиях привело к резкому росту темпов прироста населения, за счет чего заметно усилился процесс миграции и распространения вширь достижений земледельческого неолита: спорадически расселявшееся за пределы родного поселка избыточное население быстро осваивало новые пригодные для земледелия территории – сначала в районе плодородных речных долин Ближнего Востока, затем в других землях, включая Северную Африку, европейское Средиземноморье, Иран и Среднюю Азию, Индию и Китай. При этом новые дочерние поселения, как правило, сохраняли выработанный уже ранними земледельцами генеральный стереотип существования, включая социально-семейную и общинно-родовую организацию, мифологию, ритуалы, производственные навыки и технологию и т. п. Разумеется, со временем и в зависимости от

обстоятельств на новых местах обитания все это подвергалось определенной трансформации и обогащалось новыми элементами культуры.

Во-вторых, производственный потенциал земледельческого неолита оказался столь значительным, что уже на ранних этапах существования земледельческих общин – особенно тех из них, которые располагались в наиболее плодородных районах речных долин, в оптимальных экологических условиях ближневосточной зоны, – появилась объективная возможность создания избыточного продукта, за счет которого можно было содержать освобожденных от производства пищи людей, исполнявших различные административные функции. Иными словами, именно на основе появившихся в результате неолитической революции производственных возможностей и возникли в конечном счете древнейшие очаги урбанистической цивилизации со свойственными им надобщинными социальными структурами и ранними формами политической администрации.

Итак, история человека, его производящего хозяйства, культуры, равно как и история в полном смысле этого слова, т. е. история человеческой цивилизации, – все это восходит к неолитической революции, имевшей место в ближневосточной зоне около 10 тысячелетий назад, не говоря уже о том, что в той же зоне сложился и сам сапиентный человек. Вот уж поистине *Ex Oriente lux!* К этому стоит добавить, что на базе производственных возможностей земледельческого неолита возникли первые известные науке протогосударственные структуры, подавляющее большинство которых существовало опять-таки на Востоке, причем не только Ближнем.

Важно заметить, что до эпохи античности такого же типа протогосударства были и на территории Европы, в частности в Греции, начиная с микенского периода ее истории. Едва ли есть основания для сомнений в ближневосточных истоках раннеевропейской земледельческой культуры, равно как и параметров ее преантической государственности. Для доантичной Греции, предстающей перед миром наиболее ярко со страниц гомеровского эпоса, характерны были примерно те же отношения, что существовали и в иных ранних протогосударствах, в частности восточных: господствовали общинные связи, существовали мелкие правители-вожди (базилевсы и др.), тогда как частнособственнические отношения были еще неразвитыми. Иное дело – времена античности. Собственно, именно с возникновения во второй трети I тысячелетия до н. э. античной Греции и берет начало дихотомия Восток – Запад, ибо именно с этого времени греки стали ощущать и фиксировать весьма заметные отличия своего образа жизни от образа жизни соседних с ними цивилизованных народов Востока, не говоря уже о нецивилизованных «варварах». К чему же сводились эти отличия?

Европа и Восток: две структуры, два пути развития

Сложившись на местной «гомеровской» основе, но заимствовав кое-что и извне (в частности, ориентируясь на финикийский эталон), античное общество сформировалось прежде всего на базе развитых торговых связей и средиземноморского мореплавания. То и другое, вкупе с благоприятными географическими условиями, сыграло, видимо, свою роль в архаической революции, приведшей к преобразованию доантичной (в принципе близкой к типичной древневосточной) структуры в кардинально отличную от нее античную. Трудно сказать, что явилось причиной архаической революции, которую смело можно уподобить своего рода социальной мутации, ибо во всей истории человечества она была единственной и потому уникальной по характеру и результатам. Одно несомненно: главным итогом трансформации структуры был выход на передний план почти неизвестных или по крайней мере слабо развитых в то время во всем остальном мире частнособственнических отношений, особенно в сочетании с господством частного товарного производства, ориентированного преимущественно на рынок, с эксплуатацией частных рабов при отсутствии сильной централизованной власти и при самоуправлении общины, города-государства (полиса). После реформ Солона (начало VI в. до н. э.) в античной Греции возникла структура, опирающаяся на частную собственность, чего не было более нигде в мире. Господство частной собственности вызвало к жизни свойственные ей и обслуживавшие ее нужды политические, правовые и иные институты – систему демократического самоуправления с правом и обязанностью каждого

полноправного гражданина, члена полиса, принимать участие в общественных делах (римский термин *res publica* как раз и означает «общественное дело»), в управлении полисом; систему частноправовых гарантий с защитой интересов каждого гражданина, с признанием его личного достоинства, прав и свобод, а также систему социокультурных принципов, способствовавших расцвету личности, развитию творческих потенций индивида, не говоря уже о его энергии, инициативе, предприимчивости и т. п. Словом, в античном мире были заложены основы так называемого гражданского общества, послужившего идейно-институциональным фундаментом быстрого развития античной рыночно-частнособственнической структуры. Всем этим античное общество стало принципиально отличаться от всех других, прежде всего восточных, включая и финикийское, где ничего похожего, во всяком случае в сколько-нибудь заметном объеме, никогда не было.

Итак, начиная с античной Греции, в цивилизованном мире возникли две разные социальные структуры – европейская и неевропейская, причем вторая (по времени появления – первая) была представлена многими вариантами, различавшимися в разных районах мира, но принципиально сходными, однотипными в главном: ей не были знакомы ни господствующая роль частной собственности, ни античное «гражданское общество». Но так ли уж это важно? Не следует ли считать античную Грецию лишь несколько отличной от других модификаций единого общего пути, как на том подчас настаивают специалисты?

Здесь важно заметить, что речь идет не только о разных типах социальной структуры. Гораздо важнее с точки зрения исторического процесса много более важным результатом происшедшей в древнегреческом обществе революции-мутации было то, что античная структура пошла иным путем развития, чем все остальные. Путем более быстрым, динамичным и результативным. Именно на основе греческой античности были достигнуты в Древнем Риме впечатляющие успехи в области экономики, политической администрации, культуры. И когда наступила эпоха длительного кризиса, связанного с падением Рима и варварскими завоеваниями, что затем привело, как известно, к появлению средневекового феодализма, отнюдь не все эти достижения остались втуне. Как раз напротив: пройдя через полосу кризиса, на что ушло несколько долгих веков, средневековая Европа начала быстро и энергично возрождать античные нормы, принципы и институты (вспомним торговые республики типа Венеции или Генуи, города в средневековой Европе со всеми их привилегиями и нормами самоуправления в период господства феодальных порядков), чем была заложена социально-экономическая основа эпохи Возрождения, которая, в свою очередь, означала создание условий для быстрого и энергичного восстановления некоторых античных порядков, элементов античной структуры. И именно последовавшее вскоре за этим, после Великих географических открытий, первоначальное накопление капитала создало материальную базу для вызревания в Европе капитализма. Капитализм в этом смысле – детище европейского города и эпохи Возрождения, прямой наследник античности (а не феодализма, как то подчас по инерции кое-кто себе представляет).

Итак, европейский путь развития – это чередование структурных модификаций (античная, феодальная, капиталистическая), при которых частнособственническая активность, хотя временами, в первые века феодализма, и отступавшая, в конечном счете была ведущей и структурообразующей. Именно господство частной собственности, огражденное системой соответствующих политических, правовых и социокультурных институтов, породило капитализм и тем заложило основу бурного экономического развития не только Европы, но и всего остального мира. Без господства частнособственнических отношений капитализм не мог возникнуть – и в этом принципиальное отличие исторического пути всех неевропейских обществ от европейского, по крайней мере до эпохи колониализма, когда неевропейские страны одна за другой были втянуты капиталистической Европой в единое мировое рыночное хозяйство со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Так каким же в свете сказанного следует считать путь развития неевропейских стран? И что же следует в этой связи считать Востоком?

Если одна структура ведет к капиталистическому развитию в силу заложенных в ней потенций эволюции, а другая, отличная от нее, в силу тех же обстоятельств (иные потенции) к капитализму привести не может, то это и создает не просто несходство структур и путей

развития, а как раз ту самую дихотомию, о которой уже упоминалось. Иными словами, противостояние Восток – Запад при этом возрастает до уровня Символа. И с этой точки зрения Восток уже не просто географический Восток, как его воспринимали античные греки и римляне, но в некотором смысле иной мир, основанный на иных порядках, что, впрочем, тоже было хорошо известно уже древним грекам – достаточно вспомнить их отношение к персам в период длительных греко-персидских войн, подробно описанных, в частности, Геродотом.

Таким образом, с античности уже была известна разница между европейским античным обществом и неевропейским миром, олицетворенным в то время хорошо известным грекам Востоком, будь то Египет, Вавилон или Персия. Заслуживает внимания, что эту разницу, впоследствии заложившую основы востоковедения, ощущали и анализировали именно европейцы, античные греки и их наследники, порвавшие с традиционной восточного типа структурой и обитавшие в рамках новой, принципиально иной структуры, но не жители стран Востока, культура которых в те времена, да и позже, не была заметно ниже европейской, нередко бывала равна ей, а порой кое в чем и превосходила ее. И хотя эта формула не абсолютна (известно, что питающая пристрастие к историописанию китайская традиция стремилась дать характеристику далеких народов, даже европейских, но она при этом обычно не выходила за рамки скупого описания), факт остается фактом: анализ разницы между европейским и неевропейским обществами первыми дали и впоследствии стремились углубить именно европейцы, что и легло со временем, как упоминалось, в фундамент современного востоковедения.

История изучения Востока

Возникший в годы греко-персидских войн активный интерес к восточным обществам отнюдь не был первоначальным импульсом такого рода. Напротив, греки с глубокой древности контактировали с Египтом и другими ближневосточными государствами и немало от них заимствовали и в сфере экономики (транзитная торговля и мореплавание), и в области политики (реформы Солона), и в сфере мудрости, знаний, философии и т. п. Уже в «Политике» Аристотеля среди прочих форм государственной власти была особо вычленена тирания, определенная как «деспотическая монархия». И хотя это был в основном абстрактный анализ форм власти, а тирания как таковая была хорошо известна и самим грекам, идея о деспотии отчетливо ассоциировалась прежде всего с Востоком, в частности с персидской династией Ахеменидов. Изданные в XIII в. в средневековой Европе сочинения Аристотеля способствовали распространению понятия «деспотия» в политической мысли того времени, причем характерно, что, хотя в самой Европе эпохи феодализма хватало примеров деспотического правления, там это воспринималось в качестве некоего отклонения от нормы – отклонения, заслуживающего осуждения. Иное дело – Восток. Уже в XIV в. в европейской мысли была сформулирована концепция «азиатского деспотизма», которая тесно связывалась с отсутствием частной собственности и правовых гарантий личности, а по меньшей мере с XVI в. символом такого рода структуры стала считаться Османская империя с характерными для нее абсолютной властью султана и произволом администрации.

Начиная с XVII в. в раннекапиталистической Европе резко возрос интерес к странам Востока. В многочисленных книгах, принадлежавших перу миссионеров, путешественников, торговцев, а затем и специалистов-востоковедов, все чаще обращалось внимание на специфику социальной, экономической и политической структуры этих чуждых привычному европейскому стандарту стран. Если не говорить о различиях религиозно-культурного порядка, которые бросались в глаза каждому при самом беглом взгляде на мусульманский, индо-буддийский или китайско-конфуцианский Восток, то в книгах, о которых идет речь, делался акцент прежде всего на силу и эффективность центральной власти, абсолютное преобладание государственной собственности при второстепенной роли частной, на раболепие низших перед высшими, а также на общую застойность и косность, близкий к неподвижности ритм жизни, столь разительно несхожий с динамизмом раннекапиталистической Европы. Среди этих работ были и весьма серьезные, как, например, исследование о государстве Великих Моголов, написанное Ф. Бернье, на протяжении многих лет бывшим придворным врачом

падишаха Аурангзеба. Написанная на основе личных впечатлений, эта книга давала достаточно хорошее представление о характере индийского общества, причем автор обратил особое внимание на преобладание государственной и отсутствие частной собственности в Индии времен Великих Моголов.

По мере накопления материала картина восточных обществ становилась более сложной: наряду с застойностью вырисовывалась стабильность, с косностью – строгий моральный стандарт, с произволом – ограничивавшие его социальные, прежде всего общинные институты. Анализ всех этих сведений привел к тому, что уже в XVIII в. мнения о Востоке стали весьма разноречивы: одни подвергали восточные порядки резкой критике (Ш. Л. Монтескье, Д. Дефо), тогда как другие склонны были их воспевать (Вольтер, Ф. Кенэ). Эти противоречия заслуживают внимания, но они не меняют того общего и главного, что лежало в основе восприятия восточных обществ в Европе практически всеми: структурно это был иной мир, другой путь развития, причем именно эту разницу и следовало изучить, понять и объяснить.

Собственно, в этом и заключался конечный смысл той гигантской работы, которая была вслед за тем проделана несколькими поколениями европейских востоковедов, терпеливо вскрывавших один за другим пласты истории и культуры обществ Востока, включая давно исчезнувшие и забытые. Этой работе помогли археологи, обнаружившие не только развалины древних поселений, но также и целые архивы древних надписей. Несколько поколений ученых лингвистов расшифровывали эти надписи, время от времени, подобно великому египтологу Ж. Ф. Шампольону, открывая для науки письма того или иного из древних народов. Немалое значение имели и полевые обследования антропологов, чье близкое знакомство с многими отсталыми племенами Африки, Америки, Австралии, Океании и некоторых других районов мира, прежде всего отдаленных и изолированных, позволяло сопоставить полученные ими данные с материалами о древних культурах, об исчезнувших народах.

Несколько позже свой весомый вклад в анализ накопленных знаний о Востоке стали вносить политэкономы и философы. Знаменитый А. Смит, объяснивший разницу между рентой собственника и налогом государства, обратил внимание на отсутствие на Востоке различий между этими политэкономическими категориями и пришел к выводу, что там суверен относится к земле одновременно как собственник и как субъект власти. Свой вклад в анализ восточных обществ внесли на рубеже XVIII–XIX вв. философские труды Гегеля, лучше других вскрывшего основы восточного деспотизма, полнее и глубже своих предшественников проанализировавшего структуру азиатских обществ, обратившего внимание на механизм власти и феномен всеобщего бесправия, на высшие регулирующие-контролирующие функции государства и всей системы администрации в разных районах Азии, вплоть до Китая.

Складывавшееся параллельно с философским осмыслением проблемы европейское востоковедение, а также иные науки, стремившиеся осмыслить накопленные им данные, – философия, политэкономия, социология, антропология, культурология, историософия и др. – на протяжении XIX и тем более XX вв. достигли немало. Были не только хорошо изучены современные народы Востока, включая их религию, культуру, историю, экономические связи, социальную структуру, формы администрации, налогообложения, организации военного дела и т. д., но и многое сделано для изучения давно исчезнувших восточных народов и государств. Все эти материалы были собраны воедино, подвергнуты сравнительному анализу, причем достигнутые результаты были сопоставлены с материалами полевых обследований антропологов. Полученные сведения специалисты в свою очередь сравнивали с аналогичными сведениями из истории европейских стран и народов. Словом, сделано было немало. Вопрос теперь сводился к тому, чтобы умело и наиболее близко к реалиям интерпретировать весь гигантский материал и создать своего рода генеральную сводку, которая сумела бы непротиворечиво охватить и объяснить все, историю всех народов мира, с древности до сегодняшнего дня.

Факт и его интерпретация – основы, на которых стоит наука, причем одно зависит от другого: накопление определенного количества фактов неудержимо и властно требует их интерпретации; интерпретация позволяет лучше усваивать новые факты, вписывающиеся в созданную схему. Здесь есть своя логика и своя динамика: факты постоянно прибавляются; возрастающая сумма все более разнообразных, порой противоречащих друг другу фактов рано

или поздно неизбежно приходит в противоречие с ранее сложившейся схемой и требует ее трансформации, иногда принятия иной схемы, в рамках которой можно дать новую непротиворечивую интерпретацию увеличившейся суммы разнообразных данных. По-новому трактуются свежие и старые факты, учитываются разночтения и отклонения, с тем чтобы все это на некоторое время стало основой для дальнейшего накопления и осмысления последующих данных... Приведенный элементарный эвристический алгоритм едва ли нуждается в развернутой аргументации: описание его говорит само за себя. В общую схему вписывается и история, в том числе история Востока.

В мировой науке создано несколько концепций, авторы которых ставят своей целью дать сводно-обобщающий анализ всемирной истории, включая историю Востока. Одна из наиболее ярких срединных – это концепция локальных цивилизаций английского историка А. Тойнби, смысл которой в том, что едва ли не каждая из вычлененных автором (в разных вариантах) двух-трех десятков цивилизаций, древних и современных, не только уникальна и неповторима, но и ценна сама по себе. Развиваясь по принципиально общим для всех законам, она возникает, развивается, приходит в упадок и в конце концов погибает. Несовершенство этой концепции не столько в том, что цивилизации вычленяются Тойнби чаще всего по религиозному признаку, и даже не в том, что они все в конечном счете признаются равными друг другу в своей уникальной для человечества в целом самоценности. Здесь можно спорить, и аргументы Тойнби отвергнуть не так-то просто. Главная слабость этой концепции в том, что в ней смазана динамика всемирно-исторического процесса.

В этом смысле предпочтительнее концепция немецкого социолога М. Вебера. Всю свою незаурядную энергию глубокого исследователя и умного аналитика Вебер направил на то, чтобы, тщательно изучив одну за другой восточные культуры – исламскую, иудейскую, индийскую, китайскую, – вскрыть те причины, которые препятствовали Востоку развиваться столь динамично, как-то было в Европе. Как известно, едва ли не важнейшую причину того, что в Европе сложился капитализм, Вебер видел в духе протестантизма, в протестантской этике, описанию которой он посвятил одну из главных своих работ. Но именно в этом уязвимость его концепции. Дело не в том, что протестантская этика не сыграла своей важной, в некотором смысле решающей роли в процессе генезиса европейского капитализма, на чем настаивает Вебер. Имеется в виду нечто иное: европейский путь развития, как о том уже шла речь, по меньшей мере с античности имел потенции для капиталистического типа хозяйства, основанного на господстве, а затем и на гипертрофии частной собственности; протестантская же этика могла лишь помочь реализовать упомянутые потенции. Но все это было в Европе. Вне Европы не было ни потенций, ни протестантской этики. И в этом смысле проделанный Вебером анализ восточных структур сохраняет свое значение и в наши дни: в соответствующих книгах достаточно убедительно показано принципиальное отличие всех восточных структур от европейской.

Есть и иные концепции, авторы которых – о марксистах пока речи нет – стремятся дать сводно-обобщающий анализ всемирно-исторического процесса. Но эти концепции не только менее известны и оригинальны, чем сделанное Тойнби или Вебером, но обычно также и менее озабочены тем, чтобы дать цельное изложение самого процесса. В ряде случаев его замещает многотомное описание всемирной истории, как это видно, например, в известной серии «Кембриджской истории». Между тем реалии XX в. и особенно политические события второй половины этого века настоятельно требуют именно обобщающей концепции всемирной истории. Требование, о котором идет речь, объективно связано с феноменом развивающихся стран, большая часть которых – освободившиеся от колониальной зависимости и добившиеся самостоятельности страны Востока. Что представляют собой эти страны и каковы перспективы их развития – этим вопросом сегодня в мире озабочены многие.

Феномен развивающихся стран и традиционный Восток

Изучению развивающегося мира посвящено множество специальных работ и немало сводно-обобщающих трудов, авторы которых стремились понять и объяснить этот феномен. Можно заметить и определенную тенденцию в интерпретации связанных с ним проблем, эта

тенденция долгие годы была почти одинакова как для марксистской, так и немарксистской историографии. Суть ее в том, что если на раннем этапе изучения проблем, в середине нашего века, многое казалось достаточно простым и легко прогнозируемым¹, то позже наступило время пересмотра первоначальных позиций. Стало ясно, что проблемы много сложнее, нежели то казалось раньше, и что не все страны развивающегося мира вдут в том направлении, как то вначале считалось чуть ли не само собой разумеющимся. Еще позже, особенно наглядно после иранской революции 1978–1979 гг., специалистам стало очевидно, что и проделанный уже пересмотр прежних позиций недостаточен. Мало сказать, что многие страны развивающегося мира не догоняют передовые, если даже не отстают от них еще больше. Мало зафиксировать, что развитие ряда стран современного Востока идет весьма своеобразно, во всяком случае никак не классическим путем к капитализму². Нужно теперь говорить и о том, что по меньшей мере часть развивающегося мира просто не хочет, а то и не может идти в том направлении, какое ранее считалось едва ли не обязательным для всех. Но почему же так? И как все это понимать?! Причин здесь много, еще больше сложных проблем – достаточно напомнить хотя бы о нарушившемся в развивающихся странах демографическом балансе, результатом чего является все убыстряющийся рост нищеты, необеспеченности, детской смертности и, как следствие всего этого, отсталости. И хотя эта отсталость оттеняется некоторыми внешне бросающимися в глаза экономическими успехами, олицетворенными этажами высотных зданий в столицах и обилием автомобилей и радиоэлектроники в быту зажиточных слоев населения, нельзя забывать, что подчас все это практически не заработано, а взято в долг, т. е. построено за счет займов, а то и чужими руками. И если некоторые из стран, богатых ресурсами, нефтью, оказались в выгодном положении и сумели стать не должниками, а кредиторами, значит ли это, что для них проблемы развития решены, даже если построена (опять-таки чужими руками, хотя и за свои деньги) современная промышленная база?

Перечень подобных вопросов легко продолжить, причем все они свидетельствуют о существовании острых, болезненных и пока еще нерешенных проблемах. Но в чем же в конечном счете корень всех этих проблем? Почему в богатых арабских странах не все бедуины торопятся переселяться в небоскребы, предпочитая им своих верблюдов в бескрайних песках Аравийской пустыни? Почему в Иране цвет грамотной молодежи, студенты, так охотно помогли своим муллам установить в стране режим средневековой теократии? Почему во многих африканских и азиатских странах столь непропорционально большую для «нормального» капиталистического развития долю экономики берет под свой контроль государство, централизованный бюрократический аппарат, со всеми вытекающими из этого негативными для развития страны последствиями (коррупция, незаинтересованность в рентабельности и модернизации предприятий, экономическая неэффективность и т. п.)?

Почему, почему, почему?.. Нет никаких сомнений в том, что ответ в первую очередь следует искать в самой традиционной структуре неевропейских обществ – той самой, которая со времен античности стала резко, принципиально отличаться от европейской, где все было поставлено на службу частной собственности и собственникам и где за долгие века развития были созданы почти идеальные условия для динамичной эволюции с ее все ускоряющимися темпами. Конечно, неевропейский мир, будучи взломан европейским колониальным капиталом уже в XVI в., на протяжении ряда последних веков вынужден был приспособливаться к изменившимся условиям, следствием чего была некоторая трансформация его традиционной структуры. Иными словами, в неевропейских обществах возникали и понемногу утверждались те условия, которые в капиталистической Европе столь способствовали прогрессу. Тем самым колониальные страны как бы приближались к европейским стандартам, причем в силу

---

¹ Прогнозы обычно сводились к тому, что с помощью извне развивающиеся страны сравнительно быстро преодолеют отставание и станут практически равными развитым государствам, разве что сохранив при этом некоторую национальную специфику

² Проблема поисков альтернативного развития, и в частности экспериментов в марксистско-социалистическом духе, заслуживает особого разговора

необходимости проделывали это весьма быстрыми темпами – обстоятельство, способствовавшее созданию упоминавшейся уже иллюзии, что еще совсем немного – и неевропейский мир догонит капиталистический Запад. Однако во второй половине нашего века события, как о том шла речь, стали развиваться иначе. Что же случилось?

Случилось то, что европейские специалисты недооценили потенциал традиционной неевропейской структуры. Иллюзия ускорявшегося сближения, темпы которого достигли кульминации на рубеже XIX–XX вв., особенно в годы так называемого пробуждения Азии, скрыла реальную силу этого потенциала, который в то время был подорван общей для всего неевропейского мира кризисной ситуацией и не мог оправиться от энергичного давления вестернизации в экономике, культуре и иных сферах жизни. Это ослабление – более кажущееся, чем действительное, скорее внешнее, нежели глубинно-внутреннее, – рождало иллюзию быстрого и неизбежного крушения традиционных структур. Однако традиции оказались достаточно сильны, а более близкое знакомство с европейской культурой и свойственными ей материальными ценностями и ставкой на материальный успех в качестве ее генеральной установки тоже сыграло свою негативную роль в деле ослабления темпов вестернизации и способствовало усилению внимания к собственным фундаментальным религиозно-культурным ценностям и традициям, лежавшим в основе великих цивилизаций Востока. Этот феномен с особой силой проявил себя тогда, когда неевропейские страны обрели независимость и вплотную встали перед нелегкой проблемой выбора пути.

Вопрос о выборе пути всегда нелегок. Конечно, хотелось бы жить так, как живут на Западе, и иметь все то, что имеют развитые страны. Но по силам ли это развивающимся странам? И как, какими силами и средствами, какой ценой добиться этого?

Словом, развивающийся мир оказался перед нелегкой дилеммой: идти далее тем же путем и практически с теми же результатами, что и прежде, или резко изменить многие установки?

Разные страны Востока решали эту дилемму различно. Каждая делала свой выбор, выбирала собственный путь. Но кое-что при этом зависело и от объективных обстоятельств. И здесь важно ввести в анализ еще один важный фактор – момент культурной традиции, той великой цивилизации, в рамках которой исторически существовало данное общество.

Такого рода цивилизаций немного. Из числа активно функционирующих в наши дни и во многом определявших культурные традиции на протяжении многих веков, а то и тысячелетий необходимо назвать арабо-исламскую, индо-буддийскую, китайско-конфуцианскую. Можно упомянуть также латиноамериканскую и, с некоторыми оговорками относительно отсутствия внутренней цельности и единого для всех религиозного начала, африканскую. Конечно, в рамках каждой из этих цивилизаций есть немало внутренних различий, особенно в уровне развития, образе жизни, но при всем том каждая из перечисленных цивилизаций за долгие века и тысячелетия своего существования создала немало общего и цельного, свойственного только тем народам, культурам и традициям, которые формировались и существовали под воздействием этих цивилизаций и определявших их параметры религиозных доктрин.

Современная практика показывает, что наиболее удачно адаптировались в современном мире страны дальневосточной конфуцианской цивилизации во главе с Японией, которая продемонстрировала необычайные для остального неевропейского мира потенции – не столько глубинно-внутренние, сколько из сферы умения заимствовать, отбирать заимствованное и оптимально его использовать. Под влиянием Японии немалых успехов достигли и некоторые другие страны этого региона, включая и Китай, демонстрирующий в наши дни завидные успехи в развитии, особенно после радикальных реформ внутренней структуры. Совсем иначе обстоят дела, скажем, в странах Африки. Немалые проблемы возникли перед странами исламского мира, индо-буддийской цивилизации, а также перед народами Латинской Америки. Есть в этих проблемах много общего, характерного для всего современного развивающегося неевропейского мира, но немало и различий, восходящих к цивилизационным основам каждого из регионов.

Все это не ускользнуло от внимания специалистов, особенно после иранской революции, когда стали много писать о феномене фундаментализма и самоидентификации, т. е. о стремлении развивающихся стран ориентироваться более на собственные цивилизационные и религиозно-культурные истоки, нежели на вестернизованные обезличенные эталоны развития.

Появились новые концепции, авторы которых стремились объяснить современные процессы и ближайшие перспективы развивающегося мира с новых теоретических позиций, например с позиций теории синтеза, суть которой сводится к своего рода конвергенции, т. е. сочетанию определенных признаков и элементов европейской и неевропейской структур в рамках некоего генерального синтеза. Появилась также концепция, согласно которой выдвижение на передний план закономерностей социально-экономического процесса применительно к развивающемуся миру вообще едва ли оправданно и что следует отдать приоритет анализу прежде всего цивилизационного начала.

Несложно заметить, что все эти поиски и позиции исходят из признания того, что роль традиционных элементов в развивающемся мире следует решительно переоценить, что цивилизационная основа неевропейских стран отнюдь не поколеблена, даже окрепла и что наиболее вероятной перспективой является развитие этих стран с ориентацией на собственные фундаментальные ценности, на вековые традиции с учетом религиозно-культурных принципов и норм, соответствующих им социально-семейных отношений и всего образа жизни. Но все сказанное означает, что для более адекватного понимания протекающих в современном развивающемся мире жизненно важных процессов необходимо хорошее знание традиционных структур, в рамках которых эти процессы идут. Иными словами, нужно хорошее знание истории неевропейского мира.

Неевропейский мир и традиционный Восток – понятия не идентичные. Под словом «Восток» имеются в виду прежде всего страны Азии и Африки. И хотя при этом остаются в стороне вся Латинская Америка и некоторые другие районы мира, история Востока все же остается не только главным, но и типовым, эталонным образцом для понимания традиционной основы всего развивающегося мира. Другими словами, традиционный Восток – в определенном смысле ключ к пониманию проблем всего неевропейского мира. В этом актуальность его изучения, причем такого изучения, которое не сводится к вписыванию истории Востока в европоцентристские схемы, что не раз случалось в прошлом и что оправдывалось необходимостью соблюсти единство всемирно-исторического процесса. История Востока должна быть понята и описана такой, какой она была; она должна подвести к тому, что собой представляет Восток в наши дни.

Глава 2

Марксизм и отечественная историография о Востоке

Составить адекватное и тем более научно выверенное представление о Востоке, как древнем, так и современном, непросто по многим причинам. Но стократ сложнее добиться этого в условиях, когда не предвзятый взгляд исследователя ограничен идеологическими шорами, принудительно навязываемыми каждому. Именно в таком положении долгие десятилетия находилась отечественная историография, которая вынуждена была смотреть на мир глазами не столько даже явно устаревшего учения прошлого века, марксизма, сколько претендовавшей на истину и утверждавшей свои претензии грубой физической силой псевдонаучной дисциплины, созданной вульгаризаторами марксизма в нашем веке и получившей наименование исторического материализма (истмат). Хорошо известно, что истмат в нашей стране были обязаны изучать и сдавать все учащиеся, начиная со школьников-старшеклассников. Вульгаризмами истмата десятилетиями была пропитана вся наша наука, причем не только гуманитарная, общественная, что следовало бы считать в сложившейся в стране обстановке идеологического диктата само собой разумеющимся, но и весьма от нее далекая, например биология, а то и физика. И коль скоро дело долгими десятилетиями обстоит именно так, то неудивительно, что в умы наших современников засели и стойко там укрепились различные расхожие стереотипы истмата, будь то примитивное представление о том, что в древности повсюду были рабы и на труде рабов держался тогда мир, или еще более страшная мысль, что только насилием можно добиться царства свободы. Впрочем, истинным виновником этих и многих иных ложных стереотипов, на которых воспитаны поколения людей, был все же не истмат. Начать следует с Маркса и марксизма.

Маркс, марксизм и Восток

Учение Маркса в нашей стране известно хорошо, что избавляет в рамках предлагаемой работы от повторения его положений. Стоит остановиться лишь на самых основных его позициях, сыгравших решающую роль в судьбах, в частности, нашей многострадальной страны. Занимаясь политэкономическим анализом современного ему западноевропейского общества, Маркс в середине прошлого века пришел к выводу, что капитализм как социально-экономический строй запутался в противоречиях и должен погибнуть. А так как сам себя он уничтожить, естественно, не захочет, то это должен сделать его могильщик, пролетариат, который с помощью силы («насилие – повивальная бабка истории») обязан в огне революции ликвидировать класс капиталистов и тем самым освободить человечество, открыв перед ним двери свободы, прежде всего экономической, т. е. свободы от эксплуатации со стороны частного собственника, капиталиста, и светлого будущего. Светлое будущее в учении Маркса было названо социализмом, а суть его была определена опять-таки через посредство социально-экономических, политэкономических категорий. Это должно быть общество без классов и без эксплуатации человека человеком, общество без рынка и частных собственников.

Рынок, собственники, эксплуатация, капитализм – все эти понятия были жестко взаимосвязаны в политэкономической системе марксизма и осуждены им. Взамен предлагалось общество без этих социальных и экономических явлений. Какое общество, что такое социализм – на эти вопросы Маркс четкого ответа не дал, полагая, что будущее покажет. Главное – начать. Справедливости ради важно заметить, что марксизм строил все свои схемы и выводы на основе анализа западноевропейского капитализма и что Маркс и Энгельс к концу жизни видели, что история Западной Европы в XIX в. явно шла не в том направлении, как то предсказывалось марксизмом. Не удивительно, что последователи Маркса и Энгельса, их ближайшие ученики и преемники, начиная с Э. Бернштейна и К. Каутского, выбрали иной путь, путь социал-демократический, который в XX в. сыграл свою позитивную роль в реформировании капитализма образца XIX в.

Иначе сложилась судьба Восточной Европы. Несколько отставая в развитии и жадно внимая передовым учениям Запада, Восточная Европа и прежде всего Россия легко заимствовали в конце прошлого века марксизм. Марксизм в России, которая истари была более восточной, нежели европейской страной, нашел себе новую родину по ряду причин. Страна была в состоянии острого внутреннего кризиса, и все искали выхода из него. В поисках выхода лучшие умы привычно тянулись к Западу. Наиболее радикальной и детально разработанной доктриной революционного спасения был марксизм.

Конечно, марксизм не был рассчитан на отсталую страну, где капитализм как следует еще не сложился. Но зато можно было рассчитывать на помощь Европы. Важно начать, а там видно будет. Ведь не русскую революцию делать надо – марксизм учит делать мировую революцию. С этими исходными идеями и взялись за дело русские марксисты, становившиеся все более радикальными по мере углубления кризиса в стране на рубеже XIX–XX вв. Ленин и большевики успешно реализовали свои установки в октябре 1917 г., после чего под лозунгами марксистского социализма, диктатуры пролетариата, экспроприации экспроприаторов и вселенского насилия, классовой борьбы, во имя торжества грядущего класса (напомню, что пролетариат в марксистском смысле этого слова в России 1917 г. исчислялся лишь несколькими процентами) было начато кровавое побоище в нищей и отсталой стране.

Что было дальше, хорошо известно. Мировой революции не получилось. Сталин взялся осуществлять социализм в одной отдельно взятой стране. Что такое социализм, никто толком не знал: кроме красивых слов о свободе и светлом будущем, об отсутствии классов и частных собственников-эксплуататоров и о грядущем отмирании государства, которое будет заменено некими самоуправляющимися ассоциациями свободных производителей, в теории об этом ничего не говорилось. Ясно было одно: классы следует уничтожить, собственность ликвидировать, а вместе с ней и рынок. Со свободой в переходный период диктатуры и насилия следовало, естественно, повременить – нужно было сначала уничтожить всех несогласных. Об

отмирании государства и его органов принуждения и насилия тоже говорить не приходилось: кто же будет уничтожать врагов и заставлять остальных работать?! Что же касается самоуправляющихся ассоциаций производителей, то от них остались рабочие отряды в городе и деревне с фиктивным самоуправлением и под реальным руководством партийно-государственного аппарата власти. Так завершилось революционное преобразование общества по-марксистски.

Некоторые, особенно из числа правоверных марксистов, подчас видят в сталинизме упрощение и искажение истинного, будто бы гуманного марксизма. Что ж, благими намерениями, как говорится, вымощена дорога в ад. Можно попытаться свалить вину за неудачу в строительстве светлого социалистического будущего на тех, кто плохо строил. Но так ли это на самом деле? Разве не по заветам революционеров Маркса и Ленина строил свою империю Сталин? И разве только его крутой нрав и жестокость виновны в том, что вместо светлого будущего был построен ГУЛАГ? Ведь история не только стран Восточной Европы, которые были силой сориентированы на советский путь развития, но и тех стран, где советских войск не было, таких, как Китай, Вьетнам или Куба, подтвердила то обстоятельство, что общество, построенное в духе теории марксизма, обречено стать ГУЛАГом. Так в чем же просчет теоретиков?

Когда Маркс, занимаясь политэкономическим анализом западноевропейского капитализма, вплотную столкнулся с проблемой истоков и предшествовавших капитализму исторических типов общества, он не мог не обратить внимания на Восток. С Востоком Маркс был знаком в основном из вторых-третьих рук: он изучал труды таких авторов, как Бернье, был знаком с философской оценкой Востока Гегелем. Соответственно Восток вставал перед его глазами как нечто совсем не похожее на Европу, даже как бы противостоящее ей. Разница между тем и другим бросалась в глаза, и вопрос был лишь в том, как ее интерпретировать. «В общих чертах, – писал Маркс в предисловии к „Критике политической экономии“, – азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»³. Перед нами ряд способов производства, где «азиатский» занимает нижнюю ступень. При этом существенно оговориться, что имеется в виду не древневосточное общество, но именно Восток как нечто цельное, включая и современные Марксу государства, будь то Индия, Китай или Османская империя, не говоря уже о других, более мелких. Что же такое, по Марксу, «азиатский» способ производства и вообще «азиатский» Восток?

Сразу скажем, что к Азии в собственном смысле слова это определение не имеет отношения. Речь не о географии, а о социально-экономическом строе, а если глубже, то о природе типичной восточной общины, которая справедливо рассматривалась как определяющая структуру в целом, макроструктуру государства. Другими словами, основа восточной структуры – полное поглощение личности коллективом и соответственно отсутствие личности как самоценной индивидуальной целостности со всеми ее внутренними потенциями и особенностями. Но коль скоро так, то не может быть и речи о собственности европейского типа на Востоке, где отдельный человек «никогда не становится собственником, а является только владельцем», потому что он – «раб того, в ком олицетворено единое начало общины»⁴. Отсюда и вывод: отсутствие частной собственности – «ключ к восточному небу»⁵. И соответственно, как на то обратил внимание еще Гегель, наиболее существенной характеристикой восточного общества может считаться «поголовное рабство» там⁶.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.13. С.7.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.46. Ч.1. С.482.

⁵ Там же. Т.28. С.215, 221

⁶ Там же. Т.46. Ч.1. С.485

Итак, Маркс вполне адекватно оценил особенности классической восточной структуры. Показательно, что он, столь неравнодушный к классовому анализу, ни разу не употреблял понятие «класс» применительно к Востоку, включая и современный ему Восток. Там, где нет частной собственности, нет и не может быть места классам и классовым антагонизмам – так можно понять это умолчание. И это при всем том, что о частном владении и о социальных антагонизмах, скажем, в Индии, Маркс писал немало и охотно. Но если не класс, не частные собственники, то кто?

«Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. При таких обстоятельствах отношение зависимости может иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству. Государство здесь – верховный собственник земли. Суверенитет здесь – земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей»⁷. В этой пространной цитате мысль выражена наиболее четко: вставший над восточными общинами правитель и обслуживающий его аппарат власти, т. е. государство, – это не только символ коллектива, но и реальная власть. Власть, основанная на верховной собственности государя и государства.

Закljučая эту мысль, стоит еще раз сконцентрировать внимание читателя на том, что, по идее Маркса, в условиях отсутствия частной собственности на передний план выходит государство как верховный собственник и высший суверен, т. е. как высшая абсолютная власть над подданными. Государство в этом случае становится деспотией, правитель – восточным деспотом, а подданные оказываются в состоянии поголовного рабства (все рабы, каждый – раб перед лицом вышестоящего). Такое государство не выражает интересы господствующего класса собственников, ибо нет ни собственников, ни классов. Оно стоит над обществом, подавляя его собой.

Я напомнил об идеях Маркса по поводу «азиатского» общества и соответствующего способа производства не только потому, что сам на протяжении ряда десятилетий стремился именно эту идею противопоставить вульгарной схеме истматовских формаций (противопоставить Маркса истмату было единственной возможностью избежать повторения вульгаризованной истматовской схемы). Гораздо существеннее отметить, что сам Маркс хорошо понимал, что такое традиционный Восток, и, более того, хорошо видел, что альтернативой частному собственнику в истории человеческих обществ всегда было жестокое деспотическое государство. Почему же он не принял этот вывод во внимание, когда конструировал общество светлого будущего? Справедливости ради надо напомнить, что теория предполагала отмирание государства. Но ведь социальная революция шла под знаком диктатуры пролетариата – а что это, если не государство, да еще какое? Может быть, Маркс рассчитывал на разум передовых пролетариев, которые, используя рычаг диктатуры, сразу же ее демонтируют, потому что осознают, какой роковой силой в их руках оказывается это самое государство? Увы, об этом он, даже если и думал так, нигде не написал. Да и не учел он того, что столь желанная им революция и соответственно диктатура будут реализованы там, где капитализма еще почти не было и где хотя бы только поэтому враждебных передовому пролетариату классов окажется столько, что для уничтожения их необходимо будет сохранить диктатуру надолго. На такое долгое время, что она успеет институционализироваться и стать основой структуры задолго до того, как кто-либо станет всерьез говорить об отмирании государства, армии и прочих орудий принуждения и насилия. Словом, ситуация достаточно ясна.

⁷ Там же. Т.25.Ч.2. С.354

Реалии марксистского социализма и истмат о Востоке

Маркс умер в конце XIX в. Революцию по-марксистски делали в начале XX в. О чем же думали те, кто ее совершал, насколько они следовали рецептам Маркса? Следует сразу же отметить, что революционные постулаты марксизма лежали в основе большевизма, при всем том что и Ленин, и его учитель и предшественник по революционной борьбе в России Плеханов хорошо знали идеи об «азиатском» способе производства. Знали и даже примеривали их к полуазиатской России. Правда, Плеханов делал из этого сравнения логичный вывод, что Россия, будучи азиатской державой, принципиально отлична от антично-капиталистического Запада и что для революции по-марксистски она еще не готова. Ленин же, как известно, считал, что эта неподготовленность не имеет значения, что отсталость России будет ликвидирована при помощи передового Запада, а потому важно начать, а там видно будет... Ленинизм победил, и последствия этого в наши дни хорошо видны всем. Однако так было не всегда.

На протяжении долгих десятилетий идеология, ревностно отстаивавшая абсолютную истинность марксизма и ленинизма, ставила своей целью убедить всех в том, что марксизм и революция большевиков привели к успеху. Соответственно искажались факты и извращалась вся историческая картина. Злодеяния ГУЛАГа выдавались за благодеяния, неудачи рисовались как успехи, а внутренние структурные пороки нового строя не только всерьез не анализировались, но, напротив, всячески скрывались от глаз. Даже заговорить на эту тему считалось делом антинародным и подсудным, а уж исследовать и тем более опубликовать исследование означало злостно оклеветать строй и сулило автору долгие годы заключения, если даже не физическое уничтожение.

Неудивительно поэтому, что на смену объективному анализу в сфере общественных наук пришли сознательное искажение, иллюзорные построения, утопические идеи. Выдавать желаемое за действительное, иллюзии за реальность стало в нашей стране в некотором смысле профессией, особенно выгодной для тех, кто этой профессии не стыдился, а, напротив, активно и умело в ней преуспевал. Собственно, именно на этой основе и расцвел исторический материализм (истмат), главной конечной целью которого было убедить всех, что мы победоносно и успешно идем к светлому будущему.

Историческая схема истмата примитивна. Опираясь на Маркса, эта схема сформулировала пятичленную лестницу формаций (первобытность – рабовладение – феодализм – капитализм – социализм), которая была провозглашена обязательной для всего мира и для всех стран мира, если только эти страны просуществовали достаточно долго. В указанной схеме, как легко заметить, не было места Востоку, более того, она сознательно и принципиально отвергала идеи Маркса об «азиатском» способе производства. Факт исключительный, если иметь в виду, что каждое слово великого основателя ценилось на вес золота и цитировалось при всяком удобном случае. Те же, кто в свое время, в 30-х годах, пытался было упоминать об «азиатском» способе производства и применять соответствующие идеи Маркса для характеристики того, что происходило в странах Востока в XX в., плохо кончали. Этим было дано всем достаточно четко понять, что Сталин таких поисков не одобряет.

Почему Сталин не одобрял их, ясно как божий день. Ведь сама жизнь заставляла понять даже самых рьяных начетчиков: мало ли что думал Маркс относительно Востока, лучше об этом не вспоминать, ибо то, что описывал Маркс, слишком уж похоже на то, что происходит в стране победившего социализма... В обществе сталинского социализма не было частной собственности и рынка, как не было их на традиционном Востоке, во всяком случае в схеме Маркса (на деле, как о том будет идти речь далее, и частная собственность, и рынок на Востоке были, но они не были похожи ни на европейскую частную собственность, ни на европейский рынок). В советском обществе не было классов, как не было их в «азиатских» обществах по Марксу. Место частного собственника и господствующего класса в обществе победившего марксистско-сталинского социализма заняло всесильное государство с невиданным аппаратом насилия, что было характерно как раз для восточных деспотий. Словом, бросающихся в глаза аналогий было вполне достаточно, чтобы идеи Маркса об «азиатском» способе производства были как бы вычеркнуты из идеологических норм марксизма. Естественно, что перед истматом

встала задача компенсировать эту ликвидацию и объяснить феномен Востока иначе, не по Марксу. С этой задачей истмат справился с завидной легкостью.

Восток в его схеме – это интегральная часть мира. Конечно, Востоку свойственна специфика – но у кого ее нет?! И разве специфика мешает тому, что вся история человечества развивается согласно неким генеральным закономерностям, открытым именно марксизмом? Если весь мир долгие тысячелетия шел от первобытности к рабовладению, потом – к феодализму, затем – к капитализму и теперь – к социализму, то как же можно оставить Восток в стороне? Правда, кое-какие из стран Востока подчас отставали в своем развитии. Но это не беда. Опыт России показал, что через пропущенные этапы в развитии можно перескочить. А раз так, то и современные отстающие государства могут это проделать, было бы желание...

И действительно, практика исторического процесса XX в. свидетельствует о том, что некоторые из стран Востока, преимущественно наиболее отстающие и бедные, пытались было с помощью СССР преодолеть отставание и выйти на современные рубежи, опираясь на рецепты марксистского социализма. К чему это вело, сегодня уже хорошо известно. Но сам факт интересен: страны развитые, ради которых, собственно, и создавалась теория марксистского социализма, не принимали ее, зато слаборазвитые были готовы на это. Причем тем охотнее, чем более отсталой была их внутренняя структура, чем меньше преуспел европейский капитализм в ее трансформации в XIX–XX вв. Почему же?

И здесь мы снова возвращаемся к тому, почему истмат столь энергично отторгал идеи Маркса об «азиатском» способе производства: структурно страны Востока, о которых идет речь, наиболее близки к воспетому Марксом светлому социалистическому будущему. В них почти нет места частной собственности и свободному рынку, нет антагонистических классов, зато есть всесильное государство (эквивалент диктатуры пролетариата), готовое методами бесцеремонного насилия направить развитие страны по пути, который сочтут за благо для нее власть имущие. То есть на первом плане – власть и рождаемое ею насилие, вполне родственные и структурно близкие власти и насилию в стране победившего социализма. Страны победившего социализма в этом смысле – лишь модификация традиционно-восточной структуры. Конечно, модернизация и технический прогресс, индустриализация и урбанизация сильно изменили облик этих стран, в первую очередь России. Возникла иллюзия, что, сохранив свою внутреннюю структуру, основанную на насилии и всеисии государства, можно чуть ли не опередить капитализм. Но иллюзия эта рухнула под ударами жестокого кризиса, обнажившего все пороки бесчеловечной системы. И снова встал вопрос о классической дихотомии Восток – Запад. Оказалось, что марксистский социализм по советской модели – это именно модификация Востока, а не преодоленный Запад.

Сегодня этот факт до предела обнажил пустоту истмата, лживость его псевдонаучных схем. Однако то, что сегодня видно всем, давно было уже достаточно хорошо знакомо многим, особенно в нашей стране, которую это касалось едва ли не более, чем всех других. Неудивительно, что после Сталина стали все чаще появляться вначале робкие, но со временем все более настойчивые поиски альтернатив истматовской схеме. Многие из них отталкивались от идей Маркса об «азиатском» способе производства.

Отечественная историография Востока: поиски альтернатив

Русские востоковеды, хотя они и представляли собой до 1917 г. внушительный и уважаемый в мировом сообществе отряд специалистов, историей Востока и проблемами исторического процесса на Востоке интересовались сравнительно мало. После 1917 г. изучение Востока вначале вообще не привлекало внимания в немалой степени из-за того, что специалисты понемногу исчезали – старые умирали или эмигрировали, некоторые просто отстранялись от профессиональной деятельности, не умея вписаться в новую эпоху и удовлетворять требованиям революционеров, а новых практически не готовили. Позже, в конце 20-х и 30-х годах, появились специалисты нового поколения, причем основная их часть занималась современным Востоком, а точнее – проблемами революционного движения на Востоке, что строго соответствовало запросам того времени. В годы великих чисток значительная часть их – прежде всего те, кто интересовался проблемами «азиатского» способа

производства, хотя далеко не только они, – была уничтожена режимом, а оставшиеся надолго замолчали. Возродиться отечественное востоковедение стало понемногу лишь в послевоенные годы, во многих своих сферах практически заново, на голом месте, не имея ни устоявшихся научных школ, ни живых уважаемых учителей.

Неудивительно, что условия существования определили и характер послевоенного востоковедения: в большинстве своем оно было представлено людьми, привыкшими и умевшими хранить язык за зубами и не высказывать идей, которые хоть в чем-то расходились с официально признанной идеологией, в том числе и с теоретическими построениями истмата. Практически это значило, что послевоенное советское востоковедение в том, что касалось осмысления исторического процесса и особенностей внутренней структуры стран Востока, следовало, за редчайшими исключениями, букве истматовских схем, санкционированных правившим в стране режимом. Уклониться от такого рода схем означало поставить себя как бы вне закона, вне общества. Поэтому те, чья совесть не позволяла мириться с вульгарными схемами, уходили в такие сферы науки, где со схемами не приходилось иметь дела, во всяком случае на каждом шагу. И все же положение постепенно менялось. После войны в науку пришло новое поколение ученых, свободное от мертвящего страха, который навечно вжился в тех, кто пережил великие чистки. Усилиями этого нового поколения стало заново развиваться отечественное востоковедение, хотя справедливости ради необходимо признать, что позже в его состав влились и те, кто вышел из-за колючей проволоки, особенно после смерти Сталина и XX съезда КПСС.

Новый серьезный этап принципиального осмысления проблем Востока наступил примерно в 60-е годы и в значительной своей части вновь был связан с выдвижением на передний план идей Маркса об «азиатском» обществе. Толчком для этого послужили как объективная потребность объяснить феномен развивающегося мира, уже заявивший о себе и не вписывавшийся в привычные стереотипы («в отставании Востока виновен колониализм»), особенно после деколонизации Востока, так и начатая французскими востоковедами-марксистами (М. Годеле, Ж. Сюре-Каналь, Ж. Шено и др.) дискуссия по проблемам «азиатского» способа производства. Идеологическая оттепель позволила отечественным востоковедам включиться в дискуссии и высказать ряд неординарных точек зрения, достаточно далеких от санкционированных режимом истматовских идей. Однако большого развития дискуссия не получила, ибо была вскоре прервана под давлением власти. Наступило время реванша, отмеченное появлением ряда работ, авторы которых ревностно стремились отстоять истматовские схемы, причем делалось это уже не столь вульгарно, как прежде, что придавало отвергнутым жизнью схемам иллюзию некоей научности (наиболее наглядно это видно на примере монографии В. Н. Никифорова «Восток и всемирная история», М., 1975).

Впрочем, положительным результатом дискуссии было отвоеванное в теоретических боях право открыто выступать против пусть и господствующей, но уже не единственно возможной в отечественной историографии схемы всемирно-исторического процесса. Результатом этого были оживление теоретических исследований, повышенное внимание к соответствующим исследованиям за рубежом, начиная с таких маститых авторов, как Тойнби и Вебер. Постепенно специалистам становилось все более ясно, что не следует стремиться к единству мнений – а ведь такого рода стремление, заложенное марксизмом и истматом, было, что называется, в крови у каждого из наших исследователей-обществоведов на протяжении долгих десятилетий – и что, напротив, конечная ценность совокупной работы исследователей именно в том, чтобы каждый разрабатывал и отстаивал собственные позиции: пусть время и последующие поколения решат, кто из них оказался ближе к истине.

Следует оговориться, что вплоть до последних лет само собой как бы предполагалось, что любые научные поиски подобного рода должны вестись в рамках марксизма и на основе марксистской методологии. И если у кого и были сомнения по этому поводу, то они обычно на передний план не выдвигались. Только в самое последнее время, когда стали активно рушиться многие устоявшиеся стереотипы мышления, ситуация в этом плане решительно изменилась. Те, кто хотел высказывать альтернативные марксизму идеи и создавать на их основе собственные концепции, получили для этого широкие возможности. В частности, это нашло свое отражение

в том, что некоторые исследователи открыто подвергли сомнению святая святых истмата – схему формаций и сам принцип формационного объяснения истории. В качестве альтернативы было выдвинуто цивилизационное, в духе Вебера и Тойнби, ее объяснение или сочетание формационного и цивилизационного принципов при анализе исторического процесса. Существенно заметить, что среди специалистов, которые оказались наиболее активно вовлечены в теоретические дискуссии, востоковеды преобладают почти абсолютно. Это, впрочем, и неудивительно: именно с проблемами Востока, прошлого и настоящего, марксизм и истмат никогда не справлялись. Для решения этих проблем настоятельно требуются новые теоретические основы.

Как же обстоит дело с упомянутыми проблемами, как пытались решать их в отечественном востоковедении до недавнего времени и какие новые решения предлагаются в наши дни энергичной ломки устаревших стереотипов?

Концептуальное решение проблем Востока в современном отечественном востоковедении

Хотя за последние годы специалистами и сделан осознанный акцент на цивилизационные, религиозно-культурные факторы эволюции общества, важно отметить, что в историографии это отразилось пока еще весьма слабо. На первом месте в анализе факторов и причин продолжает оставаться именно социально-экономический анализ. Тут уж ничего не поделаешь: так воспитаны, на том стоим... Многие вполне искренне полагают, что это и есть – в строгом соответствии с духом и буквой марксизма – стержень, пружина развития. В какой-то степени так оно и есть на самом деле. Вопрос лишь в том, в какой степени. А применительно к изучаемому нами Востоку вопрос можно сформулировать примерно так: экономика или власть, собственность или государство? Что первично, что вторично, какая здесь взаимосвязь?

Собственно, найти правильный ответ на эти вопросы и есть то, что приблизит нас к истине. Но как обстоит дело с поисками ответа? И как результаты поиска проявили себя на сегодняшний день? Для полного ответа на эти вопросы нужно самостоятельное, специальное и солидное исследование. В рамках же краткого обзора можно сказать лишь об основных позициях и тенденциях. Для того чтобы результат был максимально адекватен реалиям, разделим генеральную тему на *три* части, отграниченные одна от другой хронологическими рамками.

1. Что касается доколониальных обществ, то применительно к ним вопрос стоит ныне примерно так: как следует оценивать исторический процесс на Востоке, начиная с неолитической революции и урбанистической цивилизации (древнейшие первичные протогосударства) и кончая предкапиталистическими раннеколониальными временами (XVI–XVIII вв.)? Господствующий в отечественной историографии идеологический стереотип десятилетиями исходил из того, что примерно до нашей эры все государственные структуры были рабовладельческими, а после того – феодальными (имея в виду не реальности феодализма как системы отношений, но абстракцию марксистско-истматовской формации). Было немало споров по вопросу о том, в чем суть несходства между рабовладельческой и феодальной формациями на Востоке и где должна быть грань между ними. Однако безрезультатность дискуссий на эти темы не подорвала господствующий стереотип: рабовладение и феодализм как формации на Востоке должны были быть, ибо марксистско-истматовская схема в этом смысле первична, а исторический материал вторичен (об изменении схемы не могло быть речи; материал так или иначе должен был быть втиснутым в схему, пусть даже с необходимыми оговорками).

За последние годы ситуация изменилась. Жесткость стереотипа стала очевидной даже для сторонников пятичленной истматовской схемы. Схему теперь стараются сделать более гибкой, дабы объяснение было бы хоть сколько-нибудь удовлетворительным перед лицом все увеличивающейся массы противоречащих ей фактов. Смягчается категоричность обобщающих определений. Признается большая роль общины и свободных земледельцев в древних (рабовладельческих) обществах Востока, фиксируется подчас даже преобладающая роль нерабского труда в них. Подчеркивается, что феодализм на Востоке в средние века был иным,

нежели в Европе, в частности, без помещиков с их барским хозяйством, даже кое-где без влиятельной наследственной аристократии, титулованной знати. Делаются еще некоторые уступки, смысл которых нередко сводится к тому, что ведущую роль государства в системе производства на Востоке вполне можно было бы воспринимать как своеобразную модификацию феодализма («восточный феодализм», «государственный феодализм»).

Следует заметить, что смягчение жесткой схемы, признание реалий, наличие многочисленных оговорок – все это в известной мере следствие дискуссий, свидетельство стремления преодолеть жесткость схемы вчерашнего дня, учесть ее критику, но при всем том обязательно сохранить единство всемирно-исторического процесса. Единство в том элементарном его смысле, что все известные истории общества в принципе должны были пройти в древности через один и тот же этап развития (рабовладельческая формация)⁸, а в средние века – через другой (феодальная формация). Слабость этого нового и в принципе позитивного подхода, однако, не только в том, что он по-прежнему смазывает, затушевывает кардинальную разницу между европейской и неевропейскими структурами в древности и в средневековье; гораздо существеннее то, что в нем все еще выходит на передний план хотя и смягченная, но априорная презумпция: в древних обществах основное усилие следует уделять поиску рабов, рабовладельцев и их взаимоотношений, а в средневековых, напротив, стараться не замечать тех же рабов и рабовладельцев, но зато суметь объяснить все реальные отношения (как правило, такие же, что и в древности) с иных, теперь уже «феодальных» позиций.

Как уже упоминалось, факт и его интерпретация тесно связаны между собой, но эта связь достаточно гибка в том смысле, что старая схема, восходящая к интерпретации фактов с позиций вчерашнего дня, долго продолжает господствовать в науке и тогда, когда новые факты настоятельно требуют иной интерпретации и новой схемы. Только что упоминавшаяся ситуация убедительно подтверждает закономерность подобного рода связи и к тому же еще раз напоминает, что в разных науках такого рода закономерность реализуется различно: в физике и технике – едва ли не автоматически и довольно быстро; в биологии подчас с драматическими коллизиями, но в конце концов тоже решительно и бесповоротно, а в общественных науках, и в частности в истории, пожалуй, всего труднее, что вполне понятно и объяснимо: интерпретация исторических фактов напрямую связана со столь деликатной сферой, как политика сегодняшнего дня. Но зато коль скоро этого требует именно политика, как о том уже шла речь в связи с феноменом развивающегося мира, то это означает, что перемены назрели и в нашей сфере науки. И это сегодня понимают практически все. Но достаточно ли простого понимания необходимости перемен?

Жизнь свидетельствует, что этого мало. И далеко не случайно, что после дискуссии 60–70-х годов в отечественном обществоведении с особой силой проявила себя тенденция к пересмотру устоявшихся схем и стереотипов. Появилось по меньшей мере несколько новых концепций. Авторы одних предлагают видеть в истории докапиталистических обществ единый социально-экономический этап развития, именуя его то феодальным (Ю. М. Кобищанов), то рентным (В. П. Илюшечкин), то неартикулированным, т. е. нечетко выраженным с точки зрения способа производства (М. А. Чешков). И хотя все эти концептуальные подходы существенно различны, по-разному разработаны, в них есть и нечто общее. Положительным в них является, безусловно, то, что все они подчеркивают сущностную одинаковость древних и средневековых неевропейских обществ, но недостатком следует считать то, что, стремясь к сохранению иллюзии всемирно-исторической одинаковости пути развития, авторы упомянутых концептуальных схем склонны, хотя и в разной степени, стереть не только явственно выраженную в истории Европы разницу между ее древностью (античность) и средневековьем (феодализм), но и, что гораздо важнее, принципиальную разницу между Европой и неевропейским миром.

⁸ Стоит заметить, что высококвалифицированные и признанные мировой наукой отечественные специалисты по Древнему Востоку во главе с И. М. Дьяконовым пошли на то, чтобы заменить одиозный термин «рабовладельческая» более нейтральным «древняя», что справедливее, на мой взгляд, даже по отношению к античности, не говоря уже о Востоке

С этих позиций более предпочтительными выглядят те концептуальные схемы, которые созданы историками, признающими в той или иной мере теорию «азиатского» способа производства. Среди специалистов, близких к этой проблематике, есть представители разных специальностей – политэкономы, философы, этнографы, востоковеды и др. Очень различно интерпретируют они и идеи Маркса о восточном обществе, и конкретные материалы, имеющие отношение к проблеме социально-экономического развития неевропейских докапиталистических обществ. Весьма характерно, что специализация того или иного автора отнюдь не ограничивает сферу его интересов и реализацию его идей, хотя соответствующий подход все же ощущается у историков, политэкономов, этнографов и т. п.

Особо следует упомянуть о тех из них, кто достаточно долго и всерьез разрабатывал и стремился применить на практике в более или менее широких масштабах теорию «азиатского» способа производства. Ю. И. Семенов, в частности, в ряде своих статей отстаивал идею неразвитости традиционных восточных и современных африканских обществ, видя именно в этом соответствие их эталону «азиатского» способа производства. Г. А. Меликишвили, не делая слишком ощутимого акцента на термине («азиатский» способ производства), особо подчеркивал важность роли государства на традиционном Востоке и незначительную роль рабовладения на Древнем Востоке. Серьезный вклад в разработку политэкономического аспекта «азиатского» способа производства внес Р. М. Нуреев. Стоит добавить к этому, что негласно аналогичные идеи высказывали ранее и те, кто, наподобие маститых специалистов в области древней истории А. И. Тюменева и Н. М. Никольского, писал свои работы тогда, когда вслух говорить на тему об «азиатском» способе производства было невозможно. А когда это стало возможным, об «азиатском» способе производства стали писать маститые ученые вроде экономиста Е. С. Варги или историка В. В. Струве, до того бывшего кем-то вроде апостола теории господства рабовладельческой формации на Древнем Востоке.

Резюмируя, можно заметить, что к идее «азиатского» способа производства в той или иной мере, по-разному ее интерпретируя, склонялось в разное время довольно значительное число серьезных специалистов. И если количество здесь долгое время не переходило в качество, а сами защитники идей об «азиатском» способе производства не получали признания, то причины этого следует искать, как упоминалось, не в научной весомости разработок, а в политическо-идеологическом неприятии идеи о всевластии государства.

В наше время, когда старые стереотипы решительно отброшены, а пересмотр извращенной истории стал насущной задачей дня, прикрываться щитом идеи Маркса об «азиатском» способе производства уже нет необходимости. Те, кто считает, что с позиций способов производства, формаций и вообще безусловной первичности политэкономического анализа исторический процесс, особенно на традиционном Востоке, не объяснишь, склоняется в сторону упоминавшегося уже цивилизационного подхода, т. е. к выдвигению на передний план историко-культурных процессов или к многофакторному анализу, в процессе которого цивилизационным особенностям будет уделяться главное внимание. Какой вид примут соответствующие исследования, особенно имея в виду богатый опыт Тойнби, пока не очень ясно. Будущее покажет. Но вполне очевидно одно: время абсолютно обязательного господства формационного политэкономического анализа в марксистско-истматовской интерпретации ушло в прошлое. Остались проблемы, которые будущим поколениям отечественных историков доколониального традиционного Востока придется решать заново – и, слава Богу, уже без оглядки на идеологические догмы.

2. Вторая группа проблем касается колониального Востока, стран Востока в период колониализма, т. е. примерно XIX и первой половины XX в. Здесь тоже немалый простор для споров. Еще недавно считалось, что эти проблемы основательно изучены, ибо их затрагивали в своих работах Маркс и Ленин. Сегодня стало очевидным, что именно поэтому все проблемы, связанные с колониальным Востоком, надлежит пересматривать, решать заново.

Перечислим хотя бы некоторые из проблем, которые заслуживают внимания. Можно ли считать колониальные общества Востока феодальными или полуфеодальными, как это до последнего времени у нас было принято? И если да, то в чем их «феодальность», чем она отличается от западноевропейского феодализма, который считается классическим? И везде ли

была эта «феодалность», какую роль нечто похожее на нее сыграло, скажем, в судьбах Турции и какую – в Японии? Далее. Правильно ли мы оцениваем феномен колониализма? О страданиях миллионов тружеников Востока от колониального гнета в нашей историографии написано очень много, при этом щедро использовалась черная краска. Но мало сказано о той исторической роли, которую сыграл колониализм в трансформации внутренней структуры традиционного Востока. А ведь с точки зрения проблем всемирно-исторического процесса, столь дорогого теоретикам марксизма и истмата, именно это следовало бы рассмотреть и оценить в первую очередь.

Наивен в свете современных событий европоцентризм, используемый при попытках периодизации истории стран Востока в XIX–XX вв. Конечно, это в каком-то смысле новая для Востока история. Но сам термин «новая» и его интерпретация в отечественной историографии неубедительны потому, что искусственно привязывают Восток и все серьезные происходившие в странах традиционного Востока процессы внутренней трансформации к произвольно выбранным датам европейской истории, например к датам, связанным с революциями в Англии или Франции. Для Востока важны и первостепенны критерии, сыгравшие решающую роль в процессе упомянутой трансформации. Поэтому гораздо уместнее говорить не о «новой истории» Востока и даже не об «истории Востока в новое время» (в обоих случаях имеются в виду европейская «новая история», «новое время» для капиталистической Европы), но именно о колониализме как эпохе, спровоцировавшей внутреннюю трансформацию. И, конечно, при этом следовало бы выдвинуть на передний план те самые историко-культурные, религиозно-цивилизационные факторы, которые сыграли едва ли не решающую роль в том, какую форму приняла трансформация той или иной страны Востока, того или иного цивилизационного региона. И еще одно: колониализм важен как провоцирующий критерий, не более того. Нельзя забывать, что в тот момент, когда бацилла колониального капитализма начала действовать в разных восточных регионах, Восток был во многих отношениях не менее процветающим, чем Европа, а где-то и в чем-то даже и более. Существуют серьезные специальные исследования (в отечественной историографии они представлены трудами А. М. Петрова), которые показывают, что даже в XVII–XVIII вв. колониальная торговля Европы с Востоком строилась таким образом, что за высокоценные и желанные европейцами пряности и иные раритеты Европа была вынуждена платить золотом и серебром (благо был приток американского золота и серебра с XVI столетия), а не своими товарами, которых у европейцев в то время для развитой торговли просто не было и в которых, к слову, богатый Восток в то время просто не нуждался.

Все стало решительно меняться только с XIX в., когда начался век машинной индустрии, фабричного производства, конкурировать с которым восточное хозяйство, в частности ремесло, не могло. И если иметь в виду не раннюю колониальную торговлю, не первые захваченные на Востоке торговые форпосты, а колониализм в полном смысле этого слова – тот колониализм, который стал коренным образом деформировать структуру зависимых неевропейских регионов, – то его следует датировать примерно именно рубежом XVIII–XIX вв. Именно к XIX в. относится и вызревание на Востоке комплекса социально-цивилизационной неполноценности, под знаком которого протекали основные реформы, усиливались различного рода вестернизаторские влияния, закладывались основы частнокапиталистического национального хозяйства и, как итог всего этого, обретали силу революционные национально-освободительные идеи, опиравшиеся прежде всего на заимствованные из Европы доктрины, от христианства до социализма, и проявившие себя в полную силу уже в начале XX в., в эпоху «пробуждения Азии».

3. Третьей и последней группой проблем, связанных с концептуальными построениями в современном востоковедении, следует считать те, с которыми наука стала иметь дело после второй мировой войны и особенно в связи с деколонизацией Востока и формированием феномена развивающегося мира. Здесь востоковедение вплотную смыкается с различными сложными проблемами политологии, мировой экономики и многими другими, от демографии до футурологии. Как о том уже шла речь в несколько другом аспекте, феномен развивающегося мира не просто сложен и противоречив – он к тому же весьма неоднозначен и непостоянен в процессе эволюции. Непостоянен не в смысле естественного развития заложенных в структуру

элементов, а в смысле непредсказуемости неожиданных поворотов этого самого развития.

Феномен развивающегося мира, представленный как традиционным Востоком, так и недавно вышедшей на историческую арену континентальной Африкой и прошедшей длительный процесс латинизации, который можно поставить рядом с процессом колонизации Востока, Америкой южнее США, в определенном смысле демонстрирует единство всего неевропейского мира, противостоящего развитым странам (теперь уже далеко не только Европе, хотя и прежде всего странам европейской культуры, если не считать особняком стоящую в этом плане Японию). Единство развивающегося мира не столько в его одинаковости в смысле истоков, сколько в сходстве стоящих перед ним проблем, начиная от развития и кончая политической независимостью и идейно-культурной самоидентификацией. Но, имея это в виду, следует все же заметить, что в конечном счете истоком всех современных проблем следует считать не что иное, как недавнее и более отдаленное прошлое, причем более свое прошлое, чем привнесенное колонизаторами, т. е. в конечном счете те потенции неевропейских структур, о которых уже не раз упоминалось.

Не рассматривая в деталях все существующие и связанные с развивающимся миром современные концепции в отечественной науке, важно напомнить о главных из них. Дело даже не в том, как объяснить причины отсталости Востока, как оценивать его современную структуру – делать ли акцент на многоукладности экономики, на силе общинных связей и корпоративных традиций, на мощи государства при слабости частнособственнической активности, на нищете быстро увеличивающегося населения и т. п. Важнее определить, в чем же ключ к решению всех этих и многих других проблем.

Если считать, что современный развивающийся мир, и в частности современный Восток, идет в основном по капиталистическому пути и отличие его от европейского капитализма более в количестве, нежели в качестве, скорее в темпах, нежели в принципе, – а такая точка зрения имеет немалое число сторонников, – то ключ еще в недавнем прошлом поневоле приходилось искать в хорошо разработанных марксизмом обстоятельствах становления европейского капитализма, что обычно и делалось, вплоть до деталей и частных случаев. Однако оперирование таким ключом смещало многие реальные плоскости. Например, сила восточного государства привычно приравнивалась к феномену бонапартизма, вызванного, как известно из работ Маркса, временным балансом классовых сил, оставляющих простор ставшему над ними государству. Но так ли это было на Востоке? Ведь там государство, даже согласно уже воспроизводившемуся анализу Маркса, было иным и играло иную социальную роль.

Если ставить вопрос о синтезе традиционного и современного в развивающемся мире, и в частности на Востоке, то опять-таки важно найти ключевой элемент: в традиционном он или в современном? Иными словами, что остается ведущим: идет ли Восток к капитализму или он «переваривает» капитализм, оставаясь при этом прежде всего Востоком, причем не только с точки зрения экзотики, но и в плане структурном, сущностном? Здесь могут быть разные ответы: одни делают акцент именно на синтезе, как то наиболее полно отражено в монографии коллектива авторов во главе с Н. А. Симонией «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного» (М., 1984), а другие предпочитают обратить внимание на структуру традиционного Востока и на его великие цивилизации, отнюдь еще не утратившие своего влияния и даже наоборот, убедительно продемонстрировавшие в недавние годы на примере Ирана, да и не только его, свою силу.

Если принять во внимание, что конец XX в., как об этом уже говорилось, резко изменил господствующие тенденции в развивающемся мире, практически покончил с существовавшим там прежде комплексом неполноценности и сильно ограничил западное влияние на соответствующие страны, которое сводится ныне прежде всего к революции в сфере материального потребления, в некоторой степени к восприятию массовой культуры, но практически почти не затрагивает фундаментальные стороны жизни, мировоззрения и традиций, основанных на религии, то станет очевидным, что многие из проблем современного Востока тесно связаны именно с фундаментальной традицией, мировоззрением, влиянием религии и культуры, с мощным воздействием цивилизаций, в русле которых веками и тысячелетиями рождались, вызревали и существовали страны и народы Востока.

Фиксируя упомянутые сложности, некоторые специалисты (наиболее обстоятельно

сформулировал эти позиции В. Л. Шейнис) поставили вопрос о невсеохватывающем характере формационного подхода. Если европейский капитализм есть прежде всего продукт развития европейского общества, европейской цивилизации, то приходится ли удивляться тому, что цивилизации Востока (и Латинской Америки) не вполне соответствуют ему, что существует диссонанс, даже драматический разрыв между теми формами социальной организации и ориентации общества, которые породили европейский капитализм и соответствуют его потребностям развития, и теми, что сложились в рамках иных цивилизаций и иной структуры и потому никак к капитализму не могут толком приспособиться. А коль скоро так, то существует не вполне еще ясная альтернатива: либо развивающиеся страны все же сумеют трансформировать свою внутреннюю структуру настолько, что она, включая и все цивилизационные ценности, будет соответствовать капитализму и приведет к успешному развитию (пример Японии свидетельствует о том, что это бывает), либо этого не произойдет. А может быть, у одних это получится, а у других нет, причем здесь тоже может сыграть немалую роль именно цивилизационное воздействие: культура труда в странах Дальнего Востока и в молодых государствах Африки, например, далеко не одинакова, что в немалой степени связано с традициями прошлого. То же можно сказать и о многих иных цивилизационных и мировоззренческих аспектах, о формах социальной интеграции и корпоративных связей, о религиозных традициях и т. п.

Реальна ли такого рода перспектива? Очень. Мало того, год от года она становится все очевиднее: одни развивающиеся страны быстро идут вперед, другие едва плетутся, третьи вовсе почти стоят на месте. Одни богатеют за счет своего труда, другие – за счет ресурсов (нефти); одни активно приспособляются к капиталистическому хозяйству (это касается прежде всего стран конфуцианской цивилизации дальневосточной культуры), другие, даже разбогатев, не очень-то тяготеют к нему.

Завершая краткий обзор основных концептуальных решений в связи с проблемами Востока, включая и современный, автор хотел бы обратить внимание на то, что выбор правильных решений и вообще правильная интерпретация фактов зависят от того, насколько полно воспринимаются и адекватно оцениваются сами факты. Собственно, именно эту цель – изложить основные факты из истории Востока и предложить адекватную их интерпретацию – преследует данная книга.

Часть первая Древний Восток

Глава 3

Ранние формы социальной организации и процесс генезиса предгосударственных институтов

История начинается на Востоке... Этот хорошо известный и ныне никем в принципе не оспариваемый тезис убедительно подкрепляется данными современной археологии, материалами палеографии и иными первоисточниками. Но как конкретно шел исторический процесс? Как именно начиналась эта история? Речь ведь не только о развитии материальной культуры – об этом вполне достаточное представление дают археологические находки, по которым можно проследить все этапы становления образа жизни древнего человека, от первых раннеолитических поселений до ранних государств Египта или Двуречья. Для теоретического анализа – а именно он в данном случае стоит на первом месте – много существеннее выяснить этапы развития структуры в целом, т. е. попытаться найти и проследить процесс развития основных социальных, социокультурных, социально-экономических и административно-политических институтов. Причем речь идет о самых общих принципах возникновения и становления этих институтов. Иными словами, перед нами стоит задача сконструировать нечто вроде идеальной совокупной модели, генерального эталона,

ориентируясь на который можно было бы представить, хотя и с определенными вариантами, возможный ход формирования предгосударственных институтов, а затем и государства.

Для решения этой задачи современная наука немало сделала. Следуя по пути тщательного изучения многочисленных отсталых и примитивных обществ, этнографы и антропологи – а это очень большой отряд специалистов, активно действующих в сфере культурной, социальной, экономической, политической, даже философской антропологии – не только собрали гигантское количество материалов полевых обследований, но и детальнейшим образом изучили и сопоставили друг с другом эти материалы. На основе этих сопоставлений были сделаны серьезные выводы, способствовавшие выявлению некоторых общих закономерностей формирования и развития примитивных социальных структур, возникновения в недрах этих структур институтов, способствующих их эволюции. Многое из сделанного, особенно в XX в., значительно изменило существовавшие прежде представления. Это коснулось, в частности, проблемы матриархата – ныне считается общепризнанным, что такого этапа в развитии общества никогда не было, что следует говорить лишь об обществах, где господствуют принципы матрилинейности и матриликальности, причем эти общества ничуть не древнее и не примитивнее патриархальных, просто они иные, функционируют, с социально-семейной точки зрения, в несколько иной форме. Это затронуло также и некоторые формы описанных в свое время Л. Г. Морганом, а за ним и Ф. Энгельсом брачных связей и систем родства. Современная наука отвергла и универсальность так называемого института «военной демократии», значение которого в XIX в. было преувеличено тем же Морганом. Были поставлены под сомнение и некоторые другие устоявшиеся понятия, как, например, племя, о чем пойдет речь ниже. Были выдвинуты и разработаны многие новые термины, объясняющие заново вскрытые и изученные явления и процессы, о чем тоже будет сказано далее. Словом, едва ли не самым важным итогом развития антропологии XX в. следует считать опровержение многих из тех положений, которые были сформулированы в прошлом, включая и считавшиеся у нас долгое время классическими и потому абсолютно истинными постулаты марксизма, не говоря уже о вульгарных построениях истматовской теории формаций.

Генезис социальных связей: реципрокный обмен

Человеческое общество, выделяясь из породившей его живой природы, уже на заре истории противопоставило природным инстинктам культуру, т. е. такую систему норм, символов и связей, которая стала заметно отличать людей от животных. Именно культура уже в ее самой ранней форме легла в основу общества, практически создала общество как совокупность людей, связанных общими потребностями и целями и взаимодействующих ради их удовлетворения, как в конечном счете упорядочение, т. е. организацию, основанную на общепринятой и обязательной системе норм. Но с чего началась сама культура, т. е. нормативная система, отличная от биологической системы запретов?

Как утверждает известный французский антрополог К. Леви-Строс, первоосновой социокультурного начала была сексуальная реформа, запрет инцеста, что породило систему упорядоченных коммуникаций, основанную на принципе эквивалентного обмена. Обмен женщинами, дочерьми и сестрами, ограничивший беспорядочное половое общение в рамках первобытного стада и породивший ранние формы жестко фиксированных брачных связей, способствовал установлению нормативного родства, в связи с чем были определены старшинство поколений, брачные классы и в конечном счете основанные на этом родовые и родоплеменные общности. Фундаментальный принцип эквивалентного обмена-дара стал затем основой основ существования всех ранних обществ. Обмен словами и знаками-символами способствовал становлению определенных норм общения, обмен пищей и предметами обихода вел к укреплению социальных связей, к созданию более или менее устойчивой структуры, без чего складывавшееся человеческое общество просто не сумело бы выжить.

Процесс генезиса социальных связей, протекавший, видимо, параллельно с процессом сапиентации и распространения сапиентного человека на ойкумене, привел к становлению таких ранних форм социальной структуры, реальное существование которых можно проследить и в XX в. Тот же Леви-Строс, тогда еще начинающий антрополог, провел в свое время

несколько недель с группой индейцев намбиквара в районе Амазонки. Общность намбиквара, как она была затем им описана, состояла из неустойчивых локальных групп, состав которых обновлялся практически ежегодно. Во главе группы из нескольких парных семей с детьми и ряда неженатых стоял признанный ею глава, в функции которого входило вести, объединять, организовывать и за все отвечать – будь то выбор стоянки, сезонная работа или конфликт, не говоря уже о военном столкновении с враждебными группами. Лидер обязан был все знать и уметь лучше других – потому он и избирался лидером. Но главная его функция сводилась к тому, чтобы щедрой рукой раздавать другим все то, что ему удавалось сделать, добыть, приобрести. В обмен за эти щедрые раздачи он по закону эквивалента приобретал высокий престиж, способствовавший его авторитету в группе (слово лидера – закон для остальных). Кроме престижа на долю главы группы выпадала одна, но весьма существенная привилегия: право на несколько жен, в отличие от остальных мужчин группы. Реализация этого права порой создавала половой дисбаланс, но группа мирилась с этим во имя общих интересов: хороший лидер стоил немало, а если он оказывался плох, группа быстро распадалась.

Итак, фундаментальный принцип эквивалентного обмена в описанной структуре не только активно действует, но и способствует процветанию, даже существованию группы, являясь условием *sine qua non*. Дело в том, что полученные в обмен на щедрую отдачу незаурядной личности престиж и привилегии энергично включают амбиции способных, являются мощным стимулом для тех, кто хочет включиться (а хотят не все; Леви-Строс отмечал, что не всякий, на которого падал выбор, соглашался стать лидером) в соревнование за престиж, отдавая ради этого группе все свои силы и способности. Соответственно престиж и авторитет едва ли не с первых шагов общества становятся своего рода вершиной социальных ценностей. Но почему все именно так, а не иначе? И насколько подобного рода структура может считаться типичной, а не случайной?

Причины закономерности ее вскрывают исследования экономантропологов. Первобытный коллектив охотников и собирателей обычно невелик – в среднем 20–30, иногда 50 человек. Каждая группа имеет свою территорию обитания в пределах района, занятого данной этнической общностью, и находится на полном самообеспечении, хотя при этом она может быть связана взаимобменом с соседями. Фундаментальный принцип существования локальной группы – ее эгалитарность. Система добычи, распределения и потребления пищи здесь основана на строгой уравнительности, но с учетом ролевых функций: между мужчинами и женщинами, старшими и младшими, взрослыми, стариками и детьми всегда существовало определенное и строго фиксированное неравенство в потреблении, генетически восходящее к аналогичному неравенству и в рамках стаи животных. Социальные права и обязанности членов группы (опять-таки с учетом ролевых функций) одинаковы. Все имеют голос. Каждый волен принять самостоятельное решение вплоть до разрыва с группой.

Есть соблазн видеть в этой эгалитарности и свободе принятия решения нечто вроде первобытной демократии. Стоит заметить, что современная антропология этим термином, по крайней мере в XX в., обычно уже не пользуется. И не случайно: гораздо больше оснований говорить о жестком конформизме группы, о строгой необходимости для каждого полностью соответствовать сложившимся ожиданиям под угрозой изгнания из общества (уже не только из данной группы), чем о свободе мнений и поведения. Словом, эгалитаризм – это далеко не демократия. В экономическом же аспекте суть его сводится к тому, что каждый член группы, вне зависимости от его личного вклада, имел право на долю коллективного продукта уже в силу своего членства в ней.

Таким образом, потребление в группе коллективное. Без этого уравнительного потребления группа не смогла бы выжить и обеспечить нормальное воспроизводство, не говоря уже о расширенном. Но если потребление было коллективным, то добыча пищи чаще всего была индивидуальной (если не говорить, скажем, о коллективной охоте на крупное животное, что бывало далеко не у всех и не всегда), и в ходе ее один приносил больше, другой меньше. Если учесть, что добыть пищу старались все – попытки отлынивания случались редко и вызывали столь явно выраженную реакцию в виде презрения и насмешек, что в обществе, где престиж ценился очень высоко, это было по сути невыносимым наказанием, – то все сводилось к тому, сколько сил, способностей и удачи у каждого, кто сколько может добыть. Те, кто

приносил больше других, как раз и приобретали престиж и авторитет; именно из их числа выбирали лидеров.

Экономический аспект генерального принципа системы эквивалентного обмена, основанной на уравнительности, антропологи обозначили термином «реципрокность» (от лат. *reciprocus* – двигать туда-сюда, возвращать обратно). Первоначальная суть реципрокного обмена сводилась к тому, что каждый вносил в общий котел, сколько мог, и черпал из него, сколько ему полагалось, тогда как разница между отданным и полученным измерялась в терминах социальных ценностей и выражалась в форме престижа и связанных с ним привилегий.

Будучи едва ли не первым универсальным механизмом функционирования человеческого общества на ранних этапах его существования, реципрокный обмен сыграл решающую роль в последующем развитии общества, в конечном счете в разложении той эгалитарной структуры, которая вызвала его к жизни и существовала на его основе. Включение престижных амбиций способных и удачливых индивидов, вызванное к жизни активным функционированием реципрокности, вело, с одной стороны, к выходу на передний план принципа меритократии, т. е. выдвижения способных и честолюбивых, претендующих на престиж и авторитет, которые со временем все более явственно выделялись над средним уровнем и соответственно обретали привилегии, а с другой – к увеличению общей массы потребляемой пищи, к созданию за счет усилий амбициозных и удачливых охотников своего рода избыточного продукта.

Проблема избыточного продукта сложна. Речь не об абсолютном избытке, во всяком случае не о нем в первую очередь. Имеются в виду излишки по сравнению с нормой (жизнеобеспечивающим продуктом, по определению Ю. И. Семенова). В группах, живших в сравнительно богатых дичью районах, удачливые охотники чаще, чем где-либо еще, приносили богатую добычу, причем со временем выработалась норма, согласно которой принесший добычу имел право сам распорядиться ею. Конечно, при этом соблюдались веками сложившиеся нормы потребления в группе, но право распределения означало, что пища приносится как индивидуальный дар. Здесь лишь легкое смещение акцента, однако в условиях сравнительного избытка оно вело к появлению привилегий. Стало считаться само собой разумеющимся, что обладающий престижем удачливый охотник заслуживает определенных социальных привилегий. Материальный достаток, таким образом, обменивался на престиж, престиж сопровождался некоторыми привилегиями, и все это опиралось на признанный и почитаемый принцип меритократии. Оставался лишь шаг до социального неравенства. И вскоре этот шаг был сделан, правда, уже в новых условиях, когда на смену обществу собирателей пришли коллективы производителей пищи, земледельцев и скотоводов.

Ранние формы неравенства и система редиистрибуции

Неолитическая революция и переход к регулярному производству пищи способствовали заметному росту избыточного продукта, что дало резкий толчок изменению форм социальных отношений, менявшихся параллельно с появлением нового образа жизни в виде оседло-земледельческих поселений и общинной организации. Непрочные у собирателей парные семейные ячейки при переходе к оседлости и систематическому производству пищи трансформировались в более крепкие и достаточно многочисленные семьи, даже семейно-клановые группы, заменившие собой локальные группы бродячих охотников. Группа близких родственников – потомков одной семейной пары, чаще всего по одной определенной линии, мужской или женской, – вместе с их брачными партнерами и детьми обычно представляла собой низовую семейно-клановую ячейку, построенную по нормам строгой экзогамии и имевшую тенденцию к разрастанию в систему родственных кланов.

Именно такие семейно-клановые группы стали первичной ячейкой оседло-земледельческого (а позже и кочевого) общества, что, в частности, хорошо прослеживается антропологами на материалах полевых обследований многих народов Африки. Главой группы обычно являлся отец-патриарх, имевший одну или несколько жен и проживавший со своими детьми, нередко тоже уже женатыми, а также братьями с их женами и иными родственниками и домочадцами в рамках единого общего домохозяйства, своего рода

замкнутого компаунда. На территории компаунда каждая женщина с ее детьми имела, как правило, свою хижину (строение с кухней); хижины были и для мужчин, иногда отдельное жилище предоставлялось главе группы. Тут же располагались хозяйственные постройки, амбары, хлевы и т. п. Среднее число взрослых в компаунде, по некоторым подсчетам, составляло семнадцать – двадцать человек. Внутренние связи в семейной группе были неизмеримо жестче тех, что связывали между собой членов кочующей локальной группы охотников и собирателей. Соединенные не по собственной воле, а по случайности рождения строгими нормами брачно-родственных уз, члены семейной группы уже не являлись собранием равных, различавшихся лишь по полу и возрасту. Пол, возраст, принадлежность к определенному поколению и брачному классу, наконец, место в группе, связанное с нормами брачно-родственных уз и случайностью рождения, – все это стало играть важную роль и фиксировать определенный статус каждого. Следствием было возникновение неравенства, выражавшегося обычно в системе социальных и возрастных рангов.

Итак, неравенство в его простейшей модификации – ранговое; суть его в том, что в рамках данной общности четко фиксировалось ограниченное количество позиций высокого статуса, значительно большее – среднего и практически неограниченное – низшего. Низшие ранги имели члены семейно-клановой группы: люди женатые, но не имевшие собственного самостоятельного хозяйства; прошедшие через обряд инициации юноши и девушки, считавшиеся взрослыми; дети и подростки. На самом низу – прибившиеся к коллективу чужаки-аутсайдеры. Глава семейной группы в качестве социального лица имел на этом фоне более высокий ранг, соответствовавший его реальному статусу лидера группы и распределителя хозяйства. Его вполне можно сопоставить с лидером локальной группы охотников, хотя разница между тем и другим достаточно велика.

Прежде всего своим положением отец-патриарх обязан не случайности выбора и тем более не собственным заслугам, а случайности рождения или обстоятельств, превративших его в старшего среди группы более младших родственников его поколения и следующих поколений. Соответственно и его позиция в группе прочна и неколебима; это своего рода пожизненный статус, независимый от воли, настроений или пожеланий членов группы. Неравенство между ним и остальными членами его группы очевидно, хотя и еще весьма условно. Что же касается функций, то они частично те же, что и у лидера локальной группы: определение характера деятельности для всех, забота о благосостоянии коллектива, принятие решения в конфликтных ситуациях и т. п. Однако есть и немало новых функций, требующих определенных способностей и действий, причем иного, нежели раньше, характера. Во-первых, к числу основных достоинств патриарха относятся не столько качества умелого и ловкого добытчика, сколько опыт знающего администратора и организатора, умеющего предвидеть ход событий и планировать дела, принимать нужные меры, связанные с решением комплекса хозяйственных забот земледельцев. Во-вторых, иной характер принимает борьба за достижение и постоянную реабилитацию престижа, который в социальной системе ценностей землевладельцев-общинников стойко продолжает занимать центральное место и играть едва ли не решающую роль в важнейших делах.

В рамках группы авторитет главы незыблем в силу того, что члены семьи отчетливо ощущают свое зависимое и подчиненное положение. Но зато на передний план выходит задача завоевать авторитет вне группы, в рамках общинной деревни. И вот здесь-то в наибольшей степени проявляется имущественное и социальное неравенство, которое уже существует в ранних земледельческих (равно как и скотоводческих) общинах. Речь идет о господствующей системе распределения продукта, причем не только избыточного.

Глава семейной группы еще не собственник, не хозяин всего ее имущества, которое по-прежнему считается общим, коллективным. Но благодаря своему положению старшего и ответственного руководителя хозяйства и жизни группы он приобретает права распорядителя. Именно от его авторитарного решения (а в рамках семьи демократии еще меньше, чем в эгалитарных структурах) зависит, кому и сколько выделить для потребления и что оставить в качестве запаса, для накопления и т. п. Он же определяет, как распорядиться излишками, использование которых тесно связано с взаимоотношениями в общине в целом. Дело в том, что семейная ячейка, будучи частью общины, занимает в ней определенное место, а место это, в

свою очередь, зависит от ряда факторов, объективных и субъективных.

Проблема ресурсов в общине на раннем этапе ее существования обычно не стоит – земли хватает всем, как и прочих угодий. Правда, кое-что зависит от распределения участков, но это распределение производится с учетом социальной справедливости, нередко по жребью. Другое дело – факторы субъективные, столь ощутимо проявлявшие себя в локальной группе и, пожалуй, еще более заметные в общине, хотя и в несколько ином плане. Одни группы многочисленнее и работоспособнее других; некоторые патриархи умнее и опытнее остальных. Все это сказывается на результатах: одни группы оказываются крупнее, зажиточнее, другие – слабее. Менее удачливые расплачиваются тем, что их группы становятся еще малочисленнее, так как на их долю не достается либо достается меньше женщин – следовательно, меньше и детей. Словом, неизбежно возникает неравенство между группами и домохозяйствами. Оно не в том, что одни сыты, другие голодны, ибо в общине надежно функционирует все тот же механизм реципрокного обмена, который играет роль страховки. Но как теперь функционирует этот традиционный механизм? Как реализуется материальное неравенство?

В общине всегда есть несколько высших престижных должностей (старейшина, члены совета), обладание которыми не только повышает ранг и статус, но также и резко увеличивает авторитет, порой предоставляет некоторые привилегии. Чтобы занять позиции высокого ранга и статуса, домогающиеся их претенденты, в основном из числа глав семейных групп, должны либо продемонстрировать высокие личные достоинства и способности, либо приобрести немалый престиж примерно тем же способом, как это делалось в локальной группе, т. е. посредством щедрых раздач излишков пищи. Но если в локальной группе претендент отдавал добытое им самим, то теперь глава группы мог раздать то, что было добыто трудом всей его группы, имуществом которой он имел право распорядиться. Иными словами, господствует все тот же фундаментальный принцип эквивалента, но древняя практика реципрокного обмена в этом пункте оттесняется специфической системой перераспределения, детально охарактеризованной К. Поланьи и получившей наименование редистрибуции.

Согласно формулировке американского антрополога М. Фрида, путь от эгалитарного общества к ранговому и есть движение от реципрокности к редистрибуции. Редистрибуция как важнейший полит-экономический принцип возникает с того момента, когда средства коллектива и тем более его избыточный продукт оказываются в распоряжении главы группы. Посредством щедрых демонстративных раздач глава процветающей группы повышает свой престиж и занимает более высокое положение в общине, как это изучено антропологами, исследовавшими, в частности, папуасские общины.

Система престижных раздач у папуасов вела к тому, что заколовший сразу всех своих 30–40 свиней глава процветающей группы щедро угощал мясом в дни какого-либо торжества всю деревню. Закон эквивалента требовал от всех угощавшихся вернуть принятый дар. Но поскольку сделать это в материальной форме могли далеко не все⁹, разница возвращалась претенденту на престиж и высокий статус (современные антропологи называют таких претендентов бигменами) в форме обязательств и отношений зависимости. Слабые становились в положение клиентов по отношению к бигменам. Голоса клиентов, помимо прочего, обеспечивали успех на выборах общинной верхушки.

Дарение возвышает, принятие дара принижает – этот вывод был детально обоснован французским антропологом М. Моссом и имеет весьма широкое распространение, касается едва ли не всех сфер человеческих взаимоотношений. Генетически принцип такого рода дарообмена восходит все к тому же фундаментальному принципу эквивалента, о котором уже не раз упоминалось. Практическое применение его известно и в древней, и в новой истории. Применительно же к первобытности он наиболее заметно проявлял себя в форме института потлача, изученного на примере американских индейцев. Суть потлача сводилась к тому, что соперничавшие главы коллективов стремились раздать, потребить, а то и просто уничтожить – но обязательно в присутствии соперника, при его участии – как можно больше продуктов и

⁹ Специальное исследование показало, что это практически могли сделать лишь четверть принявших дар – а уклониться от дара невозможно

добра. Преуспевший в этом считался победителем, и его престиж резко возрастал.

Администрация в земледельческой общине

Папуасский бигмен – это кандидат в общинные лидеры, причем есть основания считать, что институционализация руководства общиной шла именно в ходе отбора и спорадических перевыборов претендентов из числа подобных кандидатов. Некоторые публикации, в частности Н.А. Бутинова, свидетельствуют о том, что у папуасов наряду с общинами, уже имевшими признанных выборных старейшин, были и такие, где лидера как такового еще не было, т. е. община существовала без старейшины.

Главы общин и общинных советов в более крупных общинах, равно как и члены этих советов, обычно избирались при соблюдении более или менее демократической процедуры: личные достоинства, социальный ранг, достигнутый щедрыми реципрокными раздачами престиж, количество поддерживавших кандидата клиентов – все играло свою роль. Но мало добиться должности – нужно было постоянно подтверждать свое право занимать ее, т. е. реабилитировать свой престиж и авторитет. И это условие диктовалось обстоятельствами: не имея никаких средств принуждения, общинный старейшина мог действовать в критической обстановке или при решении конфликтных ситуаций, опираясь только на свой престиж, а престиж добывался прежде всего традиционным способом реципрокных раздач. Неудивительно поэтому, что по меньшей мере на начальных этапах должность главы общины была связана более с расходами, нежели с доходами (к слову, так было и при отправлении должностей в ранних античных полисах): старейшина общины, обладая правом распоряжаться ее достоянием и избыточным продуктом, обычно хранившимся в общественных амбарах и складах, должен был регулярно устраивать щедрые угощения, открывая при этом не столько общественные, сколько свои амбары. Скуповатый старейшина не мог рассчитывать удержаться у власти, а иногда вместе с нею терял и жизнь.

Функции общинного лидера, тем более главы крупной, разросшейся общины, подчас разделенной на кварталы или состоявшей из нескольких соседних деревень, достаточно сложны и многообразны. В некотором смысле это уже функции политического администратора. К их числу относились регулярное перераспределение участков пахотной земли между численно менявшимися группами и небольшими семьями (коль скоро возникали такие), обеспечение справедливого пользования общинными ресурсами и угодьями, организация общественных работ, взаимоотношения с соседями, включая межобщинный обмен и ритуальные акции, и т. п. На лидера возлагалась и важная функция верховного редистрибутора, т. е. распорядителя как коллективного достояния общины, о чем уже было упомянуто (раздел земель и угодий), так и ее избыточного продукта, хранившегося в общественных амбарах. Но каким образом собирался этот продукт?

За всю свою непростую и, главное, необходимую для нормального существования общины работу старейшина обычно получал от глав семейных групп, которым он формально вручал их участки и права на определенные угодья, подарки – вначале спорадические и даже необязательные, но со временем становившиеся нормой и регулировавшиеся обычаем. Эти подарки, равно как и участие всех в строительстве большого дома для главы общины и его жен, всей его большой семьи (дом старейшины, как правило, выделялся размерами), являли собой тот эквивалент, который старейшина получал от коллектива за свой общественно полезный труд. Вначале эти подарки в форме пищи, зерна хранились в амбарах и не вели к заметному обогащению лидера, больше раздававшего, чем получавшего. Но со временем их накапливалось все больше, а глава общины все более определенно превращался в глазах коллектива уже не просто в распорядителя, но в «хозяина земли», раздававшего ее как бы от своего имени и за то имевшего право на налог, которым он был волен распоряжаться по своему усмотрению. Это означало, что объективная потребность разраставшегося и усложнявшегося коллектива в управлении и централизованном регулировании в форме редистрибуции избыточного продукта вела к появлению должностных лиц, обладавших престижем, авторитетом, привилегиями и облеченных властью, т. е. очень заметно отличавшихся по своему реальному статусу от рядовых производителей.

Итак, вставший над общиной старейшина приобретает над нею определенную власть. Существует множество определений понятия «власть». Классическая формула М. Вебера сводится, например, к тому, что власть – это возможность осуществлять свою волю вопреки сопротивлению тех, кого это затрагивает, либо при согласии их. В триаде престиж – авторитет – власть вершиной и конечной целью амбициозного честолюбца является достижение реальной власти, т. е. возможности в конечном счете не только руководить, но порой и навязывать свою волю управляемому коллективу, что означало достижение высшей точки на общепризнанной шкале социальных ценностей. Хотя власть старейшины была так называемой властью положения, опиралась только на престиж и авторитет, да еще к тому же довольно дорого стоила ее обладателю, к ней стремились многие. И не приходится удивляться: шкала социальных ценностей говорила сама за себя – все, кто был готов к этому, обычно включались в негласное соревнование за достижение ее вершины.

Но что дальше? Как существует община в окружающем ее мире? Каков характер связи ее с соседями, тем более с этнически родственными ей общинами? Что такое племя?

Социологи и антропологи подвергли обстоятельному анализу феномен механической солидарности разраставшихся на основе сегментации семейно-клановых групп многочисленных родственных кланов в зоне обитания данной этнической общности. Базирующаяся на общности происхождения, культуры, языка, спаянная ритуальными нормами (обряды инициации, мужские дома, празднества) и легендарно-мифологической традицией, такого рода общность, обычно всегда именовавшаяся племенем, подчас исчисляется сотнями тысяч. Именно в ее недрах фиксируется солидарность, которая реализуется автоматически, но подчиняется законам энтропии: сила ее убывает с увеличением дистанции, как социально родственной, так и территориальной (феномен убывающей этнической солидарности). Консолидирующий импульс здесь возникает лишь в экстраординарной ситуации, чего оказывается достаточно для сохранения общности, которая в ординарном, обычном состоянии вновь автоматически распадается на аморфную сумму общин – каждая во главе со своим лидером, как это наглядно видно на примере общностей тив и нуэр в северной Нигерии.

М. Фрид резонно предложил отказаться от наименования таких аморфных общностей племенем и закрепить название «племя» за теми, чья структура близка к протогосударственной. Согласно его концепции, конституирующей протогосударственную структуру импульс становится устойчивым, если угроза общности извне оказывается постоянной, – именно в этом случае возникает племя как структура во главе со своим вождем. Но для того чтобы такого рода процесс кристаллизации общности произошел, чтобы аморфная общность превратилась в племя, требовалось существование рядом с ней сильного соседа, в котором все эти процессы уже прошли. Иными словами, племя как политическая структура вторично. Но что же тогда первично? Как возникали первые, наиболее ранние надобщинные структуры?

Снова вернемся к общине. Функционируя в пределах данной этнической общности и имея тесные обменные, ритуальные, брачно-семейные и иные связи с соседними общинами своей общности, каждая община, тем не менее, образовывала замкнутую социальную ячейку. Община могла быть связана обменом и с соседями чуждой ей этнической общности, но и при этом, естественно, ни о какой интеграции не было речи. Когда же и при каких обстоятельствах появился интеграционный импульс достаточной силы, чтобы возникла надобщинная политическая структура?

Генезис надобщинных политических структур

Полевые обследования антропологов позволяют реконструировать процесс генезиса первичных надобщинных структур на примере замкнутых анклавов, будь то Тробрианские острова или Полинезия, а также некоторых африканских общностей. Механизм здесь примерно одинаков: в ходе соперничества лидеров соседних общин наиболее удачливый берет верх и подчиняет себе остальных, превращая их в повинующихся ему руководителей управлявшихся ими прежде коллективов, которые выступают теперь по отношению к возникающему протогосударству в целом в качестве его региональных подразделений. Но одно дело – процесс

в замкнутом анклав, другое – в реальности древнейшего исторического прошлого. Иными словами, если в стерильной обстановке процесс мог и подождать, пока общность окончательно созреет для интеграции, при условии, что ничто извне этому не мешает и никак в это не вмешивается, то в древневосточной реальности, где складывались первые известные науке протогосударства, такого рода условий не было. Значит, нужно реконструировать обстоятельства, которые могли способствовать процессу. Именно этим и занимались многие исследователи на протяжении долгих десятилетий, еще со времен Г. Мэна и Л.Г. Моргана, предложивших в прошлом веке свои варианты.

Современная наука исходит из того, что возникновению первичных надобщинных структур способствовал комплекс необходимых условий. Так, исходным фактором первостепенной важности была оптимальная экологическая среда. Такого рода экологический оптимум лучше всего проявил себя в долинах великих рек, расположенных в теплом и мягком климате, с плодородными почвами и регулярными либо спорадически удобряющими их разливами. Второй необходимый фактор – достигнутый обществом определенный уровень производства, включая рациональное использование ресурсов, регулярный обмен с соседями, кооперацию и координацию труда и, как следствие всего этого, устойчивый и имеющий тенденцию к возрастанию избыточный продукт. Фактор третий – необходимый демографический оптимум, т. е. определенная плотность населения, даже давление населения в условиях хорошо заселенного окружающего пространства. Когда это давление достигает определенной критической точки, создается импульс, некое силовое поле, резко убыстряющее процесс социально-политической интеграции. Именно центр зоны расселения, где плотность наибольшая, становится ареной ожесточенного соперничества соседних лидеров.

В свое время были выдвинуты теории, авторы которых, например, Ф. Оппенгеймер, придавали решающее значение в процессе генезиса государств войнам. Но подобные теории не могли объяснить, откуда и за счет чего возникали те мощные организационные структуры, без которых нет больших армий и войн. Неудивительно, что в последние годы возобладала точка зрения, согласно которой войны и завоевания – не причина, а следствие возникновения надобщинных протогосударственных образований. Это относится и к упоминавшемуся уже феномену военной демократии: если вообще можно говорить о нем, то лишь применительно к более позднему этапу развития, да и то с оговорками. Значит ли это, что войны не играли вообще никакой роли в процессе генезиса протогосударств?

Это не так. Небольшие отряды воинов могли принимать участие в упомянутом процессе. Но они были лишь вспомогательным его моментом. Основа же сводилась к соперничеству лидеров более или менее мирными средствами. Истоки такого соперничества, восходившие в конечном счете к жажде престижа, авторитета, были своего рода психологическо-поведенческим стереотипом, опиравшимся на престижную экономику с ее реципрокными раздачами и централизованной редистрибуцией. Отдавая, лидер получал; получая, стремился ко все большему, для чего нужно было опять-таки суметь много отдать. Но где это взять?

Специалисты, например, М. Харрис, отмечали, что такое, казалось бы, нерациональное потребление добра, как поедание либо уничтожение его в моменты раздач типа потлача, способствовало увеличению производства и стимулировало рост производительности труда. Выражаясь иначе, лидер общины постоянно стремился к максимализации экономической функции своего коллектива. Вот эта-то генеральная задача максимализации экономической функции, ставшая перед амбициозным лидером, и играла роль в мобилизации всех возможностей. Мобилизовав их в благоприятных обстоятельствах уже возникшего силового поля, объективно содействовавшего интеграции, лидер мог не просто унижить соперника при очередной щедрой раздаче, но и раздавить его настолько, чтобы он вынужден был признать свою зависимость. Вот в ходе этого соперничества на его заключительном этапе и могла быть использована та небольшая военная сила лидера, которую он мог реализовать для закрепления своей новой позиции.

Слабые соперники подчинялись сильному, богатому и щедрому, в результате чего создавалась благоприятная обстановка для возникновения надобщинной политической структуры, протогосударства. Первичное протогосударство, или простое протогосударство,

вождество (англ. чифдом), – это обычно группа общинных поселений, административно подчиненных центральному поселку городского типа, где находится резиденция вождя и его окружения. В функцию вождя входит создание эффективной системы администрации с целью добиться оптимальной организации производства и максимума избыточного продукта. Наряду с этим на передний план среди ведущих функций вождя выходит военная – та самая, о которой уже было упомянуто.

Дело в том, что с момента возникновения первых первичных протогосударств (а их обычно возникало сразу несколько в том регионе, где для этого были условия и уже наглядно действовала сила примера) появляется и ожесточенное соперничество между ними. В этих условиях именно войны оказываются главным средством решения споров и реализации преимущества. Военная функция надолго становится одной из важнейших, что, собственно, и породило представление о всеобщем характере так называемой военной демократии как формы организации воинственной общности, существующей за счет грабежа других. Эта организация, хорошо известная в разных районах мира (достаточно напомнить о викингах и варягах), была, однако, не столько правилом, сколько исключением (к слову, проблема демократии в ней тоже нуждается в специальном анализе): ведь для того, чтобы кого-то ограбить, с кого-то брать дань, нужно, чтобы этот «кто-то» уже существовал как более или менее развитая структура, способная производить достаточное количество избыточного продукта и дорогостоящих изделий, которые и были предметом грабежа и дани. Поэтому речь идет не о вольном воинстве типа викингов, а о военной функции протогосударства, стремящегося с помощью войны присоединить к себе более слабого соседа и создать укрупненную систему протогосударства.

Укрупненная система мелких первичных протогосударств – это сложное или составное протогосударство, имеющее иерархическую внутреннюю структуру и знакомое с определенным количеством оторванных от сельскохозяйственного производства групп администраторов, воинов, жрецов и обслуживающего верхи персонала (слуги, рабы, ремесленники). Что касается администраторов и воинов, то о них уже шла речь. Администраторы – это общинная выборная верхушка; воины – это группа профессионалов-дружинников, всегда готовая повести за собой всех остальных, способных носить оружие. Слуги и рабы принадлежат к числу неравноправных чужаков, чаще всего захваченных в ходе войн. Из их же числа, а также из числа собственных мастеров, если они имелись в коллективе, формируются профессионалы-ремесленники, прежде всего металлурги-кузнецы, продукт труда которых становится особенно важным с момента, когда неолитические коллективы вступают в век бронзы. Но едва ли не наиболее важной прослойкой в формирующемся протогосударстве всегда были жрецы. Во всяком случае глава протогосударства часто одновременно был высшим жрецом-первосвященником. Почему?

Власть в протогосударстве, как и в общине, была выборной, ибо иных форм ее замещения общество еще не знало. Но достигший высшей власти вождь, сполна вкусивший сладость этой власти, пользующийся всеми благами авторитета и привилегий, никогда не спешит с ней расстаться. Напротив, он старается ее укрепить, добиться ее легитимизации, в чем заинтересован и коллектив: авторитарная власть вождя ведет к укреплению интегрирующих импульсов, призванных противостоять принципу убывающей солидарности, к ослаблению тенденции к региональной автономии, обузданию честолюбия местных лидеров и в конечном счете к соединению воедино всех включенных в рамки протогосударства. На практике сказанное означает, что добившийся власти лидер стремится закрепить эту власть за собой пожизненно, а коллектив этому способствует. Но как это оформить?

Вот здесь-то и приходит на помощь институт сакрализации власти. Вождь должен выступать как носитель божественной благодати, как могущественный посредник между миром живых и сверхъестественными силами, включая и всех умерших вождей. На службу возникающей в связи с этим более сложной религиозно-мифологической системе привлекаются все существовавшие до того колдуны и иные служители культа. Это не означает, что все религиозные системы возникали лишь с целью укрепить власть вождя. Но нет сомнений в том, что формирование ранней религиозной системы было связано именно с сакрализацией личности и должности вождя.

Сакрализация должности вождя была важным моментом институционализации и

деперсонализации его власти, постепенного превращения его из личности в символ. Престиж, авторитет и власть правителя стали восприниматься в коллективе как имманентная функция власть имущего и даже более того, как своего рода сакральное свойство вождя. Отсюда был только шаг до того, чтобы возникло представление о высшем покровительстве сверхъестественных сил, о божественной благодати, которая тем сильнее и больше, чем выше стоит человек на социальной лестнице (полинезийская мана). В результате обладание сакральной благодатью постепенно превращалось в свойство причастных к власти и их близких родственников.

Эта кардинальная трансформация в системе взглядов, своего рода мировоззренческая революция, сыграла огромную роль в дальнейшем развитии ранних обществ и государств. Как упоминалось, сакрализация вождя была важным условием институционализации его власти, легитимизации его божественного права на власть. Власть становилась пожизненным правом, а выборы нового вождя – более редким явлением. И хотя принцип меритократии как первое и главное условие выбора, основной критерий отбора кандидатов еще не утратил своей силы, он должен был в новых условиях несколько измениться. Во-первых, потому, что сложность и многофункциональность административного бремени была теперь по плечу отнюдь не каждому, что к ней следовало готовиться загодя, едва ли не сизмальства. Уже одно это обычно ограничивало круг претендентов близкими к власти людьми, прежде всего родственниками и помощниками вождя. Во-вторых, среди этих людей обладающими наибольшей сакральной благодатью стали считаться прежде всего близкие родственники вождя. Вопрос теперь был в том, кто именно из этих близких родственников имел наибольший шанс.

Вначале это не было определено, и история многих протогосударств полна описаний ожесточенного соперничества и борьбы за власть между ближайшими родственниками покойного – его братьями, кузенами, сыновьями, племянниками, что, естественно, сильно ослабляло структуру. Поэтому объективные потребности стабилизации власти требовали упорядочения порядка наследования. Именно эта объективная потребность и вызвала к жизни принцип конического клана с неравенством линий.

До того все линии разраставшегося клана, возникавшего на базе той или иной семейно-родовой группы, считались равноправными, причем именно это равноправие и лежало в основе упоминавшегося принципа механической солидарности аморфных общин даже крупной этнической общности, состоявшей из множества ветвей одних и тех же, первоначально немногих родственных кланов. Сущность нововведения сводилась к тому, что в многочисленном клане правителя стала четко выделяться одна главная линия, шедшая от отца к одному из его сыновей, обычно старшему, тогда как все остальные начали восприниматься как боковые (коллатеральные). Главным критерием социального старшинства в иерархически организованном коническом клане, структура которого была впервые наиболее полно описана П. Кирхгофом, стало считаться генеалогическое удаление от основной линии: с каждым поколением боковые линии уходили от нее все дальше, тогда как она сама, разветвляясь, создавала все новые боковые ветви, которые опять-таки постепенно от нее удалялись. И хотя даже после этого революционного нововведения процедура наследования далеко не всегда и не везде стала простой (нередко сыновья с помощью интриг боролись за благосклонность отца; играли свою роль и их матери в гареме), она, тем не менее, теперь уже достаточно строго определяла приоритеты.

Власть вождя стала наследственной в его семье, что сыграло огромную роль в деле стабилизации всей структуры. При этом личность вождя сделалась священной вне зависимости от его индивидуальных качеств и способностей, недостаток которых должен был восполняться опытом и знаниями помощников. Закрепленные же за семьей вождя привилегии и прерогативы теперь воспринимались всем коллективом как проявление высшего божественного статуса его персоны и безусловного его права распоряжаться всем достоянием протогосударства или формирующегося, структурирующегося племени, становившегося протогосударством. Вчерашний выборный вождь превращался, таким образом, в субъекта сакрализованной власти и высшей собственности, в священное «связующее единство» укрепляющегося коллектива.

Собственно, на этом и заканчивается формирование протогосударственных обществ со всеми их вновь созданными институтами и усложнявшимися функциями. В заключение стоит

дать обобщенную дефиницию. Протогосударство (чифдом, вождество, племенное протогосударство) – это политическая структура, основанная на нормах генеалогического родства, знакомая с социальным и имущественным неравенством, разделением труда и обменом деятельностью, возглавляемая сакрализованным правителем с наследственной властью. Главной функцией этой структуры является административно-экономическая, отражающая объективные потребности усложняющегося общества. Структура знакома и с иными важными социальными функциями – с военной, медиативной (судебно-посреднической), интегрирующей и т. п. Именно в рамках этой переходной по типу политической структуры ее вождь из вчерашнего слуги общества, старавшегося завоевать общественный авторитет и с его помощью трудиться на благо коллектива, начинает становиться над обществом, стремится подчинить общество себе и стать его господином.

Глава 4

Закономерности формирования государства на Востоке

Описанный в предыдущей главе процесс генезиса пред – и протогосударственных институтов в основных своих пунктах – с бесчисленными вариациями и модификациями – универсален. Так или примерно так вызревали надобщинные политические структуры у всех народов и во все времена, вплоть до XX в., что засвидетельствовано полевыми материалами антропологов, сыгравшими едва ли не важнейшую роль в реконструкции этого процесса. Но как шло дело дальше? Как на базе небольшого и сравнительно примитивно организованного протогосударства, часто возникавшего на племенной основе (это особенно очевидно и типично для кочевников), формировались более развитые социально-политические структуры? Что при этом играло основную роль?

Следует снова напомнить, что здесь возможны варианты, причем решающего характера. Именно на основе привычной протогосударственной структуры гомеровской Греции произошла та революционная трансформация (социальная мутация), которая вызвала к жизни античную структуру, принципиально отрицавшую предшествовавшую ей. Но это уникальный случай, более нигде и никогда не повторившийся. А как было во всех остальных обществах, перешедших грань примитивного протогосударства? Как складывались характерные для неевропейского мира формы общества и государства, что было их структурной основой?

Власть и собственность: феномен власти-собственности

Сложившееся на основе земледельческой общины (в какой-то мере это относится и к кочевникам, но типичный вариант – именно земледельческий) протогосударство во многом восходит к нормам взаимоотношений и формам взаимосвязей, веками развивавшимся в рамках общины. Но на основе прежних норм и форм в новых условиях возникали институты иного, более совершенного и развитого типа, – они соответствовали укрупнявшейся и усложнявшейся социально-административной структуре протогосударства. О каких новых институтах идет речь?

В нашей стране, где менталитет XX в. воспитан на идеях марксизма, было еще сравнительно недавно твердо принято считать, что институтами, приходившими на смену первобытной общине, были институты классово-антагонистического общества, основанного на частной собственности и делении населения на классы прежде всего по признаку отношения к этой собственности (имущие и неимущие). Такого рода схоластическая презумпция привела к жесткому постулату, согласно которому все древние общества должны были быть так называемыми рабовладельческими с характерными именно для них антагонистическими классами рабовладельцев и рабов. В истматовском варианте XX в. эта идея марксизма превратилась в догму, была доведена до абсурда, несмотря на то, что сам Маркс был много более сдержан в этом смысле: в его схеме всемирной истории наряду с рабовладельческой (античной) формацией существовал, как о том упоминалось, и «азиатский» способ

производства, характерный для Востока и отличавшийся от античного и иных европейских способов производства тем, что в восточных структурах не было частной собственности и классов, а альтернативой господствующему классу было само государство в лице организованного им аппарата власти.

В отличие от Гегеля, делавшего акцент на проблемы именно власти, причем в ее наиболее жесткой из известных человечеству до XX в. форме восточной деспотии, Маркс выдвигал на передний план собственность, говоря о верховной собственности государства на Востоке. Но что это такое – хотя бы с точки зрения главного для Маркса политэкономического критерия? Это собственность или все-таки власть? Сам Маркс, как то явствует из приводившейся выше цитаты, склонен был идентифицировать верховную собственность и государственный суверенитет. Однако до логического конца эта идентификация в его трудах доведена не была. Больше того, сама идея верховной собственности была подвергнута сомнению рядом авторитетных историков-марксистов – факт достаточно редкий, чтобы оставить его без внимания. Так что же все-таки первично в изучаемой нами структуре – деспотизм, беспредел власти или собственность, пусть даже не частная?

Ответ на этот кардинальный вопрос упирается в анализ группы проблем, связанных с оценкой роли институтов власти и собственности в ранних политических структурах, генетически и функционально родственных классическим восточным, стадияльно предшествовавшим именно им, лежавших в основе восточного деспотизма по Гегелю и «азиатского» способа производства по Марксу. Остановимся кратко на этих проблемах.

Что касается власти, то об этом понятии уже шла речь как в теоретическом плане (со ссылкой на М. Вебера), так и в сугубо историческом: восходившая к древнейшей и абсолютно преобладающей системе социальных ценностей триада престиж – авторитет – власть привела со временем к сложению авторитарного института наследственной власти сакрализованного вождя-царя в протогосударствах. Это было повсюду, включая и преантичную Грецию с ее царями, столь поэтично воспетыми великим Гомером и так хорошо известными по классической греческой мифологии. На Востоке власть такого типа достаточно быстро – в отличие от античной Греции – трансформировалась в деспотическую, хотя не везде одинаково ярко выраженную. Главной причиной этого было отсутствие здесь развитого рыночно-частнособственнического хозяйства, сыгравшего решающую роль в той социальной мутации, которую пережила античная Греция. Деспотизм как форма власти, а если взглянуть глубже, то как генеральная структура общества, возникает там, где нет той самой частной собственности, об обязательном наличии которой, не признавая исключений или хотя бы вариантов, твердила долгие годы абсолютно господствовавшая у нас истматовская схема. Иными словами, деспотизм присущ структурам, где нет собственников. Но это те самые структуры, которые возникали на базе первобытности.

Во всех обществах, о которых выше уже шла речь (кроме античного, отличавшегося от них), понятия о собственности вообще, тем более о частной собственности, просто не существовало. Специалисты, исследующие такие структуры, используют для их характеристики понятия «коллективная», «общинная» «племенная» собственность и т. п., сознавая всю условность этих понятий. Дело в том, что понятие о собственности в коллективах собирателей, кочевников или общинных земледельцев сводилось прежде всего к представлению о праве на ресурсы, которые считались принадлежавшими данной группе и использовались ее членами в процессе их хозяйственной деятельности. Собственно, иначе и быть не могло в те времена и в тех условиях жизни. Основа отношений к ресурсам, от обладания которыми зависело существование коллектива, реализовывалась, таким образом, в терминах владения, т. е. власти: «Мы владеем этим; это – наше». Субъектом власти, владения, распоряжения хозяйственными ресурсами или, если угодно, коллективной собственности всегда был и практически всегда мог быть только коллектив, причем этому никак не противоречило то обстоятельство, что всегда существовало индивидуальное и семейное пользование какой-то частью общего владения, не говоря уже о предметах обихода, жилище, личных вещах, орудиях производства и т. п. Это означает, что и экономическое содержание, и юридическая форма такого рода собственности – именно владение и, как результат владения, власть. Сначала власть только над ресурсами. Но это только сначала.

Выше уже рассматривался процесс сложения и развития института редистрибуции в общине с ее ранними формами неравенства как на уровне семейно-клановой группы, так и в рамках коллектива с его рангово-статусной иерархией в целом. Редистрибуция – это в конечном счете прежде всего власть, причем именно та власть, которая опирается как на экономическую реальность (владение ресурсами группы или общины), так и на юридическую ее форму (право выступать от имени группы или общины, распоряжаться ее достоянием и особенно ее избыточным продуктом). В рамках надобщинной структуры, протогосударства с наследственным вождем, ставшим символом коллектива, неоспоримое право распоряжаться общественным достоянием было функцией высшей власти вождя.

В свете сказанного вполне очевидно, что представление о верховной собственности государства и государя можно понимать только в том плане, о котором идет речь: высшая собственность правителя-символа, олицетворяющего коллектив, производна от реального владения достоянием коллектива и безусловного права распоряжаться его ресурсами и имуществом, причем и то и другое в конечном счете производно от власти. Власть (владение) рождает понятие и представление о собственности, собственность рождается как функция владения и власти. Власть и собственность неразделимы, нерасчленимы. Перед нами феномен власти-собственности.

Власть-собственность – это и есть альтернатива европейской античной, феодальной и буржуазной частной собственности в неевропейских структурах, причем это не столько собственность, сколько власть, так как функции собственника здесь опосредованы причастностью к власти, т. е. к должности, но не к личности правителя. По наследству в этих структурах может быть передана должность с ее правами и прерогативами, включая и высшую собственность, но не собственность как исключительное частное право владения вне зависимости от должности. Социально-экономической основой власти-собственности государства и государя было священное право верхов на избыточный продукт производителей. Если прежде семейно-клановые группы вносили часть своего продукта в форме добровольных взносов старейшине в качестве скорей символической, нежели реальной платы за его общественно полезный труд, то теперь ситуация стала иной. В надобщинной структуре, в рамках протогосударства вождь имел беспорное право на определенную часть продукта его подданных, причем взнос с политэкономической точки зрения принимал облик ренты-налога. Налога – потому что взимался центром для нужд структуры в целом, в частности для содержания непроизводительных слоев, обслуживающего их персонала или производителей, занятых в неземледельческой сфере (ремесло, промыслы и т. п.). Налог в этом смысле – высшее право государства как суверена на определенную долю дохода населения. Что же касается ренты, то она проявлялась в праве собственника, субъекта власти-собственности, на определенную долю реализации этой собственности в хозяйствах земледельцев-общинников.

Появление феномена власти-собственности было важным моментом на пути институционализации общества и государства в неевропейском мире. Практически это означало, что прежняя свободная община теряла свои исключительные права владения ее угодьями и продуктом. Теперь она вынуждена была делить эти права с теми, кто в силу причастности к власти мог претендовать на долю ее имущества, начиная от регионального вождя-администратора, будущего владетельного аристократа, которому верховный вождь передавал часть своих высших прерогатив, и кончая общинным главой, все более превращавшимся в чиновника аппарата администрации. Иными словами, возникал и надолго закреплялся хорошо знакомый специалистам феномен перекрывающих друг друга владельческих прав: одна и та же земля (а точнее, право на продукт с нее) принадлежит и обрабатывающему ее крестьянину, и общине в целом, от лица которой выступает распределяющий угодья старейшина, и региональному администратору, и верховному собственнику. И что показательно, эта множественность прав, столь нелепая в обществе с юридически хорошо разработанными частно-правовыми нормами, здесь никого не смущает: коль скоро земля не является частной собственностью и принадлежит всем, то совершенно естественно, что каждый получает свою долю дохода от нее, причем в строгом соответствии с той долей владения ею, власти над ней, которой реально располагает. Вместе с тем важно

оговориться, что в множественности прав уже таились зародыши некоторой трансформации прежней структуры, в частности тенденции к приватизации, т. е. к появлению частной собственности (пусть не господствующей и весьма ограниченной в потенциях, но все же частной), до того в описываемом обществе еще не известной.

Раннее государство

Обычное протогосударство, в том числе составное и даже этнически гетерогенное, несмотря на весьма заметную разницу между крестьянскими низами и верхами управителей, было еще густо опутано системой родственных клановых связей. Более того, именно эти связи играли чаще всего основную роль в его социальной и административной структуре, определяя степень знатности и место человека в обществе. С течением времени и по мере институционализации власти ситуация определенным образом менялась. Прежде всего клановые связи начинали терять свою всеобщность и оказывались свойством немногих, признаком избранности, аристократизма. Дело в том, что эти связи были чрезвычайно важны там, где критерий генеалогического родства определял степень близости к правителю и его клану, т. е. знатность, что давало человеку право иметь соответствующий ранг и титул, а также претендовать на определенную должность и привилегии. Что же касается крестьянских низов, то они, даже если и состояли в отдаленном родстве по боковой линии с каким-либо из знатных кланов, постепенно практически исключались из счета родства, поскольку для них это уже не имело никакого значения. Кроме того, опасавшиеся притязаний близкой родни на власть правители стремились приблизить к себе преданных лично им чужаков из числа мелких должностных лиц, слуг, а то и иноплеменников-рабов, явных аутсайдеров. Часть их, закрепившись наверху, со временем тоже давала начало знатным аристократическим кланам. Результатом всего этого было появление в обществе, прежде ориентированном в основном на заслуги и престиж, новых критериев для деления на верхи и низы. Верхи стали комплектоваться из числа наследственных аристократов и причастных к власти должностных лиц, причем те и другие, тесно связанные клановыми связями, образовывали своего рода потомственный слой людей, занятых в сфере управления и включенных в систему социально-имущественных привилегий.

Такого рода социальная поляризация общества на причастные к аппарату власти привилегированные слои и производителей, прежде всего общинных крестьян (между теми и другими была еще прослойка обслуживающего верхи персонала – рабов, слуг, ремесленников и др.), резко меняла традиционную систему редистрибуции: если прежде избыточный продукт лишь распределялся по воле причастного к власти и служил способом обретения им дополнительного престижа, то теперь этот продукт превратился в средство содержания всех тех, кто встал над обществом и кто обслуживал привилегированные верхи. Иными словами, в новых условиях социальные низы, т. е. крестьяне-производители, оказались исключенными как из системы генеалогического родства в конических кланах аристократов, так и из сферы редистрибуции. Этот все углублявшийся отныне разрыв между верхами и низами означал, что на смену примитивному политическому образованию типа протогосударства шла более развитая и принципиально отличная от него административно-политическая структура – раннее государство.

Конечно, непроходимой грани между этими двумя формами политической интеграции нет, но разница все же есть, и немалая. Раннее государство обычно много сложнее и крупнее протогосударства; этническая гетерогенность здесь – уже практически почти обязательная норма, ибо возникает раннее государство преимущественно за счет завоеваний и аннексии соседей. Расширяясь и включая в свой состав многие десятки и сотни тысяч людей, раннее государство обычно оказывалось перед необходимостью усложнить администрацию, следствием чего был дальнейший рост иерархичности структуры в целом: все стоявшие над общиной в свою очередь выстраивались в сложную иерархическую лестницу должностных лиц, прав, статусов, привилегий.

Так, иерархическая лестница управления оказывалась по меньшей мере трехступенчатой; возникали три уровня – высший общегосударственный, средний региональный и местный. При

этом на высшем уровне фиксируется заметная специализация административной деятельности – военачальники, жрецы, главы канцелярий или ремесленных служб, администраторы широкого профиля, казначеи и хранители казенных амбаров, управители дворцовых или храмовых служб, домашних покоев правителя и т. п., вплоть до возникновения кое-где контрольно-ревизорской службы. И хотя в центральной администрации по-прежнему огромную роль играли клановые связи, а во главе многих управлений стояли знатные аристократы и родственники правителя, система власти в целом уже заметно тяготела к внеклановому принципу и к использованию способных аутсайдеров и это вполне отвечало далеко еще не забытому принципу меритократии.

Что касается администрации на региональном уровне, то она обычно бывала много проще и имела чаще всего двойное подчинение – главе регионального подразделения и соответствующим службам и управлениям центра. Здесь специализация была много слабее и функции нередко совмещались. Тем более все это было характерно для местного уровня, где по традиции на главу общины падала львиная доля всех административных забот о благосостоянии общинного коллектива, а также о своевременных выплатах ренты-налога в казну и организации необходимых для коллектива и для государства общественных работ.

Этот последний момент заслуживает особого внимания. Дело в том, что именно в рамках укрупненного раннего государства, в отличие от протогосударства (за редкими исключениями типа раннешумерских), возникает феномен урбанизации, т. е. монументального городского строительства, сооружения дворцов, храмов, мавзолеев, пирамид, каналов, дамб и т. п. Урбанизация стоит дорого, так что далеко не случайно именно с нее начинается обычно отсчет цивилизации. Далеко не все протогосударства могли позволить себе нечто подобное, и подавляющее большинство их так и замирало на доцивилизированном уровне. О немногих исключениях типа древнешумерских храмовых центров уже упоминалось. Что же касается ранних государств, то для всех них урбанизация была непременным условием существования, чем они принципиально отличались от протогосударств. Сооружались же все монументальные городские и иные сооружения (дамбы, каналы, дороги) за счет труда крестьян, привлекавшихся к общественным работам в свободное от сельскохозяйственных забот время, к тому же поочередно. Именно в порядке общественной обязанности, которая по сути восходила ко все той же древней системе реципрокного обмена, крестьяне участвовали в создании престижных сооружений, находясь в эти дни на полном государственном обеспечении и даже получая для работ казенные орудия и средства труда. Стоит специально подчеркнуть, что такого рода общественные работы никогда не считались подневольными отработками, а напротив, всегда рассматривались всеми, включая и массы работников, как сооружения, имеющие важный ритуальный смысл и общественное значение. Не мифические сотни тысяч рабов из-под палки, как о том обычно писали наши учебники, но именно крестьяне выполняли такие работы, во всяком случае на ранних этапах развития, в рамках ранних государств.

Этап раннего государства обычно совпадал с серьезными изменениями в сфере религиозно-идеологической, в ходе которых обычная для протогосударства практика сакрализации вождя нередко достигала своего апогея: государь провозглашался сыном бога или даже живым божеством, а вся система богов, имевших теперь внушительные и возвышавшие их статус монументальные храмы в их честь, способствовала укреплению в умах населения представлений о могуществе божественных сил и тем самым обеспечивала необходимый духовно-идеологический комфорт. Известный американский антрополог Э. Сервис саркастически писал в этой связи: «Как приятно сознавать, что боги нашей общности – величайшие в мире, что их представители на земле священны и что тем самым мы избранный народ! И сколь очевидно удобны такие представления для правящей группы!»

Но, пожалуй, наиболее важное с точки зрения перспектив развития нововведение на этапе раннего государства – это упоминавшаяся уже тенденция к приватизации, начинавшаяся с престижного потребления.

Престижное потребление верхов, реализовывавшееся обычно в строгом соответствии со степенью знатности, рангом, титулом, должностью, выражалось в преобладании изысканных одежд и лучшей пищи, в строительстве богатых домов и гробниц, в создании сложных систем различных удобств и услуг. Все большее количество ремесленников разных специальностей

(ювелиры, оружейники, колесничие, архитекторы, ткачи, портные, столяры и др.), слуг (садовники, псари, конюшие, повара, лакеи, евнухи и т. п.) обслуживало возраставшие потребности власть имущих. Как социальный феномен престижное потребление всегда отличается тем, что имеет непреходящую тенденцию к росту. То, что было достаточным вчера, кажется неудовлетворительным сегодня. Каждый стремился выделиться из числа равных ему, приблизиться по уровню и качеству потребления к стоящим выше. В это соперничество включались правитель и его семья, которые обычно задавали тон. Нельзя было забывать и об имеющем государственный смысл старании выглядеть богаче и щедрее соперника, соседнего правителя, что опять-таки имеет самое прямое отношение все к тому же высоко ценившемуся престижу.

За счет чего растет престижное потребление? Прежде всего традиционно – за счет редиистрибуции избыточного продукта, хранившегося в казенных амбарах и складах. Правитель щедрой рукой раздает его в разных формах, от зерна в мешках до роскошных шуб или изысканных драгоценностей, в обмен за что он вправе требовать и ожидать от своих приближенных и администраторов преданности и беспрекословного повиновения согласно древнему принципу реципрокности. Но на этом дело не кончается. Активная внешняя политика удачливого правителя приводит к расширению границ его государства, увеличению его населения и богатств. В зависимости от сильного государства оказываются его соседи, находящиеся на разном уровне развития, но в любом случае выплачивающие в знак признания своей зависимости определенную дань.

Расширение земель и поток дани создает новые условия и возможности для правящих верхов. Успешно расширяющий свои владения правитель нередко дает своим родственникам – практически теперь уже от своего имени – участки земли, подчас целые области в своего рода кормления. И хотя доход с этой вотчины не принадлежит вновь назначенному владельцу, во всяком случае целиком, часть его становится объектом присвоения со стороны нового владельца. Более того, в условиях ослабления расширившегося государства этот владелец – как, впрочем, и функционально близкий ему региональный администратор – обычно превращается в автономного властителя и узурпирует право от собственного имени наделять родственников и приближенных более мелкими уделами и кормлениями, что способствует возникновению многоступенчатой иерархической структуры васально-феодалного типа, столь хорошо известной и древности, и средневековью (речь идет о социально-политической структуре, а не о формации!).

Но тенденция к приватизации проявляется не только в этом. Власть имущие постепенно приобретают право распоряжаться людьми, оказывающими им услуги или находящимися под их началом. Эти услуги нередко индивидуализируются, а люди – будь то воины, слуги или рабы – становятся объектами присвоения. Но и это еще далеко не все.

В руках чиновников рангом ниже, не имеющих ни удела, ни штата помощников и слуг, концентрируются немалые средства, распоряжение которыми входит в их служебные обязанности. Так, чиновник, осуществляющий, скажем, от имени казны или храма дальние транзитные операции для приобретения нужных изделий или раритетов (иных форм торговли, если не считать мелкого натурального обмена, общество еще не знало), попутно с порученным ему главным делом может произвести выгодный обмен для себя или по чьей-либо просьбе. Чиновник, ведающий тем или иным видом ремесла, использует лично для себя или еще для кого-то часть продукта и труда подчиненных ему людей. Служитель при амбаре или складе, заведующий выдачей инвентаря или продуктов призванным для отработок людям, ведущий различные записи писец-канцелярист – словом, практически каждый на своем месте имеет определенную возможность выйти за пределы строгого выполнения должностных обязанностей с тем, чтобы позаботиться об улучшении собственного материального положения. Я уже не говорю о воинах, возвратившихся с добычей и стремящихся сбыть ее с выгодой.

В результате всего этого в обществе, прежде всего на надобщинном его уровне, возникает определенное количество излишков материального производства, которые пускаются в частнотоварный оборот. Иными словами, излишки, до того не бывшие товаром, теперь становятся им. Возникают товарные рынки и как прямое следствие этого – деньги, всеобщий эквивалент. На товарном рынке с помощью денег реализуются самые различные вещи, сырье,

предлагаются услуги. Рабочая сила превращается в товар, следствием чего является институт частного рабства (до того рабы, будучи чаще всего военной добычей, считались коллективным достоянием и от имени коллектива использовались в храмовых и дворцовых хозяйствах, в услужении власть имущих). Но все сказанное является уже не столько элементом раннего государства, сколько институтом государства развитого. Все это возникает на грани перехода раннего государства в развитое и, более того, может считаться едва ли не основным признаком этого перехода, своего рода критерием отсчета. Пока же в заключение сформулируем определение раннего государства.

Раннее государство – это многоступенчатая иерархическая политическая структура, основанная на клановых и внеклановых связях, знакомая со специализацией производственной и административной деятельности. Главными функциями такого государства являются централизованное управление крупным территориально-административным комплексом с этнически гетерогенным населением, расширение пределов своей территории за счет военных захватов, а также обеспечение благосостояния общества и престижного потребления привилегированных верхов за счет ренты-налога с производителей, дани с зависимых соседей. Раннее государство хорошо знакомо с урбанизацией и монументальными сооружениями, осуществляемыми населением в счет общественных работ, причем эти работы, как и вся сумма взаимоотношений между верхами и низами, основаны на принципах реципрокности и редистрибуции, рассматриваются как закономерный обмен деятельностью и легитимизируются общепризнанной религиозно-идеологической доктриной. Именно на этапе раннего государства в процессе развития престижного потребления и тенденции к приватизации закладываются основы новой формы социально-экономических отношений – отношений частнособственнических, связанных с товарно-денежным хозяйством и рынком рабочей силы.

Развитое государство на Востоке

Раннее государство «вращается» в развитое постепенно – хотя далеко не каждому это удается. Принципиальные отличия развитой политической государственной структуры от ранней сводятся к появлению двух новых институтов – системы принуждения и институционализованного закона, а также, как упоминалось, к дальнейшему развитию частнособственнических отношений.

Функция медиации лидера группы, старейшины и даже вождя в прогосударстве опиралась преимущественно или исключительно на его престиж и авторитет. Элементов принуждения и насилия, не говоря уже о законе, еще не было, хотя постепенно все это вызревало. Так, например, сакрализация правителя способствовала усилению его авторитета даже в условиях автоматической солидарности клановой структуры: сакрально санкционированная высшая воля вождя приобретала силу закона, не говоря уже о том, что сам такого рода закон на первых порах опирался на религиозно-моральную норму и не имел характера безличностного принуждения. Ритуальная форма закона становилась своего рода «ненасильственной формой насилия», хотя параллельно с ней в обществе, уже хорошо знакомом с войнами и в немалой степени живущем за счет доходов от покоренных и зависимых народов, вызревали также и принуждение, даже насилие в своем неприкрытом виде, правда, пока еще только по отношению к чужим.

Появление внутри страны пленных иноплеменников, приобретающих статус рабов – вначале коллективных, позже также и частных, означало перенесение принуждения и насилия внутрь. Отсюда был теперь только шаг до использования уже сформировавшегося института принуждения по отношению не только к чужим, но и к взбунтовавшимся или проштрафившимся своим, от мятежного регионального администратора или владельца удела до недовольных своим положением общинников либо горожан. Практика авторизованного насилия породила специально формулировавшуюся для удобств администрации систему регламентов наподобие той, что предложили в царствах чжоуского Китая реформаторы легистского толка. Именно таким образом, хотя и со многими вариантами, шел процесс вызревания институтов развитого государства.

Здесь важно заметить, что речь не должна ограничиваться упоминанием о принуждении,

насилии, системе регламентов. Ведь соответствующим образом – в интересах государства, основанного на генеральном принципе власти-собственности, – институционализировались и все остальные формы существования структуры, обслуживавшие сложившуюся социально-политическую данность. Это касается социальных (семейно-клановых, общинных, надобщинных) институтов, политических принципов (централизованная администрация, удельная знать), идеологии и т. п. И более всего сказанное заметно на примере упоминавшегося уже процесса приватизации – родного брата того, что привел в Средиземноморье к становлению античной структуры с господством частнособственнических отношений, опиравшихся на частное право, гражданское общество, республиканско-демократические формы правления, индивидуальные свободы и т. д. Всего этого в неевропейских структурах на аналогичном этапе развития не возникло и возникнуть не могло. Почему же?

Казалось бы, все здесь должно было развиваться примерно так же, как и в античной Греции. Развивались товарно-денежные отношения. Под воздействием рыночных связей начинала интенсивно разлагаться земледельческая община, в которой все определеннее выделялись домохозяйства малых разделенных семей. Переделы земли в общине (там, где они были) становились все реже, пока не прекращались вовсе. В общинной деревне появлялись богатые и бедные семьи, много – и малоземельные. Часть хозяйств нищала и разорялась, появлялись безземельные, вынужденные арендовать чужую землю либо идти в батраки. Другие предпочитали перебраться на новые земли, освоить их и закрепить за собой. Словом, шел процесс накопления в руках индивидов материальных излишков и торговли ими, в результате чего возникали богатые торговцы и ростовщики, в кабалу к которым попадали неимущие. Казалось бы, еще немного – и набегающая на общество частнособственническая стихия с присущим ей размахом сметет все. Ведь не только богатые купцы, ростовщики, земледельцы, но даже и сами правители порой – в качестве частных лиц – приобретали у общины право на владение земельными участками. Разве все это не сближало ситуацию с античной?

На самом деле все не так. Зарождавшуюся и даже быстро развивавшуюся частную собственность и обслуживавший ее далеко еще не огражденный правовым барьером рынок встречала давно институционализировавшаяся и принципиально враждебная рыночно-частнособственническим отношениям иная структура, командно-административная. Командно-административная структура, о которой идет речь, это и есть неевропейское государство, восточная деспотия по Гегелю или «азиатский» (а точнее – государственный) способ производства по Марксу. Принципиальное отличие этого государства от того, которое было типично для Европы с античности, отнюдь не сводится, как-то может показаться на первый взгляд, к большей степени произвола или беззакония. Достаточно прочитать повествование Светония о римских цезарях, чтобы убедиться, что и произвола, и беззакония, и деспотической власти в античности было более чем достаточно: по жестокости и насилиям едва ли не любой из цезарей и особенно такой, как Нерон, могут сравняться с восточными владыками, а то и оставить многих из них позади. Дело совсем в ином.

Во-первых, в том, что мощная централизованная структура складывалась в неевропейском мире на протяжении тысячелетий не на основе рыночно-частнособственнических отношений. Привычная командно-административная форма отношений абсолютно подавляла и нарождавшуюся частную собственность, и робкий обслуживающий ее и не имевший ни свобод, ни гарантий, ни привилегий восточный рынок. Власть здесь была первоначалом. Власть, команда, администрирование довели абсолютно, тогда как отношения собственности, необходимые для регулирования хозяйства, были явлением производным, вторичным по отношению к власти. А во-вторых, в античном мире даже в те времена, когда в политике, администрации, власти царил произвол, сближавшийся внешне с деспотизмом по-восточному, существовали уже опиравшиеся на развитую частную собственность и мощный свободный античный рынок отношения нового типа, рыночно-частнособственнические, существовали и ограждающие эти отношения нормы права (знаменитое Римское право). Традиции свободы, как экономической, так и правовой, политической, не были здесь пустым звуком, что и определяло во многом конечный итог противостояния свободы и произвола.

Разница между античной рыночно-частнособственнической и восточной командно-административной структурами сводится, таким образом, не к возможному объему

произвола власти отдельно взятого деспота, а к принципиальной разнице самих структур как таковых. Если в системе рыночно-частнособственнических отношений в хозяйстве задает тон рынок, господствует частная собственность и все правовые нормы направлены на обеспечение наибольшего благоприятствования рынку и собственнику, то в системе административно-командных отношений задают тон администрация и команда сверху, для правящих верхов создается режим наибольшего благоприятствования, а рынок и собственники находятся в подчиненном, подконтрольном правящим верхам и администрации состоянии. Можно сказать и определеннее: ни рынок, ни частная собственность в восточной структуре не являются свободными и потому не имеют права быть уподобленными рынку и частной собственности в рыночно-частнособственнической европейской структуре. На Востоке как норма существует квазирынок и квазисобственность, причем именно вследствие структурной неполноценности то и другое лишено внутренних потенций для самоусовершенствования.

На Востоке рынок и собственник находятся в зависимости от государства и обслуживают нужды прежде всего правящего слоя. Государство же здесь твердо стоит над обществом и соответственно над экономикой общества, а его правящие слои, не будучи классом в привычном марксистском понимании этого термина (т. е. классом экономическим, классом, владеющим собственностью и реализующим это преимущество в собственных интересах), являются своего рода квазиклассом, ибо в конечном счете живут за счет достояния общества и выполняют в этом обществе функции господствующего класса.

И, что особенно важно подчеркнуть, эти функции правящие верхи традиционно выполняют не потому, что они узурпировали власть и навязали свою волю искусственно ослабленным собственникам, но именно потому, что они управляют обществом принципиально иным, чем европейское. Командно-административная структура опирается на принцип власти-собственности и генетически восходит к практике реципрокного взаимообмена, к традициям централизованной редистрибуции. Эта особенность способствует тому, что объективно может сложиться впечатление – тем более у того, кто привык к марксистской политэкономической системе понятий и логике анализа, – будто в рамках классической восточной структуры нет или почти нет места антагонизмам и эксплуатации. В самом деле, если правящие верхи заботятся об организации общества, включая и его экономику, то платой за их труд закономерно является упоминавшаяся уже рента-налог, выплачиваемая низами как натурой, так и отработками. А раз так, то перед нами естественная форма законного и необходимого для благосостояния и вообще для существования структуры в целом обмена деятельностью.

Так ли все просто? Напомню, что разница между верхами и низами сводится не только к различиям в функциях (работают и те, и другие – но каждый по-своему), но и к несходству в качестве жизни (бедные – богатые), а также к имманентному праву верхов командовать и к обязанности низов повиноваться. Так вот, если с точки зрения этих критериев обратиться к Востоку (имея в виду и идеи Маркса об «азиатском» способе производства), то окажется, что в основе лежит власть администратора, основанная на отсутствии частной собственности. И далеко не случайно сам термин «командно-административная структура» вошел в активный научно-публицистический оборот в наши дни, когда объективно понадобилось выявить принципиальную разницу между двумя структурами – рыночно-частнособственнической и противостоящей ей социалистической, генетически восходящей к классической восточно-деспотической.

Итак, главное, что отличает верхи от низов, – это момент власти (команда, администрация). Абсолютная власть, породившая высшую и абсолютную (или верховную по Марксу) собственность в условиях отсутствия или ликвидации частной собственности и свободного рынка, – вот тот феномен, о котором идет речь. Возник он не случайно. Скорее, напротив, явился закономерным итогом многотысячелетней постепенной эволюции, законным плодом истории. Ведь особенностью всей системы отношений, связанных с описываемой структурой и обусловленных ею, являются ее исключительная устойчивость, стабильность, способность к автоматической регенерации (или, иначе, к самовоспроизводству), опирающиеся на веками отработанный комплекс защитных средств и институтов.

Строго говоря, и генеральный принцип обязательного реципрокного взаимообмена, и

практика централизованной редистрибуции избыточного продукта и труда коллектива, и сакрализация возвысившегося над обществом вождя, правителя, и появление престижного потребления правящих верхов, и формирующаяся практика принуждения, и вся система идеологического обоснования статус-кво, опирающаяся на привычные нормы морали и религиозные установления, – все это являло собой мощную оборонительную систему, призванную решительно противостоять всему тому новому, что могло разрушить веками создававшийся и заботливо сохранявшийся баланс. Появление же рыночных связей, товарно-денежных отношений, накопление богатства в частных руках и иные связанные со всем этим результаты процесса приватизации колебали этот баланс, нанося ему чувствительные удары.

Разумеется, появление всего этого не было случайностью. Напротив, вызывалось жизненными потребностями развивавшегося, укрупнявшегося и усложнявшегося социального организма. Для нормального жизнеобеспечения такого организма необходима была стабильная и разветвленная кровеносная система – роль этой системы начали играть частная собственность и рынок в их урезанной, убудочной форме. В этом смысле можно сказать, что и подконтрольная власти частная собственность, и оскопленный ею же, администрацией, рынок были жизненно необходимы, отчего они и появились на свет. Но и собственность, и рынок в рамках классических восточных структур были оскоплены сразу же после своего появления на свет. Оскоплены потому, что этого требовали интересы высшей власти.

В самом деле, создававшийся обществом и количественно все возрастающий совокупный продукт начинал в ощутимых и постепенно увеличивавшихся размерах миновать казну, т. е. сферу централизованной редистрибуции, и попадать в руки стоявших между производителями и казной частных собственников, что ослабляло структуру в целом, способствуя ее дезинтеграции. Конечно, одновременно с этим появление сферы частнособственнического хозяйства способствовало развитию, даже расцвету экономики, обогащению государства. Поэтому правящие верхи не могли не осознавать необходимости, даже желательности существования частных собственников и рынка. Однако они вместе с тем не могли и не желали мириться с тем, чтобы такого рода развитие шло по нарастающей, ибо это подрывало основы давно уложившейся властной, командно-административной структуры.

Идеальным в сложившихся обстоятельствах было бы такое сочетание государственной и частнособственнической форм хозяйства, при котором приоритет первой был бы вне сомнений. Вот почему вне зависимости от того, в какой степени каждый из представителей правящих кругов лично был втянут в сферу рыночно-частнособственнических отношений (покупая земли у общин, вкладывая деньги в торговлю и т. п.), все они в целом, как квазикласс (государство-класс по М.А. Чешкову), вынуждены были действовать единодушно и достаточно жестко по отношению к собственнику. Отвечая за нормальное функционирование системы, в рамках которой и благодаря которой они господствовали, правящие верхи вынуждены были выступать за нейтрализацию дезинтегрирующей тенденции, т. е. за строгий контроль и суровые ограничения частнособственнической стихии, без чего нельзя было и думать о достижении оптимального сосуществования с ней. В разных структурах это противостояние принимало различные формы, как это будет видно из дальнейшего изложения.

Противостояние, о котором идет речь, сводилось к выработке строго фиксированной нормы, призванной регламентировать частнособственнический сектор, обеспечить верховный контроль государства и безусловный примат административной власти над отношениями собственности. Практически это означало, что в обществе не существовало системы строгих индивидуальных прав и гарантий интересов собственника, как то имело место в античной Европе. Как раз напротив – собственники были подавлены и поставлены в зависимость от носителя власти, от произвола администрации, причем наиболее преуспевшие из них нередко расплачивались за это конфискацией имущества, а то и жизнью, благо формальный предлог для этого найти было несложно. Первая заповедь частного предпринимателя в неевропейских структурах – вовремя дать взятку кому следует и «не высовываться». Это, естественно, не могло не тормозить свободного развития частной экономики и препятствовало разгулу частнособственнической стихии.

Казалось бы, все сказанное может означать, что с ослаблением централизованного

контроля в моменты кризиса ситуация должна была радикально меняться в пользу собственника. Это, однако, не так. Динамика функционирования централизованного государства в неевропейском мире убедительно опровергает подобного рода посылку. Конечно, ослабление власти центра способствовало усилению региональных администраторов и удельной знати, что нередко приводило к феномену феодализации (речь идет о социально-политической раздробленности и связанных с ней явлениях и институтах). Но это никак не означало создания благоприятных условий для частного сектора. Во-первых, государь меньшего масштаба оставался все тем же государем, с таким же аппаратом власти и теми же принципами администрации. А во-вторых, даже тогда, когда и на региональном уровне власть слабела, а общество оказывалось в состоянии дезинтеграции, следствием всего этого были упадок хозяйства, натурализация его, а то и кризис, восстания обнищавшего люда, завоевания воинственных соседей. Все это никак не способствовало расцвету частной экономики, скорее напротив – богатые собственники подвергались экспроприации в первую очередь. Словом, история Востока свидетельствует о том, что расцветала частнособственническая экономика только в условиях стабильности и сильной власти центра со всеми ее контролирующими функциями, включая жесткий административный контроль над экономикой всей страны.

Важно оговориться, что взаимоотношения государственной власти с частными собственниками бывали порой достаточно сложны, особенно если учесть, что в ряде конкретных модификаций командно-административной структуры, например в общинно-кастовой Индии, богатые собственники земли в общинах порой оказывались в положении посредников между правящими верхами и производящими низами, становясь тем самым экономическим фундаментом государства. Но эта особенность взаимоотношений вполне вписывается в рассмотренную выше систему взаимосвязей между властью и собственностью: власть доминирует над собственниками, собственники содержат власть, власть контролирует и ограничивает собственность. Собственность в рамках такого рода структуры не в состоянии уцелеть без патроната со стороны властей.

Таким образом, сущность неевропейской модели в том, что частная собственность здесь, даже появившись и укрепившись, всегда была второстепенной и никогда не была защищена от произвола власти какими-нибудь привилегиями либо гарантиями, свободами или правами. Альтернативой господству частной собственности здесь была власть-собственность. Функции господствующего класса выполняли организованные в аппарат власти верхи общества. И еще. Если в антично-капиталистической структуре государство, как на том настаивает марксизм, было надстройкой над базисом и орудием в руках господствующего класса, т. е. общество там безусловно стояло над служившим ему государством, то в неевропейских обществах все было прямо наоборот. Государство здесь абсолютно довлело над обществом и потому было, если продолжать пользоваться привычными терминами истмата, субъектом производственных отношений и важнейшим элементом базиса.

Именно в этом – ключ к структуре традиционных неевропейских обществ. Без этого трудно рассчитывать на адекватное понимание сути Востока, как древнего, так и современного.

Глава 5

Древнее Двуречье: возникновение первых государств

Представленная в предыдущих главах социологическая модель не может, разумеется, считаться универсальной. Это скорее своего рода путеводитель, позволяющий разобраться в хитросплетении тех многочисленных дорог, которые вели человечество от ранних социальных структур к развитым, от локальной группы и общины к государству, от эгалитаризма к иерархии. Реальная действительность человеческой истории многообразна. Но что характерно: при всем ее неохватном многообразии – от древнего Двуречья до современной Океании, от высоких культур Индии и Китая до весьма недавно вступивших на путь цивилизации африканских народов – генеральные закономерности эволюции примерно одинаковы, они и берутся за основу при изложении различных материалов из истории стран и народов Востока.

Здесь стоит с самого начала сделать одну весьма существенную оговорку, значение

которой будет становиться все очевиднее по мере более детального знакомства с материалом. Дело в том, что структурные формы, типологическое сходство которых берется за основу, суть лишь скелет того или иного общества. Конкретный же облик и тем более живой дух его зависят главным образом от его цивилизационных и религиозно-культурных параметров. Что же касается этих последних, то о них следует сказать в первую очередь самое главное: при всем своем несхождении и даже порой весьма заметном принципиальном противостоянии друг другу все они в чем-то опять-таки близки между собой. Эта близость, равно как и кардинальное отличие их от европейской антично-христианской традиции-цивилизации, в том, что они появились на свет и были призваны обрамлять отличные от европейской неевропейские структуры. Иными словами, системы идей и институтов во всех неевропейских традициях-цивилизациях, от дальневосточной до американской доколумбовой, различались весьма заметно, но притом разительно сходились в одном и основном: все они обслуживали структуры, где частнособственнические отношения не были главными и где поэтому не существовало всего того, что способствовало бы их быстрому и эффективному развитию, как то имело место в Европе.

Это не значит, что ни в одной из них изначально не было элементов, которые при иных обстоятельствах вели бы к иным результатам. Напротив, такое бывало и даже сыграло свою роль (феномен Финикии) в формировании античной структуры. Но эти элементы со временем отмерли, уступив место иным, целиком сориентированным на обслуживание командно-административной структуры в той или иной ее модификации в рамках данной неевропейской традиции-цивилизации. Можно добавить к сказанному, что процесс сложения системы идей и институтов в рамках каждой традиции-цивилизации шел весьма медленно, особенно на раннем этапе развития государств.

Первые камни в фундамент мировой урбанистической цивилизации были заложены на древнем Ближнем Востоке, в долине нескольких великих плодородных рек. Примерно в VIII–VI тысячелетиях до н. э. земледельцы ближневосточных предгорий, уже освоившие достижения неолитической революции и с каждым поколением все увеличивавшиеся в числе, стали спускаться в равнины и активно заселять плодородные долины рек, в первую очередь Тигра и Евфрата. Междуречье и берега этих рек, именуемые общим термином Двуречье, а также соседние районы (Загрос, Анатолия, Палестина) ныне хорошо изучены специалистами. Раскопанные археологами поселения (Джармо, Хассуна, Тель-Халаф и др.) свидетельствуют, что их обитатели жили в глинобитных домах, сеяли ячмень, пшеницу и лен, разводили коз, овец и коров, были знакомы с ранними формами ирригационного хозяйства (осушение болотистых земель с помощью каналов, возведение дамб и т. п.), изготавливали различные керамические сосуды (наиболее ранние из них не были знакомы с керамикой), изделия из камня, позже – даже из меди. По мере продвижения земледельцев к югу, где удобряемые разливами рек почвы были особенно плодородны, поселения становились богаче и крупнее. Культура Убайд (конец V тысячелетия до н. э.) представлена уже поселками до Юга, в центре которых размещались крупные храмовые комплексы на высоких земляных платформах, окруженные городскими стенами – явственный признак ранней урбанизации. Раскопки этих поселений свидетельствуют о многочисленном населении, развитии ремесле, включая знакомство с гончарным кругом, металлургией, ткачеством, принципами архитектуры и монументального строительства.

Культуру Убайд принято считать протошумерской. Как известно, на рубеже V–IV тысячелетий до н. э. на территории Южного Двуречья появляются шумеры, с именем и деятельностью которых связывается возникновение древнейшего мирового очага цивилизации и государственности. Загадка шумеров до сих пор не разгадана. Их собственные легенды указывают на юг (приморские районы Персидского залива) в качестве прародины; специалисты видят ее то на востоке, то на севере. Ясно одно: шумерский язык значительно отличался от группы семитских языков, распространенных среди большинства древних обитателей ближневосточной зоны. Похоже на то, что пришельцы-шумеры, появившись в зоне обитания насельников культуры Убайд, быстро и энергично заимствовали все достижения их культуры и, возможно, сыграли важную роль внешнего толчка в ускорении поступательного ее развития – теперь уже на их, шумерской, этнической основе.

Протогосударства древнего Шумера

Примерно с середины IV тысячелетия до н. э. в Южном Двуречье появляются первые надобщинные политические структуры в форме городов-государств. Примером их служит Урук, с культурой и социальной структурой которого можно ознакомиться как на основе данных археологии, так и на базе древнейших памятников шумерской пиктографической письменности (начертанные на глиняных табличках документы хозяйственной отчетности).

Источники свидетельствуют, что система администрации в Уруке была тесно связана с культом бога неба Ана, выступавшего, видимо, в функции связующего единства коллектива. Храм в честь Ана был общественным и хозяйственным центром Урука, а жрецы храма исполняли функции управителей во главе с верховным жрецом, главой протогосударства. Археологические слои, датируемые рубежом IV–III тысячелетий до н. э. (Урук, Джемдет-Наср), свидетельствуют, что ранние протогосударства Двуречья были знакомы с достаточно сложным ирригационным хозяйством, которое поддерживалось в рабочем состоянии усилиями всего населения во главе с жрецами. Храм, выстроенный из обожженного кирпича, был не только крупнейшей постройкой и монументальным центром, но одновременно и общественным складом, и амбаром, где размещались все запасы, все общественное достояние коллектива, в который уже включалось и некоторое количество пленных иноземцев, использовавшихся для обслуживания текущих нужд храма. Храм был также центром ремесленного производства, включая и металлургию бронзы.

Жрецы-администраторы, ремесленники, хранители храмового имущества, писцы, слуги и даже рабы из числа пленников – все они жили за счет избыточного продукта общинников, но при этом каждый из них вносил свою долю в совокупный общественный труд и продукт коллектива в целом. Реципрокный обмен продуктами и деятельностью, равно как и централизованная редистрибуция коллективного избыточного продукта и труда (включая продукт ремесленников, труд администраторов и обслуживающего персонала) лежали в основе нормального существования ранних протогосударств Шумера. Собственно, именно для строгого учета и регулирования все усложнявшихся норм и форм взаимоотношений и велась детальная хозяйственная отчетность, вызвавшая к жизни письменные документы, этот важный элемент складывавшегося древнейшего очага мировой цивилизации.

Протогосударства древнего Двуречья развивались быстро и энергично. Росло количество населения и совершенствовались трудовые навыки, обогащалась культура труда, следствием чего было увеличение количества освоенных и обеспеченных ирригационными устройствами полей. Резко возрастали запасы получаемого с этих полей зерна, причем избыток его после удовлетворения текущих нужд оторванных от производства пищи работников все чаще использовался в качестве своего рода валюты: специальные служители храмов, тамкары, отправлялись на груженых зерном судах в далекие экспедиции, включая и морские, с целью выменять зерно на столь необходимые в скудных полезных ископаемых районах Южного Двуречья металлы, камень, строительный лес и т. п. Эти дорогие предметы далекого импорта использовались как для нужд производства, так и в сфере постепенно увеличивавшегося престижного потребления верхов, включая строительство храмов и домов-дворцов, изготовление украшений, изысканной одежды.

С ростом протогосударств усложнялась и их внутренняя структура. Если вначале храм был центром хозяйства и разросшейся общины либо группы соседних общин, каждая из которых в лице своих представителей принимала участие в обработке земли храма, продукт с которой шел на сакральные (совместные всеобщинные ритуалы с обильным жертвоприношением) и страховые нужды коллектива и на содержание немногочисленной еще группы оторванных от производства пищи людей, то теперь ситуация изменилась. Видимо, уже со второй трети III тысячелетия до н. э. в большинстве протогосударств (Урук, Киш, Ур, Лагаш и др.) население исчислялось десятками тысяч, а количество общинных деревень – многими десятками. Практически это значило, что избыточный труд и продукт общинников – даже при условии значительного роста храмовых земель и храмового хозяйства – уже не мог быть реализован с достаточной полнотой и эффективностью вне самих общинных полей и

поселений, которые могли отстоять от храма на десятки километров. Поэтому происходило отделение общинных полей от полей храма. Общинники обрабатывали свои земли и выплачивали ренту-налог, тогда как в обработке храмовой земли они переставали принимать участие, что, впрочем, не исключало их участия в общественных работах, на строительстве каналов, дамб, храмовых или дворцовых сооружений, дорог и т. п. с обеспечением их питанием и выдачей необходимых орудий труда из храмовых амбаров и складов.

Наиболее наглядно это видно на примере структуры храмовых земель храма богини Бау (Бабы) в Лагаше в XXV–XXIV вв. до н. э., когда это протогосударство завоевало и подчинило себе ряд соседних и в его состав было включено несколько храмовых комплексов – к слову, храм Бау не был единственным и в самом Лагаше; главным там в то время был храм бога Нингирсу (Нин-Нгарсу, супруга Бау), верховный жрец которого выступал в качестве правителя-энси. Обычные общинники при обработке земли храма Бау практически не использовались. Вся земля храма была поделена на три части. Первая по-прежнему оставалась храмовой; ее обрабатывал персонал храма из числа бывших иноплеменников и иных стоявших вне общин лиц, а урожай предназначался для сакральных нужд, торгового обмена, страховых и экстраординарных выдач. Вторая в виде служебных наделов раздавалась рабочему персоналу и служащим храма, включая ремесленников, – в качестве платы за их труд. Наконец, третья часть в форме наделов предназначалась для передачи их любому желающему и нуждающемуся в качестве аренды с весьма умеренной арендной платой (1/6 – 1/8 урожая).

Отделение храмового хозяйства от общинного и превращение его в особую сферу экономики, в государственное хозяйство, сыграло важную роль в укреплении экономических, а затем и политических позиций жреческой администрации во главе с энси. Опираясь на такого рода хозяйства, энси все определеннее отдалялся от коллектива общинников, приобретал в их глазах сакральные признаки отмеченного покровительством богов правителя и в качестве верховного связующего единства становился во главе заметно возмужавшего бюрократического аппарата, оказывался высшим и основным субъектом власти-собственности и централизованной редистрибуции. Вначале выборная, должность энси со временем все очевиднее приобретала тенденцию превратиться в наследственную, что и стало нормой после объединения всего Шумера Саргоном Аккадским в XXIV в. до н. э.

Период шумерской истории до этого объединения принято именовать раннединастическим. Это была эпоха ожесточенной борьбы соседних протогосударств за политическую гегемонию, а их правителей – за усиление и укрепление своей власти, расширение и распространение ее за счет соседей. Войско каждого из таких протогосударств обычно состояло из небольшого отряда тяжеловооруженных воинов; вспомогательной силой были примитивные колесницы на сплошных колесах, запряженные, видимо, онаграми либо ослами и приспособленные для метания дротиков.

Вначале, в XXVIII–XXVII вв. до н. э., успех был на стороне Киша, правители которого первыми приняли титул лугалья, стремясь тем самым подчеркнуть свое первенство среди остальных. Затем возвысился Урук, имя правителя которого, Гильгамеша, впоследствии вошло в легенду и оказалось в центре шумерского эпоса. Урук при Гильгамеше подчинил себе, хотя и еще очень непрочно, ряд соседей – Лагаш, Ниппур и др. В XXV в. верховенства и титула лугалья добились правители Ура, чьи царские гробницы, раскопанные английским археологом Л. Вулли, были наполнены богатыми украшениями, драгоценностями, повозками и десятками сопогребенных, призванных сопровождать на тот свет повелителя. На рубеже XXV–XXIV вв. на авансцену шумерской истории вышел Лагаш.

Сначала его правитель Эанатум присоединил ряд соседних центров – Киш, Урук, Ларсу и др., что привело к усилению его военного и политического могущества. При Лугальанде политика дальнейшей централизации власти и связанных с этим злоупотреблений вызвала резкое недовольство населения. В результате восстания – едва ли не первого из зафиксированных историей – Лугальанда был низложен, а к власти пришел Уруинимгина, проведший ряд реформ, сущность которых сводилась к восстановлению нарушенной нормы, отмене либо уменьшению поборов с населения, увеличению выдач работникам храма. Видимо, эти вынужденные реформы содействовали ослаблению централизованной администрации Лагаша, что вскоре и привело к завоеванию его удачливым правителем Уммы Лугальзагеси,

создавшим объединенное Шумерское государство, правда, просуществовавшее очень недолго.

Ранние государства Месопотамии

Середина III тысячелетия до н. э. была отмечена энергичным заселением Двуречья скотоводческими семитскими племенами, и до того в немалом количестве проникавшими в Шумер. Их поселения на севере стали активно заимствовать достижения шумерской цивилизации, сближаясь с ней по уровню развития (впрочем, аналогичный процесс шел, видимо, и в соседнем с Шумером Эламе, расположенном к востоку от него). Представителем и выразителем активной наступательной политики семитских племен стал в конце XXIV в. Саргон (Саргон Древний, или Аккадский). По преданию, он был незаконнорожденным младенцем, выловленным в корзине в реке и воспитанным чужими людьми¹⁰. Поступив на службу к правителю Киша, Саргон быстро выдвинулся, а после гибели Киша выкроил себе собственное государство и стал успешно воевать с соседями. Затем Саргон провозгласил себя лугалем выстроенного им на севере Шумера нового города Аккада.

Вступив в длительную войну с Лугальзагеси, Саргон успешно довел ее до конца, объединил под своей властью Шумер и Аккад и стал правителем большого государства, состоявшего из многих десятков региональных подразделений, бывших городов-государств. В успехах Саргона большую роль сыграла созданная им армия: едва ли не впервые в истории в руках именно этого завоевателя оказалась крупная боевая сила профессиональных воинов (5400 человек), каждый из которых за свою службу получал надел и жил за счет дохода от него. Неудивительно, что после создания единого государства Саргон сумел подчинить себе соседний Элам и совершил ряд успешных походов на север и северо-запад.

Возникновение крупного централизованного государства привело к концентрации в руках его правителя всей полноты власти. Храмы с их жрецами, хозяйством и обслуживающим персоналом, равно как и возникавшие параллельно с ними и во многом на основе той же модели царские хозяйства, за счет которых выделялись наделы воинам и иным служащим, были основой экономического могущества центра. Рента-налог с общинников, дань с покоренных соседей и повинности населения были основой нормального функционирования структуры в целом. При этом усиление роли государственного хозяйства и приток дани извне объективно способствовали росту престижного потребления верхов, следствием чего стал заметный процесс приватизации. Вначале он выявлялся на уровне верхов и реализовывался в форме индивидуального накопления имущества – как в результате войн, так и в ходе обменных операций тамкаров. Важную роль играл при этом приток пленных иноплеменников, превращаемых в рабов, чей труд использовался практически почти бесплатно.

Государство Саргона просуществовало недолго. Уже при его сыновьях и внуке Нарамсине, успешно продолжавших его политику, стали заметны признаки упадка: региональный сепаратизм и недовольство покоренных давали себя знать, все чаще приходилось подавлять восстания. Нарамсин (Нарам-Суэн) принял ряд мер, укрепивших администрацию центра; он велел даже официально именовать себя богом, а прежних наследственных энси заменил назначаемыми чиновниками. Но уже при его сыне пришедшее в упадок Аккадское государство пало под натиском появившихся с территории Ирана племен кутиев (гутеев), которые стали управлять завоеванной ими Месопотамией с помощью назначавшихся ими из числа прежних региональных правителей-энси наместников. В руках некоторых из них оказалась немалая власть. Так, заметно выделялся среди других энси Гудеа в Лагаше, откупавшийся от кутиев данью и сосредоточивший в своих руках власть почти над всей Южной Месопотамией. Правление Гудеа отличалось, в частности, размахом ирригационного и храмового строительства и значительным развитием торговых связей с различными районами Ближнего Востока, вплоть до Индии.

На рубеже XXII–XXI вв. власть кутиев пала, и во главе нового «царства Шумера и

¹⁰ Довольно частый легендарно-мифологический сюжет, известный в истории многих народов. В частности, он использован в Библии при описании судьбы пророка Моисея

Аккада» стали представители очередной, третьей, династии Ура. Вновь вступило в полосу расцвета царско-храмовое хозяйство, была проведена работа по унификации мер и весов, что в немалой степени способствовало ускорению процесса приватизации. Все большее количество людей оказывалось вне общины и вынуждено было продавать свой труд в качестве батраков-наемников либо обрабатывать чужие наделы (воинов, храмовых служащих, иных должностных лиц, включая и правителей) на правах аренды. В качестве всеобщего эквивалента начали использовать серебро, весовая мера которого – сикль (ок. 8 г) – стала единицей денежного измерения. Развивались товарно-денежные отношения, сфера распространения которых уже не ограничивалась престижным потреблением верхов, но все заметней затрагивала ремесло, даже недра крестьянской общины.

Главы общинно-клановых групп («домашних общин»), распорядившиеся коллективным имуществом группы, подчас уже включавшей в себя не только ближайших родственников, но также и чужаков, рабов-слуг, получили возможность приобретать товары, накапливать и реализовывать продукты труда домочадцев. В общине стало все более заметным имущественное расслоение, деление на богатых и бедных, что вело к экономическому противостоянию: неимущие нуждались в кредите, имущие становились ростовщиками. Не имея возможности вернуть долг, бедняки всеми правдами и неправдами (продажа земли официально еще не была разрешена) стремились отдать вместо него землю, которую богатые с удовольствием брали. В общине появлялись безземельные. Часть их уходила в сферу царско-храмового хозяйства, другие при нужде продавали себя в кабалу – появлялось долговое рабство.

Все эти процессы, активно проявившие себя в годы правления третьей династии Ура, вызвали сильное и вполне оправданное беспокойство централизованной администрации, которая достаточно хорошо осознавала, что их дальнейшее развитие может привести к разложению общины, уменьшению налогоплательщиков, росту численности нищих и бедных и тяжелым грузом ляжет на казну. Поэтому, начиная с наиболее ранних установлений, дошедших до нас как раз от эпохи третьей династии Ура (законы Ур-Намму, законы из Эшнунны), администрация озабочена тем, чтобы ограничить богатеющего собственника, не дать ему в обиду разорившихся, строго определить цену наемного труда, размер ростовщического процента, условия содержания частного раба и т. п. И хотя законы при этом охраняли право собственности на имущество, включая и рабов, они же отстаивали право обиженного либо пострадавшего на соответствующую материальную компенсацию. В целом же нельзя не заметить, что главное содержание правовой нормы сводилось к поддержанию статуса основного населения. Пусть раб из числа иноплеменников был лишен многих прав и подчас наказывался по весьма строгой норме (хотя и ему не воспрещалось иметь семью и даже имущество), это не должно было относиться к рабам-должникам из числа соплеменников. Их нельзя было продавать за пределы страны, и они чаще всего приравнивались по положению к младшим членам семьи.

Правители третьей династии Ура, начиная с сына основателя династии Ур-Намму, Шульги, официально именовали себя богами, причем их реальный статус действительно был близок к положению обожествленного монарха. Власть правителя была в высокой степени централизована; региональные подразделения, бывшие протогосударства (города-государства), управлялись назначаемыми из центра наместниками, которые по традиции именовались энси. Подобно Саргону и Саргонидам, правители Ура имели хорошо организованную профессиональную армию, причем часть ее составляли наемники из числа воинственных кочевников-амореев. Наряду с армией возникли уже и иные элементы принуждения, в частности суд, для нужд которого и был разработан судебник Ур-Намму. Необходимо подчеркнуть, что приток пленных иноплеменников и разорение общинников вследствие процесса приватизации были одной из важных причин расцвета царско-храмового хозяйства в его невиданной прежде форме псевдолатифундий, обрабатывавшихся организованными в рабочие отряды зависимыми земледельцами, гурушами («молодцами») и нгеме (гим; рабынями). Это не только способствовало укреплению позиций централизованной администрации, но и вызвало к жизни море должностной отчетности: примерно половина всех дошедших до нас клинописных табличек (около 100 тыс.) касается государственного хозяйства

третьей династии Ура. Можно считать, что «царство Шумера и Аккада» конца III тысячелетия до н. э. было своего рода апогеем торжества структуры, порожденной абсолютным господством власти-собственности и централизованной редистрибуции. Едва ли не большая часть населения страны, оказавшаяся в силу разных причин выбитой из привычной жизни сельских общин, заняла место тружеников-поденщиков в гигантской системе царско-храмовых псевдолатифундий, где труд и быт были построены по нормам казарменного коммунизма.

Абсолютное господство такой структуры на этом, впрочем, и кончилось, ибо рядом с государственной возникла иная форма хозяйства, основанная на частной собственности, появление и упрочение которой знаменовали серьезную трансформацию экономики общества. Кризис государственного хозяйства (коммунистической казармы) и укрепление частного сектора в Двуречье вызвали постепенное ослабление централизованной власти, усугублению которого способствовали нашествие воинственных пастухов-амореев, а затем также и эламитов. Третья династия Ура на этом прекратила свое существование.

Вавилония

Вызванный серьезными экономическими процессами, прежде всего приватизацией, социальный кризис сопровождался заметным ослаблением политической власти и децентрализацией, под знаком которой прошли два века. Это было время ожесточенной борьбы соперничавших друг с другом государств и династий различного происхождения – аморейских, эламских и собственно месопотамских, среди которых на рубеже XIX–XVIII вв. до н. э. стала выделяться Вавилония. Новый центр Двуречья Вавилон, со временем превратившийся в величайший город мира, стал возвышаться с начала правления шестого представителя вавилонской династии, Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.). За долгие годы успешного правления Хаммурапи сумел поочередно разгромить соседей-соперников, объединив под своей властью всю Месопотамию.

Заново на развалинах далекого прошлого правитель Вавилонии создал могущественное и процветающее централизованное государство. И хотя оно просуществовало не слишком долго и уже при преемниках Хаммурапи появилась тенденция к некоторому упадку, следствием чего были вторжения эламитов, а затем и завоевавших Вавилонию в XVI в. касситов, именно Вавилонию царя Хаммурапи можно считать первым в Западной Азии развитым государством в полной смысле этого слова. Речь идет не о централизованной эффективной администрации на большой территории – это было в Двуречье со времен Саргона Аккадского. Суть в ином: вавилонское государство уже представляло собой ту сложную структуру, которая в дальнейшем была характерна (в многочисленных вариантах) для всех достаточно развитых обществ традиционного Востока, да и не только Востока.

В государстве Хаммурапи свойственные ранним структурам клановые и родственные связи уже были заметно оттеснены связями административно-территориальными, а вассально-иерархическая пирамида власти превратилась в централизованный бюрократический аппарат, эффективно действовавший через своих чиновников. Соответственно укрепился и институционализировался влиятельный и достаточно многочисленный слой специалистов-профессионалов, занятых в сфере управления и примыкающих к ней сферах обслуживания, – администраторы, воины, ремесленники, торговцы, слуги и др. Возник и весьма многочисленный слой неполноправных выходцев из числа пленных иноплеменников или потомков разорившихся полноправных общинников. И хотя между первым и вторым отмеченными здесь слоями была существенная разница в социальном положении, имущественном цензе и образе жизни (эта разница отражалась в документах, терминологии – неполноправные работники обозначались особым сводным термином мушкенум), общим между ними было то, что все они считались и именовались царскими людьми, т. е. людьми, непосредственно занятыми в системе администрации или причастными к ней, обслуживавшими ее. Именно в этом плане все царские люди обоих слоев-категорий противопоставлялись остальному населению, т. е. земледельцам-общинникам, права и статус которых были объектом внимания и заботы со стороны правящих верхов.

Государство Хаммурапи обладало монополией силы, твердо опираясь на фиксированный

закон и связанные с ним формы принуждения. Выдвижение на передний план кодифицированного законодательства с достаточно строгой системой наказаний было связано с тем, что развитие частнособственнических отношений, товарно-денежных связей и особенно ростовщичества с его внушительными процентами (20–30% годовых) вело к быстрому разорению общинников и обогащению за их счет частных собственников.

Как известно, частное предпринимательство обладает само по себе огромными потенциями; его внутренняя сила – если ей не поставить преград – способна за короткий срок кардинально изменить облик общественных отношений, всю структуру общества, как то было наглядно продемонстрировано несколько позже античной Грецией. В Вавилонии Хаммурапи потенции частного сектора уже давали о себе знать с достаточной очевидностью. На фоне этих возможностей централизованной администрации стало ясно, что прежние псевдолатифундистские методы хозяйства на царско-храмовых землях экономически неэффективны, что они изжили себя. На смену этим методам пришла практика раздачи царско-храмовых земель (они, по некоторым подсчетам, составляли до 30–40% пашни) в виде должностных наделов царским людям первой категории – это была форма их жалованья – и в виде неотчуждаемых обязательных наделов царским людям второй категории, выплачивавшим за пользование этим наделом долю урожая в казну. При этом наделы царских людей первой категории, как и наделы родовитых сановников и жрецов, включая и поля правителя, обычно обрабатывались примерно на тех же началах обязательной аренды, что и остальные земли храмов (обязательные наделы), хотя в этом случае в качестве арендаторов могли выступать как зависимые царские люди второй категории, так и полноправные общинники.

Особо следует сказать о полноправных общинниках. Этот слой в Месопотамии всегда преобладал. И хотя не всегда общинники были в одинаковом правовом и социально-экономическом положении, важно подчеркнуть, что различия обычно касались потенциальных возможностей, но не реального их статуса, как раз определявшего место этого слоя в обществе. В частности, применительно к Вавилонии Хаммурапи необходимо заметить, что хотя формально процесс приватизации охватывал все земли и всех людей, кроме царско-храмовых земель и связанных с ними царских людей, фактически ситуация была много сложнее. Не следует представлять дело таким образом, что, коль скоро товарно-денежные отношения вторглись в недра крестьянской общины, она была тем самым уже заведомо обречена на быстрое превращение в коллектив частных собственников, строящий свои взаимоотношения на основах товарного хозяйства и рыночных связей, что не могло бы не привести к быстрому разложению общины.

В отличие от античности на Востоке не было условий для такого развития. Напротив, были мощные силы, действовавшие в ином направлении. Централизованная власть, которая здесь была нормой, диктовала свои условия развития. Применительно к общинной деревне это означало, что государство принимало энергичные меры для предотвращения деструктивного процесса гибели традиционной общины. Вот почему, хотя некоторое количество беднейших общинников, несмотря на все ухищрения противодействовавших этому властей, все-таки разорялось и продавало свои земли соседям, этот процесс обычно ограничивался лишь небольшой частью общины и был к тому же обратимым. В результате подавляющее большинство общинников, пусть с трудом сводя концы с концами, продолжало вести свое по преимуществу натуральное хозяйство, и это было нормой, переходящей из поколения в поколение. Отсюда и результат: сфера действия нового частнособственнического сектора в пределах социально-экономической структуры в целом была не столь значительна, чтобы поколебать и тем более преобразовать по своему образу и подобию всю структуру.

Не сумев этого добиться, частнособственнический сектор достаточно гармонично и непротиворечиво вписался в издавна существовавшую систему отношений, приведя ее к некоторой модификации. Суть модификации сводилась к тому, что государство, опираясь на древнюю основу – неотчуждаемые коллективные общинные и царско-храмовые земли, – допускало существование частнособственнического сектора в виде включенного в товарооборот небольшого куска земель, наемного труда, частной аренды, ростовщичества, долгового рабства и вообще системы товарно-денежных отношений. Все это было необходимо для нормального функционирования большого развитого социального организма. Но при всем

том государство достаточно жестко ограничивало и контролировало реальные возможности, сферу влияния и вообще потенции частного сектора.

Законы Хаммурапи

Именно эта политика и нашла свое отражение в знаменитых законах Хаммурапи – первого в истории достаточно полного и многостороннего свода правовых норм и административных регламентов, сложившихся на основе более ранних законов и весьма четко определявших права и обязанности населения, в частности ограничивавших сделки частнособственнического характера. Законы, начертанные на каменном обелиске, состояли из краткого введения, заключения и 282 статей (в самом тексте нумерации статей нет), в которых нашли отражение различные и в большинстве, видимо, опиравшиеся на прецеденты судебные казусы, а также многие реальные формы взаимоотношений, анализ которых дает представление о вавилонском обществе XVIII в. до н. э.

В судебнике не выделены четко не только статьи, но и разделы. Однако специалисты вычленили несколько групп параграфов, посвященных разным вопросам: общим принципам отправления правосудия; охране собственности царя, храмов и населения; статусу имущества, полученного от царя за службу; операциям с недвижимостью и торговле; семейному праву; наказаниям за телесные повреждения; операциям с движимым имуществом. Статьи о семейном праве, например, свидетельствуют о господстве моногамной семьи с заключением брачного контракта, в котором оговаривались права обеих сторон. Право на семью имели все, включая рабов, дети которых при этом считались полноправными. На развод имели право обе стороны, но за неверность жена наказывалась строже. Приданое жены принадлежало ее детям, которые делили между собой наследство после смерти родителей.

В судебнике выделяются три группы людей по их правоспособности: полноправные, мушкенум и рабы. Каждая из них по-разному отвечала за те или иные проступки. Так, за ущерб, нанесенный какому-либо мушкенуму, штраф был меньше, чем за ущерб полноправному. Что же касается раба, то он «стоил» еще дешевле, а за правонарушения, совершенные им, применялись наиболее строгие меры и жестокие наказания. Вообще рабы, если иметь в виду частных, считались собственностью хозяев – беглых ловили, укрывателей наказывали. Но при всем том раб имел и определенные права – на семью, хозяйство, имущество. Что касается мушкенумов, то это были, как упоминалось, зависимые царские люди, которые могли иметь хозяйство, нередко рабов, а подчас и должность, и достаточно высокий административный статус.

Группа статей, касающихся собственности, – едва ли не самая большая в судебнике. Признавая собственность как институт (воры и укрыватели либо покупатели краденого наказывались), законы вместе с тем основную свою цель видели в ее регулировании и ограничении. Прежде всего они строго запрещали отчуждение в любой форме пожалованных царем наделов, особенно наделов воинов. Статьи обстоятельно регламентировали условия найма и размер платы за наемный труд; скрупулезно рассматривались все случаи аренды и норма арендной платы, условия залога имущества.

Наибольшее внимания заслуживают те из статей, которые касались условий кредита и ростовщичества. Все они были направлены на ограничение произвола заимодавцев и стремились дать должнику максимальные шансы. При неурожае его долг откладывался. Если за долг человек был вынужден отдать в долговое рабство кого-либо из своей семьи, кредитор нес ответственность за приобретенного таким образом раба-должника: в случае, если от дурного обращения последний умирал, кредитор наказывался. В любом случае срок долгового рабства не должен был превышать трех лет – после этого срока должник освобождался, а долг считался погашенным. Был установлен и размер долгового процента – он не должен был превышать 20% при денежном и 30% при натуральном займе.

Наказания за серьезные преступления были суровыми, часто преступник карался смертью. Основной принцип назначения наказаний – талион, т. е. воздаяние по принципу «око за око», «руку за руку», «сына за сына», «раба за раба». Вообще же чтение всех 282 статей судебного кодекса показывает, что лейтмотивом его была защита традиционных прав и имущества собственного,

т. е. вавилонского, населения – особенно в тех случаях, когда вавилонянин или его имущество оказывались под угрозой. Попавшего в плен война следовало выкупить, а если для этого не хватало средств, необходимую сумму должен был дать храм его поселка либо дворцовое хозяйство, т. е. казна. Если пленник стал рабом, то после его выкупа он возвращался домой. Вообще все свое, вавилонское, население и особенно полноправные обеспечивались максимальной поддержкой закона, бывшего как бы гарантом неприкосновенности их личности и имущества перед натиском со стороны врагов – от неприятеля, могущего взять их в плен и продать в рабство, до собственника, выступавшего в роли ростовщика, хозяина, нанимателя, арендодателя.

Что касается мушкенумов, то они имели меньшую правоспособность не потому, что были более эксплуатируемым слоем населения. Очень похоже на то, что в этом смысле они были наравне с полноправными, а в административном плане часто стояли выше их. Разница между мушкенумом и полноправным общинником была в том, что царские люди чаще всего не имели корней в общинах Вавилонии и в силу этого не могли считаться полноправными. Что касается рабов, то многое в судьбе их и их потомков зависело, видимо, от случая; есть основания считать, что в рабы-чужаки достаточно быстро могли приобрести статус мушкенума, особенно если их сажали на храмовые земли. Рабы, оказавшиеся во владении общинных групп, обычно включались в состав семьи на правах ее младших членов со всеми вытекавшими из этого следствиями. Иными словами, во втором поколении рабы, как правило, рабами быть переставали. Это была, таким образом, как бы временная категория, переходная (напомню, что речь идет о рабах-иноплеменниках, рабах-пленниках, рабах-чужаках, и только о них, – о долговых рабах речь только что шла особо).

* * *

Подводя итоги, обратим еще раз внимание на динамику исторического развития ранних очагов урбанистической цивилизации в ее шумеро-вавилонском варианте. Сначала возникает группа соседних и параллельно развивающихся шумерских протогосударств с весьма характерной для них храмовой формой администрации. Административно-политическая структура такого типа благоприятна для формирования стабильно и эффективно функционирующего механизма редиистрибуции: параллельно с налогами от общин казна приобретает и закрепляет за собой храмовые земли и все доходы от них. Увеличение количества храмовых и, позже, царско-храмовых земель в рамках укрупненных государств Саргона или правителей третьей династии Ура создает условия для упрочения сильной централизованной власти, причем этому же способствуют процесс приватизации и появление в рамках социума немалого количества безземельных вчерашних общинников, вынужденных арендовать храмовые и царские земли. Обилие неполноправных арендаторов на царско-храмовых землях времен третьей династии Ура привело к возникновению здесь системы псевдолатифундий с массовым использованием лишенных собственности и находившихся под жестким контролем администрации невольников, о статусе и образе жизни которых свидетельствуют массовые документы хозяйственной отчетности, создающие впечатляющую картину коммунистической казармы.

Неэффективность казарменного коммунизма в форме труда подневольных на псевдолатифундиях выявилась достаточно быстро, так что в Вавилонии времен Хаммурапи от этой формы хозяйства отказались, раздав царско-храмовые земли служащим в качестве платы кормления, и всем остальным, включая неполноправных мушкенумов, в виде аренды. Общинники, сохранившие земли, по-прежнему платили налоги в казну. Возникшие частные собственники тоже их платили, но статус частнособственнических земель выгодно отличался от статуса земель общинных тем, что их можно было продать беспрепятственно, – обстоятельство, которым порой не брезговали и правители, покупавшие в собственное пользование те или иные поля из частнособственнического клина земель.

Шумеры и вавилоняне были первыми, кто шел по пути становления государственности, так что их вариант политогенеза и развития форм хозяйства и форм собственности заслуживает особого внимания. Он во многих отношениях был эталонным для тех, кто шел вслед за ними,

хотя, разумеется, существовали и иные варианты, о которых речь пойдет ниже. Но прежде чем закончить изложение материалов и выводов, касающихся этого варианта, стоит хотя бы вкратце упомянуть о том вкладе, который внесли жители древнего Двуречья в мировую культуру.

Это, во-первых, шумерское иероглифическое письмо, достаточно быстро трансформировавшееся в массовой документации царско-храмовых хозяйств в упрощенную клинопись, что впоследствии сыграло решающую роль в возникновении алфавитной системы. Во-вторых, это постоянно развивавшаяся усилиями жрецов система календарного счисления, тесно связанного с астрономическими наблюдениями, а также элементарная математика. Тот алфавит, те сведения о календаре и звездном небе с его знаками зодиака, та десятиричная система счета, которыми мы пользуемся и сегодня, восходят именно к древнему Двуречью. Религиозные представления с множеством богов и храмов в их честь, интереснейшие мифы с описанием жизни, приключений и походов богов и героев, наиболее знаменитым среди которых считался Гильгамеш, развитое изобразительное искусство, особенно каменные рельефы и барельефы, культура архивного дела, первые в истории географические карты и путеводители – вот далеко не полный перечень того, что осталось в памяти потомков и внесло свой вклад в развитие мировой культуры.

Глава 6 Древний Египет

Египетский вариант становления государства и общества заметно отличался от месопотамского. Египет, как известно, – дар Нила. И эта привязанность к нильской долине с ее строго регулярным режимом не могла не сказаться на судьбах страны и народа, особенно в связи с замкнутостью Египта, столь отличного в этом плане от открытого для контактов, влияний и нашествий Двуречья.

Заселение долины Нила шло в основном за счет все той же ближневосточной волны (точнее, волн) спустившихся с предгорий неолитических земледельцев, которые осваивали и Двуречье, а древнейшие археологические культуры Египта (Фаюм, Бадари и др.) примерно одновременны с Убайдом. Однако по сравнению с тем же Убайдом эти культуры более отстали и примитивны: зерновое земледелие (ячмень, пшеница-полба), кремневые орудия, грубоватая керамика, первые изделия из привозной синайской меди. Видимо, связи через Синай и влияние более развитой и, во всяком случае, энергично распространявшей свои достижения цивилизации Двуречья оказали определенное воздействие на ускорение темпов развития культуры нильской долины, о чем убедительно свидетельствует ряд важных нововведений, в частности пиктографическая письменность. IV тысячелетие до н. э. было периодом активного развития древнейшего Египта. Ирригационные сооружения, без которых земледелие в долине Нила невозможно; глинобитные строения; металлургия меди; имущественное неравенство, фиксируемое раскопками; овладение практикой строительства из сырцового кирпича – все это и многое другое достаточно наглядно свидетельствует о материальном фундаменте, соответствующем уровню ранних надобщинных объединений, первичных протогосударств.

Как и в Шумере, первые протогосударства в Египте возникали в виде объединений вокруг храмов. Эти сообщества позже стали именовать греческим термином «ном». Территориально древнеегипетский ном тянулся вдоль берега на многие десятки километров, причем к каждому номовому храму, божество которого выступало в качестве «связующего единства», тяготело несколько десятков поселений. Во главе номовых сообществ стояли первосвященники-жрецы, с течением времени все явственнее приобретающие функции политических администраторов, правителей нома. Как можно полагать (в отличие от Двуречья, источники, которые касались бы этого периода развития, отсутствуют), жрецы-правители номов по мере укрепления их власти вступали в ожесточенное соперничество друг с другом, результатом чего была постепенная концентрация власти в руках наиболее удачливых из них. Предание, зафиксированное египетским жрецом Манефоном (на рубеже IV–III вв. до н. э. он написал историю Египта, впоследствии утраченную), говорит о том, что около двух десятков номов Верхнего Египта, по течению реки вплоть до Дельты, и примерно такое же количество номов Нижнего Египта в

дельте Нила на рубеже IV–III тысячелетий до н. э. были объединены в руках двух правителей, борьба между которыми привела к победе правителя Верхнего Египта, коронованного себя обоими коронами.

Столь раннее объединение всей страны под началом единого царя, фараона, равного которому по объему власти в то время еще не знало человечество, сыграло свою роль в ускорении процесса институционализации власти, становления эффективной централизованной администрации, опиравшейся на мощный и разветвленный иерархическо-бюрократический аппарат. Почти за полтысячелетия до Саргона Аккадского фараоны первой и второй династий, начиная с легендарного объединителя Мины (Менеса), были всевластными и обожествленными правителями огромного, хотя политически еще не очень устойчивого государства – государства раннего по типу и уникального по характеру связей в нем.

Древнее царство (XXVIII–XXIII вв. до н. э.)

Первый длительный период стабильной и эффективной центральной власти в Египте приходится на годы правления третьей – шестой династий, это период так называемого Древнего царства (по периодизации Манефона). Именно в это время окончательно сложилось и упрочилось древнеегипетское государство как единый и до предела жесткий хозяйственный организм, в рамках которого садоводческий и скотоводческий север удачно сочетался с земледельческим югом, а также повсеместно поддерживался заданный регулярными разливами Нила водный режим с ежегодным щедрым удобрением почвы илом. Столицей страны был основанный на стыке Верхнего и Нижнего Египта Мемфис.

Фараоны, начиная с правителей третьей династии, были уже не просто обожествленными царями – они считались равными богам. Существовал строгий ритуал поклонения им, была выработана практика их захоронений. Будучи «сыном Солнца», фараон не мог уходить на тот свет незамеченным. Его уход должен был быть великим событием для людей и богов. Именно эти соображения и легли в основу строительства тех гигантских пирамид, которые вплоть до наших дней являются величественными символами древнего Египта – гения мастеров, труда строителей, всевластия и божественного статуса правителей. Пирамиды фараонов третьей и четвертой династий Джосера (Джесера), Снофру (Снефру), Хеопса (Хуфу), Хефрена (Хафра) и ряда других поражают своими размерами: крупнейшая из них, пирамида Хеопса, имеет километр в периметре у основания и достигает в высоту 147 м. Строили эту пирамиду, по зафиксированным греческим историком Геродотом преданиям, около 100 тыс. человек на протяжении 20 лет.

Строительство для себя загробного убежища – пирамиды, позже скального погребения и т. п. – рассматривалось едва ли не в качестве главного дела почти каждым из вступавших на трон фараонов. Соответственно вельможи и жрецы рангом пониже, начиная с родственников правителя, заботились о сооружении гробниц и для себя. Хотя эти гробницы были не в пример скромнее усыпальниц фараонов, тем более пирамид, для науки они ценны тем, что именно в них внутренние помещения обычно щедро покрывались барельефными изображениями, рисунками, изображающими сцены из жизни, хозяйственные заботы домашних слуг, труд земледельцев и ремесленников. Смысл изображений, равно как и сопровождавших их надписей, сводился чаще всего к подчеркиванию заслуг покойного, его добродетелей.

Строительство пирамид и богатых гробниц отнимало много сил и требовало немалых средств, но оно одновременно содействовало ускорению темпов экономического развития, накоплению опыта и умения работников. На постройке пирамид наряду с квалифицированными мастерами использовались рабочие отряды из числа отбывавших трудовую повинность египтян. Целые поселения подчас отписывались указами правителя для обслуживания и охраны важных гробниц. Стоит заметить, что рабы в этой сфере практически не использовались. Вообще рабов-иноплеменников в период Древнего царства было немного, несмотря на то что фараоны вели достаточно активную внешнюю политику, совершая время от времени походы на северо-восток (в Синай), на запад (в Ливию) и на юг (в Нубию). Военная добыча и торговые экспедиции обеспечивали Египет немалым притоком золота, серебра, благовонных смол, слоновой кости, полудрагоценных камней, строительного леса и т. п.

Начиная с пятой династии строительство крупных пирамид резко пошло на убыль – видимо, централизованная администрация стала ослабевать и уже не могла с легкостью мобилизовывать десятки тысяч людей и тратить огромные средства на дорогостоящие престижные сооружения. Пирамиды фараонов пятой и шестой династий были невелики и строились плохо, зато гробницы вельмож стали блистать богатством, что косвенно свидетельствует об укреплении позиций местной знати.

Уже в начале периода Древнего царства в Египте сложилась развитая и всеохватывающая система администрации, которая по сути дела заполонила собой все сферы жизни. Хотя строгого разделения функций она еще не знала, четко выделяются три ее уровня; центральный, региональный и местный. На местном уровне представителями власти были писцы, управляющие и уполномоченные царско-храмовых либо вельможно-сановнических хозяйств, а также, возможно, главы поселений, отвечавшие за уплату ренты-налога. На региональном уровне функции власти исполняли храмовые жрецы, правители номов (номархи), сановные вельможи и чиновники средних рангов. Они собирали ренту-налог, отвечали за нормальное функционирование храмовых хозяйств, включая зернохранилища, склады готовой продукции и инвентаря, мастерские, архивы и т. п. В их же функции входила организация общественных работ на местах, особенно в сфере водного хозяйства и строительства. Наконец, высший уровень власти – центральный – являл собой разветвленную и специализированную систему управления. Во главе ее стоял министр чати (джати), должность которого в период расцвета централизации обычно исполнял один из царевичей или иных близких родственников фараона, а при пятой и шестой династиях – какой-либо из высокопоставленных сановников-вельмож из знатных фамилий. Чати держал в своих руках все рычаги администрации и лично возглавлял судебное ведомство, протокольное (архивы, документация и т. п.), государственную сокровищницу, отвечал за деятельность централизованных хранилищ и мастерских, за организацию крупных строительных проектов, включая возведение пирамид, наконец, за деятельность региональной и местной администрации.

Что касается специализированных управлений, подчинявшихся чати, то каждое из них возглавлялось важным сановником, нередко носившим пышный должностной титул. Так, глава «дома оружия» был руководителем военного ведомства, отвечавшим за вооружение и снабжение армии, строительство крепостей и кораблей. Начальник «шести великих домов» возглавлял судебное ведомство и отвечал за судопроизводство по всей стране, вплоть до местного уровня. «Заведующий тем, что дает Небо, производит Земля и приносит Нил» был управителем царско-храмовых хозяйств, хранителем государственных амбаров и складов. «Хранитель печати» отвечал за организацию заморских экспедиций, «начальник работ» – за крупное строительство, ведущееся в порядке трудовой повинности населения. Каждое из ведомств имело свой штат и подразделения, возглавлявшиеся помощниками главы ведомства: так, руководителю царско-храмовых хозяйств подчинялись, среди прочих, «начальник царских угодий», «заведующий царскими виноградниками».

Неясно, в какой мере упомянутые должности высшего и среднего уровня были наследственным достоянием данной знатной фамилии – при всем том, что наследственная преемственность и практика назначения знати на высшие должности была обычной нормой. Известно, в частности, что в период расцвета власти центра должностные лица на уровне управителей подразделений, в частности номархи, перемещались с места на место сравнительно легко и часто. Особо стоит сказать о тщательности управления, в системе которого видное место занимали готовившиеся в специальных школах писцы-канцеляристы, т. е. грамотные чиновники. Их усилиями велась исчерпывающая отчетная документация, включая составлявшийся раз в два года кадастр всех земель страны, а также переписи населения, имущества и доходов.

Структура раннеегипетского общества

Высокая степень централизации управления, возникшая на очень раннем этапе развития общества и государства, сместила многие привычные акценты и сыграла немалую роль в

формировании специфических черт древнеегипетской структуры, которая известна науке отнюдь не во всех ее важных деталях. Здесь стоит упомянуть, что характер источников – намного более скудных, нежели то имело место в Двуречье с его сотнями тысяч начертанных на глиняных табличках документов хозяйственной отчетности, – не позволяет делать далеко идущие выводы. Напротив, заставляет строить предположения и оговариваться даже тогда, когда речь заходит о кардинальных политэкономических принципах и понятиях, например о формах хозяйства, об организации производства и даже об образе жизни основной массы населения.

Можно предполагать, что некогда, на весьма раннем этапе существования государственности, формой организации и образа жизни населения была – как то всегда и везде бывало – земледельческая община, т. е. коллектив земледельцев, обрабатывавших общую поделенную на семейные наделы землю, связанных взаимопомощью, системой реципрокных обязательств и выплачивавших налоги властям. Но в древнеегипетских документах нет свидетельств о существовании подобного рода социально-хозяйственных структур даже применительно к прошлому. Скорее всего, это было связано с тем, что в те времена, которые описаны в текстах, общины уже не было, как не существовало и независимых от власти и неподконтрольных ей полноправных общинников типа тех, что всегда численно преобладали в Двуречье.

Похоже на то, что древнеегипетская община в силу каких-то весомых причин (одной из них следует считать сам характер хозяйства в узкой полосе вдоль Нила с постоянной зависимостью от его разливов и необходимостью коллективного и руководимого из центра труда по преодолению последствий этих разливов) оказалась практически целиком поглощенной властью, инкорпорированной в систему царско-храмовых и вельможных хозяйств.

Невыраженность общины резко контрастирует с обилием вельможных хозяйств (специалисты, особенно зарубежные, часто сравнивают их с феодально-крепостническими), как должностных, так и личных, полученных по наследству. Есть основания считать, что исторически такие хозяйства возникли либо как хозяйства номархов, когда они были правителями отдельных протогосударств-номов, либо как хозяйства, пожалованные родственникам, сановникам и приближенным фараона за службу часто с явно целевым предназначением – обслуживать заупокойный культ умершего видного лица. Кроме того, существовало немало должностных хозяйств, бывших в распоряжении региональных управителей-номархов и иных сановников и считавшихся платой за должность, т. е. находившихся во временном владении должностного лица. Многие из должностных и вельможных владений тяготели к царско-храмовому хозяйству и были по сути какой-то его частью. По меньшей мере часть их, особенно в периоды ослабления власти центра и чаще всего по специальному указу фараона, получала иммунитетные права (это касалось и некоторых номовых храмовых хозяйств), т. е. была освобождена от налогов в казну, а то и просто становилась наследственным владением. Как бы то ни было, но точнее трудно что-либо сказать о весьма непростых взаимосвязях между царскими, храмовыми и вельможными, должностными и личными, хозяйствами, не говоря уже о проблематичности существования вне этого сектора экономики страны (а может быть, внутри его?) автономных наделов земледельцев, т. е. общинного хозяйства.

Что же касается структурной характеристики всех упомянутых крупных хозяйств, то они, судя по имеющимся сведениям, были в принципе однотипны и схожи по типу с храмовыми и государственными хозяйствами Двуречья той поры, когда уровень централизации администрации и регламентации работ был там максимальным. Так, есть основания считать, что в древнеегипетских хозяйствах были обрабатывавшиеся отрядами работников, «слуг царя», большие поля, урожай с которых шел в казенные амбары. Сами же слуги царя получали либо выдачи из казенных амбаров, либо наделы, за пользование которыми они, возможно, тоже платили налоги. Встречаются упоминания о том, что «слуги царя» получали орудия труда из складов хозяйства, пользовались казенным рабочим скотом, посевным зерном и т. п. По правоспособности «слуги царя» явно не принадлежали к числу полноправных; среди них были не только земледельцы, но и ремесленники различных специальностей (в изображениях много

сцен, красочно рисующих работу в различных мастерских, от ювелирных и ткацких до булочных и пивоварен), причем все они были подчинены начальникам, нередко изображавшимся с плетками, палками и иными недвусмысленными символами их власти. Эти картины заставляют поставить вопрос о том, были ли вообще в египетском обществе времен Древнего царства полноправные? Похоже, что ответить на него так же нелегко, как и на тесно связанный с ним вопрос об общине.

Есть среди изображений и иноплеменники – в виде пленных со связанными руками. Возможно, их превращали в рабов и использовали в царско-храмовых государственных хозяйствах. Но что характерно: в рамках тотальной государственности и почти всеобщей вовлеченности в систему государственного хозяйства разница в правоспособности, игравшая столь значительную роль в обществе Двуречья, здесь не считалась существенной и во всяком случае не подчеркивалась терминологически. Более того, наиболее общий и чаще других употреблявшийся термин, означавший производителей и вообще работающих, хотя бы в сфере услуг, – это мерет, в связи с интерпретацией социального содержания которого специалисты немало спорили друг с другом. Похоже на то, что этот термин не имел четкого социального и правового содержания, что вполне соответствует сложившейся в Древнем Египте структуре.

Резюмируя, можно сказать, что социально-правовая индифферентность в терминологии (мерет, «слуги царя») свидетельствует о том, что специфика древнеегипетской структуры сводилась к упомянутой уже тотальной поглощенности населения государством, функции редистрибуции которого оказались поэтому необычайно емкими: едва ли не все произведенное обществом распределялось централизованно, по строгим нормам и четким принципам. Столь полное, явное и практически абсолютное господство государства и венчающего его божественного правителя-фараона было даже на Востоке беспрецедентным. Символом его – явно неслучайным – были гигантские пирамиды, подчеркивавшие как величие связующего единства, так и ничтожность поглощенного властью почти без остатка простого труженика, лишенного даже привычных для всех остальных неевропейских структур общинных форм существования, гарантировавших некоторые его права.

Египетское государство периода Древнего царства было мощным и хорошо организованным аппаратом власти, опиравшимся на генеральный принцип власти-собственности. Государственное хозяйство господствовало беспредельно: все причастные к власти именно в силу служебного положения владели своим имуществом, включая не только должностные, но и личные владения. Данных о купле-продаже и о частных приобретениях рыночного характера применительно к Древнему царству буквально единицы, причем часть их по меньшей мере спорна. Но все-таки к концу периода привычная описанная выше структура под влиянием процесса приватизации стала деформироваться. Начинался новый период.

Среднее царство (XXI–XVIII вв. до н. э.)

Едва ли было бы справедливым считать, что причиной упадка Древнего царства был начавшийся в конце его процесс приватизации. Он был тогда еще очень слабым и не мог оказать заметного влияния на разложение структуры. Более вероятно, что структура ослабевала сама по себе, под влиянием закономерностей циклического развития, столь характерных для всего Востока (эти закономерности всегда имели свои причины, но сейчас речь не об этом – о причинах будет сказано в свое время). Между Древним и Средним царствами лежал период политической раздробленности (иногда его именуют I Переходным периодом), занявший около двух веков, время правления седьмой и восьмой династий, о которых практически почти ничего не известно. Это был период самовластного правления номархов, расцвета храмов на местах и едва ли не полного упадка власти центра. Лишь к XXI в. до н. э. вновь наметились два центра притяжения соответственно для номов Верхнего и Нижнего Египта – Фивы и Гераклеополь. Борьба между правителями этих центров привела к новым попыткам объединения Египта, сначала под главенством девятой, а затем сменившей ее десятой династии. Обе эти гераклеопольские династии были, однако, слабыми и недолговечными. А усиление Фив привело к выходу на передний план одиннадцатой, фиванской династии, на сей раз крепко

взявшей власть в стране и восстановившей централизованную администрацию. Большинство фараонов этой династии носило имя Ментухетеп. Но еще больше усилилась власть центра при фараонах двенадцатой династии, Аменемхетах и Сенусертах, правивших на протяжении большей части периода Среднего царства.

Внутренняя политика фараонов Среднего царства вначале осуществлялась под знаком ожесточенной борьбы власти центра с сепаратистскими тенденциями на местах. Борьба была, как упоминалось, долгой. Региональные правители-номархи за два века переходного периода укрепились в своих нобах и чувствовали себя там полными хозяевами. Они имели своих чиновников и воинов, нередко вели собственное летосчисление и успешно осуществляли наследственную передачу власти – в ряде случаев брак наследников разных номархов вел к слиянию двух номов, т. е. к усилению власти правящего дома. Как свидетельствуют пышные и богатые гробницы номархов, эта региональная знать процветала вплоть до правления Сенусерта III, который считается фараоном, добившимся наивысшей степени централизации, сравнимой с той, какой обладали властители Древнего царства. Лишь Сенусерт III и его преемники снова стали практиковать назначение сменяемых сановников центра в качестве правителей номов, причем именно теперь перестали сооружать богатые гробницы номархов.

В годы правления двенадцатой династии и особенно Сенусерта III на передний план заметно выдвинулось служилое чиновничество, заместившее собой наследственную вельможную знать и даже несколько оттеснившее влиятельное жречество. Большую силу при дворе стала играть и армия. Солдаты и их начальники за свою службу получали должностные надель и щедрые награды. Все это способствовало укреплению власти центра, созданию эффективной администрации, что с наибольшей силой проявилось на примере строительства гигантского водохранилища в районе Фаюма. В период правления Аменемхета III огромная естественная котловина в районе Фаюмского оазиса была с помощью серии дамб, плотин, каналов и шлюзов превращена в Меридово озеро – крупный искусственный резервуар, позволявший накапливать избыток вод Нила в период разливов и тем регулировать уровень его вод, орошать многочисленные новые плодородные земли в округе. Этот грандиозный проект, равно как и выстроенный здесь же, рядом с гробницей фараона, огромный лабиринт, впоследствии рассматривались греками как шедевры строительного искусства египтян.

После Аменемхета III власть фараонов сначала начала клониться к упадку. Правда, египтяне и после него продолжали совершать успешные походы на соседей – в Нубию, Ливию и Азию, откуда шли потоком драгоценности (золото, медь, благовония), нужные стране материалы (ливанский кедр, в первую очередь) и пленники-рабы, число которых в период Среднего царства увеличилось. Однако расцвет был уже позади. Правители тринадцатой династии с трудом удерживали власть. Вскоре страна распалась на две части, управлявшиеся правителями тринадцатой и четырнадцатой династий, а затем наступил очередной II Переходный период. Что же принес египтянам период Среднего царства?

Изменения в социально-экономической структуре

Начавшийся в конце Древнего царства процесс приватизации стал заметно ощущаться после I Переходного периода, с начала Среднего царства. На смену едва ли не абсолютно господствовавшим до того царско-храмовому и вельможному хозяйствам с их псевдолатифундистскими методами обработки земли рабочими отрядами во главе с надсмотрщиками пришла новая система хозяйственной практики, характерная – как то проявило себя и в Двуречье – для более развитого государства. Государственные царско-храмовые, региональные номово-храмовые и номово-вельможные хозяйства начали использовать надельно-арендную систему. Земли стали отдавать в аренду «слугам царя», которые обрабатывали их теперь уже в основном своими орудиями и на свои средства, выплачивая при этом ренту-налог казне, храму или номарху, вельможе. Усиление централизованного контроля при Сенусерте III не изменило этой практики: просто львиной долей доходов распоряжались уже не номархи или жрецы номовых храмов (часто обе должности совмещались), а казна в лице ее представителей, присланных из центра чиновников.

Что касается социального статуса населения, то есть основания считать, что основным

контингентом работников были все те же «слуги царя». Этим термином именовали и земледельцев, обрабатывавших земли государства, храмов и, должностных лиц, и ремесленников разных специальностей, и представителей сферы услуг, вплоть до брадобреев и танцоров. Социальная регламентация была по-прежнему жесткой: в юности каждый из «слуг царя» получал назначение на работу по определенной специальности, с учетом профессии его семьи, и, как правило, на всю жизнь (только наиболее сильных и пригодных из них на проводившихся ежегодно смотрах-отборах отбирали в армию). Все «слуги царя» были обязаны, кроме отправления своих основных функций, еще и выполнять «царские работы», т. е. трудовую повинность в пользу казны. Это были прежде всего строительные и ирригационные работы, труд в копях и каменоломнях. Отработки касались только мужчин.

Жесткий регламент не означал, однако, что все производители в стране имели единый статус. Напротив, именно документы Среднего царства свидетельствуют о том, что на фоне общей массы «слуг царя» появлялись и некие неджес (малые), даже сильные неджес, в число которых, судя по имеющимся данным, входили лица, так или иначе связанные с рынком, товарно-денежными отношениями, возникавшей частнособственнической деятельностью. Это могли быть, видимо, воины, мелкие чиновники или ремесленники. Часть неджес могла владеть и землями, сдававшимися в аренду неимущим либо малоимущим, причем арендная плата продуктами могла идти, по крайней мере частично, на рынок.

В Египте Среднего царства существовал уже достаточно развитый регулярный рыночный обмен, хотя о деньгах как всеобщем эквиваленте говорить еще рано. Мерилом ценности обычно выступало зерно, иногда одежда, реже медь, еще реже серебро или золото. Товарно-денежные отношения в условиях жесткой государственной регламентации развивались крайне медленно, что хорошо видно при сопоставлении с Двуречьем. Но все-таки развитие шло. Увеличивалась роль городов как торгово-ремесленных центров, о чем можно судить, в частности, по раскопкам города Кахуна.

Ремесленники, особенно золотых дел мастера и каменотесы – профессии престижные и требовавшие высокой квалификации, – нередко были достаточно зажиточными людьми, о чем свидетельствуют сооружавшиеся в районе захоронений и в иных местах внушительные стелы с надписями и изображениями. В новой структуре они уже занимали иное место, чем прежде. И хотя централизованный регламент касался их, как и всех остальных, они уже не считались просто принадлежностью царско-храмовых хозяйств. Вполне возможно, что часть их вела свое дело самостоятельно, работая по заказам и на рынок (что никак не исключало того, что определенную долю своего продукта они были обязаны отдавать государственному хозяйству, т. е. казне, не говоря уже об обязательной трудовой повинности). Есть сведения, что в городах существовали объединения ремесленников по профессиям, нечто вроде цехов, подчас даже с различными профессиональными подразделениями, как это было, в частности, у каменотесов – специальность в Древнем Египте едва ли не наиболее дефицитная, имея в виду пристрастие египтян к пышным гробницам с резными фризами, барельефами и иными работами по камню.

Изменение в положении части населения, прежде всего тех, кто был включен в систему товарного обращения (зажиточные земледельцы, ремесленники, воины) или был вынужден продавать свой труд (малоземельные либо безземельные арендаторы, слуги, наемный персонал), косвенно подтверждается теми надписями, в которых говорится о существовании большесемейных групп, домовых общин, «домов». Если для периода Древнего царства о «домах» в текстах говорилось почти исключительно как о домах высокопоставленных аристократов, вельмож либо сановников, то применительно к эпохе Среднего царства о тех же «домах» упоминается как об обычных семейно-клановых группах во главе с отцом-патриархом, по отношению к которому все младшие члены семейной группы, включая слуг и рабов, не связанных с членами семьи узами родства, выступают в качестве зависимых. Отцы-патриархи такого рода больших семей и оказывались нередко, как следует полагать, в числе неджес и сильных неджес.

В период Среднего царства, как упоминалось, возросло число рабов. Но дело не только в количестве. Если прежде рабы-иноплеменники были лишь зависимой и бесправной рабочей силой в храмовых, царских и вельможных хозяйствах, то теперь рабы чаще стали использоваться для услуг власть имущим. Частные рабы были немногочисленными, стоили

дорого и считались важным элементом престижа: вельможа, на которого в хозяйстве могли работать сотни «слуг царя», гордился приобретением даже одного раба, о чем и сообщал в надписи. Порабощение соплеменников-египтян было весьма редким (имеется в виду долговое рабство) и официально не допускалось. Впрочем, в периоды децентрализации, в том числе и в годы I Переходного периода, такое практиковалось.

В целом существенно заметить, что трансформация социальной структуры в период Среднего царства по сравнению с Древним очевидна, но характер этой трансформации во многом зависел от сложившихся издревле форм социально-экономических и политических отношений. В частности, слабое развитие рынка накладывало свой отпечаток.

II Переходный период продолжался около двух веков, на протяжении которых краткие и незначительные тринадцатая и четырнадцатая династии были на рубеже XVIII–XVII вв. до н. э. сменены вторгшимися в Египет азиатскими племенами гиксосов, которые познакомили египтян (как то сделали касситы в Вавилонии) с боевыми колесницами, запряженными до того вовсе неизвестными в Египте лошадьми. Осевшие в районе Дельты гиксосы правили около полутора веков. Но период их правления не был отмечен ни политическими, ни экономическими успехами. Скорей напротив, эпоха пятнадцатой и шестнадцатой гиксосских династий была временем упадка и деградации: многие храмы были разрушены, старые знатные семьи разорены, а выскочки-варвары взяли верх. Словом, нашествие гиксосов в древнеегипетской традиции было принято рассматривать как великое несчастье, страшный погром, полный упадок.

На это следует обратить внимание потому, что в египетской литературе сохранилось несколько интересных сочинений, повествующих об этих временах: «Речение Ипувера», «Пророчество Неферти». В них собраны рассказы о временах хаоса и беспорядков, когда варвары все крушат, Нил иссыхает (т. е. ирригация не функционирует), богачи и бедняки меняются местами и даже «женщины не беременеют». Следует заметить, что такого рода произведения, принадлежащие к жанру пророческой литературы или разоблачительных поучений, известны и в других обществах, особенно привычных к строгому регламенту и тем самым остро ощущающих его крушение, как, например, в Китае. Смысл их – в предостережении в адрес правителей, чье нерадение и ошибки в управлении могут привести к столь мрачным последствиям.

Владычество гиксосов было непрочным. В Фивах практически параллельно с гиксосами существовала египетская семнадцатая династия, контролировавшая почти весь Верхний Египет и ведшая успешные войны с гиксосами. Эти войны продолжались ряд десятилетий, пока Яхмос I не изгнал захватчиков из страны и не стал основателем новой, восемнадцатой династии, когда Египет вступил в период своего наивысшего могущества, став по сути первой в истории великой империей, границы которой теперь уже простирались далеко за пределы долины Нила.

Новое царство (XVI–XI вв. до н. э.) и расцвет Древнего Египта

Преемники Яхмоса, особенно Тутмос I и Тутмос II, а затем вдова последнего, царица Хатшепсут, были сильными и властными правителями, при которых был дан старт активной внешней политике и завоеваниям Египта как на севере, так и на юге. По всей стране развернулось грандиозное строительство, прежде всего храмовое. На смену разрушенным гиксосами и пришедшим в упадок храмовым строениям пришли новые величественные каменные громады, среди которых выделялся великолепием и размерами столичный храмовый комплекс бога солнца Амона в Фивах. Правивший после смерти мачехи Тутмос III, сын Тутмоса II, закрепил достижения предшественников, покорив Сирию и Палестину, расширив южные пределы страны до четвертого нильского порога. Его большое и хорошо организованное войско, основную силу которого составляли запряженные лошадьми боевые колесницы, практически не знало поражений. Колоссальная военная добыча, включая и пленников, мощным потоком текла в Египет, где она оседала в кладовых храмов, в хозяйствах царя и его сановников. Преемники Тутмоса III активно продолжали его политику, успехи которой вызвали к жизни необходимость в некоторых реформах.

Реформы коснулись прежде всего системы управления. Страна была разделена на две части, север и юг, во главе которых были поставлены подчиненные фараону наместники, облеченные широкими полномочиями. Бывшие еще недавно независимыми номархи превратились в чиновников, каждый из которых имел свою канцелярию с писцами и служащими и отвечал за управление номом. Особые начальники управляли городами и крепостями, а также завоеванными районами (в качестве наместников). Деятельность всех администраторов строго определялась специальными нормами и инструкциями, содержание которых известно по сохранившимся в гробницах текстам. Есть в текстах и упоминание о 40 кожаных свитках, бывших, возможно, чем-то вроде свода законов и предписаний, коими должностные лица обязаны были руководствоваться (сам этот свод до нас не дошел).

Став сильной военной державой, империей, в которую были включены завоеванные народы и границы которой доходили на севере до Евфрата, Египет вступил в активные внешнеполитические связи с другими государствами Ближнего Востока – с Митаннийским и Хеттским царствами, с касситскими правителями Вавилонии, причем именно от этой эпохи в египетских архивах сохранилось немало ценных дипломатических документов (архивы Телль-Амарны), позволяющих представить картину международных отношений того времени. Связи и постоянные повторные экспедиции требовали немалых средств и усилий. Страна нуждалась также в многочисленных войнах – смелых, выносливых, закаленных в боях. Видимо, своих, египетских, уже не хватало (есть сведения, что в армию призывался чуть ли не каждый десятый юноша годного для военного дела возраста), ибо все чаще встречаются упоминания об использовании наемников из числа иноплеменников – ливийцев, эфиопов, азиатских «народов моря».

Ставка на наемников из числа иноплеменников, равно как и выдвижение на передний план администраторов из числа незнатных чиновников сопровождалась наступлением на привычные права и привилегии вельможно-жреческой знати, власть которой заметно уменьшилась. Исчезают упоминания о вельможных хозяйствах и их «личных домах». Зато есть сообщения о развитии ирригационного хозяйства, осушении болот Дельты. Централизованная администрация создавала и пускала в хозяйственный оборот новые плодородные земли, которые в качестве должностных условных наделов раздавались воинам и чиновникам. Эта политика усиливала опору центральной власти, но в то же время она способствовала развитию частной собственности и товарно-денежных отношений в стране, так как большое количество новых наделов включалось в систему рыночных связей (аренда, продажа зерна и т. п.). Собственно, именно в это время, в XVI–XV вв. до н. э., только и появляется в египетском лексиконе слово «торговец» и становятся более или менее многочисленными сообщения о товарных сделках и торговом обмене. Серебро, пока еще не монеты, вытесняет зерно в качестве мерила рыночных ценностей.

Войны давали много рабов. Будучи подаренными храмам, они чаще всего сажались на земли и превращались в обычный в такой ситуации слой зависимых земледельцев-арендаторов. Возможно, к категории таких зависимых теперь уже относились и некоторые египтяне из числа малоимущих и неимущих, вынужденных арендовать храмовые земли. Зато основная часть египетских работников стала в эпоху Нового царства более свободной по сравнению со «слугами царя» прошлых времен. Появилась прослойка немху – нечто вроде неджес времен Среднего царства, – в которую включались и земледельцы, и ремесленники, возможно, также воины и чиновники низших рангов. В руки немху могли попадать и рабы, хотя основная часть их, не включенная в систему государственных храмовых хозяйств, была, видимо, по-прежнему в услужении высокопоставленных верхов. Впрочем, несмотря на приток в страну десятков тысяч пленников, рабов в частном секторе по-прежнему было немного и стоили они весьма дорого: цена рабыни приравнивалась к стоимости 4–5 коров; одна рабыня-девочка была продана за цену, эквивалентную 373 г серебра (один грамм приравнивался к 72 литрам зерна; 373 г по этому курсу – свыше 25 т зерна).

Реформы Эхнатона

Начатый правлением Тутмоса III, проведенного на троне 54 года (первые 22 из них фактически правила ненавистная ему Хатшепсут), блестящий период политического могущества имперского Египта продолжался довольно долго, а связанные с ним внешнеполитические успехи и внутривосточные перемены определили серьезные сдвиги в структуре страны, в частности в традиционном соотношении социально-политических сил. Лейтмотивом изменений было, как упоминалось, существенное перемещение центра тяжести администрации и всей опоры власти фараонов на нетитулованные слои выходцев из чиновников, воинов, земледельцев, т. е. из немху, если даже не из рабов. Результатом этого процесса было заметное ослабление позиций вельможско-жреческой знати. Правда, жрецы и храмы в общем процветали – достаточно напомнить, каким потоком шли в храмовые хозяйства, в том числе в столичный храм Амона (Амона-Ра), награбленное в походах имущество и рабы. Но, во-первых, есть основания считать, что казна все тяжелее давила на храмы и пыталась использовать их доходы для содержания чиновников и воинов, а во-вторых, имущественное благосостояние не было адекватным политической роли жречества, которая все уменьшалась. Потеряв влияние на текущую политику, храмы все отчетливее превращались в опорные региональные центры хозяйства, в низовые базы государственного сектора экономики. Понятно, что еще вчера бывшее весьма влиятельным жречество не могло смириться с этим. Назревал серьезный социально-политический конфликт.

Конфликт начался с того, что политические претензии жрецов храма Амона-Ра были не только отвергнуты новым фараоном Аменхатепом IV, вступившим на трон в 1372 г. до н. э., но и послужили предлогом для решительных гонений. Фараон демонстративно поддержал в качестве противовеса храму Амона-Ра новый культ прежде малоизвестного бога солнечного диска Атона, удобный для него тем, что за ним не стояли какие-либо влиятельные силы. Объявив себя верховным жрецом Атона, Аменхатеп изменил свое имя на Эхнатон («угодный Атону») и, покинув Фивы, в 300 км к северу от них основал быстро отстроенную для него новую столицу Ахетатон (городище Телль-Амарна). С точки зрения религии это была едва ли не первая в истории попытка заменить всех богов одним, создать культ единого, общеобязательного для всех, официально признанного и возвеличенного бога большой страны. Но монотеистическая тенденция реформы отнюдь не была главной; основная цель ее сводилась к тому, чтобы укрепить централизованную администрацию за счет ликвидации сепаратистских тенденций влиятельной храмовой знати. Стремясь решительным рывком порвать с традицией, Эхнатон предпринимал отчаянные попытки все обновить. Это проявилось и в создании нового бога, и в строительстве новой столицы, и в выдвижении новых людей, в создании новых культово-канонических норм, даже в новой, причем весьма художественно совершенной, школе искусства – достаточно напомнить о таком шедевре портретной скульптуры, как изображение жены реформатора красавицы Нефертити.

Трудно сказать, какими могли бы быть конечные результаты реформы, если бы не преждевременная смерть Эхнатона, процарствовавшего около 17 лет. При его жизни реформы открытого сопротивления не встретили, хотя, как и любые радикальные реформы в традиционном обществе, не были восприняты сразу всеми, тем более с ликованием. Для реформ всегда нужно время. Эхнатону его явно не хватило. Преемники его не были сильными правителями и к тому же были людьми юными и правили недолго. Сопротивление же реформам все росло. Дело кончилось тем, что Тутанхамон был вынужден сменить свое имя (ранее он именовался Тутанхатеном) и перенести столицу в Мемфис, предоставив фиванским жрецам Амона-Ра все утраченные ими права и привилегии. Были восстановлены все старые традиции, имя фараона-еретика было предано проклятию и забвению, а город Ахетатон был снесен с лица земли. После смерти Тутанхамона, не оставившего наследника (гробница умершего, как известно, была раскопана археологами в начале нашего века – она оказалась нетронутой; мумифицированное тело фараона свидетельствует о его юном возрасте), его молодая жена пыталась было удержаться на троне, выйдя замуж за приглашенного ею хеттского царевича. Но ее попытка успеха не имела. Царевич был убит, а престол вскоре занял могущественный фиванский жрец Хоремхем. Хоремхем и его преемники не стали ссориться со служилой знатью, воинами и чиновниками из числа немху, которые были опорой Эхнатона и

его предшественников, и именно это сыграло важную роль в достижениях фараонов девятнадцатой династии, одной из самых могущественных в истории Древнего Египта.

Древний Египет при Рамсесе II

Несмотря на неудачу реформ Эхнатона, многие из них прижились. В частности, это относится к усилению роли служилой бюрократии, включая незнатное чиновничество и воинов армии, и к ослаблению регионально-номового жречества. Речь не идет о ликвидации влияния знати на местах; в период упадка Древнего Египта в конце Нового царства храмовое жречество и номархи вновь укрепили свои позиции. Но эти позиции были, тем не менее, существенно поколеблены.

После смерти Хоремхеба к власти пришла девятнадцатая династия, среди представителей которой резко выделялся Рамсес II, или Рамсес Великий, процарствовавший в XIII в. до н. э. около 67 лет. Это было время наивысшего взлета внешнеполитического могущества империи. Свою успешную военную карьеру Рамсес II начал в молодости с похода против хеттов – драматической экспедиции, едва не стоившей ему жизни. В трудных условиях незнакомой местности, доверившись обманувшим его проводникам, Рамсес с небольшим отрядом попал в засаду в районе крепости Кадеш. Многочисленные красочные описания этого эпизода рисуют критическое положение фараона, когда он обнаружил, что против него идет вся хеттская армия. Отчаянное сопротивление ни к чему не привело: хеттские колесницы уже ворвались в египетский лагерь и только тактический просчет хеттского царя Муваталли (Муваталлиса), придерживавшего пехоту, мужественная борьба самого фараона и счастливая случайность – неожиданно быстрый подход потрепанных хеттами главных сил египтян, на что Рамсес уже не рассчитывал, – решили исход битвы, а затем и всей кампании. Результатом экспедиции и еще ряда победоносных походов Рамсеса в Азию было укрепление позиций империи в Палестине и Сирии, а также союз с хеттами против усилившейся Ассирии.

Этот союз был скреплен браком Рамсеса с дочерью хеттского царя, пополнившей его гарем¹¹. Укрепив внешнеполитические позиции империи, Рамсес стал проводить столь же энергичную внутреннюю политику. Его усилиями была отстроена и в значительной части заново освоена западная часть Дельты. Имея в виду свои азиатские владения, часто требовавшие присутствия фараона, Рамсес именно здесь соорудил новый город, получивший его имя (Пер-Рамсес) и на некоторое время ставший столицей Египта. Не забывал фараон и об остальной стране: во многих городах и храмовых комплексах Египта в период его царствования велось большое строительство, в том числе и ирригационное. Сооружались величественные храмы, среди которых выделяется размерами и художественным совершенством архитектурный комплекс Абу-Симбел на юге страны. Этот величественный комплекс, включающий двадцатиметровую статую самого фараона, в дни сооружения Асуанской плотины в наше время был распилен и по частям перенесен на новое место.

При преемниках Рамсеса – их часто именуют Рамессидами, ибо многие из фараонов девятнадцатой и двадцатой династий носили имя своего великого предшественника, – могущество Египта стало заметно ослабевать. Воинственные племена ливийцев и «народов моря» (племена восточносредиземноморского побережья) постепенно вытеснили египтян из их внешних владений и, более того, начали селиться на египетских землях близ Дельты. Ослаблением государства не преминули воспользоваться в очередной раз представители номовой знати и жречества, стремившиеся извлечь из благоприятной для них ситуации максимум выгоды. В одном из известнейших и крупнейших по размерам древнеегипетских

¹¹ Следует заметить, что египетские фараоны обычно имели главную жену-египтянку, которой по традиции чаще всего становилась сестра (родная либо единокровная, т. е. от другой жены отца), и несколько второстепенных жен и наложниц, число которых варьировало в зависимости от обстоятельств. Дети от всех этих женщин в принципе могли претендовать на престол, но практически жесткое право первенства всегда было за детьми от главной жены. Поэтому брак Рамсеса с хеттской царевной не имел серьезных династических последствий – это просто был символ, благоприятный для хеттов

папирусов – папирусе Харриса – сообщается о множестве льгот, привилегий и иммунитетных прав, которые при Рамсесе IV и Рамсесе V были пожалованы различным местным храмам. Ослабление Рамессидов привело к тому, что при последнем из них, Рамсесе XII, власть в стране захватил фиванский жрец Амона Херихор. Начался III Переходный период в истории Древнего Египта, ознаменовавший не только конец Нового царства, но и конец сильного независимого Египта древних фараонов.

Позднее царство: Египет под властью иноземных правителей

Скопление ливийцев на севере страны и использование многих из них в качестве солдат-наемников привело на рубеже II–I тысячелетий до н. э. к выдвиганию на авансцену политической жизни страны амбициозных ливийских военачальников, активно вмешивавшихся во внутреннюю борьбу фараонов с усилившейся местной знатью. Это вмешательство завершилось тем, что один из военачальников, Шешонк, в середине X в. до н. э. захватил власть и положил начало 22-й ливийской династии – первой из серии правивших Египтом чужеземных династий.

Сменявшие одна другую ливийские династии (23-я, 24-я) эффективно контролировали лишь район Дельты, в восточной части которого была их столица Бубаст. Что же касается нильской долины, то там большую роль играла местная знать. Правда, в середине VIII в. до н. э. усилившиеся и многое вобравшие из египетской культуры (в частности, культ Амона) правители Эфиопии (Нубии) начали успешную кампанию за захват Верхнего Египта, что привело к появлению 25-й нубийской династии, правившей в районе долины Нила вплоть до того момента, когда в 671 г. до н. э. победоносный ассирийский царь Асархаддон не завоевал Египет, обратив в бегство последнего из эфиопских правителей. Ассирия, однако, не закрепила своей победы из-за внутренних распрей, и в 664 г. ливиец Псамметих основал 26-ю династию, почти на полтора века объединившую Египет под властью саисских фараонов (Саис в Дельте был их столицей).

Примерно с этого времени огромную роль в истории Египта и в его связях с внешним миром начали играть греки – торговцы и колонисты. Вместе с финикийцами они стали активно обживать средиземноморское побережье страны, а вскоре греческие кварталы появились и в Мемфисе. Саисские фараоны, вначале ориентировавшиеся на слабеющую Ассирию и пытавшиеся противопоставить союз с ней усилившемуся Нововавилонскому царству, затем взяли курс на сближение с греками. Греки чувствовали себя все вольготнее на севере Египта, где ими была основана колония Навкратис. В 525 г. до н. э. победоносные войска персидского царя Камбиза покончили с независимостью Египта, превратив его – до 404 г. до н. э. – в сатрапию Ахеменидской империи (это время считается периодом 27-й персидской династии). Освобождение от власти персов привело к появлению кратковременных 28–30-й египетских династий, пока завоевание Александра Македонского в 332 г. до н. э. вновь не привело к падению независимого Египта. После смерти Александра Египет, как известно, стал владением одного из греческих сподвижников-диadoхов Александра, Птолемея. Период правления Птолемея и его преемников, включая знаменитую Клеопатру, ознаменовался энергичной эллинизацией страны, столицей которой стала величественная Александрия, признанный центр эллинистического мира и всей мировой культуры той эпохи. Но это был уже не столько египетский, сколько греческий, эллинистический центр. Птолемеевский Египет пришел в упадок на рубеже новой эры, после чего страна на долгие века превратилась в провинцию Рима, а затем (с IV в. н. э.) – Византии.

Социальная структура Египта Позднего царства (период I тысячелетия до н. э.) не оставалась неизменной – напротив, она энергично трансформировалась. Изменения в сфере производства (с помощью ассирийцев и греков египтяне познакомились с металлургией железа), а также заметный рост товарного хозяйства, внутренней и внешней торговли, денежного обращения оказали воздействие на укрепление частнособственнического хозяйства. Начали широко практиковаться мало известные до того отдачи земель в залог, продажа земельных наделов, а затем и самопродажа бедняков в рабство. Ростовщичество стало, как то было тысячелетием раньше в Вавилонии, бичом общества, что вызывало тревогу власть

имущих. Так, обеспокоенный далеко зашедшим процессом разорения земледельцев и обогащения собственников, результатом чего было оскудение и без того уже не слишком полной государственной казны, фараон 24-й династии Бокхорис (721–715) провел в стране ряд важных реформ, суть которых сводилась к ограничению произвола собственников и, в частности, к запрету порабощения за долги. Реформы и личность Бокхориса надолго запечатлелись в памяти людей, а впоследствии даже обросли легендами. Существует предание, что реформы Солона в Афинах ориентировались в качестве эталона на реформы Бокхориса.

Важной новой особенностью социальной структуры Египта Позднего царства становится усиление корпоративности. Суть этого явления, знакомого уже и Новому царству, сводилась ко все большей обособленности социальных слоев, будь то жрецы, воины или ремесленники различных специальностей. Наследственность занятий способствовала замкнутости соответствующих корпораций, внутренние связи и взаимопомощь в среде которых были особенно важны в условиях развивающихся товарно-денежных отношений при явном ослаблении централизованной администрации. По-прежнему существовали и имели немалую силу храмовые хозяйства, но теперь они все явственнее становились хозяйствами жреческо-культурных учреждений и тем самым исключались из сферы государственного хозяйства и соответственно большой политики.

В целом, несмотря на некоторый экономический и политический упадок, Египет в I тысячелетии до н. э. оставался одной из богатейших стран мира. В период персидского завоевания он выплачивал в казну ахеменидских царей наибольшую дань. Экономически процветал Египет и в годы эллинизма, под властью Птолемеев, которые сохранили унаследованную с древности социально-экономическую структуру: обрабатывавшие «царские земли» (т. е. основной земельный фонд страны за вычетом культово-храмовых и пожалованных знати владений) «царские земледельцы», лаой, были наследственными арендаторами, личный статус которых варьировал от свободного до зависимого, что зависело от того, где работал земледелец и кем он был. Государственное («царское») хозяйство по-прежнему было весьма развитым и многообразным. Встречалась уже и практика откупа доходов с отдельных его частей богатыми собственниками. Есть данные о том, что некоторые отрасли экономики, как, например, изготовление и продажа растительного масла, были государственной монополией. Владельцы дарственных земель, сановники и знать, как и храмы, по-прежнему использовали свои земли преимущественно в виде арендных наделов, обрабатывавшихся теми же лаой, но обычно с большей степенью личной зависимости, отражавшейся в юридическом статусе земледельца. Рабов было немного, и стоили они дорого.

Для государственного аппарата эллинистического Египта было характерно сочетание традиций фараоновской администрации с греко-македонскими принципами. За исключением нескольких полисов типа Александрии, вся остальная страна традиционно делилась на номы, управлявшиеся чиновниками-стратегами. Номы подразделялись на топархии, а те – на поселения, комы. Во главе администрации стоял министр-диойкет, ведавший хозяйством и казной. Именно ему подчинялись упомянутые провинциальные администраторы. Судебная система была реорганизована в соответствии с нормами греческого права, но вне больших городов и полисов, где это право преобладало, на территории хоры, т. е. в основных районах расселения египтян, греческое право уступало обычному древнеегипетскому.

* * *

Итак, древнеегипетский вариант становления и развития государственности заметно отличался от месопотамского. Здесь очень рано и бесследно исчезла община со всеми ее традициями коллективного землепользования. Поглотившее ее государственное хозяйство в период Древнего царства господствовало едва ли не абсолютно, причем документы свидетельствуют о том, что рабочие отряды функционировали и даже перемещались с места на место по мере надобности без всяких церемоний, что свидетельствует о казарменно-коммунистическом строе жизни и соответствующих экономических отношениях. Эта казарменно-командная система здесь, в отличие от третьей династии Ура, распространялась, видимо, на все население.

Ситуация начала меняться лишь с периода Среднего царства, когда стал заметным процесс приватизации, формирования рынка и появились неджес. Как и в Вавилонии времен Хаммурапи, процесс приватизации сдержать было уже нельзя, важно было поставить его под контроль. Но если в Вавилонии для этого понадобилась серия судебныхников, которую венчали законы Хаммурапи, то в Египте отлично обошлись без этого (существуют даже сомнения по поводу того, что здесь вообще когда-либо существовали судебники, – это касается, в частности, и упоминавшихся 40 кожаных свитков). Законопослушный или, точнее, послушный администрации и привыкший повиноваться палке надсмотрщика египетский производитель и без того был в полном подчинении власти, в первую очередь жрецов-чиновников в системе царско-храмовых хозяйств.

Период Нового царства был отмечен заметным экономическим и внешнеполитическим развитием страны. Египет превратился за счет успешных войн в империю. Внутриполитические реформы привели к превращению провинций из полуавтономных храмовых центров во главе с наследственной жреческой знатью в административные подразделения империи, которыми управляли назначенные сверху чиновники, имевшие должностные инструкции. Обильный приток рабов, способствовавший обогащению храмов, куда эти рабы в основном направлялись, привел было к резкому конфликту между властью и жречеством (реформы Эхнатона), но конфликт был улажен, и жречество вынуждено было смириться с усилением роли центра. И только в это время, с XVI–XV вв. до н. э., спустя почти полтора тысячелетия с момента начала египетской государственности, в этой стране серьезную роль стал играть рынок.

Словом, если подвести краткий итог и сделать самые общие выводы, следует заметить, что египетский вариант развития отличался тотальной вовлеченностью производителя в систему государственного хозяйства и крайне замедленными в силу этого темпами приватизации. И более того, развитие частной собственности и рынка шло в Позднем Египте в основном за счет контактов с иноплеменниками, вторгавшимися с севера в условиях ослабления власти центра.

Существенно заметить, что изоляция Египта – речь, разумеется, лишь об относительной его изоляции – явно не пошла на пользу его развитию. В этом отношении месопотамский вариант с его динамикой оказался предпочтительнее. Это нашло свое отражение, в частности, и в сфере культуры. Древнеегипетские письменность, архитектура, начиная с пирамид, искусство, религия, мифология, а также математика, астрономия и медицина были вполне на уровне своего времени, кое в чем могут считаться эталонным образцом, например, те же пирамиды. Но, как представляется, в историю мировой цивилизации древнеегипетская культура внесла меньший вклад, чем месопотамская, даже принимая во внимание реформы Бокхориса и косвенное возможное воздействие их на реформы Солона, сыгравшие революционную роль в античной Греции.

Древний Египет с его уникальной и длительной историей дал миру, тем не менее, высокие образцы во многих отношениях. Но одновременно с этим он убедительно продемонстрировал неэффективность системы близкого к тоталитаризму социально-политического режима, который никак не способствовал его динамическому развитию. И далеко не случаен упадок Египта в те века, когда он вплотную столкнулся с более динамичными государствами Западной Азии в I тысячелетии до н. э.: многое в этих вынужденных контактах было не в пользу Египта, при всем том, что он всегда продолжал оставаться житницей и вносил в казну завоевателей едва ли не самый весомый вклад.

Глава 7 Древние государства Западной Азии

Если III и даже начало II тысячелетия до н. э. прошли в ближневосточной древности под знаком становления и развития первичных очагов цивилизации и государственности в шумеро-вавилонском Двуречье и Древнем Египте, то начиная со второй трети II тысячелетия до н. э. параллельно с ними активно функционировали и другие сильные государства, сыгравшие

важную роль в истории. К их числу относятся Митанни, Ассирия, Хеттское царство. Чуть позже на арену активной политической жизни вышли также некоторые народы Восточного Средиземноморья.

Первые урбанистические центры на территории Западной Азии возникли очень давно. Достаточно напомнить о таких городищах, как анатолийский Чатал-Хююк или палестинский Иерихон. Но эти локальные очаги цивилизации или протоцивилизации долгое время не объединялись в политические структуры, подобные египетской или месопотамским. Ситуация стала решительно меняться именно со второй трети II тысячелетия до н. э., причем этому изменению способствовало вызванное касситским завоеванием политическое ослабление древней Вавилонии. Образовался своеобразный вакуум политической силы в Западной Азии – и он начал энергично заполняться, благо претендентов было вполне достаточно.

Здесь важно оговориться, что практически все очаги государственности, о которых теперь пойдет речь, не были первичными в том смысле, что многие важнейшие элементы их социальной, экономической и политической структуры, равно как и религиозной культуры, включая и письменность, они заимствовали у предшественников, в первую очередь у государств древнего Двуречья. Впрочем, вторичность всех их в этом смысле отнюдь не исключает ни этнической оригинальности, ни даже принципиальной исключительности и неповторимости облика каждой из культур, каждого из народов и государств, о которых идет речь.

Митанни и хетты

Примыкавшие к северной Месопотамии районы Малой Азии и Армянского нагорья (оз. Ван) в начале II тысячелетия до н. э. были заселены разными племенами, в частности хурритами и хатти. Инфильтрация в эти земли индоевропейского племени хеттов (чье имя было, видимо, заимствовано от предшественников – хатти, т. е. протохеттов) способствовала консолидации новых этнических образований в этом регионе. Одним из них была этническая общность митанни. В XVI–XV вв. до н. э. сложившееся на хурритской этнической основе и включившее в себя немало как от семитско-аморейской, так и от индоевропейской культур протогосударство Митанни стало быстрыми темпами развиваться. Расцвет и успехи Митанни зиждились на военной силе – основу митаннийской армии составляли запряженные лошадьми боевые колесницы, близкие по типу к тем, которые составляли фундамент боевой силы вторгшихся в Египет гиксосов и завоевавших Вавилонию касситов. Выход Митанни на политическую арену привел к столкновениям этого государства с Египтом, правители которого вели с Митанни войны с переменным успехом.

Внутренняя структура государства Митанни изучена пока сравнительно слабо. Но известно, что здесь было развитое царско-храмовое хозяйство, которое обслуживалось привлекавшимися в порядке повинности полноправными общинниками, а также различными неполноправными, включая рабов. Рабы, как то обычно бывало на Древнем Востоке, имели немало прав, в частности, могли иметь семью и дом, жениться на полноправных женщинах. Порой, будучи на службе у высокопоставленных лиц, кое-кто из них занимал весомые должности в администрации. Вне системы царско-храмового хозяйства существовали общинные деревни, причем администрацию на периферии осуществляли «начальники поселений», т. е., видимо, представители руководства тех же общин. В социальных отношениях господствовала семейно-клановая организация; большесемейные общины – димту – были главной ее ячейкой. Были димту земледельцев, ремесленников, торговцев. Земля считалась владением димту и отчуждению не подлежала. А так как митаннийское общество в описываемое время переживало энергично шедший процесс приватизации, то выход из положения был найден в специфической, хотя и не уникальной на том же древнем Ближнем Востоке, форме «усыновления». Суть его состояла в том, что разбогатевшие в торговле, в сфере ростовщичества или каким-либо еще способом люди могли купить право на усыновление и тем самым вступить во владение имуществом, проданным под этим видом.

Митаннийцы в XVI–XV вв. до н. э. сумели заметно расширить границы державы, поставив под свою власть часть Ассирии, потеснив хеттов, покорив горные племена кутиев. В

начале XV в. государство Митанни было разгромлено фараоном Тутмосом III, после чего стало данником Египта. Дочери митаннийских царей были в числе жен фараонов Тутмоса IV и Аменхотепа III. Импортируемые из Митанни железные изделия высоко ценились в незнакомом еще с железом Египте, наряду, впрочем, с другими предметами ценного импорта (золото, серебро, колесницы с лошадьми, рабыни).

В конце XV в. до н. э. в связи с ослаблением внешнеполитического могущества Египта Митанни пытается проводить собственную политику. Союз с Вавилоном был направлен против Египта и Ассирии. Но здесь в сложную политическую игру вмешались быстро наращивавшие силы хетты. Во второй половине XIV в. до н. э. государство Митанни попало под власть укрепившейся державы хеттов, а в XIII в. окончательно рухнуло под ударами Ассирии. На смену Митанни в качестве влиятельных держав Западной Азии пришли именно эти два государства.

Хеттское государство, как и митаннийское, возникло в начале II тысячелетия до н. э. в Малой Азии в ходе инфильтрации индоевропейцев в зону расселения обитавших там племен. Предшественниками хеттов, как упоминалось, были хатти. Существенное влияние на формирование хеттской государственности оказали малоазиатские торговые колонии ассирийско-аморейских купцов. Преодолевая нормы родового права, правители хеттов на исходе Древнехеттского царства (XVII–XVI вв. до н. э.) сумели добиться закрепления практики передачи власти сыновьям, результатом чего стало постепенное ослабление влияния совета родовой знати и укрепление централизованной администрации. С упадком Митанни в XIV в. до н. э. Новохеттское царство достигло своего наивысшего могущества. Традиции скотоводческого хозяйства с преимущественным уклоном в сторону разведения лошадей (в этом особого успеха достигли митаннийцы) позволили хеттам еще на заре их истории создать крепкие боевые колесницы. Восходящие к примитивным запряженным онаграми месопотамским повозкам, эти колесницы стали для всех индоевропейских и многих близких к ним племен, включая касситов и гиксосов, основой военной мощи. Войны знаменитого хеттского царя Суппилиуму позволили распространить влияние хеттов в районе Восточного Средиземноморья, вплоть до границ Египта. Именно Суппилиума добился покорения Митанни, а при его преемнике Мурсили II (1340–1305 гг. до н. э.) хетты вышли к берегам Эгейского моря.

Столкновение хеттов с Египтом положило конец могуществу царства. Войны Рамсеса II, начиная с битвы при Кадеше, привели к ослаблению хеттской державы, а усилившаяся Ассирия с XIII в. до н. э. стала теснить ее с востока. Союз с Рамсесом, взявшим в жены хеттскую царевну, позволил хеттам дать отпор Ассирии. Однако передышка длилась недолго. В начале XII в. до н. э. коалиция средиземноморских племен («народы моря») уничтожила государство хеттов.

Хеттское общество развивалось под сильным влиянием социальных и культурных традиций более развитых соседей, в частности Вавилонии, откуда били заимствованы клинопись и практика законодательных предписаний. Из хеттских текстов, в том числе и законов, немало известно о внутренней структуре общества. Главной характерной чертой его была сильная власть обожествленного правителя, которого именовали «Солнце». Административный аппарат был довольно рыхлым, большую роль играла родовая знать, крепкие позиции сохраняла земледельческая община. Система царско-храмовых государственных хозяйств обслуживалась преимущественно подневольными и зависимыми работниками, обычно имевшими за это собственные наделы. Наделы – иногда довольно большие – давались за службу в пользование чиновникам и воинам. Хозяйства наместников в отдаленных районах были теми же царско-храмовыми, но в уменьшенном размере.

Хотя практически все производители, обязанные выплачивать налоги и отрабатывать трудовые повинности, находились официально в зависимом состоянии (полноправными по хеттским законам считались привилегированные слои, которые налогов не платили), степень зависимости сильно варьировала. Нижняя ее ступень приходилась на долю рабов. Однако их положение было не слишком скверным: значительная часть их нередко включалась в состав войска со всеми вытекающими из этого правами и привилегиями, включая освобожденный от налогов надел. Что касается ремесленников, то они по большей части работали в

царско-храмовых хозяйствах, получая за это вознаграждение натурой, – при всем том, что процесс приватизации, как и развитие товарно-денежных отношений, были заметны.

Существенных успехов достигла производственная культура хеттов. Трактат о коневодстве, составленный конюшим хеттского царя митаннийцем Киккули, свидетельствует о тщательной разработке правил выращивания и содержания лошадей: он насчитывает десятки специальных терминов и демонстрирует высокий уровень мастерства в этом деле. Кроме коневодства и боевых колесниц, хетты прославились также успехами в сфере металлургии – как в бронзолитейном деле, которое в Западной Азии возникло намного раньше, так и в железоделательном. Именно металлургия железа, освоенная хеттами и их соседями уже в начале II тысячелетия до н. э., стала той основой, на базе которой начал свое победоносное шествие по ойкумене железный век.

Ассирия

Чуть южнее государства хеттов и к востоку от него, в районе среднего течения Тигра, в начале II тысячелетия до н. э. формировалась одна из крупнейших держав ближневосточной древности – Ассирия. Здесь издавна проходили важные торговые пути, причем транзитная торговля способствовала развитию города Ашшура, будущей столицы ассирийского государства. Усилившийся в XVI в. до н. э. правитель этого города присоединил к себе ряд соседних территорий и постепенно подчинил прежде имевшие довольно много прав (в частности, право ежегодного выбора нового правителя) органы общинно-городского самоуправления. Правда, вскоре Ашшур попал под власть Вавилонии, но с ослаблением ее вновь обрел независимость. Войны с Митанни в XVI в. до н. э. снова привели к поражению формировавшегося государства с центром в Ашшуре, так что только с XIV в. до н. э. Ассирия, подчинившая Митанни, стала могущественным государством.

С падением Хеттского царства ассирийский правитель Тиглатпаласар I (1115–1077 гг. до н. э.) в ходе успешных походов раздвинул границы своей державы от Вавилона до Египта. Однако нашествие арамеев из Аравии в начале XI в. до н. э. привело Ассирию после Тиглатпаласара I в состояние упадка, длившегося около полутора веков. И лишь на рубеже X – IX вв. до н. э. это государство вновь вступило в полосу стабилизации и роста своего могущества – начался так называемый новоассирийский период его истории.

Первые правители этого периода и особенно Салманасар III (859–824 гг. до н. э.) укрепили восточные границы страны, потеснив Вавилон, добились ряда успехов на севере в войнах с Урарту, но основной удар направили на запад, в сторону богатых и процветающих районов восточномедиземноморского побережья. Эти войны были удачными, покоренные государства одно за другим признавали свою зависимость от Ассирии и становились ее вассалами и данниками. Военная добыча, пленники, сокровища текли в расцветавший и украшавшийся все новыми дворцами и крепостными сооружениями Ашшур. После Салманасара III Ассирия вновь вступила в полосу стагнации, вызванной ожесточенной внутренней борьбой, и лишь с воцарением Тиглатпаласара III (745–727 гг. до н. э.) ситуация стала резко меняться.

Новый царь царей провел ряд важных реформ, направленных на усиление власти центра. Жители подвластных окраин массами перемещались на новые земли, руководителями вновь создававшихся областей назначались ответственные перед тронном сановники. Была создана крепкая регулярная армия, включавшая в себя конницу и саперные части, а также систему arsenалов с искусными мастерами-оружейниками. Хорошо организованная рекрутская армия с подразделениями в 10, 50, 100 и 1000 человек, с разведкой и переводчиками, жрецами и музыкантами насчитывала, по некоторым данным, до 120 тыс. воинов. Именно она обеспечила Тиглатпаласару III победы: на востоке был разгромлен Вавилон (в 729 г. до н. э. ассирийский царь был коронован царем Вавилона), на севере потеснено Урарту, на западе – Мидия. Границы империи достигли средиземноморского побережья.

Стремясь упрочить власть в рамках растянувшейся и населенной многими народами империи, Тиглатпаласар III отказался от прежней системы вассально-даннических отношений и перешел к практике наместничеств: завоеванные районы превращались в провинции. Его преемники продолжали эту политику. Были, в частности, ограничены привилегии и

иммунитеты некоторых городов, включая Вавилон, хотя жестокие ассирийские цари, массами уничтожавшие сопротивлявшихся, предававшие их мучительным казням и издевательствам, города обычно щадили. При Саргоне II ассирийцы нанесли сокрушительное поражение Урарту, разгромили Израиль, вновь потеснили Мидию и достигли Египта. При внуке Саргона Асархаддоне был покорен и Египет, но ненадолго.

В середине VII в. до н. э. при Ашшурбанапале Ассирия достигла зенита своего могущества. Границы ее простирались от Египта до Мидии и от Средиземноморья до Персидского залива. Богато отстроенная новая столица Ниневия поражала своим величием: в одной только ее библиотеке хранилось свыше 20 тыс. табличек с текстами¹². По всей стране строились и реставрировались дворцы и храмы. Но со смертью Ашшурбанапала начался период смут и упадка, который закончился в конце VII в. до н. э. гибелью империи, павшей под ударами соединенных сил Мидии и восставшего Вавилона.

За тысячелетие с небольшим Ассирия проделала большой путь от раннего протогосударства до «мировой» империи. Интересна динамика ее внутренней структуры, неплохо отраженная в источниках. В общине раннего Ашшура, как говорилось, не было даже наследственной власти правителя – он был выборным и распоряжался царско-храмовым хозяйством, налогами и повинностями населения. Приток пленных создавал базу для появления слоя неполноправных работников, обрабатывавших отделившиеся от общины земли государственно-храмовых хозяйств. За свой труд неполноправные получали в этих хозяйствах наделы. Некоторый доход общество имело за счет транзитной торговли, причем этот доход, как и право редистрибуции налогов, усиливал административные верхи, добившиеся наследственной власти не только для правителя, но и для иных должностных лиц. Чиновники и воины получали за службу наделы, обрабатывавшиеся чаще всего теми же неполноправными работникам царско-храмовых хозяйств.

К рабам ассирийцы относились различно: квалифицированных охотно использовали в сфере ремесла в царско-храмовых хозяйствах, остальные были заняты обработкой земель. Статус рабов существенно отличался от статуса полноправных. Ассирийские законы, например, строго запрещали рабьям носить такой же платок, что носили полноправные женщины; существовали различавшиеся по вавилонской схеме системы штрафов для полноправных и рабов. Однако рабы обладали определенными имущественными и социальными правами, вплоть до права жениться, иметь семью и хозяйство. Это вело к постепенному повышению их статуса, особенно статуса их потомков, до уровня неполноправных.

Ассирийская семья отличалась тенденцией к сильному отцовскому праву с приниженным и почти бесправным положением женщины, столь отличным, скажем, от положения хеттской женщины. Главой семьи, распоряжавшимся ее имуществом и полученным от общины наделом, был отец-патриарх, обычно имевший несколько жен и наложниц. Его старший сын имел преимущественные права на наследство, включая двойную долю при разделе.

Развитие Ассирии на рубеже II–I тысячелетий до н. э. вело к появлению и упрочению частнособственнических отношений. Возникали залог, долговое рабство и даже продажа имущества – вначале через институт «усыновления». Появлялась практика отработки зависимыми повинностей их патронов из числа разбогатевших. Расширение границ Ассирии, приток дани и иных богатств, в том числе и доходов от транзитной торговли, способствовали укреплению государственного хозяйства, в которое вливались десятки тысяч иноплеменников, – только из Сирии при Тиглатпаласаре III были переселены 73 тыс. человек. И хотя параллельно усиливались влияние и роль частного сектора, выступления представителей которого за свои права побуждали некоторых правителей, как, например, Саргона II, идти на уступки, в целом государственное хозяйство в экономике страны преобладало. Особенно это видно на примере той его части, которая работала на войну и обслуживание армии.

Развитие товарно-денежных отношений и ростовщичества в начале I тысячелетия до н. э. вело к сближению разорвавшихся полноправных с неполноправными и переселенцами в единое

¹² Эти письма на аккадском языке позволили современной науке немало узнать о ближневосточной древности, но в устной речи в то время уже господствовал ставший практически международным арамейский язык

сословие подневольных производителей, плативших ренту-налог и несших повинности. В то же время высшая прослойка полноправных и прежде всего причастные к власти получали от разбогатевшего правительства привилегии и иммунитеты, особенно налоговые. Впрочем, это не касалось разбогатевших представителей частного сектора, торговцев и ростовщиков. Кое в чем уступая им иногда, государство тем не менее активно им противостояло, всячески ограничивая их реальные возможности.

Восточное Средиземноморье

Соединявшие Африку с Евразией земли Восточного Средиземноморья в силу благоприятного климата и выгодного стратегического положения издревле были важнейшим центром обитания человека. Именно здесь в пещерах найдены останки первых сапиентных людей, здесь же закладывался и фундамент неолитической революции. Наконец, именно эта часть Азии уже после возникновения древнейших очагов цивилизации стала центром транзитных связей между ними и сыграла огромную роль во взаимовлиянии культур – древнеегипетской, месопотамской, древнегреческой, не говоря уже о хеттах, ассирийцах и иных представителях вторичных цивилизаций и государств ближневосточного региона. Словом, на долю многочисленных и весьма активных, энергичных народов и государств Восточного Средиземноморья выпала исторически и в историко-культурном плане весьма значительная роль. В некоторых отношениях эта роль была уникальной, что и оказало определенное воздействие на формирование тех структурных особенностей, которые в свое время определили специфический путь античного общества.

Иерихон, Библ, Угарит, Алалах, Эбла и некоторые другие поселения Сирии, Финикии и Палестины были освоены земледельцами еще в VIII–IV тысячелетиях до н. э. С III тысячелетия до н. э. эти и иные центры становятся важными узлами транзитных торговых связей, что способствовало их ускоренному развитию, сложению на их основе крупных городских комплексов, украшенных величественными храмами. Города демонстрировали тенденцию к укреплению и расширению за счет прилегающей к ним периферии, завоевания и присоединения соседних земель. Населенный преимущественно семитами¹³, заимствовавший как египетскую иероглифику, так и вавилонскую клинопись, а соответственно и культуру обеих цивилизаций, средиземноморский район Западной Азии, получивший наименование Ханаан, с начала II тысячелетия до н. э. превратился в экономически процветающий край, источник ценных природных ресурсов. Ливанский кедр считался лучшим строительным лесом для сооружения дворцов и храмов; смолы и ароматные благовония, вина и фрукты были всегда желанными предметами экспорта, за обладание которыми вели между собой войны крупные державы – Египет, Митанни, Ассирия, Хеттское царство.

На рубеже XIII–XII вв. до н. э. коалиция «народов моря» (в нее кроме греков-ахейцев входили некоторые другие племена), двигавшихся из Малой Азии и уничтоживших государство хеттов, нанесла большой урон ханаанской торговле и разрушила здесь ряд городов. Результатом вторжения было оседание в Восточном Средиземноморье некоторых из «народов моря», в первую очередь разместившихся на плодородных землях Палестины филистимлян, давших ей свое имя. Одновременно с ними в районе Палестины появились и древние евреи. Все это весьма усложнило пеструю картину языков, этносов, государств и сфер политического влияния, которую являло собой Восточное Средиземноморье в конце II и в I тысячелетии до н. э. Рассмотрим основные части этой картины.

Сирия – северная часть побережья с прилегающей к ней континентальной территорией, включая оазис Дамаска. Издревле она была местом пересечения транзитных торговых путей, скрещения людских потоков. Обитавшие здесь с глубокой древности семитские племена занимались земледелием и скотоводством, со временем усвоили клинопись. Но расцвету Сирии мешало то, что она часто становилась центром военных действий, местом столкновения

¹³ Речь прежде всего о выходцах из числа кочевников-амореев, позже также арамеев, хананеев и некоторых других народов; обобщающий термин для них – «ибри», т. е. «перешедшие через реку», через Евфрат

вражеских армий и зон их влияния. Районы Сирии переходили то к Египту, то к Митанни, то к хеттам, причем каждое из государств, стремясь укрепиться, строило там свои крепости и размещало в них гарнизоны. Правители возникшего после нашествия арамеев на рубеже II и I тысячелетий до н. э. Дамасского царства вынуждены были вести войны с государством Израиль, укрепившимся к этому времени на южных границах Сирии, а в IX в. до н. э. это царство попало под власть Ассирии. Одомашненный и приведенный арамеями в Сирию верблюд с начала I тысячелетия до н. э. стал играть важную роль в торговых связях.

Палестина – южная часть побережья с примыкающим к ней с востока нагорьем, тоже издревле заселенная семитскими земледельцами и скотоводами и расположенная на перекрестке международных путей. Эта часть Средиземноморья постоянно подвергалась нашествиям и была своего рода плацдармом на пути в Египет и из Египта. Похоже, что именно здесь консолидировались гиксосы перед завоеванием Египта. Изгнание же гиксосов привело к подчинению Палестины Египту. В конце II тысячелетия до н. э. Палестину заселяли бродячие орды изгоев-хапиру¹⁴, затем, как упоминалось, сюда пришли «народы моря», часть которых осела и дала району свое имя. Насколько можно судить по имеющимся данным, включая библейские предания, накануне переселения в Палестину евреев она представляла собой конгломерат мелких городов и протогосударств, активно враждовавших друг с другом. Свой вклад в эту ожесточенную борьбу внесли и древние евреи.

Библейские предания повествуют, что еще при легендарном родоначальнике всех семитов Аврааме предки евреев пересекли Евфрат и двинулись на запад. Здесь сложилась основа еврейского народа, его двенадцать колен – по числу сыновей внука Авраама Иакова. При сыновьях Иакова евреи в голодные годы – согласно все тем же преданиям – надолго переселились в Египет. Русский востоковед Б. А. Тураев в свое время считал, что некоторые тексты египтян времен фараона Хоремхеба (XIV в. до н. э.) о прибытии в долину Нила какого-то семитского племени («в их земле был голод», «они не знали, как прожить») косвенно подтверждают библейские предания. Считается, что, проведя век-полтора в «плени египетском», еврейский народ затем покинул эту страну, причем есть основания полагать, что религиозная борьба времен реформ фараона Эхнатона могла оказать свое воздействие на формирование среди евреев идей монотеизма.

Как бы то ни было, но, прибыв во главе с пророком Моисеем в Палестину на рубеже XIII–XII вв. до н. э., евреи в ожесточенной борьбе с местным населением завоевали себе лучшую ее часть, укрепились там и превратили древний Иерусалим в свой политический и религиозный центр. Превратившись в оседлых земледельцев, евреи постепенно ассимилировали значительную часть древнего населения, включая и хапиру. При этом войны с филистимлянами составляли важную часть их деятельности, в ходе которой выделились и укрепились первые цари Израиля: Саул, его зять Давид, сын Давида Соломон (до этих царей евреи не имели признанных правителей, а роль авторитета в их среде играли судьи). Союз с финикийским Тиром позволил Соломону не только укрепить свои позиции, но и выстроить из ливанского кедра грандиозный Иерусалимский храм в честь бога Яхве, великого и единственного божества, Бога для всех народов мира, избранным среди которых евреи почитали себя: именно их пророк Моисей установил в свое время с Яхве тесный контакт. А благословил еврейский народ великий Яхве, по преданию, за то, что Авраам не поколебался принести ему в жертву своего долгожданного первенца Исаака, – лишь в последний момент занесенный над Исааком кинжал Авраама был остановлен посланцем Яхве.

После Соломона его царство распалось на два – Иудею с центром в Иерусалиме и Израиль чуть севернее. Израиль в 722 г. до н. э. был завоеван Ассирией, а иудейское царство потомков Давида продолжало существовать со своим духовным центром в виде Иерусалимского храма. Жрецы и пророки, группировавшиеся вокруг храма, оказывали огромное влияние на жизнь евреев, с чем не могли не считаться терявшие реальную власть цари. Народ («ам-гаарец») платил налоги и выполнял повинности, прежде всего в пользу храма. Развитие

¹⁴ Вопрос о том, можно ли видеть в них предков евреев, долгое время был спорным; сейчас большинство специалистов дают на него отрицательный ответ

товарно-денежных отношений шло медленными темпами, а ростовщичество – более быстрыми, в результате чего многие из простых людей попадали в долговую кабалу. Разорение народа из-за алчности ростовщиков воспринималось как трагедия, и весь пафос обличений пророков был направлен против этого зла, что влекло за собой реформы, ставившие своей целью сохранить рушившиеся старые порядки.

В VII в. до н. э. в Иудее был принят закон, ограничивавший долговое рабство шестью годами, а также несколько других реформ. Однако это не слишком укрепило страну. В том же VII в. до н. э. она была завоевана Египтом, а в начале VI в. Иудея была завоевана Нововавилонским царством. Часть евреев бежала в Египет, другие вместе с жрецами храма были в 586 г. до н. э. уведены в плен в Вавилонию, где они пребывали около полувека, пока персидский царь Кир Великий не вернул их в Иерусалим, разрешив заново отстроить храм Яхве. Период Второго храма был временем дальнейшей религиозно-политической консолидации евреев и укрепления иудаизма как монотеистической религии. Попытки усилившихся евреев укрепить свои позиции привели на рубеже нашей эры к римско-иудейским войнам, закончившимся, как известно, гибелью Иудеи, разрушением храма и рассеянием евреев по всему миру.

Финикия – центральная часть средиземноморского побережья Западной Азии. Важность ее в том, что именно финикийцы с их бесспорными достижениями в области транзитной торговли и дальних мореплаваний заняли особое место в структуре древневосточных обществ и оказались на грани трансформации этой структуры в античную. Финикийские моряки и землепроходцы-колонизаторы, купцы и пираты, искусные ремесленники и кораблестроители обитали в основном в прибрежных городах Ливана, освоенных еще давно (Библ, Тир, Сидон и др.). Не очень сильная власть правителей в финикийских городах сочеталась с бурным развитием частнопредпринимательской деятельности, нередко, впрочем, не только находившейся под формальным покровительством правителя, например тирского Хирама, но и осуществлявшейся как бы от его имени.

В отдаленных районах Средиземноморья, будь то Карфаген или Гадес (Кадикс), Мальта или Сицилия, на рубеже II–I тысячелетий до н. э. возникали многочисленные колонии финикийцев, внутренняя структура которых в принципе воспроизводила структуру их собственных городов, в частности Тира и Сидона: заметные традиции самоуправления, система выбора должностных лиц, важная роль имущественного ценза при сравнительно слабой роли власти правителя. Заслуживает внимания подчеркнутая ориентация на мирную экспансию и торговлю: войн финикийцы обычно не вели, хотя пиратством подчас промышляли. Как правило, связующим единством общности, особенно в колониях, выступал не столько правитель, сколько божество, олицетворенное богатым жречеством и храмом. Имена некоторых из финикийских богов – Ваал, Молох, Адон (Адонис) – со временем обрели широкую популярность.

Существенно, что финикийцы, как впоследствии и античные греки, не считали себя гражданами или населением какой-либо страны; они были людьми своего города, т. е. жителями Тира или Карфагена, что, впрочем, не мешало им, как и грекам, осознавать свою этнокультурную и языковую общность. Как известно, именно финикийцы, упростившие для своих текущих торгово-отчетных нужд клинопись, создали систему алфавитного письма – ту самую, которая существует с известными модификациями и поныне, как на Востоке, так и на Западе. Финикийцы избегали практики порабощения собственного населения. Долговых рабов, несмотря на огромное развитие товарно-денежных отношений и кредитно-ростовщической системы, в их среде практически не было, как то было характерно и для постсолонической Греции. Зато рабами-иноплеменниками они, как и греки, пользовались весьма охотно. Рабами торговали, а подчас захватывали их, не брезгуя пиратскими методами: приставая к чужому берегу, финикийцы всегда старались подметить, много ли здесь мужчин; если их оказывалось мало, можно было рискнуть, напасть ночью, захватить рабов и отплыть. Рабы кроме работорговли были нужны в качестве гребцов на кораблях.

Финикийская структура, отличная от привычной ближневосточной, имела черты, сближавшие ее с античной греческой. Правда, этих черт было недостаточно для того, чтобы в Финикии сложились общество и экономика античного типа и чтобы там возник полис с

гражданскими правами и обязанностями его членов. Но нет сомнений в том, что финикийский образ жизни и характерные для него формы хозяйственной деятельности с преимущественным развитием торговли, мореплавания и колонизации оказали свое воздействие на шедших вслед за финикийцами греков и в немалой мере способствовали тому расцвету частнособственнической предпринимательской активности, которая сыграла решающую роль в трансформировании структуры античной Греции с ее полисами, гражданским обществом, правовыми, политическими и культурными институтами.

Нововавилонское царство

После господства касситов Вавилония вступила в длительную полосу упадка. Вторжения Элама и Ассирии, нашествие арамеев на рубеже II–I тысячелетия до н. э. сильно ослабили политическое могущество Вавилона, который однако еще оставался важнейшим торгово-ремесленным центром и источником культурного влияния. Вторжение арамеев сыграло существенную роль в изменении этнической характеристики Вавилона: значительную часть его населения стали составлять говорившие по-арамейски халдеи (группа арамейских племен). После падения Ассирии именно халдейский Вавилон вновь вышел на передний план, претендуя вместе с Мидией и Египтом на раздел ассирийского наследия. В схватке с соперниками правитель Вавилона Навуходоносор II (уже из халдейской династии, правил в 605–562 гг. до н. э.) вышел победителем и подчинил себе Сирию и Палестину. Именно он разгромил Иудею и увел несколько тысяч евреев в вавилонский плен. Вавилония при этом правителе стала наиболее могущественным государством, а ее столица была превращена в неприступную крепость. Там были собраны люди из разных стран («вавилонское столпотворение»), Вавилон стал крупнейшим и красивейшим городом мира, прославился своими дворцами и храмами, мостами и садами, среди которых выделялись знаменитые «висячие сады» – одно из чудес света в древнем мире. Доминантой огромного города была его «вавилонская башня» – мощное квадратное в плане ступенчатое строение, семиэтажный зиккурат, достигавший в высоту 91 м, со святилищем в честь верховного бога – покровителя города Мардука.

После смерти Навуходоносора среди его преемников началась жестокая борьба за власть, в результате которой правителем стал Набонид. Этот очередной выходец из халдейских племен выступил было с рядом социально-религиозных реформ, суть которых сводилась к ослаблению вавилонского жречества вместе с культурами старых богов, начиная с Мардука, и выдвигению на передний план арамейского божества Луны – Сина. Развернувшаяся в связи с этими реформами, чем-то напоминающими реформы Эхнатона почти тысячелетием раньше, внутривавилонская борьба сильно ослабила Вавилон и сделала его через четверть века сравнительно легкой добычей персов. Когда в 539 г. до н. э. победоносный Кир II подошел к стенам Вавилона, он сумел, обойдя мощные укрепления, вступить в него (по некоторым данным, осушив для этого русло реки и пройдя по ее дну). Кир отнесся к Вавилону с большой почтительностью, сохранив его статус, права и привилегии. Иноплеменное население, в частности иудеи, было освобождено и получило возможность вернуться на родину. Все вавилонские боги и культы были восстановлены, а Набонид, которому была сохранена жизнь и даже предоставлена должность правителя одной из отдаленных областей империи персов, был обвинен в беззаконии и произволе, в разрушении традиционной религии вавилонян.

Падение Вавилона надолго сохранилось в памяти народов и приобрело даже значение некоего символа благодаря тому, что оно через пленных иудеев было зафиксировано и вошло в Библию. Библейские предания повествуют о пире Валтасара (сын Набонида, он возглавлял оборону города от персов), во время которого на стене зала будто бы появились божественные знаки – несколько загадочных слов («мене, текел, фарес»), предвещавших падение города. Неспособный понять это предостережение и продолжавший разгул Валтасар поплатился за это жизнью.

Социальная структура Нововавилонского царства была весьма сложной, что было вызвано высоким уровнем развития товарных отношений и частнопредпринимательской деятельности. Юридически вавилонское общество делилось на полноправных вавилонян; неполноправных, прежде всего иноплеменников, живших – наподобие пленных иудеев – на правах поселенцев и

преимущественно находившихся на службе в качестве чиновников и воинов; зависимых земледельцев, обрабатывавших земли царско-храмовых хозяйств на правах потомственных арендаторов (т. е. лишенных собственных участков или прав на общинный надел), и рабов, многие из которых, однако, имели не только права, но подчас и собственное имущество, определенные привилегии, а то и собственных рабов (оставаясь при этом рабами хозяина, получавшего за это от них немалый оброк – пекулий).

Это членение заметно усложняли корректировавшие его реальные имущественные и тем более социально-экономические отношения. Хотя полноправные общинники по правовому статусу стояли на первом месте, в имущественном отношении многие из них могли быть на низших ступенях общества; и наоборот, зависимые и даже удачливые рабы, в правовом отношении стоявшие на низших ступенях, порой оказывались богатыми собственниками, эксплуатировавшими труд неимущих, которые в правовом отношении могли стоять выше их. Что касается долгового рабства, то оно после реформы Хаммурапи в Вавилонии пошло на убыль. Практика самопродажи и самозаклада почти исчезла (сохранялись, да и то изредка, в экстремальных ситуациях, случаи продажи детей). На смену долговому рабству пришла более приемлемая в новых условиях практика наемного труда. Неимущие различного правового и социального статуса порой объединялись в трудовые отряды – нечто вроде «профсоюзов», диктовавшие и добивавшиеся хорошей оплаты их труда. Возможно, эта практика была вызвана к жизни тенденцией к монополизации в частных руках больших финансово-экономических возможностей (в Вавилоне были крупные торгово-ростовщические дома, которые вели широкую транзитную торговлю, осуществляли крупномасштабные банковские операции, финансировали коммерческие предприятия).

Все эти процессы по-прежнему протекали в рамках традиционной восточной структуры. Храмовые и царские хозяйства были важным элементом хозяйственной деятельности, равно как и трудовые повинности. Но существенно заметить, что в условиях развитых частнособственнических отношений, которые были свойственны Нововавилонскому царству, власть-собственность несколько трансформировалась: храмовые хозяйства подчас выступали на рынке в качестве совокупного собственника, имевшего юридическое лицо, т. е. в виде своего рода «фирмы». Трудно сказать, какие потенции имело бы подобного рода развитие в иных обстоятельствах, но в конкретных условиях VI в. до н. э. и персидского завоевания на том все практически и остановилось. Больше того, с включением Вавилона в империю Ахеменидов экономическое значение и финансовая мощь вавилонских богатых домов стали ослабевать, хотя и не сразу.

* * *

Западно-азиатский вариант формирования государственности заметно отличался и от месопотамского, и от египетского. Главное отличие его состояло в том, что, несмотря на наличие в этом регионе ряда древнейших из известных истории протогосударственных образований и нескольких весьма специфических политических структур (таких, как иудейская или финикийская), для региона в целом была характерна определенная вторичность. Вторичность в том смысле, что государства Западной Азии, – даже оставляя в стороне Вавилон, прямого наследника шумеров, – в своем развитии многое заимствовали у опередивших их соседей и за этот счет ускоряли темпы своего развития. Это было характерно и для митаннийцев, и для хеттов, и для ассирийцев, в какой-то степени и для народов Восточного Средиземноморья. Все они так или иначе были знакомы с месопотамской клинописью, с основами выработанного в древнем Двуречье законодательства, не говоря уже о календаре, азах математики, мифологии и религии. Понятно, что в каждом из западно-азиатских государств древности, больших и малых, все, что перенималось, энергично перерабатывалось и усваивалось в сильно видоизмененном виде, однако сам факт заимствования при этом не может быть поставлен под сомнение.

Заимствование чужого опыта всегда ускоряет развитие. Западно-азиатские структуры продемонстрировали это достаточно ясно. Хетты и ассирийцы щедро использовали боевой и политико-административный опыт Египта. В еще большей степени заимствовался и усваивался

западно-азиатскими народами древности торговый опыт вавилонян. Стоит напомнить, что Ашшур вначале славился как торгово-транзитный центр и лишь позже стал столицей сформировавшейся на этой основе Ассирии.

Вторичность характера эволюции отнюдь не равнозначна второстепенности. Напротив, многие из только что оцененных в качестве вторичных западно-азиатских государств древности оказались уникальными в своем роде. Это те же древние евреи с их монотеистической религией и величественным храмом в Иерусалиме в честь Яхве – трудно переоценить историко-культурное значение этого феномена в судьбах человечества. Это финикийцы с их развитыми формами торговли, мореплавания и колонизации. Это, наконец, митаннийцы и хетты, прославившиеся одомашниванием лошади, изобретением боевых колесниц и положившие начало железоделанию. Я уж не говорю о такой «вторичной» державе, как халдейский Вавилон с его роскошью и развитой торговлей.

Глава 8 Империя Ахеменидов и завоевания Александра

История ближневосточной древности I тысячелетия до н. э. была ознаменована созданием великих «мировых» держав, империй. Принципиальным отличием империй от крупных государств более раннего времени было новое качество политической структуры: она не только по-прежнему расширялась за счет включения в нее различных племен и народов, противостоящих одна другой и связанных друг с другом хозяйственно-культурных зон, земледельцев и кочевников, но и становилась более жесткой с точки зрения внутренней администрации. Если прежде вновь завоеванные территории обычно оставались полуавтономными, а управляли ими их прежние правители, терявшие независимость и вынужденные выплачивать дань, то теперь все чаще новые регионы преобразовывались в управлявшиеся чиновниками центра провинции. Население империи в немалой степени нивелировалось за счет его массовых перемещений, как то впервые стало практиковаться ассирийцами. С точки зрения общей динамики эволюции появление такого рода империй было закономерным и в некотором смысле высшим, завершающим этапом процесса генезиса развитой политической структуры: на протяжении тысячелетий складывались первичные протогосударства, на их основе и в ходе ожесточенной междоусобной борьбы возникали вторичные протогосударства и политические образования типа ранних государств; затем шло политическое объединение более крупных масштабов – возникали мощные развитые державы, о которых уже шла речь (Египет, Вавилония, Хеттское царство и др.). И наконец, мировые державы, империи типа Ассирии. Наследником Ассирии на короткий срок стало Нововавилонское царство, а затем пришла очередь персов.

Первые империи, что хорошо видно на примере Египта времен Нового царства, той же Ассирии, были объединениями еще непрочными, эфемерными. Они держались на силе и потому во многом зависели от хорошей армии, от удачливой внешней политики умелого правителя, от вовремя проведенных реформ, направленных на усиление власти центра. Но, поскольку сильные правители сменялись слабыми, в периоды правления которых резко возрастали центробежные тенденции, и поскольку реформам всегда противостояли издревле складывавшиеся устойчивые нормы обычного права и местные традиции, сильно ослаблявшие эффективность этих реформ, фундамент политической суперструктуры – империи – легко давал трещины. Империя приходила в упадок и рушилась. Однако на смену ей шла новая империя, энергично прибиравшая к рукам наследство своей предшественницы. Уже одно это примечательное обстоятельство убедительно подтверждает закономерность самого процесса: мозаика ближневосточной древности да и не только ближневосточной, по меньшей мере с I тысячелетия до н. э. была готова для политической интеграции. Вопрос был лишь в том, на какой этнополитической и религиозно-культурной основе такого рода интеграция окажется наиболее прочной и эффективной. И, конечно, многое зависело от создания оптимальной административной структуры, пригодной для институционализации имперских форм власти.

В поиск такой структуры внесли свой немалый вклад и египтяне, и вавилоняне, и

ассирийцы, и хетты. Ассирия продемонстрировала первые реальные результаты процесса поиска: массовые перемещения населения и создание управляющихся из центра провинций заложили прочный фундамент эффективной имперской администрации, особенно на окраинах, заселенных до того иноплеменниками. Дальнейшие принципиально важные в этом направлении шаги сделали персы.

Древние иранцы. Мидия

Древние иранцы, принадлежавшие к одной из ветвей индоевропейцев, появились на территории современного Ирана на рубеже II–I тысячелетий до н. э., причем в науке до сих пор не решен вопрос, откуда они появились – с территорий Кавказа или из Средней Азии через прикаспийские степи. Вступив во взаимодействие с местным населением – хурритами, касситами и др. – и частично ассимилировав его, иранцы с VIII в. до н. э. стали господствующим этносом, разделившись, в свою очередь, на две части – мидян на севере и персов на юге. Войны Ассирии с Урарту, вторжения киммерийцев и скифов создали благоприятную ситуацию для консолидации мидянских племен, на основе которой сложилось государство Мидия, ставшее уже в VII в. до н. э. сильной державой, союз которой с Вавилонией сыграл решающую роль в крушении Ассирии.

Удачливый правитель Мидии Киаксар (625–585 гг. до н. э.) не только разгромил Ассирию, но сумел покорить и подчинить также Урарту и ряд других стран от прикаспийских степей до Малой Азии, где им был заключен союз с крупным Лидийским царством. Сын Киаксара Астиаг (585–550 гг. до н. э.) предпринимал усилия для сохранения и укрепления могущества Мидии. Однако в этой борьбе он встретил ожесточенное сопротивление региональной племенной знати, обогащение которой в ходе завоевательных войн способствовало ее усилению. Среди иранских племен, находившихся в зависимости от царей Мидии, были и ведшие борьбу с их соседями-эламитам персы.

Располагавшиеся на юге иранского плато, рядом с древним Эламом, персы долгие десятилетия существовали практически автономно от этнически близких им мидян. Консолидация персов в государство происходила медленно и чуть запаздывала по сравнению с мидянской. Однако автономия эта способствовала политической независимости формировавшегося государства. Правитель персов Кир I во второй половине VII в. до н. э. признавал авторитет Ассирии, с которой мидяне вели ожесточенную борьбу, а во времена его сына Камбиза I, женатого на дочери Астиага, персы были уже вассалами Мидии. Сын Камбиза Кир II был по матери внуком царя Мидии, и это родство сыграло определенную роль как в его судьбе, так и в судьбах всех персов.

Кир II Великий и держава Ахеменидов

Став в 558 г. до н. э. царем персов, Кир II в 553 г. выступил против Мидии и в 550 г. покорил ее, соединив тем самым в своих руках власть над обеими родственными ветвями древних иранцев. Вскоре энергичный Кир присоединил к своему государству Элам и, выступив против Лидии, разбил войска ее царя Креза, славившегося во всем древнем мире своими несметными богатствами. Подчинив почти всю Малую Азию, а затем и значительную часть Средней Азии, Кир выступил против Вавилона и в 538 г. захватил его, после чего персам добровольно подчинились и зависевшие от Вавилона небольшие государства, включая восточно-средиземноморские. Намереваясь выступить против последнего из крупных соперников, Египта, Кир решил предварительно обезопасить среднеазиатские границы своей державы, но потерпел неудачу и погиб в сражении с массагетами в 530 г.

Созданная Киrom держава Ахеменидов¹⁵ за короткий срок стала крупнейшей в мире; ее границы простирались от средиземноморского побережья до среднеазиатских оазисов.

¹⁵ Персидские цари возводили свою родословную к Ахемени, жившему в VIII–VII вв. до н. э. 136

Непокоренным оставался Египет, так что неудивительно, что именно против него двинул свои силы сын Кира Камбиз II, в армию которого кроме персов были включены воины едва ли не всех покоренных его великим отцом стран и народов, не говоря уже о финикийском флоте. Египетские войска не сумели противостоять натиску этой армии: в 525 г. Египет был покорен, а Камбиз провозглашен его фараоном (27-я династия). Вслед за этим персы предполагали идти походом в Эфиопию и через ливийские пески на Карфаген, но недостаток продовольствия и общая неподготовленность огромной армии к длительным экспедициям в сложных условиях привели к крушению первоначальных замыслов. Кроме того, тревогу Камбиза вызвали дошедшие до него слухи о волнениях в Персии, вызванных ложными сведениями о его гибели и претензиями его брата Бардии на престол. Камбиз приказал казнить Бардию и поспешил обратно, но неожиданно умер в пути. В этой критической ситуации на передний план выступил, согласно некоторым данным, жрец (маг) Гаумата, выдавший себя за Бардию.

Традиционная версия о первом из известных истории самозванцев, сыгравших серьезную роль в политической борьбе крупного государства, ныне специалистами подвергнута сомнению: считается, что к власти пришел все-таки подлинный Бардия. Как бы то ни было, но взявший в свои руки власть Бардия (или Лжебардия-Гаумата) несколько месяцев успешно управлял империей и даже провел ряд реформ, направленных на укрепление центральной власти и ослабление знати. Возможно, именно это, в сочетании с достигавшими Персии противоречивыми слухами о Камбизе II (жив? или все-таки умер?), что ставило нового царя в двусмысленное положение, привело к острой политической борьбе в правящих кругах, в ходе которой осенью 522 г. Бардия (Лжебардия?) был убит заговорщиками. Один из них, представитель младшей ветви Ахеменидов Дарий, после этих событий был провозглашен новым царем персов.

Придя к власти, Дарий столкнулся с тяжелой ситуацией. Во всех концах империи вспыхивали восстания; одна за другой недавно присоединенные к Персии страны пытались добиться независимости. Опираясь на армию, молодой царь жесткой рукой подавил восстания и восстановил эффективную власть центра. В знак своих успехов он повелел высечь на Бехистунской скале гигантское барельефное изображение с надписью на нескольких языках. И изображение, и надпись (сыгравшая в свое время важную роль в расшифровке клинописи) призваны были закрепить в поколениях память о великой победе. Однако военными успехами деятельность Дария не ограничилась – с них она практически только началась, ибо центр тяжести ее был в ином, т. е. в тех реформах, которые обеспечили почти двухвековое владычество персов на Ближнем Востоке.

Реформы Дария I и социальная структура империи Ахеменидов

Создав огромную империю, немногочисленный этнос персов должен был выработать оптимальную формулу для управления разноплеменным конгломератом высокоразвитых и примитивных народов, различных по своим судьбам и уровню развития стран, объединенных отныне под властью единой администрации. Стоит заметить, что в распоряжении персидских правителей не было развитой религиозной системы, которая могла бы послужить основой для формирования крепкой власти. Такого рода система в форме иранского зороастризма еще только зарождалась и потому не могла быть использована в необходимом для нужд империи объеме. Поэтому центр тяжести был вынужденно перенесен на создание оптимальной административной структуры, типа той, основы которой были заложены еще ассирийцами. Вот эту-то структуру и вырабатывал в ходе своих реформ Дарий I.

Суть реформ Дария сводилась прежде всего к обеспечению господства персов в рамках созданной ими мировой державы. Сами персы – кара (это слово означало одновременно «народ» и «воины», что адекватно отражало сравнительно ранний этап развития персов как этноса, и те социально-политические функции, которые выпали на их долю в империи) – занимали привилегированное положение. Именно из их числа формировался командный состав армии, именно они составляли ядро административного аппарата, разветвленная сеть которого густо опутала всю державу Ахеменидов. Следуя уже апробированному ассирийцами методу, Дарий разделил страну на провинции – сатрапии, во главе которых им были поставлены

ответственные перед центром управители-сатрапы. Но в отличие от ассирийцев Дарий пошел дальше: для упрочения власти центра и ограничения всевластия сатрапов он ввел разделение военной и гражданской власти на местах. В функции сатрапов входило осуществление гражданской администрации, обеспечение регулярного поступления податей и выполнения повинностей. Они же выполняли судебные функции, имели право чеканить серебряную и медную монету. Однако сатрапы не имели военной силы, за исключением небольшой личной охраны и аппарата принуждения на местах. Что же касается военной администрации, то вся империя была поделена на пять больших округов во главе с военачальниками, в ведении которых находились военные руководители сатрапий, независимые от сатрапов и не подчинявшиеся им. Это разграничение гражданской и военной администрации при взаимном контроле ответственных руководителей различных ведомств сыграло важную роль в упрочении всевластия центра.

Именно центральный аппарат власти сохранял за собой все основные руководящие функции. Из заново отстроенной столицы (Сузы) по стратегическим дорогам, снабженным почтовыми станциями с лошадьми, гонцами, складами продовольствия и необходимого снаряжения, шли распоряжения и указания. Для упрощения канцелярско-деловой переписки в многоязычной державе Дарий перевел всю ее на арамейский язык, широко распространенная лексика которого удачно соответствовала переведенной на алфавитную основу по финикийскому образцу унифицированной клинописи. Только столичное казначейство, в сокровищницы которого ежегодно стекались подати из всех сатрапий, в строгом соответствии с их богатством и степенью экономического развития, имело право чеканить золотую монету, дарик, получившую широкое распространение не только в персидском, но и греческом мире. Во главе административного аппарата центра стояли знатные персидские вельможи, им помогали многочисленные чиновники из персов и мидян, причем часть этих же чиновников посылалась в сатрапии, где они выступали в качестве помощников сатрапов, исполняя судебные и иные функции.

Что касается администрации внутри сатрапий, особенно таких крупных и развитых, как Египет или Вавилон, то они делились на области, для управления которыми обычно привлекались чиновники и писцы из числа местных жителей. В сатрапиях, где политические связи издревле основывались на добровольном подчинении мелких государств (Финикия и др.), роль руководителей подчиненных сатрапам областей выполняли местные правители с их традиционным аппаратом власти и местным самоуправлением. Далекие периферийные районы, населенные небогатыми племенами, тоже обычно сохраняли традиционную систему управления во главе с вождями, а их взносы в персидскую казну ограничивались небольшой данью, принимавшей форму спорадических подарков. При этом почти во все окраины державы центр посылал свои военные отряды, сооружая там крепости и форпосты. Воины гарнизонов обычно получали освобожденные от налогов земельные наделы и жили за счет их обработки. При этом строго соблюдался принцип, согласно которому в число воинов не должны были включаться жители данного района, даже вообще страны, особенно если имелась в виду такая страна, как Египет, Вавилония.

Вообще на организацию армии обращалось особое внимание, ибо именно военная сила была основой власти персов. Элитой армии был корпус «бессмертных» из 10 тыс. лучших персидских воинов, первая тысяча которых, состоявшая из представителей знатных родов, занимала привилегированное положение в качестве личной охраны царя. Остальная армия делилась на пехотинцев-лучников и всадников, причем периферийные ее подразделения, стоявшие гарнизоном в сатрапиях, включали в свой состав не только персов и мидян, хотя именно иранские племена по-прежнему оставались костяком армии. Вначале строго следили за тем, чтобы воинские наделы оставались наследственно-должностными и не переходили в личную собственность, не становились объектом купли-продажи. С течением времени, однако, наделы начинали отчуждаться, что не могло не сказаться на боеспособности армии. Как известно, это привело к тому, что последние персидские цари вынуждены были все большую ставку делать на воинов-наемников. Став мировой державой, империя Ахеменидов вынуждена была активно строить военные корабли, особенно после того как ей пришлось столкнуться с сильными именно на море греками.

Серия военно-политических и социально-экономических реформ Дария, приведшая к укреплению внутренней административной структуры и усилению власти правителя, сравнительно мало затронула те привычные социальные и экономические отношения, которые существовали на Ближнем Востоке издревле. При всем несходстве между развитыми и отсталыми странами, при всех модификациях моделей эволюции эти отношения в общем были однотипными: эффективная администрация центра опиралась на власть-собственность, производители выплачивали ренту-налог в казну, а частное хозяйство всегда было под строгим контролем чиновников.

Завоеватели-персы, облагавшие огромными податями подвластное им иноплеменное население, выступали в качестве правопреемников тех правителей, которые прежде олицетворяли собой власть-собственность в каждой из покоренных персами стран. Во всех них система царско-храмовых хозяйств становилась одним из важнейших источников дохода казны Ахеменидов, причем земли этих хозяйств по-прежнему обрабатывали арендаторы, обычно зависимые либо неимущие полноправные из числа местного населения. Параллельно с царско-храмовыми многие из аннексированных земель были розданы знатным персам и иным приближенным либо заслуженным лицам, которые тем самым приобретали большие должностные и личные владения, обрабатывавшиеся для них на правах аренды преимущественно теми же зависимыми (многих из них именовали персидским словом «гарда», в эламском варианте – «курташ»), нередко из числа бесправных покоренных пленников. Часть крупных владений имела привилегии и иммунитеты, т. е. была освобождена от налогов, тогда как с остальных налоги взимались по минимальной ставке. К должностным землям крупного масштаба были близки по характеру и более мелкие должностные владения чиновников и воинов, которые обычно также обрабатывались арендаторами.

Основная доля земельного фонда в персидской империи принадлежала общинникам, выплачивавшим налоги непосредственно в казну и исполнявшим все повинности. Среди них были и богатые, и бедные, причем богачи подчас сдавали излишки земли в аренду беднякам. Долговое рабство распространено не было, но практика заклада имущества была хорошо известна, особенно в связи с системой откупов: крупные дельцы, бравшие на откуп тот или иной район империи, беспощадно выколачивали из населения не только причитающийся с каждого налог, но и немало сверх этого, что и вынуждало бедняков расставаться с имуществом либо закладывать его.

В период расцвета державы Ахеменидов был достигнут высокий уровень развития ремесла, торговли, строительства. Ремесло и особенно транзитная торговля – как, впрочем, и операции по закладу либо аренде – нередко сосредоточивались в руках больших торговых домов частных собственников, в основном вавилонских. Рабов в империи было немного, причем использовались они либо в государственных хозяйствах на тяжелых работах (рудники, каменоломни), либо в сфере услужения в частных домах. Те из рабов, которые сажались на землю или обзаводились кое-каким имуществом, включались в торгово-ростовщические операции, приобретали ремесленные специальности и тем постепенно изменяли свой реальный статус, сближаясь в имущественном отношении с иными слоями населения, хотя юридически долго оставались неполноправными, что находило отражение в системе оброка-пекулия.

Греки, греко-персидские войны и гибель империи Ахеменидов

Греки были одной из ветвей индоевропейцев, волнами мигрировавших во II–I тысячелетиях до н. э. на запад. Если ранние из этих волн, положившие начало Микенам и позже гомеровской Греции, в принципе не породили ничего структурно нового, ибо микенские и гомеровские греки, известные как по данным археологических раскопок, так и из великих поэм «Одиссея» и «Илиада», жили примерно по тем же стандартам, что и все описанные выше древневосточные общества, то в более позднее время ситуация изменилась. Последняя из миграционных волн, приходящаяся примерно на XII в. до н. э., привела к заселению Эллады племенами дорийцев, энергично осваивавших земли Греции. Земли эти были не очень пригодны для интенсивного зернового земледелия, что вызвало к жизни массовую

колонизацию. Следуя финикийцам, греки активно занялись торговлей и мореплаванием и стали одну за другой основывать колонии во фракийских и скифских землях, в Малой Азии, Италии и других местах, преимущественно на побережье и островах. Эпоха Великой колонизации, как ее именуют специалисты, подготовила Грецию к архаической революции VIII–VI вв. до н. э. – революции, имевшей уникальный в истории характер и потому принявшей облик социальной мутации, о чем уже упоминалось.

Многому научившись у народов Востока (финикийцев, египтян, вавилонян и др.), познакомившись с алфавитом и чеканкой монеты (монетами славилась Лидия), греки архаической эпохи, о которой идет речь, вступили на путь энергичного экономического, политического, социального и культурного развития, которое и составило суть упомянутой революции. Типичные для всех ранних земледельческих общин процессы закабаления бедняков богатыми были пресечены серией решительных реформ, наиболее знаменитыми и важными среди которых были реформы Солона в Афинах в 594 г. до н. э. Реформы Клисфена в тех же Афинах в конце VI в. до н. э. ликвидировали привычные формы родовой организации и тем самым подорвали силу родовой аристократии, заменив старые родовые связи новыми, основанными на территориальном представительстве граждан в совете, на обязанности поочередного исполнения общественных должностей выборными и подотчетными народу представителями. Созданный еще Солоном суд присяжных, равно как и первые своды законов, способствовали укреплению в греческих полисах гражданского демократического строя, который не смогли поколебать жестоко расправлявшиеся с политическими противниками тираны, время от времени захватывавшие власть в отдельных полисах, включая и Афины.

Греческий архаический полис в его обновленной форме стал коллективом равноправных граждан, чье имущество и достоинство охранялись и чья энергия, частная инициатива, предприимчивость, обогащение – но не за счет закабаления сограждан! – всячески поощрялись. Можно добавить к этому, что граждане имели право приобретать рабов вне своего полиса: их можно было сравнительно дешево купить в колонизованных греками землях, у местных царьков и вождей в обмен на желанные и высоко ценившиеся греческие товары – вино, оливковое масло, керамику, ткани, изделия из металла и т. п. Граждане, как правило, были грамотны, ибо все дети членов полиса учились в школе; граждане были физически развитыми, ибо все они занимались спортом, тренировались и соревновались, вплоть до участия в олимпиадах. В Спарте, знаменитом сопернике Афин, граждане были строго организованы в военизированные отряды с достаточно четкой и даже мелочной регламентацией жизни. Однако при всем том они были и ощущали себя именно гражданами, т. е. индивидами, имевшими неотъемлемые права и обязанности, свободу и достоинство.

Гражданская община в архаической Греции практически слилась с государством, которым здесь управляли не причастные к власти верхи общества, не профессиональная административно-бюрократическая элита, а сами полноправные граждане при посредстве демократических процедур (принцип подчинения меньшинства большинству в ходе выборов или голосования; правоспособность каждого члена полиса вне зависимости от его имущественного положения или родовых связей и т. п.). В Греции иным, нежели на Востоке, было и рабство: бесправность раба на фоне прав гражданина была очевидной и громадной. Впрочем, это далеко не означало, что только рабы или хотя бы преимущественно они были производителями и что именно за счет рабов процветал полис. Конечно, эксплуатация рабского труда способствовала процветанию полиса и граждан, но это процветание прежде всего обеспечивалось трудом самих греков и опиралось на те формы социально-экономических частнособственнических связей, которые столь разительно отличались от господствовавших вне Греции отношений. Олицетворением этих отношений для архаических греков как раз и была персидская империя Ахеменидов, чья граница все ближе подходила к зоне обитания греков, к их полисам.

Как известно, военные успехи Дария I прекратились именно тогда, когда он столкнулся со свободолюбивыми греками. Греко-персидские войны, столь красочно описанные античными авторами, в частности Геродотом и Фукидидом, продолжались долгие десятилетия и при преемниках Дария. Несмотря на некоторые успехи Ксеркса в сухопутных сражениях (битва при Фермопилах с героической гибелью спартанского царя Леонида), на море персы неизменно

терпели поражения, кульминацией которых был знаменитый Саламинский бой 480 г. до н. э. Политическая раздробленность греческого мира и острые внутренние разногласия, даже соперничество, особенно между Афинами и Спартой, казалось бы, были на руку персам. Но великая империя так и не смогла воспользоваться своими преимуществами и в конечном счете вынуждена была отказаться от планов порабощения Эллады.

Успехи греков привели к тому, что в середине V в. до н. э. персы вынуждены были отступить и очистить не только собственно Грецию, но и греческую Малую Азию (не держать своих войск ближе, чем в трех днях пути от западного побережья Малой Азии). Следствием этой неудачи для великой империи был ряд антиперсидских восстаний в крупных сатрапиях – в Египте, Сирии, Лидии. И хотя восстания были подавлены, они знаменовали постепенное ослабление могущества персов. Рубеж V–IV вв. до н. э. прошел под знаком сильных междоусобиц между претендентами на персидский трон, а вышедший из них победителем Артаксеркс II попытался было упрочить свои позиции активным вмешательством в междоусобную борьбу греков, особенно Афин и Спарты. На некоторое время это способствовало стабилизации его власти, но ненадолго. К концу его царствования от империи отпали Кипр, затем Киликия, Лидия; при его сыне разгорелись новые восстания, сопровождавшиеся дворцовыми интригами. И пока персы с трудом боролись за сохранение равновесия внутри империи, в далекой северо-греческой Македонии укреплялись позиции нового грозного соперника персов.

Дело в том, что развитие греческих полисов на рубеже V–IV вв. привело их не только к политическим междоусобицам, о которых уже упоминалось, но и к социально-политическому и экономическому кризису. В рамках полисов обострялись взаимоотношения между богатыми и бедными, демосом и аристократами. Метеки (неполноправные из числа свободных греков, живших в чужом полисе) и вольноотпущенники из числа удачливых и выбившихся в богатеи вчерашних рабов занимали все более весомые экономические позиции, что не могло не влиять на статус и настроения граждан. Возникали требования перемен, находившие свое отражение, в частности, в различных утопических проектах, от комедий Аристофана до трактатов Платона. В политической борьбе это проявлялось в претензиях то одного, то другого из усиливавшихся время от времени государств (Афины, Спарта, Фивы и др.) на гегемонию в Элладе, на создание союза греческих городов. В междоусобной борьбе попеременно лидировали разные полисы, чаще всего Афины. Но с середины IV в. до н. э. центр тяжести борьбы за власть в Элладе стал перемещаться на север, в Македонию.

Политический строй Македонии отличался от греческих полисов: это была наследственная монархия, хотя и несколько ограниченная собранием воинов, советом знати. В экономическом плане Македония также отставала от остальной Греции, но уже в V в. до н. э. тесные связи с греками и заимствование их культуры привели к преодолению отставания. Ослабление полисной Греции в IV в. до н. э. совпало по времени с укреплением политического могущества Македонии, которая стала играть первостепенную роль во внутривосточных делах. Македонский царь Филипп II, умный и энергичный правитель, прошедший свою молодость в Фивах в качестве политического заложника и немало полезного усвоивший там, не только реорганизовал и усилил армию, когда оказался у власти (359–336 г. до н. э.), но и начал активно вмешиваться в междоусобные войны полисов. В 338 г. до н. э., разбив противостоявшую ему армию греков, Филипп объединил под своей властью большинство полисов Эллады и стал фактически главнокомандующим всегреческой армии, готовя ее к походу на восток, против Ахеменидов. Вскоре, однако, Филипп пал жертвой заговора, а верховная власть в Македонии оказалась в руках его сына, двадцатилетнего Александра, воспитанника знаменитого Аристотеля.

Александр в 334 г. выступил против персов во главе армии в 30 тыс. пехоты, 5 тыс. конницы и 160 боевых кораблей. Войско было оснащено саперной техникой и имело хорошо подобранный штаб, включая и разведку. И хотя его соперник Дарий III мог выставить значительно более сильную и многочисленную армию, военный гений Александра сыграл свою роль. Выиграв первые сражения в Малой Азии, Александр подчинил себе затем города Финикии и в 332 г. захватил Египет. Затем, вернувшись в Сирию, он двинулся к берегам Тигра и в решающей схватке при Гавгамелах 1 октября 331 г. нанес сокрушительное поражение

персам. Бежавший в Бактрию Дарий III был там убит местным сатрапом, а персидская империя Ахеменидов перестала существовать.

Империя Александра Македонского

Поскольку убивший Дария сатрап Бактрии Бесс провозгласил себя новым императором, Александр выступил против него и направил свое войско далее на восток, через столицу Персии Персеполь и Экбатаны в Гирканию, куда отступили разбитые войска персов. Из Гиркании через Парфию он прибыл в район Гиндукуша и, перейдя гиндукушские хребты, спустился в долину Амударьи. Здесь Бесс был схвачен и казнен, а македонские войска, пройдя через плодородные долины Согдианы, вновь перевалили через Гиндукуш. Александр стал готовиться к походу на Индию.

Весной 327 г. до н. э. он через Афганистан вторгся в Северную Индию, где нанес поражение войскам царя Пора. Однако истощенная боями и длительными маршами македонская армия была не в состоянии двигаться дальше. Оказавшись перед угрозой прямого неповиновения, Александр был вынужден дать команду об отступлении, причем длительный и очень трудный маршрут в обратном направлении вдоль Инда, по побережью Аравийского моря и Персидского залива, по знойным пустыням и безлюдным местам привел армию к окончательному истощению. Возвращением в Сузы завершился длившийся почти 10 лет восточный поход Александра.

Щедро расплатившись с воинами-ветеранами и отправив значительную их часть на родину, Александр в 324 г. прибыл в Вавилон, который он избрал столицей своей гигантской империи. Охваченный неумолимой жаждой завоеваний, великий полководец продолжал строить грандиозные планы дальнейших походов. Он приказал создать большой флот и сколачивал новую армию, костяком которой теперь уже должны были служить азиаты, в первую очередь персы. Однако в разгар приготовлений Александр слег в приступе жестокой лихорадки и через несколько дней умер. Это случилось в 323 г. до н. э., причем сразу же после смерти полководца его преемники – диадохи – стали в ожесточенной борьбе делить его наследство. Созданная Александром империя вступила в состояние кризиса, который завершился на рубеже IV–III вв. до н. э. возникновением в Западной Азии и Северной Африке двух крупных держав – Египта Птолемеев и царства Селевкидов, которые объединили под своей властью весь ближневосточный мир, за исключением тяготевшей к Элладу Малой Азии.

Что же представляла собой империя Александра и как отразились его завоевания на истории стран и народов ближневосточного региона?

Прежде всего следует заметить, что выступивший в качестве преемника великих монархов Востока Александр проявил немалую государственную мудрость в организации администрации. Он сделал акцент на местные традиции, привычную социальную структуру и испытанные кадры управителей, доставшиеся ему в наследство от персидских царей. И хотя все высшие должности в его империи занимали доверенные лица из числа македонцев и греков, стратегическая цель императора сводилась к гармоническому синтезу античной и восточной систем, символом которого призвана была послужить торжественная церемония вступления вернувшихся из изнурительного похода воинов в брак с азиатскими женщинами. В Сузах, куда вернулось истощенное походом войско, был совершен этот важный политический акт: около 10 тыс. воинов-македонян, в том числе сам Александр и его ближайшие сподвижники, одновременно сочетались браком с азиатками, причем каждому из молодоженов Александр сделал богатый свадебный подарок.

Важным средством реализации политики синтеза было также создание во многих завоеванных районах Ближнего Востока – от Египта до Средней Азии – серии крупных городов, по меньшей мере десятков из которых стал называться Александриями. Эти города, заселявшиеся македонянами, греками и стремившимися перенять их образ жизни людьми иных национальностей, были призваны, равно как и некоторое количество греческих военных поселений катэкий, служить анклавами, упрочивавшими влияние греческой культуры, полисной организации жизни и военной силы македонян в процессе осуществления предполагаемого синтеза. И, надо сказать, усилия Александра в этом направлении не пропали

зря. Несмотря на кратковременность жизни завоевателя и распад его державы после его смерти, вся ближневосточная история с момента завоеваний Александра шла уже под знаком принципиально иного исторического периода – эпохи эллинизма, суть которой сводилась как раз к той (или примерно к той) эллинизации Ближнего Востока, осуществление которой ставил своей целью македонский завоеватель.

Эпоха эллинизма на Ближнем Востоке

Походы Александра и завоевание им ближневосточного мира вплоть до Индии вызвали к жизни небывалую до того по масштабам колонизацию. Греки и македонцы массами устремились в богатые земли Востока, сулившие им привилегированные условия жизни и легкие доходы. Именно за счет этой колонизации возникали десятки новых городов, значительная часть которых представляла собой образования, похожие на классические греческие полисы, т. е. являвшие собой самоуправляющиеся территории, подчас включавшие, помимо огражденного поселения, и обширную примыкающую к нему периферию. Эти полисы обычно имели не только автономные формы администрации, но и немалые привилегии и иммунитеты. Правда, о политической их независимости речи быть не могло: все вновь возникавшие эллинистические по типу городские поселения включались в единую систему государственной администрации Птолемеев и Селевкидов, причем цари неизменно стремились поставить города под свой контроль, размещали там свои гарнизоны, направляли туда своих чиновников с большими полномочиями и правами верховного надзора. Словом, эллинистические города на Ближнем Востоке многим напоминали греческие полисы, да и жили там в основном колонизаторы-эллины, но при всем том эти города отличались от классических греческих полисов урезанными правами и свободами, которые были урезаны в пользу могущественной царской власти, античной Греции почти незнакомой, как, впрочем, и Македонии. Стоит заметить, что правами земельного владения в этих городах пользовались не только полноправные граждане, ими могли пользоваться и иные переселенцы, что резко изменяло характер статуса гражданской общины города.

Несмотря на все эти различия, эллинизированные города вместе с военными поселениями тех же греков и македонцев, основанными на принципе щедрого наделения воинов и ветеранов земельными участками с налоговым иммунитетом, были форпостами эллинистического влияния на древнем Ближнем Востоке. Именно за счет такого влияния в странах Востока, правителями которых были династии диадохов, т. е. тех же греков, осуществлялся генеральный процесс эллинизации, проникновения в ближневосточный регион элементов греческой культуры, социального и политического строя, экономики и образа жизни греков. Правда, это проникновение затрагивало лишь некоторые наиболее развитые в экономическом и культурном отношении районы и слои населения – преимущественно те, что тяготели все к тем же греческим по характеру полисам, скажем, типа новой столицы Египта Александрии. Что же касается отдаленных районов или древних городских торгово-ремесленных центров вроде Вавилона, то они в основном сохраняли свою привычную структуру и мало что заимствовали у греков, разве что усиливали свои связи с ними.

Практически это означало, что вся территория ближневосточного региона как бы разделилась на две неравные части: на эллинистические и эллинизированные города и поселения, оказывавшие определенное воздействие на окружающую периферию и включавшие в сферу своего влияния придворную и высшую служилую знать, часть аппарата администрации, а также зажиточных представителей частнособственнического сектора, и на мало связанную с этими центрами периферию, которая жила прежней жизнью. Эта разница нашла отражение и в терминах: незатронутая эллинистическим влиянием периферия, т. е. основная часть ближневосточного мира, получила наименование *хоры*. Противопоставление хоры и полисов со временем привело к тому, что этнический термин *эллины* стал восприниматься как социальный: «эллинами» начали именовать всех причастных к власти, привилегиям, всех влиятельных и имущих – в противовес массам разноплеменного непривилегированного и в основном сельского населения.

В птолемеевском Египте с его традиционной централизованной администрацией

территориально-административное деление на полисы-катэкии и хору было наиболее наглядным и очевидным. Воины (клерухи, катэки), в основном из греков и македонцев, являли собой привилегированный слой землевладельцев и полноправных горожан. К этому слою примыкали как землевладельцы полисов из числа иных переселенцев, не бывших полноправными горожанами, так и традиционные слои жрецов и вельмож вне полисов. Хозяйства старой знати, как и все традиционные царско-храмовые хозяйства, по-прежнему обрабатывались в основном арендаторами из числа египтян, которые теперь именовались греческим термином *лаой*. Этим же термином называли и мелких земледельцев, обрабатывавших собственные наделы. Хотя четкой грани между арендаторами и владельцами наделов в птолемеевском Египте, как и прежде, не существовало, все же некоторые данные дают основание заключить, что регламентация жизни арендаторов, особенно так называемых царских земледельцев (чем-то напоминавших «царских людей» древности), была особенно мелочной, а контроль чиновников Птолемея ничем не уступал надзору дотошных надсмотрщиков далекой древности – разве что теперь они обходились без палок и бичей.

Новое было в том, что рядом с этой традиционной сферой экономических и административных связей существовали крупные анклавные вроде Александрии, где жизнь текла по совершенно иным законам эллинского мира. А так как Александрия была столицей, ее образ жизни оказывал немалое влияние, особенно на имущие слои Египта, которые подвергались эллинизации в первую очередь. В то же время основной части страны – хоры – процесс эллинизации мало касался. Отсюда и итоговый результат: воздействие эллинизма на жизнь страны и народа в птолемеевском Египте было не слишком заметным, но тем не менее влияние его на правящие и имущие слои – а именно они в первую очередь были причастны к экономическим рычагам и культурному потенциалу Египта – было достаточно ощутимым, во всяком случае для того, чтобы весь исторический период, связанный с этим влиянием, считать и именовать периодом эллинизма.

Нечто подобное было и в государстве Селевкидов. Многочисленные Александрии, Антиохии и иные полисы здесь тоже задавали тон, особенно в верхах общества, среди имущих и привилегированных его слоев, включая центральную администрацию и двор. Все эти «эллины» противостояли основной части населения, жителям хоры, в большинстве именовавшимся тем же греческим термином *лаой*. Что касается рабов и рабства, то следует сказать, что античного рабства эллинизм с собой не принес. Роль рабства увеличилась, но тем не менее рабы и в полисах, и вне их обычно обретали статус, привычный для Востока и отличавшийся от того, который был характерен для классической античности. Рабов, находившихся в частном владении, было по-прежнему сравнительно мало как в полисах, так и вне их, причем все они имели определенные имущественные и социальные права. Было немало вольноотпущенников из числа вчерашних рабов, часть их была зажиточными горожанами (не гражданами!). Существовало немало казенных общественных рабов в полисах, где они обычно несли службу мелких стражей порядка. Рабы государственные использовались в царско-храмовых хозяйствах и на тяжелых работах – в промыслах, рудниках и т. п.

Как в птолемеевском Египте, так и в государстве Селевкидов период эллинизма принес с собой некоторые изменения в центральной и местной администрации. Так, значительно большую, чем прежде, роль стал играть суд, опиравшийся хотя бы частично на эллинскую практику судопроизводства. В качестве всеобщего административного языка стал использоваться специфический диалект греческого – койнэ, вместе с которым через суд, администрацию и иные официальные институты в гущу эллинистических стран Ближнего Востока проникали элементы культуры и религии греков, их философия, научные достижения, литература, искусство, методы и приемы в сфере просвещения, военного обучения и т. д. И хотя, как уже упоминалось, все это обычно ограничивалось сравнительно немногочисленными полисными анклавами вне хоры и привилегированными слоями населения, «эллинами», в целом результат такого воздействия на протяжении веков (а эпоха «эллинизма» 4 в. до н. э. в большинстве стран ближневосточного региона сменилась римским владычеством, в принципе продолжавшим и в некотором смысле даже углублявшим этот процесс) достаточно очевиден, хотя и нуждается в более глубоком теоретическом осмыслении. Вопрос в том, почему эллинизация, а затем, и сменившая ее романизация, углубленная и усугубленная к тому же во

многих ближневосточных странах (те же Египет, Сирия и др.) христианизацией, в конечном счете так и не привели не только к радикальной трансформации ближневосточной структуры по европейскому стандарту, но даже и к сколько-нибудь заметному синтезу обеих структур. К этой проблеме мы еще вернемся. Пока же стоит заметить, что эллинистическое влияние не было одинаковым на всем Ближнем Востоке. Менее всего оно затронуло, в частности, районы расселения самих персов – не исключено, что это было связано не столько даже со сравнительной отдаленностью Ирана от Европы, сколько с горделивой самобытностью иранцев. Впрочем, несмотря на это, греческое влияние ощущалось не только в самом Иране, но и к востоку от него, в Бактрии и североиндийских землях, через которые оно, в частности, оказало влияние на формирование иконографии буддизма Махаяны (гандхарское искусство скульптуры).

* * *

Великие империи Ахеменидов и Александра и последовавшая за ними на Ближнем Востоке эпоха эллинизма как бы подвели черту под почти трехтысячелетним развитием цивилизации и государственности в этом регионе. Влияние этого периода в истории человечества огромно. Его невозможно переоценить. Оно создало ту евразийскую средиземноморскую культуру, порождением которой стала античность – без ближневосточной основы она сама по себе едва ли могла бы появиться на свет.

Но античность – уникальный феномен. Ставить вопрос о том, почему такого же рода социальной мутации не произошло с Финикией или Вавилоном, некорректно, подобная постановка вопроса уничтожает смысл понятия «социальная мутация». Мы вправе, однако, поставить вопрос иначе: что мешало Вавилону или Финикии оказаться в ситуации, аналогичной античной Греции? И если попытаться ответить на него, то на передний план неизбежно выйдет все то же классическое восточно-деспотическое государство, государство-Левиафан. История освободила античную Грецию от давления со стороны подобного чудовища, как собственного, так и чужеземного: за те несколько веков, что в Греции был в этом смысле политический вакуум, как раз и успели возникнуть и сформироваться и полисная система, и гражданское общество, и античные правовые нормы, и, главное, господство рыночно-частнособственнической структуры, пусть в самой начальной ее форме.

Ни у Финикии, ни тем более у Вавилона таких благоприятных условий никогда не было. Оба торговых анклава, как и многие другие центры ближневосточной транзитной торговли, всегда находились под жестким давлением со стороны сильных государств, для финикийцев чужих, для вавилонян и других торговцев – чужих и своих собственных. Когда же наступила эпоха империй, давление со стороны власти, чаще всего чужой, оказалось еще более ощутимым. Правда, это давление имело покровительственный оттенок. Имперская власть всегда поощряла транзитную торговлю и, устраняя таможенные барьеры, политические границы и вообще опасности, способствовала расцвету рынка и развитию накоплений собственников. Однако при всем том власть жестко давила и на рынок, и на собственность, не давая ни тому, ни другому главного, без чего они не в состоянии были стать полноценными, – свободы. Свободы политической и экономической, социальной и правовой, свободы от контроля со стороны власти и тем более от притязаний и произвола власть имущих. Свободы, огражденной надежным барьером прав, гарантий и привилегий для собственника, индивида, гражданина, субъекта права. Все это было неотъемлемым достоянием античности – и всего этого не было на Востоке и вообще нигде, кроме античности. Не было даже осознанной потребности в такого рода свободе, не было потому, что не существовало условий для формирования подобной потребности в ее сколько-нибудь ощутимом и социально значимом объеме.

Я сознательно акцентирую внимание на принципиальной разнице – это важно для понимания сути проблемы. Допускаю, что в реальной действительности грани были более размытыми, что финикийские колонии типа Карфагена были ближе к античной структуре, чем, скажем, к египетской, что для многих транзитных торговцев эллинизированные анклавы времен эллинизма были роднее и понятнее, чем находившаяся под традиционным давлением властей

провинциальная хора. Но, признавая это, не уйти от самого факта: отдельные исключения погоды не сделали. Больше того, античный мир остался античным и по структуре, и по образу жизни даже тогда, когда римские граждане подвергались жесточайшему произволу всевластных тиранов-цезарей, а восточный мир оставался восточным и тогда, когда произвола почти не ощущалось, а все текло по традиционному и всех удовлетворявшему руслу каждодневной обыденности. И вот в этом-то и заключается коренная причина того, почему эллинизм остался лишь историческим эпизодом в жизни Ближнего Востока. Эпизодом, растянувшимся на тысячелетие, но принципиально почти ничего не изменившим: похожим на Европу Ближний Восток так и не стал, что оказалось особенно очевидным после его исламизации.

Глава 9

Древняя Индия: становление основ социальной структуры

Цивилизация и вся история Индии – это совсем иной мир, во многом несходный с ближневосточно-средиземноморским. Подчас можно найти даже парадоксальные параллели скорее с античной культурой, нежели с ближневосточной. Впрочем, эти параллели кажутся парадоксальными лишь на первый взгляд, они легко объясняются общностью происхождения некоторых существенных элементов культуры древних индийцев и европейцев: ведь в конечном счете и те, и другие являются выходцами из единой праиндоевропейской общности. И все же в Индии как цивилизации можно обнаружить несравненно больше особенного и даже уникального, нежели сходного с другими, пусть даже с теми же индоевропейцами Ирана или Европы. Так в чем же уникальность Индии и как, каким образом, в какой обстановке формировалась индийская цивилизация?

Самые ранние очаги урбанистической культуры и первые протогосударства в Северной Индии, прежде всего в долине Инда, возникли в III тысячелетии до н. э. Очень мало известно о характере древнейших обществ Индии как из-за того, что индская письменность Хараппы и Мохенджо-Даро до сих пор не расшифрована, так и потому, что хорошо известные санскритские тексты ариев долины Ганга посвящены преимущественно религиозно-философским проблемам и почти не касаются политики, истории, социальной структуры и экономических отношений. Характер письменных источников во многом определил и тот объем данных, которым до сих пор вынуждена оперировать наука в ее попытках реконструировать очертания древнеиндийского общества. Основанные на скудных данных археологии и специфическом материале религиозных текстов сведения о древнеиндийском обществе тоже, естественно, очень фрагментарны и специфичны: в распоряжении ученых почти нет дат, имен, реальных исторических событий, сведений об административной структуре и политической динамике; взамен этого они располагают чрезвычайно богатым мифологическим эпосом, сквозь очертания которого прослеживается канва реального исторического процесса, а также многочисленными религиозно-философскими трактатами различного характера, которые косвенно позволяют судить об образе жизни древних индийцев, не говоря уже об их верованиях и представлениях. В этом смысле – хотя и не только в этом – Индия уникальна и не идет ни в какое сравнение ни с ближневосточно-средиземноморским миром, ни с китайско-дальневосточным, для реконструкции цивилизации и истории которых есть гигантская и ныне уже очень неплохо изученная источниковедческая основа.

Науке пока не вполне ясен даже вопрос о том, насколько индийская цивилизация первична – во всяком случае в том смысле, что многие важные культурные импульсы для своего первоначального развития она явно получила извне (достаточно вспомнить об ариях, о которых подробнее речь пойдет дальше). Вместе с тем не только самобытность и сравнительная удаленность Индии от других очагов мировой культуры, но также и условия, в которых она развивалась, дают основания в конечном счете считать эту цивилизацию все-таки первичной как в плане самостоятельности и независимости ее развития, так и тем более с точки зрения уникальности ее облика и характера, неповторимости некоторых ее исходно-структурных

принципов.

Индская цивилизация (Хараппа и Мохенджо-Даро)

Современная археология позволяет предполагать, что заселение Индии неолитическими земледельцами в основном шло с севера, через Иран и Афганистан. VI–IV тысячелетиями до н. э. датируются первые неолитические поселения в предгорьях долины Инда, а примерно XXIV в. до н. э. – величественные памятники развитой городской культуры, известные по раскопкам в Хараппе и Мохенджо-Даро.

Выстроенные из кирпича городские строения (дома, дворцы, цитадели, зернохранилища), бассейны с хорошо налаженной системой канализации и даже соединенное каналом с рекой сооружение типа верфи – все это не только свидетельствует о высоком уровне градостроительства и, следовательно, всей урбанистической цивилизации, но позволяет предполагать существование развитого ремесла, включая бронзолитейное дело, а также, что важно подчеркнуть особо, торговых связей с соседями, прежде всего с шумерским Двуречьем. Трудно сказать, насколько культура шумеров повлияла на возникновение центров индской цивилизации и следует ли эти центры считать чем-то вроде очагов, возникших при содействии шумерской колонизации (на этот счет существуют различные мнения), но сам факт влияния со стороны более развитого Двуречья несомненен. К этому надлежит добавить, что и населяли индские центры европеоиды, антропологически близкие к населению ближневосточного региона. Речь, конечно, не о том, чтобы видеть в индских городах просто шумерскую колонию, – здесь иная культура, своя письменность (хотя и близкая к шумерской), иной тип строений. И все-таки связи несомненны, причем не только внешнеторговые, фиксируемые, в частности, обнаружением индских печатей при раскопках в Двуречье, но и структурные, сущностные: схожие мифологические сюжеты (герой типа Гильгамеша с зверями), строительные материалы (кирпич), достижения культуры и техники (прежде всего бронза и письменность).

Города долины Инда были, в отличие от месопотамских, очень недолговечны. Они быстро и ярко расцвели и столь же быстро по неизвестной до сих пор причине пришли в упадок и исчезли с лица земли. Ориентировочно период их жизни ограничивается пятью-шестью веками, с конца XXIV до XVIII в. до н. э. Некоторые данные говорят о том, что упадок очагов индской городской культуры начался задолго до их исчезновения и что он был связан с нараставшими нарушениями нормальной жизни, ослаблением порядка и администрации (строились и селились где попало, даже на прежних центральных улицах-площадах) и, возможно, с изменением русла Инда и затоплением городов.

Что касается внутренней структуры индского городского общества, то данные на этот счет необычайно скудны. Судя по существованию предприятий вроде верфи, крупных строений типа дворца, огромных зернохранилищ, здесь должна была существовать примерно та же, что и в ранних обществах Двуречья, протогосударственная структура с властью-собственностью правящих верхов и важной ролью централизованной редистрибуции. Более того, сам облик богатых городов с развитым ремесленным производством заставляет полагать, что к городам примыкала немалая земледельческая периферия, за счет налогов и повинностей с которой в основном отстраивались города и существовали освобожденные от производства пищи слои населения, включая администраторов, воинов, жрецов, ремесленников. Однако ничего более точного и определенного сказать нельзя: сам факт социальных и экономических различий при полном молчании нерасшифрованной письменности (а это в основном небольшие, в 6–8 знаков, тексты на печатях из иероглифов и пиктографов, количество которых, по ориентировочным подсчетам, достигает 400) не дает оснований говорить ни о рабах, ни о кастах, ни о частных собственниках, хотя кое-кто из специалистов подчас пытается делать это.

Но, как бы то ни было, одно на сегодняшний день установлено достаточно твердо и определенно: хараппская культура долины Инда исчезла, почти не оказав существенного воздействия на пришедшую ей на смену с разрывом в несколько веков культуру индоариев, положивших практически заново начало древнеиндийскому очагу цивилизации. Пожалуй, здесь нужна одна существенная оговорка: новый очаг складывался в основном в долине Ганга, в

районах, отстоящих от центров харапской культуры на многие сотни, если даже не тысячи километров. Только историческое единство Индии в ее привычных недавних границах, объединяющих обе великие речные долины (да и то не учитывая современность, когда долина Инда в основном вошла в состав Пакистана), побуждает специалистов столь тесно связывать между собой Хараппу и ариев и, более того, искать преемственность между ними.

Индоарии в долине Ганга

Консолидировавшиеся на рубеже III–II тысячелетий до н. э. где-то в районе Причерноморья и Прикаспия (может быть, Малой Азии и Закавказья) индоевропейские племена с начала II тысячелетия до н. э. в силу не вполне ясных пока причин стали энергично мигрировать в разных направлениях. Один из первых потоков мигрантов составили осевшие в Малой Азии хетты, с которыми было связано одомашнивание лошадей (возможно, их предшественниками в этом деле были митаннийцы) и, главное, изготовление боевых колесниц. Оснащенные боевыми колесницами индоевропейские племена быстро распространились на запад (Балканы), восток (Средняя Азия) и юг. Южная ветвь индоевропейцев, заселившая Иран и Индию, часто именуется индоиранской. Между иранскими ариями, осевшими в Иране в начале I тысячелетия до н. э., и индоариями, чья инфильтрация в районы Северной Индии датируется примерно XIV–XIII вв. до н. э., немало общего. Общность заметна и в языке, и в религии (имена богов), и в ранних формах социально-кастового членения с выделением воинов и жрецов (магов), и во многих других аспектах культуры, включая материальную. Сам термин «арий» – «благородный», использовавшийся иранцами (ар, ир) и индийцами, относился именно к обозначению первоначальной индоиранской общности, впоследствии разделившейся и даже, возможно, противоборствовавшей (есть косвенные данные о том, что между отделившимися друг от друга иранцами и индийцами возник острый антагонизм).

Проникновение индоариев через Афганистан сначала в Пенджаб, а затем в долину Ганга, заселенную до того местными неолитическими земледельцами, преимущественно этнических общностей мунда и дравидов, шло, скорее всего, волнами и длилось века. Вопрос о том, как и когда это происходило, откуда именно и каким образом шли волны индоариев, принадлежит к числу спорных и на современном уровне знаний практически неразрешимых. Однако бесспорно, что первые индоарии прибыли в Долину Ганга еще до того, как их близкие родственники – иранцы заселили ту часть Ирана, где они впоследствии осели, создав свои государства (Мидию, затем Иран). Это ставит под вопрос мнение тех, кто намечает маршрут инфильтрации индоиранцев через Кавказ. Видимо, параллельно с ним существовал и иной путь, так что поток индоиранцев мог идти через Прикаспийские степи и Афганистан.

Появившись в верховьях Ганга, индоарии стали постепенно осваивать до того слабо заселенную долину этой реки, оттесняя либо ассимилируя немногочисленные и сравнительно отсталые аборигенные племена. Высокий уровень материальной культуры – знакомство с металлами, использование плуга, удобрений, ирригационных устройств, средств транспорта, развитое ремесло и т. п. – способствовал быстрому и успешному утверждению индоариев в долине Ганга. Именно их язык и культура, включая ее религиозно-мировоззренческую первооснову, на долгие тысячелетия, вплоть до наших дней, определили исторический путь индийской цивилизации.

Именно арии с их огромным вниманием к религиозной символике и мифологии, к культам и жертвоприношениям, с ведущей ролью жрецов-брахманов и обожествлением священных текстов-самхит выдвинули на передний план в этой цивилизации религиозно-духовные проблемы, подчеркнутый пиетет по отношению к которым стал со временем квинтэссенцией всей духовной культуры Индии. Тексты вед («ведать»), прежде всего Ригведы, многочисленные связанные с их комментированием и толкованием религиозно-философские трактаты (брахманы, араньяки, упанишады), монументальные эпические сказания о героях и подвигах далекого прошлого (Махабхарата и Рамаяна), да еще легенды-пураны и составленные сравнительно поздно, на рубеже нашей эры, систематизированные политико-экономические трактаты вроде законов Ману или Артхашастры – вот, по существу, едва ли не все, чем может располагать историк при попытке реконструировать древние периоды истории Индии и

очертить основные параметры ее общества и культуры. Ни летописных хроник, ни записей исторических событий, ни документов в распоряжении науки нет или почти нет.

Естественно, характер источников определил как тот круг сведений, которыми мы можем оперировать, так и степень точности, с которой можно делать выводы о древнеиндийском обществе. Одно несомненно: скудный и односторонний комплекс данных – не случайность, не результат недостаточных поисков или гибели важных документов в невыясненных пока ситуациях, напротив, это вполне адекватное отражение структуры самого общества, его самоидентификации. В обществе с подчеркнутым вниманием к религиозно-духовным проблемам, с поисками очищения, спасения и избавления от тягот и страданий жизни в уходе от нее (стремление к аскезе, мокше, нирване), с идеей воздаяния (кармы) как закономерного вознаграждения каждому за его заслуги либо прегрешения в прошлой жизни, словом, с его явной устремленностью от бытия к небытию, от внешнего к внутреннему, от общественного к биологически-личностному, – в таком обществе, весьма значительно отличавшемся от окружающих его, практически нет места социально-исторической памяти в какой-либо иной форме, кроме религиозно-эпической, мифологически-культурной.

Если ставить вопрос о причинах столь существенного отклонения от нормы, то едва ли не на передний план выйдет все тот же вопрос о мигрантах-индоариях, для которых задачи консолидации и выживания на новой родине и в чуждом окружении как раз и свелись к консервации памяти прошлого – того далекого прошлого, которое не имело социально-политических форм и не могло быть зафиксированным в виде исторических описаний и тем более деловых документов. Это прошлое было канонизировано в религиозно-мифологической форме и в этой форме сохранилось в памяти поколений. Последующий же акцент на религиозно-духовные проблемы лишь закрепил ранее начатое и в свою очередь определил приоритеты в складывавшейся системе ценностей индийской цивилизации. История и политические события в рамках этой системы были лишь бледным и малозначимым фоном, оттенявшим главное и самое существенное для индийцев – их санкционированный религиозными нормами и духовной культурой образ жизни, включая социальную структуру, социально-семейные связи и прежде всего твердо фиксированные и веками сохранявшиеся практически в неизменном или малоизменявшемся состоянии мировоззренческие ориентиры.

Социальная структура индоариев периода вед (конец II – начало I тысячелетия до н. э.)

Племена индоариев в ранних ведических текстах предстают в виде коллективов, выступающих как единое целое, но уже знакомых с социальными и имущественными различиями. Иными словами, это племена типа протогосударств во главе с вождями. Из среды рядовых общинников в них выделились две влиятельные прослойки – жрецы-брахманы, хранители ритуально-мифологической памяти, отправлявшие сложные культовые функции и пользовавшиеся огромным престижем и немалой реальной властью, и правители-военачальники, они же аристократы-кшатрии, которые возглавляли коллективы и управляли ими. Судя по некоторым данным Ригведы, правители протогосударств выступали в качестве верховных распорядителей общественного достояния, что проявлялось, в частности, в их праве выделять брахманам ту или иную часть общих земель. Выступая в обычной функции высших субъектов власти-собственности и верховных редиистрибуторов, эти правители (раджи) собирали с общинников ренту-налог (обычно это была шестая доля урожая), которая постепенно превращалась из добровольного взноса в обязательную подать. Правители возглавляли аппарат администрации, существовавший за счет редиистрибуции избыточного продукта (ренты-налога), причем значительная доля этого аппарата комплектовалась из близких родичей правителя, составлявших его опору. В функции администрации во главе с правителем входили охрана коллектива, управление им, судопроизводство и т. п.

Данные текстов свидетельствуют о том, что власть правителей была еще не очень прочной. Во многих протогосударствах она была выборной, причем именно там большим влиянием пользовались советы старших, собрания знатных – обстоятельство, которое

побуждает некоторых исследователей говорить о «республиках». В других уже был заметен акцент на наследование власти правителя – и тогда собрание старших превращалось в паришад, совет знати при монархе с ограниченными консультативными функциями. Но в любом случае власть правителя не была абсолютной. Царь вынужден был считаться с мнением членов совета, не говоря уже о привычных нормах и традициях коллектива в целом; бывали случаи, когда не поладившие с подданными правители изгонялись. Роль советов и собраний старших и знатных бывала особенно заметной в нередких случаях ожесточенной борьбы за власть враждующих знатных кланов или наследников умершего раджи. В принципе такого рода отношения типичны для ранних протогосударств. Но для древней Индии спецификой было постепенное обособление в привилегированной группе социально-политических верхов упомянутых уже двух важнейших слоев – жрецов-брахманов и аристократов-кшатриев. Противостояние их друг другу с острым взаимным соперничеством (как упоминалось, основа высочайшего престижа и немалой власти слоя жрецов-брахманов заключалась в их монополии на ритуально-мифологическую память и связанные с ней высоко чтимые народом культовые отправления), равно как и зримое противопоставление двух верхних социальных слоев третьему и основному, общинникам-производителям, вело к формированию кастового общества.

Община ведического периода состояла из большесемейных групп, главы которых («домохозяева» в древних индийских текстах) имели немалую власть над женами, детьми и домочадцами. В число последних входили порой и рабы из числа пленных иноплеменников (даса). По большей части это были рабыни, наложницы домохозяина или кого-либо из взрослых мужчин его семейной группы, чаще всего его братьев. Дети от этих рабынь не обязательно были рабами: статус их в зависимости от обстоятельств колебался от зависимого до полноправного. Да и домочадцы из числа родни тоже не были абсолютно независимы: отец-патриарх имел право заложить кого-либо из них в случае нужды, а то и отдать жрецам для жертвоприношения. Практика заклада или проигрыша в игре¹⁶ свидетельствует как об относительности статуса полноправного общинника (это не гражданин, даже в так называемых республиках типа ган и сангх), так и о существовавших уже отношениях социально-имущественного неравенства, о появлении долгового рабства, хотя это последнее было еще очень мягким, так что его едва ли можно ставить рядом с рабством иноплеменников, даже если для характеристики рабов обеих категорий используется один и тот же термин – даса.

Как свидетельствуют данные археологии, первые города в долине Ганга появляются примерно в IX–VIII вв. до н. э. Видимо, это было время, когда консолидировались на базе первых протогосударств более или менее крупные ранние государства и в связи с этим активно развивались ремесла и торговые связи. Исторические предания, зафиксированные в форме эпических сказаний, позволяют предположить, что именно в это время велись ожесточенные войны между правителями соперничавших стран – те самые войны, которые позже были воспеты в упоминавшейся уже Махабхарате. Результатом этих войн было, насколько можно судить, ослабление враждующих сторон, ни одна из которых уже во второй трети I тысячелетия до н. э. не играла заметной роли в политической жизни, во всяком случае под теми именами, которые воспеты в легендах. Впрочем, это не мешает тому, что многие из индийских раджей вплоть до наших дней причисляют себя к потомкам воспетых легендами династий – Лунной (Бхаратов) и Солнечной.

Конечно, здесь гораздо больше от красивой легенды, чем от исторической истины. Вообще для политической жизни древней, да и средневековой Индии было характерно преобладание слабых и кратковременных государственных образований, которые легко появлялись на свет, быстро приходили в упадок, сменяя одно другого: их названия, территории, имена правящей династии – все это сливается в круговорот почти не запоминающихся названий, чаще всего лишенных отличительных признаков. Трудно сказать, что здесь было

¹⁶ Сюжеты такого рода упоминаются в текстах; порой на их основе строится вся фабула эпического сказания, как в случае с Махабхаратой

главной причиной. Скорее следует говорить о комплексе причин. Но все же есть основания полагать, что относительная слабость политической власти в истории Индии (речь именно о политической власти как таковой, о ее административно-территориальной внешней форме, а не о феномене власти-собственности с централизованной редистрибуцией как о господствующей структуре) определялась прежде всего спецификой индийского общества с его системой строго фиксированных статусов-сословий (варн, позже каст), раз и навсегда определявших место человека среди других. Жесткая кастовая система была своего рода альтернативой слабой политической власти, а быть может, и главной ее причиной. Общество вполне могло существовать без сильного государства, без эффективной администрации, ибо внутренние его законы с успехом выполняли политико-административные функции. Возможно, именно поэтому, несмотря на красивые легенды, воспевающие героев эпических сказаний, в реальной жизни Индии оставалось очень мало места для амбиций властолюбивых политических лидеров. Но именно это заставляет всерьез рассмотреть непростую проблему древнеиндийских варн.

Варны

Слово «варна» соответствует понятиям «вид», «разряд», «цвет». Уже с глубокой древности в Индии использовали его для выделения и противопоставления друг другу основных социальных слоев общества. Зафиксированные еще в Ригведе предания исходят из того, что членение общества на противостоящие друг другу слои извечно, что из уст первочеловека Пуруши возникла варна жрецов-брахманов, из его рук – варна кшатриев, из бедер – варна простых земледельцев и скотоводов, т. е. рядовых общинников вайшья. А вот из ступней Пуруши появилась четвертая и самая низшая варна неимущих и неполноправных, варна шудр. Три высшие варны, генетически связанные с индоариями, считались почетными, особенно первые две из них, о чьих привилегиях и престиже уже шла речь. Представители всех этих арийских варн именовались «дваждырожденными», ибо по отношению к ним исполнялся обряд второго рождения, т. е. обряд инициации, посвящения, который производился в детстве и сопровождался надеванием на шею шнура, материал и цвет которого соответствовал варне. Обряд второго рождения давал право на обучение профессии и занятиям предков, после чего каждый мог стать домохозяином, т. е. отцом своего семейства.

Дваждырожденные вначале резко противостояли четвертой варне, состоявшей из неполноправных неариев и комплектовавшейся прежде всего за счет подчиненных аборигенных племен. Четвертая варна шудр возникала и формировалась позже трех арийских, так что в нее входили все те, кто по рождению не принадлежал к первым трем. Варна шудр была, по меньшей мере вначале, варной неполноправных. Шудра, в частности, не имел права изучать веды и участвовать в обрядах и культовых отправлениях наравне с представителями остальных варн – весьма жестокая форма неравноправия для общества, где ритуально-мифологическая жизнь ценилась столь высоко, как в Индии. Шудра не мог, в силу сказанного, претендовать на высокое социальное положение, порой даже на самостоятельное хозяйство. Удел ремесленника или слуги, занятие тяжелыми и презируемыми видами труда – вот был его жребий.

С течением времени, однако, в положении варн происходили некоторые изменения, суть которых сводилась к снижению статуса третьей и некоторому повышению статуса четвертой из них. Варна вайшьев постепенно теряла свои арийские привилегии, включая обряд второго рождения, и в полном соответствии с привычной нормой социальной структуры общества подобного типа становилась намного ниже первых двух, чьи привилегии сохранялись. Шудры, напротив, со временем приобретали ряд присущих всем остальным варнам прав и тем повышали свой статус. Можно считать, что к середине I тысячелетия до н. э. две высшие варны уже достаточно отчетливо противостояли двум низшим, что адекватно отражало реальность жизни: сверху жрецы и воины, администраторы и аристократы, снизу – труженики, производители, слуги.

Сложившаяся таким образом система четырех варн стала весьма устойчивой основой для членения индийского общества на незыблемые категории-сословия, статус и место которых были освящены непререкаемыми религиозными нормами. Религия вед с ее пышными

кровавыми жертвоприношениями и огромной ролью жрецов-брахманов, монополизировавших не только культ и священные обряды, но также и практическое право изучать тексты и вообще право на образование, религиозно-философские рассуждения, весьма строго стояла на страже варновых различий. Человек рождается в своей варне и навсегда принадлежит именно ей, остается в ней. В своей варне он берет жену, его потомки тоже навечно остаются в его варне, продолжают его дело. Рождение в той или иной варне – результат поведения человека в его прошлых рождениях. Этот кардинальный постулат ведической религии с ее идеей круговорота непрекращающихся перерождений, облик которых зависит от кармы, т. е. суммы добродетелей и пороков в прошлых существованиях (хорошая карма – возродился брахманом или князем; дурная – шудрой, а то и вообще животным, червем), сыграл огромную роль в истории и культуре Индии. Он диктовал людям смириться с их местом в мире и обществе, не стремиться к улучшениям и изменениям (в текущей жизни это просто невозможно, нелепо даже думать об этом), но зато вести себя добродетельно и тем улучшать свою карму с расчетом на будущее. Практически закон кармы ориентировал людей не на социальную борьбу, которую в сколько-нибудь заметных масштабах Индия – в отличие, скажем, от Китая – практически не знала, а на кармическое мышление и даже на уход от активной социальной жизни в поисках спасения или освобождения от кармы.

Религиозное освящение системы варн оказалось весьма эффективным. Эта система со временем не только не распалась, но, напротив, становилась все жестче, сильнее, разветвленное. Укрепляясь, она обрастала новыми разрядами подразрядами, более дробными подразделениями, т. е. превращалась в ту самую систему каст, которая дожила до наших дней и пока еще отнюдь не отмирает. Однако это был медленный и постепенный процесс, на протяжении которого практически все племена и народы огромного Индостана, все вторгавшиеся в Индию ее завоеватели, все находившиеся на разных уровнях развития группы населения различных родов деятельности и профессий находили свое место в общей для всей Индии системе каст. Или, если не находили, оставались вне этой системы, т. е. ниже ее, в положении своего рода изгоев, неприкасаемых. Важно особенно подчеркнуть, что стремление вписаться в общую систему и оказаться в ряду других каст, пусть даже в самом низу их иерархической лестницы, было жизненно важным для каждой группы, ибо оказаться вне системы значило практически быть вне общества, в известном смысле вне закона, т. е. на положении раба.

Северная Индия в середине I тысячелетия до н. э.

Об историческом процессе в древней Индии, как упоминалось, мало что известно. Отрывки из различных религиозных текстов и полупоэтических преданий позволяют считать, что в общем и целом он протекал примерно так же, как и повсюду, хотя и с несколько меньшей эффективностью. На протяжении первой половины I тысячелетия до н. э. в Северной Индии шел тот же процесс политической интеграции, что и в остальном древневосточном мире: мелкие протогосударства постепенно становились более крупными и трансформировались в ранние государства, соперничество между которыми со временем становилось все более ожесточенным. Сильные поглощали слабых и расширялись за их счет. В результате к середине I тысячелетия до н. э. в долине Ганга и поблизости от нее существовало примерно 16 сравнительно крупных государств, в большинстве которых уже установилась наследственная монархия и лишь в некоторых практиковались различные формы олигархического либо аристократического правления с выборными политическими лидерами.

Дальнейший процесс политической консолидации был, по-видимому, ускорен внешними факторами, в частности столкновениями с державой Ахеменидов. В V в. до н. э. в долине Ганга существовали два весьма сильных государства, Кошала и Магадха, соперничество между которыми привело к победе Магадхи. В IV в. до н. э. ей на смену пришла держава Нандов, основанная, по преданию, выходцем из варны шудр, свергнувшим с престола правителя Магадхи и распространившим свои владения на большую часть бассейна Ганга и к югу от него. Однако она просуществовала всего несколько десятилетий, после чего некий Чандрагупта, тоже из шудр, использовав в своих интересах связанные с походом Александра события, в свою

очередь сверг династию Нандов и основал империю Маурьев, просуществовавшую по индийским масштабам довольно долго – около полутора веков. Именно Чандрагупта установил связи с Селевком, женился на его дочери и гостеприимно принял посла Селевка Мегасфена. Сообщения Мегасфена об Индии, сохранившиеся в отрывках в разных древних сочинениях, – важный источник наших знаний о ранней истории империи Маурьев, да и вообще о древнеиндийском обществе.

Итак, середина I тысячелетия до н. э. была отмечена заметной тенденцией к политической консолидации в Северной Индии. И эту тенденцию никак нельзя считать случайной. Напротив, она вполне соответствовала тем серьезным внутренним экономическим и социально-религиозным процессам, которые активно протекали в это время. Прежде всего это была тенденция к экономической интеграции. Хотя долина Ганга не была в той же степени, что и долина Нила, определяющей доминантой всего складывавшегося на ее территории очага развитой цивилизации, она тем не менее способствовала как экономической интеграции, так и некоторому развитию централизованной администрации. Возвышение политических центров в долине вело к росту и укреплению городов, к развитию ремесла и торгового обмена.

Города, бывшие прежде всего укрепленными крепостями, начинали играть заметную роль в экономике. Немалое число ремесленников работало, по-видимому, в системе государственного хозяйства, что было характерным для всех древневосточных обществ на ранних этапах их развития. Существовали специализированные мастерские, где выполнялись заказы правящих верхов и администрации. Но постепенно часть времени ремесленники начинали уделять и выполнению частных заказов. Городские мастера образовывали корпорации-шрени, основывали собственные мастерские. Правда, вся частнопредпринимательская деятельность ремесленников и торговавших изделиями ремесла и сельского хозяйства торговцев находилась под строгим контролем государства. По сведениям Артхашастры («Наука о политике» – сочинение, написанное, по преданию, советником Чандрагупты брахманом Каутилей и являющееся более теоретическим трактатом, нежели источником, повествующим о реальной жизни), были определены размеры налогов, а также количество дней, которое ремесленник должен отработать в государственной мастерской; был строго регламентирован также порядок регистрации местожительства, получения разрешения на отъезд и т. п. Под централизованным руководством находились и дорожное строительство, судоходство, морская торговля.

В сфере аграрных отношений тоже очень большую роль играло государство, которое выступало как верховный распорядитель земельного фонда. Государство регулировало подати и повинности населения. Есть основания считать, что наряду с общинными землями существовали обширные царские хозяйства типа царско-храмовых земель, характерных для ближневосточной древности. Земли в этих хозяйствах обрабатывались либо рабами и наемниками-кармакарами, статус которых был достаточно близок к рабскому, либо арендаторами из числа неимущих и преимущественно выходцев из низших слоев общества. Существовало и должностное землевладение; земли здесь тоже обрабатывались зависимыми или арендаторами. Но основной формой землевладения была все-таки община, подробнее о которой будет сказано ниже.

Экономическая интеграция, способствовавшая политической консолидации индийцев в середине I тысячелетия до н. э., была важным фактором, но не единственным и даже не самым главным. Много большую роль в консолидации индийцев как этноса и тем более индийской цивилизации как великой социокультурной цельности сыграли процессы, протекавшие в это время в духовно-религиозной сфере и на тысячелетия определившие облик всей культуры Индии, духовные ценности ее цивилизации. Эти процессы начались с того, что древние веды стали обрастать уже упоминавшимися толкованиями и комментариями, которые энергично разрабатывались усилиями жрецов различных брахманских каст. На базе активных религиозных поисков возникали сложные философские построения – прежде всего упанишады, в которых дебатировались проблемы бытия и небытия, жизни и смерти, первопричины сущего, верховного Абсолюта и т. п. Следует особо подчеркнуть, что все эти отвлеченные рассуждения были практически исключительным достоянием брахманов, которые ревниво оберегали свою

монополию на образование, изучение и комментирование священных текстов¹⁷. Монополия брахманов на знание со временем вызывала все большее недовольство со стороны соперничавших с ними кшатриев, чей высокий политический статус и чья реальная и возрастающая власть питали это недовольство. Оно было тем более основательным, что формально кшатрии как дваждырожденные имели право проникать в глубинные тайны религиозно-философской мудрости.

Философские поиски авторов упанишад, к которым постепенно приобщались помимо брахманов и некоторые кшатрии, приобретающие все большую значимость в ходе усиления политической власти и централизованной администрации, оказывали определенное воздействие на всю атмосферу духовной жизни древней Индии. Безусловный авторитет и монопольные позиции брахманов ослабевали. Естественным следствием этого было появление новых религиозно-философских течений и направлений, у истоков которых стояли проповедники-шраманы, имевшие сравнительную независимость мысли и порой даже отрицавшие святость вед или стремившиеся поколебать систему варн. Всех этих шраманов объединяла оппозиционность традиционному брахманизму, но между собой они расходились весьма значительно: одни из них видели свой идеал в аскезе, другие – в фатализме, третьи – в настойчивых поисках спасения. К числу сторонников последнего из этих направлений нужно отнести буддистов, последователей Будды, т. е. легендарного вероучителя Гаутамы Шакьямуни, проповедовавшего в VI в. до н. э. и призывавшего своих сторонников постичь четыре священные истины: мир – страдание; страдание – от страстей и желаний; освобождение от страданий – в нирване; существует восьмеричный путь праведной жизни, следуя которому и отказываясь от всего мирского каждый может достичь нирваны.

Как и другие философско-религиозные учения той поры, буддизм объективно разрушал варновые основы социальной структуры, уравнивая всех своих последователей перед высшей вечностью великой нирваны. И поскольку именно это учение наиболее быстро и очевидно завоевывало популярность в народе в начале второй половины I тысячелетия до н. э., его сочли за благо поддержать правители впервые созданной на территории Индии империи Маурьев. Именно в буддизме они видели идеологию, которая могла бы способствовать интеграции социально-политической структуры страны. Забегая вперед, можно сказать, что буддизм как религиозно-философская доктрина не стал такой идеологией. Не исключено, что это обстоятельство, наряду с другими, сыграло свою роль в слабости и недолговечности империи Маурьев. Впрочем, справедливости ради стоит заметить, что и альтернативные буддизму доктрины, число которых в древней Индии было не малым, не обладали желанными для правителей потенциями. И это, как упоминалось, сыграло свою роль в формировании специфики политической системы и как бы противостоявшей ей социальной структуры Индии, как древней, так и средневековой.

Глава 10

Древняя Индия: политическая система и социальная структура

Захватив в 317 г. до н. э. власть в Пенджабе и решительно очистив эту часть Индии от остатков греко-македонских гарнизонов, Чандрагупта, как упоминалось, на развалинах державы Нандов создал новое государство Маурьев, которое стало быстро расширять свои пределы. Особых успехов в этом добился преемник Чандрагупты Биндусара, который простер пределы государства, превратившегося в одну из крупнейших империй мира, почти на всю

---

¹⁷ Слово «текст» здесь употребляется условно, ибо в описываемое время текстов как таковых еще не было. Вся накопленная веками мудрость запоминалась наизусть и передавалась в устной форме из поколения в поколение – собственно, именно это, как и разработка мудрых заповедей древности, опять-таки в устной форме, и было делом брахманов, между различными кастами которых существовало точно фиксированное разделение труда: каждый четко знал, какие именно тексты, проблемы и комментарии следует запоминать и разрабатывать ему и всей его касте

территорию Индостана и на часть земель Афганистана. Его сын и внук Чандрагупты Ашока (268–231 гг. до н. э.) продолжил эти успешные завоевания, сокрушив сопротивление государства Калинги на востоке Индии.

Империя Маурьев, охватив в результате этих завоеваний почти весь Индостан, за исключением крайнего юга, подчинила себе наряду с высокоразвитыми территориями долины Ганга или Пенджаба множество населенных отсталыми племенами периферийных районов, которые именно благодаря включению их в единую политическую суперсистему получили мощный толчок для своего развития в рамках уже сложившейся древнеиндийской культуры и социальной структуры. Ашока, выступивший в качестве великого правителя и реформатора, поставил своей задачей создать государство, основанное на принципах древнеиндийских религиозно-этических норм – дхармы.

Организация империи Маурьев (317–180 гг. до н. э.)

Государственная администрация была строго организована. Император и окружавший его совет сановников – паришад – выступали в функции центрального исполнительного органа, ответственного за принятие важных решений и проведение их в жизнь. Кроме паришада при императоре был также тайный совет из узкого круга доверенных лиц, а в необходимых случаях собирался и совещательный представительный орган раджасабха, в который входили, видимо, как сановники, так и аристократы из числа прежде независимых правителей, но, возможно, также и выборные от горожан и общин, хотя бы некоторых. Судя по организации отдельных ведомств, в частности военного, для управления ими существовал специализированный штат чиновников, группы которых отвечали за свою сферу деятельности: одни ведали пехотой, другие – боевыми колесницами, третьи – боевыми слонами, четвертые – снабжением и снаряжением войска, пятые – флотом и т. д. Можно предполагать, что аналогичным образом выглядел бюрократический аппарат и в других ведомствах, сведений о которых нет. Косвенно об этом свидетельствуют, в частности, данные об административном управлении городами. Часть городов управлялась чиновниками центра, другие – провинциальными администраторами. Принцип управления был тем же: ведомство делилось на группы специализированных чиновников, каждая из которых отвечала за свой участок работы – будь то контроль за ремесленниками, взимание налогов и пошлин, надзор за ценами и рынками, сохранностью общественных зданий, регистрацией населения и т. п.

Центральному аппарату подчинялись провинциальные, причем характер их варьировал в зависимости от степени важности, уровня развития либо отдаленности того или иного района. В империи было четыре-пять главных наместничеств, управление которыми осуществлялось как наместниками из центра (ими бывали преимущественно царевицы), так и прежде существовавшей там местной администрацией, иногда во главе с местными правителями-раджами. Аналогичным образом, т. е. в форме сочетания централизованной системы администрации с местной, вплоть до общинных органов самоуправления, обстоит дело в провинциях и областях в том числе в тех районах, где сохранялась местная автономия, как, например, в ганах и сангхах с ненаследственной выборной властью правителей.

Содержание громоздкого и разветвленного аппарата администрации, равно как и всех аристократов, воинов и вообще всей сложной государственной структуры, падало на плечи трудящихся, прежде всего крестьян-общинников, выплачивавших в казну шестую долю урожая в качестве ренты-налога и выполнявших различные повинности. Кроме общинного землевладения существовало, как о том уже шла речь, должностное, включая храмово-жреческое (земли брахманов и буддийских храмов, а также иных религиозных организаций и сект), царское и воинское. Все эти формы землевладения были чаще всего условными, а соответствующие земли обрабатывались преимущественно зависимыми арендаторами, а также рабами или кармакарами.

Ашока уделял большое внимание организации судопроизводства, включая кодификацию норм права. Он также строго следил за эффективностью администрации, для чего регулярно раз в три – пять лет устраивал инспекционные ревизии в провинциях, в ходе которых инспекторам вменялось в обязанность строго контролировать действия местных властей и следить за

соблюдением норм дхармы. В понятие дхармы Ашока включал и религиозную терпимость, хотя некоторые данные позволяют предполагать, что к концу жизни он становился все более ревностным буддистом, так что именно этот явственный акцент в его деятельности (щедрые дары и пожертвования буддийским храмам, поддержка деятельности буддистов и ограничения по отношению к представителям иных религий, включая и брахманизм) вызывал недовольство в стране, большая часть населения которой продолжала по традиции почитать именно брахманов и брахманизм.

Дело в том, что, несмотря на упадок брахманизма, влияние его и сформированных им еще в глубокой древности институтов, включая систему варн, было во всей Индии очень большим, а распространение этих институтов на всю территорию гигантской империи Маурьев еще более усилило их значение. Здесь стоит заметить, что ориентировавший своих сторонников на монашескую жизнь и поиски нирваны ортодоксальный ранний буддизм Хинаяны, в частности в его наиболее распространенной форме Тхеравады, не соответствовал издревле устоявшейся организации общества с его традиционной системой варн, которая уже самим фактом своего существования как бы реабилитировала древний брахманизм, постепенно трансформировавшийся в более развитую религиозную форму индуизма. Поэтому неудивительно, что демонстративный акцент Ашоки в сторону буддизма вызывал недовольство влиятельных слоев древнеиндийского общества, прежде всего жрецов-брахманов, и что именно это недовольство могло иметь своим следствием ослабление власти императора, может быть, даже и крушение всей с таким трудом создававшейся системы достаточно эффективной централизованной администрации.

Источники смутно и противоречиво говорят о конце жизни Ашоки, но все сходятся в одном: конец его царствования был отмечен серьезными внутренними неурядицами, распрями на верхах, включая дом самого царя, а также усилением дезинтеграционных тенденций в масштабах империи в целом. Есть даже указания на раздел империи между преемниками Ашоки. Все это привело в скором времени к окончательному крушению династии и развалу империи. Попытавшийся было восстановить величие Маурьев под эгидой основанной им династии Шунгов Пушьямитра, один из военачальников последнего императора Маурьев Брихадратхи, которого он убил на военном параде, сумел на некоторое время вернуть под свой контроль отдельные части распавшейся империи. Но далеко не все и, главное, ненадолго: при преемниках Пушьямитры династия Шунгов быстро деградировала, чему способствовали, в частности, затяжные войны с укрепившимся на севере Индии Греко-бактрийским царством.

Индия после Маурьев. Кушаны. Гупты

Противниками греко-бактрийцев, оттеснившими их в середине II в. до н. э. и занявшими их место, были среднеазиатские племена юэчжей. Мигрировавшие под давлением северокайского племени гуннов (сюнну), господствовавшего на территории монгольских степей, юэчжи в ходе продвижения на запад через территорию современного Синьцзяна (Восточного Туркестана) заняли бактрийские земли и, осев на них, вскоре стали известны соседям под наименованием кушанов. Немало усвоив из эллинистического наследия бактрийцев, кушаны на рубеже нашей эры объединились в достаточно крупное государство, которое за счет удачных войн с Парфией заметно расширило свою территорию и приблизилось на юге к границам Индии. При Кадфизе II кушаны предприняли ряд экспедиций в Индию (хронология кушан вызывает ожесточенные споры, но ориентировочно это было в середине I в. н. э.), а при его преемнике, знаменитом Канишке, они овладели значительной частью Индии, включая бассейн Инда и часть бассейна Ганга.

При Канишке Кушанское царство было на вершине своего могущества, а синтез сложившейся на греко-бактрийской основе кушанской культуры с североиндийской в процессе индианизации кушанов сыграл важную роль в развитии как культуры этого региона, так и ее наиболее знаменитой части – гандхарского искусства, сыгравшего существенную роль в формировании основ иконографии буддизма Махаяны. Что касается этого направления буддизма, то следует напомнить, что Канишка, вслед за Ашокой, известен как второй великий индийский император, покровительствовавший буддизму. Именно при нем был проведен

знаменитый 4-й собор буддистов, на котором и были очерчены основы буддизма Махаяны («Широкая колесница», «Широкий путь к спасению»). Смысл этого направления буддизма и его отличие от первоначального буддизма Хинаяны в том, что махаянистское направление оказывало несравненно большее внимание буддистам-мирянам – им за поддержку монахов и храмов, за верность буддизму были обещаны если и не нирвана (ее по-прежнему могли достичь лишь ушедшие от мира монахи), то во всяком случае улучшение кармы и даже буддийский рай, по пути к которому их вели святые подвижники-бодисатвы.

Реформа буддизма, связанная с именем знаменитого буддийского монаха Нагарджуны и осуществленная при покровительстве Канишки, была призвана укрепить позиции весьма далекой от мирских интересов религии. В известной мере это удалось: буддизм стал ближе и понятнее людям. Но оттеснить на задний план в самой Индии древний брахманизм, уже успешно трансформировавшийся в индуизм, буддизм так и не сумел, хотя в североиндийских и особенно пригималайских районах (знаменитый монастырь Наланда) он успешно существовал и даже развивался еще на протяжении примерно тысячелетия, после чего практически полностью исчез из жизни Индии. Зато через восточные районы Кушанского царства буддизм Махаяны как раз со времен Канишки начал свое победоносное продвижение на восток, прежде всего в Китай.

Упадок и развал Кушанского царства примерно в середине II в. н. э. ознаменовали наступление в Индии длительного периода политической дезинтеграции, сведений о котором очень мало. С начала IV в. долина Ганга, и в частности Магадха, становятся центром нового крупного политического образования – государства Гуптов. Достигнув своего наивысшего расцвета в конце IV в., когда под властью Гуптов были объединены почти все земли Ганга и большие территории к югу от них, это государство в середине V в. едва выдержало мощные удары со стороны гуннов-эфталитов, а в конце V в. прекратило свое существование. Внутренняя структура государства Гуптов в целом копировала принципы, выработанные в эпоху Маурьев. Но были и нововведения, сводившиеся к несколько большей степени централизации власти с укреплением аппарата администрации и явственным стремлением покончить с автономистско-сепаратистскими тенденциями на местах. Впрочем, серьезных результатов – если судить по срокам существования государства – это не дало.

Что касается Южной Индии, то шедшее много более медленными темпами ее развитие привело к тому, что в эпоху Маурьев, после присоединения к империи большей ее части, там стали появляться первые политические структуры. Включение в состав империи способствовало первоначальной институционализации этих структур. В результате уже на рубеже нашей эры в условиях дезинтеграции и практически автономного существования и развития юга там стали появляться первые крупные государства – Чола, Пандья, Керала. С IV в. среди других государств заметно выделилась держава Паллавов, причем к этому времени разрыв между уровнем развития севера и юга заметно сократился. Эта нивелировка произошла за счет энергичной индианизации юга, т. е. распространения на юг Индостана общих принципов социально-культурной и политико-административной структуры, всей религиозной философии, выработанной долгими веками. В авангарде индианизации шли система варн и восходящий к брахманизму индуизм. Немалую роль здесь играла и основа основ классической индийской структуры – ее община.

Сельская община в древней Индии

Слабость и неэффективность централизованной администрации на протяжении большей части истории Индии всегда компенсировались, как о том уже упоминалось, исключительной внутренней прочностью основной ячейки индийского общества – сельской общины. Здесь долго сохранялось коллективное землепользование. Хотя пахотная земля делилась на наследственные участки индивидуального семейного владения, все остальные угодья продолжали считаться коллективным общинным достоянием. Многие важные и нужные для общины работы – очистка новых территорий от джунглей, ирригационные сооружения местного масштаба, строительство дорог или храмов, защита и охрана деревни и ее имущества и т. п. – выполнялись совместно, считались делом коллектива в целом. В общине традиционно

практиковались щедрые реципрокные раздачи и угощения, особенно в дни семейных праздников (свадьба и т. п.), когда семья подчас была готова залезть в неоплатные долги, но поддержать свой престиж, выставив всем односельчанам обильное приличествующее случаю угощение. Видимо, те же традиционные реципрокные принципы раздач использовались и при выборах общинного совета – панчаята и, возможно, старейшины, руководителя общины.

Как правило, голос при решении общинных дел имели лишь полноправные общинники-домохозяева, т. е. те же главы семейных групп, что истари было характерным для всех земледельческих общин. В некоторых общинах на смену выборной системе приходила наследственная, когда из поколения в поколение руководящие должности занимали представители одних и тех же семейно-клановых групп господствующей касты. Неизвестно, однако, сколь долго продолжалась подобного рода практика наследственной передачи власти в общине; похоже на то, что исторически это было все же преходящим явлением и со временем восстанавливался обычай выбирать руководство общины из числа соперничавших друг с другом кандидатов.

Община, как правило, вела натуральное хозяйство. Выделяя шестую долю урожая и исполняя необходимые требовавшиеся от ее членов повинности, во всем остальном она обычно обходилась своими силами. Сведений о внутренней структуре древней общины мало, но из более поздних источников известно, что на свои средства коллектив обычно содержал нужных ему мастеров-ремесленников – горшечника, кузнеца, плотника, цирюльника, ювелира, жреца-астролога, мусорщика и т. д. (иногда некоторые из них, например мусорщики, принадлежали общине в целом, т. е. были приобретены коллективом в качестве рабов). Все работники получали за свой труд строго определенную плату, в основном натурой и необходимыми услугами. Восходивший к реципрокному взаимобмену древности кругооборот такого рода услуг (для индийской общины более позднего времени, основательно изученной специалистами, он известен под наименованием системы *джаджмани*) был жесткой нормой, скреплявшей независимость, автономность общины и обеспечивавшей ее жизнеспособность, гарантировавшей ее регенерацию в случае катаклизмов. Система внутренних услуг дополнялась принципом административного самоуправления: община своими силами разрешала внутренние споры и имела в своем распоряжении немалое количество чувствительных санкций – от штрафов до изгнания из коллектива. Общинники обычно были сплочены между собой и в религиозно-культурном плане, чему никак не мешала их кастовая неравноправность. В ходе общинных праздников, например, каждый знал свои место и роль, причем все были удовлетворены этим, ибо место в жизни и обществе определялось кастой, а принадлежность к данной касте (рождение именно в ней) – кармой. Другими словами, все определялось высшим законом этической справедливости: каждый должен нести свой крест.

Из кого же обычно состояла община? Прежде всего из ядра ее постоянных и полноправных членов. В это стабильное ядро могли входить и представители только одной господствующей и численно преобладающей в данной общине касты, и представители ряда каст, о иерархической взаимозависимости и расположении членов которых в этом случае только что упоминалось. В качестве временных и неполноправных членов в общину нередко включались чужаки – будь то нанятый общиной ремесленник или служащий, купленный либо подаренный общине раб, нанятый кем-либо и осевший в деревне кармакара, взятые в богатый дом наложницы или долговые рабы. За исключением перечисленных неполноправных, которые могли жить в общине долго, из поколения в поколение, работать в сфере услуг или арендовать земли ее членов, все остальные были юридически равноправными. Однако в имущественном отношении они уже могли различаться между собой, порой достаточно заметно. Можно предположить, что богатые и влиятельные семьи, чаще всего из высших каст, получали возможность правдами и неправдами округлять свои участки за счет бедных соседей, следствием чего было появление в общине некоторого количества малоземельных и безземельных, терявших вместе с землей, по крайней мере со временем, свой прежний статус в общине. Не исключено, что приобретающие земли вчерашние неполноправные могли тем самым повышать свой статус, хотя здесь многое зависело от касты и иных конкретных обстоятельств.

Замкнутость, автономность, социально-политическая индифферентность индийской

сельской общины, выработывавшиеся веками в специфической индийской социально-политической структуре, в свою очередь оказывали немалое воздействие на эту же структуру. Так, черты общинной организации веками сохранялись в тех как бы законсервировавшихся в своей неразвитой форме ганах и сангах, где отсутствовала наследственная власть монарха и всеми делами ведали старшие, будь то аристократические роды, высшие касты или представители общин. По образу сельских общин строились и корпорации-шрени в городах, равно как и монашеские братства, причем во всех этих микроструктурах на передний план выходили корпоративный коллективизм, взаимопомощь и взаимодействие, которые заметно противостояли процессу социальной и имущественной дифференциации в рамках таких общин и корпораций. Важно добавить также ко всему сказанному, что военной службы крестьяне-общинники не несли – это было делом воинов-кшатриев, чьи должностные наделы, как и наделы чиновников, обрабатывали либо крестьяне-арендаторы, либо рабы и кармакары. И это выключение сельского населения из числа государственных служащих (воинов) тоже играло свою роль в не раз уже отмечавшемся феномене слабости индийской государственности на фоне сильной, жизнеспособной и политически индифферентной общины.

Рабы и неполноправные

Индийское общество, как и любое другое, знало рабов, причем раб в собственном смысле этого слова (речь о сути явления, а не о терминологии) мог быть, во всяком случае на первых порах, только из числа пленных иноплеменников, выходцев чаще всего из варварских племен, которые стояли вне всех четырех варн, вне каст, т. е. вне жителей общин и городов цивилизованной Индии. Такого рода рабы были немногочисленны и бесправны; их труд использовался преимущественно на тяжелых и презируемых работах в общинных либо государственных (царских и должностных) хозяйствах, в сфере услуг. Что касается рабынь аналогичного происхождения, то их участь подчас бывала легче в том смысле, что они, будучи взяты в дом, обычно становились наложницами кого-либо из мужчин семьи, нередко главы ее. Рождение ребенка от полноправного повышало статус рабыни, а подчас и приносило ей свободу, если же она оказывалась женой или сожительницей раба, статус ее ребенка оставался, видимо, рабским. Раба и рабыню, если они находились в частных руках или во владении общин, можно было продать, проиграть, заложить, даже украсть (за что полагалось оговоренное нормой суровое наказание). Но при всем том они имели и некоторые права, включая право иметь семью и некоторое имущество. Вообще же говоря, существовала стойкая, хотя и не оговоренная нормами тенденция, согласно которой статус раба или рабыни со временем или в лице последующих поколений имел тенденцию к повышению. Так, работая в качестве батрака или арендатора в хозяйствах знати, тем более рядом с кармакарами, раб постепенно трансформировался в неполноправного. Примерно такой же статус приобретали рабы в общинах, в казенных мастерских, рабы-пастухи, рабы-слуги. Существенно заметить, что в ряде случаев домочадцы из числа рабов упоминаются в одинаковом контексте с членами семьи в качестве лиц, которые являются принадлежностью домохозяйства, главы-домохозяина.

Термином «даса», как упоминалось, в индийских текстах и обиходе именовали также рабов из числа самих индийцев, т. е. рабов-должников, кабальных, заложенных, проигранных и т. п. По мере развития товарно-денежных и частнособственнических отношений, включая ростовщичество, все большее количество индийцев всех варн, от шудр до брахманов, становились в ряды малоимущих или неимущих, влезали в неоплатные долги и в конечном счете оказывались в положении долговых рабов. За рабами этой категории сохранялись права и привилегии, присущие их варне, что резко меняет в наших глазах привычный облик раба. Так, к рабу из брахманов его хозяин всегда обязан был относиться с внешними знаками почтения и соответственно требовать от него только той работы, которая не унизила бы его статус, например, работу на земле, в некоторых видах хозяйства. Кроме того, рабы-должники имели право на выкуп, хотя условия выкупа зависели от обстоятельств. Важно заметить также, что за ними сохранялись права, принадлежавшие их варне и каждому из них как члену варны, – право на семью, имущество, наследование и т. п. Словом, это были не столько рабы, сколько

неполноправные и зависимые различных категорий, что нередко отражалось и в соответствующих пояснительных терминах, – при всем том, что все они в целом, как упоминалось, обозначались все тем же емким словом даса, что и рабы-иноплеменники.

К неполноправным из числа рабов разных категорий фактически примыкали и кармакары. Спецификой их положения было то, что в отличие от своих собратьев, скажем в Вавилонии, где лица наемного труда объединялись в профессиональные группы и чуть ли не диктовали свои условия нанимателям, чувствуя себя своего рода силой, в варново-кастовой Индии это были по преимуществу представители низших каст или изгои, стоявшие вне каст. Это уже само по себе определяло их статус, так что ни о каких претензиях речи быть не могло. Фактическое же использование кармакаров как лиц наемного труда – это могли быть ремесленники, слуги, пастухи, батраки – сближало их с рабами, тем более рабами-должниками, в единую общую категорию зависимых и неполноправных. Правда, существенным отличием кармакаров от рабов всегда были договорные условия найма, но в юридическом плане эта немаловажная деталь давала не слишком много. Кармакара нельзя было продать как личность, но он продавал себя как работника и без этого не мог существовать. Неудивительно, что в источниках, например в Артхашастре, для сводного обозначения лиц обеих этих категорий существовал единый и весьма устойчивый термин-бином – даса-кармакара.

Кроме немногочисленных рабов-иноплеменников, несколько большего количества рабов-должников и наемников-кармакаров в традиционной социальной структуре древней Индии существовали и иные категории неполноправных – те, кто стоял на низших ступенях варново-кастовой иерархии или вне системы каст вообще. Независимо от того, продавали ли они себя как работников, т. е. были ли кармакарами, эти люди в Индии всегда были в положении презираемых, а то и подлых, неприкасаемых. Но для того, чтобы лучше определить статус этих лиц, необходимо снова обратиться к системе варн, трансформировавшейся на рубеже нашей эры в систему каст.

Варново-кастовая социальная иерархия

Выработанная веками система варн на рубеже нашей эры уже во многом изменилась. Изменения шли в ряде направлений. Об одном из них – сближении статуса двух нижних варн и противопоставлении их двум верхним – речь уже шла. Но этим дело не ограничивалось. Прежде всего, намечалась заметная дифференциация, как имущественная, так и социальная, в верхних варнах, особенно в варне брахманов. Количество брахманов росло, и далеко не все они требовались для ритуально-культовых жреческих нужд. Да и не все были склонны или способны к этого рода деятельности. Неудивительно поэтому, что немалое количество брахманов, оставаясь по варне именно брахманами, начинало заниматься иными, не присущими хранителям мудрости и жрецам делами, вплоть до весьма непрестижных (лекари, актеры, пастухи и др.). Что касается кшатриев, то здесь тоже происходили серьезные изменения, но иного плана. Первоначальные наследственные кшатрии, прежде всего воины, уменьшались в числе, в немалой степени за счет сражений и взаимного истребления, придворных интриг и драматических эпизодов в периоды смены власти и династий. Это касалось и многих древних правящих аристократических родов. В то же время приходившие им на смену правители, чиновники и воины из других варн (вспомним, что во главе ряда династий оказывались выходцы из шудр, причем советниками их нередко становились брахманы) не имели права с легкостью проникать в варну кшатриев – закон индийской варны гласил, что она зависит от рождения, а не от имущественного или социального положения человека. Конечно, могли быть исключения из общего правила, но в целом закон оставался законом и следствием его было постепенное уменьшение численности и значимости варны кшатриев.

Сильно возросли и укрепили свои позиции отдельные представители обеих нижних варн, вайшьев и шудр. Из их числа вышло немало зажиточных городских жителей. По меньшей мере часть их проникла и в верхние слои общества, в число правителей, чиновников, воинов. Получался некоторый парадокс: обычная норма по-прежнему следовала традиционной градации варн с соответствующими привилегиями и санкциями в случае правонарушений для членов каждой из них, тогда как реальная жизнь во многом сместила акценты. Практически

дистанции между варнами оказались иными, нежели они были прежде. Нужна была корректировка, некий иной масштаб социального счета.

Но изменения в традиционной системе варн только этим не ограничились. Во-первых, индианизация южных районов Индостана все время вводила в состав индийской культуры и индийского общества, включая и систему варн, новые контингенты. Конечно, большинство заново приобщенного к индийской цивилизации населения южных районов почти автоматически становилось в число шудр. Но ведь среди новообращенных были и жрецы, правители, чиновники, воины. Как было быть с ними? Особенно если они продолжали исполнять свои привычные функции и по образу жизни и социальному статусу явно не соответствовали обычным индийским шудрам? Аналогичным образом обстоит дело с ассимилировавшимися в Индии воинственными завоевателями, оседавшими в Северной Индии и волна за волной поглощавшимися ею (греки, бактрийцы, парфяне, гунны, юэчжи и др.). Часть их соответствовала варне кшатриев, но о возможности включения в эту варну уже упоминалось. Это было делом не простым и потому широкого потока в число кшатриев не следовало ожидать.

Во-вторых, в рамках каждой из издревле существовавших древнеиндийских варн шел свой процесс внутренней дифференциации и специализации. Те, кто оставался в пределах варны, но специализировался на какой-то части из тех широких функций, что прежде были общими для всех членов данной варны, начинали заметно отличаться от остальных. Это вызывало естественное дробление прежних четырех варн на более мелкие подразделения внутри них, на своего рода субварны, каждая из которых объединяла людей близкой специальности, сходного рода занятий и квалификации и к тому же имела тенденцию к последующей еще более узкой специализации.

В-третьих, сложность жизненных обстоятельств постоянно порождала внутри каждой из варн многочисленные конфликты, связанные с браками либо сожительством представителей разных варн и с неясностью по поводу варновой принадлежности детей от смешанных браков. Возникла объективная потребность в дифференциации членов варны на чистых и смешанных, а смешанных на тех, одним из родителей которых был представитель более высокой или более низкой варны, а то и лицо, вообще стоявшее вне варновой системы.

Наконец, наличие в обществе некоторого количества неполноправных, в том числе стоявших вне варн рабов-иноплеменников, а также тех, кто занимался преимущественно тяжелыми и нечистыми работами, тоже вело к образованию групп людей, связанных общностью их нелегкой доли, близостью их социального положения и профессиональных занятий. К этому стоит добавить, что в отсталых районах Индии, в ее джунглях продолжали существовать племена, еще не знакомые с земледелием и скотоводством, промышленявшие охотой, рыболовством и собирательством. Всем им тоже нужно было найти какое-то место в генеральной системе замкнутых сословных групп.

Все эти и некоторые другие факты сыграли свою существенную роль в трансформации древней системы варн и превращении ее в более сложную, дробную и строго иерархически организованную систему каст. Каста (джати, т. е. род) – это замкнутая эндогамная группа людей, обычно наследственно занятых в определенной сфере деятельности. Именно в такого рода касты и консолидировались как все мелкие специализированные группы внутри старых варн, так и вновь индианизовавшиеся жители юга либо представители осевших в Индии иноплеменников-завоевателей, не говоря уже о появившихся на свет в результате смешанных браков, о неполноправных и т. п. Пришедшая на смену четырем древним варнам система из многих сотен и даже тысяч каст стала в новых условиях гораздо более удобной. Будучи неизмеримо более гибкой, она позволяла безболезненно включать в себя все новые и новые касты, предоставляя каждой из них определенное строго фиксированное место в общекастовой социальной иерархии. Те, кто стоял вне существующих каст или родился от смешанного брака, до поры до времени был своего рода кандидатом на включение в систему каст. Коль скоро та или иная группа внекастовых лиц организовывалась в очередную касту, она включалась в систему, обычно занимая вначале низшее место в сложившейся кастовой иерархии. Только такое включение могло узаконить место человека в генеральной всеохватывающей системе социально-сословных связей.

Кастами могли стать и становились племена, секты, группы лиц сходных занятий. В особую группу выделялись те, кто занимался нечистыми профессиями (убой животных и выделка кож; уборка мусора; работа с трупами; профессия знахарей, палачей, актеров и т. п.). Они либо принадлежали к самым низшим кастам, либо вообще стояли вне каст и считались неприкасаемыми, т. е. теми, чье прикосновение способно осквернить членов иных каст, особенно брахманских. Положение неприкасаемых в традиционном индийском обществе – а их со временем становилось все больше – в социальном плане было худшим, чем положение рабов. Их чурались, как прокаженных. Их презирали. Они не имели почти никаких прав и были обязаны довольствоваться худшими условиями жизни, питаться чуть ли не отбросами и т. п.

Принципиальным отличием новых каст от старых варн было то, что касты являлись корпорациями, т. е. имели четкую внутреннюю организацию – органы управления, кассы взаимопомощи, совместные ритуалы и обряды, определенный регламент профессиональной деятельности, нормы внутреннего и внешнего общения, свои обычаи, привычки, кухню, украшения, кастовые знаки и др. Касты включали в себя много меньшее количество членов по сравнению с прежними варнами, причем многие из них были не всеиндийскими, но региональными и локальными группами. Как и любая корпорация, каста строго стояла на страже интересов своих членов, давала каждому из них поддержку, помогала найти работу, получать обусловленную нормой плату за нее и т. п. Все перечисленные новые черты и признаки достаточно заметно отличают касту от варны. Но главный принцип при трансформации варн в касты остался неизменным: сформулированное еще древним брахманизмом и строго охранявшееся индуизмом правило гласило, что каждый принадлежит к своей касте по рождению и должен оставаться в ней всю жизнь. И не только оставаться, но и выбирать жену из своей касты, воспитывать детей в духе кастовых норм и обычаев. Кем бы он ни стал, как бы ни разбогател или, напротив, ни опустился, брахман высокой касты всегда останется брахманом, а неприкасаемый чандала всегда неприкасаемым. С возникновением системы каст в Индии резко уменьшилось и практически сошло на нет рабство иноплеменников, но не потому, что общество будто бы преодолело этап рабовладения, а просто вследствие того, что все иноплеменники отныне включались в какую-либо из низших каст или в число внекастовых неприкасаемых. Что же касается рабов-должников, то их статус продолжал оставаться практически без изменений. Рабство как институт в принципе не противоречило системе каст, а использование труда кабальных и неполноправных вполне вписывалось в ее рамки.

* * *

Древняя Индия по ряду основных параметров близка к государствам ближневосточной древности. Здесь также господствовали власть-собственность и централизованная редистрибуция, отсутствовали свободные по-европейски рынок и частная собственность. Иными словами, в структурном плане Индия всецело принадлежит к традиционному Востоку и не имеет ничего общего с античностью, хотя индоарии генетически достаточно близки древним грекам (имеется в виду их индоевропейская общность). Это еще раз свидетельствует о том, что уникальность античной Греции – результат именно социальной мутации, но не, скажем, специфики этногенеза. Однако структурная общность Индии с остальным Востоком, включая Ближний, никак не означает, что между ближневосточным и индийским регионами нет важной и весьма существенной разницы. Она есть, хотя и не в структуре экономических и связанных с ними отношений.

Разница – в цивилизации, в культурных традициях, в исторически обусловленных формах организации социума. В конечном счете во всем том, что нашло свое выражение в виде варново-кастовой и общинной систем. Игнорирование этой специфики образа жизни индийцев и стремление вписать древнеиндийское общество в привычный ряд стран так называемой рабовладельческой формации нередко приводило в отечественной историографии к тому, что на передний план выходило не то, что характеризует реалии древнеиндийской истории, а нечто искусственно привнесенное извне, от утопической теории. Поэтому весьма существенно

исправить перекосы и обратить внимание именно на индийские варны и касты, на индийскую общину, на слабость традиционной индийской государственности как на подлинную и заслуживающую осмысления и оценки особенность Индии.

Глава 11

Древний Китай: формирование основ государства и общества

В отличие от Индии Китай – страна истории. Начиная с глубокой древности умелые и старательные грамотеи-летописцы фиксировали на гадательных костях и панцирях черепах, бамбуковых планках и шелке, а затем и на бумаге все то, что они видели и слышали, что происходило вокруг них и заслуживало упоминания. Отсюда – гигантское, практически необозримое количество письменных источников, которые, в сочетании с обильными данными археологии, дают богатый материал для реконструкции политических событий, социальных процессов, мировоззренческих идей. Не все источники и далеко не во всем заслуживают полного доверия: стоит напомнить, что значительная часть текстов – прежде всего трактаты религиозно-этического содержания, но частично также и исторические сочинения – имеет явно дидактический характер. Одно несомненно: все древнекитайские тексты, или почти все, сыграли огромную роль в последующей ориентации страны и народа, китайской цивилизации. Канонизированные потомками такие тексты, и прежде всего те из них, в которых излагались учение древнекитайского мудреца Конфуция и связанный с этим учением взгляд на вещи, на мир, на человека, на общество и государство, сыграли в истории и культуре Китая не меньшую роль, нежели доктрины брахманизма, буддизма и индуизма в судьбах Индии. И хотя между китайским и индийским взглядами на мир было нечто общее в самом глубинном мировоззренческом аспекте – именно то, что отличало Индию и Китай в этом плане от ближневосточно-средиземноморской системы мировоззренческих ценностей, – китайская цивилизация всегда была уникальной и во многом расходилась со всеми остальными, включая и индийскую. А по некоторым пунктам разница между Китаем и Индией была огромной.

Начать с того, что если в Индии определенный кармой и пожизненно фиксированный социальный статус индивида почти не предоставлял простора для престижных устремлений и это сыграло существенную роль в устремлении людей в сторону поиска мокши и нирваны, в направлении к впечатляющим, но практически мало полезным упражнениям и ухищрениям аскезы и йоги, то в Китае, напротив, каждый всегда считался кузнецом своего счастья в земной жизни. Социально-политическая активность, едва заметная в Индии, здесь была – как, впрочем, и на Ближнем Востоке и тем более в Европе – основой стремления к улучшению жизни и личной доли каждого. При этом характерно, что если в ближневосточно-средиземноморском регионе такого рода активность со временем стала всерьез подавляться религией, призывавшей к царствию небесному либо настаивавшей на божественном предопределении (именно такого рода идеи были характерны для мировых монотеистических религий, христианства и ислама), то в Китае активный акцент на поиски земного счастья, сделанный еще Конфуцием, продолжал неизменно существовать всегда. И это далеко еще не достаточно отмеченное специалистами обстоятельство сыграло существенную роль как в истории страны, так и в жизни ее народа, социальную активность которого трудно переоценить. Можно сказать, в частности, что именно с древности ведется отсчет небывалой насыщенности китайской истории массовыми народными движениями. В этом же корни столь заметной и типичной именно для Китая социальной мобильности.

Возникновение китайской цивилизации

Древнекитайский очаг земледельческого неолита возник примерно в VI–V тысячелетиях до н. э. в бассейне Хуанхэ. Это хорошо известная специалистам культура Яншао. Расписная керамика и навыки выращивания зерновых культур, прежде всего чумизы, равно как и знакомство с одомашниванием скота (свинья), позволяют, наряду с некоторыми другими

аналогичными факторами, ставить вопрос о ее генетической связи с аналогичными культурами расписной керамики более западных регионов, в частности ближневосточного, где происходила неолитическая революция и откуда шло массовое расселение неолитических земледельцев. И хотя этот взгляд на генезис китайского неолита вызывает возражения, значимость которых усилилась за последние годы в связи с открытием юго-восточного азиатского центра незернового земледельческого неолита (таро, ямс, батат, бобовые), тем не менее многое, включая и некоторые новые археологические раскопки в западных районах Китая, по-прежнему говорит о том, что своими навыками в сфере зернового земледелия и тем более практикой росписи и формами орнамента на керамике культура Яншао обязана более ранним западным вариантам единой серии культур расписной керамики Евразии.

Специальное изучение проблем генезиса китайской цивилизации показало, что и последующие кардинальные нововведения в сфере материальной культуры были связаны, по меньшей мере частично, с инфильтрациями извне. Речь идет не о миграциях в массовом масштабе; миграции были, видимо, минимальными. Хорошо известно, что преобладающим расовым типом на древнекитайской равнине издревле были монголоиды (вкрапления европеоидно-австралоидных расовых типов единичны), и именно это весьма существенно отличает древнекитайский очаг цивилизации от всех остальных, по крайней мере в Старом Свете. Но, несмотря на это, воздействия извне играли едва ли не решающую роль как в процессе трансформации культуры Яншао в неолит черно-серой керамики луншаньско-луншаноидного типа, для которого были характерны ближневосточные виды злаков (пшеница, ячмень) и породы домашнего скота (корова, овца, коза), гончарный круг и иные нововведения, к тому времени (II тысячелетие до н. э.) уже хорошо известные к западу от Китая, так и при переходе от неолита к эпохе бронзы.

Бронзовый век в Китае зафиксирован археологами с середины II тысячелетия до н. э., причем как темпы его появления и расцвета, так и высокий уровень бронзолитейного дела в сочетании с рядом иных важных нововведений, как, например, письменность, практика строительства пышных дворцов и сооружения гробниц, искусство резьбы по камню, высококачественная отделка утвари, украшений, оружия и многие иные аксессуары развитой урбанизации, позволяют предполагать, что цивилизация бронзового века в Китае (эпоха Шан-Инь) очень многим обязана культурным влияниям извне. Если учесть, что иньцы были монголоидами, трудно опять-таки говорить о миграциях в сколько-нибудь существенных размерах наподобие, скажем, арийской в Северной Индии. Но несомненно, что в какой-то степени такого рода миграции все же имели место. Об этом наиболее убедительно свидетельствуют иньские боевые колесницы, запряженные лошадьми. Ни лошадей, ни колесниц доиньский Китай не знал, но зато и то, и другое было хорошо известно в ближневосточной древности, о чем уже упоминалось. Идентичность иньских колесниц индоевропейским ныне уже совершенно очевидна для специалистов, и это, в сочетании с данными некоторых лингвистических исследований о наличии в древнекитайской лексике определенного количества индоевропейских корней, позволяет с немалой долей уверенности предполагать, что мигрировавшие в сторону Средней Азии в середине II тысячелетия до н. э. индоевропейские племена могли сыграть определенную роль в процессе генезиса китайской цивилизации, предстающей ныне перед наукой в виде раскопанного археологами иньского городища в Аньяне (XIII–XI вв. до н. э.) и всей династии Шан-Инь.

Династия Шан-Инь и проблема Ся

Древнекитайская историографическая традиция начинает историю Китая с описания периода правления пяти легендарных императоров, эра владычества которых воспринимается как золотой век мудрости, справедливости и добродетели. Мудрец Яо передал свой престол способному и добродетельному Шуню, а тот – великому Юю, начиная с правления которого власть стала передаваться по наследству. Юй считается основателем первой в китайской традиции династии Ся.

В общих чертах это предание вполне вписывается в закономерность трансформации избираемого на основе принципа меритократии правителя в наследственного монарха, о чем

уже шла речь. Но вопрос об историчности династии Ся вызывает, тем не менее, определенные сомнения. Китайская историографическая традиция считает, что эта династия правила Китаем на протяжении ряда веков в конце III и начале II тысячелетия до н. э., пока ее последний недобродетельный представитель Цзе не растерял свой авторитет и не лишился поэтому морального права управлять Поднебесной, тогда он и был побежден добродетельным иньским Чэн Таном, основавшим новую династию. Это предание со всеми его деталями – важность авторитета и добродетельности для сохранения и приобретения права на власть – тоже вполне соответствует реально существовавшей норме. Так в чем же сомнения?

Следует заметить, что аутентичные иньские источники, надписи на гадательных костях и черепашьих панцирях, ничего не говорят о подобного рода преданиях. Более того, вообще не упоминают о Ся, не используют этого знака для обозначения государства либо династии и не содержат никаких данных о том, что такого рода государство (или династия) когда-либо существовало в Китае до Шан-Инь, даже под иным именем. При всем том, что иньские надписи содержат весьма много сведений о соседних народах и взаимоотношениях с ними на протяжении ряда веков, такое умолчание красноречиво. Конечно, не исключено, что иньцы до оседания их в бассейне Хуанхэ и тем более в районе Аньяна, где они оказались не сразу, имели столкновения с иными обитавшими в этом регионе народами, может быть даже и протогосударствами. Возможно, эти столкновения привели к гибели какие-то более или менее известные и даже достаточно долго существовавшие протополитические и политические структуры, воспоминания о которых впоследствии легли в предание о Ся. И далеко не случайно китайские археологи почти каждую из вновь обнаруживаемых в бассейне Хуанхэ ранних бронзовых стоянок или промежуточных между Луншань и Шан-Инь культур рассматривают в качестве возможных кандидатов на отождествление с Ся. Но, во-первых, доказать это практически невозможно, пока не обнаружены надписи, которые позволили бы уверенно отождествить что-либо с Ся. А во-вторых, есть серьезные основания полагать, что такого Ся, о котором говорят более поздние предания, вообще не существовало. Известно, что в начале Чжоу, когда предания записывались, термином Ся обозначалась совокупность китайских земель и населения. Не исключено, что вторжение иньцев в бассейн Хуанхэ и приход их в район Аньяна со временем и были осмыслены как замена одних (Ся) другими (иньцами).

Проблема Ся, немаловажная сама по себе, весьма значительна еще и как своего рода лакмусовая бумага, которая выщечивает характер и принципы составления древнекитайских источников, соотношение достоверности и дидактической заданности в некоторых из них. Что-то существовало реально, что-то было со временем домыслено в соответствии с уже возникшими и ставшими нормой представлениями о том, как именно это должно было бы быть. Потом то и другое обобщается, причем не в форме бесстрастной летописи, а в виде дидактического назидания с явственным ритуально-этическим подтекстом. Возникает текст, впоследствии канонизируемый и воспринимаемый всеми как святая истина, как стоящая вне сомнений догма. Текст живет, обрастает комментариями, доживает до наших дней. Много в нем достоверно и может быть косвенно подтверждено археологией, аутентичными надписями. Авторитет текста растет. Но все ли в нем столь же истинно, как то, что может быть подтверждено? Пример с Ся – а казусов такого рода древнекитайская историографическая традиция знает немало – убедительно говорит в пользу сомнений.

Как бы то ни было, но одно несомненно: в конце эпохи неолита в луншаньско-луншаноидной неолитической среде земледельцев бассейна Хуанхэ появляется достаточно развитая бронзовая культура Шан-Инь. Появляется не сразу, но как бы волнами: одни стоянки и городища демонстрируют менее развитый комплекс бронзовой культуры, другие – тот же комплекс, но с рядом принципиально новых и важных нововведений, которые едва ли могли спонтанно вырваться за те немногие два-три века, которые отделяют друг от друга ранние и поздние иньские городища. Позднее аньянское городище демонстрирует явное превосходство иньцев над окружающими их племенами. Оно проявлялось и в обладании высококачественной боевой техникой (колесницы, обилие бронзового оружия), и в наличии развитой иероглифической письменности, и во многом другом. Иньская общность осела в районе Аньяна, причем есть основания полагать, что после этого (нам неизвестно, сколь велика была иньская общность, через какой процесс ассимиляции с местным населением она прошла

перед тем, как осесть в Аньяне) достаточно быстро сложилось крупное политическое образование типа сложного составного протогосударства во главе с всевластным правителем, подчинившим своему влиянию довольно обширную тяготевшую к иньцам и их культуре периферию.

Имеющиеся данные позволяют заключить, что в XIII–XII вв. до н. э. политическая структура Инь подразделялась на три неравные и структурно неодинаковые части. Первая – внутренняя зона с центром в столице. Зона находилась под непосредственной юрисдикцией правителя-вана и его центральной администрации. Трудно с уверенностью отождествлять аньянское городище со столицей Шан (для этого есть некоторые сомнения), но в любом случае столица Шан была где-то здесь же, рядом. О ней есть масса материалов в гадательных надписях, обнаруженных в Аньяне. О ее облике свидетельствуют обнаруженные археологами изделия из царских гробниц и менее пышных могильников, раскопанных близ Аньяна. Вторая зона – промежуточная. Она состояла из окружавших столицу Шан многочисленных региональных подразделений, управлявшихся титулованными местными правителями, подчиненными правителю-вану (в их числе были и родственники вана, подчас и его жены). В надписях много материалов о таких подразделениях, а точнее – о связях их с центром, об информации с мест и руководящих указаниях вана. И наконец, третья зона – внешняя. Она состояла из различных племен, правители которых в какой-то мере признавали авторитет иньского вана, но вели себя независимо по отношению к нему. Строгой границы между второй и третьей зонами не было. Подчас вчерашний региональный вассал-администратор мог сегодня выступить против вана в союзе с кем-либо из независимых племенных вождей внешней зоны. Любой из этих последних мог вступить с иньским ваном в более тесный контакт и стать его вассалом. В целом, однако, можно заметить, что разница между промежуточной и внешней зонами была в том, что первую населяли иньцы, тогда как внешнюю неиньские племена. Именно поэтому существовала и своего рода закономерность: чем ближе к столице, тем более гомогенно местное население, теснее его связь с центром, очевиднее его зависимость от вана, от помощи вана, включая и военную.

Правитель-ван, возглавлявший всю структуру, был одновременно и первосвященником, т. е. символизировал своей персоной сакрально-связующее единство складывавшейся и разраставшейся иньской общности. Должность его была наследственной, но практика наследования находилась еще в процессе становления: так, век-полтора, вплоть до периода правления последних четырех ванов, право на освободившийся престол обычно оспаривали представители старшего поколения в клане вана, его братья и кузены, но не сыновья. Только при последних четырех правителях прочно установилась система наследования от отца к сыну – система, ставшая нормой в Китае. Параллельно с этим шел процесс отпочкования в клане вана знатных субкланов-цзу, значительная часть которых специализировалась в сфере военного дела.

Система администрации в Шан-Инь, известная в основном опять-таки по данным гадательных надписей, свидетельствует о том, что в центральной столичной зоне на долю вана и его аппарата администрации выпадали заботы об урожае, подготовке и расчистке полей, о решении других важных хозяйственных вопросов, а также о защите тех или иных региональных подразделений и окраин от вторжений варварских племен. Анализ терминов показывает, что администрация делилась на три основные категории – высших администраторов-сановников, низших чиновников-распорядителей, а также должностных лиц, отвечавших за военную подготовку и охоту, что было очень важной и особой сферой деятельности иньской знати (к этой категории администраторов и служащих относились, в частности, оружейники, конюшие, псары и др.).

Содержался весь этот аппарат администрации и обслуживания верхов за счет избыточного продукта коллектива, редистрибуция которого была одной из функций власти. За этот же счет содержались многочисленные ремесленники разных специальностей, работавшие под началом своих старших, которые включались в число чиновников вана и отвечали перед ним за работу своих подопечных. Вся ремесленная продукция использовалась в централизованном порядке, примерно так, как это было в царско-храмовых хозяйствах Древнего Египта или Двуречья. Во время раскопок близ Аньяна был обнаружен склад, в котором хранилось до 3,5 тыс. каменных

серпов, и это безусловно свидетельствует о централизованно регулируемом характере земледельческих работ на совместно обрабатывавшихся полях. Можно добавить к сказанному, что книга песен Шицзин также упоминает о больших полях, обрабатывавшихся коллективами крестьян под контролем надсмотрщиков. Пусть это не было столь зловеще-символическим, как в изображениях на древнеегипетских рельефах (человек с палкой или кнутом), но сам факт достаточно красноречив: на иньских полях были надсмотрщики. Надписи именуют их обычно термином сяо-чэнь, иногда другими терминами.

Хотя гадательные надписи почти ничего не говорят о формах общинной организации иньского населения, можно с уверенностью сказать, что община в иньское время существовала. Надписи обозначают поселения термином «и». Население этих «и» обрабатывало, видимо, свои поля, а формой извлечения избыточного продукта была скорее всего отработка крестьян или их представителей на больших совместно обрабатывавшихся общественных полях – тех самых, забота о содержании которых была одной из важных функций вана и его помощников. Из надписей типа: «Ван отдал приказ чжун-жэнь: „Совместно трудитесь на полях, тогда получим урожай“» – явствует, что о вспашке некоторых из этих общих полей заботился лично ван, а обработка их казенным инвентарем дает основание полагать, что для этой работы привлекались трудившиеся в порядке повинности общинники, о чем только что упоминалось. Впрочем, не исключено, что эти поля обрабатывались теми иньцами, которые находились в особом положении, т. е. были как бы приписаны к большим полям (опять-таки по аналогии с теми неполноправными, кто обрабатывал поля в царско-храмовых хозяйствах древнего Ближнего Востока). К сожалению, данных на этот счет нет.

Судя по всему, иньцы жили компактным и этнически гомогенным (во всяком случае, в пределах столичной, да и, видимо, промежуточной зоны) коллективом одноплеменников, сплоченных совместной обрядово-культурной практикой, жертвоприношениями в честь их общих предков, божеств и духов. Как и индоарии, иньцы практиковали человеческие жертвы, для чего использовались чаще всего пленные иноплеменники из числа западных соседей иньцев – цян. «Принести в жертву предку Дину 300 цян», – гласит одна из многих аналогичных надписей. В промежутках между очередными жертвоприношениями пленных цян подчас использовали на тяжелых работах, как, например, для расчистки земли под пахотные поля, но сообщения на эту тему единичны и не очень понятны.

Ясно, однако, что жертвоприношениям в честь умерших предков-правителей, обожествленных ванов, иньцы уделяли огромное внимание – как и вообще ритуалам и обрядам, в частности обряду общения с теми же умершими ванами. Собственно, именно для нужд регулярной связи с покойными предками, от воли и поддержки которых, по представлениям иньцев, зависело нормальное существование коллектива, и использовались гадательные кости. Информировав предков о положении и текущих нуждах, обращаясь к ним с просьбами в трудную минуту, иньцы записывали на специально обработанных бараньих лопатках и панцирях черепах суть дела и проводили обряд гадания. Так и возникали те надписи, полторы сотни тысяч которых ныне являются важнейшим источником эпохи Шан-Инь.

Общество Шан-Инь и чжоусцы

Будучи сильным и процветающим протогосударством, окруженным разноплеменным населением, более отсталым как в военном, так и в других отношениях, иньцы вели активную внешнюю политику, включая войны и расширение своих территорий за счет соседей. Наибольшего могущества они достигли при У Дине, за долгие десятилетия правления которого военные экспедиции следовали одна за другой, причем крупнейшую из них (13 тыс. войска) возглавила жена У Дина по имени Фу Хао, которая, судя по некоторым данным, была, кроме всего, еще и правительницей одного из региональных подразделений промежуточной зоны. Вооруженная боевыми колесницами, состоявшая из профессиональных лучников и копейщиков и обраставшая в случае нужды мобилизованными крестьянами-общинниками, иньская армия была достаточно грозной боевой силой, державшей в повиновении соседей внешней зоны, часть которых предпочитала вассальные связи и тесный контакт с Инь опасности подвергнуться разрушительному опустошению со стороны иньского войска в случае конфликта.

К числу таких соседей, племен внешней зоны, вступивших в контакт с Шан-Инь и многое заимствовавших у иньцев, относились чжоусцы. Чжоуские предводители, признав сюзеренитет иньского вана, получали от него утверждение в их титулах, а в конце Инь приобрели даже весьма престижную должность си-бо («властитель Запада»). Благодаря этому они сумели укрепиться и затем создать коалицию племен, которая в конечном счете и разгромила Шан-Инь. Впервые си-бо стал чжоуский вождь Цзи Ли, взявший себе жену из Инь. И хотя успехи Цзи Ли по сколачиванию коалиции под своим началом завершились печально (по приказу иньского вана он был убит во время очередного визита с данью ко двору вана), его дело продолжил сын и наследник Цзи Ли по имени Чан – будущий знаменитый чжоуский Вэнь-ван. Умный и дальновидный Чан действовал скрытно и осторожно. Оказавшись в плену у вана, он сумел откупиться и продолжить деятельность по объединению недовольных владычеством иньцев племен, коалиция которых в середине XI в. до н. э. была уже грозной силой. Сам Чан не успел довести замысел до конца, зато это дело завершил его сын, который в решающей битве при Муе в 1027 г. до н. э. разгромил Шан-Инь и провозгласил себя новым властелином под именем У-ван.

Китай в период Западного Чжоу (1027–771 гг. до н. э.)

Немногочисленное племя Чжоу, разгромив иньцев, оказалось во главе крупного военно-политического объединения, пределы которого вышли далеко за рамки прежней территории Шан-Инь и практически охватили почти весь бассейн Хуанхэ. Перед чжоускими вождями встала нелегкая задача организовать управление многочисленным подчиненным им гетерогенным населением, наиболее крупную и развитую часть которого составляли иньцы. Решая вставшие перед ними проблемы, предводители чжоусцев и прежде всего оказавшийся у власти после смерти У-вана регент при малолетнем Чэн-ване, его дядя Чжоу-гун, направили основное усилие на быстрое и всестороннее усвоение наследия Инь и распространение этого наследия на всю завоеванную территорию. Расчленив и расселив иньцев на новых землях, Чжоу-гун значительную часть их разместил в центре созданного им военно-политического образования, в районе Лои, где искусными иньскими мастерами была выстроена для чжоусцев новая столица (Чэнчжоу – в отличие от прежней, Цзунчжоу), ставшая местопребыванием немалой части чжоуской администрации, а также главным военным центром: здесь, в частности, располагались восемь так называемых «иньских» армий, состоявших, видимо, из перешедших на службу к чжоусцам профессиональных иньских воинов. Остальная часть администрации, еще шесть армий и сам ван со всем его двором продолжали, однако, жить в Цзунчжоу, т. е. на западе страны, в районе прежних родовых поселений чжоусцев, откуда и пошло наименование описываемого периода (Западное Чжоу).

Усилиями первых чжоуских правителей, в основном все того же Чжоу-гуна, чжоусцы за несколько десятилетий сумели укрепить и легитимизировать свою власть. Во-первых, была выработана концепция этически детерминированного права на власть, т. е. учение о Мандате Неба (тянь-мин), согласно которому Небо вручает мандат на управление Поднебесной добродетельному правителю, лишая тем самым власти недобродетельного. С этой точки зрения была подвергнута официальному пересмотру вся предшествующая и смутно известная чжоусцам история: согласно концепции Чжоу-гуна, зафиксированной в ранних главах книги исторических преданий Шуцзин, некогда на территории Китая существовала династия Ся, имевшая законное право на власть, но лишившаяся этого права потому, что последний ее представитель Цзе утратил добродетель и вел себя недостойно. Именно вследствие подобного хода событий, санкционированного Небом, власть оказалась в руках основателя династии иньцев Чэн Тана. Иньцы долго владели небесным мандатом, но последний иньский правитель Чжоу Синь в силу опять-таки своей недобродетельности утратил право на него, в результате чего великий Мандат Неба оказался в руках правителя чжоусцев Вэнь-вана. Концепция Мандата Неба – едва ли не первая в истории Китая сознательно созданная и хорошо логически обоснованная социально-политическая теория – сыграла решающую роль в легитимизации власти немногочисленного племени завоевателей-чжоусцев: право их на власть оказалось

неоспоримым потому, что оно было санкционировано самим Небом, ставшим верховным божеством в Китае. Небо же санкционировало эту власть не потому, что чжоусцы оказались сильнее других, а вследствие того, что на их стороне были мудрость и добродетель.

Во-вторых, защитившись легитимной идеей, чжоусцы сумели наладить эффективную централизованную администрацию, опиравшуюся на 14 армий центра в двух столицах. В функции этой администрации, представленной сановниками и чиновниками различных категорий – как заимствованных у Шан-Инь, так и созданных заново, частично на чжоуской основе, – входило управление земледельческим хозяйством на больших общих совместно обрабатывавшихся полях в зоне расселения самих чжоусцев, руководство ремеслом и строительством, обеспечение притока налогов и дани с нечжоуских племен, включая иньцев, а также выполнение военных, судебных, редиистрибутивных и многих иных обязанностей. На административные должности обычно назначались имевшие способности и заслуги аристократы, прежде всего из числа чжоуской и иньской родовой знати. Отправление высших должностей обычно было наследственным, но это не являлось строгой нормой: есть сведения, что способных администраторов не раз передвигали вверх по служебной лестнице.

Наконец, в-третьих, решение проблемы власти на местах чжоусцы нашли в частично заимствованной у иньцев, частично разработанной ими самими системе наследственных уделов, пришедших на смену иньским регионально-вассальным подразделениям промежуточной зоны. Об этой важной системе, сыгравшей едва ли не решающую роль в истории чжоуского Китая, следует сказать особо.

Сущность системы сводилась к тому, что вся гигантская периферия Чжоу, т. е. та часть заселенной различными племенами территории, которая не примыкала к обеим столицам, но считалась находившейся под непосредственным политическим контролем чжоусцев, делилась на уделы, предоставлявшиеся в наследственное владение и управление родственникам и приближенным правителя. Источники упоминают о 70 с небольшим таких уделах, подавляющее большинство (53–55) которых было пожаловано братьям, сыновьям и племянникам первых чжоуских правителей, включая и регента Чжоу-гуна. пожалование удела предусматривало предоставление новому владельцу исключительного права господства над всей управляемой территорией и над обитавшим там или переселенным туда населением. Существует немало документов типа инвеституры (введение в право владения – обычно это надписи на бронзовых ритуальных сосудах), детально описывающих состав пожалования с перечислением земель, поселений, племенных групп, регалий, ритуальной утвари и прочего имущества, передающегося новому владельцу удела.

Как правило, вместе с ним на новое местожительство направлялась и дружина воинов-чжоусцев («люди вана» обычно упоминаются при перечислениях в записях), которая призвана была являть собой социально-политическую опору нового владельца удела, костяк чжоуского господства там. Тем самым немногочисленный чжоуский контингент создавал то этнически и политически господствующее ядро, ту группу тесно связанных друг с другом родственников и соплеменников, благодаря существованию которой правящий клан в новом уделе не только сравнительно легко упрочивал свою власть, но и оказывался ведущим в процессе постепенной этнической консолидации в рамках удела.

Система уделов была вынужденной формой политической структуры в молодом государстве, гигантская территория которого с неразвитой инфраструктурой и примитивным механизмом редиистрибуции явно не соответствовала стремлениям малочисленной этнической группы чжоусцев ее возглавлять и контролировать. Эффективность аппарата центра была достаточна для контроля в рамках двух столиц и общего руководства. Руководство же на местном уровне должны были взять на себя как раз те чжоусцы, которым и были пожалованы уделы. Владельцы уделов на первых порах являли собой администраторов-наместников, комендантов чжоуских гарнизонов в иноплеменном окружении. Естественно, все они были тесно связаны с центром, зависели от его помощи и военной поддержки в случае нужды. Логично и закономерно, что эта связь подчеркивала и освящала величие власти вана, неприкосновенность его статуса и функций в качестве всеобщего сюзерена, верховного правителя, носителя небесного мандата, «сына Неба» (тянь-цзы) – этим титулом официально именовались чжоуские правители. Упомянутая связь реально подкреплялась спорадическими

инспекционными поездками вана или его представителей в уделы, т. е. повседневным контролем центра, а также визитами владельцев уделов ко двору с данью и подарками, своего рода отчетами о деятельности. В функции центра входило, особенно на первых порах, также и введение в права владения наследников умерших правителей, что обычно совершалось в форме торжественного церемониала с клятвами и напутствиями, нередко при личном участии вана, в одном из столичных храмов.

Если прибавить ко всему сказанному, что в начале Чжоу внешняя периферия широко раскинувшего свои пределы государства отнюдь не была стопроцентно лояльной, то станет очевидным, что для того времени (XI – X вв. до н. э.) система уделов оказалась вполне оправдавшей себя формой привычной региональной администрации, особенно в отдаленных от столиц районах периферийной промежуточной зоны. С годами, однако, ситуация изменялась.

Упадок власти вана и укрепление уделов

Несколько десятилетий стабилизации привели к некоторой трансформации политической администрации в Чжоу. На смену первым сильным правителям пришли более слабые их преемники, привычно опиравшиеся на существующую систему власти. Однако эффективность далеко еще не институционализированной централизованной власти была связана не столько с сохранением статус-кво, сколько с энергичными волевыми действиями, при отсутствии которых система в целом начинала давать сбои, а воплощенная в уделах тенденция к дезинтеграции наращивала силу. Эта сила стала особенно заметной с начала IX в. до н. э.

Пережившие процесс внутренней консолидации уделы, особенно сравнительно отдаленные от столиц и потому более независимые от центра, понемногу укреплялись. Правители их в 4–6-м поколениях уже чувствовали себя полными хозяевами в своих уделах, воспринимая их в качестве вотчины, родной земли. Их подданные, также давно уже прошедшие период первичной адаптации и ассимиляции, единодушно воспринимали своего удельного правителя как естественного и единственно возможного вождя. Внутренние связи в уделах усиливались за счет разраставшихся семейно-клановых генеалогических уз, которые тщательно культивировались в практике чжоуского Китая и благодаря которым пестрый этнический конгломерат за век-два становился спаянным разветвленной сетью родства мощным коллективом, во главе которого по принципу конического клана оказывался опять-таки глава удела, титулованный аристократ, владетельный правитель значительной родовой территории со все возрастающим населением.

Уделы не были одинаковыми. Одни из них с самого начала были крупнее соседних, что помогало им быстрее расти и легче одолевать соперников в междоусобных схватках. Другие были выгодно расположены, что позволяло им богатеть или приращивать земли за счет более слабых соседей. Третьи, окраинные, смело увеличивали свои пределы за счет войн с племенами внешнего пояса. Четвертые, напротив, оказывались зажатыми более сильными соседями и в неравной борьбе постепенно теряли наследие отцов. Словом, общей динамикой было постепенное сокращение числа первоначальных уделов с одновременным укреплением уцелевших и удачливых, и это привело к усилению нескольких крупных уделов, политика и междоусобная борьба которых при слабых правителях второй половины Западного Чжоу задавали тон в политической жизни чжоуского Китая.

Первым признаком того, что некоторые из уделов в состоянии уже потягаться с самим чжоуским ваном, было выступление правителя одного из уделов, Э-хоу, против Ли-вана в середине IX в. до н. э. И хотя мятеж Э-хоу объединенными усилиями центра с его армиями и ряда вассальных удельных правителей был подавлен, сигнал оказался тревожным. Не исключено, что все эти события сыграли определенную роль в том, что непопулярный Ли-ван вскоре был низложен. На протяжении 14 лет престол находился в руках двух гунов-регентов, после чего на него был возведен подросток Сюань-ван, сын Ли-вана. Учтя уроки недавнего прошлого, Сюань-ван попытался было провести ряд реформ, направленных на усиление центральной власти. Ему, в частности, принадлежит инициатива введения новой системы налогообложения: известно, что именно он настаивал на учете податного населения и что в период его правления в текстах стал употребляться знак «чэ» для обозначения понятия налог.

Однако реформы наталкивались на сопротивление окружающих и, главное, оказались слишком запоздалыми, чтобы привести к успеху.

Сюань-ван правил достаточно долго (827–781), но государственной мудростью он, невзирая на стремление к реформам, не отличался. Так, например, вместо того чтобы резко ограничить систему обретавших опасную для централизованного государства независимость уделов, он с барской щедростью пошел по пути создания новых: при нем были созданы уделы Чжэн, занявший со временем важное место в системе чжоуских уделов-царств, и Шэнь, сыгравший трагическую роль в судьбе его сына и наследника Ю-вана. Ю-ван, как повествуют источники, поставил свою любимую наложницу выше законной жены, дочери правителя Шэнь, чем вызвал недовольство тестя, который в союзе с соседними варварскими племенами вторгся в Цзунчжоу и сверг Ю-вана. Именно после этого сын Ю-вана, Пин-ван (внук только что упомянутого правителя удела Шэнь), был вынужден в 771 г. до н. э. перенести свою резиденцию в восточную столицу, в Лои, на чем формально и закончился исторический период Западного Чжоу. Земли же в районе старой столицы Цзунчжоу Пин-ван должен был отдать одному из союзников, который на базе этих земель создал новый удел Цинь – тот самый, что спустя полтысячелетия объединил царства чжоуского Китая в рамках единой империи.

Восточное Чжоу. Период Чуньцю (VIII–V вв. до н. э.)

Восточное Чжоу – эпоха упадка власти чжоуских ванов, длившаяся свыше полутысячелетия. Она подразделяется на два важных исторических периода – Чуньцю и Чжаньго. Первый из них, Чуньцю, был ознаменован борьбой между уделами, превращавшимися в мощные политически независимые царства.

Дело в том, что перемещение столицы и переселение вана знаменовали собой признание новой политической реальности. Отныне сын Неба перестал быть всевластным сюзереном, всеми почитаемой вершиной политической пирамиды Чжоу. Теперь власть его по существу ограничивалась лишь пределами его домена – не слишком большой территории вокруг Лои (Чэнчжоу). Как своими размерами, так и политической значимостью домен вана практически не отличался от окружающих его крупных уделов. Неудивительно, что он занимал сравнительно скромное место в политической жизни периода Чуньцю¹⁸, хотя формально престиж и сакральная святость вана по-прежнему оставались бесспорными, были своего рода «связующим единством» для всего чжоуского Китая. Ведущую же политическую роль в Китае в Чуньцю стали играть наиболее могущественные из уделов, превращавшиеся в крупные царства, такие, как Цзинь, Ци, Чу и Цинь, а также Лу, Сун, Вэй, Чжэн, Чэнь, Янь и некоторые другие.

Перемещение центра тяжести политической жизни из столицы вана ко дворам правителей царств создало на территории бассейна Хуанхэ и прилегающих к нему территорий, постепенно втягивавшихся в зону воздействия китайской цивилизации, эффект полицентризма, многолинейной эволюции. Практически некогда единое западночжоуское государство распалось на ряд крупных и более мелких независимых государств, большинство которых, кроме разве что окраинных полуварварских Цинь и Чу, именовало себя «срединными государствами» (чжун-го) и гордилось своим происхождением от раннечжоуских уделов, своей историей со времен великого Вэнь-вана, воинственного У-вана и мудрого Чжоу-гуна. К слову, именно этот нарочитый акцент на морально-историческое единство, равно как и реальное цивилизационно-культурное единство чжоусцев опирались на ту связующе-символическую основу, которая олицетворялась ваном, сыном Неба, обладателем небесного мандата. Реальный же политический процесс стал не только полицентричным, но и протекал как бы на нескольких различных уровнях параллельно.

На авансцене политической жизни шла энергичная борьба за гегемонию между наиболее влиятельными царствами. В эту борьбу с переменным успехом время от времени вмешивались ван со своим еще сохранявшимся сакральным авторитетом старшего в роде великих чжоуских

¹⁸ Это название период получил от летописи «Чунь-цю», «весны-осени», погодовой хроники, охватывавшей VIII–V вв. до н. э. и написанной, точнее, отредактированной и обработанной, по преданию, самим Конфуцием

правителей, а также правители сравнительно мелких царств и княжеств. Порой активную роль в такой борьбе играли и вторгавшиеся в бассейн Хуанхэ варварские племена жунов и ди, иногда разорявшие целые царства, как это случилось с Вэй. На другом, более низком уровне, т. е. в рамках каждого из царств, особенно крупных, шла своя острая политическая борьба между враждующими аристократическими кланами и возникавшими в рамках царств новыми уделами, причем эта борьба обычно тесно переплеталась с враждой царств между собой, в результате чего затягивались запутанные узлы острых интриг и политических конфликтов. Наконец, на нижнем уровне крестьянской общины протекали свои интенсивные процессы развития. Осваивались новые земли, расселялись и этнически смешивались в ходе расселения выходцы из разных районов, уделов, даже царств. Усиливались внутренние связи между различными частями чжоуского Китая, создавались предпосылки для экономического развития, для процесса приватизации, товарно-денежных отношений, что способствовало сложению фундамента будущей китайской общности.

Все эти проявления генерального исторического процесса, протекавшего в чжоуском Китае в VIII–V вв. до н. э., в свою очередь вели к интенсификации политической жизни, резкому увеличению конфликтов, усилению внутренней борьбы и придворных интриг, причем главной и господствующей тенденцией этого периода стал столь хорошо известный специалистам феномен феодализации. Суть этого явления (речь идет лишь о социально-политическом феномене, но не о социально-экономических отношениях, не о формации, хотя стоит заметить, что ряд китайских историков-марксистов, как, например, Фань Вэнь-лань или Цзянь Бо-цзань, видели здесь и феодализм как формацию) достаточно сложна и многогранна, чтобы остановиться на нем специально. Это существенно и потому, что подобный феномен едва ли не ранее всего в мире именно в истории чжоуского Китая проявил себя наиболее ярко, став чем-то вроде эталона феодализации и во многом предвосхитив аналогичные явления в раннесредневековой Европе.

Дело в том, что если в западночжоуском Китае существовала лишь одноступенчатая иерархическая лестница – вану на правах вассалов подчинялись правители уделов, имевшие княжеские титулы гун, хоу, бои др. и именовавшиеся сводным обозначением чжухоу (князя), то теперь иерархия стала многоступенчатой. Во главе Поднебесной по-прежнему стоял ван, сын Неба. Формально его вассалами продолжали считаться правители царств, носившие только что упомянутые титулы, чаще всего «гун». Им в рамках царств подчинялись в качестве вассалов правители автономных уделов, причем именно это, третье звено иерархической лестницы власти стало в Чуньцю центром политической активности.

Уделы новой волны, о которых идет речь, обычно давались в пожалование от имени правителя царства его родственникам, чаще всего сыновьям, и заслуженным сподвижникам. Собственно, именно присвоив себе право наделения уделами, до того бывшее исключительной прерогативой сюзерена-вана, правители царств де-факто обрели политическую независимость. Первые уделы такого типа стали создаваться в крупнейшем царстве Цзинь еще в VIII в. до н. э. Затем их начали создавать в Ци, Лу и других царствах. Это жесткие структуры феодально-кланового типа, в каждой из которых глава клана, титулованный аристократ (он имел титул цин), был всесильным властителем. Стоя во главе тесно спаянного клановым родством удела, такого рода наследственный аристократ обычно приобретал большое влияние в царстве. Он, как правило, занимал наследственную (чаще всего министерскую по значению) должность, опирался на своих родственников и сподвижников и вел непрестанную борьбу за высокое положение и соответствовавшие ему престиж и влияние с другими соперничавшими с ним удельными аристократами своего царства.

Характерно, что местническая борьба такого рода при слабых правителях царства перерастала в активные, порой даже вооруженные столкновения с соперниками, не говоря уже о придворных интригах. В этой борьбе складывались коалиции, гибли одни и усиливались за их счет другие уделы. Конечный итог борьбы, длившейся практически на протяжении всего периода Чуньцю, в разных царствах бывал различным. В некоторых, как Цинь и Чу, правители царств сравнительно быстро одолевали центробежные силы феодально-удельной знати и превращались во всесильных правителей. Это был оптимальный итог, так что неудивительно, что именно Цинь и Чу в III в. до н. э. повели между собой последний бой за объединение Китая.

В других царствах, как в Ци, борьба вела к усилению отдельных удельных правителей (цинов) и к захвату одним из них трона; в остальных, как в Цзинь или Лу, – к распаду царства на части или к ослаблению царства в связи с разделением его цинами на сферы влияния.

К числу наследственных аристократов принадлежала еще и большая прослойка так называемых да-фу, которые отличались от цингов тем, что не имели собственных владений и вынуждены были добывать себе пропитание и делать карьеру службой, в основном военной. Да-фу – это своего рода древнекитайские рыцари. Среди них были сыновья и внуки тех же правителей и цингов, не говоря уже о самих да-фу. Особенностью этого слоя было то, что они в условиях постоянных войн достаточно быстро истребляли друг друга, что играло определенную роль для структуры в целом, не создавая излишних проблем с обеспечением аристократов да-фу достойным их образом жизни. Подчас да-фу занимали место цингов и бывали владельческими аристократами, но это бывало лишь в виде исключения. В целом же да-фу занимали ту же ступень, что и цины. Это была наследственная знать.

Четвертое звено иерархической лестницы феодализировавшейся политической структуры периода Чуньцю являла собой прослойка служивых-ши. Это были представители младших ветвей владетельной знати, выходцы из боковых аристократических линий (да-фу), которые не имели ни титула, ни должности, но были неплохо образованными и имели связи в мире знати. Возможно, к этому разряду людей примыкали и выходцы из низов, сделавшие успешную служилую (военную либо чиновничью) карьеру. Словом, термином «ши» с VIII–VII вв. до н. э. в чжоуском Китае стали обычно обозначать своего рода профессионалов, готовых идти на службу туда и к тем, кто и откуда их позовет. Но это не была служба слуги, низшего обслуживающего персонала. Речь идет о службе иного рода, практически о положении верного и уважаемого вассала, на которого можно положиться и который знает и свято соблюдает еще неписанный, но уже жестко фиксированный в обществе закон чести.

Не имея в своем распоряжении ничего, кроме обеспечивающего их статус закона чести, да-фу и ши строго соблюдали его и выше всего чтили в себе именно это. Суть кодекса аристократической этики, о котором идет речь, складывалась веками и в VII–VI вв. до н. э. обрела уже отточенные формы: строгое соблюдение норм иерархии и вассальных обязательств (я служу своему господину, или, иначе, «вассал моего вассала – не мой вассал»); обязательный учет степени кланового родства в связи с возможными претензиями на должность и власть; преданность господину до конца; принятые нормы поведения на поле боя, равно как и при исполнении должностных обязанностей; культ аристократизма в жизни, т. е. строгое соблюдение обязательных норм этики в соответствии со своим статусом. Уже упоминалось, что да-фу как особый социальный строй быстро сходили на нет. Однако служивые-ши, количество которых со временем все увеличивалось, превратились в чжоуском Китае в нечто вроде личных дворян и в качестве таковых внесли немалый вклад в его историю. Именно этот низший слой удельно-клановой знати оказался со временем решающим звеном в борьбе правителей за усиление их власти.

Правители царств боролись за гегемонию по меньшей мере с начала VII в. до н. э., когда знаменитый реформатор Гуань Чжун помог усилиться и стать гегемоном-ба своему царственному патрону, цискому Хуань-гуну. После смерти Гуань Чжуна и Хуань-гуна влияние Ци ослабло, а гегемоном-ба вскоре стал цзиньский Вэнь-гун, сумевший в длительной и полной интриге политической борьбе одолеть соперников и создать сильное царство, упрочение власти в котором он видел в том, чтобы не создавать уделы во главе с родственниками, могущими претендовать на трон. Вэнь-гун щедро наделил уделами неродственников ему сподвижников. Но, хотя эта тактика на некоторое время помогла обеспечить власть правителя Цзинь, она в конечном счете привела к банкротству: усилившиеся удельные аристократы, в междоусобной борьбе истребившие друг друга, в конечном счете (речь о троих уцелевших) поделили между собой, как упоминалось, царство Цзинь.

С ослаблением Цзинь уже ни одно из царств реальным гегемоном-ба так и не стало, хотя формально историографическая традиция насчитывает в Чжоу последовательно властвовавших пять гегемонов (остальные трое, чьи имена варьируются, хотя и выделялись на общем фоне, но всеми признанными властителями уже не были). К концу периода Чуньцю более важным было уже не задавать тон на всекитайской арене, т. е. не стремиться к гегемонии, а суметь навести

порядок в собственном царстве. Именно это было главной заботой правителей, причем преуспели те из них, кто последовательно вел курс на реформы, суть которых сводилась к укреплению власти центра. Такого рода реформы примерно с VII в. до н. э., предпринятые одна за другой, проводились в различных царствах, причем именно они в конечном счете способствовали трансформации внутренней структуры чжоуского Китая, что, в свою очередь, подготовило и обусловило процесс феодализации. Конечным результатом этого процесса стало усиление централизованной власти правителей и объединение Китая, превращение его в империю.

Глава 12

Древний Китай: трансформация чжоуской структуры; и возникновение империи

Несмотря на отчетливо выраженную этническую суперстратификацию, суть которой сводилась в момент завоевания к привилегированному положению завоевателей-чжоусцев, социальное, правовое и имущественное неравенство в раннечжоуском Китае были еще не слишком заметными. Конечно, особа правителя-вана была священной, и образ жизни его и его окружения соответственно выделялись на общем фоне. Это же касается, пусть в меньшей степени, и удельной знати. Но, если судить по первым документам об инвеституре и по археологическим раскопкам, отличия не были велики. Правители не слишком отличались в образе жизни от своих подданных, что, к слову, было позже запечатлено и в преданиях о мудрых древних правителях. Постепенно, однако, положение изменялось.

Усиливалось престижное потребление в верхах. Усложнялась структура привилегированных слоев как в чжоуских столицах, так и в разраставшихся уделах. Все большее количество сановников и аристократов, воинов-дружинников, а также обслуживавших их нужды ремесленников и слуг выделялось из среды общинного крестьянства и жило за его счет. Возникали новые города – центры уделов. Строились крепости, дворцы, храмы, амбары, склады, дороги и иные крупные сооружения. Внутренняя жизнь страны усложнялась, причем это касалось едва ли не в первую очередь и крестьянской общины.

Увеличивалось количество земледельцев, осваивались новые земли, создавались новые поселки, причем этот процесс, как упоминалось, шел параллельно с ликвидацией этнической и правовой грани между чжоусцами и нечжоусцами, с этнической консолидацией в рамках уделов, будущих царств, жители которых все более осознавали себя как люди царства Цзинь или Лу, как жители Сун или Ци. Менялись формы землепользования и налогообложения. В исконных чжоуских землях постепенно отмирала известная со времен Инь практика отработок на больших полях. В нечжоуских по происхождению уделах уходило в прошлое взимание дани. С Сюань-вана на смену тому и другому пришла десятина-чэ. Крушение Западного Чжоу и выход на передний план системы царств означали перенесение центра тяжести социально-экономического развития внутрь этих царств, где при общей схожести развитие в каждом отдельном случае приобретало свои особые очертания.

Субъектами власти-собственности в царствах были их правители. Но часть своих прерогатив они уступали владельцам уделов-кланов, которые ревниво заботились об увеличении своего престижного потребления, содержали при своих дворах ремесленников и торговых чиновников-агентов, осуществлявших производство и обмен изделиями, в том числе предметами роскоши. Судя по данным источников, в молодости такого рода торговым агентом был и знаменитый позже реформатор Гуань Чжун. С разрастанием количества привилегированного и незанятого в земледелии населения, с увеличением престижного потребления и общей массы избыточного продукта, концентрировавшегося в основном в городах, в чжоуском Китае стала ощущаться тенденция к индивидуализации потребления, к приватизации.

Эта тенденция, наиболее ощутимо проявлявшаяся среди социальных верхов и обслуживавшего их персонала, затронула также и общинное крестьянство, в среде которого

шел процесс имущественного расслоения. Наделы – особенно на вновь освоенных землях – все чаще практически закреплялись за отдельными семьями, владевшими ими из поколения в поколение. Семейно-клановые группы дробились на малые семьи, которым выделялась их доля семейного надела. Если эта доля была мала, семьи, как уже говорилось, переселялись и осваивали новые территории, которые более прочно закреплялись за ними и их потомками. Видимо, этот процесс, шедший в VII–VI вв. до н. э. уже в достаточно широких масштабах, способствовал приватизации, т. е. индивидуализации потребления и частному рыночному обмену произведенной продукцией.

Среди древнекитайских источников, как и древнеиндийских, практически нет столь привычных для ближневосточной древности документов хозяйственной отчетности или юридических сделок, как нет и законодательного регулирования частноправовых и имущественных взаимоотношений, по меньшей мере до периода Хань. Частично это может быть объяснено характером самих отношений, частично – их сравнительно неразвитым уровнем. Может быть, здесь сыграла свою роль общая ориентация древнекитайского общества на этическую норму. Как бы то ни было, но данные об интересующих специалистов экономических процессах крайне лаконичны.

Известно, например, что в ряде чжоуских царств в VI в. до н. э. были проведены важные реформы, суть которых сводилась к изменению характера налогообложения и упорядочению централизованной администрации. По-видимому, основной целью реформ был учет вновь возникавших и, возможно, на первых порах ускользавших от внимания властей свободных от налогообложения земледельческих поселений. Речь шла о том, чтобы всех земледельцев обложить налогом в соответствии с количеством земли, находившейся в распоряжении каждого двора. Известно также, что уже в VI в. до н. э. крестьянская община в большинстве царств привычно делилась на дворы-домохозяйства и измерялась именно числом таких дворов. Этот факт косвенно свидетельствует о том, что дворы в деревне существовали в качестве независимых хозяйств и что одни хозяйства могли быть богаче других. Другими словами, малоземельные могли арендовать излишки у богатых либо батрачить на них. Косвенно о том же говорят встречающиеся в текстах упоминания о необходимости поимки беглых – с их уходом царство теряло тружеников и налогоплательщиков, – о мерах для улучшения условий жизни вдов, сирот, обездоленных (таких проблем в нерасчлененной традиционной патриархальной общине практически не бывает – они возникают с разложением этой общины).

Трансформация чжоуской структуры

Итак, со второй половины Чуныцю, примерно на рубеже VII–VI вв. до н. э., в чжоуском Китае все заметнее становится процесс внутренней трансформации. Этот процесс протекал двумя основными потоками. С одной стороны, как о том только что шла речь, давала о себе знать тенденция к приватизации, тесно связанная с разложением общины. С другой – происходил заметный процесс феодализации, о котором стоит сказать подробнее.

Дело в том, что масштабы дворцовых интриг, нередко приводивших к насильственной смене правителей, а также постоянные междоусобные войны царств и аристократических уделов-кланов не просто создавали обстановку дестабилизации, но и вели к внутреннему ослаблению чжоуских государств. Усиливавшиеся в связи с этим центробежные тенденции становились опасными для дальнейшего существования Китая, что наглядно подтверждалось расширением вмешательства во внутренние дела царств варварских племен, к помощи которых время от времени прибегала то одна, то другая из вовлеченных в конфликты сторон. Реальная власть правителей ослабевала, о чем вскользь уже говорилось в связи с упоминанием о гегемонах: после первых двух остальные претенденты на это звание уже не имели достаточной для него силы. Словом, перед раздробленным и втянутым в постоянные феодального типа междоусобицы Китаем объективно встала жизненно важная задача – преодолеть децентрализацию. И эту задачу первыми поняли и стали всеми средствами пытаться решить правители царств. Главными средствами решения были два.

Первое из них сводилось к укреплению внутренней администрации за счет ослабления уделов. С конца VII и тем более в VI в. до н. э. уделы перестали создаваться. В качестве объекта

пожалования за услуги правители начали прибегать к условным должностным владениям, исчислявшимся точно фиксированным количеством поселений либо дворов-домохозяйств, доход с которых становился жалованьем за службу или наградой за подвиги и успехи. Те земли в царствах, которые находились под непосредственной юрисдикцией правителя, стали превращаться в уезды, управляемые назначенными из центра чиновниками. Система уездов, начало которой было положено в царствах Чу и Цзинь в VII в. до н. э., с VI в. стала общепризнанной. Она начала вводиться и в крупных уделах, а крушение того или иного удела в ходе внутренних усобиц теперь уже неизбежно сопровождалось его расформированием и превращением в группу уездов, подчиненных представителям централизованной администрации. Независимо от того, укреплялась ли власть правителя или дело шло к распаду царства на несколько частей, возглавлявшихся главами наиболее крупных уделов, которые превращались в независимые царства, уделы как таковые отмирали, а основой администрации царств, как старых, так и вновь создававшихся, становилась именно система уездов.

Второе важное средство решения проблемы укрепления централизованной власти сводилось к ослаблению родовой феодальной знати, задававшей тон в удельных усобицах. Этому ослаблению способствовали сами воинственные аристократы, истреблявшие друг друга в бесконечных внутренних войнах. Но важно было не только воспользоваться истреблением знати, владетельных чинов и близких к ним по статусу высокопоставленных да-фу, но также и найти замену им. Ведь нельзя забывать, что именно цины и да-фу занимали все ключевые позиции в управлении царствами, причем именно им, родовой знати, по традиции принадлежало право на важнейшие административные должности. И вот здесь-то и вышли на передний план упоминавшиеся уже служивые-ши, низовой слой чжоуских социальных верхов.

Принимая все чаще и все охотнее на службу этих ши, используя их в качестве чиновников и воинов-офицеров, правители царств открыли для себя преимущество опоры именно на такого рода ши. Ши были наемными работниками, они шли к правителю и верно служили ему, исполняя те должности, на которые он их назначал, и получая то жалованье, которое он им выплачивал, – будь то выдачи из казны или право на налоги с определенного количества поселений или дворов. Заложив основу слоя чиновников и офицеров из числа ши, правители стали со временем опираться именно на него. Представители ши назначались на должности руководителей вновь создававшихся уездов, они же занимали все более видные должности в системе центрального аппарата, вытесняя из него родовую знать. Взаимоистребление и общий упадок родовой знати объективно способствовали сравнительной безболезненности этого медленного процесса замены цингов и да-фу служивыми-ши. Соответственно менялись, а точнее, в известной степени возрождались критерии для оценки заслуг: не родовитость аристократа, а личные заслуги чиновника начали становиться основой для продвижения и успеха. Это вело к укреплению центральной власти и к преодолению феодальной децентрализации. Феодализм как социально-политическая система периода Чунь-цю уходил в прошлое, а дефеодализованная административно-бюрократическая структура выходила на передний план во всех царствах чжоуского Китая.

В стране в целом создавалась принципиально новая политическая ситуация. Складывались условия для объединения царств. Вопрос был теперь в том, как и на какой основе можно объединить Китай, кто это может и должен сделать. Ведь формально продолжал существовать чжоуский ван, сын Неба, владелец мандата. Он все еще возглавлял Поднебесную, хотя не отличался ни особыми достоинствами, ни реальной властью, которую крепко держали в своих руках только что усилившиеся правители царств. Так кто же и каким образом мог объединить страну в этих условиях, да к тому еще и на легитимной основе? Ответы на этот вначале общетеоретический вопрос давались разные. Собственно, именно с поисками наиболее подходящего, оптимального решения генеральной проблемы объединения страны были связаны те процессы, которые с рубежа VI–V вв. стали в центре идейно-философских споров в Китае.

Конфуцианство и легизм

Хотя чжоусцы, как и иньцы, обоготворяли силы природы, во главу которых они

поставили Великое Небо, религиозная система их заметно отличалась не только от древнеиндийской со свойственной ей истовостью религиозного поиска, аскезы и стремления к мокше и нирване, но также и от ближневосточной, где храмы в честь местных богов обычно активно соперничали друг с другом. Для религиозной системы древних китайцев были характерны умеренность и рационализм, минимум мифологии и метафизики и, главное, примат этики перед мистикой, т. е. вполне сознательное подчинение религиозно-мистического начала требованиям социальной этики и административной политики, залогом чего было соединение в руках одних и тех же должностных лиц, начиная с правителей, функций чиновников и жрецов. Такого рода особенности религиозной системы создавали своего рода вакуум в сфере веры с ее эмоциями и жертвенной самоотдачей. Этот вакуум уже в раннежюуском Китае был заполнен культом легендарных героев и мудрецов древности, культом хорошо вознаграждаемой добродетели, олицетворением чего была доктрина о Мандате Неба. Заполнялся вакуум усилиями раннежюуских чиновников-историографов, в чьи функции входило записывать и воспевать деяния мудрых и добродетельных. Результатом деятельности чиновников-граммотеев было создание основы для первых в Китае канонических книг – книги исторических преданий (Шуцзин) и книги народных песен и священных гимнов (Шицзин). Эти книги заложили фундамент древнекитайской мысли, определили характер менталитета китайцев, что не замедлило сыграть свою роль. Когда на рубеже VI–V вв. перед страной стала задача объединения, а поиски решения этой задачи оказались в центре идейных споров, сложившаяся уже в жюуском Китае система социальных, этических и духовных ценностей определила характер и направление поисков, которые шли в русле этики и социальной политики, трезвого рационализма, позже также и бесцеремонного прагматизма.

Первой и наиболее важной для Китая системой взглядов и решения острых проблем оказалось конфуцианство, со временем во многом определившее параметры китайской цивилизации. Конфуций (Кун-цзы, 551–479 гг. до н. э.) был выходцем из слоя ши, и его учение в немалой мере отражало социальные позиции и интересы этого слоя, хотя далеко не только его. Выдвинув в качестве социального идеала эталон благородного цзюнь-цзы, т. е. бескорыстного рыцаря безупречной морали, готового на все во имя истины, обладающего чувством высокого долга (и), гуманности (жэнь), соблюдающего нормы взаимоотношений между людьми (принципы ли) и глубоко почитающего мудрость старших (принцип сыновней почтительности – сяо), Конфуций призвал современников следовать этому идеальному образцу. Предложив начать моральное совершенствование с самого себя, а затем наладить должные отношения в семье («пусть отец будет отцом, а сын – сыном»), Конфуций выдвинул тезис о том, что государство – это та же семья, хотя и большая, и тем самым распространил принципы ли, и, сяо и жэнь на административную практику и государственную политику, в его время весьма далекие от подобных идеалов. Конфуцию принадлежит также идея разумного управления государством, конечной целью которого он видел создание этически безупречного и социально гармоничного общества. Именно для осуществления этой идеи он и готовил в созданной им школе из своих учеников кандидатов на должности чиновников – тех самых мудрых и справедливых конфуцианских чиновников, которые призваны были помочь правителям наладить добродетельное правление и добиться гармонии.

Казалось бы, конфуцианская доктрина не имела шансов на успех. Никто из правителей не принял ее всерьез, а те из учеников философа, кто добился успеха и оказался на службе, не сумел следовать заветам учителя. Известно, что однажды разгневанный этим Конфуций был вынужден даже публично отречься от своего ученика Цю, ставшего министром, но не имевшего возможности вести себя так, как его учили. Но конфуцианцы не пали духом. Взяв на себя после смерти учителя функции воспитателей, просветителей, редакторов древних текстов, включая и заповеди Конфуция, они вслед за ним и такими видными его последователями, как Мэн-цзы (372–289 гг. до н. э.), который выдвинул тезис о праве народа выступать против недобродетельного правителя, с течением времени все же добились того, что стали признанными выразителями древних традиций китайской культуры с ее культом этической нормы и строгим соблюдением принципов социально-семейного старшинства, верностью идеалам и готовностью защищать их до последнего.

Кроме конфуцианства в жюуском Китае в середине I тысячелетия до н. э. существовали и

иные философско-этические доктрины, ведшие поиск примерно в том же направлении, но приходившие к иным результатам. Одним из них был моизм, учение Мо-цзы или Мо Ди (479–400 гг. до н. э.). Многие взяв у конфуцианцев, моисты, однако, выступали за более прагматическое отношение к жизни, за отказ от изживавших себя клановых связей и тем более феодально-аристократических привилегий. Идеалом их было всеобщее братство с одновременным отказом от всех личностных связей и привязанностей и с беспрекословным повиновением власти имущим, на которых возлагались обязанности пастырей. Но моизм с его пренебрежением к традициям, с его прагматическими требованиями отказа от дорогостоящих, но привычных людям обрядов (похороны, траур, праздники) не получил поддержки простых людей – его приверженцами оказались группы суровых аскетов, стремившихся делать добрые дела, но отпугивавших своим видом и поведением людей. В отличие от конфуцианства моизм, несмотря на заложенные в его учении немалые потенции, не достиг успеха, хотя временами, судя по тревожным отзывам Мэн-цзы, имел немалое распространение.

Еще одна из доктрин, вышедшая на авансцену идейной жизни чжоуского Китая сравнительно поздно, примерно в IV в. до н. э., – это даосизм, учение о Великом Абсолюте, Дао. Предтечей учения считается легендарный Лао-цзы, живший будто бы примерно одновременно с Конфуцием, но не оставивший следов в историографической традиции (до сих пор больше оснований считать, что это не реально существовавшая личность, а созданный позже самими даосами, прежде всего философом Чжуан-цзы, миф). Учение даосов, отраженное в ряде позднечжоуских трактатов, сводилось к призывам следовать Абсолюту, сливаться с природой и избегать всего искусственного, нарочитого, связанного с культурой, противопоставленной естественному. Одним из важных принципов даосов было недеяние (у-вэй), т. е. умение в соответствии с ходом вещей наладить жизнь таким образом, чтобы все шло должным путем, но без активного вмешательства человека. Методом увэй даосы предлагали руководствоваться едва ли не во всех случаях жизни, будь то отношение к природе, к людям, даже управление государством. Уход от мира к природе связывался у даосов с возможностью обретения долгих лет жизни и даже бессмертия – именно в этом пункте древний философский даосизм со временем, в эпоху Хань, достаточно явственно трансформировался в даосизм религиозный с его поисками бессмертия, божествами, героями, гаданиями, предсказаниями и т. п. Даосы и близкие к ним школы натурфилософов обстоятельно разработали идею инь-ян, сводившуюся к противопоставлению и постоянному благотворному взаимодействию мужского (ян) и женского (инь) начал. Впрочем, из сказанного видно, что даосизм, как и моизм, не был доктриной, которая могла бы претендовать на широкое признание и тем более влияние в правящих кругах. Если не считать конфуцианства, то наиболее политически влиятельной из философских доктрин чжоуского Китая следует считать учение легистов, школу фа-цзя.

Предтечей легизма, его первым видным представителем считается Гуань Чжун, с именем которого связывается представление о первых серьезных реформах, направленных на укрепление власти правителей царств. К стану легистов обычно причисляют всех видных министров-реформаторов чжоуского Китая. Культ закона, точнее, административных распоряжений осуществляющего централизованную власть правителя – вот основной тезис легизма. Не опора на мятежную феодальную знать, столь склонную к смутам, но создание хорошо налаженной бюрократической машины – основной метод создания сильной власти. Четкие предписания, выполнение которых хорошо вознаграждается, а также предостережения, невнимание к которым сурово наказывается, – вот средства поддержания авторитета власти. Существенно также то, что легисты видели в качестве противника сильной власти не только поверженную уже знать, но и поднимавшего голову частного собственника, строгий контроль над деятельностью которого был едва ли не главной задачей правительства и состоявших у него на службе чиновников.

Именно легизм оказался той доктриной, которая в условиях чжоуского Китая наиболее последовательно выразила интересы централизованного государства. Неудивительно поэтому, что прежде всего за счет усилий министров-реформаторов легистского толка, которых нанимали из числа ши, странствовавших по различным царствам и предлагавших свои услуги правителям, централизованная администрация в основных царствах чжоуского Китая достигла

важных успехов. Усилившиеся за счет реформ легистского типа наиболее крупные царства в борьбе друг с другом практически решали задачу объединения Китая. Эта борьба и дала имя последнему историческому периоду эпохи Чжоу.

Период Чжаньго («Борющиеся царства», V–III вв. до н. э.)

Чжаньго был периодом завершения трансформации чжоуского общества. Это было время серьезных сдвигов во всех сферах жизни Китая, от производительных сил до идейных споров, от ведения войн до заселения окраин. Именно в период Чжаньго окончательно отработывалась та модель общества и государства, которая более других претендовала на универсальность. На первых порах эта модель, как упоминалось, была легистской. Тому был ряд причин.

Прежде всего, очень важно обратить внимание на то, что с V и особенно в IV–III вв. до н. э. Китай вступил в железный век. Широко распространилась проникшая в страну, может быть не без влияния извне, практика выделки железа и изготовления железных орудий труда, благодаря повсеместному применению которых резко возросла производительность труда и увеличились возможности человека. Железные орудия позволили обрабатывать новые земли, быстро возводить необходимые ирригационные сооружения, изготавливать многие ремесленные товары для рынка и, что весьма немаловажно в условиях почти постоянных войн, они буквально революционизировали армию. Боевые колесницы эпохи бронзы вместе с их аристократическими владельцами ушли в прошлое, роль их в сражениях резко уменьшилась. На смену колесницам пришла хорошо вооруженная пехота, а затем и конница. И хотя основные виды оружия продолжали изготавливать из бронзы, железо удешевило войну и превратило ее в дело многих. На смену войнам, в которых участвовали тысячи, редко десятки тысяч, в Чжаньго пришли сражения с участием многих десятков и сотен тысяч. К слову, это оказало воздействие не только на масштаб, но и на характер войны, сильно способствовало развитию военной стратегии и тактики, что нашло отражение в трактатах о военном искусстве, высоко чтимых профессионалами вплоть до наших дней.

Совершенствование железоделания, наряду с общим и быстрым подъемом производства, освоением новых земель, увеличением производительного населения, развитием ремесла, торговли, товарно-денежных связей способствовало завершению процесса приватизации. Возрастали количество работающих на заказ и на рынок мастеров, объем пущенных в оборот денег, расцветала торговля, вслед за ней – операции по кредиту, ростовщичество. Проникновение всего этого в деревню способствовало дальнейшему разложению общины, в которой достаточно широко стали применяться аренда, наемный труд, даже кабальное долговое рабство, включая самопродажу или продажу членов семьи, прежде всего детей, за долги.

Стало заметным развитие рабства. Если прежде рабы были немногочисленны и происходили в основном из числа поработанных иноплеменников, то теперь наряду с ними появились рабы из числа самих чжоусцев, причем к их числу относились не только кабальные должники, но также и преступники типа каторжников, принадлежавшие государству и использовавшиеся на тяжелых работах. Хотя рабов всех категорий по сравнению с остальным населением было совсем немного, они, равно как и сфера применения рабского труда (рабов уже использовали в качестве рабочей силы в разбогатевших частных хозяйствах), стали заметным фактором древнекитайской жизни.

Прцветание частного сектора в условиях краха системы привилегий титулованной наследственной знати дефеодализованного чжоуского Китая, в условиях возрождения принципа меритократии, связанного с возвышением слоя ши, вело к тому, что простолюдины в ряде случаев начинали выбиваться наверх, играть важную роль в обществе. Они порой становились богаче и влиятельнее князей – этот феномен удивлял и беспокоил многих в Китае во второй половине I тысячелетия до н. э., как о том можно судить по данным разных источников. И беспокойство такого рода было достаточно обоснованным: на смену старой наследственной знати шли процветающие собственники, которые быстро и явно богатели в то самое время, когда казна воюющих друг с другом царств была пуста или почти пуста. Не говоря уже о непривычности ситуации, не соответствовавшей традиционной норме, создавалось явное противоречие между объективной тенденцией социально-экономического процесса

(процветание частного собственника в богатейшей феодализованной структуре) и субъективными устремлениями правителей, нуждавшихся в строгом контроле над подданными во имя интересов казны. Нужны были срочные реформы, целью которых должно было стать усиление централизованной администрации в новых экономических условиях, с учетом всех изменений. Естественно, что наилучшим образом могли учесть все необходимые изменения именно реформаторы-легисты с их ставкой на строгие административные предписания, жесткий контроль, дисциплину и стремлением поставить разбогатевшего в неземледельческой сфере частного собственника на место.

Период Чжаньго в политической истории Китая был временем сосуществования и междоусобной борьбы семи крупнейших царств – мелкие и ослабевшие уже не шли в счет. К этим семи, кроме трех новых царств (Вэй¹⁹, Чжао и Хань, на которые распалось некогда крупнейшее царство Цзинь), относились также Цинь, Ци, Янь и Чу. В большинстве из них в период Чжаньго были проведены реформы легистского типа. Но наиболее полно и радикально такие реформы были осуществлены в Цинь в середине IV в. до н. э. знаменитым теоретиком легизма министром-реформатором Шан Яном.

В окраинном и в недавнем прошлом полуварварском царстве Цинь позиции наследственной знати были слабее, чем где-либо. Но и традиций централизованной власти там практически не было. Нужно было все создавать заново. Вот почему, когда представитель легистов из числа странствующих ши, выходец из царства Вэй (где он не был признан и его заслугами не пожелали воспользоваться), некий Вэй Ян – в будущем Шан Ян – прибыл в Цинь, правитель этого царства Сяо-гун внимательно его выслушал и взял к себе на службу. Следуя своему основному тезису, согласно которому главное для процветания осударства – это успехи в земледелии и военном деле, новый министр начал свои реформы именно с этих сфер.

Суть первого тура реформ (356 г. до н. э.) сводилась прежде всего к строгой регламентации общинного землепользования. Под угрозой двойного налогообложения большие семьи должны были быть разделены на малые, каждой из которых следовало обзавестись собственным хозяйством. Для того чтобы эти семьи исправно вели свое хозяйство, Шан Ян создал систему круговой поруки: дворы были объединены в пятки и десятки, в рамках которых все жители Цинь были обязаны следить друг за другом и отвечать друг за друга. Кроме того, Шан Ян широко открыл двери для иммигрантов из других царств, где земли было мало, а людей много, предложив им на выгодных условиях осваивать годные для земледелия циньские территории с тем, чтобы за этот счет пополнить казенные амбары и без ущерба для казны высвободить часть циньцев для укрепления армии. Что касается военного дела, то Шан Ян резко повысил его престижность, предоставив награды и социальные ранги тем, кто имел воинские заслуги. И наоборот, тем из аристократов, кто таковых не имел, пригрозил исключением из числа знати. Отменив все прежние привилегии, связанные с происхождением и знатностью, реформатор ввел новую систему социальных рангов, которые присваивались любому за его заслуги, прежде всего военные, и получение которых, начиная с определенного уровня, влекло за собой льготы и привилегии, вплоть до права на должностное владение и доход с него.

С особой суровостью Шан Ян обрушился на тех, кто не был занят в земледелии и не воевал, прежде всего на получавших выгоду из второстепенных занятий, к каковым причислялись ремесло и торговля. Речь не шла о ремесленном производстве либо торговом обмене как таковых – общество без этого обойтись уже не могло. Имелись в виду чрезмерно разбогатевшие собственники-стяжатели. Угрожая им наказанием, вплоть до порабощения, Шан Ян ставил целью запугать представителей частного сектора и поставить их под строгий контроль власти, для чего, в частности, им был применен своеобразный механизм экспроприации: запуганным богачам-стяжателям предоставлялась возможность несколько повысить статус и избежать неприятностей при условии приобретения ими социального ранга, который можно было купить за весьма немалый взнос.

В 350 г. до н. э. начался второй тур реформ. Все царство было разделено на управляемые

¹⁹ Это второе царство Вэй, новое, обозначаемое иным иероглифом

чиновниками уезды (они существовали и ранее, но теперь это была новая схема, с обязательным новым членением). Была унифицирована система мер и весов, закреплены за крестьянами их наделы. И хотя эта последняя реформа объективно создавала определенные условия для появления в деревне богатых и бедных и тем самым для укрепления позиций частных собственников, едва ли есть основания преувеличивать роль этого объективного процесса, протекавшего и до реформ. Гораздо важнее было то, что теперь все, включая и положение богача-частника, было под строгим контролем властей, бдительно следивших за тем, чтобы излишние накопления, не задерживаясь в амбарах богатых, посредством механизма экспроприации шли в казну.

Реформы Шан Яна оказались оптимальным решением сложных проблем. При их посредстве царство Цинь, несмотря на трагичную судьбу самого реформатора (он был четвертован, как только власть перешла к ненавидевшему его наследнику), сумело быстрыми темпами достичь успеха как в сфере экономики и социальных отношений, так и в политике, особенно в войнах с соседями. Стоит заметить, что даже знаменитый конфуцианец III в. до н. э. Сюнь-цзы, в молодости побывавший в Цинь, не смог удержаться от того, чтобы отметить успехи реформ легиста Шан Яна. Видимо, это не в последнюю очередь определило взгляды и самого Сюнь-цзы, учение которого по ряду пунктов сблизилось с легизмом, а наиболее известные ученики которого – Хань Фэй-цзы и Ли Сы – оказались в конечном счете легистами.

Политическая история периода Чжаньго протекала на фоне описанных выше сложных внутренних процессов и в прямой зависимости от них. Соперничавшие друг с другом царства вели между собой ожесточенные и порой весьма жестокие войны. Постепенно перекраивалась карта страны, на передний край выходили наиболее могущественные государства, одним из которых было реформированное Шан Яном царство Цинь.

Обеспокоенные быстрым ростом мощи этого царства, остальные шесть попытались было создать коалицию против него. Вся вторая половина Чжаньго прошла под знаком искусной дипломатии, наивысший расцвет которой пришелся на годы активной деятельности двух известных дипломатов, Чжан И и Су Циня, выходцев из одной и той же школы (такого рода школ философской и политической мысли в Чжаньго, как о том уже говорилось в связи с конфуцианством, моизмом и даосизмом, было достаточно много: традиция повествует о «ста школах», т. е. о многих соперничавших учениях, организациях, группах).

Начало оживленной дипломатической деятельности положили поездки Су Циня к правителям ряда царств с целью создать вертикальную коалицию царств (с севера на юг) против западного их соседа Цинь. Однако реализации этого опасного для Цинь плана помешали искусные интриги циньцев, которые прибегли к помощи Чжан И, посланного в некоторые из царств с целью продемонстрировать несостоятельность планов Су Циня и попытаться создать иную, горизонтальную коалицию царств (с востока на запад) против южного Чу. Результатом деятельности обоих дипломатов была взаимная нейтрализация их планов, отчего выгадало царство Цинь. Присоединив одно за другим соседние царства, Цинь к середине III в. до н. э. оказалось лицом к лицу лишь с одним грозным соперником – с Чу. И здесь сыграла свою роль умелая политика правителя Цинь Ин Чжэна, будущего императора Цинь Ши-хуанди, который сумел довести до победного конца борьбу за гегемонию и в 221 г. до н. э. завершил объединение Китая под своей властью.

Империя Цинь (221–207 гг. до н. э.)

Создание империи было логическим завершением сложного и длительного процесса усиления интегрирующих центростремительных тенденций в ведущих чжоуских царствах. Этот процесс во многом был стимулирован активной деятельностью реформаторов-легистов, выступавших как против центробежных тенденций наследственной знати, так и против ослаблявших централизованную структуру деятельности частных собственников, «стяжателей», рыцарей «второстепенных» занятий (по определению Шан Яна). Под знаменем легизма, теория которого была обстоятельно разработана в разных вариантах, включая искусство администрации Шэнь Бухая и всеобъемлющую концепцию Хань Фэй-цзы, стало осуществляться создание новой империи, ее основных принципов и институтов. В частности,

именно эта задача выпала на долю главного министра и помощника нового императора легиста Ли Сы, перед которым после завоевания встала проблема организации эффективной администрации в рамках огромной империи, состоявшей из различных по развитию и традициям частей.

Объединив древнекитайские царства, руководители империи сделали все, чтобы ослабить центробежные силы и тенденции. В 221 г. до н. э. по указу императора у всего населения страны было конфисковано оружие, из которого было приказано отлить колокола и массивные бронзовые статуи. Около 120 тыс. семей наследственной знати из различных царств было переселено в новую столицу империи Сяньян с тем, чтобы оторвать их от родных корней и разместить поближе к императору. Вся огромная страна была заново разграничена на 36 крупных областей, очертания которых не совпадали с рамками прежних царств и княжеств. Во главе каждой области были поставлены губернаторы. Области были разделены на уезды с уездными начальниками, а уезды – на волости, каждая из которых включала в себя по несколько десятков деревень. На деревенском и, видимо, волостном уровнях власть была в руках представителей общинной администрации, сотрудничавшей с начальником уезда и обеспечивавшей выполнение приказов центра, взимание податей, организацию необходимых работ, осуществлявшихся в порядке трудовой повинности.

Большое внимание было уделено организации центральной администрации. Во главе империи в качестве ближайших помощников императора стояли два министра, один из которых (Ли Сы) играл главную роль. Этим министрам подчинялось несколько центральных ведомств, имевших соответствующие подразделения в областях. Так, главе военного ведомства подчинялись военачальники областей и большой штат чиновников центрального аппарата, организованных в отделы и департаменты. Примерно такой же была и структура других ведомств – финансов, царско-государственного хозяйства, судебное, обрядовое и некоторые другие, включая верховную прокуратуру, осуществлявшую централизованный надзор за всеми ведомствами и личным составом аппарата администрации по всей стране. В областях административный аппарат имел, таким образом, двойное подчинение – губернатору и соответствующему ведомству центра. При этом, однако, наиболее видное положение среди областных чиновников занимал – после губернатора – военный начальник. Все упомянутые чиновники и все лица, стоявшие ниже их, строго различались своим местом в системе не только должностей, но и рангов. Существовало 20 рангов, первые 8 из которых могли иметь простолюдины, получавшие их в зависимости от возраста, социально-семейного положения и заслуг (в какой-то мере это соответствовало традиционной ранговой структуре в общинах), а также путем покупки или в награду. Остальные, вплоть до самых высших, 19–20-го, обладателей которых в империи насчитывались единицы, были чиновничьими рангами, дававшимися за службу и заслуги.

В строгом соответствии с принципами легизма была до предела централизована редиистрибутивная система империи. Все многочисленные чиновники, вплоть до самых высших, получали за свой труд твердо фиксированное жалованье из государственных хранилищ, чаще всего натурой, в виде определенного и зависевшего от должности и ранга количества зерна. Лишь считанные представители 19–20-го рангов имели право на кормления, т. е. на взимание налогов с крестьян определенной пожалованной им в условное владение территории, но при этом административной власти в рамках этой территории они не имели, их права там ограничивались взиманием налогового сбора. Строго централизовано и хорошо организована была и система разнообразных и весьма тяжелых государственных повинностей, будь то гигантские строительные работы, обязанность снабжать армию, возить продовольствие и снаряжение, участвовать в общественных работах на местах и т. п. Была также реорганизована и унифицирована система мер и весов, создана общеимперская упрощенная система письма, на всю страну распространен учрежденный еще Шан Яном принцип круговой поруки. Этот последний приобрел даже более расширенное толкование, чем прежде: он касался теперь не только крестьян, но также и рекомендовавших кого-либо на должность чиновников, что ограничивало nepотизм, т. е. стремление пристроить к выгодному месту бездарного и неспособного родича или приятеля.

Руководство империи не выступило резко против частных собственников. В отличие от

Шан Яна, Ли Сы понимал неизбежность и неотвратимость их появления, но делал при этом все, чтобы ограничить поле их деятельности и взять их под строгий контроль центра. Была унифицирована монета, выплавка которой стала государственной монополией, разрешены откуп от повинностей, подчас и наказаний, а также покупка рангов, дабы лишние доходы собственников текли в казну. Часть наиболее зажиточных торговцев была переселена с их родных мест; крупные откупщики, занимавшиеся солеварением, железоплавильным делом и иными промыслами, находились под контролем власти. Кроме того, государство содержало сеть больших казенных мастерских, на которых в порядке отбывания повинностей либо по приговорам суда (государственное рабство преступников), а также по найму работали ремесленники, в том числе и владельцы частных мастерских. На крупных частных предприятиях работал примерно тот же контингент – ремесленники, наемники, рабы различных категорий, включая и долговых, кабальных.

Весьма жесткой была система легистского законодательства, вплоть до уничтожения всех родственников преступника по трем линиям родства – отца, матери и жены – за особо тяжкие преступления. За менее тяжкие грозило физическое калечение либо государственное рабство.

Следует сказать, что вся описанная система реформ и нововведений в целом дала немалый эффект, причем весьма быстрый. Строго организованное на основе принципов казарменной муштры государство сумело за короткий срок осуществить ряд грандиозных проектов. Для защиты от кочевников севера была выстроена Великая стена – одно из грандиознейших чудес света. Хотя кое-где валы на северных границах чжоуских царств существовали и прежде, в целом гигантская стена на многие тысячи километров была выстроена именно при Цинь Ши-хуанди. Миллионы мобилизованных крестьян в труднейших условиях строили это сооружение с башнями и проходами, причем строили прочно, надежно, на века и тысячелетия: по верхней плоскости стены между ее наружными и внутренними зубцами можно было бы проехать на колеснице. Естественно, что это строительство обошлось во многие сотни тысяч жизней.

Грандиозным было и строительство столицы с ее колоссальным дворцовым комплексом Эфангун, не говоря уже о сооружении императорской гробницы, о которой источники рассказывают чудеса. Как известно, раскопки этой гробницы еще не производились, хотя вокруг нее уже были обнаружены археологами сотни и тысячи сделанных из керамики всадников, рядами поставленных рядом с гробницей и, видимо, являвших собой портретные изображения императорской гвардии телохранителей (ни один из всадников обликом не похож на остальных). Было также сооружено несколько стратегических дорог (чидао), связавших столицу с окраинами империи, причем император лично совершал по этим дорогам инспекционные поездки, о чем свидетельствуют стелы с соответствующими надписями. Успешные войны на севере позволили оттеснить гуннов (сюнну) за Великую стену. Походы на юг привели к присоединению к империи значительных территорий племен юэ, в том числе и северной части современного Вьетнама.

Очевидный военный и экономический эффект легистских реформ и всей деспотически организованной казарменной администрации Цинь был достигнут за счет крайнего истощения людских ресурсов. Народ стонал от тяжести взваленной на него ноши. Бежавших от повинностей ловили и наказывали, роптавших наказывали тоже. Хорошо известно, что в 213 г. до н. э. были сожжены те древние тексты, на которые, как на живой укор императору, не считавшемуся с древними традициями, настойчиво ссылались недовольные. 460 наиболее видных оппозиционеров, в основном конфуцианцев, были казнены (закопаны живьем). На императора дважды (в 218 и 216 гг.) совершались покушения, так что остаток жизни Цинь Ши-хуанди провел в страхе, стараясь не ночевать в одном дворце более одной ночи и не извещая заранее, где он намерен провести эту ночь.

Император умер в 210 г. до н. э., а уже в августе 209 г. началось восстание против введенных им в стране порядков. Непопулярный и слабый Эр Ши-хуанди не смог противостоять взрыву народного возмущения. Повстанческое движение ширилось, охватив вскоре всю страну. В 207 г. до н. э. династия Цинь пала. Началась ожесточенная борьба предводителей восставших за власть, в ходе которой одолел своих противников и вышел на передний план крестьянин Лю Бан, который в 202 г. до н. э. провозгласил себя императором

новой династии – Хань.

* * *

Древнекитайский вариант становления государственности завершает собой логический ряд политических образований и социально-цивилизационных феноменов, складывавшихся на Востоке в глубокой древности. Отличия его очевидны: здесь и весьма скромные позиции религии, и преобладание рационального осмысления жизненных ситуаций с выдвиганием на передний план этической нормы, и едва ли не наиболее яркий на Востоке расцвет феномена феодализма со всеми присущими этому, казалось бы, средневеково-европейскому феномену привычными аксессуарами, и представленное в своем наиболее наглядном виде откровенное противостояние сильного государства нарочито ослабленному частному собственнику, и многое другое.

Специфика, о которой идет речь, не случайна. Напротив, все ее элементы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Обратим внимание хотя бы на отсутствие хорошо разработанной системы царско-храмовых хозяйств, столь характерной для ближневосточной древности, где она исстари опиралась на храмы в честь почитаемых богов и тем самым являла собой нечто, вознесенное выше уровня общины. Выступавшая в качестве ее эквивалента система больших полей, в том числе ритуальных, урожай с которых предназначался для жертвоприношений, оказалась лишенной высшей сакральной санкции и не сумела поэтому стать основой механизма централизованной редистрибуции в условиях, когда складывалось крупное государство – Западное Чжоу. Это способствовало децентрализации и феодализации чжоуского Китая, занявшим около полутысячелетия. Неудивительно, что в возникшем на этой основе и после этого фактически заново сильном централизованном государстве за основу был принят легистский тезис о приоритете сильной центральной власти, имперского принципа администрации. И хотя легизм в его чистом виде оказался чересчур жесткой для Китая структурой, сама имперская идея на два тысячелетия с лишним определила будущее страны.

Глава 13

Древний Восток: государство и общество

Знакомство с важнейшими событиями древневосточной истории, с судьбами многочисленных древних обществ и государств дает немало материала для социологического и антропологического анализа, для размышлений историко-философского (историософского) характера. Анализ и размышления такого рода в наше время весьма важны и актуальны, ибо для специалистов ныне уже совершенно очевидно, что эвристические потенции до недавнего времени господствовавшей в отечественной историографии пятичленной схемы формации явно исчерпаны: мир не укладывается в примитивную истматовскую схему, сконструированную на рубеже 20–30-х годов нашего века. К основным недостаткам пятичленной концепции (первобытность – рабовладение – феодализм – капитализм – социализм) относятся не только безосновательный приоритет, отданный марксистскому социализму, но и явное невнимание к особенностям развития в неевропейском мире, и в частности к историческому процессу на Востоке, как древнем, так и современном. Видимое удобство схемы, ее простота и доступность для любого на деле лишь мешает увидеть реалии мировой истории.

В чем же эти реалии, что в первую очередь бросается в глаза при самом общем, ретроспективном взгляде на Восток в древности – на его долгую историю, столь богатую различного рода событиями, на его экономические принципы существования, от форм ведения хозяйства до форм извлечения избыточного продукта и его редистрибуции, на особенности его едва вышедшей из первобытности социальной структуры с ее общинными традициями и явственной тягой к корпоративности, на религиозные идеи и связанные с ними социальные ценности, нормы бытия и поведения, установочные стереотипы мышления и восприятия мира, наконец, на свойственную ему систему политической администрации, столь привычно воспринимаемую, особенно на фоне свобод античного мира, в качестве «восточной деспотии»?

Что здесь подтверждаемая фактами реальность и что – миф, связанный с априорными постулатами типа «рабовладельческой» формации? И наконец, – а это особенно важно для данной книги, – что из древневосточного наследия сохранилось и составило фундамент всего так называемого традиционного Востока, еще далеко не отошедшего в прошлое и в наши дни, и что было характерно только для древности и ушло в прошлое вместе с ней?

Вопросов подобного типа можно поставить достаточно много, но все они в конечном счете фокусируются в одной точке: в чем сущность отношений, сформировавшихся в складывавшихся на основе общинной первобытности древневосточных обществах, и как эти отношения вписывались в традиционный характер власти и определяли типичные формы господства и подчинения. Иными словами, как реалии древневосточной истории сочетаются с высказанным и обоснованным в начале книги тезисом о господстве принципа власти-собственности и централизованной редиистрибуции в неевропейском мире, и в частности на Востоке? Как конкретно проявил себя этот генеральный принцип в его наиболее ранней древневосточной модификации?

Формы ведения хозяйства

До начала процесса приватизации во всех ранних государствах и протогосударствах существовала лишь одна форма ведения хозяйства, которую можно было бы назвать общинно-государственной. Корни ее восходят по меньшей мере к неолитической революции (в некоторых отношениях уходят много глубже), а сущность вкратце сводится к тому, что коллектив производителей, земледельцев и скотоводов, традиционно относится к средствам производства и ресурсам как к своим, т. е. владеет ими, тогда как распоряжается этим общим достоянием от имени коллектива его глава, от старшего в семье и клане или старейшины общины до племенного вождя и государя. В ранних государствах в зависимости от обстоятельств этот генеральный тип хозяйства варьирует, порождает ряд модификаций. Так, в Египте необходимость строгого регулирования сельскохозяйственного процесса уже на самом раннем этапе существования государства привела к тому, что общинная структура едва ли не полностью растворилась в централизованно-государственной, храмовой форме ведения хозяйства. В Индии, напротив, исторический ход развития, связанный с социально определяющей и регулирующей ролью варново-кастовой системы, вел к возникновению исключительно прочной и внутренне саморегулирующейся общины, автономное функционирование которой делало ненужным разветвленный аппарат администрации. Эти две модификации – своего рода крайность, полюса, между которыми находились все остальные, от шумерской до китайской, в которых обычно достаточно гармонично сочетались общинные формы хозяйства с государственными (в форме обработки больших казенных полей в Китае или храмовых земель на Ближнем Востоке). В целом, однако, речь идет именно о модификациях единой формы хозяйства.

Единство этой генеральной формы в том, что земледельцы имеют наследственно гарантированное право и обязанность обработки земли и использования нужных им ресурсов, от воды и пастбищ до леса, рыбы, дичи и т. п. В то же время право владения и распоряжения землей и ресурсами, постепенно трансформирующееся в право собственности (власти-собственности), находится в руках оторванного от производства пищи аппарата власти, от храма до государства. Материальным выражением признания этого права является выплата коллективом производителей избыточного продукта представителям власти. Эти выплаты могут иметь различную форму (труд представителей коллектива на общих полях или полях храма; выделение части или определенного фиксированного количества урожая; отработки типа трудовой повинности и т. п., вплоть до казарменно-коммунистических структур), но в любом случае политэкономически представляют собой ренту-налог, за счет редиистрибуции которой только и могло существовать неевропейское государство.

Выплаты в казну, т. е. рента-налог во всех ее формах с последующей ее редиистрибуцией, – это не только материальное выражение факта существования высшего права и генерального принципа власти-собственности, но также и та материальная основа, на которой существует и само государство как система институтов, и все развитое общество, уже достаточно прочно

базирующееся на основе постоянного обмена деятельностью, т. е. общество, состоящее как из земледельцев, так и из ремесленников, жрецов, администраторов, воинов, необходимой сферы обслуживания (слуги и рабы) и т. п. Каждая из этих категорий лиц делает свое дело и необходима для нормального функционирования усложненного общества и государства. Каждая из них вносит свой вклад в существование такого общества и каждая получает за это необходимые средства для существования. И хотя и вклады, и средства зависят от степени значимости труда той или иной категории лиц, так что о равенстве внесенных вкладов и полученного взамен эквивалента речи нет (и по количеству, и по качеству труда люди в сколько-нибудь развитом обществе всегда различались, различаются и будут различаться), в то же время нет еще оснований говорить об эксплуатации одних другими. Речь пока идет только о взаимном обмене деятельностью и, можно добавить, взаимовыгодном для всех обмене, ибо в конечном счете гарантируется стабильность существования, что само по себе, как и духовный комфорт, стоит немало. Такой взаимообмен в рамках вынужденного сосуществования при исторически сложившейся форме хозяйства был необходим структуре в целом.

Процесс приватизации, в различных древних обществах протекавший по-разному и даже в разное время (в Шумере весьма рано, в Египте сравнительно поздно, в Индии достаточно вяло, в Китае весьма энергично), внес немало изменений в экономику. Наряду со старыми формами ведения хозяйства появились новые, принципиально иные, основанные на частной собственности и рыночном обмене, знакомые с товарно-денежными отношениями и способствовавшие обогащению отдельных лиц и групп населения. Речь идет о частной земельной аренде, наемном труде, о работе производителей, прежде всего ремесленников, на рынок и на заказ, о купле-продаже и игре на разнице цен, наконец, о ростовщичестве, долговой кабале и т. п. Здесь, в этой сфере хозяйства, всегда доминировал свой закон: имущий противостоит неимущему и использует его труд. Как же стали сочетаться и сосуществовать обе сферы, обе формы ведения хозяйства?

В принципе все происходило достаточно гармонично, хотя порой и по-разному, в зависимости от обстоятельств. Так, например, индийская община легко и безболезненно приспособилась к такому сосуществованию. Сочетание элементов частнособственнического хозяйства с традиционными отношениями, освященными варново-кастовыми нормами, привело к формированию той весьма специфической внутриобщинной системы взаимных услуг, которая в науке получила наименование джаджмани. Приспособилась к новым условиям и традиционная китайская община, где аренда и найм стали привычной нормой, как, впрочем, и долговое рабство, ростовщичество. Болезненно шел процесс в ряде обществ Ближнего Востока, особенно в Египте. Но в конечном счете приспособились и они. К сказанному стоит добавить, что основной сферой новой формы хозяйства стал город – средоточие ремесла и торговли, место обитания богатых к знатных особенно причастных к власти.

Дело в том, что процесс приватизации, приведший к формированию новых форм ведения хозяйства, едва ли не в первую очередь затронул социальные верхи, власть имущих. Эффект престижного потребления был мощным стимулом быстрого развития приватизации и связанных с ней форм личного обогащения, к чему верхи стремились в первую очередь. Не только весь избыточный продукт земледельцев стекался в города, где он после редистрибуции почти целиком и оставался. В городах концентрировался также и избыточный продукт ремесленников. Здесь же сооружались монументальные строения – плод тяжелого труда привлеченного к повинностям населения. Ну и, конечно, в городах оседала немалая доля того продукта и труда, который изымался в сфере частнособственнического хозяйства и шел в карманы богатеющих собственников – основная часть их тоже жила в городах. Как известно, многие из больших городов со временем превратились, как например Вавилон, в признанные центры мировой транзитной торговли, для обслуживания нужд которой там существовали многочисленные торговые дома, кредитные конторы и т. п.

Если говорить о более специфических формах ведения хозяйства в древневосточных обществах, то одной из них со временем (примерно со II тысячелетия до н. э.) стало кочевое скотоводство. Суть этой формы мало отличалась от земледельческой – те же формы владения и пользования, но не только землей, т. е. пастбищами, или ресурсами, главным образом, источниками воды, но также и самим скотом. Однако существовала и жесткая специфика:

кочевые общества были слабо развитыми, находились в основном на стадии протогосударства и нуждались в постоянном взаимобмене продуктами с оседлыми. Этот последний важный фактор сыграл существенную роль в исторических событиях: вспомним массивные волны аравийских кочевников – амореев, арамеюв и др., захлестывавшие время от времени очаги ближневосточной цивилизации. Впрочем, оседаю, кочевники обычно быстро трансформировались в земледельцев, а их первоначальные зоны обитания занимали другие племена, за счет которых потенциально формировались новые волны.

Принципы социальной структуры

В результате сложения первых очагов урбанистической цивилизации и последующего достаточно быстрого процесса формирования протогосударств и ранних государств, укрупнения социальных организмов за счет усложнения их внутренней структуры появился новый тип общества, который в марксистской историографии привычно именуют классовым. Для всех нас этот термин удобен и понятен. Но соответствует ли он реальности? Иными словами, не нуждается ли он в таком количестве оговорок, которые лишают его практически права на широкое применение? И наоборот, не ведет ли широкое и безоговорочное применение этого термина к тому, что в сознании читателя невольно происходят весьма прямолинейные ассоциации: раз классовое общество, стало быть, ведущую роль в нем играют классы; классы в классовом обществе – прежде всего антагонистические, следовательно, можно вести речь о классовых антагонизмах и классовой борьбе; а коль скоро так, то что может быть лучше, чем устоявшееся представление о рабах и рабовладельцах в антагонистическом рабовладельческом обществе?

Как свидетельствуют многие факты и как это сейчас уже практически признано специалистами, процесс генезиса социального, правового и имущественного неравенства был связан не с классовообразованием, а с политогенезом, т. е. возникновением государства. Именно протогосударство и раннее государство со всеми его атрибутами (институт власти-собственности, рента-налог и централизованная редистрибуция и др.) не просто обслуживали все возраставшие и усложнявшиеся потребности цивилизующегося общества, но и способствовали формированию новых социальных слоев, т. е. тех категорий и групп людей, которые призваны были выполнять те или иные социальные функции укрупнявшегося социального организма.

Что же представляли собой эти группы и категории людей, по какому принципу они формировались? Следует заметить, что критерии для их вычленения были разными. Здесь играли свою роль и место в процессе производства (земледельцы, ремесленники, руководители и организаторы различных форм коллективного труда), и характер деятельности (производители, администраторы, воины, жрецы, слуги-рабы), и отношение к системе налогообложения и редистрибуции (обязанность вносить налоги, право существовать за счет этих налогов), и некоторые другие моменты, в частности этноправовые (принадлежность к господствующему, союзному либо чуждому этносу). В наиболее четкой и доведенной до логического конца форме социальные слои формировавшегося государства нашли отражение в раннеиндийской системе варн с ее четырьмя основными разрядами: администраторы и воины; жрецы; производители; неполноправные и слуги-рабы. Но примерно те же основные слои, пусть не в столь жестко очерченном виде, фиксируются и во всех остальных ранних древневосточных обществах, будь то Египет, Западная Азия или Китай.

Исторически наиболее ранним было определение социальных групп и выделение социальных слоев в рамках данной этносоциальной общности на основе места в структуре власти, форм деятельности и способа получения средств для существования. Именно так обособлялись слои земледельцев и ремесленников, администраторов, жрецов и воинов. Обычно такого рода группы были замкнутыми наследственными корпорациями, в пределах которых опыт, навыки и тайны ремесла передавались от поколения к поколению, что, естественно, оттачивало мастерство специалистов. И далеко не случайно такая корпоративность привела индийцев к варнам. Но даже в древней Индии, как известно, некоторые правящие династии основывались на шудрах. Это значит, что принадлежность к той или иной замкнутой корпорации

по рождению не всегда и не при любых обстоятельствах определяла судьбу каждого человека. Существовали и определенная свобода воли, и игра случая, и даже – если не иметь в виду варновую Индию – общепризнанная социальная мобильность, базировавшаяся на столь свойственном первобытности принципе меритократии, обеспечивавшем продвижение наверх.

По мере развития первоначальных социальных структур и первичных протогосударств на только что описанную систему ранних социальных связей накладывалась еще одна, имевшая отношение к правовому статусу населения. Естественным и само собой разумеющимся было то, что все члены ранней этнической общности всегда считались полноправными: издревле понятия «свой» (в этническом смысле) и «полноправный» были синонимами. Иное дело – чужие. Это были потенциальные враги, бесправные рабы.

Раб – именно чужак, иноплеменник, чаще всего пленник, причем во многих древних языках это хорошо прослеживается этимологией самого термина. Как и любое иное добытое в бою или приобретенное иным способом на стороне имущество, движимое или недвижимое, рабы считались общим достоянием коллектива и использовались для его блага – будь то очистительная жертва с благодарностью за помощь богам либо предкам, работа на храмовых полях во имя тех же богов или, наконец, услужение тем, кто возглавляет коллектив и управляет им. Существенно подчеркнуть, что главное не в том, как использовали труд раба: вовсе не применяли его (убивали, приносили в жертву), использовали на тяжелых работах (рудники, каменоломни), на обычных работах или даже на весьма легких, порой даже суливших хорошие возможности для социального возвышения (сфера услуг, изредка и военное дело). Главным было то, что раб – это не свой, а чужой и именно в силу этого он бесправен, т. е. не может претендовать на ту сумму прав, тот объем социальных гарантий, которые являются неотъемлемым достоянием всех своих просто потому, что они свои.

Со временем во многих древневосточных обществах наряду с полноправными – своими и бесправными – рабами появился и промежуточный слой неполноправных типа мушкенумов из законов Хаммурапи. К их числу принадлежали как потомки ассимилировавшихся на чужбине рабов, обзаведшихся здесь семьей, некоторым имуществом, приобретших профессию, а то и земельный надел и некоторые связанные с ним права, так и выходцы из низших слоев местного населения, изгои и бродяги, незаконнорожденные (если иметь в виду строгие варново-кастовые нормы) и т. п. Тенденция социальной динамики этих неполноправных – будь то мушкенумы или шудры – отнюдь не вела, как то подчас изображалось в исторических сочинениях и особенно в учебниках, к сближению их с рабами. Напротив, она вела к дальнейшему постепенному повышению их статуса, как это видно на примере шудр. Стоит заметить в связи с этим, что тенденция такого же рода была характерна и вообще для рабов, чей статус со временем повышался, как о том только что было сказано. Именно поэтому, в частности, количество рабов почти не росло, оно увеличивалось практически только за счет нового притока иноплеменников-пленников и лишь в периоды активной внешней политики, после которых описываемые процессы адаптации бесправных и неполноправных приводили к постепенному сокращению числа тех и других.

На две перечисленные системы – ранних этногенных связей и правового неравенства гетерогенного в этническом плане населения данной социальной общности – со временем накладывалась и еще одна, третья. Речь идет о системе имущественного неравенства, но не того должностного, когда богатство было функцией должности²⁰, а неравенства, бывшего функцией процесса приватизации. После появления таких институтов, как частная договорная аренда, наемный труд, долговая кабала и даже рабство полноправных (юридически и социально всегда отличавшееся от рабства бесправных иноплеменников), в обществе возникает новая шкала важных социальных различий: каждый из традиционных слоев, включая и бесправных в недавнем прошлом рабов-иноплеменников, имел своих богачей и бедняков, своих долговых

²⁰ Неравенство такого типа фиксируется археологами в очень древних захоронениях, причем нередко делаются на этом основании поспешные выводы об именно имущественном расслоении и чуть ли не о существовании частной собственности и антагонистических классов, тогда как следовало бы сказать только о том, что старейшина или вождь всегда погробались более пышно, чем рядовые общинники

рабов, арендаторов, наемников и т. п. Разумеется, богатство было более типичным для полноправных, чем для бесправных, а бедность – для простолюдинов. Тем не менее и то, и другое встречалось на всех уровнях социально-юридической лестницы. В кабальное рабство случайно попадали и брахманы (правда, по отношению к ним хозяин обязан был проявлять внешние признаки почтения), а простолюдины порой оказывались богаче древнекитайских аристократов, даже князей. Что же касается рабов, то некоторые из них, как в Вавилоне, бывали владельцами богатых торгово-кредитных контор и ворочали, что называется, миллионами, оставаясь при этом рабами своих хозяев и уплачивая им регулярный и весьма высокий оброк-пекулий.

Итак, традиционный социальный слой, формальный юридический статус и реальное имущественное положение не только не совпадали, но, напротив, образовывали достаточно запутанную сеть сложной социальной структуры. Но что же здесь было главным – в частности, с точки зрения столь привычного для нас классового анализа? Иными словами, как же все-таки обстояло дело с классами в древневосточном обществе? Были ли они вообще? И если были, то в чем была их специфика? И вообще, о каких именно классах здесь можно вести речь?

Государство и проблема классов

Марксистский тезис о том, что государство возникло на основе разделения общества на классы, современной наукой отвергнут. Этот тезис может быть принят во внимание только применительно к античной Европе, да и то с оговорками. Как известно, античный город-государство (полис) возник в результате того, что общество раскололось на полноправных граждан и всех остальных, включая полностью бесправных рабов, причем именно для удержания в повиновении этих остальных (хотя далеко не только для этого) возник гражданский полис, т. е. ранняя форма государства. Однако следует напомнить, что это отнюдь не было первое государство в античном мире; ему предшествовали иные типы протогосударств, хорошо известные, в частности, из гомеровского эпоса, не говоря уже о мифологии. Цари типа Одиссея, Эдипа или основных героев троянской войны не имели никакого отношения к более поздним полисам, но были уже правителями государств – тех самых, где не было никаких антагонистических классов. Значит, первые государства возникли не на основе разделения общества на антагонистические классы. Они складывались, как о том уже говорилось достаточно подробно, иначе. Наиболее ранние типы социальных связей в первичных протогосударствах сводились к двум системам: этногенной социальной и этнически гетерогенной правовой. В основе этих связей лежал привычный для первобытной общины реципрокный взаимообмен, расширенный теперь до уровня обмена общественно полезной деятельностью: производители, администраторы, воины, жрецы, даже рабы-слуги – все вносили свой вклад в обеспечение нормального и стабильного существования усложнившегося общества с разделением труда и социальных функций. Взимание ренты-налога, реализация трудовых повинностей и редистрибуция избыточного продукта среди тех слоев населения, которые не были заняты в сфере производства пищи, – вот те основные социально-экономические функции, которые выпадали в этой структуре на долю государства, представленного аппаратом власти в самом широком смысле этого слова (администраторы, жрецы, воины, а также ремесленники и рабы-слуги, обслуживавшие, в первую очередь, потребности именно аппарата власти).

Применительно к ранним обществам и протогосударствам, построенным на подобной основе, можно говорить, как уже упоминалось, о взаимовыгодном обмене деятельностью, жизненно необходимом для выживания и стабильного существования усложнившейся по сравнению с первобытностью структуры. Но в то же время здесь есть и социальное неравенство, и имущественные привилегии высших (правда, их пока можно считать эквивалентом неравенства труда, формой компенсации за более высокое качество труда), и политическо-правовое неравенство статусов. Иными словами, заложены существенные основы для трансформации структуры.

Заметная трансформация начинается с процессом приватизации и ростом престижного потребления верхов. Индивидуальное обогащение власть имущих и стремление ко все

большему обогащению, в новых условиях сравнительно легко реализуемое с помощью рынка, товарно-денежных связей и прочих аксессуаров частнособственнической формы ведения хозяйства, резко меняет привычную картину. Усиливается имущественный разрыв между производящими низами и управляющими верхами, а присвоение последними все большей доли увеличивающегося объема избыточного продукта теперь уже очевидно превышает справедливые нормы компенсации за качество труда в системе взаимовыгодного обмена деятельностью. Возникает хорошо известный специалистам феномен неэквивалентного обмена. Проще говоря, производители вносят в казну много больше, чем получают от государства (в виде защиты от внешних вторжений, организации управления, создания системы духовного комфорта и т. п.), причем эта разница как раз и является свидетельством эксплуатации правящими верхами, организованными в государство, производителей, обязанных налогами и повинностями, прежде всего общинных крестьян. Рента-налог, значительная ее часть, становится материальным проявлением этой эксплуатации, а в ряде случаев (должностные надельщики чиновников, жрецов, воинов, аристократов) трансформация отношений становится и весьма наглядной: хозяин пожалованных ему земель живет за счет налогов и повинностей населения. Стоит специально обратить внимание на то, что все описанное – не частнособственническая эксплуатация, ибо все связи здесь по-прежнему опосредуются отношениями централизованной редиистрибуции. Однако отсутствие частнособственнических отношений в описываемой сфере никак не меняет того, что в ней уже налицо использование труда одних для привилегированного и даже роскошного существования других, т. е. для эксплуатации одних другими.

Таким образом, наличие эксплуатации вне сомнений. Но как тогда с классами? Привычно представлять эксплуатацию результатом классового угнетения, основанного на экономическом неравенстве (собственник орудий и средств производства эксплуатирует неимущего, лишенного этих орудий и средств, не имеющего собственности). Но если речь идет о сфере отношений, не основанных на частной собственности, каков тогда экономический фундамент эксплуатации? И что такое государство при этом? Причастные к власти социальные верхи, объединенные в государство, действительно не являются частными собственниками – во всяком случае в рамках той сферы отношений, о которой идет речь. Но в то же время они являются собственниками постольку, поскольку имеют власть (феномен власти-собственности), т. е. представляют собой хорошо организованный социальный слой, выполняющий функции господствующего класса, но классом в собственном смысле этого слова не являющийся. Иными словами, причастные к власти являются собственниками и классом постольку, поскольку они являются государством. Вне государства ни один из них не имеет отношения ни к власти, ни к собственности, ни к функции господствующего класса.

Теперь о другой сфере отношений – о той самой, что тесно связана с процессом приватизации, частной собственностью и возникшей в связи с этим новой форме ведения хозяйства. Здесь была создана экономическая основа для появления классов по Марксу – частная собственность на орудия и средства производства. Появились ли классы? И какие?

Прежде всего следует решительно отказаться от устаревшего представления, будто классовым барьером в восточной древности был тот, который разделял раба и рабовладельца. Разумеется, с развитием частной собственности, как о том уже говорилось, появилось и частное рабовладение, кабальное и долговое рабство. Но оно не было и никогда не стало основой частнособственнической экономики и соответствующей формы ведения хозяйства. Раб везде и всегда был весьма дорогостоящим и достаточно нерентабельным производителем. Гораздо чаще он был важным элементом престижа его хозяина – если речь шла именно о частном рабе. Во всяком случае совершенно определено, что не за счет его эксплуатации богатели процветавшие частные собственники. Разбогатев на торговых операциях и ростовщичестве, эти собственники обычно открывали свое дело – мастерскую, контору, рудник и т. п. с использованием наемного труда, а также рабов, включая и кабальных. Кроме того, они охотно покупали земли у обедневших крестьян, хотя это было нелегко, ибо община строго стояла на страже своих традиционных прав и стремилась обставить любую такую покупку частокором оговорок и ограничений, порой не только затруднявших, но делавших невозможным продажу общинной земли чужаку. Но коль скоро эти трудности преодолевались и частный собственник

становился землевладельцем, а также в тех нередких случаях, когда этим собственником оказывался свой же общинный крестьянин, покупавший землю у обедневшего соседа без всяких формальностей, приобретенные им земли чаще всего сдавались в аренду обедневшим и малоземельным на договорных началах. Разница между выплатой ренты-налога казне и арендной платой оставалась собственнику. Итак, источником частного обогащения были частная договорная аренда, наемный труд, труд кабальных и – гораздо реже – труд рабов в полном смысле этого слова.

Из сказанного явствует, что в сфере частнособственнических отношений и в соответствующих формах ведения хозяйства появлялись вроде бы классовые в привычном для нас восприятии взаимосвязи и антагонизмы: на одной стороне классового барьера был собственник, на другой – неимущие и обездоленные. Но что характерно: если собственников еще можно как-то условно объединить в некий единый класс, хотя и по происхождению, и по положению в число их входили очень разные люди, вплоть до рабов, о чем уже упоминалось, то с неимущими и обездоленными все много сложнее. Что это за класс, в который входят и крестьяне, приарендовавшие клочок земли соседа с целью приработать, скажем, на свадебные расходы, и попавшие в долговую кабалу высокочтимые брахманы, и разгульные наемники, и бесправные рабы? А если это не класс, то что же это?!

Создается парадоксальная – но парадоксальная только с точки зрения привыкшего к марксистской политэкономии наблюдателя – картина. С одной стороны, в обществе существует четко очерченный слой лиц, выполняющих экономические и политические функции господствующего класса, но классом частных собственников при этом не являющийся. С другой стороны, существует социально весьма пестрая группа, которая экономически могла бы считаться классом собственников, если бы имела политические функции, по букве марксизма вытекающие из экономического господства. Но группа собственников, о которой идет речь, не имеет власти, основанной на могуществе ее богатства. Более того, богатство, не причастное к власти, на Востоке вообще мало ценилось, даже, напротив, обычно вызывало зависть и злобу со стороны власть имущих. Что же касается тех, кто вроде бы находится по другую сторону классового барьера, то здесь тоже очень много неясного. К числу налогоплательщиков всегда принадлежали почти все, кроме самих причастных к власти. Это значит, что государство выступало в качестве эксплуататора и по отношению к обычным земледельцам-общинникам, и тем более по отношению к крупным землевладельцам, чья доля ренты-налога была, естественно, весомее. Таким образом, частный собственник был в той же мере эксплуатируемым, что и мелкие производители, но одновременно он же выступал в качестве эксплуататора, извлекал выгоду из своего богатства.

Государство и общество

Соответственно социальной структуре сложились и взаимоотношения между государством и обществом в целом. Если в Европе с античности государство способствовало процветанию господствующего класса, собственников, если там общество в лице частных собственников всегда отчетливо доминировало над государством, а государство было слугой общества и соответственно были построены все его институты, то вне Европы, на Востоке, дело обстоит иначе. Государство здесь никогда не было, если использовать привычную марксистскую терминологию, надстройкой над социально-экономическими отношениями, сложившимися вне его и помимо него. Государство в лице причастных к власти социальных верхов не только выполняло функции господствующего класса («государство-класс»), но и было ведущим элементом базисной структуры общества. Если сказать жестче, оно абсолютно господствовало над обществом, подчинив его себе. Соответственно складывались институты такого государства и вся обслуживавшая его система идей и учреждений.

Подчиненное государству общество в различных восточных структурах выглядело по-разному. В Египте, например, общества почти не было вообще: оно было практически растворено в институтах всемогущего государства. В Китае голос его был слышен – как в форме идей, так и в виде определенных организаций. В Шумере и Вавилонии общество в целом и индивиды как часть его сумели отстоять даже некоторые формальные права, отраженные в

системе законов. Наконец, в Индии общество в форме варн и каст, в виде классической индийской общины в некотором смысле даже выходило на передний план, о чем частично уже шла речь и о чем подробнее будет сказано в следующей главе. Но отрицало ли это государство и ставило ли под сомнение его безусловное господство над обществом? Отнюдь. Государство везде абсолютно господствовало над обществом, включая и Индию, – нужно только оговориться, что речь идет не о данном конкретном государстве, сильном или слабым, но о государстве как системе институтов и высшей власти, как ведущем элементе в сложившейся системе отношений.

В ранний период, когда никаких признаков частной собственности еще не существовало, это господство не было заметным в силу того, что государство и общество тогда еще практически не были расчленены: государство было формой организации общества; выросшие на основе общественных должностей власть имущие, организованные в аппарат власти, вполне искренне считали себя и действительно были на службе общества, организованного в государство. С ростом престижного потребления и успехами процесса приватизации изменение общей ситуации проявилось, в частности, и в том, что государство в лице аппарата власти отделилось от общества и противопоставило себя ему, одновременно подчинив его себе.

Предоставленное в некотором смысле самому себе (правда, в небольшой степени, ибо государство по-прежнему оставалось системой институтов, возникших во имя самосохранения общества, его традиционной структуры), общество стало заботиться о создании какой-то системы социальных корпораций, которые призваны были как заново организовать его членов в новой, более дробной форме, так и противостоять внешнему нажиму со стороны власти, произволу власть имущих. Частично этими корпорациями стали существовавшие издревле формы – семьи, кланы, общины, а частично возникли и новые – касты, цехи, секты. Некоторые из новых форм не только воспроизводили старые отношения зависимости младших и слабых от старшего и сильного (отношения типа патрон – клиент, отношения клиентеллы), но и придали им некую новую сущность, поставив упомянутую и уходящую в глубокую историю клиентельную связь (вспомним папуасских бигменов) как бы на новую основу имущественной зависимости от процветающего частного собственника, будь то богатый и причастный к власти аристократ либо влиятельный в общине богач-землевладелец.

Стоит заметить, что социальные корпорации были в интересах не только создавшего и усилившего их значимость общества, но также и государства, ибо они являли собой удобный рычаг для управления разросшейся социально-политической структурой. Чиновнику не было нужды вникать во внутренние дела каждой деревни, касты, цеха или секты – ему было достаточно наладить контакт с руководителем корпорации и через него управлять ею. По отношению же к обществу в целом и к государству каждая из корпораций (а их было немало, сферы их влияния могли пересекаться и совпадать, а человек мог принадлежать параллельно нескольким из них – клану, общине, секте) являла собой автономную ячейку, обладавшую известным самоуправлением.

Сложившаяся в качестве элемента метаструктуры восточных обществ система корпораций гармонично вписалась в нее и во многом определила линии генеральных связей и противоречий, характерных для цивилизаций Востока. В Индии ведущей формой были касты и общины, в Китае – семьи, кланы, землячества и секты, на Ближнем Востоке – общины, семьи, кланы. Социальные корпорации были известны и Европе. Но там они играли несколько иную роль, ибо на передний план выступали личные интересы, что было связано с господством частнособственнических отношений. На Востоке же, при отсутствии условий для расцвета индивидуализма частного собственника, горизонтальные связи потенциальных союзников по классу с лихвой перекрывались связями вертикальными, корпоративными, клиентельными. Члены касты, общины, секты, клана, цехо-гильдии либо просто группа зависимых от влиятельного и богатого человека его клиентов обычно сплачивались в единую, хорошо и жестко организованную корпорацию, порой имевшую не только всеми признанное руководство, но и устав, дисциплинарный кодекс, систему обязательных норм поведения. Бедняки и богачи, бесправные и полноправные, производители и управители, воины и жрецы – все находили свое место на иерархической лестнице внутри корпорации, а для внешнего мира все они вместе, несмотря на разделявшее их неравенство, выступали обычно как единый

сплоченный коллектив, отражавший в конечном счете – причем вполне реально, на деле, а не только на словах либо в форме лозунгов – интересы всех его членов, олицетворенные позицией и акциями его руководителей. Корпорация нередко была как бы микрогосударством, и в этой связи нелишне напомнить тезис Конфуция о том, что государство – это в конечном счете лишь большая семья.

Только в рядах корпорации отдельный человек мог чувствовать себя в относительной безопасности, что ощущали прежде всего собственники, которых не спасали от экспроприаций и притеснений порой даже сильные корпоративные связи и поддержка многочисленных клиентов. Поэтому в условиях отсутствия гражданского общества для подавляющего большинства населения корпорация была определенной гарантией от произвола, защитой нормального существования. Без нее же, вне ее индивид обычно превращался в социальный ноль и чаще всего скатывался на дно общества, пополняя собой ряды неполноправных и бесправных.

Известно, что на Востоке, несмотря порой на существование сводов законов, а точнее, собраний правительственных регламентов, никогда не было системы частного права, игравшей столь важную роль в Европе со времен античности, и соответствующих частноправовых гарантий собственника, тем более гражданина (граждан в этом смысле Восток вообще не знал). Законы всегда писались от имени государства и во имя его интересов. Конечно, это не значит, что законы вовсе не охраняли имущество и права подданных. Но системы гарантий, которая позволила бы любому считать себя социальной единицей и тем более беспрепятственно, без страха за будущее заниматься предпринимательской деятельностью наподобие античного гражданина или средневекового купца в феодальном европейском городе, – такой системы не было. Контрольные же функции чиновника, всегда стоявшего на страже интересов казны и хорошо сознававшего, что та часть избыточного продукта, которая попала в карман собственника, может считаться как бы вынутой из казны, за счет которой жил и он сам, ставили этого собственника в зависимое от власти положение, порой доходившее до произвола, вымогательства, прямых экспроприаций.

Отсутствие системы частноправовых гарантий вело к тому, что только причастность к власти предоставляла человеку более или менее высокий и сравнительно независимый (от начальства он всегда зависел) статус. Богатство могло помочь достижению такой позиции: можно было купить ранг, добиться должности, вступить в родственные отношения с властью имущим посредством брачных связей. Играла свою роль и знатность, принадлежность к определенной касте, духовным званиям и жреческим функциям. Наконец, мог выручить случай – особенно это касалось военных или удачливых слуг. Но только и именно достигнутая в результате всего этого, равно как и любым другим способом, причастность к власти могла дать индивиду высокое и общепризнанное социальное положение, в том числе и широкие возможности обзавестись имуществом, стать крупным землевладельцем и даже оказаться процветающим частным собственником.

Дело в том, что между двумя описанными выше сферами и формами ведения хозяйства никогда не было непреодолимой грани – грань эту мы вынуждены проводить только в интересах теоретического анализа. В реальной же жизни все богатые, и едва ли не в первую очередь власть имущие, начиная с самого правителя, довольно активно использовали свое привилегированное положение и свои щедрые доли в системе редистрибуции для приобретения частной собственности. В ближневосточных текстах, в частности, можно встретить документы о приобретении правителем у какой-либо из подчиненных ему общин определенного участка земли для владения им на правах частной собственности – обстоятельство, которое ни в коей мере не ставит под сомнение высокий официальный статус этого правителя в качестве высшего субъекта власти-собственности в этом государстве. Что касается представителей администрации рангом ниже, то для них такое было еще более характерным: многие из их числа стремились воспользоваться своим положением для обогащения подобным образом. Но что характерно и весьма важно: частная собственность для каждого из причастных к власти всегда при этом была и оставалась делом как бы факультативным, не более того.

Переплетение интересов индивида как собственника и как причастного к власти никогда не вело к выдвиганию на передний план частных интересов, как то может показаться само

собой разумеющимся для наблюдателя, привыкшего к европейской системе ценностей с ее бесспорным приоритетом личного, индивидуального начала. Напротив, каждый причастный к власти хорошо понимал, что своим высоким положением он обязан именно своей должности, благодаря которой он стал собственником и без которой, даже обладая собственностью, он значил бы весьма немного и даже легко мог бы потерять все. Поэтому каждый причастный к власти всегда отчетливо сознавал, сколь многое значит для него должность. Что же касается интересов обладателей должности, т. е. аппарата в целом, государства, то они совершенно очевидны: не следует поощрять чересчур энергичное развитие частнособственнического сектора, так как это наносит ущерб казне и тем самым подрывает основу, на которой зиждится структура в целом во главе с тем же самым аппаратом. Поэтому интересы государства тесно переплетались с интересами личности как представителя аппарата и решительно преобладали над интересами этой же личности как собственника, даже если речь идет о самом высокопоставленном должностном лице.

Глава 14

Древний Восток: специфика регионов и динамика исторического процесса

Структурные особенности Востока, место и роль в нем государства и общества, характер экономики и положение частного собственника – все это, как и многое другое, определило в конечном счете и динамику исторического процесса, столь несхожего в своих основных параметрах с историческим процессом в Европе. В Европе превращение частной собственности в структурообразующую основу и возникновение сложной системы идей и институтов, соответствующих этому и всячески стимулирующих развитие индивидуальности гражданина-собственника, его энергии и предприимчивости, его инициативы и гарантий, прав и обязанностей, привели в конечном счете к тому, что общество и определявшая его благополучие и процветание экономика стали быстрыми темпами эволюционировать и наращивать накапливаемые благоприятные инновации. Сильное и уверенное в себе общество, основанное на личной инициативе процветающего собственника, не могло бояться новаций, напротив, оно стремилось к ним, умело отбирало их, для чего использовался свободный и административно не регулируемый рынок, выдвигавший свои требования и предоставлявший удачливым новые возможности.

Конечно, и античная Европа развивалась отнюдь не по гладкому и безоблачному пути. Но она все же добилась немало, и как знать, чем бы все кончилось, если бы не сила варваров, сокрушившая Рим. Впрочем, именно то, что осталось от Рима, обусловило возрождение Европы в позднем средневековье, после того, как она на ряд долгих веков оказалась варварской, представленной практически такими же протогосударственными структурами, что были характерны для всего неевропейского мира. Возрождению античности со всей присущей ей динамикой индивида и всего исторического процесса обязана Европа в конечном счете своим ускоренным развитием в предкапиталистическую эпоху. Так что в этом смысле можно сказать, что вместе с античностью в исторический процесс Европы была привнесена динамичность развития и тяга к новациям – весьма важные факторы ускоренного развития. Ничего похожего на это в историческом процессе, свойственном неевропейскому миру, не было. К чему же сводился этот процесс?

Консервативная стабильность

Для неевропейских, и в частности, древневосточных структур с характерным для них второстепенным и подчиненным положением частного собственника и всемогуществом государства, господством аппарата власти главным было стремление к внутренней устойчивости и явно отрицательное отношение к любым переменам и нововведениям. Это и понятно: новые силы и тенденции вполне очевидно угрожали нормальному существованию устоявшейся структуры, подрывали эффективность традиционной политической администрации. Конечно, приватизация

и связанные с ней рынок, система товарно-денежных отношений оживили экономику ранних восточных обществ, создали определенную перспективу, без которой восточные государства и общества не смогли бы сделать необходимого шага для их поступательного развития, для возникновения на основе ранних государств и обществ более развитых, для создания империй. Но при всем том несомненно одно: рыночная экономика была чем-то вроде выпущенного из бутылки джинна. С ней следовало держать ухо востро. Она грозила подрывом устоявшихся норм консервативной стабильности, а ведь именно стабильность является наибольшей гарантией существования традиционных восточных структур. Неудивительно поэтому, что повсюду, где товарно-денежные рыночные отношения и частнособственническая активность приобретали заметные размеры и начинали активно воздействовать на общество, государство рано или поздно вмешивалось в сложившуюся ситуацию и решительными административными мерами изменяло ее в свою пользу. Меры, о которых идет речь, могли быть весьма разными, от включения в текст законов Хаммурапи группы статей, ограничивающих продажу земельных наделов воинами, до широкомасштабной кампании Шан Яна против стяжателей. Но суть их всегда и везде на Востоке была одна: частный собственник должен находиться под строгим контролем власти, дабы структура в целом оставалась консервативно стабильной.

Консерватизм такого рода структуры не означал полного неприятия любых новаций. Те из них, которые не представляли угрозы для нее, после их апробации адаптировались, причем за их счет структура становилась более гибкой и жизнеспособной. Но решительно отменялись как раз такие новшества, которые могли быть в пользу собственника, т. е. именно те, что двигали вперед европейскую историю. В первую очередь это касалось всех тех институтов, которые могли бы способствовать укреплению статуса собственника, выработке системы его правовых гарантий, каких-либо демократических процедур и т. п. Ведь они не случайно не появились вне Европы: их не было там именно потому, что им не было там места и их отвергала структура, видевшая в них, и совершенно справедливо, угрозу для себя, для своей стабильности. Консервативная традиция во всех восточных обществах со временем стала естественной и весьма эффективной альтернативой европейской динамике, основанной на новациях. На Востоке исторический процесс – как и вообще отношение к времени – не воспринимался в качестве линейного, а консервативная стабильность реально превратила его в циклический.

Как же выглядит типичный для Востока цикл? В самом общем виде, включая и Индию, хотя она заслуживает определенной оговорки, можно сказать, что в основе цикла лежит примат централизованного государства. Пока государство сильно, все противостоящие ему тенденции ослаблены и не могут создать угрозу структуре. Но хорошо известно, что крепость централизованной власти не бывает постоянной и долговечной. Рано или поздно, по тем или иным причинам центральная власть приходит в упадок. Начинается более или менее длительный переходный период, который чаще всего отмечен острыми социальными и экономическими кризисами, политической неустойчивостью и в конечном счете децентрализацией. Все это, вместе взятое, ведет к дестабилизации структуры. Каков же характер воздействия на структуру дестабилизирующих ее факторов? Могут ли они привести к ее ломке, к радикальной трансформации с последующим возникновением чего-то принципиально нового?

Ни в коем случае. Как показывает анализ исторического процесса, об отдельных проявлениях которого уже упоминалось (это особенно заметно на примере Египта или Китая, но прослеживается также и в Индии, в Западной Азии, т. е. практически везде), от политики децентрализации выигрывают лишь региональные правители, которые приобретают автономию, а то и независимость и в случае длительности переходного периода превращаются через ряд поколений в фактически самостоятельных удельных аристократов, подчас во владельцев феодальных по типу вотчин. Эта тенденция к феодально-удельному сепаратизму, однако, при всем своем дестабилизирующем воздействии на макроструктуру в целом не приносит в нее ничего принципиально нового. Скорее это нечто вроде шага назад: сама структура и все свойственные ей отношения остаются неизменными, изменяются лишь масштабы.

Конечно, это не значит, что в недрах более мелких образований не могут протекать серьезные внутренние процессы, принципиально влекущие за собой некоторые существенные

перемены, как то было, в частности, в чжоуском Китае. Но ведь такие же процессы и с тем же конечным результатом могли протекать и реально протекали и в периоды активной централизованной администрации в рамках крупных политических общностей (речь идет в первую очередь о процессе приватизации). Другими словами, политическая децентрализация, как и феодализация, сама по себе в условиях восточных обществ не рождает новых социальных тенденций, так что дестабилизация в этом случае сводится лишь к политическому ослаблению, к развалу государства на части. Рано или поздно децентрализация преодолевается за счет действия центростремительных факторов, и на смену феодальным княжествам или децентрализованным региональным объединениям типа номов вновь приходит эффективная центральная власть, которую возглавляет либо один из усилившихся региональных вождей, либо удачливый завоеватель (изредка, как в Китае, это мог быть и предводитель крестьянского восстания).

Социальный и экономический кризисы, протекавшие в рамках цикла, могли бы, казалось, вести к более серьезной внутренней стабилизации, особенно тогда, когда процесс приватизации уже завершился и частный собственник занял в структуре свое прочное, пусть и контролируемое властью место. Однако на практике ничего подобного никогда не происходило. Почему же?

Дело в том, что, вызывая дестабилизацию или способствуя ей (рост частнозависимых сокращает доходы казны и ведет к усилению произвола недополучивших жалованье чиновников на местах; отсюда ухудшение положения производителей, бегство и сопротивление их), частнособственнический сектор экономики при этом сам оказывается в очень невыгодном для себя положении: в обстановке децентрализации и неэффективной администрации отпадают последние административные гарантии, а богатого собственника в первую очередь грабят ушедшие в шайки разоренные бедняки и бродяги. Естественно, что в таких условиях не приходится говорить о новых тенденциях в социально-экономическом развитии. Как это ни парадоксально, но частный сектор на Востоке заинтересован именно в сильной, пусть и ограничивающей его власти, ибо только она предоставляет ему сколько-нибудь гарантированные возможности для существования. Иными словами, даже собственник в рамках традиционной восточной структуры определенно тяготеет ко все той же консервативной стабильности.

Динамика исторического процесса

Итак, в основе исторического процесса на традиционном Востоке с древности лежало отчетливо выраженное стремление к консервативной стабильности. Естественно, это оказало огромное воздействие на динамику процесса. Если в Европе это было движение от низшего к высшему, от отсталого к передовому, т. е. линейная динамика прогресса, то на Востоке альтернативой ей оказалось цикличное развитие. Но значит ли это, что мы имеем дело лишь с замкнутыми и повторяющимися циклами? Не вернее ли говорить о спирали, пусть туго сжатой, с налегающими друг на друга витками? А если так, то чем же отличались витки один от другого? И что видится в конце спирали?

Вопросы не просты, и от исчерпывающего ответа на них пока стоит воздержаться. Одно несомненно: Восток не стоял на месте. Пусть медленно, но он эволюционировал; пусть с реверсиями, но в конечном счете развивался поступательно. И все же динамика его эволюции была принципиально иной. Разница здесь не только в том, что развитие было не линейным, а цикличным (пусть даже циклично-поступательным) и что структура сама отвергала те инновации, которые могли бы угрожать ее консервативной стабильности, ее стремлению к самосохранению, к гомеостазису. Есть и еще один существенный аспект различий, тоже тесно связанный с особенностями структуры.

Если в Европе двигателем прогресса и активным сторонником инноваций был индивид, гражданин-собственник, то в неевропейских и прежде всего древневосточных структурах отбирались и адаптировались лишь те новшества, которые имели прямо противоположный характер, т. е. соответствовали нормам корпоративной этики и интересам государства. Это были в первую очередь нововведения, направленные на укрепление эффективности власти

(вспомним реформы Дария) или на ослабление общественных связей (реформы Шан Яна с его классической формулой: «Слабый народ – сильное государство!»). Это же касается и внутреннего духа религиозно-философских учений: конфуцианство в Китае и индуизм в Индии, вытеснивший буддизм, были нововведениями, в немалой степени способствовавшими усилению корпоративного коллективизма и подавлению (коль скоро они могли возникнуть) индивидуалистических тенденций.

Отчетливой тенденцией циклично-поступательной динамики исторического процесса следует считать и укрупнение политических общностей: от локальных протогосударств к более крупным региональным ранним государствам, от них – к развитым централизованным государствам, от централизованных этнически гомогенных к этнически гетерогенным супергосударствам, империям, «мировым державам». В ходе этого более количественного, хотя в некотором смысле также и качественного изменения в орбиту государств и империй втягивались многие отсталые периферийные страны и народы, т. е. ойкумена все время расширялась за счет приобщения к достижениям цивилизации новых первобытных образований.

Динамика исторического процесса видна и в изменении взаимоотношений в рамках гигантских суперструктур. По мере превращения этнической гетерогенности в норму исчезали столь важные ранее традиционные представления о кардинальной противоположности «своих» и «чужих», а это на практике означало, что рабство иноплеменников утрачивало свою первоначальную роль. Захваченные в плен, скажем, персидскими Ахеменидами уже не превращались в рабов, во всяком случае поголовно. Да и вообще рабы-иноплеменники играли все меньшую роль в обществе, но не потому, что на смену «рабовладению» шел «феодализм», как формация по-истматовски, а именно в силу только что упомянутых причин. Впрочем, общее количество рабов от этого не изменялось сколько-нибудь заметно, ибо рабами после этого все чаще становились кабальные должники, преступники.

Наконец, развивалось и общество, раскрывался его духовный и интеллектуальный потенциал, что находило свое отражение в разработке научных знаний (математика, календарь, астрономия), в технических усовершенствованиях, философских учениях, религиозных системах, не говоря уже о практических навыках в земледелии и ремеслах, об опирающейся на многовековой опыт и постоянно совершенствовавшейся культуре труда, включая агрокультуру, ремесленную специализацию, строительное искусство и многое другое.

Резюмируя, можно сказать, что древневосточные общества с точки зрения поступательного исторического процесса отнюдь не стояли на месте, так что метафора с развитием по спирали, учитывая циклический характер исторического процесса, здесь вполне уместна. Но динамика исторического процесса на традиционном Востоке не только не была линейно-прогрессивной, но, напротив, отличалась тем, что не вела к радикальным структурным переменам. К этому сводится главная ее особенность. Впрочем, исторический процесс, при всей его однотипности для всего Востока, был различным применительно к каждому из крупных регионов, восходящих к великим очагам древневосточной цивилизации.

Специфика региональных очагов цивилизации

Слово «цивилизация» весьма емкое. Прежде всего этот термин используется для обозначения того культурного уровня, достижение которого означало выход первобытных коллективов на рубежи урбанистической культуры. Древний Восток знает четыре основных очага такого типа первичной цивилизации: Египет, Двуречье, Индия и Китай. Но каждый из них тоже правомерно именовать цивилизацией, вкладывая в это слово уже несколько иной смысл, имея в виду специфический, отличный от других именно в цивилизационном плане очаг урбанистической культуры. Не слишком углубляясь в терминологические дебри, будем пользоваться обоими значениями слова.

Итак, четыре основных очага. Для сопоставительного анализа целесообразно ограничиться именно ими, причем для начала выделить и противопоставить остальным трем Двуречье и даже шире – Западную Азию, эту подлинную колыбель мировой цивилизации. Именно из этого региона шел наиболее интенсивный поток культурных импульсов,

способствовавших резкому убыстрению развития остальной части человечества. Что касается других трех центров, то для них была характерна заметная замкнутость, а порой и значительная изоляция, и это во многом определило специфику каждого из них.

Западная Азия и в первую очередь Двуречье, долина Тигра и Евфрата, в низовьях которой возникла шумерская цивилизация, всегда была открыта внешним влияниям и воздействиям и умела извлекать из всего этого несомненную пользу для себя. Сюда стремились и здесь укоренялись многочисленные этнические группы, постоянно смешивавшиеся друг с другом. Отсюда открывались торговые пути во все стороны. Здесь был мощный генератор новых идей и технологических новшеств. Нет сомнения, что все это сыграло важную роль в деле ускорения темпов развития: уровень консервативной стабильности, т. е. устойчивой нормы с регенерацией генетически закодированной структуры, в этом регионе был ниже среднего для неевропейских обществ, а коэффициент перемен, нововведений во всех сферах жизни – будь то политическая, социальная, экономическая, технологическая, религиозно-культурная и др. – соответственно выше. Кроме того, неизменное расширение на протяжении тысячелетий зоны западноазиатского очага цивилизации за счет включения в него новых периферийных районов, населенных иными народами, равно как и появление здесь выходцев из Аравии (кочевников и полукочевых семитских племенных групп) или Прикаспия (индоевропейцев) способствовали быстрому экономическому, техническому и культурному развитию региона в целом и всех его древних центров в частности.

Неудивительно, что именно в Западной Азии, чья цивилизация не только возникла раньше других, но и развивалась быстрее и энергичнее их, имела более выгодные условия для такого развития вследствие постоянных контактов с соседями и обмена нововведениями, чаще, нежели в других древних очагах мировой культуры, возникали новые идеи и совершались важные открытия едва ли не во всех областях производства и культуры. Гончарный круг и колесо, металлургия бронзы и железа, боевая колесница как принципиально новое средство ведения войн, различные формы письма, от пиктограмм до алфавита, – все это и многое другое генетически восходит именно к Западной Азии, через посредство народов которой нововведения со временем становились известными в остальном мире, включая и иные очаги первичной цивилизации.

Ускоренные темпы эволюции и технического прогресса сыграли свою роль в том, что именно в государствах Двуречья ранее всего дал знать о себе процесс приватизации, что именно в Западной Азии этот процесс достиг наивысшего для древневосточных обществ уровня и что в результате этого здесь сложились те исключительные варианты структуры (финикия, Вавилон), в которых степень частнособственнической активности намного вышла за пределы обычной для неевропейских обществ нормы. Финикийцы не были абсолютно независимой и автономной структурой; напротив, они ухитрились благополучно существовать и даже процветать лишь под покровительством все тех же восточных держав, которые по ряду причин были заинтересованы в существовании финикийского феномена и, во всяком случае, не препятствовали ему. Высокие темпы приватизации и развития общества Вавилонии вызвали к жизни исключительные в своем роде и до известной степени защищавшие частнособственническую активность правовые нормы типа законов Хаммурапи. И хотя те же законы с гораздо большей силой ограничивали произвол собственника в интересах государства, они сыграли определенную роль в том, что именно в Западной Азии централизованная администрация была вынуждена в большей степени, чем где-либо, считаться с частными собственниками. Да и сама эта администрация, временами опиравшаяся на серьезную силу, отличалась не слишком большой степенью сакрализации: хотя правители Западной Азии нередко обожествлялись, уровень их обожествления был в целом намного ниже того, что был характерен для Египта или Китая.

Все эти особенности, да еще в сочетании с политическим полицентризмом и этнической мозаикой древней Западной Азии, обусловили не только сравнительную неустойчивость здесь централизованной администрации, но и явственную тенденцию к частой смене политически господствующих этносов, а затем и «мировых» держав. И это тоже один из важных показателей более низкого уровня консервативной стабильности Западной Азии и большей открытости ее для изменений. В этом смысле западноазиатский регион стоял ближе других к античному миру,

хотя степень этой близости ни в коей мере не следует преувеличивать: ее было достаточно для великого эксперимента Александра и практики эллинизма, но явно недостаточно для того, чтобы подобный эксперимент, длившийся почти тысячелетие (включая эпохи романизации и христианизации, смену господства эллинистических государств римским, а затем и византийским), заложил фундамент для «европеизации» Западной Азии или хотя бы плодотворного синтеза западноазиатской и европейско-античной структур. Как будет показано в последующих разделах работы, исламизация западноазиатского региона в исторически кратчайший срок наглядно подтвердила, что фундаментальные основы восточной структуры и после тысячелетнего эксперимента оказались практически непоколебленными. Тем более все сказанное относится к тем очагам древневосточной цивилизации, которые не отличались заметной открытостью к инновациям и много более очевидно, нежели западноазиатский, развивались за счет преимущественно собственных внутренних потенций на основе все той же фундаментальной восточной структуры.

Что касается Египта и Китая, то эти две цивилизации, несмотря на их отдаленность друг от друга, весьма близки между собой. В силу ряда существенных причин, к числу которых следует отнести большую этническую гомогенность, исторически сложившуюся и устойчивую тенденцию к слиянию политико-административной власти с религиозно-этическим авторитетом, да и еще ряд важных факторов, государство здесь было много более устойчивым, чем в Западной Азии (об Индии речь пойдет особо). Политическая администрация была незыблемой и, главное, почти автоматически регенерировала после катаклизмов очередного цикла, а величие обожествленного правителя (сына Неба или сына Солнца), выступавшего в функции связующего единства и первосвященника, считалось несомненным и неоспоримым.

Соответственно очень большую роль в Египте и Китае играли отношения централизованной редиистрибуции и тотальный контроль над населением, с массовым привлечением его к исполнению многочисленных и тяжелых трудовых повинностей. И наоборот, частнособственническая активность была существенно ограничена и находилась под строгим надзором властей, не говоря уже о том, что вся правовая система – точнее, официально фиксированная система правительственных регламентаций – была отчетливо сориентирована на защиту интересов всемогущего государства. Общая для обеих цивилизаций едва ли не центральная фигура жреца-чиновника различалась лишь акцентом: в Египте он был на слове «жрец», а в Китае – на слове «чиновник». Это маловажное на первый взгляд различие было, однако, весьма существенным. В Египте акцент вел к противопоставлению интересов храма центральной власти, что в итоге привело к сакрализации сословия жрецов, тогда как в Китае противоположный акцент, в сочетании с общей тенденцией примата этики над религией, вел к оттеснению собственно ритуально-религиозных функций на задний план в пользу усиления чиновничье-бюрократической администрации.

Конечно, между Египтом и Китаем были и иные различия, особенно в сложившейся системе ценностей, образе жизни, формах социальной организации населения и т. п. Однако в рамках сопоставительного анализа важно обратить внимание на то, что, несмотря на совершенно очевидную уникальность каждой из сравниваемых цивилизаций, между ними было много общего, причем это общее весьма объяснимо и с точки зрения функционально-структурной, и с позиций условий первоначального существования египетского и китайского очагов цивилизации.

Древняя Индия

С этих, да и с некоторых иных точек зрения особого внимания при сопоставительном анализе заслуживает Индия. В чем-то индийский очаг цивилизации вполне сходен с другими. С западноазиатским его сближает большая роль внешних воздействий: та цивилизация, которая наложила основной отпечаток на судьбы Индии, сложилась в результате миграции ариев, т. е. в конечном счете западноазиатского народа, одного из тех, что внесли немалый вклад в развитие западноазиатского очага цивилизации (впрочем, справедливости ради стоит заметить, что и египетский, и китайский очаги не были стерильными в этом смысле: в Египет индоевропейское влияние шло с гиксосами, в Китае оно ощущалось в Инь-Чжоу). Арийские волны принесли в

древнюю Индию очень многое из того, чем к тому времени уже обладала западноазиатская культура, а с древними иранцами индийские арии были даже близкими родственниками.

Есть и нечто общее у Индии с египетским и китайским очагами цивилизации – относительная замкнутость и изолированность, явная тенденция к устойчивой консервативной стабильности. Больше того, эта тенденция в условиях миграции и завоевания чужих земель, оттеснения аборигенов и нежелания этнически смешиваться с ними (обстоятельство, совершенно чуждое и Западной Азии, и Китаю, практически незнакомое и Египту) привела к гипертрофированию упомянутой стабильности, что и нашло свое отражение в возникновении и со временем все большем укреплении системы варн, а затем и каст.

Но есть между Индией и другими очагами древней цивилизации и существенное, в некотором смысле кардинальное различие: для всей истории Индии с прихода туда ариев и вплоть до вторжения в нее воинов ислама характерны слабая политическая власть, неустойчивое государство, аморфная политико-административная структура. Неустойчивость государства была – в отличие от Египта и Китая – свойственна и западноазиатским древним обществам, о чем только что упоминалось. Но по сравнению с Индией эту власть можно было бы считать вполне устойчивой – все познается в сравнении. Встает законный вопрос: почему государственная власть в древней Индии оказалась столь слабой и, коль скоро так, не меняет ли этот важный факт все предложенные в данной работе теоретические посылки, не ставит ли он под сомнение главный тезис работы – о роли государства с его институтами власти-собственности и централизованной редистрибуции, с его доминированием над обществом и решающей ролью в системе хозяйства страны? Вопрос весьма серьезен, и на него надлежит дать достаточно убедительный ответ.

Сначала о причинах. Следует предположить, что приход индоариев в долину Ганга в сравнительно позднее время (ориентировочно – вторая половина II тысячелетия до н. э.) и, видимо, появление их в этой долине волнами, накладывавшимися одна на другую, создали в Северной Индии уникальную этническую ситуацию. Ариев оказалось достаточно много для того, чтобы, не вступая в тесный контакт с аборигенным населением, создать и социально укрепить собственную этнополитическую общность. Кроме того, арии прибывали в Индию в то время, когда сами они переживали этап ранней политической интеграции и когда в их среде только начинали вычленяться различные социальные группы – производители, управители и воины, жрецы. Ранние протогосударства индоариев в долине Ганга были еще недостаточно прочными, что вполне естественно для полускотоводческого мигрирующего этноса. Зато слой жрецов-брахманов был крепок прежде всего потому, что религиозные нормы служили в описываемое время едва ли не единственным прочным связующим всех пришельцев звеном. Территориально и политически все они, как известно, в то время еще недостаточно были связаны друг с другом, быть может, даже являли собой весьма рыхлую общность, близкую к тем, которые скрепляются механической солидарностью в условиях внешней опасности.

Приняв во внимание сказанное, следует предположить, что спаянные основанной на религиозно-культурной традиции солидарностью индоарии на новых местах выше всего ценили свое этническое лицо, тогда как политической структуры у них еще не было или почти не было. Спасти же этническое лицо можно было только ужесточением этнической стерильности, что и привело к нерушимой системе варн и каст. Арии, осевшие в Индии и превратившиеся в оседлых земледельцев, стали жить общинами, причем эта новая для них форма территориальной и социальной организации – земледельческая община – была подчинена варново-кастовой системе и сочетала этносоциальные различия с территориальной и административно-социальной общностью.

О ранних политических структурах индоариев до начала I тысячелетия до н. э. никаких сведений нет. Весьма вероятно, что этих структур в то время еще не было или почти не было, из чего можно сделать вывод, что внешние импульсы, т. е. необычные условия, в которых начался процесс оседания ариев и становления форм их социального бытия (варны, касты, земледельческие общины), до предела снизили ту роль, которую в других регионах играло протогосударство как форма организации общества. Если у индоариев ведущими формами организации общества оказались иные, то не приходится удивляться, что государство здесь как бы лишилось некоторых из своих важных функций, оказавшись вследствие этого, по крайней

мере на первых порах, чем-то необязательным, почти факультативным. К слову, именно этим объясняется долгое существование в древней Индии таких модификаций раннего государства или протогосударства, как ганы и сангхи, которые порой пышно именуют «республиками», но которые на самом деле были лишь недоразвитыми в специфических древнеиндийских условиях формами политической администрации.

Означает ли все сказанное, что применительно к Индии тезис о ведущей роли государства не применим? Отнюдь нет. Важно лишь понять, какую именно роль играло индийское государство и как функционировало оно в индийских условиях. Индийские формы организации общества – варны, касты, общины – существовали со времен догосударственных; доминировали в обществе прежде всего жрецы-брахманы. Всесилие брахманов, формально не связанных с политической властью, но зато игравших важнейшую роль носителей духовной культуры индоариев и потому бывших своего рода связующим единством в их среде, длительное время могло быть реальной альтернативой всесилию государства, политической власти, которые еще не сложились. Однако усложнение общества, увеличение численности населения, важность противостояния внешнему, часто враждебному окружению – все это властно диктовало необходимость укрепления политической власти, институционализации внеобщинной администрации, создания государств. И государства создавались, причем правителями их, чиновниками и воинами становились представители варны кшатриев, которые по мере укрепления своих позиций в обществе начинали соперничать с брахманами.

Соперничество брахманов с кшатриями проходит через всю древнюю Индию и завершается в общем не в пользу кшатриев. Конечно, кшатрии стояли у руля правления государств. Их представители пытались даже создать альтернативные религии – буддизм и джайнизм были созданы именно ими в противовес откровенно варново-кастовому древнему брахманизму. Но в конечном счете ни буддизм, ни джайнизм не завоевали прочных позиций среди индийцев, которые предпочли этим доктринам трансформировавшийся в индуизм древний брахманизм во главе со все теми же брахманами, носителями древней мудрости, традиционной религиозной культуры. А государство оказалось как бы вне традиционного индийского общества.

Дело в том, что традиционные формы организации индийского общества (варна, каста, община), санкционированные религиозно-культурными нормами, практически не зависели от существования государства. Основные функции и заботы по воспроизводству структуры в неизменном виде и по сохранению привычной нормы в Индии с плеч государства были переложены на плечи общества. Но эта важная трансформация не привела ни к возвышению общества над государством, ни к какому-либо преимущественному развитию социальных институтов. Как и везде на Востоке, над традиционным индийским обществом прочно встало государство с его обычными институтами – властью-собственностью, рентой-налогом и централизованной редистрибуцией этой ренты. Община производила и платила ренту-налог государству. Государство существовало за счет этой ренты-налога, редистрибуция которой предоставляла содержание всем тем жившим вне общины социальным группам, существование которых было необходимо для нормального функционирования усложненной структуры в целом. Здесь, как и в других древневосточных обществах, реализовывался все тот же обмен общественно необходимой деятельностью, развивалось престижное потребление верхов, шел процесс приватизации и формировались различные категории собственников. Иными словами, государство было таким же, как и в других восточных обществах, – таким же по своим основным функциям, по механизму взаимодействия, по целям и формам существования.

Но вместе с тем традиционное индийское государство именно в силу необычайной крепости форм организации индийского общества и автоматического воспроизводства этих форм не было столь важным и жизненно необходимым для общества, как в других случаях. Образно говоря, индийское общество могло бы и не заметить, если бы государство исчезло вовсе, разве что некому было бы посылать ренту-налог, – тогда как во всех остальных древневосточных структурах не только гибель, но и ослабление государства влекли за собой кризисные явления, болезненно отражавшиеся на всем обществе. В реальности, разумеется, государство не исчезало. Просто крушение одной политической структуры неизменно влекло за собой появление на ее месте другой или других. Новые государства здесь появлялись с

завидной легкостью, практически без затяжных войн и тем более всенародного сопротивления. Но зато все эти государства всегда были неустойчивыми, слабыми и обычно долго не существовали. Вместе с тем они были все теми же государствами, что и на всем Востоке: каждое из них олицетворяло высшую власть-собственность, было верховным редиистрибутором, т. е. собирало ренту-налог и одержало за ее счет стоявшие над обществом слои населения, обслуживавшие государство.

Часть вторая Средневековый Восток

Глава 1 Средневековье и проблема феодализма на Востоке

Деление истории на несходные друг с другом хронологические этапы появилось в европейской историографии с началом энергичного развития буржуазного общества, причем поводом для этого явилась необходимость понятийно-терминологически выделить новое время, противопоставив его прошлому. Прошлое же в истории Европы отчетливо делилось на античную древность и эпоху феодальной раздробленности, за которой следовал абсолютизм, т. е. период преодоления феодальной раздробленности, некоей дефеодализации. Блеск античности с ее высокими культурными стандартами, развитой частнособственнической экономикой, гражданскими правами и демократией, свободомыслием мудрецов импонировал идеологам нарождавшейся европейской буржуазии, а казавшаяся на этом фоне мрачной и убогой эпоха, разделявшая античность и новое время с его дефеодализацией, была названа средневековьем.

Сам термин был призван подчеркнуть преемственно-сущностную связь древности с возродившим ее традиции новым временем. Позже, когда трехчленная схема в европейской историографии уже устоялась, более четко обозначилась ассоциативно-коррелятивная связь античности с рабовладением, раздробленности с феодализмом, а нового времени с буржуазным развитием, в результате чего схема в ее модифицированном виде стала выглядеть как «рабовладение – феодализм – капитализм».

Итак, античное рабовладение, средневековый феодализм и современный капитализм. Все было четко, ясно и до предела понятно любому грамотному европейцу еще два столетия назад. Одно не вписывалось в эту стройную схему – история всего остального, неевропейского мира. Для многих в Европе, включая Гегеля и Маркса, о чем шла речь в вводной части работы, Восток был особым феноменом. Однако в XX в. проблема традиционного Востока стала решаться по-разному, причем в принятой у нас истматовской схеме его история начала уподобляться европейской – то же рабовладение и тот же феодализм.

Проблема феодализма на Востоке

О том, как пытался истмат постулировать наличие рабовладельческой формации на Востоке, речь уже шла. Нечто подобное произошло и с феодальной формацией. Более того, поиски феодализма оказались даже более легкими, чем то было с рабовладением. Дело в том, что система отношений которая возникла в постантичной варварской Европе, прежде всего среди полупервобытных германских племен, и которая со временем стала именоваться феодализмом, в сущности весьма близка к командно-административной структуре Востока, особенно на начальном этапе ее становления либо в периоды политической децентрализации. Здесь нет ничего странного: выходцы из великой индоевропейской общности, близкие родственники хеттов и иранцев, индийских ариев и доантичных греков, германские племена до оседания их на территории Европы находились на той же стадии развития и обладали той же протогосударственной структурой, что и все остальные неевропейские общества. Они не были

знакомы с частной собственностью, зато феномен власти-собственности, централизованной редиистрибуции и контроль государства над обществом уже явно формировался в их среде.

Существуя на протяжении веков рядом с античной Европой и активно контактируя с Римской империей, втягиваясь постепенно в орбиту ее хозяйственно-культурного влияния, германцы не могли не воспринять кое-чего из античного наследия. В результате та система отношений, которая возникла в Европе после падения Рима на смешанной германо-романской основе и со временем стала именоваться феодализмом, не была уже стопроцентно традиционно-восточной. Суть отличий сводилась к тому, что в раннем европейском феодализме укоренились и продолжали существовать, даже развиваться многие структурно существенные черты и признаки европейской античности. И хотя частично эти признаки были отсеяны христианством, сам факт христианизации феодальной Европы тоже немало значил с точки зрения преемственности структуры. Практически, как о том не раз писали специалисты, шел процесс синтеза классической античной и варварской германской (восточной по типу) структур. В этом синтезе со временем все большую силу набирали элементы античной структуры с ее приматом частнособственнического производства.

Почему строй жизни средневековой Европы и вообще постантичный этап европейской истории стал со временем именоваться феодальным? Феод – наследственное владение аристократа, вассала правителя протогосударства или раннего государства. Это нечто очень близкое к раннежоуским уделам в Китае. Система феодалов (или уделов), игравшая немалую роль в молодых государствах, в периоды политической раздробленности (а в раннесредневековой Европе это было едва ли не постоянной нормой, что не было характерно для Востока с его явственной тенденцией к централизации), не просто выходила на авансцену политической жизни, но и определяла многие ее основные параметры. Ей сопутствовали тесно связанные с ней институты – иерархия и вассалитет, междоусобицы и местничество, рыцарская этика, сословное чванство и т. п. Все эти институты важны для характеристики системы в целом. Поэтому, когда в позднем европейском средневековье они стали исчезать или замещаться централизованным абсолютизмом, то это по сути означало дефеодализацию средневековой Европы.

Итак, перед нами период от ранних феодалов до дефеодализации – период феодализма, как он уже достаточно давно именовался. Марксизм придал привычному термину, как упоминалось, новое содержание, поставив вопрос о феодальном способе производства и феодальной формации в средневековой Европе. Феодализм стал восприниматься представителями различных историографических и идеологических направлений по-разному с точки зрения сущности явления (акцент на социально-политический феномен или социально-экономические отношения), хотя подчас одни и те же авторы, в том числе марксисты, включая самого Маркса, использовали этот термин и в том, и в другом смысле, в зависимости от контекста.

Таким образом, феодализм как явление был осознан в европейской историографии. Европейский феодализм совпал по времени с периодом средневековья и на протяжении веков заметно эволюционировал. Феодальная Европа постепенно все более ощутимо отрывалась от ее восточных корней и сближалась с возрождавшимся античным способом производства (апогей этого процесса – период Возрождения), что было особенно заметно в городах, где заново складывались многие элементы гражданского общества. Как известно, это сыграло свою роль в процессе дефеодализации. В связи со сказанным встает законный вопрос: а был ли подобного типа этап феодализма где-либо еще, кроме Европы? Иными словами, можно ли и правильно ли говорить о «феодализме на Востоке» или «восточном феодализме»?

Вопрос может показаться наивным: хорошо известно, что понятие «феодализм» широко, подчас даже безбрежно используется применительно к неевропейским обществам – более того, чаще всего даже преимущественно по отношению к ним: ведь они сравнительно отстали, стало быть, у них мешают развитию именно «пережитки феодализма», «феодальные порядки» и т. п. Но отнесемся к проблеме так, как она того заслуживает с точки зрения серьезного академического анализа, учитывая прежде всего традиционную приверженность отечественной историографии XX в. к анализу в привычных категориях марксизма.

Сам Маркс не использовал или почти не использовал термина «феодализм» для

характеристики восточных обществ и никогда не применял его для социально-экономической характеристики этих обществ, для обозначения формации на Востоке. Но ведь после него в полном соответствии с пятичленной истматовской схемой формаций это стало нормой: средневековый Восток – феодальный Восток, а как же иначе? Именно в безудержном использовании «феодальной» терминологии (отношения, пережитки и т. п.) как раз и виделось многим то самое единство всемирно-исторического процесса, ради которого следовало принести в жертву все остальное. Конечно, подчас делались оговорки в том смысле, что «восточный феодализм» отличается некоторыми существенными особенностями. Но при всем том он все-таки именно феодализм, а не что-либо иное. Почему же?

Причины есть. И дело не только в том, чтобы силой втиснуть Восток в выработанную на европейском материале схему формаций, хотя такую силу нельзя было недооценивать. Уже говорилось, что существует явственная генетическо-структурная близость между раннеевропейским феодализмом и традиционным Востоком, особенно на начальных ступенях процесса политогенеза. Можно также еще раз напомнить, что социально-политические институты европейского феодализма принципиально не были чужды и Востоку, как древнему, так и средневековому, особенно в периоды политической децентрализации. Правда, как только на смену раздробленности приходила централизация, на смену феодализму шла дефеодализация. Но ведь так же было и в позднесредневековой Европе с ее тенденцией к абсолютизму! В чем же разница? Почему же в Европе феодализм, по Марксу, формация, а вне ее – нет?

Разница есть, причем очень большая, принципиальная. Феодализм как социально-политический феномен, как система институтов, тесно связан именно с политической раздробленностью – как в Европе, так и вне ее. Преодоление раздробленности означает дефеодализацию. Иными словами, в принципе феодализм в этом его первоначальном смысле мог появляться и исчезать, после чего возникать вновь, как то и бывало в истории ряда стран Востока, будь то Древний Египет или Китай. Но если так, то феодализм подобного типа невозможно отождествлять с марксистской формацией как определенным историческим и социально-экономическим этапом развития общества.

Европейский феодализм в принципе был таким же, как на Востоке. Он тоже пришел к концу, к дефеодализации, когда на смену политической раздробленности пришла централизация. Но в конкретных условиях истории Европы этот цикл – от начала феодализации до дефеодализации – хронологически почти точно вклинился в промежуток между античностью и капитализмом. Поэтому-то здесь феодализм как система феодалов с легкостью был отождествлен истматом с феодализмом как формацией, формационно (а не только хронологически) отделившей европейскую древность от нового времени. Оставляя в стороне вопрос о проблеме марксистских формаций, в принципе следует заметить, что вне Европы подобного совпадения нигде и никогда не было. Роль господствующей и единственно известной структуры формационного (если уж последовательно использовать истматовскую терминологию) типа там играло всесильное государство, а феодализм временами выходил то в одном, то в другом регионе на передний план лишь в упомянутой уже форме системы уделов, совокупности социально-политических институтов децентрализованной структуры.

Так правомерно ли употреблять термин «феодализм» применительно к средневековому Востоку? По строгому смыслу теории Маркса – решительно нет. Но одно дело строгий смысл теории и совсем другое – сложившаяся практика. Не только в марксистской, но и во всей мировой историографии термин «феодализм» употребляется очень часто и в весьма расширительном смысле. Словом «феодализм» обычно именуют не только периоды политической раздробленности, но вообще весь докапиталистический этап истории (стоит напомнить в этой связи, что термином «рабовладение» применительно к древности как историческому периоду немарксистская историография вообще не оперирует). Такое расширительное использование слова превращает его в некую условность, в приемлемое и даже удобное для всех обозначение того общества, того периода истории, который предшествовал капиталистическому. Практически в немарксистской историографии «феодализм» – это другое обозначение понятия «традиционный Восток», едва ли не синонимичное ему. Но в том-то и дело, что это отождествление приемлемо и не вызывает споров лишь в немарксистской

историографии, где не существует понятия «феодализм» в качестве формации. И совсем иначе обстоит дело в марксистской историографии, где слово «феодализм» преимущественно используется в смысле формации.

Имея это в виду, важно заметить, что использование термина «феодальный» применительно к неевропейским структурам неизбежно предполагает, что речь идет об обществе, подобном европейскому феодальному обществу. В полном соответствии с учением о формациях историками-марксистами при этом подразумевалось не сходство социально-политических институтов или систем уделов-феодов, но именно единство формаций. Происходила некая как бы незаметная подмена понятий. Не европейский феодализм как система феодов сопоставлялся с неевропейскими периодами политической раздробленности и сходных явлений, а европейское феодальное средневековье как формация воспринималась в качестве образца для конструирования средневекового восточного феодализма как формации. Происходила явная терминологически-понятийная путаница: одним и тем же словом именовали разные системы отношений. Ведь в средневековой Европе господствующий класс частных собственников (феодалы) эксплуатировал труд зависимого от него крестьянина, причем государство опиралось на этот класс и объективно выражало его волю. В неевропейских обществах, включая и средневековые, все обстояло иначе: выполняющее функции господствующего класса государство в лице причастных к власти во главе с правителем жило за счет ренты-налога с землевладельцев, прежде всего с производителей-крестьян. Феодалов как отделенного от государства господствующего класса здесь никогда не было, как не было и феодального землепользования, феодального землевладения, феодальной частной собственности.

Так как же все-таки быть с проблемой феодализма на Востоке? Призывать отказаться от использования «феодальной» терминологии в нынешних условиях несколько напоминало бы стремление бороться с ветряными мельницами. Надеяться на то, что несоответствие упомянутой терминологии духу строгого смысла теории приведет к отказу от удобного и всем понятного термина, пока не приходится. Но, учитывая все сказанное, стоит воздерживаться от слишком частого и бездумного употребления «феодальной» терминологии и уж во всяком случае не использовать ее тогда, когда это явно искажает смысл анализируемого явления либо процесса. Например, когда речь идет о восточном средневековье как этапе исторического пути стран и народов Востока.

Средневековье как этап истории Востока

Для истории Европы, где впервые стал применяться термин «средневековье», смысл этого термина понятен и легко объясним: имеется в виду хронологический промежуток между античностью и возрождением многих античных признаков и структурных черт в новое время. Европейское средневековье – это по сути синоним феодализма. Семантический же подтекст слова в том, чтобы подчеркнуть, что динамика исторического развития Европы в средние века шла по линии преодоления феодальной раздробленности и элементов чуждой античности восточной структуры. Логика этой динамики привела после Возрождения к вызреванию капитализма как качественно новой, но сущностно близкой античности структуры, поднявшей на принципиально новый уровень священный принцип частной собственности.

В истории Востока, где понятие «феодализм» при любой трактовке термина хронологически явно совпадает с европейским, не говоря уже о том, что античности, как и капитализма (вопрос о том, когда и как капитализм проник на Восток, будет особо рассматриваться в следующей части книги), в качестве граней для средневековья там не было, дело обстояло иначе. Уже не раз шла речь о том, что Восток в принципе развивался иначе, чем Европа, шел по иному пути, что динамика его истории отличалась от линейно-прогрессивной европейской своей цикличностью. Говорилось и о том, что и в рамках спиральных циклов Восток все же развивался поступательно, причем это развитие проявлялось и в усовершенствовании технологии, и в использовании все новых ресурсов, и в развитии новых идей, включая научные, и в распространении накопленных знаний и культурного опыта в сторону первобытной периферии, и в совершенствовании социально-политической структуры

общества, и во многом другом. К этому стоит добавить, что поступательно развивались производственные ресурсы Востока в целом, будь то обогащенные опытом предков люди, численно все возраставшие и включавшиеся в производство новые орудия и новые технологии. Достаточно напомнить, что к эпохе Великих географических открытий на рубеже XV–XVI вв. именно богатый Восток представлялся полунищим европейцам сказочным царством роскоши – да и действительно восточные города и резиденции правителей были богаты. А ведь богатство – это объективный показатель развития и процветания структуры.

Словом, Восток развивался, временами даже достигал уровня зажиточности, а то и процветания. Богатая международная торговля способствовала распространению этого уровня, а консервативная стабильность социальной структуры в известной мере (учитывая неизбежные колебания в рамках циклов) гарантировала его устойчивость. Конечно, не стоит преувеличивать: богаты были отнюдь не все. Но не было и чересчур кричащей имущественной разницы вне пределов престижного потребления причастных к власти. Главное же было в том, что каждый имел столько, сколько ему положено, соответствовало его положению в государстве и обществе. Зарвавшиеся же собственники, нарушавшие эту неписанную норму, обычно сравнительно легко ставились на место.

Такой стереотип существования сформировался еще в глубокой древности, несколько трансформировался в период процесса приватизации и затем в достаточно устоявшемся виде стал привычной нормой. Норма продолжала существовать на протяжении долгих веков и дожила в основном практически почти до наших дней, хотя с эпохи колониализма начался новый этап ее постепенной трансформации. Если прибавить к этому, что смены формаций традиционный Восток не знал, то перед специалистами невольно встанет вопрос, что же брать за основу периодизации исторического развития Востока. Что было здесь эквивалентом европейского средневековья? И вообще есть ли смысл выделять его?

Смысл, даже необходимость, безусловно есть. История традиционного Востока слишком велика, чтобы обходиться без периодизации. Ныне существует даже тенденция делить слишком продолжительную восточную древность на две части – раннюю и позднюю. Тем более стоит особо выделить тот этап развития, который лежит между древностью и колониализмом и который хронологически примерно соответствует европейскому средневековью. Остается лишь серьезный и никем пока не решенный вопрос, что же брать в качестве критерия при вычленении восточного средневековья. Обратим вначале внимание на то, что единственная структурная ломка, которую пока что пережил Восток, а вместе с ним и весь вообще неевропейский мир, это переход от традиционной структуры к колониальной или полуколониальной (зависимой), трансформирующейся в сторону капитализма. Отсюда со всей четкостью следует одно: древность и средневековье для Востока были периодами существования в рамках одной и той же традиционной структуры. Но если нет между древностью и средневековьем структурной грани – подобной той, что была в истории Европы, – то какую грань следует брать за основу при периодизации исторических этапов? Есть только два возможных выхода: либо оперировать комплексом второстепенных, а то и случайных критериев, либо просто согласиться на некую условную хронологическую грань. Рассмотрим эти варианты.

Если оперировать комплексом критериев, то следует принять во внимание степень централизации власти, скажем, переход ее на уровень «мировых» держав, великих империй, ее институционализации, т. е. отработки механизма администрации, гибкого аппарата власти. Важно учесть роль великих мировых религий, способствовавших наднациональному общению и создававших определенные условия для существования «мировых» держав. Необходимо принять во внимание темпы освоения первобытной периферии, т. е. экстенсивное развитие крупных держав. Наконец, многое значит и возникновение устойчивых зон господства той или иной цивилизации, базирующейся на веками складывавшемся культурном стандарте и освященной какой-либо из великих религий или выполняющих их функции идейных доктрин. Все эти и многие близкие к ним критерии в сумме действительно помогают сформировать определенный комплекс важных признаков, который может свидетельствовать о некоем рубеже между старым и новым в истории разных стран и регионов Востока. Но при этом возникает новая практически непреодолимая сложность: комплекс критериев помогает найти логическую

грань, не более того. А как быть с гранью хронологической, если принять во внимание, что у каждого из основных регионов своя логическая грань, хронологически не совпадающая с другими?

Так, например, для ближневосточного региона, родины человеческой цивилизации, столь богато представленного в древности важными историческими событиями, длительными периодами интенсивного развития, великими державами (Двуречье, Египет, Ассирия, Вавилония, Персия), период радикальной внутренней трансформации явственно приходится на промежуток между IV в. до н. э. (походы Александра) с последующим сильным культурным и структурным воздействием со стороны античного мира (эллинизация, романизация и христианизация) и VII в. н. э., отмеченным жесткой печатью ислама. За это тысячелетие кардинально изменилось на Ближнем Востоке очень многое: исчезли старые народы и им на смену пришли новые; ушли в прошлое древние государства, уступив место Арабскому халифату и его эмиратам и султанатам; решительно изменился образ жизни подавляющего большинства населения, принявшего ислам, вместе с которым пришли новый образ жизни, иные обычаи, нормы взаимоотношений, подчас даже языки. Неизменным осталось одно – то самое, что дает основание отрицать здесь факт смены структуры: как и в глубокой древности, отношения в мире ислама детерминировались нормами жесткого приоритета государства, причем примат всего государственного, власти как таковой, перед рыночно-частнособственническими отношениями стал проявляться в исламских странах даже более жестко, чем в доисламской древности, – при всем том, что родоначальники ислама, жители торговых арабских оазисов, были весьма сильно вовлечены в частнопредпринимательскую деятельность.

Если обратиться к истории Индии и связанного с ней региона, всей индо-буддийской цивилизационной зоны (это Индостан, включая Пакистан и Бангладеш – речь идет об их истории, а не о современном состоянии, – а также большая часть Юго-Восточной Азии и ряд мелких государств типа Непала и Шри-Ланки), то окажется, что рубеж между древностью и средневековьем определить тут с помощью комплекса критериев будет еще сложнее. Как в глубокой древности, так и много позже, вплоть до проникновения ислама, здесь существовали крепкие восходящие к варново-кастовым и общинным связям социальные структуры, тогда как государства были политически неустойчивыми. Шел постепенный процесс индианизации юга полуострова, индуизм и в еще большей степени буддизм проникали на восток от Индии и завоевывали прочные позиции во многих районах, прежде всего в Юго-Восточной Азии. Но ничего более радикального не происходило вплоть до XII–XV вв., когда энергичное проникновение ислама во все или почти все страны региона изменило достаточно радикально образ жизни этих стран. Таким образом, если руководствоваться комплексным критерием, перед нами возникнет лишь одна логическая грань: XII–XV вв.

Обратившись к Китаю и всему Дальнему Востоку, мы обнаружим совершенно иную логическую грань: на рубеже III–II вв. до н. э. древнекитайское общество, пережив структурную трансформацию и обретя единую официально санкционированную идеологическую доктрину, в духе которой были реформированы основные социальные институты и сориентированы образ жизни и ментальность населения, стало во многом иным, как иным стало и государство, приняв форму могущественной империи. Правда, эта империя в первые века своего существования испытала тяжелые удары кризиса, а затем на несколько веков даже распалась на части, причем как раз в это время формировались соседние с Китаем государства (Корея, Вьетнам, Япония), многое заимствовавшие у него и бывшие длительное время по сути частью китайской цивилизации. Приняв во внимание упомянутые события и процессы, можно опять-таки растянуть логическую грань между древностью и средневековьем в этом регионе Востока почти на тысячелетие (III в. до н. э. – VI в. н. э., когда была воссоздана империя).

Приняв во внимание все изложенное, нельзя не заметить, что определяемая комплексом критериев логическая грань, вполне доказательная и приемлемая в каждом из конкретных случаев, годится как грань лишь для данного региона. Конечно, есть и определенные совпадения: исламизация была общей и для Ближнего Востока, и для Индии и Юго-Восточной Азии. Но эта общность разрушается хронологическим дисбалансом (VII в. в одном случае, XII – в другом, XV – в третьем) и даже сущностной неравнозначностью: исламизация в Индии

совсем не похожа на то, что было на Ближнем Востоке, ибо индийская кастовая система оказалась несовместима с исламом; только в Юго-Восточной Азии, где сильной кастовой структуры не было, успех ислама был ощутим, да и то с оговорками. Хронологически близки между собой периоды трансформации от древности к средневековью на Ближнем и Дальнем Востоке, но в обоих случаях эти периоды протянулись на тысячелетие, которое явно не может претендовать на роль хронологической грани.

Сказанное означает, что первый вариант, т. е. попытка опереться на комплекс объективных критериев для выработки общей периодизации, не дает приемлемого результата. Общей для всего Востока грани на этой основе наметить практически невозможно. Остается второй вариант, т. е. принятие некоей условной хронологической грани.

Собственно, именно это и делается ныне практически всеми. На этой основе создаются учебники, общие труды, энциклопедии и т. п. Только в марксистской историографии эту условную и откровенно заимствованную из европейской истории хронологическую грань (примерно V в. н. э.) обычно, о чем уже говорилось, отождествляют с формационной (начало феодализму – опять-таки с незримой ссылкой на то, что именно так было в Европе). Учтя все это и твердо отдавая себе отчет в том, что фактически речь идет не о грани между формациями, а об условной хронологической грани, откровенно ориентированной на реалии европейской истории и взятой именно для удобства периодизации, мы вправе ориентировочно датировать начало восточного средневековья примерно началом, первыми веками нашей эры. Итак, начало, пусть условное, намечено. А как быть с концом?

Проблема здесь не менее сложна, хотя в некотором смысле более очевидна. Снова о грани между формациями речи нет – можно говорить лишь о начале трансформации восточных обществ под воздействием европейского капитала, колониализма, международного рынка. Естественно, что это длительный процесс, далеко не завершившийся и даже не достигший заметных результатов в ряде случаев и в наши дни. Так что же в таком случае взять за грань, пусть даже и условную?

Совершенно очевидно, что на сей раз приводимую обычно в наших учебниках, энциклопедиях и общих трудах периодизацию, не только откровенно ориентированную на реалии европейской истории, но прямо опирающуюся на эти реалии (английская революция? французская революция?), принимать нет оснований. Здесь все-таки нужна грань, пусть условная, пусть как-то соотношенная с европейской историей, но все-таки имеющая смысл для самого Востока как субъекта исторического процесса. Другими словами, здесь необходимо принять во внимание не просто европейские процессы, но прежде всего то, как эти процессы затронули Восток. Речь идет, естественно, о колониализме, об экспансии колониального капитала, о связанной с этой экспансией трансформации Востока, наконец, о превращении ряда восточных стран в колонии.

Какие из этих событий наиболее важны, какие из них можно взять в качестве грани, пусть даже условной?

Начало колониальной экспансии было положено на рубеже XV–XVI вв. Страны южных морей стали энергично осваиваться португальцами и голландцами уже в XVI в., тем более в XVII в. Колонизаторы, включая и испанцев, англичан, представителей других европейских держав, активно осваивали территории Африки, Америки, Юго-Восточной Азии, в форме отдельных небольших анклавов оседали в Индии, Китае, занимали все укреплявшиеся позиции в торговле и мореплавании Ближнего Востока. Все это безусловно воздействовало на традиционную структуру неевропейских стран, а в ряде случаев – работоторговля в Африке, латинизация Америки, активность в Юго-Восточной Азии – даже очень заметно. Тем не менее для традиционного Востока с его древними центрами высокой культуры это было только началом некоторых изменений, в то время еще едва заметных, если заметных вообще. Даже в XVIII в., когда европейские державы начали активное колониальное проникновение на Восток и было начато завоевание англичанами Индии, внутренней структуры восточных стран, в том числе и той же Индии, это коснулось очень слабо. Стран Ближнего и Дальнего Востока почти не коснулось. Торговые связи между этими странами и Европой шли практически в одну сторону – в Европу, нуждавшуюся в пряностях и иных «колониальных» товарах, но практически не имевшую того, в чем нуждался в то время Восток (точнее, не имевшую товаров,

которыми он заинтересовался бы). И только с XIX в. ситуация стала решительно меняться.

Как известно, в Европе XIX век начался с Великой французской революции, давшей энергичный толчок капиталистической трансформации – как политической, так и экономической, основанной теперь же на машинной индустрии. Вот эта-то машинная индустрия и совершила подлинную революцию в мировом хозяйстве. Именно она способствовала энергичной трансформации внутренней структуры Востока, прежде всего Индии, наводненной английскими промышленными товарами. Только теперь, с XIX в., начался период ломки и трансформации традиционной внутренней структуры Востока, вынужденного приспособляться к новым реалиям колониального капиталистического мирового рынка.

Приняв во внимание сказанное, мы вправе условно установить завершающую грань восточного средневековья в XIX в., для большинства стран Востока – скорее всего в середине XIX в., когда только что упомянутые процессы уже повсеместно стали давать о себе знать, вызывая ответную реакцию традиционного восточного общества.

Глава 2

Ближний Восток и Иран от эллинизма до ислама

Усиление Рима и превращение его в мировую державу сыграли существенную роль в распаде созданных на развалинах империи Александра эллинистических государств, птолемеевского Египта и царства Селевкидов. Во II–I вв. до н. э. значительная часть их территории превратилась в провинции Рима, римский Восток. И хотя римляне не очень-то навязывали чуждым им странам свой образ жизни, ограничиваясь верховным надзором и строгим контролем с конечным правом решающего голоса (вспомним прокуратора Понтия Пилата в Иудее), население завоеванных восточных провинций подвергалось сравнительно энергичному процессу романизации, а позже и христианизации. Сам феномен христианства своим появлением на свет был обязан тем процессам сложного синтеза, которые протекали на римском Востоке. Во всяком случае древнейшие центры христианства – его константинопольский, антиохийский, иерусалимский и александрийский патриархаты – возникли и длительное время существовали и частично продолжают существовать именно здесь, на бывшем римском Востоке.

Романизация, как и прежде эллинизация, не затрагивала восточные общества слишком глубоко: основное воздействие волны иноземного влияния оказывали на крупные города и заселенные западными переселенцами-колонистами поселения, включая военные. Обширная хора продолжала жить по своим законам, восходящим к древним традициям. Однако и глубокая периферия римско-эллинистических провинций не оставалась вовсе без изменений. Почти поголовная христианизация населения римского Востока не могла не сыграть определенной роли в трансформации социально-экономической и политико-административной структур, вынужденных приспособляться к реалиям Рима, а затем и Византии. Словом, вплоть до VII в. Египет, Сирия, Палестина, Малая Азия и ряд прилегающих районов были восточной периферией Византии и лишь после этого они, кроме разве лишь Малой Азии, оказались вновь включенными в рамки огромного ближневосточного государства, на сей раз Арабского халифата.

Бактрия и Парфия

По-иному складывались судьбы тех частей Селевкидского царства, которые были расположены далее к востоку от границ Рима и Византии. Еще в середине III в. до н. э. здесь возникли два крупных государства, Бактрия и Парфия. Бактрия, расположенная на территории пригиндукушских районов Индии и Афганистана, а также включавшая в себя часть земель юга Средней Азии, была основана выходцами из греко-македонской знати, потомками воинов Александра (почти до наших дней среди правителей многочисленных княжеств Пригиндукушья бытуют легенды о том, что они ведут свою родословную от великого

Искандера). Социальной и военной опорой греко-бактрийских правителей были греческие колонисты, жители городов, – по некоторым данным, их насчитывалось в Бактрии чуть ли не тысяча («страна тысячи городов», как называли ее греческие историки). Однако открытое противостояние греков местной азиатской знати, не говоря уже о простых жителях периферийной хоры, обусловило непрочность Бактрии как политического образования. Страдая от междоусобиц и нападений кочевников, Греко-бактрийское царство уже во II в. до н. э. ослабло и распалось на множество небольших княжеств, часть которых была основана и возглавлена вождями кочевых племен, быстро усваивавших, хотя бы частично, культурное наследие эллинизма.

Вскоре на развалинах Бактрии возникла могущественная Кушанская империя, основанная одним из потомков вождей кочевников, подчинившая себе на рубеже нашей эры значительную часть Северной Индии. Кушанская империя, как и ее предшественница Бактрия, просуществовала недолго. Однако в истории она оставила довольно яркий след. Дело в том, что взаимодействие эллинистической и индийской культур на местной бактро-кушанской основе породило блестящий феномен – знаменитое искусство Гандхары с его выразительными скульптурными изображениями. Как известно, гандхарская скульптура после IV буддийского собора, проведенного примерно в I–II вв. н. э. покровителем буддизма и наиболее известным из кушанских царей Канишкой, стала иконографической основой реформированного буддизма Махаяны.

Гораздо более крепким государством оказалась Парфия, основанная вмешавшимся в политическую борьбу ближневосточных правителей предводителем кочевого иранского племени Аршаком. Располагавшееся вначале на землях к югу от Каспия, это государство стало быстро увеличивать свои владения. Стараниями правителей Митридата I и Митридата II территория Парфии во II в. до н. э. увеличилась за счет Мидии и Месопотамии. И хотя нашествие кочевых племен с востока (тех самых, что привели к крушению Греко-бактрийского царства), временно приостановило экспансию парфян на западе, к рубежу нашей эры Парфия превратилась не только в самого крупного и сильного, но практически единственного восточного соседа и соперника Рима. Вскоре началась эпоха римско-парфянских войн, тянувшаяся с некоторыми перерывами около трех столетий.

Войны шли с переменным успехом. Временами парфяне наносили сокрушительные поражения римлянам, как то было в битве при Каррах, в 53 г. до н. э., но в конечном счете соперничество с Римом привело к гибели истощенной войнами Парфии. Кроме того, римско-парфянские войны шли на фоне острого соперничества, даже вражды влиятельных внутренних группировок парфянских верхов, одна из которых, эллинская, представлявшая интересы богатых городов страны, занимала откровенно проримские позиции, тогда как другая, представленная стоявшими близ трона представителями иранской знати, потомками воинственных кочевников, мечтавших о наследстве Ахеменидов, стремилась к продолжению войн. Устойчивое противостояние влиятельных группировок осложняло политическую обстановку в Парфии и подчас позволяло Риму добиваться успехов с помощью интриг и искусной дипломатии.

В начале нашей эры влияние проримской группировки было ослаблено, а затем и вовсе сведено к нулю. На передний план в политической жизни вышли те, кто боролся за сильную Парфию. Однако мечтам о наследстве Ахеменидов не было суждено осуществиться: парфянские правители не сумели выработать систему реформ, аналогичную той, которую в свое время осуществил Дарий. Результатом неудачи было не усиление, а постепенное ослабление внутренней стабильности в стране, рост сепаратизма знати в провинциях-сатрапиях, не говоря уже о мелких вассальных государствах, хотя и включенных в состав Парфии, но управлявшихся своими правителями и живших по собственным законам.

Дело в том, что Парфия была случайным конгломератом весьма разнородных стран, народов и племен. Северная и северо-восточная ее часть, населенная в основном иранскими племенами, в том числе и вчерашними кочевниками, была более отсталой, но зато являла собой наиболее надежную базу воинственной группировки знати. Впрочем, и здесь существовали заметные этносоциальные и иные различия. Тон задавала привилегированная элита кочевников-всадников, из которых состояло ядро армии и которые, видимо, по меньшей мере

частично были освобождены от налогов и повинностей. Средства на их содержание шли от обложения рентой-налогом и повинностями земледельцев, которые к тому же поставляли в армию отряды легковооруженных пехотинцев. Немало средств притекало на север и с юга страны.

Южные и юго-западные районы Парфии и прежде всего эллинистические города-полисы Месопотамии были в социально-экономическом отношении не просто более развитыми. Они являли собой структуры иного типа, созданные по образцу античных полисов. Правда, не все города юга были именно такими. Значительная доля их, включая уже пришедший в упадок Вавилон, принадлежала к классическому восточному типу (аналогичные им были и на севере, у самих парфян). Кроме того, в районах хоры на том же юге земледельцы жили по нормам, восходящим к древним восточным традициям. Тем не менее, многочисленные и богатые античного типа полисы, где наряду с большим количеством свободного привилегированного населения, граждан, были неполноправные и рабы, в экономике и особенно транзитной торговле занимали ведущее место и потому обладали немалой силой. С одной стороны, такого рода многоукладность усложняла макроструктуру Парфии и затрудняла эффективную администрацию. С другой, о чем уже упоминалось, это рождало внутреннюю неустойчивость в стране.

Ослаблению внутренней структуры способствовали и архаические элементы в системе администрации. Эта система, восходившая в основном к нормам постпервобытности, когда принцип наследственной власти правителя еще только формировался, предполагала заметную роль родового совета знати при царе. Родственники правителя из числа Аршакидов, члены этого совета, имели решающий голос при решении вопроса о престолонаследии, так что можно представить, сколько усилий должны были потратить претенденты на престол, дабы добиться желаемого, даже если речь шла о сыновьях правителя. И хотя государство в целом было достаточно сильным и богатым (богатство ему давала, в частности, весьма обширная торговля, доходы от которой шли в основном через города Месопотамии), во многом уступавшие ахеменидским основы административно-политической структуры Парфии обусловили в конечном счете ослабление страны. Запоздалые попытки реформ, ставивших эллинистические полисы, да и всю страну под более жесткий централизованный контроль, были предприняты в начале II в. Но они уже мало что могли изменить. Заключительный этап римско-парфянских войн, в ходе которого влияние Парфии на Армению было ослаблено, а Месопотамия несколько раз становилась ареной жестоких сражений и была в значительной степени разграблена и разорена, поставил в начале II в. н. э. Парфию на грань катастрофы. Восстание одного из вассальных князей, правителя Персиды Арташира Сасанида, в условиях внешних трудностей и внутренней неустойчивости привело к падению Аршакидов. На смену парфянам к власти снова пришли представители персов, Сасаниды.

Сасанидский Иран

Правители Парса (Персиды), одного из вассальных княжеств Парфии, были выходцами из тех мест, которые некогда считались ядром державы Ахеменидов. Расположенный на юго-востоке Парфии Парс принадлежал к числу сравнительно развитых районов; его население, персы, не были, наподобие парфянской знати, вчерашними кочевниками. Напротив, они имели уходившие в глубокую древность культурные традиции, включая и развитую собственную религию, зороастризм, учение о вечном противостоянии сил Света и Добра силам Тьмы и Зла. Коронованный в 226 г. в качестве шаханшаха Эрана (Ирана), Арташир положил начало династии Сасанидов, просуществовавшей свыше четырех веков.

Сасанидский Иран унаследовал от Парфии практически все ее земли, а серия войн с Римом позволила первым правителям новой династии даже расширить ее владения за счет завоеваний, правда, незначительных. Ведшиеся с переменным успехом римско-иранские войны привели в конце IV в. к тому, что обе державы поделили сферы своего влияния в Закавказье. При этом большая часть Армении, Картли и кавказская Албания оказались под властью Ирана, что со временем привело к превращению их в провинции державы Сасанидов.

Как и Парфия, сасанидский Иран, особенно вначале, представлял собой случайный

конгломерат объединенных общими политическими судьбами, но весьма различавшихся между собой стран и народов. Однако такое положение быстро менялось. Во-первых, несколько столетий парфянской истории не пропали даром: разные в экономическом, культурном, социальном и этническом плане составные части державы приспособились одна к другой, стали взаимно дополнять друг друга, что постепенно способствовало превращению их в единый социополитический организм. А во-вторых, опиравшиеся на солидную традицию и много более развитые по сравнению с их предшественниками персы, особенно стоявшая у руля правления персидская знать, немало сделали для того, чтобы укрепить свою власть. В частности, был создан по образцу ахеменидского крепкий централизованный государственный аппарат. Была восстановлена и жестко фиксирована система сословий типа каст. Роль официальной религии начал играть зороастризм, культово-обрядовые нормы которого стали обязательны для всех.

Население страны было официально поделено на четыре большие сословные группы. Переход из одной в другую был крайне затруднен, если вообще возможен. Первые три – жрецов, воинов и писцов-чиновников – считались привилегированными. Они не платили налогов и не несли повинностей, кроме своих прямых служебных обязанностей. Четвертую составлял народ, податные, крестьяне и горожане, платившие в казну ренту-налог, включая пошлины, и исполнявшие трудовые повинности. Каждое из сословий подразделялось на разряды и имело внутреннюю иерархическую структуру. Главы всех четырех сословий занимали видное место при дворе; существенно, что главой четвертого из них обычно назначался кто-либо из числа представителей трех высших, привилегированных. Наместниками в областях и правителями вассальных царств или княжеств были преимущественно знатные аристократы, часто из дома Сасанидов.

Таким образом, жрецы, аристократы, чиновники и воины являли собой привилегированную часть общества, жившую прежде всего за счет редистрибуции ренты-налога, а конкретней – за счет избыточного продукта крестьян и ремесленников. Правда, в некоторых районах страны продолжали существовать еще не потерявшие окончательно своих прошлых привилегий эллинизированные города, где было много свободных граждан и немало неполноправных и рабов. Однако эти анклавные точки зрения структуры общества в целом имели явно второстепенное значение и понемногу отмирали. Основными производителями были податные крестьяне, жившие преимущественно большими домовыми общинами.

Общинные поселения, в которых они жили, уже не были первобытно-примитивными. Расслоение сельской общины привело к появлению ее зажиточного слоя, дехканов (впоследствии этим термином стали обозначать земледельцев вообще). Вместе с главами семейно-домовых групп, именовавшимися термином «кедхуда», эти дехкане представляли собой своего рода социально-имущественную верхушку общины, заправляли ее делами. Видимо, достаточно близко к этой верхушке по статусу были воины-азаты. Хотя они и принадлежали к группе воинов, но, будучи низшей и наиболее массовой, а потому и наименее привилегированной частью сословия воинов, азаты практически являли собой просто военнообязанных крестьян, чем-то напоминающих казаков русского царя. Следует заметить, что постоянного войска сасанидский Иран не имел. Войско комплектовалось лишь по мере надобности и состояло из конницы знати и привилегированной части воинов, ополчения азатов и вспомогательных частей пехоты из крестьян.

Государством управлял весьма совершенный аппарат власти из профессионально подготовленных представителей группы писцов-чиновников (хотя высшие должности в аппарате власти замещались, как правило, представителями знати). Во главе аппарата стояли руководители ведомств, в свою очередь подчинявшиеся вазургу-фраматару, должность которого, правда, появилась не сразу. Видимо, аналогичным был аппарат администрации и в провинциях, и в вассальных царствах, хотя, возможно, не везде он был одинаков.

Официальной идеологией Сасанидов был, как упоминалось, зороастризм. Зороастрийские храмы, посвященные известным божествам мира Добра – Ормузду, Митре, Зурвану, богине Анахите, – владели немалыми землями и богатствами, а организованные в иерархическую пирамиду жрецы пользовались довольно большим влиянием, особенно высшие из них. Есть сведения, что в IV–V вв. глава жречества, мобедан-мобед, бывший одновременно и верховным судьей (совпадение религиозных и судебных функций в руках жрецов обычно для многих

восточных обществ), занимал первое место в государстве после самого шаханшаха.

Сасаниды придавали большое значение религии (алтарь – опора трона). Это было тем более необходимо для укрепления внутренней стабильности государства, что в западных и юго-западных районах Ирана с III–IV вв. начало энергично распространяться христианство, ставшее официальной государственной религией Рима, а затем и Византии. Воспринимая ортодоксальное христианство как враждебное (еретические оппозиционные движения – несториан, монофизитов и др. – Сасаниды, напротив, поддерживали и поощряли), правители Ирана делали все, что в их силах, дабы укрепить позиции собственной религии, противостоявшей христианству. И это им в общем удавалось, во всяком случае на первых порах. Однако оборотной стороной роста внимания к религии и влияния зороастризма в сасанидском Иране оказались возникавшие на его основе массовые еретические движения, значительно ослаблявшие страну.

Первым из таких движений было манихейство. Его основатель Мани (216–276), родом из Вавилонии, испытал немалое влияние со стороны христианства (идеи мессианизма) и буддизма (нравственное очищение, ограничения в пище, стремление к освобождению от всего материального на пути к спасению). Главный тезис Мани сводился к тому, что силы Тьмы и Зла в окружающем нас мире заведомо одолевают силы Света и Добра. Только уменьшение зависимости человека от материального начала может способствовать Свету в его борьбе с Тьмой, для чего и надлежит вести аскетический образ жизни. Манихейство быстро распространилось по всему Ирану и вскоре проникло за его пределы, достигнув Испании на западе и Восточного Туркестана на востоке. Вначале относившиеся к этому учению спокойно, даже доброжелательно, сасанидские правители затем испугались его размаха. В 276 г. Мани был казнен, а манихеи стали подвергаться жестоким преследованиям и изгоняться из Ирана.

Вторым был маздакизм. Возникшее двумя с половиной веками позднее, в конце V в., это еретическое учение, кое-что взявшее у манихейцев, оказалось много более радикальным в социальном плане. Основатель его, Маздак, опираясь на все тот же тезис о засилии на земле сил Тьмы и Зла, считал, что очистить от этих сил землю и дать простор силам Света и Добра принципиально можно, но для этого нужно дать простор разуму и справедливости. Он предложил своим последователям начать с перераспределения собственности: брать излишки у богатых и наделять ими бедных. Социальный пафос идей маздакизма о справедливости восходил к обычным для всех крестьянских массовых движений эгалитарным идеалам, но в сасанидском Иране он питался, в частности, еще и недовольством тех, кто был лишен возможности иметь жену и семью, в то время как в гаремах знати томились сотни и тысячи запертых там женщин. Требования передела имущества, включая и женщин, выдвигавшиеся маздакитами, были направлены против влиятельной иранской знати и отражали недовольство низов.

Вначале шаханшах Кавад, попытавшийся было с помощью маздакитов обуздать строптивую знать и усилить собственную власть, поддержал движение и даже сделал Маздака своим советником. Вскоре, однако, маздакиты забрали слишком большую власть, а происки знати едва не лишили Кавада трона. Вынужденный лавировать, шаханшах выжидал подходящий момент. Почти тридцатилетний период господства маздакитов в Иране заметно ослабил влияние знати в этой стране, что было в конечном счете весьма выгодным для ее правителей. Но движение маздакитов, оказавшее объективную помощь шаханшаху, более не было ему нужно, даже становилось обузой, особенно после смерти его основателя Маздака. В 529 г. царевич Хосров, заманив лидеров маздакизма в ловушку, коварно с ними расправился, после чего массовые репрессии на местах довершили дело: маздакизм как влиятельное социально-религиозное течение был сведен на нет.

И манихейство, и особенно маздакизм выявили не столько даже слабости зороастризма как официальной религии, сколько несовершенство социально-политической структуры сасанидского Ирана. Страна нуждалась в энергичной централизации власти. Ослабление наследственной аристократии с ее феодально-сепаратистскими тенденциями в годы господства маздакизма создало благоприятную для этого обстановку, чем и воспользовался Хосров I, когда он оказался у власти. За долгие годы пребывания на престоле (531–579) шаханшах Хосров провел ряд важных реформ. Подавляющее большинство земель, включая и отобранные

маздакитами у знати, было включено в государственный фонд. Все земли были разбиты на разряды и категории и отданы во владение крестьянам, обязанным платить казне строго определенный налог, хараг, колебавшийся в зависимости от разряда. Кроме того, все податное сословие было обложено подушной податью гезит: каждый мужчина, в зависимости от достатка, облагался с 20 до 50 лет ежегодным налогом от 4 до 12 дирхемов. Все остальные довольно многочисленные центральные и местные налоги и подати были отменены. Лишившиеся земли аристократы были взяты Хосровом на государственную службу и получали содержание из казны. Все эти земельно-налоговые реформы способствовали как развитию страны, так и укреплению власти правителя.

В том же направлении были осуществлены и административные реформы. В стране было создано четыре военных округа по четырем странам света, а их командующим соответственно подчинены все размещенные на территории округа войска. В системе высших сановников первое место занял вазург-фраматар, второе – пятое командующие округами и лишь на шестом оказался теперь бывший некогда первым верховный жрец мобедан-мобед. Кроме того, была проведена и военная реформа: все войска, находившиеся под командой начальников округов, являли собой теперь постоянную армию.

Получив в результате реформ Хосрова сильный толчок для своего развития, сасанидский Иран в VI в. вступил в полосу успеха, даже процветания. Именно к этому времени относится усиленное развитие международной транзитной торговли, которая, благодаря активной внешней политике и завоеваниям, стала теперь в основном осуществляться через территорию Ирана, а не вдоль Аравийского побережья, как до того. Шестым веком датируется знакомство иранцев с рядом новых сельскохозяйственных культур (разведение риса, сахарного тростника), включая шелководство. Развилось и ремесло; сасанидский Иран стал славиться изделиями из серебра. В городах возникали влиятельные корпорации ремесленников, чье искусство совершенствовалось также и за счет мастеров, вывезенных из захваченных у Византии районов.

Войны Ирана с Византией шли, с некоторыми перерывами, весь VI век и первые десятилетия VII в. Больших успехов персам они не принесли, но в целом преимущество Ирана становилось все заметнее. Сасанидские войска наносили Византии чувствительные удары. Так, победа над союзником Византии Эфиопией в 570 г. привела к захвату Ираном южноаравийских торговых путей, а в начале VII в. на некоторое время к Ирану были присоединены также значительная часть Малой Азии, Сирия и Египет, являвшиеся провинциями Византии.

20–30-е годы VII в. прошли под знаком усиления внутреннего кризиса и междоусобиц при дворе Сасанидов. Вызванное этим кризисом ослабление Ирана, совпавшее по времени с началом победоносного шествия арабо-исламских завоевателей, оказалось для Сасанидов роковым: войны 30–40-х годов привели не только к падению династии, но и к исламизации Ирана, к началу принципиально нового этапа его многотысячелетней истории.

Аравия до ислама

Завоевавшие сасанидский Иран, восточные провинции Византии и множество других стран и народов арабы были выходцами из Аравии, этого гигантского пустынного полуострова, где издревле обитали многочисленные семитские племена, с которыми народы Ближнего Востока были хорошо знакомы еще со времен шумеров. Семитское население Аравийского полуострова в силу географических условий отчетливо подразделялось на две части: кочевников пустынь и полупустынь и земледельческое, а также торговое население оазисов. Оазисы, о которых идет речь, в основном располагались на побережье, преимущественно на юго-западной оконечности полуострова, территория которой издревле именовалась Аравией Счастливой.

Кочевые племена семитов – впоследствии их стали именовать бедуинами – с глубокой древности бороздили со своим скотом и немудреным скарбом бескрайние пустыни Аравии. Именно они одомашнили верблюда, начавшего играть огромную роль в их бродячей жизни: молоко и мясо шли в пищу, шерсть – на одежды и войлоки, шкура – на обувь и другие поделки; даже навоз не пропадал – его использовали как топливо. Верхом на верблюде кочевники воевали, на верблюдах же они перевозили не только свое имущество и семью, но также и те

многочисленные товары, включая транзитные, которыми Аравия торговала с миром.

Существовало множество родоплеменных групп аравийских кочевников, образ жизни которых почти не менялся на протяжении веков. Во главе этих племенных образований стояли предводители-шейхи, чаще всего выборные, власть которых была обычно ограничена влиятельным советом родовой знати. Эти кочевые племена, часть которых в I тысячелетии до н. э. уже превратилась в протогосударства, держали под своим контролем территорию Северной Аравии, что нередко приводило их к столкновениям с войсками могущественных государств – Ассирии, Вавилонии, Персии. Ожесточенное сопротивление оказали бедуины и войскам Александра, предполагавшего совершить поход в Аравию.

Военная добыча обогащала бедуинов, в первую очередь родовую знать и шейхов. Нередко погоня за ней, в сочетании с некоторыми иными факторами – экологическими, демографическими и др., приводила к мощным выплескам аравийских семитов в земледельческие долины Двуречья и всей Западной Азии. Так появлялись аккадцы, амореи, арамеи, халдеи. Однако это бывало лишь временами. Обычно же семиты Аравии мирно кочевали и возделывали земли оазисов, употребляя свое свободное время для содействия торговле. За счет посреднической торговли многие из них обогащались. Форпостами этой торговли были отдельные города и небольшие государственные образования вдоль побережья.

Чаще всего они представляли собой достаточно мелкие протогосударства, обычно на племенной основе, состоявшие из центрального богатого торгового города и тяготевшей к нему периферии. Каждый из таких городов (наиболее древним и известным из них была Саба) являлся одновременно и центром оазисного орошаемого земледелия. Земля в оазисах ценилась дорого и использовалась интенсивно. Выращивались зерно, виноград, финики, благовония и пряности. Разводили также и скот, прежде всего овец и верблюдов. Основными производителями были члены большесемейных крестьянских общин, имевшие участки земли, за право пользования которыми они платили ренту-налог в казну правителя или храма и исполняли необходимые трудовые повинности. Существовало имущественное неравенство, дополнявшееся неравенством социальным и юридическим. Неполноправные из числа иноземцев и рабов обрабатывали обычно храмовые либо государственные земли на правах условного владения; на тех же правах участки храмовых и государственных земель могли получить и нуждавшиеся в этом общинники.

Возглавляли протогосударства чаще всего избравшиеся на определенный срок жрецы-эпонимы, а исполнительная власть, в частности в Сабее, принадлежала наследственным министрам-мукаррибам, которые во время войны вместе с титулом малик (царь) обретали чрезвычайные полномочия, что и привело на рубеже нашей эры к превращению их в подлинных правителей, власть которых была, однако, ограничена советом родовой знати. Южноаравийские государства активно торговали, в основном со странами Средиземноморья, как собственными продуктами, благовониями и пряностями, так и транзитными, переправлявшимися из Африки и далекой Индии. В основном это была торговля драгоценными редкостями, раритетами, так что посредничество в ней приносило и аравийским торговым городам, и кочевникам-бедуинам, обслуживавшим караваны, огромные доходы.

Во II–I вв. до н. э. южноаравийская торговля пришла в упадок, что было вызвано как переводом части торговли на морские пути (корабли шли из Египта в Индию и обратно), так и сосредоточением торговых операций на севере, через Двуречье (Парфию). Правда, с началом активно ведшихся римско-парфянских войн и тем более после превращения птолемеевского Египта в провинцию Рима (30-й г. до н. э.) южноаравийская торговля вновь стала оживать: Рим, а затем и Византия именно этим, пусть далеким, но безопасным путем, предпочитали вести свои торговые дела и получать благовония, пряности и драгоценности из Африки и Индии.

На рубеже нашей эры Сабейское протогосударство пришло в упадок, а наибольшей силой стало обладать Химьяритское, владения которого охватили значительную часть территории Йемена. Государство Химьяритов просуществовало несколько веков, на протяжении которых оно вело не только успешные торговые операции, но и собственную внешнюю политику, суть которой сводилась прежде всего к взаимоотношению арабов с эфиопами.

Эфиопия, наследница древней Нубии, была одним из достаточно развитых районов Восточной Африки еще во времена египетских фараонов. В начале I тысячелетия до н. э.

эфиопские правители даже дважды завоевывали Египет, правда ненадолго. В целом, однако, Эфиопия была не слишком сильным государством, которое чаще оказывалось в состоянии кризиса и упадка, нежели политического благополучия и тем более процветания. На протяжении первой половины I тысячелетия до н. э. столица эфиопов находилась в городе Напата, откуда и название (Напатское царство), затем она была перенесена в Мероэ, соответственно изменилось и название государства. Мероитское царство, являвшее собой политический конгломерат полувассальных – полунезависимых протогосударств типа княжеств, возглавлявшихся чаще всего племенными вождями, просуществовало ряд веков, пока римское завоевание Египта на рубеже нашей эры не нанесло по нему сильный удар. На смену мероитам в I в. н. э. пришло государство Аксум, активно вмешивавшееся в споры южноаравийских протогосударств, Сабы и Химьяритов. По некоторым данным, само возникновение Аксума было связано с миграцией в Африку пришельцев из Аравии. Как бы то ни было, в лице Аксума Химьяритское царство обрело сильного соперника, особенно если принять во внимание, что в Аксуме кроме хорошо знакомых с торговлей мигрантов из Аравии стали оседать также греческие и римские торговцы, способствовавшие превращению этого государства в еще один центр международной торговли.

Расширившись за счет остатков Мероэ и его соседей, Аксум вскоре стал крупным восточноафриканским государством, население которого занималось земледелием, включая орошаемое, и скотоводством. Это государство с III в. стало вести активную внешнюю политику, а в царствование наиболее известного аксумского царя Эзаны (сер. IV в.) и по его воле Эфиопия быстрыми темпами стала христианизироваться. Христианство довольно тесно связало Аксум с Египтом, а затем и с Византией, причем то и другое способствовало обострению взаимоотношений эфиопов с арабами.

Среди торговцев, ведших дела в оазисах Южной Аравии, были иудеи и христиане, так что обе монотеистические религии были в V–VI вв. достаточно хорошо известны южноаравийским арабам, да и кочевникам-бедуинам. Это не мешало ни тем, ни другим исповедовать собственную примитивную религию и поклоняться своим богам в посвященных им храмах, наиболее известным из которых был знаменитый храм Кааба в расположенной на западном побережье Аравии Мекке, чья роль в аравийской транзитной торговле была очень значительной. В южноаравийском государстве Химьяритов влияние иудаизма и христианства в начале VI в. стало настолько существенным, что его правители склонялись то к одной, то к другой религии, причем в зависимости от этого находилась и их политика.

Когда в 517 г. власть перешла к Зу-Нуvasу, принявшему иудаизм и начавшему проводить враждебную политику по отношению к Византии и Эфиопии, понесшие от этого ощутимые экономические потери аксумиты высадились в Южной Аравии и напали на Химьяритское государство. Вначале неудачная для Аксума, эта экспедиция вызвала преследование христиан в Аравии, упадок торговли. Это ослабило государство Химьяритов, а новая аксумская военная экспедиция 525 г. привела к завоеванию химьяритских владений эфиопами. Окрыленные успехами аксумиты попробовали было двинуться в Хиджаз, на Мекку, но эпидемия оспы нарушила их планы. На протяжении нескольких десятилетий Эфиопия держала в зависимости южноамериканские территории, пока усилившийся Хосров I в 570 г. не изгнал их, захватив Йемен и присоединив его к сасанидскому Ирану, в результате чего и без того приходившая в упадок южноаравийская транзитная торговля была прервана окончательно. Основной поток товаров стал теперь идти более коротким путем через принадлежавшее Ирану Двуречье.

Упадок торговли резко ударил по жившим за ее счет арабам, от процветавших оазисов Йемена и Хиджаза до кочевников-бедуинов, чьи шейхи давно уже начали привыкать к роскоши. Особенно сильно экономический и связанный с ним социальный кризис проявился на западном побережье, в Хиджазе, важнейшем торговом районе Аравии в V–VI вв. Сердцевиной Хиджаза была Мекка, населенная в основном племенем курейш.

Мекка жила за счет торговли, которую активно вели курейшиты, ежегодно снаряжавшие по меньшей мере два богатых каравана (на юг и на север), состоявших из тысячи, а то и двух тысяч верблюдов и оценивавшихся примерно в 50 тыс. золотых монет. Захват Йемена и фактическое прекращение связи с югом сильно уменьшили доход Мекки, особенно если учесть, что ее торговля в основном зависела именно от транзитных связей. Для богатых курейшитов

наступили трудные дни. Упадок торговли грозил не только благосостоянию Мекки, но и самому ее существованию. Нужно было срочно искать выход. И он был найден.

Как хорошо известно, в истории человечества не только отдельные процветавшие города, но и целые большие государства не раз и не два оказывались в состоянии упадка и кризиса, искали выход, но не находили его и гибли, уступая место другим. Мекканским арабам удалось выжить. И не только выжить, но и добиться неслыханной удачи. Можно сказать, что они вытащили у судьбы выигрышный лотерейный билет, каких бывает один на сто, а то и на тысячу. Этим билетом оказался ислам – новая монотеистическая религия, сложившаяся на местной арабской основе под сильным влиянием со стороны иудаизма и христианства.

Идея новой монотеистической религии у жителей Мекки, активно общавшихся с окружавшими их иудеями (большая иудейская колония обращенных в иудаизм арабов была в Ятрибе, будущей Медине) и христианами, буквально висела в воздухе, особенно если принять во внимание, что племенной бог курейшитов, Аллах, считался воплощенным в том самом фетише, черном камне, который был вделан в стену храма Каабы и по своей ритуальной значимости уже тогда почитался едва ли не первым среди всех арабских святилищ. Отсюда, в сущности, был лишь шаг до того, чтобы прийти к единобожию по примеру иудеев и христиан, а затем и отождествить единого великого бога с властелином Каабы, что вполне должно было устроить в конечном счете всех мекканцев.

Именно это и было сделано одним из жителей Мекки. Правда, успех к нему пришел не сразу. Мухаммед (570–632) был бедняком из рода Хашим племени курейшитов, в котором главенствующую роль играли представители богатого рода Омейя. В юности Мухаммед пас стада своего дяди Абуталиба. Затем поступил на службу к богатой вдове Хадидже и стал вести ее торговые дела. Вскоре он женился на Хадидже, причем, несмотря на разницу в возрасте (вдова была на 15–16 лет старше), брак был вполне удачным. Именно от него была рождена Фатима – единственная из выживших и оставивших потомство детей Мухаммеда. Ухудшение торговой конъюнктуры вынудило Мухаммеда свернуть торговые дела и способствовало его уходу в религиозные поиски.

В начале VII в. в Аравии было немало ханифов, т. е. пророков-проповедников, пытавшихся найти истину и нового бога. Этому, как упоминалось, содействовала сама историческая эпоха, ситуация оживленного религиозного контакта. Мухаммед стал одним из ханифов. Он общался со своими коллегами, перенимал их тезисы и доктрины, знакомясь с окружавшими их иудеями и христианами, немало заимствуя от этих последних. На основе всей собранной таким образом суммы знаний, представлений, верований, обрядов и т. п. Мухаммед сумел синтезировать нечто новое и достаточно цельное, что и было затем положено им в основу ислама.

Проповедь новой религии, призывавшей отдать себя Аллаху, единому и всемогущественному, покориться его воле, а также соблюдать заветные им нормы жизни, к числу которых принадлежали, в частности, призывы выступать против ростовщичества, за соблюдение честности в торговле и вообще явственные акценты в сторону социальной справедливости, вызвали вначале враждебность курейшитской Мекки. В 622 г. Мухаммед с группой близких последователей вынужден был уйти из Мекки и поселиться в Ятрибе, откуда родом была его мать. Жители Ятриба, издревле соперничавшие с мекканцами, не только охотно приняли гонимого пророка, но и решительно встали на сторону новой религии, изменив наименование своего города в честь Мухаммеда (Медина, город пророка). 622-й год, год переселения (хиджры), стал началом нового летосчисления для всех мусульман мира, а группа переселившихся в Медину сторонников Мухаммеда получила почетное наименование мухаджиров, совершивших хиджру. Именно они заняли все ключевые позиции в ранней общине мусульман-единоверцев, умме.

Борьба мусульман-мединцев, к которым вскоре примкнуло немало соседних арабских племен, в том числе и кочевников-бедуинов, с Меккой закончилась довольно быстрым успехом. Курейшиты, учтя силу и влияние Мухаммеда и стремительно распространявшегося нового учения, сочли за благо склониться перед ними, выторговав себе за это привилегированное положение: Мекка с Каабой становилась религиозным центром ислама, а родственные Мухаммеду курейшиты выдвигались на все важнейшие посты в создававшейся на основе новой

доктрины социально-политической структуре. В 630 г. Мухаммед торжественно въехал в Мекку, а вскоре после этого умер и был похоронен в Медине.

Смерть пророка, вызвавшая было быстро подавленное недовольство некоторых арабских группировок засильем мусульман, привела к еще большему сплочению его единоверцев, высоко поднявших зеленое знамя ислама и под этим знаменем энергично приступивших к дальнейшему распространению нового учения, к новым завоеваниям. Нелишне напомнить, что экспансия воинственных арабов-мусульман, помимо религиозного фанатизма (роль которого трудно переоценить), стимулировалась и санкционированная самим пророком генеральным принципом распределения военной добычи: 4/5 ее шло воинам, принимавшим участие в сражении, а 1/5 предназначалась для распределения среди нуждающихся, причем это распределение производилось от имени пророка, позже его преемников.

Глава 3 Арабский халифат

Смерть пророка поставила перед руководителями арабов-мусульман нелегкую задачу: кто теперь будет их главой? Речь шла не только и не столько о религиозном вожде, сколько о правителе быстро растущего государства, хотя в представлении сподвижников пророка власть религиозная и власть политическая были неотделимы друг от друга. Религия давала не просто санкцию, но право на власть, а власть не просто опиралась на религию (как то было, скажем, с зороастризмом в сасанидском Иране), но была формой воздействия ее на людей. Словом, после смерти Мухаммеда встал вопрос о его заместителе, о новом религиозно-политическом вожде правоверных. После недолгих совещаний наиболее влиятельная часть сподвижников пророка выдвинула в качестве такого заместителя, халифа, одного из самых уважаемых мухаджиров – Абу Бекра. За недолгие годы его правления (632–634) арабы-мусульмане сумели не только подавить недовольство в своих рядах, но и объединить под властью халифа почти все арабские племена, а также начать успешные завоевания соседних территорий, прежде всего Двуречья (Ирака) и Сирии, потеснив соответственно сасанидский Иран и Византию.

Абу Бекра в качестве главы ставшего уже весьма обширным Арабского халифата сменил Омар, тоже влиятельный мухаджир, ближайший сподвижник Мухаммеда. При нем (634–644) успешные завоевания были продолжены: у Византии были отвоены земли Сирии и Палестины, затем Египет и Ливия, а у Ирана – значительная часть его западных земель, вплоть до Закавказья. При третьем выборном халифе. Османе (644–656), завоевания были продолжены, прежде всего в Северной Африке (Магриб) и Иране, где Сасаниды окончательно лишились власти.

Успешные завоевания и превращение халифата в гигантскую державу резко обострили внутривластные противоречия в этом молодом и структурно весьма еще рыхлом государстве. Управление продолжало сохраняться в руках местных властей, а связи завоеванных областей с центром были недостаточно прочны. Кроме того, в центре назревал политический кризис, вылившийся в острую борьбу за власть.

Дело в том, что при Османе, оказавшемся весьма вялым и бесцветным правителем, на передний план вышли его сородичи из числа Омейядов, чем были очень недовольны другие группировки влиятельной исламской родовой знати, прежде всего из числа близких родственников пророка. Сплотившиеся вокруг кузена и зятя пророка Али, женатого на Фатиме, недовольные образовали политическую партию шиитов (шиа – партия, группа), выступивших за наследственное право потомков пророка, алидов, на власть. В 656 г. Осман был убит одним из шиитов, а четвертым халифом был провозглашен Али.

Влиятельная часть Омейядов, бежавшая от расправы в Сирию, где наместником был Муавия, не только отказалась присягнуть Али, но и резко выступила против него, обвинив его в соучастии в убийстве. Начались военные действия. Небольшое войско Муавии явно не было в состоянии противостоять халифу, но в решающий момент Муавия пошел на хитрость: его воины подняли на своих копьях листы священного Корана, требуя тем самым не военного, а религиозного решения спора. Али проявил нерешительность, согласившись на переговоры, что

стоило ему трона и жизни: 12 тыс. отборных воинов его армии, разочаровавшись в своем вожде, вышли из числа его сторонников и стали именовать себя хариджитами (вышедшими). Хариджиты заявили, что халифом может и должен быть тот, кто достоин этого. Али вынужден был обратить свое основное внимание на хариджитов, которым он объявил войну. Борьба на два фронта завершилась для него печально: в 661 г. Али был убит в мечети в Куфе хариджитом. Халифом же стал Муавия, основавший династию Омейядов.

Халифат Омейядов (661–750)

Омейяды энергично взялись за укрепление своей власти, за создание основ сильной политической структуры, призванной эффективно управлять гигантским государством, состоявшим из весьма разнородных частей. Откупившись от претензий на власть старшего сына Али и Фатимы, внука пророка Хасана²¹, и расправившись затем с поднявшим было мятеж и погибшим близ Кербелы младшим его братом Хусейном²², омейядские халифы сумели затем покончить и с остальными недовольными и восставшими против них арабами. Опираясь прежде всего на военную силу, они вместе с тем сумели выдвинуть на передний план два важных фактора, которые позволили им добиться успеха.

Первым из них была исламизация завоеванного населения. Распространение ислама среди покоренных народов шло на редкость быстро и успешно. Частично это можно объяснить тем, что христиане отвоеванных у Византии земель и зороастрийцы Ирана видели в новой религиозной доктрине нечто не слишком им чуждое: сложившаяся на доктринальной базе иудаизма и христианства, частично также и зороастризма, очень многое взявшая из Библии (Коран насыщен такого рода заимствованиями) мусульманская религия была достаточно близкой и понятной тем, кто уже привык верить в единого великого Бога, символизирующего собой все светлое, доброе, мудрое, справедливое. Кроме того, этому способствовала экономическая политика первых халифов: принявшие ислам платили в казну халифата только десятину-ушр, тогда как немусульмане были обязаны выплачивать более тяжелый поземельный налог харадж (от одной до двух третей урожая) и подушную подать – джизию. То и другое генетически восходило к реформам сасанидского правителя Хосрова I (хараг и гезит) и явно было заимствовано арабами от иранцев. Результаты не замедлили сказаться: завоеванные территории, от Испании до Средней Азии, энергично исламизировались, причем исламизация шла фактически добровольно, во всяком случае без активного принуждения, без преследования немусульман.

Вторым важным фактором усиления власти халифов была арабизация. В ходе завоеваний быстрого расширения захваченных арабами территорий большое количество воинов-арабов, вчерашних бедуинов, расселялось иногда чуть ли не целыми племенами на новых местах, где они, естественно, занимали ключевые позиции и брали себе в жены представительниц местного населения, к тому же и в немалых количествах, благо то было санкционировано освящающим многоженство Кораном. Исламизированные жены из числа местного населения арабизировались, как, естественно, и их многочисленные дети, в первую очередь. Кроме того, близость арабского языка и культуры семитскому, в основном арамейскому населению Сирии и Ирака способствовала быстрой арабизации этих районов.

Христианизованное население Египта, Ливии и всего Магриба арабизировалось позже и медленнее, но и здесь процесс арабизации шел своим чередом и за несколько веков добился немалых успехов, чему способствовало, в частности, превращение арабского языка и

²¹ По преданию, Хасан получил от Муавии пергамент, на котором ему было предложено самому поставить любую цифру откупа

²² Он был буквально растерзан на части, ибо никто не хотел брать лично на себя ответственность за смерть внука пророка. После этого Хусейн стал святым мучеником всех шиитов, ежегодно отмечающих день его гибели торжественными процессиями с самобичеванием и даже самоубийством религиозных фанатиков – шахсей-вахсей

письменности в распространенное и престижное средство общения²³. Менее успешно шла арабизация в землях Ливана и Палестины, где позиции христиан были особенно сильны. Впрочем, частично это касается и Египта, хотя христиане-копты, живущие там и поныне в значительном меньшинстве, по языку все же стали арабами. Только собственно Иран, страна древнейшей культуры и весьма независимой политической традиции, успешно противостоял арабизации, не говоря уже о весьма отдаленных от Аравии Закавказье и Средней Азии, где арабов было очень мало, а местные языковые корни имели мало общего с семитскими. Но и здесь, особенно среди социальных верхов, арабский язык, равно как и арабо-исламская культура и государственность, заняли важное место в жизни народов. Знание арабского было важнейшим элементом более или менее благополучного существования, тем более оно было неизменным залогом успеха и процветания в жизни.

Собственно, все это неудивительно. Если в период первых четырех халифов управление находилось в руках местных властей и велось в основном на греческом и персидском языках (ведь это были земли, отвоеванные у Византии и Ирана), то с Омейядов, правда не сразу, ситуация начала меняться. Арабский язык повсюду вводился в качестве обязательного в делопроизводство. Он был, как упоминалось, единственным в сфере науки, образования, литературы, религии, философии. Быть грамотным и образованным значило говорить, читать и писать по-арабски и вообще едва ли не быть арабом почти столько же, сколько и представителем своего родного языка и этноса. Это касалось практически всех жителей халифата, всех мусульман. Исключение делалось только для небольших все еще сохранявшихся анклавов христиан и рассеянных по халифату иудеев – те и другие считались почти родственниками мусульман, во всяком случае вначале, уважительно именовались «людьми писания» и пользовались определенными правами и признанием.

Важнейшей особенностью халифата и вообще всех исламских стран вплоть до наших дней является неотъемлемая слитность религии и политики, о чем уже упоминалось. Ислам никогда не был хоть сколько-нибудь отделенной от государства и тем более противостоявшей ему церковью. Напротив, ислам был идейно-институциональной основой, сутью исламского государства, причем это тоже в немалой степени способствовало усилению власти халифов, особенно вначале, когда это было очень важно для новой политической структуры. Халиф формально обладал всей полнотой власти, религиозной (имамат) и светской (эмират). В столице Омейядов Дамаске чеканились золотые динары и серебряные дирхемы с его именем; это же имя упоминалось при торжественных пятничных богослужениях в мечетях. Центральная власть, государственный аппарат халифата эффективно управляли всей огромной страной, для чего была налажена регулярная почтовая связь с окраинами, реорганизованы войска (солдаты получали жалованье из казны или наделялись земельными наделами катиа), по персидскому образцу созданы полицейские отряды, строились дороги, каналы, караван-сарай и т. п. Вновь завоеванные территории были разделены на наместничества, одним из которых стала и Аравия. Пять наместничеств с центрами в Ираке, Аравии, Египте, Закавказье и Западной Африке управлялись всевластными эмирами, которые, хотя и подчинялись центру, были фактическими хозяевами в своих эмиратах, ведая их финансами, армией, аппаратом власти.

Верховным собственником всех земель халифата было государство (формально собственником считался Аллах, от его имени всем распоряжался халиф). Практически же земли, как упоминалось, были во владении эмиров и их аппарата власти. Существовало несколько различных категорий земельного владения. Наиболее распространенным было общинное землевладение на землях государства с выплатой в казну ренты-налога в форме хараджа или ушра. Ушр выплачивали и владельцы частных отчуждаемых земель (мульк) – разница была в праве отчуждать эти земли, причем мульки, как правило, были очень небольшими владениями, земли савафи (это владения членов правящего дома, включая самого халифа) и вакфы (земли религиозных учреждений) налогами не облагались, но и не могли

²³ Коран был написан по-арабски и переводить его запрещалось; все учившиеся обучались прежде всего мудрости ислама, т. е. изучали арабский и читали Коран, и в конечном счете превращались в носителей арабского языка и арабской культуры

отчуждаться. Часть государственно-общинных казенных земель в форме икта, т. е. условного владения с правом взимать в свою пользу причитающийся с этих земель казне ренту-налог (включая и подушную подать, если она взималась), получали от государства служивые, чиновники и офицеры. Воины, во всяком случае часть их, имели необлагавшиеся налогом наделы катиа – принцип, явно восходивший опять-таки к иранско-сасанидской традиции (вспомним азатов), хотя не исключено, что здесь какую-то роль сыграли и знакомые Ближнему Востоку со времен эллинизма военные поселения-катэкии.

Все земли обрабатывались крестьянами, обычно, кроме перечисленных исключений, выплачивавшими государству либо его представителям (иктадарам, владельцам вакуфов, земель савафи) строго установленную норму ренты-налога. Некоторая часть мультковых земель нередко сдавалась в аренду с выплатой землевладельцу до половины урожая, но при этом владелец земли платил налоги в казну. В казну халифа, а затем и эмиров стекались также доходы от пошлин, взимавшихся с городского населения (мусульмане платили не очень обременительный занят, своего рода добровольные выплаты имущих, обычно не превышавшие 2,5%; немусульмане – более высокие налоги), а также традиционная пятая часть от всей военной добычи, за счет чего нередко выплачивались пенсии обедневшим потомкам пророка (сейидам) и его сподвижников.

Важно иметь в виду, что все вышеупомянутые принципы и нормы землепользования и налогообложения не были абсолютно неизменными, хотя в основе своей функционировали достаточно стабильно. Так, например, условные владения типа икта, обычно передававшиеся по наследству от отца к сыну (при условии, что сын наследует должность отца и служит, например, в качестве офицера), имели заметную тенденцию превратиться в отчуждаемую собственность их владельцев. Впрочем, государство всегда твердо стояло за противоположную тенденцию сохранения за собой права распоряжаться этими условными владениями. Нестабильным было и положение мусульман-неарабов. Вначале всех их, о чем уже говорилось, освобождали от хараджа и джизии, но со временем то одну, то другую из этих форм выплат порой вновь заставляли платить. Эти чувствительные для населения халифата колебания нередко служили поводом для народных восстаний, порой принимавших форму сектантских движений.

Именно такого рода недовольством воспользовались, в частности, враги Омейядов, сгруппировавшиеся в середине VIII в. вокруг влиятельного рода Аббасидов, потомков дяди пророка Аббаса. Опираясь на недовольство иранцев, Аббасиды спровоцировали в 747 г. в Хорасане восстание, во главе которого встал бывший раб Абу Муслим. Восставшие, среди которых было немалое число шиитов²⁴, вели успешные сражения с войсками Омейядов, но плодами их успехов воспользовались Аббасиды, представитель которых в конце 749 г. был провозглашен халифом.

Халифат Аббасидов (750–1258)

Вскоре власть Омейядов окончательно рухнула, и на смену им пришли халифы новой династии. Хотя Аббасиды стали господствовать почти над всей территорией халифата – только в Испании бежавший туда один из Омейядов создал независимый от них Кордовский эмират, впоследствии тоже халифат, – власть их была значительно менее прочной и стабильной. Уже с первых десятилетий существования нового халифата стало вполне очевидно, что зенит политического могущества арабов и их государства позади. Новых походов Аббасиды практически не предпринимали; их сил едва хватало на то, чтобы сохранить завоеванное. Но и с этой задачей они справлялись плохо: начиная с IX в. от халифата одна за другой стали отпадать его части, правители-эмиры которых становились фактически независимыми государями, в лучшем случае (да и то если они не были шиитами) признававшими сакральный авторитет и

²⁴ Иран уже в эпоху Омейядов стал центром шиитской оппозиции, в немалой степени использовавшей в своих интересах этнокультурные традиции и претензии персов, не очень-то довольных абсолютным засилием всего арабского

сюзеренитет халифа.

Как это ни парадоксально, но политическое ослабление могущества арабов по времени совпало с наивысшим взлетом арабо-мусульманской культуры, как духовной (расцвет догматики ислама, исламского права, литературы, философии, науки), так и материальной (развитие ремесел и торговли в процветающих богатых городах, успехи в мореплавании и др.). Выступив преемником древних эллинистических, римско-христианских и персидских традиций, впитав в себя наследие высокоразвитой городской культуры недавнего прошлого, исламский халифат способствовал ирригационному строительству и освоению новых земель, развитию агротехники и выращиванию в земледелии новых сельскохозяйственных культур, расцвету городов и торговли, включая транзитную. Конечно, ислам при этом оставался исламом, т. е. религией довольно жесткой, а в некоторых аспектах и фанатично-нетерпимой. Но нельзя забывать, что распространение пусть даже исламского по сути своей образования на широкой территории от Испании до Китая способствовало увеличению количества грамотных и образованных людей, росту культурного стандарта. Разумеется, речь идет о восточном стандарте, не более, – уважения к человеку, к правам и достоинству личности ислам с собой, увы, не нес; произвол власти и право сильного оставались здесь неоспоримым законом социальных и политических отношений. Вместе с тем не следует забывать, что в сфере высокой теории, преимущественно в форме богословских споров, в халифате шли оживленные диспуты по многим серьезным проблемам – о божественном предопределении и свободе воли, например. Видные мусульманские интеллектуалы-улемы энергично занимались географией, медициной, историей, не говоря уже о привычных для традиционного Востока поэзии, принципах совершенной администрации и т. п.

В управлении государством Аббасиды, в жилах которых текло немало иранской крови, возродили административную систему персов, выдвинув на авансцену политической жизни, в частности, должность великого везира (визиря), наделенного огромными полномочиями. Везиру подчинялись центральные ведомства-диваны и весь разветвленный административно-бюрократический аппарат. Только просвещение и суд были целиком выведены из сферы его компетенции – здесь заправляли духовные лица во главе с судьями-кади.

Особое место в халифате Аббасидов заняла армия. Она сильно видоизменилась. На смену воинам-арабам из числа кочевников-бедуинов пришла намного лучше организованная наемная армия, в которой немалую роль стали играть профессиональные воины из числа хорасанцев, берберов, затем также и тюрок. Арабское ополчение теперь играло уже второстепенную роль. Главное же место в военной иерархии заняла гвардия халифа, составленная из рабов-гулямов (мамлюков). Привезенные издалека в детском возрасте, купленные либо полученные от покоренного населения далеких окраин в форме своего рода тяжелого налога (налога «кровью», девширме), оторванные от корней и лишены связей в Багдаде, юноши из тюрок, кавказцев и славян воспитывались в духе абсолютной преданности халифу, от милостей которого зависели их благосостояние и даже немалые привилегии. Вначале глубоко преданная халифу, эта гвардия вскоре, однако, почувствовала свою силу и стала не только навязывать халифу свою волю, но и подчас свергать неугодных правителей, а то и возводить на трон собственных предводителей.

Аграрные отношения при Аббасидах остались в основном прежними, а налоги даже несколько уменьшились, что с лихвой компенсировалось доходами от процветавшего ремесла и развитой торговли. Тем не менее на протяжении едва ли не всей истории халифата Аббасидов народные выступления, чаще всего принимавшие форму сектантских движений, не прекращались. Борьба с этими движениями стоила халифам немалых усилий и средств. Кроме того, росли злоупотребления в сфере взимания налогов, особенно после введения института посредников-откупщиков, мультазимов. Это, естественно, тоже рождало недовольство, так что для поддержания порядка халифам все чаще приходилось обращаться к помощи влиятельной знати, особенно наместников-эмиров. За эту помощь необходимо было платить, а формой расплаты стало постепенное укрепление экономической и политической самостоятельности эмиров, превращавшихся в наследственных правителей той или иной части халифата – со всеми вытекавшими из этого последствиями для центральной власти.

Начиная с IX в. сепаратизм эмиров, не говоря уже о феодальных владетелях рангом поменьше и тем более вождях племен или сект, захватывавших силой определенную территорию и официально не признававшихся халифатом, ощущался все заметнее. Еще в конце VIII в. в Марокко возникло фактически независимое государство Идрисидов (788–905), которым управляли шииты из числа алидов. Затем полунезависимым стал Хорасан, где был создан эмират Тадиридов (821–873), после чего едва ли не все земли Средней Азии оказались под властью эмирата Саманидов (875–999), а Тунис и Алжир превратились в полунезависимый эмират Аглабидов (808–909). Наконец, в 868 г. захватил власть в Египте наместник халифа из числа тюрок-гулямов, основавший династию Тулунидов (868–905). На развалинах халифата обретали свою былую независимость и многие местные династии. Например, в 875 г. возродилось царство Багратидов в Армении.

Политический распад халифата в конце IX в. был усугублен восстаниями зинджей и карматов. Зинджи, чернокожие рабы из Занзибара, использовались на тяжелых работах в Южном Междуречье близ Басры, где десятки тысяч их, организованные в отряды, занимались строительством каналов и расчисткой солончаков. Бывшие собственностью халифата зинджи в 869 г. восстали и на протяжении 14 лет удерживали под своей властью район Басры и часть Хузистана, действуя при этом с большой жестокостью: перестав быть рабами, зинджи в основанном ими собственном халифате стали превращать в рабов едва ли не всех остальных, начиная с пленных арабов.

В восстании зинджей участвовала и группа шиитов из крайней шиитской секты исмаилитов, получившая наименование карматов. В конце IX в. карматы подняли еще одно восстание, распространившееся на Сирию, Ирак и Бахрейн. В Сирии и Ираке оно вскоре было подавлено, а в районе Бахрейна карматы закрепились надолго, создав здесь собственное государство сектантов. Это было весьма своеобразное государство, просуществовавшее, тем не менее, около полутора столетий. По некоторым описаниям, восходящим к середине XI в., оно управлялось выборной коллегией руководителей, население его вовсе не платило никаких налогов, а казна пополнялась за счет военной добычи, т. е. грабительских набегов на соседние земли. В счет такой добычи входили и пленники-рабы; кроме того, государство на награбленные средства покупало других рабов. Десятки тысяч рабов были слоем неполноправных работников, обрабатывавших часть земли, за счет доходов с которых в немалой степени существовало государство.

Обращает на себя внимание то, как восставшие зинджи и карматы относились к рабам и рабству. Ислам как религия рабство не поощрял; это, однако, не мешало существованию государственного рабства в халифате. Поэтому существенно не то, что рабы и рабство, несмотря на религиозный принцип социально-юридического равенства, все же были. Гораздо важнее, что социально неполноправные категории населения, испытавшие унижение в общегосударственном масштабе, быть может, именно вследствие своего столь специфического бытия иных форм эксплуатации чужого труда не желали знать: освободившиеся от рабства рабы предпочитали, став хозяевами жизни, жить за счет рабского труда других. Функционировавшие в рамках жесткой социально-религиозной структуры сектанты не видели ничего дурного в жестких способах эксплуатации чуждых им людей, в неравноправии рабов.

Восстания и сепаратистские устремления и акции эмиров привели в своей совокупности к тому, что на рубеже IX – X вв. реальная власть халифа сильно уменьшилась. Практически возглавлявшееся им государство в начале X в. контролировало лишь западную часть Ирана и небольшую прилегающую к ней территорию вместе со столицей Багдадом. Но и это продолжалось недолго. В 935 г. в западноиранских землях возникло государство Бундов, которые в 945 г. захватили Багдад и окончательно лишили халифа светской власти. Буиды присвоили себе титул «эмир эмиров» и стали управлять Ираком и Западным Ираном. Халиф же остался духовным главой правоверных, да и то лишь для ортодоксальных мусульман-суннитов. В этом состоянии он – а с ним и халифат как институт – просуществовал в Багдаде еще около трех веков. Впрочем, и это следует подчеркнуть, номинально халиф все-таки продолжал считаться верховным правителем всех правоверных, хотя функции его ограничивались вручением инвеституры очередному претенденту на власть в том или ином из эмиратов, позже

также и султанатов.

Государства распавшегося халифата

Лишение халифа политической власти вызвало на Ближнем Востоке эффект полицентризма. Один за другим на месте бывшего единого государства стали возникать эмираты и султанаты, правители которых, чаще всего уже не претендовавшие на всеобъемлющую духовную власть в пределах своей страны (особенно это касалось султанов, признававших авторитет багдадского халифа в религиозной сфере), были, тем не менее, практически неограниченными властелинами. Но претензии на абсолютную власть сочетались с тем объективным обстоятельством, что сами вновь создававшиеся эмираты и султанаты были чаще всего непрочными и во многом случайными политическими образованиями, взлет и падение которых нередко зависели от способностей и удачливости того или иного царедворца, полководца, а то и выходца из низов, раба-гуляма. Слабость и кратковременность эмиратов и султанатов, их политическая неустойчивость зависели именно от недостаточной легитимности власти. Халифат держался столетиями, ибо имел высшую божественную санкцию на власть. Эмираты же и султанаты распавшегося халифата такой санкции, при формальном существовании багдадского халифа, не имели. Неудивительно, что в глазах массы подданных, да и завистливых царедворцев, эмиры и султаны были самозванцами, чья власть держалась только на силе. И при первом удобном случае любой из приближенных эмира либо султана, приобретя некоторую силу, не мог противостоять соблазну эту силу попытаться реализовать в собственных интересах. Отсюда и неустойчивость власти.

Политическая карта ближневосточного региона в X – XIII вв., о которых теперь идет речь, была не только весьма пестрой, но и менялась буквально с калейдоскопической быстротой. Новые политические образования сменяли только что сформировавшиеся, а на них все чаще наслаивались этнические волны чуждых Ближнему Востоку пришельцев. Однако ни частые политические перемены, ни появление новых этнических волн не меняло сути тех кардинальных параметров, которые характеризовали ближневосточную исламскую структуру в целом. В сфере аграрных отношений сохранялось традиционное и даже усилившееся при исламских правителях абсолютное господство государства с характерной для него редистрибуцией избыточного продукта, стекавшегося в казну. Формами взимания этого продукта по-прежнему были рента-налог (ушр, харадж и иные виды налогов), трудовые повинности, пошлины, формой редистрибуции – выплата из казны либо за счет казны доли налогов в качестве жалованья чиновникам и воинам, содержания правителям и привилегированным слоям населения из числа родственников и приближенных правителей. Условные владения типа икта были разновидностью такого жалованья и модификацией редистрибуции. Частных земельных владений типа мульков было немного, причем с них тоже брался в казну налог.

В городах, в сфере ремесла и торговли, по-прежнему господствовал строгий централизованный контроль власти при полном отсутствии каких-либо официальных оговоренных и тем более законодательно закрепленных свобод или правовых гарантий, не говоря уже о льготах и привилегиях. Самоуправление в городах не выходило за рамки удобной для властей практики ведения внутренних дел в рамках каждой из многочисленных корпораций, главы которых беспрекословно подчинялись городской администрации в лице наместника-хакима, градоначальника-раиса, надзирателя-мухтасиба, начальника стражи или судьи-кади.

Лишившее власти халифа государство Бундов просуществовало сравнительно недолго. Уже в 60-х годах X в. выходец из гулямов среднеазиатского эмирата Саманидов бежал в Афганистан, где основал независимый от Саманидов султанат Газневидов, наиболее выдающийся правитель которого, Махмуд Газневи, правивший в 998–1030 гг., отвоевал у Бундов значительную часть их восточных владений. Махмуд был ревностным мусульманином. В его войске немалую долю составляли воины-фанатики, бойцы за веру (гази, газии), с помощью которых он совершил несколько удачных походов в Северную Индию. Смерть Махмуда привела к упадку султаната, причем здесь сыграло свою роль выдвижение

сельджуков.

В X в. многие из числа принявших ислам тюркских племен стали играть активную политическую роль. Так, тюркская династия Караханидов в 999 г. пришла на смену Саманидам в Средней Азии. А небольшое племя тюрок-огузов (туркмен) во главе с предводителем из рода Сельджуков стало богатеть за счет подчинения своей власти земледельческого населения соседних территорий. В 1035 г. династия Сельджуков вынудила потомков Махмуда Газневи отдать им часть Хорасана, в 1043 г. сельджукские тюрки захватили Хорезм. Газневиды вскоре были вынуждены ограничиться лишь небольшой территорией Афганистана и Пенджаба, тогда как огузы стали распространять свое влияние все дальше, пока в 1055 г. их предводитель Тогрул-бек не захватил Багдад, заставив халифа дать ему титул «султана Востока и Запада».

Преемники Тогрул-бека продолжили его успешные завоевания, объединив под своей властью земли Ирана, Ирака, Закавказья, Сирии и Палестины, даже часть отвоеванной у Византии Малой Азии. Но внутренне расширившийся султанат был слаб, политически рыхл. Не имея веками отработанной административно-политической традиции и не придавая ей большого значения, вчерашние кочевники выше всего ценили родоплеменные связи, следствием чего стала практика наделения членов правящего дома полунезависимыми вассальными владениями, быстро превращавшимися в автономные политические образования, новые султанаты.

Уже в XI в. в государстве Сельджуков возникли фактически самостоятельные Керманский и Румский султанаты, затем появились Хорасанский, Иракский. К концу XII в. междоусобицы сделали свое дело: государство Сельджуков окончательно распалось на части, что сыграло существенную роль в усилении правителя Хорезма. В начале XIII в. хорезмшахи объединили под своей властью значительную часть Средней Азии и Ирана, Афганистан и даже Азербайджан. Однако их политические успехи были остановлены монгольским нашествием.

В 20-х годах XIII в. монголы разгромили войска хорезмшаха, вторглись в Иран, уничтожая все на своем пути. Встретив сопротивление, они продолжали войну на протяжении ряда десятилетий, пока в середине XIII в. не одержали победу. На территории Ирана и прилегающих к нему земель было основано монгольское государство иль-ханов во главе с Хулагу. Хулагуиды правили в Иране около столетия (1256–1353), причем именно в годы их правления халифы были вынуждены покинуть Багдад, а халифат практически был упразднен. В отличие от вчерашних кочевников-сельджуков монголы, тоже кочевники, придавали крепкой бюрократической администрации серьезное значение. Ильхан Газан-хан (1295–1304) официально принял ислам, сделал эту религию государственной и провел ряд важных реформ. Реформы Газан-хана немало способствовали восстановлению разрушенной монголами экономики Ирана. Но растоптанные монгольскими лошадьми и сожженные монголами города некогда богатого и процветающего Ирана даже спустя полвека, при Газан-хане, многого дать не могли: по некоторым данным, после восстановительных реформ Газан-хана хозяйство Ирана смогло обеспечить ежегодный доход на уровне 21 млн. динаров, тогда как столетием раньше этот уровень был равен примерно 100 млн. динаров. И это несмотря на то, что при монголах были увеличены налоги с населения за счет обложения всех дополнительной подушной податью купчур.

Западная часть бывшего халифата, куда не дошли завоеватели-монголы, имела свою историю, политические события которой уже с X в. мало пересекались с теми, о которых только что шла речь. На западе халифата на рубеже VIII–IX вв. началось отпадение от халифата его эмиратов. Но этот естественный процесс там был значительно осложнен религиозными спорами и разногласиями.

Конечно, нечто в этом роде было и на востоке халифата, о чем говорилось выше в связи с историей карматов. Можно добавить, что наряду с карматами здесь активизировались и другие секты исмаилитов, в частности ассасины. Воины-смертники из числа специально воспитывавшихся сторонников этой секты (их именовали также федаями, федаинами) были нарочито ориентированы на смерть во имя веры. Хорошо тренированные и поддерживавшиеся в их воинственном азарте немалыми долями гашиша (откуда и название секты – гашашины, фр. ассасины) федаины умело проникали и ко двору неугодного эмира, и в стан крестоносцев, делая там свое дело. В конце XI в. центром секты стал горный замок Аламут, после чего в горных

районах прилегающего к замку Кухистана, а также в ряде других мест возникло фактически независимое от сельджукских султанов и любых иных иранских правителей своеобразное государство исмаилитов, которое было разгромлено вместе с замком лишь монголами. Но при всей политической значимости деятельности исмаилитов (карматов и ассасинов) в восточной части халифата, на западе их роль, да и роль иных сектантов, прежде всего шиитского толка, оказалась много более значительной. Достаточно напомнить, что первый из отколовшихся от халифата эмиратов, не считая Кордовского, был шиитским, т. е. не признававшим по принципиальным соображениям сакральной святости и авторитета власти халифа-суннита.

Влияние шиитов в западной части халифата было весьма большим с самого начала правления Аббасидов. Можно напомнить, что эта часть халифата, наиболее удаленная от столицы, вообще была склонна к оппозиции. Именно сюда, в Кордову, бежал последний из Омейядов. Здесь появились первые полунезависимые эмираты (Аглабидов в Алжире и Тунисе, Тулунидов в Египте), которые, хотя еще и не были шиитскими и потому признавали духовный авторитет халифа, в политическом плане очень рано стали полунезависимыми от центра халифата. С рубежа IX – X вв. ситуация в этом плане стала изменяться еще решительней.

Шииты исмаилитского толка (они почитали седьмым святым имамом, т. е. прямым наследником Али и Фатимы, а в конечном счете и самого пророка, Исмаила, сына шестого имама Джафара, который несправедливо, по их мнению, лишил Исмаила права на имамат) считали, как и все шииты, что управлять мусульманами имеют право лишь святые имамы, ведущие происхождение от пророка. Только эти имамы, а после пресечения их прямой линии²⁵ их ближайшие родственники, т. е. опять-таки потомки Мухаммеда, пусть по боковой линии, сейвды, должны быть халифами. Исмаилитские имамы (термин «имам» весьма емкий, им обозначаются стоящие впереди, вожди, руководители) на протяжении IX в. вели весьма активную миссионерскую деятельность, имевшую наибольший успех среди племен, населявших Магриб, в частности среди берберов. Сначала это была преимущественно религиозная проповедь, на рубеже IX – X вв. она вылилась в вооруженное восстание. Имам исмаилитов некий Убейдал-лах, объявивший себя потомком Фатимы и выдававший себя к тому же за Махди, возглавил это восстание и провозгласил себя халифом. Так был создан заменивший собой государство Аглабидов исмаилитский халифат Фатимидов, просуществовавший свыше двух с половиной веков (909–1171).

Владевший вначале лишь частью Магриба, Алжиром и Тунисом халифат Фатимидов вскоре вступил в ожесточенную борьбу с Аббасидами за Египет и Сирию. Египет с 905 г., после падения эмирата Тулунидов, вновь стал владением багдадского халифа. Это была богатейшая провинция Аббасидов, большинство населения которой в то время составляли еще христиане-копты, потомки древних египтян, выплачивавшие в казну халифа харадж и джизию. После образования государства Бундов и лишения багдадского халифа политической власти обстановка в Египте оказалась благоприятной для Фатимидов, ведших в этой стране активную религиозную пропаганду и политические интриги. Ряд успешных походов, завершившихся в 969 г. завоеванием Египта, привел к присоединению этой страны к государству Фатимидов. фатимиды перенесли в Египет свою столицу, заново отстроив ее в виде нового города Аль-Кахира («победный город»), т. е. Каира. Развивая свои успехи, фатимиды перенесли военные действия на север и в 970 г. присоединили к своему халифату и Сирию.

Борьба за Сирию обострила отношения фатимидских исмаилитов с другой ветвью шиитов-исмаилитов, карматами, часть которых жила в Сирии, тогда как другая, как уже говорилось, основала государство в Бахрейне. Бахрейнские карматы ждали возвращения на землю в качестве Махди сына имама Исмаила и потому не признавали власти Фатимидов. Однако они и не выступали резко против фатимидских халифов. Иное дело – сирийские карматы. Будучи вынужденными реагировать на вторжение Фатимидов в Сирию, они вступили в союз с Бундами и отвоевали у них Дамаск. Но это длилось недолго. В 977 г. сирийские

²⁵ Двенадцатый имам в середине IX в. в возрасте подростка таинственно исчез. Он считается шиитами последним «скрытым» имамом, который рано или поздно вновь откроется людям, появится в виде мессии, Махди, с нетерпением ожидаемого правоверными шиитами и по сей день

карматы вынуждены были покинуть Сирию, частично переселившись в Бахрейн, а Сирия досталась Фатимидам, чей престиж в арабском мире в результате этого поднялся еще выше. Фатимидский халифат на рубеже X – XI вв. был, пожалуй, сильнейшим независимым арабо-исламским государственным образованием своего времени. Влияние Фатимидов достигало Мекки и Медины, чем в Каире весьма дорожили.

Как и Египет, Сирия была богатейшей провинцией арабских халифов. Ее города были древними центрами международной торговли, а также развитого ремесла. Ее население, включавшее потомков древних финикийцев, было достаточно зажиточным. Как и в Египте, здесь была весьма заметная прослойка христиан, хотя уже преобладали арабский язык и арабо-мусульманская культура. Но едва ли не высшей ценностью Сирии – во всяком случае в глазах европейских христиан – была включенная в нее Палестина с «божьим городом» Иерусалимом, где располагался Гроб Господень. Как известно, именно это явилось поводом для так называемых крестовых походов (XI–XIII вв.), имеющих прямое отношение к нашей теме.

Халифат Фатимидов, как и многие другие политические образования арабского мира, возникшие на развалинах аббасидского государства, был внутренне слаб, прежде всего, о чем уже упоминалось, из-за отсутствия надежной легитимной основы. Уже в середине XI в. потомки первых халифов оказались игрушкой в руках гвардейских военачальников из числа гулямов тюркского либо суданского происхождения, с которыми соперничали также вожди берберских племен. При халифе Мустансире (1036–1094) эта борьба завершилась истреблением части гвардейцев, но в конечном счете гулямы взяли верх. Это привело в XII в. к заметному ослаблению политического могущества Фатимидов. Крестоносцы отобрали у них Сирию и Палестину, причем новый иерусалимский король Амальрих в 1167 г. побывал даже у стен Каира. На западе значительная часть Магриба оказалась под властью Альморавидов, захвативших во второй половине XI в. не только все североафриканские арабские владения, но частично также и земли Ганы, а затем и мавританскую Испанию, где под ударами христиан в это время пал Мордовский халифат. В середине XII в. на смену Альморавидам в Магрибе пришли к власти Альмохад, к которым перешло наследие Альморавидов, включая и мусульманские территории Испании.

В 1171 г. военачальник Салахад-дин (Саладин) совершил в Каире переворот, провозгласив себя султаном. Власть фатимидских халифов пала, а султаны новой династии Алюбидов (1171–1250), будучи суннитами, признали авторитет багдадского халифа. Объединив под своей властью также и Сирию, где в середине XII в. крестоносцы были вынуждены вернуть Дамаск мусульманам (эмиром Дамаска стал курдский полководец Айюб, отец Саладина), и заключив мир с досаждавшими ему ассасинами, дважды покушавшимися на его жизнь, Салах-ад-дин всю свою незаурядную энергию направил на борьбу с крестоносцами. В 1187 г. он занял Иерусалим и захватил почти все важнейшие опорные пункты христового воинства. Правда, после третьего крестового похода Ричард Львиное Сердце заключил с Саладином выгодный мир, оговорив право христиан прибывать в Иерусалим для паломничества в святые места. Но большего крестоносцы добиться уже не могли. И надо сказать, облик Саладина произвел на них неизгладимое впечатление. Будучи, в отличие от большинства современных ему восточных правителей, человеком не только щедрым, но и скромным, Саладин привлек внимание к своей личности. В западноевропейской традиции он предстает в качестве благородного рыцаря, что нашло свое отражение прежде всего в сочинениях менестрелей.

После смерти Салах-ад-дина его наследники повели междоусобную борьбу за султанат, владения которого к этому времени охватывали не только Египет и Сирию, но также Хиджаз с Меккой и Мединой и часть Месопотамии. Междоусобные распри вновь усилили роль мамлюкской гвардии, которую правители создавали из купленных ими рабов. Неудивительно, что в 1250 г. последний из Аюбидов был свергнут одним из мамлюков, после чего Египет на протяжении двух с половиной веков оказался под властью мамлюкских правителей, которые сумели не только сохранить свою власть, но и успешно противостоять монгольским войскам. После упразднения Багдадского халифата при Хулагуидах в Каир прибыл бежавший туда один из близких родственников последнего халифа. Мамлюкские султаны признали и приютили его, результатом чего стало превращение Каира в местопребывание последней ветви халифов, не без выгоды для мамлюков сохранявших свой сакральный авторитет среди всех

мусульман-суннитов вплоть до начала XVI в., когда в качестве преемников этого сакрального авторитета стали выступать захватившие Египет турецкие султаны.

Глава 4 Османская империя (Турция)

Первые волны тюркоязычных племен в Малой Азии датируются эпохой Великого переселения народов (сер. I тысячелетия н. э.), но в период эффективной власти византийских императоров эти племена достаточно быстро ассимилировались местным населением. Иное положение сложилось здесь в начале II тысячелетия н. э., когда едва выстоявшая под ударами арабов и к тому же ослабленная внутренними распрями Византия уже не могла оказывать активного сопротивления вторжениям извне. В конце XI в. правители сельджукского Румского султаната, потерпев поражение от крестоносцев, перенесли свою столицу в глубь Анатолии, к границам Византии. Тюрки-огузы, составлявшие этнически господствующее ядро султаната, и постепенно тюркизовавшееся под их воздействием местное население – греки, армяне, частично грузины, персы – вот те компоненты, на основе которых формировалось будущее население Турции и прежде всего сами турки. Впрочем, о формировании турок как этноса надлежит вести речь с определенными оговорками. Население Малой Азии издревле было христианским. Наложение на него мощного пласта тюркок-мусульман и даже тюркизация части прежнего населения не привели к исчезновению христиан. Напротив, большие группы христианского населения длительное время сосуществовали с тюрко-исламским этносом, захватившим господствующие позиции. Поэтому турками в широком смысле слова можно с оговорками именовать все население Турции, но собственно турками были лишь представители тюрко-исламской группы, длительное время численно остававшиеся в меньшинстве.

Традиционные нормы ислама и родоплеменные связи сельджукских тюрков во многом определили структуру султаната: слабая власть центра опиралась на немногочисленный аппарат чиновников, преимущественно из персов, частично греков, а периферийные районы находились под контролем влиятельных вассалов-беев. Центробежные тенденции вели к усилению власти беев, чему способствовали также с трудом подавленное в XIII в. восстание сектантов-шиитов, а затем вторжение монголов, приведшее в конечном счете к гибели султаната. Из десяти бейликов, на которые он распался, на рубеже XIII–XIV вв. резко усилился и возвысился западный, принадлежавший бею Осману, который с 1299 г. стал полновластным правителем окрепшего Османского эмирата.

Отдаленность от монгольского государства ильханов и близость ко все более слабеющей Византии во многом определили политику Османа: откупаясь от монголов небольшой данью, он стал одну за другой присоединять к эмирату малоазиатские провинции Византии. Преемники Османа продолжили его завоевания: сначала была подчинена значительная часть Малой Азии, а затем полем боя стали Балканы. На протяжении второй половины XIV в., особенно после знаменитого сражения на Косовом поле в 1389 г. и разгрома объединенного войска крестоносцев в 1396 г., турки-османы присоединили к своему государству большую часть Балкан и даже штурмовали Константинополь в 1400 г. Дни Византии были сочтены: в 1453 г. Константинополь был взят штурмом, после чего все византийские территории в Малой Азии и на Балканах оказались под властью Турции.

В 1475 г. вассалом турецкого султана стало Крымское ханство и примерно в это же время началось завоевание восточноанатолийских земель, в ходе которого в руки турок попали важнейшие международные торговые пути. Наконец, в 1514 г. туркам удалось одолеть сопротивление их мощного восточного соседа, сефевидского Ирана, результатом чего были присоединение к Турции юго-восточной части Анатолии и Курдистана и, главное, выход к Арабскому Востоку. В 1516 г. было разгромлено войско мамлюков, а Сирия и Хиджаз с Меккой и Мединой оказались под властью турецкого султана. В 1517 г. турецкой провинцией оказался и Египет, причем духовная власть последнего из проживавших в Каире потомков арабских халифов была окончательно упразднена, вследствие чего сложилось представление (подкрепленное возникшими позже легендами), что султан стал официальным преемником

халифа в качестве религиозного вождя правоверных. Не вдаваясь в спор по существу самого факта, необходимо заметить, что после всех завоеваний и окончательного упразднения халифата турецкий султан действительно оказался в глазах правоверных имеющим наивысший политический и религиозный авторитет правителем.

И это нельзя считать случайностью. За два с небольшим века малозаметный Османский эмират на глазах всего мира и прежде всего мира ислама, следившего за ним с наиболее пристальным вниманием, превратился в могущественную империю, одну из крупнейших для своего времени. В пределы этой империи, просуществовавшей достаточно долго, были включены почти все земли прежнего халифата (Аравия, Ирак, Магриб, даже часть Закавказья), не говоря уже о заметных новых приобретениях (Балканы, Крым). Могущественная османская Турция стала угрозой для Европы, в том числе и России. Ее флот господствовал в Средиземном море, ее войска не раз штурмовали Вену и совершали набеги на другие европейские города.

Внутренняя структура империи

Успехи турок в войнах, обеспечивших рост их политического могущества, во многом были обусловлены динамичной системой социальной организации, восходившей к привычным родоплеменным связям кочевников. Так, первоначальной единицей административно-территориального членения эмирата, а затем и султаната, был санджак (букв. «знамя») во главе с санджак-беем – главой воинов знамени, т.е. родоплеменного подразделения. Впоследствии родовые связи постепенно ослабевали и отходили на задний план, а воинские и военно-административные, военно-территориальные выходили на авансцену.

Оседая, вчерашние воины-кочевники превращались в несущих регулярную воинскую службу кавалеристов-сипахи, каждый из которых получал за свою службу тимар – условное наследственное владение с правом взимания с земледельческого населения тимара строго определенной суммы, являвшейся частью выплачиваемого этим населением в казну ренты-налога. Тимар обычно измерялся не количеством земли и не численностью обрабатывавших ее земледельцев, но именно суммой взимавшегося тимариотом годового дохода, за счет которого он должен был кормиться и экипироваться. Право наследования было связано с обязательством наследника служить в армии. Передавать тимар в чужие руки на иных условиях воспрещалось.

Как легко заметить, тимар был похож на икта. Но если икта формально не передавался по наследству, хотя фактически легко переходил из рук в руки при условии замещения отцовской должности сыном, то тимар был наследственным владением при соблюдении того же обязательного условия. Если учесть, что тимар не был ни поместьем, ни даже фактическим землевладением, но только правом на определенную сумму налога, то легко прийти к выводу, что такая форма централизованной редистрибуции избыточного продукта производителей не ущемляла интересов государства, тем более что казна и вся система административно-законодательных регламентов бдительно следили за соблюдением установленной нормы. Тимариоты не должны были превышать своих прав и полномочий.

Со временем, по мере расширения количества захваченных османами земель и увеличения числа обрабатывавших эти земли крестьян, как правило, не турок, чаще всего немусульман-райя, стали появляться тимары более крупных размеров, с дохода от которых их владелец был обязан выставлять несколько ведомых им и экипированных за его счет воинов-сипахи. Появились и еще более крупные пожалования того же типа – зеаметы. Их владельцами-займами были командиры отрядов воинов-сипахи. Ни займы, ни тимариоты сами хозяйства обычно не вели; его вели крестьяне-райя. Если же воин, вчерашний кочевник, все-таки хотел завести земледельческое хозяйство, он имел право получить в рамках своего тимара или зеамета надел-чифтлик, равный обычному райятскому чифтлику, не более того.

Тимариоты и займы составляли основу военной силы Турции. Но были и другие ее части. Во-первых, это воинские ополчения особой категории: командиры здесь были из тимариотов, а рядовые – воины-аскери, освобожденные от налогов и, наподобие катиа времен арабских халифатов, несшие за это военную службу. Во-вторых, немаловажной и со временем все

возраставшей по значению частью военной силы страны были янычары, воины-гвардейцы, рекрутировавшиеся из райя или, наподобие арабских гулямов-мамлюков, из числа иноплеменных мальчиков-рабов (девширме), воспитывавшихся при султанском дворе в специальных школах-казармах, которые находились под опекой дервишей из влиятельного суфийского ордена Бекташи.

Военно-ленная система условно-наследственного землевладения оказалась весьма удачной основой для османской Турции. Земель и обрабатывавших ее крестьян было достаточно, доходы казны все время возрастали за счет завоеваний и присоединения новых земель, не говоря уже о военной добыче, развивавшейся торговле и процветавших городах. За счет только что описанной и в целом неплохо продуманной системы централизованной редиистрибуции всех доходов существовал эффективный военный аппарат, обеспечивавший могущество империи. Легитимизация власти султана в начале XVI в. в связи с ликвидацией халифата как института тоже сделала свое дело: турецкий султан для правоверных оказался практически высшим духовным авторитетом, наместником Аллаха на земле.

По мере роста империи ее внутренняя структура усложнялась, особенно вследствие присоединения к османской Турции областей с иными структурными основами (Балканы). Менялась и внутренняя система управления. Так, по мере усложнения администрации в империи появилась немалая прослойка гражданских чиновников, которые были приравнены к воинам-аскери (люди меча и люди пера – два разряда аскери) и получили право на служебные надельные участки типа все тех же тимаров. Кроме того, в стране появился влиятельный слой высших должностных лиц из числа сановников и султанской родни. Эти люди наделялись крупными земельными владениями – хассами и арпалыками.

Хассы и арпалыки представляли собой территории, обладавшие налоговым иммунитетом: вся сумма налогов, взимаемых с земледельцев этих районов, целиком шла их владельцам. Это давало возможность для большей, чем в тимарах со строго фиксированной суммой дохода, эксплуатации производителя, тем более что сами владельцы обычно взиманием налогов не занимались, доверяя это хлопотное дело посредникам-откупщикам, мультазимам. Мультазимы же выжимали из крестьян-райя все, что можно было. Но зато владения типа хассов и арпалыков не были наследственными. Иными словами, государство как институт сохраняло за собой повседневный строгий контроль за положением дел в тимарах и не упускало из сферы своего внимания ситуацию в хассах и арпалыках. Естественно, для столь строгого централизованного контроля нужен был эффективный государственный аппарат.

В османской Турции этот аппарат, как и вся система администрации, вся внутренняя структура империи, был очень близок к тому классическому эталону, который соответствует генеральной схеме командно-административной структуры традиционного Востока, включая институты власти-собственности и централизованной редиистрибуции. Все земли империи считались государственными, а распоряжался ими от имени султана аппарат власти. На завоеванных территориях формы землевладения частично изменялись в соответствии с османскими стандартами, частично оставались прежними, но при этом все же приводились в соответствие с теми порядками, которые были приняты в империи.

Как уже упоминалось, формы землевладения в империи сводились примерно к следующему. Существовало условное земельное владение наследственного типа (тимары, зеаметы) и ненаследственного (хассы и арпалыки). Часть земель находилась в частном владении: это были мелкие в основном мульки, собственники которых платили налог в казну. Существовали и навечно прикрепленные к религиозным учреждениям освобожденные от налогов вакуфные земли. Нередко для освобождения от налогов владельцы мульков переводили свои земли в разряд вакуфов, оговаривая для себя небольшой доход. Когда этот процесс принимал угрожающие размеры, государство обычно вмешивалось и восстанавливало статус-кво. Если учесть многообразие местных форм землевладения в отдаленных землях, будь то балканские или, позже, арабские, то перечень деталей можно было бы и продолжить. Однако это не изменило бы сути дела.

Суть же всего описанного состояла в том, что ни одна из многочисленных форм земельных взаимоотношений не предоставляла условий для роста и тем более укрепления феодального сепаратизма. Наследственное владение мелкими пожалованиями и

ненаследственное владение крупными территориями не способствовали возникновению влиятельной прослойки владетельной наследственной аристократии, альтернативой которой в османском обществе были сильная центральная власть и мощный государственный аппарат, ключевые должности в котором замещались на основе не сословных, но личностных связей (меритократия, протекционизм, активная социальная мобильность).

Слабостью структуры было именно то, что в ней преобладали не институциональные, объективно фиксируемые (как то было, например, в китайской империи), но именно личностные связи. До поры до времени эта слабость не была заметной, однако после XVI в. все сильнее, как о том будет сказано ниже, стала давать о себе знать. Так как же все-таки выглядела система власти, основанная преимущественно на личностных связях?

Едва ли не наиболее слабым звеном этой системы была вершина ее, власть самого султана. Восходящая к недавнему прошлому, к родоплеменным традициям кочевников, система наследования еще не сумела выработать стройные принципы конического клана, майората, примогенитуры (первородства), хотя эти принципы в эпоху халифата уже длительное время отрабатывались, особенно в различных эмиратах и султанатах распавшегося халифата. Отсутствие неоспоримого права старшего сына на трон вело к спорадическим династийным конфликтам, подчас выливающимся в ожесточенную борьбу за власть. В условиях, когда практически каждый представитель данного поколения в численно большом семейно-клановом коллективе (гаремы турецких султанов всегда отличались своими размерами, что вело, естественно, к обилию наследников у каждого из них) потенциально имел право на власть, такого рода борьба была практически неизбежной с каждым новым случаем передачи власти от одного правителя к другому. Неудивительно, что для противодействия этой столь ослаблявшей структуру междоусобной борьбе были выработаны противоядия, причем весьма радикальные: при дворе чуть ли не официально закрепилась жестокая практика убийства всех своих братьев и ближайшей родни воцарившимся султаном.

Вообще турецкий султан был наиболее ярким олицетворением всеильной власти над подданными восточной деспотии, олицетворением той самой системы поголовного рабства, о которой писали Гегель и Маркс и парадигма которой была создана, скорее всего, именно с учетом европейских знаний и представлений о структуре власти в Османской империи. Перед султаном, падишахом все остальные, включая его близких помощников и приближенных, действительно были не более как покорными рабами, чья жизнь всецело зависела от отношения к ним, а то и просто от случайной прихоти властелина. Сесть на кол в любой момент мог каждый – и многие кончали свою жизнь именно таким образом.

Правительство страны. Высочайший совет (диван-и-хумайюн), назначалось султаном и было ответственно перед ним. Оно состояло из нескольких министров-везиров и возглавлялось великим везиром. Деятельность правительства регламентировалась принятым при Мехмеде II (1444–1481) сводом законов Канун-наме, а также исламским правом, шариатом. Организационно центральный аппарат власти состоял из трех основных систем – военно-административной, финансовой и судебно-религиозной. Каждая из них была представлена как в центре, так и на местах.

Возглавлявшаяся самим великим везиром военно-административная система являла собой костяк всей структуры империи. Страна к XVI в. была разделена на 16 крупных областей-эялетов, возглавлявшихся губернаторами-бейлербеями, подчиненными великому везиру и отвечавшими за положение дел в своих областях – прежде всего за боеспособность тех частей, которые всегда должна была быть готовой выставить та или иная область. Бейлербеям, в свою очередь, подчинялись уездные военачальники-управители санджакбеи (уездов-санджаков в стране было около 250), административно ответственные за свои уезды. В уездах власть санджакбея была очень сильна, хотя формально она регулировалась уездными Канун-наме, которые со временем были созданы для каждого санджака. И наконец, на низшем уровне власти вся военно-административная система опиралась на тимариотов, подчиненных санджакбеям и отвечавших перед ними как за боеспособность и экипировку выставляемых от своего тимара воинов-сипахи, так и за сохранение административного порядка среди местного населения.

В функции финансового ведомства, возглавлявшегося везиром-дефтердаром и

представленного на областном и уездном уровнях специальными чиновниками с подчиненными им писцами, входило вести строгий учет ресурсов и доходов казны, определять размеры налогов и податей, различного рода повинностей. Видимо, именно чиновники этого ведомства должны были строго контролировать сумму налогов с каждого тимара, включая ту ее долю, которая доставалась тимариоту и превышать которую он не имел права. Система налогов в империи была достаточно сложной, особенно если учесть, что находившиеся на полуавтономном положении некоторые отдаленные провинции имели свои традиционные типы налогов. Однако в целом система была стройной и жестко обязательной. Она подразделялась на две основные части – законные налоги (т. е. соответствовавшие шариату – десятина-ушр с мусульман, харадж и подушная подать джизия с немусульман, закят с имущих и соответствующие более тяжелые пошлины с немусульман, особенно с богатых горожан, и т. п.) и дополнительные поборы, к числу которых относились различные местные и чрезвычайные налоги, пошлины, подати. От налогов, кроме служивых, было освобождено мусульманское духовенство, как служилое (судьи-кади и др.), так и неслужилое (улемы).

На долю судебно-религиозной системы в рамках общей административно-политической структуры империи приходилась функция контроля за образом жизни и поведением населения. Возглавляемая на уровне центрального правительства шейх-уль-исламом и представленная на уровне губернаторств несколькими (вначале лишь двумя) кади-аскерами, эта система на уездном уровне замыкалась мусульманскими судьями-кади и их помощниками. Судьи-кади были прежде всего судьями, решавшими от имени ислама и по поручению властей все судебные дела, касавшиеся мусульман. Но это была только часть их функций, хотя и основная, важнейшая. Кроме того, кади выступали в функции нотариусов, фиксируя документы и сделки, а также посредников разрешавших торговые, финансовые и прочие споры, контролеров, следивших за регламентацией доходов и порядком сбора налогов, за установлением цен, за порядком и характером общественных работ и т. п. Словом, в типичных для исламских структур условиях слитности политики и религии состоявшие на административной службе кади были и духовниками, и чиновниками. В том, что касалось иных, немусульманских слоев населения, аналогичные функции были возложены на руководителей соответствующих религиозных общин-миллетов – греческо-православной, армяно-григорианской, иудейской, получивших для этого широкие полномочия. В тех случаях, когда в споры были замешаны представители различных религий, включая мусульман, дело подлежало суду кади, бывших, как правило, весьма пристрастными судьями, т. е. защищавших прежде всего интересы единоверцев.

Жесткий и мелочный регламент, о котором только что шла речь, касался прежде всего городской жизни, ремесла и торговли, где условия для нарушения привычных норм бытия были более благоприятными, чем в деревне. Города Турции были в значительной степени населены иноверцами нетурецкого происхождения, и все они, равно как и мусульманские торговцы и ремесленники, всегда были четко ограничены в своих возможностях многочисленными мелочными придирками и господствующими нормами публично-правового характера при почти полном отсутствии тех прав и гарантий, которые могли бы дать им отсутствовавшие либо очень слабо разработанные частноправовые регламенты. В городах господствовала система цехов, монополизировавших производство отдельных видов товаров, что было практически общим для всего средневекового, да и в значительной степени для древнего восточного общества. Стоит оговориться, что примерно таким же образом была организована система цехов и в городах средневековой Европы. Но была и существенная разница, коренным образом менявшая дело: европейские города были свободны от мелочной опеки со стороны властей и имели немалое самоуправление, что способствовало постепенному формированию самовоспроизводящейся структуры с господством частнособственнических отношений. Вне Европы тоже было немало собственников среди городских жителей, ремесленников и богатых торговцев, ростовщиков-откупщиков типа мультазимов и т. п. Но структура там была иной, о чем, собственно, и идет речь.

Надо сказать, что централизованный контроль над городами проявлялся не только в мелочной опеке и отсутствии прав и гарантий. Он находил выражение также в том, что существовали государственные монополии на производство и продажу некоторых видов

товаров – на соль, мыло, воск. Главное же было в неполноправии большинства городского населения, иноверцев – греков, армян, иудеев, славян, кавказцев, в чьих руках была сосредоточена едва ли не вся турецкая торговля и значительная часть ремесла. Определенную роль в городской жизни играли и арабы-мусульмане, но сами турки были в явном меньшинстве, что и неудивительно: турок был прежде всего воином, частично земледельцем и менее всего городским жителем-ремесленником и тем более торговцем. В целом, однако, турецкий город не был какой-то принципиально иной, особой частью структуры империи. Как раз напротив, при всей своей специфике многие города структурно были на тех же правах, что и сельские районы: более крупные из них могли стать и становились время от времени хассами султана либо его приближенных, мелкие – тимарами, зеаметами или вакуфами.

Кризис военно-ленной системы империи

Тимарная система была оптимальной для Турции в первые века ее существования, когда земли было много, а незначительность налогов с крестьян с лихвой компенсировалась регулярной и обильной военной добычей. Золотым веком централизованной империи считается в этом смысле правление Сулеймана I Кануни (Законодателя), или Сулеймана Великолепного (1520–1566), как называли его в Европе. Именно в те годы был опубликован ряд законоположений, определивших окончательную структуру империи, и в частности всю систему тимаров, а также были достигнуты впечатляющие победы, в ходе которых к Турции были присоединены почти все земли халифата, кроме разве что Ирана с прилегающими к нему территориями. Впоследствии стало считаться даже, что во времена Сулеймана никто не страдал от какой-либо несправедливости и вообще дела империи шли идеально. С конца XVI в. и особенно на протяжении двух последующих столетий дела начали идти все хуже и хуже. Империя все более очевидно вступала в состояние тяжелого кризиса – того самого, который сделал ее в начале XIX в. «больным человеком Европы». К чему же сводилась суть этого затянувшегося кризиса и каковы были способы лечения действительно всерьез «болевшей» структуры?

В XVI в. площадь обрабатываемых земель империи практически перестала расти, тогда как рост населения, напротив, продолжался, к тому же весьма быстрыми темпами. С одной стороны, это вело к дроблению тимаров и, следовательно, к уменьшению их доходности. С другой – к ухудшению качества жизни райя, к появлению в их среде все большего количества безземельных. Оба процесса вели также к тому, что бедневшие тимариоты правдами и неправдами стремились сохранить свой доход, для чего они захватывали крестьянские земли и увеличивали собственные хозяйства-чифтлики, сдавая при этом землю в аренду безземельным и малоземельным. В итоге казна лишалась своей доли законных налогов, а тимариоты все равно беднели и, как следствие этого, теряли свою боеспособность.

Нерентабельность мелкого тимара на рубеже XVI–XVII вв. была усугублена докатившейся до Турции волной «революции цен», вызванной наплывом в Европу дешевого американского серебра. Цены, как и налоги с крестьян, стали быстро увеличиваться, что опять-таки, с одной стороны, способствовало еще большему разорению райя, а с другой – ухудшению положения мелких тимариотов, сумма ежегодного дохода которых была жестко фиксирована. Все это вызвало серию народных восстаний, в которых принимали участие и деклассированные элементы и крестьянские низы, и даже тимариоты. Результатом было как сокращение доходов казны, так и упадок воинского могущества империи. Необходимы были срочные реформы.

Сначала власти пошли по наиболее легкому пути. Наглядно проявившийся упадок боеспособности воинов-сипахи было решено компенсировать увеличением корпуса живших за счет выдач из казны янычар: в 1595 г. их было примерно 25 тыс., а несколько десятилетий спустя – уже 50 тыс. Однако ставка на янычар дала, как то бывало и с арабскими гулямами-мамлюками, обратный эффект. Расходы на армию резко увеличились, и казна не всегда была в состоянии вовремя выплачивать жалованье янычарам, которые в ответ начинали бунтовать и даже смещать неугодных им султанов. Кризис и нестабильность стали проявляться с еще большей силой.

В 1656 г. великим везиром стал знаменитый Махмед Кёпрюлю, который и провел в Турции первую серию столь необходимых для страны реформ. Смысл этих реформ сводился к укреплению структуры за счет восстановления боеспособности тимаров, оживления распадавшейся тимарной системы. Тимары были восстановлены путем ущемления некоторых других категорий землевладения, включая хассы и вакуфы. Это привело к укреплению дисциплины в войске воинов-сипахи, в результате чего повысился авторитет центральной власти и были даже одержаны некоторые победы. В частности, в 1681 г. была присоединена к империи Правобережная Украина. Но все эти успехи были недолгими. Явления, вызвавшие кризис, не были ликвидированы. В XVIII в. они проявились вновь, причем с еще большей силой.

Процесс дробления тимаров продолжался, причем все увеличивалось количество тимариотов, которые не были в состоянии выполнять свои воинские обязанности. Нуждаясь в деньгах, казна подчас продавала их владения, которые при этом нередко переходили в руки разбогатевших торговцев либо ростовщиков. Выходцы из этих слоев населения с конца XVII в. активно включились и в сферу откупа, которая в интересах казны была усовершенствована: земли категории хасс, как и некоторые иные ненаследственные пожалования, все чаще отдавались на откуп мультазимам пожизненно. Мультазим, уплатив определенный взнос и ежегодно отдавая государству либо владельцу хасса определенную сумму, получал почти полную свободу в своих отношениях с крестьянами, в результате чего государство порой вовсе утрачивало контроль за положением райя. Снова результатом было ухудшение положения крестьян и тимариотов, что не могло не сказаться на состоянии страны в целом, включая и ее военную мощь, ее отношения с соседними государствами.

Уже на рубеже XVII–XVIII вв., несмотря на отдельные успехи, Турция потерпела и ряд серьезных поражений в войнах. И хотя в начале XVIII в. она все же смогла взять реванш в войнах с Венецией, Австрией и Россией, дни ее военно-политического могущества были уже сочтены. Все чаще та или иная европейская держава в итоге войны с Турцией добивалась определенных льгот либо преимуществ в торговле (первые такого рода льготы – капитуляции – были предоставлены французам в знак благодарности за их помощь в войне с Венецией и Габсбургами еще в 1535 г.; в 1580 г. таких же льгот добились англичане; в начале XVIII в. – австрийцы). Примерно с 1740 г. капитуляции стали превращаться в неравноправные договоры, предоставлявшие односторонние преимущества европейским торговцам, что постепенно открывало двери для проникновения в империю европейского капитала.

Сначала упадок военной мощи, а затем и становившееся все более очевидным экономическое и политическое (не говоря уже о социальном, научно-техническом, культурном и т. п.) отставание Турции от быстро развивавшейся капиталистической Европы, включая и Россию, привели в конце XVIII в. к тому, что для европейских держав, прежде с трудом отбивавшихся от натиска турок, возник так называемый восточный вопрос – как быть с Турцией? Начиная с этого времени Турция фактически утрачивает былую самостоятельность в международных делах, а само сохранение империи в качестве крупного военно-политического объединения во многом стало зависеть от разногласий между державами, не желавшими за счет изменения статуса Османской империи резко нарушить с трудом сохранявшийся политический баланс в Европе.

Правящие круги империи не могли не видеть упадка страны. Вопрос для них был лишь в том, как приостановить процесс деградации, какие меры принять для укрепления внутренней структуры империи. Совершенно очевидным было, что военно-ленная система, вполне оправдывавшая себя ранее, особенно в условиях малочисленности этноса завоевателей, давно себя изжила и требовала замены. Но что следовало противопоставить ей?

Второй тур реформ, связанный с именами султанов Селима III (1789–1807) и Махмуда II (1808–1839), по сути и духу весьма значительно отличался от первого, особенно при Махмуде II. Правда, и на сей раз было кое-что предпринято для регенерации приходившей в упадок тимарной системы и поднятия боеспособности воинов-сипахи. Но теперь главным было уже не это. Главным стало явственно выраженное стремление реформаторов покончить с военно-ленной системой как таковой и тем более с таким уродливым проявлением ее, как

корпус янычар. Основной упор в ходе реформ был сделан на создание новой, реформированной по европейскому образцу армии, включая артиллерию, флот, инженерные войска. В качестве специалистов-консультантов были приглашены офицеры и преподаватели из ряда европейских стран, включая получившего в дальнейшем известность прусского военачальника Г. Мольтке. По мере создания и укрепления этих новых армейских формирований султаны избавлялись от старых: в 1826 г. было жестоко подавлено восстание недовольных реформами янычар и специальным указом Махмуда II янычарский корпус был ликвидирован. Вместе с ним с политической арены был удален влиятельный и игравший реакционную роль суфийский орден Бекташи. В 30-х годах XIX в. в несколько этапов была упразднена и тимарная система; место бывших сипахи заняла новая регулярная армия. Был поставлен даже весьма радикально для турецкой традиции звучащий вопрос о возможном включении в эту армию турецких подданных из числа немусульманских этнических групп.

Второй тур реформ и особенно деятельность Махмуда II не ограничились только радикальными переменами в военно-административной системе и организации войска, хотя это было самым важным для страны. Были внесены изменения и в систему администрации (созданы некоторые новые министерства и ведомства по европейскому образцу), и в порядок налогообложения, включая форму взимания налогов, проблему откупов, и в сферу культуры (почта, газеты, больницы, учебные заведения и т. п.). Словом, реформы начала XIX в. следует расценивать как решительный шаг Турции в сторону европеизации ее внутренней структуры. Эти реформы заложили основу для новой, еще более радикальной в истории страны третьей серии реформ – для Танзимата (40–70-е годы XIX в.), о чем речь будет идти в следующей части данной работы.

Второй тур реформ и вся весьма плодотворная в этом смысле деятельность султана Махмуда II, время от времени открыто бросающего вызов отжившим традициям вчерашнего дня (так, например, во время одной из своих поездок по стране султан демонстративно лично оплачивал все связанные с этой поездкой расходы – факт невероятный и непривычный для его подданных), во многом способствовали выживанию Турции как государства. Но не как империи: Османская империя уже была обречена.

Распад империи начался еще в XVIII в., когда в результате ряда войн с Австрией, а затем с Россией и Ираном Турция потеряла некоторые окраинные территории (часть Боснии, Тебриз, Азов и Запорожье), а также вынуждена была согласиться на отказ от политического контроля в некоторых других (Грузия, Молдова, Валахия). К концу XVIII в. местные династии стран Магриба, Египта, Аравии, Ирака тоже уже весьма слабо контролировались турецким правительством. Египетская экспедиция Наполеона на рубеже XVIII–XIX вв. была еще одним чувствительным ударом по престижу Османской империи, а последовавшее затем восстание ваххабитов окончательно оторвало от Турции Аравию, которая вскоре оказалась в руках могущественного Мухаммеда-Али Египетского. Правда, реформы и политическое лавирование позволили султанам при поддержке ряда европейских держав сохранить контроль над Египтом и некоторыми другими арабскими странами, но с начала 20-х годов XIX в. начались восстания на Балканах, в ходе которых добилась независимости Греция, значительной автономии – Сербия. Османская империя таяла, как шагреновая кожа. Наступала эпоха самостоятельного существования большинства включенных в ее состав стран. Нашего внимания заслуживают прежде всего в этой связи судьбы арабских стран, долгие века находившихся в составе империи. Как эволюционировала их внутренняя структура и какие политические события были характерны для них за это время?

Арабские страны под властью Турции

Что касается Ирака, то эта страна после падения государства Хулагуидов на короткое время (1340–1410) вошла в состав султаната Джелаиридов, войны которого с завоевателем Тимуром привели к разорению Ирака и разрушению его городов, включая некогда цветущий Багдад, столицу аббасидских халифов, население которого за немногие века сократилось почти в десять раз. С этого времени некогда цветущее Двуречье пришло в окончательный упадок, превратилось в малозаселенный и малопродуктивный район, утративший самостоятельное

политическое и экономическое значение. В начале XVI в. он на короткое время был включен в состав сефевидского Ирана, а с середины XVII в. стал частью Османской империи. Постепенно выходя из состояния глубокого кризиса, в значительной мере за счет оживления торговли и городской жизни, Ирак к концу XVIII в. стал возрождаться. К этому времени в его экономике стала играть заметную роль английская Ост-Индская компания, влияние которой сказывалось в сепаратистских настроениях багдадского паши. Турция, однако, крепко держалась за свое право политического контроля над Ираком: она не без оснований видела в этом немалые для себя выгоды, особенно имея в виду оживление колониальной торговли. Ирак был одной из немногих отдаленных провинций империи, власть над которыми Турция не утратила еще и в середине XIX в.

Аравия всегда была слабым местом империи. Хотя Хиджаз с Меккой и Мединой признавали авторитет султана, во внутренних делах эти священные исламские территории пользовались практически полной автономией. Йемен был под властью турок едва ли более столетия: в 1630–1640 гг. турецкие гарнизоны вынуждены были покинуть его под давлением зейдитских имамов. Эмираты Восточной Аравии частично были под властью Ирана, но в большинстве своем оставались независимыми, тогда как Центральная Аравия продолжала оставаться безраздельным царством кочевников-бедуинов с их шейхами, которые не признавали над собой ничьей власти, пока в середине XVIII в. здесь не сложился эмират ваххабитов, к XIX в. распространивший свое влияние почти на всю Западную и Центральную Аравию, включая и Мекку (совр. Саудовская Аравия).

Следует заметить, что все эти и многие иные сложные политические перипетии как в Ираке, так и в Аравии не слишком сказывались на внутренней структуре этих населенных арабами районов, экономическое и тем более социальное развитие которых шло чрезвычайно замедленными темпами. Этому способствовали, в частности, и упоминавшиеся вмешательства извне, в том числе опустошительные завоевания Тимура. На таком достаточно мрачном фоне развитие других арабских провинций империи шло заметно активнее. Прежде всего это касается Египта и Сирии, в меньшей степени – стран Магриба.

На протяжении нескольких веков после низвержения Айюбидов (1250) в Египте правили мамлюкские султаны и бей, преимущественно выходцы из числа гвардейских военачальников. О статусе гулямов-мамлюков-янычар в арабо-турецком мире уже немало было сказано. Стоит добавить, что они, как правило, не имели законных наследников (либо не имели права жениться вообще, либо их браки не считались законными), так что преемниками преуспевшего мамлюкского султана или бея обычно были не их потомки, хотя случалось и такое, а мамлюки новых поколений, набиравшиеся все тем же способом. Словом, мамлюкские династии были недолговременными, а не имевшие легитимной защиты потомки султанов довольно быстро низвергались очередным усилившимся мамлюком.

Мамлюкские султаны Египта, тем не менее, были достаточно сильными правителями. Они сумели остановить натиск монголов в XIII в. и временами даже успешно оспаривали у них Сирию. Правда, на рубеже XIV–XV вв. мамлюкский Египет тоже был разгромлен войсками Тимура, но все-таки султаны при этом не только сохранили власть, но и добились независимости. Что касается внутренней структуры и земельных отношений, то они в период правления мамлюков сохранялись в основном теми же, что и прежде. Только во главе административных единиц стояли теперь мамлюкские бей (эмиры-тысяцкие, даже эмиры-сотники), а условными владениями типа икта пользовались почти все воины, включая рядовых. Поскольку мамлюки и иные египетские воины сами хозяйства не вели и не склонны были заниматься даже сбором полагающихся им налогов, эти функции во все большей мере перекладывались на откупщиков-мультазимов.

Завоевание Египта турками в 1517 г. внесло сравнительно немного изменений во внутреннюю структуру этой страны. Египет стал управляться назначенным султаном пашой, правившим с помощью дивана из министров. Управление на местах осталось в руках мамлюкских беев, да и в Каире мамлюки продолжали задавать тон. Турецкие чиновники провели перепись земель, официально включив их в фонд казны. Был создан специально для Египта «Канун-наме Мыср», которым были определены формы землепользования, права землевладельцев (в основном ими были мамлюки и воины-иктадары), а также статус городов,

ремесла и торговли. Основной формой землевладения стал мукта (икта), но главной фигурой в земельных отношениях продолжал быть откупщик-мультазим, что налагало нелегкое дополнительное бремя на крестьян-феллахов. Выгодные позиции мультазимов вели к тому, что доля мамлюков в их среде все увеличивалась. Как это ни парадоксально, но со временем равнодушные ко всему, кроме войн и политических интриг, мамлюки постепенно преобразовывались в весьма расчетливых дельцов; к середине XVIII в. они составляли не менее половины всех мультазимов. Большое количество земли принадлежало к вакуфным, причем в необлагавшийся налогами вакуф здесь, как и в Турции, стремились обратить свои земли собственники муляков: это было для них менее доходно, но зато более надежно.

Согласно нормам «Канун-наме Мыср», землепользователями были жившие общинами феллахи, земельные наделы которых временами подлежали переделам. Во главе общины обычно стоял шейх, чья власть утверждалась административным начальством. На периферии долины Нила жили преимущественно кочевники-бедуины, над которыми мамлюкские бей имели очень слабый контроль. В городах шейхи возглавляли корпорации ремесленников и торговцев, а в больших городах, прежде всего в Каире, они же возглавляли и квартальные общины, тоже обычно объединенные по какому-либо признаку – ремесленному, земляческому, конфессиональному и др. Большую роль во всей структуре здесь играли судьи-кади, выполнявшие множество функций, особенно в городах.

Сирия с ее сложной внутренней структурой после завоевания турками в основном стала частью империи; в ней даже стали создаваться тимары турецкого типа. Однако некоторые ее районы, в частности Горный Ливан, сохранили не только автономию, но и своих правителей. В первой половине XVI в. влияние этих правителей, особенно Фахр-ад-дина из династии Маанидов, было настолько значительным, что султан признал их «эмирами Арабистана». При Фахре Бейрут расцвел и разбогател, чему в немалой степени способствовали активные связи христианской общины Ливана с европейцами. В 1635 г., однако, Турция вернула себе полный контроль над Ливаном, хотя и в XVIII в. ряд пашалыков у этом районе империи сохранял фактическую независимость от султана.

В XVIII в., в период острого кризиса империи, Египет, как упоминалось, фактически почти откололся от нее. Мамлюкские паши вели собственную внешнюю политику, следствием чего был и захват Египта Наполеоном в конце этого века. Экспедиция Наполеона, однако, завершилась неудачей, а Англия помогла султану восстановить свой контроль над Египтом. Но контроль этот был призрачным, особенно после 1805 г., когда египетским пашой стал Мухаммед-Али. Он провел в стране ряд важных реформ, суть которых сводилась к ликвидации засилья мамлюков и мультазимов и к росту роли государства в экономике страны (земля была объявлена собственностью казны; были введены монополии на отдельные виды производства и торговли и т. п.). Мухаммед-Али проводил активную внешнюю политику, присоединил к Египту часть Аравии, Судан, а затем и Сирию. Он вел и успешные войны с султаном, так что только настоятельное давление со стороны Англии вынудили его признать все же суверенитет султана и вернуть Турции захваченные у нее Сирию, Аравию и Крит.

Глава 5 Позднесредневековый Иран

Образованное монгольскими завоевателями государство ильханов, основная часть которого находилась на территории Ирана, просуществовало немногим более века. Уже в 30–40-е годы XIV в. начался его политический распад: то в одной части страны, то в другой соперничавшие с ильханами чингизиды стремились создать фактически независимые султанаты и эмираты. Децентрализации и распаду государства ильханов способствовали и мощные сектантские движения шиитов, выступавшие под антимонгольскими лозунгами. Наибольший успех среди сектантов имели сарбедары, которые в 1353 г. убили последнего из ильханов и создали собственное государство, просуществовавшее до 1381 г., – параллельно с государствами Джелаиридов, Мозафферидов и Куртов, которые появились на территории Ирана, Ирака, Афганистана и Закавказья после падения власти ильханов.

Существование всех этих государств закончилось примерно одновременно: все они пали под ударами победоносных войск Тимура (Тамерлана, 1370–1405). Став в 1370 г. эмиром Мавераннахра и сделав затем своей столицей Самарканд, Тимур приступил к широкой программе завоеваний, в ходе которых он объединил под своей властью сначала Среднюю Азию, затем Иран, а также значительную часть Западной Азии. Хотя завоевания Тимура сопровождались жестокостями и разрушениями, они все же не принесли с собой таких бедствий, как нашествие монголов, – ибо с самого начала Тимур стремился не столько к покорению и уничтожению других народов, сколько к развитию Мавераннахра и особенно Самарканда за счет ограбления других народов и контроля над международными торговыми путями. Впрочем, с точки зрения количества погубленных жизней разница между Чингис-ханом и Тамерланом была не столь велика. В частности, уже шла речь о том, что некоторые древние цветущие районы, как, например, Двуречье и дважды разрушенный Тимуром Багдад, пришли после его нашествий в состояние длительного упадка.

После смерти Тамерлана его огромная держава была поделена между тимуридами, но не все из них сумели удержать власть. Так, на территории Закавказья, Курдистана и части Ирака возникло новое государство Кара-Коюнлу («Чернобаранные») во главе с туркменским эмиром Кара Юсуфом. К югу от него – тоже туркменская конфедерация Ак-Коюнлу («Белобаранные»), которая в 1468 г. разгромила Кара-Коюнлу. После этого лишь Восточный Иран остался в руках тимуридов, это был Хорасанский султанат. А в состав государства Ак-Коюнлу вошел Западный Иран с прилегающими к нему землями Курдистана, Армении, Ирака, т. е. основная часть Ирана.

Правитель этого государства Узун Хасан (1453–1478), усилиями которого были достигнуты победы над соседями, пытался было провести реформы с целью урегулирования и облегчения налогообложения и усиления централизованного государства. Однако больших успехов его реформы не обеспечили, ибо преобладавшая в Ак-Коюнлу тюрко-монгольская кочевая знать противодействовала этому, а господствовавшая форма землевладения – союргал, тип икта с определенным налоговым и даже административным иммунитетом, – содействовала децентрализации и росту сепаратизма, феодальных междоусобиц. Таким образом, политическая структура Ак-Коюнлу к концу XV в. не только не окрепла, но даже заметно расшаталась, что и сыграло свою роль в последующих событиях.

Государство Сефевидов

Упадок реальной власти халифов в начале II тысячелетия н. э. способствовал не только политической децентрализации мира ислама, его полицентризму, но также и появлению, а точнее, увеличению роли некоторых новых духовных течений в рамках ислама. Речь идет о суфиях, своеобразных монахах ислама, и создававшихся ими суфийско-дервишеских орденах, внутренняя структура которых была основана на фанатичной преданности низших членов – послушников-мюридов – главе ордена, всевластному шейху, часто обладавшему харизматическим авторитетом и считавшемуся святым. Ордена такого типа были как в среде суннитов (об одном из них, Бекташи, упоминалось в связи с турецкими янычарами), так и у шиитов. При этом и у тех, и у других жесткая внутренняя дисциплина и строгая иерархическая организация суфийских орденов нередко служила той основой, на базе которой в тех или иных районах исламского полицентризма и тем более в соседних территориях с политическим вакуумом, как, например, в Африке к югу от Магриба, сравнительно легко возникали государственные образования. Правда, Иран отнюдь не был районом с политическим вакуумом. Но условия конца XV в. были весьма благоприятны для возвышения дервишеского ордена Сефевийя.

Имя ордену дал шейх Сефи ад-Дин (1252–1334), унаследовавший уже сложившуюся суфийскую организацию от своего учителя и тестя шейха Захида, имевшего немало мюридов среди крестьян и ремесленников Азербайджана. В XV в. сефевидские шейхи владели землями и пользовались огромным влиянием в Азербайджане и прилегающих к нему районах Малой Азии, где, важно заметить, среди сторонников ордена к тому времени явно преобладали

кочевые тюркские племена, что делало орден более воинственным. Члены ордена стали носить особую чалму с 12 красными полосами в честь 12 святых имамов и получили наименование кызылбашей (красноголовых). Они исповедовали шиизм умеренного толка.

В 1499 г. кызылбаши во главе с двенадцатилетним Исмаилом, только что ставшим их шейхом, выступили против североазербайджанского ширваншаха и захватили часть его земель, включая Баку и Шемаху. Окрыленные успехом кызылбаши повернули на юг и, разбив армию султана Ак-Коюнлу, захватили земли султаната. В 1502 г. в Тебризе Исмаил был провозглашен шаханшахом новой династии Сефевидов (1502–1736). Продолжая активную завоевательную политику, Исмаил и его преемники вскоре объединили в рамках своего государства все собственно иранские земли, а также Азербайджан, часть Армении, Ирака, Туркмении и Афганистана. Шиизм умеренного толка (имамизм) стал обязательной религией для населения государства. Была даже создана легенда о происхождении Сефи ад-Дина от одного из святых шиитских имамов – от седьмого имама Мусы, причем шаханшах считался заместителем двенадцатого скрытого имама, которого все шииты почитают в качестве мессии-Махди и пришествия которого они всегда ожидали и ожидают до сих пор.

Во главе нового государства оказались кызылбаши, из числа которых назначались военачальники, наместники в провинциях, сановники при дворе шаха. Если не считать кочевников с принадлежавшими им родовыми землями, вся земля, как это было и раньше, считалась государственной и делилась на ряд категорий: дивани (казенные), хассе (домены шахской родни и самого шаха), вакуфы. Число мульков было невелико. А количество сююгалов с иммунитетными правами стало сильно сокращаться в пользу тиулей, т. е. ненаследственных условных пожалований типа икта с правом пользования четко определенной суммой взимавшихся с крестьян налогов (не исключено, что здесь сыграл свою роль пример турецкого тимара).

Размер налога-хараджа был при Исмаиле снижен до 1/6 урожая, хотя затем он стал больше. Были уменьшены налоги с городского населения. Впрочем, все эти реформы не способствовали серьезному укреплению центральной власти, которая больше держалась на авторитете самого Исмаила (1502–1524). При его преемниках она стала слабеть, следствием чего было усиление самовластия и даже произвола на местах. В начале 70-х годов XVI в. это вызвало ряд народных восстаний, подавление которых стоило немалых усилий. Шахская власть пришла в упадок, что заметно сказалось после смерти шаха Тахмаспа в 1576 г.: среди двенадцати его сыновей и поддерживавших их различных кочевых племен начались длительные и кровопролитные войны, в ходе которых претенденты на шахский престол превратились в марионеток стоявших за ними соперников.

Слабостью Ирана воспользовались турки. В 80-х годах XVI в. они завладели Ширваном и Азербайджаном, захватили и разграбили Тебриз, который в то время был процветающим 300-тысячным городом. На востоке воинственный узбекский хан Бухары отнял у Ирана часть Хорасана и афганских земель с Гератом. На остальные афганские земли претендовали властители Индии из новой династии Великих Моголов. К этому важно добавить, что войны, междоусобицы, захваты и разорение городов вызвали экономический кризис. Караванные пути и водно-торговые артерии, в частности Волго-Каспийский путь, были перекрыты вражескими войсками и практически не функционировали. Под тяжестью все возрастающих поборов восставали и бежали крестьяне. В этих условиях и был провозглашен очередным шахом 17-летний Аббас, от имени которого намеревались управлять Ираном стоявшие за ним кызылбашские ханы. Однако ситуация вскоре приняла совершенно иной оборот.

Аббас I оказался хитрым, умным и властным правителем. Он не только быстро избавился от опеки своих покровителей, но и энергично взял рычаги власти в свои руки. Подавив восстания, положив конец междоусобицам, Аббас обратился к решению нелегких международных проблем. В 1587–1588 гг. он одержал важную победу над узбеками в сражениях близ Герата и в Хорасане. Затем в 1590 г. он пошел на заключение невыгодного мира с турками, который развязал ему руки для решительных реформ. Целью этих реформ было укрепление центральной власти. Собственно, только при Аббасе и именно благодаря его усилиям сефевидский Иран достиг внутренней стабильности, что позволило ему просуществовать при более слабых преемниках великого шаха еще свыше столетия.

Как и в османской Турции, главной проблемой для Ирана была армия. Составленное в основном из кочевников племенное ополчение, равно как и кызылбашская конница, уже не были достаточно боеспособны и, главное, легко становились игрушкой в руках сепаратистов при междоусобных схватках. Имея в виду явную склонность кызылбашских ханов к феодальным раздорам, Аббас поставил первой своей целью ослабить именно их. Он создал 12-тысячный корпус стрелков-мушкетеров и 12-тысячный корпус артиллеристов, что вместе с корпусом гвардейцев-гулямов, в основном из кавказцев, составило ядро его регулярной армии. Достигнув этого Аббас резко сократил войско кызылбашей (до 30 тыс.) и соответственно уменьшил число кызылбашских эмиров (со 114 до 35 за годы своей власти). Все это укрепило позиции шаха. Аббас провел также финансовые реформы: были введены новые монеты и отрегулированы налоги. Некоторые районы Центрального Ирана, и в частности столица Исфаган, были на несколько лет вообще освобождены от налогов. В других районах харадж был сокращен до первоначальной 1/6 части урожая. Снизилась и плата с кочевников.

Несколько изменилась при Аббасе и система земледелия. Резко расширился фонд казенных земель дивани. Союргал практически везде был заменен тиулем с ограниченными правами владельцев пользоваться лишь строго оговоренной суммой налоговых поступлений. Был увеличен фонд шахских земель (хассе), продолжали процветать вакуфы. Сохранялись и мульки, владельцы которых платили в казну минимальный налог – 10%. Крестьянская община несла ответственность за выплату всех налоговых сборов, чему способствовал принцип круговой поруки. Крестьяне, кроме всего, выполняли еще и повинности перед государством. Немусульмане платили подушную подать джизию.

При Аббасе расцвели ремесла и торговля в богатейших городах, налоговый сбор с которых определялся правительством. Существовали казенные шахские ремесленные мастерские с большим количеством лучших мастеров, работавших преимущественно по найму. Внешняя торговля и международные торговые пути находились под особым покровительством властей: мостились дороги, строились караван-сарай. Торговля шелком стала государственной монополией, а центром ее (шелк стал основой иранского экспорта) был 600-тысячный Исфаган.

Реформировал Аббас и систему административного управления. Структура власти при нем в некоторых отношениях напоминала османскую, но была существенно солиднее. Всесильным главой был шаханшах, по воле которого любой из его подданных мог быть в любую минуту подвергнут наказанию, вплоть до казни. От имени шаха правил меджлис из семи сановников-министров во главе с великим вазиром, который, в отличие от его османского коллеги, был более гражданским, нежели военным лицом. Все министры имели ведомства-диваны с соответствующими канцеляриями и штатами. Территория страны была поделена на две основные зоны – земли дивана и земли хассе, т. е. шахские. Во главе областей дивана стояли губернаторы-беглербеги, а округами в каждой области руководили хакиды. В областях земель хассе, куда кроме шахских были включены также и вакуфные и мульковые, руководителями были сановники-вазиры. Шиитское духовенство тоже имело два соответствующих штата судей-кади и богословов, обслуживавших земли дивана и земли хассе. В целом административный аппарат сефевидского Ирана при Аббасе был едва ли не наиболее сложным и громоздким из всех, что создала исламская государственность. Но он оказался достаточно эффективен для управления Ираном. В стране существовали и окраинные автономные территории – Картли, Кахетия, Луристан, Курдистан, Арабистан, – где была собственная традиционная система управления. И вся эта сложная бюрократическая машина при Аббасе находилась в руках не недавних кочевников-кызылбашей, но имевших восходящие к Ахеменидам традиции администрации персов.

Реформы, способствовавшие резкому усилению власти шаханшаха, послужили основой для активной внешней политики. Аббас I вел успешные войны с Турцией, заставив ее возвратить отданные ей в 1590 г. земли. Он отвоевал у Великих Моголов Кандагар, изгнал португальцев из очень важного для международной торговли острова-порта Хормоз в Персидском заливе, вел переговоры с европейскими державами и покровительствовал английской Ост-Индской компании. При Аббасе начались посольские связи Ирана с Россией (1588). Можно считать, что именно на рубеже XVI–XVII вв. сефевидский Иран благодаря

реформам и политике Аббаса I достиг зенита своего внешнеполитического влияния и внутривосточного могущества. После смерти Аббаса его преемники жили некоторое время за счет этого могущества. Но не очень долго.

Сефевидский Иран после Аббаса. Надир-шах

Ослабление центральной власти при преемниках Аббаса привело к экономическому упадку страны и, как следствие этого, к росту налогового бремени. Усиление налогообложения в деревне вело к бегству крестьян с земли. В 1710 г. шаханшах Султан Хусейн издал даже специальный ферман о прикреплении крестьян к их земле. Ухудшилось также и положение городов, пришла в упадок торговля, включая и внешнюю, что в немалой степени было связано с ослаблением имперской системы в целом. На рубеже XVII–XVIII вв. в стране произошло несколько восстаний сельского и городского населения, а преследование мусульман-суннитов и ухудшение статуса христиан способствовали восстаниям на национальных окраинах – среди армян, курдов, афганцев и др. Особо значительный размах получило движение афганцев, захвативших на некоторое время в 1722 г. значительную часть Ирана, включая столицу Исфаган.

Внутренние распри в Иране в немалой мере облегчили задачу его внешних противников, России и Турции. Русские в 1722–1723 гг. заняли Дербент и Баку, а турки – Восточное Закавказье, почти весь Азербайджан и немалую часть Западного Ирана. Только объединение иранцев в Мазендаране вокруг шаха Тахмаспа II помогло изгнать турок и афганцев. При этом основную роль в победе над врагами сыграл талантливый полководец Тахмаспа Надир-хан из тюркского племени афшар. В 1729 г. Надир взял Исфаган и восстановил Тахмаспа на престоле Сефевидов. Успехи в войнах последующих лет, приведшие к восстановлению власти Сефевидов над почти всей прежней территорией империи, укрепили престиж Надира, который вскоре низложил Тахмаспа и добился в 1736 г. провозглашения себя шахом Ирана.

Став шахом, Надир (1736–1747) продолжал активную внешнюю политику. Он не только вернул все прежние земли империи, но и провел ряд успешных походов, позволивших присоединить к Ирану часть Грузии, Армении и Дагестана, весь Азербайджан, Афганистан, Белуджистан. Бухарское и Хивинское ханства признали себя вассалами Надира. Однако наибольшего успеха он добился в результате похода 1739 г. на Индию. Разгромив войско Великих Моголов и разграбив Дели, Надир вывез в свою столицу Мешхед неслыханные сокровища – на 500 млн. рупий драгоценных камней, которые он оставил себе, и еще на 200 млн. рупий прочей добычи, доставшейся его войску.

Эти награбленные сокровища позволили Надиру на некоторое время сократить налоговые ставки с иранского населения и удовлетворить аппетиты войска, в котором большую долю составляли по-прежнему воинственные кочевые племена. Надир построил заводы для литья пушек и ядер к ним. Он принял меры для восстановления разрушенных городов, плотин, для возвращения крестьян и горожан в их родные места. Политика веротерпимости (сам Надир-шах был суннитом и потому стремился наладить мир между суннитами и шиитами; он покровительствовал также и христианам, иудеям, даже сектам зороастрийцев) помогала шаху смягчить внутренние противоречия, но она вызвала недовольство шиитского большинства.

В области земельных отношений, как и в административной политике, Надир-шах стремился к усилению роли государства и центральной власти. При нем снова возросла доля государственных земель за счет сокращения владений кызылбашской знати, частично и вакуфов. Все эти меры в целом были разумны и в принципе вполне могли надолго обеспечить стабильность власти правителя, имевшего популярность в народе. Однако ситуация складывалась иначе. Начать с того, что сам шах с возрастом становился мелочным и подозрительным. Его жестокость, вздорность, непоследовательность с каждым годом все больше озлобляли его окружение и вызвали недовольство населения. Военные неудачи в последние годы жизни Надира привели к тому, что шах резко увеличил налоговые ставки, бесцеремонно взимая налоги и с тех, кому были дарованы льготы, и за те годы, которые прежде были объявлены льготными (когда налоговые ставки были официально сокращены, о чем только что шла речь). Восстания и возмущения народа топились в крови. Популярность

правителя быстро сходил на нет. Искали удобного случая поднять мятеж и недовольные шахом кызылбашские эмиры, и ханы кочевых племен, часть которых поддерживала притязания на престол самозванцев, выдававших себя за уцелевших потомков Сефевидов. Проявляло недовольство ущемленное в своих привилегиях шиитское духовенство. Дело кончилось тем, что в наиболее напряженный для Надир-шаха момент, когда заподозривший заговор правитель был готов умертвить всю свою родню из числа афшарских ханов, эти последние опередили его, убив шаха в его собственном шатре.

После смерти шаха Иран снова оказался в состоянии глубокого политического кризиса и фактически распался на части. В Хорасане правил внук Надира Шахрух. Ханства Северного Азербайджана, Армения, а также Грузия стали фактически независимыми. Часть Северного Ирана захватили вожди племени каджаров, Южный – вожди племени зендов. Восточный Иран снова оказался в руках афганцев.

В 1758 г. зендский Керим-хан сумел одолеть каджаров и азербайджанцев и объединить в своих руках значительную часть Ирана. Правда, он не объявил себя шахом, ограничившись титулом векеля (регента), но достаточно успешно управлял страной два десятилетия. Керим-хан провел несколько существенных реформ, направленных на ограничение произвола местных властей, восстановление ремесел и городов, регулирование налогообложения. Одновременно с этим он стремился ограничить связи Ирана с западными странами – видимо, пример могольской Индии был для него в этом смысле серьезным предупреждением. Немалое место во внешней политике Керим-хана играли взаимоотношения с Россией, в основном торгово-дипломатические, а также с Турцией, с которой он вел войны за Басру.

Смерть Керим-хана зендского в 1779 г. снова поставила Иран на грань кризиса. Начались феодальные междоусобицы ханов, борьба за власть в стане самих зендов. В разгар этой борьбы из заточения бежал пленник Керим-хана каджарский Ага Мухаммед-хан, который вслед за тем в жестокой борьбе за власть в вотчине каджаров Астрабаде сумел одолеть соперников и провозгласить себя в Тегеране новым шаханшахом Ирана.

Афганцы и империя Дуррани

Пока на основной территории Ирана шла борьба между ханами за наследие Надир-шаха, восточная его часть, как упоминалось, оказалась под властью афганцев.

На протяжении веков территория Афганистана находилась под властью различных государств – Ахеменидского, Бактрийского, Кушанского, Сасанидского. Затем она стала частью халифата, потом территорией эмиратов – Газневидского, Гуридского. На рубеже XIV – XV вв. вошла в состав державы Тимура, дайм была цикирс-на Великими Моголами. Различным по этническому составу было и население, причем на протяжении веков одни племена сменяли другие и, в свою очередь, служили основой для последующих этнических напластований. Собственно афганские (пуштунские) племена начали складываться и расселяться на этой земле в XI–XIV вв., а в XVI–XVII вв. их, по некоторым данным, здесь насчитывалось уже около 400, условно объединяемых в четыре большие группы.

Хотя в долинах афганцы занимались земледелием, большинство их были воинственными кочевниками, охотно использовавшимися в качестве наемного войска влиятельными правителями соседних государств, в частности Ирана и Индии. Именно афганцы, как, впрочем, и турки, были основой того войска, с помощью которого завоевали Северную Индию на рубеже XII–XIII вв. военачальники Гуридов, объявившие себя затем султанами в Дели. Афганцы же были немалой частью войска Бабура, завоевавшего Индию в начале XVI в. и основавшего династию Великих Моголов. Неприхотливые и воинственные, афганцы считались хорошими солдатами – не случайно их охотно брали в свои войска и иранские шаханшахи.

Патриархально-племенная внутренняя структура афганцев способствовала формированию у них, особенно под влиянием внешних контактов, протогосударственных образований во главе с вождями-ханами. Это наиболее отчетливо прослеживается на примере таких племен, как абдали и гильзай, где должность вождя-хана уже в XVII–XVIII вв. передавалась по наследству, тогда как в других племенах в то время она была выборной, в полном соответствии с традиционным для такого рода структур принципом меритократии. Существовали племенные

советы старейшин. Эти советы-сходки, джирги, служили для решения всех внутренних дел племени, включая подлежащие суду споры. Большую роль в жизни афганских племен играло мусульманское духовенство, особенно наследственные группы «святых людей» из числа потомков пророка сейидов, имевших немалые привилегии, включая особое право на земли (нечто вроде вакуфов). Все остальные земли обычно подлежали спорадическим переделам.

Первые собственно афганские ханства на племенной основе стали играть заметную политическую роль с XVI–XVII вв. – Хаттакское близ Пешавара, Гератское, Гильзайское со столицей в Кандагаре. С середины XVII в. племена абдали (Герат) и гильзаев (Кандагар) оказались под властью сефевидского Ирана. Афганские воинственные племена во главе с их ханами сыграли заметную роль в междоусобных войнах в Иране в начале XVIII в., когда гильзаи во главе с Мир Вайсом не только провозгласили Кандагар центром независимого государства, но и двинулись на Иран, где сын Мир Вайса Мир Махмуд вступил в Исфаган и провозгласил себя в 1722 г. шаханшахом. Вплоть до 1729 г., когда Надир восстановил на троне Сефевидов шаха Тахмаспа, афганские предводители, сменяя друг друга в междоусобных схватках, находились в Исфагане. За это время независимости добились и абдали, создавшие свое государство в Герате. Впрочем, конец независимому Герату быстро положили воины Надира в том же 1729 г. А в 1738 г. Надир занял и Кандагар. В конечном счете весь Афганистан был включен в державу Надир-шаха.

С распадом империи после смерти Надир-шаха вождь племени абдали Ахмад-хан, руководивший военным отрядом афганцев в войске шаха, прибыл в Кандагар и на состоявшейся в 1747 г. джирге был избран шахом Афганистана. Вскоре все племена страны признали Ахмад-шаха своим правителем, а племя абдали, переименованное в дуррани («жемчужное»), заняло ключевые позиции в новом государстве. Государство Дуррани, как оно стало теперь именоваться, за годы правления Ахмад-шаха (1747–1773) сильно расширило свои владения, присоединив к себе Кашмир, Синд, Белуджистан, Хорасан, Балх и некоторые другие территории, налог с которых в основном и пополнял казну шаха. Престиж власти и влияние личности шаха в регионе были велики. На протяжении ряда лет Ахмад вел довольно успешные войны с Индией. А когда армия китайского императора Цяньлуна захватила Восточный Туркестан, все местное центральноазиатское и среднеазиатское мусульманское население строило свои расчеты на освобождение от власти Китая именно на вмешательстве Ахмад-шаха. И хотя Ахмад, вначале действительно предполагавший вмешаться, позже отказался от этого намерения и даже послал посольство в Пекин, сам упомянутый факт весьма показателен.

После смерти Ахмад-шаха Дурранийская держава стала слабеть и понемногу распадаться. Начались племенные смуты и феодальные распри, результатом чего было появление в начале XIX в. на месте бывшего единого государства нескольких ханств (Гератское, Кабульское, Кандагарское, Пешаварское и др.). Правда, вскоре после этого эмир Дост-Мухаммед вновь начал борьбу за объединение Афганистана и после победы в первой англо-афганской войне на рубеже 30–40-х годов, казалось, сумел достичь цели. Однако объединение оказалось не слишком прочным: вторая англо-афганская война 1878–1880 гг. застопорила все действия в этом направлении. Афганистан, пусть и не сломленный, но раздробленный, на долгие годы оказался под фактическим протекторатом Британской империи. Только в конце XIX в. эмиру Абдуррахману удалось создать централизованное государство, которое в 1919 г. было объявлено Амманулой-ханом независимым.

Иран под властью первых кадjarских шахов

Провозгласивший себя в 1796 г. новым шахом Ирана Ага Мухаммед-хан был беспощадным тираном, стремившимся восстановить единство Ирана в основном методами грубого насилия. Жестокость шаха и общая атмосфера подозрительности даже в среде его ближайшего окружения сыграли, видимо, немалую роль в том, что уже летом 1797 г. шах был убит в результате заговора придворных. Началась борьба за власть, из которой победителем вышел наследник престола, утвердившийся на кадjarском троне в 1801 г. под именем Фатх Али-шаха (1801–1834).

Фатх Али немало сделал для стабилизации обстановки в стране и усиления

централизованной власти. Земельные отношения при нем были восстановлены на прежней традиционной основе: преобладали государственные формы землевладения с тиулями и союргалами в качестве условных владений, существовали вакуфные земли и – в небольшом количестве – мульковые. Большая часть земель находилась в пользовании кочевников, но это были, как правило, неудобные для земледелия территории. Кочевники и полукочевники составляли примерно треть населения страны, остальные были земледельцами, обязанными выплачивать в казну (или ее представителю, владельцу служебного надела) ренту-налог и исполнять различные государственные повинности, включая строительство крепостей, дорог и каналов, содержание проезжающих чиновников и т. п. В городах снова стали развиваться ремесла и торговля, причем многие товары шли на экспорт. Правда, внешняя торговля более не была государственной монополией. Зато в ней с начала XIX в. все большую роль играли иностранцы, прежде всего европейские колонизаторы.

Политическая структура каджарского Ирана немногим отличалась от прежней. Возглавляли правительство министры во главе с первым вазиром, садр-азамом. На местах власть была у правителей областей (их было около 30) и нескольких важных провинций (обычно их было 4), каждая из которых имела свой аппарат администрации. Правителями наиболее значительных провинций и областей назначались влиятельные ханы, в первую очередь сыновья и родственники шаха. Так, во главе Азербайджана традиционно был наследник престола. Определенная сумма налогового сбора с каждой провинции и области должна была поступать в казну шаха, хотя в реальности это происходило не всегда. Нередко правители областей, имевшие немалую автономию, прибегали к помощи посредников-откупщиков для сбора налогов.

Важным отличием шиитского Ирана от суннитских мусульманских государств было существование в его структуре наряду с шариатным судом, где заправляли в качестве судей-кади шиитские улемы и муджтахиды, еще и суда урф, в котором делами заправляли сами правители областей или их чиновники. Следует заметить также, что в шиитской административной структуре вообще не было того предельного слияния религии и политики, которое было характерно для суннитов. Шиитское духовенство, чье влияние всегда было огромным, обычно держалось несколько в стороне от администрации и контролировало ее, вмешивалось в ее дела как бы извне, даже несколько сверху, от имени святого скрытого имама Махди, чьего пришествия не уставали ждать шииты и кому, что само собой разумеется, должна была принадлежать подлинная власть в стране (шах в этой системе взглядов – лишь временный заместитель скрытого имама, что не могло не сказываться на сакральной легитимности его статуса).

Фатх Али вел немало войн прежде всего с Россией и Турцией. В этих войнах, несмотря на умелое дипломатическое лавирование шаха и явную его склонность опираться на помощь извне, включая Англию и Францию, он чаще терпел поражения, особенно от русских войск, именно за годы его правления присоединивших к России Грузию, Армению, Северный Азербайджан. Ирано-турецкая война 1821–1823 гг. была для шаха более удачной, но мирный договор с Турцией фактически свел на нет все успехи в этой войне. Шах пошел на невыгодный для Ирана договор в расчете взять реванш у России, но не преуспел в своих намерениях. По Туркманчайскому договору 1828 г. Россия не только закрепила за собой завоеванные территории, но и добилась ряда существенных преимуществ и привилегий в торговле, а также огромной контрибуции и исключительного права использования военных кораблей на Каспийском море. К слову, именно эти жесткие условия мира вызвали в Иране мощную антирусскую волну, жертвой которой стал в 1829 г. посол России в Тегеране писатель А.С. Грибоедов.

Стремясь противостоять России и Турции, шах, как упоминалось, апеллировал за помощью то к Франции, то к Англии, причем обе державы охотно откликались на его призывы и поочередно направляли в Иран военные миссии, целью которых было реорганизовать иранское войско и превратить его в боеспособную, на уровне XIX в., регулярную армию. Кое-каких положительных результатов в этом направлении объединенные усилия миссий и шаха достигли, что сказалось в дни ирано-турецкой войны 1821–1823 гг. Но противостоять России новая иранская армия все-таки не смогла.

30–40-е годы XIX в. прошли под знаком все более энергичного проникновения колониальных держав в Иран, занимавший, с точки зрения европейцев, очень выгодные ключевые позиции в мировой торговле: через Персидский залив издавна шли международные торговые пути. Вслед за Россией ряд прав и привилегий, а также закрепляющих их неравноправных договоров добились Англия, Франция, затем также иные европейские страны и США. Эти договоры сыграли немалую роль в постепенном проникновении иностранного капитала в Иран, в заметном увеличении экспорта туда европейских товаров, изделий машинной промышленности, невысокие цены на которые наносили ущерб иранской торговле и способствовали разорению иранских ремесленников. В стране быстрыми темпами росли товарно-денежные обороты, причем этот рост больше всего ударял по крестьянам, налоги с которых все увеличивались. Назревал серьезный кризис, требовавший, как то было и в османской Турции, не менее серьезных реформ. Но правительство не торопилось с реформами. И это объективно способствовало тому, что выход из кризиса многие, прежде всего разорявшиеся крестьяне, видели во вмешательстве высших сил. В частности, в Иране напряженно ожидали пришествия скрытого имама, Махди. Он должен был появиться. И он появился.

Глава 6

Средневековая Индия до ислама

Средневековая политическая структура Индии не знала таких империй, как Маурийская или Кушанская, во всяком случае до ее исламизации. Характерным для нее со времен Гуптов (IV–VI вв.) было не столько даже членение на арийский север и дравидский юг (речь идет о господствующих этнолингвистических группах), сколько почти постоянная неустойчивость политической власти как на севере, так и на юге. Эта неустойчивость находила свое отражение в кратковременности и откровенной слабости династий и государств, в сосуществовании и постоянной междоусобной борьбе нескольких одинаково слабых политических образований; едва ли не каждое из них при случае легко членилось на фактически автономные районы и княжества, в свою очередь ожесточенно боровшиеся между собой за власть. Можно сказать, что это была типичная для феодальной раздробленности картина. Что же касается структуры общества, то она в средневековой Индии в принципе осталась той же, что и прежде: абсолютно доминировало государство, опиравшееся на власть-собственность и редистрибуцию ренты-налога. Правда, степень централизации упомянутой редистрибуции во многом зависела от политической ситуации, хотя это никак не меняет того, что речь идет именно о централизованной редистрибуции, пусть даже в масштабах небольшого княжества.

Политическая история Индии в VI–XII вв.

На севере страны после Гуптов в конце VI в. наибольшим влиянием пользовалось государство Гауда с центром в Бенгалии. Расширившись за счет завоеваний в Ориссе и Магадхе, это государство при энергичном правителе Шашанке пыталось подчинить себе всю долину Ганга, но, столкнувшись с сопротивлением со стороны государства Стханешвара в районе Джамны, вынуждено было отступить, хотя и не сразу. Когда к власти в Стханешвара пришел Харша, он подчинил себе всю северную часть Индии.

Государство Харши просуществовало недолго – примерно столько же, сколько управлял им сам Харша (606–646), сумевший укрепить свою власть, особенно в подчинявшихся непосредственно ему областях-наместничествах (существовали еще и вассально-автономные княжества). Харша имел неплохую по тем временам армию, щедро покровительствовал буддизму (при нем был отстроен знаменитый монастырь-университет в Наланде) и пытался даже установить связи с далеким Китаем. Однако эфемерность его государства наглядно видна из зафиксированного в китайских хрониках эпизода. В 647 г., уже после смерти Харши, в его столицу прибыл китайский посол Ван Сюань-цэ. Враждебно встреченный, этот далекий

чужеземец трезво оценил обстановку, собрал в пригималайских районах небольшое войско из тибетцев, непальцев и, присоединив к нему своих спутников-китайцев, сумел не только разбить армию преемника Харши, но и увез последнего в Китай в качестве пленника. После этого государство Харши распалось²⁶. Начался длительный период раздробленности и междоусобиц, осложненный весьма радикальными изменениями в политической ситуации в Северной Индии.

Дело в том, что еще на рубеже V–VI вв. в Северо-западную Индию волна за волной стали прибывать кочевые и полукочевые племена белых гуннов (эфталитов) и гурджаров (влияние Великого переселения народов), нашествие которых привело в свое время к распаду державы Гуптов. Осев на значительной территории – в Синде, Раджастане, Гуджарате, Мальве, – эти воинственные племена в ходе сложного процесса метисации с местным населением и энергичной аккультурации образовали новую этнополитическую общность, касту раджпутов. На протяжении VII–VIII вв. раджпутские князья в Гуджарате (название от гурджаров) не только укрепили свои позиции и создали хорошо организованное войско, но и сумели отразить нашествие арабов, вынужденных ограничиться лишь завоеванием Синда в 712 г. Добившееся этих успехов гуджаратское государство Пратихаров объединило вокруг себя практически все раджпутские земли (Раджпутана, Мальва), затем сумело подчинить район Доаба (междуречье Ганга и Джамны), центральные земли Северной Индии, колыбель ее цивилизации. В борьбе за Доаб Пратихары вели непрерывные войны с другим крупным североиндийским государством – княжеством Палов. На протяжении VIII–IX вв. Доаб не раз переходил из рук в руки, пока государство Палов с центром в Бихаре и Бенгалии не вынуждено было уступить.

Рубеж X – XI вв. был отмечен новой волной вторжения мусульман. Махмуд Газневид совершил успешный поход на раджпутское государство Пратихаров, разграбил большую часть Северной Индии и увез с собой немалые ценности. Результатом этого нашествия были присоединение к Газневидскому султанату части долины Инда и распад державы Пратихаров на мелкие раджпутские княжества, наиболее значительные из которых вели, как и заметно ослабевавшее государство Палов, войны с усиливавшимися в это время государствами Южной Индии.

Постепенно индианизировавшийся юг Индии, особенно густо покрытый джунглями Декан с его многочисленными племенами, вначале заметно отставал в своем развитии от севера. Однако в первые века нашей эры здесь уже возникло немало самостоятельных государственных образований, часть которых быстрыми темпами укреплялась и разрасталась. Сложившиеся еще в III–IV вв. государства Паллавов и Пандиев не только вели борьбу между собой, но и успешно противостояли Гуптам, затем Харше. Возникшее в VII в. в южной части Махараштры княжество Чалукьев начало энергично теснить Паллавов и расти за счет этого государства. Именно Чалукьи отразили попытку Харши завоевать Декан. Но главная забота усилившихся правителей Паллавов и Чалукьев, как и государств Северной Индии, сводилась к тому, чтобы удержать в повиновении мятежных князей, стремившихся при каждом удобном случае отстоять свою независимость. Это, естественно, обуславливало слабость и нестабильность государств.

В середине VIII в. один из таких мятежных княжеских родов – Раштракуты – сумел свергнуть правителей государства Чалукьев, а спустя столетие с небольшим князь из Чалукьев восстановил эту династию, хотя и ненадолго. В свою очередь тамильское княжество Чолов в конце IX в. разгромило государство Паллавов и захватило их земли, а в 910 г. та же судьба постигла государство Пандиев. В результате возникло государство Чолов, объединившее под своей властью почти весь Тамилнад. Усилившиеся Чолы вели активную борьбу с Раштракутами, а после успешных войн с северо-индийскими Палами (походы на Бенгалию и даже в Бирму) государство Чолов стало сильнейшим на юге Индии. Под его господством оказались даже Цейлон и Мальдивы, а в зависимости от него – Чалукьи и индонезийское государство Шривиджайя, куда Чолы направили свой сильный военный флот. В начале XII в.

²⁶ Следует оговориться, что некоторые индийские современные историки оспаривают этот факт. Они полагают, что упомянутый эпизод не имеет отношения к государству Харши, а произошел в каком-либо из мелких пригималайских княжеств. Но государство Харши тем не менее быстро распалось

Чолы практически контролировали всю Южную Индию, частично даже потеснили раджпутов в Северной Индии, в Гуджарате. Однако уже к концу того же века держава Чолов распалась. В Тамииаде восстановили свою власть князья из дома Пандиев. Добились независимости некоторые княжества государства Чалукьев. В Южной Индии вновь разгорелась ожесточенная междоусобная борьба, что в немалой степени облегчило задачу мусульманских завоевателей, вторгшихся на рубеже XII–XIII вв. в Северную Индию, где раджпутские князья не смогли организовать им сопротивление.

Внутренняя структура

Формы хозяйственных и иных отношений и роль государства в описываемое время оставались в Северной и Южной Индии в принципе теми же, что были и прежде, например в эпоху Маурьев, если даже не раньше. Но с веками сложились и определенные новые закономерности, связанные прежде всего с тем, что длительные периоды децентрализации и краткие эпохи централизации вынуждали индийское общество быть готовым к структурной перестройке и в том, и в другом случае. Практически это значило, что в каждом из государств обычно непротиворечиво сосуществовали две различные зоны политической администрации и соответственно две формы управления.

Первая из них являла собой многочисленные автономные и полуавтономные образования типа княжеств, где радже или махарадже по традиции принадлежала вся или почти вся полнота власти. В этих преимущественно небольших княжествах раджа выступал в качестве высшего правителя своих подданных, субъекта власти-собственности в княжестве, главного редиистрибутора: от него в конечном счете зависело, как распорядиться той рентой-налогом, тем избыточным продуктом, который взимался с населения и за счет которого существовали верхи княжества. Чаще всего часть дохода шла в казну раджи, а другая – его воинам-вассалам, получавшим от него служебные ненаследственные наделы, а точнее, право взимать с местного населения определенной территории фиксированное количество налога в свою пользу. Сам раджа всегда был наследственным правителем, а его вассалы, как правило, – только условными владельцами пожалованного им дохода, так что право наследования для них сводилось к праву передавать свою службу, должность наследнику. Что же касается связей княжества с внешним миром и, в частности, с тем государством, в состав которого княжество было включено (если это вообще имело место), то эти связи чаще всего ограничивались небольшой символической данью и обязательством пополнять армию своими воинами. Во всем остальном, вплоть до организации администрации, суда и т. п., княжества пользовались обычно системой иммунитетов, что делало их практически почти независимыми государствами в государстве.

Вторая зона находилась под непосредственной властью центра. Она обычно делилась на области-наместничества, губернаторами которых чаще всего назначались родственники правителя государства, его сыновья, включая наследника, функционально власть наместника-губернатора была близка к положению раджи: будучи членом правящего дома, знатным аристократом типа того же раджи, он почти монопольно ведал и налогами и судом, и войском во вверенном ему районе. Иными словами, объем его власти был почти равен тому, что имел и раджа. Но, в отличие от князя, губернатор был лишь назначаемым и сменяемым чиновником, ответственным перед центром, где возглавлявшийся правителем административно-бюрократический аппарат определял его права и полномочия. А в качестве субъекта власти-собственности и верховного редиистрибутора в этой зоне, включавшей все области-наместничества, выступал сам правитель, чаще всего тоже сосредоточивавший в своих руках всю полноту военной, гражданской и судебной власти.

Казалось бы, две разные зоны с различными формами политической администрации и редиистрибуции. Однако, если присмотреться к этой разнице внимательней, окажется, что она невелика и сводится более к количественному моменту, чем к качественному. Действительно, сходство здесь не только функциональное, но до известной степени также и сущностное, а административно-политическая слабость системы власти в целом не только не препятствовала, но даже способствовала быстрой и безболезненной перестройке каждой из зон в том случае, если для этого складывались благоприятные условия. Так, вчерашнее княжество, усилившись и

расширившись за счет соседей, легко трансформировалось в более крупное государство, в котором вновь завоеванные территории частично (если это были княжества) сохраняли прежнюю автономию. Остальные же земли, где не было устойчивой традиции наследственной княжеской власти, равно как и земли самого трансформировавшегося в большое государство вчерашнего княжества, оказывались под управлением центра, превращались в области и наместничества. И наоборот, слабо централизованные и лишенные крепких административных традиций государства при неблагоприятных для них условиях распадались на части, причем в результате этого не только княжества с устойчивой наследственной властью раджи, но и многие наместничества превращались в самостоятельные политические образования типа княжеств с наследственной властью вчерашнего губернатора-наместника из знатной, вчера еще правящей фамилии.

Легкость и безболезненность трансформации такого рода обуславливались также тем, что бюрократическая традиция Индии – в отличие, скажем, от китайской – не знала эффективной системы централизации. Это видно хотя бы из того, что более мелкие административные единицы в каждом из наместничеств целиком зависели от губернатора: он их создавал, он же назначал туда ответственных перед ним чиновников. Иногда функции такого рода средних административных звеньев выполняли представители брахманских каст на своего рода общественных началах: есть сведения, что это могли быть администраторы храмов или советы брахманских аграхар (коллектив брахманов, которому жаловались определенные земли). Это, естественно, вело к тому, что при изменении политической ситуации вчерашние чиновники области, ответственные перед губернатором, легко оказывались в положении вассалов, зависевших от князя. Опять-таки и вассалы вчерашнего князя в новой обстановке становились чиновниками возникшего на основе удачливого княжества более крупного государства.

Рассматривая ситуацию именно с этой точки зрения, легко убедиться в том, что, несмотря на кажущийся вполне феодальным по характеру антураж с князьями и вассалами, на деле перед нами не феодалы в привычном (европейском) значении этого слова, т. е. не субъекты феодальной собственности. Правители и главы полуавтономных и тем более автономных княжеств (а только они, правители и раджи, были наследственными владельцами) – это скорее субъекты власти-собственности и верховные редистрибуторы различного масштаба. Все же остальные, включая и губернаторов областей-наместничеств, не говоря уже о воинах-вассалах или чиновниках-служащих, и по статусу, и по способу существования (право на долю налогового сбора с того или иного участка земли, на выплату из казны) были государственными служащими без права передавать свой статус и доход по наследству.

Конечно, случались и исключения. В частности, полунаследственный статус имели, видимо, воины-раджпуты, вассалы раджпутских князей. Здесь решающую роль играли, как следует полагать, не столько статус, сколько принадлежность к касте – касте воинов, наследственных служащих. Но тут необходимо обратить специальное внимание на всю систему каст и крестьянской общины, ибо то и другое были факторами, существенно корректировавшими всю внутреннюю структуру традиционного индийского общества.

Общинно-кастовая система

Восходящая к древнеиндийским варнам и освященная индуизмом система каст издревле была основой социальной структуры Индии. Принадлежность к той или иной касте была связана с рождением человека и детерминировала его статус на всю его жизнь. Временами жизнь вносила поправки в жесткую схему: выходившие из среды шудр правители государств и княжеств приобретали статус кшатрия. Этот же статус обретали и те иноземцы, кто, наподобие раджпутов, оставался прежде всего воином и тем самым выполнял функции древних кшатриев. Вообще варново-кастовый статус кшатриев, более других обусловленный политическими и потому весьма динамичными факторами, был в этом смысле достаточно гибким. Гораздо более жестким был наследственный статус брахманов: его очень трудно было утратить, даже когда брахман переставал быть жрецом и занимался иными, гораздо более мирскими делами, но еще труднее, практически невозможно было обрести, заново. Что же касается вайшьев и шудр, то разница между ними в иерархии статусов с древности все уменьшалась и практически была

теперь уже невелика, а вот грань несколько изменилась: к вайшьям стали преимущественно принадлежать касты торговцев и ремесленников, а к шудрам – земледельцы. Сильно возросла доля внекастовых изгоев, неприкасаемых (хариджан, как их стали называть позже), выполнявших наиболее тяжелые и грязные работы.

Варново-кастовая система в целом именно благодаря своей жесткой иерархичности составляла костяк социальной структуры Индии; уникальная по форме, она не только оказалась эффективной альтернативой слабой политической администрации (а может быть, и наоборот: ее уникальность вызвала к жизни и обусловила слабость государственной администрации – для чего нужна сильная административная система, если нет ее низового звена, если низы живут по законам саморегулирующихся кастовых принципов и общинных норм?), но и успешно компенсировала эту слабость, хотя такого рода компенсация, как о том уже шла речь, никак не способствовала политической стабильности государств в Индии. Впрочем, общество в целом от этой нестабильности не страдало – этим традиционная Индия выгодно отличалась и от исламских государств, и от дальневосточных, где кризис государства неизменно отражался на благосостоянии общества.

Дело в том, что варново-кастовая система при любых политических пертурбациях весьма успешно сохраняла незыблемый статус-кво в нижних этажах общества. Конечно, обществу не было безразлично, идут войны или нет; от них индийские низы, как и везде, немало страдали. И речь не о том, что общество благоденствовало, когда государства вели друг с другом вооруженную борьбу за власть. Имеется в виду нечто иное: эта борьба не вела к кризису в социальной структуре и не совпадала с чем-то в этом роде. А верхушечная политическая борьба за власть заметно не отражалась на основной массе индийцев. И здесь играла свою важную роль не только варново-кастовая система, но и традиционная индийская община, построенная на основе этой же системы.

Общинная форма организации земледельцев универсальна. Спецификой же Индии был не сам факт существования там общины, пусть даже и крепкой, а то место, какое эта община благодаря существованию варново-кастовой системы заняла в социальной и экономической структуре общества. В определенном смысле можно сказать, что структура индийской общины и ее внутренние связи были нерушимым микрокосмом индийского общества, которое, в свою очередь, как макрокосм копировало эту структуру. К чему же сводилась эта ячейка?

Традиционная индийская община в ее средневековой модификации являла собой, особенно на юге, сложное социальное образование. Территориально оно обычно включало в себя несколько соседних деревень, иногда целый округ, организационно объединенные в нечто единое целое. В каждой из деревень были свой староста, часто и общинный совет (панчаят), а представители каждой деревни, старосты и члены панчаята, входили в общинный совет всей большой общины. На севере страны, где общины были более мелкими, они могли состоять из одного крупного села и прилегающих к нему нескольких соседних небольших деревень и иметь одного старосту и один общинный совет. Возглавлявшаяся советом, избранным нередко из числа земледельцев одной, доминирующей в данной местности касты, община представляла собой некий саморегулирующийся механизм или, точнее, социальный организм, практически почти не нуждающийся в контактах с внешним миром. Внутренняя жизнь общины, строго регулировавшаяся нормами общинного распорядка и кастовых взаимосвязей, подчинялась все тому же принципу джаджмани, изученному специалистами сравнительно недавно на примере уже достаточно поздней индийской общины, но явно уходящему корнями в глубь веков. Суть его сводилась к жестко обязательному реципрокному обмену, к строго и четко отрегулированному веками порядку во взаимобмене продуктами и услугами, необходимыми каждому в замкнутых рамках общины – в обязательном соответствии с нормами варново-кастовой иерархии.

Доминировали в общине полноправные ее члены, земледельцы-общинники, владевшие общинными наделами и имевшие наследственное право на них. Наделы могли быть и бывали разные. Каждая семья, большая или малая, вела хозяйство индивидуально на своем участке, который можно было иногда даже отчуждать, хотя и под контролем общины. Не все землевладельцы в общине сами обрабатывали свои участки. Наиболее зажиточные семьи, чаще всего брахманские, использовали труд малоземельных соседей, давая им в аренду свою землю.

Использовался для этого также и труд неполноправных членов общины, батраков-наемников (кармакары) и т. п. Излишне говорить, что бедные и неполноправные, арендаторы и тем более батраки чаще всего принадлежали к низшим кастам. Больше того, вся кастовая система обязательного реципрокного обмена (джаджмани) сводилась прежде всего к тому, чтобы освятить и узаконить социальное и имущественное неравенство в общине, как и в обществе в целом. Представители высших каст имели, согласно сложившимся нормам, неоспоримое право пользоваться буквально за гроши услугами выходцев из низших каст и тем более неприкасаемых, к которым следовало при этом еще и относиться с презрением. И что характерно: такое право никем и никогда не подвергалось и тени сомнения. Так нужно, это норма жизни, закон жизни. Это твоя судьба, такова твоя карма – с таким сознанием жили и кастовые верхи общины, и кастовые и внекастовые низы ее.

На практике принцип джаджмани означал, что каждый член общины – будь он земледельцем, батраком, богатым брахманом, ремесленником, презируемым убойщиком скота или мусорщиком, прачкой и т. п. – словом, каждый на своем месте и в строгом соответствии со своим кастовым положением должен был не только четко знать свое место, права и обязанности, но и неукоснительно выполнять все то, что вправе ожидать от него другие. Собственно, именно это делало общину саморегулирующейся и жизнеспособной, почти не зависящей от контактов с внешним миром. При этом принцип джаджмани вовсе не означал, что каждый, пользующийся трудом, продуктами и услугами других, сам за это эквивалентно расплачивается – тем более именно с теми, кто ему что-либо дал или сделал. Чаще всего дело обстояло как раз наоборот: каждый исполнял свои обязанности, обслуживая всех остальных, давая другим то, что он должен был дать, и получая при этом необходимые для его жизни (в соответствии с обусловленным кастой качеством его жизни) продукты и услуги. Вне системы джаджмани в общине были только частноправовые сделки типа аренды или найма батрака. Все остальное было туго завязано этой традиционной системой взаимобязательств в строгом соответствии с кастовыми обязанностями и положением каждого из тех, кто жил в общине.

Руководил всей сложной системой внутренних связей общинный совет, который разбирал также и жалобы, вершил суд, выносил приговоры, т. е. был одновременно и руководящим органом корпорации (общины), и органом власти на местах. Немалую роль в совете играл староста, престиж которого был высок, да и доход обычно тоже. Для внешнего мира, и в частности для административно-политической и фискальной системы государства, именно староста был и представителем общины, и агентом власти на местах, ответственным за выплату налогов и порядок.

Своего рода вариантом общинно-кастовой системы была и организация индийских городов. В городах касты играли, пожалуй, еще большую роль, чем в общинной деревне – по крайней мере в том плане, что общины здесь обычно были однокастовыми, т. е. целиком совпадали с кастами, будь то цех представителей какого-либо ремесла или гильдия торговцев. Все ремесленники и торговцы, все трудовое население города строго членилось на касты (касты ткачей, оружейников, красильщиков, торговцев растительным маслом, фруктами и т. п.), причем представители родственных или связанных друг с другом каст я профессий нередко соединялись в более крупные специализированные корпорации-шрени, также возглавлявшиеся советами и руководителями, ответственными перед властями. Индийское ремесло – ткацкое, ювелирное и др. – славилось на весь мир. Торговые связи соединяли индийские города с многими странами. И во всех этих связях огромной, решающей была роль каст и корпораций городских ремесленников и торговцев, решавших все вопросы и регулировавших всю жизнь их членов, от нормирования и качества продукции до судебных разбирательств и пожертвований в пользу храмов.

Государство и община в Индии

В специфическом варново-кастово-общинном обществе средневековой Индии необычно складывались и отношения между производителями и государством. Быть может, эта необычность не слишком велика, но, по сравнению, например, с элементарной простотой в этом плане в исламских странах, она была все же заметной и уже поэтому заслуживает

специального внимания.

Начнем с того, что в структурно слабых индийских государствах не было четкого юридического определения права государства или государя на всю землю, как то было в странах ислама или в Китае, т. е. права только центра распоряжаться ресурсами страны. Это и неудивительно: существование многих государственных образований, с калейдоскопической скоростью сменявших друг друга и озабоченных лишь тем, чтобы удержать власть, но не уделявших внимания ни теоретической разработке практики администрации, ни вообще идеологической доктрине, которая освящала бы в первую очередь именно государство как систему, логично соответствовало отсутствию такого рода формального права. Но значит ли это, что государство в Индии принципиально было чем-то иным, нежели на Ближнем и Дальнем Востоке?

Частично об этом уже шла речь в первой части работы. Стоит, однако, еще раз заметить, что, несмотря на всю несомненную специфику индийского государства и соответствующую этому еще большую специфику индийского общинно-кастового общества, государство здесь в принципе было таким же, что и в остальных странах неевропейского мира. Во-первых, имеющий власть всегда обладал неписанным правом распоряжаться подчиненной ему территорией на правах собственника (институт власти-собственности). Практически это означало, что правители индийских государств, как и владетельные наследственные князья, были субъектами власти-собственности, совпадавшей с суверенитетом. Материальным выражением этого были рента-налог и различные повинности с подданных. Во-вторых, имеющие наследственную власть правители и князья были верховными субъектами централизованной редистрибуции: доходы казны они использовали по своему усмотрению как на собственные нужды, так и на содержание воинов и чиновников, на поддержание храмов и обслуживавших их жрецов-брахманов. Другими словами, государства в Индии были такими же, что и в других странах Востока, а причастные к власти исполняли те же функции господствующего класса.

Теперь несколько слов о норме эксплуатации в Индии. Эта норма была сравнительно низкой, может быть, наиболее низкой по сравнению с другими обществами развитой цивилизации. Прежде всего была достаточно низка ставка налога: общины платили государству традиционную 1/6 урожая, ответственными были и пошлины с городского населения, ремесленников и торговцев. Если сравнить эту ставку с китайской (обычно десятая часть урожая) и с исламской (десятина-ушр для мусульман), то все покажется совсем иным: окажется, что индийцы платили в казну больше. Но стоит взглянуть на всю проблему более внимательно.

В Китае и на мусульманском Ближнем Востоке не было такой социальной стабильности, как в Индии. Там земледельцы не избегали участия в войнах, а любые военные и политические катаклизмы неизбежно отражались на них. Конечно, и индийцев, случалось, грабили завоеватели, тот же Тамерлан. Тем не менее, войны в Индии происходили обычно как бы на ином уровне, на уровне стремящихся к власти правителей и их воинов-профессионалов. Общины в ходе этих войн были чем-то нейтральным, добычей для победителя. И их 1/6 урожая была именно такого рода добычей. Больше они ничем никому обязаны не были. В то же время в мусульманских странах, как правило, дело одной только десятиной для налогоплательщиков никогда не ограничивалось. Десятину платили лишь владельцы муьков – и это было их привилегией. Остальные так или иначе обычно платили больше, особенно немусульмане. Примерно так же обстояло дело и в Китае, где тяжелые повинности и многочисленные поборы резко увеличивали формально небольшой объем налога. Еще важный фактор – алчность сборщиков налога, различного рода посредников, что неизбежно влекло за собой возрастание объема поборов с крестьян и на Ближнем Востоке с его откупщиками-мультазимами, и в Китае с его разветвленным бюрократическим аппаратом администрации.

Если поставить вопрос, почему же в Индии власть имущие не выжимали из общины такой же максимум, который стремились всегда иметь от своих подданных правители мусульманского Востока и Китая, то ответ окажется на удивление прост: шестой части урожая и соответствующих пошлин и налогов с ремесленников и торговцев в Индии вполне хватало. И не только хватало для престижного потребления власть имущих, для содержания их

чиновников и воинов, но также и для многочисленных храмов. Больше того. Оставались излишки, которые накапливались в форме баснословных сокровищ – тех самых, что из века в век вывозили из богатой, сказочно богатой Индии удачливые завоеватели, будь то иранский Надир, афганский Ахмад-шах или в более позднее время английские колонизаторы, для которых Индия справедливо считалась жемчужиной британской короны. Веками вывозили – и еще немало оставалось. Откуда все это бралось?

Если иметь в виду внутренние ресурсы, то Индия в этом смысле мало чем отличается от других стран Востока. Пожалуй, секрет здесь в ином – опять-таки в специфике Индии, о чем и идет речь. Неразвитая индийская бюрократическая машина была неизмеримо слабее и соответственно стоила намного дешевле, нежели в Китае, даже в мусульманских странах. Кроме того, строгие нормы кастовой иерархии всегда ограничивали аппетиты и потенции честолюбцев и даже удачливых военачальников и жестко расставляли все по своим местам, включая и уровень потребления, особенно престижного: каждый получал в основном то, на что имел право, даже если ему удавалось захватить силой гораздо больше. Уровень же потребления для основной массы населения Индии всегда был достаточно низким: одежда минимальна, питание в основном вегетарианское, жилища просты до предела. Частично это объясняется климатом, географической зоной обитания, частично – традиционными религиозными нормами и запретами. Но факт остается фактом: взимая с общины сравнительно мало, причастные к власти верхи были сказочно богаты.

И еще один существенный момент. Налоги государству община платила в целом, причем внутри общины свою долю вносили все те, кто считался полноправным членом общины и производил продукты сельского хозяйства. Возможно, что доля богатых при этом была соответственно большей. Другими словами, налоги платили имущие, как в городе, так и в деревне. И это немаловажно иметь в виду, когда идет речь о связях типа «казна – община» и о достаточно сложных, неоднозначных взаимоотношениях государства с приносившими ему немалую часть дохода частными собственниками. Иное дело – традиционные взаимоотношения внутри общины, о которых уже шла речь. Здесь имущие из высших каст явно выступали в функции религиозно-санкционированных верхов, живших за счет труда низших, обездолженных, неприкасаемых, причем к неравенству традиционно-кастовому, освященному принципом реципрокного взаимообмена (джаджмани), в общине нередко добавлялось и вполне обычное для всех обществ, знакомых с частной собственностью, неравенство между имущими и работающими на них неимущими (аренда, найм и т. п.).

Резюмируя, можно еще раз сказать, что взаимоотношения между государством и общиной в доисламской Индии в принципе были такими же, что и на остальном Востоке. Однако основанная на кастовых нормах специфика индийского общества довела эти отношения до уровня автоматизма, что объективно вело к ослаблению государства как политико-административной структуры и соответственному укреплению общины как элемента общества. Как и в других странах Востока, в Индии государство тоже довлело над обществом, но автономия и принципы саморегулирования в индийском обществе были столь велики, что давление государства сверху слабо ощущалось внизу. У государства почти не было забот об управлении народом (общинами), но именно это и делало индийское государство тем, чем оно было.

Глава 7

Индия под властью мусульманских правителей

Распад государства Пратихаров на рубеже X – XI вв. совпал по времени с усилением натиска тюрок-мусульман, укрепившихся в это время в Средней Азии, а затем в Афганистане и Иране, на Северную Индию. Начало этим набегам положил газневидский эмир Махмуд, который в первой четверти XI в. чуть ли не ежегодно совершал зимние набеги на Индию и с награбленным добром из сокровищниц князей и храмов возвращался к себе в Газни. Вторжение сельджуков в восточные районы Арабского халифата привело, в частности, и к столкновению их с газневидскими эмирами, в результате чего их активность по отношению к Индии надолго

прекратилась, пока в 70-х годах XII в. власть в Газни не перешла к Гуридам. Один из них, Мухаммед Гури, вскоре овладел Пенджабом и затем, разгромив союзное войско раджпутских князей, приступил к захвату долины Джамны и Ганга. Его военачальник из рабов-гулямов Кутб ад-дин Айбек в 1206 г. объявил себя султаном индийских владений Гуридов, сделав столицей город Дели. Так было положено начало существованию Делийского султаната.

Делийский султанат (1206–1526)

Айбек и его преемники, значительная часть которых тоже принадлежала к числу гулямов, правили вплоть до 1290 г. (династия гулямов). За это время турки-мусульмане упрочили свою власть в султанате. Исламские воины получили условные владения в форме икта, а во главе администрации были поставлены наиболее грамотные и опытные в этом деле мусульмане из числа хорасанцев, главным образом персы. Значительную часть индийских земель получили в форме вакуфов мусульманские духовники и мечети. Индийские князья должны были подчиниться мусульманам, признать себя их вассалами и выплачивать им дань, а формы условного владения в княжествах тоже стали трансформироваться под воздействием исламских принципов землепользования: вчерашние раджпутские воины в индийских княжествах, как и в землях султаната, превращались в иктадаров, обязанных служить вместе со своими князьями и военачальниками новым правителям.

Династия гулямов в 1290 г. сменилась другой. Ала ад-дин Хилджи (1296–1316) из тюркского племени хилджи сумел нанести решительное поражение монголам, которые на протяжении нескольких десятилетий стремились приникнуть в Индию, но так и не преуспели в этом. Покончив с угрозой монгольского нашествия, Ала ад-дин совершил ряд успешных походов на Декан и даже в Южную Индию, присоединив завоеванные им земли к султанату. По некоторым данным, эти походы принесли султану в качестве трофеев 20 тыс. лошадей, 312 слонов, 2750 фунтов золота и большое количество драгоценных камней.

Дабы укрепить центральную власть в созданной им империи, Ала ад-дин предпринял ряд важных реформ, суть которых сводилась к конфискации максимально возможного количества земель в фонд казны и к попытке перевода армии, воинов-иктадаров, на натуральное и денежное довольствие из казны. Для этого цены на продукты питания, прежде всего зерно, были строго регламентированы. Торговцы были обязаны придерживаться этих цен под страхом суровых наказаний. А когда, несмотря на запреты, цены на рынках все же начинали расти, чиновники были обязаны выбрасывать на рынок зерно из казенных амбаров, куда оно загодя свозилось со всей Индии, для чего земельно-зерновой налог с общин был повышен до 1/2 урожая. Все эти меры могли, однако, дать лишь временный результат, но зато они вызвали недовольство и сопротивление со стороны различных слоев населения и вскоре после смерти Ала ад-дина были отменены.

В 1320 г. к власти в султанате пришел очередной выходец из гулямов, основавший династию Туглаков, правившую страной до 1414 г. Мухаммед Туглак (1325–1351) сумел на некоторое время восстановить распавшуюся было после смерти Ала ад-дина империю, но очень ненадолго. Еще при его жизни она вновь распалась, на сей раз окончательно: сначала от султаната отпала Бенгалия (1339), а затем по частям и весь Декан. С трудом сохранялся контроль над Гуджаратом с его важными торговыми портами, но в 80-х годах XIV в. отпал от султаната и он, да еще вместе с Мальвой. Окончательный удар по распавшейся империи был нанесен Тимуром, разграбившим в 1398 г. Дели и вырезавшим значительную часть его жителей (многие другие были вывезены им в Самарканд).

Султаны династий Сайидов и Лоди, правившие Северной Индией в 1414–1526 гг., временами укрепляли свою власть и энергично преследовали противников, совершая даже походы на соседей, по большей части неудачные. Но в целом султанат переживал кризис, период упадка. Одна за другой откалывались от него окраины, порой крупные провинции, пока в 1526 г. последний из султанов не был разбит Бабуром, основавшим в Индии империю Великих Моголов.

Политическая история Делийского султаната по-своему весьма поучительна. В принципе основанная на исламе структура была объективно более сильной и внутренне жизнеспособной,

чем существовавшие до нее государственные образования древней и средневековой империи, включая и такие, как маурийская. Как уже не раз об этом шла речь, мусульманская структура всегда и везде сильна прежде всего неразрывной слитностью в ней религиозного и политического начал, тогда как индийская именно в этом пункте была слабой: религия в Индии как бы подчеркнуто ставила себя вне политики, демонстрировала безразличие к власти.

Казалось бы, появление в Индии исламских государств и ислама как религии должно было резко изменить привычную для этой страны политическую ситуацию. В известной степени так оно и было. Но слабость исламской государственности в Индии заключалась в том, что пассивное сопротивление традиционного индийского общества, которое исламские завоеватели всеми силами старались, но так и не сумели преодолеть, подрывало новую структуру изнутри, сильно ослабляя ее в те самые критические моменты ее существования, когда ей особенно необходима была поддержка снизу, изнутри, когда она нуждалась в столь привычном для нее единстве перед лицом грозного врага или мощного соперника. Чтобы продемонстрировать этот феномен более обстоятельно, обратимся к анализу тех факторов и общественных сил, которые в совокупности определяли собой упомянутую сложную ситуацию.

Внутренняя структура султаната

Сила и жизнеспособность исламских обществ и государств базировалась как на религиозно-политической слитности, так и на эффективности централизованной администрации, опиравшейся на строго декларированную государственную собственность на землю. Конечно, генеральный принцип власти-собственности с централизованной редистрибуцией в качестве структурообразующей основы был в той или иной форме свойствен всем неевропейским традиционным структурам. Но в исламской его модификации – как, впрочем, и в китайской, с чем речь ниже, – этот принцип обнаруживал себя гораздо более явно и четко, чем в доисламской Индии. Именно это проявило себя уже в первые десятилетия существования султаната.

Все его земли были официально объявлены собственностью государства, причем значительная часть их – выморочные, принадлежавшие уничтоженным противникам и некоторые иные – стала принадлежать непосредственно казне. Это были земли категории хасс или халисэ, рента-налог с которых шла непосредственно в казну и использовалась по усмотрению администрации центра. Другая, тоже значительная часть государственных земель раздавалась воинам, чиновникам, духовным лицам и некоторым другим. Это были преимущественно служебные наделы типа икта, дававшиеся в условное держание. Иктадары или мукта, получавшие эти земли, были прежде всего мусульманами, из которых состояло наемное войско султанов, хотя отчасти, как упоминалось, в их числе были и служившие султанам них вассалам-князьям раджпуты. Икта не были наследственными владениями, так что юридически государство имело право отобрать их, заменив иной формой жалованья, что и пытался сделать Ала ад-дин. Однако, как правило, икта оставался по наследству сыну или зятю состарившегося иктадара, в чем было заинтересовано государство. Эта практика создавала определенные трудности, ибо время от времени рождала иллюзию наследственной собственности на икта, с чем приходилось сталкиваться и бороться султанам. Но такого рода сложности были хорошо известны во многих исламских государствах.

В принципе, если не считать претензий государства на верховную собственность, такие формы условного должностного землепользования были распространены и в доисламской Индии. В тех княжествах, которые продолжали находиться под властью раджей, признавших суверенитет мусульманских султанов, но сохранивших свою религию (а кое-кто из раджей принимал ислам, что заметно облегчало их положение и повышало статус), оставались старые формы землепользования, тем более что они сущностно не отличались от новых. Вассалы князя, владевшие условными служебными наделами, получали примерно то же, что и прежде, разве что именовались теперь чаще иктадарами.

Небольшая часть общего земельного фонда в султанате, как и в других исламских обществах, находилась на особых правах. Это были наследственные владения мусульманских духовных лиц (инамы), учреждений (вакуфы) или небольшие частные владения типа мульков.

Все они имели либо налоговый иммунитет, либо льготы.

Основной формой землепользования в султанате осталось общинное. Но в соответствии с общим более жестким контролем староста общины почти официально стал кем-то вроде чиновника, ответственного за налоги и порядок и имевшего за это право на освобожденный от налога общинный надел. Община осталась в основном индийско-индуистской, хотя в некоторых районах страны, особенно на севере (территории современных Пакистана и Бангладеш), появилось и немало крестьянских деревень с мусульманским населением, которые в структурном плане заметно отличались от традиционных индуистских прежде всего из-за отсутствия кастовых связей или резкого изменения их характера. Зато другой стала норма налогообложения. Налоги, исчислявшиеся в султанате по привычному мусульманскому стандарту, состояли теперь из хараджа и подушной подати для немусульман джизии, причем в целом они стали значительно более тяжелыми, чем прежде. В отличие от доисламской 1/6 части дохода теперь крестьяне нередко платили 1/4, даже 1/3 часть, а временами, как при Ала ад-дине, и половину.

Важно также учесть, что льготная для мусульман экономическая политика и налоговая ставка способствовали переходу в ислам местного населения. Однако сила индуистско-кастового общества оказалась настолько большой, что решительных перемен в пользу ислама как религии в занятой мусульманскими правителями Индии не произошло. Индия в основном осталась индийско-индуистской, а проблема соперничества и взаимодействия индуизма и ислама стала со времен султаната весьма острой, причем позже, в годы правления Великих Моголов, она еще более обострилась.

Поиски плодотворного синтеза обеих религий, которые вели к появлению теорий типа бхакти (преданность единому Богу, неиндуистскому и немусульманскому) и к возникновению этноконфессиональных общностей типа сикхов, в целом оказались неудачными и к решению проблемы не привели. Более того, несмотря на определенное стирание острых углов за счет вынужденного сосуществования индуизма и ислама, враждебность между обеими религиозными доктринами или, по крайней мере, определенная несовместимость не только их самих, но и стоящих за ними жизненных стандартов, норм поведения и систем ценностных ориентаций продолжали существовать, а подчас и возрастать. И это тоже вносило свой весомый вклад в ослабление привычно сильной исламской государственности в Индии.

Политико-административная организация султаната была типично исламской. Высшая власть и последнее слово всегда принадлежали самому правителю. Его ближайшим помощником и главой исполнительной власти был великий вазир, руководивший работой ряда ведомств, прежде всего военного и финансового. Судебный аппарат был, как обычно, в руках мусульманского духовенства, хотя в делах, касавшихся индусов, принималось в расчет и обычное индуистское право. Султанат был разделен на наместничества, во главе которых стояли губернаторы-вали, назначавшиеся обычно из числа родни или ближайших приближенных султана. Наместники отвечали за сбор налогов и сохранение порядка, имели в своем распоряжении наемное войско, содержавшееся за счет местных налогов (икта), и вообще бывали достаточно самостоятельны. Иногда, как в случае с Бенгалией, эта самостоятельность граничила с автономией, а порой и вела к политической независимости.

Каждое наместничество делилось на округа во главе с чиновниками, подчинявшимися центру. В функции этих чиновников входил контроль за правильным соблюдением всей налогово-финансовой политики на местах. Весь аппарат власти, как и почти вся армия, состоял из мусульман. Много мусульман было и в городах, где немалое количество ремесленников и торговцев, особенно из числа представителей низших каст, приняли ислам и где всегда жило множество мусульманских купцов из других стран. Стоит лишний раз напомнить, что мусульмане были освобождены от подушной подати джизии и имели право на льготные пошлины при торговых сделках, что было весьма существенным для городских жителей, особенно торговцев. Впрочем, исламизация значительной части городского населения не изменила привычных форм ремесленно-торговой жизни индийского города, в которой тон по-прежнему задавала каста.

Города мусульманской Индии и прежде всего Дели успешно развивались, даже расцветали, особенно после прекращения спорадических набегов. Частично этому

способствовало расширение торговых связей с миром ислама, отчасти – пышное строительство, на которую султаны не жалели денег. Играли свою роль и государственное регулирование, жесткая рука властей, обеспечивавших регулярное функционирование различного рода общественных служб, вплоть до зерновых амбаров, бань, городской охраны. В системе государственных ведомств находились и крупнейшие предприятия казенного ремесла, мастерские-кархана, где были собраны многие тысячи лучших мастеров, работавших по найму и производивших продукцию для потребления двора и верхов. Сюда входили ткачи, ювелиры и мастера иных специальностей, в том числе строители высокого класса.

Казалось бы, в сумме все было неплохо продумано и достаточно эффективно, что собственно, и создавало для султаната прочную опору, способствовало длительному и непрерывному, несмотря на сменявших друг друга в результате дворцовых переворотов правителей и смену династий, существованию самого султаната на протяжении трех с лишним веков. Это выгодно отличало султанат от предшествовавших ему государственных образований доисламской Индии. И все-таки внутренне султанат в Индии не был столь прочным, как там, где мусульманское государство опиралось целиком на мусульманское население. Отсутствие такой базы не могло не сказаться. В идейно-институциональном плане в стране создались две налегающие одна на другую социально-культурные общности: индийский индуистский фундамент и исламская надстройка, возведенная на этом фундаменте. Несовместимость одного с другим сказывалась постоянно. И хотя в силу пассивной толерантности традиционной индийской основы на уровне общины и касты эта несовместимость не была реальной угрозой для существования исламской надстройки, все-таки отсутствие надежного и своего фундамента эту надстройку не могло не ослаблять, что, в свою очередь, сказывалось на исторических судьбах Индии в целом. В частности, это проявлялось в такие критические моменты, когда от султаната с легкостью отпадали его части, причем некоторые из них, особенно на юге, возвращались к привычным до-исламским формам существования.

Государства Южной Индии в XV–XVI вв.

Еще в середине XIV в., сразу же после того, как Мухаммед Туглак покинул завоеванную им Южную Индию, в центре Декана мятежные эмиры подняли восстание против него и провозгласили своим правителем-султаном некоего Бахмана, ставшего основателем династии Бахманидов, распространившей свою власть на большую часть Декана. Как и Делийский султанат, государство Бахманидов было мусульманским, а основные политические раздоры в нем сводились к острой борьбе между первой волной исламских завоевателей («деканцев») и новыми пришельцами с севера, занявшими наиболее влиятельные посты. Государственная администрация, формы землепользования и взимания ренты-налога были здесь теми же, что и на севере, т. е. складывались по северному стандарту.

Принявшие титул шаха правители государства Бахманидов вели ожесточенные войны с расположенным к югу от них индусским государством Виджаянагар, но эти войны больших результатов не дали. Во второй половине XV в. внутривластная борьба между деканцами и пришлыми (афаки) усилилась, причем она обострялась еще и тем немаловажным обстоятельством, что деканцы были в основном суннитами, тогда как афаки – шиитами. И хотя внутренние распри суннитов и шиитов не слишком сильно отражались на благополучии государства (стоит напомнить, что посетивший это государство в 1469–1472 гг. тверской купец Афанасий Никитин оставил восхищенное описание его), они в конце XV в. все же привели к его распаду на части. Возникло пять самостоятельных княжеств – Биджапур, Берар, Бидар, Голконда и Ахмаднагар, крупнейшим из которых был Биджапур. Вместе с Гуджаратом, делийский наместник которого в XV в. тоже провозгласил себя независимым султаном с шахским титулом, Биджапур на рубеже XV–XVI вв. вел войны с усилившимися на территории Индии и пытавшимися расширить свои владения и сферу своего влияния – как политического, так и в торговых делах – португальцами, захватившими, в частности, биджапурский остров Гоа.

Государство Виджаянагар возникло практически почти одновременно с Бахмани. Завоевав и присоединив к себе ряд независимых княжеств, Виджаянагар уже на рубеже XV–XVI вв. превратился в крупное индуистское государство, равного которому на юге Индии еще не

бывало. И хотя власть самого правителя-махараджи здесь была не слишком устойчива, так что в результате дворцовых переворотов одна династия порой сменяла другую, в целом централизованная администрация, многое заимствовавшая у своих северных мусульманских соседей и усилившаяся структурно за этот счет, оказалась значительно более прочной, нежели то бывало прежде. Крепость административного аппарата видна уже в организации власти. Первый министр махапрадхан был практически вариантом великого вазира. При нем существовал совет из глав ведомств и представителей князей, а также некоторых слоев населения, включая торговцев. Наместники-губернаторы не были всесильными владыками в своих областях; напротив, они подчинялись центру и обычно сменялись каждые два-три года. В обязанности их входило прежде всего строго следить за соблюдением порядка в финансовых делах (сбор налогов, поступление дани от вассальных князей). В округах, на которые делились наместничества, теми же полномочиями обладали чиновники, тоже в конечном счете ответственные перед центром.

Весьма сложными, хотя в целом опять-таки напомиравшими исламские, были и формы землевладения. Если не считать полуавтономные княжества, где в основном, видимо, сохранялись традиционные формы вассальных связей (хотя и они могли кое-где трансформироваться под влиянием норм ислама), земли страны в основном были государственными и находились либо в непосредственном ведении казны, либо в условном владении воинов. Условные наделы военных, амарам – нечто вроде исламского икта. Разница, однако, была в том, что военачальники-амаранаяки не только были обязаны содержать за счет доходов с пожалованных им земель отряд воинов, но и имели большие полномочия в деле взимания налогов, т. е. сами определяли норму налогообложения, подсчитывали и распределяли доходы, только часть которых – обычно не более 1/3 – шла в казну. Амарам не был наследственным владением, но на практике он нередко оставался в наследство новым поколениям амаранаяков. Поэтому амаранаяки чувствовали себя в своих владениях достаточно уверенно, чем выгодно отличались от иктадаров. И хотя амаранаяки не были владельцами земель в полном смысле этого слова (владения все-таки оставались служебными и условными), степень их контроля над доходами с их земель была столь значительной, что они порой могли позволить себе и злоупотребления, в частности, содержать меньшее количество воинов, чем то полагалось по норме. Иногда амаранаяки отдавали от своего имени небольшие наделы своим подчиненным, жившим за счет дохода с этих участков.

Некоторые категории государственной земли дарились от имени правителей индуистским храмам и особенно часто – коллективам брахманов, что было типичной индийской традицией. Коллективы, о которых идет речь, становились владельцами общинных земель и чаще всего жили в общинах, еще их земли обрабатывали для них на правах наследственных арендаторов члены общины из числа более низких каст. Статус наследственного арендатора (пайякари) приводил со временем к некоторой правовой неполноправности. Вообще же традиционная 1/6 доля урожая осталась в прошлом и в индуистском Виджаянагаре, где новая норма налогообложения практически не уступала той, что была на севере, в исламских султанатах. Именно за счет увеличения поборов с общин и усиления эксплуатации труда пайякари содержался возросший и расширившийся административный аппарат; за этот же счет существовала и почти миллионная армия махараджи, которая, собственно, и позволяла правителям вести успешные войны.

Соперничая с мусульманскими государствами Декана, Виджаянагар порой прибегал к помощи и посредничеству португальцев. Дело в том, что в Индии, как и в Китае, не было условий для разведения и выращивания лошадей – их обычно закупали, привозя издалека. В Индию они поступали в основном из Аравии и Ирана, причем этой-то торговлей как раз и ведали на рубеже XV–XVI вв. преимущественно португальцы. Махараджи Виджаянагара ценой немалых уступок добились от португальцев монопольного права покупать привозных лошадей, что заметно усилило их армию, где конница была основной боевой силой. Наиболее успешным в политическом плане было правление махараджи Кришна Дева Райи (1509–1529), который, заручившись поддержкой португальцев, вел успешные войны с Биджапуром, а также добился расцвета ремесла и торговли в городах, превратив Виджаянагар в крупнейшее и богатейшее из индийских государств того времени. Однако вскоре после того, как в битве при Таликота в

1565 г. армия Виджаянагара была разгромлена соединенными силами нескольких северных султанатов, начался постепенный упадок могущества этой державы. К началу XVII в. она превратилась уже в небольшое княжество, которое затем было поделено между Биджапуром и Голкондой.

Империя Великих Моголов (1526–1707²⁷)

В 1526 г. тимурид Бабур, выходец из Моголистана²⁸ и в прошлом правитель Ферганы, затем Кабула, вторгся в Индию. Его хорошо вооруженная мушкетами и пушками армия, включая конницу, в двух больших сражениях разгромила последнего из делийских султанов и ополчение раджпутов, после чего заняла значительную часть долины Ганга. Так было положено начало империи Великих Моголов, объединившей под своей властью в пору расцвета почти всю Индию.

Сам Бабур, вошедший в историю как просвещенный правитель, историк и поэт, автор знаменитого «Бабур-наме», правил в Индии недолго. Уже в 1530 г. его сменил на троне сын Хумаюн, войны которого с братьями за наследство отца настолько ослабили его власть, что влиятельный правитель из Бихара и Бенгалии Фарид Шер-хан, выходец из давно осевшего на востоке Индии афганского племени сур, сумел захватить власть в Дели, заставив Хумаюна искать убежище в Иране.

Приняв титул шаха, Шер-шах за недолгие шесть лет своего правления (1540–1545) немало сделал для укрепления центральной власти. Он провел несколько магистральных дорог с караван-сараями, связавших Дели с Бенгалией, Раджпутаной, Индом и т. п., упорядочил земельные отношения (при нем было начато составление генерального кадастра земель), систему налогов (средний размер ренты-налога был установлен в 1/3 урожая), характер землевладения военачальников-джагирдаров, а также повысил статус некоторых индусов, предоставив им ряд влиятельных должностей. Неожиданная смерть Шер-шаха и борьба его наследников за престол были с выгодой для себя использованы Хумаюном, который на протяжении всех этих лет выжидал и накапливал силы. В 1555 г. Хумаюн вернул себе трон в Дели, но уже через год он в результате несчастного случая погиб, а власть досталась его 13-летнему сыну Акбару.

Правление падишаха Акбара (1556–1605) было золотым веком империи Великих Моголов. Укрепив власть на севере, включая Пенджаб, Акбар заручился поддержкой значительной части воинов-раджпутов (с некоторыми предводителями раджпутов он породнился, включив раджпутских княжен в свой гарем) и вскоре овладел практически всей Раджпутаной. Затем к империи были присоединены Гондвана, Гуджарат, Бенгалия, Кашмир, Орисса. Почти вся Северная Индия оказалась под властью Акбара, проявившего себя умелым правителем.

Продолжив реформы, начатые еще Шер-шахом, Акбар провел ряд новых, заложивших прочные основы управления страной. Все земли были объявлены государственными. Был закончен генеральный земельный кадастр и четко определены суммы налогового сбора с каждого из районов: по некоторым данным, общий сбор налогов в конце XVI в. достигал 166 млн. рупий. Значительная часть земель была отдана на правах условного ненаследственного служебного владения военачальникам-джагирдарам. Джагиры, отличавшиеся от икта в основном своими размерами, были крупными земельными владениями, приносящими их владельцам огромные доходы в сотни тысяч рупий. На эти деньги джагирдары, которых при Акбаре было около двух тысяч, обязаны были наподобие амаранаяков в Виджаянагаре, содержать отряды воинов в количестве, соответствовавшем чину военачальника и размеру

²⁷ 1707 – дата фактического распада империи; формально она продолжала существовать при англичанах еще около полутора веков

²⁸ Моголистан (XIV–XV вв.) – восточная часть Средней Азии, где правили представители снятых тюрко-монгольских родов; «могол» – термин, которым в Иране именовали монголов

джагира, от 100 до 5 тыс. Некоторые из подчинившихся Акбару княжеств тоже приобрели статус джагира, а в целом среди джагирдаров Акбара индусов-индуистов было не более 20%, в основном за счет воинов-раджпутов.

Система джагиров, при которой, как то было и в случае с амаранаяками, открывались немалые возможности для злоупотреблений (еще Шер-шах пытался заставить джагирдаров клеймить своим именем лошадей и регулярно проводить смотры войск, дабы помешать практике случайного найма первых попавшихся людей и лошадей только для показной проверки), не нравилась Акбару. Подобно Шер-шаху, он попытался даже было ее уничтожить, заменив денежными выдачами из казны. Однако эта попытка вызвала мятежи и падишах вынужден был отказаться от реформы. Зато он строго следил за тем, чтобы джагирдар не обладал никакой административной и тем более финансово-налоговой властью в своем владении.

Кроме джагиров существовали и владения вассальных князей-заминдаров, плативших в казну дань и самостоятельно распоряжавшихся всеми остальными доходами. Князья были, как и прежде, наследственными владельцами своих княжеств и даже более того, субъектами централизованной редистрибуции в своих владениях. В принципе в каждом из княжеств как бы в миниатюре воспроизводилась та же схема, что и в империи в целом: часть земли принадлежала лично князю, доход от нее шел в его казну, тогда как остальные земли и доходы с них отдавались в качестве должностных воинам и чиновникам. Со временем земли категории заминдари стали считаться частнособственническими и подчас дробились на небольшие участки (наподобие исламского мулька).

Небольшое количество земли, около 3%, было в собственности мусульманского духовенства, но некоторое количество земель находилось и во владении индуистских храмов. Земли такого типа обладали налоговым иммунитетом, что вполне соответствовало общему духу религиозной терпимости, которому следовал Акбар, отменивший ущемляющую права немусульман джизию и попытавшийся даже к концу жизни создать нечто вроде синтетической религии, призванной ликвидировать религиозные разногласия в среде его подданных.

Сын Акбара Джахангир (1605–1627) продолжил активную внешнюю политику отца, начал войны в Декане и выступил против сикхов в Пенджабе. Правда в Ассаме его войска потерпели поражение; немалые сложности вызвали и его попытки укрепиться в Бенгалии, всегда настроенной сепаратистски. Наибольшим успехом Джахангира, а точнее, его сына Шах Джахана, командовавшего армией, была победа над сильной армией султана Ахмаднагара, ядром которой была конница маратхов. Далеко не вся территория Ахмаднагара попала в руки Моголов, но и это было немалым успехом. Взойдя на трон отца, Шах Джахан (1627–1658) пытался продолжить свой успех и в 1632 г. добился удачи: Ахмаднагар был подчинен полностью, а Биджапур и Голконда признали себя вассалами Моголов. Это означало, что практически почти вся территория Индии попала под власть империи. Но дни ее уже были сочтены.

Преемником Шах Джахана был его сын, кровавый деспот Аурангзеб, заключивший в темницу отца. Аурангзеб правил долго (1658–1707) и оставил по себе дурную память. Мало того, с его смертью империя фактически распалась, перестала существовать как влиятельная сила, причем такому результату в немалой степени содействовала политика самого императора.

Будучи ревностным мусульманином-суннитом, Аурангзеб энергично преследовал как индусов, так и шиитов, вплоть до попыток разрушить храмы и заново ввести отмененную Акбаром подушную подать для немусульман, джизию. Религиозные преследования вызвали резкое сопротивление населения, включая и мусульман-шиитов, а это в конечном счете сильно ослабило ту базу, на которую мог опереться правитель. Кроме того, резко уменьшились доходы джагирдаров, чьи владения в ходе постоянного разукрупнения и роста дополнительных поборов в казну приносили все меньше дохода – ситуация, весьма напоминавшая аналогичный процесс, происходивший примерно в это же время с тимариотами в Османской империи. Следствием всего сказанного были кризисные явления, проявлявшиеся не только в усилении налогового гнета, но и в бегстве крестьян, в нарушениях хозяйственного ритма жизни и в конечном счете в страшном голоде, который разразился в начале XVIII в. Только в Декане в 1702–1704 гг. от голода погибли, по некоторым данным, около 2 млн. человек.

Всему этому сопутствовали неудачи в попытках подавить сопротивление и сепаратистские движения на окраинах империи. Так, резко выступив против сикхов, Аурангзеб не только вызвал взрыв яростного сопротивления с их стороны, но и спровоцировал возникновение воинской организации сикхов, хальсы, справиться с боевой мощью которой он был уже не в состоянии. В Махараштре, районе расселения маратхов, становившихся все более грозной силой в антимогольском движении, тоже возникло весьма боеспособное войско во главе с национальным героем маратхов Шиваджи. Если вначале Шиваджи со своими воинами служил то султану Ахмаднагара, то правителю Биджапура, не имея собственных политических амбиций, то затем, усилившись, он создал собственное государство, короновавшись в 1674 г. в Пуне. Установив сравнительно легкие налоги с собственного маратхского населения, государство Шиваджи начало богатеть за счет военной добычи, так что вскоре его набеги стали наводить ужас на соседние земли. Аурангзеб пытался покончить с маратхской вольницей, но безуспешно. Столь же безуспешно стремился он усмирить и восставших против него раджпутов. И хотя к концу жизни Аурангзеб все же сумел формально подчинить себе Махараштру, маратхи, как и раджпуты, окончательно усмирены не были. Сразу же после смерти Аурангзеба его империя стала агонизировать, чем не преминули воспользоваться все те, кто не был заинтересован в сильной власти в Индии. В частности, едва ли не первыми среди них были англичане.

Англичане в Индии (XVIII – середина XIX в.)

Еще в XIV–XV вв., когда мусульманские и иные купцы стали вести активную торговлю индийскими товарами и товарами, шедшими транзитом через Индию, на побережье субконтинента было построено множество удобных морских портов. Обилием этих портов среди прочих славился Гуджарат, чьи купцы наладили регулярный контакт со странами южных морей и, кроме всего, способствовали распространению там ислама. Расширение морской торговли было одним из факторов, предопределивших быстрые темпы развития Южной Индии. Именно в это время с юга Индии и через морские порты ее, в том числе и транзитом, из стран южных морей, стали проникать в Европу многочисленные редкие экзотические товары и пряности, столь высоко ценившиеся там. Неудивительно, что вслед за этим в Европе сложилось представление о сказочных богатствах Индии, о ее несметных сокровищах, об «Индии чудес». Позарившиеся на эти богатства полунищие, но весьма энергичные и инициативные, гонимые жадной наживы и подстегиваемые частнопредпринимательским азартом европейские купцы и мореплаватели стали организовывать одну за другой экспедиции в Индию с целью открыть эту богатую страну для европейской торговли. В результате одной из таких экспедиций, как известно, была открыта и Америка. Многие другие достигали Индии.

Достигшие Индии европейцы, прежде всего португальцы, стали на рубеже XV–XVI вв. сосредоточивать в своих руках контроль за торговыми путями и торговлей, затем строить многочисленные склады и фактории, создавать новые поселения и порты, даже активно вмешиваться в политическую борьбу местных правителей. Вслед за португальцами в этом районе мира появились голландцы, которые вскоре, однако, сконцентрировали свои усилия на эксплуатации ресурсов богатой пряностями так называемой Голландской Индии, т. е. островов Индонезии. После этого пришла очередь французов и англичан, не считая остальных, занимавших более скромные позиции. Началась эпоха колонизации Индии и прилегающих к ней районов Азии.

Для самой Индии эта эпоха совпала с периодом короткого расцвета и быстрого упадка, а затем и развала империи Великих Моголов, в качестве наследников которых и претендентов на сильную власть выступило сразу несколько государств. Одной из них была держава маратхов, где в начале XVIII в. власть попала в руки так называемой династии пешв (пешвы были вначале первыми министрами в государстве Шиваджи и его потомков, затем взяли власть в свои руки). Маратхи питали честолюбивые замыслы занять трон в Дели и, пожалуй, имели для этого определенные основания. Их армия была одной из лучших в Индии, само имя маратхов наводило страх и ужас и обращало в бегство многих. Но как раз тогда, когда казалось, цель

вот-вот будет достигнута, с севера в Индию вторгся иранский Надир-шах, который в 1739 г. разгромил войско маратхов (именно их войско, а не войско Моголов, которые в это время вообще уже не могли выставить сколько-нибудь боеспособную армию), разграбил Дели и увез в Иран веками копившиеся сокровища казны, включая драгоценности падишахов. Попытки оправившихся от поражения маратхов повторить поход на север натолкнулись на встречные экспедиции в Индию Ахмад-шаха дурранийского, который в 1739 г. был в Индии вместе с армией Надира и затем решил, став независимым и могущественным правителем, исполнить то, чего не сумел сделать в свое время Надир, т. е. завоевать слабую и раздираемую распрями богатую Индию. Однако пять походов Ахмад-шаха (1748–1758) не принесли ему успеха, причем главной причиной было героическое сопротивление стоявших у него на пути сикхов, то и дело перерезавших коммуникации и ослаблявших армию. Тем не менее в битве с маратхами Ахмад-шах, как и прежде Надир, вышел победителем, после чего надежда маратхов на трон в Дели была окончательно похоронена.

Вторым из крупных государств, выступивших на политическую арену после развала империи Моголов, была Бенгалия, наместник которой в 1713 г. объявил себя независимым, присоединив к своим владениям Бихар и Ориссу. Кроме того, в 1717 г. в центре Декана другой могольский наместник объявил себя правителем (низамом) независимого государства Хайдарабад, которое начало активную борьбу с маратхами за гегемонию в Южной Индии. В 1739 г. от Моголов отделилось государство Ауд с центром в Лакхнау. И наконец, уже во второй половине XVIII в. на юге страны возникло могущественное государство Майсур, правитель которого Хайдар Али (1761–1782) с помощью французов реорганизовал свою армию, взяв за основу отряды из хорошо обученных наемных офицеров и солдат, вооруженных мушкетами и пушками.

Хайдар Али отказался от традиционной могольской системы джагиров. Он, а затем его сын Типу-султан в результате этой военной реформы получили в свои руки едва ли не наиболее боеспособную армию в Индии, что сыграло свою роль в последующих событиях. Сражаясь против маратхов, хайдарабадского низама и других правителей Южной Индии, Типу-султан главной целью своей жизни поставил выбить из Индии уже прочно обосновавшихся там англичан, причем одно время он был близок к ее достижению. Но несмотря на это, в разгоревшейся в Индии в XVIII в. «борьбе всех против всех», как характеризовал ее в свое время Маркс, победителями вышли все же англичане. И это отнюдь не было драматической случайностью, – скорее напротив, вполне объективно обусловленной исторической закономерностью.

Английская Ост-Индская компания, возникшая еще в начале XVII в. и сконцентрировавшая в своих руках (под все более осязаемым правительственным и парламентским контролем) операции в Индии – торговые, военные, дипломатические, политические и т. п. – была, пожалуй, наиболее удачной в тех условиях формой проникновения в Индию и закрепления в ней. Соперничавшие с англичанами португальцы, а затем французы не смогли противостоять им достаточно успешно, а столкновения между различными военачальниками-французами при попытках Франции укрепиться на западном побережье Индии в середине XVIII в. лишь продемонстрировали это весьма наглядно. Нельзя не учитывать и того, что Франция во второй половине XVIII в. была в состоянии кризиса и находилась накануне революции, которая не могла не спутать все ее колониальные карты именно тогда, когда триумф английской Ост-Индской компании в Индии был уже почти полным.

Словом, уже с конца XVII в. и особенно в XVIII в., ознаменовавшемся развалом империи Моголов, англичане явно стали выходить на первое место среди колониальных держав в Индии, оттеснив и всех тех, кто претендовал на наследство Моголов в самой этой стране. Имея значительные позиции в ряде районов Индии и постоянно укрепляя их, действуя традиционным методом «разделяй и властвуй», англичане не очень-то церемонились в средствах. Они вмешивались в политические распри, подкупали своих ставленников и помогали им захватить власть, обязывая после этого выплачивать астрономические суммы компании. Налоговый гнет в Бенгалии, где позиции англичан в XVIII в. были всего прочнее и откуда они, по существу, и начали свое завоевание Индии, был особенно тяжелым, порой невыносимым. Компания

добилась у правителя Бенгалии важных привилегий, включая освобождение от торговых пошлин, что поставило англичан и действовавших по их поручению индийских и иных купцов в привилегированное положение. По некоторым данным, за период 1757–1780 гг. Англия вывезла из Индии почти безвозмездно в виде товаров и монеты 38 млн. фунтов стерлингов – немалую по тем временам сумму. А когда энергичный новый правитель Бенгалии Мир Касим (кстати, обязанный своей должностью поддержке англичан) попытался было ценой невероятных усилий выплатить свой долг компании и затем ликвидировать предоставленные ей привилегии, компания сумела разбить его армию и заменить его самого более покладистым правителем.

Для успешных военных действий компания должна была иметь собственные боевые силы. И она их имела, причем это были в основном сами же индийцы. Еще французы в свое время первыми наладили практику использования специально обученных индийских войск – сипаев – во главе с французскими офицерами. Этот новый вид войск зарекомендовал себя столь успешно, что англичане приступили к созданию собственных отрядов сипаев. Возглавлявшееся английскими офицерами войско из сипаев было хорошо вооруженной и обученной боевой силой и призвано было играть роль ударного отряда во всех тех столкновениях, где возглавлявшиеся англичанами коалиции войск выступали против их врагов. Более того, англичане со временем стали извлекать из сипайских отрядов даже двойную выгоду, сдавая их внаем, как то было с ландскнехтами в средневековой Европе. Заинтересованное в получении таких отрядов государство или княжество заключало с компанией субсидиальный договор, согласно которому англичане получали ряд прав и привилегий, в том числе обязательство нанимающей стороны платить за наемников-сипаев налоги с определенных округов. Зацепившись за это право, служащие компании обычно выкачивали из отданных им на время округов такие налоговые сборы, которые разоряли местное население.

Злоупотреблений в сфере налогообложения и льгот было так много, что это впоследствии приняло форму международного скандала. Известно, например, что против первого генерал-губернатора Индии У. Хейстингса (Гастингса) было возбуждено судебное дело на уровне парламентского расследования. Дело тянулось несколько лет (1788–1795) и закончилось оправданием обвиняемого. Но сам по себе факт был весьма показательным и побудил Англию принять соответствующие меры. С конца XVIII в. английский парламент стал все активнее вмешиваться в дела компании, принимая все новые и новые акты, каждый из которых усиливал зависимость Ост-Индской компании от правительства. А в августе 1858 г. был принят закон, согласно которому государственная власть в Индии перешла к представителю Англии в статусе вице-короля, обязанного действовать под непосредственным контролем парламента и правительства. Собственно, именно с этого времени Индия стала в полном смысле колонией Великобритании, жемчужиной британской короны. Но это случилось уже во второй половине XIX в., тогда как до середины этого века англичане как раз и стремились всеми силами закрепить в Индии. Как конкретно это происходило?

Как упоминалось, англичанам в те годы противостояли крупные и достаточно могущественные державы – Майсур с его боеспособной армией, воинственные маратхи, низам Хайдарабада и некоторые другие государства. По крайней мере частично эти государства могли при случае опираться и на помощь, а то и на прямую поддержку соперников англичан в Индии – французов. Но слабость всех этих сильных противников Англии в Индии была в том, что они действовали разрозненно, нередко воевали друг с другом и в связи с этим обращались за помощью к англичанам. Неудивителен и конечный результат: действуя постепенно, шаг за шагом, компания округляла свои владения, теснила соперников и противников, подчас вынуждая их признать суверенитет англичан. В ходе ряда войн с Майсуром и маратхами Ост-Индская компания добилась того, что два эти наиболее сильные в военном отношении государства перестали существовать (третья англо-маратхская война закончилась в 1819 г. полным подчинением маратхов). Это произвело достаточно сильное впечатление на остальных. Считается, что после захвата войсками компании Дели в 1803 г. и победы над маратхами практически вся Индия, кроме разве северной ее части (Синд, Пенджаб, Кашмир), была уже под контролем англичан.

Завоевание Индии англичанами привело к решительной ломке ее традиционной

структуры, причем сразу в нескольких весьма важных аспектах. Богатые доходы, прежде оседавшие в хранилищах султанов и князей и тратившиеся на престижное потребление ими самими и их окружением, теперь в основном шли в казну компании и в немалом количестве вывозились в метрополию. Сокращение престижного потребления вызвало кризис в работавшем на него ремесленном производстве высшей квалификации. Многие лучшие мастера лишились работы, стали разоряться, что не могло не отразиться на общем постепенном упадке высокого стандарта индийского ремесла. К этому стоит добавить, что с начала XIX в. Индию стали наводнять дешевые английские ткани промышленной выделки, ввоз которых подорвал позиции еще одной большой группы ремесленников – всех тех, кто так или иначе был связан с производством и продажей индийских тканей.

Наряду с этим, вмешавшись в традиционные формы земельных отношений в Индии, англичане закрепили за индийскими заминдарами статус земельных собственников. Правда, статус этот не был надежным: если заминдар не сдавал в казну строго установленного с его земель налогового сбора, он легко мог лишиться своего владения, продававшегося в этом случае буквально с молотка в руки того, кто брался регулярно вносить в казну компании указанную сумму. Таким образом, заминдары были в Индии своего рода посредниками-откупщиками, напоминая мультазимов на мусульманском Ближнем Востоке. Впрочем, заминдары в Индии были не везде. На некоторых недавно присоединенных землях, в частности в Майсуре, право на землю было признано за полноправными общинниками (система райятвари), в Доабе и Пенджабе – за общиной в целом (система мауза-вар). Но в любом случае приход англичан был силовым вмешательством в традиционно сложившиеся земельные отношения, которые привычно исходили из того, что определенные, пусть неодинаковые, права на землю есть у всех – и у казны, и у князя, и у джагирдара, и у заминдара, и у общины, и у общинников определенных категорий. Вмешавшись со своими европейскими мерками и представлениями, англичане отчасти нарушили стабильный баланс отношений, причем это не могло не сказаться на состоянии традиционной индийской структуры в целом.

Правда, на смену традиционным шли новые формы отношений. Индия активно включалась в мировой рынок, втягивалась в международные торговые связи. Англичане строили здесь железные дороги, налаживали регулярную почтовую связь, возводили промышленные предприятия, создавали колониальную бюрократическую администрацию, весьма отличную от существовавшей там прежде. С одной стороны, это вело к колонизации страны, к превращению ее в аграрно-сырьевой придаток Англии, к налоговому гнету, разорению ремесленников и крестьян, к страданиям многих людей. С другой – этот болезненный процесс активно способствовал развитию страны, знакомил ее с новыми формами связей и отношений, с производством машинного типа, с основами науки и техники. Англичане и особенно английский язык стали служить чем-то вроде интегрирующего начала, помогающего сплачивать говорящую на разных языках страну в нечто единое и цельное. А это, в свою очередь, с XIX в., особенно со второй его половины, стало основой для становления национального самосознания в Индии, для развития национальных движений.

Глава 8

Китай в раннем средневековье: эпоха Хань и кризис империи

Жестокий экономический и социальный кризис, а также вызванный народным восстанием против деспотии Цинь политический хаос, развал административной системы – все это привело к крайнему упадку Китая на рубеже III–II вв. до н. э. Катастрофически сократилась численность населения. Поля были заброшены, в стране царил голод. Основателю новой династии Хань многое приходилось начинать с самого начала, хотя и далеко не на пустом месте. Напротив, многое было отработано в древности, и на уже оправдавший себя опыт, на давно отработанные институты ханьский Лю Бан вполне мог опереться. Дискредитировавший себя легизм с его жесткими нормами и бесчеловечной практикой для этого не годился – и он был отброшен, пусть и не целиком. Альтернативой оказалось сильно реформированное и приспособленное к

нуждам империи конфуцианство. Собственно, именно с этого времени берет свое начало китайская конфуцианская империя, так что можно в качестве условной грани между древностью и средневековьем выбрать рубеж между империями Цинь и Хань. Конечно, есть определенный резон видеть такого рода условную грань между китайской древностью и средневековьем и в 221 г. до н. э., когда была создана империя; многие в Китае так и делают: доциньский Китай в этом смысле – синоним древнего Китая, после чего наступила эпоха свыше чем двухтысячелетней империи. Но коль скоро грань в любом случае условна, то есть весомые основания обратить внимание на то, что китайская конфуцианская империя являла собой некое новое качество, ту модификацию классической восточной структуры, которая заслуживает особой характеристики.

Формирование основ китайской конфуцианской империи при Хань

Свое правление ханьский Гао-цзу (Лю Бан) начал с серии указов и реформ, направленных на восстановление порядка и создание оптимальных форм управления империей. Прежде всего он отменил систему легистского законодательства с ее казарменной дисциплиной и жестокими наказаниями провинившихся. Была объявлена широкая амнистия, а все вернувшиеся в родные места обретали прежний статус и ранг, им возвращались их поля и дома. Налог с крестьян был снижен до 1/15, а затем даже до 1/30 доли урожая, а солдаты армии Лю Бана освобождались от налогов на 12 лет. Правда, взамен власти ввели подушную подать с населения, которую должны были платить все совершеннолетние, от 15 до 56 лет. Восстанавливались разрушенные строения и сооружения, особенно ирригационные. Были освобождены многие государственные и частные рабы.

Империя, как и в эпоху Цинь, была поделена на области, уезды и волости, причем представители общин получили даже большее, чем ранее, представительство в управлении волостями и уездами, где они теперь стали своего рода опорой власти, сотрудниками уездного начальника. Столь же резко, как и циньские правители, – а кое в чем даже и резче, – ханьские императоры ограничивали частных собственников. Богатые купцы облагались тяжелыми налогами, причем всем незнатным богачам, не имевшим престижного социального ранга, было запрещено пользоваться каретами, одеваться в шелка и тем более занимать государственные должности. По-прежнему резко выделялись статусом и местом в обществе чиновники, большинство которых ориентировалось на конфуцианские нормы, связанные с культом высокой (нередко лишь показной) морали, уважением к традициям и семейно-родовым связям. Этот последний момент сыграл свою роль и в организации управления. Не вся страна была поделена на области и уезды. Некоторая ее часть была пожалована в виде наследственных уделов раннежоуского типа родственникам и приближенным Лю Бана, что рассматривалось в качестве проявления высшего благоволения императора и было явной данью древней традиции.

После смерти Лю Бана (195 г. до н. э.) выявилась недалекость этого акта. Новые владельцы уделов стали все очевидней проявлять сепаратистские тенденции. Дело кончилось мятежом нескольких из наиболее крупных удельных правителей, с трудом подавленным императором Цзин-ди, который после этого сильно ограничил права владельцев уделов, запретил им иметь свое войско и назначать в уделах своих чиновников. В результате этих нововведений наследственные владения к середине II в. до н. э. превратились в нечто вроде кормлений с весьма ограниченными правами их владельцев. Но окончательный удар по удельным владениям нанес знаменитый ханьский император У-ди, крупнейший и известнейший из правителей Хань, за долгий период правления которого (140–87 гг. до н. э.) были заложены идейные и институциональные основы китайской конфуцианской империи, просуществовавшей с тех пор без заметных структурных изменений вплоть до XX в. Именно У-ди в 121 г. до н. э. издал специальный указ, согласно которому наследственные уделы должны были обязательно делиться между всеми многочисленными детьми их владельцев. Этот указ практически ликвидировал и без того не слишком устойчивый в древнем Китае принцип майората (точнее – права одного, не обязательно старшего, чаще выбранного отцом наследника на родовое владение), что практически означало исчезновение быстро дробившихся уделов.

Во времена У-ди ханьская империя была поделена на 102 области с ответственными перед центром губернаторами. Была установлена сильная бюрократическая администрация, в которой важную роль играли цензоры-прокуроры с правом действенного контроля. Для выкачивания денег из разбогатевших частных собственников была возобновлена система откупов и продажи рангов. У-ди ввел государственную монополию на выплавку железа и добычу соли, чеканку монет и изготовление вина (здесь часто как раз и действовала система откупов). Были проведены крупные конфискации земли и рабов у чересчур разбогатевших собственников. Вместе с тем некоторым из них предоставили возможность занимать определенные должности, как правило, при условии, что это будет ими хорошо оплачено. Словом, вся система администрации У-ди была скорректирована таким образом, чтобы максимально усилить государство, сделать наиболее эффективной центральную администрацию и выкачать как можно больше средств из кармана частных собственников, предоставляя некоторым из них за это определенные, до того запретные для них привилегии и к тому же используя их знания и опыт в организации необходимых производственных предприятий (система откупов и т. п.).

Казалось бы, здесь много от легизма. И это действительно так. Но при всем том нет оснований говорить о реставрации легистских методов. Суть процесса в ином – в гармоничном синтезе легизма и конфуцианства на конфуцианской основе. Для такого синтеза были, несмотря на кажущиеся антагонизмы между обеими враждующими доктринами, немалые объективные причины. Обе доктрины были социально ориентированными, рационалистичными, обе ставили во главу угла благо государства и народа и считали министров и чиновников важнейшим инструментом осуществления необходимой для этого политики. Различия на этом фоне оказались менее значимыми, нежели того можно было ожидать. Суть их сводилась к тому, что легисты делали упор на кнут, дабы покорить своей воле не понимающий собственного блага народ, который для его же пользы следует ослабить и подчинить сильной власти, тогда как конфуцианцы делали упор на пряник, стремясь управлять с помощью обрядов, ритуалов, этики и традиций. В синтезированном ханьском конфуцианстве нашли свое место и легистский кнут, и конфуцианский пряник, причем и то и другое – во имя единой общей цели, т. е. укрепления централизованной администрации сильного государства, которая к тому же опиралась бы не только и не столько на насилие, сколько на веками отработанные нормы, традиции, на апробированную систему социальных и моральных ценностей.

Отцом ханьского конфуцианства считается Дун Чжун-шу (187–120 гг. до н. э.), создавший новую государственную идеологию на основе наиболее приемлемых для этого идей и нововведений всех других, включая не только легизм, но также и моизм, даосизм, частично некоторые другие второстепенные доктрины китайской древности. При этом его, равно как и всех его последователей на протяжении тысячелетий, никогда не смущал идейно-философский эклектизм новой синтезированной системы ханьского конфуцианства. И это объяснялось даже не столько прагматизмом мышления, что было всегда свойственно китайским мыслителям, сколько трезвым практицизмом целеустановки: главным в новой доктрине были не столько идеи сами по себе, сколько выстроенная на их основе гигантская всеохватывающая система образа жизни и организации управления, норм и институтов. В рамках этой системы все ее многочисленные элементы, несмотря на их гетерогенное происхождение, достаточно удачно гармонизировали и подкрепляли друг друга во имя упоминавшейся уже великой цели. И цель эта практически была достигнута: начиная с У-ди конфуцианский императорский Китай, несмотря на взлеты и падения, смену периодов централизации и децентрализации, катастрофические кризисы, мощные крестьянские восстания и завоевания со стороны северных кочевников, – словом, несмотря на все испытания, всегда существовал в мало изменявшемся по сравнению с Хань виде и даже более того, возрождался из пепла в случае особо острых кризисных ситуаций все в том же раз и навсегда генетически закодированном виде, лишь с второстепенными модификациями.

У-ди вел активную внешнюю политику. При нем на севере были потеснены гунны, на юго-западе присоединена территория протогосударства Намвьет, на востоке захвачена часть Кореи. Но наибольшим успехом внешней политики У-ди следует считать путешествия Чжан Цяня, проникшего в поисках союзников против гуннов далеко на запад и описавшего многие

страны Средней Азии (Фергана, Бактрия, Парфия и др.). После возвращения Чжан Цяня вдоль пройденного им маршрута была проложена торговая дорога, знаменитый Великий шелковый путь. Восточно-туркестанская часть этого пути с лежащими вдоль него небольшими оазисами-протогосударствами была на некоторое время подчинена ханьской власти, распространившей свое влияние до припамирских районов. Торговля по Великому шелковому пути способствовала интенсивному культурному обмену: на запад, в Рим шли китайские шелка и другие раритеты, на восток, в Китай, – некоторые сельскохозяйственные культуры (виноград, гранаты), изысканные изделия (стекло, драгоценности, пряности), подчас даже дикие звери. Но наиболее ценившимся предметом китайского импорта из Средней Азии были знаменитые ферганские аргамаки. Собственно, с желания заполучить этих столь высоко ценившихся в Китае лошадей и начались походы У-ди на Фергану, сыгравшие вскоре после возвращения Чжан Цяня важную роль в открытии нового торгового пути.

После смерти У-ди ханьский Китай вступил в затяжную полосу стагнации, а затем кризиса и упадка. Ослабление эффективности власти центра способствовало усилению активности частного собственника, что влекло за собой разорение тружеников-налогоплательщиков и тем самым ударяло по интересам казны. Для облегчения участи крестьян в середине I в. до н. э. были сделаны некоторые налоговые послабления, но это мало помогло. В стране в обстановке углублявшегося административного хаоса и неэффективности власти все большую силу приобретали так называемые сильные дома, т. е. богатые землевладельческие аристократические кланы. Как известно, начиная с Хань, все получавшие большие должностные оклады и обогащавшиеся к тому же неправедными способами сановники и чиновники обычно вкладывали свои доходы в землю и тем самым становились частными собственниками. В условиях эффективной власти центра это противоречие легко снималось: любой причастный к власти собственник, как о том уже упоминалось, всегда четко сознавал, что его статус и престиж зависят от его причастности к власти, тогда как его интересы собственника при этом второстепенны. Соответственно причастные к власти и действовали. Несколько иначе складывалась ситуация, по крайней мере в Китае, в условиях кризисов.

Как представитель аппарата власти, чиновник должен был ограничивать собственника, включая и свои интересы. Но коль скоро казна пустела, а жалование соответственно выдавалось нерегулярно или не полностью, чиновник, во-первых, начинал жестче давить на земледельцев, выжимая из крестьян, и без того обедневших, все новые и новые поборы, что вело к разорению деревни и дальнейшему углублению кризиса, а во-вторых, оказывал все большее внимание интересам частных собственников, в конечном счете своим собственным. Складывалась парадоксальная ситуация. Личные интересы влиятельных домов страны вступали в противоречие с интересами казны, т. е. государства. Результатом были дальнейшее ослабление государства и политическая децентрализация его, причем на местах все более решающей и практически уже не управляемой силой становились местные богатеи, сильные дома. Тем самым ситуация еще более усложнялась, становилась критической. Только решительные реформы могли выправить дело, и это хорошо понимали в центре.

Реформы Ван Мана и крушение первой династии Хань

Вопрос был в том, кому и как проводить реформы. С общим ослаблением государственной власти императоры обычно теряли контроль над ней, а то и вовсе становились игрушками в руках соперничавших друг с другом кланов, прежде всего из числа временщиков, связанных с родней той или иной императрицы, а также становившихся все более влиятельными евнухов гарема. Неустойчивости власти центра способствовала и не устоявшаяся система комплектования аппарата чиновников: наряду со складывавшейся еще со времен У-ди практикой выдвижения в ряды бюрократической элиты тех выпускников столичной конфуцианской школы Тай-сюэ, кто лучше других выдерживал конкурсные экзамены²⁹,

²⁹ Это был прототип будущей конфуцианской системы экзаменов; количество выпускников школы в то время было небольшим, несколько десятков в год

существовали и иные способы. В их числе – традиционный метод выдвижения «мудрых и способных» теми из должностных лиц, кто готов был поручиться за своего протеже. Практически это вело к устройству на теплые местечки родни, что тоже сказывалось на качестве администрации.

Вопрос о принципах и методах комплектования штата администрации имел в Китае в рассматриваемое время более важное значение, нежели то может показаться на первый взгляд. Вспомним, какие надежды возлагал на хорошо подготовленных чиновников Конфуций, видевший в этом ключ к достижению социальной гармонии и процветающего государства. И это не были пустые утопии мечтателя. Бюрократический аппарат, созданный со временем конфуцианством, был действительно уникальным в истории человечества. Но складывался он не сразу. А не устоявшаяся еще практика и соперничество различных методов (их было много больше, чем названо выше) выдвинули на передний план внутривластной жизни империи после У-ди острую проблему ожесточенного соперничества местной элиты с центральной бюрократией. Ослабевавшая в условиях кризиса бюрократия центра старалась сохранить в своих руках контроль за администрацией по всей империи, а сильные дома, т. е. влиятельные представители местной элиты, всячески противодействовали этому. Они выдвигали своих представителей, которые стремились, и безуспешно, комплектовать низшие эшелоны власти, уездные органы управления. А так как закрепление на том или ином служебном посту было очень выгодным для данной семьи (некоторые из них выдвигали своих представителей на ту или иную должность на протяжении ряда поколений и считали эту должность уже как бы своей) и оказывалось предметом зависти со стороны соперничавшей с ней, то неудивительно, что вскоре остро встал вопрос о праве на должность или, точнее, о критериях для назначения на нее.

Поскольку в самом общем виде критерий был незыблем с древности (мудрые и способные), то на передний план вышла проблема оценки кандидата на должность, для чего требовались сведения о нем, т. е. мнение о нем его соседей, знавших его людей. Так возник в ханском Китае институт «общего мнения», просуществовавший несколько веков и базировавшийся на все более впитывавшихся в гущу китайского народа конфуцианских критериях оценки человека, ориентированных на социальный идеал цзюнь-цзы. Понятно, что на местах, откуда, собственно, и начиналось выдвижение кандидатов на должность, выразителями общего мнения оказывались не только в первую очередь, но практически почти исключительно те самые представители местной элиты, сильных домов, которые были более других образованны, знакомы с конфуцианством. Имея возможность в хороших домашних условиях оттачивать свои добродетели и соперничая за право сделать служебную карьеру, они активно выдвигали кандидатов из своей среды на вакантные должности.

Постепенное тесное слияние, даже фактическое сращивание местной элиты с низшей (а затем и не только низшей) бюрократией в условиях ослабления эффективности централизованной администрации вело к перемещению центра тяжести политической жизни страны с центра на периферию. А это еще более усиливало позиции местных сильных домов, многие из которых на рубеже нашей эры были экономически сильными и крупными хозяйствами, владевшими немалыми землями и большим количеством зависимых людей, прежде всего так называемых гостей (бинькэ, дянькэ, инкэ), т. е. клиентов, работавших на земле хозяина в качестве арендаторов, батраков, подчас даже рабов, а также использовавшихся в качестве слуг и стражников, местного ополчения. Словом, ситуация для молодой, институционально только складывавшейся империи была весьма затруднительной, в некоторых отношениях критической. Помочь решить сложные проблемы могли лишь решительные реформы.

Первая попытка реформ была предпринята в годы правления малолетнего Ай-ди, незадолго до начала нашей эры. Эту попытку постигла неудача, что и подстегнуло к решительному шагу Ван Мана, родственника одной из императриц, влиятельного придворного и ревностного конфуцианца. Отчетливо понимая причины кризиса и явственно сознавая, что сил у него мало, он решился на крутые меры. В 8 г. Ван Ман низложил очередного ханьского

императора, малолетнего Ин-ди, и провозгласил императором себя в качестве родоначальника династии Синь. Став императором, Ван Ман приступил к реформам, основное содержание которых сводилось к тому, чтобы любыми способами подорвать силу и влияние местных сильных домов и, разогнав временщиков, резко упрочить позиции государственной власти в империи. Для этого в качестве первой и главной меры все земли в стране были объявлены государственными, а свободная купля-продажа их была строго воспрещена. Конфискованные таким образом земли предназначались для распределения между всеми земледельцами страны по принципу зафиксированной в трактате «Мэн-цзы» системы цзин-тянь. Эта идеальная система землепользования якобы практиковалась в древности и сводилась к тому, что каждый пахарь имел свое поле: центральное поле в квадрате из девяти участков по 100 му обрабатывалось восемью земледельцами совместно в пользу казны, за что каждый из восьми получал окраинные поля по 100 му в качестве личного надела. Утопичность системы не смутила Ван Мана, ибо главным для него был не строгий порядок в разделенных на квадраты полях, а сам генеральный принцип, заложенный в схему цзин-тянь, при котором нет места никаким посредникам между земледельцами и казной.

Кроме реформ в сфере землевладения и землепользования Ван Ман издал специальный указ о ликвидации частного рабства, запрещении купли и продажи рабов, которые отныне приобретали статус зависимых. И это тоже было ударом прежде всего по сильным домам с их рабами и крепкими патронажно-клиентными связями. Впрочем, Ван Ман не отменил рабство вообще, как институт. Напротив, он усилил значение государственного рабства; в казенных рабов стали обращать всех тех, кто нарушал новые законы либо противодействовал им, кто становился в глазах государства преступником. Кроме того, Ван Ман специальным указом снова ввел потерявшие уже силу государственные монополии на вино, соль, железо, даже кредит. Им были пущены в оборот новые по форме монеты, причем отливка этих монет тоже стала монополией государства.

Реформы Ван Мана по своей направленности были вполне разумными и при умелом проведении их в жизнь могли спасти страну, вывести ее из состояния кризиса. Но слишком резкое и энергичное проведение их в жизнь, да еще в столь необычно утопических формах, которые являла собой система цзин-тянь, вызвало сильное сопротивление в стране, что породило экономический хаос, сумятицу и расстройство. Возможно, Ван Ман со временем сумел бы все это преодолеть и жесткой рукой навести нужный порядок, сделав при этом необходимую корректировку. Однако судьба решила иначе: в Пг. своенравная Хуанхэ изменила свое русло, причем это привело к гибели сотен тысяч людей, затоплению многих возделываемых полей, разрушению поселков и городов. Для воспитывавшегося в рамках определенной религиозно-культурной традиции народа, включая и самого Ван Мана, это означало, что великое Небо недоволено реформами и предупреждает о том. Ван Ман вынужден был не только открыто покаяться, но и отменить значительную часть изданных им указов.

Эта вынужденная акция была для него роковой. Противники его возликовали, остальные перестали надеяться на изменение к лучшему; ситуация в стране с каждым днем становилась все запутаннее, кризис продолжал углубляться, в ответ на что все новые отряды разоренных крестьян бежали с насиженных мест, объединялись в отряды недовольных и поднимали восстания. В результате восстаний, следовавших одно за другим, наиболее заметным из которых было восстание «краснобровых» (они красили брови в красный цвет), Ван Ман был свергнут и убит (23 г.), а на смену ему пришел к власти представитель одной из ветвей рухнувшего дома Хань – Лю Сю.

Вторая династия Хань (25–220)

Став императором и приняв имя Гуан У-ди, Лю Сю во многом продолжил начатые Ван Маном преобразования. Он активно преследовал практику порабощения людей и даже освободил казенных рабов. Позаботился он и о том, чтобы крестьяне получили земли и успешно их возделывали, причем частично для этого были использованы пустующие земли государства и некоторых из сильных домов. Была заметно укреплена централизованная администрация, снова сокращен земельный налог до 1/30 урожая. Все эти меры дали результат,

и экономика страны быстрыми темпами стала восстанавливаться. Вслед за ней стабилизировалась внутренняя и внешняя политика, что проявилось, в частности, в отражении гуннов (сюнну) и открытии вновь для торговли Великого шелкового пути в результате походов знаменитого полководца и умелого китайского дипломата Бань Чао. Однако эта стабилизация продолжалась сравнительно недолго. Уже с начала II в. положение в стране начало заметно ухудшаться.

Здесь уместно сказать несколько слов об особенностях китайского династийного цикла, наиболее наглядно проявивших себя именно в годы существования империи, начиная с Хань. Как правило, каждая династия сменяла предшествующую в обстановке тяжелого экономического кризиса, социальных неурядиц и ослабления политической централизованной власти, что проявлялось в форме мощных народных движений, подчас в виде вторжений с севера и иностранных завоеваний. Механизм цикла, в ходе которого возникал очередной кризис, достаточно сложен; здесь играли свою роль и экономические причины, подчас и демографическое давление, и экологические, и иные объективные факторы. В самом общем виде дело обычно было связано со следующими процессами.

Китайская сельская община как сильный и тем более эффективно отстаивающий свою автономию институт была разрушена еще в древности. Перед лицом казны каждый двор отвечал сам за себя, при всем том, что казна была заинтересована в облегчении и гарантировании сбора налогов и с этой целью искусственно поддерживала некоторые традиционные формы взаимной ответственности в рамках общинной деревни. Относясь к общине как к важной социальной корпорации, каковой она и была, власти еще во времена реформ Шан Яна в Цинь и затем во всей циньской империи ввели удобный для них метод круговой поруки, создав искусственные объединения дворов в пятидворки, в пределах которых каждый отвечал за выполнение налоговых и иных обязательств четверьмя остальными, вплоть до обязанности восполнять недобор за собственный счет. И хотя этот жесткий метод функционировал в империи не всегда, о нем всегда вспоминали, когда следовало укрепить позиции власти. В частности, это было и при Ван Мане. Сказанное означает, что перед лицом казны все землевладельцы были налогоплательщиками и все были равны в социально-сословном плане. Это касалось и сильных домов. Исключение делалось лишь для некоторых категорий привилегированных лиц – для чиновников и высшей знати из числа родственников императора.

Соответственно для государства существовали лишь две формы земельного владения – государственные (они же общинные) земли, на которых жили и работали обязанные выплачивать ренту-налог в казну и нести различные повинности земледельцы, и казенные служебные земли, фонд которых предназначался для содержания двора, высшей знати и чиновничества, в основном на началах временного, условного и служебного владения. Земли первой категории чаще всего именовались термином минь-тянь (народные³⁰), вторые – гуань-тянь (казенные, чиновные). Вторая категория была сравнительно небольшой, обычно не более 15–20%. Все остальное приходилось на долю минь-тянь. Предполагалось, что земли минь-тянь более или менее равномерно распределены между земледельцами, вследствие чего каждый пахарь имеет свое поле и аккуратно платит налог в казну (земли гуань-тянь тоже обрабатывались крестьянами, но налог с них шел их владельцу – чиновнику, двору и т. п.). Практически, однако, это было лишь в идеале. Реально жизнь складывалась иначе. У одних земли было больше, у других меньше, богатые теснили малоимущих, правдами и неправдами присоединяли к себе их земли и становились еще богаче, превращались в сильные дома, тогда как бедняки лишались последнего клочка земли («некуда воткнуть шило», по выражению китайских источников). Что все это означало для государства для казны?

Традиционное китайское государство с глубокой древности было едва ли не классическим воплощением принципа власти-собственности и централизованной редистрибуции. Именно за

³⁰ Иногда этот термин смущает исследователей, упускающих из виду, что реально это были земли, верховную власть на которые имело государство, время от времени свободно ими распоряжавшееся, в частности, наделявшее ими крестьян после кризисов

счет редистрибуции избыточного продукта существовал веками тот хорошо продуманный и почти автоматически воспроизводившийся аппарат власти, который управлял империей. Пока крестьяне имели надель, обрабатывали землю и платили ренту-налог в казну, структура китайской империи была крепкой и жизнеспособной. Но коль скоро земли в значительном количестве переходили к богатым землевладельцам – а это рано или поздно всегда случалось, – ситуация начинала меняться. Богатые владельцы земли, сдававшие ее в аренду нуждающимся за высокую плату, отнюдь не всегда с готовностью брали на себя выплату в казну причитающегося ей налога. Напротив, богатые земледельцы обычно уменьшали ту долю налога, которую должны были платить в казну. И они имели для этого немало возможностей, начиная с того, что из их числа выходили чиновники, в руках которых была власть (своя рука всегда владыка), и кончая возможностью дать взятку тем же чиновникам и с их помощью избавиться от большей части налога.

Результат всегда был однозначным: казна недополучала норму прихода, аппарат власти был вынужден довольствоваться меньшим, т. е. затягивать пояса, причем это нередко, как упоминалось, компенсировалось усилением произвола власти на местах (новые поборы, принуждения к взятке и т. п.). Это, в свою очередь, вело к углублению кризисных явлений как в сфере экономики (потеря имущества, затем и земли), так и в социальных отношениях (недовольство крестьян и их побег, появление разбойничьих шайк, восстания), а также в области политики (неспособность правящих верхов справиться с положением, возрастание роли временщиков, заботившихся лишь о том, чтобы половить рыбку в мутной воде, и т. п.). Собственно, именно к этому и сводился обычно в истории Китая династийный цикл.

Циклы такого рода были не только в Китае, и об этом уже шла речь, когда говорилось о смене периодов централизации и децентрализации в различных государствах Востока, начиная с Древнего Египта. Но в китайской истории династийные циклы всегда были наиболее наглядны, это своего рода эталон, с помощью которого лучше всего можно вычленишь и проанализировать само явление как таковое. Цикл завершался обычно воцарением новой династии, что вело к ликвидации кризиса частично за счет уничтожения в огне мятежей и войн богатых собственников, отчасти за счет общего уменьшения погибшего в годы войн и неурядиц населения страны, а также возникавшей вследствие этого благоприятной возможности вновь раздать каждому из уцелевших надел земли, дабы они исправно работали и платили налоги, вначале заметно уменьшенные.

Можно добавить ко всему сказанному, что иногда привычный цикл усложнялся за счет предпринимавшихся властями более или менее удачных реформ, с помощью которых кризис временно снимался усилиями сверху. В этих нередких случаях династийный цикл как бы прерывался посередине. Но вскоре процесс начинался заново, завершаясь, как обычно. К числу удачных реформ относились те, которые реально гасили кризисные явления. Реформы Ван Мана, при всей их комплексности и потенциальных возможностях, к ним отнести нельзя. Первая династия Хань пала жертвой кризиса. Начало второй династии Хань было связано с его преодолением. Но прошло немного более века – это довольно обычный срок в рамках цикла, о котором только что шла речь, – и состояние процветания, в котором находилось ханьское государство, вновь пришло к концу. Во второй четверти и особенно с середины II в. стали все ошутимее проявлять себя симптомы дестабилизации, а затем и нового приближающегося кризиса.

Процесс обезземеливания крестьян с начала II в. шел все возрастающими темпами, как за счет поглощения земель богачами, так и в процессе своего рода коммандации, т. е. добровольной отдачи своих земель, себя и своей семьи под покровительство сильного дома с целью получения от него защиты в смутное время, связанное с ослаблением эффективности власти центра. Явление это, хорошо знакомое и другим обществам в периоды феодальной раздробленности и междоусобиц, приводило к формированию устойчивых патронажно-клиентных связей, что в конечном счете опять-таки усиливало позиции сильных домов и ослабляло позиции казны. Процесс протекал на фоне очередного острого политического кризиса в ханьском императорском доме: начиная с II в. власть правителей ослабевала за счет усиления временщиков из числа родни влиятельных императриц. Активную роль в политике вновь стали играть евнухи, имевшие уникальную возможность быть

опосредующим звеном между внутренними покоями двора и внешними связанными с гаремом силами. Усиление временщиков и евнухов влекло за собой неизбежное ослабление позиций служилой конфуцианской бюрократии, вплоть до высших сановников империи.

Следствием всего этого был не просто упадок власти, но также и рост произвола и беззаконий, особенно со стороны влиятельных временщиков, стремившихся не упустить свой час. Беззакония и произвол в свою очередь рождали в народе резкое недовольство, находившее свое наиболее заметное отражение как в росте волнений и восстаний, так и в усилении так называемой чистой критики со стороны влиятельных конфуцианцев, включая и многие сильные дома. Центром критики стали учащиеся столичной школы Тай-сюэ, где готовились кадры чиновников. В 60–70-е годы II в. борьба между чиновниками и сочувствовавшими им конфуцианцами с их чистой критикой, с одной стороны, и временщиками и евнухами – с другой, обострилась до предела. Страна была на грани политического краха.

Именно в это время начал набирать силу все возраставший социальный протест, принявший форму сектантского движения под лозунгами даосизма. Последователи философского даосизма Лао-цзы и Чжуан-цзы к этому времени трансформировались в сторонников даосизма религиозного, в центре которого оказались извечные крестьянские идеалы «великого равенства» (тай-пин) и надежды на мистические методы достижения долголетия и бессмертия. Глава секты «Тайпиндао» Чжан Цзюэ, прославившийся искусством врачевания и, по преданию, спасший в тяжелые годы эпидемии множество стекавшихся к нему и веривших в его чудодейственную силу людей, на рубеже 70–80-х годов неожиданно оказался во главе многочисленной и активной секты сторонников нового «желтого» неба, которое в 184 г. (начало очередного 60-летнего цикла, игравшего в Китае роль века) должно было прийти, по представлению сектантов, на смену погрязшему в пороках «синему» небу Хань. Покрывшие свои головы желтыми повязками сторонники секты планировали именно в этот сакральный момент поднять восстание, о чем было известно уже всем в Китае.

Власти попытались было предупредить восстание, которое вследствие этого началось преждевременно, что сказалось на его ходе и результатах. Первые успехи восставших оказались недолгими и в конечном счете движение потерпело поражение. Однако подавление восстания Желтых повязок оказалось пирровой победой для Хань: имперская администрация и двор вскоре после этого потеряли всякое влияние на ход событий, а главную роль в деле окончательного подавления рассеявшихся по стране мятежников и во всей последовавшей за этим политической борьбе стали играть удачливые военачальники, опиравшиеся на сильные дома. Можно считать, что с этого момента – с конца II в. – на передний план в жизни Китая на несколько веков вышли военные, а военная функция стала ведущей в политической жизни распавшейся на части бывшей империи.

Эпоха Троецарствия (220–280) и империя Цзинь

Конец II и начало III в. прошли в Китае под знаком внутривластных междоусобиц, в ходе которых на первый план вышло несколько наиболее удачливых полководцев. Один из них, знаменитый Цао Цао, господствовал на севере, в бассейне Хуанхэ, где в 220 г. его сын Цао Лэй провозгласил себя правителем государства Вэй. Другой, Лю Бэй, претендовавший на родство с правящим домом Хань, вскоре объявил себя правителем юго-западной части страны Шу. Третий, Сунь Цюань, стал правителем юго-восточной части Китая, царства У. Возник феномен Троецарствия, короткая история которого овеяна в китайской традиции ореолом рыцарского романтизма – достаточно напомнить о романе «Троецарствие», написанном тысячелетие спустя и красочно, в героических тонах повествующем о событиях III в.

Как упоминалось, военная функция в это время была практически ведущей в Китае. Страна, разоренная долгими десятилетиями восстаний и междоусобиц, безвластия и насилия, уже давно забыла о спокойной жизни. Даже в землепользовании едва ли не главной формой стали так называемые военные дворы (в царстве Вэй, по некоторым данным, они составляли до 80% податного населения) и военные поселения. В военные дружины превратились и клиенты сильных домов – да и как иначе можно было защитить себя и свое имущество в то смутное время? Выход на передний план военной функции возродил в среде китайской образованной

части населения феномен рыцарского романтизма, столь характерный в свое время для периода Чуньцю, в VII–VI вв. до н. э. и прославленный в историографической конфуцианской традиции. Идеи верности и преданности патрону до гроба, культ рыцарской этики и аристократизма, боевое братство и спаянность единомышленников-друзей – все это в суровых условиях военных лет не только возродилось, но и стало на некоторое время как бы первоосновой реального политического бытия. И если все эти не столько даже новые, сколько заново расцветшие институты не изменили кардинально структуры китайского общества, то причиной этого были давно уже устоявшееся конфуцианское отношение к миру и обществу и соответствующим образом ориентированные конфуцианские политические институты.

Дело в том, что в традиционном китайском обществе статус военного не был почетен – «из хорошего металла не делают гвоздей, хороший человек не идет в солдаты». Конечно, временами без войн и военных не обойтись. Но это не основание для того, чтобы считать военное дело престижным занятием. В отличие от других восточных обществ, от Турции до Японии, включая арабов, индийцев и многих других с их иктадарами, джагирдарами, тимариотами, самураями и т. п., китайцы никогда не ценили воинов-профессионалов. Их армия обычно набиралась из деклассированных элементов (откуда и приведенная выше поговорка) и возглавлялась малообразованными в конфуцианском смысле и потому не очень уважаемыми обществом военачальниками. Только в те годы, когда военная функция оказалась ведущей, ситуация менялась. Но и тогда статус военного не становился слишком почетным, а как только нужда в большой армии исчезала, уходили в прошлое военные дворы и военные поселения.

И наоборот, в Китае всегда, даже в периоды смут и усобиц, высоким социальным статусом и соответствующим престижем пользовались грамотные и образованные конфуцианцы, знатоки истории и ценители поэзии, люди мудрые и ученые, хорошо знакомые с высокими тонкостями нормативной этики и пышного, детально разработанного китайского церемониала. Собственно, речь идет о том самом слое служивых ши, который сформировался еще в Чуньцю и из которого вышли мудрецы, министры и реформаторы древнего Китая. Постепенная конфуцианизация этого слоя в Хань и концентрация большинства его представителей в бюрократическом чиновничестве и сильных домах привели к появлению нового качества, т. е. к превращению древних служивых ши в тип духовной элиты страны, чье поведение и чьи идеи призваны были отражать и формулировать общественное мнение, причем обычно в его самой бескомпромиссной и теоретически рафинированной форме («чистая критика»). Таким образом, выработывался жесткий стереотип, своего рода китайский конфуцианский генотип, носителями которого были аристократы конфуцианского духа и который с честью выдержал испытание временем, содействуя каждый раз возрождению конфуцианской китайской империи. А добиться этого в III–VI вв. было нелегко, ибо помимо выхода на авансцену военных и общего огрубления жизни возникли в то время и некоторые иные моменты, прямо провоцировавшие кардинальные перемены в жизни Китая, – речь идет о вторжении кочевников, о проникновении в страну буддизма, об ассимиляции не китайского (в культурном плане) населения юга страны.

Краткий период Троецарствия, приведший к образованию двух самостоятельных государств на слабо освоенном до того юге Китая, способствовал освоению юга. Далекое не случайно именно в южных царствах, особенно в лесных и горных районах Шу, военная доблесть полководцев Чжугэ Ляна или Гуань Юя (впоследствии обожествленного, ставшего богом войны Гуань-ди) имела особый смысл и оказалась прославленной в веках. Что касается внутривосточных событий, то наиболее драматический характер они имели в северном Вэй, где потомки Цао-Цао уже к середине III в. утратили власть, перешедшую к могущественному клану полководца Сыма. В 265 г.

Сыма Янь основал здесь новую династию Цзинь, которой вскоре, в 280 г., удалось подчинить себе Шу и У, объединив под своей властью снова весь Китай, правда, лишь на несколько десятилетий.

Объединение страны в 280 г. функционально было как бы концом очередного династийного цикла, что и нашло свое отражение в реформах Сыма Яня: согласно декрету от 280 г. все население страны получало семейные надельные земли (70 му мужчине, 30 му женщине); за право их обработки каждая семья обязана была обрабатывать другие земли (50 му мужчина и

20 му женщина), с которых казна брала налог. Условия пользования обоими наделами, как они изложены в источниках, не вполне ясны и вызывают различное толкование специалистов. Одно несомненно: указ о введении надельной системы был направлен на то, чтобы подорвать позиции частного землевладения сильных домов и предоставить всему населению страны возможность получить землю от государства на выгодных условиях.

В начале правления новой династии интересы централизации власти всегда требовали именно этого. Однако в данном случае реформа была, видимо, мертворожденной. Во-первых, потому, что одновременно с ней Сыма Янь, действовавший по традиции, имел неосторожность выделить своим родственникам крупные автономные уделы, превратившиеся вскоре в государства в государстве, что послужило после смерти основателя династии причиной мятежа («мятеж восьми ванов»), подавленного лишь в начале IV в. Во-вторых, из-за того, что у правителей новой династии практически не было ни времени, ни сил, чтобы проследить за проведением реформы в жизнь по всей стране, ибо с начала IV в. кочевые северные племена одно за другим стали вторгаться в Северный Китай, вследствие чего империя Цзинь прекратила свое существование, а на смену ей пришел период Нань-бэй чао, южных и северных династий.

Китай в период Нань-бэй чао (IV–VI вв.)

Трудно с точностью сказать, какие именно причины послужили основой для серии вторжений с севера, волна за волной захлестывавших Китай в IV в. Существует теория, суть которой сводится к тому, что циклические колебания климата, весьма сурово сказывавшиеся на образе жизни кочевников (холода – нехватка трав – бескормица и падеж скота), временами буквально толкали кочевые племена на перемену привычных мест и условий существования. Сами по себе такие перемещения для кочевников несложны и не несут угрозы окружающим. Но в исключительных ситуациях (гунны при Аттиле или монголы при Чингис-хане) натиск кочевников мог оказаться неотразимым и повлечь за собой далеко идущие последствия. Нечто в этом роде произошло в Китае: кочевые племена северной степной полосы, уже с Хань частично кочевавшие под строгим контролем властей в северокитайских степях южнее Великой стены, с начала IV в. стали проявлять невиданную прежде активность и склонность к массовым перемещениям на юг, в ту зону земледельческого хозяйства, которая явно не соответствовала их привычным условиям существования.

Сначала это было нашествие гуннов (сюнну), которые в 311 г. заняли Лоян, а в 316 г. – Чанань, после чего остатки династийных владений Цзинь оказались сконцентрированы лишь на юге и юго-востоке страны, в результате чего династия изменила свое название на Восточную Цзинь (317–420). Затем вслед за гуннами в Китай вторглись другие племена – сяньбийцы, цяны, цзе, ди и т. п. Все они шли волнами, одна за другой, причем после каждой из этих волн в Северном Китае возникали новые царства и правящие династии, иногда сосуществуя рядом. «Шестнадцать царств пяти северных племен» – так это именуют китайские источники. Для всех этих династий-царств, принимавших классические китайские названия (Чжао, Янь, Лян, Цинь, Вэй, Хань, Дай и др.), были характерны две политические тенденции.

Одна из них – варваризация привычного для оседлых китайцев образа жизни, включавшая невиданный в конфуцианском Китае разгул жестокости, произвола, пренебрежения к жизни человека, вплоть до массовых убийств, не говоря уже о царившей при дворах новых правителей обстановке нестабильности, заговоров, казней, переворотов и поголовном истреблении проигравших противников с их семьями. Эта варваризация и неустойчивость политической власти вызывала рост межплеменной вражды и массовое бегство китайцев на юг, в Восточную Цзинь. Вторая тенденция имела обратный характер и сводилась к активному стремлению воцарившихся племенных вождей кочевников использовать китайский опыт администрации и китайскую культуру для стабилизации своей власти, что вело к постепенной китаизации иноземных захватчиков, к тому же охотно бравших себе в жены китайянок. С течением времени вторая из этих противостоявших друг другу объективных тенденций вышла на передний план и стала ведущей. И хотя с каждой очередной волной иноземного нашествия эффект варваризации как бы возрождался, в конечном счете все волны были погашены мощью китайской конфуцианской цивилизации.

Нет слов, IV век оставил свои следы и в ней. Однако не стоит придавать – во всяком случае в плане исторической ретроспекции – слишком большое значение воздействию кочевников на Китай, как то подчас делается. Эффект китаизации в конечном счете не только нейтрализовал кратковременный процесс варваризации Северного Китая, но и добился большего: под воздействием китайской культуры наводнившие Северный Китай кочевники в V–VI вв. окитаились настолько, что к концу VI в. их потомки, включая и правителей, причем их в первую очередь, стали обычными китайцами. По меньшей мере с Хань в Китае бытовал афоризм: «Можно завоевать империю, сидя на коне, но нельзя управлять ею, сидя на коне», – и это как раз означало, что воздействие китайской культуры рано или поздно приводило к ассимиляции и китаизации любого завоевавшего страну этноса, тем более что завоевателями были сравнительно отсталые по сравнению с китайцами народы, чаще всего кочевники.

В конце IV в. политической раздробленности и междоусобицам на севере пришел конец: вождь одного из сяньбийских племен Тоба Гуй захватил власть на территории всего бассейна Хуанхэ и основал династию Северная Вэй (386–534). Ликвидировав соперников, правители династии Тоба стали проводить энергичную внутреннюю и внешнюю политику. В борьбе с южно-китайским государством Сун они одерживали успех за успехом, достигнув к концу V в. берегов Янцзы в районе ее низовьев. Внутренняя политика сяньбийских правителей сводилась к китаизации администрации, хотя этот процесс и был осложнен в 50–70-е годы V в. междоусобными распрями при дворе. Особо следует сказать об аграрной политике правителей из дома Тоба. Еще Тоба Гуй начал переселение китайских земледельцев поближе к столице, дабы обеспечить снабжение ее зерном. Переселение было чем-то вроде наделения крестьян землей за счет государства. Эта практика длительное время отшлифовывалась, пока в конце V в. после преодоления всех внутренних усобиц не наступило время для серии реформ в более широком масштабе.

Согласно указу от 485 г. была официально возрождена введенная двумя веками ранее Сыма Янем надельная система. Надел на мужчину равнялся 40 му (женщине – 20), но к семейному наделу добавлялись теперь дополнительные наделы на вола или раба, если они были (а в завоеванном кочевниками Северном Китае было и достаточно скота, и немало обращенных в рабов). Кроме того, каждая семья получала 20–30 му приусадебной садово-огородной земли, которая не подлежала спорадическим перераспределениям вместе с наделами пахотной земли, а закреплялась за двором как бы навечно. Чиновники, как то было и при надельной реформе Сыма, получали служебные наделы во временное условное владение, причем обрабатывали их земли обычные крестьяне, платившие налог не в казну, а владельцу служебного надела. Введение надельной системы не исключало существования частного землевладения сильных домов или храмов, равно как и казенного землевладения членов царского дома. Однако оно означало заметный сдвиг в сторону перераспределения земельного фонда и было направлено, как и реформа Сыма в 280 г., на ограничение различных форм частного землевладения. Одновременно введенная издревле известная в Китае административная система круговой поруки в рамках пятидворок тоже была призвана ослабить влияние богатых домов на местах.

Реформы Тоба Хуна, о которых идет речь, включали в себя также запреты носить сяньбийскую одежду и говорить по-сяньбийски при дворе. Всем знатным сяньбийцам было предложено сменить имена и фамилии на китайские. Правда, спустя несколько десятилетий, когда на смену единому северному сяньбийскому государству пришли два других (Северное Ци, 550–577 гг., и Северное Чжоу, 557–581 гг.), эти запреты были забыты, а вместо них наступила короткая эпоха так называемого сяньбийского ренессанса, т. е. возрождения среди правящих верхов сяньбийской культуры, включая и имена. Однако ренессанс был недолгим: в VI в. сяньбийский Северный Китай превратился по существу в китайский. И едва ли стоит этому удивляться: иноземцы составляли в Северном Китае едва 20%; все остальное население, несмотря на массовые миграции китайцев на юг, было китайским.

Что касается Южного Китая и так называемых южных династий, то их история в IV–VI вв. кое в чем заметно отличалась от северокитайской, хотя и были некоторые общие черты. То главное общее, что объединяло север и юг, заключалось в крупномасштабном перемещении народов, в их миграциях и ассимиляции. Как только север стал подвергаться варварским

вторжениям, сопровождавшимся массовыми уничтожениями и порабощением китайцев, сотни тысяч их, причем в первую очередь богатые и знатные, хозяева сильных домов и образованные конфуцианцы-ши, мигрировали на юг – всего, по некоторым подсчетам, до миллиона человек. Южные районы, сравнительно недавно присоединенные к империи и еще далеко не освоенные ею, были беспокойным местом. Именно там в эпоху Троецарствия велись нескончаемые войны, в которых принимали участие и аборигенные племена. Пришлые с севера раньше всего заселили плодородные речные долины, где стали активно выращивать рис. Рисовый пояс Южного Китая со временем стал основной житницей империи.

Пришельцы с севера, среди которых видное место занимала знать, включая и императорский двор (династия Восточная Цзинь), стали не только преобладать. Они принесли с собой довольно высокий уровень культуры, как материальной, так и духовной. Конечно, то и другое существовало на юге и до того, как были там свои сильные дома и конфуцианцы-ши. Но волна мигрантов с севера означала резкое ускорение процесса конфуцианизации южных районов, включая и колонизацию земель, и китаизацию населения, и ассимиляцию местных народов. Все это дало свои результаты. Уже с V в. на плодородных полях рисового пояса начали собирать по два урожая в год, что практикуется и поныне. На юге быстрыми темпами стали создаваться новые города, развиваться старые и возникать новые виды ремесел, расцветать торговля и товарно-денежные отношения.

Несмотря на то что южные династии тоже достаточно быстро сменяли друг друга (Сун, 420–479; Ци, 479–502; Лян, 502–557; Чэнь, 557–589; сосуществовавшая с ней Поздняя Лян, 555–587), в целом правление на юге более отвечало привычным китайским стандартам. Центральная власть в периоды ее укрепления проявляла заботу о пополнении рядов податных крестьян и даже временами пыталась организовать войны с целью освободить северные земли от кочевников, впрочем, без успеха. На юге сосредоточился центр китайской культуры: здесь жили выдающиеся ученые, поэты, мыслители, энергично развивался укрепившийся в Китае еще во II в. буддизм.

Справедливости ради нужно заметить, что правители северных династий тоже покровительствовали этой появившейся из Индии религии, развивавшейся вначале усилиями западных миссионеров. По всему Китаю, как на севере, так и на юге, активно строились буддийские храмы, создавались монастыри, которым отписывалось немалое количество земли с обрабатывавшими ее крестьянами. Буддизм попал в Китай в очень удачное для себя время: обстановка междоусобиц и варварских нашествий ослабила не только центральную власть, но и официальное конфуцианство, которое не сумело пресечь попытки чужой религии укрепиться в Китае. Что же касается противостоявших конфуцианцам даосов, то они даже помогли буддизму укрепиться: именно из их рядов выходили первые китайские буддисты, их термины и понятия использовались буддийскими монахами в качестве нужных китайских эквивалентов при переводе на китайский язык древних буддийских текстов на пали и санскрите. Ко всему этому стоит добавить, что в смутное время войн буддийский монастырь с его глухими стенами давал возможность страждущим найти приют, беглецам – покой и отдых, усталым интеллектуалам – необходимое уединение, возможность для спокойного общения. Все эти факторы помогли буддизму не только укрепиться в Китае, но и стать там процветающей религией, постепенно приспособившейся к условиям Китая и заметно китаизировавшейся.

И еще одно важное обстоятельство необходимо отметить: бежавшие на юг аристократы и знатоки конфуцианства, включая представителей известных в Китае сильных домов, принесли с собой в Южный Китай освященные конфуцианской этикой нормы социально-семейных отношений, в том числе практику совместного проживания нерасчлененными семьями, большими кланами, особенно характерную для социальных верхов. Хотя подобная практика была, видимо, неплохо знакома и не слишком еще развитому местному населению, важно в данной связи отметить одно: именно социальные верхи, осев на юге в наилучших местах, способствовали укреплению в южных районах Китая поселений кланового типа, подчас однокланового. Южный Китай стал и средоточием китайской традиционной культуры (обогащенной буддизмом), и образцом конфуцианских норм кланового общежития, и вообще конфуцианских этических ценностей. Все это со временем начинало цениться и на севере, где выходцы из Южного Китая в V–VI в. пользовались немалым почетом, а иногда и приобретали

высокие посты и соответствующий официальный престиж.

В заключение стоит обратить внимание на специфику сложившейся в Китае в IV–VI вв. ситуации: все многочисленные и весьма непростые политические, этнокультурные, социальные и экономические процессы, которые в своей совокупности в иной конкретно-исторической ситуации вполне могли бы кардинально изменить облик государства либо направить его дальнейшее развитие по несколько иному пути – как это случилось, скажем, с Ближним Востоком и даже частично с Индией после исламизации, – в конфуцианском императорском Китае ни к чему похожему не привели. Не стало империи, было сильно ослаблено официальное конфуцианство, но глубинная основа того и другого, отработанная еще в Хань и приобретающая силу социального генотипа, во многом определяла эволюцию страны в период ее раздробленности и ослабленности. Пережив эпоху Нань-бэй чао, страна возродилась, а с ней восстановилась и конфуцианская империя.

Глава 9

Китайская конфуцианская империя в период расцвета (VI–XIII вв.)

Процесс китаизации как варваризованного севера, так и энергично осваивавшегося юга, в ходе которого основные ценности китайской конфуцианской культуры, включая и политическую (система администрации, принципы взаимоотношений государства и общества и т. п.), были заново широко распространены по всему Китаю, создал, как это было и тысячелетием раньше при Цинь Ши-хуанди, серьезные предпосылки для объединения страны. В 581 г. полководец царства Северное Чжоу Ян Цзянь, проведенный незадолго до того ряд успешных войн и, в частности, разгромивший северокитайское царство Ци, объединил весь Северный Китай под своей властью, провозгласив новую династию Суй (581–618). Уничтожив вскоре после этого южнокитайское государство Чэнь, Ян Цзянь (суйский Вэнь-ди) оказался во главе объединенного им Китая.

Придя к власти, Вэнь-ди провел ряд важных реформ, направленных на укрепление централизованного государства. Были унифицированы меры и выпущены новые стандартные монеты, упорядочены налоги и отменены все чрезвычайные поборы. Центральной частью реформ, как это всегда бывало в аналогичной ситуации, оказалось решение острых проблем землевладения и землепользования. Отталкиваясь от принципов северокитайской надельной системы (реформы Сыма Яня в 280 г. и Тоба Хуна в 485 г.), император сделал все, что мог, дабы выбить почву из-под ног сильных домов. Каждый пахарь должен был иметь свое поле и платить налог государству – примерно таким был девиз Вэнь-ди. В основе обновленной им аграрной надельной системы лежал принцип права каждого мужчины, каждой женщины и вообще каждого взрослого, вплоть до раба (раб в Нань-бэй чао привычно воспринимался в качестве младшего члена семьи), на земельный надел: 80 му – мужской, 40 – женский. С семейного среднего надела (120 му) взимался небольшой налог в три даня (дань – примерно центнер) зерна. Кроме того, существовала промысловая подать (женщина сдавала в казну шелк или пряжу) и трудовая повинность (20 дней в году для мужчин). Был произведен тщательный учет населения и выявлено свыше 1,5 млн. крестьян, не входивших ранее в списки податных. Кроме того, сравнительно щедрое наделение земель побудило суйские власти нарезать целинные и залежные земли, что привело к невиданному прежде росту клина возделываемых полей – с 19,4 до 55,8 млн. му за немногие десятилетия правления династии Суй.

Не все эти земли, однако, возделывались крестьянами, получившими наделы от государства. Часть земельного клина по-прежнему находилась в распоряжении титулованной знати и чиновников, чьи служебные и жалованные земли обрабатывались крестьянами тех мест, где эти земли располагались. Нет данных, которые свидетельствовали бы о том, на каких началах обрабатывались эти категории земли. Но следует полагать, что условия были для земледельцев приблизительно такими же, – в противном случае ничто не мешало крестьянину уйти на новые места и получить собственный надел, щедро выделявшийся каждому. Что же касается бывших сильных домов, количество и влияние которых в Суй стали быстро уменьшаться, то следует предположить, что надельная система Вэнь-ди коснулась и их. И хотя

на всех своих рабов и клиентов сильный дом мог получить в совокупности достаточно большое количество земли (т. е. сохранить значительную часть того, что имел), да к тому же на сравнительно льготных условиях (с раба и, видимо, с зависимого налог брался в половинном размере, хотя надел ему давался полный), эпоха процветания таких хозяйств была уже позади, что следует считать естественным для периода господства сильной централизованной власти.

В 605 г. Вэнь-ди заменил его сын – знаменитый суйский Ян-ди, заслуженно снискавший себе репутацию деспота под стать Цинь Ши-хуанди. Действуя весьма жесткими силовыми методами, хотя и ориентируясь при этом на конфуцианство как идейную основу, Ян-ди стремился создать мощную империю. В пышно отстроенную им столицу Лоян он переселил 10 тыс. богатых семей из разных районов страны, оторвав их от родных мест и поставив под свой контроль, – метод, примененный в свое время и Цинь Ши-хуанди. В районе Лояна были выстроены роскошные дворцы, а также огромные зернохранилища, причем для транспортировки налогового зерна с юга, который стал уже основной житницей страны, был вырыт Великий канал, связавший Янцзы с Хуанхэ. На обслуживании этого сооружения со всеми его шлюзами и иными устройствами было занято, по некоторым данным, до 80 тыс. человек.

Ян-ди предпринял работы и по реконструкции Великой стены, которая за тысячелетие пришла в упадок. Едва ли это сооружение могло сыграть серьезную роль в деле защиты от вторжений кочевников – а именно для этого оно было в свое время задумано. Практика показала, что стена вторжениям не мешала, разве несколько осложняла их, заставляя кое-где делать объезды. Но как символ, как дело престижа, как желание показать, что в дальнейшем империя вторжений с севера допускать не намерена, ремонт стены был вполне уместным. Словом, суйский Ян-ди вел одновременно несколько колоссальныхстроек, каждая из которых требовала миллионов рабочих рук и огромных средств, не говоря уже о том, что оказывалась могилой для десятков, а то и сотен тысяч людей. Если прибавить к этому, что параллельно Ян-ди пытался вести активную внешнюю политику и постоянно воевал – то с Тюркским каганатом, то во Вьетнаме, то в Корее, – ситуация прояснится еще больше. Как то было и во времена Цинь Ши-хуанди, страна не выдержала тяжести возложенного на нее бремени.

В 614 г., после нескольких безрезультатных и очень дорого обошедшихся империи походов в Корею, в Китае одно за другим стали вспыхивать восстания. К выступлениям крестьян вскоре присоединились заговоры недовольной правлением Ян-ди знати. Император был вынужден бежать из столицы, но это ему не помогло: Ян-ди был убит, а правителем новой династии Тан провозгласил себя один из его военачальников и родственников по женской линии Ли Юань.

Расцвет империи при династии Тан (618–907)

Ли Юань и особенно его сын Ли Ши-минь (Тай-цзун, 626–649) заложили фундамент процветания китайской империи. Было покончено с крестьянскими восстаниями (руководитель наиболее заметного из них, Доу Цзянь-дэ, провозгласивший было себя правителем созданного восставшими государства, был предан казни); прекращены траты на дорогостоящие престижные стройки, более умело стала вестись внешняя политика, что не замедлило дать результаты: в 630 г. тюрки были разгромлены, их султан Селим попал в плен, а значительная часть каганата вошла в состав Китая. Но главное, что способствовало стабилизации танского Китая, – это хорошо продуманная внутренняя политика первых правителей династии.

По декрету 624 г. была подтверждена в чуть измененном виде надельная система: женщины (если в семье был мужчина) земли не получали, мужчины получали по 80 му, женщины-вдовы – по 30 му (при этом они освобождались от налогов). Зерновой налог с мужского надела равнялся двум даням, причем некоторые категории семей имели налоговые льготы. Как и прежде, все наделы считались временными, т. е. давались от имени государства на период трудоспособности и соответственно регулярно перераспределялись, для чего всюду велись строгие реестры тяглых и свободных от тягла, владевших наделами разных категорий, а также беглых, пришлых и иных жителей. Пришлые обычно получали для обработки наделы беглых на правах своеобразной аренды от имени деревни – ведь вместе с надельной системой

восстанавливался и принцип круговой поруки, так что пятидворка, да и деревня в целом отвечали за выплату налога каждым, включая и беглых. К слову, беглых никто и никогда не преследовал. Любой мог по разным причинам покинуть дом и надел, причем за ним долго еще сохранялось право вернуться и получить свой дом и участок – в этом случае занимавший то и другое пришлый должен был безропотно отступить. Но это была только правовая норма; реальная же практика обычно сводилась к тому, что пришлые – те же беглые, из других мест – приживались на новых местах, хотя и имели при этом несколько менее выгодный в правовом плане статус.

Важно добавить, что аграрная система в целом была много сложнее, чем она только что была описана. В тех районах, где земли не хватало («тесные» районы), наделы соответственно уменьшались. Там, где ее было вдоволь, земли давались щедро, нередко с расчетом на трехпольный севооборот. Определенную долю обычного надела могли дать на нетрудоспособных и престарелых. Что касается казенных полей, то титулованной знати их давали в наследственное пользование, правда, не в вечное, ибо, согласно китайским правовым нормам, степень знатности понижалась с каждым поколением на ступень, а после пятой ступени исчезала вовсе. Другая часть казенных земель, как обычно, предоставлялась чиновникам в качестве служебных наделов, т. е. должностных земель на срок службы. В том и другом случае имелось в виду не столько владение казенными землями, сколько право на ренту-налог с указанных земель.

Земельная реформа и реализация налоговой системы в рамках наделного землепользования обеспечили казну регулярным притоком дохода, а государство – необходимой рабочей силой (трудовые повинности). То и другое способствовало укреплению инфраструктуры империи – строились дороги, каналы, дамбы, дворцы, храмы, целые большие города. Расцветали ремесло и торговля, включая казенное ремесло, где обычно сосредоточивались лучшие мастера высокой квалификации, работавшие в порядке трудовой повинности либо сверх этого по найму. Ремесло и торговля находились под строгим контролем государства, специальных чиновников, которые через посредство глав туаней и ханов (цехов и цехо-гильдий) строго регулировали каждый шаг городских жителей.

Вообще говоря, институционализация и даже в некотором смысле расцвет городов, ремесла и всей городской культуры начались в Китае в Чжоу и достигли немалого уровня в Хань. Этот процесс активно продолжался и в эпоху Нань-бэй чао, несмотря на смуты и неурядицы, особенно на юге страны, где до того городов было немного. При династии Тан развитие городов получило дополнительный импульс. Значительно увеличились размер и численность многих из них. Изменилась, прежде всего за счет буддийских храмов, их архитектура. Более строго-линейной, ориентированной по странам света, стала планировка кварталов, в частности в танской столице Чанани (совр. Сиань). В городах жили не только торговцы и ремесленники, хотя численно они и преобладали, по крайней мере вне столицы. Большое место среди городского населения крупных городов занимали чиновники, представители богатых сельских кланов, аристократы, монахи, армия слуг и обслуживавшего персонала, а также такие специфические группы населения большого города, как врачеватели, актеры, геоманты и иные гадатели и предсказатели, проститутки, нищие и пр. Как и везде на Востоке, окна в жилищах были обращены внутрь квартальных стен, кроме тех случаев, когда дом был одновременно мастерской и лавкой. Строго следили за порядком в городах специальные служители и подчиненная им городская стража. Они же отвечали за водоснабжение и соблюдение чистоты на улицах. В зажиточных домах были бани и бассейны. Существовали и городские платные бани. Многие городские улицы были вымощены камнем.

Конечно, всем этим город разительно отличался от деревни, даже если в деревне были дома богачей. Но в одном город был абсолютно одинаков с ней, в главном – в статусе и правах. В этом смысле город был всего лишь податной и административной единицей, не более, – ни прав, ни привилегий, ни гарантий. Напротив, еще жестче порядки, еще строже надзор, хотя бы потому, что следившие за этим органы расположены рядом, здесь же, в городе. Ведь города обычно бывали центрами провинций, областей, уездов.

В танское время империя была разделена на 10 провинций (дао), которые в свою очередь подразделялись на области (чжоу) и уезды (сянь). Области (или округа) и уезды различались по

размерам, населению, сумме налогов и соответственно делились на категории, что сказывалось на статусе и количестве (штатном расписании) управлявших ими чиновников. Но при этом все чиновники, вплоть до уездных, всегда назначались из центра и контролировались непосредственно им, что было важной особенностью централизованной административно-бюрократической системы Китая – особенностью, придававшей этой системе немалую силу и устойчивость.

Система государственно-административного управления страной была сложной, но достаточно стройной. При императоре существовал Государственный совет из наиболее видных сановников, включая подчас близких родственников правителя. Исполнительную власть представляли в нем обычно два канцлера (цзайсаны или чжичэны) – левый (он обычно считался старшим) и правый, каждый из которых ведал тремя из шести ведомств палаты Шаншунь, своего рода Совета министров. К первой группе ведомств относились управления чинов (подбор кадров и назначения по всей империи), обрядов (контроль за соблюдением норм поведения, охрана общественного порядка) и налогов (учет податных, распределение наделов, сбор налогов, земельный кадастр и т. п.). Ко второй – управления военными делами (содержание войск, охрана рубежей, военные поселения на границах и соответствующие назначения), наказаний (суды, кроме уездного, где этим ведал сам уездный начальник; тюрьмы, содержание преступников) и общественных работ (реализация трудовых повинностей, строительство, включая ирригационное). Работу исполнительных органов и всей государственной системы, прежде всего аппарата власти, чиновников, строго контролировали цензоры-прокуроры специальной палаты Юйшитай, которые имели большие полномочия, включая право подачи докладов на высочайшее имя. Кроме того, при дворе существовали еще две влиятельные палаты, ведавшие подготовкой императорских указов и протоколом, т. е. церемониалом.

На уровне провинций были свои чиновные управы во главе с наместником-губернатором; то же, но в меньшем объеме – на уровне областей и округов различных категорий. Уезд обычно был представлен лишь начальником, который, сам комплектовал свой штат помощников из числа местных влиятельных лиц, обычно готовых работать на общественных началах, что, однако, никак не равнозначно бескорыстной работе, и наемных служащих низшего ранга, т. е. писцов, служек, стражников и т. п. Власть уездного начальника была очень большой и потому обычно контролировалась наиболее строго. Она ограничивалась как сроком (не более 3 лет на одном месте с последующим перемещением на другое), так и местом службы (ни в коем случае не там, откуда чиновник родом).

Для того чтобы административная система и бюрократический аппарат действовали максимально эффективно, в империи уделялось особое внимание важной проблеме подготовки и принципов комплектования кадров чиновников. Этой проблемой много занимались в свое время и конфуцианцы, начиная с самого Конфуция, и легисты, в том числе Шэнь Бу-хай и Шан Ян. В Китае издревле существовало немало методов отбора чиновников, как общих для всего Востока и даже для всего мира (назначение близких родственников, приближенных, сподвижников правителя его личным указом, по его воле и выбору; предоставление должности по праву знатности либо родственной близости; назначение по рекомендации и протекции влиятельных лиц и т. п.), так и специфически китайских. К числу последних относятся классический конфуцианский принцип выдвижения мудрых и способных, за которых отвечали те, кто их рекомендовал, а также беспристрастный конкурс претендентов на должность. В танском Китае на первое место понемногу, но неизменно и со все большим успехом стал выходить конкурс, нашедший свое отражение в уже хорошо отлаженной системе экзаменов – в принципе той самой, что теперь благодаря китайцам хорошо известна и активно работает во всем мире: каждый в предельно объективных и равных для всех условиях демонстрирует свои знания и способности, отвечая на заранее не известные вопросы в устной либо письменной форме.

В танском Китае это делалось на специальных экзаменах на степень в уездных, провинциальных и столичных центрах, под строгим надзором специальных комиссий, присланных со стороны, причем в закрытом помещении и в письменной форме под девизом. Для успешной сдачи экзамена следовало хорошо знать сочинения древних, прежде всего

классические конфуцианские каноны, а также уметь творчески интерпретировать сюжеты из истории, отвлеченно рассуждать на темы философских трактатов и обладать литературным вкусом, уметь сочинять стихи. Все это, разумеется, в строго конфуцианском духе, с соблюдением соответствующей обязательной формы. Лучше других справившиеся с заданием (3–5% из числа кандидатов-абитуриентов) удостоивались желанной степени и, главное, получали право сдавать экзамен на вторую степень, а обладатели двух – на третью.

В танском Китае трехстепенная структура еще не была устоявшейся – существовали различные степени и варианты их соответствий. Но в общем для императорского Китая со временем ведущей стала именно трехступенчатая структура: сдавшие экзамен трижды, на всех трех ступенях, обладатели третьей высшей ученой степени цзиньши были как раз теми хорошо подготовленными и трижды тщательно проверенными конфуцианцами, из числа которых назначались чиновники на наиболее ответственные должности, низшей из которых была должность уездного начальника (в стране было около 1,5 тыс. уездов). И хотя успешная сдача тройных экзаменов не была единственным путем к должности, этот путь оказался наиболее выгодным для системы власти: кто как не хорошо знающий суть и принципы конфуцианства и доказавший свои знания в честном соперничестве с другими может наилучшим образом справиться с нелегким делом управления страной на официально принятых конфуцианских основах? При этом для системы как таковой совершенно несущественно, откуда, из какого социального слоя появился способный знаток официальной доктрины. Гораздо важнее то, что это хорошо образованный и потому надежный человек, который с немалым трудом шел наверх и потому будет ценить свое место и не за страх, а за совесть, по убеждению отстаивать все заповеди официальной доктрины, положенные в основу империи.

Что же касается вопроса о том, из каких же все-таки социальных слоев выходили наверх мудрые и способные, то здесь важно быть предельно четким. Да, в большинстве случаев это были потомки знати и чиновников, зажиточных земледельцев, для которых хорошее воспитание в конфуцианском духе было делом семейной чести (примерно так же, как и знание французского для русских дворян в начале XIX в.). Но в то же время хорошо известно, что с ростом престижа экзаменов среди всех слоев империи сильно развился стимул к учебе, к получению знаний. А так как формально каждый налогоплательщик имел право попробовать свои силы и испытать свой шанс, а в случае удачи сделать блестящую карьеру (ограничения были лишь для немногочисленной категории не плативших налоги неполноправных, цзянь-минь), практически из сказанного явствует, что появление способного мальчика в деревне всегда обращало на себя внимание односельчан и родни. Обычно находился богатый покровитель (из родни, клана, иной корпорации) либо коллектив, которые готовы были взять на себя расходы, связанные с обучением такого мальчика, ибо это сулило в случае удачи и престиж, и немалые материальные выгоды. Удача, разумеется, приходила далеко не всегда. Но в том случае, когда шанс бывал успешно реализован и выходец из низов выдвигался наверх, это оказывалось выгодным для всех родных и близких сделавшего карьеру, причем выгода была многообразная и постоянная, далеко не только материальная, хотя и она тоже.

Дело в том, что положение штатного, т. е. сдавшего экзамены, получившего степени и назначенного на подобающую должность чиновника было в китайской империи необычайно престижным и предоставляло немалую реальную власть. Формально в танское время чиновничество делилось на 9 рангов, да еще каждый из них имел две степени, основную и приравненную. Но фактически чиновником был тот, кто, пройдя конкурсный отбор, занимал высокую штатную должность и соответственно имел достаточно высокий ранг. Влияние и возможности такого чиновника в администрации империи были весьма велики – стоит вспомнить о гоголевском городничем, да еще принять во внимание, что, в отличие от этого городничего, китайский чиновник имел под своим началом не только уездный город, но и весь уезд, т. е. был в уезде и судьей, и ответственным за налоги, и любой другой властью.

Уложения, касавшиеся статуса и системы организации чиновников, землевладельцев и вообще всех подданных империи, их немногих прав и всеобъемлющих обязательств перед властью, а также вся система соответствующих регламентов были сведены воедино в танском своде законов из 500 статей в 12 разделах – уникальном в своем роде, особенно для Востока, сборнике указаний и запретов, разграничений и пояснений. Похожего типа сборник

существовал, видимо, и в Хань, но от него дошло до нас очень немного. Танский законник сохранился и весьма интересен как документ, свидетельствующий о взаимоотношениях в государстве и обществе, а также между государством и обществом. Из него, в частности, хорошо видно, кто управлял империей, кто был в ней если не господствующим классом в полном смысле слова, то во всяком случае в положении господствующего класса, кто выполнял функции этого класса. В законнике, помимо прочего, содержались статьи о праве «тени»: для высокопоставленных чиновников их «тень» после их смерти падала на их ближайших потомков, детей и внуков, давая им определенные преимущества, в том числе и при определении на должность. Но стоит заметить в этой связи, что речь в данном случае шла об очень немногих, чей статус в этом смысле был приравнен к статусу родовой знати (их тоже было немного, и статус каждого из них с очередным поколением, как упоминалось, снижался). Во всех же остальных случаях статус чиновника практически не отражался на его детях – им следовало начинать все сначала.

Трансформация танского общества в VIII – X вв.

Успехи первых танских императоров, включая и внешнеполитические, в том числе завоевание некоторых территорий на севере, открытие вновь Великого шелкового пути, укрепление власти в других окраинных районах империи, позволили восстановить мощь Китая как великой азиатской державы. Однако эти достижения, сыгравшие свою немалую роль, продолжались не слишком долго. Кульминацией их можно считать годы правления танского Сюань-цзуна (713–755), совпавшие с периодом расцвета танской культуры и особенно ее поэзии (Ли Бо, Ду Фу) и вообще изящных искусств. Конец этого царствования, оставившего в памяти страны немало воспоминаний (стоит напомнить, в частности, о знаменитой фаворитке Ян Гуй-фэй, считающейся красивейшей женщиной в истории страны; красоту ее воспевали лучшие поэты Китая), был ознаменован началом упадка.

Во-первых, в стране получили большую власть военные наместники в окраинных районах, цзедуши (институт цзедуши был создан в 711 г. как раз в связи с необходимостью укрепить окраинные районы империи), причем один из них Ань Лу-шань, в 755 г. поднял восстание и заставил императора бежать из столицы. И хотя восстание в конечном счете было подавлено, царствование Сюань-цзуна на этом окончилось (бежавшего из столицы императора офицеры из его окружения заставили выдать им Ян Гуй-фэй, в которой они видели корень зла; после ее смерти сам император вскоре ушел из жизни). Его преемники сумели побороть всевластие цзедуши и восстановить пошатнувшуюся было централизованную администрацию, но это им обошлось недешево. Империя оказалась в состоянии, близком к критическому.

Во-вторых, критическое состояние империи объяснялось не только внутривластными раздорами. Хуже было то, что – в полном соответствии с закономерностями династийного цикла – стало резко ухудшаться положение в сфере аграрных отношений. Время, когда земли было много и власти заботились лишь о том, чтобы справедливо распределить ее, обложив каждого надельного крестьянина небольшим налогом, ушло в прошлое, выявившееся в годы мятежа ослабление централизованной администрации сказалось и на формах землевладения. Если и прежде изредка в виде исключения (скажем, нет денег на достойные похороны – дело первой важности в системе социально-семейных конфуцианских норм) разрешалось продать часть надела, то теперь практика купли-продажи наделов стала общераспространенной, причем в качестве приобретателей выступали богатые и власть имущие, в первую очередь имевшие власть и деньги-чиновники, а также городские торговцы, ростовщики и т. п. В императорских эдиктах Сюань-цзуна можно обнаружить немало требований запретить чиновникам скупать крестьянские наделы и установить наказания за скупку земель. Но ситуация явно выходила из-под контроля.

Результатом было перераспределение земель. Наделы крестьян уменьшались, а налог оставался прежним, отчего тяжесть его резко возрастала. В то же время проданная часть надела как бы ускользала от налогов. Нередко продавались неполные наделы – земли неустроенных и нетрудоспособных, вдов, которые имели официальные налоговые льготы или вовсе были освобождены от налогов. Все это вело к тому, что доходы казны уменьшались из-за того, что

оставшиеся в своих наделах крестьяне были просто не в состоянии выплачивать прежнюю налоговую норму. В то же время оставшиеся без земли крестьяне бедствовали, брали в аренду у богатых свои прежние наделы или работали на них в качестве батраков. За этот счет доходы частных лиц быстро росли, а положение в деревне становилось все более напряженным. Кризис явно наступал. Требовались решительные реформы, чтобы его предотвратить. И эти реформы последовали.

Согласно предложению канцлера Ян Яня в 780 г. государство отменило систему наделов и окончательно отказалось от контроля за перераспределением земли. Все дворы в строгой зависимости от их имущественного положения отныне были поделены на категории и были обязаны платить налог в соответствии с реальным количеством земли, причем дважды в год, летом и поздней осенью (система двух налогов, ляншуй). В зависимости от качества земли налог изменялся, но размер его был одинаков для всех категорий землевладельцев. Только низшие категории их в трудные годы получали льготы либо даже освобождение от налога. Не вполне ясен вопрос об арендаторах. Там, где пришлые (кэху) обрабатывали выморочную землю, они отныне были признаны ее владельцами и обложены общим для всех налогом. Там, где арендаторы обрабатывали чужую землю, особенно в хозяйствах богачей (барской запашки Китай, как и вообще Восток, практически не знал), они, видимо, налогоплательщиками не считались, хотя по статусу все-таки принадлежали к лян-жэнь (т. е. к платившим налоги, в отличие от цзянь-жэнь, неполноправных).

Некоторые специалисты подчас склонны преувеличивать значение реформы 780 г. в том смысле, что видят в ней грань, после которой надельные земли в Китае превратились в частные, чуть ли не свободно отчуждаемые. На деле это далеко не так. И прежде наряду с мелкими крестьянскими наделами в Китае были крупные землевладения сильных домов. И раньше существовала негласная практика отчуждения крестьянских земель, что и вело спорадически к кризисам в Китае. Принципиально в этом смысле ничего не изменилось: землевладельцы, являвшие собой для казны недифференцированную массу налогоплательщиков, всегда были совокупностью множества мелких и средних и небольшого количества крупных сельских хозяев. Изменилось лишь то, что теперь крестьянские земли с большей легкостью, нежели прежде, т. е. практически почти официально, могли переходить из рук в руки, становились объектом купли-продажи. Впрочем, это никак нельзя считать наступлением иного отношения к земле, превращением ее, скажем, в легко отчуждаемую частную собственность. Владение землей по-прежнему находилось под строгим контролем властей, для которых не было безразличным, кто владеет полем и насколько исправно платит налоги. Государство по-прежнему всегда было заинтересовано в том, чтобы каждый пахарь имел свое поле, чтобы низшие категории землевладельцев не разорялись и не лишались земли, чтобы крестьяне-хозяева не переходили в категорию безземельных арендаторов. Это было важным для государства как с социальной и политической точки зрения (неимущий и разоренный крестьянин шел в ряды мятежников), так и с экономической (богатые дворы, особенно возглавлявшиеся чиновниками, обычно находили пути для того, чтобы избежать уплаты налога либо уменьшить его квоту, что всегда наносило ущерб казне).

Система ляншуй не слишком много дала танскому Китаю. Но она все-таки на время сняла остроту кризиса и тем самым продлила династийный цикл, так что в целом ее введение следует считать вполне удавшейся реформой. Но уже в первой половине IX в. положение в стране вновь стало ухудшаться. В 845 г. танские императоры были вынуждены прибегнуть к конфискации земель буддийских монастырей, которые оказались слишком уж богатыми и процветающими на фоне оскудевавшей казны. Но и это помогло ненадолго. В конце IX в. в стране разразилось мощное восстание крестьян под руководством Хуан Чао, в 881 г. занявшего столицу и провозгласившего себя императором. Восстание было подавлено, но танские императоры так и не смогли более вернуть себе прежнюю власть. Наступил период разброда и междоусобных войн («пяти династий и десяти царств», как именуют его в китайских источниках), продолжавшийся более полувека (907–960), после чего появилась новая династия.

Китай в период Сун (960–1279)

Сунский период в истории Китая тоже считается временем расцвета – во всяком случае в сфере экономики, культуры, администрации. Несколько иначе обстояло дело с внешней политикой и проблемой суверенитета империи. В известном смысле можно сказать, что все три столетия Сун прошли под знаком успешного натиска северных кочевых племен и малоуспешных попыток сунской империи отразить этот натиск. Порой приходилось даже от него откупаться. Все началось с середины X в., когда сунский Китай еще даже не возник.

В начале X в. протомонгольская этническая общность киданей, обитавшая на северо-восточных рубежах китайского государства и в процессе трибализации многое впитавшая в себя в результате достаточно длительных контактов с китайцами, с китайской культурой, стала быстрыми темпами развиваться и консолидироваться. В годы, когда китайская империя была в состоянии политического разброда, Апока из рода Елюй захватил верховную власть в племени и провозгласил себя императором. Основанное им государство с 947 г. получило китайское наименование Ляо (существовало с 916 по 1125 г.). Войны с разрозненным Китаем принесли молодому государству успех: в 946 г. кидани даже ненадолго захватили столицу одного из китайских царств Кайфын. Активно укрепляясь на севере Китая, кидани добились того, что часть захваченных ими китайских земель вошла в состав Ляо.

Китайцы и корейцы помогли наладить в Ляо основы управления; на китайской иероглифической базе из китайских элементов письма была создана своя письменность (пока не расшифрованная); развивались города, ремесло, торговля, причем и здесь преимущественно за счет китайцев и корейцев. Сформировавшаяся в 960 г. империя Сун попыталась было отбить у Ляо северокитайские земли, но не преуспела в этом. Больше того, по унижительному для Китая мирному договору, заключенному в 1004 г., когда кидани вновь были у стен Кайфына, теперь уже столицы Сун, империя вынуждена была согласиться платить Ляо дань – 200 тыс. штук шелка и 100 тыс. лянов серебра ежегодно. Договор 1042 г. еще более увеличил размеры дани – до 300 тыс. штук шелка и 200 тыс. лянов серебра. Однако и это не помогло: в 1075 г. сунский Китай был вынужден уступить киданям еще несколько северокитайских округов.

Но кидани были не единственным серьезным врагом сунского Китая. На северо-западных его окраинах, к западу от киданей, на рубеже X – XI вв. сложилось крупное государство тангутов – Западное Ся. Вначале тангутские вожди, потомки одной из ветвей древних цянов, признавали вассальную зависимость от империи Сун и многое, как и кидани, заимствовали от китайской культуры. Но затем они усилились и перешли к военным экспедициям против сунских правителей, отторгнув от Китая часть провинций Шэньси и Ганьсу. Приняв в 1038 г. титул императоров, тангутские предводители еще усилили натиск на сунский Китай и по мирному договору 1047 г. заставили его, следуя примеру киданьского Ляо, платить ежегодную дань (100 тыс. штук шелка и 30 тыс. цзиней чая).

Нельзя сказать, чтобы сунские императоры вовсе не стремились к организации отпора северным соседям. Напротив, они заботились об этом, в частности, уделяли много внимания своей армии, достигавшей в середине XI в. полутора миллионов. Однако, будучи напуганы военными мятежами танских цзедуши, сунские императоры сознательно ослабили роль военачальников, что не могло не сказаться на боеспособности армии. В целом стоит заметить, что ставка на умеренные уступки противнику, пусть даже унижительные для престижа Поднебесной империи, при сохранении внутривосточной стабильности в стране вполне себя оправдала: период Сун, несмотря на неудачи во внешнеполитических делах, справедливо считается эпохой расцвета Китая, о чем уже говорилось. В чем же это проявлялось?

В сунском Китае продолжался процесс экономического развития. Увеличилось количество городов, причем они становились все больше, богаче, многолюднее. Расцвели новые виды ремесел; китайские ремесленники научились делать те изысканные вещи, которые и поныне являют собой национальную гордость страны и имеют музейную ценность, будь то знаменитый сунский фарфор, изысканные тонкие шелка, изделия из лака, дерева, слоновой кости и т. п. Именно в сунское время были изобретены порох и компас, стало широко распространяться книгопечатание в форме знакомой частично еще и танскому Китаю ксилографии (оттиски с резных досок, на которых зеркально вырезаны ряды иероглифов; до 1000–1500 отпечатков с доски, вполне приличный тираж даже и для нашего времени). Немалых

успехов достигло сельское хозяйство, включая новые агротехнические приемы, искусственно выведенные урожайные сорта зерна, культивацию индийского хлопка и многое другое.

Аграрная политика сунских императоров сводилась в принципе к тому же, что и всегда: крестьяне должны быть обеспечены землей и платить в казну налоги. Однако отказ в 780 г. от наделной системы сделал выполнение такой задачи делом весьма нелегким. Что касается земель категории гуань-тянь, т. е. казенных (владения знати и двора, храмовые и чиновные земли), то они обычно обрабатывались сидевшими на них крестьянами, которые платили налоги владельцам земли. Частично эти земли могли, видимо, сдаваться в аренду на договорных началах. С землями категории минь-тянь, которые составляли основу земельного фонда империи, дело обстояло сложнее. По статусу все владельцы были в одинаковом положении: каждый из них был обязан платить казне в среднем доу (10 литров) зерна с му, примерно 1,5 центнера с га. Но это в среднем. Реально же в наиболее выгодном положении оказывались те, у кого земли было больше (и часть ее соответственно можно было сдать в аренду) и у кого она была лучше, т. е. давала большие урожаи. Рост числа крупных землевладельцев, как о том уже не раз говорилось, был невыгоден для государства, ибо объективно сокращал доходы казны и способствовал разорению крестьян. Именно этим объяснялись различные налоговые льготы для бедных и неполномерных крестьянских дворов. Но, несмотря на все, количество крестьян-землевладельцев снижалось, а число арендаторов, особенно из числа пришлых, кэху, росло (после реформы 780 г. они лишились прежних возможностей получать бесхозные наделы и постепенно адаптироваться; теперь они были обречены на положение неполноправных и в большинстве не имеющих собственной земли арендаторов). Поземельные отношения такого типа вели к появлению в китайской деревне немалого слоя малоземельных и безземельных, угнетенных и недовольных, что стало основой для крестьянских движений в XI–XII вв.; одно из них впоследствии было в художественной форме запечатлено в знаменитом китайском романе «Речные заводы» (XIV в.).

Земельный кризис, восстания крестьян и неудачи империи во внешней политике привели сунский Китай в середине XI в. на грань очередного кризиса. Считавшая себя ответственной за состояние страны конфуцианская элита стала предлагать правительству реформы. С проектом, призывавшим принять ряд мер с целью «обогащения государства, усиления армии и успокоения народа», как это было удачно выражено в заголовке соответствующего трактата, выступил один из реформаторов, Ли Гоу. Но наиболее концентрированное отражение движение за реформы получило в виде нововведений Ван Ань-ши, который получил назначение на пост канцлера в 1068 г. и на протяжении нескольких лет осуществлял свои реформы.

Смысл реформ Ван Ань-ши сводился, как то обычно бывало, к мерам, направленным на укрепление централизованной администрации, увеличение доходов казны и ограничение интересов и возможностей частного собственника. Был произведен обмер полей с целью упорядочить налогообложение, приняты меры для улучшения ирригационного хозяйства, что способствовало росту урожайности, введена практика государственного страхования под невысокий процент. Создание управления, ведавшего централизованными закупками зерна с тем, чтобы выбрасывать это зерно на рынок, когда цены на него вырастут (мера, хорошо известная еще древнекитайским реформаторам), было ударом по спекулянтам. Одной из реформ было также создание ополчения на рекрутской основе и учреждение централизованных arsenалов.

Следует заметить, что реформы вызвали большое недовольство многих и сильную оппозицию, так что вскоре после ухода Ван Ань-ши в отставку часть их была отменена либо не доведена до конца. Однако то, что было сделано реформаторами, сыграло свою роль и сняло кризисное напряжение в обществе. В немалой мере благодаря реформам Ван Ань-ши сунская династия сумела не только выжить в неблагоприятных для нее обстоятельствах, но и просуществовать еще около двух веков. Однако эти столетия страна уже мало походила на процветающую империю. Конечно, экономика и культура Китая продолжали быть на достаточно высоком уровне и даже производить неотразимое впечатление на путешественника, как, например, на Марко Поло, посетившего Китай в конце правления династии Сун. Но в сфере политики положение страны становилось все хуже. Вторая половина существования династии Сун прошла под знаком почти непрерывной борьбы империи за выживание.

Чжурчжэни (Цзинь) и южносунская империя

Чжурчжэньские племена, обитавшие на территории Южной Маньчжурии, издревле были связаны с Китаем, торговали с ним, а затем вошли в сферу влияния киданьской империи Ляо. Ускоренные темпы их развития в процессе трибализации – что следует в немалой степени отнести за счет постоянных контактов с более развитыми культурами и народами – привели на рубеже XI–XII вв. к возникновению у чжурчжэней протогосударственных образований и к появлению среди них влиятельных вождей. В 1113 г. правитель чжурчжэней Агуда выступил против киданей, захватил часть их земель и основал там собственное государство Цзинь (1115–1234), позже провозглашенное империей. Вначале сунские правители увидели было в Цзинь союзника в борьбе с киданями. Однако вскоре ситуация прояснилась. В 1125 г. киданьское Ляо было уничтожено чжурчжэнями часть киданей ушла на запад, где в районе рек Талас и Чу сложилось небольшое государство кара-китаев. Западное Ляо (1124–1211), откуда и пришел затем к русским этноним «китайцы», а новая империя Цзинь вторглась на территорию сунского Китая и стала постепенно поглощать ее. В 1127 г. был захвачен Кайфын и сам император с семьей оказался в плену у чжурчжэней. Один из сыновей плененного императора бежал на юг, в Ханчжоу, который и стал затем столицей новой, так называемой южносунской империи (1127–1280).

Победоносная армия чжурчжэней успешно продвигалась на юг и только полноводная Янцзы задержала ее продвижение. Со временем граница между Цзинь и южносунской империей установилась по междуречью Хуанхэ и Янцзы, в результате чего Северный Китай вновь, как и почти тысячелетие назад, оказался на длительное время в составе государства, в котором господствовали иноземцы. Правда, как то было и ранее, в этом государстве основной частью населения были по-прежнему китайцы, а сама чжурчжэньская родовая знать, едва слезши с коней, начала быстро китаизироваться, чему способствовало установление типично китайских норм, стандартов и стереотипов в различных сферах жизни Цзинь, от политической администрации до образа жизни населения. Тем не менее между Цзинь и южносунским Китаем отношения продолжали быть весьма сложными, чаще всего откровенно враждебными.

Вначале успешное вторжение чжурчжэней и вынужденное отступление за Янцзы вызвало в китайском обществе естественный патриотический порыв. Ведь южная часть Китая, в отличие от того, что было тысячелетием раньше, стала теперь почти стопроцентно китайской. Случившееся было воспринято там как национальная катастрофа. Крестьянские ополчения, созданные в свое время Ван Ань-ши, поднимались на борьбу, оказывали сопротивление захватчикам. Укреплялась и регулярная правительственная армия, причем в числе ее военачальников были талантливые и решительные полководцы, готовые на активную борьбу, как знаменитый Юэ Фэй (1103–1141), который в середине 30-х годов одержал несколько побед над чжурчжэнями и был, видимо, близок к тому, чтобы добиться большего. Однако южносунский двор, относившийся с явно выраженным недоверием и даже подозрением к удачливым полководцам, не был склонен способствовать успехам Юэ Фэя. Противостоявшая военачальнику группировка при дворе во главе с канцлером Цинь Гум вызвала в 1141 г. Юэ Фэя в Ханчжоу и заточила его в тюрьму, где он вскоре был казнен. После этого империя Сун заключила с чжурчжэнями очередной для нее унижительный мир 1142 г., согласно условиям которого чжурчжэням ежегодно выплачивалось 250 тыс. штук шелка и 250 тыс. лянов серебра.

Хотя мир был унижительным, а выплаты – весьма весомыми, для изнеженного, богатого и явно не готового к решительным военным действиям с храбрыми кочевниками сунского Китая это был по-своему логичный и даже в известном смысле удачный выход. Приняв такое решение и надолго обезопасив себя от вторжений с севера, южносунская династия просуществовала еще около полутора веков. И как ни трудно говорить о процветании в таких условиях, оно все-таки далеко не исчезло бесследно. Напротив, Южный Китай в XII–XIII вв. являл собой богатое и очень развитое в экономическом и социально-культурном плане государство, где в изобилии произрастали зерно и хлопок, чай и сахарный тростник, выделялись лучшие в мире шелка и уникальные изделия из фарфора, лака, керамики, серебра, бамбука и т. п. Великолепие

Ханчжоу, произведшего в свое время неизгладимое впечатление на Марко Поло, до того не видевшего, по его собственным словам, ничего подобного (хотя Марко был едва ли не больше всех повидавшим на свое веку европейским путешественником), говорит само за себя.

Но ведь южносунский Китай был не только развитым экономически государством. Это был и центр высокоразвитой духовной культуры, средоточие китайской философской мысли в ее едва ли не наивысшем для императорского Китая проявлении. Именно здесь расцвел феномен неоконфуцианства – учения, поставившего своей целью не просто реформировать и обогатить древнюю почитаемую доктрину за счет новых идей, но и как бы вдохнуть в нее новую жизнь, заставить ее засверкать новыми гранями. Благодаря усилиям знаменитых мыслителей, наиболее выдающимся среди которых был великий Чжу Си, признанный их глава (1130–1200), феномен неоконфуцианства в его чжусианской форме стал вершиной китайской философии. Неоконфуцианство стало вслед за этим распространяться в соседних с Китаем странах и особенно активно – в Японии.

В сунское время невиданного расцвета достигла и китайская живопись. В это время жили и работали лучшие в истории Китая художники, объединенные вокруг специальной Академии живописи. Написанные ими свитки до наших дней являют собой украшение многих музеев мира. Среди сунских художников были и признанные теоретики живописи, авторы почитаемых трактатов. Были и мастера тонкого пейзажа, любители изображений цветов и птиц. В числе таких мастеров были и некоторые из сунских императоров, работавшие под псевдонимами.

Не прошел бесследно для китайской мысли и сам исторический факт разделения Китая на север и юг. Хотя такой раздел не был новым для страны, он все же сыграл свою роль. Во-первых, в том плане, что раздел страны на части и господство на севере иноплеменников внесли дополнительные акценты в те пусть небольшие, но заметные этнические различия, которые на протяжении веков складывались и закреплялись отдельно на севере и на юге, – различия в языке (диалектах), в культуре, даже в пище и одежде. Конечно, эти различия не следует переоценивать. Они в конечном счете не повлияли на то, что китайцы и на севере, и на юге оставались китайцами, – для этого были достаточно сильны связывавшие всех их воедино выработанные еще в древности основы духовной культуры, принципы жизни, нормы привычного бытия, отношений в семье, обществе и т. п. Но все же отличия были, причем, по оценке современников, проявлялись в некоторой изнеженности южан, противопоставлявшейся твердости и решительности северян, как то было сформулировано, в частности, одним из сунских реформаторов Ли Гоу.

Во-вторых, существенное воздействие на образ и привычные стереотипы и штампы мышления оказали реальные политические взаимоотношения китайцев с их северными соседями – тангутами, киданями, чжурчжэнями. Китайцы издревле привыкли мыслить себя и свое государство в терминах «Поднебесной», «Срединной империи», окруженной отсталыми и ничтожными варварами. И вот эти «варвары» оказались чуть ли не в положении господствующего этноса, которому Китай платит дань. Трудно было смириться с реальностью – но приходилось. Не то чтобы китайцы отказались от привычных стереотипов мышления в категориях Поднебесной империи и императора как сына Неба. Но им пришлось признаться самим себе, что одно дело – завещанные традицией и потому как бы незыблемые представления о величии и всемогуществе китайской империи, а совсем другое – реальная жизнь. Будучи по натуре прагматиками, они не переживали это слишком болезненно.

Глава 10 Закат китайской империи Юань, Мин, Цин

Строго говоря, однозначным термином «закат» характеризовать всю историю китайской империи после Сун не вполне справедливо: на протяжении шести с лишним веков после гибели южносунской империи под ударами монголов Китай знал и периоды упадка, и времена стабилизации, и порой даже некоторый расцвет, по крайней мере в сфере политики. Достаточно напомнить, что многие ныне окраинные районы этой страны были присоединены к ней именно в эти столетия его истории. И все же в целом на фоне расцвета Тан-Сун последующие века

были уже периодом если и не всегда упадка, то во всяком случае стагнации. Иными словами, движение вперед, пусть даже зигзагообразное, было сокращено в это время до минимума, кроме, разве что, развития демографического и связанной с этим существенной интенсификации сельского хозяйства.

Как только что было упомянуто, сунская империя пала под ударами монголов – тех самых, что вихрем промчались по всей Евразии в XIII в., оставив после себя разрушенные города, опустошенные поля, многие миллионы трупов. Что же представляли собой эти монголы в XIII в.?

Монголы и династия Юань (1280–1368)

Сам термин «монголы» восходит лишь ко временам Чингис-хана. До того собственно монголы были лишь частью большей этнической общности сибирских татар и именовались, в отличие от остальных, «черными татарами». Едва ли вообще можно говорить о монголах как о сложившейся этнической общности (пусть даже просто «черных татар») ранее, нежели применительно к XII в. До того существовали лишь протомонгольские этноплеменные группы и народы, одним из которых были кидани (речь о монгольском языке и этносе, но не о монголоидности как расовом типе!). Протомонгольские и раннемонгольские группы являли собой степной народ кочевников, разводивший лошадей и рогатый скот, кочевавший по степи от пастбища к пастбищу, живший в войлочных юртах и организованный преимущественно в небольшие родоплеменные коллективы, связанные друг с другом общностью происхождения, языка, культуры и т. п. Соседство на юге с развитой китайской цивилизацией оказывало на кочевников степной северной зоны немалое влияние, содействовавшее, в частности, убыстрению процесса создания племен, а затем мощных племенных союзов во главе с влиятельными вождями, которые при благоприятном стечении обстоятельств объявляли себя императорами, как то было с тангутами, киданями, чжурчжэнями. Монголы были очередным такого рода этносом, обладавшим, по терминологии Л.Н. Гумилева, неслыханным до того запасом пассионарной энергии. Ускорение процесса социального развития и имущественного неравенства способствовало созданию протогосударств у монголов, а тенденция к интеграции привела в ходе жестких междоусобных схваток влиятельных вождей к победе Темучина, сына Есугея. На всемонгольском курултае 1206 г. он был провозглашен вождем всех монголов под именем и с титулом Чингис-хан.

Чингис-хан начал с того, что создал строго организованную армию, состоявшую из десятков, сотен, тысяч и 10-тысячных отрядов во главе с десятскими, сотскими, тысячниками и темниками, причем начальники назначались не по принципу родства или знатности (хотя и то, и другое всегда учитывалось), а на основе свойственного ранним политическим структурам принципа меритократии, т. е. из лучших воинов, что сыграло огромную роль в укреплении боеспособности армии. Армия Чингис-хана была новым важным политическим фактором в степной зоне, до того еще не знавшей боевых организованных формирований подобного типа и в таком количестве. Собственно, именно созданная Чингисом армия и явилась решающим фактором в последующих успехах сравнительно немногочисленного этноса монголов (во времена Чингиса их было едва ли более 100 тыс., если считать только воинов, а воин у кочевников каждый четвертый, а то и третий). Только хорошо организованная армия, послужившая костяком всей военно-политической структуры монголов, помогла им завоевать и подчинить себе почти полмира, да еще и всерьез угрожать многим из остальных стран и народов.

Покорив народы Южной Сибири, соседние с монгольской степью, армия Чингиса в 1210 г. начала войну с чжурчжэнями и в 1215 г. уже заняла Пекин. За 1219–1221 гг. была превращена в руины цветущая Средняя Азия и разбито государство Хорезм-шахов. В 1223 г. был нанесен решающий разгром ополчению русских князей, в 1226–1227 гг. было уничтожено государство тангутов на северо-западных рубежах Китая, причем тангуты были вырезаны с особой жестокостью, а немногие уцелевшие были превращены в рабов. И наконец, в 1231 г. основные силы монголов вернулись назад в Северный Китай и довершили здесь разгром чжурчжэньского государства Цзинь (1234). И хотя одновременно с этим значительная часть

монгольской армии продолжала свои завоевания в других районах Азии и в Европе, основным делом их в этом направлении с 1235 г. стало завоевание южносунского Китая, на что ушло свыше сорока лет.

Цифра эта, если сопоставить ее с молниеносными темпами военных захватов в других районах мира, вызывает невольное уважение к сунскому Китаю – тому самому, что десятилетиями откупался от воинственных кочевников и предпочитал за эту немалую цену сохранять мир на границах, пусть урезанных, и пользоваться процветанием в экономике и культуре. Когда пришел срок и понадобилось воевать, южносунский Китай все же сумел мобилизовать все силы для сопротивления. Только в 1276 г. пала столица Ханчжоу, но и после этого последние южносунские императоры оказывали сопротивление около четырех лет, в конечном счете чуть ли не на кораблях, которые вынуждены были отчалить от захваченной монгольскими войсками береговой полосы Южного Китая. Только в 1280 г. Китай целиком оказался под властью монголов, а великий хан Хубилай стал китайским императором монгольской династии Юань (1280–1368).

Династия Юань просуществовала – если считать не формальные годы ее в китайских летописях, а фактическое господство в основной части Китая – свыше века, может быть, даже, для Северного Китая, около полутора веков. Это было едва ли не самое тяжелое время для Китая, по крайней мере после Нань-бэй чао. Для примера можно напомнить, что на первых порах монголы вообще склонны были истребить всех отказывавшихся добровольно им сдаться, – то, что они подчас практиковали и на западе (а в сунском Китае сорок лет сопротивлялись почти все). Потом возник проект истребить китайцев пяти самых распространенных фамилий (а таковых в стране, где количество фамилий исчисляется немногими десятками, от силы сотней-другой, была едва ли не половина, во всяком случае это была весомая часть населения страны). И если эти кровожадные проекты не были осуществлены – во многом благодаря киданину Елюй Чу-цаю, который был советником хана и настойчиво рекомендовал ему не уничтожать тех, кто может приносить регулярный доход, – то уж в рабство к монголам попало великое множество китайцев, особенно на севере. Пожалуй, никогда в истории Китая не было так много рабов, как по количеству, так и в процентах к остальному населению, как в период Юань. Не приходится и говорить, что экономика Китая к началу правления монголов (после полувека войн) пришла в упадок, земледелие и торговля были расстроены. Что же касается администрации, то конфуцианские чиновники были вынуждены уступить свое место монгольским ханам и военачальникам, а также малознакомым с Китаем выходцам из иных районов Азии, прежде всего из исламских стран. Китайцы севера и тем более юга страны считались соответственно людьми третьего и четвертого сорта (после самих монголов и сэму-жэнь, т. е. выходцев из других стран).

Потребовалось несколько десятилетий, чтобы Китай постепенно обрел привычную для него норму существования. На протяжении этих десятилетий с нарастающей активностью действовали свойственные ему ассимиляционные и адаптирующие факторы: восстанавливалось разрушенное кочевниками земледелие, затем и ремесло, торговля; рос объем налоговых поступлений (во второй половине Юань, по некоторым данным, в 20 раз против времен Хубилая); в администрацию снова шли конфуцианские чиновники (с 1317 г. начала функционировать система экзаменов); потомки первых монгольских правителей, нередко бравших китайок в жены, все больше превращались в обычных китайцев. Быть может, в иных условиях все эти и иные аналогичные процессы постепенно и мирно сумели бы выправить ситуацию таким образом, что монгольская династия в конечном счете осталась бы монгольской в основном только по названию, как то случилось несколькими веками позже с маньчжурами в Китае. Но условия оказались неблагоприятными – как для китайцев, живших под монгольским игом и тяжело ощущавших это, так и для самих монголов, которые мало делали для блага управляемой ими страны.

Наиболее наглядно проявилось это в связи с потребностями ирригационного строительства. Хотя ирригационное земледелие не было главным либо жизненно важным для китайского сельского хозяйства, оно все-таки имело большое значение для страны, особенно после создания рисового пояса на юге. Немалую роль играла ирригация и в деле защиты населения от разливов рек, особенно наполненной лёссом своенравной Хуанхэ, время от

времени выходявшей из берегов и затоплявшей страну, как то было, в частности, во времена Ван Мана. В функции любого китайского правительства входило заботиться о водном строительстве и вовремя ремонтировать каналы, дамбы, чистить русла и т. п. Монголы этим почти демонстративно пренебрегали. А конфуцианских чиновников, которые могли бы своими силами на местах что-либо организовать, действуя в соответствии с традицией, в стране долго не было. Неудивителен и результат.

Система дамб на Хуанхэ давно пришла в негодность. Великая река то и дело прорывала дамбы и широко разливалась по долине, затопляя поля и жилища. В 1334 г. прорыв оказался настолько мощным, что река вновь, в очередной раз изменила русло, уничтожая на своем пути сотни тысяч жизней. В стране резко возросло недовольство монголами. Усилилось патриотическое движение, набиравшее силу и проявлявшееся как в литературе (юаньская драма, патриотические романы типа «Троецарствия»), так и в политике. Вскоре страну охватило мощное народное движение, тут и там вспыхивали с трудом подавлявшиеся восстания. Власти попытались было в 1351 г. восстановить систему дамб и заставить реку вернуться в старое русло. Но было уже поздно. Объединение в районе строительства сотен тысяч людей лишь подлило масла в огонь: восстания вспыхнули с новой силой, причем во главе их оказались вожди тайного общества «Бай-ляньцзяо». Буддийская по своей религиозной основе, эта секта «Белого лотоса» существовала в Китае издавна, по меньшей мере с V в. Однако в XIV в. она превратилась в тайное общество, выдвинувшее на передний план эгалитарные крестьянские идеалы и предрекавшее скорое наступление века будды грядущего Майтрейи и соответственно новой династии Мин (свет), которая покончит с мрачным господством монголов.

Покрыв свои головы красными повязками (символ грядущего царства Света), восставшие сорганизовались в отряды «красных войск», которые начали решительную борьбу с монгольскими угнетателями. Восстание приняло не столько сектантско-крестьянский, сколько национально-патриотический характер. И хотя первая его фаза закончилась в 1363 г. поражением красных войск, антимонгольское движение разгоралось в стране со все большей силой. Особенно когда во главе его стал Чжу Юань-чжан.

Родом из крестьян, хлебнув в молодости горя, Чжу Юань-чжан (1328–1398) был послушником в буддийском монастыре. Когда сторонники секты подняли восстание, он примкнул к нему и, проявив недюжинные способности, быстро выдвинулся в первые ряды вожаков. После разгрома первой фазы движения именно Чжу оказался во главе восставших. Опираясь на примкнувших к нему конфуцианцев, ученых знатоков китайской истории и культуры, он успешно действовал и в конечном счете, разгромив монгольские войска, провозгласил себя императором новой династии – Мин. Кроме названия, от эгалитарно-буддийских основ первоначального движения осталось к этому времени не так уж много. И это в общем понятно. Оставаясь вождем восставших крестьян, Чжу Юань-чжан, как и его далекий предшественник Лю Бан, с готовностью воспринял давным-давно апробированную конфуцианскую систему управления государством и обществом, конфуцианские принципы и порядки. Хотя как личность новый император был далек от конфуцианского идеала мудрого и справедливого правителя и скорее был деспотом типа Цинь Ши-хуанди и суйского Ян-ди, он тем не менее последовательно проводил конфуцианскую политику, в том числе в организации администрации, столь подорванной за время правления монголов. И это, безусловно, сыграло немаловажную роль в деле упрочения Мин.

Китай в период династии Мин (1368–1644)

Взойдя на престол, Чжу Юань-чжан немало сделал для укрепления центральной власти. Сущность его аграрной политики, в частности, сводилась к увеличению доли крестьянских дворов в клине земель минь-тянь и к усилению строгого контроля за распределением казенных земель гуань-тянь. Раздача земли безземельным и малоземельным, переселение крестьян на пустующие земли, создание различного рода специализированных, т. е. опекаемых казной, поселений, как военных, так и гражданских, наконец, создание всекитайских налогово-земельных реестров, Желтого и Рыбьечешуйчатого, – все это означало, что вся

система аграрных отношений в империи вновь берется под строгий контроль центральной администрации.

Было введено фиксированное налогообложение со сравнительно невысокими налогами, а некоторые категории дворов подчас вообще от налогов освобождались, как то бывало и прежде. Система повинностей была всеобщей, но реализовывалась поочередно, по мере надобности, по разверстке. Поочередным было и выполнение функций старост, отвечавших перед властями за соблюдение порядка и выполнение государственных указов. Что касается частных владений, т. е. тех случаев, когда земли категории минь-тянь в сравнительно большом количестве скапливались в руках богатых и реализовывались в форме сдачи их в аренду, то таких земель в начале Мин было, видимо, немного, да и арендная плата должна была быть умеренной хотя бы потому, что любой арендатор имел альтернативу: государство активно предлагало всем безземельным и малоземельным наделы на весьма необременительных условиях.

Аграрная политика Чжу Юань-чжана имела успех и способствовала созданию сильной централизованной империи. Правда, наделение родственников императора уделами, в которых они чувствовали себя почти независимыми владыками, – дань традиционной норме, последняя в этом роде в истории Китая, – привело было после смерти основателя империи к смуте, но она была сравнительно быстро ликвидирована одним из сыновей Чжу Юань-чжана, Чжу Ди, правившим под девизом Юнлэ (1403–1424). Чжу Ди восстановил пришедший в некоторый упадок аппарат центральной власти, построенный его отцом по классической конфуцианско-танской модели (высшие палаты; шесть центральных ведомств в системе исполнительной власти; провинциальные управления с разделением власти на гражданскую и военную; система экзаменов и др.), после чего около столетия эта система действовала достаточно эффективно, что сказалось, в частности, и в сфере внешней политики.

Успешно изгнав монголов с территории империи (они были оттеснены на север, где и стали после этого активно осваивать степи современной Монголии), минская армия провела несколько успешных военных операций и на юге, в районе Вьетнама. Кроме того, китайский флот, возглавлявшийся Чжэн Хэ, с 1405 по 1433 г. совершил несколько престижных морских экспедиций в страны Юго-Восточной Азии, в Индию и даже к восточному побережью Африки. Экспедиции были весьма внушительными: они состояли из нескольких десятков многопалубных фрегатов с командой из сотен человек на каждом из них. Впрочем, эти пышные и дорогостоящие вояжи легли очень тяжелым бременем на казну и не принесли стране никакой экономической выгоды, вследствие чего в конечном счете они были прекращены (корабли были демонтированы). Для сравнения стоит вспомнить о почти одновременных с ними экспедициях Колумба, Васко да Гамы или Магеллана, куда более скромно оснащенных, но положивших начало тем Великим географическим открытиям, которые ознаменовали собой начало новой эпохи для всего человечества. Впечатляющая разница. Она лучше многих теоретических рассуждений свидетельствует о принципиальных структурных различиях между европейским рыночно-частнособственническим методом хозяйства с его индивидуально-личным интересом, энергией, предприимчивостью и т. п. и азиатским государственным командно-административным строем, для которого значение имели прежде всего престиж, демонстрация величия и всемогущества власти.

Аналогичной была ситуация и в сухопутных внешних связях, особенно торговых. Эти связи в императорском Китае издревле организовывались в форме так называемой даннической торговли и официально воспринимались в Китае как приезд варваров с дарами для принесения дани китайским императорам. Официальные дары³¹ принимались торжественно и согласно древним нормам реципрокно-престижного обмена требовали от императора ответных даров, причем объем и ценность императорских наград и пожалований должны были во столько же раз превышать «дань», во сколько престиж китайского императора ценился самими китайцами выше престижа любого из тех правителей, кто присылал упомянутую дань. Отсюда и

³¹ Это всегда была весомая часть прибывавших в Китай извне, особенно по Великому шелковому пути, караванов, хотя основная часть товаров все-таки предназначалась для частной торговли в специально отведенных для этого китайскими чиновниками местах

результаты: торговля была крайне выгодной для иноземцев, перед которыми стояла легко разрешимая задача представить караван в виде официальной миссии. Это вело к тому, что китайские власти были вынуждены вводить официальные лимиты на подобного рода караваны для каждой из стран. Однако даннические связи подобного типа не прекращались, ибо они способствовали самоутверждению китайцев в их представлениях о том, что весь мир состоит из потенциальных данников и вассалов императора Поднебесной империи.

В минское время, когда торговля расцветала, такого рода соображения доминировали и одно время чуть было не привели Китай к драматическим событиям. На рубеже XIV–XV вв. было послано официальное послание самому великому завоевателю Тамерлану с предложением и ему засвидетельствовать свое почтение китайскому императору. Получив подобное предложение и негодуя на наглость его авторов, владыка полмира начал было готовиться к карательному походу на Китай, и только неожиданная смерть Тимура в 1405 г. спасла только что оправившуюся от мятежа удельных князей империю от планировавшегося нашествия.

В целом на протяжении первого века своего существования династия Мин проводила успешную политику, как внутреннюю, так и внешнюю. Случались, конечно, и накладки. Так, в 1449 г. один из монгольских ханов, предводитель племени ойратов Эсен, сумел совершить удачную экспедицию в глубь Китая вплоть до стен Пекина. Но это было лишь эпизодом; практически столице минского Китая ничто не угрожало, как и империи в целом. Однако с конца XV в. положение страны стало гораздо хуже: Китай, как это было характерно для второй половины династийного цикла, начал медленно, но верно вступать в полосу затяжного кризиса. Кризис был всеобщим и всесторонним, причем начался он, как и обычно, с изменений в экономике и социальной структуре страны, хотя наиболее наглядно проявил себя в области внутренней политики.

Все началось, как не раз случалось, с усложнения аграрных проблем. Росло количество населения, увеличивалось число крестьян, не имеющих земли либо имеющих ее в недостаточном количестве. Параллельно с этим шел обычный процесс поглощения крестьянских земель минь-тянь: богатые понемногу скупали или отбирали за долги земли разорявшихся крестьян, которые после этого либо уходили с насиженных мест, либо оставались на них в новом социальном качестве арендаторов. Те, кто менял местожительство, нередко приходили к тому же итогу. Все это вело к уменьшению доходов казны по уже упомянутой причине: взять равный утерянному налог с богача было практически невозможно, ибо немалая часть богатых имела льготы, подчас налоговый иммунитет, а другие нередко были в числе шэньши, которые играли важную роль в местном самоуправлении, имели влияние при канцелярии уездного начальника и достигли виртуозного искусства в деле уменьшения своих налогов. Правда, при этом формально налоговый груз перекладывался на плечи остальных, но этот выход тоже был невыгодным для казны, ибо ухудшал положение земледельцев и постепенно приводил экономику страны в критическое состояние. Недобор же налогов, бывший следствием описанного процесса, вынуждал казну прибегать к различным дополнительным мелким, местным, чрезвычайным и иным поборам и пошлинам, что в совокупности опять-таки ложилось тяжелой ношей на налогоплательщиков и тоже вело к кризису.

Создавался своего рода заколдованный круг. В годы предшествовавших династий (Тан, Сун) этот круг разрывался посредством решительных реформ. Династия Мин этого сделать не смогла, ибо требование реформ встретило жесткую оппозицию со стороны двора. В этом, собственно, и заключался тот затяжной кризис, который доминировал в минском Китае на протяжении почти полутора веков и привел в конечном счете династию к гибели.

Минские императоры после Чжу Ди, за редкими исключениями вроде реставрировавшего Великую стену Вань Ли, были в основном слабыми правителями. Делами при их дворах обычно заправляли временщики из числа родни императриц и евнухи – картина, очень похожая на ту, что была полутора тысячелетиями ранее в конце Хань. Неудивительно, что на рубеже XV–XVI вв. в стране сформировалось мощное оппозиционное движение во главе с наиболее влиятельными конфуцианцами, среди которых едва ли не самое видное место занимали члены палаты цензоров-прокуроров, обличавшие в своих докладах императору произвол временщиков и административные упущения в стране, а также требовавшие реформ. Послания такого рода

встречали суровый отпор, сопровождавшийся репрессиями, но оппозиция не прекращала своих обличений, скорее даже наращивала усилия в этом направлении. В конце XVI в. она официально организовалась вокруг академии Дунлинь в Уси, возникшей на базе местного училища, которое готовило кадры знатоков конфуцианства, будущих чиновников. К этому времени движение за реформы и выступления за добродетельное правление уже получили всеобщее признание в стране. А такие видные чиновники, как знаменитый Хай Жуй, не только демонстративно, в пределах их власти, шли на обострение отношений со ставленниками двора, с протеже временщиков, не останавливаясь перед суровыми наказаниями казнокрадов и иных провинившихся, но и были готовы, снискав популярность в народе, буквально требовать от императора реформ.

С начала XVII в. сторонники реформ значительно усилили свои позиции. В отдельные моменты им даже удавалось одержать верх, заполучив влияние на того или иного очередного императора. Правда, этот склонный к реформам император вскоре быстро устранялся дворцовой кликой, а на дунлиньцев обрушивались гонения. К их чести следует заметить, что гонения их не пугали и не заставляли предавать убеждения. Не раз и не два очередной влиятельный чиновник подавал на имя императора доклад с обличениями и требованиями реформ и одновременно готовился к смерти, ожидая от императора приказа удавиться (символом такого обычно являлась присылка виновному шелкового шнура). Власть евнухов и временщиков была свергнута лишь в 1628 г. Но было уже поздно. Страна в это время была охвачена пламенем очередного мощного крестьянского восстания, возглавлявшегося крестьянином Ли Цзы-чэном.

Маньчжуры и династия Цин в Китае

За полтора века затянувшейся политической борьбы в верхах за необходимые стране реформы процесс разорения крестьян достиг крайней степени. Снова оживилась деятельность тайных обществ типа «Белого лотоса». Год от года возрастало количество беглых, значительная часть которых шла в отряды разбойного люда. Брошенные против мятежников войска не могли справиться с разгоравшимся восстанием, а в засушливом и голодном 1628 г. в его ряды влились новые массы готовых на все отчаявшихся крестьян. Выдвинулись и талантливые предводители восставших, одним из которых был Ли Цзы-чэн (1606–1645), проявивший незаурядные организационно-политические и полководческие способности. Ли Цзы-чэн, заботившийся о возвращении к попранной норме, к существовавшим до кризиса отношениям, на занятых им землях конфисковывал имущество богатых, брал небольшие налоги, раздавал неимущим конфискованные земли и всенародно наказывал взяточников и притеснителей. Эти меры всегда помогали восставшим одерживать победы, так что неудивительно, что в 1644 г. войска Ли заняли Пекин, а сам он, покончив с Мин, объявил себя императором. Но на этом на сей раз события не закончились. Напротив, они стали развиваться самым драматическим образом.

На протяжении всей второй половины правления Мин, когда в стране шла ожесточенная внутренняя борьба за реформы, внешняя политика империи была малоэффективной. И хотя при императоре Вань Ли на рубеже XV–XVI вв. была отреставрирована Великая стена, она не мешала соседям Китая совершать на него спорадические набеги. Осложнились и отношения с южными соседями Китая: в XVI в. усилившаяся Япония, которой управлял сёгун Хидэёси, попыталась было вторгнуться в Корею и Китай. Несмотря на то, что вторжение закончилось неудачей, военных лавров минской армии оно не прибавило. В XVI–XVII вв. в Китае появляются первые европейцы – португальцы, затем голландцы. Большую роль при дворе последних минских императоров играли католические миссионеры-иезуиты, познакомившие Китай с неизвестными ему инструментами и механизмами (часы, астрономические приборы), наладившие производство огнестрельного оружия и в то же время обстоятельно изучавшие Китай. К началу XVII в. относятся и первые контакты России с Китаем (миссия Ивана Петлина в 1618 г.). На фоне всех этих многочисленных внешнеполитических, а затем и активных внешнеторговых связей с разными странами мира отношения с небольшим племенем маньчжуров, отдаленных потомков некогда разгромленных монголами чжурчжэней, были вначале чем-то маловажным и второстепенным. Однако в начале XVII в. ситуация стала быстро

меняться.

Вождь маньчжуров Нурхацци (1559–1626) сумел не только сплотить под своим началом несколько десятков разрозненных племен, но и заложить основы политической организации. Как и в свое время монгольский Темучин, он обратил преимущественное внимание на армию. И хотя Нурхацци не сумел либо не стремился создать неплеменную армейскую структуру по монгольскому образцу, а ограничился укреплением племенных отрядов (по числу основных племен армия стала именоваться «восьмизнаменной»), маньчжурское войско оказалось весьма активным и боеспособным. В 1609 г. Нурхацци прекратил выплачивать дань минскому Китаю, связи с которым, как и влияние китайской культуры, немало сделали для ускорения темпов развития маньчжурского этноса. Затем он провозгласил собственную династию Цзинь (название, взятое от чжурчжэньского, явно подчеркивало как родство, так и претензии молодого государства) и в 1618 г. начал вооруженную борьбу с Китаем. За сравнительно небольшой срок он успел добиться немало, выйдя практически к рубежам Великой стены в районе Шаньхайгуаня, на крайней восточной оконечности стены. Преемник Нурхацци Абахай (годы правления: 1626–1643) провозгласил себя императором, изменив название династии на Цин и установив на всей территории Южной Маньчжурии и захваченных им ханств Южной Монголии централизованную администрацию по китайскому образцу.

Вот с этого-то времени маньчжурская конница и стала совершать регулярные набеги на Китай, грабя и увозя в плен, превращая в рабов сотни тысяч китайцев. Естественно, это вынудило минских императоров не просто стянуть войска к Шаньхайгуаню, но и сконцентрировать здесь едва ли не лучшую, крупнейшую и наиболее боеспособную из всех своих армий во главе с У Сянь-гуем. После разгрома всех остальных минских армий и вступления Ли Цзы-чэна в Пекин в 1644 г. только армия У Сянь-гуя продолжала представлять собой серьезную и боеспособную воинскую единицу, с которой следовало считаться. И новый император, понимая это, решил пойти на переговоры.

Собственно, У Сянь-гуй был готов к переговорам. И как знать, чем они могли бы завершиться, если бы не драматическая случайность, которая спутала все карты. Вообще говоря, случайностями вымощена история человечества, хотя в них, как известно, проявляется историческая закономерность. Согласно китайским хроникам, в поисках контакта с родственниками У Сянь-гуя новый император посетил дом семьи У, где ему случайно попала на глаза любимая наложница полководца. Трудно сказать, как точно развивались события, но одно вполне определено: отец У Сянь-гуя в письме к сыну, где излагались предложения Ли Цзы-чэна покончить спор миром, одновременно упомянул о том, что новый император остался равнодушен к его любимой наложнице. Реакция У Сянь-гуя была однозначной: он уже не только не помышлял о переговорах, но кипел гневом и искал способы быстрее отмщения.

Следовало как можно скорее покончить с самозванным императором и для этого У Сянь-гуй обладал достаточными силами. Но от Шаньхайгуаня до Пекина путь немалый, особенно для пехоты. Иное дело – конница. И недолго думая, китайский полководец вступил в переговоры с маньчжурами. Видимо, немало им пообещав, он добился их согласия и открыл для их отрядов ворота Шаньхайгуаня. Есть основания полагать, что, сделав это и двинувшись на Пекин вслед за маньчжурской конницей, У Сянь-гуй в мечтах видел уже на китайском троне самого себя. Однако, когда он с войсками вошел в Пекин, оказалось, что он опоздал. Маньчжуры не только изгнали из столицы Ли Цзы-чэна, который вскоре погиб, но и успели объявить своего малолетнего императора Шуньчжи правителем всего Китая – теперь уже цинского Китая. И хотя власть маньчжурской династии простиралась в это время лишь на район столицы и ее окрестности, дело было сделано. Воевать с маньчжурами в создавшейся ситуации, имея опору лишь в растянутой на многие сотни километров армии, У Сянь-гуй не мог, быть может, не решился. Признав, что проиграл, он пошел с армией на службу к завоевателям.

Надо сказать, что антиманьчжурская борьба продолжалась в Китае довольно долго. Но ослабленная длительными внутривосточными неурядицами и только что пережившая крестьянскую войну страна оказалась легкой добычей для хорошо вооруженного и по-боевому организованного войска завоевателей с их высоким потенциалом пассионарности. Маньчжуры же довольно быстро поставили на службу себе уцелевшие китайские войска, ядром которых

была армия У Сань-гуя. Два-три десятка лет ушло на то, чтобы подавить сопротивление, едва ли не последним отчаянным актом которого было восстание 1673 г., которое возглавил все тот же У Сань-гуй, бывший к тому времени наместником юго-западных провинций страны. Жребий неудачника, однако, явно преследовал его: восстание было подавлено, а Китай на долгие века стал империей Цин, возглавлявшейся маньчжурскими правителями.

Как и их многочисленные иноземные предшественники на императорском китайском троне, маньчжуры, несмотря на сохранные для восьмизнаменных войск и всей маньчжурской аристократии привилегии и на официальное запрещение смешанных браков (запрет действовал не слишком строго), быстро китаизировались. Причем они сознательно не препятствовали этому. Конечно, они стремились сохранить от растворения в гигантской массе китайцев свой немногочисленный этнос, и благодаря запретам и изоляции им это в определенной мере удалось. Но они никогда, подобно монголам, не противопоставляли себя китайцам в плане культурном, напротив, охотно впитывали китайскую культуру, становились конфуцианцами.

Начиная с Канси (годы правления: 1662–1723), маньчжурские императоры были конфуцианцами, причем ревностными. Они управляли страной, следуя древним заветам и внимая советам конфуцианских ученых-чиновников. Были сохранены традиционная китайская административная система, как и механизм воспроизводства бюрократии, т. е. система экзаменов. Были проведены аграрные мероприятия, направленные на упорядочение землепользования и налогообложения. Казенные земли гуань-тянь щедро раздавались маньчжурам, и правительство строго следило за тем, чтобы не слишком привязанные к земле вчерашние воины-кочевники не продавали своих наделов. А если такое все же случалось, правительство время от времени выкупало проданные земли и возвращало их маньчжурам. Императоры строго следили также и за порядком в крестьянской общинной деревне, за эффективностью отвечавших за налоги и связанных круговой порукой низовых ячеек – пятидворок, десятидворок. Все эти меры в общем давали свои результаты. Китай под властью династии Цин на протяжении первых двух веков развивался достаточно интенсивно. Невероятно быстрый рост народонаселения (на рубеже XVIII–XIX вв. в Китае насчитывалось около 300 млн. человек, тогда как на протяжении предшествующих двух тысячелетий средняя численность населения страны колебалась на уровне 60 млн.) внес свои коррективы в привычную динамику династийного цикла.

Дело в том, что бурно возраставшее демографическое давление имело и плюсы, и минусы. Минусом была явная нехватка земли, аграрное перенаселение. Давно ушли в прошлое те времена, когда крестьянский надел измерялся сотней му. Теперь он стал почти на порядок меньше, равнялся немногим десяткам му, если даже не измерялся единицами тех же му. Но зато во многом изменилось отношение к земле. Демографическое давление вызвало к жизни феномен все возраставшей интенсификации и увеличения производительности труда. Улучшались агротехнические приемы, использовались севообороты, принимались во внимание местные условия для выращивания наиболее выгодных культур и реализации их на рынке. И во всем этом активное участие принимало государство – ведь оно было в конечном счете ответственным за все, включая хозяйство страны. Положение в земледелии для него не могло не иметь значения.

В соответствии с классическим тезисом китайской древности: «земледелие – ствол, основа; торговля, ремесло и иные занятия – ветви, второстепенное» – маньчжурское правительство и весь аппарат его администрации обращали внимание именно на состояние землепользования, так как положение в этой сфере экономики не только гарантировало основную часть доходов казны, но и обеспечивало внутреннюю стабильность империи. Маньчжуры обеспечили покорность китайского населения (символом его была коса, которую под страхом смерти обязаны были носить китайцы мужского пола), но, добившись этого, весьма активно заботились о процветании экономики страны и благосостоянии ее населения, вполне всерьез воспринимая при этом классический конфуцианский тезис о том, что высшая цель верхов – благо народа, на котором зиждется благополучие государства.

Если не считать земель категории гуань-тянь, которые раздавались маньчжурской знати и солдатам, за счет которых существовали императорский двор и храмы, а также выделялись служебные наделы чиновникам, то все основные земли страны были, как и обычно, землями

минь-тянь. Было бы неточным считать эти земли частными, даже если они почти свободно переходили из рук в руки. Ведь перемещение земельных участков из одних рук в другие – феномен, с которым Китай был знаком всегда, по меньшей мере с Чжоу. И для китайского государства, которое, впрочем, было озабочено тем, чтобы каждый пахарь имел свое поле, в принципе было не так уж важно, у кого земля; важно только, чтобы за ее использование аккуратно выплачивалась рента-налог. Едва ли не наиболее очевидно это из того, что все земледельцы-налогоплательщики для китайского государства всегда были единым недифференцированным сословием, вне зависимости от их имущественного состояния или имущественных и иных социальных различий. Другое дело, что существенное перемещение земель во владение богатых всегда так или иначе ударяло по казне, и именно поэтому государство то и дело предусматривало в своих реформах препятствия для такого перемещения или заново предоставляло земли всем нуждающимся в них. Но можно ли было обойтись без этого и, точнее, как с этим обстояло дело в цинском Китае?

Из источников явствует, что основным контингентом богатых землевладельцев были шэньши и разбогатевший городской люд, ремесленники и торговцы. Связи между этими категориями владельцев, как и между ними, с одной стороны, и разбогатевшими деревенскими землевладельцами – с другой, издавна были самыми тесными. В богатых деревенских кланах всегда были свои шэньши, а богатые горожане не упускали случая породниться с обедневшими шэньши и тем повысить свой статус. Все это в конечном счете влекло за собой, как и обычно, перекачивание всей тяжести налогов на средних и мелких землевладельцев. Ведь с шэньши, которые помогали чиновникам управлять страной и принимали активное участие во всех общественных делах на местах – в строительстве дорог, храмов, плотин, каналов, сборе налогов, организации тех или иных массовых движений и начинаний и т. п., – много не возьмешь. Напротив, к ним еще и прилипало немало из того, что бралось в форме налогов и повинностей в данном уезде. Так что же было делать с интересами казны?

Уже говорилось о том, что в цинском Китае обычный династийный цикл несколько деформировался за счет прежде всего гигантского демографического взрыва. В земельных отношениях, бывших всегда фундаментом каждого цикла, эти изменения нашли свое отражение в том, что увеличившееся население и резкая интенсификация земледельческого труда с соответствующим ростом производства (другой вопрос, всегда ли компенсировал этот рост увеличившееся количество голодных ртов) заметно ослабили заботы государства о регулярном поступлении налогов в казну. Вместе с увеличением производства объективно возникала возможность и роста налогов. Хотя значительная часть земель оказывалась в руках богатых и они не очень-то торопились платить в казну налоги, на общей массе налогов с данного уезда это не сказывалось слишком заметно, ибо возросшее количество дворов возмещало потери. Дело в том, что с 1713 г. налоговая квота с каждого уезда надолго была жестко фиксированной. Практически это значило, что казна довольствовалась сбором точно означенной суммы, тогда как все остальное могло едва ли не беспрепятственно оказываться в распоряжении местной власти, т. е. уездного чиновника и окружавших его богатых земледельцев и шэньши, на которых этот чиновник, а вместе с ним и вся власть, надежно опирались. Мало того, из этих собранных сверх квоты налоговых сумм свою долю получали и чиновники более высоких рангов, вплоть до столичных. Государство знало об этом и, видимо, даже не всегда считало это коррупцией. Просто это была форма дополнительной оплаты власть имущих, форма подкормки шэньши, число которых в XVIII–XIX вв. в цинском Китае исчислялось, с семьями, в несколько миллионов человек.

Цинский Китай и внешний мир

Маньчжурская династия в некотором смысле оказалась уникальной для Китая. Ни одному из завоевавших Китай народов не удавалось так удачно вписаться в классическую структуру империи. И не просто вписаться, но найти свое место в этой структуре, не раствориться целиком в ней, а сохранить формальный этнополитический приоритет, династию на протяжении немногим менее трех столетий. Это был своего рода рекорд. Чем же можно объяснить его?

Прежде всего тем, что маньчжуры весьма активно усваивали конфуцианскую культурную традицию. Стоит напомнить в этой связи о 16 заповедях Канси – катехизисе для простого народа, вобравшем в себя в сжатом и понятном виде всю суть великого древнего учения, квинтэссенцию его, весь его нравственный потенциал. Уже одно то, что этого не делал никто до Канси и что это было сделано именно маньчжурским императором на китайском троне, говорит о многом. Далее, маньчжуры не только приняли конфуцианство, что называется, всем сердцем, но и весьма удачно реализовывали его на практике, прежде всего в сфере администрации. Выгодные для них демографическо-экономические процессы они сумели использовать таким образом, чтобы, не обременяя чересчур налогами земледельцев, которые едва ли не с каждым поколением вынуждены были довольствоваться все уменьшавшимися наделами земли, сохранить минимум доходов и распределить все остальное так, чтобы, как говорится, и овцы были целы, и волки сыты.

Разумеется, нет нужды идеализировать маньчжурское правление Китаем. Но памятуя, сколь много гневных стрел было направлено исследователями в адрес цинского Китая и его политики, стоит все-таки восстановить историческую справедливость. А она в том, что по меньшей мере на первых порах, в XVII–XVIII вв., маньчжурское правление в Китае было не слишком уж ощутимо скверным для китайцев. Пожалуй, даже – если не иметь в виду чувство попранного национального достоинства в первые десятилетия правления цинской династии – маньчжурское правление, начиная с Канси, было временем сравнительно благополучного существования для страны. И это время продолжалось достаточно долго. В частности, оно охватило и долгие годы правления Цяньлуна (1736–1796), когда в империи достаточно быстрыми темпами развивались города, ремесло и торговля, а внутренняя стабилизация была настолько очевидной, что создавала весьма благоприятные условия для активной завоевательной внешней политики.

Вообще отношения цинского Китая с внешним миром складывались в XVII–XVIII вв. с явным преимуществом в пользу Китая. Колонизация Китая почти не затронула. Первое поколение миссионеров, энергично начавшее осваивать Китай в конце правления династии Мин, продолжало занимать заметные позиции и при цинском дворе вплоть до конца XVII в. Однако уже в начале XVIII в. от услуг миссионеров Китай стал отказываться, а затем и вовсе закрыл христианские церкви и выслал из страны миссионеров. Соответственно цинское правительство поступило и с иностранными торговцами. Если в XVII в. португальские, голландские, а затем также английские и французские купцы пытались наладить с Китаем торговые связи и добились некоторых успехов, то в середине XVIII в. торговля с европейцами была ликвидирована, за исключением одного порта в Кантоне (Гуанчжоу), да и там торговля должна была вестись через посредство утвержденной правительством компрадорской компании китайских купцов, строго контролируемой чиновниками. При этом в распоряжении португальцев остался прибрежный остров Макао, который был своего рода опорным пунктом иностранной торговли.

Правда, к концу XVIII в. узкий ручеек транзитной торговли с Китаем вновь понемногу стал расширяться. Китайский шелк, чай, фарфор и иные товары, пользовавшиеся в Европе исключительным спросом, стали продаваться иностранным купцам в большем количестве. Но и здесь не все было гладко. Дело в том, что европейцы мало что могли предложить взамен. Показателен в этом смысле эпизод с английской миссией Макартнея.

Когда в 1793 г. в Китай прибыла первая европейская официальная миссия (к слову, на кораблях, везших миссию по рекам и каналам Китая, была начертана весьма характерная надпись: «Носитель дани из английской страны»), Макартнею был вручен императорский эдикт для передачи королю Георгу III. В эдикте³² между прочим было сказано: «Как ваш посол мог сам убедиться, у нас есть абсолютно все. Мы не придаем значения изысканно сделанным

³² Содержание его сводилось в основном к следующему: приветствуем ваше желание приобщиться к нашей культуре, готовы принять вашу дань, но на постоянное пребывание посла в Китае не рассчитывайте, это у нас не принято, и т. п.

предметам и не нуждаемся в изделиях вашей страны». И это, в общем, было именно так. Потребности китайцев вполне удовлетворялись китайскими изделиями, а расширять эти потребности цинское правительство резонно не желало, не говоря уже об ограничительной силе самой китайской традиции. Так что иностранные колонизаторы практически мало что могли извлечь из торговых связей с цинским Китаем. Даже наоборот, они вынуждены были платить, скажем, серебром за изысканные китайские товары. Во всяком случае до тех пор, пока англичане не сумели найти выход. Да еще какой!

В обмен на китайские изделия они стали ввозить выращивавшийся в других странах, в основном в Индии, опиум, к курению которого китайцы, особенно жившие в приморских районах, стали быстро привыкать. Ввоз опиума в конце XVIII и особенно в XIX в. все возрастал, пока объем ввозимой отравы не превратился в подлинное бедствие для страны, что и привело к серии опиумных войн в середине XIX в. Собственно, только после этих войн и поражения в них Китая цинская империя начала превращаться в полуколонию. До того ситуация была совершенно иной. Цинское правительство, закрыв свою страну для повседневных контактов с внешним миром и ограничив эти контакты минимумом регулярных связей, немало способствовало тому, что Китай в XVII–XVIII, да и в начале XIX в. был не просто независимой державой, но и демонстрировал свои немалые потенции.

Усилиями цинских властей в начале XVII в. была завоевана Внутренняя Монголия, которая после превращения Китая в империю Цин стала ее частью. Вассалом цинского Китая была Корея, к Китаю был присоединен Тибет. В середине XVIII в. экспедиции Цяньлуна привели к включению в империю Внешней Монголии и Восточного Туркестана (Синьцзян), а в конце того же века цинские войска совершили ряд успешных походов на Непал, Бирму, Вьетнам, а также несколько потеснили русских в районе Амура. Уже один этот краткий перечень свидетельствует о том, что в течение XVII–XVIII вв. цинский Китай территориально вырос едва ли не вдвое, далеко выйдя за пределы Великой стены (Маньчжурия, Монголия, Синьцзян и Тибет стали как бы буферными землями, надежно охранявшими собственно Китай), да к тому же еще и оброс вассально зависимыми от него государствами на востоке и юго-западе империи.

Особо следует сказать о русско-китайских отношениях. Если первые шаги в этой области были сделаны, как упоминалось, в конце периода Мин, то основные миссии, главным образом русских в Китай, последовали после установления цинской власти (миссии Ф.И. Байкова в 1654–1657 гг., Н.Г. Спафария в 1675–1678 гг. и др.). Хотя эти миссии не достигли поставленной цели, т. е. не сумели установить с Китаем прочные связи, они немало сделали для этого. Параллельно с миссиями шло продвижение русских казаков, которые вышли к Тихому океану и Амуру и начали осваивать некоторые приамурские территории, которые маньчжуры считали своей вотчиной. Назревала остроконфликтная ситуация. В 80-х годах XVII в. Канси перешел к активным действиям: маньчжурское войско вытеснило казаков из крепости Албазин. И хотя вскоре казаки вернулись обратно, обеспокоенное московское правительство решило начать переговоры, для чего было направлено специальное посольство Ф.А. Головина. Трудные переговоры в Нерчинске закончились подписанием в 1689 г. Нерчинского договора, условия которого оказались невыгодными для России (казаки были обязаны оставить Албазин и очистить Приамурье).

Как бы в компенсацию за это через четверть века (1715) была достигнута договоренность об открытии в Пекине Русской духовной миссии – под формальным предлогом заботы о религиозных потребностях тех из албазинских казаков, кто попал в китайский плен и жил в Пекине. Миссия со временем стала не столько духовным, сколько культурным, научным и дипломатическим центром. Там получали китаеведческое образование и писали свои сочинения лучшие специалисты XVIII–XIX вв. по Китаю, включая знаменитого Н.Я. Бичурина, отца Иакинфа. Миссия сыграла немалую роль в налаживании контактов России с Китаем в те времена, когда регулярного обмена посольствами и тем более стационарных посольств иных стран цинский Китай еще не знал. Важно также, что уже с середины XVIII в. между Россией и Китаем через Монголию была налажена достаточно регулярная транзитная торговля.

Из сказанного вполне очевидно, что вплоть до XIX в. цинский Китай уверенно и даже не без оттенка высокомерия сохранял свои традиционные позиции в сношениях с внешним миром.

Кое в чем он время от времени поступался, разрешая, в частности, вести торговлю с европейскими и русскими купцами без обычного прикрытия этих связей камуфляжем даннических отношений. Хотя, как это хорошо видно из материалов о посольстве Макартнея или из описей русских миссий, во взаимоотношениях с официальными представителями держав маньчжуры твердо стояли на почве традиции, едва ли не искренне считая послов представителями от государств-вассалов, если не реальных, то потенциальных. Словом, цинский Китай, особенно после его немалых территориальных приобретений XVII–XVIII вв., был одной из крупнейших стран мира с достаточно еще стабильной и жизнеспособной внутренней структурой, с хорошо налаженной экономикой, сильной армией. Но слабость его была именно в том, что в другие времена всегда составляло его силу, – в мощи китайского традиционного государства, в отсутствии развитой по европейским меркам и принципам частной собственности. Это стало отчетливо сказываться с начала XIX в., когда англичане начали быстрыми темпами наращивать ввоз опиума в Южный Китай.

Движимые жаждой наживы, английские купцы поставили дело на широкую ногу, так что то самое серебро, которое до того шло в Китай, теперь стало щедрым потоком идти в обратном направлении – в качестве платы за опиум, торговля которым шла в основном контрабандным путем. Несмотря на официальные запреты и даже эдикты императора, торговля не прекращалась, причем нет сомнений в том, что на этом грели руки и наживались многие чиновники цинской администрации. Только в 1839 г., когда наместником двух южных провинций стал Линь Цзэ-сюй, началась энергичная борьба против опиумной контрабанды, в ходе которой конфискации подверглись запасы опиума в английских торговых факториях. Эти события были использованы Англией в качестве *casus belli*. В конце 1839 г. были спровоцированы первые столкновения китайцев с англичанами, а летом 1840 г. британская военная эскадра высадила десант. Отставка Линь Цзэ-сюя не смягчила остроту конфликта, с обеих сторон начались открытые военные действия, которые завершились успешным продвижением англичан и капитуляцией цинского Китая летом 1842 г.

Неповоротливость традиционного государственного механизма, неумение вести бои против хорошо вооруженных современным оружием английских войск – все это, равно как и экономическая незаинтересованность Китая в активных связях с внешним миром, поставило страну в крайне невыгодное положение перед лицом активного, энергичного, напористого врага, движимого чувством наживы и стремлением найти емкий рынок для своей нуждающейся в новых рынках капиталистической промышленности. Нанкинский договор 1842 г. практически поставил Китай на колени: империя должна была выплатить огромную контрибуцию и предоставить Англии множество льгот, начиная с открытия для торговли теперь уже пяти портов и кончая льготными условиями для британских торговцев, вплоть до низких 5%-ных таможенных тарифов. Вскоре аналогичные льготы получили торговцы других капиталистических стран, а все иностранцы приобрели право экстерриториальности, т. е. неподсудности китайским властям. Именно эта серия неравноправных договоров и открытые Китая для иностранной торговли на очень льготных основах, с откровенными привилегиями для иностранцев, и положили начало не столько превращению Китая в полуколонию (преувеличивать этот момент едва ли стоит – Китай оставался вплоть до XX в. политически независимым государством, хотя, конечно, он в международных делах все же зависел от баланса политических сил капиталистических держав), сколько упадку империи, концу цинской династии.

Глава 11 Юго-Восточная Азия: Цейлон и страны Индокитая

На протяжении тысячелетий взаимоотношения развитых центров мировой цивилизации с варварской периферией складывались достаточно сложно. Собственно, принцип взаимоотношений был однозначным: более развитые культурные земледельческие центры влияли на отсталую периферию, втягивая ее постепенно в свою орбиту, стимулируя ускорение темпов социального, политического, экономического и культурного развития ее народов. Но

этот генеральный принцип в различных условиях действовал по-разному. В одних случаях ближнюю периферию постепенно аннексировала расширяющаяся империя; в других – энергично развивавшийся и обладавший пассионарным зарядом народ, получив первоначальный импульс для движения вперед от других, начинал затем вести активную политику и, в частности, вторгался в зоны тысячелетней цивилизации, подчиняя себе многие древние страны (арабы, монголы и др.). Наконец, третьим вариантом была постепенная кумуляция полезных заимствований и некоторое ускорение за этот счет собственного развития без активной внешней политики, но с учетом взаимных контактов и перемещений, миграций народов. Вот этот третий путь был типичным для многих народов мира, будь то Восточная Европа, Юго-Восточная Азия или Дальний Восток.

Юго-Восточная Азия – интересный и во многих отношениях уникальный регион, место пересечения многих мировых путей, миграционных потоков, культурных влияний. Пожалуй, в этом смысле его можно сравнить только с ближневосточным регионом. Но если ближневосточные земли были в свое время колыбелью мировой цивилизации, если к ним так или иначе тянутся истоки едва ли не всех древнейших народов мира, важнейших изобретений и технологических открытий, то с юго-восточноазиатским регионом дело обстоит несколько иначе, хотя и в чем-то похоже.

Сходство в том, что, как и Ближний Восток, Юго-Восточная Азия еще на заре процесса антропогенеза была местом обитания человекообразных: именно здесь наука еще в прошлом веке обнаружила следы архантропов (питекантроп яванский), а в середине XX в. дала и множество других аналогичных открытий. Если и есть на Земле самостоятельные – иные, кроме ближневосточного, – центры неолитической революции, то в Евразии это именно юго-восточноазиатский: здесь археологи нашли следы раннеземледельческих культур едва ли не большей древности, чем ближневосточные. Однако существенная разница в том, что земледелие в этом регионе было представлено выращиванием клубне – и корнеплодных (особенно таро и ямса), но не зерновых.

Казалось бы, разница не столь уж велика, главное все-таки в принципе: дошли же жившие здесь народы, причем вполне самостоятельно, до искусства выращивания растений и собирания плодов! Как, к слову, и до искусства керамики. И все-таки эта разница не только колоссальная, но и в некотором смысле роковая по результатам: возделывание зерновых привело в свое время ближневосточный регион к накоплению избыточного продукта, которое сделало возможным возникновение первичных очагов цивилизации и государственности, тогда как возделывание клубней с их менее полезными свойствами к этому не привело (клубни, в отличие от зерна, долго не сохранишь, особенно в жарком климате, да и еда эта по своему составу во многом уступает зерну). И хотя несколько десятилетий назад специалисты нашли в пещерах Таиланда следы весьма древней культуры бронзового века, что вносит немало нового в существующие представления о развитии и распространении бронзовых изделий, решающей роли в пересмотре взглядов на место юго-восточноазиатского региона в мировой истории это не сыграло. Ни местное земледелие, ни – позже – изделия из бронзы не привели здесь к возникновению древнейших очагов цивилизации и государственности, которые были бы сопоставимы с ближневосточными.

Достаточно рано, еще в IV тысячелетии до н. э., быть может, не без воздействия извне, юго-восточноазиатские народы перешли к возделыванию зерновых, в частности риса, но лишь сравнительно поздно, незадолго до нашей эры, в этом регионе стали возникать первые протогосударственные образования. Не вполне ясны причины такой задержки в развитии региона, который стартовал так давно и достиг столь многого еще в глубокой древности. Быть может, сыграли свою роль не очень благоприятные для образования крупных политических организмов природные условия, включая жаркий, тропический климат. Или свою роль сыграла географическая среда с преобладанием гористых районов с узкими и замкнутыми долинами, отделенных друг от друга островами. Но факт остается фактом: только незадолго до начала нашей эры в этом регионе складываются первые протогосударства, возникавшие под сильным влиянием, а порой и под прямым воздействием индийской культуры.

Индийское культурное влияние (брахманизм, касты, индуизм в форме шиваизма и вишнуизма, затем буддизм) определяло социальное и политическое развитие протогосударств и

ранних государств всего юго-восточноазиатского региона, как его полуостровной части (Индокитай), так и островной, включая Цейлон (хотя этот остров в строго географическом смысле не входит в Юго-Восточную Азию, по историческим судьбам он достаточно тесно примыкает к ней, что мы и примем во внимание, не говоря уже об удобстве изложения). Воздействие индийской культуры было самым непосредственным: многие представители правящих домов в регионе возводили свой род к выходцам из Индии и весьма этим гордились. В религиозных верованиях и в социальной структуре, включая кастовое членение, это воздействие видно, что называется, невооруженным глазом. Но со временем влияние со стороны Индии ослабевало. Зато усиливались иные потоки культурного взаимодействия.

Прежде всего имеется в виду Китай. Западные районы Индокитая и особенно Вьетнам были зоной китайского влияния уже со времен династии Цинь, когда первые вьетнамские протогосударства были подчинены циньской армией и затем на долгие века, несмотря на порой героическое сопротивление вьетнамцев, оставались под властью Китая. Да и после обретения Вьетнамом независимости китайское влияние в регионе не ослабло. Даже наоборот, усилилось. Еще позже появился в регионе и третий мощный поток культурного воздействия – мусульманский, который стал вытеснять индийское влияние.

Таким образом, страны и народы Юго-Восточной Азии оказались под воздействием трех великих восточных цивилизаций. Естественно, это не могло не наложить на регион своего отпечатка и не сказаться на сложности культурно-политической ситуации. Если же прибавить к сказанному, что в Индокитай постоянно шли с севера миграционные потоки и что этот полуостров с его горными цепями, узкими долинами, бурными реками и джунглями был, что называется, самой природой уготован для существования здесь многочисленных разрозненных и этнически замкнутых групп, то станет очевидным, что и этническая, языковая ситуация в этом регионе достаточно сложна. Обратимся теперь к истории основных стран и народов Индокитая, затронув при этом и Цейлон.

Шри-Ланка (Цейлон)

В географическом и историко-культурном плане Цейлон всегда тяготел к Индии. Но он всегда имел и достаточно тесные связи с Индокитаем. В частности, немалая доля того культурного влияния со стороны Индии, о котором уже говорилось, шла именно через Цейлон, который на рубеже нашей эры стал признанным центром пришедшего туда из Индии буддизма в его ранней хинаянистской модификации, буддизма Тхеравады.

Трудно с точностью говорить о первых шагах государственности на этом острове. Легенды повествуют о том, что в III в. до н. э. местный правитель послал посольство ко двору императора Ашоки и что в ответ на Цейлон прибыл сын Ашоки, буддийский монах Махинда, который обратил в буддизм правителя острова, его окружение, а затем и все местное население. Неясно, насколько эти предания соответствуют истине, но весьма вероятно, что они как-то отражают ее и что именно в III в. до н. э. под влиянием потока мигрантов-буддистов из Индии, ознакомивших местное население с буддизмом и другими элементами индийской цивилизации, включая и рисосеяние, на острове возникли первые устойчивые государственные образования. Во всяком случае вполне определено, что государство со столицей в Анурадхапуре с самого своего возникновения стало буддийским, а буддийские монастыри и монахи играли в нем огромную роль. Цейлон быстро превратился в святилище буддизма. Здесь был торжественно высажен отросток от священного дерева, под которым некогда, по преданию, прозрел великий Будда. Сюда со всей тщательностью и пышностью были привезены некоторые мощи Будды. Здесь началось составление писаного канона буддизма Трипитаки. И наконец, именно на Цейлоне в первые века нашей эры был выстроен знаменитый храм в Канди, где как самое ценное достояние страны хранился зуб Будды, для поклонения которому стекались из соседних буддийских стран многочисленные пилигримы.

Вся политическая история первого полуторатысячелетия (III в. до н. э. – XII в. н. э.) была активно связана с борьбой за укрепление и отстаивание позиций буддизма на острове. Ассимиляция мигрантов из Индии с туземным населением заложила на рубеже нашей эры основы сингальского этноса. Сингальские правители и были, как правило, ревностными

защитниками буддизма. Вместе с тем остров время от времени захлестывали волны пришельцев из Южной Индии, завоевателей-тамиллов, вместе с которыми на Цейлон прибывали многочисленные индуисты. Индуизм начинал теснить буддизм, что вызывало многочисленные конфликты. Новые волны мигрантов из Индии в начале нашей эры несли с собой и элементы буддизма махаянистского толка, так что религиозная ситуация на Цейлоне становилась все более сложной. В целом, однако, она свелась к тому, что окрашенная в религиозные тона рознь между местным сингальским буддистским населением и пришлым индуистским тамильским³³ сохранялась на протяжении всей истории страны и дожила, как известно, до наших дней.

Столицей страны вплоть до XI в. была Анурадхапура с ее обилием буддийских храмов и монастырей. Затем, в связи с завоеванием Цейлона южноиндийским государством Чолов и провозглашением в качестве официальной религии индуизма в форме шиваизма, столица была перенесена в город Полоннарува, центр индуизма. Впрочем, буддийские монастыри, как и индуистские храмы, на Цейлоне процветали всегда. В их распоряжении были богатые земли и иные сокровища, они обладали налоговым иммунитетом и имели огромный престиж среди местного населения.

Политическая история острова, как и других стран Востока, подчинялась общим законам цикловой динамики: периоды централизации и эффективной власти сильных правителей сменялись периодами децентрализации и междоусобной борьбы, после чего вновь возникали сильные централизованные государства, обычно покровительствовавшие буддизму (если только это не были государства, основанные мигрантами из Индии). Верховным собственником земли в стране считался глава государства, от имени которого, в частности, шли пожертвования и пожалования монастырям и храмам. Крестьяне платили ренту-налог в казну либо монастырям и храмам. Существовала довольно сильная, близкая по стандарту к индийской (хотя и без каст) община, делами которой ведал общинный совет. В административном плане страна делилась на провинции, области и уезды.

В XII–XV вв. заметно усилились феодально-сепаратистские тенденции на Цейлоне, вследствие чего лишь отдельным правителям и на короткий срок удавалось объединить страну, фактически распавшуюся на части. Наиболее сильной и богатой частью острова был юго-запад, где возникло самостоятельное государство Когте, основу дохода которого составляло выращивание кокосовых пальм и коричневого дерева. Торговля корицей, ведшаяся транзитом через Индию, приносила огромные доходы и послужила одним из источников представлений европейцев об Индии (о Цейлоне они тогда еще и не подозревали) как о стране пряностей. Стремление овладеть путями к стране пряностей было, как упоминалось, важнейшим стимулом, способствовавшим Великим географическим открытиям XV–XVI вв. Активные инициаторы этих открытий, португальцы, уже в самом начале XVI в. обосновались на юго-западе Цейлона, в Котте, где ими был выстроен форт Коломбо. Вскоре вслед за этим португальцы подчинили своему влиянию и государство Канди в центре острова.

Однако серия восстаний и войн привела к отступлению португальцев в конце XVI в., а в середине XVII в. они окончательно были изгнаны с Цейлона, но зато на смену им пришли голландцы, захватившие в свои руки монополию на торговлю корицей. В конце XVIII в. были изгнаны и голландцы, а их место заняли англичане. На фоне этих междоусобных войн колонизаторов местные политические деятели из числа сингальской и тамильской знати уже не были в силах защищать интересы страны и народа. С начала XIX в. Цейлон стал английской колонией, центром разведения шедших на экспорт кофе, а затем и чая.

Плантационное хозяйство заметно трансформировало привычную аграрную структуру страны. У многих крестьян были отняты их земли, а сами они были превращены в батраков, работавших на плантациях. В помощь им порой привозились из Индии завербованные там рабочие. Впрочем, сравнительно быстрое развитие страны в XIX в. вело к возрождению в ней национального сознания на новой основе. И хотя идейной базой национализма продолжал оставаться в основном буддизм, что является характерным для Шри-Ланки и сегодня, в стране

³³ Оседание тамильцев на севере острова превратило некоторые его районы почти целиком в тамильские; там время от времени возникали самостоятельные тамильские государства

возникла и с середины XIX в. стала играть немалую роль светская национальная культура (газеты на сингальском, а затем и тамильском языках, новая литература), что способствовало развитию антиколониальных настроений, а затем и политических движений, группировок и т. п.

Бирма

Хотя территория Северной Бирмы издревле служила пешеходным мостом между Индией и Китаем, государственность в самой Бирме возникла сравнительно поздно. Достоверные данные свидетельствуют лишь о том, что древнейшие аборигены здешних мест еще во II тысячелетии до н. э. были потеснены пришедшими с севера и северо-востока монкхмерами, после чего в I тысячелетии до н. э. с севера стали прибывать волнами тибето-бирманские племена. Протогосударство Аракан на юго-западе Бирмы было, видимо, древнейшим, причем не исключено, что в возникновении его сыграли определенную роль прибывшие сюда из Индии на рубеже нашей эры монахи, которые привезли с собой буддийские реликвии, – так, во всяком случае, гласят легенды. Позже, примерно в IV в., в центре современной Бирмы возникло протогосударство Шрикшетра бирманского племени пью, где тоже вполне очевидно господствовал буддизм южного хинаянистского толка. Впрочем, пью уже были знакомы и с вишнуизмом, о чем свидетельствуют сохранившиеся от того времени каменные скульптуры Вишну. На юге Бирмы возникло монское государство Раманадеса.

Все эти ранние государственные образования, особенно Шрикшетра, сыграли определенную роль в возникновении более развитого государства, королевства Паган, которое с XI в. объединило под своей властью как населенные бирманцами северные земли, так и южнобирманскую страну монов. Вассально зависимым от Пагана стал и Аракан. Влияние Цейлона сыграло свою роль в том, что южный буддизм Тхеравада занял в Пагане более прочные позиции (специальная пагода Швезигон была выстроена для того, чтобы в нее торжественно поместили копию цейлонского зуба Будды из Канди), нежели проникавший с севера махаянистский буддизм, в немалой степени отягощенный элементами тантризма с его сексوماгией.

Легендарный основатель королевства Паган Аноратха (1044–1077) много сделал для укрепления государства. При нем, как свидетельствуют предания, были заложены основы бирманского письма на основе графики пали и монского алфавита, получили развитие литература, различные искусства, прежде всего в их индианизированной мифологической форме. Видимо, определенное влияние на культуру Пагана оказал и Китай. Мало известно о внутренней социально-экономической структуре паганского общества. Но то, что известно, вполне списывается в привычные параметры: в стране господствовала власть-собственность (верховная собственность) правителя на землю, существовали вассальные владения крупной знати, аппарат чиновников, а также общинные крестьяне, которые платили в казну либо поставленному над ними казной владельцу земли, аристократу и чиновнику, ренту-налог.

Укрепление экономических позиций знати и буддийской церкви привело в конце XII в. к ослаблению не устоявшейся еще централизованной структуры паганского королевства. Слабеющая держава начала распадаться на части, а нашествие монголов во второй половине XIII в. ускорило ее развал. В XIV–XVI вв. в Бирме сосуществовало несколько небольших государств. В середине XVI в. шанское княжество Пегу ненадолго объединило Бирму под своей властью и даже на 15 лет поставило в вассальную зависимость от себя крупное тайское государство Аютию. Но на рубеже XVI–XVII вв. ситуация резко изменилась в связи с появлением в Бирме португальцев, развивших очень активную деятельность, включая чуть ли не насильственную христианизацию местного населения. Возмущение нажимом со стороны португальских колонизаторов, пользовавшихся определенной поддержкой властей, привело к гибели государства Пегу. На смену ему пришло новое государство под властью правителя княжества Авы, который сумел объединить вокруг себя большую часть Бирмы. Авское государство просуществовало свыше ста лет, до середины XVIII в., причем временами оно находилось под сильным давлением со стороны цинского Китая, хотя при этом в нем по-прежнему хозяйничали португальские, индийские, а чуть позже также голландские и

английские купцы, державшие в своих руках всю внешнюю и транзитную торговлю.

Социально-политическая структура в позднем средневековье в принципе оставалась той же, что была ранее. Правитель, высший субъект власти-собственности, опирался на достаточно развитый аппарат власти, состоявший из нескольких центральных учреждений и различных административных подразделений. Управители-мьютуджи считались чиновниками и за свою службу имели право на часть ренты-налога с управляемых ими областей. Остальное шло в казну государства и использовалось на содержание центрального аппарата, войска и иные нужды. Существовало монастырское землевладение, освобожденное от налогообложения. Значительной автономией пользовались правители окраинных княжеств, населенных в основном небирманскими племенами.

Буддийская церковь в Бирме была официально господствующей. Расположенные по всей стране монастыри были здесь не только религиозными, но также образовательными и культурными центрами, блюстителями знаний, нормы и порядка. Считалось обычным, что каждый юноша учился – если вообще учился – именно в соседнем монастыре и, естественно, прежде всего мудрости буддизма. По достижении совершеннолетия каждый бирманец проводил в монастыре несколько месяцев, а то и лет, проникаясь на всю жизнь духом буддизма.

Едва ли не весь XVIII век в Бирме прошел бурно. На западе древнее государство Аракан, вновь обретшее самостоятельность, испытывало сильное влияние со стороны мусульманской колонизованной англичанами Бенгалии. Сложные взаимоотношения Аракана с бенгальскими исламскими правителями – а через них и с администрацией империи Великих Моголов, пока она еще существовала, – и с явно стремившимися расширить зону своего влияния за счет Бирмы англичанами усугублялись необходимостью постоянной борьбы с португальскими пиратами и с собственными соседями-бирманцами в Бирме. Авское государство, просуществовавшее до середины XVIII в., пало под ударами одного из монских правителей, после чего отношения сложившегося в результате этого завоевания нового государства с цинским Китаем привели к вооруженному конфликту с китайскими войсками. Безрезультатными, хотя и весьма обременительными, были и почти непрекращавшиеся войны бирманских государств с Сиамом.

И все же, несмотря на все сложности, в Бирме в XVIII в. шел заметный процесс политической интеграции, одним из проявлений которого были военно-политические успехи: в начале XIX в. к Бирме, правда ненадолго, были присоединены индийские княжества Ассам и Манипур. В ходе первой англо-бирманской войны 1824–1826 гг. не только эти княжества, но также и Аракан были аннексированы англичанами, равно как и южные земли Тенассерима. Аннексия бирманских земель была продолжена в ходе второй (1852), а затем и третьей (1885) англо-бирманских войн, после чего независимая Бирма перестала существовать. Колонизация Бирмы англичанами привела к существенным изменениям в ней. Там стало быстрыми темпами развиваться рыночное хозяйство, ведущее к специализации сельскохозяйственного производства, затем также к созданию национальной экономической общности и, как следствие этого, к росту национального самосознания, к осознанию собственной бирманской государственной самобытности. При всем том, что колониализм принес бирманскому народу разорение земледельцев и превращение страны в аграрный придаток Великобритании, он косвенно способствовал развитию Бирмы, как экономическому, так и политическому. Едва ли стоит преувеличивать степень этого развития в XIX, да и в XX в., особенно если иметь в виду сохранение на окраинах страны племенных групп, находившихся на низком уровне развития. Однако нельзя забывать о том, что приобщение колониальной Бирмы к мировому рынку, равно как и воздействие со стороны европейской культуры, не прошли для этой страны бесследно и сыграли свою позитивную роль в событиях XX в.

Таиланд (Сиам)

Если не считать упоминавшихся уже сенсационных находок изделий из бронзы в пещерах Таиланда, датируемых весьма ранней древностью, но пока еще никак не увязанных с какими-либо этническими группами и тем более компактными и четко фиксируемыми археологическими стоянками и культурами, – то придется признать, что наиболее ранние следы

городской жизни, цивилизации и государственности в Таиланде относятся лишь к началу нашей эры, когда здесь обитали мигрировавшие сюда незадолго до того племена монкхмеров. Есть веские основания полагать, что, как и в случае с древней Бирмой, толчком для создания первых очагов государственности послужило интенсивное проникновение индийского влияния и, в частности, буддизма хинаянистского толка.

Мало что известно о древнейших монских протогосударствах в бассейне Менама. Китайские летописи, например, упоминают о независимом государстве Дваравати применительно к VII в., а более ранние надписи на монском и санскрите позволяют предположить, что это протогосударство существовало уже в IV–VI вв. и первоначально было вассалом кхмерского государства Фунань. С VIII–IX вв. столицей государства стал город Лопбури (Лаватура), соответственно изменилось и название государства. Лопбури находилось в вассальной зависимости от кхмеров, с XI в. – от Камбоджи. Другое монское государство на территории Таиланда, Харипуджайя, возникло в VIII–IX вв. чуть севернее Лопбури и вело с ним непрекращающиеся войны. После фактического подчинения Лопбури Камбодже Харипуджайя стала вести войны с Камбоджей.

Пока моны и кхмеры выясняли таким образом отношения друг с другом, с севера волна за волной стали мигрировать на юг племена таи. Еще в VII в. эти племена, возможно, смешавшиеся с тибето-бирманскими племенами, создали на территории современного Южного Китая (провинция Юньнань) государство Наньчжао, просуществовавшее в качестве независимого политического образования вплоть до нашествия монголов в XIII в. и оказавшее немалое воздействие как на успешную миграцию тайских племен на юг, так и на проникновение туда многих элементов китайской культуры и политической администрации. Волнами мигрируя на юг и смешиваясь с местным мон-кхмерским населением, а затем вновь наслаиваясь на эту ранее метисованную основу, тайские племена в XI–XII вв. стали явно преобладать на территории Таиланда как количественно, так и в этноязыковом плане. Создание нескольких тайских государственных образований было той солидной основой, на которой в XIII в. тайские вожди, воспользовавшись ослаблением ведшей непрерывные войны с бирманским Паганом кхмерской Камбоджи, объединились в рамках вновь возникшего крепкого государства Сукотай. Оно достигло наивысшего расцвета при Рамкамхенге (1275–1317). Захват монголами Юньнани и падение государства Наньчжао вызвали новую волну тайско-наньчжаоской миграции, что усилило политические позиции Сукотай, которое расширило свою территорию, заставив потесниться древние монские государства Лопбури и Харипуджайю, а также и кхмеров, т. е. Камбоджу, к тому времени уже сильно ослабевшую.

Усиление влияния Сукотай было, однако, недолговечным. Внутренняя слабость этого государства (правитель обычно раздавал сыновьям в качестве наследственных уделов немалую часть территории страны, что не могло не привести к ее феодальной раздробленности; не исключено, что этот институт уделов был заимствован из китайской традиции) привела к распаду его после Рамхамхенга. В результате последовавшей затем междоусобной борьбы тайских правителей возвысился один из них, основавший новую столицу Аютию и коронованный под именем Раматибоди I (1350–1369). Раматибоди и созданное им государство Аютия активно действовали в направлении объединения как всех тайских земель, так и населенных монами соседних территорий. С XV в. Аютия (Сиам) превратилась в одно из крупнейших государств Индокитая; даже Камбоджа была его вассалом.

Структурная слабость времен Сукотай была учтена правителями Аютии. Новые государи Сиамы вычленили из китайского опыта его наиболее сильные стороны и использовали их с немалым успехом. Высшим и единственным распорядителем земли, субъектом власти-собственности в государстве был король, по отношению к которому все землевладельцы выступали в качестве налогоплательщиков, вносящих в казну ренту-налог. Управлял страной разветвленный государственный аппарат, причем чиновники в качестве жалованья получали право сбора определенной доли ренты-налога с управляемых территорий, строго соответственно их рангу и должности. Крестьяне жили общинами и платили ренту-налог в казну. Часть крестьян была приписана к военному ведомству и военизирована; существовали свои формы военно-административной структуры, а также учения и военные тренировки. Видимо, сила и военные успехи тайцев в немалой степени зависели от активности этой части

населения, т. е. военнопоселенцев.

Централизованная администрация распространялась в основном на те районы Сиама, где жили сами тайцы. Но существовали еще и так называемые внешние провинции, управлявшиеся специальными наместниками, чаще всего принцами крови. Эти провинции, населенные преимущественно ногайским населением, обладали некоторой долей автономии. Но этнические различия между правящими тайскими верхами и угнетенными инородцами приводили к заметному утяжелению феодального гнета: наместники порой превращались в самовластных феодальных князьков, нещадно эксплуатировавших местное население, зависимость которого от них превращалась в кабальную (шесть месяцев в году – труд на господина или в пользу казны).

В середине XVI в. Аютия на короткое время попала в зависимость от бирманского государства Пегу, бывшего тогда на вершине своего могущества. Это обстоятельство было использовано кхмерами, которые решили выступить против ослабленного Сиама. Однако сиамцы нашли в себе силы для отпора. В 1584 г. началось мощное движение за независимость, а в период правления Наресуана (1590–1605) бирманцы и кхмеры были изгнаны из Аютии. Более того, было завершено объединение всех тайских земель, что превратило Сиам в одну из крупнейших держав Индокитая.

Как и другие страны региона, Сиам с XVI в. стал объектом колониальной экспансии со стороны португальских, голландских, английских и особенно французских купцов. Но колониальный нажим вызвал резкое сопротивление со стороны как раз в это время усилившейся центральной власти, которая сумела на рубеже XVII–XVIII вв. изгнать иностранных торговцев и закрыть страну от них. Надо сказать, что изоляция страны от европейского торгово-промышленного капитала способствовала некоторому упадку хозяйства и вызвала усиление эксплуатации крестьян старыми методами, отработанными ранее. Теперь уже практически все крестьяне Сиама были обязаны шесть месяцев в году работать на казну. Иными словами, норма ренты-налога повысилась до 50%. При этом кабально-зависимые, особенно из числа этнически чуждых тайцам народов, превратились в еще более жестоко эксплуатируемых, почти в рабов, что время от времени вызывало в стране восстания, имевшие часто религиозно-мистическую окраску и возглавлявшиеся обычно буддистами. Буддизм в Таиланде, как и в Бирме, был официальной государственной религией, а монастыри пользовались немалым престижем, как и буддийские монахи.

XVIII век прошел для Сиама под знаком войн с Вьетнамом и Бирмой, а также в стремлении подчинить ослабевшие Лаос и Камбоджу. Успехи в этих войнах привели к преодолению внутреннего кризиса и способствовали некоторому расцвету Сиама, включая литературу и искусство. Сильная центральная власть сумела наладить и развитие хозяйственных связей страны с внешним миром, что в начале XIX в. привело к возрастанию роли товарно-денежных отношений и развитию частнособственнических связей в Сиаме. Это стало своего рода эквивалентом отсутствию регулярных взаимоотношений с колониальным капиталом. Развитие за счет внутренних возможностей укрепило Сиам и поставило эту страну в особое положение на полуострове Индокитай. В XIX в. Сиам был единственным независимым от колониализма государством в Индокитае. Конечно, Сиам также постепенно втягивался в мировой рынок, в него тоже начинали проникать иностранные торговцы и колониальный капитал, но колонией какой-либо из держав эта страна так и не стала, что заметно отличает ее от других стран Юго-Восточной Азии.

Камбоджа

Древнейшим государственным образованием на территории Камбоджи была Фунань – индианизированное государство, история которого известна в основном по данным китайских хроник. Все, что известно о Фунани, указывает на индийские и индуистско-буддийские политические и культурные истоки этого государства, тогда как об этнической характеристике населения трудно сказать что-либо определенное. Не исключено, что одним из основных местных субстратов уже и тогда были кхмеры, хотя возможно, что роль их в то время была еще невелика. Завоевание Фунани ее северным соседом Ченла, в прошлом ее вассалом, привело в

середине VI в. к господству кхмеров, культура и письменность которых сложились на индо-буддийской санскритской основе. Как полагают, индоиранским по происхождению было и название (Камбоджа), которым стало именоваться новое государство. Немногочисленные надписи на санскрите и кхмерском языках, а также материалы китайских источников содержат немало сведений о ранних периодах истории Камбоджи, которую нередко посещали китайские посольства (стоит вспомнить, что в эти века Китай был сюзереном Вьетнама и китайцы часто бывали рядом с кхмерским государством).

Сведения, о которых идет речь, позволяют предположить, что структура ранней кхмерской Камбоджи была типичной для восточных обществ. Землевладельцы в основном являлись крестьянами, жившими общинами. Существовало служебное землевладение. В казну шел поток ренты-налога. Государственный аппарат существовал на привычной иерархическо-чиновничьей основе. Господствующей религией был буддизм, хотя огромную роль играл и индуизм. Даже в мифологии есть следы претензий правящего дома Камбоджи на родство с легендарными индуистскими «лунной» и «солнечной» династиями.

На рубеже VII–VIII вв. Камбоджа распалась на несколько соперничавших государств, в ходе междоусобной борьбы которых с IX в. стала усиливаться Камбуджадеша (Ангкорская Камбоджа) с ее обожествленными правителями (дева-раджа, т. е. царь-бог), культ которых немало содействовал развитию строительства пышных дворцово-храмовых комплексов, непревзойденной вершиной которых стали храмы Ангкора, где доминировали башни в форме линги, шиваистского символа правителя. Соответственно огромную роль в стране играли индуистские жрецы-брахманы, то и дело прибывавшие в Камбоджу. Правитель страны был высшим собственником всего, включая земли, т. е. субъектом власти-собственности. Часть земли непосредственно принадлежала двору, немало – жрецам и храмам. Доход с остальных шел в казну. Обрабатывали землю общинные крестьяне, но на королевских и храмовых землях этим обычно занимались неполноправные кхнью. Административный аппарат состоял из чиновников, получавших за службу временные служебные надельные земли, которые, как правило, тоже обрабатывали кхнью. Поскольку должности, особенно в высших разрядах чиновничества, бывали наследственными, чиновник по статусу был близок к знатному аристократу с его наследственными, нередко перераставшими в феодальные, правами.

Расцвет Ангкорской Камбоджи пришелся на XI век; с XIII в. она стала заметно ослабевать, чему в немалой степени способствовало проникновение из соседних стран буддизма в его южной хинаянистской форме. Религиозная борьба между индуистами-шиваитами и буддистами привела в Камбодже к победе буддизма, что совпало по времени с ослаблением и распадом Камбуджадеша. С XIV в. уходит в прошлое почти теократическая власть обожествленного монарха. Хинаянистский буддизм становится государственной религией. С XV в., когда сиамцы разграбили Ангкор, Камбуджадеша окончательно перестала существовать. Правда, вскоре Камбоджа была воссоздана заново со столицей в Пномпене, но величие страны, как и ее национальная гордость – храмы Ангкора, ушли в прошлое, в историю.

В XVI–XVII вв. Сиам и Дайвьет (Вьетнам) сильно теснили Камбоджу. И хотя временами кхмерам удавалось постоять за себя, сила была уже не на их стороне. Борьба кончилась тем, что в XIX в. правители Камбоджи вынуждены были признать двойной сюзеренитет Сиам и Вьетнама и искать помощи против своих сюзеренов на стороне, у французов, которые не преминули воспользоваться этим, что и привело, как известно, к превращению Камбоджи в колонию Франции.

Лаос

История Лаоса развивалась во многом параллельно таиландской: на местную аборигенную аустроазиатскую этноязычную основу наложился вначале мон-кхмерский, а затем таи-лаосский слой. Но, в отличие от Таиланда, города и протогосударства здесь оформились довольно поздно, в основном уже под влиянием кхмерской и даже тайской культур и через них – индо-буддизма. Этому процессу способствовали все те же волны тайской миграции, вызывавшиеся политическими событиями в Наньчжао в IX–XIII вв. В XIII в. Северный Лаос

вошел в состав тайского государства Сукотай, где господствующей религией был буддизм Тхеравада. Южные районы Лаоса в это время находились под влиянием кхмерских государств. В XIV в. несколько лаосских княжеств объединились в государство Лансанг, первый правитель которого Фа Нгун (1353–1373) расширил свои владения также за счет северно-восточных районов Таиланда.

Административная структура Лансанга, как и тайская, вобравшая, видимо, немало из китайской традиции через посредство Наньчжао, представляла собой иерархическую сеть центральных и окружных администраторов, каждый из которых управлял определенным ведомством либо округом, заботясь при этом о взимании с крестьян ренты-налога, об осуществлении необходимых общественных работ. Видимо, окружные начальники ведали и соответствующими военными формированиями. Тайское население считалось привилегированным; в основном именно из него набирали воинов. Большим влиянием в стране пользовались буддийские монахи. Строились многочисленные монастыри и храмы, бывшие одновременно – как и в Бирме, Сиаме, на Цейлоне, в Камбодже и других буддийских странах – центрами образования, грамотности, культуры.

В XIV–XV вв. Лансанг вел длительные войны с Аютией (Сиамом) за контроль над некоторыми тайскими княжествами. Затем начались войны с Дайвьетом, а с XVI в. – с Бирмой. Эти века были временем расцвета единого лаосского государства, его литературы и культуры. Наивысшего могущества Лансанг добился в годы правления Сулигна Вонгса (1637–1694), но после его смерти государство распалось на ряд княжеств, из которых сильнейшим вскоре стал Вьентьян, правители которого, опираясь на поддержку бирманского Авского государства, соперничали с тайской Аютией. Усиление Сиам в конце XVIII в. и ориентация на него враждебных Вьентьяну князей привели к походу тайцев в Лаос, завершившемуся превращением Лаоса на некоторое время в вассала Сиам. В начале XIX в. в результате новых войн с сильным сиамским государством Лаос потерпел поражение и был расчленен. Большая часть его территории попала под власть Сиам и Вьетнама. После вьетнамо-французских войн в 60-х и 80-х годах XIX в. Лаос оказался под сильным влиянием Франции, а затем стал ее протекторатом.

Вьетнам

Наиболее многочисленным из современных народов Индокитая являются вьетнамцы, история которых, если иметь в виду государственность восходит тоже примерно к III в. до н. э. Протогосударства Намвьет (частично на территории КНР) и Аулак существовали в то время, причем именно тогда они и оказались завоеванными войсками Цинь Ши-хуанди. Правда, вскоре после крушения империи Цинь циньский военачальник провозгласил себя правителем северо-вьетнамской территории. Позже, при У-ди, в III г. до н. э. северо-вьетнамские земли вновь были подчинены Китаю и, несмотря на порой героическое сопротивление захватчикам (восстание сестер Чынг в 40–43 гг.), они оставались под властью китайской администрации вплоть до X в.

Неудивительно, что Северный Вьетнам, население которого было этнически близко древнекитайскому царству Юэ, в культурном плане вынужден был ориентироваться на китайскую империю, что не могло не сыграть своей роли в его исторической судьбе. Это наложило заметный отпечаток и на характер социально-экономических отношений, и на формы политической администрации, и на весь образ жизни людей. Управляемый китайскими наместниками Северный Вьетнам имел типично китайскую внутреннюю социальную структуру. Общинные крестьяне платили ренту-налог в казну; за счет централизованной редиистрибуции ее существовали чиновники и немногочисленная вьетская знать. Чиновники имели служебные надель, аристократы – наследственные, но с урезанными правами. Эти права существенно ограничивались введением в стране административного членения по китайскому образцу, на области и уезды, не считаясь с веками складывавшимися племенными или вотчинными территориями.

С VI в. большую роль на севере Вьетнама стал играть буддизм махаянистского толка, пришедший туда из Китая, но еще большее распространение получило китайское

конфуцианство с его системой образования и китайским письмом (иероглификой). Были знакомы вьетнамцы – опять-таки через Китай – и с даосизмом. Словом, Северный Вьетнам на протяжении первых двенадцати веков своего существования был теснейшим образом связан с Китаем и целиком зависел от него в политическом и культурном плане. Это была в некотором смысле отдаленная периферия китайской империи, почти не имевшая автономии, хотя и отличавшаяся этническим составом местного населения и, естественно, некоторыми местными особенностями, своими традициями в образе жизни и т. п.

Южновьетнамское протогосударство Тьямпа, возникшее примерно во II в., являло собой совершенно иное образование. Прежде всего оно, как и весь остальной Индокитай в то время, было под заметным влиянием индийской культуры. Находившейся в зоне индо-буддийского влияния тьямы (лаквьеты) вели соответственно и иной образ жизни, что наиболее заметно проявлялось в сфере культуры и религии. Здесь процветал и фактически господствовал буддизм хинаянистского толка, хотя немалую роль играл и индуизм в его шиваистской форме, близкой к той, что была у кхмеров времен Ангкора. Только в IX в. здесь начали появляться первые махаянистские монастыри, знаменовавшие собой усиление северных влияний. В целом буддийские и индуистские монастыри и храмы в Тьямпе процветали. В V в. здесь (естественно, в монастырях) появилась и местная письменность на южно-индийской графической основе.

Отношения с севером, т. е. с китайскими правителями Северного Вьетнама, складывались у Тьямпы сложно и далеко не в пользу тьямов. Есть даже указания на то, что в V в. Тьямпа формально признала суверенитет Китая, что еще усилило нажим на нее с севера. В X–XI вв. северные земли Тьямпы были захвачены вьетнамскими правителями, освободившимися от власти Китая и ведшими ожесточенную междоусобную войну друг с другом, а в XII в. тьямов заметно потеснила Ангорская Камбоджа. Вторжение монгольских войск Хубилая на время приостановило междоусобные войны в Индокитае, но с XIV в. они вспыхнули с новой силой и привели к тому, что Тьямпа стала вассалом вьетнамского Аннама.

X век был для Северного Вьетнама периодом ожесточенных междоусобиц, продлившихся, как только что упоминалось, довольно долго. Падение династии Тан привело к высвобождению Северного Вьетнама от китайской власти. Сначала освободившийся Вьетнам возглавили короли династии Кхук (906–923), затем Нго (939–965), после чего военачальник Динь Бо Линь основал династию Динь (968–981) и дал стране наименование Дайковьет. Он же провел ряд реформ, направленных на усиление власти центра (создание регулярной армии, новое административное членение) и против междоусобных войн феодально-сепаратистски настроенной аристократии. Однако реформы не помешали тому, что после смерти Диня власть перешла к Ле Хоану, основавшему династию ранних Ле (981–1009). Именно Ле и потеснил наиболее серьезно тьямов, присоединив к Дайковьету часть их земель.

На фоне междоусобных войн в стране усилились фактически независимые крупные феодальные кланы (сы-куаны), чьи вотчины порой соперничали по силе с властью центра. Именно из их числа то и дело выходили новые правители, основывавшие новые династии. Естественно, все это не нравилось каждому очередному правителю, так что, придя к власти, он стремился ограничить возможности крупной знати. Однако сложность положения заключалась в том, что слабые государи вынуждены были опираться на поддержку сильных вассалов для укрепления собственной власти, вследствие чего правители мало что могли сделать против влиятельной знати. И все-таки попытки такого рода следовали одна за другой. Сначала это были реформы Диня. Затем в том же направлении действовал Ле, который сумел ослабить сы-куанов настолько, что источники почти перестали упоминать о них. Только в результате этого в стране сложилась более или менее благоприятная обстановка для создания сильного централизованного государства. Такое государство и было создано в XI в. правителями новой династии Ли (1010–1225).

Династия Ли, в 1069 г. изменившая название страны на Дайвьет, разделила ее на 24 провинции во главе со сменяемыми губернаторами. Вся политическая администрация была преобразована по китайской модели: чиновники разных рангов с четкой иерархией; центральные ведомства и провинциальные администраторы; система экзаменов для замещения административных должностей; конфуцианство как основа администрации и всего образа жизни населения; регулярная армия, основанная на рекрутской повинности, и т. п. Китайская

модель была базой и в сфере экономики и социальных отношений: земля считалась собственностью государства, олицетворенного королем; общинники платили в казну ренту-налог; чиновники жили за счет части этой ренты; существовала незначительная прослойка наследственной знати (в основном родня королей), имевшая земельные наследственные владения с ограниченными правами; немалым влиянием и имуществом пользовалась буддийская церковь. Буддизм, конфуцианство и близкие к даосизму местные крестьянские верования и суеверия имели явственную тенденцию к сближению в единую синкретическую народную религию – тоже по китайскому образцу.

Словом, как это ни покажется странным, но политическая независимость Дайвьета от Китая не только не привела к освобождению страны от влияния со стороны китайской культуры, укоренившейся за века своего господства во Вьетнаме, но, напротив, еще очевиднее реализовала это влияние, особенно в сфере политической культуры. По сути, вьетнамцы продолжали жить по тем стандартам, которые сложились прежде. Это видно даже на примере внутренней организации вьетнамских крестьянских общин, где существовали полноправные (местные) и неполноправные (пришлые), чаще всего не имевшие своей земли и оказывавшиеся в положении арендаторов. Это заметно проявилось и в организации городской жизни (цехо-гильдии; система государственных монополий и ремесленных мастерских и т. п.).

Внешняя политика династии Ли в XII в. принесла определенные успехи, особенно в борьбе с тьямами. Были успешно отражены также и предпринимаемые могущественной Ангорской Камбоджей попытки потеснить Дайвьет. Но на рубеже XII–XIII вв. династия стала слабеть, чем не преминул воспользоваться один из аристократов, родственник короля Чан. Опираясь на недовольство крестьян притеснением со стороны чиновников (похоже, что и династийный цикл вьетнамцы вместе со всей структурой заимствовали у Китая), Чан в 1225 г. совершил дворцовый переворот и объявил себя правителем новой династии, просуществовавшей до 1400 г. В принципе правители династии Чан продолжали ту же политику укрепления центральной власти, что и их предшественники. Но политическая обстановка в годы их правления сильно осложнилась вследствие нашествия монголов, затронувшего практически большую часть Индокитая. Хотя Чаны создали сильную армию и боеспособный военно-морской флот, противостоять монголам было не просто. Не только армия, но буквально весь народ поднялся против захватчиков. Война шла на износ, до победного конца. И монголы, особенно после гибели их военачальника Сагату, были вынуждены в конечном счете отступить. По условиям мирного договора 1289 г. китайская (монгольская) династия Юань признавалась формально сюзереном Вьетнама, но фактически Дайвьет остался независимым. Добившийся этого успеха главнокомандующий Чан Хынг Дао вплоть до сегодняшнего дня почитается как национальный герой.

Сопrotивление монголам сильно ослабило страну, подорвало ее экономику. Голод и неурядицы повлекли за собой в XIV в. серию крестьянских восстаний, а ослабление административного контроля и армии дало возможность тьямам попытаться отвоевать свои северные территории. Но слабость династии была пресечена решительной рукой Хо Кюи Ли, который в 1371 г. возглавил правительство и фактически сосредоточил в своих руках всю власть в стране.

Хо провел ряд важных реформ, сводившихся к резкому ограничению наследственных владений знати, к реорганизации армии и административного аппарата, а также к упорядочению налогообложения в интересах общинного крестьянства. Реформы дали определенный эффект, но вызвали сильную оппозицию. Недовольные апеллировали к правителям минского Китая, который формально был сюзереном Дайвьета. Минские войска вторглись в Дайвьет, и в 1407 г. правлению Хо был положен конец. Однако против китайских войск выступили патриотически настроенные вьеты во главе с Ле Лон, который добился вывода этих войск и основал династию Поздних Ле (1428–1789).

Ле Лои продолжил реформы Хо. В стране был произведен учет земель, восстановлен статус общины, неимущие крестьяне получили наделы. На юге были созданы военные поселения, где воины-крестьяне существовали на льготных условиях, но находились в постоянной боевой готовности для борьбы с тьямами. В стране была проведена административная реформа, создано новое членение на провинции и уезды. Чиновники

аппарата администрации получили право строгого контроля над общинами. Была укреплена система экзаменов, равно как и практика условного служебного землевладения чиновников. Все эти меры заметно усилили власть центра и стабилизировали структуру в целом, что способствовало расцвету экономики и культуры. И наконец, в 1471 г. были окончательно присоединены к стране южные земли Тьямпы.

С XVI в. власть правителей дома Ле стала ослабевать, а крупные сановники Нгуен, Мак и Чинь стали соперничать за влияние в стране. Междоусобная борьба их привела к фактическому разделению Дайвьета на три части. Вскоре наиболее влиятельный дом Маков был потеснен объединенными усилиями двух других, после чего разгорелась ожесточенная борьба между Нгуенами и Чинями, под знаком которой прошел весь XVII век. Северная часть страны, находившаяся под властью Чиней, развивалась в XVII в. вполне успешно: росли частновладельческие хозяйства, официально признанные среди общинников и соответственно обложенные налогами, расширялось ремесленное производство, развивались торговля, добывающие промыслы. У Чиней была хорошая армия, включавшая флот и даже боевых слонов. Южная часть страны, где закрепились Нгуены, тоже быстро развивалась. Здесь на захваченных у тьямов и кхмеров землях селились мигрировавшие с севера вьеты, которым при этом предоставлялись налоговые льготы. Общинные связи соответственно ослабевали, а товарно-денежные отношения и частновладельческое землевладение развивались. Большая колония китайских поселенцев, укрепившаяся в дельте Меконга после падения династии Мин, в немалой степени способствовала ускорению темпов развития Южного Вьетнама, росту там крупных городов.

Как на севере, так и на юге страны в XVII в. появилось немалое количество католических миссионеров. Если в Китае, Японии, даже в Сиаме их деятельность была пресечена, то во Вьетнаме, напротив, они получили довольно широкий простор. По-видимому, вьетнамские правители рассматривали католичество как своего рода весомый религиозно-культурный противовес китайскому конфуцианству, чьи позиции в стране по-прежнему были преобладающими. Одним из результатов успешной деятельности католических миссионеров во Вьетнаме было то, что наряду с китайской иероглифической письменностью, которой до того почти исключительно пользовались грамотные слои населения, тем более официальная администрация, все чиновничество, появилось еще и вьетнамское литературное письмо на латинской графической алфавитной основе. Эта письменность получила полную поддержку со стороны патриотически настроенных вьетов. Неудивительно, что в таких условиях позиции католической церкви укреплялись. Обращенных в христианство (католичество) во Вьетнаме уже в XVII в. насчитывалось несколько сотен тысяч. Такой рост вызвал даже опасения со стороны властей, что привело к закрытию в ряде городов страны европейских факторий и к некоторому ограничению деятельности католической церкви во Вьетнаме.

Со второй половины XVIII в. в обеих частях страны начались массовые крестьянские движения, вскоре вылившиеся в могучее восстание тэйшонов, которое протекало под лозунгом восстановления власти законных правителей всего Вьетнама из династии Ле. Восстание, таким образом, было направлено против расчленения страны на север и юг, против Нгуенов и Чиней. Однако попытка одного из Ле реально восстановить власть династии не была удачной. Напротив, она привела династию к окончательной гибели (1789). В 1802 г. Нгуены при поддержке французов сумели нанести тэйшонам поражение, после чего весь Вьетнам был объединен под их властью. Правители объявили себя императорами новой династии Нгуен (1802–1945), последней в истории страны.

С 1804 г. страна стала официально именоваться Вьетнамом. Были проведены реформы, направленные на укрепление имперской власти. Аппарат администрации стал получать жалованье из казны, а служебные условные владения были отменены. Остатки общинной структуры использовались для облегчения системы налогового управления. Землевладельцы платили налог в казну. Развивались города, особенно на юге, а также городское ремесло и торговля. Все более активную роль в хозяйстве страны начинали играть иностранцы – как мощная, весьма развитая и экономически процветающая китайская колония в южных городах, так и европейцы, особенно французы. С середины XIX в. Вьетнам шаг за шагом превращался во французскую колонию. Этот процесс, растянувшийся на десятилетия (1858–1884), завершился в

конце XIX в.

Глава 12 Юго-Восточная Азия: островной мир

Островной мир Юго-Восточной Азии (Индонезия, Филиппины), равно как и близкий к нему географически и в историко-культурном плане полуостров Малакка (Малайя), – это особая часть юго-восточноазиатского региона, во многом отличная от континентальной. Здесь преобладает иной язык (индонезийская ветвь малайско-полинезийской семьи), обитают по преимуществу другие этнические группы, не говоря уже о много более заметном, нежели на континенте, негро-австралоидном расовом компоненте.

Вначале близкий к континентальному субрегиону в историко-культурном плане (господство индуизма и буддизма в религиозных представлениях, преобладание индийского влияния в социально-политической системе раннегосударственных образований), островной мир с начала II тысячелетия стал сильно отличаться от него, ибо именно здесь быстрые темпы исламизации привели к почти полной победе ислама, что сказалось на культуре и образе жизни населения. Наконец, и это важно принять во внимание, именно островной субрегион с его субтропическими и тропическими продуктами, прежде всего пряностями, столь желанными для европейцев, оказался одним из первых объектов колонизаторских устремлений раннего европейского капитализма. Этот островной мир и был, если угодно, той самой Индией, удобный путь в которую так стремились найти и в поисках которой предприимчивые европейцы совершили свои самые известные географические открытия, включая открытие Америки. И далеко не случайно долгие века эти земли именовали Голландской Индией, как не случайно в этом плане и современное название Индонезии.

Малайя

Данные антропологии, археологии и палеолингвистики свидетельствуют о том, что на древнейший негроидный и аустро-меланезоидный расово-этнический субстрат в III–I тысячелетиях до н. э. наложился этнокультурный слой мигрировавших в Малайю из Юго-Западного Китая малайских племен, принесших с собой культуры неолита и бронзы. Выгодное географическое положение (через Малаккский пролив пролегают наиболее удобные торговые пути) способствовало превращению южной части полуострова в торговый перекресток, где на протяжении веков скрещивались пути индийских, арабских, затем китайских купцов и где поэтому уже с рубежа нашей эры возникали портовые города, служившие и перевалочной базой, и рынком, и носителем быстро распространявшихся культурных влияний.

Особо заметную роль играли здесь индийские купцы и вообще выходцы из Индии, включая представителей брахманских каст и буддийских монахов. Именно они создали в городских и портовых поселениях Малайи первоначальную социально-политическую и религиозно-культурную основу. Как говорилось, нечто похожее в это же время было и в континентальной части региона, где индийское влияние на ранних этапах становления цивилизации и государственности было весьма ощутимым. Это же коснулось, как о том будет идти речь далее, и островов Индонезии. Индийская первооснова была ощутима долгие века и вплоть до исламизации даже явственно преобладала, так что далеко не случайно регион в целом воспринимался иностранцами (европейцами) как нечто связанное с Индией, что и нашло свое отражение в упоминавшихся уже его наименованиях.

Первые протогосударства на территории Малайи, возникшие на рубеже нашей эры, были, таким образом, скорее иноземными анклавами, нежели результатом спонтанного развития местных этнических общностей. Однако со временем индо-буддийское религиозно-политическое ядро городских поселенцев обрастало тяготеющей к нему местной сельской периферией. Возникали протогосударственные образования типа городов-государств,

значительная часть которых вначале находилась в вассальной зависимости от кхмерской Фунани либо, чуть позже, с VIII в., от суматранской Шривиджайи. Когда в XI в. южноиндийское государство Чолов овладело на некоторое время Шривиджайей, это отразилось и на малайских государствах, попавших под власть Чолов. В XII в. часть малайских княжеств оказалась под властью кхмерского Ангора. Но одновременно от своих претензий на сюзеренитет не отказывались и суматранская Шривиджайя, и усилившееся государство Джамби, бывшее прежде вассалом Шривиджайи. В XIII в. среди малайских княжеств выделилось государство Трамбралинга, решившее освободиться от вассальной зависимости. Однако апелляция за помощью к тайскому Сукотаи привела лишь к тому, что Трамбралинга оказалась под властью Сукотаи. Долгие годы малайцы боролись за вытеснение тайцев из своей страны. А когда эта цель была достигнута, на гегемонию стал претендовать яванский Маджапахит.

Картина, в общем, достаточно ясна: малайские княжества, располагавшиеся в стратегически важном районе Юго-Восточной Азии и контролировавшие судоходство по Малаккскому проливу, были слишком лакомым куском, чтобы долго сохранять полную независимость. Слабость же этих небольших государственных образований способствовала тому, что они то и дело попадали в вассальную зависимость от сильного соседа. Ситуация довольно резко изменилась лишь на рубеже XIV–XV вв., когда бежавший из Маджапахита в Малайю яванский принц Парамешвара сделал ее своей социально-политической опорой в борьбе за создание сильной власти мусульман.

Дело в том, что после начала процесса исламизации Индии основной поток индийских торговцев в Юго-Восточную Азию стал формироваться за счет торгового флота Гуджарата. Гуджаратские индийские купцы были преимущественно мусульманами, что не замедлило сказаться на превращении ислама в ведущую силу в малайско-индонезийской торговле. В 1414 г. Парамешвара официально принял ислам и под именем Искандер-шаха стал во главе созданного им Малаккского султаната, быстро сумевшего захватить не только почти всю Малайю, но также и часть Суматры, ряд прилежащих островов. Хотя сам Искандер-шах и не сумел добиться сразу полного успеха, ибо ориентировавшаяся на индуизм часть малайской торгово-политической верхушки была в то время еще достаточно сильна, с середины XV в. ислам в султанате уже прочно закрепился. Малаккский султанат именно с помощью исламских политических и социальных институтов превратился в крепкое централизованное государство с верховной властью правителя, осуществлявшего – как то бывало свойственно всем исламским политическим структурам – строгий верховный контроль и над земельными отношениями, и в сфере политической администрации, и в торговле. Существенно заметить, что, хотя мусульмане проникали и закреплялись на островах Индонезии задолго до возникновения Малаккского султаната, только после победы ислама в Малайе и появления сильной централизованной державы в районе Малаккского пролива мусульмане стали одерживать победу за победой и в Индонезии. В частности, этому способствовала миграция малайцев-мусульман в Калимантан, в области Саравак и Сабах – те самые, которые уже в наше время вошли, далеко не случайно, в состав Малайзии. На протяжении XV в. ислам активно вытеснял остатки индуизма и буддизма в сфере малайской культуры, что привело, в частности, к замене индийской письменности здесь арабо-персидской, к упадку храмовых сооружений индо-буддийского происхождения. В то же время исламизация способствовала выходу на передний план собственно малайского языка, к превращению его в литературный.

Малаккский султанат прекратил свое существование в 1511 г. под натиском португальцев, разбивших армию султана и превративших его столицу Малакку в свою торговую факторию, где португальские купцы господствовали вплоть до середины XVII в. Крушение централизованного государства не привело, однако, к гибели исламской государственности. На месте единого возникло несколько меньших по размеру султанатов, каждый из которых проводил собственную политику, противостоял натиску португальских, а затем и голландских колонизаторов либо в чем-то сотрудничал с ними. Конечно, децентрализация привела к ослаблению власти султанов, что и было целью колонизаторов. Да и в рамках небольших султанатов колонизаторы активно содействовали росту центробежных тенденций, т. е. усилению независимости правителей областей, нередко превращавшихся в самовластных

наследственных князьков. Но, несмотря на весь этот процесс, со временем некоторым из султанатов, и прежде всего южномалайскому Джохору, удалось внутренне укрепиться и заметно усилиться. Используя благоприятную внешнеполитическую ситуацию и вступив в союз с голландцами, султаны Джохора сумели в середине XVII в. изгнать португальцев из Малайи.

Изгнание португальцев было немалой победой. Правда, вместо них в Малакке прочно закрепились голландцы. Но зато резко вырос престиж Джохора, что способствовало превращению его в крупнейшее государство полуострова. Почти весь XVIII век прошел в ожесточенном соперничестве джохорских султанов с голландцами. В конце концов верх взяли голландцы, а Джохор, как некогда Малаккский султанат, распался на ряд мелких султанатов. Однако эта победа не принесла голландцам удачи. Английская Ост-Индская компания, попытавшаяся было уже в конце XVIII в. укрепиться в Сингапуре, стала вести курс на подкуп некоторых султанов, в чем и преуспела. Развал Джохора оказался выгодным именно ей. В 1795 г. англичане заняли Малакку, вытеснив оттуда голландцев. А в начале XIX в. они один за другим прибрали к рукам важнейшие малайские султанаты. Захват в 1819 г. Сингапура окончательно закрепил ведущие позиции Англии в Малайе, фактически превратившейся в английскую колонию. Лондонским договором 1824 г. Малайя была признана английской сферой влияния, тогда как Голландия от нее отказалась. Контроль над морским путем через Малаккский пролив оказался в руках англичан.

Индонезия

Малайя была всегда тесно связана со всем островным миром Юго-Восточной Азии – достаточно напомнить, что его подчас называют Малайским архипелагом. Похоже на то, что в глубокой древности именно через Малайю на архипелаг проникли многие компоненты, составившие затем основу населения Индонезии, и прежде всего основной малайский компонент. Ранние протогосударства в Индонезии появились, как и практически во всей Юго-Восточной Азии, примерно на рубеже нашей эры, может быть, чуть позже, чем на континенте, в IV–V вв. Это были индуистское Тарума и буддистское Калинга на Яве, буддистское Гэин на Суматре, индуистское Варунадвипа на Калимантане. И названия, и религиозно-культурная ориентация ранних индонезийских государств, даже локализация их преимущественно в западных районах архипелага – убедительное свидетельство той огромной роли внешних влияний в процессе их генезиса, о которой уже не раз говорилось применительно ко всей Юго-Восточной Азии. В отдельных случаях древние надписи фиксируют даже существование в ранних индонезийских государствах каст по индийскому стандарту. А правитель Тарумы сопоставлялся в текстах с индийским Вишну.

Структурно государства были примерно однотипны. Существовали верховный правитель-вождь, его наместники и помощники, а также производители-общинники, платившие ренту-налог в казну. Возможно, что некоторые из государственных образований были типологически близки к малайским городам-государствам, возникавшим вокруг торговых портов. В идеологии и культуре господствовали индуизм, преимущественно в шиваистской форме, хотя встречались и вишнуисты, а также буддизм. Преобладала санскритская письменность. Индо-буддийским было монументальное храмовое искусство с соответствующей архитектурой и скульптурой.

Исторически наиболее развитыми и ранее других достигшими уровня цивилизации и государственности были тесно связанные между собой Суматра и Ява, географически представлявшие как бы единую узкую полосу островов, тянувшихся с северо-запада на юго-восток. Первым крупным государством на Суматре была Шривиджайя, просуществовавшая с VII по XIII в. В пору своего расцвета власть правителей Шривиджайи простиралась не только на всю Суматру, но также и на часть соседних мелких островов, временами и на часть Малакки. Шривиджайя была признанным центром мировой торговли, и именно через нее в островной мир Индонезии активно проникал буддизм. Впрочем, стоит заметить, что в самой Шривиджайе правители были достаточно равнодушны к буддизму: во всяком случае, там не обнаружено остатков таких величественных буддийских храмов и иных

строений, как на Яве.

Яванское государство Матарам, основатель которого Санджайя был индуистом-шиваитом, возникло в VIII в., но уже при внуке Санджайи, основавшем династию Шайлендров, религиозная ориентация государства изменилась. Яванские Шайлендры стали активно поддерживать буддизм махаянистского толка, свидетельством чего является величественный храмовый комплекс Боробудур. Возможно, буддийская ориентация Шайлендров сыграла определенную роль в том, что в начале IX в. один из представителей этой династии с помощью династического брака стал правителем Шривиджайи и основателем там той же династии Шайлендров – факт, внесший немалую путаницу в загадку истории индонезийских государств. Что же касается Матарамы, то это яванское государство было типично восточным по его внутренней организации. Землей в ней распоряжался сам правитель, административный аппарат состоял из служивших ему чиновников. Общинные крестьяне вносили в казну ренту-налог, за счет редистрибуции которой содержались знать, воины, чиновники, духовенство. Немалую роль в стране играли торговые города-порты и вообще торговля и торговые операции.

Матарамские Шайлендры сошли с исторической арены в XI в., уступив место государству, созданному одним из приближенных последнего правителя, его зятем Эрлангти (Эрланга). Эрлангти восстановил на Яве приоритет шиваизма, но не преследовал буддистов. Напротив, стремился создать некий синтез обеих религий. Его государство подчинило себе почти всю Яву и являло собой строго централизованную организацию с хорошо налаженной чиновной администрацией, развитыми ремеслом и торговлей. Государство заботилось о поддержании в порядке ирригационной сети и упорядочило налогообложение. Размер ренты-налога составлял примерно десятую долю урожая.

После Эрлангти созданное им государство распалось, но вскоре один из его наследников сумел усилиться в княжестве Кедири, которое стало едва ли не сильнейшим на Яве в XII в. В начале XIII в. правитель Кедири пал жертвой заговора, а в последовавшей за тем династической борьбе победителем вышел Кертанагара, который в XIII в. достиг немалых успехов в деле объединения яванских земель и противостояния нашествию монголов. Впрочем, предотвратить это нашествие он не смог, а уже после появления монголов на Яве, когда Кертанагара пал жертвой очередного заговора, его наследник Виджайя сумел ловко использовать монгольские отряды для победы над соперниками, после чего уничтожил часть их, вынудив остальных убраться восвояси.

Виджайя создал новое государство Маджапахит (1293–1520) и стал его первым правителем. С этого времени центром, политического могущества Индонезии становится Ява. Справедливости ради стоит заметить, что эта тенденция начала проявлять себя еще в XIII в., когда стала слабеть суматранская Шривиджайя. Удары со стороны южноиндийского государства Чолов подорвали ее могущество еще в XI в., а в конце XII в. ряд суматранских княжеств, бывших до того вассалами Шривиджайи, стали самостоятельными, как, например, Джамби. В XIII в. под ударами с севера, со стороны Сукотай, и с востока, со стороны яванского правителя Кертанагары, Шривиджайя распалась. Вот в этих-то условиях значительная часть ее наследства на Суматре и попала под власть яванского Маджапахита.

Маджапахит был крупнейшим государством в истории Индонезии. Хотя некоторые специалисты сомневаются подчас в том, что его правитель реально контролировал все те земли, которые считались вассальными по отношению к нему, факт остается фактом: владения Маджапахита распространялись на всю Яву, Суматру, Калимантан, даже Сулавеси, а также на многочисленные мелкие острова архипелага. Наивысшего развития государство достигло в те годы, когда им управлял всемогущий первый министр Гаджа Мада (20–60-е годы XIV в.). Этот выдающийся политический деятель не только много сделал для собирания земель, но и умело управлял обширной и весьма разнородной империей, как ее подчас именуют.

Созданный им свод законов закрепил социально-политическую организацию государства. Во главе Маджапахита стоял махараджа, личные потребности двора которого удовлетворялись за счет доходов с земель, считавшихся его доменом. Остальные территории находились под управлением наместников, чаще всего из числа родственников правителя и знатных аристократов, а реальную власть на местах осуществляли многочисленные чиновники,

получавшие за это от казны служебные наделы. Основной производственной и хозяйственной единицей была община, напоминая индийскую, хотя и без кастового неравенства. Налоги с общинников шли в казну, и за счет редистрибуции этого дохода существовал весь аппарат власти. Немалое место в обществе занимали индуистские (прежде всего шиваиты) и буддийские жрецы и монахи. Большого развития достигла культура. Внимание уделялось архитектуре, литературе и особенно театру (театр марионеток вааянг – национальная гордость индонезийцев по сей день).

После смерти Гаджи Мады в 1364 г. Маджапахит стал понемногу клониться к упадку. Вассальные князья в разных частях обширного государства то и дело стремились освободиться от опеки центра и добиться укрепления своих владений за счет более слабых соседей. Слабеющие правители государства, нередко ведшие изнурительные войны с претендентами на их престол, заботились лишь о том, чтобы сохранить хотя бы видимость власти, для чего они нередко обращались за дипломатической поддержкой к третьим странам, в частности к минскому Китаю, чьи миссии (флот адмирала Чжэн Хэ) в начале XV в. посещали Индонезию. Вообще следует заметить, что с XV в. в городах Индонезии появляются китайские мигранты, преимущественно ремесленники и торговцы, число которых со временем все возрастало, пока они, получившие ныне сводное наименование хуацяо, не стали играть весьма заметную роль в экономике Индонезии. Правда, это случилось не сразу. До этого Индонезия подверглась натиску иноземцев другого рода. Речь об ее исламизации.

Ислам впервые появился на островах Индонезии, видимо, в XIII в., а уже на рубеже XIV–XV вв., как упоминалось, бежавший из Маджапахита яванский принц Парамешвара, воспользовавшись ослаблением власти на Яве, сумел создать в Малайе сильный султанат – первое крупное исламское государство в островном мире Юго-Восточной Азии. Исламизированные малайцы, равно как и мусульманские торговцы из числа индийцев-гуджаратцев, арабов и персов, в XV в. стали активно заселять Суматру, укрепляться на Калимантане и Яве и, главное, нести с собой ислам как новую и дававшую в руки правителей мощные рычаги власти религиозную систему. Надо сказать, что многочисленные вассалы Маджапахита сразу же ухватились за эту возможность усилить их власть – возможность, столь убедительно продемонстрированную в начале XV в. Искандер-шахом малайским. Все большее количество правителей княжеств превращались в султанов мусульманских государств, пока в 1520 г. коалиция султанатов не уничтожила Маджапахит. В стране возникло множество самостоятельных мелких государств, в основном султанатов. Их междоусобные войны в XVI в. создали своего рода политический вакуум в Индонезии, что в немалой степени облегчило португальцам задачу укрепления на островах архипелага.

В конце XVI в. на развалинах Маджапахита укрепилось ненадолго государство Бантам в западной части Явы. Этому, в частности, способствовал рост значения Зондского пролива в торговых операциях после того, как Малаккский пролив полностью попал под контроль португальцев. Бантам был крупнейшим торговым портом, в котором проживало множество иностранных купцов, в том числе большая колония китайских мигрантов, игравших ведущую роль в торгово-ростовщических операциях. Следует заметить, что резко возраставший спрос на пряности – гвоздику, корицу, мускатный орех, перец и т. п. – на рубеже XVI–XVII вв. заметно сказался и на привычной форме сельскохозяйственных занятий населения. Крестьяне все чаще, причем нередко под нажимом, переходили к выращиванию новых культур, что сильно меняло весь их образ жизни, ставило их в зависимость от рынка, где господствовали колонизаторы. Работа на рынок вела к ломке традиционно устоявшихся связей, а порой и к превращению крестьян-общинников в батраков на плантациях. Усилилась роль рабства. Португальцы, а затем и голландцы порой захватывали сильных здоровых мужчин на одних островах, как правило, наиболее отсталых по уровню развития, и привозили их в качестве рабов на другие, где эти рабы использовались для работы на плантациях. Разумеется, это вызывало протесты и даже восстания. Но восстания топились в крови, а колониальная эксплуатация местного населения лишь усиливалась. Богатели торговцы, ростовщики, скупщики, а еще больше связанные со всеми ими и стоявшие за их спиной колонизаторы.

Что касается колониальных держав, то господство португальцев в Индонезии, как и в Малайе, длилось недолго. В начале XVII в. на Яве уже достаточно прочно обосновались

голландцы и англичане. Их соперничество завершилось в пользу голландской Ост-Индской компании, которая вела жесткую политику усиления эксплуатации индонезийцев через систему принудительных работ, контрибуций от зависимых вассалов и откупов (откупщиками чаще всего были китайские торговцы и ростовщики). Голландцы в середине XVII в. укрепились на Яве, заставив считаться с собой пришедшее на смену Бантаму государство Матарам (Матарам поздний). Лавируя между Бантамом и Матарамом, голландцы в конечном счете подчинили себе оба султаната и в XVIII в. продолжали активное освоение островов Индонезии, внедряя выгодную для себя систему монокультур.

На рубеже XVIII–XIX вв. голландская Ост-Индская компания была ликвидирована, но все ее владения перешли к Голландии как колониальному государству. Начался новый этап колониального господства, в ходе которого Нидерландам пришлось выдержать энергичный натиск со стороны Англии, все еще претендовавшей на Индонезию. Лондонское соглашение 1824 г. закрепило Индонезию за Нидерландами, которые к этому времени были уже полным хозяином архипелага. Привлекая на свою сторону правящую верхушку местных султанатов и жестоко подавляя то и дело вспыхивавшие восстания, голландцы энергично вводили на разных островах архипелага систему принудительного разведения нужных им культур (кофе, табак, индиго и др.). Приблизительно пятая часть земель, занятая этими культурами, которые выращивались и сдавались крестьянами по низким закупочным ценам, давала земледельцам право пользоваться остальной землей для собственных нужд и для выплаты ренты-налога в казну их султанов. В целом жестокие методы эксплуатации привели население Индонезии в состояние нищеты, голода и отсталости. Стоит в этой связи заметить, что Голландская Индия была практически лишена и тех пусть небольших, но все же существенных для развития страны промышленных нововведений, которые реализовывались в других колониальных странах, в частности в Британской Индии.

Филиппины

Географически Филиппины – это часть все того же островного мира Юго-Восточной Азии. Но, будучи восточной и исторически периферийной его частью, Филиппинский архипелаг развивался более замедленными темпами, что не преминуло сказаться на результатах: к моменту вторжения испанцев на Филиппины в XVI в. только небольшая часть населения островов начала переходить от первобытности к ранним государственным образованиям.

Население Филиппин в принципе комплектовалось из тех же компонентов, что и остальной островной мир: на древний негро-австралоидный субстрат во II–I тысячелетиях до н. э. волнами насаивались аустронезийцы южномонголоидного типа. Но набегали эти волны не сушей через Малайю, как то было на западе, а морем, порой через Тайвань, причем все из того же Южного Китая. С рубежа нашей эры, когда Малайя и Индонезия в ее западной части были уже индианизированы, индо-буддийская культура стала понемногу проникать и на восток, в том числе и на Филиппины. Культурные контакты, однако, шли крайне медленными темпами. Связи с буддийской Шривиджайей, а позже с индуистской культурой Маджапахита сыграли определенную роль в развитии местного населения, но больших результатов на дали. Быть может, большее значение в этом смысле имела исторически новая китайская миграция: в конце I тысячелетия на Филиппин стали прибывать китайцы, но уже не те южнокитайские племена юэ, которые тысячелетием-двумя ранее сыграли роль одного из компонентов местного населения, а жители высокоразвитой империи, несшие с собой многогранную и яркую культуру. Археологические данные, в частности, свидетельствуют о том, что в начале нашего тысячелетия материальная и духовная культура местного населения находилась под сильным влиянием как Индии, так и Китая. С XIV в. через южные острова на Филиппины стал проникать и ислам, причем именно проникновение ислама способствовало возникновению здесь первых очагов государственности.

Зафиксированные испанцами в XVI в. данные позволяют, хотя и фрагментарно, проследить этот процесс. На островах существовали общины-балангаи, власть в которых принадлежала старейшинам. Средний размер общины 30–100 семей, но были и более крупные,

до 1–2 тыс. Наиболее развитые из них вели войны с соседями, причем в случае удачи вчерашний общинный старейшина становился правителем надобщинного протогосударства. Вожди такого рода вначале именовались преимущественно индийскими терминами, чаще всего раджа, иногда – дато. Терминология в данном случае является индикатором влияний.

В XV и начале XVI в., когда португальцы изгнали из Малакки султана и его родню, часть их мигрировала на восток и достигла Филиппин. На юге архипелага население стало быстро исламизироваться, а первые государственные образования принимали форму султанатов, что в это время было уже обычным для всего островного мира, включая Малайю и Индонезию. По характеру ранние султанаты были еще очень примитивными: вокруг вождя (султана), выборного либо уже наследственного, группировались социальные верхи, благородные, которые жили за счет редистрибуции дохода (ренды-налога) с общин и труда разных зависимых категорий, из числа как пленных и чужаков, так и разорившихся общинников. Вся эта форма социально-политической организации уже в 1433 г. была зафиксирована в судебнике, определявшем наказания за различные проступки в зависимости от социального статуса человека. Земля находилась в верховном владении правителя (султана, раджи, дато), выступавшего в функции субъекта власти-собственности и наделявшего землями тех, кому он считал нужным их дать. У некоторых народов под западным влиянием возникали и свои формы письменности на южноиндийской графической основе.

Экспедиция Магеллана, бросившего якорь на острове Себу в 1521 г. на пути к Молуккским островам, привела к открытию и освоению архипелага испанцами. Хотя первая попытка подчинить местных правителей и прочно обосноваться здесь была неудачной для испанцев (сам Магеллан погиб на Себу, а его победитель Лапу-Лапу до наших дней почитается как первый герой в борьбе за независимость), она не пропала даром: уже в середине XVI в. испанцы достаточно твердо чувствовали себя на архипелаге, который в 1542 г. был назван ими в честь принца Филиппа, будущего короля Филиппа II. Успешные завоевания и освоение новых выгодных районов, в частности создание порта Манила в 1570 г., привели к тому, что в конце XVI в. испанцы не только были полными хозяевами на севере и в центре архипелага, но и успешно христианизировали население захваченных ими районов. Только мусульманский юг, «страна Моро» (мавров), как называли его испанцы, оставался мятежной периферией вплоть до XIX в., да и после этого, даже в наши дни, он заметно отличается от других частей Филиппин.

Христианизированные и испанизированные части архипелага в принципе мало чем отличались от латинизированной теми же испанцами приблизительно в то же время Америки. Те же наместники короля и губернаторы провинций, опиравшиеся на аппарат чиновников и богатые слои испанских колонизаторов. Та же всеильная католическая церковь с ее неистовыми монахами-миссионерами различных орденов и в целом весьма послушная им паства. Правда, методы завоевания и поддержания порядка здесь были менее жестокими: на Филиппинах не было золота, столь разжигавшего страсти конкистадоров. А для освоения страны нужны были люди, которых следовало беречь (в XVII в. население архипелага составляло около 500 тыс. человек, из них около 1% испанцев).

Система управления на первых порах тоже формировалась по общему для латиноамериканских колоний образцу: на Филиппинах было создано около 270 участков, переданных в энкомиенду (своего рода опека) испанским колонистам, как частным лицам из числа влиятельных землевладельцев, так и монашеским орденам либо короне. Попечитель-энкомендеро обычно собирал с вверенного ему опеке населения при посредстве старост общин фиксированный налог, трибуто, и требовал от крестьян выполнения различных повинностей. Возглавляемое старейшинами-касиками население подчас бунтовало против новых порядков, но безуспешно. В начале XVII в. по настоянию католической церкви система энкомиенд была отменена и заменена сбором трибуто и иных налогов непосредственно в пользу королевской казны.

Торговля между Филиппинами и Испанией была ограниченной, зато в азиатской торговле архипелаг занимал все более заметное место, прежде всего благодаря китайским мигрантам-хуацяо, число которых все возрастало (в конце XVI в. их колония в Маниле насчитывала 10 тыс., в начале XVII в. уже 25 тыс. человек). Китайцы со временем фактически почти монополизировали всю азиатскую торговлю, что и неудивительно: богатые испанцы

были к этому делу высокомерно равнодушны, а местное население недостаточно для этого подготовлено. Следует, однако, заметить, что китайских торговцев не любили ни те, ни другие, хотя обойтись без их посредничества уже не могли. Налоги и пошлины китайцы обычно платили вдвое большие, чем другие торговцы.

В XVII в. сложные международные обстоятельства, в том числе войны в Европе, оказали свое воздействие на судьбы Филиппин, подвергавшихся вторжению со стороны то голландцев, то англичан. Заметное ослабление Испании по сравнению с другими колониальными державами вело и к замедленным темпам развития архипелага. Колониальный режим не нес стране даже того, что было в некоторых других колониях, как например в Индии, – пусть мучительного, но все же достаточно быстрого экономического развития. Напротив, усиливалась примитивная докапиталистическая эксплуатация населения: на государственной барщине каждый обязан был отработать 40 дней в году.

Пытаясь как-то реализовать свои колониальные потенции в условиях энергично развивавшегося мирового колониального хозяйства, испанцы стали вводить на Филиппинах плантационную монокультуру табака, выращивание и торговля которым были государственной монополией (на этих-то плантациях в порядке отбывания повинностей и трудились местные жители). Правда, одновременно несколько усилились и частные торговые связи архипелага с метрополией. Однако вплоть до конца XVIII в. это не вело к сколько-нибудь заметному экономическому развитию Филиппин. Практически только с начала XIX в., когда в Испании появилась своя энергичная буржуазия и правительство более уже не могло противостоять экономическому вторжению на архипелаг капитала из других стран, королевская монополия на табак и торговлю были отменены и стало развиваться частнокапиталистическое колониальное хозяйство. На Филиппинах начали выращивать сахарный тростник, пеньку, индиго. Стала постепенно формироваться собственная национальная буржуазия, в основном из китайцев и метисов китайского происхождения. Начало формироваться и национальное самосознание филиппинцев, проявлявшееся в их стремлении добиться формального равенства в правах с испанцами.

Глава 13 Дальний Восток: Корея и Япония

Влияние китайской цивилизации и государственности на соседние страны и народы всегда было весьма ощутимым. Оно, в частности, стимулировало ускорение социального, экономического и особенно политического развития близких соседей Китая на протяжении всей его истории, будь то древние кочевники сюнну (гунны) или сяньби, средневековые кидани, чжурчжэни, монголы или маньчжуры. Но оно затрагивало отнюдь не только кочевников, тем более оказывавшихся в орбите его непосредственного воздействия. Это влияние было много значительней. Через Наньчао оно достигало тайцев, и тибео-бирманских племен, а во Вьетнаме оно просто задавало тон, определяло внутреннюю организацию государства и общества.

Корея и Япония во многом близки в этом смысле к Вьетнаму. Речь отнюдь не только о заимствовании чужой, пусть даже более высокой культуры, хотя играло свою роль и это. Имеется в виду нечто иное: близость высокоразвитой цивилизации неизбежно оказывала свое воздействие и прямо, и косвенно, причем особенно большую роль такое воздействие играло в те ранние периоды истории той или иной страны, когда определялись основные параметры существования данного общества и государства. Нечто похожее только что было продемонстрировано на примере индо-буддийского влияния в странах Юго-Восточной Азии. Для находившихся в зоне воздействия китайской цивилизации Кореи и Японии влияние такого рода было совершенно очевидным, само собой разумеющимся. Вопрос лишь в том, какую роль оно сыграло в процессе становления обеих стран.

Формирование государственности в Корее

На Корейском полуострове южнее реки Амноккан (Ялуцзян) в начале нашей эры существовало несколько племен, наиболее сильными среди которых были северные, протокорейские (когурё). В III–IV вв. на полуострове возникло три племенных протогосударства – Когурё, Пэкче и Силла – с типичной для подобных образований внутренней организацией (верховная власть-собственность вождя-вана; родовая знать, воины и чиновники; платившие ренту-налог в казну общинники). Органы управления и иерархия чинов, равно как и формы редиистрибуции (должностные владения), развивались под воздействием соответствующих китайских институтов, причем проводником этого влияния было конфуцианство, ставшее основной идейной доктриной всех трех государственных образований, быстро эволюционировавших с его помощью в своем внутреннем развитии. С конца IV в. в Корею из Китая проник буддизм в его китаизированной махаянистской модификации, причем влияние его здесь оказалось более сильным по сравнению с той ролью, которую он играл в Китае не только в период Нань-бэй чао, но и вообще когда-либо.

Процесс заимствования идей и институтов из Китая шел на фоне активных междоусобиц периода Нань-бэй чао, и это в немалой степени помогло Корее не только сохранить независимость, но и успеть в этом качестве укрепиться – в отличие от того, что имело место во Вьетнаме, где этот процесс начался раньше, в эпоху централизованных империй Цинь и Хань, и потому протекал в иных условиях более зависимого развития. Правда, внутренние войны ослабляли все три государства. Однако после того, как в результате этих войн были сильно ослаблены сначала Пэкче, а затем и Когурё, а походы суйского Ян-ди против Когурё закончились неудачей и привели к гибели династию Суй, государство Силла оказалось в выигрыше. С помощью танских войск Силла одолела своих соперников и во второй половине VII в. практически объединила всю Корею под своей властью, признав себя формально вассалом танского Китая.

По танскому образцу в объединенном корейском государстве были реорганизованы система администрации и налогообложения. Вся страна была разделена на девять провинций (по три в каждом из бывших государств), подразделявшихся на округа и уезды. В округах и уездах управляли назначенные из центра чиновники, получавшие свои должности после успешной сдачи экзаменов. В земледелии господствовала надельная система, т. е. каждый двор получал землю от государства на период трудоспособности его хозяина, за что этот последний был обязан платить налог и исполнять необходимые повинности. Чиновники получали должностные земли, аристократы – наследственные с учетом ранга и снижения его уровня в каждом последующем поколении. Городское население, ремесленники и купцы, находились в полной зависимости от представителей власти и требований казны.

Неудивительно, что в созданной по китайскому образцу системе внутренней организации государства и общества происходили аналогичные процессы, ведущие практически к таким же результатам. В частности, речь идет о циклическом характере развития с экономическими кризисами, ослаблением центра и восстаниями крестьян. Одно из таких восстаний на рубеже IX – X вв. привело к падению династии Силла и к захвату власти представителями дома Когурё. Основатель новой династии Ван Гон силой подчинил себе всю Корею и немало сделал для еще большего укрепления ее централизованной структуры. Придя к власти опять-таки в удачный для страны период ослабления китайской танской империи, Ван Гон многое сделал для того, чтобы сохранить независимость от натиска тех, кто нападал на сунский Китай, – киданей, чжурчжэней. Он провел несколько важных реформ. В частности, идеологически переместил акценты, сделав официальной государственной религией буддизм – при всем том, что влияние конфуцианства, его идей и институтов не только сохранялось, но и высоко ценилось как основа администрации, образа жизни, основа культуры с ее китайской иероглифической письменностью.

Структура Корё, как стало именоваться теперь государство (именно от этого названия возникли его эквиваленты в европейских языках, включая и русский), в принципе не изменилась. Правда, вместо девяти провинций их стало шесть, потом десять, но все с тем же делением на округа и уезды. Продолжала сохраняться и надельная система с налогами и

повинностями общинников, со спорадическими перераспределениями наделов. Центральная администрация имела шесть основных ведомств по китайскому танскому образцу. Чиновники получали служебные должностные наделы и делились на гражданских и военных. Армию набирали на рекрутской основе (4 – 5 дворов выставляли одного солдата, экипировавшегося за счет тех дворов, которые солдата не давали). Существовала система централизованного регулирования экономики, включая государственное кредитование крестьян и амбары для помощи в случае неурожая. Большое место в системе аграрных отношений занимало буддийское монастырское землевладение. Существовало и типично китайское сословное деление на полноправных крестьян-налогоплательщиков – янин (сюда включались и платившие налоги городские слои) и неполноправных, чхонин, которые имущества не имели, налогов не платили, занимались грязными и презираемыми профессиями, хотя подчас использовались и в качестве наемников либо зависимых арендаторов. Обрабатывая земли чиновников, аристократов и иных землевладельцев, чхонин обычно безжалостно эксплуатировались.

Следует сказать, что правители Корё прилагали немало усилий для того, чтобы сохранять общую стабильность структуры. В 976 г. с этой целью был составлен общегосударственный земельный кадастр и введен строгий контроль за использованием земли – мера, весьма необходимая при существовании надельной системы. Однако, несмотря на это, в Корее, как и в Китае, шел процесс укрупнения землевладения, постепенного присвоения служебных и иных казенных земель. Временами возникали крупные полуавтономные уделы влиятельной наследственной знати. Во всех этих случаях центральная власть соответственно ослабевала, возникали кризисные явления, социально-политическая нестабильность. С особой силой это проявилось в XII в., когда крестьянские восстания насаивались на мятежи знати, власть правителя-вана была ограничена или даже сведена на нет очередной военно-феодалной кликой из того или иного знатного дома. В начале XIII в. над страной нависла угроза монгольского нашествия.

Здесь следует заметить, что веками складывавшаяся внутренняя устойчивость и практика независимого существования страны, пусть даже подчас при формальном сюзеренитете Китая, вели к энергичному сопротивлению любой попытке поправить независимость. Это проявилось в VII в., когда Ян-ди потерпел поражение. Это же повторилось в XI в., когда не увенчалась успехом попытка киданьской империи Ляо завоевать Корею. Конечно, теперь ситуация была сложнее. Монголы были очень грозным противником, а Корея, как только что упоминалось, была ослаблена внутренними распрями. Несмотря на это борьба с монголами растянулась на долгие десятилетия (1231–1258), причем только междоусобные распри и апелляция части знати к монголам с просьбами устранить соперников привели в конечном счете к капитуляции, хотя и после этого в Корее одно за другим продолжали вспыхивать антимонгольские движения.

Монгольское иго длилось несколько десятилетий, на протяжении которых Корея была превращена в плацдарм для монгольского вторжения в Японию. С ослаблением власти монголов в Китае и особенно после начала там мощного антимонгольского движения под эгидой будущих правителей династии Мин в Корее произошел раскол на сторонников как монгольской (юаньский), так и минской династии, между которыми разгорелась ожесточенная борьба. Сторонники новой минской династии, во главе которых стал сам ван Конмин (1352–1374), уже в 1356 г. сумели изгнать остатки монгольских войск с территории страны. И хотя их промонгольские противники не сложили оружия, а в 1374 г. сумели даже убить Конмина, это им не помогло. Патриотически настроенные группировки в начале 80-х годов, когда победившая династия Мин в Китае могла оказать им помощь, выступили против промонгольской клики. Генерал Ли Сон Ге во главе армии в 1388 г. вошел в столицу и заставил правительство капитулировать. В 1392 г. он же совершил государственный переворот и провозгласил себя основателем новой династии Ли, правившей до 1910 г.

Корея в позднем средневековье (династия Ли)

Новая династия быстрыми энергичными мерами покончила с существованием в стране мятежных феодальных клик, подорвав их экономическую основу: все земельные владения знати, равно как и ее привилегии, указом 1391 г. были отменены. Вся земля страны поступала в

распоряжение центрального правительства и передавалась в пользование крестьянам. Чиновники получали право на ренту-налог со служебного надела в соответствии с рангом и должностью. Был создан по китайскому образцу институт цензоров-инспекторов, следивших за порядком в администрации. Системе экзаменов было придано большое значение, а военные чиновники поставлены, как и в Китае, ниже гражданских. Страна получила новое название – Чосон, а столицей ее стал Сеул. Внешнеполитический статус Чосона был урегулирован в ходе специальных переговоров с минским Китаем: Корея получала автономию в обмен на признание сюзеренитета Китая. И наконец, официальной государственной идеологией вновь стало конфуцианство – на сей раз в его неконфуцианской чжусианской модификации, тогда как буддизм этот официальный статус утратил.

Конечно, все эти нововведения, утвержденные в XV в. несколькими новыми административными указами, значительно укрепили власть центра и легли в основу той стабильности, которая позволила династии сохранять свою власть на протяжении пяти с лишним веков. Можно сказать, что XV век был временем удачи для Кореи как государства. Реформы династии Ли оказались эффективными, страна получила желанную стабильность. Это оказалось особенно существенным: когда в XVI в. наступила година тяжелых испытаний, корейцы сумели с честью их выдержать.

Как и в минском Китае, в Корее XVI век прошел под знаком ожесточенной борьбы влиятельных группировок – конфуцианских ученых и придворных временщиков, в основном из числа родни вана и высшей знати. Соперничество сопровождалось казнями, дворцовыми переворотами. К концу века в стране возникли даже устойчивые политические группировки типа партий, обозначавшие себя по странам света (Западная, Восточная и др.). Вся эта внутренняя борьба во многом свела на нет успехи XV в. И вот в это-то тяжелое для страны время она оказалась объектом чужеземного вторжения.

Южное побережье Кореи вот уже на протяжении ряда веков страдало от набегов японских пиратов. На попытки протестовать влиятельный сёгун Т. Хидэёси ответил требованием смириться и платить ему дань. Когда это требование было отклонено, Хидэёси в 1592 г. отправил в Пусан 200-тысячную армию, которая через несколько недель сумела занять Сеул и Пхеньян, сопровождая свой победный марш по Корее неслыханными зверствами. В ответ на это в стране вновь развернулась народная война, во главе которой стал командующий корейским флотом Ли Сун Син. Разгромив японский флот, Ли Сун Син стал господствовать на море, что сильно подорвало устойчивость японского экспедиционного корпуса. Сыграла свою роль и помощь со стороны минского Китая. Вскоре Сеул и Пхеньян были освобождены и начались переговоры, в ходе которых придворная группировка корейской знати сделала все для того, чтобы оклеветать ставшего для нее слишком опасным популярного Ли Сун Сина. Ли был разжалован. Но это сразу же привело корейский флот к поражению, вследствие чего в 1597 г. Ли вновь назначили главнокомандующим. Война в конечном счете завершилась изгнанием японцев, хотя корейскому народу она обошлась очень дорого.

Победа не привела к заметному укреплению власти центра. С еще большей силой разгорелась междоусобная борьба, в ходе которой наибольшим влиянием пользовались Северная, а затем Западная партии-клики. А тем временем на севере Кореи консолидировалось молодое энергичное государство маньчжуров. Попытки корейцев поддержать минский Китай в его противоборстве с маньчжурами в 1618 г. привели к первому столкновению с маньчжурской конницей. А после вторжения маньчжуров в 1627 г. и 1636 г. Корея была вынуждена уступить: по договору 1637 г. она признала себя вассалом империи Цин, еще тогда не завоевавшей Китай. Позже этот вассалитет был подтвержден, причем внешние сношения Корея могла иметь только через Китай (следствием этого было закрытие корейских портов для иностранцев и запрет населению страны покидать ее пределы). Исключение делалось только для строго ограниченной торговли с Японией.

В XVII–XVIII вв. в Корее протекали сложные и противоречивые процессы. Совершенствовалась аграрная система и система налогов. В 1608 г. был введен единый рисовый налог тэдонми, что, впрочем, не исключало существования некоторых дополнительных поборов. Росло частное землевладение, для противодействия которому (и для предотвращения разорения крестьян) правительство усилило значение государственного

кредитования (система «возвратного зерна», хвангок). Ухудшение положения крестьян вело к восстаниям. Назревала необходимость более серьезных реформ.

Реформы короля Ёнчжо в середине XVIII в. привели к облегчению налога с крестьян некоторых категорий и к повышению статуса неполноправных. Эти реформы проводились уже на фоне новых политических движений, которые были ориентированы на отказ от традиционных конфуцианских норм и заимствование новых европейских идей. Больших результатов реформы, впрочем, не дали. На рубеже XVIII–XIX вв. кризисные явления в экономике вновь проявились, причем на сей раз затронули и города. В первой половине XIX в. произошли новые восстания крестьян и горожан, а в середине этого века количество таких восстаний уже исчислялось десятками. Новая серия реформ регента Тэвонгуна в 60-х годах XIX в. являла собой попытку снять напряжение в стране путем отдельных уступок, но их результатом было обострение политической борьбы в верхах, причем в центре ее стоял вопрос будущего страны: продолжать политику изоляции или открыть Корею для внешнего мира. Давление держав на Корею с требованием открыть ее порты для торговли и использование при этом в качестве посредника Японии в конечном счете привели к желаемому для колониального капитала результату: на рубеже 80-х годов XIX в. Корея оказалась связанной серией неравноправных договоров, которые открыли страну для иностранцев и предоставили им немалые привилегии. Начался процесс превращения страны в полуколонию.

Япония до сёгунов (до XII в.)

Заселение островов Японии уходит далеко в глубь тысячелетий, причем здесь, как и во всем островном мире Южной Азии, одни расово-этнические группы на протяжении тысячелетий наслаивались на другие, смешиваясь с ними либо оттесняя их. На основе смешения монголоидных маньчжуро-тунгусских племен с палеоазиатским малайскими сложилось на рубеже нашей эры ядро собственно японцев, одна из групп которых, Ямато, в III–V вв. сумела подчинить себе остальные, заложив фундамент первого на островах государства. Возможно, при этом сыграло свою роль влияние со стороны Китая с его к тому времени уже весьма развитой государственностью. Во всяком случае известно, что уже в III в. в Японии было немало мигрантов из Китая и Кореи, причем часть их со временем включена в сословие неполноправных (бэ, бэмин). Известно также, что в китайских источниках можно найти упоминания о связях с Японией, о присылке подарков от племенных вождей с островов.

Внутренняя структура раннеяпонского государства была типичной: во главе стоял вождь-правитель, его окружала родовая знать, занимавшая ключевые административные посты, включая управление областями и округами, на которые уже тогда была поделена страна. Основную массу населения составляли платившие ренту-налог в казну крестьяне. Кроме них были неполноправные бэ и рабы, в основном из числа иноплеменников. Эта категория людей находилась в собственности государства либо была под началом знати.

С VI в. китайское влияние на островах стало ощущаться сильнее. Сначала это влияние шло вместе с буддизмом, распространившимся в Японии из Китая через Корею и впитавшим в себя многое из традиционной китайской культуры. Чуть позже, особенно после сложения централизованной империи Суй и затем Тан, сильным стал поток конфуцианского влияния. Когда в конце VI в. к власти в Японии пришел принц Сётоку-тайси, им были созданы знаменитые 17 статей («Закон из 17 статей», 604 г.), в которых были сформулированы основанные на конфуцианстве и буддизме принципы существования и управления, в том числе главный из них – принцип высшего суверенитета правителя и строгого подчинения младших старшему. Сётоку щедро приглашал в Японию китайских и корейских монахов и ремесленников, а также посылал молодых японцев учиться в Корею и Китай.

Однако, несмотря на активное заимствование китайской модели организации общества и государства, правители Японии не были еще готовы создать стабильную и сильную централизованную систему администрации. Восходившее к недавнему родоплеменному прошлому японское общество раздиралось междоусобицами, причем все большим влиянием в нем начинали пользоваться знатные аристократические дома, среди которых выделялся дом Сога. В середине VII в. противники Сога во главе с принцами правящего рода выступили

против этого влиятельного дома и сумели уничтожить его. В результате происшедшего в связи с этим переворота («переворот Тайка», 645 г.) реальным правителем страны оказался принц Кару, который и принял титул тэнно («сын Неба»). Правой рукой правителя стали представители дома Фудзивара, помогавшие ему свергнуть Сога.

Реформы, последовавшие за переворотом, были призваны решительно реорганизовать по китайской модели всю страну, начиная от роли в администрации централизованного начала и кончая аграрными отношениями. Был создан аппарат власти с соответствующими департаментами (восемь ведомств), а на местах – провинции и уезды во главе с губернаторами и уездными начальниками. Население стало подразделяться на плативших налоги полноправных (рёмин) и неполноправных (сэммин). Полноправные крестьяне получали подлежащие переделу раз в шесть лет государственные наделы, за что они были обязаны платить ренту-налог зерном и тканями, а также отбывать повинности. Чиновники имели служебные должностные наделы, размер которых колебался в зависимости от должности и ранга. Часть влиятельных людей получила наделы в пожизненное пользование, иногда с правом передачи их по наследству на протяжении одного – трех поколений, редко больше. На рабов тоже предоставлялись наделы (треть надела крестьянина), тогда как неполноправные бэ были повышены в статусе и оказались практически полноправными, причем часть их, потомки выходцев из Китая и Кореи, имевшие образование, превратилась в чиновников. Само собой, вся деловая и прочая документация велась китайскими иероглифами.

Реформы Тайка, дополненные в 701 г. специальным кодексом Тайхорё, заложили основы японской социальной и политической структуры. Они же создали фундамент для расцвета японской культуры периода Нара (VIII в.), когда по образцу танской столицы Чанани была богато отстроена столица Японии Нара с ее многочисленными дворцами, проспектами, храмами, монастырями и т. п. Древняя религия японцев синто («путь духов»), в значительной мере обогащенная за счет китайского даосизма, сумела найти модус вивенди с буддизмом в рамках так называемого рёбу-синто. Все это, вместе взятое, дало сильный толчок развитию древнеяпонской литературы, мифологии, а также нелегкому делу составления хроник, географических описаний и т. п.

Словом, японцы быстрыми темпами преодолевали свое отставание от великого соседа, заимствуя все, что только можно. Однако при этом сохранялось и то, что заметно отличало Японию как от Китая и Кореи, так и от подавляющего большинства прочих неевропейских обществ. Особенности, о которых идет речь, были связаны с огромной ролью родоплеменной феодализирующейся знати и более явственной, нежели где либо еще, тенденцией к приватизации, т. е. к возрастанию роли и значения частного владения при слабости власти центра. Эти особенности проявились не сразу. В период Нара их еще почти не было заметно – на переднем плане господствовала всеми признанная и почитаемая китайская модель. Но с IX в. ситуация стала понемногу меняться.

Прежде всего система государственной власти оказалась не столь прочной, как то было в Китае (даже в Корее). Божественный тэнно, как это выяснилось уже в конце VIII в., более царствовал, нежели реально управлял страной. Конфуцианской элиты чиновников-администраторов по китайскому образцу вокруг него не сложилось, как не возникла и система регулярного их воспроизводства с конкурсными экзаменами в качестве ее базы. Это было первое очень важное, даже принципиальное отличие японской модели от китайской, корейской и вьетнамской. Вакуум власти оказался заполненным влиятельным домом Фудзивара, представители которого из поколения в поколение не только наследственно становились регентами-правителями при императорах, но и женили императоров на женщинах своего клана.

Отстроив новый город Хэйян (Киото), опять-таки по китайскому образцу, дом Фудзивара перенес туда центр администрации страны, сделав, таким образом, Хэйян даже не второй, а фактически первой столицей Японии (794 г.). В IX–XI вв. влияние Фудзивара настолько усилилось, что императоры превратились почти в марионеток в их руках. И хотя они, опираясь на часть недовольной этим аристократической знати, пытались время от времени сопротивляться, к успеху это не привело. Напротив, сложился даже некий стереотип двойственной, со временем даже тройственной власти. Как правило, каждый император не

слишком долго оставался на троне: взойдя на него в малолетнем возрасте (дом Фудзивара обычно был заинтересован именно в этом), он в годы зрелости отрекался от власти в пользу своего малолетнего наследника и уходил в тот или иной буддийский монастырь, сохраняя при этом за собой определенное влияние на положение дел в стране. Постепенно эта практика стала использоваться некоторыми экс-императорами для того, чтобы создать в своем монастыре альтернативный политический центр, в чем были заинтересованы как соперничавшие с Фудзивара знатные роды, так и влиятельные монастыри. Но, хотя упомянутые альтернативные центры власти иногда становились достаточно могущественными, сам по себе факт распыления власти между двумя-тремя центрами был в конечном счете на руку именно Фудзивара, чей центр в Хэйяне продолжал в этой ситуации быть главным.

На что опирался этот влиятельный клан в борьбе за власть? Дело в том, что при отсутствии налаженной системы воспроизводства чиновников-конфуцианцев система бюрократии по китайскому эталону неизбежно должна была оказаться неэффективной. Неудивительно, что в территориальной администрации Японии посты губернаторов и уездных начальников захватили и почти наследственно удерживали за собой местные знатные дома, вследствие чего централизованная структура приобрела явные признаки феодальной, в рамках которой каждый сильный владетельный аристократ чувствовал себя хозяином в своей местности. И он не только чувствовал себя хозяином, но и реально был им, ибо в сфере аграрных отношений по все той же причине искусственно созданная по китайскому эталону надельная система с круговой порукой пятков и десятков дворов тоже оказалась несостоятельной: с IX – X вв. государственные надельные стали превращаться фактически в наследственные владения крестьянских семей, а совокупность нескольких деревень (не обязательно соседних) обычно оказывалась владением (сёэн) знатного дома, господствующего в данном уезде. Конечно, часть своих доходов владельцы наследственных сёэн были обязаны посылать в центр – все-таки они формально оставались представителями власти в уезде, но это не мешало такого рода знатым домам чувствовать себя хозяевами уезда. Приблизительно с X в. в Японии вся власть на местах оказалась в руках частновладельческих домов знати, владельцев сёэн разных размеров. Собственно, эту структуру, сложившуюся в качестве альтернативы классической китайской конфуцианской бюрократической администрации, следует считать вторым принципиальным отличием японской модели организации государства и общества. Но и это еще не все.

Процесс приватизации и сложения системы сёэн достаточно болезненно сказывался на крестьянах, которые были обязаны хорошо кормить своих хозяев и к тому же посылать от их имени налоги в центр. Быть может, количественно, с точки зрения нормы эксплуатации, разница была не слишком большой (в конце концов не все ли равно, кормить представителя местной власти, т. е. чиновника, или владельца сёэн). Но зато с точки зрения организации администрации и вообще всей структуры власти она оказалась огромной.

Дело в том, что местные власти иначе относились к крестьянам, да и крестьяне – к властям. Разорение крестьянских хозяйств приводило к восстаниям, ставшим особенно заметными в IX–XI вв., а также к уходу крестьян с насиженных мест. Если в китайской империи такое считалось нежелательным, но, как правило, все же допускалось (не все ли равно в конечном счете, где оседет крестьянин, – лишь бы он платил налоги государству), то для владельцев сёэн все обстояло иначе. Крестьянские хозяйства кормили именно их, т. е. этих владельцев, так что допускать уход крестьян было нельзя. Неудивительно, что в Японии появились меры, направленные на прикрепление крестьян, что опять-таки можно считать косвенным свидетельством феодальных тенденций в обществе. Но и этого мало. В целях борьбы с восставшими и предупреждения от ухода с земли владельцы сёэн стали создавать отряды воинов-дружинников, профессиональных военных, намного более жестко организованных по сравнению, скажем, с тем, что представляли собой отряды ополченцев и стражников во владениях сильных домов в Китае периода Троецарствия, Нань-бэй чао или даже конца Хань.

С течением времени боевые дружины воинов-профессионалов, в число которых вливались также искавшие покровительства у наиболее знатных и сильных владельцев сёэн мелкие землевладельцы, стали превращаться в замкнутое сословие воинов-самураев (буси). Возник и

свято соблюдался кодекс воинской этики, свод норм поведения самурая, включавший в себя прежде всего классическую конфуцианскую идею верности господину, вплоть до безусловной готовности отдать за него жизнь, а в случае неудачи или бесчестия покончить с собой (сделать харакири), следуя при этом определенному ритуалу (бусидо). Самураи вскоре превратились в грозное оружие крупных землевладельцев в их ожесточенной междоусобной борьбе за власть. Это привело к тому, что уже с XI–XII вв. Япония начала весьма явственно отличаться от Китая и еще в одном принципиально важном плане: власть имущие и вся система администрации в этой стране опирались не на обычную практически для всех неевропейских обществ чиновную бюрократию либо воинскую прослойку, находившуюся на службе у государства и получавшую за это именно от него плату в форме чаще всего служебных должностных условных наделов, а на находившихся в зависимости от знатных домов рыцарей-самураев, преданных своим господам.

Только что упомянутые и тесно связанные друг с другом, взаимно обусловленные основные отличия японской модели общества и государства от классической конфуцианской китайской многое объясняют в судьбах Японии. Но стоит заметить, что явственный уклон в сторону частнособственнического интереса и феодальной структуры не привел Японию в деструктивное состояние раздробленности и децентрализации, что было бы естественным для иного общества в аналогичной ситуации. Дело в том, что децентрализаторские тенденции в средневековой Японии уравнивались сильными центростремительными, вследствие чего создавался некий устойчивый и весьма специфический баланс власти. Особенно заметным это стало к концу XII в., когда в ходе ожесточенной борьбы двух виднейших усилившихся домов, Тайра и Минамото, была нарушена прежняя гегемония Фудзивара.

Япония при сёгунах (XII–XIX вв.)

В XII в. власть дома Фудзивара постепенно ослабевала, чему в известной мере способствовало усилившееся противостояние регентов и экс-императоров в монастырях. На фоне этого ослабления все более заметным становилось противостояние двух соперничавших аристократических домов, Тайра и Минамото. Минамото, владевшие на северо-востоке страны наиболее крупным и хорошо организованным войском самураев, каждый из которых имел пожалованный ему господином надел с хорошим доходом и потому был готов сражаться за господина до смерти, в конечном счете одержали победу. В 1192 г. Минамото Ёритомо был объявлен верховным военным правителем страны с титулом сёгун. Ставкой сёгуна и правительства (бакуфу) стал город Камакура.

Подавив сопротивление недовольных, сторонники Минамото конфисковали земли соперников и отдали их в качестве ленных владений своим самураям. Это заметно сказалось на изменении аграрной структуры страны: подавляющей формой земельного владения стало мелкое, самурайское, хотя продолжали существовать и крупные владения знатных домов, прежде всего Минамото, императора и его родни, а также некоторых всеильных вассалов Минамото. Влиятельнейшим из таких вассалов был Ходзё, потомки которого сосредоточили в своих руках всю фактическую власть на протяжении почти столетия, до первой трети XIV в. В частности, именно Ходзё организовали сопротивление монгольским армиям Хубилая, когда они высадились в Японии и когда героическое сопротивление японцев, равно как и разметавший монгольский флот страшный ураган (божественный ветер, камикадзе), заставили монголов уйти восвояси.

С XIII и особенно в XIV в. начинается эпоха расцвета японских городов, а также ремесла и торговли. Этому способствовало несколько факторов. Во-первых, увеличение количества ставок крупных аристократов, при дворах которых жило большое количество самураев и челяди, обслуживавших их лиц, включая ремесленников. Во-вторых, увеличение количества буддийских сект и соответственно различных монастырей, неподалеку от которых часто селился обслуживавший нужды монастыря и паломников персонал, опять-таки включая многочисленных ремесленников и торговцев. В-третьих, появилось и некоторое количество автономно существовавших больших городов, прежде всего портовых, тоже становившихся центрами ремесла, торговли и городской культуры.

На первых порах расцвету портовых городов содействовали японские пираты, возникшие как заметная самостоятельная сила именно в XI–XII вв. Позже, однако, главную роль в их процветании стала играть регулярная торговля с Китаем, Кореей и странами Юго-Восточной Азии. В городах возникли профессиональные корпорации ремесленников и торговцев (дза), а некоторые из них, правда, очень немногие, как, например, Сакаи, Хаката, имели даже определенную автономию и самоуправление. Но самым главным результатом появления городов (в XIV в. их было 40, в XV – 85, а в XVI – уже 269) был заметный рост товарно-денежных отношений, что сыграло немаловажную роль в последующей эволюции структуры японского общества.

Речь идет в первую очередь о самураях. Сословие это с его высокими запросами и весьма в целом невысоким уровнем дохода (его можно сравнить с русским дворянством, скажем, XVII–XVIII вв.) уже в XIII–XIV вв. оказалось в состоянии кризиса. Чтобы поддержать воинскую честь и достойный уровень существования, самурай нередко залезал в долги, а то и вынужден был продавать свой лен. Это вело к разорению его и его потомков, что было весьма невыгодно для его патрона, а также и для государства (не следует забывать, что большинство самураев было на службе сёгуна, т. е. государства). Следовали один за другим указы, предписывавшие выкупать, а то и просто возвращать самураям их земли. Но процесс шел своим чередом, так что указы мало помогали. Нужны были иные меры, и самураев начали переводить на положение воинов-рыцарей, дружинников, живущих при дворе хозяина и получающих за это жилье, снаряжение и натуральный паек от господина или государства. Соответственно в очередной раз стали меняться и аграрные отношения: все большее количество земли начало концентрироваться в руках крупных феодальных домов, князей-даймё, которые также стали контролировать значительную часть японских городов с их ремеслом и торговлей. Возвышение князей сыграло свою роль в падении сёгунов из дома Минамото и их фактических правителей из дома Ходзё: в результате длительных усобиц верх взял бывший вассал Ходзё Асикага, который в 1335 г. провозгласил себя сёгуном и потомки которого управляли Японией до 1573 г.

Сёгунат Асикага не был периодом мира и процветания. Напротив, усилились феодальные междоусобицы, особенно с начала XV в. Против Асикага восставали то один, то другой из влиятельных домов, а в 1467–1477 гг. разгорелась в стране настоящая война (война годов Онин), в ходе которой укрепили свое положение некоторые даймё, занявшие ключевые позиции в Японии (всего таких домов до начала войны годов Онин насчитывалось 260; многие из них в ходе усобиц погибли). Власть сёгунов практически стала номинальной, а Япония на рубеже XV–XVI вв. практически распалась на несколько частей. В этих условиях почти постоянных войн и сопровождавшей их разрухи усилился экономический кризис. Резко возросло количество крестьянских восстаний, причем к крестьянам теперь нередко примыкали разорившиеся самураи (их низшая прослойка – кокудзин) или странствующие рыцари, самураи-ронины (не имевшие господина), а порой и городская беднота. Все это привело к тому, что в середине XVI в. в Японии, практически не было центрального правительства, ни сёгунского, ни императорского. В этих-то сложных условиях вновь встал нелегкий вопрос об объединении страны.

Реализация этой задачи связана с именами едва ли не наиболее известных исторических деятелей Японии – Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу. В обстановке всеобщих усобиц честолюбивый Ода сумел одного за другим одолеть нескольких даймё и в 1573 г. свергнуть последнего сёгуна из дома Асикага. Одним из наиболее ожесточенных противников Ода в этой борьбе оказались буддийские монастыри, что сыграло немалую роль в определении политического курса Ода по отношению к христианству.

Первые христиане появились в Японии в 40-х годах XVI в. вместе с португальскими купцами. Затем в Японию прибыли миссионеры-иезуиты, в том числе знаменитый Франциск Ксавье. Их усилиями христианская религия в крайне выгодных для укоренения на островах Японии условиях ожесточенных междоусобиц стала распространяться довольно быстрыми темпами: уже в 1580 г. в стране было около 150 тыс. христиан, а также 200 церквей и 5 семинарий; к началу XVII в. христиан было около 700 тыс. Этому способствовала, в частности, и политика южных даймё, заинтересованных в португальской торговле и, главное, в обладании

огнестрельным оружием, доставка, а затем и производство которого в Японии были налажены именно католиками-португальцами.

В 80-х годах XVI в. Ода овладел уже половиной провинций страны, включая столицу Киото, и провел ряд реформ, направленных на ликвидацию политической и экономической раздробленности, на развитие городов и торговли, но под верховным контролем власти (в частности, в 1568 г. был лишен своей автономии торговый город Сакаи). После убийства Ода в 1582 г. власть попала в руки его помощника Тоётоми Хидэёси, выходца из крестьян. Хидэёси сумел завершить дело объединения страны и даже лелеял мечту расширить свою власть за счет завоеваний на континенте. Неудачи экспедиции в Корею похоронили эти мечты. Однако внутренние реформы дали немалый эффект. Была усилена централизованная власть, укреплен контроль за городами и торговлей, уделено внимание земельной реформе, целью которой было закрепить земли за крестьянами, способными исправно платить налоги в казну государства. В отличие от Ода новый правитель выступил против чрезмерно усилившихся, по его мнению, иезуитов и вообще христиан. В 1587 г. он даже издал было указ об изгнании иностранных миссионеров, португальцев и испанцев, и организовал преследование японцев-христиан, включая уничтожение церквей и издававших церковную литературу типографий. Но успеха это не дало, ибо преследуемые укрывались под надежной защитой принявших христианство мятежных южных даймё. После смерти Тоётоми Хидэёси в 1598 г. власть оказалась в руках одного из его сподвижников Токугава Иэясу, который сумел одолеть соперников и в 1603 г. провозгласил себя сёгуном. Началась длительная эпоха нового, третьего по счету после Минамото и Асикага, сёгуната, токугавского, продолжавшегося вплоть до реставрации 1867 г., «Мэйдзи исин».

В классической формуле «начал, продолжил, завершил», обычно относимой к оценке деятельности всех трех выдающихся объединителей страны в XVI в., на долю Токугава Иэясу приходится заключительная фаза. Суровой рукой окончательно покорив всех мятежных даймё и объединив страну под своей властью, дом Токугава и прежде всего сам Иэясу приступили к серии реформ, направленных на закрепление успеха. Даймё, которых к тому времени насчитывалось около 200, сохранили некоторые традиционные права, включая суд и административную власть в пределах своего владения, при них остались и их самураи, находившиеся в основном на натуральном довольствии. Однако за это они не только должны были признать авторитет сёгуна, но и в знак этого признания каждый второй год вместе с семьей, челядью и даже частью дружины проводить в специально построенной для этого дворцовой усадьбе в Киото. Это своего рода заложничество сыграло важную роль в укреплении власти центра. Кроме того, дом Токугава позаботился о том, чтобы враждебные ему даймё (посторонние – в отличие от тех, кто был родней или вассалом сёгуна), именовавшиеся тодзама, не проживали компактно, но были бы территориально оторваны друг от друга. Ремесло и торговля в тех городах, где прежде осуществляли свою юрисдикцию даймё, были переданы в подчинение центру вместе с самими городами. Все это значительно подорвало могущество князей и укрепило власть сёгунов, т. е. государства.

Иэясу провел и аграрную реформу, еще раз укрепив крестьян за их землями. Он же строго разграничил сословия (самураи, крестьяне, ремесленники, торговцы) и наладил систему полицейского надзора в стране. Выступив против католической церкви, закрыв порты и вообще изолировав Японию от внешнего мира, Токугава вместе с тем не стоял за строгую и полную изоляцию. Сёгуны, видимо, понимали, что при контролируемых контактах связи с европейцами могут дать стране немало пользы. В частности, среди других европейцев были выделены голландцы: вся шедшая в Японию через посредство голландских купцов европейская наука и культура (ее именовали голландской наукой, рангакуся), особенно книги, оказывали немалое воздействие на японцев, привыкших перенимать все полезное у других. Известно, что ученые, последователи рангакуся из числа хорошо образованных японцев, уже в XVIII в. активно и вполне осознанно использовали данные европейской науки для совершенствования экономики страны.

Однако изоляция страны не вела к ее быстрому прогрессу. Если в XVII в. реформы и укрепление внутренней стабильности привели к относительному процветанию экономики Японии, то XVIII век принес с собой упадок и начало экономического кризиса. Разлагался

лишавшийся необходимого материального содержания корпус самураев, из которых в наихудшем положении были ронины. В критическом положении оказались крестьяне, часть которых вынуждена была идти в города либо включаться в городское хозяйство с помощью системы рассеянной мануфактуры (важный институт, играющий значительную роль и в современной Японии). В упадок пришли и большинство даймё, чья власть и богатство заметно сокращались. Что касается сёгунов, то их могущество продолжало быть неколебимым, причем немалую роль в этом играло возрожденное и усиленное в его чжусианской форме неоконфуцианство, которое не только было воспринято в качестве официальной идеологии, но и реально оказывало свое воздействие на образ жизни японцев (патернализм, преданность старшим, крепость семьи, культ этической нормы и многое другое).

Кризис токугавского сёгуната стал заметным на рубеже XVIII–XIX вв., но особенно явственным – с 30-х годов XIX в. Ослаблением могущества сёгунов воспользовались прежде всего наиболее крепкие и развитые княжества из числа тодзама южных районов страны, особенно Тёсю и Сацума. Они богатели за счет контрабандной торговли, активно развивали собственную промышленность, включая и военную, причем сёгуны уже ничего с этим поделать не могли. Сильный удар по токугавскому авторитету нанесло насильственное «открытие Японии» США и европейскими державами в середине XIX в. Антииностранный и антисёгунский движение в стране после этого слились воедино, причем центром притяжения всех мятежных сил в стране стал императорский дворец в Киото.

Давно забытый, хотя и всегда всеми заботливо почитавшийся император вдруг превратился в национально-патриотический символ Японии. Императора активно поддерживали князья и самураи из Тёсю и Сацума, из, некоторых других княжеств. За него выступали стекавшиеся к его двору странствующие ронины. Наконец, антисёгунскую коалицию поддержала и заинтересованная в резком изменении политики Японии Англия. Словом, дни сёгуната были сочтены, так что неудивительно, что после короткого сопротивления осенью на рубеже 1868 г. с сёгунатом в истории Японии было покончено. Власть в стране была передана императору, 16-летнему Муцухито (Мэйцзи). Япония вступила в полосу радикальных преобразований, равных которым не знала ни одна из неевропейских стран (за исключением тех, что были заселены колонистами из Европы, как США, Австралия, Канада и т. п.).

Глава 14 Средневековая Африка: Судан

Хотя именно в Африке возник человек как биологический вид и здесь же, в долине Нила, сложилась одна из наиболее блистательных в древности цивилизаций, этот континент в целом значительно отстал в своем развитии от других, причем сам факт такого отставания очевиден и общепризнан. Вопрос лишь в том, почему это случилось.

На протяжении длительного времени специалисты пытаются выяснить, в чем суть проблемы. Выдвигались самые разные гипотезы, от откровенно расистских (негры по своей биологической природе не способны к развитию) до столь же откровенно апологетических (африканцы все могли и умели, все создали самостоятельно, от земледелия и железоделания до государственности; причина же их отсталости – в жестокостях колониализма). Если оставить в стороне крайности и обратить внимание на те основные причины и обстоятельства, которые, по мнению различных африканистов, сыграли свою роль в отставании Африки и африканцев (важно оговориться, что здесь и далее речь идет только об африканцах, живущих южнее Сахары, о народах Тропической Африки), то среди прочего мы найдем упоминания о жарком климате и неблагоприятных в целом условиях обитания человека на большей части континента, о тропических лесах и поражающих людей и скот многочисленных тяжелых болезнях (лихорадка; сонная болезнь, вызываемая укусом мухи цеце, и др.), о недостаточно благоприятных для интенсивного земледелия почвах, примитивных приемах агротехники и соответственно низкой культуре труда. Говорится также о гигантских пространствах и слабой плотности населения, об относительной изоляции континента в целом, о необычайной

множественности разделяющих людей языковых и родоплеменных барьеров, о цепкости примитивных традиций и силе раннерелигиозных культов. Наконец, принимаются во внимание обилие непродводящих групп населения, собирателей и охотников, слабость и натуральность хозяйства производителей, земледельцев и скотоводов, редкая возможность создания продовольственных излишков и запасов, неразвитость внутренней торговли и отсутствие товарно-денежных отношений при господстве меновой торговли.

Все эти и многие другие соображения в принципе справедливы и немало объясняют. В частности, они позволяют заключить, что в отсталости Африки нельзя винить кого-то одного или что-то одно; здесь сыграл свою роль сложный комплекс причин, состоящий из ряда существенных факторов. Едва ли не первым из них по значению следует считать фактор природно-климатический: и климат, и тропические леса, и скудные почвы, казалось бы, насыщенной растительностью саванны, и малопригодные условия для интенсивного земледелия, и условия обитания, включая тяжелые болезни, высокую смертность. Конечно, все это можно было как-то преодолеть, и в конечном счете это преодолевалось. Люди адаптировались. Но чего им это стоило! Вторым существенным фактором отсталости следует считать самих людей, но не с точки зрения их расы, а в плане этнокультурных потенций. Будучи вынужденными тратить невероятные усилия ради адаптации, африканцы в целом оказывались в невыгодных условиях обитания, что не могло не действовать отрицательно на темпы развития общества и его культуры, на уровень привычного реального бытия. Ничтожные средние потребности (скудное питание, минимальная одежда, простейшее жилище) не стимулировали поиска и не вели к выработке навыков высокопроизводительного труда, к накоплению и закреплению в поколениях нового трудового опыта – во всяком случае в таких размерах, чтобы преодолеть консерватизм традиции.

Наконец, третий существенный фактор отсталости – относительная изоляция многих этнических общностей и незначительная роль контактов с внешним миром вплоть до конца I тысячелетия н. э. Вот почему, хотя колониальное вторжение европейцев и принесло Африке неисчислимы бедствия и страдания (чего стоит одна только работорговля, унесшая десятки миллионов жизней и искорежившая социально-политическое бытие и сознание многих народов континента!), его не следует оценивать однозначно. Как и на всем Востоке, оно внесло в традиционный способ существования и немало нового, в том числе и полезного. В Африку, в частности, были привезены прижившиеся там новые сельскохозяйственные культуры (кукуруза, маниока, земляной орех и др.), ставшие основой питания для многих народов.

Здесь стоит оговориться, что изоляция, о которой идет речь, всегда была относительной. Что же касается внутриафриканских контактов, то они, напротив, с глубокой древности и до последнего времени были весьма оживленными. Миграции значительных групп населения, причем не только скотоводов, обычно весьма легких на подъем, но и земледельцев, как о том свидетельствует расселение бантуязычных народов к югу от центра континента, где они, по всей вероятности, первоначально обитали (об этом свидетельствуют данные лингвистического анализа), были в Африке обычным делом. Видимо, именно это сыграло немалую роль в распространении по континенту, особенно на юге, земледелия и скотоводства.

Если говорить об основных зонах обитания на континенте, то следует заметить, что они весьма разнообразны. Закономерностью можно считать то, что экваториальный пояс Африки, покрытый тропическими лесами и наименее пригодный для обитания человека и производящего хозяйства, населен преимущественно охотниками и собирателями. Однако и здесь немало земледельцев, выращивающих преимущественно клубнеплоды, прежде всего ямс. Широкие зоны саванны, окружающие леса Африки с севера и юга, более благоприятны для существования земледельцев и особенно скотоводов. Но и здесь, в саванне, как и в лесу, земледельцы вели экстенсивное землепользование (подсечно-огневая система с довольно частым переходом на новые пашни), не были знакомы с тягловым скотом и плугом, обходясь примитивными мотыгами, что, впрочем, соответствовало скудным почвам с очень небольшим поверхностным плодородным слоем гумуса. Только в немногих районах саванны (вдоль долины Нигера, в частности) условия земледелия были более благоприятными и способствовали не просто выращиванию злаков, включая, видимо, привезенный в Африку арабами рис, но и созданию запасов зерна, т. е. избыточного продукта, что всегда было

материальной основой для появления и существования надобщинных политических структур, прото – и раннегосударственных образований.

История Тропической Африки как политическая история, т. е. фиксированное преданиями и документами описание как раз такого рода надобщинных структур, начинается именно в зоне северной саванны, в пределах обширного пояса полупустынь, степей и лесостепей, расположенных к югу от Сахары и именуемых Суданом (северная часть этого пояса, где обитали преимущественно кочевники, именуется Сахелем). На востоке этого трансафриканского пояса еще в древности и явно под влиянием египетской цивилизации и транзитной торговли между Средиземноморьем, Аравией и Индией возникли упоминавшиеся уже африканские государства Нубия и Эфиопия (Аксум). Но они развивались как бы обособленно от остальной части Тропической Африки, хотя связи между ними и континентом явно существовали. Существует даже гипотеза, согласно которой железоделание в Африке³⁴ восходит к древнему восточно-суданскому государству Мероэ, откуда оно в свое время начало распространяться по всему континенту. Впрочем, появление железоделания в то далекое время (I тысячелетие до н. э.) не сыграло существенной роли в формировании государственности на большей части территории Тропической Африки. Государственность здесь появилась много позже, причем в противоположной части суданского пояса, на его западе. Однако едва ли не важнейшую роль исходного толчка для ее появления здесь сыграли аналогичные обстоятельства. Речь идет о влияниях и контактах с развитыми цивилизациями в конце I тысячелетия н. э.

Как упоминалось, внутриафриканская система контактов существовала с древности и включала в себя не только Сахару, через которую шло немало караванных дорог, но и Северную Африку, в том числе и жителей Карфагена, наслышанных о золотых россыпях Западного Судана. Так как западно-суданское золото, добычей которого из века в век занимались местные народности, высоко ценилось в Средиземноморье, где из него чеканили монету, то неудивительно, что уже издревле существовала транзитная торговля, соединявшая север Африки через Сахару с Суданом. Эта торговля надолго заглохла в начале I тысячелетия н. э., но после арабизации североафриканского побережья в качестве купцов-посредников, заинтересованных в суданском золоте, стали активно выступать мусульманские торговцы Магриба (позже центром этой торговли стал фатимидский Египет).

Начиная с VII в. и на протяжении ряда последующих столетий арабские и берберские купцы везли высоко ценившуюся в Африке соль и некоторые другие средиземноморские товары в западно-суданские земли. На торговых путях и их пересечениях один за другим стали вырастать торговые центры (Аудагост, Гана, Томбукту, Гао и др.), населенные исламскими торговцами и выходцами из числа разбогатевшей на этой торговле местной знати, постепенно захватывавшей в свои руки и административно-политическую власть.

Западный Судан

Западный Судан с VII–VIII вв. был местом наиболее интенсивной транзитной торговли, точкой пересечения многих миграционных потоков. Здесь жили земледельцы саванны. Сюда же спорадически перемещались со своими стадами скотоводы, как негроидного, так и берберо-ливийского происхождения. Есть основания полагать, что последние сами принимали участие в караванной торговле, предоставляя купцам для этого своих верблюдов-дромадеров³⁵.

³⁴ Железоделание обычно было делом обособленной от остального населения касты наследственных специалистов-кузнецов; перемещавшихся с места на место, осваивавших новые месторождения и снабжавших окружающее их население изделиями из металла, в первую очередь мотыгами, топорами, ножами, наконечниками и т. п.

³⁵ Колеса и колесные повозки в Африке практически не применялись; все тяжести переносились преимущественно на плечах носильщиков; лошадей использовали лишь для военных нужд, а дромадеры далеко на юг не заходили

На увлажненных разливами Нигера западно-суданских землях выращивали злаки, в том числе рис. В торговых городах было, кроме торговцев, немало ремесленников, обслуживавших нужды городского населения. Словом, многие факторы способствовали тому, чтобы в западно-суданском районе Африки сложились благоприятные условия для появления городов и городской жизни, а вместе с этим – очагов цивилизации и государственности. Но главным фактором из всех было все-таки золото, без которого все остальное могло бы и не появиться. Именно контроль над приисками и тем самым ключевое положение в системе выгодного торгового обмена создали первоначальные условия для появления первых крепких западно-африканских государств. Наиболее ранним из них была Гана (не путать с современной Ганой!).

Гана. Истоки ганской государственности неясны. Существуют предания, согласно которым первыми правителями этого государства были выходцы с севера («белые правители»). Возможно, это были кочевники-берберы из числа тех, кто мигрировал в западно-суданские земли с той же целью обогащения, что и средиземноморские купцы. Но это лишь предположение. В VIII в., однако, это было уже далеким прошлым. К этому времени правители Ганы в расовом и этническом плане были такими же, что и их подданные, выходцами из этнической общности сонинке, составлявшей основу жителей Ганы. Сложившееся вокруг торгового центра протогосударственное образование Гана существовало в основном за счет таможенных сборов и пошлин с купцов, частично за счет дани с подчинившихся ему соседних племен. Но главным сокровищем правителей Ганы было золото, точнее, контроль над приисками: все самородки с них полагалось отдавать правителю; только золотой песок считался законным доходом старателей.

Оттеснив берберов, Гана в конце X в. присоединила к себе важный торговый центр Аудагост, расположенный к северу от нее. Стоит при этом заметить, что сами правители страны и их подданные в транзитной торговле практически не принимали участия: торговали приезжие купцы – арабы, берберы, евреи. Словом, Гана во многих отношениях была необычным протогосударством, жившим за счет выгодного расположения и распоряжения богатыми ресурсами, но не за счет производства (если не считать производством добычу золота). В 1076 г. альморавидский султан Абу-Бекр во главе мусульманского войска завоевал Гану и разрушил город. И хотя спустя 11 лет, после успешного восстания, завоеватели были вынуждены уйти, дни процветающей Ганы были уже сочтены. Часть зависимых территорий отпала от нее, а бывшее данником родственное племя сосо в 1203 г. захватило столицу, после чего многие из живших там иноземных купцов покинули город. Политическим же преемником Ганы стало новое протогосударство – Мали.

Мали. Мали сформировалось как протогосударственное образование в VIII–IX вв. Расположенное вначале к югу от Ганы, в зоне, куда доступ северным кочевникам был затруднен, Мали тем не менее, в отличие от Ганы, в XI в. приняло ислам. Исламизация правящей верхушки Мали содействовала развитию протогосударства, населенного родственными сонинке малинке (оба народа из языковой группы манде, мандинго), и притоку в страну мусульманских купцов. В 1235 г. правитель Мали Мундиата Кейта одолел соседнее протогосударство Сосо и присоединил к стране древние земли Ганы. Вскоре Мали стало богатым и известным в арабском мире западно-суданским государственным образованием: его правитель Муса I совершил в 1324 г. хадж в Мекку. По преданию, Муса привез с собой столько золота, щедро раздававшегося во время путешествия (10–12 т, его несли около 500 рабов-носильщиков), что долгие годы после этого цена на золото в арабском мире была заниженной.

Города Мали были застроены богатыми зданиями и мечетями. Процветали торговля и ремесла. Золота было настолько много, что высоко ценившаяся соль подчас обменивалась на него по весу в соотношении 2:1 (торговля в Судане была меновая; денег в ходу не было). Административная структура была значительно более развитой, чем в Гане. Высшую власть осуществлял правитель, но большую роль играла родовая знать, прежде всего из правящего рода Кейта, представители которого назначались наместниками присоединенных к стране областей (часть завоеванных или добровольно присоединившихся земель оставалась под властью местных вождей, плативших правителю дань).

Дабы обезопасить себя от притязаний близких родственников на власть, правители возвышали воинов и чиновников из числа чужеземцев, в первую очередь иноплеменников-рабов, количество которых в аппарате власти и в войске, особенно в гвардии правителя, было велико. Исламская структура власти, видимо, сказала в том, что служащие и воины получали должностные земли, точнее, право на налоги (ренту-налог) с населения пожалованных земель. Что же касается основной части населения, малинке, то они жили большими общинами, состоявшими из патриархальных семей, главы которых распоряжались имуществом всего коллектива и вносили необходимую часть его в виде налога старейшине. Рабы из числа чужеземцев чаще всего включались в хозяйство на правах младших членов семьи, причем статус раба во втором поколении практически переставал быть рабским.

С конца XIV в. Мали под действием династических распрей стало ослабевать. И хотя династия Кейта просуществовала до XVII в., она практически уже не управляла большой и процветающей страной: под ударами удачливых соседей, прежде всего сонгайцев, правители Мали потеряли в XV в. почти все свои владения. Зато на смену Мали пришло государство Сонгай, наиболее могущественное из трех суданских государственных образований и наиболее развитое из них.

Сонгай. Общность сонгаев обитала к северо-востоку от Ганы и Мали, близ торгового центра Гао, который со временем и стал столицей нового государства. Предания свидетельствуют о существовании сонгаев и о сложении у них государственности еще в конце I тысячелетия до н. э., причем специальные исследования говорят о том, что государственные институты и должности возникали на местной основе (об этом свидетельствуют их наименования). Это, впрочем, никак не исключает возможности влияния на весь процесс извне, особенно если учесть уже описанную ситуацию. В начале II тысячелетия сонгайское протогосударственное образование (или серия образований?) было под властью Мали. Только с ослаблением Мали в конце XIV в. сонгай, к тому времени уже принявшие ислам, во главе со своим правителем Али победили малийцев и создали большое государство, охватившее значительную часть Западного Судана, включая все его известные торговые центры. В государстве Сонгай было создано профессиональное войско из наемников. Страна была разделена на провинции во главе с приближенными правителя.

На рубеже XV–XVI вв. при Мухаммеде держава сонгаев достигла вершины своего могущества. Сам Мухаммед, ревностный мусульманин, не только совершил хадж в Мекку, но и широко покровительствовал мусульманским ученым, которых он приглашал из арабских стран. В Томбукту при нем действовало высшее учебное заведение типа университета, где готовились кадры специалистов в области исламской теологии, права, математики, гуманитарных наук. Сонгайские города, как и вся транзитная торговля и прежде всего добыча золота, приносили казне немалый доход. Но, как и в Мали, в сонгайском государстве существовало уже и регулярное обложение населения налогом. Зависимые иноплеменники, рабы, использовались на обработке земель, которые щедро раздавались высшим должностным лицам. Вассальные вожди платили правителю дань. Государство активно впитывало нововведения, способствуя передаче опыта (приглашение иностранных ученых; предоставление условий для европейских огородников; строительство ирригационных сооружений на Нигере).

Могущество Сонгай было подорвано нашествием марокканского войска в конце XVI в. Вооруженное огнестрельным оружием и состоявшее в значительной степени из Испанских наемников, частично исламизированных, это войско сумело нанести решительный удар по сонгайскому государству, правители которого, оттесненные на восток, постепенно деградировали. Марокканцы прибыли в Судан с севера в поисках все того же золота. Но прииски к этому времени уже истощились, а экспедиция стоила дорого. Марокканский султан вскоре потерял интерес к Судану, а посланные им воины, женившись на местных женщинах, так и остались там, основав пашалык, которым управляли избравшиеся воинами паши. Пашалык просуществовал в северной части Западного Судана, включая Томбукту и Гао, вплоть до середины XVIII в., когда он был разгромлен сахарскими кочевниками-туарегами. К югу и юго-западу от марокканского пашалыка в XVII–XVIII вв. возникло несколько государств, основанных местными народами фульбе и бамбара.

Племенные протогосударства фульбе и бамбара. Скотоводы западного Сахеля из племени фульбе уже в IX в. в районе современного Сенегала (побережье, отделенное от западносуданской саванны горным плато), возглавили племенное протогосударственное образование Текрур, став первой из четырех тукулерских династий. Есть сведения, что скотоводы фульбе появились здесь с севера, в расовом отношении отличались от местного негроидного населения и были знакомы с исламом. Часть фульбе осела, остальные оставались кочевниками и в поисках пастбищ постепенно мигрировали на восток, распространившись чуть ли не по всей территории Западного и Центрального Судана. В районе излучины Нигера в Масине часть фульбе (фульбе-бороро), подвергшись процессу трибализации, осела, создав протогосударство, вначале зависимое от Мали, затем от Сонгая. Выдержав натиск марокканцев, масинские фульбе на рубеже XVI–XVII вв. добились независимости. Бывшие кочевники-фульбе неплохо вписались в городскую культуру Западного Судана, заняли многие должности чиновников и пополнили собой ряды мусульманского духовенства. Видимо, малочисленность оседлой части фульбе была одной из причин того, что они подверглись мандингизации, т. е. постепенно утратили свой язык, переняв язык мандингского народа бамбара (но сохранив этническое лицо).

Этническая общность бамбара, родственная сонинке и малинке Ганы и Мали, в XVI–XVII вв. стала едва ли не преобладающей в западно-суданском районе среднего течения Нигера, т. е. в зоне обитания трех вышеупомянутых государственных структур (Ганы, Мали, Сонгая). Окончательно отеснив последних правителей Мали и воспользовавшись крушением Сонгая под ударами марокканцев, трибализовавшиеся бамбара создали к юго-западу от марокканского пашалыка серию племенных протогосударств, добившихся расцвета в XVIII в. Сильнейшим из них было Сегу, правитель которого Битон Кулибали создал сильную армию и совершил ряд успешных завоеваний, присоединив к Сегу, в частности, и фульбскую Масину.

В конце XVIII в. вновь вышли на передний план фульбе, которые попытались было под знаком религиозного обновления объединить ряд мелких государственных образований Западного и Центрального Судана вплоть до озера Чад. Фульбский мусульманский проповедник Осман дан Фодио на рубеже XVIII–XIX вв. сумел создать в этом районе Африки большой халифат Сокото, просуществовавший почти весь XIX век и построенный преимущественно на исламской административно-политической и социально-экономической основе с сильной централизованной властью и хорошо налаженной системой налогов. Специфическим отличием халифата была этническая суперстратификация: фульбе считались привилегированным меньшинством, тогда как большинство населения, принадлежавшее к хауса, подчинялось им.

Племенные протогосударства моси. Юго-восточная часть Западного Судана, бассейн Вольты³⁶, был населен этнической общностью моси, сложившейся на рубеже I–II тысячелетий на местной основе. Под воздействием мигрантов с востока эта общность трансформировалась и подвергалась процессу трибализации. В XII–XIV вв. здесь существовали уже несколько соседних государственных образований, крупнейшим среди которых было Угадугу. Угадугу, Ятенга и некоторые другие протогосударства моси были хорошо организованы. Ислам и транзитная торговля затронули их территории в меньшей степени, нежели то было к северу. Но влияние того и другого сказывалось. Просуществовавшие до XIX в. (чему явно способствовало их географическое местонахождение – в стороне от основных торговых и миграционных путей) племенные протогосударства моси представляли собой достаточно своеобразные политические структуры. Территориально-административное членение было тесно связано с общинно-родовым. Однако вожди предпочитали назначать руководителями округов не представителей знатных родов, а преданных им людей из числа иноплеменников-рабов, что сыграло свою роль в стабилизации их власти. Впрочем, степень централизации этой власти не следует преувеличивать, как и роль государственных институтов: речь идет в целом о крайне

³⁶ Географически эти территории не всегда относятся именно к суданскому поясу, но в политическом плане они явно тяготеют к нему, что важно учесть для полноты изложения

примитивных политических образованиях, в основе которых веками существовала и сохранялась древняя африканская община со всеми ее первобытными традициями.

Центральный Судан

Географически Центральный Судан – обширная центральная часть суданского пояса, серединой которой является ориентировочно озеро Чад. Однако речь пойдет о политических структурах, расположенных в западной стороне этой части суданского пояса, между Западным Суданом и районом озера Чад. Здесь следует выделить две крупные зоны государственности, частично налегающие одна на другую.

Племенные протогосударства хауса. Первая из них – группа хаусанских протогосударственных образований, наиболее ранние из которых возникли в VIII – X вв. Речь идет о весьма примитивных надобщинных политических структурах типа городов-государств, причем формирование этих образований тоже происходило вокруг торговых центров, расположенных на трансафриканских караванных путях, шедших как с востока на запад, так и с севера на юг. Особенно важным был путь с севера на юг, связывавший север Африки через Сахару с гвинейским ее побережьем, с районом плотного расселения йоруба.

Хаусанские протогосударства, из которых наиболее значительными были сначала Кано, затем Кацина и еще позже Гобир, группировались вокруг городов и в XIV–XVI вв. были уже по-своему развитыми, хорошо знакомыми с исламом, проникшим сюда через Мали. Падение Мали и Сонгая и упадок золотых россыпей Западного Судана привели к ослаблению интенсивной торговли там и соответственно к усилению торговых связей через хаусанские города к гвинейскому побережью, где также было золото («Золотой берег» португальцев). Именно это и способствовало расцвету хаусанских политических образований, хотя главную роль в их торговле играло не золото – скорее орехи кола, вывозившиеся из лесных районов побережья на север Африки.

В городах хауса развивалось ремесло, особенно ткацкое. Воздвигались большие здания и мечети. Существовали кварталы, населенные арабскими и иными чужеземными купцами. Расширялась и деревенская периферия городов, которые ожесточенно соперничали друг с другом, порой вели войны, в результате чего выходили на передний план то один, то другой, то третий из их числа (всего их насчитывалось 14: семь главных, чисто хаусанских, и семь других, со смешанным населением). Согласно некоторым данным, в протогосударствах существовала налаженная административная система управления с устойчивыми органами власти и взиманием налогов (восьмая доля урожая). Немалую роль в жизни хаусанских, как и всех суданских протогосударств играло рабство. Однако рабы-иноплеменники обычно имели землю и жили на правах податного населения, хотя и юридически неполноправного; нередко из них образовывали новые поселения.

В XVII в. в хаусанские протогосударства проникло, как упоминалось, довольно большое количество фульбе-бороро, как кочевников, так и особенно оседлого населения, в том числе из числа образованных интеллектуалов ислама. Именно их усилиями была поднята волна движения за религиозное обновление, которая на рубеже XVIII–XIX вв. привела к созданию халифата Сокото, в котором господствовали фульбе, тогда как хаусанцы были основной частью податного населения.

Канем и Борну. Район озера Чад – едва ли не важнейший центр древних культур Африки. Именно отсюда в I тысячелетии н. э. расселялись бантуязычные народы современной Африки. Здесь обнаружены следы археологических культур века металла еще более раннего времени. И здесь же, к востоку от озера, в VIII–IX вв. сложилось одно из ранних африканских протогосударств – Канем. Правитель Канема Хуме в конце XI в. принял ислам, причем на этот раз ислам пришел не с запада, а с востока либо с севера, из Магриба. Канем в XII в. энергично расширял свои границы и в XIII в. при Дунаме II (1221–1259) достиг наивысшего могущества, став едва ли не крупнейшим в Африке наряду с Мали.

В XIV в., однако, под давлением соседних племен булала правитель Канема вынужден был перенести свою резиденцию к западу от озера Чад, в район Борну, где в результате этнического смешения выходцев с востока с местным населением сложилась этническая

общность канури. Возглавившие эту общность правители Борну (Канем-Борну) постепенно укрепили свое положение и достигли наивысшего могущества при Идрисе Алуме (1571–1603), который сумел приобрести в Тунисе огнестрельное оружие и вооружить им свою армию, вследствие чего Борну поставило в зависимость от себя соседей, включая и хаусанские протогосударства. С XVII в. влияние Канем-Борну вновь стало ослабевать.

Политическая организация Канем-Борну была довольно обычной для суданских стран с исламской ориентацией. Страна делилась на региональные подразделения, во главе которых стояли представители правящего дома, весьма склонные при случае к сепаратистским устремлениям и мятежам. Власть правителя была ограничена советом знати и высших сановников. Сам правитель обожествлялся и был закрыт от взоров подданных. Считалось, что он имеет право назначать своего преемника, но практически большим влиянием в политических делах пользовалась обычно мать правителя. Как и везде в Судане, в Канем-Борну было немало рабов из числа чужаков, которыми могли торговать, обменивая их, например, на высоко ценившихся и импортировавшихся с севера, из Магриба, лошадей.

Восточный Судан. Эфиопия

Восточный Судан, на севере граничивший с Египтом, испытывал заметное влияние египетской культуры на протяжении тысячелетий. Это сыграло свою роль в формировании таких известных и уже упоминавшихся государственных образований, как Мероэ или Аксум. В первые века новой эры Египет был христианизирован, так что египетское влияние шло с сильным потоком христианской культуры. Неудивительно поэтому, что лежавшие к югу от Египта восточно-суданские его соседи, включая Эфиопию и Нубию, были в основном христианскими странами. После арабизации и исламизации Египта мусульманское влияние стало сильно ощущаться и в Восточном Судане, хотя христианская Нубия подчас вела войны с исламизированными соседями. Соседи, о которых идет речь, – это султанаты Вадаи, Дарфур (сначала – Кордофан) и Сеннар, появившиеся на свет именно благодаря воздействию на восточно-суданских африканцев исламской государственности уже сравнительно поздно, примерно в середине II тысячелетия.

Дело в том, что исламизация некогда христианской Нубии, завершившаяся в условиях упорного сопротивления христиан к середине нашего тысячелетия, открыла дорогу арабизации и энергичной исламизации более западных районов Восточного Судана. Разумеется, ислам и многие кочевые мусульманские арабские племена проникали в эти районы и к западу от них и прежде – не случайна версия об исламизации Канема в конце XI в. именно с востока. Но энергичный натиск ислама приходится на середину II тысячелетия. В начале XVI в. возник султанат Сеннар. В том же XVI в. исламским султанатом стало и возникшее столетием раньше протогосударственное образование Дарфур, до того находившееся в зоне политического влияния правителей Канема-Борну. Как фунги Сеннара, так и форы Дарфура являли собой негритянские общности, испытывавшие немалое влияние арабского языка и арабо-мусульманской культуры. Еще далее к западу существовало испытывавшее исламское воздействие со стороны Канема государственное образование Тунджур, на основе которого в XVII в. сложился султанат Вадаи, в котором тоже со временем укрепилось арабское влияние и где даже поселилось, как и в Дарфуре, немалое количество мигрировавших с востока арабов. Политическая структура всех этих султанатов была близкой к типично мусульманской. Правда, были и отличия. В частности, здесь, как и во всех африканских государствах, существовало большое количество рабов, из которых, в частности, формировалась армия. В XIX в. Сеннар и Дарфур были завоеваны и присоединены к Египту усилиями Мухаммеда-Али и его преемников.

На крайнем Востоке суданского пояса и в южной его части расположена Эфиопия – государство особое в ряду вышеописанных. Во-первых, это одно из древнейших африканских государств с непрерывной историей и традицией. Во-вторых, оно единственное не связанное с исламом, но, напротив, постоянно противостоявшее ему. Больше того, христианская монофизитская церковь всегда тяготевшая к греческому православию, была на протяжении веков, даже тысячелетий своего рода политическим стержнем, служившим опорой для сравнительно слабой и постоянно раздиравшейся междуусобица светской власти.

Принятое еще знаменитым аксумским правителем Эзаной в 30-х годах IV в. эфиопское христианство одно время было даже союзником и опорой первых мусульман времен пророка. Но после успешной исламизации Ближнего Востока для христианского Аксума наступило трудное время. Пытаясь сопротивляться натиску арабов-мусульман с востока и севера, Аксум терпел поражение за поражением. Нередко пустовало место назначавшегося александрийским патриархом митрополита, что обычно воспринималось аксумитами как одна из важных причин обрушивавшихся на них несчастий. В X в. Аксум был разрушен, а власть перешла к династии, не исповедовавшей христианство (возможно, это были выходцы из числа эфиопских иудеев-фалаша). Период X – XII вв. почти не отражен в эфиопских хрониках, это было время упадка Эфиопии. В XII в. христианское государство эфиопов возродилось, а с XIII в. престол заняла новая династия, претендовавшая на родство с древними правителями Аксума и именовавшая себя Соломоновой³⁷. Негусы этой династии управляли Эфиопией вплоть до недавнего времени.

Правители новой династии в XIII в. начали энергичную борьбу за отвоеванные у христиан исламскими соседями территории. Эта борьба в XVI в. привела к резкому столкновению с восточноэфиопским султанатом Адаль, правитель которой Ахмад Грань (Левша) объявил христианской Эфиопии священную войну (джихад). Только благодаря помощи португальцев негус сумел одолеть Граня, но ослабленная войной Эфиопия подверглась в это же время натиску со стороны скотоводов-галла, заселивших многие районы страны (правда, со временем они были ассимилированы и христианизированы).

Хотя Эфиопия благодаря ходу событий сумела сохранить свое независимое существование и даже освободиться в конце XVI в. от навязывавших ей свою опеку католиков-португальцев, страна политически стала ослабевать, превращаясь в арену междоусобиц влиятельных феодалов. Феодалы возводили на престол недееспособных представителей Соломоновой династии и пытались управлять страной от их имени. Каждое из феодалных владений представляло собой полуавтономное княжество, правители которого жили за счет ренты-налога с крестьян, исполнявших к тому же многочисленные повинности. Одним из крупнейших феодалов-князей была церковь. Как и повсюду в Африке, в Эфиопии было много рабов. С середины XIX в. Эфиопия оказалась объектом усиленного внимания со стороны европейских держав, что вызвало рост сил внутреннего сопротивления и дало толчок усилению центральной власти и к необходимым реформам, связанным прежде всего с именем негуса Теодроса II. Хотя реформы из-за ожесточенного сопротивления феодалов потерпели неудачу, они все же заложили основу усиления Эфиопии, что сыграло определенную роль в последующих ее судьбах.

Восточная Африка. Побережье

Хотя географически этот район Африки, примыкающий к суданскому поясу, к территории Судана все же не относится, политически и в религиозно-культурном плане он с ним составляет некое единое целое: здесь тоже появление государственности тесно связано с исламизацией. Речь идет о довольно обширной зоне континента – от Африканского Рога (к юго-востоку от Эфиопии) до Мозамбика, включая сюда и прилегающие острова, в том числе крупнейший из них, Мадагаскар.

Первые арабские торговые колонии на восточном побережье Африки появились, видимо, еще в VIII–IX вв., быть может, и раньше. Арабы-мусульмане активно вторгались в заселенные бантуязычными народами районы, что сопровождалось, с одной стороны, метисацией новых поселенцев, бравших в жены местных женщин, с другой – массовым порабощением значительной части негроидного населения, тех самых аборигенов побережья, которых под

³⁷ Предания возводят первого правителя династии Менелика ко временам иудейского царя Соломона, считая его сыном Соломона и царицы Савской, т. е. правительницы той самой аравийской Сабы, с которой аксумиты в древности действительно были тесно связаны, о чем шла речь в главе о доисламской Аравии.

именем зинджей арабы вывозили в различные страны, прежде всего на территорию халифата. XII–XIV века были временем расцвета арабо-мусульманской торговли и заселения арабами восточно-африканского побережья. Здесь сложилась языковая арабо-африканская общность суахили, в расовом плане много более негритянская, чем арабская. Ведущей религией стал ислам. Были построены многие прибрежные торговые города с дворцами, крепостями и мечетями. Возникали многочисленные государственные образования типа преимущественно городов-государств во главе с шейхами – Могадишо, Малинди, Момбаса, Килва и др. Важным центром арабо-африканской торговли, особенно работорговли, стал султанат на острове Занзибар.

Вторжение в Африку португальцев, которые стремились в Индию и потому старались прежде всего закрепиться на восточно-африканском побережье, привело на рубеже XV–XVI вв. к разрушению многих процветавших суахилийских городов и к упадку арабо-африканской торговли. Но господство португальцев на побережье продолжалось сравнительно недолго: уже в середине XVII в. они отступили к югу, к Мозамбику, очистив большую часть восточно-африканского побережья. Впрочем, эти территории сразу же были оккупированы маскатскими арабами из Омана, к которым обратились за помощью против португальцев сами суахилийцы.

Султаны Маската-Омана с XVIII в. оказались фактическими хозяевами восточно-африканского побережья, а торгово-политическим центром их господства стал Занзибар, одно время даже политически объединенный с маскатским Оманом в единый султанат. Занзибар с начала XIX в. был центром выращивания завезенной туда гвоздики, на 200 плантациях которой работали сотни тысяч африканских рабов. Вплоть до запрещения в 1873 г. работорговли Занзибар оставался ее центром в Восточной Африке, особенно при оманско-занзибарском султани Сеиде Сайде (1804–1856), многое сделавшем для укрепления оmano-маскатского влияния на восточно-африканском побережье.

Что касается северной части побережья, то на территорию Сомали ислам проник где-то между IX и XIII вв. Эти пустынно-степные районы (возможно, именно здесь была загадочная страна Пунт, куда древние египтяне совершали экспедиции за ладаном, ибо именно на сомалийском побережье он произрастает) длительное время были мало заселены. Перемещения племен в Сомали были обычным делом, так что закрепление тут сомалийского населения началось сравнительно поздно, в XVI–XVIII вв. Смешанное бантуязычное и кушитоязычное население проживало в Сомали в XIX в. – на севере кочевое, на юге земледельческое. Между XII и XVI вв. здесь существовали различные мусульманские султанаты, центры которых подчас были вне Сомали, к западу от Африканского Рога. Торговые города типа Могадишо в те времена, да и позже, практически не имели политического отношения к основной части территории Сомали. Могадишо, как и другие города сомалийского побережья, политически с XVIII в. зависели от Омана, позже от Занзибара. Только в XIX в. во внутрисомалийских землях возникли два султаната, Оббия и Миджуртини.

Несколько слов о Мадагаскаре. Он рано стал объектом арабо-суахилийской мусульманской экспансии (XI–XIII вв.), хотя более древней популяцией здесь была тоже пришлая – из Индонезии (мальгашская). Арабские фактории были разрушены в XVI в. появившимися на острове португальцами, а с XVII в. на Мадагаскар стали часто наведываться голландцы, англичане, французы. Первые государственные образования на острове возникли на местной этнической основе (она была в основном метисной по происхождению), видимо, не ранее XIV–XVI вв. Трудно сказать, какую роль при этом сыграл ислам, но не следует забывать, что влияние мусульманской цивилизации и тесно связанных с ней государственных институтов и всей политической культуры мадагаскарцы испытывали с начала нашего тысячелетия. Развитие острова под сильным внешним воздействием привело к созданию на рубеже XVIII–XIX вв. в центре Мадагаскара большого государственного образования Имерина, по отношению к которому остальные княжества частично признали вассальную зависимость. Правитель государства был обожествленным высшим собственником земли, которую от его имени получали земледельцы, платившие налоги и несшие повинности. Существовало немалое количество зависимых и рабов, частично являвших собой замкнутые общности типа каст (особенно это относилось к привезенным на остров неграм). Губернаторы областей

подчинялись центральному правительству; знатные аристократы имели наследственные владения.

Тропическая Африка и ислам

Как хорошо видно из изложенного материала, ислам в целом сыграл огромную роль в формировании африканской государственности в зоне ее суданского пояса (о северной мусульманской Африке здесь не идет речь) и на восточном побережье. Как следует оценить эту роль, особенно с точки зрения тех генеральных принципов анализа традиционных восточных обществ, которые используются в рамках данной работы?

Первое, о чем надлежит сказать, – это важная, в некотором смысле решающая роль внешнего толчка. Во вводной части работы уже говорилось о комплексе условий и обстоятельств, обеспечивающих реализацию возможного генезиса первичного протогосударства в подготовленных к этому обществах. Там же упоминалось, что процессу генезиса государственности может способствовать факт существования рядом с трансформирующимся обществом уже сформировавшегося иного государства, что приводит, в частности, к эффекту трибализации и к более быстрому, нежели при сложении первичного протогосударства без внешнего воздействия, возникновению государственности. Ислам с его мощной и тесно связанной с религией, неотделимой от нее и в целом весьма простой политической культурой сыграл роль такого рода катализатора в северной части Тропической Африки. Можно много спорить на тему о том, что было раньше, яйцо или курица, т. е. ранние чисто африканские протогосударственные образования или воздействие со стороны мусульманского мира, но факт остается фактом: ислам способствовал резкому ускорению процесса и придал ему мусульманский характер.

Второе, что важно заметить в связи с проблемой ислама в Африке, – это своеобразие африканского ислама и откровенная слабость созданных при его содействии и во многом на его основе африканских государственных образований, особенно при сравнении их с теми, что были созданы мусульманами вне Африки, причем не только на Ближнем и Среднем Востоке, в Индии или Малайе, но даже и в Индонезии, тропики которой вполне сопоставимы с африканскими, равно как и расовый тип населения (правда, важную роль для Индонезии сыграло предшествовавшее исламу индо-буддийское культурное воздействие, подобного которому африканцы, в отличие от малайцев и индонезийцев, не имели). Свообразие заключается и в том, что африканцы воспринимали ислам, во-первых, в какой-то мере выборочно и частично, т. е. африканский ислам не был равноценен первоначальному, особенно арабскому, представленному хотя бы тем же Магрибом, откуда в Западную и Центральную Африку шли потоки исламской культуры. А во-вторых, воспринимали ислам отнюдь не все африканцы в тех государственных образованиях, которые формировались с помощью мусульманских влияний и тем более были официально исламскими. Мусульманами, да и то далеко не всегда полными, т. е. соблюдавшими все нормы ислама, были лишь социально-политические верхи и связанные с транзитной торговлей слои населения, иногда кочевые племена. Что же касается массы земледельцев, то она нередко почти не была затронута мусульманским влиянием и жила по законам предков, согласно древним африканским нормам и традициям, в немалой мере сохранившимся и ныне, в том числе в тех странах и районах Африки, которые уже тысячу лет испытывают воздействие ислама.

Соответственно слабой оказалась и социально-политическая база исламских государств и тем более протогосударств в Африке. Процветали те из них, что были тесно связаны с арабо-африканской торговлей, причем именно тогда, когда эта торговля преуспевала. В периоды ослабления, распада, поражений от прежнего исламского воздействия с его культурой, включая и политическую, оставалось порой не столь уж много. Нередко при этом влияние ислама приходилось восстанавливать заново и почти на пустом месте, – что, к слову, и делалось в позднем средневековье представителями различных течений ислама, в том числе активными мусульманами-марабутами, принадлежавшими к тем или иным воинственным суфийским орденам, ответвления которых щедро укреплялись в разных районах Северной Африки (наиболее многочисленными на первых порах были филиалы ордена-тариката Кадирийя; позже,

в XVIII–XIX вв., стали активно действовать и представители многих других орденов).

Ослабление ислама как религии и культуры было тесно связано с общей отсталостью той среды, с которой ему пришлось иметь дело в Африке. Несомненно, ислам во многом усилил возникавшие здесь слабые ранние политические образования за счет свойственных этой доктрине институтов. Но этого было мало. Конечно, и в Азии ислам не везде процветал, как то бывало в древних и развитых зонах тысячелетней цивилизации. Случалось ему попадать и в иные районы, оказываться религией сравнительно отсталых горных племен, например в Афганистане. Однако при этом ислам оставался в мусульманском окружении, которое значило для него и для воспитывавшихся в духе ислама народов весьма многое. Иное дело Африка, где постоянное и сильное воздействие ислама, которое могло бы сыграть роль мусульманского окружения, оставалось на севере континента и было отделено от остальной его части не только Сахарой, но и расовым барьером. А отсталость делала свое дело: нередко мусульманская религия лишь внешне затрагивала многочисленные общины африканцев, как бы скользя по их поверхности, играя роль некоего необязательного антуража.

И все же, несмотря на все сказанное, ислам сыграл огромную роль в истории Африки. С точки зрения политического и экономического развития – роль огромную. Немалую роль и в плане социальных сдвигов, хотя здесь она много меньше. Исламу не удалось разрушить этнические и социальные барьеры, отделявшие африканцев друг от друга, не удалось превратить жителей исламизированных районов Африки в население уммы, т. е. в единую общину нерасчлененных на этносы правоверных. Не удалось исламу принести в Африку и высокую цивилизацию. Ислам в принципе, следуя заповедям пророка, не склонен поощрять рабовладение (если раб правоверный, он не раб), хотя неверных мусульмане издревле обращали в рабов. Но нигде и никогда рабство не достигало таких размеров, как именно в Африке, откуда мусульманские торговцы за много веков до португальцев вывозили на продажу сотни тысяч, если не миллионы африканцев. Словом, для многих мусульманских торговцев Африка была рынком рабов. И хотя расового предубеждения к неграм у них не было, а обилие негритянок в гаремах вело даже к изменению расового типа арабо-мусульманского населения Африки, африканская работоторговля в широких масштабах начата была все-таки мусульманами.

Глава 15

Средневековая Африка: юг континента

Африканцы зоны тропических лесов, южной саванны и южной оконечности континента почти не были затронуты влиянием ислама. На их развитие оказывали свое немалое воздействие иные важные факторы, как внутренние, так и внешние. К числу внутренних следует отнести миграцию с севера бантуязычных племен, которые принесли с собой многие из достижений неолита, включая земледелие, а также знакомство с выделкой металла. Важную роль играли и спорадические миграционные потоки и перемещения скотоводов, только здесь они происходили в основном на востоке, где зона тропических лесов была уже. Скотоводческие племена, мигрируя на юг, нередко приносили с собой некоторые элементы более высокой культуры, уже хорошо известной на севере, что способствовало сложению государственных образований. К числу внешних факторов следует отнести вторжение в Африку европейцев, прежде всего португальцев.

Как отмечают специалисты, в XIII–XIV вв. произошли решающие изменения в мореплавании и кораблестроении: появились руль, мореходный усовершенствованный компас, ряд других навигационных инструментов и приборов; достигла немалых успехов и картография. Все это было материальной основой (хотя и не главной причиной) Великих географических открытий XIV–XV вв. Застрельщиками этих открытий были португальцы, для которых XIV–XVI века были звездным часом их истории.

Не следует полагать, что двигали португальцами жесткие законы нарождавшегося капитализма. Капитализма в XIV–XV вв. в католической Португалии еще не было даже в зародыше. Но португальцы были европейцами, а в Европе в целом, во всяком случае в Западной Европе, позднефеодальный ренессансный период был временем, когда законы частной

собственности стали полностью ведущими, абсолютно преобладающими. Поэтому частная предпринимательская деятельность и связанные с ней индивидуальная энергия, предприимчивость, стремление к наживе и бесцеремонное пренебрежение ко всему, что препятствовало этому, были нормой для португальцев, включая и королевский дом, и феодальных вельмож, и торговое купечество, и простых крестьян или городской люд, из среды которых вербовались будущие моряки и колонисты Португалии в Африке, Азии или Америке (Бразилии).

Стремясь найти путь в Индию, португальцы начали с попыток найти морскую дорогу вокруг Африки, с чего и началась ее колонизация. Рельеф берега не позволил им закрепиться на западном побережье. Только вдоль рек Гамбии и Сенегала они сумели в XVI в. достичь Мали и побывать в Томбукту, но это было лишь незначительным эпизодом в их пребывании в Африке; к тому же Западный Судан в это время был уже хорошо освоен в торговом плане и без португальцев. Зато они закрепились на островах (Фернандо-По, Сан-Томе и др.) и на Гвинейском побережье, разделенном ими на четыре зоны по тем товарам, которые они преимущественно здесь приобретали: Перечный берег, Берег Слоновой Кости, Золотой берег и Невольничий берег. Бухты последнего и особенно дельта реки Вольты оказались наиболее подходящими для создания здесь торговых фортов, наиболее значительным из которых стала Эльмина. Это было еще в XV в. Вслед за тем португальцы освоили устье Конго и, как говорилось, восточно-африканское побережье.

Как известно, из района Гвинейского залива и восточно-африканского побережья португальцы вскоре были вытеснены: на западе – голландцами, англичанами и французами, на востоке – арабами. Зонай длительного колониального преобладания Португалии остались районы Конго, Анголы и Мозамбика (позже, в XIX в. земли Конго стали французской и бельгийской колонией), а также острова, где было налажено плантационное хозяйство и выращивались на продажу пряности. Но «заслугой» Португалии, если так можно выразиться, было то, что именно она начала колониальное освоение Африки. С ее легкой руки колонизаторы стали ввозить на континент ткани, зеркала, стеклянные бусы, изделия из металла, а также спирт и, главное, огнестрельное оружие, в стремлении овладеть которым местные вожди не останавливались ни перед чем. Наряду с провиантом, золотым песком (количество которого быстро иссякало) и слоновой костью европейцы приобретали миллионы чернокожих рабов.

Вначале рабов брали не слишком много, ибо еще не было крупных рынков сбыта. Но с открытием Америки ситуация резко изменилась. Бразилия стала для португальцев неиссякаемым источником дохода, связанного с работорговлей (другие колонизаторы везли рабов в иные районы огромной Америки). И надо сказать, что колониальная торговля чернокожими рабами стала не просто центром и смыслом всей африканской торговли, но и во многом трансформировала внутреннюю структуру континента, вызвав к жизни весьма специфические государственные образования, главы которых в прямом смысле слова специализировались на охоте за людьми.

Дело в том, что сами португальцы, как и иные европейцы, далеко в глубь континента не заходили (это относится и к арабам восточно-африканского побережья). Дорог не было, условия и климат тяжелые, да и не было особой нужды. Конечно, время от времени совершались в те или иные районы глубинной Африки экспедиции, миссии. Но преимущественно все дела вершились через посредников – тех самых, что добывали рабов, золото и иные нужные колонизаторам товары и приносили их к факториям, где и производился по привычной для всей Африки традиции прямой меновой торг. Поэтому, за исключением побережья и некоторых островов, где португальцы наладили плантационное хозяйство, колонизация напрямую не затрагивала континент. Однако косвенное ее воздействие было огромным. И речь не только о рабах, вывоз которых был болезненным для Африки, но в конечном счете стал делом обычным. Гораздо важнее то, что колонизация с ее спиртом и огнестрельным оружием во многом способствовала деформации традиционного африканского общества, сказалось и на истории политических образований Африки к югу от суданского пояса.

Государственные образования Гвинеи

Восточная часть Гвинейского побережья издревле была населена этнической общностью йоруба, к западу от которой обитали акан. Это в основном зона тропических лесов, частично лесостепей; выращивание корнеплодов (ямса) здесь сочеталось с возделыванием зерновых. Близость океана всегда несколько сглаживала неблагоприятные условия обитания, и это доказывается тем, что именно на Гвинейском побережье археологи нашли следы древних поселений двухтысячелетней давности, знакомых с металлургией (едва ли не древнейшие находки такого рода в Тропической Африке). Хотя древние торговые и миграционные пути всегда связывали гвинейский район Африки с севером, в частности с районом озера Чад, где обнаружены следы столь же древних культур, вопрос о генезисе нигерийской древней культуры Нок остается открытым. Одно ясно: перспектив для развития эта высокоразвитая для своего времени культура в Гвинее не имела, что едва ли не лучше всего видно на примере преобладавшей здесь в средние века и существующей поныне общности йоруба: свойственные ей формы социально-политической организации (большие поселения общинного типа в виде городов-государств, возглавляющихся выборными вождями и изредка перерастающих в протогосударственные образования) находятся на протяжении столетий как бы в застывшем состоянии. И это при всем том, что материальная культура йоруба достаточно высока для африканского континента. Именно здесь искусные ремесленники издревле изготавливают те самые скульптуры из дерева, металла, камня и терракоты, которые столь высоко ценятся специалистами и занимают почетное место в современных музеях и коллекциях.

Йоруба не являются аборигенами гвинейской части Нигерии. Предания свидетельствуют, что их общность возникла как итог миграции, может быть, нескольких потоков мигрантов, осевших в районе Гвинейского побережья. Прибывшие, видимо, из района озера Чад, через территории хауса, йоруба основали на Гвинейском побережье нечто вроде конфедерации, центром которой считается Ифе, религиозное святилище для всех йоруба. Город Ифе был основан, по некоторым данным, в VIII в. и достиг расцвета в XI–XIII вв. Он всегда являлся сакральным городом йоруба, но никогда не был их политическим центром. Таким центром с XI в. стремилась стать резиденция алафина, вождя одной из ветвей йоруба. Но до XIX в. алафины, пребывавшие в Ойо, так и не преуспели в стремлении упрочить свою власть.

В XIII–XVI вв. к юго-востоку от Ойо сложилось еще одно заметное государственное образование – Бенин, населенный родственными йоруба эдо. Здесь тоже структура древней родовой общины веками сохранялась почти без изменений, в силу чего политическое образование было основано на весьма слабой социальной основе и практически не эволюционировало в сторону создания более или менее развитого государства, как это, впрочем, характерно для подавляющего большинства государственных образований Африки. Народ платил в казну правителя небольшие налоги, исполнял необходимые повинности. Немалый доход стекался в казну от торговли. Всегда было достаточно много рабов, причем есть основания полагать, что расцвет работорговли после создания португальских факторий типа Эльмины стимулировал торговлю рабами в гвинейских протогосударствах.

В XVII–XVIII вв. в лесной зоне Гвинеи неподалеку от побережья возникло еще несколько новых государственных образований, что было частично стимулировано развивавшейся здесь (Невольничий берег) работорговлей. Таким было, в частности, политическое образование Сави, завоеванное в 1727 г. Дагомеей. Дагомея как государственное образование сложилось на рубеже XVII–XVIII вв. тоже в качестве организации, ставившей целью захват и продажу невольников. В отличие от других, оно представляло собой достаточно хорошо организованную структуру: страна делилась на провинции, которыми управляли преданные правителю и назначавшиеся им служащие из числа незнатных чиновников. Армия Дагомеи славилась своей силой, а ядро ее составлял женский корпус из ахоси, формально считавшихся женами правителя.

Менее централизованной политической структурой была конфедерация Ашанти, возникавшая в лесной зоне в XVIII в. на этнической базе акан. Собрание вождей и старейшин санкционировало назначение правителей из правящего рода, причем существенную роль при

этом играла мать правителя. Эта конфедерация контролировала значительную часть гвинейской торговли, в основе которой лежала торговля золотом, рабами и орехами кола. Именно она оказало в начале XIX в. наиболее ожесточенное сопротивление Англии, стремившейся укрепиться в низовьях Волты и Нигера.

Государства южной саванны

Зона тропических лесов, массивная на западе, уменьшается на востоке и практически исчезает в районе Межозерья. Существует гипотеза, согласно которой именно миграционные перемещения бантуязычных народов и, возможно, некоторых иных этнических общностей, в том числе скотоводческих, принесли на юг Африки, прежде всего в зону южной саванны, как земледелие (включая и другие элементы комплекса неолита), так и железоделие (каста кузнецов на юге пользуется особенно высоким престижем), не говоря уже о скотоводстве. Во всяком случае бантуязычный в своей основе юг по многим параметрам явственно тяготеет к северу и прежде всего к суданской саванне как к первоистоку. Не исключено, что частично эти связи шли и через тропические леса. Так, некоторые группы аборигенов леса, пигмеев, в лингвистическом отношении оказались близки к банту.

Есть и еще одна гипотеза, о которой нельзя не упомянуть. Речь идет о так называемом индонезийском сельскохозяйственном комплексе: те самые малаеязычные мигранты, которые принесли с собой первый пласт культуры на Мадагаскар, частично оказались и на восточно-африканском побережье, о чем свидетельствует существование там некоторых предметов материальной культуры, в частности лодок индонезийского типа. Существует предположение, что именно эти переселенцы, мигрировав в глубь африканского континента, сыграли определенную роль в распространении в зоне лесов клубнеплодного земледелия (ямс, банан и т. п.). Но, даже если все было именно так, доказать это сегодня практически невозможно. Кроме того, это имеет непосредственное отношение к африканцам зоны лесов (в том числе и к народам, проживающим на окраине этой зоны, как, например, к йоруба), но не к бантуязычному в своей основе населению южной саванны, о котором сейчас идет речь. Упоминание же о существующих гипотезах необходимо для того, чтобы подчеркнуть ту важную роль, которую, по многим данным, сыграли в эволюции южной части континента миграционные передвижения народов и связанных с ними культур.

Постоянные перемещения, о которых идет речь применительно к зоне южной саванны, сыграли определенную роль в некотором ускорении темпов развития местного земледельческого населения. В ряде случаев это развитие достигло уровня прото – и ранней государственности. Одним из наиболее ярких примеров этого можно считать государственные образования в низовьях Конго. В конце XV в., когда здесь появились португальцы, существовало три таких образования – Лоанго и Макоко к северу от устья реки и Конго в зоне этого устья, в основном к югу от него. О первых двух мало что известно. Но Конго оказалось в центре португальского внимания. Оно было создано незадолго до появления португальцев, и многие его черты и признаки находились в состоянии становления. Власть правителя ограничивалась советом знати, обладавшим правом выбора преемника правителя. Армия состояла в основном из наемников и рабов. Управители провинций и округов назначались и смещались правителем, причем они избирались обычно из числа его родни. Население платило налоги (иногда в форме отработок) и несло повинности. Вассальные вожди присылали дань.

Появление португальцев резко активизировало торговые связи Конго, а правивший в начале XVI в. Афонсу I (это его португальское имя) принял католичество (сын его Энрике, воспитывавшийся в Лиссабоне, стал первым африканским епископом из числа самих африканцев). Источники описывают Афонсу как великого правителя, искренне стремившегося к образованию и просвещению народа, к прогрессу страны. Но надежды его на помощь португальцев в этом деле не оправдались, ибо те стремились к совсем иному – к колониальной торговле и наживе, привилегиям и захвату власти в стране. Возникли конфликты между правителями и колонизаторами, которые осложнились во второй половине XVI в. вторжением в Конго племен яга, разграбивших столицу Сан-Сальвадор. Дело довершили мощные восстания в конце XVI и начале XVIII вв., направленные как против господства

христианства, так и в пользу укрепления власти правителя. И хотя восстание начала XVIII в. потерпело поражение (возглавлявшая его Кимба Вита, представительница знатного рода, была сожжена в 1706 г. как еретичка), оно частично способствовало высвобождению Конго от гнета португальцев и установлению прямых связей страны и церкви с Ватиканом. Но политически Конго к этому времени ослабело, как, впрочем, стал ослабевать и колониальный натиск португальцев, вынужденных потесниться под нажимом голландцев, англичан и французов.

Конго принимало участие в португальской работорговле. Но при этом оно не слишком выгадывало на этом: соперником его выступала португальская фактория на Сан-Томе, державшая основной поток черного товара в своих руках. Несколько позже португальцы перенесли центр тяжести работорговли на континент, но не в Конго, а к югу от него, в Анголу, которая после строительства порта Луанда стала быстро превращаться в колонию – практически первую колонию европейцев (если не считать острова и порты на побережье) в Африке. На протяжении XVII–XVIII вв. Ангола, разделенная на президентства и управлявшаяся военными комендантами, была не просто центром африканской работорговли, но и едва ли не основным поставщиком негров в Бразилию. Губернаторы и коменданты округов действовали через местных вождей и за недорогую плату, преимущественно оружием, приобретали «черных» рабов. Дело это со временем оказалось столь выгодным, что неподалеку от побережья в качестве стабильных организаций-посредников в работорговле возникло, как то было и в Гвинее, несколько местных политических образований (Овимбунду, Матамба и др.), целиком существовавших за счет прибыльных операций, связанных с работорговлей.

В конце XVI, XVII и XVIII вв. в глубинных районах саванны (бассейн Конго вплоть до Межозерья) возникло несколько государственных образований (Лунда, Луба, Куба), во многом также обязанных своим существованием транзитной торговле, прежде всего работорговле. Это были типичные для Африки протогосударственные структуры, в рамках которых поднявшиеся над общинами слои держали в своих руках достояние коллектива и распоряжались им. Это достояние в Луба, например, выражалось в контроле над медными рудниками и соляными копиями Шабы (Катанги).

Еще далее к востоку, в районе Межозерья, в тех же XVII–XVIII вв. сложилось несколько государственных образований весьма специфического характера, вызванных массовыми миграциями нилотских скотоводческих групп с верховьев Нила. Накладываясь на местное бантуязычное земледельческое население, в ряде случаев уже знакомое с протогосударственными образованиями, скотоводы нилотской языковой группы луо либо других групп создавали этностратифицированные структуры, где в качестве правящего и привилегированного слоя выступали именно они, тогда как местное земледельческое население оказывалось в положении подданных, зависимых и эксплуатируемых. Так, в районе Анколе близ озера Виктория господствующим слоем в начале XVI в. стали скотоводы-бахима во главе с правителем-мугабе, тогда как крестьяне-баиру платили налоги и выполняли различные повинности. В районе Уганды привилегированной кастой были бито, а в Руанде – батутси, которые не только господствовали над бухуту, но и заставляли их на правах арендаторов пасти свои стада, освободив тем самым себя от производительного труда и оказавшись в положении правящей и господствующей касты.

Наконец, еще далее на восток, в зоне южной саванны, в районе Восточной Кении и Танзании, постепенно складывались политические образования бантуязычных народов, особенно тех, что так или иначе были вовлечены в торговлю с восточноафриканским побережьем, значительно оживившуюся с XVIII в. после появления там многочисленных арабских мигрантов маскато-оманского происхождения.

Южная Африка

Южная Африка к югу от бассейна Замбези являет собой пеструю картину. Западная ее часть, состоящая из пустыни Калахари и болотистых приатлантических низменностей, была мало пригодна для обитания – там жили собиратели-бушмены и знакомые со скотоводством готтентоты, аборигены этих мест. Восточная часть, примыкающая к восточно-африканскому побережью, представляла собой равнину, где господствовала муха цеце, что тоже

препятствовало здесь спокойной жизни и делало эту часть страны лишь путем, соединяющим глубинные районы с побережьем, – путем, который следовало одолевать побыстрее. Наилучшими для обитания землями, причем плодородными, а также районами, буквально насыщенными ценными ресурсами, прежде всего запасами руды, были плато в восточной части континента и южные примыкающие к океану равнины. Здесь издревле селились земледельцы, даже разрабатывались рудники и возводились загадочные монументальные каменные сооружения типа террас.

Африка все еще полна загадок. Строители каменных террас, датируемых XIII–XV вв., неизвестны. На этот счет существуют лишь предположения, вплоть до фантастических. Что касается рудников, то они в принципе достаточно примитивны и, видимо, эксплуатировались разными племенными группами на протяжении многих веков, причем с X в. добывавшееся там золото через арабов и суахилийцев восточно-африканского побережья включалось в мировой кругооборот, достигая, в частности, Индии. К началу XV в. в Южной Африке сложилось достаточно обширное государственное образование Мономотапа во главе с обожествленным правителем, назначавшим губернаторами провинций своих родственников и получавшим дань от вассальных вождей. Как и едва ли не везде в Африке, Мономотапа существовала преимущественно за счет торговли, точнее, таможенных сборов и продажи добытых в рудниках металлов, включая золото. Из внутренних районов через нее на побережье шли также слоновая кость, шкуры редких зверей, рабы. С XVI–XVII вв. эту торговлю контролировали португальцы, в зависимость от которых вскоре попала Мономотапа, постепенно слабевшая и раздражавшаяся внутренними распрями.

В середине XVII в. на крайнем юге континента у мыса Доброй Надежды была создана стоянка-фактория нидерландской Ост-Индской компании. Компания, занятая торговыми операциями в Индии и Индонезии, мало интересовалась в то время Африкой и рассматривала эту стоянку (Капстад, Капштадт, Кейптаун) лишь как пересадочный пункт для небольшого отдыха на долгом пути. Вскоре, однако, здесь – а это в климатическом смысле едва ли не самый благоприятный район Африки – стали оседать служащие компании, а затем и переселенцы из Голландии. Многие из них начали осваивать земли побережья и основывать скотоводческие фермы. Переселенцы-буры быстро распространялись по южноафриканскому побережью и постепенно уходили в глубь континента, отесняя и истребляя немногочисленное местное население, особенно готтентотов. К концу XVIII в. белое население колонии достигло 20 тыс. и численно превосходило вымиравших готтентотов, не говоря уже о бушменах.

С начала XIX в. Капская колония попала в руки Великобритании. Английские колонисты продолжили успехи буров. И хотя между англичанами и бурами началось соперничество, доходившее до военных столкновений и настоящих войн, в целом англо-бурская колонизация вела к единой цели, т. е. к сельскохозяйственному, а затем и промышленному освоению юга Африки, в первую очередь в сфере добычи ресурсов, ценных металлов, а затем и алмазных россыпей и рудников, а также к вытеснению отсюда местного населения, кроме той его части, которая оставлялась в качестве рабов или зависимого от колонистов населения для выполнения на фермах и рудниках тяжелых работ. Наибольшее обострение в англо-бурских отношениях пришлось на вторую четверть XIX в., в ходе которых бурская колонизация ушла к северу. Эта миграция («трек»), имевшая своим результатом провозглашение республик Трансвааль и Оранжевая, значительно расширила земли европейских колонистов и как бы условно разделила их на две части – северную, бурскую, и южную прибрежную, английскую.

В английской (прежде бурской) зоне колонизации шли тем временем свои небезынтересные политические процессы в среде местного бантуязычного населения. Речь идет прежде всего о государстве зулу, зулусов, сложившемся в начале XIX в. в районе юго-восточного побережья, в провинции Наталь. Племенная общность зулу под воздействием извне, т. е. со стороны европейцев, быстрыми темпами в начале XIX в. консолидировалась. Ее вожди, особенно знаменитый Чака (1818–1828), сумели создать мощную боеспособную армию и завоевать земли соседей-банту, заставив многих из них мигрировать на север. Столкновение зулусов с бурами в 1838 г. привело, однако, к крушению могущества зулусов и к освоению бурами значительной части Наталья, откуда они, впрочем, в начале 40-х годов под давлением англичан мигрировали, как упоминалось, на север.

Социальные и политические структуры Африки

Африку южнее Сахары обычно рассматривают во многих отношениях как единое целое. И для этого есть немало причин. Прежде всего, население этой части континента, при всей его расово-этнической пестроте, в основном однородно – это негритянское население, связанное многими общими чертами и признаками, в значительной степени и общей судьбой (речь не идет о европейских поселенцах Южной Африки). Кроме того, опять-таки при всем многообразии конкретных форм и модификаций социальной организации, семейно-клановых традиций, религиозных обрядов и культов, традиционных норм поведения африканские этнические общности тоже во многом едины. Едины даже в важнейших этапах поступательного развития, в движении от примитивных общинных социальных структур к надобщинным протогосударственным, т. е. к ранним формам государственности (далее этих ранних форм африканцы, как правило, не шли).

Хорошо известно, что Африка, как и некоторые другие аналогичные по уровню развития районы мира, является заповедным полем для работы антропологов. Специалисты по социальной, культурной, экономической и политической антропологии ищут и находят именно здесь многочисленные ступени и характерные формы раннего развития общества во всем их многообразии, но в то же время и при строгом однообразии в самом основном – в том, что может считаться присущим всем на той или иной ступени развития человечества. Это касается, в частности, тех закономерностей социально-политической эволюции в процессе формирования государственности, которые положены в основу концепции данной работы.

Первичными хозяйственными ячейками африканцев были либо локальные группы охотников и собирателей, либо большесемейные коллективы земледельцев и скотоводов. В том и другом случае не было и речи о частной собственности, даже вообще о собственности. Имущество, за исключением индивидуального, принадлежало коллективу, от имени которого действовал, распоряжаясь совместным достоянием коллектива, его глава, лидер группы или патриарх большесемейного коллектива. Совокупность большесемейных групп являла собой общину, каждая из которых, независимо от их общего количества и даже от плотности их размещения (у йоруба они жили в рамках больших поселений рядом друг с другом многими десятками), была автономной ячейкой. И хотя внешняя угроза вызывала феномен механической солидарности родственных общин, что сплачивало их в единое целое во главе с избранным ими вождем, это далеко не всегда вело к формированию надобщинных политических структур, хотя и могло приводить к этому.

Здесь важно отметить очень характерное для африканцев явление: деление на возрастные классы в гораздо большей степени, нежели имущественное неравенство, определяло социальную стратификацию тех структур, в рамках которых они обычно жили. Играли свою роль также и замкнутые религиозные объединения типа мужских союзов, но еще большую – традиционные родовые связи. Эти последние отчетливо доминировали и тогда, когда возникали протогосударственные образования, а представители того или иного из семейных кланов данной общности оказывались во главе ее. Родственные связи при этом оказывались неизмеримо важнее личной воли правителя, власть которого, как правило, ограничивалась советом знатных (те же родственники по преимуществу) или влиянием старших, в том числе матери правителя.

Случалось, ситуация изменялась в пользу правителя, который стремился при этом опираться не на родню, а на преданных лично ему слуг и чиновников из числа, как правило, чужеземцев, включая рабов, т. е. людей неродственного происхождения. Аналогичным образом порой создавались и армии – из наемников и рабов. Но, во-первых, позволить себе такое мог далеко не каждый правитель, ибо для этого, помимо его воли, должны были существовать и благоприятные условия, в частности гарантированный источник доходов, не связанный с налогообложением своего народа (доходы от монополизированной правителем торговли, торговые пошлины от транзитной торговли, ресурсы рудников, наконец, работоторговля). Во-вторых, это тоже было не слишком стабильным и надежным.

Дело в том, что каждый из возвышавшихся в том или ином прото – либо раннем государстве правителей не имел достаточной социальной опоры для укрепления своей власти. В глазах управлявшихся им соплеменников, продолжавших жить по традиционным нормам родовой общины, правитель был лишь верховным распорядителем общего достояния, причем действовавшим под строгим контролем и в соответствии с традиционной нормой. Правитель имел право на небольшой налог с общин, на трудовые повинности общинников (тоже не чрезмерные и, главное, санкционированные традицией), на дань с вассальных вождей. Но это давало ему не слишком много, хотя бы потому, что само экстенсивное хозяйство велось таким образом, что о больших запасах и тем более о кумуляции избытков в больших размерах по многим причинам говорить не приходилось. Экстенсивное сельское хозяйство могло дать весьма немного излишков, а внутренняя торговля практически почти не существовала: большинство африканцев жило в условиях натурального хозяйства. Выручали, как упоминалось, транзитная торговля, монополизированные правителями промыслы. Но это и было источником нестабильности власти, вынужденной опираться не столько на соответствующую организацию собственного общества, сколько на факторы внешние, весьма изменчивые и неопределенно действующие.

В сложившихся условиях практически не было материальной основы для процесса внутренней, внутригосударственной приватизации – того самого, который сыграл везде в мире решающую роль внутреннего толчка, определившего переход от ранней государственности к развитой. Да и как было сложиться слою частных собственников, если в государствах, о которых идет речь, не было ни товарно-денежных отношений, ни рынка, ни соответствующей инфраструктуры, а примитивная меновая торговля, вполне устраивавшая людей и отвечавшая потребностям местного населения, не могла лечь в основу сколько-нибудь значительного процесса приватизации и привести к появлению слоя не связанных с властью собственников. Более того, все те факторы, которые потенциально могли бы способствовать созданию упомянутого слоя и дать толчок процессу внутренней приватизации, в африканских условиях лежали и действовали как бы вне социума, на уровне транзитной торговли. Существовали ведь и торговые центры, и города, и большие отряды купцов-собственников, и огромная по объему торговля, но все это было чем-то внешним по отношению к традиционному африканскому социуму, который был лишь объектом, а не субъектом транзитной торговли. В эту торговлю включалась стоявшая над социумом власть, о чем уже упоминалось. Но это было прямо противоположным тому, о чем идет речь: правители, монополизировавшие торговлю, не были и не могли быть субъектами процесса внутренней приватизации. Они тоже оказывались вне социума, которым управляли.

В результате ранние политические образования, возникавшие в разных районах Африки южнее Сахары в достаточно большом количестве, как под непосредственным воздействием внешних сил, так и под опосредованным их влиянием (а это касается львиной доли африканских государственных образований средневековья), не имели развитой административной инфраструктуры и надежной социальной опоры. Они либо возникали и быстро исчезали, сменяя друг друга в рамках того же либо появившегося здесь нового этнического субстрата, либо длительное время существовали в едва заметной и не эволюционировавшей примитивной форме. Правда, изредка делались попытки укрепить слабую административную структуру, создать систему провинций и округов с назначаемыми обычно не из числа близкой родни вождя управителями. Делались попытки и внедрить по исламской схеме систему условного землевладения должностных лиц, а в позднем средневековье порой усиливалось хозяйство казны за счет организации плантаций с массовым использованием труда рабов. Но все это не приносило необходимого эффекта, ибо со временем увязало все в той же традиционной общинно-родовой социальной структуре, которая практически не изменялась от верхушечных экспериментов и перемен.

Почему же не изменялась традиционная общинно-родовая основа? Прежде всего потому, что не рос заметно уровень развития населения. Не менялись характер его деятельности, традиционные формы экстенсивного сельского хозяйства. Не развивались внутренняя торговля и товарно-денежные отношения. Не было того самого процесса приватизации, о котором уже

шла речь. Но почему же всего этого не было?

Частично это следует объяснить общей отсталостью образа и уровня жизни африканцев и отсутствием эффективных стимулов для ускорения их развития даже после того, как то здесь, то там возникали прото – и раннегосударственные политические структуры во главе с правителями, порой всемогущими, капризными и жестокими деспотами, а иногда и пленниками сложившихся жестких религиозно-политических традиций (известно, что часть правителей жила изолированно, была объектом религиозного поклонения и уничтожалась при появлении признаков старости и потери силы: правитель-бог, олицетворявший мощь коллектива, должен быть сильным). Правители мало заботились о реформах, направленных на внутреннее укрепление государств, на эффективную централизацию власти. Да и едва ли они вообще могли что-то сделать в этом направлении какими-либо иными средствами, кроме примитивного насилия. Конечно, насилие подчас приносило плоды. Создавались крепкие армии, особенно сильные после приобретения огнестрельного оружия. Но сила тем внутренне слаба, и это касается далеко не только Африки, что ее недостаточно для обеспечения эффективного функционирования социально-политического организма на длительное время. Насилием можно добиться быстрого и впечатляющего эффекта, но за счет одних лишь силы и принуждения невозможно создать того, что возникает лишь в результате сложных внутренних социально-экономических процессов. А эти процессы тоже не возникают и тем более не ускоряются на пустом месте, без хотя и медленного, но поступательного развития производства и культуры общества.

Эти аксиоматично звучащие формулы стоит напомнить именно потому, что ими подчас оперируют автоматически, не вникая в суть реального процесса в той же Африке. Отсталое земледелие воспроизводит отсталые формы потребления и существования населения, примитивные формы его социальной общинно-родовой структуры. Экстенсивное скотоводство в принципе (не только в Африке) не способно породить развитые формы хозяйства, общества, культуры и политической организации. Наложение одного на другое может вызвать к жизни эффект государственности, с существованием этнической суперстратификации, доходящей порой до кастового неравенства жителей раннего государства. Но это, пожалуй, предел. Для достижения более высокого уровня развития нужны кардинальная внутренняя трансформация общества, новые элементы производства, трудовые навыки, новая и более развитая культура труда и всей деятельности социума.

В Африке, даже в суданском поясе с его огромной ролью ислама, не возникло развитой религиозной системы. Колдуны и знахари находились на том же уровне, что и основная масса населения. Больше того, их религиозные верования и культы не просто соответствовали этому примитивному уровню, но и как бы закрепляли его. А в рамках политических образований суданского пояса были, особенно в городах, ученые улемы. Там развивалась мусульманская наука, было даже нечто вроде университета в Томбукту. Но все это существовало лишь на высшем уровне потребностей городов и торговых центров исламизированных районов и почти не соприкасалось с основной массой населения – ситуация, напоминающая греческие поселения на Ближнем Востоке времен эллинизма. Результатом была довольно быстрая потеря религиозного исламского потенциала с ослаблением интенсивности транзитной торговли. Вакуум стали в позднем средневековье занимать воинствующие суфийские ордена, члены которых уже практически не несли с собой ни элементов науки, ни стремления к образованию, но зато весьма соответствовали основанной на силе внутренней структуре большинства политических образований Африки.

Словом, развитой религии в Африке – такой религии, которая сверху донизу, пусть в уменьшающемся и упрощающемся объеме и виде, но все-таки сверху донизу затронула бы всех, – не возникло. Соответственно в ранних африканских государствах, за редкими исключениями вроде Эфиопии, не возникало и письменности, носителями которой обычно бывали везде и всегда священнослужители как социальный слой. Отсутствие же развитой религии и письменной культуры тоже играло свою роль в общей отсталости африканских социумов и раннегосударственных образований: без кумуляции и отбора полезных инноваций любая культура обречена на застой и деградацию. А давление со стороны мощной первобытной периферии в таких условиях всегда не только сильно, но и эффективно: если в Азии великие

цивилизации поглощали периферию за счет своих именно цивилизационных потенций (цивилизация и тесно связанная с ней религиозная традиция в письменной форме хранит и закрепляет достижения стимулируемой ею же материальной и всякой иной культуры), то в Африке нередко бывало наоборот: сравнительно развитые структуры после их ослабления практически бесследно исчезали, поглощенные отсталой периферией, которая легко и без остатка их переваривала.

Видимо, немалую роль в консервации отсталости Африки сыграло и рабство. Не столько как институт (рабство как институт было известно всему миру а в цивилизованных обществах Азии сохранялось веками и кое-где дожило почти до наших дней), сколько как важный элемент нормы отношения к человеку. Иноплеменник в Африке – как, впрочем, и повсюду – всегда не считался за человека. Его можно было убить, даже съесть (сердце или печень поверженного врага считались придающими съевшему мужество). Можно было помиловать и включить в свою общность и в семью на правах ее младшего члена, зависимого неполноправного человека. Можно было продать на вывоз, чем и занимались арабские и иные купцы в Африке еще задолго до появления там первых европейцев.

Этническая рассредоточенность и обилие языковых, этнических и иных граней содействовали тому, что чужеземцев в Африке всегда было много. Рабом мог стать любой – стоило лишь ему уйти за пределы небольшой зоны обитания его родного коллектива. Отношение же к чужеземцу как к рабу во многом формировало общее отношение к человеку и к человеческой жизни как таковой. Она мало чего стоила и к ней относились легко. Тем более это было характерно для больших политических объединений, вожди которых убивали противников тысячами и не останавливались перед тем, чтобы с той же бесцеремонностью и жестокостью обеспечивать абсолютное повиновение подданных. О гуманности и милосердии, о человечности в том смысле, как об этом говорится в формирующем сознание цивилизованных обществ древних религиозных или философских текстах (достаточно напомнить об учении Конфуция, о поисках упанишад), в таких условиях говорить не приходится. Отнюдь не стремясь как-то реабилитировать португальскую и всю европейскую работорговлю с ее бесчеловечным отношением к африканцам (а ведь христианство как раз учило человеческому отношению к людям, что и делает эту работорговлю со всеми ее жестокостями не просто бесчеловечной, но цинично-мерзкой), стоит все же еще раз заметить, что не она сама по себе повлияла на отставание Африки. Она просто использовала то, что уже там было.

На примере африканской работорговли видно, что в тех нередких случаях, когда ставка была высокой, а дело сулило неслыханные барыши, частнособственническая страсть к наживе сметала со своего пути все остальное, включая и набожные поучения католических патеров, которые в той же Конго, видимо, проповедовали христианское человеколюбие. В условиях работорговли эта проповедь не могла иметь успеха, о чем и свидетельствуют сектантские выступления в Конго. И все же жители Конго и других районов Африки, в частности Южной, не могли не воспринять кое-чего от христианства как развитой религиозной доктрины, которая пропагандировалась к тому же веками. Но, во-первых, они неизбежно воспринимали эту доктрину, иначе, чем европейцы, сочетали ее со своими привычными верованиями и представлениями в сложном синкретическом синтезе, под знаменем которого и формировались еретические движения. А во-вторых, христианство мало что сумело привнести в привычный образ жизни и культуру местного африканского населения, как то, впрочем, касается и ислама на суданском севере. В конечном счете христианизированное меньшинство африканцев (как и его исламизированное меньшинство в Судане) так и не становилось более передовым или развивавшимся более быстрыми темпами. Привнесенные религии в Африке (в отличие от того, что бывало в других регионах) так и не сумели заполнить цивилизационный вакуум. Развитие континента и после этого шло чрезвычайно замедленными темпами.

Глава 16 Государства и общества средневекового Востока

Хотя эпоха восточного средневековья выделена в работе условно, ибо структурно

государства и общества в средние века оставались теми же, что были и в древности, средневековый Восток тем не менее являет собой сущностно нечто новое, достаточно своеобразное по сравнению с восточной древностью. Разница не только в степени и уровне развития, что следует признать естественным и само собой разумеющимся (как-никак, а восточное средневековье – это полторы-две тысячи лет эволюции, пусть прежде всего цикличной, но также и поступательной); разница в качестве, в совершенстве самой структуры как таковой и, что особенно важно, в цивилизационном ее обрамлении. Конечно, цивилизационное качество восточных структур выявило себя еще в древности, о чем уже упоминалось, когда шла речь о специфике Западной Азии, Китая или Индии, не говоря уже о Египте. Но в средние века эта специфика не просто углубилась, она видоизменилась. Во-первых, потому, что лишь оформлявшиеся древние индо-буддийская и китайско-конфуцианская цивилизации обрели за полторы-две тысячи лет свой заверченный облик, устойчивые нормы жизни и системы ценностей: что-то отсеялось и ушло в прошлое, что-то вышло на передний план и стало определяющим и т. п. Во-вторых, потому, что вся ближневосточная зона оказалась под влиянием новой, возникшей именно в средние века исламской цивилизации, корни которой уходят как в древний Ближний Восток, так и в иудео-христианскую традицию, не говоря уже об иранском влиянии с его зороастризмом и административно-политической культурой.

Иными словами, средневековый Восток в цивилизационном плане стал много более определенным, чем то был Восток древний. Развитые религиозные системы (ислам и индо-буддизм) и приравненная к ним мощная этико-идеологическая система конфуцианства в сущности поделили между собой сферы не только культурного и политического, но также и идейного, религиозного, мировоззренческого воздействия, которое в свою очередь формировало как образ жизни и менталитет людей, так и формы их привычной социально-семейной жизни, административные связи и государственность. Даже в тех регионах, где, как в Юго-Восточной Азии, заметно воздействие разных, а то и всех трех великих восточных религиозно-цивилизационных систем, каждая из них представлена своими специфическими элементами, достаточно легко вычлениющимися. Впрочем, о специфике цивилизационных систем и об их влиянии речь специально пойдет в следующей части книги. Пока же важно подытожить именно то, что характерно только для средневековья или появилось и стало особенно заметным и значимым в это время.

Исламская государственность

В первую очередь, это ислам – ислам как религия, как цивилизация, как новая модель государственности. Будучи наиболее поздней из великих религий Востока, ислам вобрал в себя, как только что упоминалось, достаточно многое из религиозно-культурного наследия прошлого. Он преодолел религиозную рыхлость ближневосточной религиозно-культурной традиции древности и противопоставил ей стройность, даже жесткость догматической доктрины с ее пятью символами веры (исповедание, молитва, пост, милостыня и хадж), полной безоговорочной покорностью воле Аллаха, а также олицетворяющего его на земле пророка либо его заместителя (халифа) и всех помощников последнего. Религиозная жесткость придала исламу нетерпимость к инакомыслящим (неверным), вплоть до религиозной войны с ними (джихад, газават), а также создала почву для укрепления невидимыми, но неразрывными узами общины своих, мусульман (умма). Эта религиозная специфика сформировала и основные параметры исламской цивилизации с ее очевидной ориентацией на покорность обезличенной личности высшей силе и представляющей ее земной власти. Практически это нашло свое отражение в свойственной именно исламу, исламской цивилизации неразрывной слитности религии и политики, религии и власти, религии и власть имущих.

Нечто похожее было и в Китае, где конфуцианская империя оказалась сильна и нерушима именно потому, что фундаментом ее было почитаемое в стране и игравшее роль главной официальной религии конфуцианство. Но в Китае конфуцианство не было никогда ни единственной, ни исключительной идеологической религиозной доктриной. Ислам же был именно исключительной религией, нетерпимой к любой другой. Поэтому исламская

государственность, фундаментом которой были ислам как религия и ислам как цивилизация, оказалась наиболее сильной и воинственной, хотя и уступала во внутренней крепости и устойчивости той же китайской.

Именно она, исламская государственность, сыграла решающую роль в объединении всего столь различавшегося в древности в этническом, культурном, историческом и цивилизационном плане между собой конгломерата стран и народов в нечто монолитное, цельное, внутренне спаянное и цивилизационно (религиозно) единое. Даже несмотря на то, что халифат оказался не слишком жизнеспособным, исламская государственность устояла и восторжествовала, а на территории халифата и после его крушения, за редкими исключениями вроде Испании, сохранилась именно исламская государственность, дожившая в этом своем качестве до наших дней и не собирающаяся сдавать позиции и сейчас. К тому же исламская государственность в силу своей внутренней установки на непримиримость к инаковерию и воинственность на протяжении всей второй половины средневековья, т. е. после своего становления и достижения первых впечатляющих результатов (создание халифата), продолжала расширять сферы своего влияния. Именно войны ислама принесли в политически рыхлую и аморфную Индию все ту же исламскую государственность. Именно ислам, пусть на сей раз не в ходе войн, а в результате транзитных торговых контактов оказал воздействие на формирование государственности (исламской!) в Тропической Африке и Юго-Восточной Азии. Наконец, ислам в конце средневековья сумел вновь создать сильную империю (Османскую), которая вернула под свой контроль почти все земли халифата и в глазах просвещенных европейцев XVIII–XIX вв. стала своего рода эталоном классической восточной деспотии.

Исламская государственность внутренне сильна не только неразрывной слитностью религиозного и политического начал, но и чрезвычайной простотой ее административной организации. Это обстоятельство тоже сыграло свою роль, способствуя вовлечению в цивилизационный процесс и формированию государственных образований у отставших в своем развитии этнических общностей. Племенные государства, приняв форму султанатов, эмиратов или ханств, оказывались тем самым внутренне значительно более крепкими именно за счет подкрепления власти религией. Это видно на примере и Африки (с той неременной оговоркой, что даже ислам здесь не всегда помогал сделать внутреннюю структуру молодого государственного образования достаточно прочной – впрочем, это обычно было связано и с тем, что ислам воспринимался не целиком, не всеми, к тому же достаточно поверхностно), и Юго-Восточной Азии, и Центральной Азии (особенно у кочевников). Именно за счет распространения исламской государственности были в средние века значительно расширены границы ойкумены, а в зону цивилизационного развития оказались вовлечены многие новые этнические общности, которые до того находились в своем развитии на уровне первобытности. Этому способствовала упомянутая уже простота административной организации: любой, даже самой примитивной иерархической структуры было достаточно для того, чтобы в условиях политического вакуума быстро создать государственное образование, как это выявилось на примере исламских братств-орденов, тех самых тарикатов, о которых уже упоминалось выше применительно к позднесредневековой Африке, но которые аналогичным образом могли функционировать – и функционировали – не только в Африке, но и в Азии (например, в Афганистане).

Наконец, сила исламской государственности была и в том, что, несмотря на огромную роль религии как таковой, на истовую религиозность мусульман, собственно религиозные обязательства подавляющего большинства населения (кроме ученых улемов) были не только до предела просты (молитва, пост, милостыня, хадж), доведены до элементарного обрядового автоматизма, но и всегда ориентированы на социально-политический стандарт. Иными словами, правоверные прежде всего обязаны быть лояльными членами общества, послушными подданными и в качестве таковых верными воинами ислама. Воинами в прямом и переносном смысле: если ты мусульманин, ты должен быть всегда готов к битве с неверными. Религиозная идеология на службе политике – это норма для стран ислама.

Транзитная торговля и кочевники

Обратим теперь внимание на другой существенный феномен восточного средневековья. Роль транзитной торговли, включая мореплавание, была необычайно большой уже в древности: именно благодаря ей возвысились и расцвели финикийские города, она же способствовала расцвету и многих других торговых центров, начиная с Вавилона. Торговые связи по Великому шелковому пути или по трансаравийской дороге вдоль моря соединяли европейские страны с Индией и Китаем и способствовали не только торговым, т. е. товарным, контактам, не только обмену вещами и раритетами, что само по себе очень важно, но и обмену достижениями культуры, идеями, нововведениями, открытиями. Далекое не всегда, вопреки принятым формулам, этот обмен был равновеликим, эквивалентным. Как раз наоборот, чаще всего влияли одни, а воспринимали чуждое влияние другие; но это не мешало тому, что в конечном счете свою выгоду от обмена имели все стороны. Именно это и поддерживало всегда транзитную торговлю, побуждало тех, кто в нее вовлечен, включая многочисленных посредников, активизировать свою деятельность и решительно преодолевать все препятствия, коль скоро они возникали. Торговля и дороги, пересекавшие страны и континенты, были той же животворной кровеносной системой в масштабах всей ойкумены, что и рыночно-частнособственнические связи, даже в их оскопленной восточной модификации, для каждого из социальных организмов, для любого отдельного государства.

Однако этим роль транзитной торговли не ограничивается. Уже упоминалось, что благодаря торговле в отдаленные регионы, будь то Тропическая Африка или Юго-Восточная Азия, проникали не только сами по себе идеи, в том числе религиозно-культурные, в частности исламские, но и живые носители этих идей, ревностно пропагандировавшие их и энергично способствовавшие их распространению и практическому воплощению. Ведь именно следствием транзитной торговли как таковой было создание и в Тропической Африке, и в Юго-Восточной Азии городов и портов, становившихся анклавами ислама. А так как ислам воинствен и прозелитичен, то естественно и логично стремление выйти за пределы анклавов и добиться большего, что и было реализовано в упомянутых регионах. Этому, впрочем, способствовала и объективная ситуация. Для Африки это практически полный вакуум политической власти, а для юго-восточноазиатских стран – слабость политической власти, созданной там по индо-буддийской институционально ослабленной модели и при отсутствии той варно-кастово-общинной альтернативы, которая в самой Индии сохраняла удовлетворительный баланс сил.

Еще одна важная функция транзитной торговли – влияние ее на отсталые этнические общности, на племена и народы, еще только-только вступившие на путь формирования государственности, только начавшие воспринимать цивилизованный образ жизни. Уже шла речь о том, что средневековый период истории был отмечен именно приобщением новых территорий и целых регионов с населяющими их многочисленными племенами к цивилизации и государственности. Включение их в сферу торговых путей или зон, в обслуживание торговых операций как раз и являлось толчком для ускорения упомянутого процесса. Это хорошо видно на примере арабов. Трансаравская торговля создала благоприятные условия как для приобщения к ней бедуинов, которые со своими верблюдами служили посредниками при перемещении товаров, так и для обогащения шейхов бедуинских племен, уже вставших на путь формирования у них протогосударственных образований. Трансаравская торговля одновременно с этим способствовала возникновению и расцвету ряда арабских городов, таких, как Мекка, которые стали в середине I тысячелетия крупными торговыми центрами и быстрыми темпами шли по пути формирования протогосударственных структур.

Если продолжать далее, то легко сформулировать и более важный вывод: созданный арабами (пророком Мухаммедом) на рубеже VI–VII вв. ислам также в конечном счете является следствием и итогом транзитной торговли и всего, с нею связанного, включая распространение вдоль торговых путей различного рода идей и иных культурных ценностей и достижений. Транзитная торговля дала весомый толчок развитию арабов и подготовила условия для возникновения ислама, а ислам в форме воинственного религиозно-цивилизационного импульса преобразил весь Ближний Восток, в некотором смысле всю ойкумену.

Здесь важно оговориться. Транзитная торговля способствовала всему процессу не только

и не столько непосредственно, т. е. как само по себе важное в жизни народов явление, но также и опосредованно, через определенный народ, через арабов, прежде всего через арабских кочевников, бывших наиболее динамичной и энергичной частью арабской этнической общности. И это вплотную сталкивает нас с непростой проблемой кочевников.

Кочевники, как и транзитная торговля, существовали задолго до средневековья. Уже на рубеже II–I тысячелетий до н. э. они были хорошо известны соседним земледельческим странам как люди, которые жили особым, отличным от земледельческого образом жизни и вели свое специфическое животноводческое хозяйство. Специальное изучение кочевых племен показало, что в условиях изолированного от земледелия хозяйства, даже при сохранении спорадических контактов с земледельцами, в первую очередь торговых, кочевники в своем развитии не продвигаются далее протогосударственных структур, племенных протогосударств, – да и эти последние следует считать результатом не раз упоминавшегося уже процесса трибализации под воздействием опять-таки контактов с соседними государствами. Это в целом касается всех кочевников и может быть продемонстрировано на примере и бедуинов Аравии, и кочевников Великой евразийской степи, и тем более кочевых племен африканской саванны. Другое дело, когда какое-то племя кочевников оказывается поблизости от мощного и постоянного источника цивилизующего воздействия и по какой-то причине начинает активно контактировать с этим источником.

Здесь может быть несколько близких друг к другу вариантов. Первый (киданьский) – когда сильное кочевое племя складывается на окраинах могущественной империи, многое у нее заимствует, но при этом стремится сохранить свою самобытность. Второй (тюркский) – когда воинственные кочевники решительно меняют места своего обитания, а затем привычный образ жизни, вторгаясь в зону существования земледельцев и подчиняя себе их. Третий (монгольский), своего рода компромиссный, – когда под внешним воздействием создается сильное воинственное государство, которое вторгается в зону существования земледельцев, подчиняя себе одно их государство за другим, но пытаясь при этом хоть сколько-нибудь сохранить свою самобытность. В конечном счете все три варианта приводят к одному и тому же результату, смысл которого до предела прост и очевиден: покидая привычные места своего обитания и вступая в тесный контакт с земледельцами, тем более становясь правителями завоеванных земледельческих стран, кочевники слезают с коней и перестают быть кочевниками, во всяком случае в лице своих потомков.

Сказанное означает, что кочевники остаются кочевниками, пока и поскольку они обитают в привычных своих кочевьях. Уйдя оттуда и вторгаясь в зону обитания земледельцев, они исчезают с лица земли как кочевники. Поэтому, говоря о кочевниках, мы вправе оперировать теми, кто остается в кочевьях. Что характерно для них? Динамичность и то, что выше уже было названо пассионарностью. Я бы сказал даже определеннее: именно кочевники прежде всего отличаются тем, что именуется пассионарностью, как то было продемонстрировано арабами, тюрками и монголами, даже африканскими кочевыми племенами, не вспоминая уже о Великом переселении народов на рубеже древности и средневековья.

Пассионарность – это определенный заряд жизненной энергии, способность к изменению, к восприятию нового. Нового отнюдь не в смысле генеральной структуры отношений, а прежде всего в смысле обновления образа жизни, особенно в кризисной, критической для него ситуации. Внеся свой заряд, арабы под зеленым знаменем ислама вдохнули новые жизненные силы в древние ближневосточные цивилизации – этот феномен в каком-то смысле можно было бы назвать Возрождением. Тюрки проделали почти то же самое с одряхлевшей арабо-исламской цивилизацией спустя полтысячелетия. Менее всего сказанное относится к монголам: вся жизненная энергия монгольского этноса была отдана жестокому разрушению созданного другими, так что здесь можно было бы говорить лишь о возвращении к прошлому, к доцивилизационному прошлому... Но даже монголы, кардинально изменив облик и судьбы многих народов, сыграли немалую роль в обновлении мира. Словом, факт остается фактом: кочевники пассионарны, т. е. активны и полны жизненной энергии, которая способна проявляться от случая к случаю и чье проявление везде, включая и Африку, находило свое выражение в подчинении земледельцев кочевникам. Неудивительно, что по меньшей мере часть этой энергии была успешно использована той самой транзитной торговлей, услуги

которой были необходимы и земледельцам, и кочевникам. Словом, выход на передний план феноменов транзитной торговли и кочевников – это один из значимых моментов средневековой истории Востока.

Власть и собственник

Еще одна из проблем, уходящих корнями в глубокую древность, но заслуживающих внимания в свете всего того, что характерно для средневекового Востока, – вопрос о собственности. Процесс приватизации, знаменовавший собой определенный этап политогенеза, формирования государственности, расставлял акценты достаточно резко: государство как институт противостояло частному собственнику, видя в чрезмерном его усилении угрозу для своего существования (доходы казны) и для стабильности структуры в целом. Повсюду предпринимались соответствующие меры (от законов Хаммурапи до реформ типа шаньяновских), результатом которых стало достаточно четко отрегулированное взаимоотношение между властью и частником – даже в тех нередких случаях, когда высшие носители власти сами как индивиды были одновременно и собственниками, подчас достаточно крупными. Суть этого взаимоотношения всюду была однозначна, а смысл ее сводился к тому, что все государственное первично, а частное вторично, к тому же опосредовано тем же государством. Этот стандарт стал своего рода нормативом и воспроизводился везде, где процесс политогенеза достигал – скажем, в раннем средневековье – соответствующей ступени эволюции. Короче, для тех политических структур и протогосударств, которые формировались в средние века, проблем с приватизацией и вообще с частным собственником практически не было: все текло по уже хорошо освоенному руслу.

Но это не означает, что ничего не менялось. Конечно, частный собственник, освоившийся с вторичностью своего статуса, постепенно не только свыкся с ним, но и обрел ту социальную нишу, которая соответствовала и его статусу, и его запросам, возможностям и потребностям. Соответственно сложился и рынок – пусть оскопленный, лишенный потенций для саморазвития, но зато достаточно процветающий и богатый, не в последнюю очередь за счет той самой транзитной торговли, о которой только что шла речь. Этот рынок тоже вписался в предназначенное ему властями место, обрел свои формы и успешно реализовал свои возможности. Сформировавшиеся и созревшие таким образом рынок и собственник на средневековом Востоке стали играть заметную роль, и, что особенно важно подчеркнуть, эта роль никоим образом теперь уже не вела к ослаблению государства – во всяком случае до тех пор, пока все оставалось в норме. Если ситуация выходила из нормы, как то наиболее рельефно видно на примере китайской империи с ее династийными циклами, то в ход пускался механизм реформ, экспроприировавших зарвавшихся собственников. Если же не помогало и это, то наступавший кризис делал свое дело: в огне социальных катаклизмов собственники гибли в числе первых, так что после преодоления кризиса норма восстанавливалась.

Итак, в пределах нормы рынок и собственник занимали ту нишу, которая соответствовала их месту и роли в жизни общества и не представляла угрозы государству. Соответственно складывался и менталитет собственника. Вообще-то говоря, этот менталитет исконно был сродни обычному менталитету подданного восточного государства. Никто из восточных собственников никогда и не мыслил себя иначе, как покорным власти подданным, даже если он ворочал миллионами и был, выражаясь словами китайских источников, «богаче князей». Известно, что любой выходец из простолюдинов, став богатым (разумеется, это не относится к тем, кто шел вверх по административной лестнице, обретая с каждой ее ступенью законную новую порцию престижа и прилагавшегося к нему в строгом соответствии с рангом богатства), больше всего заботился о престиже. Далекое не случайно с легкой руки Шан Яна Китайское государство, например, всегда в случае нужды запускало привычный механизм продажи рангов, должностей (чаще всего синекур) и даже ученых степеней (тоже с явственным знаком «проданная», «купленная»). Богатство возвращалось в казну, а богатый приобретал столь желанный и так высоко ценимый в обществе рангов и привилегий престиж.

И этот механизм, сводивший богатство собственника к престижу власть имущего или причастного к власти, так или иначе работал на Востоке везде и всегда, что сыграло свою роль:

стремление к постоянному росту дохода, увеличению богатства во что бы то ни стало и любой ценой гасилось в зародыше, не говоря уже о том, что сами по себе стоявшие за этим стремлением инициатива, предприимчивость, энергия новатора не имели почвы для своего расцвета и потому не расцветали. Понятие «время – деньги», столь имманентное, характерное для любого связанного со свободным рынком предпринимателя, на Востоке не существовало и не могло там появиться. Зато желание уподобиться тому, кто имеет престиж, было постоянно действующим импульсом. Собственники всегда стремились вложить свое богатство в землю, даже если земля не приносила заметного дохода, по той простой причине, что владение землей дает землевладельцу престиж. Собственники вкладывали деньги в дом, в богатый выезд, в слуг и рабов – все это не приносило дохода, чаще было связано с солидными расходами, но зато гарантировало престиж, т. е. ставило владельца в ряд с теми, кто достиг административных высот и был причастен к власти. Я уж не говорю о желании собственников породниться с властью имущими со все той же целью обрести престиж.

Есть и еще один важный фактор, способствовавший изменениям во взаимоотношениях собственника и государства. Имеются в виду изменения в аграрных отношениях, вызванные либо медленной трансформацией самих этих отношений, как то было в индийской общине, либо реформами, как то было в Китае. Результатом в любом случае было сосредоточение в руках собственников контроля над большим клином земель, как юридически считавшихся частными (мульк в исламском мире и аналогичные категории земли в других регионах), так и фактически оказавшихся под контролем собственников. В условиях отсутствия свободного рынка сделки с землей всегда были как-то завуалированы, открытых торгов земельных участков на Востоке в принципе никогда не бывало. Поэтому формально-юридически, т. е. для государства, вопрос земельной собственности обычно сводился к вопросу фактического владения землей³⁸. А раз так, то и ренту-налог государство брало с того, кто землей владел, вне зависимости от того, крестьянин-общинник владеет своим наделом или собственник владеет землей, которую он небольшими наделами сдает тому же крестьянину, выступающему в данном случае по отношению к владельцу земли в функции арендатора.

Сказанное означает, что землевладелец, собственник мог в ряде случаев становиться чуть ли не основным налогоплательщиком или что его взнос в казну был достаточно весом, даже учитывая все ухищрения, о которых говорилось в связи со стремлениями богатых землевладельцев правдами и неправдами платить уменьшенный налог, например в Китае. А коль скоро так, то и государство начинало смотреть на стремление собственника обрести побольше земли как бы сквозь пальцы: не все ли равно, кто платит налог?! И только явный выход за пределы нормы, который влек за собой социальную нестабильность, заставлял то же государство, прежде всего китайское, вмешиваться и восстанавливать статус-кво, возвращая землю крестьянам. А в Индии, где все аграрные отношения регулировались внутри общины и не вызывали угрозы социальных катаклизмов, не было и этого: государству было абсолютно безразлично, кто владел землей, богатый или бедный, общинник или собственник; важно было лишь, чтобы положенную норму налогов община вносила в казну.

Обращает на себя внимание хорошо известное, но недостаточно осмысленное обстоятельство. Со времен III династии Ура или Древнего Египта Восток не знал ни системы плантаций, ни больших имений, ни барской запашки в поместьях, ни вообще чего-либо похожего, во всяком случае в сколько-нибудь экономически и социально значимых масштабах (небольшие хозяйства типа дворцовых, предназначенные для внутреннего обслуживания, можно в этой связи не учитывать). Все крупные земельные владения их владельцы обычно дробили и раздавали в аренду небольшими клочками. Почему? Да потому, что условий для существования крупного товарного хозяйства не было – опять-таки потому, что не было развитого свободного рынка. С потребностями мелкого местного рынка отлично справлялись

---

³⁸ Можно оставить в стороне те случаи, когда земля безусловно считалась государственной и выделялась в виде должностных наделов-кормлений на правах, скажем, икта, джагира или тимара. Речь идет так же и не о землях наследственной знати или гуань-тянь в Китае. Имеются в виду лишь те земли, которые принадлежали их владельцам, будь то общины в Индии или крестьянские поля минь-тянь в Китае и т. п.

мелкие земледельцы и те же арендаторы. За снабжение городов и вообще всех слоев населения, не связанных с производством пищи, отвечало государство, имевшее для этого развитую систему централизованной редиистрибуции. Крупнотоварного же рынка не было, как не было и крупных товарных хозяйств, – дело это в конце концов хлопотное, способное принести не только доход, но и убытки. И коль скоро это никому не нужно, а сам факт владения землей дает богатому владельцу желанный престиж, который ценится выше, чем доход, то зачем, во имя чего стремиться к погоне за сомнительной прибылью?

Так было институционализировано то, что вызывало беспокойство государства вначале. Частная собственность превратилась в слугу государства, перестав быть его опасным соперником. Тем самым был внесен едва ли не решающий вклад в основную проблему традиционного Востока – в проблему взаимоотношений государства и общества

Государство и общество

Хотя взаимоотношения с собственниками были едва ли не решающими для судеб восточного централизованного государства, важно сказать, что и отношения государства, аппарата власти, с обществом в целом, с социумом – таким, каким он был и в древности, тоже не остались без изменений. Суть перемен сводилась к институционализации и легитимизации тех форм взаимосвязей, которые сложились в древности. Лучше всего это видно на примере Индии и Китая, чья история как бы отчетливо распадается на древность, период формирования структуры, и зрелость, период ее устойчивого существования в средние века. Но в определенной мере это касается и Ближнего Востока: эллинизм, прервав связь традиций (до известной степени, разумеется), был заменен исламом, возродившим, институционализировавшим и легитимизировавшим генеральную структуру, созданную древними.

О чем идет речь? Неевропейское государство, в отличие от европейского антично-капиталистического, никогда не было тем, что марксизм именует надстройкой над базисом. Оно не ставило и не могло ставить своей целью выражение интересов господствующего класса собственников, ибо такого класса не было, да и государство было иным. Неевропейское государство с незапамятных времен всегда и везде было не только неотъемлемой частью неотчленимого от него социума, но и вершиной его. Включая в себя социум, венчая его, оно всегда возвышалось над ним и подчиняло его себе. Иными были и его функции. Конечно, кое-какие – защита страны, охрана порядка, организация внешних сношений, административно-территориальное правление, суд, взимание налогов и т.п. – вполне сопоставимы с функциями европейского государства, порой даже идентичны им. Но коренное отличие в том, что в неевропейском обществе государство являет собой высшую и ничем не ограниченную власть, перед которой трепещет и обязано трепетать все общество, снизу доверху, – в этом весь смысл разницы! И если в Европе власть зависит от баланса противоречивых тенденций в социуме (откуда и марксистская идея о классовых антагонизмах), то на Востоке авторитет власти ни от чего подобного не зависит. Он зависит только от силы самой власти, от эффективности централизованной администрации и в конечном счете от регулярного притока в казну гарантированной нормы дохода.

Именно такого рода стандарт веками складывался в древности. Он держался на силе традиций, опирался на сакральный авторитет богов и был нужен в конечном счете привыкшему к нему социуму. Нужен ради сохранения привычной и в целом благодатной для социума консервативной стабильности. Выше уже упоминалось, что ослабление власти центра вело к эффекту феодализации и что феодальная децентрализация к изменению привычного статуса восточного государства не вела – изменялся лишь масштаб структуры. Но в том-то и суть, что это изменение масштаба и появление вместо большого государства группы враждующих друг с другом мелких не безвредно и не безобидно для социума. Как это хорошо видно на примере позднечжоуского Китая или раннесредневековой Индии, группа враждующих государств создает эффект политической неустойчивости, нестабильности, что в конечном счете болезненно отражается на социуме. Неудивительно поэтому, что социум объективно, да и субъективно всегда был за сильное государство. Сильное же государство, гарантируя желанную

стабильность, надевало на шею социуму крепкое ярмо. В итоге получается, что социум сам стремится к ярму, ибо с ним привычно и есть гарантия от нежелательных случайностей, от крупномасштабных бедствий.

Выработке такого рода поведения и психологии способствовала сама жизнь. Но существенно добавить к этому, что в том же направлении действовали и институциональные факторы. Система социальных корпораций, которая сложилась в древности (семья, клан, община, каста, секта, цех, землячество и т. п.), постепенно институционализировалась и приспособлялась к нуждам государства, пока не достигла в этом смысле своего рода совершенства, что произошло именно в средние века. Речь идет об идеально отлаженном конфуцианском административном аппарате, низовой ячейкой которого были старшие в деревнях и ответственные в рамках пятков или десятков, на которые нередко делилось сельское население. То же самое можно увидеть в идеально отработанной системе джаджмани, свойственной средневековой индийской общине. Да и мусульманская махалля (квартал) и некоторые другие формы организации сельского и городского населения в странах ислама отражают все ту же тенденцию. Суть ее в том, что институционализация и легитимизация ряда привычных форм социальной организации и низовой администрации энергично способствовали устойчивости внутренней структуры, формированию эталона и идеала консервативной стабильности в рамках социума.

На страже этой нормы, этой стабильности теперь, в средние века, стояли уже не ранние формы религии, но развитые религиозные системы. И это тоже новый фактор, сыгравший свою роль и внесший свой вклад во все тот же процесс стабилизации и консервации взаимоотношений государства и социума. Официальное китайское конфуцианство, средневековый индуизм, ислам и буддизм в различных их модификациях – это и есть те развитые религиозные системы, о которых идет речь. Общее для всех них то, что они концентрируют свое идеологическое и институциональное воздействие именно на укреплении консервативной стабильности, в каждом случае делая это по-своему, в зависимости как от собственной доктрины, так и от обстоятельств.

Санкционированные религией этические нормы были законом для средневекового восточного общества. Религиозным (или санкционированным равной религии системой, какой было конфуцианство) был и сам закон в таком обществе. Лучше всего это видно на примере мусульманского шариата, которым руководствовались в своих действиях и решениях все кади мусульманского мира. Но приблизительно то же самое можно видеть и там где, как в танском Китае, существовали многотомные своды законов. Казалось бы, законы эти – административные и уголовные. Однако стоит познакомиться с ними поближе, чтобы убедиться в том, что они – конфуцианские. Иными словами, они своим авторитетом служат все тому же неколебимому авторитету конфуцианства с его вошедшими в жизнь и ставшими традицией моральными и вытекающими из, них иными, в том числе пенитенциарными, нормами.

Нормы, о которых говорится, не всегда были общими и одинаковыми для всех. Они могли быть различными у разных групп населения даже в рамках одного и того же государства. Там, где люди, живущие в соответствии с нормами разных религий, тесно соприкасались, у каждой религиозной общины нормы были свои, хотя, вступая в общение с представителями иной общины, все обязаны были считаться с существованием иных норм, что, впрочем, никак не колебало их преданности по отношению к нормам своим. Но в любом случае сумма господствующих традиций, привычек, стереотипов – это непреложный закон, обязательный для всех. Без этого закона, без привычных норм люди просто не могли нормально существовать.

Особенно это заметно, если уделить внимание феномену крестьянских восстаний. В отечественной марксистской историографии принято было считать, что эти восстания «антифеодальные», что они призваны были выразить недовольство народа существующим строем и тем послужить «локомотивом истории», т. е. способствовать переходу к новому строю, новой формации. Нет ничего более бездоказательного, чем подобный постулат. Прежде всего, крестьянское восстание не в состоянии создать почву для нового строя (иной формации – по истмату). Тем более они не «антифеодальны», причем не только потому, что на Востоке не было феодализма как формации, но также вследствие того, что восставшие крестьяне никогда

не выступали против землевладельцев как враждебного им класса. Направленность всех крестьянских движений на традиционном Востоке, независимо от того, какой облик эти движения принимали, какую роль играла в них религиозная оболочка, всегда была в принципе одинаковой и сводилась к решительным требованиям восстановить статус-кво, разрушенную норму.

Дело в том, что крестьяне обычно наиболее консервативны по образу и основам их жизни. Существующую норму они привычно считают приемлемой, даже справедливой, а государство в лице его представителей воспринимают в качестве гаранта этой нормы. Гарантированная стабильность в жизни крестьянина – едва ли не высшая абсолютная ценность. Конечно, это не исключало того, что в подсознании крестьянина сохранялись восходящие к первобытной древности идеалы эгалитаризма. Но идеализованные утопии такого рода были при сохранении нормы в латентном состоянии, да и то далеко не у всех, чаще всего лишь у сравнительно бедных и обездоленных. И хотя в периоды кризисов эти эгалитарные представления порой выходили на передний план и задавали тон всему движению восставших, реальной целью движения недовольных крестьян всегда оставалось стремление к восстановлению утраченной нормы и гарантированной стабильности их существования. Поэтому крестьянские восстания не только не были «антифеодальными», но и вообще не ставили своей целью выступление против существующего строя как такового. Напротив, их целью было восстановление, укрепление, стабилизация ранее существовавшего и нарушенного в результате кризисов и злоупотреблений порядка. Корень же зла крестьяне видели обычно не в государстве, а в его нерадивых представителях на местах, которых следовало поставить на место. Важно заметить и еще одно: в огне крестьянских движений прежде и ярче всего горели богатые хозяйства и дома. Страдали более других именно собственники, имущие – т. е. как раз тот самый слой, который потенциально представлял собой новый строй, к которому только и могли, по принятым в истмате представлениям, стремиться «антифеодально» настроенные крестьяне. Эгалитарное равенство и восстановление попорченной справедливости восставшие видели только и именно в ликвидации богатых собственников и в восстановлении той привычной нормы, когда существуют заботящиеся о низах верхи (государство и его придерживающиеся справедливой нормы представители на местах) и обслуживающие потребности – разумные потребности! – верхов низы, т. е. прежде всего производители-крестьяне.

Если считать, что крестьяне, о которых только что шла речь, это и есть общество, во всяком случае базовая основа восточного традиционного социума, то есть основание повторить уже высказанный тезис: само общество нуждалось в безусловном подчинении его государству при неременном условии осуществления этим государством его эффективной власти, гарантирующей устойчивую консервативную стабильность. А коль скоро так, то нельзя не признать, что система политической администрации в традиционных восточных обществах базировалась на весьма прочных, фундаментальных социальных основах. Общество в лице прежде всего крестьянства не претендовало на права и правовые гарантии, не ставило перед властями требований об уважении и достоинстве. Это общество довольствовалось минимумом нормативных стандартов и выше всего ценило их неизменность, а в конечном счете – тот самый отеческий порядок, ту самую крепкую руку с палкой, которая одна только и могла, по существующим и восходящим в глубокую древность представлениям, обеспечить столь желанную для крестьянина стабильность его существования. И метафора о «поголовном рабстве» на Востоке во многом восходит именно к этой психологии, столь разительно контрастирующей с теми стандартами, что были выработаны в рамках гражданского общества в античности, – при всем том, что там рядом с гражданами существовали и противопоставленные им в правовом и социальном плане рабы, рабы настоящие, в полном смысле этого слова, а не по своей психологии.

Традиционное восточное общество и его потенции

Если традиционное восточное общество и его базовая основа – крестьянство – в принципе вполне соответствовали классическому восточному государству, если между обоими этими институтами было достаточно гармоничное взаимодействие, если государство уверенно

доминировало и господствовало над обществом, а общество было заинтересовано именно в этом, то резонно ставить вопрос о том, каковы потенции эволюции восточных структур (именно в плане потенций эволюции общества). Государство, опирающееся на власть-собственность, имеющее немислимо высокий статус, абсолютное могущество, высший авторитет, полную власть, – такое государство само по себе ни в какой эволюции не заинтересовано. От добра добра не ищут! Традиционное восточное государство в наивысшей степени консервативно и заинтересовано в устойчивой стабильности и в регенерации в случае кризиса. Тенденция его эволюции – от неполной устойчивости к полной, от недостаточной централизации к наивысшей из возможных, от критически ослабленного состояния (если таковое наступило) к полной силе. Собственно, в этой тенденции проявляется и та динамика исторического процесса с ее спирально-цикловым движением, о которой уже достаточно подробно шла речь. Но это государство. И хотя именно государство в традиционных восточных обществах определяет структуру в целом, теоретически можно поставить вопрос о потенциях социума.

Только что на примере вопроса о крестьянских восстаниях уже было сказано о том, что традиционный восточный социум не только соответствовал восточному государству, но и был заинтересован в сохранении статус-кво. Если бы дело обстояло иначе, общество в лице определенных влиятельных его слоев вполне могло бы – скажем, в те же моменты массовых народных движений, крестьянских восстаний – избавиться от ненавистной ему опеки всемогущего государства и создать нечто новое. Впрочем, иногда нечто подобное действительно проявляло себя – вспомним о сектантских движениях карматов или даосов, создававших свои государства. Но не следует путать видимость с реальностью, выдавать желаемое за действительное. Да, карматы или даосы подчас создавали новые государственные образования, в рамках которых государство принимало религиозно-сектантскую форму и несколько внешне видоизменялось. Но менялась ли при этом его суть? Становилось ли оно более демократичным? Не претендующим на абсолютное повиновение подданных и власть над ними? Открывающим принципиально новые просторы для эволюции?

Нет и еще раз нет. Все эти государства, да и вообще все теократические структуры (а речь идет в данном случае именно о них), наиболее заметной из которых в позднем средневековье можно считать тибетское государство далай-ламы, сохранившее свой традиционный облик и после включения его в цинскую империю, принципиально отличались от остальных разве что тем, что чиновниками в них были священники, а функции политической администрации выполняла религиозная организация. Во всем же остальном это не только были типичные восточные государства с их претензией на абсолютную власть, но и в некотором смысле государства в квадрате, ибо верхи в рамках этих государств претендовали не только на светскую, но еще и на духовную абсолютную власть над низами. И даже если роль палки, функции аппарата насилия, выполняло при этом духовное давление, суть ситуации от этого не менялась. Общество в рамках такого рода теократического государства могло быть только еще более приниженным, невежественным и отставшим в своем развитии, чем в обычном восточном государстве.

Вернемся к исходному тезису: традиционный восточный социум полностью соответствовал своему государству и, более того, был заинтересован в сохранении этого соответствия, в дальнейшем пребывании под давлением со стороны государства. Любое ослабление давления, связанное с ослаблением государства, вело к критическим явлениям и вызывало нарушения, которые болезненно сказывались на социуме. Неудивительно поэтому, что социум в форме народных массовых движений обычно выступал за ликвидацию нарушений и возвращение к желанной норме, что он был в не меньшей мере, нежели государство, заинтересован в сохранении устойчивой консервативной стабильности. Но если так, то как обстоит дело с потенциями средневекового восточного социума? Вопрос можно поставить и еще конкретнее: как выглядели и в чем проявлялись эти потенции – если они все же были – на средневековом Востоке, особенно накануне или в условиях уже начавшейся колонизации?

И хотя более детально об этой проблеме пойдет речь в следующем томе, уместно сделать сейчас несколько замечаний общего характера. О крестьянстве как важнейшем базовом элементе традиционного восточного общества уже шла речь. И хотя крестьянство социально не

безлико, а в его среде всегда была пусть небольшая, но влиятельная прослойка людей богатых и связанных с рынком, с частной собственностью, в целом интересы крестьян вполне очевидны: существующий статус-кво при условии сохранения нормы в принципе удовлетворителен для всех; нарушение же его чревато непредсказуемыми последствиями и в силу этого для всех нежелательно – и для массы, и для верхнего богатого слоя. Менее всего теряют от катаклизмов, кризисов и нарушений нормы низшие слои крестьянства, бедные и обездоленные. В немалой степени именно поэтому они активнее других слоев примыкают к массовым движениям протеста и интуитивно стремятся к каким-то переменам. Но на уровне осознанных желаний эти латентные стремления, как говорилось, не идут далее эгалитарных лозунгов, не имеющих практических шансов на реализацию. Как о том наиболее убедительно свидетельствуют не раз побеждавшие крестьянские движения в периоды кризисов в китайской империи, эгалитаризм после победы восстания проявляется лишь в равном праве каждого пахаря на свое поле. Такого рода эгалитаризм вполне вписывается в существующую и даже желанную для государства норму. Поэтому мы вправе говорить, что крестьянство в целом, в лице всех его слоев (масса, богатое меньшинство собственников и радикально настроенные бедняки), не демонстрирует, да и не имеет необходимых потенций для изменения структуры. Да оно и не желает перемен, опасается их.

Но сводится ли общество и его потенции только к крестьянству? Вполне очевидно, что нет. И это особенно характерно для средневекового восточного общества, знакомого с большими городами, развитым ремеслом и торговлей. Как же обстоит дело с городами и городским населением? Социально это пестрый слой лиц различных занятий и очень разного статуса, от правящих верхов (значительная часть, большинство их живет в городах) до деклассированных изгоев (понятие «деклассированные» в контексте данной работы не очень-то уместно, но смысл его соответствует тому, о чем идет речь). Помимо ремесленников и торговцев в городах живут чиновники и жрецы, военные, множество обслуги, включая рабов, немалое количество учащихся и грамотеев, лица так называемых свободных профессий – гадалки, актеры, врачеватели и т. д., вплоть до нищих и проституток. Чем все они довольны или недовольны, к чему стремятся, каковы их потенции, социальная сила?

Следует сразу же заметить, что традиционный восточный город в целом точно так же строго ориентирован на стабильное существование и сохранение статус-кво, как и все общество, как и государство в целом. Каждый из перечисленных слоев как-то приспособлен к существованию в рамках занятой им социальной ниши. Это не значит, что никто не стремится к лучшему и не поменял бы свое место при случае на более престижное и выгодное. Но, если не считать кастовых ограничений в Индии, обычно никому это и не возбраняется. Дерзай, если можешь и хочешь. Социальная мобильность на традиционном Востоке, кроме кастовой Индии, весьма заметна, ее не сравнишь с сословной замкнутостью в феодальной Европе. Вчерашний раб нередко становится всесильным эмиром, бедняк – высокопоставленным чиновником-интеллектуалом в системе правящей китайской бюрократии и т. д. Но это касается только взаимозаменяемости в пределах, если можно так выразиться, личного состава того или иного социального слоя. Сам же слой от такого рода перемен в индивидуальных судьбах своего статуса не изменяет и остается в пределах той ниши, которую традиционно занимает. Поэтому индивидуальные потенции человека реализуются сравнительно беспрепятственно (это в меньшей степени касается кастовой Индии, но и там не совсем все двери закрыты для способных и настойчивых). А вот что касается социальных и социально-экономических, то с ними сложнее.

Потенции городского населения – если иметь в виду такие, которые способны вывести структуру в целом из привычных для неё условий существования и тем способствовать ее радикальной трансформации, – значительно большие, чем в деревне. Ремесло и тем более торговля, да и весь городской быт тесно связаны с рынком. Именно здесь широкий простор для инициативы, предприимчивости, деловой энергии. И это не пустые слова. Вспомним, что китайцы в Юго-Восточной Азии, оказавшись вне пределов всесильного китайского государства, в условиях сравнительно слабых государственных образований, довольно быстро забирали в свои руки чуть ли не весь местный рынок. Это значит, что о возможностях по крайней мере какой-то части городского населения можно говорить с немалой долей

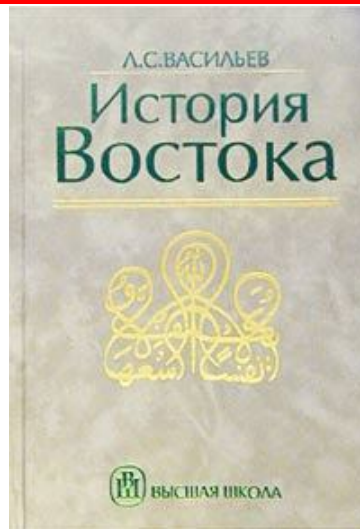
уверенности. Но, во-первых, государство прочно закрывает выход за пределы дозволенной и строго контролируемой нормы (просто пределы этой нормы, скажем, в Китае и в Юго-Восточной Азии были разными). Во-вторых, столкнувшись с реальностью и смирившись с нею (плетью обуха не перешибешь!), городские слои привычно гасят свои стремления – если они есть – и традиционно вписываются в статус-кво, будучи в конечном счете заинтересованы в его сохранении так же, как и весь социум в целом.

Здесь важно обратить особое внимание еще на один момент. Потенции социума на всем Востоке примерно одинаковы, если вести речь о возможности самостоятельно, без кардинальной ломки структуры со стороны внешних сил (колониализма), создать новую структуру. Но, коль скоро такого рода ломка уже произошла, а сломавший структуру колониализм требует от социума как-то приспособиться к изменившимся условиям, многое зависит от того, о каком именно обществе идет речь. Играют свою роль самые различные обстоятельства: и древность традиции, и объем накопленного опыта, и культура, организация, дисциплина труда, и религиозно-культурные стимулы жизни и деятельности человека, и многое другое. Но обо всех этих глубинных потенциях восточных традиционных обществ специально пойдет речь далее.

Пока же, как бы подводя итоги восточному средневековью, следует заметить, что колониализм на протяжении ряда веков (XVI–XVIII) немало сделал для решительной ломки традиционного Востока. Вторгаясь на восточные рынки, навязывая собственные взгляды и принципы социального и этического поведения, властно диктуя закон прибыли, он кое-чего добился. Но в общем немногого. Часть восточных государств почти наглухо закрыла свои границы от его хищных лап. Другие оказались его жертвами. Но и они отнюдь не спешили подстроиться под его стандарты, принять его требования и изменить привычной норме. Конечно, в условиях колонизации норма не могла не подвергнуться определенной трансформации. Но для страны и народа она по-прежнему оставалась привычной нормой, к сохранению которой общество стремилось всеми силами. Словом, вплоть до XIX в., практически до середины этого века, Восток, несмотря на колонизацию, оставался тем же, что и был прежде. Это не значит, что ничего в нем не изменялось, – особенно там, где колонизаторы были хозяевами, как в Индии или Индонезии. Но изменения оставались во многом внешними и несущественными. Показательно, что, даже лишившись традиционного восточного государства, своего гаранта консервативной стабильности (его место в той же Индии заняли англичане с их в принципе построенной на совершенно иных основах администрацией), восточный социум упорно стремился сохранить привычные формы существования – настолько, насколько это возможно. Именно на это самосохранение и были мобилизованы все его немалые потенции. О том, насколько это удалось и какими были результаты, пойдет речь в следующем томе.

Леонид Сергеевич Васильев
История Востока. Том 2

История Востока – 2

«История Востока»: Высшая школа; Москва; 2003
ISBN 5-06-004594-3

Аннотация

Второй том двухтомника, посвященного истории Азии и Африки с древности и до сегодняшнего дня, касается событий XIX–XX вв., когда колониальный и постколониальный Восток, подвергаясь давлению со стороны западных держав, сопротивляясь и приспособливаясь, модернизировался и выбирал свой путь развития. В книге обращено внимание на роль религиозно-цивилизационной традиции в процессе поисков путей развития современного Востока. Говорится и о возрастающей роли событий на Востоке для судеб мирового сообщества.

Л.С. Васильев История Востока

Часть третья

Восток в период господства колониализма (середина XIX – середина XX вв.)

Глава 1

Колониализм на традиционном Востоке

Период колониализма – третий этап истории Востока. Как и оба предыдущих, древность и средневековье, он не был связан с кардинальной ломкой существующей структуры, за исключением, пожалуй, Японии. Но все же этот новый этап – в отличие от средневековья, близость которого к восточной древности вполне очевидна и прослеживается по многим параметрам, – принес Востоку нечто существенно новое, что и побуждает говорить о нем как об отдельном и важном для понимания судеб Востока в целом периоде его истории.

Период колониализма на Востоке

Здесь снова необходимо вернуться к проблеме периодизации истории, как всеобщей, так и восточной. Хорошо известно, что в марксистской историографии особо выделялся период новой истории, формационно соответствующий капитализму и завершающийся в этом его качестве 1917 годом. Существовали, правда, разногласия по поводу того, каким временем

следует датировать начало новой истории: то ли французской революцией, то ли английской или даже нидерландской. В любом случае, однако, начало новой истории видели в одной из таких буржуазных революций. Разумеется, и для истории Европы и даже для всей мировой истории (в которой Европа последние века безусловно лидирует и задает тон) вычленение этапа господства капитализма важно и имеет немалый смысл. Но как при этом быть с Востоком?

Нет слов, всемирная история должна быть всемирной и иметь нечто общее хотя бы при ее периодизации. И когда речь шла о хронологической грани между древностью и средневековьем в начале второй части данной работы, это обстоятельство принималось во внимание, тем более что тогда речь шла об условной грани. Но теперь ситуация несколько иная. Перед нами уже не условный, а действительно новый этап в истории Востока, связанный с проникновением туда колониального капитала вначале преимущественно в торговой, а затем и в промышленной его форме. Совершенно очевидно, что хронологически этот этап, важный для Востока в целом, включая Африку и Латинскую Америку, не вполне совпадает с хронологическими рамками европейской новой истории. Как же быть?

Легче всего закрыть на это глаза, что обычно и делается в учебных пособиях, а также в специальных работах и энциклопедиях. Раз наступил период новой истории и раз этот период в некотором смысле всеобщий, всемирный, так что же мудрствовать? И история всех стран автоматически делится в соответствии с рамками европейской истории, вне зависимости от того, насколько это соответствует реалиям и динамике исторических событий в той или иной стране и тем более на Востоке в целом. Между тем периодизация как метод интерпретации и даже просто понимания исторических событий тем и ценен, для того и нужен, чтобы увидеть и вычленить определенные закономерности процесса развития. Если же вместо анализа этого процесса идти по пути автоматического пристегивания его к общему ходу событий, то это ничем не отличается от того, чтобы для упрощения понимания считать все древние общества рабовладельческими, а все средневековые – феодальными. Просто и понятно каждому. Но не хватит ли такой простоты?

Вот почему, оставляя в стороне вопросы о периоде новой истории в Европе, о хронологических рамках этого периода и его важности для понимания всемирной истории, стоит поставить перед собой иные: каким временем можно очертить столь важный для истории Востока период господства колониализма, где начало этого периода, чем и почему следует обозначить его конец?

Как уже было показано, начало колониальной торговой экспансии было положено в XVI в. В Индии и особенно Индонезии, а также в Африке колониальная экспансия португальцев, испанцев, затем голландцев, англичан и французов ширилась с каждым веком. Понемногу она захватывала и другие районы Востока. Логически рассуждая, именно XVI век по справедливости можно было бы считать началом этапа колониализма. И в какой-то степени это именно так и было. Дело в том, что, хотя колониализм так и не сумел привести к кардинальной ломке структуры стран традиционного Востока и тем более содействовать становлению там капитализма (о Японии разговор особый), он, однако, как уже было упомянуто, принес Востоку нечто существенно новое. Вопрос только в том, как понимать это новое. Что это такое? И с какого именно момента этого существенно нового было достаточно, чтобы вести речь о новом этапе истории Востока?

На этапе торговой экспансии, сопровождавшейся грубыми вторжениями, территориальной аннексией выгодных форпостов, подчинением и даже определенной деформацией хозяйства в некоторых странах (Индия, Индонезия), а также массовым порабощением людей (Африка, частично Индонезия), активному воздействию колониализма подверглись лишь некоторые страны Востока. Кроме того, к кардинальным изменениям и существенной деформации экономики традиционных восточных обществ этап колониальной торговой экспансии не вел. Целью колонизаторов были вначале лишь восточные редкости, прежде всего пряности, а затем рабы. И хотя платили они за это мало, но все-таки платили. Серебро текло с запада на восток, а не в обратном направлении. То есть перед нами торговля. Пусть неравноправная, подчас неэквивалентная, даже из-под палки, сопровождавшаяся принуждением и насилиями, порабощением людей и т. п., но все же именно торговля.

К торговому обмену Восток привык. Более того, не были для него необычными ни

несправедливости, ни насилия, ни даже зверства, ни массовое порабощение людей либо вторжения злобных иностранцев. Достаточно напомнить о монгольском нашествии, о походах Тимура. Правда, торговый колониализм принес с собой и нечто новое, к чему на Востоке еще далеко не везде привыкли: он принуждал людей к каждодневному тяжелому регулярному труду, сопровождая это принуждение силой оружия и превращая таким образом труд в каторгу, которую долго могли выдерживать лишь немногие (собственно, именно это и вызывало потребность во все новых и новых отрядах обреченных на быструю гибель рабов). Но этого нового было в те времена, о которых идет речь (XVI–XVIII вв.), еще все же недостаточно для того, чтобы говорить о сущностно новом, хотя принуждение к труду и было его важным элементом.

Иное дело – XIX век, век колониальной экспансии промышленного капитализма. Картина совершенно иная. Поток фабричных товаров из метрополий стал быстро превращать колонии и зависимые страны Востока в ценные для европейского капитализма рынки сбыта и не менее ценные источники сырья. Рыночные связи теперь устанавливались гораздо более прочно, а по их каналам средства (включая и серебро) текли теперь чаще в обратном направлении. Этому сопутствовали разорение традиционного восточного ремесла, упадок торговли, а также крушение привычных норм бытия и сопровождавшие его политические кризисы, ослабление государственной власти и многое другое, с этим связанное. Вот это и есть то сущностно новое, что вносило немало изменений в привычные нормы и условия жизни стран и народов Востока. Вот почему целесообразно хронологически начинать период колониализма на Востоке именно с XIX в. Где раньше, где позже, но в целом примерно с XIX в., может быть, даже с середины его.

Естественно и логично, что конец периода колониализма следует видеть именно там, где он вполне отчетливо прослеживается, т. е. в середине XX в., после второй мировой войны. Для Востока в целом, включая и Африку, концом периода колониализма и потому важнейшим для его истории хронологическим рубежом является именно то время, когда он высвободился от колониальной зависимости, когда страны Востока стали независимыми. Поэтому неудивительно, что в качестве рамок, которыми следует ограничить новый этап истории Востока в целом, этап колониализма, берутся именно предлагаемые здесь, т. е. середина XIX – середина XX в. Совершенно очевидно, что при всей включенности Востока в мировую историю, особенно в эти XIX–XX вв., предлагаемые рамки более адекватно отвечают реальному историческому процессу, нежели те, которые исторически мало с ним связаны, хотя и имеют всемирно-историческое значение.

Истоки колониализма

Итак, речь пойдет о Востоке в период колониализма. Вроде бы все хорошо знают и понимают, что такое колониализм для Востока. Но обычно редко ставят вопрос о происхождении феномена колониализма как такового и об истоках колониальной экспансии на Востоке. Между тем вопрос стоит того, чтобы уделить ему внимание.

Понятие «колония» (лат. «поселение») возникло в античной древности и использовалось для обозначения поселений, расположенных в стороне от первоначального центра, а то и достаточно далеко от него. В принципе такого рода расселение было хорошо известно земледельцам со времен неолита; более того, именно так и распространялись по ойкумене достижения неолитической революции. Но когда мы говорим о колониях в более узком и специальном смысле этого слова, то речь идет не просто о расселении переселенцев. Остается в стороне даже так называемая внутренняя колонизация, т. е. постепенное освоение пустующих земель в рамках данного региона, будь то средневековая Европа, Россия или Африка. Для нас важно обратить преимущественное внимание на такие поселения, которые были вызваны к жизни потребностями торгово-экономического развития и имели своим результатом создание на чужой территории автономных анклавов, в рамках которых поселенцы-колонисты воссоздавали свойственную им структуру, родственную той, что была в далекой метрополии. Но и это последнее следует считать типичным, потому и необходимо внести уточняющую поправку: колониальная структура обычно отлична от той, которая господствует среди

аборигенного населения, причем эту разницу колонисты ревностно блюдут, равно как и традиционные связи с метрополией. Иными словами, речь идет о таких колониях, которые можно считать некими форпостами метрополии на чужой земле, форпостами, с выгодой используемыми с целью наживы, для и во имя процветания населения метрополии (включая и колонистов).

Исторически первыми, с широким размахом реализовавшими практику колонизации, были финикийцы – для них торговля и мореплавание были едва ли не основным занятием. О финикийском феномене специально шла речь в первой части работы, причем особо отмечалось, что финикийцы в некотором смысле – предтеча, предшественники античных греков. Позже эстафету колонизации финикийцы передали грекам, а те – римлянам. В какой-то степени процессом такого же рода можно считать и эллинизацию Ближнего Востока после походов Александра, хотя характер колонизации в это время был все-таки несколько иным. В средние века колониальные анклавывы создавали такие торговые республики, как Венеция или Генуя, а также торговые союзы типа Ганзы. Но существовали ли колонии у стран и народов Востока? И более того, могли ли в принципе создаваться колонии государствами Востока?

Категорически отрицательного ответа дать на эти вопросы нельзя. В принципе восточные купцы вполне могли создавать и создавали на чужих территориях свои анклавывы – достаточно напомнить о китайцах в Юго-Восточной Азии и об арабах на восточноафриканском побережье. Но были ли это колонии в полном смысле слова? О китайцах известно немало, об африканских арабах – меньше. Но и в том, и другом случае перед нами все же не замкнутые колониальные анклавывы. Что касается китайцев, то они поддерживали связи с Китаем, быть может, во много раз более тесные, нежели, скажем, жители финикийского Карфагена или греческой Ольвии со своими метрополиями. Но при всем том у китайцев вне Китая нигде и никогда не было административно замкнутых поселений типа анклавывов – они всегда достаточно гармонично вписывались в местную структуру и лишь веками хранили в ее административных рамках общинные, клановые и иные корпоративные связи.

Что касается арабов в Африке – и не только на побережье, но и в городах Судана, – то, несмотря на явно выраженную именно арабомусульманскую структуру, которую они приносили с собой и по образу которой создавались в Африке первые города, эти города не были арабскими анклавывами в полном смысле этого слова. В Судане они становились частью африканских государственных образований, на восточноафриканском побережье они быстро подвергались воздействию со стороны местного населения и в расовом, этническом, даже языковом плане становились образованиями нового типа, не слишком связанными с метрополией. Словом, и в случае с китайскими купцами, и с африканскими арабами не было стоящей за их спинами метрополии как мощной политической силы, на которую колонисты всегда могли бы опереться. Напротив, выселившиеся на чужие земли китайцы и арабы (как и представители иных восточных государств) оказывались как бы отрезанным ломтем. Государства не только не были заинтересованы в официальной их поддержке, но даже вообще как бы игнорировали их. Для этого были свои весомые причины. Выше уже не раз шла речь о традиционном восточном государстве и восточном социуме. Для восточного государства интересы торговцев, связанных с частнособственнической предпринимательской деятельностью и ориентированных на рынок, всегда были чужды. Взять с купцов пошлины, получить от них взятки – это другое дело. Но заботиться об их процветании вне пределов государства – это уж увольте! Другое дело, когда самому государству выгодно расширить свое влияние на той или иной чужой территории, как то было, скажем, с маскатским Оманом на восточноафриканском побережье (Занзибарский султанат). Но это уже была не колонизация, а в зависимости от обстоятельств завоевание, присоединение, политическое господство. Это же относится и к акциям Альморавидов в Судане, да и ко всем иным политическим событиям, сопровождавшимся вторжением той или иной восточной державы в чужие земли.

Итак, колонизацией в интересующем нас смысле следует считать создание на чужой территории замкнутых административно-автономных анклавывов, копировавших метрополию, тесно связанных с ней и опиравшихся на ее действенную и заинтересованную поддержку. Совершенно очевидно, что такого рода анклавывы могли создаваться и реально создавались лишь там, где частнособственническая предпринимательская деятельность официально считалась

ведущей и активно поощрялась заинтересованным в ее процветании государством. Вот почему колонии торгово-экономического характера создавались (если говорить о колониях в полном смысле слова и принять во внимание все вышесказанное) почти исключительно европейцами – как в античной древности, так и в средние века. Именно такого типа колонии и были тем истоком, на основе которого в XV–XVI вв. сложился колониализм как явление уже несколько иного порядка, отличавшееся иными формами и, главное, иными масштабами. Связь этого колониализма с нарождавшимся европейским капитализмом вполне очевидна.

Генезис европейского капитализма и колониализм

Как уже упоминалось, позднесредневековая Европа после Возрождения структурно была в немалой степени близка к античности, причем развивалась в том же направлении (Ориентация на поддержку частнособственнической инициативы) и все более ускоренными темпами. Европа постепенно дефеодализировалась: порожденные феодализмом институты и нормы уходили в прошлое вместе с присущими им мишурой и блеском феодальных властителей, пышностью католического богослужения. На смену всему этому шла все возрастающая когорта представителей так называемого третьего сословия, прежде всего горожан-бюргеров, чья деятельность была ориентирована на рынок и чьи представления о мире опирались на пуританскую строгость протестантизма. И хотя это движение было в XV–XVI вв. еще весьма слабым и малозаметным, сам факт дефеодализации и выхода на передний план абсолютизма был внешним проявлением именно такого рода процесса. Позднесредневековая Европа медленно, но все ускоряющимися темпами становилась предкапиталистической. Что же было в основе упомянутого процесса и какие факторы ему способствовали?

Процесс генезиса капитализма – явление сложное и многоплановое, и в данной работе анализировать его нет возможности. Можно лишь напомнить, что одним из первоусловий процесса генезиса было то, что Маркс назвал в свое время первоначальным накоплением. Другим и, быть может, даже более важным был изученный М. Вебером пуританский дух протестантской этики, который позволил такие накопления создать. Наряду с этим едва ли не важнейшим фактором успешного хода всего процесса, и в частности первоначального накопления, было то, что имеет самое непосредственное отношение к нашей теме – Великие географические открытия и последовавшая за ними новая, невиданная прежде в истории по масштабам и последствиям волна колонизации неевропейских земель.

Итак, снова колонизация. Как и прежде, в древности и средневековье, она была основана на принципиальных структурных различиях в образе жизни тех, кто колонизовал, и тех, кто был объектом колонизации. Но ровно настолько, насколько пред – и раннекапиталистическая Европа по своей мощи, возможностям и потенциалам превосходила античную (и тем более торговые союзы и республики раннего средневековья), настолько же и новая волна колонизации оказалась мощнее всех прежних. Началось все, как только что упоминалось, с Великих географических открытий, с революции в мореплавании, которая позволила успешно преодолевать океаны.

Транзитная торговля со странами Востока издавна создавала у европейцев заметно преувеличенное представление о сказочных богатствах восточных стран, особенно Индии, откуда шли пряности и раритеты. Транзитная торговля, как известно, стоит дорого, а полунищей Европе платить было практически почти нечем. Это было одним из немаловажных стимулов, подстегивавших европейцев найти новые пути в Индию – пути морские, наиболее простые и дешевые. Поиски новых морских путей сами по себе еще не были проявлением именно капиталистической экспансии. Более того, одним из парадоксов эпохи было то, что страны, ранее и едва ли не более других преуспевшие в сфере колониальных захватов и географических открытий (Португалия и Испания), не только еще не стояли на пороге капитализма, но, напротив, являли собой достаточно крепкие феодальные монархии. Как известно, накопленное и награбленное португальцами и испанцами богатство не пошло им впровк и не было ими использовано в качестве первоначальной основы для быстрого развития капитализма. Здесь есть свои причины, и теория Вебера об этике протестантизма (противопоставленной католической) кое-что в этом смысле объясняет. Однако свое дело –

Великие географические открытия с освоением морских путей в новые страны и континенты – испанцы и особенно португальцы сделали, не говоря уже о том, что они сыграли немалую роль и в подготовке, даже активной реализации новой волны колониализма в небывалых прежде масштабах.

После XVI в. на передний план в уже активно развивавшейся колонизации (имеется в виду не только колониальная торговля, но и освоение чужих земель переселенцами), как и в капиталистическом развитии, вышли другие страны: вначале Голландия, затем Англия и Франция. Именно они наиболее удачно использовали полученные от колониальной активности средства в качестве того самого первоначального базового капитала, который в конечном счете способствовал ускорению и даже радикализации их капиталистического развития. Таким образом, парадокс истории, позволивший сделать первый шаг на пути к новому не тем странам, которые были ближе к этому новому, а другим, оказался исправленным той же историей, пусть век-другой спустя (для истории, тем более того времени, это весьма небольшой срок). Однако история остается историей и, естественно, должна восприниматься во всей ее сложной и противоречивой реальности. А сложность и противоречивость эта не только в том, что несомненная связь раннего капитализма и колониализма отнюдь не прямолинейна, но также и в том, что весьма неоднозначен сам привычный для нашего уха феномен колониализма как такового.

Выше не случайно был поставлен вопрос об истоках колониализма и о колонизации в древности, в средние века. Дело в том, что колониализм как феномен обычно воспринимается резко негативно. Между тем именно за счет колонизации ближних окраин, а иногда и дальних заморских территорий шел процесс развития, взаимовлияния культур и т. п., что вносило немалый вклад в развитие человечества. Поэтому необходимо четко определить, что следует понимать под термином «колониализм» и в каком смысле мы будем оперировать этим словом далее.

Колониализм в широком смысле слова – это то важное явление всемирно-исторического значения, о котором только что было упомянуто. Это хозяйственное освоение пустующих либо слабозаселенных земель, оседание на заморских территориях мигрантов, которые приносили с собой привычную для них организацию общества, труда и быта и вступали в весьма непростые взаимоотношения с аборигенным населением, находившимся, как правило, на более низкой ступени развития. Каждая конкретная ситуация, складывающаяся из множества порой едва уловимых компонентов, дает свой результат и создает в том или ином случае уникальное стечение условий и обстоятельств, от которого зависит многое, в том числе дальнейшая судьба колонии и ее населения. Но при всей уникальности конкретных обстоятельств есть и некоторые общие закономерности, которые позволяют свести феномен колониализма к нескольким основным вариантам.

Один из них – постепенное освоение отдаленных чужих, но пустующих либо слабозаселенных земель поселенцами-колонистами, являющими собой более или менее компактную общность и составляющими на освоенной ими новой территории подавляющее большинство населения. Аборигены при этом обычно оттесняются на окраинные и худшие земли, где они постепенно вымирают либо истребляются в стычках с колонистами. Так были освоены и заселены Северная Америка, Австралия, Новая Зеландия. С некоторыми оговорками это можно отнести и к южноафриканским республикам буров. На этих землях со временем возникли, как известно, государственные образования по европейской модели – той самой, что была перенесена в качестве само собой разумеющегося социального генотипа мигрантами, составившими, если не иметь в виду Южную Африку, основу населения (10% примеси негров, потомков привезенных в Северную Америку африканских рабов, в данном случае существенного влияния на процесс в целом не оказали).

Другой вариант – миграция новопоселенцев в районы с значительным местным населением, опирающимся к тому же на весомые собственные традиции цивилизации и государственности. Этот вариант гораздо более сложен и в свою очередь может быть подразделен на различные подварианты. Но, не усложняя-типологии, обратим внимание лишь на одну важную деталь – на прочность развитой цивилизационной традиции. В Центральной и Южной Америке такая традиция была, причем многовековая, но она оказалась непрочной и

локально ограниченной, что в немалой степени объясняет ту легкость, с которой ее слабые ростки были уничтожены колонизаторами. Если принять к тому же во внимание, что этими колонизаторами были не англичане с их сильными капиталистическими тенденциями и мощным духом пуританского протестантизма, а португальцы и испанцы с преобладавшими среди них феодальными формами отношений и католицизмом, то легко понять, почему латинизация Южной и Центральной Америки привела к иным результатам, нежели колонизация Северной. Другой состав населения (индейцы, огромное количество африканских негров, не слишком большое число переселенцев из Европы и, как результат, преобладание мулатов и метисов), иные традиции, более низкий уровень исходной точки развития и явное преобладание традиционнеевропейского пути развития – как за счет привычного социального генотипа индейцев и негров, так и в немалой степени за счет весомых элементов такого же типа отношений в феодальных традициях переселенцев – привели в конечном счете к тому, что сложившиеся в Латинской Америке формы социальных отношений оказались гибридными. При этом из европейской модели были заимствованы не столько антично-капиталистические частнособственнические тенденции, ориентированные на рыночные связи и стимулирующие инициативу, энергию индивида, защищающие его права (как то было в Северной Америке, а затем в Австралии, Новой Зеландии, у буров), хотя при этом и лишаящие таких прав негров и аборигенов, сколько религиозные и феодальные. Гибрид же европейского феодализма и католицизма с индейскими традиционными формами существования не способствовал энергичным темпам развития, выработке необходимых трудовых навыков и т. п. Иными словами, второй вариант колонизации не вел к быстрому развитию колонии, но все же содержал потенции для некоторого развития, хотя бы за счет наличия пусть небольшой, но все же существовавшей и игравшей свою роль доли европейской частнопредпринимательской традиции, восходившей к антично-капиталистическому типу развития.

Вариант третий – колонизация районов с неблагоприятными для европейцев условиями обитания. В этих нередких случаях местное население, независимо от его численности, было преобладающим. Европейцы оказывались лишь малочисленным вкраплением в него, как то имело место повсюду в Африке, в Индонезии, Океании и кое-где на Азиатском континенте (хотя о развитии Востоке речь впереди). Слабость, а то и почти полное отсутствие политической администрации и государственности здесь помогали колонизаторам легко и с минимальными потерями не только укрепиться на чужих землях в форме системы форпостов, портов, торговых колоний и кварталов, но и взять в свои руки всю местную торговлю, а то и практически все хозяйство прилегающих районов и навязать местным жителям, порой целым странам свою волю, свой принцип свободных рыночных связей, в которых решающую роль играл материальный интерес. Со временем, но не слишком быстро, эта форма колониализма могла перерасти и в иную, обрести вид политического господства.

И наконец, вариант четвертый, для Востока наиболее типичный. Это те многочисленные случаи, когда колонизаторы попадали в страны с развитой многовековой культурой и богатой традицией государственности. Здесь большую роль играли различные обстоятельства: и представления европейцев о богатстве той или иной страны Востока, например Индии, и реальная сила колонируемой страны, т. е. крепость ее государственной власти, и традиционные формы той или иной восточной цивилизации с их нормами и принципами, и многое другое, в том числе случаи, всегда игравший важную роль в истории. Конкретно обо всем этом будет идти речь впереди. Пока же стоит заметить, что англичане сумели укрепиться и овладеть Индией в немалой степени потому, что этому способствовала исторически сложившаяся социально-политическая система этой страны с ее слабой политической властью. Но, пока те или иные страны Востока, о которых идет речь, еще не стали политически подчиненными метрополии (что следует датировать лишь XIX веком), характерным для четвертого варианта колонизации следует считать то, что колонизаторы в таких странах были меньшинством, которое действовало в условиях достаточно развитого колонируемого общества, управляемого местными правителями и живущего по собственным порядкам.

В рамках четвертого варианта колонизаторы не могли ни создать структуру по европейской модели (как в первом), ни создать гибридную структуру (как во втором), ни просто

придавить своей мощью и направить целиком по желаемому пути жизнь отсталого местного населения, как то было в Африке, на островах пряностей и т. п. (вариант третий). Здесь можно было лишь активно развивать торговлю и за счет рыночного обмена получать выгоду. Но при этом – что весьма существенно – европейцы, за редкими исключениями, должны были платить наличными, золотом и серебром. Хотя в качестве платы принималось также европейское оружие и кое-что еще, восточный рынок тем не менее не нуждался в тех товарах, которые европейцы до XIX в. могли ему предложить. Нужна была наличность. И вот здесь-то самое время ограничить изложение проблемы колонизации и колониализма в широком смысле слова (как великого всемирного феномена, связанного с процессом генезиса капитализма, бывшего в некотором смысле территориальной базой его вскармливания и возмужания) и обратиться к колониализму в узком, так сказать, в собственном смысле этого слова – в том самом, к какому он звучит сегодня повсеместно и имеет почти однозначную негативную оценку.

Колониализм на Востоке

Конкретно речь теперь пойдет о том, что же такое колониализм с точки зрения народов, подвергшихся колонизации. Это, разумеется, касается и тех аборигенов, которые были объектом оттеснения с их земель, уничтожения и подчинения колонистами в случаях, имевших отношение к первому и второму вариантам колонизации (Америка, Австралия, Новая Зеландия и др.). Но преимущественно это касается третьего и особенно четвертого вариантов колонизации, т. е. тех случаев, когда речь идет не о массовых переселениях и об освоении слабозаселенных земель новой общностью, а о бесцеремонном вторжении своекорыстного и опирающегося на силу меньшинства с целью извлечь выгоду из рыночного обмена и заставить работать на себя местное население, не говоря уже о таких бесчеловечных явлениях, как работорговля. Снова оговоримся, что и транзитная торговля с погоней за выгодой, и эксплуатация местного населения, и работорговля не были придуманы колонизаторами-европейцами. Все это существовало и ранее, до них и независимо от них. Порой торговали и самими попавшими в плен европейцами, становившимися рабами турок или арабов, монголов или персов. Поэтому имеется в виду лишь характеристика феномена, связанного с выходом на авансцену раннекапиталистической Европы, представители которой в странах, послуживших объектами колониальной экспансии, действовали, по существу, традиционными методами, но зато с энергией и целеустремленностью, присущими новому, поднимающемуся капиталистическому строю. Именно это и стало колониализмом в привычном ныне значении слова, во всяком случае на начальном этапе.

Начальный этап, как упоминалось, был связан с деятельностью прежде всего португальцев (испанцев на Востоке, за исключением Филиппин, практически не было; Филиппины же развивались во многом по латиноамериканской модели, о чем уже говорилось), и в количественном отношении эта деятельность была связана едва ли не прежде всего с африканской работорговлей, хотя португальцы одновременно активно интересовались пряностями и раритетами и именно им принадлежали первые европейские торговые фактории в Индии, Индонезии, на Цейлоне, китайском побережье и т. п. Португальский колониализм в Африке и Азии (в отличие от Америки) был по характеру торговым (третий и четвертый варианты колонизации), что, собственно, в немалой мере и определило со временем афроазиатские варианты европейской колонизации до XIX в. Но торговля с Востоком, даже с Африкой (где в качестве эквивалента обмена нередко шли в дело стеклянные бусы, дешевые лоскуты, не говоря уже о спиртном), требовала средств. Пряности стоили дорого, доставка их – еще дороже. Даже ружья, которые шли в обмен за товары вместо серебра, тоже стоили денег, того же серебра. Где было взять драгоценный металл?

Вопрос этот не стоило бы и поднимать – ответ на него общеизвестен. Собственно, именно золото и серебро вызвали такую алчность испано-португальских конкистадоров в Америке, которая послужила толчком к полному разрушению древних центров богатой, но структурно слабой цивилизации и государственности. Потоки золота и серебра со времен Колумба хлынули в Европу – и в немалой степени за этот счет, учитывая и снижение цены драгоценного металла в условиях резкого увеличения его количества (революция цен), финансировалась

раннеевропейская торговля с Востоком, грабить который европейцы не могли и за товары которого, включая и рабов, они вынуждены были расплачиваться. И хотя доля португальцев в этом американском потоке была не слишком велика – основное досталось Испании, – она послужила первоначальной основой для финансирования колониальной торговли, в последующем успешно развивавшейся за счет товарооборота.

Век португальского господства в колониальной афро-азиатской торговле был сравнительно недолог: доля Португалии во все возрастающей в объемах и расширяющейся территориально торговой экспансии европейских колониалистов в Африке и особенно в Азии стремительно падала и после XVI в. стала вовсе незначительной. На первое место вышли голландцы. XVII век, особенно первая его половина, – век Нидерландов на Востоке. Со второй половины XVII в., после ряда успешных англо-голландских войн, рядом с Голландией, постепенно оттесняя ее, становится Англия.

Хотя голландцы были в первых рядах среди тех европейских держав, которые успешно шли по пути капиталистического развития, и хотя именно они в свое время активно участвовали в колонизации Северной Америки с ее пуританским духом активного предпринимательства (достаточно напомнить, что голландцами был основан в 1626 г. Новый Амстердам – будущий Нью-Йорк), в Африке и Азии они сменили португальцев либо оказались рядом с ними практически в той же функции колониальных торговцев. Да и методы их не слишком отличались от португальских – та же торговля африканскими и индонезийскими рабами, скупка пряностей, организация плантаций для их производства. Правда, голландцы способствовали обновлению колониализма, основав в 1602 г. объединенную Ост-Индскую компанию – мощную и находившуюся под политическим покровительством метрополии административно-экономическую суперорганизацию, целью которой была оптимизация условий для успешной эксплуатации всех голландских колоний на Востоке (в 1621 г. для голландских колоний на Западе, в основном в Америке, была создана Вест-Индская компания). Аналогичную организацию (Ост-Индская компания) создали и англичане, даже еще раньше, в 1600 г., но только во второй половине XVII в., после укрепления англичан в ряде важных пунктов на восточном и западном побережье Индии, эта компания обрела определенную экономическую устойчивость и, главное, некоторые административные права – свои вооруженные силы и возможность вести военные действия, даже чеканить монету. Впоследствии, как о том уже говорилось, английская Ост-Индская компания стала административным костяком английского колониализма в Индии, причем с XVIII в. она все более тщательно контролировалась правительством и парламентом, а в 1858 г. и вовсе прекратила свое существование, официально замененная представителями Англии, начиная с вице-короля.

На примере голландской и английской Ост-Индских компаний можно видеть, что по меньшей мере в XVII в. это были торговые организации капиталистического характера с ограниченными административными правами³⁹. Практика показала, что такого рода прав было вполне достаточно, чтобы англичане в Индии, а голландцы в Индонезии чувствовали себя фактическими хозяевами. Меньше в этом плане преуспела Франция, вступившая на путь колониальной экспансии позже, в основном лишь в XVIII в. К тому же революция 1789 г. способствовала крушению того, что было достигнуто: из некоторых своих колониальных владений французы были вытеснены, прежде всего англичанами (в Индии, Америке). В целом XVII и XVIII века были периодом активного укрепления европейской колониальной торговли и получения за счет этой торговли немалых экономических выгод.

О каких выгодах идет речь в свете того, что уже говорилось об особенностях колониальной торговли с Востоком, выражавшихся в перекачке драгоценного металла не с Востока в Европу, а в обратном направлении? Выгоды имеются в виду самые простые и прямые – от торгового оборота, с учетом всех издержек не только транзитного долгого морского пути,

³⁹ Об ограничениях говорится в весьма относительном плане – право вести войны и содержать армии ставило компании в положение могущественной политической силы, вполне сопоставимой с местными государственными образованиями; вопрос был лишь в конкретном соотношении сил и в наличии средств для манипулирования.

но и содержания администрации тех же могущественных компаний, которые организовывали торговлю и стабилизировали условия для нее, захватывая в свои руки новые земли, подкупая союзных правителей, ведя войны с враждебными и т. п. Если подсчитать издержки, они окажутся весьма солидными. Но и разница в ценах была огромной: пряности в Европе стоили в десятки раз дороже по сравнению с теми местами, где их производили и закупали. И все-таки если подводить баланс (а торговали в конечном счете отнюдь не только пряностями, их к тому же сами купцы строго лимитировали и в производстве, и в торговле, дабы не сбить цену), то окажется, что из Индии шли шерстяные и бумажные ткани высокого качества, кашмирские шали, индиго, сахар, даже опиум. Из Африки – рабы. А что же шло взамен? Оружие и в гораздо меньшей степени некоторые другие товары, практически не имевшие спроса в развитых (и тем более в неразвитых) странах Востока. Содержание же компаний и все прочие издержки, выплаты, подкупы и т. п. в немалой степени покрывались драгоценным металлом: по некоторым подсчетам, в начале XVIII в. доля товаров в торговле с Востоком (английский экспорт к востоку от мыса Доброй Надежды) была равна одной пятой, остальные четыре пятых приходилось на металл.

Это не значит, что компании и колониальная торговля работали в убыток, – они свое возвращали с лихвой, ибо их торговля была наивыгоднейшим делом. Но все-таки это была именно торговля, а не ограбление наподобие того, что делали испано-португальские конкистадоры в Америке. И хотя колониальная торговля сопровождалась жестокостями и издевательствами над людьми (работоторговля), главное все же было не в этом. К жестокостям и работоторговле Восток привык издавна. Европейские же торговцы принципиально отличались от местных восточных купцов тем, что они при активной поддержке метрополии стремились административно сорганизоваться и укрепиться, постоянно расширяя зону своего влияния и свободу действий. Собственно, именно этого рода динамика и служила важной основой для постепенной трансформации колониальной торговли в колониальную экспансию политико-экономического характера, что ощущалось кое-где (особенно в Индии) уже в XVIII в. и с особой силой стало проявляться на Востоке в XIX в.

Итак, на традиционном Востоке, включая и Африку, колониализм начался с колониальной торговли, причем этот период торговой экспансии, сопровождавшийся лишь в заключительной своей части захватом территорий в ряде районов, длился достаточно долго. За эти века, XVI–XVIII, многое переменялось. Изменилась прежде всего сама Европа. Колониальный разбой (имеется в виду Америка) заметно обогатил ее, заложив основу первоначального накопления капитала. Капитал был пущен в оборот в широких масштабах транзитной колониальной торговли, содействовавшей становлению мирового рынка и втягиванию в этот рынок всех стран. Доход от оборота и создание рынка сыграли свою роль в ускорении темпов капиталистического развития Европы, а это развитие, прежде и активнее всего в Англии, в свою очередь настоятельно требовало еще большей емкости рынка и увеличения товарооборота, в том числе колониальной торговли. Для обеспечения оптимальных условий торговли англичане раньше других и успешней соперников-голландцев стали укрепляться на Востоке (прежде всего в Индии), добываясь там своего политического господства уже в XVIII в. и тем более в XIX в. Взаимосвязь между капитализмом и колониализмом очевидна. Но была ли такого же типа связь характерна для объектов колониальной экспансии, для стран Востока? Хотя бы для некоторых? Вопрос вплотную сталкивает с проблемой генезиса капитализма на Востоке. Еще сравнительно недавно немалое количество марксистов настаивало на том, что в описываемое время, т. е. в XVI–XVIII вв., Восток стоял накануне процесса такого рода генезиса, а то и был уже в ходе этого процесса, что он лишь ненамного отставал в этом от Европы. Да и сегодня подобные взгляды не исчезли вовсе, хотя и заметно поубавились. И, казалось бы, есть основания для них – ведь возник же капитализм в Японии! Стало быть, в принципе подобное могло произойти на Востоке, и вопрос лишь в том, чтобы попытаться понять, почему в других странах этого не произошло, что именно помешало этому. К более основательному анализу всей проблематики, связанной с генезисом капитализма на Востоке, мы вернемся позже. Пока обратим внимание на то; о чем уже не раз упоминалось в этой главе. Восток в лице развитых цивилизованных обществ и государств Азии (об Африке речи пока нет) был в XVI–XVIII вв. не беднее Европы. Более того, он был богаче. На Восток шли вывезенные из ограбленной Америки драгоценные

металлы. На Востоке веками копились и хранились те самые ценности и раритеты, которые притягивали к себе жадные глаза колонизаторов. Была на Востоке и своя богатая традиция торговли, включая и транзитную, которая, кстати, держала в своих руках всю восточную торговлю Европы вплоть до эпохи колониализма и немало на этом наживалась. Восток, по данным многих исследований, мог дать большую массу пищи, чем скудные почвы Европы, а население Востока жило в массе своей едва ли хуже, чем европейское. Словом, по данным специалистов, до XV–XVI вв. Восток был и богаче, и лучше обустроен, не говоря уже о высоком уровне его культуры.

Но если все это было именно так, да к тому же Восток будто бы стоял накануне либо уже был в процессе генезиса капитализма, то почему же не на Востоке активно развивался капитализм? И если уж этот самый восточный капитализм по каким-то причинам не поспевал достаточно быстро, по-европейски, развиваться, то почему этому не помог колониализм – та самая колониальная торговля, которая связала Европу и остальной мир, включая и весь Восток, воедино? Конечно, торговля была в руках европейцев и потому приносила доход с оборота именно им. Но, как только что говорилось, Восток был богаче и в ходе торговли тоже не беднел, ибо делился излишками за деньги. И, кроме того, колониальная торговля важна не только и, быть может, даже не столько доходами, сколько самим фактом всемирных связей, возможностью заимствования и ускорения развития за этот счет. Почему этой возможностью сумела воспользоваться – да еще в какой мере! – лишь Япония, тогда как остальные этим воспользоваться не смогли? Или не захотели? Или даже не заметили ее, эту возможность, не обратили на нее внимания? Почему?

Ответ на этот вопрос очевиден в свете изложенной в работе концепции: о капитализме как принципиально ином строе, отвергающем традиционное господство государства и выдвигающем в качестве альтернативы частную собственность и свободный рынок, на традиционном Востоке не могло быть и речи. Для этого не было условий. И только в уникальных обстоятельствах Японии такого рода условия появились, да и то далеко не сразу. Стоит напомнить, что, несмотря на идеально подготовленную для этого японским феодализмом и конфуцианской культурой почву, лишь два-три века хотя и скрытых, но весьма энергично осуществлявшихся связей с европейскими колонизаторами (голландцы и «голландская наука») способствовали тому, что японская почва стала прорасти капиталистическими всходами. Таким образом, связь колониализма и капитализма сыграла свою роль в случае с Японией. Но вот в остальных случаях эта связь применительно к обществам и государствам традиционного Востока не могла сработать так, как этого по логике рассуждений можно было бы ожидать. Колониальная экспансия европейцев не расчищала автоматически или почти автоматически, при направленных действиях колонизаторов, путь к капитализму европейского типа, во всяком случае ожидаемыми темпами. Напротив, она породила столь яростное сопротивление традиционных структур Востока, столь мощную ответную волну, что даже в наши дни, в конце II тысячелетия, трудно дать обоснованный прогноз, как и когда достигнет еврокапиталистических стандартов развивающийся Восток – если это вообще достижимо.

Мощная ответная волна сопротивления колониальному вторжению и ломке привычных норм жизни стран и народов Востока появилась не сразу. В XVI–XVIII вв., в начальные периоды колониализма, пока Восток еще не ощутил как следует тяжелую руку европейского капитала, ее, казалось бы, ничто не предвещало. Все началось позже, в XIX в., и с особой силой проявилось в XX в. Вот о том, как и в какой форме зрел внутренний протест традиционных восточных структур против бесцеремонного вторжения колонизаторов с чуждыми Востоку мерками, нормами и принципами жизни, в каких формах выражался этот протест и чем эти формы были обусловлены, и пойдет речь в третьей части работы.

Для удобства изложения и последующего анализа главы этой части разбиваются на несколько блоков: Южная и Юго-Восточная Азия; Ближний и Средний Восток; Дальний Восток; Африка. В рамках каждого из блоков сначала дается историческая канва, затем – аналитический очерк.

Южная и Юго-Восточная Азия

Глава 2 Британская Индия

Индия была первым и по существу единственным государством столь крупного масштаба (точнее даже, группой государств, объединенных спланировавшей их цивилизацией, религиозной традицией и общностью социально-кастовых принципов внутренней структуры), которое было превращено в колонию. Воспользовавшись характерной для Индии слабостью административно-политических связей, англичане сравнительно легко, без особых затрат и потерь, даже в основном руками самих индийцев, захватили власть и установили свое господство. Но коль скоро это было достигнуто (в 1849 г., после победы над сикхами в Пенджабе), перед завоевателями возникла новая проблема: как управлять гигантской колонией? Перед прежними завоевателями такой проблемы не было. Не мудрствуя лукаво, все они, вплоть до Великих Моголов, правили так, как это было определено веками и понятно всем. Но англичане представляли собой принципиально иную структуру, к тому же находившуюся на крутом подъеме и предъявлявшую все более решительные и далеко идущие требования для своего успешного развития. В некотором смысле проблема была сходна с той, которую решал Александр после завоевания им Ближнего Востока: как синтезировать свое и чужое, Запад и Восток? Но были и новые обстоятельства, принципиально отличавшиеся от древности. Дело в том, что присоединение Индии к Британии было не столько актом политическим, результатом войны либо серии войн, сколько следствием сложных экономических и социальных процессов во всем мире, суть которых сводилась к образованию мирового капиталистического рынка и к насильственному вовлечению в мировые рыночные связи колонируемых стран.

Едва ли вначале, на первых порах, английские колонизаторы задумывались над упомянутой проблемой. Колонизация проводилась руками Ост-Индской компании, стремившейся прежде всего к активной торговле, к огромным прибылям, к высоким темпам обогащения. Но в ходе торговых операций и во имя все более гарантированного их обеспечения прибиралось к рукам чужое имущество, захватывались новые земли, велись успешные войны. Колониальная торговля все очевиднее перерастала свои первоначальные рамки, ее подстегивало то, что быстрорастущая английская капиталистическая промышленность на рубеже XVIII–XIX вв. уже остро нуждалась во все увеличивающихся рынках сбыта фабричных товаров. Индия была для этого идеальным местом приложения соответствующих усилий. Неудивительно, что в изменяющихся обстоятельствах индийские дела постепенно переставали быть прерогативой компании, или, во всяком случае, только компании. С конца XVIII в., особенно после процесса над У. Хейстингсом, первым генерал-губернатором Индии (1774–1785), деятельность компании во все возрастающем объеме начала контролироваться правительством и парламентом.

В 1813 г. была официально отменена монополия компании на торговлю с Индией, и за 15 лет после этого ввоз хлопковых фабричных тканей вырос в 4 раза. Парламентский акт 1833 г. еще более ограничил функции компании, оставив за ней в основном статус административной организации, практически управлявшей Индией, причем теперь уже под очень строгим контролем лондонского Контрольного совета. Индия шаг за шагом все очевиднее становилась колонией Великобритании, превращалась в часть Британской империи, в жемчужину ее короны.

Но завершающая часть процесса колонизации оказалась наиболее трудным делом. Вмешательство администрации компании во внутренние дела страны и прежде всего в веками складывавшиеся аграрные отношения (английские администраторы явно не разобрались в реальных и весьма непростых взаимоотношениях владельческих и невладельческих слоев в Индии) привело к болезненным конфликтам в стране. Приток фабричных тканей и разорение многих из привыкших к престижному потреблению аристократов сказались на благосостоянии индийских ремесленников. Словом, трещала по всем швам веками функционировавшая привычная норма отношений, в стране все очевиднее проявлял себя болезненный кризис.

Огромная страна не желала мириться с этим. Росло недовольство новыми порядками, несшими угрозу привычному существованию практически всех. И хотя из-за слабости внутренних связей и господства многочисленных разделявших людей этнокастовых, языковых, политических и религиозных барьеров это недовольство не было слишком сильным, ни тем более достаточно организованным, оно все же быстро увеличивалось и превращалось в открытое сопротивление английским властям. Назревал взрыв.

Одной из важных непосредственных причин, спровоцировавших его, была аннексия генерал-губернатором Дальхузи в 1856 г. крупного княжества Ауд на севере страны. Дело в том, что наряду с землями, официально и непосредственно подчиненными администрации компании, в Индии существовало 500–600 больших и малых княжеств, статус и права которых были весьма разными. Каждое из княжеств особым договорным актом было связано с администрацией компании, но при этом количество их постепенно уменьшалось за счет ликвидации тех из них, где прерывалась линия прямого наследования либо наступало состояние кризиса. Ауд был присоединен к землям компании под предлогом «плохого управления», что вызвало резкое недовольство сильно задетого этим решением местного мусульманского населения (талукдаров), а также привилегированных заминдаровраджпутов.

Центром военной мощи компании была бенгальская армия сипаев, на две трети набранная из раджпутов, брахманов и джатов Ауда. Сипаи из этих высоких каст особо болезненно ощущали свое приниженное положение в армии по сравнению со служившими рядом с ними англичанами. Брожение в их рядах постепенно возрастало в связи с тем, что после завоевания Индии компания, вопреки обещанному, не только снизила им жалованье, но и стала использовать в войнах вне Индии – в Афганистане, Бирме, даже в Китае. Последней каплей и непосредственным поводом к восстанию послужило введение в 1857 г. новых патронов, обмотка которых была смазана говяжьим либо свиным жиром (обкусывая ее, осквернялись как почитавшие священную корову индусы, так и не употреблявшие в пищу свинину мусульмане). Возмущенные наказанием тех, кто выступил против новых патронов, 10 мая 1857 г. в Мератхе близ Дели восстали три полка сипаев. К восставшим присоединились другие части и вскоре сипаи подошли к Дели и заняли город. Англичане частично были истреблены, частично в панике бежали, а сипаи провозгласили императором престарелого могольского правителя Бахадур-шаха II, доживавшего свои дни на пенсию компании.

Восстание длилось почти два года и в конечном счете было потоплено в крови англичанами, сумевшими опереться на помощь сикхов, гурков и на другие силы, опасавшиеся возрождения империи Моголов. Справедливо оценив восстание как мощный народный взрыв недовольства не только правлением колонизаторов, но и грубой ломкой традиционных форм существования многих слоев индийского общества, английские колониальные власти вынуждены были всерьез задуматься над тем, как быть дальше. Вопрос был в том, какими методами и средствами добиться уничтожения традиционной структуры. Было ясно лишь одно: резкая насильственная ломка здесь неприемлема; ее следует заменить постепенной и тщательно продуманной трансформацией – с ориентацией, естественно, на европейскую модель. Собственно, к этому и свелась последующая политика англичан в Индии.

Начало трансформации традиционной структуры

Еще не закончилось восстание сипаев, когда английский парламент в 1858 г. принял закон о ликвидации Ост-Индской компании. Индия стала составной частью Британской империи, а королева Виктория была провозглашена императрицей Индии. Управлять страной должен был генерал-губернатор, вскоре получивший официальный титул вице-короля. Деятельность его и всей администрации Британской Индии контролировалась и направлялась ответственным перед парламентом министерством по делам Индии. Вслед за тем последовал ряд важных реформ.

Военная реформа привела к расформированию сипайских полков и к существенному изменению состава вооруженных сил: число англичан в армии сильно увеличилось; большую роль в ней стали играть наемники из числа сикхов и гурков. В специальном обращении к индийским князьям, ее вассалам, королева Виктория пообещала уважать их традиционные

права. В частности, было введено право передачи княжества по наследству приемным сыновьям (если линия прямого наследования прерывалась). Британская корона обязалась со вниманием отнестись к существованию в Индии традиционной кастовой системы. Были также приняты законы, препятствовавшие заминдарам и иным арендодателям произвольно повышать арендную плату. Многие постоянные арендаторы получили право отчуждать свои земли. Вся эта серия законов, актов и обязательств ставила своей целью уважать привычные нормы и тем избежать в дальнейшем кумуляции недовольства. Но все это отнюдь не означало отступления. Просто изменялась тактика действий. Это хорошо видно на примере другой серии реформ и нововведений.

Еще в 1835 г. генерал-губернатор Маколей провел реформу образования в Индии, смысл которой заключался в том, чтобы начать подготовку кадров колониальной администрации из самих индийцев, создать из них «прослойку, индийскую по крови и цвету кожи, но английскую по вкусам, морали и складу ума». Активно действуя в этом направлении, англичане открыли в Индии в 1857 г. первые три университета – Калькуттский, Бомбейский и Мадрасский. В дальнейшем число индийских университетов и колледжей с преподаванием на английском языке и по английским программам обучения все возрастало, не говоря уже о том, что многие из индийцев, особенно из числа зажиточной социальной верхушки, получали образование в самой Англии, в том числе в ее лучших университетах – Кембридже и Оксфорде. И пусть такое образование получала лишь ничтожная доля населения, в подавляющем большинстве остававшегося вовсе неграмотным, эта доля индийских интеллектуалов играла непропорционально значительную роль в политике и общественной жизни страны. И воспитание их по английской модели не могло при этом не оказывать своего воздействия.

В этом же направлении была задумана и постепенно реализовывалась административная политика англичан. Еще в 1861 г. парламент принял закон об организации законосовещательных Индийских советов при генерал-губернаторе и губернаторах провинций. Хотя члены этих советов назначались, а не избирались, законом оговаривалось, что половина их должна состоять из лиц, не занятых на службе и тем самым не зависящих от администрации. Была проведена и судебная реформа по английскому образцу. В продолжение этой же линии в 80-х годах были изданы законы о местном выборном самоуправлении. И хотя выборы были многоступенчатыми, а участвовать в них могли лишь очень немногие, едва ли более 1% населения страны, начало избирательной процедуре было положено. В 90-х годах муниципальные советы стали избирать некоторых своих членов в провинциальные законодательные советы при губернаторах, а также в Индийский законодательный совет при генерал-губернаторе.

Активное внедрение элементов европейской (британской) политической культуры и практики и европейского образования способствовало проникновению в Индию многих европейских идей и идеалов, знаний и опыта, привело к знакомству с европейскими науками, искусством, культурой, образом жизни. Это знакомство тоже по преимуществу ограничивалось узким кругом социальных верхов и индийских интеллектуалов, но все же оно было фактом, а становившееся нормой использование английского языка как официального и объединяющего представителей различных индийских народов способствовало распространению среди интеллектуальной элиты ориентации на европейские духовные ценности, как то и было задумано в свое время Маколеем и его единомышленниками. Книги, газеты, журналы и иные печатные издания, предназначенные для читателя во всей Индии, публиковались только на английском. Английский язык становился постепенно основным для всей образованной Индии.

Долгое время тон в этом движении задавала Бенгалия – район, ранее всего захваченный англичанами (резиденция генерал-губернатора до 1911 г., когда она была перенесена в Дели, находилась в Калькутте). Здесь английское влияние ранее всего достигло значительных размеров. Еще видный индийский просветитель Рам Мохан Рай (1772–1833) организовал лояльное по отношению к англичанам общество «Брахмо самадж», построенное по европейскому образцу, с выборным правлением, и преследовавшее цель очистить индуизм от наиболее одиозных наслоений (обычай самосожжения вдов – «сати»; ранние браки; кастовая непримиримость и т. п.) и на его основе создать культ единого Бога, к поклонению которому могли бы слиться представители всех религий, включая мусульман и христиан. После смерти

Рая руководство обществом перешло в руки Д. Тагора и других бенгальских деятелей, немало способствовавших распространению просветительских идей. Позже влияние брахмоистов распространилось среди образованных слоев населения в Мадрасе и Бомбее, причем везде просветители активно сотрудничали с англичанами, которые под их влиянием издали законы против сати, в защиту гражданских браков и т. п.

Рост влияния англичан и европейской культуры на образованных индийцев протекал на общем фоне усиления в стране позиций колониального капитала и соответствующих изменений в ее экономике. Заметный уже в начале XIX в. и не прекращавшийся на протяжении последующих десятилетий быстрый рост английского промышленного экспорта в Индию способствовал резкому увеличению индийского экспорта в Англию и другие страны Европы. Из Индии вывозились хлопок, шерсть, джут, чай, кофе, опиум и особенно индиго и пряности. Для обеспечения быстрого увеличения количества вывозимого сырья англичане активно создавали плантационные хозяйства капиталистического типа. К традиционным статьям индийского экспорта прибавлялись все новые, включая и зерно, – при всем том, что время от времени Индию сотрясали страшные неурожаи, сопровождавшиеся голодной смертью миллионов.

Здесь важно заметить, что представления о разрушении индийской общины уже чуть ли не в середине XIX в. явно преувеличены. Несмотря на трансформацию сельского хозяйства, на введение новых культур и плантационной формы их выращивания, а также на изменения в формах собственности на землю и переход части ее в руки торговцев и ростовщиков (к слову это было обычным делом и в старой Индии), община держалась достаточно стойко и более или менее удачно приспосабливалась к необходимым и неизбежным переменам, пока они не затрагивали всерьез самого основного, т. е. принципов ее существования, привычных, веками складывающихся отношений. Британская администрация в общем это хорошо понимала и – особенно после восстания конца 50-х годов – всегда учитывала. И хотя ей не удавалось предотвратить массового голода и голодных смертей в годы неурожаяев (это характерно для всех колониальных государств: в отличие от традиционных органов власти, которые в голодные годы освобождали крестьян от налогов и предоставляли им льготы, капиталистическая администрация в чужой стране была как бы свободна от такого рода благотворительного милосердия), в целом она стремилась защищать интересы крестьянина, так как существовала за счет его выплат: земельный налог и монополии на опиум и соль давали в середине XIX в. 85% дохода.

Но главные изменения в сфере экономики происходили все же не за счет возросшей торговли и увеличения товарности земледелия. Наиболее важное значение для трансформации хозяйства имело промышленное развитие Индии и стимулировавший его характерный для периода империализма вывоз капитала. Вначале он шел преимущественно в форме займов: британская администрация прибегала к помощи английских банкиров для активного строительства железных дорог, для создания добывающих и перерабатывающих первичное сырье предприятий, для ирригационного строительства. Наряду с государственными займами (их общая сумма за 1856–1900 гг. выросла с 4 до 133 млн. ф. ст.) увеличивался и приток частного капитала, использовавшегося преимущественно для развития хлопчатобумажной и джутовой промышленности, банковского и страхового дела, позже также и промышленного производства чая и каучука, кофе и сахара. В начале XX в. английские капиталы в Индии (речь о частных инвестициях) достигали 6 – 7 млн. рупий. Характерно, что преобладали компании, зарегистрированные в Англии и лишь вкладывавшие часть своего капитала в Индии, тогда как доля индийских компаний, принадлежавших как англичанам, так и самим индийцам, была чуть ли не втрое меньше.

Строительство железных дорог и создание начальной промышленной инфраструктуры – сеть банков, предприятий связи, плантаций и т. п. – способствовали возникновению многочисленных национальных промышленных предприятий, включая ремесленное производство на предприятиях мануфактурного типа, что привело к возрождению ручного ткачества. В 90-х годах кустарями перерабатывалось в 2,5 раза больше хлопчатобумажной пряжи, чем на фабриках, а всего кустарно-ремесленными промыслами занимались, включая членов семей, около 45 млн. человек. Но главное было все-таки не в возрождении ремесла.

Импорт британских и иных европейских машин, прежде всего прядильно-ткацких, создавал условия для появления в Индии капиталистических предприятий, фабрик и заводов, причем по меньшей мере треть акционерного капитала здесь в конце XIX в. уже принадлежала индийцам. Возникла национальная буржуазия. Отдельные ее представители становились в ряды крупных предпринимателей, основывали собственные фирмы. В 1911 г. в Бихаре Тата построил первый принадлежавший индийцу металлургический завод немалой мощности, а в 1915 г. была создана принадлежавшая его фирме гидроэлектростанция. В 1913 г. в Индии было 18 крупных индийских банков.

Появились и первые индийские рабочие: к концу XIX в. численность их составляла 700–800 тыс. Условия труда были очень тяжелыми, рабочий день продолжался 15–16 часов. И хотя принадлежность к различным народам и кастам мешала объединению рабочих, высокая степень концентрации их на ряде крупных предприятий способствовала активизации рабочего движения: в конце XIX в. количество рабочих выступлений, преимущественно в форме стихийных стачек, исчислялось десятками. Эти выступления привели к появлению фабричного законодательства: в 1891 г. было запрещено использовать на фабриках труд детей до 9 лет, длительность рабочего дня понемногу сокращалась (в начале XX в. до 12–14 часов).

Итак, активная торговля, вывоз английского банковского и промышленного капитала, формирование национального индийского капитала, появление национальной буржуазии и пролетариата, развитие сети железных дорог, добывающих промыслов и промышленных предприятий – все это не могло не деформировать привычную традиционную структуру земледелия и ремесла. Новые, базирующиеся на капиталистической основе интересы должны были взорвать изнутри отношения традиционные.

К этой перемене была внутренне готова и ориентированная на Англию и европейские ценности образованная часть населения, энергично выступавшая против устаревших пережитков и за реформу традиционных основ религиозной культуры. Выразителем интересов этой индийской интеллектуальной элиты стал созданный в 1885 г. с благословения англичан Национальный конгресс. Будучи одновременно и лояльным, и оппозиционным по отношению к английским властям, Индийский национальный конгресс (ИНК) стал своего рода знаменем борьбы за демократическую трансформацию традиционной Индии. Параллельно с ним в те же годы активно действовали и религиозные лидеры индуизма, стремившиеся сблизить древний индуизм Веданты с христианскими религиозными течениями и выступить, как это сделал знаменитый Вивекананда, за сближение всех великих религий мира.

Светское (ИНК) и религиозное движения за обновление Индии явно способствовали усилиям англичан, направленным в сторону трансформации традиционной структуры. Могло показаться, что эти усилия вот-вот увенчаются заметными успехами. Между тем на деле все было далеко не так просто.

Сопrotивление трансформации

Традиционная «азиатская» структура Индии, вызвавшая к жизни феномен мощного народного восстания, равного которому история Индии до того не знала, отнюдь не перестала сопротивляться колониальной трансформации. Будучи вынужденной приспособляться к меняющимся обстоятельствам, она вырабатывала все новые и новые формы сопротивления чуждому ей колониальному капитализму со всеми свойственными ему западными идеями, идеалами, институтами и принципами жизни. В чем конкретно это проявлялось?

Прежде всего во все возрастающем количестве крестьянских движений. Одни из них носили традиционный характер религиозно-сектантских выступлений, как движение «Намдхари» в Пенджабе во главе с Рамом Сингхом в 60 – 70-е годы. Другие, как восстание во главе с В. Пхадке в Махараштре в 1879 г., выступали за снижение налогового гнета и против засилья ростовщиков. Третьи, как восстание в Мадрасе в 1879–1880 гг., были направлены против всевластия откупщиков. Но во всех этих, как и во многих иных аналогичных крестьянских движениях четко видно Главное их социальное содержание: крестьяне выступали против нарушения привычной нормы существования, против злоупотреблений со стороны власть имущих, что было чревато заметным снижением уровня жизни. При этом весьма

характерно, что все эти и аналогичные им движения прямо либо косвенно были антианглийскими и антиколонизаторскими. Неудивительно, что они подавлялись английскими войсками.

Другим существенным проявлением сопротивления структуры было недовольство индийских верхов из числа привилегированной аристократии. Основная часть князей после обещаний английской короны сохранить их привилегии стала лояльной по отношению к колонизаторам. Но были и исключения. Например, в 1891 г. в Манипуре регент-правитель княжества выступил против англичан. И хотя это выступление было подавлено, а управление княжеством передано в руки более покладистых аристократов, сам по себе факт знаменателен, особенно если сопоставить его с то и дело вспыхивавшими восстаниями различного рода племен, преимущественно в пограничных районах (движения племен возглавляли племенные вожди с весьма заметными антианглийскими настроениями).

Восстания недовольных низов и выступления фрондирующих аристократов отражали сопротивление старой структуры. Но эти выступления были ослаблены соответствующей политикой англичан, предвидевших возможность такого рода оппозиции (отнюдь не случайны реверансы короны в адрес князей, как и защита крестьян-арендаторов от произвола заминдаров и давления ростовщиков). Кроме того, XIX век проходил в основном под знаком сравнительно успешного внедрения европейских идей и норм существования. Ориентация на английскую культуру и науку, на европейские ценности пока еще совпадала с признанием собственной отсталости, со своего рода комплексом неполноценности, особенно остро ощущавшимся образованной частью индийцев. Однако именно среди этих последних в конце XIX в. появилась весьма влиятельная прослойка активных деятелей, склонных к переоценке ценностей и к отказу от упомянутого комплекса. Эта прослойка была весьма разной по характеру и направленности действий, но именно ее деятельность так или иначе отразила сопротивление традиционной структуры колониальной ломке.

Прежде всего это были религиозные учения. Общество «Арья самадж», основанное Д. Сарасвати в Гуджарате в 1875 г., призывало вернуться к ведическим принципам жизни древних ариев. Не выступая прямо против англичан и даже пропагандируя некоторые весьма прогрессивные взгляды, направленные, скажем, против кастового неравенства, сторонники этой массовой организации вместе с тем делали явственный акцент на то, что только возврат к национально-религиозным традициям может оздоровить Индию и способствовать ее возрождению. Аналогичную позицию заняли и многие другие религиозно-реформаторские и просветительские движения, включая и мусульманские. Связь многих из них с нарождавшейся индийской буржуазией и с прогрессивной интеллигенцией несомненна. Но характерен сам освободительный пафос: не вперед за англичанами, а назад, к истокам! Этот новый акцент был естественным следствием стремления к усилению позиций индийцев в управлении страной и решении ее судеб. Но он же объективно был и проявлением сопротивления традиционной структуры колониализму.

Едва ли не наивысшим взлетом в оппозиционных англичанам движениях была активизация радикального национализма, связанная в конце XIX и начале XX в. с именем Б. Тилака (1856–1920). Именно Тилак начал открытую борьбу с господством колонизаторов. Апеллируя то к национальному герою маратхов Шиваджи, то к мифическому божееству Ганеше, Тилак стремился открыто противопоставить англичанам традиционные ценности Индии и черпать именно в них силу для борьбы с колонизаторами. Экстремизм Тилака снискал ему репутацию «левого» и «крайнего», особенно по сравнению с умеренным либерализмом лидеров Национального конгресса, в котором он занял крайние националистические позиции. В конгрессе Тилак вел постоянную борьбу с умеренными, а в 1908 г. английский суд даже приговорил его к шести годам заключения за попытки «разжигания ненависти и неуважения к властям, недовольства против правительства». Следует заметить, что рабочие Бомбея вступились за своего признанного вождя, проведя шестидневную забастовку – по дню за каждый год заключения. Это была едва ли не первая политическая стачка такого масштаба в Индии. Однако в целом движение «крайних» во главе с Тилаком всенародного признания не получило. Между тем англичане вскоре сделали еще один шаг по пути привлечения индийцев к управлению Индией: по акту о законодательных советах, принятому парламентом в 1909 г., в

провинциальных советах большинство становилось теперь выборным, а во Всеиндийском законодательном совете половина членов должна была быть избранной. Впрочем, параллельно с этим в 1910 г. был принят закон о печати, дававший право колониальной администрации закрывать, конфисковывать или штрафовать индийские издания, содержащие антиколониальные призывы.

Разумеется, было бы примитивным упрощением все антиколониальные силы, движения и выступления рассматривать только с позиций сопротивления традиционной структуре новому. Многие индийские политические деятели, особенно связанные с Национальным конгрессом, отнюдь не призывали к возрождению традиций, хотя и опирались на их поддержку. Они стремились к достижению независимости Индии, к ее самоуправлению. Именно в этом смысле были в начале XX в. выдвинуты и получили в Индии широкое распространение и признание лозунги *свадешти* (отечественное производство) и *сваджай* (собственное правление), а также связанный с недовольством политикой вице-короля Керзона призыв к бойкоту английских товаров⁴⁰. Однако за лозунгами самоуправления, за призывами к бойкоту отчетливо выделась не только национальная, но и национально-религиозная традиция – традиция сопротивлявшаяся, реально поддерживавшаяся многими, в первую очередь крестьянами, которые активного участия в политической жизни обычно не принимали, но косвенно всегда на нее очень влияли.

Собственно, именно эта крестьянская масса, все еще жившая по законам старины традиционная индийская община, и была той самой структурой, которая не хотела быть сломленной и пусть пассивно, но стойко сопротивлялась колониализму и связанным с ним новшествам. Конечно, община не оставалась непробиваемой. Многие из числа беднейших ее членов вербовались в качестве кули на плантации в далеком Ассаме или еще где-либо. Другие уходили в города, создавая огромную армию резервной рабочей силы. Однако на смену ушедшим рождались новые (рост населения в Индии за последнее столетие, несмотря на миллионы вымиравших от голода, был всегда достаточно ощутим), а община в целом за их счет возрождалась и принимала традиционные формы. Опирались же крестьянская община, как и традиционная структура Индии в целом, на систему каст и все связанные с ней привычные нормы жизни. И наконец, нельзя сбрасывать со счетов законсервировавшиеся в своем прежнем статусе сотни индийских княжеств, где все было организовано по привычным нормам старины. Одним словом, традиционная структура с трудом подвергалась трансформации.

Если представить ситуацию более наглядно, то Индия разделилась как бы на две части. В городах шел более или менее активный процесс наращивания нового (капиталистического, по европейскому стандарту) качества, особенно в тех, что находились под прямым управлением короны; в княжествах этот же процесс шел значительно медленнее, а кое-где вообще почти не был ощутим. Что же касается деревни, то она была мало им затронута и обычно откупалась от него традиционным способом, т. е. налогами и выделением незначительной части крестьян для отработок вне общины. Практически же вторая часть – деревенская община и многие небольшие города, особенно в княжествах, равно как и княжества в целом с их придворной жизнью и традиционно сохранявшимися отношениями, – заметно противостояла первой и часто была оплотом всех тех движений и течений, которые выступали против новшеств, против англичан, против колониализма и за возрождение национальных основ жизни, политической самостоятельности Индии. Волей-неволей, но и многие радикальные деятели Индии, отражавшие интересы городских слоев ее населения, национальной буржуазии или пролетариата, вынуждены были в своей антианглийской борьбе опираться именно на эту традиционную основу, ибо без нее они не имели бы массовой поддержки и были бы легко сброшены со счетов политической борьбы.

Стойкое и даже со всей очевидностью нарастающее сопротивление трансформируемой индийской традиционной структуры с ее общиной и кастовым строем, с ее пышными княжескими дворами и привилегиями реально ощущалось колониальными властями. И хотя

⁴⁰ Керзон в 1905 г. предпринял раздел Бенгалии на две части, что вызвало резкие протесты местного населения, дало толчок росту недовольства во всей Индии и через несколько лет было отменено.

они контролировали положение в стране в целом, серьезное беспокойство побуждало их искать выход. Этот выход был подсказан самой жизнью. Речь идет об индо-мусульманских различиях и противоречиях.

Со времен Великих Моголов противоречия как-то сглаживались. Индийцы привыкли к тому, что мусульманские правители управляют страной, что у них есть определенные социально-политические и социально-экономические привилегии. Однако после восстания сипаев, в котором наиболее заметное участие приняли именно недовольные потерей привилегий представители мусульманской верхушки, выяснилось, что англичане в своей администрации допустили явный перекосяк. Исправляя его, они стали уделять подчеркнутое внимание интересам индийских мусульман. В 1906 г. при активной поддержке властей в стране была создана Мусульманская лига, призванная сплотить мусульман. Было также введено голосование по куриям, одной из которых была мусульманская, что ставило своей целью разделить образованную часть населения, выборщиков, по религиозному принципу. И хотя на первых порах, в том числе накануне и в годы первой мировой войны, Национальный конгресс и Мусульманская лига нередко действовали совместно, особенно в борьбе за независимость страны, зерна национально-религиозной розни были уже посеяны. Мало того, они вскоре начали давать свои первые зловещие всходы.

Национальный конгресс и борьба за независимость Индии

Революционные события в России в 1917 г. были с энтузиазмом восприняты индийскими революционерами. Некоторые из них посещали Советскую Россию, встречались с Лениным. В начале 20-х годов в Индии возникли профсоюзы, была создана коммунистическая партия Индии. Следует, однако, сразу же заметить, что революционная струя в индийском национально-освободительном движении не была ни основной, ни даже имевшей значительное влияние на массы. Это и неудивительно. Общинно-кастовая деревня и даже быстрыми темпами трансформировавшийся индийский город не воспринимали идеи, призывавшие к восстанию, тем более к насильственному свержению существующего строя. Идеи ненасилия были традиционно гораздо ближе индийцу, чем призывы к радикальным действиям, ибо религиозная концепция кармы веками направляла социальную активность индивида в русло его личного самоусовершенствования, но никак не на баррикады. Однако существенно обратить внимание на то, что значительная часть индийских революционеров отличалась склонностью к мессианской идее с присущими ей радикализмом и нетерпимостью, что сыграло свою роль в появлении на арене политической жизни страны таких явлений, как, казалось бы, противный традиционному индуизму терроризм. Разумеется, радикалы не имели массовой поддержки. Иное дело – действовавший медленно, но неуклонно стремившийся к поставленной цели и, главное, умело учитывавший реалии традиционной общиннокастовой Индии Национальный конгресс.

В послевоенный период к руководству Конгрессом пришел ставший его признанным лидером М.К. Ганди, чья доктрина, в основе которой лежала идея сатьяграхи, т. е. ненасильственного неповиновения и сопротивления, стала теперь официальной идеологией организации («гандизм»). Здесь следует заметить, что усиление деятельности и влияния Конгресса в годы войны побудило англичан сделать еще один шаг по пути предоставления Индии ограниченного самоуправления. Принятый в 1919 г. парламентом закон усилил значение выборных Законодательных собраний при вице-короле и губернаторах провинций и предоставил индийцам право занимать второстепенные министерские посты в системе колониальной администрации. Правда, одновременно с этим был принят закон Роулетта, направленный против «антиправительственной деятельности». Ганди был одним из наиболее резких и непримиримых противников этого закона и по его призыву в 1919 г. по Индии прокатилась волна протестов в форме харталов (закрытия лавок, т. е. прекращения деловой активности). В том же 1919 году в Амритсаре колониальные власти, следуя букве нового закона, хладнокровно расстреляли митинг протеста (было убито около тысячи участников, еще две тысячи ранено). Амритсарская бойня вызвала мощную кампанию протеста в стране. На волне этого протеста Ганди решил провести свою первую всеиндийскую акцию гражданского

неповиновения, сводившуюся к массовому бойкоту всего английского – товаров, учебных заведений, судов, администрации, выборов и т. п. Проходившая в форме митингов, харталов, демонстраций кампания сыграла важную роль в формировании и сплочении общеиндийского национального движения, что содействовало превращению Конгресса в массовую организацию, насчитывавшую миллионы сторонников и многие десятки тысяч активистов-волонтеров. В начале 1922 г. кампания была приостановлена, ибо некоторые кровавые эксцессы показали, что движение выходит из-под контроля Конгресса с его принципом ненасильственных действий. Наступил довольно длительный период реакции.

На протяжении 20-х годов при явном поощрении колониальных властей оживилась деятельность Мусульманской лиги. В качестве противостоявшей ей религиозной организации правоверных индуистов получила довольно широкое признание Хинду махасабха, на съезде сторонников которой в 1925 г. предлагалось даже чуть ли не насильно обратить в индуизм всех индийских мусульман. Религиозный раскол, грозивший превратиться в конфликт, вызвал озабоченность руководителей Конгресса. Стала вновь пересматриваться программа его деятельности. Немалого влияния в Конгрессе добились соперничавшие с Ганди «свараджисты», которые во главе с М. Неру выступали против массовых кампаний неповиновения, считая главным завоевать места в Законодательных собраниях и влиять на колониальную администрацию при помощи официальных законодательных процедур.

В 1928 г. Мотилал Неру представил Конгрессу проект будущей конституции Индии, предусматривавший предоставление ей статуса доминиона. Отказ англичан принять во внимание этот проект послужил поводом для начала второй кампании гражданского неповиновения, протекавшей на сей раз в условиях острого мирового экономического кризиса и связанного с ним роста недовольства масс, подъема массовых движений. В январе 1930 г. Конгресс провел в стране подготовку к назначенному на 26-е число Дню независимости Индии, а в марте Ганди опубликовал «11 пунктов», содержащих требования к английским властям об освобождении политических заключенных и создании более благоприятных условий для развития национальной экономики. Отказ вице-короля и был формальным поводом для начала новой кампании, в ходе которой Ганди лично возглавил поход своих сторонников к берегу Аравийского моря с целью начать там выпаривать соль и тем демонстративно нарушить монополию властей по добыче соли. В мае Ганди и его сторонники были арестованы, но вслед за этим по всей стране начались массовые выступления, в том числе и восстания крестьян и пограничных племен. Англичане вступили в переговоры с лидерами Конгресса, в результате чего было достигнуто соглашение о прекращении кампании при условии отказа властей от репрессий и амнистии участникам движения, кроме тех, кто был замешан в насильственных действиях.

В сентябре 1931 г. в Лондоне лидеры Конгресса на конференции «круглого стола» решительно потребовали самоуправления и статуса доминиона для Индии. Неудача переговоров была использована Ганди как повод для новой кампании гражданского неповиновения, на сей раз в форме гражданского несотрудничества преимущественно индивидуального характера. В 1932 г. Ганди выступил за предоставление гражданских прав и представительства индийским «неприкасаемым» (он начал именовать их хариджанами, «божьими людьми»). Тем временем внутри самого Конгресса усилились позиции левого крыла, возглавлявшегося молодыми его лидерами – С.Ч. Босом и Д. Неру. В 1936 г. Джавахарлал Неру был избран президентом Конгресса. Именно он наиболее резко выступил против предложенной англичанами Индии в 1935 г. конституции, которая была тем не менее еще одним существенным шагом на пути к конечной цели. Проведенные на ее основе выборы принесли в начале 1937 г. победу Конгрессу: в 8 из 11 провинций страны кабинеты министров были теперь сформированы конгрессистами. Конгресс развернул огромную политическую работу и во всех княжествах, где создавались союзы, партии, проводились харталы. Немалую активность стала проявлять и Мусульманская лига, представители которой сформировали кабинеты в трех провинциях и имели ощутимое влияние в ряде княжеств.

В октябре 1939 г., вскоре после начала второй мировой войны, Конгресс пообещал свое сотрудничество с Англией при условии создания в Индии ответственного национального правительства и конституционного устройства страны по решению Учредительного собрания.

Метрополия устами вице-короля в январе 1940 г. предложила Индии после войны статус доминиона при сохранении ответственности Англии за оборону Индии на протяжении 30 лет. Конгресс не принял этого предложения, но и не настаивал на жесткой оппозиции. Положение его в самой Индии осложнилось, во-первых, тем, что Мусульманская лига в 1940 г. официально предложила разделить Индию на два государства, индусское и мусульманское (Пакистан), и, во-вторых, потому, что в результате внутренней борьбы лидер левых конгрессистов С.Ч. Бос спровоцировал раскол Конгресса, а затем выступил с резко антианглийских позиций, создав в Бирме прояпонскую «индийскую национальную армию», воевавшую с английскими войсками. Тем не менее в конце 1940 г. Ганди объявил очередную кампанию гражданского неповиновения – снова в форме индивидуальных протестов и несотрудничества.

В 1942 г. Англия в лице ее министра С. Криппса дала свое согласие на созыв после войны Учредительного собрания, но оговорила при этом право отдельных провинций и княжеств на создание самостоятельных доминионов империи, что было явным намеком на согласие с предложением Мусульманской лиги о расколе Индии. Конгресс не принял этих предложений и решительно потребовал немедленного предоставления Индии независимости. В августе 1942 г. была начата массовая кампания несотрудничества, итогом которой был арест Ганди и других лидеров Конгресса, которые были освобождены лишь в мае 1944 г. На переговорах вице-короля с лидерами Конгресса и Мусульманской лиги в Симле летом 1945 г. англичане согласились создать ответственный перед короной и парламентом в Лондоне Всеиндийский исполнительный совет (кабинет министров), но при условии формирования этого совета не по политическому, а по религиозному принципу. Это было отвергнуто обеими партиями. А вслед за тем в стране начались массовые антианглийские выступления, затронувшие армию и флот; частично они были связаны с судом над руководителями прояпонской «индийской национальной армии», которая в Бенгалии пользовалась влиянием и широкой поддержкой населения.

Выступления и общая ситуация в стране вели к тому, что весной 1946 г. лейбористский кабинет К. Эттли объявил о предоставлении Индии статуса доминиона и выборах с разделением избирателей на две курии, индусскую и мусульманскую. На выборах каждая из крупных партий выдвигала своих кандидатов в обеих куриях, но в основном мусульмане побеждали в мусульманской, индусы – в индусской. Всего в провинциальных законодательных собраниях Конгресс получил 930 мест. Мусульманская лига – 497. В августе 1946 г. Д. Неру сформировал по поручению вице-короля Исполнительный совет, в который представители Лиги отказались войти. По их призыву в стране начались индо-мусульманские столкновения. Одновременно в разных частях страны вспыхнули массовые народные движения, в том числе и в княжествах, например В.Хайдарабаде. Дни колонизаторов были сочтены. Оставался лишь вопрос, что будет с Индией, когда они уйдут. Летом 1947 г. англичанами был предложен план Маунтбеттена, суть которого сводилась к разделу Индии на два доминиона. Конгресс и Лига согласились с ним, и осенью 1947 г. он стал законом, принятым парламентом. Время Британской Индии кончилось. На смену ей пришли независимые Индия и Пакистан.

Нет никаких сомнений в том, что успеху в борьбе за независимость способствовали многие факторы. Это и очевидные экономические сдвиги в стране, включая выход на авансцену хозяйственной и политической жизни национальной буржуазии; это и подъем национального самосознания, основными носителями которого были образованные слои населения, прежде всего индийская интеллигенция, студенческая молодежь; это и становившееся все более затруднительным положение колонизаторов, которые в изменяющихся условиях не могли более рассчитывать на сохранение своего политического господства, державшегося на авторитете силы. Безусловно, важную роль сыграли и международные политические обстоятельства в период второй мировой войны и первые послевоенные годы. Но заслуживает внимания в свете всего сказанного и стратегическая линия лидеров Конгресса во главе с Ганди: в условиях традиционной структуры расчлененной на разные народы, государства и касты великой страны с ее весьма необычной цивилизацией и системой этических, социальных и духовных ценностей именно конгрессисты, в частности гандисты, сумели выработать наиболее адекватный реалиям курс на ненасильственное сопротивление. Насилия же, сопровождавшиеся время от времени бурными политическими схватками, экстремистскими акциями, прямыми

восстаниями и иными проявлениями, как бы оттеняли ненасильственное сопротивление и придавали ему даже некий внутренне зловещий для колонизаторов смысл (нельзя доводить до крайностей!). Возглавленное конгрессистами и Ганди движение все время набирало силу и в конечном счете поставило колонизаторов, делавших ему уступку за уступкой, перед дилеммой: либо дать Индии независимость и сохранить с ней веками налаженные связи, либо рисковать быть выброшенными за ее пределы в результате мощного взрыва.

Конечно, англичане всячески стремились оттянуть момент возможного взрыва и даже погасить его, направить энергию страны и народа в иное русло – прежде всего в национально-религиозные конфликты. Но и этот шаг сулил не столько политический успех, сколько взрыв огромной силы, к тому же сопровождаемый выходящими из-под контроля страстями. Словом, в Индии в первые послевоенные годы создавалась для англичан критическая ситуация. И иного выхода, кроме предоставления независимости великой стране, у них не было. Политический накал был настолько сильный, что расчленение страны на две части оказалось чуть ли не оптимальным решением, при всем том, что реализация этого на практике стоила жизни миллионам людей. В заключение можно упомянуть и о том, что вторая мировая война привела к крушению колониализма в ряде стран, особенно в Юго-Восточной Азии, и это обстоятельство также не могло не оказать своего воздействия на общий ход событий.

Глава 3 Островной мир юга Азии в период колониализма

Колонизация этой части Азии была основной целью европейцев с эпохи Великих географических открытий, так как именно здесь, в странах южных морей, выращивались те самые экзотические продукты, прежде всего пряности, стремление завладеть которыми было стимулом для колонизаторов. Судьба стран островного мира, от Цейлона до Филиппин, несмотря на разницу в условиях и уровне жизни местного населения, в степени экономического развития, была в известном смысле общей, однотипной: все они очень рано начали превращаться в колонии, стали объектом ожесточенной политической борьбы, внутренних неурядиц, колониальной экспансии, а подчас и неэквивалентного обмена. Богатые ресурсы, источником которых была щедрая природа, ставились на службу колонизаторам – для них прежде всего под контролем и при помощи местных контрагентов из числа привилегированной прослойки управителей выращивались необходимые продукты. Дешевый труд местного населения, основанный как на традиционных, так и на раннекапиталистических плантационных формах принудительного его использования, гарантировал европейским колонизаторам высокие прибыли. И этот уровень гарантированной прибыли в сочетании с рядом других обстоятельств, не в последнюю очередь с особенностями образа жизни в тропиках, существенно замедлял развитие колонизованного островного мира.

Если в Британской Индии по меньшей мере с XIX в. была заметна определенная внутренняя трансформация – выход на передний план промышленного освоения страны, включая строительство крупных предприятий и развитие инфраструктуры (железные дороги и т. п.), то на островах процесс подобного рода шел очень медленно. Зато здесь на первое место выходило развивавшееся плантационное хозяйство, основанное на полукапиталистических-полурабовладельческих методах использования законтрактованных рабочих, которых обычно именовали китайским термином кули, ибо на начальном этапе плантационной контрактации китайцы составляли значительную долю завербованных. Осваивавшие производство многих новых и высоко ценившихся в Европе культур (кофе, чай, табак, каучук, сахар и др.) плантационные хозяйства долгое время были в странах островного мира чем-то вроде эквивалента местной промышленности, и это не могло не оказать сдерживающего влияния на развитие соответствующих стран, сильно отставших в упомянутом смысле от той же Британской Индии.

Голландская Индия (Индонезия)

Колониальная экспансия на островах Индонезии была начата в XVI в., как упоминалось, португальцами, установившими контроль на международных морских путях и создавшими на побережье многих островов свои форпосты, с помощью которых они пытались монополизировать торговлю пряностями. Португальское господство в Индонезии продолжалось, Однако, недолго. На рубеже XVI–XVII вв. здесь укрепились голландцы, а с середины XVII в. монополия голландской Ост-Индской компании на торговлю пряностями и вообще на всю индонезийскую международную торговлю стала практически общепризнанной. Как то было и в Индии, голландская Ост-Индская компания быстро и достаточно энергично расширяла и свой политический контроль в стране, захватывая одни территории и ставя в вассальную зависимость от себя правителей других. Голландцы не только монополизировали торговлю пряностями, но и регулировали объем производства экспортировавшейся ими продукции, не останавливаясь перед уничтожением плантаций, если быстро возраставшее количество драгоценных экспортных продуктов грозило снижением цен на них.

Господство колонизаторов, ведущее к насильственной ломке привычного образа жизни и к жестким методам эксплуатации труда, не могло не вызывать протеста. Уже в XVII в. это нашло свое выражение в ряде массовых политических движений, внешне принимавших форму династийной борьбы, но по сути бывших естественным сопротивлением традиционной структуры вмешательству со стороны колонизаторов (восстания на Яве под руководством Трунуджайи в 1674–1679 гг., Сурапати в 1683–1706 гг.). В середине XVIII в. голландцы попытались искусно направить недовольство яванского населения в антикитайское русло – против китайских эмигрантов, успешная экономическая деятельность которых раздражала яванцев и мешала Ост-Индской компании. Следствием расправы над хуацяо было, в частности, массовое выселение беднейшей их части в качестве кули на контролировавшиеся теми же голландцами колониальные плантации на Цейлоне и даже в далекой Южной Африке.

С XVIII в. голландская Ост-Индская компания начала слабеть и приходить в упадок. Расцветавшая контрабанда, равно как и коррупция среди служащих компании, приводили к увеличению экспорта, падению цен на пряности и соответственно доходов компании. Немалых денег стоила политическая борьба, приведшая в середине XVIII в. к гибели государства Матарам. Конец XVIII в. принес с собой еще и военно-политические осложнения, связанные с событиями в Европе (наполеоновские войны). В 1800 г. компания была ликвидирована, а вскоре вслед за этим Индонезия на несколько десятилетий оказалась под властью Англии, ведшей войну с Наполеоном и с союзной с ним Батавской (на территории Нидерландов) республикой.

Захват англичанами голландских колоний в Индонезии в 1811 г. привел к ряду реформ, ставивших своей целью создать благоприятные условия для проникновения в Индонезию частного капитала, в том числе английского. Однако упразднение монополий и налоговые реформы не привели к заметному изменению положения, во всяком случае с точки зрения промышленно-торгового освоения Индонезии частным европейским капиталом. Возврат Индонезии под власть Голландии в 1824 г. и последовавшее вслед за тем восстание Дипо Негоро под лозунгами исламского джихада (1825–1830) побудили голландскую колониальную администрацию пересмотреть принципы своего экономического господства. Отказавшись от чересчур жестких форм налогового и иного гнета, власти перешли к системе принудительных культур, смысл которой сводился к тому, что крестьяне были обязаны пятую часть своей земли (наиболее приспособленную для этого, т. е. лучшую) обрабатывать под выращивание закупавшихся колонизаторами культур, тогда как все остальные земли община могла традиционно использовать для своих нужд, прежде всего для производства необходимого ей продовольствия. Система оказалась достаточно эффективной для голландцев, обеспечив им устойчивый доход. Но для развития Явы она была, по сравнению с реформами англичан, шагом назад, ибо консервировала отсталые методы ведения хозяйства и препятствовала тем самым экономическому развитию страны.

Введение системы принудительных культур заметно усилило позиции голландских властей в Индонезии, что позволило им приступить к колонизации других крупных индонезийских островов, в первую очередь Суматры и Борнео. Именно эти захваты и привели в

конечном счете к колонизации голландцами почти всей Индонезии. Наиболее трудным для них делом оказалась война с султанатом Аче в Суматре, которая длилась около 30 лет (1873–1904), сопровождалась мощным народным сопротивлением в форме массового партизанского движения, но все же завершилась гибелью султаната. Успешные военно-политические захваты укрепили позиции Голландии в Индонезии и позволили ей отказаться от системы принудительных культур. Серия законов в 70–80-х годах XIX в. создала условия для проникновения на острова частного капитала. Здесь, в первую очередь на Яве, стали возникать промышленные предприятия по обработке сельскохозяйственной продукции (кофе, чай, какао, каучук и др.), строиться железные дороги, создаваться банки, расширяться разведка недр. На промышленную основу были поставлены добыча олова, угля и особенно нефти, торговля которой заложила базу для процветания основанной в 1907 г. известной англо-голландской компании Ройял Датч-Шелл.

Вся первая половина XX в. прошла под знаком дальнейшего укрепления позиций европейского монополистического капитала. Рост добычи олова, нефти, производства каучука – все это закладывало основу для процветания европейских капиталистов в Индонезии. Немалую роль в экономике страны стала играть и влиятельная прослойка китайских хуацяо, державших в своих руках значительную долю торговли, основывавших мелкие и средние промышленные предприятия, банковские конторы. Доля же национальной индонезийской буржуазии была незначительной и росла очень медленно – этим голландская Индия существенно отличалась от английской. Неудивительно, что тем большей была роль образованных слоев населения, индонезийских интеллигентов, в борьбе за национальное освобождение. В этой борьбе радикальные представители индонезийского общества в известной мере опирались на национально-религиозные традиции. Стоит также заметить, что сила и революционный потенциал рабочих были в Индонезии намного заметнее, чем в Индии. Профсоюзы и весьма боевая компартия страны действовали достаточно активно, несмотря на запреты и преследования, чему в немалой мере способствовала и иная, чем в Индии, общая религиозная ситуация, генеральный импульс которой способствовал боевому сплочению людей, а не их разъединению.

Дело в том, что, хотя религиозным фундаментом Индонезии был мощный многовековой пласт индуизма (откуда и название страны), уже с XVI в., после крушения империи Маджапахит, здесь началось победоносное шествие ислама. Может показаться, что общая ситуация аналогична той, что была и в Индии: на традиционную индуистскую основу наложился ислам. На деле, однако, все было совершенно иначе. В Индонезии не было системы каст, которая укрепляла индийский индуизм и позволяла ему устойчиво и успешно сопротивляться исламизации. Вследствие этого структурно ослабленный индуизм здесь сравнительно легко отступил на задний план и был очень быстро заменен исламом (за век-два, буквально на глазах колонизаторов). 90% современного населения Индонезии считается мусульманами. Ислам же как религия основан на сплочении людей на религиозной основе (мусульманская умма), а свойственная ему идея религиозного равенства, да еще в сочетании с принципом воинствующего прозелитизма, в определенных условиях может стать благоприятной основой для пропаганды активных революционных действий как таковых, без религиозной их оболочки, что и стремилась в свое время осуществить имевшая в народе популярность компартия страны.

Существенно, однако, обратить внимание и на другую сторону сложной проблемы религиозно-цивилизационного фундамента Индонезии. Если, во-первых, как только что было сказано, индуизм в этой стране был не чета индийскому, то, во-вторых, не вполне типично мусульманским был и ислам. Суть проблемы в том, что, появившись в Юго-Восточной Азии сравнительно поздно и начав завоевывать заметные политические позиции в Индонезии лишь в XV в., ислам оказался здесь в несколько иной функции, чем где-либо еще, – в функции, весьма сходной с тем, что имело место в Тропической Африке. Правда, там ислам накладывался на первобытную структуру, не имевшую сколько-нибудь серьезного цивилизационного фундамента, тогда как в Индонезии такой фундамент (индуизм и буддизм) был. Но эта существенная разница лишь помогает понять, о чем идет речь: появившись в Юго-Восточной Азии, как и в Тропической Африке, не в ходе завоевания, когда вместе с носителями новой

религии заимствовалась и уже сложившаяся имманентная доктрина системы власти, ислам был сравнительно слабым, во всяком случае не стопроцентно правоверным. Имевшие низкий социальный статус горожане, ремесленники и торговцы, охотнее переходили в ислам и становились его ревностными сторонниками (так было в свое время и в Индии, причем в основном по той же причине). Но что касается крестьян, основной массы населения, то они хотя формально и становились мусульманами, на практике лишь сочетали ислам со своими прежними верованиями, представлениями и культурами, от анимизма до индуизма. Даже святая для каждого мусульманина на Ближнем Востоке пятикратная молитва не была для них обязательной и не является таковой и сейчас. Можно найти немало и иных отличий, свидетельствующих о специфике ислама в Индонезии, что не могло не сказаться на судьбах страны.

Период между первой и второй мировыми войнами был временем активной борьбы страны за независимость. Собственно, сама голландская колониальная администрация в XX в. уже вполне отчетливо сознавала, как и британская администрация в Индии, что годы ее сочтены и что лучшим выходом для нее было бы постепенное движение в сторону признания справедливости требований индонезийцев. Уже на рубеже XIX–XX вв. изменению политики способствовал новый так называемый этический курс колониальной политики. Идею обоснованную в статье Девентера «Долг чести», суть которой сводилась к тому, что столь многое взявшие в Индонезии голландцы должны теперь выплатить этой стране своего рода долг чести, выражающийся в заботе о просвещении и развитии народа, о подготовке его к самоуправлению, этот новый курс сыграл определенную роль. Пусть с неохотой, но голландцы оказались вынужденными следовать ему. В Индонезии стали открываться школы, колледжи, университеты, издаваться газеты, журналы и книги, в том числе на малайском языке, становившемся общим для всех индонезийцев. В 1916 и 1917 гг. съезд Союза ислама, наиболее массовой в то время организации в Индонезии, провозгласив себя Национальным конгрессом, предъявил колониальной администрации требование освобождения от ее опеки. Голландцы в 1918 г. создали Народный совет, который состоял из назначавшихся и избиравшихся членов, европейцев и индонезийцев, и имел право ветоировать бюджет страны. В 1927 г. доля индонезийцев в этом совете была увеличена.

Вынужденные уступки со стороны колониальных властей сопровождались усилением освободительной борьбы. Наряду с организациями исламского характера и параллельными, хотя и менее влиятельными, религиозно-ориентированными индуистскими организациями, на рубеже 20 – 30-х годов появились партии национально-демократического направления, в первую очередь Национальная партия во главе с Сукарно. Подвергавшаяся преследованиям и время от времени вынужденная реорганизовываться и менять название, эта партия в середине – 30-х годов выдвинула ряд требований национально-демократического характера, явственно противостоявших колониально-капиталистической структуре: создание общества без классов и без капитализма; независимость с учетом национальных интересов и с уважением интересов других народов; защита интересов рабочих и земледельцев и т. п. Поиски собственного пути побудили Сукарно взять кое-что из идей марксистского социализма и сочетать эти идеи с традиционными для восточного общества представлениями о всеобщем равенстве и справедливости. Объективно идеи Сукарно и программа его партии отражали сопротивление традиционной индонезийской структуры, столетиями трансформировавшейся колонизаторами, но во многом еще сохранившей свои основы, капитализму колониального типа, символу чужеземного угнетения.

Вторая мировая война положила конец голландской колониальной администрации в Индонезии, место которой заняли японцы. В 1945 г., когда исход войны был уже очевиден, в стране был создан Комитет по изучению вопроса о независимости, на пленарном заседании которого в июне с большой программной речью выступил Сукарно. Он призвал все патриотические силы объединиться в борьбе за свободу и независимость Индонезии. Капитуляция Японии послужила сигналом для провозглашения независимости Индонезии (17 августа 1945 г.). Но еще на протяжении ряда лет шла борьба индонезийцев за независимость с вторгшимися в страну и представлявшими интересы голландских колонизаторов англо-индийскими войсками (формальным предлогом для их вторжения была необходимость

разоружения находившихся в Индонезии японских армий). В ходе этой борьбы на передний план в политической жизни страны выходили все новые деятели, в том числе опиравшиеся на многочисленные мусульманские организации различного толка. Обычно они весьма консервативно мыслили и соответственно действовали. И хотя формально во главе Индонезии в конечном счете оказался избранный ее президентом радикально настроенный Сукарно, фактически ведущую роль в руководстве играли более умеренные лидеры, опиравшиеся на национально-религиозные традиции.

Шри-Ланка (Цейлон)

Освоенный португальскими колонизаторами еще в начале XVI в. остров Цейлон издревле был центром экспорта корицы, торговля которой определяла интересы колонизаторов. В середине XVII в. португальцев сменили голландцы, продолжавшие их дело. Голландская Ост-Индская компания здесь действовала в основном теми же методами, что и в Индонезии, включая систему принудительной обработки участков, засаженных коричневым деревом. В конце XVIII в. в ходе упоминавшихся уже англо-французских войн голландцев на Цейлоне сменили англичане, проводившие ряд реформ, в том числе налоговую, которая вызвала резкое сопротивление населения и вскоре частично была отменена. С 1802 г. Цейлон стал колонией, управлявшейся английским губернатором.

Начало XIX в. прошло под знаком борьбы англичан за полное господство на острове. Этому противостояло государство Канди, занимавшее центральную часть Шри-Ланки. Организованное весьма традиционно и являвшее собой едва ли не классический образец восточного государства с хорошо налаженной системой централизованной редиистрибуции, Канди длительное время сопротивлялось португальским и голландским колонизаторам, сохраняя свою независимость. В 1815 г. англичане аннексировали это государство и стали хозяевами всего острова. Аннексия спровоцировала жителей Канди на восстание, которое, однако, было подавлено колонизаторами.

С середины XIX в. главной экспортной культурой Цейлона становится кофе, а в конце этого же века – чай. На кофейных и чайных плантациях работали законтрактованные в Индии рабочие-кули, в основном южноиндийские тамилы. Индийцы-тамилы и мусульмане-мавры сосредоточили в своих руках и значительную долю цейлонской торговли, тогда как коренное население страны, сингалезцы, в этом смысле отставали – ситуация, близкая к индонезийской. Большинство рабочего класса тоже представляли собой индийцятамилы, плантационные кули, хотя постепенно формировались и иные отряды пролетариата – строители, железнодорожники, докеры и др. Преобладающей религией населения оставался традиционный буддизм, но вместе с тамилами усиливались позиции индуизма (индуисты играли заметную роль и в государстве Канди, где к тому же существовала восходящая к индуизму система каст).

Во второй половине XIX в. на Цейлоне, в немалой степени под влиянием соседней Индии, стало активно пробуждаться национальное самосознание. Появились образованные слои населения, начали издаваться газеты и книги на сингальском языке, развиваться религиозно-реформаторские идеи. В 1864 г. возникла национальная политическая организация – Цейлонская лига, требовавшая участия цейлонцев в управлении страной. Англичанами был создан Законодательный совет, часть членов которого составляли цейлонцы. На рубеже XIX–XX вв. на острове одна за другой возникали новые политические организации, выдвигавшие лозунги с требованиями самоуправления и реформ. По введенной англичанами в 1912 г. конституции число членов Законодательного совета из цейлонцев было увеличено, а после реформы конституции в 1924 г. в совете было создано выборное большинство цейлонцев. Очередная конституционная реформа 1931 г. провозгласила всеобщее избирательное право (до того практиковалось общинное представительство), а на выборах в том же году большинство мест в Государственном совете получили кандидаты Цейлонского национального конгресса – ведущей партии острова, созданной в 1919 г. и претендовавшей на формирование ответственного правительства.

Цейлонский национальный конгресс оказал колониальной администрации поддержку в годы второй мировой войны в обмен на обещание независимости после нее. В 1945–1946 гг.

шла работа над проектом конституции независимого Цейлона. Искусственная задержка с предоставлением острову статуса доминиона привела к ряду крупных национальных выступлений в 1947 г. В результате 4 февраля 1948 г. была провозглашена независимость Шри-Ланки – пока еще, до провозглашения республики в 1972 г., в статусе доминиона.

Филиппины

После потери американских владений Филиппины остались практически единственной колонией Испании, некогда огромной колониальной державы. В середине XIX в. и эта колония под нажимом обстоятельств была открыта для международного рынка и иностранного частного капитала, о чем уже говорилось. Приток иностранного капитала создал предпосылки для более активного промышленного развития страны – возникали первые предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции, строились железные дороги, оборудовались порты. Появлялись во все возрастающем количестве школы, колледжи и университеты, причем значительная часть их оставалась в ведении католической церкви. Росло число образованных людей, формировалась филиппинская интеллигенция, возникала литература на тагальском языке. Естественным результатом всего процесса было развитие национального самосознания филиппинцев, сопровождавшееся усилением антииспанских настроений в стране. Ситуация усугублялась тем, что в филиппинской деревне сохранялась огромная власть испанских землевладельцев, включая и церковь.

Революционные события в Испании в 1868 г., приведшие к низложению королевы Изабеллы, послужили толчком для развития национально-освободительного движения на Филиппинах. С одной стороны, этому содействовали реформы нового генерал-губернатора де ла Торре, проводшего ряд важных реформ, включая отмену цензуры, ограничение всеислия церкви, свободу политических акций и собраний, упразднение церковного контроля над школами. С другой стороны – отзыв Торре и замена его клерикалом и реакционером Искиэрдо, что вызвало негодование филиппинцев и спровоцировало антииспанские и антицерковные выступления (восстание в Кавите в 1872 г.). Вскоре во главе движения за национальное освобождение стал эмигрировавший в Испанию Хосе Рисаль, чей быстро ставший знаменитым и тайно распространявшийся на Филиппинах роман «Не прикасайся ко мне!», разоблачавший произвол колонизаторов и мракобесие католических монахов, сыграл немалую роль в подготовке филиппинцев к их революционному выступлению за свою независимость.

С конца 80-х годов стали одна за другой возникать национальнопатриотические организации – Испано-филиппинская ассоциация (1888), Филиппинская лига (1892) и союз Катипунан (1892), ставший вскоре одной из наиболее авторитетных и массовых организаций на Филиппинах. Именно Катипунан провозгласил лозунг вооруженной борьбы за независимость Филиппин и начал готовить страну к восстанию. Восстание началось в августе 1896 г. в условиях гонений и преследований активистов Катипунана властями. Хосе Рисаль, которому были чужды методы насилия, отказался встать во главе восстания. Несмотря на это, он был схвачен и расстрелян колониальными властями в конце того же года. К восстанию вскоре примкнули представители разных слоев населения, а во главе его стал выходец из метисов мелкий землевладелец Агинальдо.

Восстание имело успех, и в марте 1897 г. на Филиппинах была провозглашена республика, президентом которой стал Агинальдо. Однако испанская колониальная администрация, пообещавшая проведение ряда важных реформ, сумела склонить руководителя республики к переговорам, исходом которых была капитуляция Агинальдо, согласившегося эмигрировать. Неизвестно, как повернулись бы события дальше, если бы не вмешательство США, которые в апреле 1898 г. начали войну с Испанией, потребовав от нее вывода войск с Кубы и признания независимости острова. В самом начале испано-американской войны американцы уничтожили испанскую эскадру в Маниле и помогли Агинальдо и его сторонникам, образовавшим тем временем в Гонконге «патриотическую хунту», возвратиться на родину. Вскоре испанская колониальная администрация на Филиппинах была вынуждена капитулировать, а Агинальдо был провозглашен «верховным вождем нации». Однако Манила оказалась в руках американцев, и, хотя страна в том же 1898 г. была провозглашена

независимой республикой, США объявили о своем суверенитете над ней. Протесты Агинальдо не помогли, а в ходе американо-филиппинской войны 1899–1901 гг. США разгромили войска республики и заставили ее капитулировать. Принятый американским конгрессом в 1902 г. Закон о Филиппинах закрепил зависимый статус этой страны, но официально предоставил ей определенные демократические права и свободы, включая выборность органов самоуправления, создание Законодательной ассамблеи и контролировавшей ее деятельность филиппинской комиссии из американцев и филиппинцев во главе с американским генерал-губернатором.

«Демократический» колониализм США был безусловно предпочтительнее испанского. На Филиппинах с начала XX в. быстро набирала силу деятельность различных партий, профсоюзов, чему способствовали как ввоз в страну иностранного, преимущественно американского, капитала, так и сравнительно быстрый рост промышленного производства. На выборах 1907 г. большинство мест в Ассамблее – филиппинском парламенте ~ завоевала Национальная партия, выступившая с требованием независимости. Однако борьба за независимость заняла ряд десятилетий. С 1913 г. филиппинцы увеличили долю своих представителей в административных органах, но только в 1934 г. США официально обещали предоставить Филиппинам независимость через 10 лет; пока же была предоставлена автономия с собственным правительством. Когда в 1941 г. Филиппины были оккупированы японскими войсками, созданная в 1930 г. компартия оказалась одной из немногих жестко организованных партийных структур, которые сумели образовать движение Сопrotивления – Хукбалахап. Неудивительно, что после разгрома Японии компартия Филиппин стала влиятельной силой в стране, получившей в 1946 г. политическую независимость. Последовавшие вскоре за этим попытки разоружить воинские формирования Хукбалахапа и стремление филиппинского правительства освободиться от давления коммунистов вызвали вооруженное восстание и явились причиной затяжной гражданской войны, приведшей в конечном счете к победе демократических сил независимой республики и к переходу коммунистов на нелегальное положение.

Глава 4

Английские и французские колонии в Индокитае

Как и соседние с ними Индия и Индонезия, страны Индокитая рано оказались объектами колониальной экспансии европейцев. Еще на рубеже XVI–XVII вв. первая волна колонизации, португальская, заметно затронула бирманские государства Ава и Пегу, тайский Сиам и особенно малайские султанаты. Задержавшись здесь не слишком долго и не добившись заметных успехов, португальцы в XVIII в. уступили место второй волне колонизаторов, голландской. Не слишком энергично коснувшись других стран Индокитая, голландская колониальная торговля уделила особое внимание соседней с Индонезией Малайе. Именно здесь голландская Ост-Индская компания вела серьезные войны за политический контроль над прилегающими к проливам землями. Войны эти в конце XVIII в. привели компанию к успеху, но плоды этого успеха пожали вытеснившие голландцев из Малайи англичане, что и было закреплено Лондонским договором 1824 г.

Англичане, как, впрочем, и французы, стали активно развивать свою колониальную торговлю в Индокитае еще в XVII в. Французские миссионеры энергично проповедовали католичество; английская и французская Ост-Индские компании стремились закрепить свои экономические и политические позиции в Бирме, Сиаме. Однако позиции Франции были ослаблены, а затем и практически сведены на нет в конце XVIII в. вследствие потрясшей Францию революции. Англия, напротив, с XVIII в. заметно усилила свое проникновение в страны Индокитая, особенно в Бирму, Малайю и Сиам.

Англичане в Бирме

Расширение зоны влияния Ост-Индской компании в Индии привело в конце XVIII в. к

соприкосновению этой зоны с бирманскими землями. Бирма оказалась сферой пристального внимания англичан еще и потому, что проникнуть в эту страну пытались в те же годы и французы. Кроме того, южнобирманское побережье с расположенными на нем портами могло способствовать упрочению позиций англичан в Индийском океане.

Бирма в начале XIX в. вела достаточно активную внешнюю политику. Ее правители претендовали на Ассам и Манипур в Северо-Восточной Индии, время от времени вели войны с Сиамом. Однако эта внешнеполитическая активность не опиралась на прочность тыла. Центральная власть в стране не была достаточно эффективной, что проявлялось в спорадических династийных распрях и дворцовых переворотах, в выступлениях недовольных злоупотреблениями чиновников крестьян или в восстаниях племенных вождей. Попытки короля Миндона, правившего страной в 1853–1878 гг., провести реформы, направленные на укрепление власти центра и создание современной инфраструктуры (введение единого 10%-ного налога и новой монеты, ограничение злоупотреблений чиновников, организация телеграфной связи, приглашение технических специалистов из Европы, куда – прежде всего во Францию и Италию – были посланы для этого специальные миссии, и т. п.), не дали существенных результатов, но зато вызвали, с одной стороны, недовольство влиятельной знати, а с другой – обеспокоенность Англии.

Первая и вторая англо-бирманские войны (1824–1826 и 1852–1853) еще до этих реформ привели к отторжению от Бирмы значительной части ее южных и юго-восточных земель, прежде всего побережья с центром в Рангуне, в устье реки Иравади. Закрепившись здесь достаточно прочно и энергично приступив к внедрению в этом районе Бирмы своей колониальной администрации, англичане в ходе третьей и последней англо-бирманской войны 1885–1886 гг. окончательно сломали сопротивление бирманцев и превратили эту страну в свою колонию.

Колонизация Бирмы англичанами привела к существенной перестройке ее административной системы и экономики. Если не считать окраинных районов страны, где власть была оставлена за местными князьями и племенными вождями, время от времени контролируемые колониальной администрацией, Бирма была поделена на несколько областей во главе с губернаторами, области – на округа-дистрикты. Вместо ликвидированных традиционных управителей мьютуджи во главе округов и областей были поставлены английские чиновники, а низшие административные должности были предоставлены контролируемым этими чиновниками местным управителям, в том числе и из прежних мьютуджи, теперь именовавшихся старостами. Дельта Иравади и значительная часть ее долин были превращены в житницы риса, причем внедрение трудоемкой культуры риса создало условия для переселения в эти рисоводческие районы большого количества законтрактованных мигрантов из Индии. Развитие промыслов – нефтяного, лесодобывающего (особенно ценился вывозившийся из Бирмы тик) и др., а также железнодорожного строительства привело на рубеже XIX–XX вв. к появлению в Бирме рабочих из числа бирманцев и мигрантов-индийцев.

Будучи вначале административно включена в Британскую Индию (английский верховный комиссар Бирмы подчинялся непосредственно вице-королю Индии), Бирма вскоре стала приобретать для англичан самостоятельное значение. В годы первой мировой войны она оказалась важным центром стратегических материалов (треть мировой добычи вольфрама, свинец, олово, серебро), не говоря уже о рисе. Впрочем, самостоятельность Бирмы как объекта английской колониальной экспансии отнюдь не исключала того, что национальноосвободительное движение в этой стране во многом ориентировалось на успехи соответствующего движения в Индии и следовавшие за ними акции английской администрации. Так, парламентский закон 1919 г., предоставивший индийцам право на соучастие в административном управлении на уровне выборных Законодательных собраний, вызвал в Бирме движение за предоставление таких же прав. Именно отказ удовлетворить это требование и оказался непосредственным поводом для создания в стране массовой политической организации – Генерального совета бирманских ассоциаций, в который вошли возникшие до того различного рода организации, преимущественно буддийского толка, немало воспринявшие из практики антиколониальной борьбы индийцев (кампании гражданского неповиновения, бойкоты, митинги и демонстрации и т. п.). Антиколониальные выступления,

активно поддержанные учащейся молодежью и буддийским монашеством, оказали на колониальные власти определенное воздействие: в 1923 г. в Бирме был создан – по индийскому образцу – Законодательный совет; бирманские деятели получили частичный доступ к управлению страной. Это привело к дальнейшему усилению борьбы за предоставление Бирме независимости, вначале хотя бы в статусе доминиона.

В начале 30-х годов эта борьба приняла форму выступлений против намерений колониальных властей административно отделить Бирму от Британской Индии и тем изолировать ее от влияния индийского национально-освободительного движения (такое отделение без предоставления Бирме статуса доминиона привело бы к резкому ослаблению позиций сторонников реформ). Эти выступления были подкреплены мощным крестьянским восстанием, явственно проявившим сопротивление традиционной структуре ее насильственной колониальной ломке. Подавление восстания в 1932 г. вынудило колониальные власти пойти на определенные уступки: Закон об управлении Бирмой, принятый парламентом в 1935 г., привел не только к административному отделению Бирмы от Индии, но и к образованию двухпалатного парламента с ответственным перед ним кабинетом министров, состав которого должен был утверждаться английским комиссаром.

30-е годы XX в. были временем подъема общественно-политического движения в Бирме. На нефтепромыслах, у транспортников, текстильщиков формировались профсоюзы, проходили забастовки и демонстрации. Была создана Всебирманская крестьянская организация. Но главным среди всех этих движений стало движение такинов – Добама асиайон (Всебирманская национальная лига). Созданное еще в 1930 г. радикально настроенными студентами, это движение, члены которого демонстративно называли друг друга словом «такин» (господин), которое в те годы употреблялось лишь при обращении к англичанам (аналог индийского «сахиб»), быстро приобрело немалое влияние в стране. Такины организовывали бойкоты, кампании неповиновения, походы бастующих в Рангун и т.п. Наиболее радикально настроенные из них создали на рубеже 30 – 40-х годов коммунистические ячейки.

Начавшаяся в 1939 г. вторая мировая война, в которую Бирма оказалась вовлеченной автоматически, как колония Англии, привела к расколу национально-освободительного движения. Часть его, ориентируясь на Англию, выступила тем не менее с требованием независимости, образовав Блок свободы, в котором задавало тон движение Добама. Англичане ответили категорическим отказом и арестом наиболее популярных лидеров движения в мае 1940 г. Это усилило позиции тех, кто был склонен связаться с силами, выступавшими в войне против англичан, в частности с Японией, оккупировавшей Бирму в 1941 г. Была создана Армия независимости Бирмы во главе с видным деятелем движения Добама Аун Саном, сотрудничавшим с японцами. Однако уже в 1942 г. такины разочаровались в японцах, которые не спешили выполнить свои обещания о содействии в обретении Бирмой независимости. И хотя в 1943 г. обещанная независимость была провозглашена, а Аун Сан был включен в правительство страны в качестве министра обороны, движение такинов уже готовило восстание против оккупантов. В августе 1944 г. была создана Антифашистская лига народной свободы во главе с Аун Саном, а в марте 1945 г. эта лига, опираясь на армию и партизанские отряды, подняла восстание.

В августе 1945 г., после капитуляции Японии, на сессии Высшего совета лиги было принято решение о созыве Учредительного собрания. Но возвратившаяся колониальная английская администрация не торопилась с поддержкой лозунгов о независимости Бирмы. Только в январе 1947 г. англичане были вынуждены дать согласие на проведение в апреле того же года выборов, которые принесли победу лиге (194 из 210 мест в Учредительном собрании). Бирма обрела независимость. Во главе правительства после убийства Аун Сана встал У Ну. Но сразу же вслед за этим в стране разгорелась гражданская война, в которой активную роль играли и призвавшие крестьян к восстанию коммунисты, и племенные вожди окраин, и даже осевшие на северных границах Бирмы остатки гоминьдановских войск, вынужденных уйти из Китая после революции 1949 г.

В отличие от Бирмы, расположенная на крайнем юге Индокитая Малайя оказалась объектом колониальной экспансии значительно раньше XIX в. Близкая по судьбам к Индонезии, Малайя в XVI в. была исламизирована и практически в то же время оказалась зоной влияния колониальных держав – сначала Португалии, затем Голландии. Англичане начали укрепляться в портах и на прибрежных островах Малакки лишь в конце XVIII в., а в начале XIX в. владения английской Ост-Индской компании здесь были превращены в особое президентство – Стрейтс-сетлментс, глава которого подчинялся непосредственно генерал-губернатору Индии.

30 – 60-е годы XIX в. прошли под знаком укрепления англичан в Малайе. Рассматривая вначале свои владения здесь как важные торговые фактории на пути из Индии в Китай, англичане вскоре изменили свои позиции, начав активно разрабатывать рудные богатства полуострова. Для добычи олова сюда стали ввозиться китайские переселенцы. Вскоре китайцы заняли серьезные позиции в торговле Малайи, особенно в стратегически важных ее районах, включая Сингапур. Кое-что от расширения торговли и добычи олова перепало правителям султанатов, из которых состояла в то время Малайя. Но основная часть доходов шла в карманы англичан, вывозивших из Малайи драгоценные породы дерева, пряности, олово, даже золото, а взамен ввозивших туда свои промышленные товары и опиум.

С 70-х годов XIX в. Малайя стала превращаться в колонию Британии. Кроме получившего колониальный статус Стрейтс-сетлментса была создана Федерация малайских султанатов, где власть султанов и их вассалов была лишь номинальной, тогда как реально всеми делами на высшем и среднем уровне администрации заправляли английские резиденты и чиновники. Некоторые султанаты, особенно на севере страны, сохранив формальную самостоятельность и традиционные связи с Сиамом, оказались тем не менее тоже в зависимости от английских колониальных властей.

Малайя в гораздо большей степени, чем все другие страны Юго-Восточной Азии, уже на рубеже XIX–XX вв. оказалась вовлеченной в мировое капиталистическое хозяйство. Добыча олова, резко увеличенная усилиями захвативших большую часть рудников англичан, долгие годы составляла едва ли не половину всей мировой добычи. Еще большее значение приобрело производство каучука, в вывозе которого Малайя стала почти монополистом. Англичане не только вкладывали немало средств в оловянные рудники и каучуковые плантации, они также заботились о том, чтобы снабдить свои промыслы достаточным количеством рабочей силы, для чего в Малайю ввозились переселенцы и законтрактованные рабочие из Китая и Индии. Результатом были не только заметные перемены в этнической картине до того слабо заселенной Малайи. Более важным для судеб страны последствием оказалась национально-религиозная разобщенность населения страны, что препятствовало консолидации сил национального освобождения.

Расстановка политических сил здесь зависела от соотношения религиозно-этнических групп населения и от той сферы деятельности, в которой представители этих групп преобладали. В начале XX в. малайцев в стране было уже всего около половины населения, причем почти все они были заняты в сфере сельского хозяйства и традиционно управлялись султанами и их чиновниками в привычных рамках исламской администрации. Экономически это была наиболее бедная часть населения страны, если не считать, разумеется, причастных к власти султанов и их окружение. Второй важной группой населения (33–35%) были китайцы, выходцы из Южного Китая, хорошо организованные в жесткие социально-религиозные корпорации (тайные общества, землячества, секты, цехо-гильдии) с огромной властью руководителей этих корпораций, заправлявших на оловянных рудниках, в ремесле и торговле. Подавляющее большинство китайцев были рабочими, ремесленниками, торговцами и выполнявшими случайные работы бесправными грузчиками-кули. Третьей группой были индийцы (чуть больше 10 % населения), занятые на плантациях, служившие в колониальной армии и полиции, а также занимавшие низшие должности в колониальной администрации.

Соответственно этим трем группам формировались в Малайе и общественное мнение, и политические движения. Среди мусульман-малайцев борьба за национальное освобождение проявлялась с начала XX в. в форме просветительства, развития литературы на родном языке,

создания малайской прессы и модернизированных религиозных школ с преподаванием английского языка и зачатков европейских наук. Стали популярны и идеи мусульманского реформаторства в их панисламистском и иных аспектах. Как реформаторы, так и националисты выступали с критикой колониализма и с требованием предоставления малайцам права участвовать в управлении страной. Со временем эти требования переросли в борьбу за независимость (вариантом этой борьбы было стремление к объединению с Индонезией в рамках крупного единого независимого малайско-индонезийского государства).

Китайские мигранты, значительная часть которых состояла из временных рабочих, возвращавшихся на родину и заменявшихся новыми, ориентировались на Китай. Они поддерживали лозунги и деятельность реформаторов (Кан Ю-вэя) и революционеров (Сунь Ят-сена), создавали отделения революционных организаций (Тунмэнхуэя и Гоминьдана), организовывали китайские школы с обучением на родном языке, клубы, издавали газеты и журналы. Впрочем, со временем все более консолидировалась и влиятельная прослойка китайцев из числа постоянных жителей Малайи, стремившихся к созданию объединенной «самоуправляющейся малайской нации» с равными правами для представителей всех населяющих страну народов. Что касается индийцев и цейлонцев, то идеологически многие из них ориентировались на Всеиндийский национальный конгресс, а в организационном плане объединялись в профсоюзы плантационных рабочих или в Индийскую ассоциацию Малайи.

Мировой кризис 1929–1933 гг. сильно ударил по экономике вовлеченной в капиталистический рынок Малайи. Резко упали цены на олово и особенно на каучук. Приходили в упадок рудники и плантации, рабочие становились безработными, крестьяне с трудом сводили концы с концами и порой лишались земли. Вплоть до начала второй мировой войны длилось это состояние упадка, на фоне которого резко усилилась активность профсоюзного и забастовочного движения, в том числе и под руководством компартии, распространявшей свое влияние в основном на китайское население страны.

После краткого экономического бума 1939–1940 гг., связанного с резким ростом в начале войны потребности в металле и каучуке, Малайя оказалась под японской оккупацией. Оккупанты сделали ставку на национальную рознь: активизируя антианглийские настроения индийцев (именно в Сингапуре Субхас Чандра Бос формировал отряды Индийской национальной армии) и пытаясь нейтрализовать недовольство малайцев, особенно ограниченных в своей традиционной власти султанов и их окружения, японцы наиболее резко выступили против китайского населения страны. Возможно, это не в последнюю очередь объяснялось тем, что официально Япония находилась в состоянии войны с Китаем, что не могло не отразиться на настроениях китайской общины в Малайе и сыграло свою роль в расстановке политических сил. Центром сопротивления японцам стали возглавленные компартией партизанские отряды, численность которых росла в основном за счет китайских рабочих.

Капитуляция Японии привела к возвращению в Малайю англичан, реорганизовавших систему колониального управления страной. Был создан единый Малайский союз с общей администрацией (Сингапур был административно отделен от Малайи) и общим гражданством для всех постоянных жителей страны. Вплотную встал вопрос о реформе колониального управления, чему способствовали рост национального самосознания и возникновение ряда новых влиятельных массовых политических организаций, преимущественно действовавших опять-таки по национальному признаку. В июле 1946 г. под нажимом этих организаций колониальным властям пришлось пересмотреть свои позиции и согласиться на создание Малайской федерации с существенными элементами автономии и самоуправления. Значительная часть партий и организаций Малайи приняла эти реформы. Компартия выступила против них и начала вооруженную борьбу.

На протяжении нескольких лет в стране бушевала гражданская война, в ходе которой силы вооруженного сопротивления реформам постепенно иссякали. Тем временем в легальной политической жизни Малайи шел процесс консолидации антиколониальных сил. Национально ориентированные партии и ассоциации (Объединенная малайская национальная организация, Китайское общество Малайи, Индийский конгресс Малайи) шли к созданию единого альянса, представители которого одерживали победы на выборах. В 1957 г. на основе этого альянса была

создана Союзная партия. Именно ее руководители возглавили Малайскую федерацию после провозглашения независимости Малайи в том же году. Союзная партия оказалась во главе страны и после провозглашения объединенной Малайзии (Малайя, Сингапур, Саравак, Сабах) в 1963 г. Как известно, вскоре после этого, в 1965 г., Сингапур вышел из федерации, став самостоятельным государством.

Французский Индокитай

Проникновение французского влияния в страны Индокитая началось еще в XVII в. с появлением в этих странах первых католических миссионеров-французов. Число католических миссий во главе с французскими священниками и епископами увеличилось в XVIII в., причем в это время здесь активно действовало и немалое количество французских торговцев. Политический кризис, связанный с восстанием тэйшонов в конце XVIII в., послужил поводом для усиления вмешательства французов в дела Вьетнама: назначенный еще в 1774 г. официальным представителем Франции в ранге викария епископ Пиньо де Беэн принял живое участие в невзгодах свергнутого с трона Нгуен Аня и, апеллировав за помощью к Людовику XVI, сумел добиться организации военной экспедиции в Индокитай. Хотя по ряду причин, включая и разразившуюся во Франции революцию, экспедиция 1790 г. оказалась немногочисленной, исчислявшейся всего несколькими десятками добровольцев, она сыграла существенную роль в оказании Нгуен Аню военной и военно-инженерной помощи, что и помогло ему в конечном итоге одолеть тэйшонов.

Династия Нгуенов (1802–1945) в первой половине XIX в. достигла значительных успехов. Было восстановлено разрушенное восстанием хозяйство, укреплена система административной власти, созданы боеспособная армия, флот, отстроены крепости. Развитие ремесла и торговли обеспечивало приток доходов, который регулировался усовершенствованной системой налогов. Было уделено внимание земельным отношениям и составлен земельный кадастр. Снова достигло расцвета конфуцианское образование со сдачей конкурсных экзаменов на право получения высших должностей в системе администрации. Был издан сборник административно-правовых регламентов в форме официального кодекса. Все это сопровождалось сохранением активных связей Вьетнама с Францией, которая интересовалась им как важным рынком сбыта и опорной базой в Юго-Восточной Азии – базой тем более важной и необходимой, что в начале XIX в. у французов не было других в этом районе мира.

Памятуя о помощи епископа Пиньо и его добровольцев, первые правители династии Нгуенов благожелательно относились к стремлению Франции установить прочные контакты с Вьетнамом, при всем том, что они не строили никаких иллюзий в связи с возможными последствиями этих контактов, особенно в середине XIX в., когда не только Индия и Индонезия уже давно были колониями, но и Китай оказался насильственно открытым для колониальной экспансии. Прочные связи с Францией способствовали экономическому развитию Вьетнама, а католицизм пускал в этой стране все более глубокие корни, особенно на юге, где влияние конфуцианской цивилизации было менее осязаемым, чем на севере.

В 1858 г., используя в качестве предлога необходимость защитить преследуемых католических миссионеров во Вьетнаме, французы ввели военную эскадру в бухту Дананг, а в 1859 г. был захвачен Сайгон. Оккупация страны вызвала энергичное сопротивление, в ходе которого французы были вынуждены оставить Дананг и сконцентрировать свои силы на юге, в Кохинхине (Намбо). Договор 1862 г. закрепил оккупацию французами западной части Кохинхины, а в 1867 г. была аннексирована и остальная ее часть. Весь юг Вьетнама с этих пор оказался под управлением французской колониальной администрации, что было признано официально франко-вьетнамским договором 1874 г.

Аннексия дружественными в недавнем прошлом французами южной части страны была весьма болезненно воспринята во Вьетнаме. Чиновники правительства отказались от сотрудничества с оккупантами и уехали на север, предоставив французам обходиться немногими слабо подготовленными местными мелкими служащими, нередко откровенно продажными авантюристами из числа едва знакомых с французским языком выпускников католических миссионерских школ. На юге было развернуто даже партизанское движение,

которое, впрочем, большого размаха не получило. Что касается захвативших Кохинхину французов, то они стали быстро налаживать здесь товарное производство риса, для чего, в частности, в болотах были проложены многочисленные каналы. Одновременно были увеличены налоги и введены новые – на спирт, опиум и азартные игры, отныне легализованные властями. Все эти и ряд других аналогичных мер оказались экономически эффективными и способствовали привлечению в оккупированный и колонизируемый Южный Вьетнам торгового и банковского капитала из Франции.

В ходе второй франко-вьетнамской войны 1883–1884 гг. французские войска заняли ключевые военные позиции в стране и вынудили ее правителей признать протекторат Франции над всем Вьетнамом, чему в немалой степени способствовали смерть в 1883 г. императора Ты Дыка и начавшиеся в связи с этим династийные раздоры и политические распри. Колонизаторы разделили протекторат на две части, северную (Тонкий или Бакбо) и центральную (Аннам, Чунгбо), поставив во главе их и превращенной в колонию Кохинхины своих резидентов-губернаторов.

Закрепление французской колониальной администрации во Вьетнаме явилось толчком для усиления французского давления на соседние с Вьетнамом Камбоджу и Лаос. Камбоджа в середине XIX в. оказалась под властью умелого и способного короля Анг Дуонга, который провел в этой весьма отсталой и политически слабой стране ряд важных реформ, направленных на укрепление центральной власти, упорядочение налогов, улучшение положения крестьян и включавших в себя строительство дорог, налаживание финансов, публикацию кодекса административных регламентов. Стремясь избавиться от гнетущего давления на Камбоджу со стороны сильного Сиам, король решил прибегнуть к помощи французов и стал искать союза с закрепившейся во Вьетнаме Францией. Однако, используя это стремление к сближению, французская колониальная администрация уже в 1863 г. навязала преемнику Анг Дуонга свой протекторат, формальным предлогом для которого были вассальные связи Камбоджи с Вьетнамом (в качестве его правопреемника Франция считала возможным выступить после аннексии Кохинхины, граничившей с Камбоджей). Началось энергичное проникновение французов в Камбоджу, вмешательство резидента в политические связи страны с ее соседями, в первую очередь с Сиамом. Дело завершилось фактическим превращением Камбоджи во французскую колонию (1884).

Проникновение французов в Камбоджу было сигналом для движения их также и в сторону Лаоса. Французский консул появился в Луангпрананге в 1886 г., а в 1893 г. Лаос стал французским протекторатом. Все территории к востоку от реки Меконг стали сферой политического господства Франции, которая создала Индокитайский союз (колония Кохинхина и четыре протектората – Аннам, Тонкий, Камбоджа и Лаос) во главе с генерал-губернатором. На этом колонизация французами Индокитая была завершена. Встал вопрос об освоении колонии.

Следует заметить, что пять частей, на которые был поделен французский Индокитай, были весьма неравноценными. Наиболее отсталыми и труднодоступными для хозяйственного освоения были Камбоджа и Лаос, а в наиболее выгодном положении оказалась Кохинхина, которая стала не только рисовой житницей, но и местом разведения гевеи и экспорта каучука, что приносило немалые доходы. Были введены монополии на опиум, соль и алкоголь, что тоже вскоре стало приносить колониальной казне многомиллионные доходы. Началось строительство дорог, включая соединившую юг и север Вьетнама железнодорожную магистраль, расширялись добыча угля и экспорт его, создавались плантации кофе и чая; На рубеже XIX–XX вв. в промышленность французского Индокитая, в основном Вьетнама, французские предприниматели вкладывали уже немалые деньги, которые приносили огромные проценты, чему способствовали покровительствовавшие французскому капиталу тарифы. Много внимания было уделено горнодобывающим промыслам в Камбодже и Лаосе, а также плантационному и дорожному строительству в этих протекторатах.

Бесцеремонное вторжение колонизаторов в страны древней культуры не могло не вызвать их сопротивления, которое приняло наиболее отчетливые и сильные формы во Вьетнаме. Прежде всего это было движение в защиту императора, «кан выонг», пик которого пришелся на конец XIX в. Суть его сводилась к поддержке правящим аппаратом страны и широкими

кругами населения достоинства низверженного и униженного колонизаторами правителя. Удалившийся в отдаленный и труднодоступный район Вьетнама и укrywшийся с семьей в специально отстроенной для этого крепости император Хам Нги начал в конце 80-х годов своего рода кампанию открытого неповиновения, сопровождавшуюся партизанскими боевыми выступлениями. Схваченный в 1888 г., Хам Нги был выслен в Алжир, но выступления не прекращались еще около десятилетия, пока соглашение 1897 г. не признало за руководителем движения, генералом Де Тхамом, права на автономное управление созданным им освобожденным районом. На рубеже XIX–XX вв. армия Де Тхама стала серьезной поддержкой нарождавшегося во Вьетнаме движения за национальное освобождение во главе с такими его признанными идеологами из числа уже сформировавшейся новой интеллигенции, как Фан Бой Тяу, который в 1904 г. возглавил созданное им Общество обновления Вьетнама, реорганизованное в 1912 г. в Общество возрождения Вьетнама.

Если движение, возглавлявшееся в первые десятилетия XX в. Фан Бой Тяу, было достаточно радикальным и ставило своей целью насильственное свержение власти колонизаторов и восстановление независимости страны во главе с полумонархом-полупрезидентом (из тайно вывезенного в Японию принца Кыонг Дэ готовился такого рода руководитель), то другое влиятельное направление в национальноосвободительном движении тех лет было представлено Фан Тю Чинем, делавшим акцент на просвещение народа, на прогресс науки и ознакомление вьетнамской молодой интеллигенции с культурой Европы, для чего активно использовались произведения европейских мыслителей в китайских переводах (иероглифика была все еще главным элементом образования во Вьетнаме). Впрочем, для колонизаторов эта разница была не слишком существенной, так что на рубеже второго десятилетия XX в. деятельность обоих признанных лидеров была насильственно пресечена.

Первая мировая война дала немалый толчок для дальнейшего развития экономики колониального Индокитая. Расширилось плантационное хозяйство (каучук, кофе, чай), развивалась горнодобывающая промышленность и быстро увеличивалась численность рабочих в стране. Появилась обрабатывающая промышленность, стали возникать первые национальные банки. Созданная в 1923 г. Конституционалистская партия начала энергичную борьбу за реформу колониальных порядков и за предоставление стране статуса доминиона. Резко увеличилось количество обучавшейся во Франции эмигрантской молодежи, подавляющее большинство которой активно вливалось в ряды борцов за национальное освобождение. В 1927 г. сформировалась Национальная партия Вьетнама, требовавшая уничтожения колониального режима. Радикальность выступлений и требований представителей передовых слоев вьетнамского общества нарастала год от года.

Мировой кризис на рубеже 20 – 30-х годов еще более способствовал радикализации настроений, особенно в рядах обездоленных – безработных, обезземеленных и т. п. В 1930 г. на базе ряда разрозненных коммунистических организаций, включая зарубежные ячейки, возникшие еще в 20-х годах в Париже, Хо Ши Мином была создана компартия Индокитая, причем после прихода к власти в Париже правительства Народного фронта в 1936 г. она, практически легализовавшись, стала бороться за создание широкого народного фронта во Вьетнаме. Колониальные власти, хотя и весьма сдержанно относившиеся к лозунгам Народного фронта, вынуждены были провести в Индокитае ряд реформ, включая сокращение рабочего дня в промышленности, амнистию политзаключенных, разрешение легальной деятельности партий, проведение выборов в ряд представительных организаций (консультативные палаты, Совет экономических и финансовых интересов). На выборах в эти организации в 1937 г. Демократический фронт Индокитая, куда входила и компартия, добился значительных успехов.

Вторая мировая война сильно изменила общую ситуацию во французском Индокитае. Оказавшись формально под юрисдикцией правительства Петена в г. Виши, колониальная администрация французского Индокитая не только пошла на соглашение с частично оккупировавшими Индокитай японцами, но и активно сотрудничала с ними. Под давлением Японии часть французских колоний в Камбодже и Лаосе была уступлена прояпонски настроенному Сиаму. Вся экономика колонии была поставлена на службу интересам Японии. Неудивительно, что подобная ситуация? активно способствовала нарастанию недовольства и в итоге вызвала энергичное сопротивление как во Вьетнаме, так и в Камбодже и Лаосе.

Во Вьетнаме под руководством компартии была создана боевая организация единого фронта Вьетминь, создавшая сеть партизанских отрядов и день ото дня набиравшая силу. В Камбодже аналогичную роль играла организация «Свободный кхмер», в Лаосе – «Освобождение Лаоса». Активизация деятельности этих движений сильно досаждала японцам, которые в марте 1945 г. приняли решение разоружить французскую колониальную армию в Индокитае и формально провозгласить независимость Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. В Лаосе и Камбодже этот формальный акт способствовал консолидации сил национального освобождения. Когда осенью того же 1945 г. в этих странах вновь появились французские колонизаторы, они вынуждены были с этим считаться. Обеим странам была предоставлена автономия со значительной долей политической самостоятельности, хотя и под верховным надзором французских комиссаров. Генеральная декларация 1949 г. признала де-юре независимость Лаоса и Камбоджи в рамках Французского союза, а полную политическую независимость обе эти страны обрели в 1954 г. Много сложнее развивались политические события во Вьетнаме. Акт о независимости способствовал временной активизации лояльного Японии императора Бао Дая и его политического окружения. Однако сразу же после капитуляции Японии последовала знаменитая августовская революция, в ходе которой была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам во главе с Хо Ши Мином. Впрочем, реально эта республика контролировала лишь север страны; юг ее был занят колониальными войсками Франции уже осенью 1945 г. Началась длительная война, завершившаяся в 1954 г. фактическим соглашением о статус-кво, т. е. разделением Вьетнама на две части. Как известно, в последующем эта политическая ситуация привела к усилению сопротивления и к партизанской войне на юге страны, что в конечном счете способствовало объединению всего Вьетнама под властью коммунистов.

Сиам (Таиланд)

К началу XIX в. Сиам был достаточно сильным централизованным государством, выгодно отличавшимся от Бирмы и Вьетнама своим сравнительным отдалением от стратегически важных торгово-колониальных морских путей. В те годы, когда Англия вела войны с Бирмой и упрочивала свои позиции в Малайе, а Франция пыталась укрепить свои позиции во Вьетнаме, Сиам жил по-своему, хотя и постепенно втягивался в контакты с этими же и иными державами. Политическая мощь Сиамы – при всей сравнительно незначительной численности его населения, особенно при сопоставлении его с бирманским или вьетнамским, – обеспечила его правителям не только прочную власть в собственной *стране*, где крестьяне традиционно были поработаны как нигде более⁴¹, но и сюзеренитет над ослабленными, отставшими в развитии и политически неустойчивыми Лаосом и Камбоджей.

Внешняя торговля Сиамы в основном была функцией правительства, а то и монополией короля; ремесленно-торговое население городов в значительной мере состояло из китайских мигрантов, приток которых в Сиам, как и в Малайю, все возрастал. Официальные представители колониальных держав, особенно англичане, в первой половине XIX в. предпринимали энергичный нажим на сиамские власти с целью заставить их шире открыть двери для свободной торговли. Но сиамские короли не спешили пойти навстречу этим требованиям; напротив, они сами стремились развивать торговые связи, для чего с помощью китайских мастеров строили большие торговые корабли, и, главное, укрепить армию (в 1830 г. Рама III пригласил европейских инструкторов, которые создали ему боеспособные армейские части, включая артиллерию и военный флот).

При Рама IV (1851–1868) Сиаму были навязаны державами неравноправные договоры, открывшие страну для колониальной торговли, следствием чего были упадок собственной, с

⁴¹ Значительная часть их имела статус долговых работ и являла фактическую собственность эксплуатировавших их труд землевладельцев; остальные, формально свободные, были обязаны государству двух-трехмесячной государственной барщиной, не говоря уже об обычном земельном налоге.

трудом налаженной и экономически крайне слабой сиамской промышленности, а также энергичный натиск европейцев с их промышленными товарами. Этот натиск ослабил Сиам, чем не преминули воспользоваться французы, вынудившие в 1867 г. Раму IV отказаться от его сюзеренных прав на Камбоджу, ставшую французским протекторатом. Политическое унижение, равно как и опасения, связанные с угрозой дальнейшего нажима на Сиам с запада (английская Бирма) и востока (французский Индокитай), побудили Раму V (1868–1910) провести в стране ряд важных реформ, суть которых сводилась к освобождению крестьян, развитию в стране частнособственнических отношений, реформе финансов с введением твердых норм оплаты труда. Была также создана реформированная по европейскому образцу политическая администрация – Государственный совет с совещательными функциями, центральное правительство из 12 министерств, губернаторы провинций, чиновники центра на местах и выборное самоуправление в общинах.

Реформы сыграли важную роль в трансформации традиционной структуры. Резко увеличилось производство товаров, в том числе и на экспорт, многократно возросли доходы казны. Стали предприниматься дорогостоящие, но необходимые для развития экономики Сиам проекты, включая железнодорожное строительство, для чего правительство прибегало к займам в Европе. Но самым существенным результатом всей программы реформ было укрепление международного престижа. Реорганизованная и умело функционировавшая дипломатия, проявлявшаяся в официальных миссиях в страны Европы и в умелом лавировании между соперничавшими державами, способствовала сохранению независимости Сиам, пусть даже подчас ценой некоторых потерь: в 1893 г., например, основная часть вассального Сиаму Лаоса стала французским протекторатом, да и сам Сиам был как бы поделен на английскую и французскую сферы влияния.

На рубеже XIX–XX вв. в результате осуществленных реформ (их функционально можно приравнять к структурной ломке того же типа, что осуществлялась в соседних странах колониализма и была много более болезненной для этих стран хотя бы потому, что осуществлялась чужими руками, насильственно и бесцеремонно) Сиам начал развиваться сравнительно быстрыми темпами: успешно функционировала горнодобывающая и перерабатывающая промышленность, увеличивались производство олова и риса, вывоз драгоценного тикового дерева, создавались банки. Формировался рабочий класс, пока еще в основном за счет приезжавших в Сиам китайцев. Появилась буржуазия, вначале тоже преимущественно китайская по происхождению. Начали издаваться газеты, журналы, книги; совершенствовалась система образования; рождалась сиамская интеллигенция, частично тоже из числа иммигрантов. Достаточно резкая ломка привычных норм жизни вела к усилению националистических настроений, а то и к антимонархическим заговорам (неудавшийся переворот 1912 г.). Но основным итогом всего процесса было все же движение за продолжение реформ.

Вопрос был в том, как и в каком направлении идти дальше. Именно по этому поводу и выявились существенные разногласия. Вначале на переднем плане оказалась идея укрепления монархии и создания на этой основе сильного государства, способного противостоять колониальному капитализму. Сам Рама VI Вачиравуд (1910–1925) стал идеологом монархического национализма. Делая акцент на возвеличение героического прошлого, стремясь возродить национальный дух и апеллируя к великотайским чувствам народа, король лично писал статьи и пьесы, ставил театральные постановки и даже принимал в них участие. Будучи равнодушным к религии, он апеллировал к буддизму, стремясь использовать его колоссальное влияние для пропаганды националистических идей. Неясно, как сложилась бы судьба монархического национализма, если бы не верхушечный переворот 1932 г., положивший конец этой идее.

Во главе переворота, приведшего в конечном счете к радикальным изменениям в системе политической администрации и в социальной структуре общества (поэтому далеко не случайно некоторые специалисты именуют его революцией), стояли военные и гражданские чиновники, в основном получившие образование за границей, в Германии и Франции. Выступив против засилья в руководстве страной близких к королю принцев крови (число их стало весьма велико за счет многоженства короля и его ближайших родственников), руководители переворота

предложили и осуществили ряд важных преобразований, приведших к замене идеи монархического национализма реалиями национализма государственного. Новые руководители страны, из которых наиболее заметную роль вскоре стали играть Приди Паномионг и Пибун Сонграм (Пибунсонграм), в острой междоусобной борьбе пришли к созданию в Сиаме конституционной монархии с парламентарной системой (парламент частично состоял из выбранных членов, частично – из назначенных) и кабинетом министров, но практически без партий и открытой партийной борьбы. В сфере экономики была сделана ставка на укрепление государственного начала, постепенное уменьшение роли иностранного капитала с соответствующей заменой его капиталом национальным в форме прежде всего госкапитализма и государственных монополий. В соответствии с этой программой в 30-х годах был национализирован ряд отраслей промышленности (табачная, судоходная), государство заняло ключевые позиции в торговле и стало пропагандировать создание смешанных государственно-частных сиамских предприятий, призванных конкурировать с китайскими и постепенно вытеснять их.

Отчетливый курс на создание крепкого национального государства, которое на модернизированной основе вновь оказалось политически и экономически господствующим, проявился также и в сфере просвещения и культуры, в возрождении тех самых националистических великочайских традиций, к которым апеллировал в свое время король Вачиравуд. Этот националистический курс сопровождался яростными выпадами против экономически преобладавшей в Сиаме китайской общины (вплоть до официальных выпадов с предложением решить китайский вопрос так, как решал еврейский вопрос Гитлер) и достаточно заметной ориентацией на Японию и японский опыт. Успехи Японии в промышленном развитии страны, победа ее в русско-японской войне и рост ее политического могущества создали этому государству большой престиж в националистически ориентированном предвоенном Сиаме, в 1939 г. переименованном в Таиланд (государство тайцев). В противовес Англии, чьи позиции в торговле с Таиландом продолжали быть ведущими, власти страны всячески поощряли укрепление связей с Германией и Японией. Неудивительно, что, когда началась вторая мировая война, чаша весов вначале заметно склонялась в их сторону, тем более что с помощью этих держав и зависимо от Германии правительства Виши Таиланд рассчитывал вернуть утраченные им позиции в Лаосе и Камбодже.

Таиланд не только не протестовал против оккупации его японскими войсками в 1941 г., когда Япония захватила весь Индокитай, но и стал активно сотрудничать с японцами. Лишь в конце войны ситуация в этом смысле стала меняться. В стране возникла и начала активно действовать организация «Свободное Таи», которой помогали США и деятельность которой негласно поддерживал, даже контролировал стоявший в оппозиции к правительству регент Приди (малолетний король находился в Швейцарии). Сразу же по окончании войны Приди от имени короля официально заявил, что он не подписывал формальное объявление войны Англии и США и считает этот акт неконституционным; на это правительство США заявило, что и оно не относилось к Таиланду как к воюющей стороне. Правда, правительство Англии заставило Таиланд выплатить компенсацию за понесенный англичанами экономический ущерб, а Франция восстановила статус-кво в Лаосе и Камбодже, но в целом Таиланду удалось сохранить свой международный престиж и даже упрочить статус независимого государства, став членом ООН.

В послевоенные годы продолжалась политика укрепления позиций государства в экономике страны и содействия упрочению положения молодой сиамской национальной буржуазии. Были приняты важные законы о земельных отношениях, упорядочивавшие землевладение и земельную аренду; разрешалась деятельность партий и профсоюзов, но не компартии, официально сформировавшейся в 1942 г. и находившейся, как правило, на нелегальном положении. Продолжался недвусмысленный нажим на иностранный капитал, причем это касалось даже не столько англичан, сколько живших в стране богатых китайцев. В политической администрации преобладали военные, нередко приходившие к власти в результате переворотов. Правительство Таиланда активно сотрудничало с США, было членом СЕАТО и не уставало напоминать о своих антикоммунистических позициях. Внутренняя политика и мировая экономическая конъюнктура в послевоенное время способствовали

сравнительно быстрым темпам экономического развития страны.

Заключая раздел о Таиланде, стоит специально заметить, что исключительность ситуации, в которой оказался Сиам в период активной колониальной экспансии держав в Юго-Восточной Азии, во многом объясняется случайными факторами: Сиам был своего рода буфером между двумя соперничавшими державами, Англией и Францией, и, кроме того, эта страна оказалась на историческом подъеме, имела сильное правительство и была внутренне единой в тот момент, когда могла решиться ее судьба. Не лишено смысла также и напоминание, что Сиам как колония мало что мог дать захватившей ее державе, – впрочем, этот фактор далеко не был решающим, достаточно напомнить, скажем, о судьбе Лаоса.

Но, как бы то ни было, совокупность случайностей избавила Сиам от нелегкой доли колонии. С точки зрения анализа исторического процесса этот факт весьма важен, и в следующих главах мы к нему еще вернемся.

Глава 5

Южная и Юго-Восточная Азия: традиционная структура и колониализм

Как легко заметить, исторический путь стран Южной и Юго-Восточной Азии в период колониализма имеет немало общего. Все они, если не считать Африку, были наиболее ранними объектами колониальной экспансии; все, кроме Сиам, затем превратились в колонии; для всех было характерно ожесточенное сопротивление традиционной структуры колониализму, завершившееся в итоге деколонизацией и достижением политической независимости. Конечно, эта общность судеб не была случайной. Географическая близость и природно-климатическое сходство стран двух упомянутых регионов и прежде всего наличие в них тех продуктов и ресурсов, в которых остро нуждались колонизаторы, во многом объясняют причины, по которым именно рассмотренные выше страны южных морей оказались первым страстно желанным объектом вторжения колониального капитала.

Южная и Юго-Восточная Азия – два весьма больших и достаточно заселенных региона, в рамках которых на протяжении веков существовали и заново возникали немало народов и государств. И, разумеется, все они развивались по-своему. Однако есть один весьма существенный аспект, который тоже в определенной мере связан с общностью исторических судеб интересующих нас регионов. Речь идет о цивилизационном фундаменте, формировавшемся веками и тысячелетиями господства сложившегося образа жизни, привычных стереотипов поведения, устойчивых систем нравственных ценностей, генеральных мировоззренческих принципов и установок. С точки зрения этого потенциала духовной культуры и тесно связанной с ним социальной ориентации общества государства обоих регионов, за незначительными исключениями, весьма близки друг к другу и в этом смысле могут быть объединены в некий единый блок родственных структур. Это не означает, что упомянутый потенциал одинаков и однозначен у всех. Как раз напротив, он весьма различен по мощи и даже фактуре составляющих его цивилизационных пластов, что в немалой степени усложняет анализ, заставляя делать оговорки либо выделять варианты. Но в целом перед нами все же единый блок в чем-то близких и сходных структур, нуждающийся в аналитической оценке прежде всего с точки зрения раскрытия роли и значимости религиозно-цивилизационной основы этих структур традиционного Востока.

Религии и религиозно-культурные традиции

Цивилизационный фундамент любого общества опирается, как правило, на религию, являющуюся его главной и определяющей основой. И далеко не случайно в современном обществоведении столь большое внимание уделяется анализу и оценке религиозной основы той или иной цивилизации. В наши дни, особенно после взрыва исламского фундаментализма в Иране, это внимание стало общепризнанным. Тем более существенно учитывать этот фактор при изучении обществ, вступивших по тем или иным причинам в критическую фазу своего развития, когда привычная традиционная структура начинает испытывать невиданный до того

нажим на нее со стороны внешних сил. Именно с такого рода ситуацией мы и имеем дело в период колониализма.

При всей необычайной, невиданной где-либо еще в других регионах мира пестроте религиозно-культурных традиций, сыгравших немалую роль и оказывавших порой существенное воздействие на характер того или иного общества в интересующем нас районе Востока, мы все же вправе говорить о некоем общем для всех них первичном религиозно-цивилизационном фундаменте. Этот фундамент был заложен в древности и генетически связан с ведической культурой древней Индии. Речь идет об индуизме и буддизме.

Индуизм – религия Индии, преобладающего большинства индийцев. Восходя к древней религиозно-философской мудрости вед, а также к брахманизму со всеми его школами-даршанами, эта религия примерно с рубежа нашей эры начала господствовать на всей территории Индостана и, более того, стала быстрыми темпами распространяться в Индокитае и Индонезии. Хотя за пределами Индии индуизм в его вишнуистской и шиваистской модификациях встретился с соперничеством буддизма, а на Цейлоне буддизм даже практически преобладал с III в. до н. э., стоит тем не менее заметить, что влияние индуизма в Юго-Восточной Азии никак не может быть сброшено со счетов. Больше того, на протяжении веков волны индуизма, олицетворенные мигрантами из Индии, спорадически захлестывали заново и Индокитай, и Индонезию, и Цейлон, достигая отдаленных Филиппин. Поэтому даже на Цейлоне, в этой цитадели буддизма, практически до наших дней сохранились чисто индуистские касты, процветавшие еще сравнительно недавно в рамках государства Канди. Можно напомнить также и о том, что ввоз на плантации Цейлона, Малайи и иных государств рассматриваемых регионов законтрактованных индийских кули, равно как и свободная миграция индийских рабочих в те же страны уже в XIX–XX вв., не только сохраняли здесь индийско-индуистский религиозно-культурный компонент, но и в какой-то мере усиливали его.

Как мировоззренческая система индуизм традиционно отличается глубиной религиозно-философской мысли. Мир всего живого, включая людей и даже богов, по представлениям индуистов, – это сансара, бесконечная и безначальная цепь перерождений, унылое бытие профанического, т. е. удел всего обычного, обыденного. Ценность этого мира весьма относительна: ведь в конечном счете весь феноменальный мир – это иллюзия, майя. Но зато за пределами феноменального мира, вне сансары, есть мир великой подлинной Реальности, где властвует Абсолют. Вырваться из мира сансары, достичь высшей Реальности и слиться с великим Абсолютом – желанная конечная цель высокоуважаемой в индуизме религиозно активной личности, аскета, йога, гуру, риши. Цели этой достичь нелегко, доступно это далеко не каждому, не говоря уже о том, что достижению цели нужно посвятить всю жизнь, сделав ее подвигом самоотречения, психотренинга, умерщвляющей аскезы. Ближе других к достижению цели в индуизме всегда были брахманы, представители высшей варны жрецов, носители древней мудрости вед, несравненно более всех остальных подготовленные к разрыву кармической цепи перерождений.

Профаническая жизнь в мире сансары регулируется кармой, т. е. суммой добрых и злых дел в предшествующих перерождениях. Человек, как и все живое, рождается с подготовленной всеми предыдущими существованиями итоговой этической нормой, которая в форме кармы и определяет не только внешний облик родившегося (человек, животное, мелкая мошка либо червяк, а то и растение), но и место человека – если он родился человеком – в сложной иерархической социальной системе варн и каст. Каста, т. е. постоянное и неизменное место человека в его данном рождении в мире сансары, определяет основные параметры бытия и поведения каждого, причем делает это жестко и бескомпромиссно: каким ты появился на этот свет, таким и умрешь, т. е. брахман – брахманом, неприкасаемый – неприкасаемым. И никто, кроме тебя самого (ты – творец собственной кармы), не виновен в том, что ты влачишь жалкое существование в этом мире, обречен на бедность, нищету и страдания. Это – плата за прошлое. Веди себя этически безукоризненно, соблюдай все нормы своего диктуемого положением твоей касты поведения – только в этом случае ты можешь рассчитывать на более удачный жребий судьбы в следующем перерождении.

Институционально индуизм как доктрина всегда был чем-то рыхлым, даже аморфным. Он никогда не имел сколько-нибудь организованной и тем более иерархически структурированной

церкви, отличался практически абсолютной терпимостью к иным религиозным идеологиям. Но сила и колоссальная внутренняя прочность, живучесть его была в том, что он опирался на общинно-кастовую структуру индийского общества и санкционировал ее. Индуизм – это в конечном счете образ жизни Индии с его генеральной установкой на высшую ценность небытия и весьма ограниченную значимость мира сансары, майи. Для индуиста нет смысла в истории – и далеко не случайно столь культурно богатая и идейно насыщенная многовековая индийская традиция так скудна на хроники, летописи, историко-географические описания и т. п. Тем более для индуиста бессмысленны призывы к равенству либо социальной гармонии: то и другое противоречит идее кармы и индивидуальной ответственности за социальную неполноценность в данном перерождении. И наконец, индуист традиционно чужд насилию, активному социальному протесту: как можно спорить с судьбой?! Разве попытка силой добиться лучшего не приведет в конечном счете лишь к ухудшению кармы со всеми столь далеко идущими от этого последствиями?!

Добиваясь от своих адептов строгости в фундаментальных принципах бытия и мышления, индуизм вместе с тем предоставляет им достаточно широкий простор во всем остальном, от поисков любых способов к спасению, т. е. разрыву с миром сансары, до личных склонностей и симпатий к тому или иному религиозному направлению (вишнуиты, шиваиты) или группировке типа секты. Сектантства в строгом смысле этого слова индуизм не знает именно в силу отсутствия церковной структуры и официально санкционированной обязательной для всех догматики. Зато индуизм всегда готов принять в свое лоно всех чужих и заблудших, от индийских джайнов, буддистов или сикхов до мусульман. И наконец, индуизм практически безразличен к власти, к государству, что в немалой степени обусловило слабость индийских государственных образований, особенно доисламских. Дело в том, что индуистские генеральные принципы почти начисто выключали честолюбие и связанные с ним импульсы – активность, социальную энергию, предприимчивость и т. п. Руководить государством – профессиональное занятие кшатриев и их советников-брахманов. Доля всех остальных – хорошо исполнять свои обязанности, строго отрегулированные веками отлаживавшимися общинно-кастовыми связями типа системы джаджмани. При этом политическая и социальная индифферентность индуиста в какой-то мере компенсировалась его высокой эмоциональностью, богатством чувств, воспитанных мифологическим эпосом типа Махабхараты и Рамаяны и стимулированных кармической этической нормой. Но норма всегда весьма строго контролировала чувства, создавая ситуацию, во многом несходную с принципами, скажем, европейского гуманизма: этически отзывчивый индуист с его генеральными принципами ахимсы, т. е. непричинения зла живому, будет равнодушен и черств по отношению к неприкасаемому, даже если тому остро нужна его помощь, – законы кармы неизмеримо сильнее норм этики гуманизма.

Можно было бы продолжать характеристику индуизма и связанных с ним принципов жизни Индии, но сказанного достаточно для основных выводов, целью которых является показать, как цивилизационные религиозно-культурные параметры влияли на реакцию той или иной традиционной структуры по отношению к колониализму, как и в какой степени содействовали они ее внутренней устойчивости и сопротивляемости и какие формы принимало вынужденное длительное взаимодействие данной традиционной структуры с внешними силами, от ислама до колониального капитала и связанной с ним европейской цивилизации.

В самом общем виде выводы сводятся примерно к следующему. Традиционный индуистский фундамент, обладая невиданным запасом внутренней прочности на индивидуальном и локальном (община, каста) уровнях, санкционируя стабильно консервативную социальную структуру огромного субконтинента, вместе с тем не был связан с проблемой укрепления политической власти и государства как такового, никогда не имел отношения к социальному равенству и связанной с этим гармонии, пусть хотя бы в форме столь типичной для других аналогичных обществ социально-эгалитарной утопии. Интегрирующая функция индуизма ограничивалась социальнорелигиозными и социально-культурными ее аспектами, тогда как в сфере социально-политической она не действовала. Отсюда – невиданный в других обществах политический вакуум, с легкостью заполнявшийся то одними, то другими, чаще всего внешними политическими силами. Отсюда же и отсутствие традиции

организованного социального протеста либо энергичного социально-политического сопротивления внешним силам. Но при всем том индуизм всегда сохранял и внушительно демонстрировал свою внутреннюю силу, величественное достоинство издревле существующей и практически неколебимой гигантской системы, с чем не могли не считаться упомянутые внешние силы, вынужденные приостанавливаться в своих стремлениях к насильственной трансформации индийского общества. Это в равной мере, хотя и очень по-разному, коснулось и мусульманских правителей Индии, и ее колониальных господ.

Буддизм как религиозная философия и практика – плоть от плоти древнеиндийской ведической культуры и брахманизма. Однако коренным отличием этой доктрины от индуизма является принцип равенства всех перед величием высшего спасения, ухода в Абсолют, в нирвану. Собственно, эта разница, из-за которой буддизм не мог гармонично вписаться в иерархическую и подчеркнута антиэгалитарную общинно-кастовую структуру Индии, и обусловила постепенное вполне мирное вытеснение буддизма индуизмом в Индостане. Но, будучи институционально почти столь же аморфным⁴², идеологически таким же терпимым и оказавшись практически ничем не связанным с социальным строем общинно-кастовой Индии, буддизм легко нашел себе новую родину в ряде стран к востоку от Индостана, в том числе в Индокитае и Индонезии, на Цейлоне, не говоря уже о Китае, Корее и Японии.

Если индуизм стопроцентно национален и фактически немыслим без Индии и индийцев, то буддизм столь же стопроцентно индифферентен ко всему национальному и в этом своем качестве мировой религии вполне может быть уподоблен другим мировым религиям, христианству и исламу. Однако на этом, да еще, пожалуй, на общности всех мировых религий в их отношении к догматам и ритуальной практике (т. е. в том, что в рамках каждой из них есть профессиональный слой духовенства, сосредоточивающий в своих руках исключительное право на интерпретацию и реализацию догматики, отправление ритуалов, – здесь, впрочем, немало общего у всех религиозных систем), сходство кончается. В остальном буддизм весьма отличен от других религий, а кое в чем близок к индуизму, что позволяет говорить об общей для них индуистско-буддийской или просто индо-буддийской цивилизации.

Генеральной мировоззренческой основой буддизма, как и индуизма, является установка на ищущего спасения от мира сансары с его кармическими перерождениями индивида. Шансы на спасение тоже во многом определяются кармой и в еще большей степени – активностью ищущего. Жестко ограниченный в земных благах и постоянно сосредоточенный на поиске путей в нирвану, склонный к многочасовым медитациям буддийский монах функционально близок индуистскому аскету, риши, гуру. Что же касается мирян, то их дело – поддерживать монахов и щедро приносить подаяния на нужды буддизма, прежде всего буддийских монастырей и храмов. Монастырская форма организации буддизма институционально выгодно отличает эту религию от индуизма, ибо создает признанные центры буддийской культуры, идеологии и образования, праздничных ритуалов и повседневных буден. Но, хотя в монахи в принципе мог идти каждый, а право на религиозное знание соответственно имели все, а не только брахманы, как в индуизме, практически буддийские монахи были такой же небольшой частью общества и стояли столь же высоко по отношению к остальным, как то было и с брахманами в Индии. Кроме того, уйдя от мира и формально порвав с ним, монахи были в еще большей степени противопоставлены всему остальному населению, нежели индуистские брахманы, которые в реальной жизни вовсе не обязательно должны были заниматься только жреческими делами, но при этом неизменно продолжали оставаться брахманами со всеми их привилегиями.

Буддизм как религиозная доктрина был индифферентен не только к национальному началу, но также и к социальному, и к политическому. В социальном плане он, не будучи связан ни с общинно-кастовым строем, ни с какими-либо определенными слоями общества, оказывался нейтральным по отношению к порой раздирающим то или иное общество страстям

⁴² Только на более позднем этапе существования буддизма сложилась монастырская иерархия, достигшая своего зенита в форме тибето-монгольской ламаистской модификации с ее высшими ламами-перевоспощенцами типа далай-ламы.

и формально не выступал ни на стороне верхов, ни за угнетенные низы. Однако эта формальная нейтральность отнюдь не была абсолютной. Монахи были достаточно связаны с обществом, хотя внешне и отрекались от него. Эта связь проявлялась как в поддержке монастырями социального порядка в обществе, так и в выступлениях их против нарушений этого порядка, и в частности в участии буддистов и даже буддийских монахов в крестьянских движениях, особенно имевших сектантскую (буддийскую) направленность. И хотя формально буддизм никогда не стоял за насилие как средство решения социальных проблем, де-факто монахи порой были готовы идти в бой, если того требовали обстоятельства. Словом, буддизму не чуждо было представление о равенстве и социальной справедливости, равно как и считалось само собой разумеющимся, что в экстремальных ситуациях монахи идут с народом на баррикады, порой даже опережая его (публичные самосожжения в качестве социально-политического протеста).

Аналогичным образом обстояло дело и в сфере политики, формально не будучи втянут в повседневную политическую жизнь и даже подчеркнута сторонясь ее, буддизм в целом и монастыри или монахи в частности в эту жизнь так или иначе постоянно вовлекались. Склонных к буддизму правителей они горячо поддерживали» для чего была даже разработана теория об этически совершенных мудрых правителях-чакравартинах. А в государствах, где буддизм был государственной религией, эти связи укреплялись за счет постоянных контактов и щедрых пожертвований, за счет ухода в монастыри правителей или их близких родственников, занимавших видные позиции в формировавшейся буддийской монастырской иерархии.

Словом, при всей своей институциональной рыхлости и социально-политической индифферентности, во всяком случае в доктринальном плане, буддизм в той или иной стране на практике немало делал для сплочения населения, для осознания той или иной общностью ее этнополитической цельности и самоценности, для воспитания внутреннего достоинства и готовности к борьбе в экстремальных ситуациях. Этим буддизм существенно отличался от индуизма, хотя и индуизм в XIX–XX вв. не стоял в стороне от жизни общества. В целом же в обществах, где господствовал или был влиятельной силой буддизм, существовал тот же, что и у индуистов, культ кармической этики и интроспекции ищущего спасения религиозно активного индивида, прежде всего монаха. Эта генеральная мировоззренческая установка рождала сдержанность и умеренность в политике, некоторую пассивность в решении социальных проблем. В то же время, будучи внутренне сильным и целостным, обладая завидной прочностью на уровне доктрины и религиозно активных проповедников-монахов, буддизм как религия масс и цивилизационный фундамент не был столь жестким и недоступным для перемен, как всегда опиравшийся на общинно-кастовую основу индуизм. Более динамичный и открытый для обновления, буддизм как доктрина был готов сотрудничать с теми силами, которые вели дело к энергичной, как в Таиланде, а порой и к радикальной, как в современных Лаосе и Камбодже, политике социального переустройства.

Разница между индуизмом и буддизмом достаточно очевидна. Но, несмотря на это, общее в них, равно как и их генетическая близость, определили облик того цивилизационного индо-буддийского фундамента, который явственно преобладал и в Индии, и в Юго-Восточной Азии. Не только преобладал, но и веками определял характер общества, образ жизни людей. Правда, со временем на этот фундамент стали накладываться иные цивилизационные пласты, связанные с другими религиозно-философскими доктринами и культурными традициями, внешними по отношению к зоне господства индобуддизма.

Наиболее важным и цивилизационно значимым пластом такого рода был ислам. Подробнее о нем будет идти речь ниже в связи с оценкой ситуации на Ближнем и Среднем Востоке в колониальное время. Дока же стоит заметить, что ислам, как и индуизм, – более образ жизни, нежели только религия. В отличие от индуизма, однако, ислам социально активен и неразрывно слит с политикой, с системой администрации. Эту религию отличают воинственность до фанатизма и наступательность вплоть до насильственного прозелитизма, что практически исключает свойственную индо-буддизму терпимость. Покорность чужой воле и фатализм здесь приводят к конформизму поведения и мышления, а формальное равенство всех перед Аллахом, не раз стимулировавшее массовые выступления за поправную социальную справедливость, тесно переплетается с принципом поголовного рабства, т. е. бесправия

нижестоящих перед вышестоящими.

Конечно, ислам не во всех районах мира одинаков. Там, где шел процесс его становления и институционализации, т. е. в географических пределах Арабского халифата, он был более жестким, последовательным и нетерпимым. Вне этого региона, в Африке южнее Сахары и в Юго-Восточной Азии, он заметно мягче и более склонен к компромиссам. В немалой степени это объясняется тем, что сюда ислам попал не в ходе завоеваний и насильственной ломки привычных норм жизни, сопровождавшейся всеобщей исламизацией, а в результате своего рода культурной диффузии, вместе с прибывавшими и оседавшими на новых местах торговцами-мусульманами. Что касается Индии, где ислам появился в форме религии завоевателей и должен был бы, как и на Ближнем Востоке, торжествовать, то здесь ему противостояла столь прочная и так хорошо внутренне организованная индуистская общинно-кастовая структура, что в борьбе с ней ислам был вынужден отступить.

Таким образом, хотя ислам и оказался мощным культурнорелигиозным пластом, который наложился на индо-буддийский цивилизационный фундамент, его мощь оказалась все же относительной. В Малайе и Индонезии, равно как и на юге Филиппин, она была более значительной за счет того, что индуистский фундамент, не опиравшийся на отсутствовавшую здесь систему каст, был весьма слабым, а буддизм вообще не оказывал сколько-нибудь заметного сопротивления. Но вместе с тем нельзя не заметить, что исламский пласт здесь тоже не породил излишней религиозной жесткости, нетерпимости и в этом смысле отличался от ближневосточного ислама. Возможно, это было связано со смягчающим воздействием первичной индо-буддийской цивилизационной основы. Что же касается собственно Индии, то там натолкнувшись на пассивное, но непреодолимое сопротивление индуизма ислам оказался даже не столько наложившимся на древний фундамент новым слоем, сколько некоей долей, частью огромного социума. За редкими исключениями типа сикхов ислам в Индии так и остался исламом, то(да как индуистская Индия осталась индуистской Индией).

К числу религиозно-культурных традиций, сыгравших существенную роль в судьбах региона Юго-Восточной Азии, относятся еще две – конфуцианство и католицизм.

Конфуцианство как заимствованная из Китая доктрина было на протяжении многих веков господствующим в зависимом от Китая Вьетнаме, особенно в Северном и Центральном, где оно практически легло в основу цивилизационного фундамента народа. И хотя среди низших слоев вьетнамского общества конфуцианство не достигло тех высот его органичного усвоения, которые отличали собственно китайское население, в том числе и широко распространившихся по всей Юго-Восточной Азии хуацяо, все же именно оно всегда определяло во Вьетнаме облик его культурных традиций. Культ предков и старших, жесткая осознанная социальная дисциплина в сочетании с веками воспитывавшейся культурой труда, особенно сельскохозяйственного, равно как и многие другие свойственные конфуцианской культуре черты и признаки, в немалой мере способствовали успехам хуацяо в разных странах Юго-Восточной Азии вплоть до Цейлона и Филиппин.

И наконец, католицизм. За три-четыре века энергичного проникновения и активной деятельности миссионеров эта европейская религия достигла в Юго-Восточной Азии немало, а на Филиппинах стала практически господствующей, во многом определившей здесь цивилизационный фундамент и оказавшей немалое воздействие на характер и формы сопротивления этой латинизированной традиционной азиатской структуры колониализму (ориентированная на европейский стандарт борьба за республику).

Цивилизационный фундамент и общество

Итак, общая картина достаточно ясна. Первичным цивилизационным фундаментом в Южной и Юго-Восточной Азии был индо-буддизм, но практически нигде в своем первоначальном состоянии он не сохранился. Напластование новых религиозно-культурных традиций и цивилизационных слоев на те или иные общества привело к возникновению ряда вариантов цивилизационного развития, что не могло не оказать своего воздействия на характер, облик и особенности развития традиционных структур, не говоря уже о том, что сами эти культуры в их первоначальном виде не были равноценными хотя бы потому, что одни из них

уходили корнями в глубокую древнюю цивилизацию, а другие до недавнего времени оставались первобытными либо полупервобытными. Естественно, что в такой ситуации важно определить, как именно тот или иной вариант цивилизационного фундамента сказался на судьбах данного общества или, точнее, каким было это общество в момент соприкосновения его с колониализмом и особенно в годы его колонизации, насколько прочной и пригодной, готовой для сопротивления колониализму была его традиционная структура и как эта степень прочности и готовности определялась цивилизационным фундаментом, комплексом религиозно-культурных традиций.

Вариант первый – *Индия*. Здесь первичный индуистский фундамент оказался, как не раз отмечалось, необычайно прочным с точки зрения социальной общинно-кастовой его структуры. Зато система политической администрации была традиционно ослабленной. Правда, некоторые изменения в сторону усиления государства произошли после ислимизации Индии. Однако, поскольку исламизация так и не сумела всерьез затронуть глубинные индуистские цивилизационные основы, она оказалась достаточно поверхностной и потому лишенной адекватной социальной опоры. Создалась ситуация политической ослабленности государства и системы политической администрации, причем к моменту начала колонизации Индии эта ситуация усугубилась кризисом и фактическим распадом империи Великих Моголов, породившим феномен политического полицентризма и ожесточенные усобицы претендентов на всеиндийский трон. Вот почему Индия оказалась сравнительно легкой добычей англичан, быстрыми темпами упрочивавших свое политическое господство. Но одно дело – политическая власть и администрация, по отношению к которым индуистская общинно-кастовая структура была традиционно индифферентной, и совсем другое – прочность самой этой структуры, ее опирающаяся на мощный многотысячелетний фундамент внутренняя сила и пассивное сопротивление давлению извне, будь то мусульманские падишахи или англичане. Резюмируя, можно заключить, что в индийском варианте перед нами предстает общество, опирающееся на мощную традиционную цивилизационную основу. Это общество было бы еще более внутренне прочным и цельным, если бы не факт насильственного отторжения от него значительной его части, принявшей ислам. И хотя сам по себе ислам отнюдь не менее внутренне прочен, а политически даже много более крепок, чем индуизм, сам факт индуистско-мусульманского симбиоза не мог не ослабить традиционной структуры Индии.

Вариант второй – *Индонезия и Малайя*. Формально его можно было бы приравнять к первому либо считать его подвариантом. Но по сути это именно особый вариант, о чем уже упоминалось. Индуистская цивилизационная основа здесь была резко ослаблена отсутствием каст, а буддийская отнюдь не могла компенсировать этого. Скорее напротив, она была мало способна создать прочную социальную структуру, да и мало заинтересована в этом. Рыхлость традиционной структуры здесь весьма способствовала той легкости, с какой ислам переключился на Малайю и Индонезию на свой лад. За счет исламизации внутренняя структура стала много прочнее, как сильнее стали и опиравшиеся на нее мусульманские султанаты. Однако до конца слабость структуры преодолена не была, как не стала слишком заметной и политическая сила многочисленных мелких султанатов, за редкими исключениями типа Аче. Практически это означало, что, сломив политическое сопротивление, колонизаторы оказались здесь лицом к лицу со сравнительно слабой структурой, несколько усиленной за счет ее опять-таки внешнего, но весьма структурно для нее существенного китайско-конфуцианского компонента. Сопротивление такой структуры колонизации было небольшим, ибо внутренне сравнительно непрочная структура была склонна к более активной трансформации, нежели то было в случае с Индией. Однако этой объективной возможности для трансформации противостоял недостаточный уровень развития общества (за исключением его китайского компонента), что, впрочем, оказалось вполне благоприятной почвой для вызревания в недрах такого общества, особенно в Индонезии, тенденций к радикальному социальному переустройству – тенденций, обычных для мира ислама, но активно проявляющихся там лишь в условиях ослабленной политической администрации, что и имело место в колониальных Малайе и Индонезии.

Вариант третий – страны с преобладанием буддийской цивилизационной основы (*Цейлон, Бирма, Сиам, Лаос, Камбоджа*). Внутренняя структура этих стран прочна более за счет близости ее в ряде случаев к недавней первобытности, чем за счет буддизма как

религиозно-цивилизационной основы. За исключением Цейлона, где века высокопрестижного господства буддизма, да еще в сочетании с индуизмом и индуистскими кастами, способствовали большей внутренней прочности, остальные буддийские страны имели относительно слабую цивилизационную основу – с точки зрения готовности к энергичному внутреннему сопротивлению колониализму. Сопротивление такого рода продемонстрировал лишь Сиам, но и то главным образом потому, что оказался в исключительных обстоятельствах. Зато здесь, как и в случае с Малайей и Индонезией, внешние влияния способствовали вызреванию тенденций к социальному равенству и радикальному переустройству, что в какой-то степени не было чуждо (во всяком случае, идея равенства и связанное с ней стремление к социальной справедливости) и буддизму как доктрине. Реализация такого рода тенденций хорошо видна на примере Бирмы, Лаоса и Камбоджи в XX в., особенно во второй его половине.

Вариант четвертый – *Вьетнам*. Конфуцианская цивилизационная основа здесь сочеталась с относительной слабостью собственной политической администрации, хотя она и функционировала по традиционной китайской модели, включая систему экзаменов. Слабость власти при сохранении принципов конфуцианства как доктрины всегда вела к вызреванию весьма энергичных тенденций трансформации традиционной структурной основы в сторону, близкую к частнособственнической структуре, как о том свидетельствует пример Японии и хуацяо. Во Вьетнаме это не проявилось столь заметно по ряду причин, в том числе и вследствие существования пусть сравнительно с Китаем слабой, но все же достаточно эффективной власти. Но сама тенденция, равно как и традиционная для конфуцианства ориентация на социальное равенство, справедливость, гармонию, вели к достаточно быстрому заимствованию от колонизаторов и стоящей за ними европейской цивилизации многих радикальных идей, в том числе и коммунистических.

Вариант пятый – *Филиппины*. Здесь, как уже о том шла речь, влияние католицизма оказалось фактором, трансформировавшим традиционную азиатскую полупервобытную структуру со всеми вытекающими из этого последствиями.

Все пять вариантов, столь различных в конкретных деталях и неповторимых цивилизационных особенностях, имеют, как это легко заметить, ряд важных общих признаков, которые в некотором смысле могут послужить основанием для цивилизационного обособления двух регионов, до того столь тесно связывавшихся в нашем изложении и анализе в нечто единое целое. Речь идет о тенденции структуры к трансформации, т. е. о ее внутренней прочности, о том самом, что в конечном счете столь существенно для далеко идущих выводов. В этом плане религиозно-цивилизационный фундамент Южной Азии (Индия и тяготеющий к ней Цейлон) будет представляться более цельным и прочным, несмотря на то что как раз здесь, в Индии и на Цейлоне, веками шел непрерывный процесс колонизации. Что касается Юго-Восточной Азии, то там аналогичный фундамент оказался менее прочным и имел определенную тенденцию к трансформации. Речь отнюдь не о том, что трансформация здесь много проще или де-факто зашла дальше. Отсталые Лаос и Камбоджа, даже Бирма во многих отношениях, в частности с точки зрения успехов капиталистической модернизации или парламентско-политических свобод, вполне могут сильно уступать Индии. Имеется в виду нечто иное, а именно степень способности традиционной структуры к трансформации.

Именно на это, равно как и на иную социальную ориентированность буддизма и ислама по сравнению с индуизмом, и опирались те силы, которые вели соответствующие страны к рискованным социальным экспериментам. Правда, следует оговориться, что сам по себе этот факт, особенно если эксперимент совершался под знаменем «научного социализма», отнюдь не означает, что в результате традиционная структура оказывается сломленной и перестроенной. Как правило, она остается прежней и лишь внешне приспособляется к изменившимся обстоятельствам. Впрочем, специально об этом речь будет идти в четвертой части дайной работы. Пока же важно лишь обратить внимание на то, что одна традиционная структура, южноазиатская, оказалась резко антиэгалитарной по сути и потому закрытой для тенденций к радикальному социальному переустройству, тогда как другая, юго-восточноазиатская, в этом смысле была иной.

Традиционная структура и колониализм

Английские колонизаторы имели дело с традиционной структурой обоих регионов – Южной (Индия и Цейлон) и Юго-Восточной Азии (Бирма, Малайя и Сиам). Едва ли они когда-либо точно отдавали себе отчет в том, с какими именно структурами имеют дело и как следует строить свою политику в зависимости от этого. Скорее корректировка, если она случалась, происходила на своего рода интуитивном уровне, на уровне проб и ошибок. Но следует отдать англичанам как администраторам справедливость: они в общем умело делали свое дело и, как правило, обычно избирали оптимальные методы управления колониями. Гораздо меньше это удавалось голландцам и французам, не говоря уже об испанцах на Филиппинах.

Что имеется в виду в первую очередь? Англичане в Индии (о Цейлоне отдельно говорить не будем, хотя кое в чем там обстояло дело иначе) вели свою политику не только по традиционному для них принципу «разделяй и властвуй», что еще со времен Древнего Рима считалось своего рода неписанным правилом для всякого умелого администратора, но и с учетом того, что они имеют дело с крайне негибкой и внутренне сильной традиционной структурой. Задача их, учитывая нарастающее сопротивление общества, состояла в том, чтобы, идя время от времени на необходимые уступки, готовить почву для таких изменений в обществе, которые при господстве малоизменяющейся структуры в целом все же сделали бы возможным изменение Индии и сближение ее в ряде аспектов с европейскими, прежде всего британскими стандартами в образе жизни, политике, администрации, системе образования и т. п., не говоря уже о капитализме в экономике.

Конечно, традиционная индуистская структура пусть пассивно, но достаточно стойко сопротивлялась англичанам, так же как она делала это и по отношению к другим завоевателям, в том числе и мусульманским правителям. Но, так же как и в других случаях, она одновременно с этим постепенно приспосабливалась к изменившимся обстоятельствам, причем таким образом, чтобы выйти из создавшегося положения с наименьшими для себя потерями. Если в случае с исламом наиболее показательным результатом такого процесса приспособления были сикхи (впрочем, есть примеры и другого рода, в том числе массовый переход в мусульманство целых каст, особенно связанных с городской жизнью, ремеслом и торговлей, не говоря уже о социальных верхах, включая князей), то в процессе колонизации Англией это была постепенная вестернизация брахманской верхушки, хотя и не только ее. Выходцы из социально-кастовых верхов, прежде всего брахманы, охотно говорили по-английски, получали европейское образование как в Индии, так и вне ее, преимущественно в Англии, служили в многочисленных учреждениях Британской Индии и, главное, умножали ряды новой индийской интеллигенции, очевидно ориентированной на европейский стандарт. Аналогичным образом вели себя и представители нарождавшейся индийской буржуазии.

Сопротивление структуры и приспособление ее шли бок о бок, но закономерность была в том, что по мере все более очевидного приспособления заметно возрастало, как это ни покажется парадоксальным, сопротивление. Между тем парадокса здесь нет. Приспосабливаясь и все очевиднее убеждаясь в том, что они и сами вполне способны управлять Индией, образованная часть социальных верхов все глубже проникалась сознанием необходимости бороться за национальное освобождение и политическую независимость своей родины. Отсюда и отмечавшаяся уже динамика отношений к англичанам: от вполне лояльного к ним Рам Мохан Рая с его сотрудничавшим с английской администрацией обществом «Брахмо самадж» до страстного радикализма Тилака или непримиримости Ганди. Впрочем, несмотря на нарастание сопротивления, которое отчетливо видели и стремились погасить колониальные власти, откупаясь от него уступкой за уступкой, показательным остается то, что в качестве своего возможного будущего лидеры сопротивления ориентировались, в частности, и на британский парламентский стандарт. И это не случайность.

Дело в том, что традиционная индуистская терпимость вполне гармонировала с буржуазным парламентаризмом, а европейски образованные индийцы многое заимствовали из английского образа жизни, не без успеха насаждавшегося в Индии и порой даже

копировавшегося ею. Правда, индуизм был иерархичен и не мог быть иным. Но, как это опять-таки ни покажется странным, иерархическая антиэгалитарность индуистского образа жизни не слишком противоречила нормам английской демократии, особенно касающимся процедуры голосования и решения важных проблем, общепризнанных гражданских свобод. Конечно, до всего этого практически не было дела основному населению общинно-кастовой Индии. Но если говорить о верхах, которые постепенно и умело вовлекались англичанами в систему и стиль ее парламентарной демократии, то они вполне осознавали удобство именно такого рода средств решения важных социальных и политических проблем, преимущества демократической процедуры перед традиционно восточным авторитаризмом. Кроме того, демократизм как стиль руководства лидеров Национального конгресса был прямо-таки необходим – без него трудно, практически невозможно было бы сплотить в нечто единое целое гигантский многокастовый и многонациональный индийский социум со всеми его внутренними противоречиями и раздирающими его на части острыми проблемами. Зато для радикализма индуистская структура, как упоминалось, простора не давала, что тоже было в интересах колониальной администрации, делавшей в конечном счете оправдавшую себя ставку на умеренных лидеров Конгресса.

Итак, с точки зрения взаимоотношений традиционной структуры и колониализма (о капиталистическом развитии как таковом речь пока не идет) ситуация в Индии характеризовалась пассивным сопротивлением, мощь и значимость которого со временем нарастала, и активным приспособлением, определившим в конце концов итог противостояния колонии и колонизаторов. Много сложнее и запутаннее со всем этим обстоит дело в странах Юго-Восточной Азии, где цивилизационный фундамент был менее мощным и в религиознокультурном плане более пестрым, а традиционные структуры соответственно – недостаточно сильными и мало подготовленными к противостоянию колонизации. Конечно, и здесь можно зафиксировать как сопротивление традиционной структуры вмешательству извне, так и ее приспособление к этому неустраняемому вмешательству. Однако коль скоро сама структура была иной по сравнению с индийскоиндуистской, то иными оказались и формы сопротивления, и темпы приспособления, не говоря уже о конечных результатах того и другого. Попытаемся разобраться в этом подробнее.

Начнем с того, что природно-климатические условия Юго-Восточной Азии – как ее островного мира, так и горных долин большей части Индокитая – не были слишком благоприятны для развития цивилизации. Далеко не случайно она, несмотря на обнадеживающие признаки далекого неолита и раннего бронзового века, стала формироваться в этом регионе лишь на рубеже нашей эры, да к тому же за счет энергичной культурной диффузии извне, в основном из Индии. Собственно, тропики и сейчас не считаются климатической зоной, благоприятной для энергичного развития активной производительной деятельности. Не лучше обстоит дело с этим и в прошлом, что не могло не оказывать своего воздействия как на темпы развития, так и на размеры цивилизационного пласта здесь. Можно добавить к этому, что если мигранты из Индии и несли с собой элементы развитой цивилизационной структуры, то местное население приспособлялось к ней не слишком быстро, чему в немалой мере способствовали и непрекращавшиеся долгое время миграционные потоки с севера – потоки, чуждые индуизму и буддизму и потому далеко не сразу усваивавшие элементы индо-буддийской цивилизации, что, конечно, не содействовало ни убыстрению темпов цивилизационного развития, ни наращиванию мощи цивилизационного пласта в странах Юго-Восточной Азии.

Словом, далеко не случайным следует считать то, что очень многие районы Юго-Восточной Азии – будь то север Бирмы, Лаос или острова Индонезии типа Сулавеси и Калимантана, наконец, Филиппины – вплоть до сравнительно недавнего времени находились на первобытном либо полупервобытном уровне, будучи лишь едва затронутыми влиянием внешней по отношению к ним цивилизации. И хотя на этом фоне выгодно выделялись более развитые районы типа Явы, Суматры, а также побережья Индокитая, общая картина цивилизационного освоения региона не становилась от этого чересчур радужной. В цивилизационном плане страны региона развивались за счет воздействия извне, не имея либо имея недостаточно собственных потенций для такого рода развития. В принципе это не столь

уж необычная картина для истории. Очаговый характер возникновения и развития цивилизации с последующей экспансией ее вширь нормален и фиксируется с глубокой древности, что было показано, в частности, в первой части данной книги. Но из этой бесспорной посылки далеко не часто делаются необходимые выводы. Иногда выводы такого рода даже замалчиваются либо оспариваются под тем благозвучным предлогом, что подобная постановка проблемы принижает национальное достоинство тех или иных народов, например населения Африки южнее Сахары. Конечно, гораздо благозвучнее утверждение, что народы любого района мира сами все для себя создавали с глубокой древности, а не были в положении заимствовавших чужие достижения, в частности чужую цивилизацию. Но что делать, если дело обстояло именно так?! Переписывать историю, жертвуя истиной ради показного благозвучия?

Что касается Юго-Восточной Азии, то здесь дело обстояло, как только что было упомянуто, именно так: основы цивилизации были получены извне и медленно, на протяжении долгих веков, с большими либо меньшими успехами они усваивались, а порой и утрачивались, как то весьма заметно в той же Индонезии. Теперь несколько слов о том, какие именно цивилизационные основы усваивались и как шел процесс усвоения, что он давал местным обществам.

Индуизм был здесь древнейшим и во всяком случае общим почти для всех цивилизационным пластом, от Цейлона до Филиппин. Только, пожалуй, для Северного Вьетнама, с III в. до н. э. оказавшегося под сильным культурным воздействием Китая, следует сделать исключение: здесь заимствованным чуждым цивилизационным пластом, усваивавшимся на протяжении тысячелетий, было конфуцианство. Конфуцианство, как о том специально пойдет речь в интересующем нас плане ниже, при анализе взаимодействия традиционных структур народов Дальнего Востока и колониализма, имело ряд черт и признаков, которые способствовали созданию внутренне крепкой структуры, эффективно функционировавшей при сильном централизованном правительстве и не изменявшей свой стереотип существования при отсутствии сильной центральной власти, когда ее функции брали на себя социальные корпорации, внутренне также чрезвычайно прочные и основывавшиеся на железной дисциплине их членов. Что же касается индуизма, то его внутренняя прочность обуславливалась существованием системы каст, без которой она исчезала. Каст нигде к востоку от Индии и Цейлона практически не было, отсюда и результат: индуистский пласт, несмотря на sporadическое усиление его значимости за счет новых мигрантов из Индии, быстро таял, мало что оставляя после себя.

Буддийский пласт проник в Юго-Восточную Азию почти параллельно с индуистским и распространялся на той же территории. Но что показательно: если в Индии противостояние индуизма и буддизма в начале нашей эры завершилось сравнительно быстрым, полным и, что существенно, мирным поражением буддизма, то здесь было как раз наоборот: индуизм таял, а буддизм оставался, занимая его место. Что же было характерно для буддистского цивилизационного пласта, да к тому же наложенного на пусть таявший, но все же имевший место в прошлом индуистский? В нем оставались существенные элементы мировоззренческой культуры с ее установкой на поиски спасения вне феноменального мира и с ее культом этического-кармической нормы. Эти элементы усиливались за счет наложения буддизма на индуизм (они были общими для обеих доктрин), но из буддизма к ним прибавлялись принципы социального равенства и справедливости, близкие по духу к аналогичным представлениям первобытных эгалитарных обществ. Первобытность была для многих стран Юго-Восточной Азии и в I тысячелетии н. э. достаточно близка, а наложение на нее буддизма при таявшем кастовом антиэгалитарном индуизме приводило к усилению эгалитарных идей, в том числе и к социальной готовности обществ постоять за эти идеи в случае необходимости.

Сильной административно-политической власти обычно не способствовали ни индуизм, ни буддизм (иное дело, как упоминалось, конфуцианство). И хотя порой в Индонезии возникали большие империи, такие, как Маджапахит, они, подобно тому, что имело место и в Индии, быстро гибли, не имея достаточного запаса внутренней прочности и активно поддерживавшей их социальной опоры. Несколько иначе, но в целом примерно так же обстояло дело с исламскими государствами.

Мусульманство проникло в Юго-Восточную Азию поздно, хотя и распространилось там

быстро. Но позднее проникновение, да еще не в виде завоевания, которое несло бы с собой готовую, веками складывавшуюся и потому хорошо институционализированную структуру власти, а в ходе культурной диффузии, не сумело заложить крепкий фундамент мусульманской цивилизации. Конечно, кое-что из нее пришло и укрепилось. Возникли султанаты – типично исламская форма политической администрации. Но все это было весьма поздним, вторичным, сырым и для институционализации требовало времени, не говоря уже о не слишком благоприятных природноклиматических условиях. Словом, исламский цивилизационный пласт здесь тоже оказался ослабленным. Самое сильное в нем – принцип религиозно санкционированной политической власти – не сумело себя выразить. Достаточно напомнить, что в Юго-Восточной Азии, за исключением раннего и весьма кратковременного Малайского султаната Искандер-шаха в XV в., практически почти не было скольконибудь крупных и воинственно активных, стремившихся объединить вокруг себя других и преуспевших в этом государств ислама. Типичной картиной была мозаика мелких султанатов, хотя и враждовавших, воевавших друг с другом, но при всем том не изменивших политическую картину в целом. Единственное, что укоренилось от исламской цивилизации весьма крепко и к тому же наложило на уже существовавшие аналогичные представления, это все те же идеи эгалитаризма, принципы борьбы за социальную справедливость. В этом были единодушны все, включая и конфуцианцев.

Колониализм появился в Юго-Восточной Азии рано и столкнулся здесь с недостаточно развитым обществом, сравнительно слабой государственностью, включая острые политические междоусобицы, а также с пестрым цивилизационным пластом, мощь которого в различных местах региона варьировала от нулевой отметки до весьма заметных размеров. Длительное время колониализм оставался на уровне торгового, довольствуясь лишь факториями, небольшими анклавами недалеко от побережья, и опираясь на сотрудничество вождей и правителей окружавших эти анклавы небольших государств, чаще всего султанатов. Давление чужеземной структуры в этих обстоятельствах, несмотря на жесткие способы эксплуатации труда (включая и рабский), в целом ощущалось не слишком, а усилиями миссионеров оно к тому же в немалой мере и гасилось. Соответственно слабым было и сопротивление. Что же касается приспособления традиционной структуры к чуждой, то его рамки ограничивались небольшой территорией анклавов (крупнейший из них был на Яве) и были весьма ограниченными, во всяком случае до XIX в.

В XIX в. начался новый этап колониализма, связанный с его активной территориальной экспансией и промышленным освоением колоний. Англичане в результате войн захватили Бирму, с помощью мощного экономического и политического нажима овладели Малайей (султаны были де-факто превращены в их марионеток) и заняли сильные позиции в Сиаме. французы военными методами захватили Вьетнам и затем посредством давления – Камбоджу и Лаос. Голландцы с помощью войн, крупнейшей из которых была Ачехская, овладели практически всей Индонезией. Исключением оставались лишь Филиппины, которые, будучи захвачены испанскими колонизаторами еще в XVI в., сразу стали колонией Испании, так что XIX век для филиппинцев ознаменовался не столько дальнейшим усилением колонизации, сколько нарастанием сопротивления в борьбе за национальное освобождение и политическую самостоятельность.

Вот этот-то натиск колонизаторов, завершившийся успехом для них в основном к концу XIX в., когда неколонизованным остался только игравший роль буфера между английскими и французскими владениями в Индокитае Сиам, и явился импульсом, который стимулировал быстрый рост как сопротивления традиционных структур чуждому вмешательству, ломавшему привычный образ жизни, так и приспособления их к тому новому, что нес с собой европейский капитал, включая многие европейские идеи, институты и ценности, европейское образование и культуру, европейскую, западную цивилизацию, от железных дорог, почт и больниц до школ, газет, партий и парламентарной выборной процедуры.

Конечно, и здесь тропики и все с ними связанное замедляли процесс. Юго-Восточная Азия, где все началось лишь в конце XIX в., была в менее выгодном положении по сравнению, скажем, с Индией. Свою роль сыграли и природно-климатические условия, и изначально низкий стартовый уровень собственного развития народов этого региона, и сравнительная

слабость, даже пестрота цивилизационного фундамента и религиозно-культурных традиций. Неудивительно, что все это, вместе взятое, ограничивало темпы роста и особенно сопротивление традиционной структуры колониализму. Если не считать немногих колониальных войн и близких к ним по характеру восстаний, то о сопротивлении в других формах мало что можно сказать. В Бирме оно проявлялось в основном в требованиях тех же уступок, что были даны Индии, в Малайе – в ориентации на успехи национально-освободительного движения, как, впрочем, и во Вьетнаме. В Индонезии, Лаосе или Камбодже вплоть до второй мировой войны оно было еще меньше заметно. Только на Филиппинах уже в конце XIX в. оно достигло критического уровня. Но это не означает, что традиционная структура с легкостью принимала влияние извне и быстро к нему приспособлялась, за счет чего и снижалось сопротивление. Отнюдь.

Конечно, процесс приспособления шел, как и везде: в мире нет ни одной колониальной структуры, которая так или иначе не приспособлялась бы к изменившимся условиям и не модернизировалась бы в соответствии с этим, причем это касается не только колоний, но и зависимых стран, примером которых в данном регионе был Сиам. Но суть дела в том, что, приспособляясь, структура копила потенции для сопротивления, совершенствовала его средства, обогащала традиционные приемы за счет заимствованных и адаптированных новых, включая и новые идеи, новые институты, особенно те, что максимально непротиворечиво вписывались в традиционные привычные нормы существования. Такими идеями оказались именно те, что не имели почвы в Индии, т. е. идеи и институты, связанные с эгалитаризмом, борьбой за равенство и социальную справедливость. Случайно ли, что именно в Индокитае, а также на островах к востоку от Цейлона, включая Индонезию и Филиппины, и даже в современном Непале, долгое время сильно отстававшем в развитии от других стран региона, позиции радикальных партий, включая и коммунистические, оказались столь заметны и сильны? Конечно, нет. Напротив, это стало закономерным результатом, естественным итогом сопротивления той традиционной структуре, которая была характерна для данного региона, соответствовала его цивилизационному фундаменту, всему сложному комплексу составивших этот фундамент религиозно-культурных традиций. Продолжая ту же логику рассуждений, можно заметить, что далеко не случайно парламентаризм европейского типа в Юго-Восточной Азии не прижился настолько, как это имеет место в Индии, зато военные перевороты и военные режимы стали здесь почти повсюду едва ли не привычной нормой политической жизни. Словом, парламентаризм или радикализм; демократическая процедура или насильственные формы решения проблем – примерно такова здесь дилемма, разумеется, с учетом того, что все субъекты насилия обязательно клянутся в преданности делу народа, а порой и искренне стремятся помочь своей стране найти лучшие пути развития, не говоря уже о том, что все они и всегда говорят об интересах народа, о равноправии и социальной справедливости.

Блок второй Африка

Глава 6 Колонизация Африки южнее Сахары

Как уже упоминалось, с колониального освоения африканского побережья и были начаты в свое время поиски путей в Индию. Стоянки-форпосты, которые сооружались вдоль этого долгого пути на африканской земле, со временем становились опорными пунктами самостоятельного значения, т. е. исходными точками для развития колониальной торговли, особенно работорговли в Тропической Африке.

На первых порах, в XVI–XVIII вв., колонизаторы, начиная с португальцев, не стремились идти в глубь континента. Это было делом сложным, дорогостоящим и опасным. Куда проще было наладить в прибрежных факториях примитивную меновую торговлю и тем создать

экономические стимулы для вовлечения африканцев, особенно из числа социальных верхов – старейшин, вождей, в эту систему торговых связей. Однако в XIX в. картина стала быстро меняться. Торговый колониализм трансформировался в промышленный; на смену португальским и иным работорговцам пришли заинтересованные в сбыте фабричных товаров и эксплуатации богатых природных ресурсов Африки европейские капиталисты.

XIX век в истории Африки был – особенно его последняя треть – периодом активных колониальных захватов, лихорадочного стремления за столбить за собой всеми правдами и неправдами отторгнутые (купленные, выменянные или силой взятые, добытые в результате обмана) территории, а также временем острого соперничества держав, особенно Англии и Франции, в попытках обогнать друг друга и захватить как можно больше. Далеко не всегда захваты такого рода были экономически обоснованными с точки зрения того самого капитализма, интересы которого диктовали приобретение новых колоний и рынков сбыта. Подчас внешне борьба за колонии в Африке выглядела как своего рода политический спорт – во что бы то ни стало обойти соперника и не дать ему обойти себя. Однако в конечном счете речь шла именно о том, чтобы, не вдаваясь в мелочные расчеты, приобрести как можно больше чужой земли. Считалось само собой разумеющимся, что рано или поздно эти приобретения окупятся с лихвой, что впоследствии и произошло, не говоря уже о том, что успех или хотя бы соучастие в этой гонке было делом престижа для европейских стран.

Колонизационные захваты шли в нескольких основных направлениях, всегда с побережья в глубь континента. Одним из направлений было движение с западного побережья в центральные зоны северной саванны, где явственно лидировала Франция. Другим, шедшим ему наперерез, было стремление Англии, освоив благодатные территории юга Африки, двигаться на север, причем чем дальше, тем лучше: идеально – до Каира. Третьим направлением было освоение арабской и арабоязычной Африки, т. е. всей северной и восточной прибрежной полосы континента, от Мавритании и Марокко до Сомали и Занзибара. Здесь шло острое соперничество между англичанами и французами, хотя свой кусок пытались урвать и другие. Вообще же на долю других – Германии, Италии, Бельгии, Португалии, Испании – досталось не слишком много, не говоря уже о том, что после первой мировой войны немецкие колонии были поделены между странами-победительницами, в первую очередь между Англией и Францией. На фоне острого соперничества между этими ведущими европейскими державами XIX в. исключением является лишь Южная Африка, где ситуация была несколько иной.

Южная Африка

На рубеже XVIII–XIX вв. Капская колония голландских переселенцев-буров перешла под власть Англии, причем столкновения англичан с бурами повлекло за собой резкое расширение зоны колониальных захватов. Треккеры-буры, как о том уже было упомянуто, массами мигрировали на север, где в местах расселения бантуязычных басуто и ндебеле (матабеле) в середине XIX в. ими были созданы независимые республики Трансвааль и Оранжевая. На юге, где оставались англичане (там, впрочем, жила и немалая часть колонистов-буров), в ходе длительных войн с зулусами и коса («кафрами») понемногу расширялись территории Капской колонии и заново созданной на побережье к северо-востоку от нее колонии Наталь (Натал). Кроме того, в середине XIX в. на севере был создан британский протекторат Бечуаналенд, так что обе бурские республики почти со всех сторон, кроме побережья на востоке, оказались окружены англичанами.

Открытие в конце 60-х годов близ слияния рек Вааль и Оранжевой алмазных россыпей Кимберли (название – от имени британского министра колоний) вызвало в стране алмазную лихорадку, способствовало притоку старателей со всего мира и быстрому экономическому развитию юга Африки. Вторым столь же мощным толчком для развития послужило открытие в 80-х годах золота в Трансваале, где быстро вырос центр золотоискателей Йоханнесбург. Южная Африка быстро становилась одним из промышленных центров мира. Строились города, железные дороги, возникали многочисленные предприятия, развивалась сфера обслуживания. Резко возрастала численность рабочих как из числа приезжих европейцев, так из среды законтрактованных африканцев. Создавались мощные капиталистические компании, одна из

которых – «Де Беерс» (Бирс) во главе с С. Родсом – вскоре стала практически монополистом в деле добычи алмазов.

Голландские колонисты-буры, занимавшиеся сельским хозяйством и выше всего ценившие собственную независимость, считавшие незыблемым свое право повелевать чернокожими работниками, к которым они относились почти как к рабам, долгое время сопротивлялись натиску англичан и британского торгово-промышленного капитала. Однако в ходе нескольких военных столкновений, особенно после англо-бурской войны 1899–1902 гг., это сопротивление было подавлено, а бурские колонисты, объединившиеся с англичанами в рамках единого государства, Южно-Африканского Союза (1910), не только энергично влились в ряды политического руководства новой страны, получившей статус доминиона Британской империи, но и в некотором смысле задали тон в ее внутренней политике: именно благодаря их усилиям расцвел здесь зиждившийся на официально провозглашенной расовой дискриминации апартеид.

Законом 1913 г. африканцы были ограничены в правах: им запрещалось приобретать землю вне резерватов, они могли владеть участками арендованной земли лишь при условии отработок на землях хозяина. Была введена система пропусков, которые должны были удостоверить право африканцев быть на территории вне резерватов, – работать же горнякам и рабочим иных специальностей (в основном это была черная работа; квалифицированную выполняли рабочие-европейцы) приходилось именно вне резерватов, т. е. на основной части территории страны, быстро развивавшейся в промышленном отношении. Хотя африканские рабочие Южной Африки уже с конца прошлого века начали активно бороться за свои права и создавать профсоюзные и иные организации⁴³, эта борьба ощутимых результатов не дала. Конечно, африканские рабочие в ходе ее приобретали немало из того, чего были лишены африканцы в других районах континента: они имели гарантированную зарплату, их дети могли, пусть не все, учиться, что вело к появлению образованного африканского населения, интеллигенции, возглавлявшей борьбу за политические права и свободы. Но жесткая система апартеида строго ограничивала пределы упомянутой борьбы, во главе которой с 1912 г. встал Африканский национальный конгресс. Рабочий-негр, равно как и интеллигент (учитель, священник, публицист, врач), принадлежали как бы к иной породе людей в глазах властей. Не было и речи об участии африканцев в выборах: в лучшем случае им милостиво предоставлялась возможность посылать в парламент несколько депутатов из числа избранных ими европейцев. Не приходится говорить и о хорошо известных ограничениях в пользовании жильем, транспортом, больницами, парками и т. п., просуществовавших до недавнего времени. «Только для белых» – этот трафарет был очень распространен во многих общественных местах, причем после официального разрыва Южно-Африканской Республики в 1961 г. с Британским содружеством наций под давлением других государств, входящих в это содружество, апартеид не только не был смягчен, но в некоторых отношениях даже усилился.

Колонизация Южной Африки и создание Южно-Африканского Союза как многорасового государства с политическо-правовым и социально-экономическим превосходством европейского населения, численно составляющего менее 20% жителей страны (а с цветными и индийцами, наделенными некоторыми правами по сравнению с африканцами, но явно дискриминируемыми по отношению к европейцам, – около 30%), – явление уникальное не только в Африке, но и вообще в мире. Уникальность его не только в вызывающей жесткости апартеида, в принципе хорошо знакомой истории (достаточно вспомнить о древнеиндийских варнах и вообще о неполноправности различных социальных слоев в традиционных обществах). Скорее она в парадоксальности ситуации: африканское большинство ЮжноАфриканской Республики, в немалой степени скомпонованное за счет миграции туда отходников чуть ли не со всей Тропической Африки, имело весьма высокий по африканским стандартам уровень жизни, включая образовательный ценз и степень политической активности,

⁴³ Некоторым примером для них в этом смысле были организации индийских кули, завезенных в Южную Африку для работы на сахарных плантациях. При активном участии жившего здесь в 1893–1914 гг. М.К. Ганди был создан в 1894 г. Индийский конгресс Наталя.

но при этом было низведено до статуса бесправного сословия, презираемых социальных низов. Совершенно очевидно, что такого рода ненормальная ситуация была политически опасна, вела к взрыву, что особенно заметно стало ощущаться во второй половине XX в. Не будучи колонией в собственном смысле слова, являясь богатой и процветающей капиталистической страной, ЮАР вплоть до недавнего времени воспринималась как кричащий символ колониализма, особенно на фоне практически всеобщей деколонизации.

В отличие от ЮАР все остальные южноафриканские колонизованные европейцами страны в целом соответствуют единому общему стандарту. Охарактеризуем их в немногих словах.

В 1888 г. агенты британской Южно-Африканской компании, возглавлявшейся Родсом, добились от вождя мигрировавших в междуречье Лимпопо и Замбези матабеле Лобенгулы исключительного права на разработку минеральных богатств в землях машона, где теперь господствовали матабеле. Получив от королевы Виктории хартию на право управлять приобретенными территориями (эта хартия превращала компанию в административно автономную структуру с огромной властью, нечто вроде Ост-Индской компании в прежние времена). Роде организовал ряд военных экспедиций, в ходе которых, несмотря на ожесточенное сопротивление местного населения, здесь, на землях древней Мономотапы, была создана английская колония, названная его именем, – Родезия (Южная Родезия). Вслед за тем в борьбе за левобережье Замбези Роде столкнулся с соперничеством базировавшихся в Мозамбике португальцев. Итогом этой борьбы было отступление португальцев и расширение границ Родезии на севере (Северная Родезия), а также объявление соседних к востоку территорий английским протекторатом Ньясаленд (1891).

Аннексированные компанией Родса земли оказались чрезвычайно богатыми медью, особенно Северная Родезия (совр. Замбия). В начале XX в. они стали активно осваиваться: строились железные дороги, рудники, рядом создавались плантации (хлопок, сахарный тростник, табак, арахис), выращивались товарные рис и кукуруза. Медь, золото и иные руды, равно как и продукты сельского хозяйства, шли на экспорт. Однако, несмотря на это, промышленное развитие шло медленно, а большинство рабочих рук уплывало на юг – речь о рабочих-отходниках, работавших на южноафриканских предприятиях.

Влияние с юга оказывало воздействие на развитие обеих частей Родезии и Ньясаленда. Здесь, нередко с участием возвратившихся на родину отходников, создавались политические организации, в частности Африканский национальный конгресс. Но рабочие и тем более образованные слои населения численно росли медленно и заметной роли в жизни своих стран не играли. Вся политическая жизнь, особенно в Южной Родезии, где было значительное число европейских колонистов (около 5% населения), сосредоточивалась в руках белых поселенцев – фермеров, торговцев и предпринимателей. С 1923 г. Южная Родезия (совр. Зимбабве) стала самоуправляющейся колонией. В 1953 г. была создана единая Федерация Родезии и Ньясаленда, распущенная в 1963 г. Рост национально-освободительного движения среди африканского населения привел к завоеванию независимости: Ньясаленд (Малави) добился ее в 1964 г., Замбия – тоже в 1964, а борьба за независимость Зимбабве вследствие сопротивления европейского меньшинства затянулась надолго, вплоть до рубежа 70–80-х годов, когда к власти пришло правительство Р. Мугабе.

Параллельно с движением английских колонизаторов на север шел процесс колониального освоения державами восточного побережья Южной Африки. Здесь тесно сплелись интересы нескольких держав – Англии, Франции, Германии, Португалии.

Португальский Мозамбик как крепость был основан еще в начале XVI в., после чего немногочисленные португальские форты на восточноафриканском побережье служили преимущественно для нужд работоторговли. Только в конце XIX в., когда раздел Африки принял формы ажиотажа, португальские колониальные власти с помощью многочисленных съезжавшихся сюда авантюристов и любителей легкой наживы стали энергично продвигаться в глубь континента. Колонизация Мозамбика в его современных границах привела на рубеже XIX–XX вв. к созданию здесь плантационного хозяйства (сахарный тростник, хлопок) и к массовым контракциям африканцев как для работы на упомянутых плантациях, так и для поставки их в организованном порядке (за немалую плату) в качестве рабочих-отходников для

шахт Трансвааля. Поражение Германии в первой мировой войне привело к присоединению к португальским владениям части германской Восточной Африки. Но сама экономически отсталая Португалия не была в состоянии наладить процветающее плантационное хозяйство и необходимую для этого инфраструктуру. Результатом было, с одной стороны, активное проникновение в Мозамбик английского и американского капитала, а с другой – сравнительная отсталость колонии, неразвитость ее хозяйства, консервация примитивных форм жизни. В 1951 г. колония стала морской провинцией Португалии, что формально несколько повысило ее статус, но практически ничего не изменило. В 1964 г. здесь началась вооруженная борьба за освобождение под руководством партии (движения) ФРЕЛИМО (Фронт освобождения Мозамбика). Руководитель ФРЕЛИМО С. Машел в 1975 г., после революции в Португалии и предоставления Мозамбику независимости, стал его первым президентом.

Германия позже других приступила к борьбе за колонии. В 1884 г. она стала аннексировать земли восточного побережья Африки и после заключения ряда договоров, в частности с Англией, о разделе сфер влияния объявила своей колонией германскую Восточную Африку, где начала налаживать плантационное хозяйство, строить железные дороги. Но после поражения Германии в мировой войне эта колония была поделена между Португалией, Бельгией и Англией, которой досталась основная ее часть.

Англия получила и Танганьiku. Вместе с расположенным рядом островом Занзибар, который стал британским протекторатом еще в 1890 г., Танганьика была ценна скорее как стратегически выгодная территория с богатыми торговыми возможностями, нежели как страна, богатая ресурсами. Подобно находившимся чуть к северу от нее Уганде, которая в ходе соперничества с Францией и Германией в конце XIX в. стала колонией Англии и была превращена в крупнейшего экспортера хлопка и кофе, и Кении (экспорт кофе, сизаля, пиретрума), Танганьика составила основу восточноафриканских владений Британии. Недовольство местного населения, подчас принимавшее форму вооруженных выступлений, вынуждало англичан либо идти на определенные уступки (в Уганде в 40-х годах XX в. в Законодательный совет колонии было введено несколько африканцев), либо долгое время вести изнурительное противоборство (выступление племени гикуйю, или кикуйю, в Кении). Сильное политическое движение в Кении, в котором заметную роль играли террористические акции тайной организации Мау-мау, доставило колонизаторам больше всего хлопот и в немалой мере способствовало как росту самосознания африканцев, так и вынужденным уступкам со стороны англичан. В 1956 г. африканцам были предоставлены ограниченные избирательные права, расширено их представительство в созданном еще в 1906 г. Законодательном совете. В 1960 г. было разрешено создание политических партий, после чего под давлением этих партий, особенно КАНУ (Национальный союз африканцев Кении) во главе с Д. Кениатой, англичане приняли в 1962 г. проект конституции. В 1964 г. Кения стала независимой республикой.

Танганьика во главе с Африканским национальным союзом, созданным в 1954 г., добилась независимости в 1961 и стала республикой в 1962 г. В Уганде созданный в 1952 г. Национальный конгресс и образованная в 1956 г. Демократическая партия добились большинства на выборах 1961 г. в Законодательный совет. В 1962 г. была провозглашена независимость страны, но внутренние разногласия и, в частности, претензии короля Буганды на привилегированное положение в новом государстве сильно ослабляли центральное правительство (в 1966 г. премьер и лидер Национального конгресса М. Оботе сместил короля с поста президента и сам занял этот пост). Как известно, в дальнейшем внутренняя слабость власти стала причиной национальных трагедий угандийцев, в частности тех, что были связаны с годами правления диктатора Иди Амина.

Заканчивая обзор процесса колонизации юга Восточной Африки, следует упомянуть, что расположенный рядом с континентом остров Мадагаскар стал добычей Франции. В 1885 г. вторгшиеся на остров французы заставили правителя государства Имерина заключить с ними неравноправный договор, а в 1896 г. остров стал колонией. Уровень развития мальгашей был достаточно высоким по сравнению с соседними африканскими народами. Неудивительно, что страна оказывала ожесточенное сопротивление колонизаторам. Сначала это были стихийные движения, восстания крестьян, жестоко подавлявшиеся (по некоторым данным, эта борьба стоила 700 тыс. жизней, что было равно почти трети населения острова). Затем сопротивление

приняло формы политической оппозиции, национально-освободительных движений, забастовок и т. п. Благодаря хорошо налаженному в XIX в. еще до вторжения колонизаторов просвещению и книгоиздательскому делу на родном языке, росли ряды образованных людей, национальной интеллигенции, приобщавшейся и к великим традициям французской культуры. Больших успехов в развитии промышленности колонизаторы не добились, а все усиливавшаяся борьба за национальное освобождение вынуждала их идти на уступки. В 1958 г. Мальгашская республика добилась статуса автономной в рамках Французского союза, а в 1960 г. она стала независимым государством.

Процесс колониального освоения западного побережья Южной Африки и примыкающего к нему с севера бассейна Конго шел параллельно тому, что происходило на юге континента и на юго-восточноафриканском побережье. Разница – и довольно существенная – заключалась в том, что здесь в колонизации не участвовали англичане. Это была сфера интересов других держав – Португалии, Германии, Бельгии, Франции.

С начала 80-х годов XIX в. Германия стала строить планы захвата юго-западного побережья Африки (совр. Намибия). В 1884 г. значительная часть побережья и прилежащие к нему территории континента стали зоной влияния, а затем и колонией Германии (германская Юго-Западная Африка). Правда, взять с этих бедных земель, малопригодных для земледелия (пустыня Калахари), было почти нечего. Они были важны как стратегический плацдарм (о богатых рудных ресурсах Намибии, открытых лишь в середине XX в., тогда, естественно, не было речи). Но дальнейшему продвижению в глубь Африки помешали англичане, а восстание племен гереро и намо против германской колониальной администрации, проявлявшей себя весьма жестко даже на фоне далеко не слишком либеральной английской, длилось свыше двадцати лет, с середины 80-х по 1907 г. И хотя после этого жесткая колониальная власть немцев была упрочена, длилась она недолго: первая мировая война покончила с колониями Германии, а Намибия стала подмандатной территорией Южно-Африканского Союза.

Территория к северу от Намибии, Ангола, была частично освоена португальцами еще на рубеже XV–XVI вв. Здесь, как и в расположенных к северу от Анголы прибрежных землях Конго, были торговые фактории, занимавшиеся на протяжении веков работоторговлей. Начатое в середине XIX в. проникновение португальцев в глубь материка привело к постепенному освоению Анголы в ее внешних границах. На смену запрещенной работоторговле пришла контрактация местного бантуязычного населения для работ как на ангольских плантациях, в обилии создававшихся португальскими колонистами, так и на плантациях островов Сан-Томе и Принсипи, тоже принадлежавших Португалии. Плантационное хозяйство было связано с выращиванием сахарного тростника, кофе (на Сан-Томе – какао). С начала XX в. стали развиваться горнодобывающие промыслы (алмазы, марганцевая и железная руда), строиться железные дороги. Провозглашение республики в Португалии (1910) способствовало некоторому смягчению колониальной политики. Среди африканского населения стала выделяться группа привилегированных – «цивилизованных» или «ассимилированных», т. е. тех, кто умел говорить, читать и писать по-португальски и имел достаточный для существования регулярный доход. Таких был примерно 1 % населения, но именно на них опирались колонизаторы в своей административной политике. В 1951 г. Анголе, как и Мозамбику, был предоставлен статус «заморской провинции». Одновременно в стране стало разворачиваться движение за национальное освобождение, которое в 1961 г. приняло характер вооруженных выступлений. Ведущее место в борьбе заняло созданное в 1956 г. движение МПЛА (Народное движение за освобождение Анголы), которое после апрельской революции 1974 г. в Португалии возглавило в 1975 г. независимую Народную Республику Ангола (ее первый президент – руководитель МПЛА А. Нето).

Бассейн Конго был сферой влияния португальцев с XVI в., когда значительная часть правящих верхов государства Конго во главе с королем приняли католичество, о чем уже шла речь. Проникновение португальцев и их активная роль в политических перипетиях в районе бассейна Конго, равно как и вывоз рабов (по некоторым данным, из этого района Африки их всего было вывезено до 13 млн.), привели к упадку и развалу королевства в начале XIX в. Ушли отсюда и португальцы. В конце XIX в. начался новый этап колонизации территории бассейна Конго.

В 1876 г. по инициативе бельгийского короля Леопольда II была создана Международная ассоциация для «исследования и цивилизации» Центральной Африки. На службу ассоциации были призваны такие знаменитые путешественники и исследователи Африки, как соратник Д. Ливингстона Г. Стэнли, уже прославившийся своими открытиями и публикациями. Серия его экспедиций в бассейне Конго сопровождалась созданием нескольких десятков форпостов и военных постов и заключением множества договоров с местными вождями, предоставлявшими ассоциации различные права и привилегии в этом районе Африки. На Берлинской конференции 1884–1885 гг. интересы и статус ассоциации как административного образования были признаны державами, после чего в августе 1885 г. было создано Независимое государство Конго во главе с Леопольдом (в 1908 г. оно стало колонией Бельгии под названием «Бельгийское Конго»).

Открытое для европейского капитала государство в бассейне Конго стало быстро осваиваться. Англичане строили железные дороги, бельгийцы и представители иных европейских стран активно осваивали горнорудные богатства Шабы (Катанги). Создавались плантационные хозяйства с принудительным трудом законтрактованных африканцев (в основном занимались выращиванием гевеи и производством каучука). Быстрыми темпами развивалась промышленность, создавались города – Леопольдвиль, Стэнливилль, Элизабетвиль и др. Из местного населения были созданы вооруженные силы и полицейские отряды «Форс публик», которые сыграли свою роль в годы первой мировой войны и, в частности, позволили бельгийцам аннексировать густозаселенные Руанду и Урунди, бывшие до того частью германской Восточной Африки. Жестокое обращение с африканским населением было в Бельгийском Конго нормой, хотя порой и вызывало протесты. Но промышленное развитие колонии, особенно Катанги, шло быстрыми темпами. После второй мировой войны в городах страны проживало около 25 % населения – довольно много для Африки того времени. С начала 40-х годов в Бельгийском Конго возникло массовое рабочее движение, а в 1956 г. наметился мощный подъем национально-освободительного движения, связанный с именем и деятельностью П. Лумумбы. В 1960 г. Конго стало независимым государством (с 1971 г. – Заир).

К северу от Заира, на правом берегу нижнего течения Конго, в начале 80-х годов XIX в. создалась зона влияния Франции (в 1880 г. французский офицер де Бразза заключил с местным вождем договор, по которому Франция получила особые права в этих землях, после чего здесь был выстроен форт, будущий Браззавиль), французы и бельгийцы пытались наладить здесь плантационное хозяйство (кофе, какао, сахарный тростник, пальмовое масло), строили дороги, промышленные предприятия. В целом, однако, уровень развития хозяйства был невысоким, особенно по сравнению с Бельгийским Конго. В 1946 г. африканцам были предоставлены некоторые политические права, в 1957 г. их представители были включены в администрацию колонии. В 1958 г. французское Конго стало автономным государством (Республика Конго) в рамках Французского союза (как и Мадагаскар), а в 1960 – независимой республикой, которую с 1963 г. возглавило радикально настроенное правительство во главе с А. Массамба-Деба.

Западная и Центральная Африка

Если на юге Африки явственно лидировали англичане, а французов почти не было, то зона северной саванны и тропических лесов, напротив, оказалась плацдармом острого соперничества между Англией и Францией при третьестепенной роли некоторых других держав. К сказанному стоит добавить, что в ходе этого соперничества шла борьба не столько за территории (здесь бесспорно лидировала Франция – достаточно вспомнить о включенных в ее колониальную империю песках Сахары), сколько за экономически наиболее ценные и к тому же достаточно густо заселенные районы Гвинейского побережья, где позиции Англии были, пожалуй, предпочтительнее.

Английские колонии в Западной Африке оказались сосредоточенными в тех районах бассейна Вольты и нижнего Нигера, где издревле существовали прото – и раннегосударственные образования и где достаточно прочные позиции давно уже завоевал

ислам, что также наложило на процесс колонизации заметный отпечаток. Можно напомнить и о том, что в эпоху энергичной колонизации, раздела Африки в конце XIX в., англичане были в этом районе Африки отнюдь не новичками: их первые торговые фактории появились на территории Золотого Берега, например, в 1631 г., а на побережье Сьерра-Леоне даже в середине XVI в.

Среди африканских государств на Гвинейском побережье особое место занимает Либерия, созданная рабами-переселенцами из США. Прибыв в Либерию в 1822 г., эти переселенцы создали республику в 1857 г. И хотя взаимоотношения переселенцев с местным аборигенным населением складывались не гладко, в целом на примере Либерии можно говорить о первой в истории негритянской конституционной республике, идейно и институционально ориентированной на передовой для своего времени американский конституционный стандарт. Дальнейшая судьба этой страны во многом зависела и от превратностей мирового рынка (страна специализировалась на добыче железной руды и производстве каучука), и от политики держав (экономическое закабаление в начале XX в., вплоть до неплатежеспособности страны в 1905 г.), и от деятельности иностранного капитала (строительство железных дорог, плантаций). Но все же Либерия оставалась свободной республикой с постепенным увеличением количества имеющего право голоса туземного африканского населения, а также людей образованных, в том числе интеллигентов. Либерия на фоне колониальной Африки – своего рода исключение, как и расположенная на другой стороне континента и во многом очень не похожая на нее, но тоже сохранившая свою свободу Эфиопия.

Вернемся к английским колониям и начнем со Сьерра-Леоне. В конце XVIII в. англичане привезли сюда большую группу африканцев из числа освобожденных ими рабов, потомки которых (многие из них были креолами-метисами) стали заметной частью местного африканского населения. Правда, республики по образцу Либерии потомки рабов в Сьерра-Леоне так и не создали. Но, опираясь на них, англичане наладили здесь неплохую систему администрации, способствовали развитию торговли и мелкого предпринимательства, приступили к выращиванию гевеи, а с начала XX в. – к горнодобывающему промыслу (добыча хромовой руды, железа, алмазов). Строились дороги и порты, формировалось городское население, возникал слой образованной интеллигенции. С 20-х годов XX в. в стране возникли различные просветительские организации, в 40-х годах – партии и профсоюзы. Уже в 20-е годы были созданы Законодательный и Исполнительный советы, управлявшие колонией, причем в обоих органах, контролировавшихся генерал-губернатором, африканцы получили заметное представительство. Конституция 1957 г. и проведенные на ее основе выборы дали власть Народной партии, правительство которой в 1961 г. провозгласило независимость Сьерра-Леоне (в 1971 г. она была объявлена республикой).

В конце XVIII в. после ожесточенного соперничества держав (Англии, Франции, Голландии) узкая полоса земли вдоль нижнего течения реки Гамбия была признана владением Британии. Вначале колония административно подчинялась Сьерра-Леоне, затем была выделена в отдельную колонию (с 1843 г.), а на рубеже XIX–XX вв., после подавления восстания местного населения во главе с руководителем мусульманской секты марабутом Фоди Кабба, официально стала протекторатом. Будучи затем превращенной в страну монокультуры (гамбийцы выращивают и продают арахис), эта небольшая колония лишь в середине XX в. стала активно бороться за свое освобождение. Конституции 1959 и 1962 гг. предоставили немало политических прав африканскому населению, а вслед за тем в 1965 г. Гамбия добилась независимости.

Золотой Берег (совр. Гана) с его золотыми приисками с XVI в. был объектом соперничества колониальных держав, но постепенно основные позиции здесь заняла Англия. Заселенная племенами фанти, ашанти и некоторыми другими, в основном выходцами из древней Ганы после завоевания ее Альморавидами в XI в. (откуда и современное название государства), эта колония расположена в бассейне р. Вольты. Укрепление здесь с начала XIX в. позиций Англии привело к столкновению ее с конфедерацией Ашанти. В ходе серии англоашантийских войн, занявших практически весь XIX век, англичане в 1896 г. добились крушения конфедерации, а в 1901 г. земли Золотого Берега были объявлены колонией Британии. В созданный англичанами Законодательный совет еще в конце XIX в. включались

представители африканцев. Колония была специализирована на выращивании бобов какао. Строились железные дороги, развивалась горнорудная промышленность (добыча золота, бокситов, марганца, алмазов), росли кадры рабочих, интеллигенции. Создавалась англоязычная африканская литература. Уже в 1920 г. здесь была создана организация Национальный конгресс Западной Африки, активно действовавший и вынудивший англичан в 1925 г. согласиться на включение нескольких африканцев в Законодательный совет. В начале 40-х годов в состав Исполнительного совета (кабинета министров) также были включены африканцы. Вообще 40-е годы были временем интенсивного экономического (разработка бокситов, экспорт каучука, рост численности рабочих) и политического (возникновение партий и профсоюзов) развития страны. В 1956 г. Золотому Берегу (и соединенной с ним подмандатной территории Того, до первой мировой войны бывшей колонией Германии) был предоставлен статус доминиона, в 1957 г. он стал независимым государством Гана. В 1960 г. Гана стала республикой во главе с президентом К. Нкрума.

Наиболее важные колониальные владения Британии в Западной Африке были сосредоточены в бассейне нижнего Нигера, причем захват этих по африканским стандартам древних, развитых и многонаселенных территорий, в том числе известных самостоятельных африканских протогосударственных образований, оказался для англичан делом далеко не простым. Еще в 1861 г. англичане захватили Лагос, после чего колония Лагос стала расширяться (сначала, с 1866 г., она была административной частью Сьерра-Леоне, с 1874–частью владений колонии Золотой Берег, с 1886 г. – самостоятельной территорией, ставшей в 1893 г. «Протекторатом побережья Нигера»). Это расширение шло на фоне силового давления и войн колонизаторов с городами-государствами йоруба, особенно с крупнейшим из них – Ойо, с торговыми городами к востоку от устья Нигера, сильнеешим из которых был Опобо, а также с Бенином. Войны затянулись на десятилетия, но в конечном итоге все побережье и некоторые территории, прилегающие к нему, были подчинены Англии, создавшей на этой основе в 1906 г. владение «Колония и протекторат Южная Нигерия».

Войны с Бенином вывели англичан к внутренним районам бассейна Нигера. Здесь уже в 1900 г. был образован протекторат Северная Нигерия, после чего была начата кампания за присоединение к нему хаусанских эмиратов, объединенных в халифат Сокото. Хотя созданный фульбе и населенный в основном хауса халифат Сокото и не был сильным государством, а входившие в него эмираты враждовали между собой, исламская система власти сказала свое веское слово: перед англичанами были не рыхлые полупервобытные политические структуры побережья, а неплохо организованные государства, с которыми нельзя было не считаться. Неизвестно, насколько бы затянулось дело, если бы не скорострельные пулеметы «максим», принятые в европейских странах на вооружение именно на рубеже XIX–XX вв. Именно это новое оружие, способное в считанные минуты скопить сотни идущих в атаку воинов, и решило исход кампании, которую впоследствии так и назвали: «борьба эмиров против максимов». Объединенная колония в 1914 г. стала именоваться «Колония и протекторат Нигерия». Встал вопрос об управлении этой большой и составленной из очень разных частей колонии.

Система колониального управления английскими владениями в Африке была разработана прежде всего применительно к аннексированным эмиратам и прилегающим к ним с юга территориям Северной Нигерии, Речь идет о так называемом косвенном управлении, смысл которого сводился к сохранению существующей туземной администрации с ее традиционными институтами и вождями и к верховному надзору колониальных властей, что следует считать характерным для подавляющего большинства колоний Британии в Африке и вне ее. Официально принятая англичанами в Африке в 1907 г. для управления Северной Нигерией, эта система затем была введена в Гамбии (1912), в Южной Нигерии (1916), а в начале 30-х годов также на Золотом Берегу и в Сьерра-Леоне. Удачно отработанная система сохраняла в малоизменившемся виде традиционную структуру в целом и в то же время открывала простор для ее постепенной модернизации и приспособления к новым условиям промышленного капиталистического развития, быстрой урбанизации, появления новых социальных прослоек, прежде всего рабочих и образованных интеллигентов.

С начала XX в. в Нигерии стали быстрыми темпами развиваться горнорудный комплекс (добыча угля, марганца, железа, олова), железнодорожное строительство. Предметами экспорта

продолжали быть продукты масличной пальмы, какао, земляной орех. Ранее, чем в других районах Тропической Африки, возникают здесь рабочее и политическое движение (в 1920 г. создано отделение Национального конгресса британской Западной Африки, в 1922 – Национально-демократическая партия, в 1934–1936 гг. – Движение нигерийской молодежи). С конца XIX в. выходили газеты на английском языке, в которых публиковались статьи против колониализма и расовой дискриминации. В 40-х годах движения за национальное освобождение стали получать массовую поддержку. В 1944 г. была создана общенигерийская партия Национальный совет Нигерии и Камеруна⁴⁴. С 1947 г. в Нигерии стала действовать конституция, предоставившая африканскому населению значительные права и участие в системе администрации при сохранении последнего слова за английским губернатором. В 1958 г. было принято решение о предоставлении Нигерии независимости, а с 1963 г. она стала федеративной республикой.

Вся остальная часть Западной и Центральной Африки, за исключением крайне небольших и малозначительных колониальных анклавов, принадлежащих Португалии (португальская Гвинея) либо Испании (Рио де-Оро, или испанская Сахара), была в конце XIX в. колонизована Францией, как, впрочем, и значительная часть Северной Африки, арабского Магриба. Вообще-то французские колонии – и вне Африки, и в Африке – восходят к тому же XVI в., что и первые колониальные захваты других держав. Но, если переселенческая активность французов в Америке в XVII–XVIII вв. была весьма заметна, то в Азии и Африке в это время французских колоний было немного.

Первой и основной африканской колонией Франции был Сенегал, где французы укрепились, выстроив форт Сен-Луи, еще в середине XVII в. Как и другие колонизаторы, французы в то время, да и много позже, занимались здесь преимущественно работоторговлей. Складывание французской колониальной империи в Африке практически началось именно со стороны Сенегала как опорного пункта лишь в последней трети XIX в. В 80 – 90-е годы французы стали одно за другим аннексировать мелкие государственные образования в бассейне Сенегала, верховьях Гамбии, на плато Фута-Джаллон, а затем также и в верховьях Нигера, т. е. в тех гвинейских и западносуданских землях, где тысячелетием раньше складывались одни из первых африканских государственных образований – Гана, Мали, Сонгай. Одновременно с этим французы с помощью сенегальских стрелков начали колониальные захваты на Гвинейском побережье в Дагомее, из района верховьев Нигера вышли к Берегу Слоновой Кости. В результате всех этих колониальных захватов Франция овладела большими территориями в Западном Судане и на побережье Гвинейского залива, после чего ее колониальная активность была направлена на восток, в Центральный Судан, включая среднее течение Нигера и район оз. Чад, вплоть до англо-египетского Судана. Все эти колониальные захваты были объединены в рамках колониального образования Французская Западная Африка, просуществовавшего свыше полувека, до 1958 г. В 1920 г. к упомянутым колониальным владениям была присоединена еще и расположенная к северу от Сенегала Мавритания.

Колониальные территории Французской Западной Африки не относились к числу богатых ресурсами и населением. В большинстве это были полупустынные земли, пригодные преимущественно для обитания там кочевников. Удобные для земледелия районы тоже не отличались выгодными климатическими условиями, за исключением тех, что прилегали к побережью. Именно эти последние и были, если так можно выразиться, жемчужиной Французской Западной Африки, из них колонизаторы стремились выжать как можно больше, превращая целые страны в зоны монокультуры, рассчитанной на экспорт: Сенегал вывозил арахис, Дагомея и Берег Слоновой Кости – продукты масличной пальмы, Гвинея – сок гевеи, каучук. В целом же французские колониальные власти рассматривали свою Западную Африку как единое целое, мечтая расширить владения до противоположного берега континента. И хотя

⁴⁴ Соседний с Нигерией Камерун, колонизованный в конце XIX в. Германией, был в 1916 г. частично передан Англии и включен в состав Нигерии; остальная и большая его часть была передана Франции. В 1960 г. северная часть английской зоны осталась в составе Нигерии, а южная ее часть после плебисцита была присоединена к французской зоне, после чего в 1961 г. на базе этой зоны была создана независимая республика Камерун.

мечтам не суждено было сбыться (инцидент в. Фашоде в 1898 г. похоронил надежды на это), колонизаторы делали все, что в их силах, для экономического освоения захваченных земель: строились железные дороги, развивались старые и создавались новые города, рос торговый оборот, вкладывались капиталы, правда, преимущественно в форме государственных займов, а не частных инвестиций, что было более характерным для британских колоний в Африке.

Своеобразием отличалась и система колониального управления. Прежде всего обращает на себя внимание привилегированное положение Сенегала. Часть его коренного населения имела некоторые гражданские права, вплоть до избрания депутата во французский парламент. В 1936 г. было 78 тыс. таких граждан, причем именно из их числа, в первую очередь, формировался корпус сенегальских стрелков – военная опора колониальных властей. Остальные колониальные территории чаще всего считались протекторатами, а управляли ими традиционные вожди и короли, эмиры и султаны, причем верховное право контроля сохранялось за колониальной администрацией. Вмешательство французских властей во внутреннюю администрацию протекторатов, вплоть до произвольного выбора кандидатов на руководящие должности, подчас даже на низовые должности старейшин, принято именовать системой прямого управления (в отличие от британской системы косвенного управления). Однако это вмешательство отнюдь не везде и не всегда имело характер произвола, так что на практике разница между обеими системами была не слишком большой.

Период между первой и второй мировыми войнами был для Французской Западной Африки временем хотя и не всюду равно заметного, но неуклонного экономического развития. Развивалась промышленность, в городах появлялись отряды рабочих, начинала формироваться африканская предпринимательская буржуазия (мелкие предприниматели, чаще всего одновременно и торговцы), возникала интеллигенция. По количеству образованных людей лидировал, бесспорно, Сенегал. Этому способствовало много факторов: и привилегированное положение части населения, и знакомство на протяжении многих десятилетий с парламентской и вообще избирательной процедурой, и развитие образования, издание газет, и т. п. И далеко не случаен тот факт, что наиболее известные умы современной Африки, теоретики ее исторических судеб, как Л. Сенгор, первый президент независимой Республики Сенегал (1960), – выходцы именно из этой страны.

После второй мировой войны колониальная империя Франции начала шататься и приближаться к распаду. Этому способствовали и внешние, и внутренние факторы, в первую очередь подъем национально-освободительного движения, активизация политических партий, усиление борьбы за независимость и вынужденные этим уступки колонизаторов. Что касается французской Западной Африки, то первой из нее официально вышла в 1958 г. завоевавшая в результате референдума независимость Гвинейская республика. В 1960 г. независимыми стали и все остальные входившие в колониальное образование страны: Сенегал, Мали, Мавритания, Нигер, Верхняя Вольта, Дагомея, Берег Слоновой Кости. Некоторые французские колонии в Центральной Африке (совр. Чад, Центральноафриканская республика, Габон и Конго) были с 1910 по 1958 г. объединены в рамках колониального образования Французская Экваториальная Африка. О Конго, наиболее южной из этих колоний, уже шла речь. Что касается Габона, небольшой территории к северу от французского Конго, то там французы впервые обосновались в 1839 г., создав форпост, а затем и город Либервиль, нынешнюю столицу страны. На рубеже 70–80-х годов были колонизованы внутренние районы, после чего территория, до того административно входившая в Конго, была выделена в качестве самостоятельной колонии. Экономически сравнительно отсталая, как и французское Конго (несмотря на наличие ископаемых – нефти, железа, угля), эта страна, значительная часть которой приходится на тропические леса, получила независимость одновременно с другими французскими колониями в 1958 г.

Центральноафриканская колония Франции Убанги-Шари, как и примыкающий к ней с севера Чад, – суданские территории, завоеванные французами лишь в начале XX в. На этих землях, заселенных в значительной части кочевниками, колонизаторы стремились организовать выращивание экспортных культур – хлопка, кофе. Экономически отсталые и с трудом втягивавшиеся в мировой рынок, эти колонии в 1946 г. получили статус заморской территории с правом представительства во французском парламенте (как, впрочем, и две другие части

Французской Экваториальной Африки – Конго и Габон). В 1958 г. обе они получили независимость и стали республиками. И территории Центральной Африки, и все другие экваториальные колонии Франции явно не были доходными для колонизаторов землями. Важность их для колониальной Франции была в том, что они представляли собой непрерывную цепь владений, смыкавшихся с французскими колониями в Западной Африке и имевших немалое стратегическое значение, во всяком случае вначале, в XIX в., до инцидента в Фашоде.

Глава 7 Колонизация арабской Африки и Эфиопии

Вся северная и почти вся северо-восточная часть африканского континента была завоевана арабами еще в раннем средневековье, начиная с VII в., когда воины ислама создавали Арабский халифат. Пережив бурную эпоху завоеваний и войн, этнического смешения в ходе миграций и ассимиляции местного берберо-ливийского населения арабами, страны Магриба (как именуется западная часть арабоисламского мира) в XVI в. были, за исключением Марокко, присоединены к Османской империи и превращены в ее вассалов. Впрочем, это не помешало европейцам, прежде всего соседям магрибинских арабов, португальцам и испанцам, в то же время, на рубеже XV–XVI вв., начать колониальные захваты в западной части Магриба, в Марокко и Мавритании. Мавритания с 1920 г. стала колонией Франции, о чем уже упоминалось в предыдущей главе. Соответственно и ее исторические судьбы в период колониализма оказались более связанными с судьбами суданской Африки. Марокко же было и остается страной североафриканского Магриба, о котором теперь пойдет речь.

Марокко

Правившие страной в XV–XVI вв. султаны династии Ваттасидов, потомки берберской династии Маринидов (XIII–XV вв.), пытались сдержать натиск колонизаторов, грабивших районы побережья и увозивших марокканцев в качестве рабов. К концу XVI в. эти усилия привели к некоторым успехам; к власти пришли султаны шерифских (т. е. возводивших свой род к пророку) арабских династий Саадидов и Алавитов, опиравшихся на фанатичных сторонников ислама. XVII и особенно XVIII вв. были временем усиления централизованной администрации и вытеснения европейцев (испанцам удалось сохранить за собой лишь несколько крепостей на побережье). Но с середины XVIII в. наступил период упадка и децентрализации, внутренних междоусобиц. Слабые правительства были вынуждены идти на уступки иностранцам (в 1767 г. были заключены соглашения с Испанией и Францией), но сохранили при этом за собой монополию на внешнюю торговлю, осуществлявшуюся в нескольких портах (в 1822 г. их было пять).

Колониальные захваты французов в Алжире в 1830 г. были восприняты в Марокко с некоторым удовлетворением (был ослаблен грозный сосед и соперник) и с еще большим опасением. Марокканцы поддержали антифранцузское движение алжирцев во главе с Абд аль-Кадиром, но именно это послужило поводом для французского ультиматума Марокко. Попытка под знаменем джихада противостоять натиску колонизаторов успеха не имела и после поражения 1844 г. лишь вмешательство Англии помешало превращению Марокко во французскую колонию. В обмен на это вмешательство и последующее покровительство англичан султан по договору 1856 г. вынужден был открыть Марокко для свободной торговли. Испано-марокканская война 1859–1860 гг. привела к расширению испанских владений на марокканском побережье и к дополнительным торговым уступкам, после чего в 1864 г. прежняя монополия на внешнюю торговлю была упразднена.

60–80-е годы были временем энергичного проникновения европейцев в Марокко. Был создан режим льгот и капитуляций для торговцев и предпринимателей, европеизировались некоторые города, прежде всего Танжер и Капабланка, складывался слей компрадоропосредников из числа зажиточных марокканцев, связанных деловыми связями с европейскими компаниями (этих посредников именовали французским словом «протеже»).

Стремясь предотвратить превращение страны в полуколонию, султан Мулай Хасан (1873–1894) предпринял ряд реформ, включая реорганизацию армии и создание военной промышленности. Но эти реформы, весьма ограниченные по характеру по сравнению, скажем, с турецким Танзиматом, вызвали сопротивление традиционалистов, возглавлявшихся религиозными братствами во главе с их шейхами-марабутами. При преемнике Хасана Абд аль-Азизе (1894–1908) попытки реформ были продолжены, но с тем же результатом: немногочисленные сторонники реформ и модернизации страны, вдохновлявшиеся идеями младотурок и издававшие свои газеты, мечтавшие даже о конституции, наталкивались на возраставшее недовольство масс, повстанческое движение которых было направлено как против «своих» реформаторов, так и прежде всего против иностранного вторжения, в защиту традиционных, привычных норм существования под знаменем ислама. Движение ширилось, и в 1911 г. султан был вынужден обратиться за помощью к французам, которые не замедлили с оккупацией части Марокко. По договору 1912 г. Марокко стало французским протекторатом, за исключением небольшой зоны, превращенной в протекторат Испании, и объявленного международным портом Танжера.

Начался период быстрого промышленного развития и эксплуатации природных ресурсов страны: добывались и экспортировались фосфориты, металлы (марганец, медь, свинец, цинк, кобальт, железо), выращивались цитрусовые, заготавливалась пробковая кора. Иностранные, преимущественно французские, компании вкладывали в промышленное освоение Марокко огромные капиталы, строили железные дороги, развивали энергетику и торговлю. До миллиона гектаров плодородной земли было передано европейским (в основном французским) колонистам, ведшим фермерское хозяйство с применением наемного труда. Промышленное строительство и связанная с ним модернизация оказывали воздействие на традиционную и еще недавно столь энергично сопротивлявшуюся вторжению европейцев структуру; немалое количество крестьян уходило из деревни в город, где росли ряды рабочих и образованных слоев населения. И хотя сопротивление не прекращалось, а подчас принимало даже несколько неожиданные формы⁴⁵, традиционная структура не только сопротивлялась, но и как-то приспособивалась к новым условиям. В 30-е годы возникли первые политические движения – Национальный комитет действия (1934), Национальная партия (1937). В 1943 г. была создана партия Истикляль, выступившая с требованием независимости. Движение за независимость развернулось с особой силой после войны, достигнув своей вершины в конце 40-х – начале 50-х годов. Итогом его были завоевание независимости в 1956 г., воссоединение Марокко, включая Танжер, в 1958 г.

Алжир

Расположенный к востоку от Марокко Алжир в XVI–XVII вв. находился под властью правителей, считавших себя вассалами турецкого султана. С XVIII в. Алжир стали возглавлять избиравшиеся янычарами их предводители-деи, причем вассальная зависимость страны от султана стала призрачной, тогда как влияние европейцев все усиливалось: существовали консульства держав, развивались торговые связи, расцветали города, ремесла. В стране было множество мусульманских школ и даже несколько высших учебных заведений.

В 1830 г., используя в качестве повода незначительный конфликт (во время приема французского консула, с которым велись переговоры об алжирском долге, рассерженный дей ударил его хлопнушкой для мух), король Карл X начал войну с Алжиром, хотя и завершившуюся быстрой победой, но вызвавшую длительное сопротивление, восстание Абд аль-Кадира. Подавление этого и иных следовавших за ним восстаний потребовало от французов немалых усилий, но не мешало им энергично утверждаться в Алжире в качестве его колонизаторов. Из фонда государственных земель щедро выделялись участки для европейских колонистов, число

⁴⁵ Так, в 1920–1926 гг. в горном районе Риф была создана повстанцами так называемая Рифская республика с выборным Народным собранием и президентом (явное институциональное влияние европейцев), активно боровшаяся с французскими и испанскими колонизаторами.

которых быстро увеличивалось. Так, в 1870 г. в их руках было чуть больше 700 тыс. га, в 1940 г. – около 2700 тыс. га. Среди французских переселенцев было немало и радикалов, даже революционеров: в составе созданной в 1870 г. Республиканской ассоциации Алжира (организация европейских переселенцев) были рабочие с социалистическими убеждениями. Существовала даже алжирская секция I Интернационала, а в дни Парижской коммуны в 1871 г. в городах Алжира проходили демонстрации в ее поддержку.

Что же касается арабо-исламского населения, то оно занимало выжидательные позиции и сопротивлялось европейской колонизации всеми способами, включая спорадически вспыхивавшие восстания, преимущественно во главе с религиозно-сектантскими деятелями. Однако распространение европейских форм организации труда и потребность в рабочих руках в фермерских хозяйствах колонистов, а также на промышленных предприятиях, возникавших в городах, вели к постепенному втягиванию некоторой доли алжирцев в новые производственные связи. Возникали первые отряды алжирских рабочих, приобщались к капиталистическому хозяйству ремесленники и торговцы (первоначально городское население состояло преимущественно из неалжирского населения – из турок, мавров, евреев и др.). В целом же, однако, экономическое господство европейского, в основном французского, капитала было неоспоримым. Что касается форм управления, то до 1880 г. делами коренного населения ведали специальные «арабские бюро» во главе с французскими офицерами, затем в зонах массового проживания алжирцев появились «смешанные» коммуны, управлявшиеся французскими администраторами. Там, где существовало влиятельное по количеству европейское население или европейцы численно преобладали, создавались «полноправные» коммуны, где существовали избирательная процедура, выборные муниципалитеты (алжирцы в любом случае имели не более двух пятых общего числа депутатов муниципалитета). Немногочисленная прослойка состоятельных алжирцев (в конце XIX в. – около 5 тыс.) могла принимать участие в выборах алжирской секции-курии совета при генерал-губернаторе.

На рубеже XIX–XX вв. в Алжире появилась заметная прослойка интеллигентов, которая выступала против «туземного кодекса» (введен в 1881 г.), ограничивавшего права алжирцев и запрещавшего их участие в политической жизни. Стали создаваться различного рода культурные и просветительские ассоциации, издаваться газеты, журналы, книги. Хотя по форме это были преимущественно выступления в защиту ислама, арабского языка (он заметно вытеснялся французским) и шариата, существовала и влиятельная группа младоалжирцев, ориентировавшихся – по аналогии с младотурками – на сближение с западной, французской культурой, требовавших уравнивания алжирцев в правах с французами.

Участие многих десятков тысяч арабо-алжирцев (наряду с алжирцами-французами) в первой мировой войне дало сильный толчок развитию национального самосознания в послевоенные годы, чему способствовало и значительное увеличение прослойки арабоалжирских интеллигентов, в том числе получивших образование в Европе. Возникли влиятельные организации – «Молодой алжирец» (1920), Федерация избранных мусульман (1927 г. – имеются в виду члены муниципалитетов), наконец, знаменитая «Североафриканская звезда» (1926), выдвинувшая в 1933 г. лозунг борьбы за независимость Алжира. Среди интеллигентов стала пользоваться большим признанием и исламская организация «Союз улемов», развивавшая идеи о самобытности алжирцев и их культуры. Вообще 30-е годы дали толчок развитию политической активности среди алжирцев, чему способствовало, в частности, и изменение национального состава рабочих Алжира (если в 1911 г. европейцы численно в нем преобладали, то теперь картина была обратной, алжирцев численно было вдвое больше).

Победа Народного фронта в Париже привела к реформам, предоставившим Алжиру новые демократические свободы и политические права. Вторая мировая война на время прервала процесс развития национального самосознания, но после войны он проявил себя с еще большей силой. Возникали новые политические партии, усиливались требования автономии и независимости. Закон 1947 г. гарантировал алжирцам статус французских граждан, учреждал Алжирское собрание из 120 депутатов, половину которого избирали европейцы, и правительственный совет при генерал-губернаторе. Но этого было уже мало. Движение за торжество демократических свобод, сформировавшееся в 1946 г., стало готовиться к вооруженной борьбе. Был создан Революционный комитет, который в 1954 г. преобразовался

во фронт национального освобождения. Созданная Фронтом Армия национального освобождения начала борьбу во всем Алжире. В 1956 г. фронтом был избран Национальный совет алжирской революции, а в 1958 г. провозглашена Алжирская республика. И хотя алжирские экстремисты европейского происхождения пытались было помешать решению де Голля в 1959 г. признать право Алжира на самоопределение, следствием чего был поднятый ими в 1960 г. мятеж против правительства Франции, в 1962 г. алжирская революция окончательно победила. Была создана Алжирская Народная Демократическая Республика.

Тунис

Ставший с XVI в. частью Османской империи Тунис, расположенный к востоку от Алжира, длительное время был базой средиземноморских пиратов-корсаров и одним из центров работорговли («товаром» чаще всего были ставшие добычей корсаров пленные европейцы). Большое количество таких рабов, равно как и высланные в начале XVII в. из Испании преследовавшиеся там мавры-мориски, испанские мусульмане, сыграли определенную роль в формировании этнической культуры тунисских верхов, потомков морисков, турецких янычар и христианских рабынь гарема. Бей из династии Хусейнидов (1705–1957) хотя и считались вассалами султана, вели себя как независимые правители и, в частности, заключали соглашения о торговле с европейскими государствами. Связи с европейцами, активная торговля, пиратство, миграция морисков – все это способствовало развитию страны, 20% населения которой в конце XVIII в. жило в городах, переживавших период расцвета после отмены государственной монополии на внешнюю торговлю. В Европу тунисцы вывозили оливковое масло, ароматические эссенции и масла, в том числе особенно высоко ценившееся в Париже розовое масло, а также шерсть, хлеб. Добившись в 1813 г. полной независимости от соседнего Алжира, тунисские бей, однако, вскоре оказались перед серьезными финансовыми затруднениями, чему способствовало прекращение доходов от пиратства и работорговли. Поддержав французскую экспедицию 1830 г. в Алжир, Тунис в 30–40-е годы попытался было с помощью Франции провести в стране реформы и, в частности, создать вместо янычарского корпуса регулярную армию.

Ахмед-бей (1837–1855), отклонив принципы Танзимата (в чем он следовал Мухаммеду Али Египетскому, перед которым преклонялся), тем не менее по примеру того же Мухаммеда Али начал быстрыми темпами налаживать военную промышленность и европейское образование, включая военное. В стране стали основываться колледжи и училища, издаваться газеты и книги. Все это легло тяжелым финансовым бременем на страну и привело к кризису. Преемники Ахмедбея изменили его политику, поддержали идеи Танзимата и начали перестраивать администрацию и хозяйство по европейским стандартам. В 1861 г. в Тунисе была принята первая в арабо-исламском мире конституция, установившая систему ограниченной монархии с ответственным перед Верховным советом правительством (совет частично назначался, частично избирался по жребию из списка привилегированных – нотаблей). Эти нововведения воспринимались народом, как то было несколько позже и в Марокко, с недоверием и рождали внутреннее сопротивление, неприятие. Возглавляемые религиозными вождями-марабутами крестьяне поднимали восстания. Наиболее сильным из них было выступление 1864 г., участники которого требовали отмены конституции и снижения налогов, восстановления традиционного исламского шариатского суда. Для подавления восстания правительству пришлось прибегнуть к помощи иностранцев, к иностранным займам. Рост задолженности привел в 1869 г. к банкротству Туниса и созданию Международной финансовой комиссии, что сильно ограничило суверенитет страны, поставило ее на грань превращения в полуколонию. Кризис, непосильные налоги, восстания – все это привело еще сравнительно недавно процветающую страну в состоянии глубокого упадка, к сокращению численности населения почти втрое, до 900 тыс. человек.

Пришедший к власти в 1873 г. премьер Хайрадин-паша не стал заботиться о возрождении конституционных норм, но зато предпринял ряд важных реформ, приведших к упорядочению налогообложения, изменению характера землепользования, развитию просвещения, здравоохранения, благоустройства. Он пытался подчеркнуть вассальную

зависимость от Османской империи, дабы обезопасить страну от натиска колониальных держав. Однако после Берлинского конгресса 1878 г. Франция добилась признания Туниса своей сферой влияния, а в 1881 г. Тунис был занят французами и превращен в протекторат.

Колониальные власти приступили к активному хозяйственному освоению страны. Строились горнорудные предприятия (фосфориты, железо), железные дороги, причалы. В Тунис привлекались европейские колонисты: на рубеже XIX–XX вв. они составляли около 7 % населения и владели 10% лучших земель, дававших товарное зерно (там применялись минеральные удобрения, сельскохозяйственные машины). Приток колонистов способствовал росту националистических настроений тунисцев, среди которых стали появляться рабочие и увеличивалась прослойка образованных. Появлялись различного рода кружки и ассоциации, устанавливались связи с – национальными движениями в Турции и Египте. Как в Алжире, младотунисцы были склонны к переустройству традиционной структуры с помощью французов, а противостоявшие им традиционалисты, напротив, считали нужным опираться на исконные нормы и прежде всего на ислам. Как и в Алжире, наиболее боевую часть профсоюзного движения в начале XX в. представляли рабочие-европейцы, тогда как восстания тунисских крестьян были отражением сопротивления традиционной структуре, не принимавшей, отторгавшей нововведения. Шли на определенные уступки и представители колониальной администрации: в 1910 г. для тунисцев была создана специальная секция-курия при Консультативной конференции, созданной в 1891 г. и состоявшей тогда из депутатов от европейского населения.

В 1920 г. сформировалась партия Дестур. В 1922 г. при колониальной администрации был создан Большой совет с представительством от всего населения Туниса. Мировой экономический кризис 1929–1933 гг. нанес жестокий удар по экономике Туниса. Многие предприятия закрылись, крестьяне разорялись. Все это привело к резкому росту недовольства. В 1934 г. Х. Бургиба на базе Дестура сформировал партию Нео-Дестур, отличавшуюся социалистическими тенденциями и возглавившую выступления недовольных. Победа Народного фронта во Франции в 1936 г. принесла Тунису, как и другим французским колониям, некоторые новые порядки: укрепилась система демократических прав и свобод, возникли условия для деятельности различных партий и группировок. И хотя в конце 30-х годов давление колониальной администрации вновь резко усилилось, а многие партии, включая и оформившуюся в 1939 г. компартию, подверглись репрессиям, борьба за национальное освобождение все усиливалась. В 1946 г. созданный по инициативе партии Нео-Дестур Национальный конгресс принял Декларацию независимости Туниса. Переговоры с французским правительством и массовое антиколониальное движение 1952–1954 гг. привели к признанию Францией в 1954 г. автономии Туниса. В 1956 г. Тунис добился независимости, а в 1957 г. стал республикой.

Ливия

Предки берберов ливийцы, давшие этой стране ее современное название, населяли район к западу от Египта еще в глубокой древности, а в поздний период существования древнеегипетского общества они даже освоили многие земли в дельте Нила, создавали правившие Египтом ливийские династии. После VII в. Ливия, как и весь Магриб, была завоевана арабами и стала исламизироваться и арабизироваться, а в середине XVI в. она превратилась в часть Османской империи. Как и Тунис, Ливия долгое время была базой средиземноморских корсаров и центром работорговли. Управляли ею выходцы из янычар, после которых власть перешла к турецкой по происхождению династии Караманлы (1711–1835), при которых вассальная зависимость от турок заметно ослабла, а официальным языком стал арабский.

Начало XIX в. прошло под знаком усиливавшегося натиска европейских держав, которые под предлогом прекращения пиратства и работорговли принудили Ливию к заключению ряда соглашений, и в частности неравноправного договора 1830 г. с Францией. Тяжелые налоги и внешние займы здесь, как и в Тунисе, привели к финансовому кризису, но выход из него оказался иным, чем в Тунисе: с помощью Англии, опасавшейся усиления французских позиций

в Магрибе, Турция в 1835 г. сумела восстановить в Ливии свой практически давно уже утраченный суверенитет и начать энергичные реформы, основанные на принципах Танзимата. Реформы с их ориентацией на европеизированную систему администрации, суда, торговли, просвещения, издательского дела в немалой степени трансформировали традиционную структуру и тем вызвали резкий протест привычного к ней населения. Протест принял формы религиозного сопротивления, возглавленного орденом сенуситов, основанным марабутом ас-Сенуси, выходцем из Алжира, укрепившимся в 1856 г. в пустынной местности Джагоуб – оазисе посреди обширной южноливийской Сахары.

Из прилежавших к оазису земель сенуситы создали обширные владения (далеко не только в пустыне), своеобразное государство в государстве со своими торговыми центрами и военными укреплениями. Приход в Турции к власти противника Танзимата султана Абдул-Хамида II (1876–1909) был воспринят сенуситами как сигнал к атаке: сенуситы выступили как против либеральных реформ собственного правительства, так и против действовавших к югу от них в районе оз. Чад французских колонизаторов. Влияние ордена все расширялось, и французы были вынуждены вести с ним долгую изнурительную войну, завершившуюся в Центральной Африке в их пользу лишь в 1913–1914 гг. Что же касается Ливии, то только после начала младотурецкой революции в Турции в 1908 г. ситуация здесь вновь стала изменяться в пользу сторонников реформ: были проведены выборы в меджлис, стали активно обсуждаться на страницах периодических изданий проблемы приспособления ислама к новым условиям, включая технический прогресс, права женщин и т. п.

В 1911 г. Италия, развязав войну с Турцией, попыталась захватить Ливию. Однако после захвата Триполи и некоторых районов побережья война приняла затяжной характер. И хотя Турция по договору 1912 г. согласилась признать часть Ливии автономной территорией, находившейся под управлением Италии (с сохранением верховного суверенитета за султаном), война, которая приняла характер партизанской борьбы, возглавлявшейся сенуситами, продолжалась. В 1915 г. было создано сенуситское правительство в Киренаике, в 1918 г. вожди триполитанского восстания 1916 г. создали республику Триполитания. В 1921 г. было принято решение объединить усилия Триполитании и Киренаики в борьбе за национальное освобождение.

После прихода в Италии к власти фашистов давление этой страны на Ливию вновь усилилось, и к 1931 г. итальянцы добились успеха. Ливия была превращена в колонию Италии, и началось быстрое ее хозяйственное освоение: экспроприировались и передавались итальянским колонистам наиболее плодородные земли, наращивалось производство товарного зерна. Вторая мировая война положила конец итальянскому колониализму. Ливия была оккупирована войсками союзников. После войны здесь стали создаваться политические организации, выступавшие за образование независимой и единой Ливии. В 1949 г. на заседании ООН было принято решение предоставить Ливии независимость к 1952 г. В декабре 1950 г. Национальное учредительное собрание стало готовить конституцию, которая вошла в силу в 1951 г.: Ливия была провозглашена независимым Соединенным Королевством, а глава сенуситов Идрис I стал ее королем.

Египет

Реформы Мухаммеда Али (1805–1849) выдвинули Египет, формально все еще связанный с Османской империей, но фактически независимый от нее и даже не раз побеждавший ее армии и захватывавший ее земли, в число ведущих и наиболее развитых стран Востока. Сильная регулярная армия (до 200 тыс. солдат), строго централизованная администрация, хорошо налаженное сельское хозяйство при правительственной монополии на экспорт товарных культур (хлопок, индиго, сахарный тростник), строительство государственных промышленных предприятий, прежде всего военных, поощрение достижений европейской науки и техники, создание сети учебных заведений различного профиля – все это было основой укрепления власти Мухаммеда Али, отнюдь не случайно ставшего объектом подражания для определенных слоев населения в других странах Магриба. Заслуживает упоминания и то обстоятельство, что Мухаммед Али не шел по пути танзиматных реформ, но, напротив,

всячески подчеркивал национальное «я» Египта и форсировал усиление страны, дабы ее не постигла печальная участь колонии.» Столкнувшись с оппозицией держав (особенно Англии), отнявших у него плоды побед в его успешных войнах с султаном, Мухаммед Али в начале 40-х годов не только вынужден был отдать завоеванное (Сирию, Палестину, Аравию, Крит) и возратить перешедший на его сторону турецкий флот, но и уступить натиску иностранного капитала, приоткрыв двери для свободной торговли.

Проникновение иностранных товаров нанесло тяжелый удар как по отсталой государственной промышленности (казенные фабрики в условиях свободной конкуренции оказались нерентабельными, не говоря уже о том, что насильно мобилизованные для работы на них вчерашние феллахи работать не хотели и нередко портили дорогие машины), так и по всей истощенной войнами финансовой системе. При преемниках Мухаммеда Али многие из государственных предприятий, равно как и дорогостоящие учебные заведения, были закрыты. Зато частное предпринимательство европейцев, включая строительство железных дорог, хлопкоочистительных и сахарных заводов и, наконец, стратегически бесценного Суэцкого канала, шло полным ходом. Развитие сферы рыночных связей и товарно-денежных отношений вынудило египетские власти издать ряд реформ, направленных на расширение прав собственников в деревне, изменение налогообложения. Расходы страны на строительство и проценты по иностранным кредитам привели финансовую систему к краху: в 1876 г. Исмаил объявил о банкротстве, после чего по настоянию Англии и Франции была создана специальная комиссия, в ведение которой перешла значительная часть доходов казны. Были проданы принадлежавшие хедиву акции Суэцкого канала. Наконец, комиссия египетского долга заставила Исмаила создать правительство во главе с Нубар-пашой, известным своими проанглийскими симпатиями. Посты министров финансов и общественных работ (т. е. те, что контролировали доходы страны) заняли соответственно англичанин и француз.

В стране зрело и все чаще открыто проявлялось недовольство этими уступками и всей политикой хедива и колониальных держав. В 1866 г. была создана палата нотаблей – совещательный орган, в котором стали задавать тон оформившиеся в 1879 г. в Национальную партию (Ватан) представители влиятельных слоев египетского общества. Эта палата потребовала от хедива распустить «европейский кабинет», что он и сделал. В ответ на это державы заставили султана низложить Исмаила, а новый хедив разогнал палату и восстановил иностранный финансовый контроль, ущемив при этом интересы армейских офицеров (была сокращена армия). В сентябре этого же 1879 г. восстал каирский гарнизон во главе с полковником Ораби (Арабипаша). Хедив был вынужден подчиниться давлению недовольных и восстановить национальный кабинет во главе с Шериф-пашой и с участием ватанистов. Но события развивались быстрыми темпами. Скоро новое правительство стало выглядеть весьма умеренным на фоне требований радикальных участников движения недовольных во главе с Ораби. В феврале 1882 г. армия свергла правительство ватанистов. Утратил свое влияние и видный теоретик Национальной партии, соратник аль-Афгани, основателя теории панисламизма, М. Абдо.

Радикалы во главе с Ораби выступили с антииностранными лозунгами и стали энергично очищать страну от европейской «заразы»: закрывались кафешантаны и публичные дома, рестораны и оперные театры, восстанавливались традиционные нормы ислама. Ораби получил поддержку и со стороны турецкого султана АбдулХамида, присвоившего ему титул паши. В феврале 1882 г. был создан новый кабинет, в котором Ораби занял пост военного министра. Напряжение в стране усиливалось. Стали подниматься крестьяне под лозунгами борьбы с неверными. Все европеизированные слои египетского общества бежали в Александрию под защиту прибывшей туда английской эскадры. Вскоре сюда же прибыл хедив. В то же время в Каире был образован Военный совет, созван Национальный меджлис, в котором решающей силой стали сторонники Ораби, в том числе его офицеры. Началось открытое противостояние. В июле 1882 г. хедив сместил Ораби, объявив его мятежником. В ответ на это Ораби заявил, что считает хедива заложником иностранцев, «пленником англичан». Англия поддержала хедива и вскоре ее войска заняли Каир. Ораби был предан суду и выслан на Цейлон, а Египет превратился в протекторат Англии.

Впрочем, формально Египет имел особый статус и по-прежнему считался как бы

автономной частью Османской империи. Согласно изданному в 1883 г. Органическому закону здесь были созданы Законодательный совет и Генеральное собрание (в 1913 г. они были объединены в Законодательное собрание), тогда как вся исполнительная власть оказалась сосредоточенной в руках английского консула, сохранявшего полный контроль над деятельностью кабинета во главе с премьером. Конечно, реальная власть сохранялась за колонизаторами, но сам факт существования и законодательной палаты, и кабинета министров призваны были подчеркнуть, что Египет имеет особый статус.

Английский и иной иностранный капитал, начавший активно внедряться в Египет после 1882 г., способствовал ускорению развития страны. В начале XX в. промышленные рабочие исчислялись уже почти полумиллионом человек – цифра весьма солидная для того времени (в это число входили и те, кто был занят на мелких предприятиях; чуть меньше половины общего количества рабочих были европейцами). Среди египтян было уже немало образованных людей, интеллигентов; складывалась и национальная буржуазия. Снова появились разгромленные было на рубеже 70 – 80-х годов внешние атрибуты европеизации: клубы, рестораны, салоны. Работали телеграф и телефон, кинематограф, университеты, издательства. Снова стали вестись ожесточенные споры о судьбах страны и народа, причем противостояли друг другу выступавшие за вестернизацию либералы, в основном лица с европейским образованием, и отстаивавшие нормы ислама традиционалисты, значительная часть которых была достаточно близка к широким массам египетского населения, недовольного колонизацией страны. Как и в ряде других стран Магриба, на рубеже XIX–XX вв. в Египте начало зарождаться рабочее, профсоюзное и социалистическое движение, но представителями его в основном были выходцы из Европы, рабочие или интеллигенты. Что же касается египетского коренного населения, то оно втягивалось в это движение весьма медленно.

Этому способствовал и становившийся все более явственным религиозно-националистический акцент в социально-политической жизни Египта. Накануне мировой войны в распадавшейся на фракции партии ватанистов усилились позиции религиозных экстремистов, прибегавших к методам вооруженного террора. Убийство в 1910 г. премьера Б. Гали, выходца из коптов, египетских христиан, еще более усилило религиозную рознь в стране. В 1912 г. партия Ватан была запрещена, а на передний план в политической борьбе после войны вышли новые силы, прежде всего созданная в 1918 г. партия Вафд. Эта партия развернула мощное движение с требованием национальной независимости, что сыграло свою роль: в 1922 г. Англия согласилась признать независимость Египта, но при условии сохранения в нем своих войск и комиссара, не говоря уже об экономических позициях британского капитала. По конституции 1923 г. Египет стал конституционной монархией во главе с королем Фуадом I. Были созданы парламент и ответственный перед ним и королем кабинет министров, который возглавили лидеры Вафда. В 1924 г. они поставили перед Англией вопрос о выводе британских войск и об объединении англо-египетского Судана с Египтом. Это требование привело к конфликту, вследствие которого вафдисты вынуждены были подать в отставку. Впрочем, на очередных выборах они вновь победили, а давление кабинета и молодой египетской буржуазии привело в конечном счете к тому, что Англия вынуждена была согласиться и на важные экономические уступки: в 1931 г. был введен новый таможенный тариф, призванный защитить египетскую промышленность и торговлю от конкуренции.

Мировой кризис сказался на ухудшении экономического положения Египта и привел к очередному обострению политической борьбы, в ходе которой вафдисты в 1930 г. вновь были отстранены от власти, а конституция 1923 г. была заменена иной, более реакционной по характеру. Впрочем, в 1934 г. под предводительством все тех же вафдистов была начата очередная политическая кампания, в результате которой король Фуад с согласия англичан восстановил конституцию 1923 г. По англо-египетскому договору 1936 г. английские войска были выведены из Египта, комиссар стал английским послом и только в зоне Суэцкого канала остались некоторые вооруженные формирования англичан. Это был немалый успех вафдистов, но, как то ни покажется странным, он вызвал новое размежевание политических сил и острую борьбу, нападки на Вафд справа и слева.

На протяжении последующих лет Египет продолжал вести политику, направленную на полное освобождение страны от иностранного вмешательства. Мощное движение, волны

митингов, демонстраций, забастовок принудили англичан в 1946 г. сесть за стол переговоров о пересмотре соглашения 1936 г. К успеху переговоры не привели: Англия не хотела отказываться от контроля над Суэцким каналом, от кондоминиума в Судане. В 1951 г. очередное правительство вафдистов во главе с Наххас-пашой внесло в египетский парламент законопроект об отмене договора 1936 г., в ответ на что англичане перебросили в зону канала дополнительные военные контингента! и оккупировали там ряд городов. В стране вновь назревал кризис, проявлявшийся в остром недовольстве различных слоев населения создавшейся обстановкой. В этих условиях на передний план вышла организация «Свободные офицеры», глава которой Нагиб взял власть в свои руки в результате переворота 1952 г. Король Фарук отрекся от престола. Был создан революционный совет, проведены реформы в сфере аграрных отношений, в политической структуре. Были распущены прежние партии, отменена конституция, упразднена монархия. Радикальное крыло движения усиливало свои позиции, следствием чего был выход на передний план Насера, ставшего в 1954 г. премьер-министром. В 1956 г. была принята новая конституция страны, а вскоре президент Насер объявил о национализации Суэцкого канала. В ходе англо-франко-израильской военной кампании 1956 г. против Египта в зоне Суэцкого канала египетская армия выстояла и одержала верх. Войска иностранных государств, включая Англию, были выведены. Египет наконец обрел столь желанную и таких усилий стоившую ему полную независимость.

Судан

В политической лексике, в отличие от географической, понятие «Судан» используется только для обозначения государства, расположенного в восточной части обширного суданского пояса Африки. Это древняя страна, упоминаемая еще в древнеегипетских источниках под названием Куш. В 1820–1822 гг. Судан был завоеван Мухаммедом Али Египетским. Завоевавшее Судан турецко-арабское войско Мухаммеда Али ввело здесь жесткий режим военной администрации. Население было обложено тяжелыми налогами. Были созданы провинции, районы и волости и упразднены старые султанаты. Стало поощряться выращивание товарных культур – хлопка, сахарного тростника, мака. Развивалась торговля, главными предметами суданского экспорта были гуммиарабик, слоновая кость, страусовые перья и т. п. Значительное место в суданском экспорте занимала работоторговля, причем она процветала, несмотря на официальные запреты. В 60–70-е годы, когда англичане стали активно проникать в экономику и политику Египта, хедив Исмаил продолжил завоевания Мухаммеда Али, присоединив к захваченным ранее суданским землям Дарфур и населенные африканцами-нилотами южные территории, примыкающие к Кении, Уганде и французскому Конго. Губернатором южных губерний был тогда назначен сопровождавший хедива англичанин Бейкер, а в 1877 г. губернатором всего Судана стал английский полковник Гордон. Губернаторами основных провинций тоже были назначены подчиненные Гордону англичане. Налоги были еще увеличены.

Недовольство непосильным налоговым бременем вызвало массовое народное движение, принявшее религиозные формы. В 1881 г. мусульманский проповедник Мухаммед Ахмед объявил себя Махди, т. е. мессией, посланным Аллахом. Он призвал суданцев выступить против неверных – Англии и служащих ей или отошедших от истинной веры турок и египтян. Несмотря на посылку против Ахмеда карательного корпуса, махдисты выстояли и начали развивать свой успех. В 1885 г. они, захватив почти все земли Судана, создали независимое теократическое государство, управлявшееся после смерти Ахмеда халифом (заместителем) Абдаллахом. Организованный по обычному для средневековых исламских государств стандарту, этот халифат продержался до 1898 г., ведя войны с соседней христианской Эфиопией (1885–1889). В 1898 г. медленно продвигавшийся к югу по Нилу (с одновременным строительством железной дороги) десятитысячный вооруженный «максимами» корпус генерала Китченера в нескольких решающих сражениях буквально расстрелял огнем пулеметов многотысячные армии суданцев и захватил в свои руки практически весь Судан. Идя на юг, он в сентябре достиг Фашода, где с удивлением обнаружил отряд капитана Маршана, который шел с запада, ставя своей целью соединить французские колониальные владения в Западном и

Центральном Судане через юг Восточного Судана с восточным побережьем, где в районе Сомали у французов уже был колониальный плацдарм.

Инцидент в Фашоде грозил военным столкновением держав, движимых противоположными политическими интересами: англичане, захватывая Судан, осуществляли свою старую мечту – создать непрерывную цепь владений от Кейптауна до Каира. После недолгих консультаций на высоком правительственном уровне Франция все же отступила. Инцидент был исчерпан. Англия одержала верх. В 1899 г. было заключено соглашение о совместном англо-египетском управлении Суданом (кондоминиуме). Режим кондоминиума был в гораздо большей степени близок к обычной колониальной администрации, нежели то было в Египте: высшая власть в Судане отныне принадлежала английскому генерал-губернатору, назначенному хедивом по рекомендации англичан. Во главе провинций стояли английские губернаторы, контролировавшие традиционную систему администрации на местах. Франция и другие страны отказывались от притязаний на Судан, они не имели в нем даже консулов. Словом, это была обычная колония, в которой хозяйничали англичане, тогда как соучастие Египта в управлении и хозяйственном освоении Судана было более чем второстепенным.

Экономика и вообще промышленное развитие Судана долгое время оставались на невысоком уровне, особенно по сравнению с развитым в этом плане Египтом. По-прежнему предметом суданского экспорта были хлопок, гуммиарабик, скот. Для нужд сельского хозяйства сооружались плотины, водохранилища, железные дороги. В 20-х годах XX в. в стране возникли первые общественные ассоциации и политические партии, начали издаваться журналы. Появились города, первые группы рабочих и интеллигенции. Но только после второй мировой войны национально-освободительное движение в Судане приобрело заметные размеры. По принятой в 1948 г. конституции были проведены выборы в Законодательное собрание. В 1951 г. в связи с денонсацией Египтом англо-египетского договора и конвенции о Судане развернулось движение за уход англичан из Судана, за независимость страны. В 1952 г. был создан Объединенный фронт борьбы за освобождение, чему способствовала июльская революция 1952 г. в Египте. Вообще, как это легко заметить, национально-освободительное движение в англо-египетском Судане ощутимо ориентировалось на успехи Египта в достижении им независимости, что и понятно: Судан на протяжении более чем столетия был связан с Египтом и находился в определенной зависимости от него. Когда успехи Египта в осуществлении его цели стали очевидны, аналогичные успехи были достигнуты и в Судане: в 1955 г. парламент принял решение о провозглашении независимой Республики Судан с 1 января 1956 г.

Сомали

Сомали, как и Эфиопию, и страны, расположенные к югу от них, к числу арабских безоговорочно отнести уже нельзя. Правда, процесс исламизации полуострова, населенного африканцами кушитской языковой группы (близкой родственницы семитской группы в рамках семито-хамитской семьи языков), сопровождался заметным увеличением арабского и арабоязычного компонентов здесь, но сомалийцы (их язык письменности не имел) численно обычно преобладали. На территории Сомали в XII–XVI вв. спорадически складывались раннегосударственные образования в форме султанатов, но они были непрочными и быстро распадались. Исключения являют лишь города Могадишо, Мерка, Брера, населенные преимущественно арабскими и арабоязычными торговцами. Коца в начале XIX в. маскатский Оман разделился на Оман и Занзибар, эти города и прилегающие районы стали владением султанов Занзибара, как и все восточноафриканское суахилийское побережье. В 70-е годы XIX в. во внутренних районах Сомали возникли султанаты Оббия и Миджуртини.

Первые попытки колониальных держав проникнуть на полуостров относятся к середине XIX в., причем они в значительной мере были вскоре стимулированы перспективой открытия Суэцкого канала. С открытием канала сомалийское побережье стало стратегически важной территорией. Неудивительно, что державы начали бороться за его колонизацию. В 80-е годы Франция оккупировала северную часть Сомали. Именно она служила опорным пунктом в стремлении французов продвинуться на запад и соединить свои восточноафриканские владения

с западноафриканскими (инцидент в Фашоде, как упоминалось, положил конец этим стремлениям). Северное Сомали было французской колонией до 1977 г. Основная же часть полуострова была в конце XIX в. поделена между Англией и Италией. Англичанам достались стратегически важные территории побережья, а опоздавшей к разделу колоний Италии – лишь внутренние районы, которые она стремилась расширить за счет экспансии в сторону Абиссинии (Эфиопии). Колониальные захваты в Сомали вызвали стойкое сопротивление отсталой традиционной, структуры, принявшее форму затяжного полупартизанского вооруженного движения против колонизаторов. Только в 1920 г. эта вооруженная борьба была подавлена. В 1960 г. колонии объединились в рамках независимой Республики Сомали.

Эфиопия

Эфиопия лежит преимущественно во внутренних районах Восточной Африки, на территории, столь же скудной природными ресурсами и не избалованной плодородными землями, как и Сомали. Эфиопы родственны сомалийцам и по языку: в большинстве они принадлежат к той же кушитоязычной группе африканцев. Но Эфиопия тем не менее существенно отличается не только от Сомали, но и от народов всей остальной Африки: корни ее цивилизации уходят в глубокую древность, причем эта цивилизация всегда была христианской по ее религиозно-культурной основе (впрочем, часть страны была в свое время исламизирована). Кроме того, ее так и не постигла участь колонии, хотя Италия делала все, что было в ее силах, дабы колонизовать эту страну. Как известно, она добилась своего лишь в середине 30-х годов, а уже в 1941 г. Эфиопия была освобождена войсками союзников.

Справедливости ради следует заметить, что ни древность цивилизации, ни христианские традиции сами по себе не стали на протяжении длительной истории страны фактором существенного экономического либо социокультурного ее развития. Возможно, для такого развития не было природно-климатической базы. Может быть, сыграла свою роль удаленность страны от побережья с его развитой торговлей. Важной причиной замедленного развития была также традиционная рыхлость системы административного управления: на протяжении веков страна представляла собой скорее федерацию автономных княжеств и султанатов, нежели сколько-нибудь централизованную державу, а символически возглавлявшие ее императоры-негусы Соломоновой династии были марионетками в руках правителей этих княжеств. Словом, факт остается фактом: Эфиопия в целом, несмотря на свои древние традиции, была немногим более развита, чем окружавшие ее африканские народы, и значительно уступала в этом плане арабским странам Северной Африки.

Все это хорошо ощущали верхи страны, ее правящие слои. В середине XX в. к власти пришел негус Теодрос II (1855–1868), который впервые за долгие века не был представителем Соломоновой династии. Он провел ряд важных реформ, направленных на усиление централизованной администрации, на поддержку церкви с одновременным подчинением ее государству, а также на ускорение темпов развития. Однако эти реформы, которые не были подкреплены достаточными экономическими инъекциями извне, со стороны колониальных держав, не привели к успеху. Встретив сильное внутреннее сопротивление со стороны не желавшего изменений крестьянства, на чье недовольство опирались фрондирующие князья, Теодрос должен был тратить силы на подавление сопротивления. А нежелание его активно сотрудничать с колонизаторами привело к конфронтации с Англией, поддерживавшей его противников, что и привело в конечном счете к гибели негуса.

Его преемники, особенно Менелик II (1889–1913), стремились продолжать политику Теодроса и кое в чем преуспели. Они сумели сконцентрировать в своих руках власть, успешно воевали с Египтом (за которым стояли англичане) и с махдистским Суданом, оказывали стойкое сопротивление Италии. Итало-эфиопская война, в ходе которой итальянцы настойчиво, но неудачно пытались расширить свои колониальные владения за счет Эфиопии, привела в 1896 г. к заключению договора, по которому Италия вынуждена была признать независимость Эфиопии. Эта война и вся внешняя политика страны, ориентированная на отстаивание независимости, стоили неразвитому государству очень дорого, не оставляя ему возможностей для экономического развития. Естественно также, что находившиеся в состоянии войны с

эфиопами англичане, итальянцы и союзные им другие европейские народы в силу одного уже этого обстоятельства весьма мало внимания уделяли колониальному освоению Эфиопии. Правда, они получали концессии и строили железные дороги, доминировали в сфере внешней торговли, даже одно время стоваривались было о разделе страны на сферы влияния. Но парадокс в том, что, не чувствуя свободы действий (Эфиопия не была связана неравноправными договорами или колонизована) и к тому же не будучи слишком заинтересованы в освоении эфиопских земель, маловыгодных с экономической точки зрения, колониальные державы тем самым не способствовали развитию этой страны, не вкладывали в нее капиталы, не создавали условий для ее торгово-промышленного развития.

Первые двадцать лет нашего века, особенно после смерти Менелика и перехода престола к его несовершеннолетней дочери, прошли под знаком острой внутривосточной борьбы в стране. Суть ее сводилась к противостоянию прогрессистов-младозэфиопов и традиционалистов-старозэфиопов, причем позиции последних вначале были значительно более крепкими. Большинство страны, почти не затронутое колониальной трансформацией, не желало перемен и тормозило все соответствующие весьма слабые и робкие попытки. Ситуация изменилась лишь в конце 20-х годов, когда лидер младозэфиопов и регент при правительнице Тафари Маконнен сумел стать во главе армии, а затем, после смерти дочери Менелика, негусом под именем Хайле Селассие (1930–1974).

При новом императоре младозэфиопами были проведены необходимые для развития страны реформы, прежде всего налоговая и таможенная. Был создан двухпалатный парламент, реконструирована военная система. Но все эти полезные для страны реформы безнадежно запоздали и потому принесли мало пользы. В 1935–1936 гг. очередная итальянская экспедиция привела к успеху. Эфиопия (Абиссиния) стала колонией итальянцев, которые начали было вкладывать в ее развитие свои капиталы и осуществлять необходимые для этого политические, социальные и экономические преобразования. Но, как упоминалось, уже в первые годы войны итальянцы лишились своих колоний. Послевоенная же Эфиопия по-прежнему принадлежала к числу наиболее отсталых стран Африки. Эта стагнация была одной из существенных причин, побудивших организацию радикально настроенных офицеров совершить в стране в 1974 г. государственный переворот, после чего власть перешла к Временному военному административному совету, а негус был низложен. Вслед за тем в Эфиопии была проведена национализация земли, банков, ряда промышленных предприятий. Был также официально провозглашен курс на социалистическое развитие по советской марксистской модели, приведший страну к тяжелейшему экономическому кризису.

Глава 8

Колониальная Африка: трансформация традиционной структуры

Вслед за югом Азии (а частично даже до того либо одновременно) африканский континент стал главным объектом колониальной экспансии европейских государств. Больше того, именно этими двумя обширными регионами практически была ограничена сфера колониальных владений держав в пределах Старого Света. Но зато оба упомянутых региона были колонизованы целиком, за немногими исключениями небольших анклавов типа Сиамы, Либерии, Эфиопии. Случайно ли такого рода совпадение исторических судеб? И если нет, то какие конкретные обстоятельства способствовали тому, что именно Африка и юг Азии почти целиком оказались колонизованными, тогда как другие территории неевропейского мира в пределах Старого Света этой участи до известной степени избежали (вопрос о полуколониальном статусе их будет рассмотрен особо)?

О первой и едва ли не главной причине колонизации именно африканских и южноазиатских земель уже достаточно говорилось: европейцы со времен Великих географических открытий стремились найти пути в Индию, дабы взять в свои руки торговлю дорого стоившими и высоко ценившимися в Европе пряностями. Иными словами, речь идет в первую очередь о той природно-климатической зоне, которая была благоприятна для выращивания там экзотических растений. Круг этих растений со временем, особенно после

освоения Америки, был расширен; в число продуктов, высоко ценимых и выращиваемых преимущественно в тропических и субтропических природно-климатических условиях, вошли какао, кофе, табак, сахарный тростник, гевея, индиго, орехи, продукты масличной пальмы и т. п. Можно добавить к этому перечню хлопок, джут и еще ряд растений, но с оговоркой, что эти растения выращиваются и в иных зонах, в странах с более умеренным климатом.

Но вызванный поиском дороги к пряностям импульс был лишь начальным толчком к колониальным захватам. «Аппетит приходит во время еды» – этот афоризм вполне применим к колониализму как феномену. Колонизаторы в осваиваемых ими странах жадно тянулись ко всему, что может дать выгоду, будь то добыча золота или торговля невольниками. Вполне логично предположить, что это обстоятельство уже само по себе безбрежно расширяло зону поиска колоний. И если в XVI–XVIII вв. фактическому увеличению этой зоны в пределах Старого Света мешали объективные причины⁴⁶, то с XIX в. именно объективные факторы (потребности развитой капиталистической экономики в рынках сбыта и источниках сырья) сделали желанными и даже жизненно необходимыми широкие колониальные захваты. И здесь снова встает все тот же вопрос: почему такого рода захваты были ограничены преимущественно югом Азии и Африкой? Или, иначе, что именно помогло колонизаторам сравнительно легко и быстро укрепиться в этих регионах и что затрудняло, мешало им добиться аналогичных результатов в других неевропейских регионах Старого Света?

Некоторые акценты, позволяющие наметить контуры решения проблемы, были уже сделаны в связи с анализом религиозноцивилизационной основы и трансформации традиционной структуры под воздействием колониализма на юге Азии. Теперь нечто аналогичное необходимо сделать по отношению к Африке, после чего можно будет попытаться сформулировать хотя бы предварительные соображения по интересующему нас вопросу.

Традиционные общества Африки

Об общей отсталости африканских традиционных обществ, особенно в зоне Тропической Африки, уже шла речь, включая попытки объяснить эту отсталость. Здесь же стоит вспомнить о том, что зоны первобытной периферии были весьма обширны и на юге Азии: она преобладала на островах Индонезии (кроме Явы и Суматры), на Филиппинах, была представлена огромными анклавами в окраинных, особенно горных, районах Индокитая, наличествовала и в Индии, и на Цейлоне. Правда, на фоне блестящих завоеваний многотысячелетней цивилизации той же Индии или менее длительной, но весьма впечатляющей цивилизации Индокитая и Индонезии первобытная периферия отступала на второй план. Но мощь ее тем не менее была огромной, быть может, наиболее весомой по сравнению со всеми остальными регионами Старого Света. Со всеми, кроме Африки.

В Африке первобытная периферия практически не была периферией. Она была первобытным океаном, тем генеральным фоном, на котором анклавами выделялись территории, которые можно отнести к зоне цивилизации и государственности. Да и здесь нужны оговорки: если Северная Африка со времен Арабского халифата была решительно и бесповоротно включена в зону устойчивого цивилизационного развития – хотя и там было немало первобытных анклавов, правда, наряду с такими древними центрами высокой культуры, как Египет, – то остальная часть континента являла собой именно океан первобытности, волны которого то и дело захлестывали небольшие острова цивилизованности, причем захлестывали именно потому, что острова были небольшими, а уровень их едва возвышался над уровнем океана.

Оставив пока в стороне Северную Африку, о которой пойдет речь особо, стоит заметить, что представленная в основном первобытными и – реже – полупервобытными традиционными

---

⁴⁶ Колонизация стоит немалых средств и оправдана лишь тогда, когда вложенные в нее средства могут окупиться. Для этого как минимум была необходима более или менее развитая капиталистическая промышленность в метрополии – до того вполне достаточно было колониальной торговли, опирающейся на сеть прибрежных торговых форпостов.

обществами, к тому же разделенными бесчисленными языковыми и этнокультурными барьерами. Тропическая Африка вплоть до начала ее энергичного колониального освоения в XIX в. находилась в состоянии стагнации. Имеется в виду не абсолютная неподвижность, но именно то, о чем только что шла речь в связи с метафорой о первобытном океане. Пример городов-государств (точнее, разросшихся общин) йоруба, на долгие века как бы застывших во все том же полупервобытном состоянии, равно как и печальная судьба многочисленных прото – и раннегосударственных образований типа Конго, Мономотапы, да и многих политических структур суданского пояса, включая и исламизированные образования типа султанатов и эмиратов, – все это убедительно свидетельствует именно о стагнации, об отсутствии устойчивых и последовательно целенаправленных импульсов в сторону поступательного развития.

В чем причины этого? Почему Тропическая Африка не имела весомых потенций для движения по пути развития? Почему здесь древние государства подчас предстают как свидетельства утраченных достижений, пусть даже не слишком высоких? Почему первобытный океан с его мощными волнами оказался столь необоримой силой? Конечно, ответы на все эти вопросы есть, хотя далеко не всеща африканисты четко осознают саму проблему и правильно ставят такие вопросы. Однако имеются серьезные исследования, вплотную подходящие к решению проблемы. Речь идет прежде всего об изучении африканской общины.

Исследование различных типов и конкретных форм африканской первобытной и полупервобытной общины свидетельствует об ее исключительной внутренней прочности, устойчивости, нерушимости, что может быть объяснено комплексом различных причин. Специалисты обращают особое внимание на коллективный характер труда, отсутствие собственности на землю, на корпоративность общины как формы социальной организации, на обезличенность индивида в ее рамках. Все это, бесспорно, именно так. Но ведь нечто в этом роде характерно и для других, едва ли не для всех первобытных и полупервобытных общин.

Африканисты много пишут о системе каст, которая действительно хорошо известна Африке. Касты чаще всего возникали там в результате наложения одного этноса, становившегося господствующим (обычно скотоводческого), на другой, зависимый от него (земледельческий). Но и касты не чисто африканская специфика. Общинно-кастовый строй с крепкой устойчивой общиной и нерушимыми кастами был тысячелетиями известен Индии, но это не помешало ей стать страной высокоразвитой цивилизации. Почему же система устойчивых общин и кастовых связей не выводила Тропическую Африку за пределы уровня полупервобытных кастовых этностратифицированных политических структур, прото – и раннегосударственных образований, к тому же весьма непрочных и недолговечных? Непрочными и недолговечными политические образования были и в условиях общинно-кастовой Индии, но там это никак не меняло того обстоятельства, что эти структуры, как и все общество, были достаточно развитыми, соответствовали стандарту развитой цивилизации. Словом, невольно складывается впечатление, что сам по себе весьма нужный и ценный анализ африканской общины и всего, с ней связанного, ответа на вопрос не дает. Видимо, этот ответ следует искать в иной плоскости, в иных сферах африканских реалий, и в первую очередь в сфере производства и производительности, условий жизни и культуры труда.

Совершенно очевидно, что климатические и природные условия тропиков неблагоприятны как для жизни человека, так и для успешной его производственной деятельности, высокая культура которой требует терпения, усидчивости, регулярности, дисциплины. Жизнь в тропиках не способствует выработке соответствующих навыков и закреплению их в устойчивых стереотипах повседневного поведения. Кроме того, скудные почвы, с трудом отвоевываемые у пышной и буйно растущей тропической растительности, не слишком плодородны и даже при заметных усилиях не обеспечивают высоких урожаев ценных и калорийных сельскохозяйственных продуктов, что опять-таки явно не стимулирует трудовой активности – напротив, охлаждает ее. Отсюда невысокие трудовые усилия, низкая производительность труда. Но самое главное, корень всего в том, что все это вкупе не просто консервирует отсталость, но не способствует созданию излишков – тех самых излишков, того самого избыточного продукта коллектива, без которого и после перехода к производительному труду нет материальных условий для возникновения развитого стратифицированного общества,

для сложения устойчивых государственных образований с разделением труда и необходимым обменом деятельностью.

Правда, как бы ни был мал объем излишков, в Африке все же возникали ранне – и протогосударственные образования, которые зиждились на общинных и кастовых принципах, на основе строго соблюдавшихся норм кровнородственных связей, возрастных групп, племенной общности (трибализма) и т. п. Но показательно, что административно-территориальные и чиновничье-бюрократические формы и органы власти были при этом крайне слабыми, неразвитыми и неэффективными, что и неудивительно: для содержания всех этих оторванных от производства слоев у общества просто не было средств. Конечно, случались и нередкие исключения, когда средства все-таки находились. Но беда в том, что эти средства черпались из источников, внешних по отношению к общине, – из контроля над транзитной торговлей, использования природных ресурсов (например, золота). В принципе это нормально и естественно, но на практике приводило к той самой неустойчивости и слабости, недолговечности надобщинных политических структур, о которой уже шла речь. Африканская община с ее первобытным примитивизмом не была достаточно надежной основой для того, чтобы на ней устойчиво удерживались эфемерные прото – и раннегосударственные образования (это, естественно, касается и кочевых обществ), а попытки опереться на иную основу, внешнюю по отношению к общине, приводили к тому, что само существование государственного образования целиком зависело от хрупкого баланса в торговле и внешних связях. Колебания в нем, столь обычные для транзитной торговли, немедленно отражались на устойчивости власти.

Но могло ли что-либо послужить альтернативой опоре государства на хрупкий баланс внешних сил? Да, могло. Пример Эфиопии в этом смысле достаточно красноречив: столь же неустойчивый, как и в остальной Африке тропической зоны, административно-политический режим веками сохранялся в виде хрупких раннегосударственных структур, княжеств, едва связанных друг с другом в рамках некоего федеративного образования под номинальным господством правителя. Страна не раз была на грани разрушения, но все же не распадалась, а, напротив, возрождалась, хотя в то же время и не шла вперед по пути поступательного развития. Что же держало Эфиопию в рамках единого государственного целого, зиждившегося практически на той же общинной базе, что и другие, быстро распадавшиеся ранне – и протогосударственные образования? Ответ не вызывает сомнений: религиозно-цивилизационный фундамент. Тот самый, что сложился в Эфиопии еще на рубеже нашей эры и упрочивался веками, пусть даже и в неблагоприятной для быстрого поступательного развития цивилизации обстановке. Но сколь бы неблагоприятной эта обстановка ни была, фундамент с его письменной культурой, элементами образования и урбанизации здесь все же был. Именно он служил не просто альтернативой случайному балансу внешних по отношению к структуре обстоятельств, но достаточно прочной основой устойчивого, хотя и структурно слабого, государственного образования.

Все сказанное позволяет при оценке причин отсталости Африки и слабости, неустойчивости, хрупкости ее государственных образований вычленить два наиважнейших фактора. Фактор первый был задан самой природой тропиков. Он аналогично действовал и на юге Азии, в том числе в зоне островного ее мира. Правда, там географический рельеф смягчал неблагоприятные природные условия за счет близости океана, что оказывало свое воздействие и в Африке, где прибрежные районы выгодно в этом смысле отличались от глубинных, континентальных. Но в целом климат повсюду в тропиках оказывал свое воздействие, тем более на континенте. Природно-климатический фактор был первичным, его можно считать первопричиной отсталости и стагнации. Фактор второй – это культурный потенциал населения, тот цивилизационный фундамент, на который в борьбе с неблагоприятной экологической зоной хозяйствования человек может опереться. Именно этот фундамент – диффузное проникновение в Индокитай и Индонезию индо-буддизма на рубеже нашей эры – обусловил поступательное развитие стран и народов Юго-Восточной Азии. Аналогичный фундамент содействовал сохранению государственности в Эфиопии. И отсутствие такого рода фундамента определяло тот зависимый от внешних сил неустойчивый характер всех остальных государственных образований Тропической Африки, о которых уже шла речь.

Здесь встает законный вопрос: как с точки зрения религиозноцивилизационного фундамента следует оценивать католицизм в том же распавшемся к XIX в. Конго и тем более ислам государственных образований суданского пояса? Почему в этих случаях фундамент не сработал или работал недостаточно эффективно?

Что касается Конго, то католицизм, привнесенный сюда португальцами, сыграл, конечно, известную роль цементирующей структуру доктрины. Стоит напомнить, что даже мощное движение протеста против колонизаторов на рубеже XVII–XVIII вв. было не столько антихристианским, сколько сектантским. Иными словами, католицизм за два-три века достаточно основательно укрепился в Конго. И все же, во-первых, этого срока было явно недостаточно для создания сколько-нибудь весомого цивилизационного фундамента – во всяком случае при темпах и масштабе нововведений, свойственных XV–XVII векам; во-вторых, значимость нововведений резко снижалась из-за того, что в данном случае религиозный фундамент с его культурой целиком ассоциировался с пришельцами-колонизаторами, по отношению к которым традиционная структура явственно была чуждой.

Что же касается исламизированных государств суданского пояса, начиная с Ганы, то там картина была несколько иной, хотя и во многом сходной: исламский религиозно-цивилизационный пласт был поверхностным, внешним по отношению к традиционной африканской общине, связанным с интересами транзитной торговли. Этот пласт понемногу ложился в фундамент культурных потенциалов суданских народов, что и вело к тому, что эстафета государственных образований здесь практически не прерывалась, одни политические структуры сменяли другие. И это, безусловно, было гораздо лучше, чем ничего. Однако пласт был слишком тонок, чтобы энергично воздействовать на трансформацию традиционного общества. Конечно, общества суданского пояса испытывали определенное воздействие и соответствующим образом трансформировались, приспособлялись. Но процесс шел медленно и не затрагивал глубинные основы, внутриобщинные отношения. Словом, на примере исламских государств можно говорить о некотором движении от состояния застоя, о некоем преодолении стагнации, но в лучшем случае – лишь о первых шагах в этом направлении. Ситуация стала всерьез изменяться только с началом колониальной экспансии в широких масштабах, когда в силу вступил новый для Африки фактор необычайной мощности: колониальный промышленный капитал, принципиально отличный от знакомого ей до того колониального торгового капитала, сравнительно мало воздействовавшего на традиционную структуру континента, во всяком случае в Тропической Африке.

Колониальный промышленный капитал в Тропической Африке

В чем именно была, в первую очередь, трансформирующая функция колониального промышленного капитала и сопутствующих ему институтов в Африке? Было бы наивным ожидать, что вторжение капитала и создание условий для его функционирования, включая сооружение развитой инфраструктуры, налаживание плантационного хозяйства, строительство промышленных предприятий, рудников и городов для обслуживающего их рабочего населения, быстро подорвет устои африканской общины и тем самым изменит глубинные основы традиционной структуры Тропической Африки. Этого, как известно, не произошло в сколько-нибудь серьезной степени даже в наши дни, при всем том, что современная Африка с ее огромными перенаселенными городами как бы символизирует разрушение общины. Дело в том, что главное все-таки не во внешней символической форме: не следует забывать, что основная масса населения современных городов объединена в земляческие ассоциации, суть которых в колониальной и постколониальной Африке сводилась и сводится не только к объединению мигрантов из определенной населенной преимущественно данным племенем местности, но прежде всего именно к сохранению в новых условиях традиционной, пусть и модифицированной, общинной структуры. Без этого вышедший из деревни африканец не просто чувствует себя неуютно и хуже адаптируется – без этого он едва ли вообще в состоянии выжить, нормально жить. О том, как это сказывается на всем образе жизни городского населения, и в частности о политических функциях такого рода союзов, речь можно вести

особо. Здесь много общего с тем, как политически ведут себя аналогичные земляческие ассоциации в крупных городах на всем Востоке XIX–XX вв., будь то, скажем, Индия или Китай. Но для нас сейчас важно четко выделить и зафиксировать главное: землячества в городах – вариант традиционной общины, близкий к исходному, хотя и существенно отличный от него.

Итак, общинную структуру как таковую колониализм отнюдь не подорвал сколько-нибудь заметно. Она трансформировалась, но сохранилась. Мало того, приобрела в своих новых вариантах (городские земляческие ассоциации) устойчивые и адаптированные к новым условиям формы существования, в целом соответствующие традиционным принципам жизни. Это и есть, если угодно, то самое приспособление, которое – наряду с более или менее активным прямым и косвенным сопротивлением – демонстрируют традиционные структуры в колониальную эпоху практически повсюду. Но к чему же, в свете сказанного, сводится трансформирующая, модернизирующая, вестернизирующая функция колониализма в Африке?

Если абстрагироваться от крайностей и жестокости апартеида и оставить в стороне всю неприглядность колониализма и колониального вторжения в чужие земли как таковую, то главная его функция, особенно в Тропической Африке, сведется к насильственному внедрению цивилизующего начала, цивилизации в ее европейскокапиталистическом варианте. Имеется в виду принципиально чуждая традиционному Востоку и особенно Африке цивилизация с характерными именно для нее развитой частной собственностью, свободным рынком и необходимыми для этого гражданскими правами, свободами, нормами и процедурами. Практически дело свелось к тому, что на первобытный либо полупервобытный фундамент, в лучшем случае с очень слабым религиозно-цивилизационным пластом диффузного суданского ислама, был наложен мощный пласт вестернизованного капитала в его промышленной модификации. Очень важно подчеркнуть, что этот пласт – не чета полусредневековому католицизму, который был привнесен португальцами в Конго или испанцами на Филиппины. Тот куда легче и проще взаимодействовал с местной полупервобытностью, ибо сам был достаточно далек от постреформационного протестантизма как идеологии промышленного капитализма. Во всяком случае филиппинцы адаптировались к католицизму без лишних трудностей, правда, на протяжении ряда веков. Здесь же, в Тропической Африке последнего века, ситуация оказалась намного сложнее.

Для возвращенного первобытной общностью среднего африканца адаптироваться в обстановке частнособственнического капиталистического чистогана было делом далеко не простым, даже если принять во внимание наличие многочисленных посредников в лице миссионерских или колониальных школ, которые стали готовить кадры из местных племен для нужд администрации. Конечно же, жизнь оказывала определенное воздействие. И школы учебные, и более суровая школа жизни на руднике либо на заводе делали свое дело. Во всех странах Тропической Африки в XX в. – где раньше, ще позже – сформировались свои отряды рабочих, появилась образованная интеллигенция. Кое-где стали возникать и кадры предпринимателей современного буржуазного типа, хотя здесь всегда нужны оговорки: нельзя, разумеется, представлять себе дело таким образом, будто стоит только вчерашнему общиннику всерьез заняться предпринимательством, как он тут же, почти автоматически станет буржуа западного типа. Увы, все далеко не так просто. Достаточно напомнить хотя бы о нормах трибализма, согласно которым твое – это не только твое, но частично и общее, принадлежащее твоей семье, общине, твоему племени, наконец.

И все-таки, несмотря на все трудности, цивилизующее начало активно внедрялось в Тропическую Африку, почти лишенную его в прошлом. Внедрялось грубо, силовыми методами. Несло с собой страдания для людей, не привыкших к этому и не желавших нововведений. Но в то же время несло и новую, невиданную прежде технику, иной характер хозяйства, иные формы производства, условия труда и т. п. – словом, совершенно иную жизнь. Естественно, что африканцы не сразу привыкли к этой новой жизни, как далеко не сразу даже наиболее грамотные из них уяснили, скажем, существо избирательной демократической процедуры, принципы партийнополитической борьбы, специфику профсоюзных организаций. Пожалуй, вся первая половина нашего века ушла на адаптацию в этом смысле хотя бы городского населения, пусть только некоторой части его (вспомним Сенегал). Но вместе с тем

нельзя не заметить, что к моменту деколонизации почти все страны Тропической Африки были все же уже готовы к тому, чтобы на основе той же демократической процедуры, партийно-политической борьбы, республиканской организации, различных форм законодательных институтов и т. п. управлять своими государствами самостоятельно. Иными словами, время зря не прошло. Африка за полвека-век обрела то, чего была лишена и без чего век назад говорить о политической самостоятельности и самоуправлении на уровне приемлемых стандартов и достаточной внутренней устойчивости политических образований было бы просто нереально.

Конечно, переоценивать цивилизаторскую миссию колониализма не стоит. Достаточно напомнить о том, что далеко не везде в Африке демократические процедуры привились, о чем свидетельствуют и многочисленные с удивительной легкостью совершаемые военные перевороты, и просто диктаторские режимы. Но одно несомненно: колониальный капитал, вторгнувшись в Тропическую Африку, эксплуатируя ее природные и людские ресурсы, одновременно содействовал ее экономическому развитию, вкладывал в это развитие немалые средства и формировал необходимые для функционирования капитала административно-политическую среду и культурно-просветительную систему, способную создавать грамотные и образованные слои населения, кадры для промышленных предприятий и всей инфраструктуры, включая органы управления. Правда, все это затрагивало непосредственно лишь меньшинство в основном городского населения (хотя городское население быстро росло и растет, к моменту деколонизации оно было в явном меньшинстве), тогда как основная сельская часть Африки была затронута новшествами весьма мало и жила по-прежнему общинами, численно даже возрастающими (эффект демографического взрыва в XX в.). Но ситуация в целом вполне очевидна.

Можно напомнить и еще одно немаловажное обстоятельство: колонизаторы принесли с собой не только систему капиталистического предпринимательства, но и европейскую культуру, приобщаться к которой стали африканцы (многие из них учились в Париже либо в Оксфорде и Кембридже). Они принесли с собой свои языки, на которых веками публиковались шедевры мировой литературы, философии, науки, на которых стали издаваться газеты, журналы и книги в Африке. На западноевропейских языках – на языке метрополии – велась вся деловая и административная переписка в той или иной колонии, на них же привычно стали общаться между собой представители различных языковых групп из числа жителей этой колонии, особенно в городах. Причастность к европейским языкам и европейской культуре сказалась и на развитии местной африканской культуры, от философии негритюда Л. Сенгора до поэзии и прозы современных африканских писателей, пишущих чаще всего на европейских языках.

Но на всем этом сравнительно радужном фоне, свидетельствующем о несомненных сдвигах в образе жизни и облике традиционных африканских обществ, особенно в городах континента, остается и немало мрачных пятен. Одним из наиболее крупных следует считать низкую культуру и дисциплину труда, отсталость в сфере производства, технологии и качества труда, что с особой остротой ощутили африканские государства после деколонизации и национализации во многих странах (полностью либо частично) ключевых отраслей экономики. Это и неудивительно: столетие – слишком малый срок для скачка от первобытности к современности. Многое, включая тотальную общинность с, ее цепкими традициями, тянет Африку назад. Структура приспосабливается, отчаянно сопротивляясь. И это весьма сурово сказывается, создает дисбаланс, резкий разрыв между желаемым и реальностью, между постоянно растущими потребностями численно резко увеличивающегося населения и невозможностью удовлетворить эти потребности за собственный счет, т. е. за счет соответственно растущего производства, производительности труда, количества и качества произведенного продукта. Конечно, такого рода нежелательный эффект в той или иной мере можно обнаружить во всем развивающемся мире, но в Африке, особенно в Тропической Африке, он едва ли не наиболее заметен и драматичен.

Северная и Северо-Восточная Африка – это особый мир, весьма отличный от негритянского, хотя и связанный с ним многими нитями, а порой и общей судьбой. Это не океан первобытности и полупервобытности; при всем том, что и такого рода анклавов здесь немало, это мир сравнительно высокой культуры, базирующейся на весомом религиозно-мировоззренческом фундаменте ислама, не говоря уже о том, что наиболее развитая его часть, Египет, восходит корнями к столь глубокой древности, которая говорит сама за себя.

И все же, несмотря на это, арабская Африка была колонизована одновременно с остальной частью континента, в основном теми же державами и практически так же легко. Если еще в XVIII в. страны Магриба, составлявшие часть Османской империи, были достаточно грозным противником для европейцев, а пиратский террор корсаров заставлял Европу откупаться от него, то в XIX в. все изменилось. Алжир, Тунис, а в начале XX в. и Марокко стали колониями Франции, затем колонией Италии оказалась Ливия. Англичане в те же годы усилили свои позиции в Египте, превратив его если не в колонию, то в полуколонию, а затем подчинили себе Судан и вместе с французами и итальянцами поделили Сомали. Конечно, все эти акции сопровождались активным сопротивлением, восстаниями и войнами местного населения, преимущественно под религиозными лозунгами. Некоторые из войн, как махдистская в Судане, приводили к заметному успеху, но ненадолго: мощь колониальных держав ломала сопротивление слабовооруженных воинов ислама, одерживала верх над мятежами типа выступления Ораби в Египте.

Что касается хозяйственного освоения колоний, особенно плодородного и климатически благоприятного побережья Средиземного моря, то оно шло достаточно активно, хотя и наблюдалась некоторая разница в методах и установках: Франция, а затем и Италия делали ставку на заселение земель колонистами и создание в колониях значительной прослойки европейского населения, ведшего капиталистическое товарное хозяйство с одновременным развитием горнорудных и иных промыслов, предприятий, дорог, портов и т. п. Англичане переселения колонистов в сколько-нибудь заметных размерах не форсировали, но зато весьма активно проникали во все сферы политической администрации и экономики, строили промышленные предприятия, создавали обслуживавшую их нужды инфраструктуру, модернизировали сельское хозяйство, стимулируя выращивание местным населением товарных продуктов, прежде всего хлопка.

Почему ведущие державы Европы стремились к колонизации исламской арабской Африки? Видимо, здесь сыграли свою роль два важных фактора: во-первых, стратегически важное расположение североафриканских стран, их очевидная роль в торговле и связях с Востоком, особенно после открытия Суэцкого канала, и, во-вторых, политическая слабость соответствующих государств, лишенных защиты со стороны ослабленной Османской империи и враждующих друг с другом. Для Франции и Италии играла определенную роль и территориальная близость захваченных земель, климатическое сходство осваиваемых колонистами территорий на средиземноморском побережье. Добившись желаемого, европейцы, естественно, приступили к энергичной трансформации покоренных ими территорий. Рядом с традиционным сектором хозяйства здесь возник новый, капиталистический. Это сосуществование вызывало не только противодействие со стороны традиционной структуры, но и вынужденное ее приспособление к новым условиям. Однако о гармоническом синтезе старого и нового говорить не приходится; просто старое оттеснялось, а новое занимало его место; только частично элементы старого включались в капиталистическую экономику, как в городах, так и в хозяйствах колонистов. Иными словами, шел постепенный процесс втягивания старого в новое, ломки традиционных норм – процесс медленный и весьма болезненный для традиционной структуры. Результаты его были далеко не однозначны.

С одной стороны, определенная часть местного населения вовлекалась в капиталистическое колониальное хозяйство и приобретала определенные навыки, опыт, образование, профессию. Именно из ее рядов формировались слои фабричных рабочих, шахтеров, работников сферы обслуживания, транспорта. Из этих же рядов выходили грамотные и образованные представители местного населения, интеллигенция, деятели культуры, администраторы, даже менеджеры. В то же время другая, основная часть, особенно

крестьянство, оставалась почти целиком в сфере традиционных форм хозяйства и быта. И не только оставалась, но и, ориентируясь на своих лидеров из числа знати или исламских религиозных функционеров-марабутов, начинала активно выступать против нежеланных новшеств, ставивших под угрозу привычный образ жизни и веками апробированные ценности ислама. Общество как бы раскалывалось на два: на ориентированных на традицию и на тех, кто видел зримые преимущества европейской капиталистической культуры, науки и техники и был склонен приобщиться к ним, усиливая за этот счет потенциал и позиции своей страны.

Соответственно и в политической жизни стран Северной и Северо-Восточной Африки и Эфиопии⁴⁷ формировались, а с конца XIX в. вплоть до периода деколонизации задавали тон в общественнополитической жизни две основные силы – традиционалисты и реформаторы («старо» и «младо»), не только противостоявшие друг другу, но и порой ожесточенно боровшиеся за власть и за определение стратегии развития своей страны. Стоит заметить при этом, что далеко не все сторонники традиционалистов (скажем, Ораби-паша) были религиозными фанатиками и реакционерами, как не всегда их противники были способны вести страну к прогрессу. Тем не менее именно такого рода размежевание задавало тон в Северной Африке, что было близко к аналогичной ситуации и в остальной (полуколониальной) части Востока, о которой пойдет речь впереди. Видимо, такого рода размежевание логично и естественно для стран с собственным весомым религиозно-цивилизационным фундаментом. Оно, в частности, было неплохо заметно и в Индии, где деятельности Национального конгресса противостояли силы, ориентированные на стопроцентный индуизм. Правда, в Индии это противостояние не сыграло сколько-нибудь значительной роли и было оттеснено на задний план главным политическим противоборством (между Конгрессом и англичанами). Это следует объяснять именно тем, что европейцы там были колонизаторами и властью. Нечто подобное, хотя и не в столь явной форме, имело место и в Северной Африке, где заметное размежевание во внутривластной жизни между традиционалистами и реформаторами было все же второстепенным на фоне общего противостояния традиционных структур колонизаторам. Впрочем, случались и исключения (эпизод с Ораби-пашой в Египте).

Как легко заметить, общая ситуация на севере Африки отличалась от того, что было южнее Сахары: на севере традиционные общества, опиравшиеся на сильный собственный религиозно-цивилизационный исламский фундамент, являли собой не просто особый сектор хозяйства и специфический уклад жизни, но и весомую альтернативу – народу предоставлялся своего рода выбор, что и проявилось в противоборстве реформаторов и традиционалистов. К югу от Сахары альтернативы не было, как не было и собственного фундамента цивилизации; была дихотомия: либо оставаться на уровне первобытности, либо, заимствуя основы европейской культуры и капиталистического хозяйства, развиваться, имея впереди перспективу деколонизации и самостоятельности. Неудивительно, что в Тропической Африке не было противоборства традиционалистов и реформаторов, – просто вопрос там стоял иначе. Но было и нечто общее для всей колониальной Африки: сопротивление колониализму. В разных формах, но оно ощущалось везде, как повсюду ему сопутствовало неизбежное приспособление традиции к современным условиям существования.

На что опиралась приспособлявшаяся традиция в борьбе с внешним вторжением колониального капитала и сопутствующих ему нововведений? В Тропической Африке – на общину в самом широком смысле этого слова, т. е. на общинность как способ жизни, включая и формы существования, и формы ведения хозяйства, и формы общения, и т. д., вплоть до трибализма и земляческих ассоциаций в городах. На севере опора была иной – она уходила в глубины религиозной цивилизации, исламского образа жизни, культуры, принципов и мировоззренческих представлений. Но по отношению к колониализму эти различия, сами по себе весьма существенные, отходили на задний план: и на севере, и на юге традиция противостояла колониальному капиталу, причем в зависимости от обстоятельств такое противостояние принимало разные формы, включая тенденции к характерному для мира

⁴⁷ Эта страна, не будучи ни северной, ни арабской, функционально тяготеет к северу хотя бы потому, что имеет близкий к нему и весьма отличный от негритянских обществ Африки религиозно-цивилизационный фундамент.

ислама эгалитаризму и более свойственные примитивным формам общежития на юге Африке тенденции к деспотизму неограниченной власти диктатора (обе эти тенденции в период деколонизации и становления независимости в странах Африки проявили себя достаточно широко и красноречиво).

Африка и юг Азии как колонии: общность исторических судеб и ее первопричины

Возвращаясь теперь к вопросу, поставленному в начале данной главы, обратим внимание на явную общность условий и обстоятельств, сыгравших немаловажную, а порой и решающую роль в том, что именно эти два региона – Африка и юг Азии – стали практически одновременно колониями европейских держав в пределах Старого Света.

Первое, что объединяет эти регионы, – их природно-климатическая зона, зона тропиков и субтропиков, в немалой степени предопределившая как небывалые возможности эксплуатации природных ресурсов (желанные пряности; возможность специализированного, в том числе плантационного, выращивания многих экзотических товарных культур, в том числе весьма ценных – хлопка, гевеи, пряностей, какао, кофе, чая и др.), так и общую отсталость местного населения, в значительной своей части находившегося на первобытном и полупервобытном уровне существования и уже по одной этой причине не имевшего возможности оказать колонизаторам серьезного сопротивления. Это же обстоятельство косвенно явилось причиной работорговли, которая расцвела именно за счет захвата (ловли), продажи и перепродажи беззащитных людей, живших мелкими общинами и поэтому являвшихся легкими потенциальными жертвами работорговцев. И хотя на островах Индонезии масштаб работорговли (в основном за счет первобытного населения Сулавеси) был несравним с тем, что происходило в Африке, важен сам факт: торговали преимущественно теми, за кем не стояла сильная политическая структура, заинтересованная в сохранении и защите своего населения.

Отсутствие сильной политической власти, государства – второе, что сближает ситуацию на юге Азии и в Африке. Здесь имеется в виду не только и не столько океан первобытности, сколько слабость мелких и недолговечных государственных образований, зачастую враждовавших между собой и являвшихся сравнительно легкой добычей даже немногочисленного, но хорошо организованного и вооруженного противника, какими были колонизаторы. Это касается и государств Индокитая, Явы и Суматры, и арабских стран Магриба, и еще в большей степени полупервобытных протогосударственных структур Тропической Африки. Но случайно ли государства – речь не о полупервобытных – оказались столь слабыми в момент колонизации, будь то страны Магриба или даже Индия? Отнюдь. И здесь обратим внимание еще на одно важное обстоятельство, сближающее судьбы колоний Африки и юга Азии.

Речь идет о том самом пивилизационном фундаменте, которому было уделено уже немало внимания. Как о том говорилось, индуизм, равно как и буддизм в принципе отличаются социальной инертностью, политической нейтральностью, что на протяжении веков было фактором, внутренне ослаблявшим соответствующие государства. Правда, это не относится к исламу. Но в Индонезии и Малайе ислам, как упоминалось, оказался достаточно поверхностным наслоением на индо-буддийском религиозно-цивилизационном фундаменте и заметной роли в усилении административно-политической структуры не сыграл. Что же касается стран Магриба и особенно Египта, то там исламский цивилизационный фундамент был достаточно мощным, а основанные на нем государства в принципе сильными. Слабость же их была в том, что они оказались вассалами султана, точнее, одряхлевшей, пришедшей в состояние упадка Османской империи. Таким образом, слабость государств юга Азии была вполне закономерной, Магриба – с известным оттенком случайности, но тоже естественной в сложившихся обстоятельствах. Что же касается государств Тропической Африки, то их слабость была настолько очевидной, что они порой рушились даже без воздействия извне, под влиянием изменившегося баланса транзитной торговли или иных случайных и внешних факторов.

Стоит оговориться, что именно там, где цивилизационный фундамент был наиболее мощным и где государство оказалось достаточно сильным (имеется в виду Египет, особенно

после правления Мухаммеда Али), колониальная экспансия в силу необходимости приняла настолько слабый, стертый облик, что есть основания вести речь скорее о полуколониальной зависимости, чем о колониализме, – как формально (Египет оставался вассалом султана), так и по существу. Это исключение из тех, что подтверждают правило. И хотя правило пока еще не очевидно (речь о полуколониях впереди), оно все же напрашивается, в том числе и из сравнения судеб Африки и юга Азии.

Блок третий Ближний и Средний Восток

Глава 9 Османская империя и республиканская Турция

Кризис империи, становившийся все более очевидным с XVIII в., достиг своего апогея в начале XIX в. Реформы Селима III и Махмуда II на рубеже XVIII–XIX вв. были отчаянной попыткой покончить с пережитками тянувшей страну в средневековье военно-ленной системы. Кое-чего они помогли добиться, но последующий ход событий и, в частности, военные успехи Мухаммеда Али Египетского, поставившего Порту (этим термином в Европе обозначали султанское правительство и Османскую империю в целом) на грань военного краха, свели результаты второго тура реформ практически на нет. От полной гибели империя была спасена лишь в результате вмешательства держав, не желавших этого: неизбежно вставал вопрос об обширном наследстве владений империи в Европе, больной вопрос о проливах, на которые претендовала Россия, что категорически не устраивало другие страны, прежде всего Англию. Уже летом 1839 г. державы официально объявили, что берут Порту под свое «коллективное попечение», а Лондонская конференция, ультимативно потребовавшая от Мухаммеда Али отказаться от плодов его побед, в 1840 г. узаконила это коллективное попечительство, причем у нового султана Абдул-Меджида (1839–1861) не было иного выхода, как принять его.

Острый внутривосточный и экономический кризис, военное поражение, давление держав, успешно добивавшихся все новых уступок и льгот, – все это ставило перед новым султаном и его советниками, наиболее известным из которых был Решид-паша, нелегкие задачи, решить которые можно было только с помощью очередного тура реформ. Требовались радикальные преобразования, и именно к ним управители империи вынуждены были прибегнуть. Очередной тур реформ (1839–1870) получил наименование Танзимата («реформы», «преобразования»), Танзимат

Опубликованный в ноябре 1839 г. Гюльханейский хатт-и-шериф гласил, что новый султан ставит своей целью обеспечить всем подданным гарантии безопасности их жизни, чести и имущества, отменить систему откупов и упорядочить налогообложение, а также изменить порядок призыва на военную службу. Для осуществления этой программы в начале 40-х годов был проведен ряд реформ в сфере администрации (создание меджлисов, т. е. совещательных органов с участием немусульман при управителях вилайетов и санджаков), суда (составление уголовного и коммерческого кодексов), образования (создание системы светских школ), а также принят ряд мер для усовершенствования земельных отношений и развития экономики.

Реформы вызвали яростное сопротивление в стране, особенно со стороны духовенства, ревностных приверженцев ислама. В трансформации традиционной системы отношений они видели еще один шаг на пути к европеизации страны и соответственно к ослаблению своего влияния, что не могло не расцениваться ими как крушение основ. Одним из наиболее уязвимых пунктов всей программы Танзимата был вопрос о статусе многочисленных подданных империи, не принадлежавших к числу турок и вообще мусульман: попытка уравнивать в правах немусульман с мусульманами встретила наибольшее сопротивление в стране. В результате так и не был изменен порядок призыва на военную службу (армия по-прежнему комплектовалась из мусульман). Более того, проблема статуса христиан вызвала конфликт с Россией,

претендовавшей на покровительство по отношению к ним и к «святым местам» в Палестине, что в конечном счете явилось поводом для Крымской войны 1853–1856 гг. По итогам войны Турция оказалась в стане победителей, но эта победа была для нее пирровой, ибо истощила казну и положила начало драматически нарастающей внешней задолженности страны. Главным же результатом войны и связанного с этим очередного нажима держав было продолжение танзиматских реформ.

Реформы 50–60-х годов сделали еще один шаг по пути установления равенства всех подданных империи: был учрежден официальный статус немусульманских общин-миллетов (греческой, армянской, еврейской и др.), объявлено о допуске их представителей к государственной службе (вопрос об участии их в армии остался нерешенным). Был принят важный закон о земле, отменены цеховые регламенты в городах, упорядочена система налоговых откупов. Судебная власть была отделена от административной, а шариатские суды несколько потеснены. Было создано министерство просвещения, ведавшее светскими учебными заведениями, вплоть до высших. И наконец, реформы предоставили немало прав и льгот иностранному капиталу, прежде всего право на владение недвижимостью. Осуществление всех этих реформ было связано с деятельностью виднейших реформаторов второй половины XIX в. Али-паши и Фуад-паши, советников Абдул-Меджида и его преемника Абдул-Азиза I (1861–1876), руководивших правительством империи. Руководствуясь доктриной османизма (все подданные империи – османы), они стремились сохранить доминирующее положение турок в стране при формальном равенстве всех населяющих империю народов. Понимая необходимость дальнейшей европеизации страны, они делали соответствующие уступки иностранному капиталу, хотя и отчетливо осознавали, сколь непопулярна эта политика и какие мощные силы в империи противостоят ей.

Что касается уступок, то они сводились к тарифным льготам (8% – единый таможенный налог для иностранных товаров), к подтверждению режима капитуляций, к учреждению ведущего в финансовых делах империи англо-французского Оттоманского банка (1856), вскоре приобретшего статус государственного банка, а также к обширным капиталовложениям в промышленное, железнодорожное строительство, добычу и обработку сельскохозяйственного и иного сырья. Следует заметить, что одновременно рос внешний долг страны, ибо дефицит государственного бюджета со времен Крымской войны погашался за счет займов. Задолженность к 1876 г. достигла огромной суммы в 6 млрд. франков. Платой за это было все более широкое предоставление иностранному капиталу возможностей для проникновения в экономику империи. Результатом этого было постепенное изменение хозяйства страны, втягивавшейся в мировой рынок. Изменялся облик экономики как в сфере традиционного ремесла и торговли, так и в области сельского хозяйства. Все более заметные позиции в хозяйстве занимала нарождавшаяся промышленность, для ее нужд создавалась развитая инфраструктура.

Все эти в общем позитивные для страны перемены, включая и то, что следствием их было экономическое вторжение в страну иностранного капитала, сопровождалось ростом национального самосознания, особенно в среде образованных интеллектуалов. В 1865 г. возникло тайное общество «новых османов», ставившее своей целью создать в стране режим конституционной монархии. В начале 70-х годов в Стамбуле начала издаваться газета «Ибрет» («Наставление»), отражавшая их идеи. И хотя газета вскоре была закрыта, позиции сторонников конституции, во главе которых стал видный сановник империи Мидхат-паша, к середине 70-х годов заметно усилились. Массовые выступления учащихся в мае 1876 г. послужили сигналом для начала решительных действий: султан Абдул-Азиз был низложен, а новый султан Абдул-Хамид II согласился на конституцию, которая была официально принята в декабре 1876 г.

Конституция провозглашала основные права и свободы граждан империи, создала двухпалатный парламент и несколько ограничила прерогативы султана. Но избранный парламент оказался послушным воле монарха, а великий везир Мидхат-паша был в феврале 1877 г. выслан из страны. Султан, несмотря на все конституционные ограничения его власти, явно становился хозяином положения. И для этого были веские причины. Дело в том, что перемены и преобразования 40–60-х годов, т. е. все танзиматские реформы и тесно связанные с

ними изменения в экономике страны, бывшие результатом проникновения в империю иностранного капитала, принесли некоторые выгоды лишь городским слоям населения, которые и поддерживали новые реформы, включая конституцию. Стоит напомнить, что это было в то время в значительной мере нетурецкое и даже немусульманское население страны. Что же касается собственно турок, то они не только не имели выгод от нововведений и не могли воспользоваться их плодами, но напротив, чувствовали себя ущемленными в своем привычном привилегированном положении и даже несли некоторые экономические потери, в частности в связи с земельной реформой.

Разжигаемое мусульманским духовенством недовольство со временем становилось все более осязаемым, чем и воспользовался новый султан, нашедший в этом недовольстве мощную опору для противодействия конституционалистам. Поражение в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. лишь подлило масла в огонь: его легко можно было объяснить следствием нововведений, ослаблявших власть правителя. В феврале 1878 г. Абдул-Хамид совершил государственный переворот: парламент был распущен, а империя на долгие годы была превращена в весьма мрачную деспотию (в Турции годы правления Абдул-Хамида стали именовать термином «зулюм» – деспотия, тирания).

Зулюм и младотурки

Режим зулюма обернулся для империи взрывом реакции, фактической отменой всех завоеванных ранее прав и гарантий личности, разгулом беззакония и произвола, взяточничества и казнокрадства, доносов и арестов. Пресса была либо закрыта, либо поставлена под строгий надзор цензуры. Полурегулярная кавалерия «хамидие», исполнявшая жандармские функции и состоявшая из башибузуков, наводила страх на население, особенно в нетурецких районах империи, где произвол и насилие порой оборачивались страшными погромами с десятками тысяч беззащитных жертв, как то произошло в турецкой Армении осенью 1894 г. Беззащитной перед лицом реакции оказалась и слабая еще система светского образования: школьные учебники строго пересматривались, специальные средние учебные заведения и Стамбульский университет являли собой жалкое зрелище и временами закрывались вовсе. На всех получивших европейское образование смотрели косо, как на неблагонадежных.

Венцом всей системы зулюма стало ее идеологическое обрамление – доктрина панисламизма, ставившая султана-халифа главой всех мусульман. Идеологи панисламизма аль-Афгани и М. Абдо, заложившие основы доктрины, вынуждены были ориентироваться на Абдул-Хамида, а аль-Афгани даже провел последние годы жизни (1892–1897) в Стамбуле. Однако следует заметить, что в представлении идеологов доктрины панисламизм являл собой движение, ставившее своей целью как-то приспособить мир ислама к существованию в новых условиях и противопоставить мусульманское единство натиску европейского колониализма. Что же касается Абдул-Хамида, то он воспринимал смысл доктрины иначе, видя в панисламизме лишь хорошее средство укрепления собственной власти в империи и поддержки этой власти за пределами страны. Неудивительно, что на практике (султан и его политика) панисламизм скоро превратился в сугубо реакционную идеологию, сила и влияние которой в мире и империи уменьшались по мере упадка власти султана.

Нельзя сказать, чтобы Абдул-Хамид был чересчур рьяным мусульманином-панисламистом. В частности, он хорошо сознавал зависимость империи от держав, что сильно сдерживало его в глобальных устремлениях. Зависимость эта все росла, особенно финансовая. Еще в 1875 г. впервые был поставлен вопрос о невозможности выплачивать внешние долги, а в 1879 г. империя официально объявила себя банкротом. Результатом было создание Управления оттоманского долга (1881), в ведение которого, т. е. в распоряжение держав, поступали доходы от государственных монополий на табак, соль, спирт и ряд налогов. Вначале в Управлении и вообще в сфере экономической и промышленной экспансии преобладали англичане и французы, но с конца века, особенно после приобретения железнодорожной концессии в Анатолии и начала строительства дороги в Багдад (1888), ведущие позиции в экономике Турции стали переходить к немцам. Немецкие офицеры приступили к реорганизации турецкой армии; Европеизация Турции, несмотря на

сопротивление панисламистов, понемногу делала свое дело. Пусть конституционные права нарушались, но они существовали в умах и стремлениях нового поколения, выросшего и сформировавшегося в борьбе за эти реформы. Нельзя забывать и о городском населении, пользовавшемся плодами экономического роста и промышленного развития страны и тоже стоявшем за реформы, против возврата к прошлому. Наконец, несмотря на притеснения, в стране работали светские учебные заведения, выпускавшие все новые отряды турецкой интеллигенции, вполне очевидно ориентированной на европейские знания, демократические права и культурные традиции. Словом, в Османской империи складывалась ситуация, обычная для многих стран Востока той эпохи: традиционная структура, поставленная в условия насильственного проникновения в нее колониального капитала, сопротивлялась и приспособлялась одновременно, причем обе стороны этого процесса были представлены соответствующими тенденциями и политическими силами. В Османской империи конца XIX в. силы традиционализма были представлены режимом зулюма. Но понемногу вновь консолидировались и представители течения реформаторов, у истоков которого в свое время стояли как осуществлявшие реформы сановники империи, так и интеллигенты из числа «новых османов». На смену новым османам в условиях зулюма пришли в конце XIX в. младотурки.

Первые организации младотурок возникли в 1889 г. В Стамбуле это была ячейка среди курсантов военно-медицинского училища, построенная по принципу организаций карбонариев и ставившая целью избавление страны от деспотизма, возврат к конституционным нормам. По ее образцу вскоре были созданы аналогичные ячейки и в других учебных заведениях. Одновременно с этим в Париже, в эмиграции, А. Риза-бей создал общество борцов против тирании. Первая листовка от имени организации «Иттихад ве теракки» («Единение и прогресс») стала распространяться в Стамбуле в 1894 г., после чего начались гонения на иттихадистов-младотурок. Значительная часть их бежала в Париж, где в 1895 г. Риза-бей начал издавать газету, излагавшую программу организации: борьба за свободу, справедливость, равенство при единстве прав и интересов всех подданных империи; сохранение империи с учетом необходимых реформ; прогресс и развитие страны в условиях конституционного строя и при невмешательстве иностранцев в ее дела.

Вся образованная часть населения империи, равно как и многие другие слои, в том числе немусульманские народы, со вниманием следили за развитием событий и сочувствовали иттихадистам. Были даже сделаны попытки государственного переворота (1896), на что султан ответил репрессиями. Однако, несмотря на репрессии, количество ячеек иттихадистов быстро росло. В 1902 г. в Париже состоялся первый съезд младотурок, в котором приняли участие несколько десятков делегатов; среди них произошел раскол, в основном по вопросу о том, стоит ли опираться на помощь держав в борьбе за достижение целей младотурок. Но, несмотря на раскол, отделения иттихадистов по-прежнему действовали весьма активно, временами изменяя название своих организаций. В условиях революционного подъема в мире в начале XX в. радикализм стремлений и требований младотурок все нарастал. Второй конгресс их, тоже состоявшийся в Париже (1907), завершился принятием Декларации, которая призвала страну к восстанию против режима Абдул-Хамида. Резко усилилась пропаганда младотурок в армии, особенно среди молодых офицеров. Были также налажены контакты с оппозиционными партиями и организациями нетурецких народов империи. Назревали решающие события. Центром их оказалась расположенная к северу от Стамбула Македония.

Летом 1908 г. офицеры расквартированных в Македонии турецких войск Ниязи-бей и Энвер-бей выступили со своими отрядами против Абдул-Хамида с требованием восстановления конституции. Султан был вынужден принять это требование, и уже осенью 1908 г. открылись заседания вновь избранной палаты депутатов, где младотурки имели две трети мест. Правда, вскоре султан, опираясь на верные ему войска в Стамбуле, попытался было взять реванш: весной 1909 г. он вновь распустил парламент, восстановил всю полноту власти шариата и начал преследовать деятелей младотурецкого движения. Но лидеры младотурок из Салоник двинули на Стамбул свои вооруженные силы, которые с боями заняли столицу и низложили Абдул-Хамида, захватив при новом султани Мехмеде V всю реальную власть в свои руки. Так завершился военно-революционный переворот, именуемый в историографии младотурецкой революцией.

Младотурки провели в стране ряд реформ, из которых важнейшая касалась реорганизации армии, жандармерии и полиции. Но главную свою цель они видели в том, чтобы отстоять целостность империи в условиях, когда державы стремились расчленить ее. Именно в разгар революции Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, а Россия и Англия вели переговоры о статусе Македонии, что, собственно, и послужило поводом для выступлений армейских офицеров в этой провинции. Для достижения своих генеральных целей иттихадисты вновь выдвинули на передний план доктрину османизма, причем в ее весьма жесткой трактовке: нетурецкие земли и населяющие их народы – это неотъемлемая часть Турции, всё османское, все османы, в соответствии с этой жесткой политикой были и внутривластные акты младотурок: в 1910 г. начались гонения на нетурецкие народы под лозунгами панисламизма и пантюркизма, что вызвало сильное сопротивление и заметно ослабило позиции иттихадистов.

В 1911 г. на базе существовавших ранее оппозиционных партий и группировок была создана либеральная ассоциация «Хюрриет ве иттиляф» («Свобода и согласие»), причем иттиляфисты, пообещав нетурецким народам автономию в рамках империи, добились быстрых успехов и летом 1912 г. пришли к власти. Однако неудачи в Балканской войне 1912 г. вновь привели к власти младотурок, причем на сей раз в форме еще более жесткой. В 1914 г. вся полнота власти была взята триумvirатом из Энвера, Талаата и Джемала. Именно эти лидеры младотурок руководили Турцией в годы мировой войны, когда империя воевала на стороне Германии. Именно они ответственны за страшную резню армян в 1915 г. Поражение Германии в мировой войне, военные неудачи и недовольство в стране, наконец, капитуляция Турции в октябре 1918 г. положили конец власти младотурок, лидеры которых бежали из пределов империи. Султанская империя агонизировала. Союзники аннексировали все ее внешние владения (Балканы, арабские земли). Встал вопрос о том, какой быть послевоенной Турции. В эти трудные дни решение вопроса взял на себя сам турецкий народ во главе с его новыми лидерами, отошедшими от лозунгов младотурок и поставившими во главу угла тезис о независимости собственно Турции.

Кемалистская революция и радикальные преобразования

В начале 1919 г. к власти в стране пришли иттиляфисты, но пределы их власти были весьма ощутимо ограничены войсками Антанты, оккупировавшими ряд территорий империи и введшими свой флот в проливы. В мае 1919 г. в добавление к этому Греция оккупировала Измир и прилегающие территории. А поскольку турецкая армия по условиям капитуляции оказалась демобилизованной, все это открывало простор для дальнейшего расчленения страны. Неудивительно, что подобная перспектива вызвала сопротивление, принявшее вначале стихийный характер.

В зоне оккупации начали действовать партизанские отряды, количество которых быстро росло. По всей стране стали возникать общества защиты прав местного населения, в руководстве которых основную роль играли представители интеллигенции и прежде всего офицерства. В 1919 г., сначала в июле в Эрзеруме, а затем в сентябре в Сивасе состоялись один за другим два конгресса этих обществ, на которых был избран Представительный комитет во главе с генералом Кемаль-пашой. Документы конгрессов призывали страну к борьбе за независимость и против оккупантов, а султана – к созданию нового кабинета. В октябре был создан новый кабинет, а в январе 1920 г. созван вновь избранный парламент, принявший «Национальный обет», т. е. декларацию независимости Турции, содержащую призывы к уничтожению всех препятствий для развития страны, включая прежде всего привилегии держав. В ответ на эту декларацию державы в марте 1920 г. оккупировали Стамбул и разогнали парламент. Султан был вынужден покориться, а его новое правительство официально выступило против Представительного комитета и Кемаль-паши.

Такой поворот событий вызвал бурный взрыв негодования по всей стране. На волне национально-патриотического подъема в апреле 1920 г. в Анкаре был избран новый меджлис – Великое национальное собрание Турции (ВНСТ), в которое были включены и 105 бежавших из

Стамбула членов разогнанного парламента. Председателем ВНСТ стал Мустафа Кемаль-паша, провозгласивший новый орган власти единственной законной властью Турции. Созданное ВНСТ правительство во главе с Кемалем приняло ряд энергичных мер по упрочению своей власти. Первой дипломатической акцией его была апелляция за помощью к Советской России, изъявившей готовность помочь ему. Вслед за тем в ответ на интервенцию греческих войск в глубь Анатолии турки начали успешную военную кампанию (битвы при Иненю в 1921 г.), завершившуюся осенью 1922 г. изгнанием интервентов.

Успехи кемалистской революции спутали все карты держав Антанты. Условия навязанного султану в 1920 г. кабального Севрского договора, в соответствии с буквой которого и началась, в частности, интервенция греков в Анатолии, были пересмотрены. В итоге конференции в Лозанне была признана независимость Турции в ее современных границах. Еще ранее, 1 ноября 1922 г., ВНСТ приняло закон о ликвидации султаната, после чего осенью 1923 г. Турция была провозглашена республикой. Правда, давление исламского-духовенства сказалось в том, что представитель султанской династии АбдулМеджид II был официально провозглашен «халифом всех мусульман», однако в марте 1924 г. был ликвидирован и халифат.

Ситуация, сложившаяся в результате национально-патриотического подъема, и огромные успехи революции, сумевшей добиться независимости и успешно противостоять натиску держав, – все это создало Кемалю огромный авторитет в стране. Опираясь на этот авторитет, лидер революции и руководство созданной им в 1923 г. Народно-республиканской партии (НРП) приступили к серии решительных и радикальных преобразований, которые заняли свыше 10 лет (1923–1934) и во многом изменили как традиционную структуру страны, так и ее внешний облик.

По конституции, принятой в 1924 г. и уточнявшейся, а также изменявшейся в последующие годы, Турция объявлялась республикой во главе с президентом, облеченным большой властью. Высшим органом власти был однопалатный меджлис, из депутатов которого президент назначал премьера, комплектовавшего кабинет министров. Выборы в парламент были двухстепенными по мажоритарной системе. Женщины вначале к участию в выборах не допускались; с 1930 г. им предоставлялось право избирать и быть избранными в муниципальные органы власти, позже (1934) также и в меджлис. Конституция декларировала все основные демократические права и свободы, что, несмотря на формальный характер подобной декларации в ряде аспектов, было весьма важным шагом в деле трансформации традиционной исламской структуры. В целях централизации управления изменялась административная структура: страна была разбита на округа-вилайеты, тогда как прежние вилайеты-губернии упразднились.

Серия реформ была связана с секуляризацией государства. Ислам, вначале объявленный государственной религией, вскоре потерял этот статус и был низведен до уровня отделенной от школы и государства религии. Вакуфное имущество в большинстве своем было национализировано, шариатские суды и духовные школы-медресе упразднены, дервишеские организации ликвидированы. Ни одно из исламских государств никогда не совершало одним ударом столь радикальных преобразований, высвобождавших страну из жесткой паутины ислама. Символом этого высвобождения было не только уравнивание в правах женщин, но также и принятое в специальных законах и обязательное для всего населения распоряжение перейти на европейскую форму одежды, европейский календарь и летосчисление, гражданскую форму брака с ликвидацией многоженства и введение фамилий с упразднением старых форм обращения (бей, паша, эфенди и т. п.). Специальным решением парламента Кемалю была присвоена фамилия Ататюрк («отец турок») с запрещением носить ее еще кому-либо. Был принят латинизированный алфавит, заменивший арабский и облегчивший обучение в многочисленных заново создававшихся по европейскому стандарту начальных и средних школах, специальных и высших учебных заведениях. Упразднение шариатского суда сопровождалось введением судопроизводства по европейскому образцу, что повлекло за собой необходимость создания кадров юридически подготовленных специалистов, прежде всего адвокатов (и поныне это одна из самых почтенных профессий в стране). Вся линия реформ теоретически, в программе НРП, соответствовала принципу лаицизма (светскости).

Вторым кардинальным принципом преобразований был этатизм (огосударствление),

проявлявшийся в основном в сфере экономической жизни. Дело в том, что в силу исторически сложившихся обстоятельств турки, как о том уже говорилось ранее, не составляли заметного слоя в числе активного городского населения – торговцев, предпринимателей. Экономически же активные греки, армяне, евреи, кавказцы десятилетия, предшествовавшие кемалистской революции, подвергались гонениям, а то и становились жертвами геноцида. Результатом было ослабление экономических позиций городского населения страны, особенно заметное перед лицом натиска европейских держав, иностранного капитала. Восстановить нарушенный баланс и исправить положение в пользу национального капитала могло лишь государство, что было нормальным и естественным для структуры, традиционно базировавшейся на неизменном приоритете и даже господстве государственного руководства экономикой страны при вторичности и ущемленности частного предпринимательства. Правда, официально кемалистское правительство – в полном соответствии с духом и буквой буржуазно-демократической по своему характеру конституции – призывало к активизации частнособственнического предпринимательства граждан и их ассоциаций, но на деле слабость экономических позиций страны могла быть быстрыми темпами ликвидирована только целенаправленными усилиями самого государства, что и было реализовано в рамках этатизма.

Турецкое правительство приступило к ликвидации иностранных концессий, которые частично были аннулированы, частично выкуплены. К Центральному республиканскому банку перешло от выкупленного Оттоманского банка право эмиссии. Правительство взяло в свои руки строительство новых железных дорог, портов, промышленных предприятий. Были установлены более высокие таможенные тарифы, защищавшие молодую промышленность страны от иностранной конкуренции. Официально отменялся режим капитуляций, предоставлявший льготы европейскому капиталу. Что касается сельского хозяйства, отсталость которого на фоне многочисленных преобразований становилась все более заметной, то там были проведены налоговые реформы, в частности отменена средневековая система ашара (арабо-исламский ушр, десятина) и созданы условия для повышения товарности сельскохозяйственных продуктов, прежде всего табака и хлопка. В целом политика этатизма принесла свои результаты: была заложена основа промышленного развития страны (только за 1933–1939 гг. стоимость продукции ценовой промышленности возросла втрое). Но оборотной стороной этой политики был жесткий режим в сфере труда, включая строгую регламентацию работы на государственных предприятиях, отсутствие либо запрещение деятельности свободных профсоюзов (их заменяли государственные, «желтые»), а также запрещение свободной деятельности оппозиционных партий, которые то возникали, то распускались, включая и коммунистическую, почти постоянно бывшую вне закона (все это опиралось на соответствующие статьи конституции страны).

Вообще говоря, политика НРП не могла не вызывать сопротивления со стороны разных кругов общества, справа и слева. Слева были представители радикальных партий и группировок, критиковавшие кемалистов за осторожную умеренность их политики. Справа – немалые реакционные силы, опиравшиеся на потесненное, но не сломленное исламское духовенство, на не вписывавшееся в нововведения и мало получившее от преобразований крестьянство. Пока был жив Кемаль (в 1936 г. он заболел и начал отходить от дел; в 1938 г. умер), его колоссальный харизматический авторитет сдерживал силы оппозиции, но после его смерти позиции кемалистов и НРП пошатнулись. Начался новый этап в истории Турции, характеризующийся неустойчивостью многопартийной политической системы.

Турция после Кемала

В ноябре 1938 г. президентом Турции стал И. Иненю. В новом составе меджлиса (1939) по-прежнему абсолютно господствовала НРП. Успехи во внешней политике были отмечены урегулированием проблемы оттоманского долга и укреплением связей с державами, включая СССР. Но особое место в системе этих связей занимала Германия. Вторая мировая война прошла в Турции под знаком формального нейтралитета, но фактически настроения и политика были прогерманскими, а мобилизация огромной армии и финансовые осложнения военного времени привели к резкому возрастанию задолженности страны.

Поражение Германии во второй мировой войне поставило руководителей Турции в весьма сложное положение, особенно на фоне недовольства населения экономическими затруднениями. Встал вопрос о путях развития и новой ориентации страны. Необходимо было сделать выбор, и он был сделан. Уже в 1945–1947 гг. были приняты несколько законов о земельной реформе, о создании министерства труда, о профсоюзах. Стали издаваться новые газеты и журналы, порой весьма радикального направления. И наконец, была официально признана (в выступлении Иненю в парламенте в ноябре 1945 г.) необходимость отказа от однопартийной системы. В январе 1946 г. группа депутатов из числа бывших членов НРП создала новую Демократическую партию (ДП) во главе с бывшим премьером Д. Баяром. В отличие от правящей партии ДП выступала за широкую свободу действий для частного капитала, включая иностранный, за строгое соблюдение в стране всех декларируемых конституцией гражданских прав и демократических свобод. На выборах 1946 г. эта партия получила 61 место в парламенте (НРП – 396).

Доктрина Трумэна, связанные с ней огромные кредиты и американские инвестиции (план Маршалла) завершили процесс переориентации Турции и в немалой степени способствовали отходу от официальной политики этатизма к экономическому развитию страны с упором на частнопредпринимательскую деятельность. Эта политика и новая ориентация усиливали позиции ДП, которая на выборах 1950 г. добилась большого успеха (396 мест против 68 у НРП). Президентом страны стал Д. Баяр, премьером – А. Мевдерес. На протяжении 50-х годов ежегодный прирост промышленной продукции в Турции достигал 8 %, хотя это сопровождалось ростом внешней задолженности и прежним жестким преследованием радикальной прессы. Впрочем, обстановка в самой стране постепенно менялась.

Прежде всего, несмотря на преследования, режим поощрения прав и свобод не мог не сказаться на росте оппозиционных сил. Эти силы были разными по характеру. С одной стороны, крепло рабочее движение, возглавлявшееся профсоюзами и проявлявшееся в забастовках и возрастании требований как экономического, так и политического характера. С другой – активизировалось исламское духовенство, добившееся от ДП ряда важных уступок (преподавание ислама в школе, строительство мечетей, чтение Корана по радио и др.). Влияние духовенства росло довольно быстро, особенно среди необразованного населения, в деревне. Частично это влияние шло в ногу с официальной политикой ДП, делавшей ставку на разжигание национализма в стране и в то же время опиравшейся на реакционные силы как в самой стране, так и за ее пределами. Дело дошло до того, что в апреле 1960 г. была создана парламентская комиссия с чрезвычайными полномочиями для расследования «подрывной деятельности» оппозиции. Это оказалось предельной мерой, вызвавшей взрыв недовольства.

27 апреля состоялся митинг студентов Стамбульского университета, за которым в последующие дни прошли массовые демонстрации студентов в Стамбуле и Анкаре, в других городах. Движение студентов было поддержано недовольным армейским офицерством (в армии с 1954 г. существовала тайная организация «ататюркистов», ставившая целью возврат к политике Кемалю), от имени которого командующий сухопутными силами Д. Гюрсель предъявил правительству ультиматум. 27 мая был совершен государственный переворот. Власть перешла в руки Комитета национального единства во главе с Гюрселем. По решению комитета она была передана Учредительному собранию, которое в мае 1961 г. приняло новую конституцию страны.

Конституция 1961 г. провозгласила верховный суверенитет народа, вновь декларировала свободы и права граждан, в том числе право на создание различных партий и группировок, на свободное издание газет и т. п. Согласно новой конституции, было строго оговорено разделение властей – независимых друг от друга законодательной, исполнительной и судебной. В предвыборной борьбе в октябре 1961 г. приняло участие несколько партий, включая созданную на основе распущенной ДП (лидеры ее были сурово наказаны; трое из них, в том числе Мендерес, казнены) Партию справедливости (ПС). ПС и НРП получили в новом двухпалатном парламенте Турции большинство мест. Президентом страны был избран Гюрсель, премьером стал лидер НРП Иненю.

60-е годы прошли в Турции под знаком бурного роста политической борьбы. Возникали

все новые и новые партии и группировки, как левые, так и правые. На фоне партийной борьбы все остальные проблемы страны, в том числе и экономические, оказались как бы на заднем плане. И хотя правительство по-прежнему уделяло им немало внимания и государственный сектор экономики соответственно увеличивался, параллельно с этим росла и задолженность страны – следствие экономической неэффективности государственного хозяйства.

Усиление забастовочной борьбы рабочих, вызванные этим репрессивные меры правительства во главе с лидером ПС С. Демирелем в конце 60-х годов снова создали в Турции обстановку внутреннего кризиса и анархии. В итоге военные опять оказали давление на власть с целью навести порядок.

В марте 1971 г. правительство Демиреля было вынуждено уйти в отставку. И хотя на этот раз руководители армии активно не вмешались в политику, предоставив это дело новому правительству, именно они диктовали правительству его политику, суть которой сводилась к наведению порядка жесткой рукой, т. е. к преследованию радикальных партий, групп и органов печати. Объявленное в апреле 1971 г. чрезвычайное положение в Анкаре и Стамбуле было отменено лишь осенью 1973 г., а собравшийся вслед за этим новый парламент принял ряд важных реформ, в том числе закон об аграрной реформе, предусматривавший выкуп земель у крупных собственников и распределение их среди крестьян.

70-е годы были в некотором роде повторением 60-х. После вмешательства военных вновь началась ожесточенная борьба политических партий за власть. С новой силой разгорелись страсти, принявшие к концу десятилетия характер массовых акций политического экстремизма, что вновь привело страну к состоянию, близкому к анархии. Экономика страны, несмотря на некоторые успехи (в 1975 г. прирост валового продукта составил 8 %), оставалась по-прежнему в основном государственной и потому была неэффективной, ложившейся тяжелым грузом на бюджет. К 1980 г. внешняя задолженность Турции в связи с этим достигла 20 млрд. долл. Дорого обошлась стране и военная экспедиция 1974 г. на Кипре. 12 сентября 1980 г. в условиях резкого обострения внутривнутриполитического кризиса в Турции вновь был совершен военными государственный переворот – на сей раз с роспуском всех политических партий и парламента.

Стоит отметить бросающуюся в глаза закономерность динамики развития страны в послевоенное время. Абстрагируясь от деталей, эту динамику можно зафиксировать примерно в таком виде: от парламентских свобод с политической борьбой к состоянию нестабильности при экономической неэффективности и росте задолженности; от нестабильности к острому кризису и, как результат, к вмешательству военных, восстанавливающих статус-кво и как бы создающих условия для очередного аналогичного цикла. Если эту динамику интерпретировать с точки зрения концепции сопротивления и приспособления традиционной структуры к новым условиям существования страны, где формально декларированы все гражданские права и свободы и предоставлена возможность для развития частнособственнического предпринимательства, то окажется, что структура Турции в целом долгие десятилетия не была вполне готова к радикальной трансформации. Энергия внутренней трансформации, не будучи в основном направлена в сферу экономики, что имело место, скажем, в Японии, как бы осела в сфере политики, где формально декларированные права и свободы предоставили для этого определенный простор. Этому в немалой мере содействовало то уходящее корнями в историю обстоятельство, что турки всецело были воинами, администраторами и менее всего – торговцами и предпринимателями. Нехватка опыта была компенсирована традиционной формой – слиянием власти с собственностью. Отсюда ведущая роль государственного хозяйства со всеми его особенно заметными в эпоху бурного развития капитализма слабостями, сводящимися в конечном счете к экономической неэффективности бюрократического управления хозяйством и соответственно к росту внешнего долга страны. Можно отметить и еще одну немаловажную закономерность; в условиях жесткой (военной) централизованной власти упомянутая экономическая неэффективность менее заметна, тогда как состояние политической нестабильности усиливает ее импульс, что и ведет страну к кризису.

В заключение несколько слов об исламе. Радикальные кемалистские преобразования почти не оставили ему места в социальной и политической жизни страны – в этом Турция уникальна среди других мусульманских стран XX в. Но, несмотря на это, в годы нестабильности ислам в стране поднимает голову. Его сторонники начинают вести активную

пропаганду и быстро находят сочувствующих ей, ибо корни ислама глубоки, ими пронизана вся традиция страны, включая ее культуру, в том числе политическую. И хотя политический экстремизм в наше время распространен достаточно широко и вне мусульманского мира, многое здесь – что касается Турции – явно восходит к фанатизму ислама, с чем нельзя не считаться.

Глава 10 Шиитский Иран в XIX–XX вв.

Став с начала XVI в. центром шиитской оппозиции в мире ислама, шахский Иран не только продолжал последовательно отстаивать свою самобытность, но и весьма болезненно реагировал на вмешательство в его дела извне, особенно со стороны России и Англии, ведших дело к превращению этой страны в полуколонию. Вынужденная приспособляться к изменяющимся обстоятельствам, традиционная структура Ирана реагировала на них особенно бурно. Именно проявлением такого рода реакции было и восстание бабидов в середине XIX в. – восстание, несколько опередившее давно назревавшие в стране реформы.

Баб и бабиды

В 1844 г. – ровно через тысячу лет (по европейскому календарю) с момента легендарного исчезновения двенадцатого скрытого имама – сеид Али Мухаммед объявил себя Бабом, т. е. вратами, через которые ожидаемый имам в качестве мессии Махди вот-вот должен спуститься на землю. Прихода скрытого имама шииты всегда ожидали с нетерпением, а в периоды острых кризисов это нетерпение стократ возрастало. Неудивительно, что проповедь, с которой выступил набожный торговец из секты шейхитов, вызвала широкий отклик в стране. Махди ожидали со все возрастающим напряжением, а идеи Баба, распространявшиеся его последователями вначале в весьма неопределенной форме и потому получавшие различную интерпретацию в зависимости от обстоятельств (то это были призывы к справедливости и снижению налогов, то осуждение богатства и роскоши, то возмущение бесцеремонностью иностранцев, то требования социальных и имущественных прав и гарантий), день ото дня обретали все большую силу, особенно в Азербайджане, где произвол персидских властей ощущался наиболее остро. Встревоженные власти заключили Баба в 1847 г. в тюрьму, но это его не остановило: именно сидя в крепости Баб написал свою знаменитую книгу Беян, в которой он провозгласил себя долгожданным Махди и изложил принципы своего учения. Вкратце эти принципы сводились к тому, что новая эпоха рождает нового пророка, устами которого говорит Аллах, что он, Баб и Махди, является именно таким пророком, несущим миру справедливость, гарантирующим защиту прав и имущества и в то же время выступающим против произвола власти и засилья иностранцев. Распространяя идеи Баба, его последователи во многом шли дальше него, требуя раздела и общности имущества, выступая за всеобщее равенство, включая и равенство женщин. Эти эгалитарные призывы оказывали едва ли не наибольшее воздействие на крестьянские массы, следствием чего были быстрое возрастание количества бабидов и радикализация этого движения.

В стране одно за другим начиная с осени 1848 г. вспыхивали бабидские восстания, причем казнь самого Баба летом 1850 г. лишь подлила масла в огонь. И хотя восстания вскоре были подавлены, ушедшие в подполье бабиды не сдавались, а в 1852 г. пытались даже убить шаха. Естественно, что после этого преследования бабидов усилились. Расправа с восставшими бабидами и бегство уцелевших предводителей и идеологов движения в соседние страны, в основном в Ирак, находившийся под властью Османской империи, привели к изменению характера самого протеста. Подхвативший знамя бабидов Бехаулла заявил себя сторонником ненасильственных действий и, восприняв многое из западных идей, выступил против войн, за терпимость, равноправие, передел имущества и некую наднациональную всемирную общность людей. Хотя бехаизм, в отличие от бабизма, не получил широкого распространения и поддержки в Иране, его идеи, как и движение бабидов, сыграли определенную роль в

изменении обстановки в стране. Впрочем, в этом же направлении пытались в те годы действовать и власти, о чем свидетельствуют реформы премьера Таги-хана (эмира Низама). Реформы, проводившиеся в основном в армии, хотя затронувшие и сферу ремесла и торговли, а также просвещения (первая газета, первая светская школа-лицей), могли и должны были послужить началом для серии преобразований, в которых давно нуждалась страна и которые и без того сильно запоздали (по сравнению, скажем, с эпохой Танзимата в Турции). Но подозрительность шаха Наср ад-Дина, ревниво относившегося к популярности Таги-хана и увидевшего в нем возможного соперника, привела к отставке реформатора.

Прекращение реформ не замедлило сказаться: успешный поход шаха на Герат в 1856 г. завершился отступлением под давлением англичан, навязавших Ирану унижительный мирный договор. Вслед за тем начался период активного проникновения иностранного капитала в Иран. Займы, концессии, полукOLONиальный характер внешней торговли – все это за короткий срок подчинило экономику страны иностранцам. И хотя шах после нескольких поездок в Европу в 70–80-х годах ввел в систему управления страной некоторые новшества, включая попытку ограничить судебную власть шиитского духовенства и несколько европеизировать систему администрации, эти сильно запоздавшие попытки уже мало что могли изменить.

В отличие от Османской империи, где благодаря танзиматским реформам была сохранена политическая независимость, шахский Иран эту независимость быстро утрачивал. Дело дошло до того, что в конце XIX в. Россия и Англия практически поделили между собой сферы влияния в этой стране. Север страны, включая ее столицу, находился под сильным политическим давлением России, а наиболее надежным армейским формированием на долгие десятилетия стала созданная и возглавлявшаяся русскими офицерами казачья бригада. Район Персидского залива почти целиком зависел от англичан. Правда, шах время от времени под давлением недовольных в стране выступал против иностранного господства, особенно в сфере экономики, что проявлялось в виде отмены некоторых кабальных концессий, но ситуация в целом была очевидной: Иран после бабидского восстания и урезанных реформ Таги-хана оказался внутренне слабым. Его традиционная структура не успевала приспособиться к быстрым изменениям в мире и вокруг страны, следствием чего и явилось экономическое, а затем и политическое закабаление, превращение страны в полукOLONию России и Англии. Однако, несмотря на все сказанное, традиционная структура не была сломана. Мало того, она постепенно и достаточно активно созревала для трансформации, а проникновение в Иран влияний извне и усиленный контакт с Россией способствовали этому.

Иранская революция 1905–1911 гг.

Пожалуй, именно на примере Ирана известный тезис о пробуждении Азии под влиянием русской революции 1905 г. работает наиболее зримо и очевидно. Уже на рубеже XIX–XX вв. большое количество иранских отходников, особенно из иранского Азербайджана, работали на предприятиях русского Закавказья. Только в Баку, по некоторым данным, их в 1904 г. насчитывалось 7 тыс. – свыше 20 % всего бакинского пролетариата. Русские революционеры вели с ними работу, и, возвращаясь на родину, отходники несли с собой новые идеи, порой весьма радикальные. Эти идеи жадно впитывались голодающими крестьянами на рубеже XIX–XX вв., когда в Иране резко обострилась продовольственная проблема, что вело к спорадическим голодным бунтам и народным демонстрациям, сопровождавшимся разгромом домов спекулянтов и торговцев зерном, и способствовало возникновению революционной ситуации. Для взрыва нужен был лишь повод, и этот повод не замедлил появиться: жестокое избиение старика-сеида по приказу властей вызвало в декабре 1905 г. взрыв недовольства населения страны. Увидев в этом акте издевательство над верой (сеиды – потомки пророка) и торжество несправедливости, жители Тегерана вышли на улицы. Недовольное шахскими администраторами шиитское духовенство подстрекало массы. Тысячи видных горожан демонстративно засели в бест⁴⁸ в мечети близ столицы и стали требовать от шаха наказания

⁴⁸ Бест – в Иране право убежища на территории некоторых священных мест.

виновных и учреждения «дома справедливости» (это не очень определенное требование означало как справедливый суд, основанный на общем для всех законе, так и нечто вроде законосовещательного собрания). Напуганный волнениями шах согласился на предъявленные ему требования, но вскоре после этого начались репрессии. В ответ на них летом 1906 г. поднялась новая волна протестов: тегеранские горожане во главе с духовниками 30-тысячной процессией направились в священный город Кум (где похоронена дочь пророка Фатима), тогда как другие засели в бест на территории английской миссии.

Напуганный еще больше, чем в январе, шах вынужден был капитулировать, на сей раз всерьез. 5 августа 1906 г. был опубликован указ о введении в стране конституционного режима и о созыве меджлиса, члены которого должны были избираться по куриальной системе в два этапа. Собравшийся осенью того же года меджлис принял ряд важных законоположений, включая закон о максимальной цене на хлеб. Главной же заботой депутатов была разработка Основного закона. Принятый меджлисом и подписанный шахом, этот закон (конституция) предусматривал ограничение власти шаха меджлисом, прежде всего во всем том, что касалось бюджета и вообще финансов и экономики страны, включая и взаимоотношения с иностранцами. Осенью 1907 г. меджлис принял дополнения к этому закону, включавшие основные гражданские права и свободы и создание, наряду с религиозными, светских судов. Был также принят принцип разделения властей – законодательной, исполнительной, судебной. Однако при всем том шиитский ислам оставался государственной религией, а высшим духовным сувереном всех иранских шиитов признавался двенадцатый скрытый имам. Шах оставался лишь главой исполнительной власти – обстоятельство, сыгравшее немалую роль в последующей судьбе шахского престола.

Революционные перемены шли не только на высшем уровне. В городах Ирана один за другим возникали революционные энджумены, своего рода советы, организации типа полуклубов-полумуниципалитетов, которые на местах устанавливали контроль над представителями власти, контролировали цены, основывали школы, издавали газеты и т. п. Одних только газет и журналов в эти революционные годы в Иране издавалось до 350 названий. Сильная поддержка и все новые требования снизу давили на депутатов меджлиса, вынуждая их принимать все новые законы – об упразднении условных земельных держаний типа тиулей, сокращении пенсий знати, смещении реакционных губернаторов, о борьбе со взятками и вымогательствами и т. п. В апреле меджлис узаконил статус энджуменов, хотя и ограничил их права вмешиваться в политические дела. В ответ на это в стране усилилось движение муджахидов – борцов за веру, за идею, за справедливость. Многочисленные, в том числе и нелегальные организации муджахидов выдвигали различные требования, подчас радикальные. Из числа муджахидов выходили и молодые борцы за веру – федаи (федаины), готовые на крайние меры, в том числе и на самопожертвование во имя идеи. Радикализм муджахидов и особенно федаев вызвал беспокойство не только шахских властей, но и большинства депутатов меджлиса, опасавшихся разгула страстей. Еще больше боялся дальнейшей радикализации событий шах, который в конце 1907 г. заручился согласием меджлиса на сохранение статус-кво. Англо-русское соглашение 1907 г. о формальном разделе сфер влияния в охваченном революцией Иране вызвало сильное противодействие руководства Ирана, не признавшего данный документ, причем именно это обстоятельство сыграло немалую роль в сближении позиций меджлиса и шаха.

Соглашение с меджлисом усилило позиции шаха. В то же время накал революционной борьбы несколько ослаб. Летом 1908 г. шах счел момент подходящим для контрреволюционного переворота: казачья бригада по его приказу разогнала меджлис и энджумены в столице. Однако этот успех оказался непрочным. Эстафету революции взяла столица иранского Азербайджана Тебриз, где позиции радикальных организаций были особенно сильны. Восставшие тебризцы к октябрю 1908 г. изгнали из города сторонников шаха и выступили с требованием восстановить действие конституции и созвать новый меджлис. В феврале 1909 г. перешла к сторонникам конституции власть в Реште, после чего то же самое произошло и в других городах соседнего с Азербайджаном Гиляна. Гилянские федаи стали готовиться к походу на Тегеран. Весь север Ирана выступил против шаха. Выступили против него и отряды бахтиарского хана на юге, в Исфагане. Обеспокоенные развитием событий

англичане на юге и русские войска на севере в ответ на это заняли некоторые города, в том числе Тебриз. Но вмешательство держав было не в пользу шаха. Конечно, наиболее радикальные группы были разоружены, однако энджумены в Тебризе и при вошедшем в город русском войске продолжали осуществлять свою власть, не признавая и не допуская в город вновь назначенного шахского губернатора. Тем временем гилянские федаи с возглавившим их Сепакдаром и бахтиарские отряды вошли в Тегеран и свергли шаха Мухаммеда Али, вскоре эмигрировавшего в Россию. Во главе правительства стал Сепакдар, а в ноябре 1909 г. новый шах Ахмед созвал 2-й меджлис. Отказ от куриальной системы привел к тому, что по составу новый меджлис был правее первого. Все же, несмотря на это, новый меджлис и его правительство пытались упрочить революционную власть.

Сделать это было нелегко. Финансы страны после нескольких лет революции оказались, как и экономика в целом, в крайне запущенном состоянии. Прибегнуть к помощи России либо Англии новое правительство не желало. Был избран компромиссный вариант: в Иран был приглашен американский финансовый советник М. Шустер, получивший огромные полномочия. Шустер прибыл в Иран в мае 1911 г. и приступил к энергичной деятельности, сводившейся прежде всего к реорганизации всей службы налогов. Похоже на то, что эта деятельность стала быстро давать результаты. Это вызвало раздражение со стороны России и Англии, которые не желали серьезного укрепления в Иране американского влияния и выступили против поддерживавшего Шустера революционного режима. Вначале в качестве пробного шара была предпринята попытка восстановить на престоле привезенного из России экс-шаха, а когда эта попытка провалилась и позиции революционных войск на севере Ирана вследствие этого укрепились, Россия вновь ввела войска на территорию Северного Ирана. Англичане стали высаживать свои войска на юге страны. Одновременно обе державы, используя в качестве предлога пустячный повод (конфликт налоговой администрации Шустера с представителями России в Тегеране в связи с конфискацией имущества брата экс-шаха), предъявили Ирану ультиматум с требованием высылки Шустера. Меджлис отверг ультиматум. Тогда русские войска были приведены в действие. Их поддержали англичане на юге. Революция была разгромлена, меджлис и энджумены распущены, газеты закрыты. В феврале 1912 г. новое шахское правительство официально признало англо-русское соглашение о разделе страны на сферы влияния, в обмен на что оно получило от России и Англии новые ссуды.

Иран в борьбе за национальную независимость

Поражение революции и восстановление имперских позиций России и Англии в стране сыграло немалую роль в переориентации внешнеполитических симпатий иранцев. Как и в Турции, в Иране накануне мировой войны активно и весьма успешно действовала немецкая агентура, а официальная восточная политика кайзеровской Германии не уставала напоминать о своих симпатиях к миру ислама и даже о некоем родстве немецких потомков ариев с иранскими. Если принять во внимание, что Германия была едва ли не единственной из великих держав, почти не имевшей колоний и заметных сфер влияния, и что у нее не было сколько-нибудь существенных экономических позиций и интересов в самом Иране, то нетрудно заключить, что семена ее пропаганды имели немалые шансы дать хорошие всходы. Именно это и случилось в начале мировой войны.

Оккупация Ирана с первых дней войны англо-индийскими войсками на юге страны (под предлогом охраны стратегически важного района Персидского залива и перекачивавшего иранскую нефть в Средиземноморье нефтепровода), а также успешные действия русских войск против Турции на севере привели в марте 1915 г. к очередному англо-русскому соглашению о разделе Ирана на сферы влияния, что послужило резким толчком для подъема в стране национального движения. С одной стороны, это была непрекращавшаяся на протяжении ряда лет серия народных восстаний, особенно в окраинных районах страны; с другой – ряд решительных выступлений политических верхов, возглавленных депутатами 3-го меджлиса, в котором основной силой были члены Демократической партии Ирана. Правительство иранских демократов уже с начала 1915 г. было откровенно германофильским, а оккупация осенью того же года русскими войсками Тегерана, а затем и Кума, куда на время перебралось

правительство, привела к формированию национального кабинета в Керманшахе, ставшем в 1916 г. зоной оккупации Турции. И хотя параллельно в Тегеране был сформирован кабинет министров из тех, кто соглашался сотрудничать с Россией и Англией, совершенно очевидно, что немецко-турецкая ориентация была в те годы преобладающей, что, в частности, проявлялось в позициях руководителей то и дело вспыхивавших в разных провинциях народных восстаний, получавших помощь именно из враждебных русским и англичанам источников.

Революция в феврале 1917 г. в России привела к заметному ослаблению ее позиций и соответствующему усилению англичан. Вывод же из Ирана русских войск советским правительством в марте 1918 г. способствовал установлению английского контроля над всем Ираном и заключению кабального англо-иранского соглашения в августе 1919 г., по условиям которого Иран, как никогда прежде, оказался близок к статусу английского протектората (английский контроль над иранской армией, финансами, нефтью и внутренней политикой). Впрочем, соглашение 1919 г., как и раздел страны на сферы влияния в 1915 г., лишь подлило масла в продолжавший бушевать огонь национальных восстаний в Иране. В некоторых из восставших районов, как, например, в Гиляне, где власть попала в руки весьма радикально настроенных и идейно ориентированных на революционные события в соседнем Закавказье дженгелийцев (дженгель – труднопроходимый лес), возникали даже временные правительства. Главным же итогом развития событий в Иране в годы мировой войны оказался переворот 21 февраля 1921 г., в результате которого на гребне освободительного движения при поддержке англичан, уже не видевших иной возможности выправить положение в стране, к власти пришло новое сильное правительство, центральную роль в котором стал играть руководивший переворотом глава персидских казачьих частей Реза-хан.

Ставший военным министром Реза-хан жесткой рукой подавил уже затухавшие очаги восстаний и приступил к реорганизации армии: в каждом из шести созданных им в стране военных округов было сформировано на основе казачьих и иных правительственных формирований по одной хорошо организованной дивизии, строго подчинявшейся министру в Тегеране. Несмотря на вынужденную ориентацию на англичан, новое правительство и сам Реза-хан не только учитывали антианглийские настроения, но и стремились за этот счет ослабить позиции Англии в Иране и тем усилить собственные. Одним из путей к достижению этой цели явилось соглашение с Советской Россией: по условиям русско-иранского договора 1921 г. в Иране более не должны были находиться иностранные войска, однако советская сторона оговорила за собой право вмешательства в целях обеспечения безопасности своей страны в тех случаях, когда эта безопасность окажется под реальной угрозой.

Сделав ставку на национальную консолидацию страны под своей властью, Реза-хан, остававшийся неизменным всемогущим военным министром при любых перемещениях в кабинете, вскоре решил сам выйти на арену политических событий. Вначале он поддержал было движение с требованием установления в стране республики, рассчитывая в качестве президента – наподобие того, как это сделал Кемаль в Турции, – заменить угасавший род слабеющих каджарских шахов. Но, в отличие от Турции, идея республиканизма была враждебно встречена как высшим шиитским духовенством, влияние которого в стране было огромным, так и неподготовленным к ней отсталым крестьянством страны, охотно поднимавшимся на защиту национальных интересов против англичан и их ставленников, но остававшимся весьма далеким в своей массе от политического радикализма. Резахан был вынужден учитывать это. В феврале 1925 г. он заставил меджлис провозгласить себя верховным главнокомандующим, сместив тем самым с этого формального поста Ахмед-шаха, которому пришлось уехать за границу. Затем, опираясь на созданную им и поддерживавшую его партию «Таджеддо», Реза-хан вынудил 5-й меджлис согласиться на низложение династии Каджаров и созыв Учредительного собрания, которое должно было решить судьбу страны. В итоге созванное в декабре 1925 г. Учредительное собрание провозгласило Реза-хана новым шахом новой династии Пехлеви.

Сильный и энергичный новый правитель Ирана предпринял прежде всего ряд важных реформ, в которых остро нуждалась отсталая и все более отстававшая, попадавшая в зависимость от других держав страна. Как и Ататюрк, Реза-шах стремился быстро преодолеть

это отставание, для чего он провел ряд законов, связанных с земельными отношениями, финансами, судебной системой. В стране ускоренными темпами строились – в основном государством и за счет казны – новые промышленные предприятия, железные дороги. Стремясь ограничить влияние англичан, Реза-шах охотно принимал экономическую помощь Германии. Был создан Национальный банк Ирана (1928), введена государственная монополия внешней торговли (1931) и даже поставлен вопрос о пересмотре условий договора с Англо-иранской нефтяной компанией и о некотором ограничении иных экономических льгот и привилегий англичан в Иране. В стране были проведены важные реформы, призванные способствовать развитию образования и культуры: учреждены светские школы и принят закон об обязательном начальном образовании; открыты многочисленные средние учебные заведения и вузы, включая Тегеранский университет (1934), где обучение было платным. Вслед за реформами Ататюрка в Иране были проведены аналогичные реформы, предписывавшие переход на европейскую форму одежды, что сопровождалось, как и в Турции, отменой традиционных титулов и званий и введением фамилий.

Результаты всех этих реформ не замедлили сказаться. Промышленное развитие страны привело к появлению определенной прослойки городского промышленного пролетариата. В деревне усилились товарные связи и появилось немало землевладельцев, связанных с рынком. Сформировалась прослойка образованной интеллигенции, что способствовало демократизации политической жизни страны, при всем том что влияние шиитского духовенства, как и отчаянное сопротивление его реформам, оставались весьма значительными, а временами даже усиливались. Что касается сферы внешней политики, то здесь Реза-шах следовал уже устоявшейся традиции – ориентации на те силы, что могли противостоять англичанам, экономическое засилье которых в стране было еще чрезвычайно ощутимым. Такой силой в 30-х годах была фашистская Германия. А так как ирано-германские связи и политические контакты имели уже свою историю, то неудивительно, что рост значения фашистской Германии в международных делах накануне второй мировой войны имел одним из своих результатов усиление немецких позиций в Иране. На рубеже 30–40-х годов дело дошло до того, что Германия уже рассматривала Иран как вполне реальный военный плацдарм на случай военных действий на Среднем Востоке.

Вторжение Германии в СССР резко изменило внешнеполитическую ситуацию в Иране и вблизи него. В августе 1941 г. СССР, опираясь на соответствующий пункт советско-иранского договора 1921 г., ввел свои войска в Северный Иран. Одновременно англичане оккупировали иранский юг. Все внешнеполитические расчеты Резашаха оказались перечеркнутыми, а сам он в сентябре того же 1941 г. был вынужден отречься от престола в пользу своего сына Мухаммеда Реза. Мухаммед Реза в январе 1942 г. подписал новый договор с СССР и Великобританией, по условиям которого территория Ирана на время войны предоставлялась в распоряжение союзников (через эту территорию в годы войны шла немалая доля военных поставок, в том числе и в СССР).

Следует заметить, что введение советских войск в Северный Иран способствовало, естественно, усилению в этих районах страны позиций радикалов и революционеров. В октябре 1941 г. была создана Народная партия Ирана (Туде), выполнявшая функции компартии. Эта партия стала вести активную работу; в 1944 г. она насчитывала уже 25 тыс. членов, издавала немало газет и иных печатных публикаций. Впрочем, одновременно с Туде усилили свою работу и противостоявшие ей политические партии и группы, в том числе и ориентировавшиеся на шиитское духовенство, выступавшие вообще против всяких реформ, против европеизации, за возвращение к нормам ислама. В меджлисе 14-го созыва, собравшемся в 1944 г., большинство принадлежало деятелям именно такого рода. В этой обстановке правительство Ирана обрушилось с репрессиями на партию Туде, что сопровождалось резким усилением антисоветских настроений.

События разворачивались довольно драматически. Центром сопротивления нажиму со стороны тегеранского правительства стал иранский Азербайджан, где уверенные политические позиции имела Туде. Гибкое лавирование правительства позволило ему, медленно, но неуклонно усиливая нажим на азербайджанское провинциальное правительство, сначала спровоцировать его на выступление против центральной власти, а затем подавить это

выступление. В конце 1946 г. Азербайджан был занят войсками тегеранского правительства, а созданный в 1947 г. 15-й меджлис был еще более реакционным, чем его предшественник.

Урегулирование острых внутренних проблем имело своим непосредственным результатом большее внимание к проблемам международным, и в частности к всегда болезненно воспринимавшемуся в Иране вопросу, связанному с зависимостью страны от держав. Пытаясь по-прежнему лавировать между соперничавшими державами (как это было вначале по отношению к Англии и России, позже – к союзникам и Германии), шахское правительство в конце 40-х годов стало склоняться в сторону США. И хотя финансовая миссия американца Мильспо – как то было прежде с Шустером – быстро была вынуждена из-за английских интриг прекратить свою деятельность, новый этап сотрудничества с США был начат в связи с реализацией так называемого «четвертого пункта» доктрины Трумэна, предусматривавшего американскую помощь слаборазвитым странам. Тем не менее, несмотря на помощь, экономическое положение страны на рубеже 40–50-х годов становилось все хуже. Это ухудшение происходило на фоне начавшейся в соседних с Ираном странах (Индия, Пакистан) деколонизации, связанной с уходом английских колонизаторов. Неудивительно, что в этих условиях национальные чувства иранцев находили свое наиболее полное выражение в возмущении условиями эксплуатации богатств страны англичанами. Вновь на повестку дня встал вопрос о взаимоотношениях Ирана с Англоиранской нефтяной компанией, ежегодно вывозившей из страны миллиардные богатства и выплачивавшей за это Ирану лишь ничтожную часть своего дохода.

В марте 1951 г. иранский меджлис принял закон о национализации нефтяной промышленности Ирана, а в апреле того же года правительство возглавил М. Мосаддык, энергично принявшийся за проведение этого закона в жизнь. Все нефтепромыслы и нефтеперегонные заводы Ирана были взяты под контроль правительства, стали управляться назначенными им представителями. Несмотря на попытки вмешательства извне (вплоть до Совета Безопасности ООН и Международного суда в Гааге), закон о национализации был доведен до конца, включая изгнание из Ирана работавших в Англо-иранской компании английских специалистов и последовавший затем в октябре 1952 г. разрыв дипломатических отношений с Англией. Однако размах возглавленного Мосаддыком движения и быстрый рост его личной популярности, объем сосредоточенной в его руках власти напугали шаха и его окружение. Этим воспользовались враждебные Мосаддыку слои правящей верхушки Ирана, и в результате государственного переворота в августе 1953 г. кабинет Мосаддыка был низвергнут, а новое правительство Захеда не только восстановило в конце 1953 г. дипломатические отношения с Англией, но и согласилось на создание Международного консорциума для управления нефтяным хозяйством страны (40 % акций консорциума получила все та же Англо-иранская компания). Создание консорциума было мерой, в немалой степени вынужденной: в стране не было достаточного количества собственных специалистов, необходимого для успешной эксплуатации нефтепромыслов в наращивания нефтедобычи. Кроме того, консорциум сыграл определенную позитивную роль в деле дальнейшего промышленного развития Ирана, способствуя привлечению в страну капиталов из многих стран.

Экономическое развитие Ирана в 60–70-е годы

Вступивший в 1955 г. в так называемый Багдадский пакт и тем твердо определивший свои внешнеполитические позиции Иран охотно открыл двери для иностранного капитала, для инвестиций. Уже в 1958 г. в стране активно действовало около тысячи иностранных компаний и фирм с многомиллиардным годовым оборотом. Резко возросло и национальное промышленное строительство, в основном за счет казны, что вело к быстрому увеличению государственного долга Ирана (в 1959 г. – около 27 млн. риалов). И наконец, со всей остротой перед экономически развивающейся страной встал вопрос о системе аграрных отношений, тянувшей хозяйство страны в прошлое, т. е. вопрос об аграрной реформе.

Вначале это был закон 1960 г. об ограничении земельной собственности (максимум – 800 га богарной и 40 га орошаемой земли; остальное выкупается казной и раздается крестьянам на

условиях выплаты с рассрочкой на 15 лет). Затем – закон 1962 г., урезавший земельный максимум до 400 га, опять-таки с выкупом излишков казной и раздачей земель нуждающимся на условиях выплаты с рассрочкой. И наконец, решительная серия реформ 1963 г., по условиям которой максимум (500 га) был сохранен лишь для тех хозяйств, где применялись современная техника и наемный труд (т. е. для хозяйств фермерско-капиталистического типа), тогда как для всех остальных, в зависимости от района и местных условий, – от 20 до 100 га. Кроме того, реформа предусматривала создание крестьянских кооперативов типа акционерных обществ, национализацию лесов, а также распродажу (приватизацию) государственных промышленных предприятий для финансирования земельной реформы.

Осуществление земельной реформы заняло около десятилетия и оказалось делом весьма сложным и крайне болезненным для страны. И дело отнюдь не в том, что преобразования были недостаточно радикальными. Скорее напротив, слишком радикальными для недостаточно подготовленного к ним крестьянства с его традиционными установками и стереотипами привычного мышления, веками воспитывавшегося в русле жесткого шиитского ислама. Во всяком случае, откровенная ставка на быстрое развитие капиталистических методов хозяйства в иранской деревне оказалась явно преждевременной. Старые методы хозяйства разрушались много быстрее, чем формировались и давали сколько-нибудь позитивные результаты новые. Итогом были не столько даже неудовлетворительные темпы роста сельскохозяйственного производства (за 15 лет, с 1960 по 1975 г., производство пшеницы выросло более чем в полтора раза), сколько неудовлетворенность самих производителей, далеко не все из которых сумели быстро приспособиться к радикально изменявшимся обстоятельствам. При этом по мере проведения реформы, число не вписавшихся в нее пауперизованных крестьян все возрастало. По некоторым данным, за 60–70-е годы до 41 % сельского населения – его беднейшая, нищая, неприспособленная часть – вынуждено было покинуть деревню и в поисках заработка переселиться в города. Неудивительно, что реформы были встречены в Иране с неодобрением, как естественно и то, что движение против шаха и проводимых им реформ было возглавлено шиитским духовенством, видевшим в нововведениях прежде всего отступничество от ислама и капитуляцию перед враждебным традиции западнокапиталистическим образом существования. Как известно, именно в 1964 г. и как раз за активное участие в народных движениях против реформы и был выслан шахом из Ирана аятолла Хомейни, ставший с тех пор его злейшим врагом и в то же время символом сопротивления шахскому режиму.

Следует заметить, что аналогичным образом развивались события и в иранском городе, в промышленности и торговле, в сфере культуры. Начавший движение за так называемую «белую революцию», т. е. за радикальные преобразования капиталистического типа и ускоренную модернизацию страны сверху, усилиями властей и за счет решительных реформ, шах опять-таки явно недооценил ситуацию в стране. Можно понять его стремление ускоренными темпами развивать страну, тем более что нефтяные доходы Ирана с каждым годом все росли и за их счет сравнительно безболезненно форсировалась экономическая трансформация, строились промышленные предприятия, создавалась развитая инфраструктура. Ежегодно объем промышленной продукции увеличивался на 10–15 %. Возникали современные отрасли промышленного производства. Стимулировалось создание и укрепление частнособственнического сектора в иранской экономике. Предпринимались меры по вовлечению в эту экономику промышленных рабочих за счет распродажи им акций государственных и частных предприятий. Одновременно формировалась большая сеть школ и высших учебных заведений, создавались условия для вовлечения в общественную жизнь женщин, энергично развивались современное здравоохранение, культура и т. п.

Словом, если оценивать объективно, делалось много для развития страны. Закладывались основы для ее модернизации. В принципе подобные меры могли принести и часто приносили позитивные результаты, как это очевидно на примере многих соседних с Ираном стран, живущих на доходы от нефти, например стран Аравийского полуострова. Но несчастье Ирана было в том, что темпы преобразований оказались слишком быстрыми, реформы недостаточно продуманными, а сопротивление шаху очень сильным. Здесь важно заметить, что шиитское духовенство, в отличие от суннитского, было в основном в оппозиции к власти, которую оно не считало сакрально санкционированной (если в суннитских исламских странах правитель –

халиф, эмир, султан – считался не только политическим, но и духовно-религиозным главой страны и народа, то у шиитов духовнорелигиозным вождем считался «скрытый имам», тогда как шах был лишь временным, до возвращения имама, руководителем страны). Говорившие как бы от имени истинного правителя Ирана, «скрытого имама», вожди шиитов во главе с аятоллами не только не одобряли радикальных реформ шаха, но видели в них реальную угрозу исламской норме, привычным традициям. В этом аятоллы находили глубокое понимание едва ли не у всего народа – как крестьян, так и горожан.

Иран в некотором смысле может рассматриваться как вычлененный в наиболее чистом виде эталон, на примере которого можно видеть противостояние традиции и модернизации, привычных принципов «своего» и силой навязываемых норм «чужого». Если в других странах ислама это противостояние принимало формы длительной борьбы различных сил в парламенте и общественной жизни, если там, как, например, в Индии или в Турции, это противостояние развивалось на протяжении жизни нескольких поколений и, будучи растянутым во времени, оказывалось не столь деструктивным, то в Иране все было не так. С одной стороны – воинствующий шиизм, гораздо более жестко, чем суннитские богословы, противостоявший светской власти и соответствующему модусу поведения. С другой – в силу обстоятельств быстрые, протекавшие на глазах жизни одного поколения радикальные экономические преобразования, выбившие за 10–20 лет из привычной колеи веками налаженной жизни десятки миллионов людей, вынужденных приспособляться к переменам в жизни страны и не готовых к этим, переменам. Наконец, многовековые традиции народных массовых движений, коими Иран (как, впрочем, и Китай) отличался от многих других стран Востока.

Все эти, равно как и многие другие факторы слились воедино и вылились в форме иранской революции конца 70-х годов. Об этой революции и ее значении подробнее пойдет речь в следующей части работы. Но пока стоит заметить, что при всей своей уникальности для революционного XX в. она все же была в известной мере типичной. Во всяком случае, она позволила лучше понять принципы массовых движений прошлого, нередко трактовавшиеся чересчур прямолинейно и идеализированно. Конечно, было трудно ожидать революцию такого типа после кажущегося пробуждения страны в начале века. Но если предположить, что сам факт пробуждения был переоценен либо принять во внимание механизм сопротивления традиционного общества, то в самой революции, т. е. в той форме, которую она приняла, не окажется ничего необычного: иранская революция типична для аналогичных движений во всех традиционных обществах, суть которых обычно сводилась к стремлению восставших восстановить нарушенные привычные условия существования, вернуться к традиционным нормам, сохранить статус-кво. Необычно здесь лишь то, что революция (или массовое народное движение) такого масштаба и характера оказалась реалией конца XX в., когда многое в мире, в том числе и на традиционном Востоке, изменилось, когда Восток в целом, казалось бы, смирился с уготованным ему будущим и активно стремился к развитию и модернизации. Собственно, именно к этому сводится загадка феномена иранской революции.

Глава 11

Арабские страны Азии и Афганистан

В этой главе речь пойдет о периферии исламского мира – периферии по отношению к Турции и Ирану. Несколько искусственное и условное объединение арабов и афганцев соответствует именно этому критерию. Страны, о которых пойдет речь, весьма разные. Прежде всего, среди них выделяется группа государств, территория которых совпадает с зоной древнейшего развития ближневосточной цивилизации (Ирак, Сирия, Ливан, Палестина). Есть и группа весьма отсталых государственных образований Аравии, населенных преимущественно кочевниками-бедуинами. И, наконец, Афганистан, эта своеобразная контактная зона между арабо-иранским и тюрко-среднеазиатским регионами исламского мира. Начнем с первой из них.

Ирак и страны Леванта

С начала XVI в. эти страны, на протяжении ряда предшествовавших столетий переходившие из рук в руки (здесь господствовали арабские халифы и турки-сельджуки, фатимидские военачальники и монгольские завоеватели, крестоносцы и всеокрушающее воинство Тимура), попали под власть империи Османов. Разоренные непрерывными войнами, то и дело разрушавшими плоды мирного труда земледельцев и наносившими непоправимый вред тонкому и сложному ирригационному хозяйству, эти страны в XVI–XIX вв. уже почти – ничем не напоминали своих процветавших в древности предшественников – Финикию, Месопотамию (Двуречье, Вавилон), Ливан с его царственными кедромы или благословенную Палестину. Следует заметить, однако, что положение стран Леванта⁴⁹ было более благоприятным по сравнению с Ираком, пришедшим в эти века в состояние полного экономического упадка.

В соответствии с генеральными принципами ислама все земли в завоеванных Османской Турцией арабских странах были формально объявлены собственностью султана, обложившего их рентой-налогом. Но фактически землей от имени султана распоряжались наместники и губернаторы, отчего тяжесть налога сильно возрастала. Так, например, доходы ливанского эмира, считавшегося одним из богатейших людей в Османской империи, достигали в XVII в. 900 тыс. ливров в год, 340 тыс. из которых шли в казну султана. Впрочем, всеислие наместников не следует преувеличивать: султан держал жесткий контроль над завоеванными землями и бдительно следил за чрезмерно богатеющими своими вассалами – тот же эмир Ливана, о котором только что было упомянуто (Фахр эд-Дин II), был казнен в султанской темнице. Вассалы, в свою очередь, пользовались любым удобным случаем, чтобы ослабить власть султана. В частности, правители Ливана и Палестины активно апеллировали к помощи русских войск в годы русско-турецких войн XVIII в.

Что касается Ирака, то он уже с XVII в. стал зоной особых интересов английских колонизаторов, укреплявшихся в районе Персидского залива. В XVIII в. здесь действовали постоянные представители и резиденты английской Ост-Индской компании, причем экономическая деятельность агентов компании со временем все более очевидно приобретала и политический характер. Ирак был сравнительно далеко от Турции, что в немалой степени способствовало некоторой автономии багдадского паши, подчас действовавшего практически независимо от администрации султана и ориентированного на англичан. В первой половине XIX в. эта тенденция привела к тому, что Дауд-паша прекратил выплату дани султану. Однако позиции самого Дауда, несмотря на проведенные им в стране реформы и помощь англичан, оказались слабыми. Турецкие войска легко вошли в Багдад, и в 1831 г. с претензией иракских пашей на независимость от Стамбула было, покончено.

Впрочем, это был в те годы едва ли не единственный успех султана. В ходе первой египетско-турецкой войны (1831–1833) Мухаммед Али Египетский отобрал у султана страны Леванта, что способствовало росту могущества ливанского эмира Башира II. И хотя по условиям навязанного Мухаммеду Али державами соглашения арабские страны, включая и Египет, в 1840 г. вновь формально стали вассалами султана, фактически турецкое влияние в Леванте было подорвано. Зато с середины XIX в. Левант, как и Ирак, стал объектом активного экономического и политического проникновения колониальных держав.

Ливан издревле был центром религиозных конфликтов. Существовавшая здесь крупная христианская община маронитов конфликтовала преимущественно с шиитской сектой друзов. Столкновения друзов с маронитами приняли в 40–60-е годы прошлого века характер вооруженной борьбы, даже религиозной резни, причем формальное разделение страны на два округа, маронитский и друзский, лишь подлило масла в огонь. Когда конфликт достиг апогея (резня христиан в Дамаске в 1860 г.), Франция, покровительствовавшая маронитам, высадила в

⁴⁹ Левант – этим термином именуют Сирию, Ливан и Палестину; в узком смысле левантинцы – потомки осевших в Ливане крестоносцев, смешавшихся с местным арабским населением, но сохранивших католическую веру и слившихся поэтому с древнесирийскими монофизитами-маронитами.

Ливане свой экспедиционный корпус. В 1861 г. этот корпус под давлением англичан был выведен из Ливана, а специальная международная комиссия в составе представителей Франции, Англии, Австрии, Пруссии, России и Турции выработала «Органический статус Ливана», в соответствии с которым Горный Ливан становился особым районом – им управлял назначенный турками христианин; упразднились также старые звания, титулы и привилегии, провозглашалось равенство всех перед законом и упорядочивалось управление страной.

«Органический статус» сыграл большую роль в развитии Леванта. Турецкие войска были выведены, гражданские права способствовали быстрому росту экономики, включая активные связи с колониальными державами. Речь идет в первую очередь о Ливане, который с конца XIX в. быстро становился одной из наиболее развитых стран арабского мира. Центром его экономических интересов были, как в древности у финикийцев, прежде всего торговые и финансовые контакты в Средиземноморье. Богатые ливанцы ориентировались преимущественно, как упоминалось, на Францию. Позиции Франции в Ливане были, в свою очередь, экономически весьма прочными: Ливан был поставщиком сырья для процветавшей шелкоткацкой промышленности Лиона. На рубеже XIX–XX вв. в Ливане стремительно развивались просвещение и культура, издавались книги и журналы, множились ряды интеллигенции.

Не имевшая выхода к морю Сирия была более отсталой, как и Палестина. Эти страны были своего рода тыловой частью Леванта.

Впрочем, с открытием судоходства по Суэцкому каналу (1869) стратегическое значение расположенной рядом с каналом Палестины стало расти. Здесь оказались сосредоточенными интересы не только соперничавших друг с другом Англии и Франции, но также и Германии, поддерживавшей Турцию.

Ирак, как упоминалось, был зоной английского влияния. Английские купцы держали в своих руках его внешнюю торговлю и контролировали судоходство по реке Тигр. Именно Ирак, как и Иран, стал ареной борьбы между Англией и Германией, прокладывавшей с благословения Турции через его территорию Багдадскую железную дорогу. Сооружение этой дороги давало Германии значительные экономические и политические преимущества как в самой Турции, так и в турецком Ираке. Англичане были этим, естественно, недовольны: усиление Германии в арабских странах грозило подрывом их позиций. Неудивительно, что они прилагали немало усилий для того, чтобы помешать успешному строительству, – и они добились этого, воспрепятствовав выходу новой железной дороги к морю в районе Кувейта. Но все же влияние Германии в Ираке, как и в соседнем Иране, тоже зоне английского господства, росло. Немцы вели борьбу за рынки Сирии и Ирака, особенно в районах, где была проложена дорога. Они создали ряд сельскохозяйственных колоний в Палестине. Конец этой экспансии положила война, итогом которой для арабских стран Азии был некоторый передел зон влияния.

По соглашению 1916 г., дополненному рядом документов несколько позже, Ирак перестал быть турецким и вначале стал владением Англии. В 1920 г. Англия предоставила ему некоторое самоуправление. В 1921 г. Ирак был превращен в монархию во главе с хашимитским (изгнанным французами из Сирии) эмиром Фейсалом, власть которого была ограничена составленной англичанами конституцией. Конституция и монархия обеспечили позиции Англии в экономике Ирака (контроль за нефтью и внешней торговлей), а по договору 1930 г. Англия формально отказалась от своего мандата на Ирак, который стал независимым государством, членом Лиги Наций. 30–50-е годы XX в. были периодом внутренней политической борьбы противоборствующих политических коалиций в стране, как ориентировавшихся на англичан, так и выступавших против них. В годы второй мировой войны, когда фашистская Германия попыталась использовать в Ираке – как и в Иране – антианглийские настроения и соответствующие выступления, Ирак стал ареной борьбы с немецко-фашистским влиянием. Англичане оккупировали страну и вывели свои войска лишь после войны. Рост антианглийских настроений и усиление национально-освободительного движения в Ираке вылились в 1958 г. в выход на передний план радикальных политиков. Антимонархический переворот повлек за собой активное сотрудничество нового правительства страны с СССР. Этот период был отмечен аграрной реформой начала 60-х годов, а несколько позже – национализацией ключевых объектов экономики страны, включая ее основное

богатство – нефть.

Сирия и Ливан по соглашению 1916 г. стали подмандатной территорией Франции. Сирия при власти французов была вначале разделена на ряд полуавтономных государств (именно в связи с этим переделом был изгнан эмир Фейсал, ставший королем Ирака), подчиненных французскому верховному комиссару в Бейруте, который был и главой Ливана. Вся экономическая и финансовая власть, включая право эмиссии в обеих зонах, принадлежала вначале Банку Сирии и Ливана. Позже, с конца 20-х годов, политически и экономически Сирия и Ливан стали обособляться. Более развитые территории прибрежного Ливана получили в 1926 г. статус республики, управлявшейся парламентом и президентом. Французами была разработана ливанская конституция, призванная учесть сложную этно-конфессиональную структуру Ливана, в соответствии с которой должны были распределяться места в парламенте. В Сирии было создано Учредительное собрание, подготовившее в 1928 г. проект конституции, предусматривавший провозглашение независимости страны. Французы заявили, что это требование противоречит условиям мандата, и распустили Учредительное собрание. В 1930 г. они приняли другой проект конституции, предусматривавший создание парламентарной республики под контролем Франции.

В 1936 г. правительство Народного фронта в Париже пообещало скорое предоставление независимости Сирии и Ливану. Но с падением этого правительства французский парламент изменил свое решение. С началом второй мировой войны власть в Леванте оказалась в руках генералов правительства Виши, что привело к выкачиванию отсюда продуктов в Германию. Это вызвало резкое недовольство в Сирии и Ливане, энергично поддержавших переход власти в руки представителей «Сражающейся Франции», правительства де Голля. В 1943 г. из конституции Сирии и Ливана были исключены статьи, предполагающие зависимость от Франции. Обе страны, невзирая на продолжавшийся нажим французского правительства, стали независимыми.

Парламентарные демократические системы в Сирии и Ливане были слабыми и недостаточно устойчивыми. И в той, и в другой стране одни правительства сменяли другие, шла острая партийная, а в Ливане еще и религиозная борьба, уточнялись конституционные нормы, менялись внешнеполитические ориентиры. В Сирии демократические правительства подчас сменялись диктатурами (режим А. Шишекли в начале 50-х годов). В 1958 г. была совершена даже попытка политического объединения Сирии с Египтом в рамках Объединенной Арабской Республики (ОАР). Вначале это привело к реформам по египетскому образцу – аграрной прежде всего. Были также национализированы некоторые банки и предприятия.

Национализация вызвала недовольство и экономическую неустойчивость, что и послужило в 1961 г. причиной выхода Сирии из ОАР, а также изменения принципов аграрной реформы и денационализации. Сирия вновь вступила в полосу политических неурядиц, пока власть в середине 60-х годов не перешла к Партии арабского социалистического возрождения (БААС) с ее ярко выраженной социально-националистической ориентацией.

В Ливане ситуация была несколько иной. Здесь не было почвы для диктатуры, напротив, представители различных партий и групп едва договаривались друг с другом в стремлении сохранить стабильность. Экономика Ливана после второй мировой войны развивалась весьма энергично. По сравнению со своими соседями Ливан процветал. Но, как известно, это процветание прекратилось в середине 70-х годов, когда противостояние религиозно-партийных группировок вышло за пределы допустимой нормы и страна оказалась на грани политической, а затем и экономической катастрофы.

Особо следует сказать о Палестине, где Англия с 20-х годов поддерживала еврейскую иммиграцию и колонизацию. Уже в 1936 г. была сделана попытка разделить Палестину на части, что вызвало негодование арабов. Попытки же примирить арабов и евреев и тем более ограничить еврейскую иммиграцию привели лишь к конфликту Англии с рядом еврейских сионистских организаций, за спиной которых была американская поддержка. В 1947 г., вскоре после второй мировой войны с сопровождавшим ее геноцидом евреев, вопрос о Палестине, приобретший особое звучание, был передан в ООН. Генеральная Ассамблея постановила ликвидировать мандат Англии и разделить Палестину на два государства – еврейское и арабское, с выделением Иерусалима в город с особым статусом и международным режимом. В

мае 1948 г. палестинские евреи создали государство Израиль, оккупировавшее в ходе спровоцированной арабамипалестинцами первой арабо-израильской войны 1948–1949 гг. часть территории, которая решением ООН предназначалась для арабского палестинского государства, и занявшее западную часть Иерусалима.

С 1948 г. Израиль – парламентарная республика во главе с президентом, обладающим преимущественно представительными функциями, и премьером. Существующий в основном за счет щедрой финансово-экономической помощи США, Израиль являет собой развитое современное государство с еврейским большинством и арабским меньшинством (имеются в виду те арабы, которые изначально проживали на территории Израиля и пользуются гражданскими правами). Хотя права арабского населения Израиля несколько ограничены по сравнению с теми, которыми пользуются евреи, они все же принципиально отличают эту часть населения от тех арабов, которые были присоединены к Израилю в результате второй арабо-израильской войны 1967 г. (иорданские территории к западу от р. Иордан, сирийские Голанские высоты и часть земель в полосе Газа) и статус которых поныне – бесправный статус беженцев. Следует заметить, что внутри государства Израиль среди лидеров различных партий, входящих в кнессет (парламент) и время от времени участвующих в формировании правительства, существуют немалые разногласия по поводу того, какую внешнюю и внутреннюю политику проводить. Но по отношению к арабам насильственно присоединенных территорий мнение всегда было практически (за небольшим исключением) единым: палестинским арабам не следует предоставлять возможности для создания самостоятельного государства. Именно эта установка привела не только к конфронтации Израиля со всем арабским миром, но и к возникновению острой ближневосточной проблемы, решение которой не достигнуто и по сей день.

Арабские государства Аравии

В отличие от Ирака и Леванта родина арабов Аравия с ее кочевниками-бедуинами и немногочисленным земледельческим населением оазисов и в XIX в. продолжала оставаться отсталой периферией Ближнего Востока, своего рода заповедником полупервобытности – и это при всем том, что протогосударственные образования в Аравии существовали еще задолго до нашей эры. Аравия в географическом и соответственно политическом плане довольно отчетливо подразделяется на линию побережья с его оазисами, обычно становившимися центрами многочисленных самостоятельных и полусамостоятельных эмиратов, султанатов, имаматов, и обширные районы пустынь с их немногочисленными оазисами, являющимися центрами притяжения для окрестных племенных групп кочевников-бедуинов.

Значительная часть Аравии с начала XVI в. принадлежала империи Османов, управлявшей племенами и государственными образованиями, правители которых считались вассалами турецкого султана и выплачивали ему дань. Эта дань, как и степень зависимости от Османов, обычно была небольшой, нередко просто номинальной. К XIX в. зависимость аравийских государств от Турции еще больше ослабла. Примерно так же обстояло дело с теми из аравийских государств, которые были близки к Ирану и находились в формальной зависимости от него. Со второй половины XVIII в. некоторые из них усиливаются и начинают проводить самостоятельную политику.

В обширных пустынных районах Неджда, к востоку от Хиджаза с его Меккой и Мединой, в середине XVIII в. сформировалось оппозиционное исламское движение ваххабитов. Его основатель Абд аль-Ваххаб выступил под знаменем возврата к чистоте раннего ислама, к аскетизму племенной жизни. Ваххабиты осуждали роскошь и праздность изнеженных властителей султанской Турции, выступали против музыки и вина, кофе и табака, против пышного культа святых и т. п. Будучи в чем-то предтечей иранского шиитского фундаментализма конца нашего века, ваххабиты довольно легко нашли поддержку у бедуинов. Примкнувший к ним эмир небольшого государства в Неджде Сауд возглавил движение после смерти аль-Ваххаба и начал активную завоевательную деятельность под флагом ваххабизма. Вскоре Саудиды подчинили себе большую часть Аравии, включая святые города ислама Мекку и Медину. По просьбе обеспокоенного турецкого султана против саудидского государства

выступил в начале XIX в. Мухаммед Али Египетский. Саудиды были потеснены, и едва ли не весь XIX век прошел в этой части Аравии под знаком борьбы государства Саудидов с его противниками.

Борьба завершилась в пользу потомков Сауда. В 1902 г. в Нежде был восстановлен ваххабитский эмират со столицей в Эр-Рияде. Территория этого государства вновь стала расширяться – к государству Саудидов был присоединен Хиджаз (1924), его границы достигли Ирака и Кувейта. С 1932 г. оно стало официально именоваться королевством *Саудовская Аравия*. В стране были проведены реформы, укрепившие центральную власть короля и его правительства. С 1938 г. на побережье Персидского залива, часть которого вошла в пределы Саудовской Аравии, началась добыча нефти, производившаяся в основном американской компанией АРАМКО, построившей в 1950 г. трансаравийский нефтепровод и способствовавшей неслыханному росту доходов от продажи нефти (как известно, все возрастающая часть этих доходов заложила основу экономического процветания Саудовской Аравии).

К северу и северо-западу от Неджда на границе с Левантом, в Заиорданье, издревле существовали арабские государства, активно взаимодействовавшие с крупными государствами различных времен, включая Вавилонию, Египет, Рим и Византию. С начала XVI в. Трансиорданье было подчинено Османской Турции. Расположенная к востоку от Ливана и Палестины, лишенная выхода к морю и не отличающаяся обилием оазисов и плодородной земли, эта северная часть Аравии не была слишком лакомым куском для завоевателей и не отличалась плотностью населения. Преобладали здесь, как и на большей части территории Аравии, кочевники-бедуины. После первой мировой войны Заиорданье было включено по решению Лиги Наций в состав английского мандата в Палестине. Англия в 1921 г. создала здесь особый эмират Трансиордания во главе с эмиром Хусейвом. Именно здесь, в Трансиордании, был создан англичанами из бедуинов знаменитый Арабский легион, отряды которого составляли боевой костяк вооруженных сил Англии в Аравии и использовались в случае нужды для подавления враждебных англичанам выступлений в Сирии, Ираке и в самой Аравии.

В 1928 г. англичане разработали и приняли конституцию эмирата. В стране была создана конституционная монархия с парламентом. Однако экономически она продолжала быть крайне отсталой; в годы второй мировой войны эта страна – прежде всего Арабский легион – существовала за счет все увеличивавшихся английских субсидий. В 1946 г. Англия официально отказалась от мандата, а Трансиордания получила независимость. В 1950 г. ее парламент провозгласил единство страны с Восточной Палестиной (западный берег Иордана – ныне в составе оккупированных Израилем арабских земель) в рамках *Иорданского Хашимитского королевства*. Это объединение способствовало увеличению численности населения страны и ее развитию за счет палестинской экономики. Впрочем, ненадолго: арабо-израильская война 1967 г. привела к отторжению западноиорданских земель от Иордании.

Расположенный на юге Аравии древний *Йемен* (Саба; Химьяритское государство) с XVI в., как и остальная Аравия, был завоеван османами. Однако турецких войск здесь практически почти не было, и уже с XVII в. Йемен стал фактически независимым. Во главе его были имамы шиитской секты зейдитов, стремившиеся расширить свою власть за счет владений соседних арабских племен. На рубеже XVIII–XIX вв. ваххабиты, а затем Мухаммед Али Египетский временами оккупировали отдельные оазисы Йемена, а в 1849 г. здесь была даже восстановлена верховная власть султана – более номинальная, нежели реальная. Попытки турок закрепиться в Йемене вызвали активное сопротивление имамата, что привело в конечном счете (1911) к признанию Турцией полной автономии Йемена. С 1919 г. вассальная зависимость от Турции была окончательно ликвидирована, а Йемен провозглашен независимым королевством.

Стратегически важный мыс *Аден* на юге Йемена еще в 1839 г. был оккупирован англичанами, а после открытия судоходства по Суэцкому каналу он стал важнейшим портом-крепостью Великобритании. Английский губернатор Адена активно вмешивался в дела Йемена, и в ходе длительного так называемого англо-йеменского конфликта (1918–1928) значительная часть страны оказалась под контролем англичан. В 1934 г. Англия выступила гарантом независимого существования Йемена, подвергнувшись нападению со стороны

Саудовской Аравии, что привело к заключению англо-йеменского договора. Пытаясь противостоять Англии, король Йемена Яхья решил наладить контакт с фашистской Италией, стремившейся в это время овладеть Эфиопией и потому заинтересованной в благожелательности расположенного в этом же районе мира Йемена. Однако намерение Италии закрепиться и даже построить военную базу в Йемене не соответствовало интересам Англии и потому не могло быть реализовано. В 1943 г. Йемен разорвал отношения с Италией, с 1947 г. стал членом ООН.

Отсталое государство с немногочисленным населением активно боролось за свою независимость, что привело в 1949–1951 гг. к очередному англо-йеменскому вооруженному конфликту, итогом которого на сей раз стала демаркация пограничной линии между собственно Йеменом и протекторатом Аден (Южный Йемен). С 1962 г. Северный Йемен стал Йеменской Арабской Республикой (ЙАР) с конституционным режимом. Южный Йемен (английский протекторат Аден) в 1967 г. был провозглашен Народной Демократической Республикой Йемен, правительство которой взяло курс на развитие по марксистскому социалистическому пути.

На крайнем востоке Аравии расположен *Оман*, оазисы которого издревле были базами для торговых связей и дальнего мореплавания. С VIII в. здесь существовал практически независимый от халифата имамат шиитской секты ибадитов (абадитов), временами оказывавшийся под властью завоевателей, но затем восстанавливавший свое автономное существование. С XV в., в связи с эпохой Великих географических открытий и переходом основных морских коммуникаций под контроль португальцев значение оманских портов в мировой торговле стало падать. Однако в XVII в. могущество Португалии в районе Персидского залива объединенными усилиями Ирана и англо-голландского флота было подорвано, а имамы вновь стали полновластными правителями. С середины XVII в. их флот подчинил Оману Занзибар и район восточноафриканского побережья. В конце XVIII в. в Омане укрепились Ост-Индская компания Англии, вмешивавшаяся в династийные распри и способствовавшая разделу имамата на части: оманский султанат Маскат стал властителем африканских территорий; существовали также фактически превращенный в английский протекторат Договорный Оман (ныне Объединенные Арабские Эмираты) и сильно уменьшившийся в размерах старый Оманский имамат. Позиции Англии в султанате Маскат и в Договорном Омане в XIX в. укрепились и сохранялись вплоть до середины XX в. Политическая власть в этих государствах временами изменялась, но социально-экономическая структура была крайне отсталой вплоть до начала активной нефтедобычи уже после деколонизации этого района Аравии (1970).

Расположенный к северо-западу от Омана в зоне Персидского залива *Кувейт* в XVI в., как и вся Аравия, был завоеван империей Османов. Однако уже в середине XVIII в. кувейтские шейхи стали фактически независимыми правителями. Впрочем, с усилением позиций английской Ост-Индской компании в том же XVIII в. в зоне Персидского залива эта независимость становилась все более призрачной. Англичане усиливали свой контроль над местной торговлей и вмешивались в политические и династические распри местных правителей. Временное восстановление османского владычества в 70-х годах XIX в. и реальная угроза усиления позиций Германии в этом районе Азии побудили Англию обратить особое внимание на Кувейт, намеченный в качестве конечного пункта Багдадской железной дороги. Англичане спровоцировали в Кувейте острый династийнополитический конфликт и в конечном счете добились выгодного для них англо-кувейтского договора 1899 г., который похоронил надежды Германии довести железную дорогу до Персидского залива. В 1914 г. Кувейт стал британским протекторатом. С 1934 г. англо-американская Кувейт ойл компани начала здесь активную добычу нефти, которая после второй мировой войны и национализации (1976) нефтедобычи стала основой экономического процветания страны. С 1961 г. Кувейт – независимое государство.

Завершая краткий обзор истории арабских государств Аравии в период колониализма, следует заметить, что большинство их – кроме разве что расположенной в основном в песках Аравии державы Саудидов – рано или поздно становились протекторатами либо зависимыми от иностранных держав, в основном Англии. Правда, степень зависимости сильно варьировала:

там, где это диктовалось стратегическими интересами (Аден, Маскат, Кувейт), она была сильной; в остальных районах подчас едва заметной. Экономических доходов (до начала добычи нефти) колонизаторы здесь не имели – скорее несли немалые расходы, как, например, на содержание трансирданского Арабского легиона или на весьма дорого обходившуюся разведывательно-подрывную деятельность, которая была связана прежде всего с именем легендарного полковника Лоуренса, активно действовавшего в арабских странах Азии в первой трети XX в. Впрочем, все эти расходы окупались политическими дивидендами – достаточно напомнить о поражениях Германии в ее попытках закрепиться в исламских странах. Что же касается доходов от нефти, то, отнюдь не умаляя их, стоит все же напомнить, что на долю колонизаторов выпала не столь уж легкая задача наладить производство нефтедобычи, создать дорогостоящую инфраструктуру – и это при весьма дешевых ценах на нефть и сравнительно небольшой ее добыче. То и другое (цены и объем добычи) неизмеримо выросли в те годы, когда нефтедобыча была национализирована нефтедобывающими странами, включая Ирак и Иран, а также Саудовскую Аравию. Экономическое процветание многих из них и по сей день держится на эксплуатации природных ресурсов при сравнительно незначительных темпах социально-политического прогресса.

Афганистан

В начале XIX в. империя Дуррани – символ наивысшего могущества Афганистана, расцвета его политических успехов – распалась на части (Кабульское, Гератское, Кандагарское и Пешаварское ханства). Кабульский Дост Мухаммед, провозгласивший себя в 1836 г. эмиром Афганистана, немало сделал для объединения страны. Сложность ситуации состояла в том, что в середине XIX в. Афганистан был уже окружен сильными державами – каджарским Ираном, сикхским Пенджабом и все ближе подходившими к нему с севера и юга колониальными империями, Россией и Англией. Неудивительно, что отсталая горная страна, не имевшая ни притягательных природных ресурсов, ни сколько-нибудь значительных иных богатств и доходов, но зато оказавшаяся в стратегически важном районе Азии, оказалась центром политических устремлений и интриг.

Англо-афганская война 1838–1842 гг. показала, что Афганистан – крепкий орешек. Хотя 30-тысячная английская армия и заняла города Кабул, Кавдагар и Газни, она в конечном счете вынуждена была с позором отступить, вернув Дост Мухаммеда к власти. Воспользовавшись этим успехом, Дост Мухаммед, а затем его преемник эмир Шер Али сумели довести до конца объединение афганских земель. В 70-х годах границы России и аннексировавшей еще в 1849 г. сикхский Пенджаб Англии подошли уже вплотную к афганским землям. Обе державы явственно претендовали на определенное влияние в Афганистане, а перед афганскими правителями стояла нелегкая задача сохранить независимость в условиях заметного давления на страну с севера и юга.

Миссия генерала Столетова в Кабул в 1878 г. с проектом русскоафганского договора вызвала у Шер Али взрыв антианглийских настроений, чем умело, воспользовалась Англия, использовав ситуацию в качестве предлога для новой военной экспедиции. Вторая англо-афганская война 1878–1880 гг. принудила преемника умершего Шер Али эмира Якуба заключить Гандамакский договор, по условиям которого Афганистан фактически признавал свою вассальную зависимость от Англии. Однако этот договор вызвал сильное недовольство выше всего ценивших свою независимость свободолюбивых горцев. В Афганистане вспыхнуло восстание, которое вскоре возглавил проникший в афганские земли из завоеванной русскими Средней Азии племянник Шер Али Абдурахман. Опираясь на некоторую – не слишком явную – поддержку России, Абдурахман одерживал победу за победой, так что англичане летом 1880 г. сочли за благо вступить с ним в переговоры. Признав Абдурахмана эмиром Афганистана, они в то же время добились от него согласия на контроль Англии над внешней политикой страны (вести внешние сношения, «сообразуясь с мнениями и желаниями английского правительства»).

Хотя эмир Абдурахман был вынужден согласиться на проанглийскую внешнеполитическую ориентацию, что вполне соответствовало реальному соотношению

политических сил в то время (русские были далеко, а английские войска рядом с Афганистаном), он главной своей задачей сделал укрепление центральной власти и пресечение сепаратистских тенденций. Тем временем Россия и Англия в условиях сложных политических интриг решали свои внешнеполитические споры, в том числе в районе Афганистана и близ него. Так, в 1893–1895 гг. была проведена – практически без участия афганских представителей – демаркация англо-афганской (точнее, индо-афганской) границы по так называемой линии Дюранда, а затем и русско-афганской границы в районе Памира.

Начало XX в. прошло в Афганистане под знаком некоторого подъема в сфере политических движений, культурно-просветительской деятельности. Хотя эта страна и была очень отсталой, и до нее дошли отзвуки тех событий, которые прокатились по соседним азиатским странам (Турция, Иран). Они привели к всплеску так называемых младоафганских реформаторских настроений. Движение младоафганцев было очень слабым, но все-таки это была возникшая на местной почве идеология реформ, модернизации страны. Именно на нее как на свою главную опору сделал ставку пришедший в 1919 г. к власти Аманулла-хан. В поисках поддержки против англичан, от которых он в том же году добился признания полной независимости страны, Аманулла апеллировал к Советской России, тоже признавшей эту независимость и заключившей с Афганистаном договор.

Хотя акт признания независимости вызвал подъем в стране, к решительным структурным реформам она не была готова. Младоафганцы в стремлении осуществить такие реформы взяли слишком крутой курс, что вызвало недовольство крестьянства и исламского духовенства. Опираясь на него, противники реформ добились в 1929 г. отречения Амануллы от власти. Королем страны стал Надир-шах, официально принявший конституцию (1931), которая закрепляла в стране режим умеренного характера, учитывавший и силу духовенства, и отсталость крестьянства, и значение племенных связей в Афганистане. В 1933 г. королем стал Закир-шах, ведший политику осторожного внешнеполитического лавирования, особенно накануне второй мировой войны, когда заметно усилилась активность агентов Германии в Афганистане. Эти агенты с началом войны были изгнаны, а ситуация в послевоенном Афганистане, когда Англия лишилась своих колоний и перестала быть важным фактором во внешнеполитической ориентации страны, привела к усилению связей Афганистана с Советским Союзом. В 1973 г. в результате государственного переворота Афганистан стал республикой, в итоге следующего переворота 1978 г. была провозглашена Демократическая Республика Афганистан, которую возглавил Революционный совет, ориентирующийся на сотрудничество с СССР.

Глава 12

Мир ислама: традиционная структура и ее трансформация в период колониализма

Общность группы стран Ближнего и Среднего Востока, включенных в третий блок, вполне очевидна и легко может быть продемонстрирована в нескольких важных для анализа отношениях. Во-первых, это вполне определенный историко-географический регион с древними культурными традициями. Во-вторых, это ядро арабо-мусульманского мира, обогащенного за счет соседних исламизированных народов, в первую очередь иранцев и тюрок. В-третьих, для подавляющего большинства стран этой группы была характерна в период колониализма лишь большая или меньшая зависимость от держав – при сохранении формальной политической независимости и внутреннего самоуправления. Все эти особенности, формирующие определенную общность судеб интересующей вас группы стран, органически связаны между собой. Даже больше того, они создают определенную метатрадицию, густо окрашенную в еще более определенный религиозно-цивилизационный цвет – в зеленый цвет ислама.

Конечно, мир ислама не ограничивался лишь группой стран Ближнего и Среднего Востока, о которых сейчас идет речь. Сильное влияние ислама ощущалось на протяжении многих веков и в тех странах Южной и Юго-Восточной Азии, а также Африки, которые рассматривались выше, в рамках первых двух блоков колонизованных европейцами стран. Но

здесь все же есть определенная разница, о которой необходимо еще раз сказать.

В Индии, как о том специально говорилось, исламу противостоял индуизм, что и помешало ему, несмотря на политическое господство, обрести ту всеобъемлющую силу и создать такую структуру, которые были нормой на мусульманском Ближнем Востоке. В Индонезии или Малайе, тем более на юге Филиппин и вообще везде, где в юго-восточноазиатском регионе со временем стал играть значительную роль и даже абсолютно преобладать ислам, он в принципе был все же далеко не столь сильной и всеобъемлющей религией, как в местах расселения арабов, персов или тюрок. Местные религиозноцивилизационные традиции в немалой мере ограничивали и ослабляли его воздействие, что с особой наглядностью видно на примере Индонезии. Тем более то же самое характерно для исламизированных районов и народов Тропической Африки, включая ее суданский пояс. Пожалуй, только для северной арабской Африки, для стран Магриба и особенно Египта следует сделать исключение. Именно потому, что это страны с арабо-исламским населением и что исламский религиозно-цивилизационный фундамент здесь, как и в Западной Азии, опирается на мощные пласты древних культур (от долины Нила до Карфагена), наблюдается определенное сходство в исторических судьбах Магриба, Египта с судьбами западноазиатского исламского региона.

Учитывая сказанное, мы имеем все основания включить в предстоящий анализ мира ислама арабо-исламские страны Северной Африки и воспринимать их вместе с включенной в третий блок группой стран Ближнего и Среднего Востока как – применительно к периоду колониализма – нечто единое и цельное (оставляя при этом в стороне исламизированные страны Африки, Южной и Юго-Восточной Азии). Разумеется, при этом должны быть учтены и различия между североафриканскими и западноазиатскими мусульманскими странами – различия, которые наиболее очевидны при оценке степени колониальной зависимости той или иной группы стран.

Итак, перед нами мир ислама. Что являла собой традиционная исламская структура и какое воздействие на нее, на ее способности и потенции трансформации оказал мусульманский религиозноцивилизационный фундамент? Как сказались это на судьбах соответствующих стран в период колониализма?

Ислам: религия и общество

Об условиях и обстоятельствах, сопутствовавших возникновению и распространению ислама среди арабов, а затем и во всей Западной Азии, а также на североафриканских территориях (Арабский халифат), уже шла речь во второй части работы, где специально упоминалось и о некоторых генеральных принципах социальной политики мусульман (формы земельных владений и налогообложения, слитность религии и политической власти и др.). Говорилось вскользь и о специфике шиитского ислама. Теперь в центре внимания будет рассмотрение более глубоких признаков и характеристик ислама, которые во многом определяли на протяжении веков (и продолжают это и в наши дни) не только верования и мировоззрение мусульманского населения, но также, что существеннее, образ и принципы жизни, систему ценностей и соответствующие социальнонравственные установки мусульман, т. е. то, что можно было бы назвать исламским менталитетом.

Так что же такое ислам? Сформировавшись сравнительно поздно, доктринально эта монотеистическая религия восходит к ее предшественникам, иудаизму и христианству, к библейским идеям, образам и легендам. Обогатившись за счет влияния иранского зороастризма, а также впитав в себя многое из древних традиций и культурных достижений древневосточных цивилизаций и греко-античного мира (вспомним эпоху эллинизма), ислам оказался в определенном смысле весьма богатым в духовно-идейном плане наследником многих цивилизаций. Но выгодно и умело распорядиться этим богатым наследием ему в немалой степени помешал реальный уровень развития того народа, который волею судеб оказался творцом и основным носителем новой религии, – арабов. Едва вышедшие за пределы первобытности арабы (речь идет о передовых племенных группах их; более отсталые бедуинские кочевые племена остаются на полупервобытном уровне и в наши дни) не были в

состоянии активно освоить весь высокоинтеллектуальный потенциал религиознодоктринального наследия, доставшегося им через основавшего новую религию пророка Мухаммеда. Впрочем, они не очень-то в этом и нуждались. Хорошо известно, что многое из высших достижений арабской культуры на рубеже I–II тысячелетий охотнее заимствовали европейцы (включая арабские переводы античных авторов), чем сами арабы. Что же касается арабов – разумеется, той части их, которая была причастна к грамоте и получала образование, – то они были более склонны, не вдаваясь в глубины интеллектуальных поисков, ориентироваться главным образом на жесткую религиозную догму ислама, на сформулированные им принципы жизни.

Здесь следует оговориться: арабская культура, прославленная именами аль-Газали, Аверроэса, Авиценны и многих других, немало внесла в сокровищницу мировой цивилизации. Но все это мало отразилось на жизненном стандарте и интеллектуальном потенциале мусульман, веками воспитывавшихся в русле арабо-мусульманского знания. Мало потому, что в основе стандартизованного исламского знания лежали не вершины арабской средневековой мысли, а священная книга мусульман Коран, хадисы устного предания Сунны и заповеди мусульманского права шариата. Именно Коран, Сунна и шариат веками формировали сознание, поведение, образ жизни, систему ценностей, генеральные установки среднего мусульманина, полноправного члена великой исламской общности-уммы. Речь идет поэтому об исламе как религии, оказавшей огромное воздействие на общество и во многом изменившей облик тех стран, где ислам оказался господствующим, особенно в пределах Ближнего и Среднего Востока, африканского Средиземноморья.

Религиозные догматы ислама до примитивности просты и весьма жестко фиксированы. Генеральная установка здесь – на покорность человека воле Аллаха, его посредника-пророка и замещающих пророка лиц, от халифа либо святого шиитского имама до обладателей власти на местах. Полное повиновение власти имущему объясняется как сакрально авторизованным принципом божественного источника высшей власти («Нет Бога кроме Аллаха в Мухаммед пророк Его») при упоминавшемся уже полном слиянии политической администрации с религиозным авторитетом, так и сознательно культивируемыми фатализмом («на все воля Аллаха») и приниженностью личности, этой жалкой песчинки по сравнению со все тем же всемогущим Аллахом. Приниженность конформной личности, всецело преданной воле Аллаха, фатализм и покорность судьбе – вот источники не только религиозного фанатизма, коим отличались и по сей день отличаются многие преданные вере воины ислама (федаи, фидаи, федаины), но и того самого «поголовного рабства» как принципа социальной структуры, о котором писали в свое время Гегель и Маркс.

Ислам подчеркнуто эгалитарен: перед Аллахом все равны. Причастность к истинной вере, к всеобщей умме много важнее деления на расы, народы, племена и языковые группы. Поэтому классическая арабо-исламская и вообще мусульманская традиция практически не признает социальную замкнутость сословий, наследственное социальное неравенство. Напротив, религиозно освящен и практически всегда реализовывался принцип социальной мобильности: сила, способности, случай открывают двери наверх перед каждым, достойным того. Раб мог стать эмиром и султаном, бедняк-крестьянин – уважаемым знатоком ислама, высокопоставленным улемом, солдат – военачальником. Речь идет не о равенстве статуса и тем более прав: в обществе «поголовного рабства» все было как раз наоборот – низший всегда бесправен перед вышестоящим и легко может стать жертвой его произвола. Речь о равенстве возможностей, о равенстве жребия, реализации чего никогда не мешали ни покорность, ни фатализм мусульманина: честолюбивый и энергичный всегда в своих стремлениях и претензиях опирался на то и на другое, причем именно покорность его воле Аллаха и позволяла реализовать уготованную ему судьбу.

Но что существенно: генеральная установка и реальные общественно значимые и престижные целеустремления мусульманина всегда ограничивались продвижением его вверх по лестнице власти или религиозного знания. Других престижных путей обычно не было. И хотя в мире ислама всегда были богатые купцы, практически условия для активной частнопредпринимательской деятельности были крайне неблагоприятны. Отсутствие надежных правовых гарантий индивидуального предпринимателя и, главное, полный произвол власти, всегда

ревниво следившей за богатеющим торговцем, существенно ограничивали возможности частного лица, не облеченного властью (впрочем, подчас не помогала и причастность к власти: более крупные акулы без стеснения заглатывали тех, кто поменьше). Поголовное рабство и бесправие – это оборотная сторона эгалитаризма. Все равны и все одинаково неправы. Право у тех, кто обладает силой, а овладевший силой и захвативший власть вместе с нею приобретает и сакральный авторитет. Исключение – и весьма существенное – являются собой шииты, признающие законной высшей властью лишь правление прямых потомков Мухаммеда, святых имамов или их родственников по боковым линиям (алиды, фатимиды, сеиды, шерифы).

Слабая социальная защищенность индивида и даже целой корпорации (семьи, общины, клана, цеха и т. п.) в мусульманских обществах лишь усиливала мощь власти. Неудивительно, что мусульманские государства были, как правило, весьма могущественными. Несложная их внутренняя административная структура обычно отличалась простотой и стройностью. Эффективность центральной власти, опиравшейся на принцип власти-собственности, господство государственного аппарата власти и взимание в казну ренты-налога с последующей ее редистрибуцией, подкреплялась, как не раз уже упоминалось, сакральностью власти и покорностью подданных. Впрочем, исламские государства тоже нередко распадались, уступая место более мелким. Однако характерно, что и приходившие на смену крупным мелкие государства (например, султанаты и эмираты распавшегося халифата) тоже были централизованными государствами, хотя и меньшего масштаба. Эффекта феодальной раздробленности мир ислама – по крайней мере в описываемом регионе – практически не знал, что вполне соответствует особенностям исламского социума.

Впрочем, здесь нужна оговорка. В тех нередких случаях, когда речь идет о зависимых полуавтономных странах (например, о странах Магриба, включая Египет, подчиненных Османской империи), ситуация усложнялась за счет того, что правители этих стран, обладая немалой автономией и реальной властью, все же были скованы в своих действиях. Это вело к относительной слабости власти в соответствующих странах, что, как говорилось, сыграло свою роль в процессе их колонизации. Но стоит заметить, что и в этой ситуации, как о том свидетельствуют годы правления Мухаммеда Али Египетского, многое зависело от конкретных условий, в частности от личности правителя. Можно сформулировать некую закономерность, смысл которой сводился бы к тому, что исламская система власти в принципе благоприятствует существованию сильного централизованного государства, хотя при некоторых обстоятельствах благоприятные факторы могут и не сработать.

Ислам нетерпим. Нетерпимость его проявляется не в том, что правоверные стремятся обратить в ислам всех неверных под угрозой их уничтожения. Не в том он, что правоверные всегда готовы начать священную войну – джихад – против неверных. То и другое не раз случалось в истории, но не в этом суть. Суть в том, что правоверные всегда отчетливо ощущают свое превосходство над неверными, что это превосходство с самого возникновения ислама фиксировалось на государственном уровне (мусульманин платит более легкие налоги и освобожден от подушной подати, джизии), что выше всего ценится принадлежность человека к умме, что неверный всегда рассматривается в мусульманском государстве как не вполне равноправный, причем это особенно заметно на примере тех судебных казусов, когда перед мусульманским судьей-кади предстают в качестве тяжущихся сторон мусульманин и немусульманин. Впитанное веками и опирающееся на всю толщу религиозно-культурной традиции, такого рода высокомерное чувство превосходства и нетерпимости к неверным – одна из важнейших и наиболее значимых характерных черт ислама. Это чувство совершенства образа жизни в сочетании с всеобщностью и всесторонностью ислама, опутывавшего общество наподобие густой паутины, всегда было залогом крайнего консерватизма и конформизма мусульман, чуть ли не ежечасно (вспомним об обязательной ежедневной пятикратной молитве!) призванных подтверждать свое религиозное рвение. Естественно, что все это не могло не отразиться не только на нормах поведения и ценностных ориентациях всех тех, кто с гордостью всегда причислял себя к умме, но и в конечном счете на психике людей, точнее, на их социальной психологии.

Ощущая себя членом наиболее совершенно организованного социума, подданным исламского государства, во главе которого стоит сакрализованный правитель, мусульманин был

не только надежным слугой Аллаха и ревностным правоверным, но и той силой, на которую Аллах и правитель всегда могут положиться. Отсюда – неслыханная внутренняя прочность и сила ислама и мусульманских государств. Если не считать Ирана, то во всем остальном исламском мире массовые движения обычно никогда не были прямо направлены против власти, власть имущих; они, как правило, принимали характер сектантских движений. Это и понятно: восставшие выступали не против ислама и исламского правителя, но за то понимание ислама, которое представлялось им наиболее верным и за которое они готовы были поэтому сражаться со всем присущим воинам ислама фанатизмом. Авторитет же сакрализованной власти как принцип оставался при этом неизменным, что, помимо прочего, было гарантом внутренней силы исламских государств, залогом их внутренней прочности.

Особый случай – шиитский Иран. Сакральность правителя здесь была минимальной именно в силу того, что, не будучи потомком пророка, этот правитель по строгой норме доктрины шиитов вообще не имел права возглавлять правоверных, быть их религиозным вождем. Соответственно в Иране сформировалась несколько иная структура власти. Духовно-религиозный авторитет, представляемый группой наиболее уважаемых шиитских богословов-улемов (высший их разряд – аятоллы), обычно нарочито противопоставлялся светской власти. Это противопоставление вело к тому, что шиитское духовенство не только часто выступало в качестве оппозиции, но и нередко возглавляло те самые народные выступления, обилием которых Иран резко отличался среди других исламских стран. Это существенно ослабляло силу и эффективность администрации иранских шахов, делало шахский Иран – по сравнению, скажем, с султанской Турцией – более легкой добычей колониальных держав. Однако такая ситуация ни в коей мере не ослабляла внутреннюю структуру страны, которая цементировалась шиитским исламом не менее прочно, чем в других мусульманских государствах, а в некоторых отношениях, видимо, и более крепко. Во всяком случае фанатизм воинов ислама у шиитов всегда отличался наиболее крайними формами, что хорошо видно на примере секты исмаилитов.

И еще одно, что необходимо иметь в виду, коль скоро заходит речь о мире ислама, о вселенской умме и ее ревностных представителях. Мусульманин, строго воспитанный в жестком русле немногих, но обязательных правил и принципов жизни, редко сетует на свою долю. Не то чтобы он всегда был доволен состоянием своих дел или равнодушен к хорошо сознаваемой им социальной справедливости. Напротив, то и другое заботило его и нередко было причиной массовых движений, чаще всего под религиозно-сектантскими лозунгами, за выправление нарушенной привычной нормы жизни. Но, если норма соблюдается, он спокоен. В неторопливом ритме делает свое привычное дело и редко стремится к чему-то большему, тем более к новому и неизведанному, чуждому привычной норме и грозящему ее разрушить. Конечно, крестьянин консервативен везде, особенно на Востоке. Но в исламских обществах он консервативен вдвойне, ибо на консерватизм земледельца здесь накладывается жесткая норма ислама с его предельной нетерпимостью к отклонениям. Консерватизм и конформизм ислама, фатализм и фанатизм его ревнителей, сакрализованный статус правителей и сила возглавляемого ими аппарата власти, внутренняя мощь и огромная сопротивляемость социума, мусульманской уммы, – все это реально действующие факторы, с которыми нельзя не считаться при анализе процесса трансформации исламских обществ в период колониализма.

Сопrotивление и приспособление традиционных исламских обществ в период колониализма

Сопrotивление и приспособление к изменяющимся обстоятельствам было общей нормой поведения Востока в годы активной колониальной экспансии. Однако характер и сила сопротивления, равно как адаптационные способности, т. е. умение и желание приспособиться к изменившимся обстоятельствам и извлечь из этого максимальную пользу для себя, были в разных странах Востока очень различными. Во многом это зависело от исторических судеб, от внешних факторов, от уровня развития, но более всего – при прочих сравнительно равных условиях – от религиозно-цивилизационного фундамента, т. е. от тех норм, принципов жизни, ценностных ориентации и стереотипов поведения, которые формировались на базе

упомянутого фундамента, отливались по его матрицам.

Так, англичане довольно легко и при минимальных для себя потерях укрепились в Индии не столько благодаря испытанной тактике «разделяй и властвуй», но едва ли не в первую очередь потому, что задававшая тон в стране индуистская традиция была безразлична к политической власти и весьма терпима к инакомыслию. В Тропической Африке или на островах Юго-Восточной Азии колонизаторы сравнительно легко подчиняли себе слабые полупервобытные социально-политические образования, опиравшиеся на очень тонкий пласт религиозно-цивилизационного фундамента, к тому же разнородного по типу, плюралистического по характеру. Иное дело – мир ислама. Здесь европейцы столкнулись с более или менее сильными государствами и с мощным, активно функционирующим в весьма определенном ключе религиозно-цивилизационным фундаментом. Привычная тактика «разделяй и властвуй» в этих условиях почти не срабатывала. Неудивительно, что и формы колониальной зависимости оказались в большинстве случаев иными, хотя они и варьировали в зависимости от обстоятельств.

Как о том уже шла речь, даже в тех странах, которые по статусу были близки к колониям, считались протекторатами, далеко не вся власть принадлежала представителям колониальной державы. Колонизаторы были вынуждены считаться с традициями и действовать преимущественно, иными, экономическими методами. Лишь там, где население было малочисленным и власть сравнительно слабой, играла определенную роль военная сила держав (это касается и войн, и содержания войск типа Арабского легиона, и военных экспедиций типа Суданской в конце XIX в.). Ну и, конечно, по мере укрепления держав в той или иной стране многое начинало зависеть от хода событий. Здесь можно было бы выделить несколько различных моделей-вариантов развития.

Первый из них – египетский. Будучи при Мухаммеде Али едва ли не наиболее могущественной и экономически развитой страной ислама, Египет во второй половине XIX в. был вынужден расплачиваться за чрезмерное экономическое напряжение, позволявшее Мухаммеду Али поддерживать мощь страны. Банкротство Египта в 1876 г. дало возможность англичанам резко усилить свои экономические позиции в этой стране, интерес к которой стимулировался еще и стратегически важным для Англии Суэцким каналом. Вскоре в связи с мятежом Ораби англичане ввели в Египет свои войска, которые надолго там остались (не говоря уже об охранявшейся ими зоне канала). Но, хотя англичане и вели себя в стране как хозяева, в полном смысле слова колонией Египет все же не стал, да англичане и не могли лишиться эту страну независимости, ибо формально она была частью Османской империи. В то же время с автономией хедива и его властью колонизаторы считались.

Египетский вариант в некотором смысле можно считать оптимальным – с точки зрения успеха исламской страны, приспособляющейся к изменившимся обстоятельствам. Несмотря на стойкое сопротивление традиционной структуры и считаясь с этим сопротивлением, англичане, не слишком форсируя перемены, все же способствовали развитию страны. На смену экономически неэффективной государственной экономике Мухаммеда Али пришла частнопредпринимательская деятельность, причем не только сами предприниматели, но и половина занятых на производстве рабочих были иностранцами, преимущественно европейскими колонистами. Колонизация Египта сопровождалась его европеизацией и модернизацией также и в сфере политических институтов, образования и культуры, городского строительства, даже быта городского населения. Став к 1923 г. независимой конституционной монархией, Египет к этому времени достиг на пути трансформации традиционной структуры достаточно многого, хотя сопротивление нововведениям не утихало. И все же, несмотря на сопротивление, традиционные институты постепенно сдавали свои позиции, а европеизированные нормы жизни завоевывали их.

Казалось бы, процесс внутренней трансформации и приспособления внутренней структуры к изменившимся обстоятельствам необратим. Однако все не так просто. Уход англичан из Египта (вывод войск в 1936 г. и национализация Суэцкого канала в 1956 г.) создал здесь новую обстановку. На передний план вышли силы, отнюдь не безразличные к традиции, после деколонизации вновь начавшей активно стремиться к восстановлению утраченных ею позиций. Усиленный курс на огосударствление экономики, а затем явственно проявившиеся

тенденции к ограничению частнопредпринимательской деятельности и к усилению роли государства и вообще аппарата власти в жизни страны и общества – весьма ощутимое проявление силы приспособившейся, но отнюдь не ушедшей в прошлое традиции. Силу традиции демонстрируют и многочисленные группы исламских фундаменталистов («братья-мусульмане» и др.), выступающие против преобразований и даже в наши дни не теряющие, порой увеличивающие свое влияние.

Турция – *второй* вариант развития, в чем-то близкий египетскому. Близость в том, что Турция, длительное время находившаяся под энергичным воздействием со стороны европейских стандартов и прошедшая через серию реформ, революций и радикальных преобразований, за последние два века сильно изменилась. В стране наряду с сильным государственным сектором в экономике заметно развивается частнопредпринимательская деятельность. Укрепились, особенно после преобразований Кемалья, правовые нормы гражданского общества. Как ни в одной из других исламских стран, здесь потеснен со своих привычных позиций ислам как религия, ставший теперь отделенным от государства, частным делом граждан. Но отличие Турции от Египта не только в том, что эта страна никогда не была ни колонией, ни протекторатом, ни даже политически зависимой. Более важное отличие, пожалуй, состоит в том, что, не будучи колонией и не имея соответствующего экономического давления, Турция в аналогичных условиях постепенных преобразований в чем-то оказалась более зависимой от традиции. С исламом как религией Кемаль поступил круто. Но ислам как традиция остался. И в этом смысле исламская традиция сильно сказывается. По уровню промышленного развития Турция не уступает Египту, даже превосходит его, но тип развития отличен и вплоть до недавнего времени был более близок к нормам традиционной структуры с ее ведущей ролью государства, со всеми ее проблемами, от экономической неэффективности до политической нестабильности. Впрочем, события последних одногодочных десятилетий в чем-то, похоже, существенно изменили турецкий вариант развития, о чем будет сказано в последней части книги.

Третий вариант – Иран. Будучи, как Турция и Египет, крупной исламской страной с большим населением и древними культурными традициями, с немалыми политическими амбициями, Иран в то же время отличается от остальных мусульманских стран прежде всего тем, что здесь абсолютно господствует шиитский ислам, т. е. ислам в его наиболее крайней, активной, сектантской форме. Влияние шиизма на структуру общества двояко. С одной стороны, он десакрализует власть и тем как бы ослабляет политическую администрацию, силу государства. Но, с другой – это ослабление (чем-то похожее на ситуацию с кастами и общинами в Индии) с лихвой компенсируется мощными социальными интегрирующими силами, спланивающими шиитское население страны в нечто единое и цельное, возглавляемое духовенством. Роль воинствующего шиитского духовенства – это то, что отличает иранский социум от индийского. Непримируемость шиитского духовенства и ведомого им народа к переменам и нововведениям, угрожающим позициям ислама, – наиболее сильный импульс в Иране. Слабость власти, неспособной последовательно и успешно провести необходимые реформы, причем сделать это в нужном для страны темпе, – еще один сильный импульс, объективно умножающий мощь первого, т. е. ислама. Консервация отсталости, связанная с силой обоих импульсов и восходящая к мощи исламской традиции в ее шиитском варианте, воинственность духовенства и слабость той опоры, которая в иных обстоятельствах могла бы служить базой для развития и формирования новых социальных, экономических и политических сил в стране, – вот в самых общих чертах те факторы, которые предопределили судьбы современного Ирана, а косвенно также и ислама в его наиболее реакционной фундаментальной модификации.

Вариант *четвертый* – периферийные арабские страны. Это страны Магриба (кроме Ливии) и Западной Азии (кроме тех, кто имеет выход к нефтеносным промыслам Персидского залива). Общее для всех них – существенная роль вмешательства колониальных держав и их капитала при ограниченности внутренних ресурсов (как природных, так и людских), сравнительно невысоком уровне развития и стратегически важном, как правило, расположении. Во всем остальном это достаточно пестрая группа небольших государств, весьма отличных друг от друга даже в пределах своего региона (Марокко, Тунис и Алжир в Магрибе; Ливан и

Сирия, а также Палестина в Леванте; Иордания и Йемен в Аравии). Колониальная политика держав и европейский капитал способствовали некоторому развитию указанных стран, хотя сопротивление их иностранному вторжению ощущалось постоянно. Формально ни одна из перечисленных стран не была лишена независимости, ибо и не имела ее – все они являлись частью Османской империи. Но фактически колониальное вторжение воспринималось как болезненная ломка привычных условий жизни и вызывало яростное сопротивление.

После крушения Османской империи все страны активно стремились к независимости и деколонизации, освобождению от иностранной опеки. Впрочем, колониализм содействовал модернизации и трансформации этих государств, правда, в различной степени. Наиболее заметно экономическое развитие и модернизация реализовывались в Леванте. Но и в других странах имели место европеизация политических институтов (включая нормы демократической процедуры), изменения в сфере культуры, быта, инфраструктуры и т. п. Что касается влияния исламской традиции, то она совершенно очевидно уступала свои позиции в более развитых из этих стран, хотя это и не был однозначный процесс: сложная || религиозная обстановка в Ливане и Палестине привела со временем, % как известно, не только к возрождению силы ислама, но и к превращению религиозной розни в один из главных элементов внутривосточной нестабильности на Ближнем Востоке.

Вариант *пятый* – Ливия и страны района Персидского залива с его нефтересурсами. Как правило, это едва ли не самые отсталые в прошлом страны арабо-исламского мира. Вмешательство колониализма здесь, кроме разве что Ливии, было ограничено политическими интригами и экономическими проектами, направленными на разработку ресурсов, организацию добычи и первичной обработки нефти. Как известно, именно нефть сказочно обогатила эти страны после их деколонизации. Экономика стран этой группы развивается ныне весьма ускоренными темпами, соответственно быстро идет и городское строительство, создание инфраструктуры (включая грандиозные проекты, связанные с опреснением воды и озеленением прежде безжизненных территорий Аравийской пустыни), современной системы образования, подготовки кадров и т. п. Но в том, что касается развития политических институтов, элементов гражданского общества и всего с этим связанного, в том числе и культуры повседневного труда (т. е. именно того, формирование чего требует длительных и напряженных усилий, немалого времени и постоянного воздействия со стороны внешних цивилизационных факторов), эти страны отстают. Характерно, что не собственными силами создают они и современную экономику и инфраструктуру: это делается руками многочисленных иммигрантов, стекающих сюда в поисках высоких заработков, живущих здесь, но, как правило, лишенных полных гражданских прав, которые являются привилегией лишь местных жителей. Что касается силы исламских традиций, то именно в этой группе стран она наибольшая из всех. Можно вспомнить об исламских теориях ливийского руководителя Каддафи, напомнить о роли ислама в современной Саудовской Аравии, в Кувейте, да и во всех остальных малых странах Персидского залива.

Наконец, еще один, *шестой* вариант – Афганистан. Уровень развития и сила ислама в этой стране сопоставимы с тем, что характерно для арабских стран пятого варианта. Но ни ресурсами, ни богатством с этими странами Афганистан сравниться не может. Зато по степени готовности отстаивать свою независимость, в том числе и с оружием в руках, Афганистан заметно выделяется даже на фоне весьма активных в этом плане мусульманских стран, не исключая и шиитского Ирана.

Вычлененные варианты свидетельствуют о богатстве конкретных путей развития исламских стран в период колониализма, о различиях в формах и степени сопротивления и приспособления исламской традиции к изменившимся обстоятельствам. Но при всех различиях можно подчеркнуть и нечто общее для стран современного ислама, включая Пакистан и Бангладеш, возникшие уже после деколонизации Востока и близкие по условиям и результатам развития к странам четвертого варианта. Это общее сводится к нескольким пунктам, вытекающим из вышеприведенной характеристики исламской традиции.

Прежде всего стоит напомнить, что, за исключением шиитского Ирана, исторические корни которого непосредственно восходят к глубокой и высококультурной древности (империя Ахеменидов), подавляющее большинство остальных народов и этнических общностей, которые

составляют основу в изучаемых странах (арабы, турки, афганцы; в меньшей степени это касается исламизированного населения Пакистана и Бангладеш), относятся к числу вышедших на историческую арену сравнительно поздно и потому в массе своей достаточно отсталых. Ислам жестко и искусно законсервировал эту отсталость, во всяком случае на уровне подавляющего большинства населения. А так как в странах ислама не существовало наследственных замкнутых сословий правящих верхов или близких к ним, то неудивительно, что высшие слои общества по уровню мало отличались от низов, а выделявшиеся на этом общем фоне образованные интеллектуалы ислама опять-таки в основном, за редкими исключениями, были знатоками только все того же ислама. Кроме того, приниженность и строгая консервативность, конформность исламского социума, состоявшего из мусульман, привычно ориентированных на удовлетворенность жесткой нормой, на фанатичную преданность идее, нетерпимость и покорность судьбе, гарантировали устойчивость традиции. На страже этой стабильности стояло и сильное государство.

Все перечисленные факторы действовали в одном направлении – в пользу сопротивления переменам, особенно навязанным извне, со стороны неверных. Нужно было немалое время и сочетание благоприятных для колониализма обстоятельств, чтобы сила упомянутых факторов была хоть сколько-нибудь нейтрализована. Вот для того, чтобы оценить наличие такого рода обстоятельств, их силу и вызванные ими процессы, и были вычленены разные варианты развития и приспособления исламских обществ. В конечном счете эти варианты, суммируя близкие из них и воспринимая их в качестве модификаций примерно одного типа развития, можно свести к двум основным моделям.

Первая из них – модель длительного взаимодействия колониального капитала и исламской традиции. Суть ее в том, что традиционная исламская структура в процессе интенсивного воздействия на нее извне вынуждена приспособляться, преодолевая естественный и столь свойственный ей мощный импульс сопротивления, отторжения всего чуждого. Сюда следует отнести близкие друг к другу первый и второй варианты (Египет и Турцию), большинство стран четвертого варианта (в первую очередь страны Магриба и Леванта), кроме разве что очень уж отсталого Йемена, а также Пакистан и Бангладеш, т. е. некоторые части Северной Индии времен колониализма. Для стран, причисляемых к первой модели развития, характерен длительный период внутренней, нередко насильственной либо, как в Турции и Леванте, вынужденной трансформации в направлении европеизации политических институтов и элементов культуры, модернизации экономики, к тому же при заметном участии в этом процессе этнически и цивилизационно чуждых компонентов.

Для всех них, включая и саму Турцию, долгое время бывшую центром империи и сюзереном по отношению к окружавшим ее арабским странам, характерно, что процесс внутренней трансформации под воздействием извне был тесно связан, даже взаимообусловлен ослаблением государства. И наоборот, по мере их деколонизации, обретения ими независимости и усиления степени централизации власти (как в Турции после крушения империи) параллельно с некоторым ослаблением импульса извне фиксируется если и не возрождение в полном объеме, то заметное усиление влияния исламской традиции, вплоть до появления влиятельных течений фундаменталистов. Существенно также заметить, что ослабление колониализма и усиление центральной власти в ставших независимыми после деколонизации исламских странах, о которых идет речь (включая Пакистан и Бангладеш), влекло за собой традиционное укрепление сферы государственной системы хозяйства, теперь уже в промышленной современной ее модификации, причем нередко за счет ослабления так и не набравшего силы в период колониализма местного частнопредпринимательского сектора. И все же, при всем том модель первая – это модель энергичной трансформации, европеизации и модернизации традиционных исламских стран.

Модель вторая – иная. К ней следует отнести те страны, где сила традиции и в период колониализма продолжала быть безусловно ведущим и определяющим фактором существования и развития соответствующих обществ. Суть ее в том, что традиционная исламская структура, как правило в ее наиболее примитивной форме, легко преодолевая все импульсы извне и как бы вообще не замечая, игнорируя их (бедуинам Аравии это было, например, очень несложно), воспроизводится в почти неизменном виде, независимо не только

от силы того или иного государства, но даже и от уровня жизни. К этой модели, тоже представленной рядом неодинаковых модификаций, следует отнести страны, развивавшиеся весьма различно, но в чем-то весьма сходные (Иран, Афганистан, богатые нефтью арабские страны). Сходство в том, что, независимо от богатства и связанного с ним уровня жизни, ультрасовременной инфраструктуры, эти страны целеустремленно продолжают культивировать свой образ жизни и все привычные нормы ислама, а иногда, как это имело место в шиитском Иране, не останавливаются и перед тем, чтобы осознанно вернуться к фундаментальным нормам и древним порядкам времен раннего, «чистого» ислама. Конечно, многое в странах, развивающихся по этой модели, неодинаково. Но для всех них, будь то Ливия или Ирак, Аравия или Иран, Кувейт или Афганистан, характерно именно однозначное стремление жить по традиционным нормам ислама, что, впрочем, не мешает тем из них, кто для этого достаточно богат, пользоваться услугами и вещами, предоставляемыми модернизацией, купленными – но не самими созданными! – за счет этого богатства.

Итак, перед нами две разные модели, в чем-то заметно противостоящие друг другу. Именно этими различиями, очень важными для понимания процесса трансформации исламских обществ, и отличается ситуация в странах третьего (исламского) блока стран, к которому по религиозному и некоторым иным признакам следует прибавить исламские страны севера Африки и севера Британской (в прошлом) Индии. И хотя обе модели демонстрируют незаурядную силу и консерватизм, способности к возрождению исламской традиции, все-таки различие между обеими моделями очень существенно. Первая соответствует общей норме, характерной для трансформации колоний в Африке, Индии, Юго-Восточной Азии, и сама причастна к колониальным и зависимым (в той или иной, но заметной степени) странам. Вторая – выпадает из этой нормы, вне зависимости от того, насколько те или иные страны испытали на себе воздействие колониализма. Конечно, можно найти причины, объясняющие, почему, скажем, в Иране, где влияние колонизаторов было весьма сильным и долгим, развитие пошло не так, как в странах, относимых к первой модели (можно говорить о силе отторжения шиитского ислама, о древних доисламских традициях и т. п.). Но факт остается фактом: Иран оказался в рамках другой модели, типичными обществами которой следует считать отсталые страны, почти не затронутые воздействием колониального капитала и в силу этого весьма воинственные, причем с ориентацией на привычную для ислама нетерпимость (Ливия, Афганистан) либо в любом случае высокомерно довольные собой и своей преданностью все тому же исламу.

Вторая модель в некотором смысле уникальна. Во многом сила ее – от нефтедолларов, придающих соответствующим странам прочность и уверенность, горделивое довольство собой. Но не только от этого. Второй исток силы – сам ислам, особенно в его наиболее простой и «чистой» модификации, хорошо усваиваемой отсталыми социумами и приобретающей поэтому огромную силу.

Блок четвертый Дальний Восток

Глава 13 Китай в середине XIX – середине XX в.

Первая опиумная война и открытие Китая для европейской колониальной экспансии означали вступление огромной многотысячелетней империи в новый этап ее существования, в период колониализма. К этому времени маньчжурская династия Цин уже пережила период своего расцвета и явно клонилась к упадку. Собственно, поражение цинского Китая в опиумной войне и было наглядным проявлением этого упадка, а навязанная стране система неравноправных договоров, предоставлявшая иностранному капиталу торговые, таможенные и иные экономические, политические и правовые льготы и привилегии, стала неким символом

нового этапа в ее истории. Многое теперь зависело от того, как традиционная структура столь мощной и обширной империи с ее тысячелетними исключительными по силе и значимости традициями будет реагировать на перемены в жизни страны. Реакция эта не могла быть слабой – слишком большие силы пришли в движение. Вопрос был лишь в том, какую форму примет ответ древней империи на вызов эпохи и символизировавшей ее чужеземной системы колониального капитала.

Крестьянская война тайпинов

Эта форма вначале оказалась традиционной для Китая, т. е. такой, в которой почти не была заметной антииностранный, антизападная линия недовольства. Даже напротив, чуждые традиционной структуре западные христианские идеи сыграли чуть ли не решающую роль в формировании той идейной доктрины, под знаменем которой многомиллионные массы китайского крестьянства выступили против царствующей династии и даже были близки к тому, чтобы одержать над ней верх. Как это могло случиться и как это понимать?

Кризис империи начался, как упоминалось, с увеличения ввоза в Китай опиума, результатом чего было как массовое отравление населения южных провинций страны, так и выкачка из нее серебра и связанный с этим резкий финансово-экономический дисбаланс (лянь, т. е. унция серебра, в 1830 г. соответствовал примерно 1000 медяковвэней, в начале 40-х годов – полутора тысячам, в 1848 г. – двум тысячам, а в начале 50-х годов – почти пяти тысячам). Обесценение медяков, в которых вели свои расчеты миллионы крестьянских семей, вело к росту налогов (ставки налога традиционно исчислялись в лянх) и массовому разорению земледельцев, что, в свою очередь, послужило причиной восстаний, вспыхивавших в Китае одно за другим, особенно на юге, в конце 40-х годов. Восстаниями руководили различные тайные общества, идейно-доктринальная основа которых при всем разнообразии восходила примерно к одинаковому набору лозунгов и требований, окрашенных чаще всего в религиозные, преимущественно даосско-буддийские цвета: восстановить социальную справедливость, покарать нерадивых чиновников, отнять излишки у богатых. На этом общем фоне в начале 50-х годов выделилось движение тайпинов.

Идея тайпин (великое равенство) восходит к рубежу нашей эры и в свое время вдохновила участников восстания «Желтых повязок» в Хань. Однако теперь она стала интерпретироваться несколько иначе. Идеолог движения тайпинов Хун Сю-цюань (1814–1864), неудавшийся претендент в конфуцианские сюцаи (он трижды терпел поражение на экзаменах на первую степень), в начале 40-х годов в Гуанчжоу (Кантоне), куда он ездил сдавать экзамены, сблизился с христианскими миссионерами и проникся их идеями. Из христианства Хун взял, во-первых, идею о высшем едином Боге, чьим пророком он вскоре стал себя воспринимать, а во-вторых, столь близкую китайской традиции идею о социальном равенстве и справедливости, которую он идентифицировал с принципом тайпин⁵⁰.

Хун основал новое «Общество поклонения Богу» с традиционной для китайцев внутренней сплоченностью, железной дисциплиной, полным повиновением младших и низших высшим и старшим. Он резко выступил против привычных для восставшего китайского крестьянства даосско-буддийских лозунгов и изображений, заменив их почитанием высшего христианского Бога, идентифицированного в какой-то мере с конфуцианским Небом, что, однако, на практике вполне сочеталось как с традиционным конфуцианским культом морального совершенства, самодисциплины, ритуального церемониала, так и со столь же традиционными даосско-буддийскими требованиями равенства в его наиболее примитивной уравнилельной форме. Эта смесь оказалась достаточно жизнеспособной для того, чтобы увлечь миллионы ставших тайпинами китайских крестьян. Войско тайпинов, хорошо организованное, разбитое на мелкие военно-религиозные ячейки с совместным строго регламентированным бытом (общность имущества и снабжение из общих складов, казарменные условия

⁵⁰ В китайской лексике знак «пин», как и многие другие иероглифы, полисемантический. Это символ мира, равенства, справедливости, благоденствия. Но прежде всего он символизирует именно социальное равенство.

существования), стало быстро одерживать победу за победой, занимать один южнокитайский город за другим. Сделав своей столицей Нанкин, тайпины вскоре оказались перед необходимостью организовать управление уже достаточно большим государством. Казарменный аскетизм был для этого недостаточен. Пришлось ориентироваться на традиционные китайские формы управления, вплоть до конфуцианских экзаменов на ученую степень. Естественно, это не могло не поколебать прежних устоев и принципов идеологии тайпинов.

Уже в середине 50-х годов движение тайпинов, как это не раз случалось в аналогичной ситуации с крестьянскими восстаниями в Китае, обрело очертания привычной для империи бюрократической структуры. Руководители движения получили княжеские титулы, обзавелись дворами и гаремами, стали ожесточенно соперничать между собой за власть. Тем временем события в Китае и явная неспособность маньчжурской династии справиться с восставшими начали всерьез беспокоить европейские державы, лишь недавно открывшие двери Китая для колониального капитала. Воспользовавшись незначительным инцидентом в качестве предлога, англичане осенью 1856 г. высадили войска в Гуанчжоу. Позже к ним присоединились французы. Гуанчжоу был захвачен, войска стали продвигаться к Шанхаю, затем (в мае 1858 г.) были высажены на севере, близ Пекина и Тяньцзиня. Цинские власти предпочли пойти на переговоры и новые уступки державам (Тяньцзиньский договор 1858 г.). Правда, вскоре после подписания договора чуть оправившиеся от испуга маньчжурские власти решили было частично изменить его условия, но новая серия вооруженных столкновений китайских войск с экспедиционным корпусом держав, завершившаяся поражением Китая и разгромом знаменитого комплекса летних императорских дворцов Юаньминьюань, разграбленных и сожженных колонизаторами, привела к подписанию в 1860 г. Пекинских соглашений. На сей раз последовали еще большие уступки державам – уже не только Англии и Франции, но и России.

Тем временем тайпины, некоторое время находившиеся в состоянии острого внутривосточного кризиса, как бы обрели свое второе дыхание. В 1859 г. в Нанкин прибыл один из близких родственников Хун Сю-цюаня – Хун Жэнь-гань, ряд лет проведенный в Гонконге в общении с христианскими миссионерами. Он принес с собой программу новых реформ, явственно несших отпечаток иноземного влияния. Суть преобразований сводилась к тому, чтобы содействовать частнособственническому предпринимательству, заимствуя при этом у Запада его опыт, достижения и даже некоторые институты. Но при этом следовало по-прежнему укреплять дисциплину, бороться с суевериями и всемерно укреплять власть государства. Впрочем, нововведения Хун Жэнь-ганя в том, что касается следования западному опыту, не могли быть реализованы. Более того, поладившие с цинским двором державы теперь, с начала 60-х годов, были заинтересованы в том, чтобы покончить с тайпинами (по букве новых договоров с Китаем после разгрома тайпинов они приобретали некоторые привилегии в районе бассейна Янцзы, оплота государства восставших).

Это привело к тому, что державы, с одной стороны, стали вооружать маньчжурское войско, а с другой – сами решили вмешаться в ход военных действий. Была создана бригада во главе с англичанином Уордом (после его смерти ею командовал Гордон), которая нанесла тайпинам ряд существенных поражений. Активизировали военные действия и добились некоторых успехов и цинские армии. Началась блокада Нанкина. И хотя отдельные группировки войск тайпинов (в частности, армии Ши Да-кая) время от времени еще достигали успехов, участь восстания в целом была уже решена. В 1864 г. Нанкин был взят штурмом, Хун Сю-цюань покончил с собой, Хун Жэнь-гань был взят в плен и казнен. Вскоре и оставшиеся войска тайпинов прекратили сопротивление. С последней в истории императорского Китая великой крестьянской войной было покончено. Восставшие потерпели поражение.

Феномен тайпинского восстания поучителен во многих отношениях. Но для нашего анализа важнее всего обратить внимание на его общую политико-идеологическую направленность. Это не была антизападная, антиколониальная акция, не было сопротивление традиционной структуре нежелательным нововведениям. Дело в том, что нововведения как таковые еще не успели сказаться и повлиять на структуру, вызвать с ее стороны сопротивление. А то, что уже успело проявить себя (ввоз опиума, утечка серебра и финансово-экономический

кризис), было лишь привычными в истории империи сигналами, свидетельствовавшими о нарушении приемлемой жизненной нормы и о необходимости противостоять такого рода нарушениям. К этому китайская традиционная структура привыкла, на этот случай существовали веками отработанные нормы социально-политической реакции. Именно так и следует расценивать крестьянские движения 40-х годов, приведшие в итоге к восстанию тайпинов. Целью тайпинов, как это явствует из их лозунгов и практики, было стремление восстановить нарушенную норму, добиться социальной справедливости (такой была цель всех китайских, да и не только китайских крестьянских движений). Средством для достижения цели были опять-таки привычные для традиционного Китая формы, сводившиеся к созданию нового государства, организованного по обычной для Китая модели (альтернативы просто не было), но более непримиримого к отклонениям, наносящим вред стране и народу. Непривычным было идейное наполнение политических программ.

Речь идет как о христианстве, так и о программе реформ Хун Жэнь-ганя с ее попытками провозгласить курс на поддержку частнопредпринимательской деятельности. То и другое оказало сравнительно слабое воздействие на ход и идейное содержание движения тайпинов. Для реализации курса на частное предпринимательство просто не было условий. Что же касается христианских идей, то ориентация на них в политике свелась по сути лишь к борьбе с привычными даосско-буддийскими суевериями (не вполне ясно, дала ли эта борьба желаемые результаты, что сомнительно). В остальном от христианства мало что осталось. Судя по всему, идея Бога была поглощена привычным представлением о конфуцианском Небе, а сакральность пророка Хуна слилась в представлении масс с обычной для них сакральностью верховного правителя, сына Неба. Поэтому вернее вести речь не столько о роли западной религии и западных влияний в идеологии тайпинов, сколько о самом факте, самом феномене. Суть и смысл этого феномена в том, что Запад и его идейный символ – христианство в середине прошлого века, на заре колониальной экспансии в Китае, не воспринимались как нечто чуждое, угрожающее, одиозное. Это было что-то новое, необычное и даже в чем-то близкое своему, привычному – именно эти близкие к китайской традиции моменты и были заимствованы из христианства Хун Сю-цюанем.

Иными словами, тайпинское восстание не было в полном смысле реакцией традиционной китайской структуры на колониализм. Оно было реакцией на кризис, хотя сам кризис был спровоцирован колониализмом. Что же касается христианства, то о католической его версии, связанной с пребыванием в Китае в XVI–XVII вв. иезуитов, страна уже успела забыть за долгие века ее изоляции от европейцев. Протестантская же версия, с которой и познакомился Хун после открытия Китая для колониальной экспансии, еще не успела стать символом чуждого влияния. Просто то, что было в этом учении созвучным с традицией, оказалось воспринятым идеологами тайпинов.

Поражение тайпинов сняло проблему влияния христианских идей среди крестьян, но поставило немало новых вопросов, важных для страны. Первым из них был вопрос о формах существования Китая в новых условиях. Условия эти характеризовались, с одной стороны, слабостью династии, с трудом восстанавливавшей свои силы после изнурительной войны с тайпинами и энергичного натиска колониальных держав; с другой – проникновением в страну иностранного капитала и связанным с этим постепенным крушением традиционной структуры, неизбежной и мучительной переоценкой ценностей под воздействием европеизации. Найти выход из сложившейся ситуации оказалось для Китая делом весьма нелегким. Решение проблемы затянулось более, чем на столетие. Но его основные принципы начали отчетливо вырисовываться сразу же после тайпинского восстания. Они сводились к тому же, что было характерно для всего Востока: к сопротивлению и приспособлению. Впрочем, в Китае и то, и другое приняло, естественно, свои, китайские, обусловленные тысячелетней традицией формы.

Политика самоусиления и попытки реформ

Продемонстрированная в годы опиумных войн и тайпинского восстания слабость цинской империи и энергичное укрепление в Китае колониального капитала вызвали к жизни естественную реакцию самосохранения. Проявлением ее стала политика самоусиления, ставшая

генеральной линией империи в последней трети прошлого века. Поставленные перед очевидным фактом, правители империи, начиная от всесильной императрицы Цыси и ее ближайших помощников типа Ли Хун-чжана и кончая чиновниками на местах, вынуждены были признать превосходство европейского оружия и западной техники. Стремление заимствовать все это и поставить на службу Китаю и явилось основой политики самоусиления. Иными словами, дело модернизации страны руководители цинского Китая решили взять в свои руки, оставив за колониальными державами лишь право на торговые операции и финансирование промышленного и иного строительства. Конечно, колониальный капитал тоже быстро укреплял свои позиции в Китае в конце прошлого века, создавая там свои предприятия и расширяя внешнеторговый оборот, но все же основной рост промышленного потенциала и всей инфраструктуры шел преимущественно за счет централизованных усилий китайского государства.

Здесь надлежит сделать существенную оговорку. Речь идет не о хорошо продуманной и официально принятой на высочайшем уровне новой экономической политике. Как раз напротив, верхи империи во главе с Цыси были сравнительно мало озабочены проблемами самоусиления, да и не были готовы для этого. Другое дело – влиятельнейшие деятели империи, фактически державшие в своих руках власть над теми или иными регионами страны и имевшие в своем распоряжении сильные армии и огромные средства. Существовая как бы сами по себе, они в то же время не только не были в оппозиции к центру, но практически действовали; от его имени, будучи облечены высокими полномочиями, сохраняя за собой высшие официальные посты. Регионализация Китая по этому принципу не была чем-то новым. Напротив, по меньшей мере с конца Хань это было нормой в тех условиях, когда центральная власть оказывалась не в состоянии сохранить свои позиции либо справиться с крестьянским восстанием. В этих случаях инициативу и брали на себя сильные дома, создававшие собственные армии, вступавшие в борьбу с повстанцами и затем вершившие делами империи. Так было в конце Хань. Нечто похожее стало реальностью и после подавления восстания тайпинов.

Внесшие весомый вклад в это дело высшие сановники империи Ли Хун-чжан, Цзэн Го-фань, Цзо Цзун-тан и некоторые другие уже с начала 60-х годов стали на путь энергичного строительства в своих регионах арсеналов, верфей, механических предприятий с тем, чтобы перевооружить собственные армии и тем усилить вооруженную мощь империи. Частично эта деятельность финансировалась за счет казны, отчасти – за счет поборов с имущих слоев того региона, который находился под контролем данного сановника, в немалой степени – за счет награбленного в ходе войны с тайпинами. Компании, строившие арсеналы и заводы, верфи и шахты, не останавливались и перед тем, чтобы привлечь частный капитал – средства купцов, шэньпи, земледельцев. Но вносящие его собственники, как правило, не имели голоса при решении проблем, связанных с производством и финансами компании; в лучшем случае они регулярно получали свою долю дохода в виде процентов на вложенный капитал. Практически это означало, что заимствованный у иностранцев принцип капиталистического производства в китайской реалии конца прошлого века обрел форму государственного капитализма. Теоретически это было обосновано в классическом тезисе самоусиления: «Китайская наука – основа, западная – (нечто) прикладное». Смысл его состоит в том, что китайская конфуцианская основа во всех отношениях не ставится под сомнение, тогда как все заимствованное с Запада перенимается для того, чтобы дополнить основу. К этому стоит добавить, что в Китае стали появляться многочисленные сочинения, разрабатывавшие этот постулат в том смысле, что вообще-то все великие изобретения и достижения Запада не что иное, как результат заимствованных в свое время из Китая идей, так что нет ничего удивительного в том, что теперь все эти несколько видоизмененные идеи китайцы вправе взять на вооружение.

Рост иностранной торговли в Китае вел к накоплению в стране немалых средств за счет таможенных сборов. Эти средства, как и иностранные займы, тоже шли на форсирование политики самоусиления, в первую очередь на создание индустрии вооружения. Впрочем, немалая доля их прилипла к рукам гигантского аппарата власти, вплоть до императрицы, которая предпочитала строить дворцы на деньги, предназначавшиеся для перевооружения армии. Регионализация страны и продажность аппарата власти сильно ослабляли империю и во

многим нейтрализовывали возможные успехи политики самоусиления. Протекционизм и коррупция вели к назначению на важные посты бездарных протеже высших сановников – и это тоже делало свое дело. Отсюда – недостаточная эффективность политики самоусиления, что стало очевидным при первых же серьезных испытаниях, какими явились война Китая с Францией за Индокитай в 1884–1885 гг. и японо-китайская война 1894–1895 гг. Обе войны, в ходе которых империя столкнулась с хорошо вооруженными и умело руководимыми армиями, привели Китай к поражению и немалым потерям: Вьетнам, а затем Корея и Тайвань перестали быть вассальными по отношению к Китаю территориями, частями империи. Это был уже крах политики самоусиления, оказавшейся несостоятельной.

Военные поражения и крушение политики самоусиления логически привели к очередному натиску на Китай колониальных держав, усиливавших свои экономические и политические позиции в дряхлеющей империи. Основной финансово-экономической силой в Китае стали иностранные банки; в ходе так называемой битвы за концессии державы получили в свои руки контроль над быстроразвивающимся железнодорожным строительством; немалые деньги иностранный капитал вложил также в судоходство, хлопчатобумажную и некоторые иные отрасли промышленности. Правда, параллельно с этим продолжалось и создание казенных предприятий – горнорудных, металлургических, текстильных. Но все они, как правило, были экономически неэффективными, технически отсталыми.

Первые шаги в конце века начала делать и китайская национальная частная промышленность, хотя частные фабрики и иные предприятия были еще, как правило, мелкими и экономически слабыми. В целом капиталистическое развитие Китая наращивало свои темпы, но формы его были типичными для традиционных восточных структур: преобладали предприятия иностранного капитала и казенные, государственные. Для развития национального капитала в стране еще не были созданы необходимые условия, в частности правовые, экономические. И это несоответствие вполне ощущалось в конце XIX в. Передовые умы Китая, уже немало заимствовавшие из европейского опыта и многое узнавшие о Западе, все более настойчиво пропагандировали необходимость серьезных внутренних реформ, которые были бы способны освободить страну от сковывавших ее оков традиционной структуры и открыть двери для активных преобразований.

Движение за реформы связано прежде всего с именем выдающегося китайского мыслителя Кан Ю-вэя (1858–1927), пытавшегося сочетать блестящее традиционное конфуцианское образование с глубоким анализом современной ему эпохи. В своем знаменитом сочинении «Датун шу» Кан Ю-вэй на базе древних китайских учений о социальной справедливости, а также заимствованных им у европейских философов утопических доктрин пытался создать генеральную теорию всеобщего благоденствия в условиях столь привычного для Китая отсутствия частной собственности и умело организованного общественного хозяйства. В этой теории было немало и от тех эгалитарных устремлений, которыми вдохновлялись восставшие китайские крестьяне со времен ханьских «Желтых повязок» до тайпинов. Но заслугой Кана было то, что он не ограничился теоретическими утопиями, а весьма ревностно взялся за практические дела, обличая в своих меморандумах трону царящие в стране произвол, коррупцию, выступая в защиту угнетенного народа. Конечно, и это все не было новым в истории Китая: еще сравнительно недавно, несколько веков назад, минские конфуцианцы столь же страстно обличали пороки временщиков и звали к восстановлению утраченных конфуцианских порядков. Но Кан не стал повторять их призывы. В отличие от своих предшественников, тоже выступавших за реформы, он призвал к преобразованиям, направленным на изменение всей системы государственного устройства. Опираясь на авторитет Конфуция, Кан Ю-вэй потребовал введения в стране конституционной монархии на парламентской основе, демократизации, активного заимствования западных стандартов, включая введение новых законов, поддержку частного предпринимательства, решительных преобразований в сфере экономики, администрации, просвещения и культуры и т. п.

Меморандумы Кан Ю-вэя и его сторонников с середины 90-х годов приобрели достаточно широкую поддержку. В 1895 г. была создана «Ассоциация усиления государства», члены которой выступали за реформы. С сочувствием отнесся к предложениям Кан Ю-вэя и молодой

император Гуансюй⁵¹. По всей стране стали возникать организации Ассоциации, издаваться газеты и журналы, в которых пропагандировались идеи реформаторов. Борьба за реформы вспыхнула с особой силой после знаменитого инцидента 1898 г., когда в ответ на убийство двух немецких миссионеров Германия оккупировала район бухты Цзяочжоу с городом Циндао на полуострове Шаньдун, а вслед за ней изрядные куски китайской территории захватили Англия (Коулун), Франция (побережье Гуанчжоувань) и Россия (Порт-Артур и Дальний).

Эти захваты, означавшие по сути переход к разделу Китая колониальными державами, были весьма болезненным сигналом для империи и не могли не вызвать в стране взрыв негодования. Сторонники реформ стали создавать «Союзы защиты государства», а летом того же 1898 г. Гуансюй решился на проведение реформ. Кан Ю-вэй и его сторонники (наиболее известны из них Лян Ци-чао, Тань Сы-тун) разработали обстоятельную программу, включавшую содействие развитию промышленности, отмену ряда старых и введение новых административных институтов, открытие новых школ и вузов, издание книг и журналов, реорганизацию армии, поощрение современной науки и т. д. Однако как реформаторы, так и сам Гуансюй имели мало реальной власти для того, чтобы осуществить эту программу. Высшие должности в стране занимали их открытые противники, явно саботировавшие нововведения. А за спиной оппозиции и самого Гуансюя стояла выжидавшая развития событий всемогущая Цыси. Было очевидно, что без решительных акций успеха реформаторам не добиться.

Наиболее радикальные из лидеров реформаторов предложили Гуансюю убрать Цыси и ее сторонников. Переворот был намечен на октябрь 1898 г., когда должны были состояться большие маневры войск. Однако привлеченный реформаторами для осуществления этого плана генерал Юань Ши-кай выдал их планы, после чего Цыси, опередив события, приказала арестовать Гуансюя и вождей реформаторов. Тань Сы-тун и многие другие реформаторы были казнены. Гуансюй лишился трона. Кан Ю-вэй и Лян Ци-чао, которым удалось бежать, опираясь на помощь Англии и Японии, сумели спастись, но дело их оказалось проигранным. Сто дней реформ не дали результата, породили мощную ответную волну репрессий, вызвавших сочувственную поддержку со стороны масс китайского населения. Китай увидел в попытке реформ козни иностранцев. После казни группы реформаторов Пекине начались открытые антииностранные выступления, для подавления которых были вызваны войска охраны. В то же время цинские власти во главе с Цыси не спешили с наведением порядка, опять-таки выжидая, как пойдут события дальше.

Восстание ихэтуаней

Взрыв ненависти по отношению к иностранцам подспудно вызревал уже давно. Недовольство «заморскими дьяволами», «иностранными варварами» становилось весьма широким, причем проявлялось оно прежде всего на местном уровне, главным образом в антимиссионерских выступлениях. Миссионеры активно действовали в Китае; именно они прежде всего контактировали с китайским крестьянством. Естественно, что они первыми испытали на себе мощь традиционной структуры и силу сопротивления Китая всему чуждому, что как раз и олицетворяли в конце XIX в. миссионеры. С лета 1898 г. и особенно после провала реформ антимиссионерское движение все нарастало и в ряде мест начинало принимать организованные формы. Под лозунгом «Поддержим Цин, уничтожим иностранцев!» повстанцы в различных провинциях страны разрушали христианские церкви и дома миссионеров, преследовали принявших христианство китайцев (их было весьма немного), а заодно громили лавки иностранных торговцев, помещения иностранных консульств в торговых центрах. Открытая поддержка державами курса на реформы расставила все на свои места. Страна после ста дней реформ оказалась накануне мощного народного взрыва, взрыва ярости, направленного

⁵¹ После смерти императора Гунчжи его мать Цыси, исполнявшая функции регента, возвела на престол Гуансюя, приходившегося ей племянником. Поскольку это было сделано в нарушение принятой в стране традиции престолонаследия, позиции Гуансюя на троне были достаточно слабыми, что и сыграло немалую роль в стремлении молодого императора обрести политическую опору и вырваться из-под тиранической опеки Цыси.

против хозяйничавших в стране иностранцев, против вторгшегося в Китай колониального капитала, против всех тех новых порядков, которые противостояли старому, привычному, нормативному, опиравшемуся на мощные пласты тысячелетий, на окрашенный в конфуцианские и даосскр-буддийские тона цивилизационный фундамент.

Ощущая поддержку населения, правительство Китая в конце 1898 г. встало на более жесткие позиции по отношению к иностранцам, отказывая им в просьбах о концессиях либо аренде территорий. Обстановка в Пекине становилась все более накаленной. Иностранцы ввели в город вооруженные отряды для своей охраны. В Пекине и по всей стране распространились слухи о предстоящей расправе с иностранцами, а также листовки, в которых высмеивались европейцы, особенно миссионеры. Возглавило антииностранное движение общество «Ихэтуань» («Отряды справедливости и мира»), доктринальная основа которого восходила к даосско-буддийским верованиям, суевериям, традиционным приемам китайской гимнастики и кулачного боя (за что восставшие позже получили в европейской прессе наименование «боксеров»), не говоря уже о ритуалах, амулетах, заклинаниях и т. п.

Выступления ихэтуаней начались в провинции Шаньдун еще в 1898 г. и были направлены против немецких миссионеров, солдат и специалистов, намечавших трассу железной дороги. Местные власти пытались навести порядок, но движение, несмотря на это, все ширилось. В 1899–1900 гг. оно переместилось в столичную провинцию Чжили. Многочисленные отряды расположились близ Пекина и Тяньцзиня. Обеспокоенные иностранные дипломаты настаивали на принятии решительных мер против повстанцев, но цинское правительство не спешило с этим. Обстановка тем временем становилась все более угрожающей. В конце мая 1900 г. на совещании посланников держав было принято решение направить в Пекин дополнительный контингент войск для охраны миссий. Кроме того, в адрес цинского правительства были направлены заявления угрожающего характера, которые 17 июня были подкреплены захватом крепости Дагу близ Тяньцзиня сводным отрядом иностранных войск, что фактически означало объявление войны.

Цыси колебалась, не зная, что предпринять. Большинство ее советников склонялось к поддержке ихэтуаней и использованию подходящего момента для того, чтобы дать отпор державам. Именно эта точка зрения и возобладала. Императрица открыла ворота Пекина перед ихэтуанями, а также ввела в город регулярную армию, солдаты которой тоже были резко настроены против иностранцев. 11 июня в Пекине солдаты убили на улице советника японского посольства Сугияму, 20 июня – немецкого посланника Кеттелера. Это означало объявление войны, что и было официально подтверждено императорским указом от 21 июня (в ответ на ультиматум держав от 19 июня). Указ официально санкционировал восстание ихэтуаней, хотя и стремился поставить их действия под контроль властей.

Следует заметить, что и после официального объявления военных действий цинское правительство продолжало колебаться и стремилось сохранить за собой пути к отступлению. В принципе это можно понять: несмотря на официальную защиту ихэтуаней, власти отчетливо сознавали, что они имеют дело с неуправляемой стихией, которой следовало опасаться. И хотя стихия пока что шла в русле лозунга «Защитим Цин, уничтожим иностранцев», ручаться за будущее не представлялось возможным. Державы же реагировали на ситуацию бурно и действовали весьма активно. В короткий срок была создана 20-тысячная союзная армия восьми держав, 3 августа она выступила на Пекин. Хорошо вооруженные дисциплинированные войска интервентов легко одолели сопротивление повстанцев и 14 августа заняли столицу. Бежавшая в Сиань Цыси, быстро оценив обстановку, взвалила всю вину за поражение на ихэтуаней. Указ от 7 сентября обвинил именно их в создавшемся положении, после чего цинские войска выступили против ихэтуаней. Восстание было подавлено, потоплено в крови, а год спустя, 7 сентября 1901 г. Ли Хун-чжан от имени цинского правительства подписал с державами так называемый Заключительный протокол, по условиям которого Китай извинялся за причиненный державам ущерб, обеспечивал им ряд новых льгот и привилегий и к тому же обязывался выплатить в качестве контрибуции 450 млн. лян серебра.

Восстание ихэтуаней было, по сути, последней вспышкой агонии старого Китая. Оно не было обычным крестьянским движением, ибо острие его не было направлено – как то было во времена тайпинов – на защиту социальной справедливости, против произвола властей, за

восстановление желанной нормы. Это было отчаянное выступление рушащейся старой традиционной структуры в свою защиту, за сохранение привычной нормы, против вмешательства чужаков, против колониализма. Именно поэтому и стал возможным пусть временный, но все же союз восставших с властями – тех и других объединяли общие интересы. Почему же их союз не привел к победе?

Традиционный Китай оказался слаб не потому, что восставшие были плохо вооружены, хотя это сыграло свою роль. Слабость его определялась совокупностью многих причин и не в последнюю очередь тем, что империя находилась на нисходящем витке своего цикла, что внутренняя коррупция и произвол в стране достигли предела, что уже не было единого стержня, единой политики, вокруг которой могли бы сплотиться все. Страну раздирали противоречия, верхи боялись низов и не доверяли им, а низы, в свою очередь, презирали верхи за разложение и приспособленчество, за их готовность сотрудничать с колонизаторами. Конечно, подобные ситуации не раз бывали в истории Китая на аналогичном витке циклического династийного развития империи. И они, как о том говорилось, – решались за счет мощных народных движений либо внешних вторжений, игравших очистительную роль, восстанавливавших порушенную злоупотреблениями норму. Собственно, тайпинское восстание и было такого рода движением, но оно не преуспело, причем в значительной мере из-за вмешательства тех же держав. Восстание ихэтуаней было иным по духу, по направленности, что и естественно: в этот момент главным, что угрожало привычной норме, было вмешательство чуждых привычной норме сил – не просто иностранцев, которые со временем могли бы китаизироваться, как то случилось с теми же маньчжурами, но структурно иных сил, грозивших всей системе как таковой. Как знать, при ином стечении обстоятельств события, быть может, могли бы повернуться иначе. Но в самом начале XX в. Китай был еще не готов к организованному сопротивлению. Оно началось стихийно, запуталось в противоречиях и не имело времени для стабилизации. Все это и предопределило сравнительно легкую победу небольшого войска держав над беспомощным одряхлевшим гигантом. И победу эту не следует считать неожиданной: она была логичной в ряду других поражений Китая, например в войнах с Францией и Японией.

Вслед за победой держав Цыси предприняла, теперь уже от своего имени, вторую попытку реформ. Целью ее «новой политики» было стремление как-то приспособиться к изменившимся обстоятельствам, модернизировать экономику страны, аппарат административного управления. Были проведены реформы армии, судопроизводства, создано министерство по делам торговли. В 1905 г. была отменена система государственных экзаменов, альтернативой которой стала сеть начальных, средних и высших учебных заведений. В Китай вернулись бежавшие из него несколько лет назад реформаторы; причем основное знамя преобразований поднял теперь Лян Ци-чао, призвавший страну к осознанию чувства национальной общности, к пробуждению в народе гражданских чувств. И эти призывы находили свой отклик. Китай стремительно радикализировался. Образованная молодежь, немалая часть которой получала образование за границей, прежде всего в быстро развивавшейся Японии, была настроена весьма патриотично, ее буквально переполняли гражданские чувства, звавшие на борьбу за возрождение родины, за ее будущее. Страна была накануне новых важных событий.

Сунь Ят-сен и Синьхайская революция

Южные районы Китая, где ранее всего закрепились колонизаторы и были созданы наиболее благоприятные условия для модернизации и европеизации, включая миссионерские школы и колледжи, постепенно становились центром формирования радикально настроенной молодежи, будущих китайских революционеров. Одним из наиболее известных среди них был Сунь Ят-сен (1866–1925), учившийся в молодости в Гонолулу, где проживал его брат-эмигрант, а затем получивший образование в миссионерских школах и медицинском колледже Гуанчжоу и Гонконга. Хорошо образованный, широко эрудированный, повидавший мир, Сунь Ят-сен, как и в свое время Кан Ю-вэй, попытался соединить в своем лице и своем учении традиции классического Китая и необходимые нововведения, заимствованные с Запада. Созданный им

еще на Гавайях и затем воссозданный в Гуанчжоу «Союз возрождения Китая» в конце XIX в. объединял в своих рядах сотни членов; он ставил своей целью свержение цинской династии, создание в стране демократического правительства и проведение в Китае радикальных реформ. Попытки сблизиться с реформаторами встретили непонимание со стороны Кан Ю-вэя и только после поражения и бегства реформаторов, уже в Японии, в эмиграции (Сунь Ят-сен был вынужден эмигрировать после неудавшейся попытки восстания в 1895 г.), эти попытки дали некоторые результаты (соглашение Сунь Ят-сена с Лян Ци-чао), но ненадолго. Вскоре пути реформаторов и возглавляемых Сунь Ят-сеном революционеров окончательно разошлись.

Еще одна попытка поднять восстание – в разгар движения ихэтуайей, в 1900 г., – снова потерпела поражение. Но после разгрома восстания ийэтуаней и второй попытки реформ ситуация в стране, как упоминалось, стала изменяться. В Китае и вокруг него, в центрах эмиграции китайских студентов и иных лиц, начали один за другим возникать союзы и организации, ставившие своей целью радикальные перемены в стране. Организации издавали газеты и журналы, в которых излагались программы их действий, печатались лозунги и призывы, порой также серьезные аналитические статьи. В 1902–1903 гг. Сунь оживил деятельность своего союза и создал ряд его новых филиалов. Именно к этому времени относится и окончательное формирование основ его доктрины – знаменитых «трех принципов»: национализм (свержение династии маньчжуров), народовластие (республиканско-демократический строй) и народное благоденствие. Вслед за тем Сунь Ят-сен посетил ряд стран и провел большую работу по сплочению единомышленников, прежде всего среди активных эмигрантов. В 1905 г. он созвал в Японии учредительный съезд членов разных организаций, создавший «Объединенный союз» (Тунмэнхуэй). Став во главе союза и начав издавать журнал «Миньбао», Сунь Ят-сен приступил к пропаганде своих идей (трех принципов) и программных документов организации, включая проекты конституционного устройства будущего Китая (в значительной степени по европейской модели) и ликвидации социального неравенства.

Призывы к конституционным реформам не миновали и ушей пинского правительства, которое сочло за благо опередить события и, в свою очередь, поставить вопрос о конституционной монархии с парламентарной системой. Обещания на этот счет, вначале смутные, были затем, под нажимом со стороны реформаторов и под влиянием мощной – в духе классической конфуцианской нормы – петиционной кампании 1907–1908 гг., выражены в форме проекта, предлагавшего созвать парламент и ввести в действие еще не разработанную конституцию в 1916 г. Этот проект мало кого устроил, а смерть всесильной Цыси в 1908 г. резко ускорила ход событий. Спор теперь в открытую шел о том, вести дело к революции или нет: реформаторы считали, что революционный взрыв спровоцирует державы и приведет к разделу Китая; революционеры же полагали, что революция как раз спасет Китай от гибели и сплотит его народ.

Тунмэнхуэй взял курс на подготовку вооруженного восстания, рассчитывая при этом на поддержку многочисленных в Китае тайных обществ, издавна в кризисное время поставлявших многочисленные отряды восставших. Расчет был достаточно верен: кризисные явления в стране все сильнее давали о себе знать и крестьяне то здесь, то там брались за оружие. В ответ на это цинские власти попытались было проводить более жесткую политику. Был, в частности, снят с должности и уволен сделавший карьеру после предательства 1898 г., но продолжавший считаться достаточно либеральным генерал Юань Шикай, пользовавшийся поддержкой держав. Жесткая политика вызвала еще большее недовольство и привела к новой волне массовых выступлений. Началось также брожение в войсках, где активно действовали агитаторы Тунмэнхуэя.

Словом, в стране назревал революционный взрыв. В январе 1911 г. в Гонконге был создан штаб восстания во главе с помощником Сунь Ят-сена Хуан Сином. И хотя попытка поднять восстание в апреле 1911 г. в Гуанчжоу потерпела провал, а Хуан Син едва спасся, революция была уже неотвратима. Попытки предотвратить ее путем предоставления взбудораженной общественности новых уступок, в частности, в форме провинциальных Совецательных комитетов с ограниченными полномочиями (1908–1909), в виде формирования нового – по европейскому образцу – кабинета министров (май 1911 г.), уже не могли помочь. Восстание 10

октября 1911 г. в Учане привело к свержению императорской власти. Маньчжурская династия рухнула, как карточный домик. Власть в стране оказалась у руководителей на местах. На севере страны она постепенно стала консолидироваться в руках Юань Ши-кай, ставшего в ноябре премьер-министром и объявившего о созыве всекитайского парламента. 12 февраля 1912 г., в день «синь-хай» по китайскому календарю, монархия была официально упразднена. На юге страны вернувшийся в Китай Сунь Ят-сен был избран временным президентом Китайской республики со столицей в Нанкине, но после низвержения монархии и во имя единства страны он согласился отказаться от поста президента в пользу Юань Ши-кай. Премьером при Юань Ши-кае был назначен по условиям соглашения с революционным югом член Тунмэнхуэя Тан Шао-и.

В апреле 1912 г. в Пекине из членов Нанкинского собрания и депутатов от провинций был создан временный парламент. Но добиться создания ответственного перед ним правительства этот парламент так и не сумел. Больше того, бэйянские (представители северной группы армий) генералы принудили депутатов парламента проголосовать за министров, избранных Юань Ши-каем. Становилось очевидным, что Юань Ши-кай предпочитал править без санкции парламента и вел дело к созданию сильной центральной власти, даже диктатуры. Сунь Ят-сен, вначале было смирившийся с этим, осенью приступил к созданию на основе Тунмэнхуэя новой политической партии Гоминьдан, что было необходимо в связи с намечавшимися на конец 1912 – начало 1913 г. выборами в постоянный парламент. Но Юань Ши-кай, игнорируя созванный в апреле 1913 г. парламент, начал готовиться к борьбе с Гоминьданом, к вооруженному походу на революционный республиканский юг страны. Гоминьдановцы, составлявшие в парламенте большинство, мешали ему, и в ноябре 1913 г. он распустил парламент, а в начале 1914 г. также провинциальные и местные демократические учреждения. В марте того же года он открыто выступил против суньятсеновской временной конституции, принятой в Нанкине в 1912 г., а 1 мая 1914 г. опубликовал проект новой конституции, согласно которому президенту предоставлялись почти неограниченные права, а также восстанавливались многие должности, звания и титулы только что свергнутой монархии. В декабре 1914 г. облаченный в императорские регалии президент совершил торжественный обряд в храме Неба, что должно было символизировать верность имперским порядкам.

В январе 1915 г. Япония овладела захваченными Германией в 1898 г. территориями в Шаньдуне и, укрепившись на китайской земле, предъявила Китаю 21 требование, суть которых сводилась к превращению Китая в зависимое от нее государство. Поторговавшись, Юань Ши-кай вынужден был принять значительную часть этих требований, что заметно усилило позиции Японии в Китае. Стремясь сыграть на этом, Юань Ши-кай сетовал на слабость власти в новом Китае, а усиление ее он видел в отказе от республиканского строя, в возвращении к монархии. Выдав свою дочь замуж за последнего китайского императора Пу И, он уже готовился к тому, чтобы провозгласить себя новым императором Китая. Но кампания за восстановление монархии вызвала сильное сопротивление в стране. Вновь заявил о себе регионализм: генералы, бывшие хозяевами в той или иной провинции, не хотели подчиняться центру. Юань Ши-кай вынужден был отказаться от своих планов восстановления монархии и вскоре после этого летом 1916 г. умер.

Смерть Юань Ши-кай сняла на время проблему восстановления монархии в Китае (в 1917 г. к ней попытался было вновь вернуться преемник Юаня Дуань Ци-жуй, планировавший посадить на трон Пу И, но его замысел потерпел неудачу), а главным следствием этого было ослабление власти в Пекине и постепенный переход ее, как упоминалось, к местным генералам-милитаристам. Как то не раз бывало в кризисные периоды в истории Китая в прошлом, на первый план в политической жизни страны вновь и надолго вышли военные. Парламент разгоняли и собирали вновь то в Пекине, то в Нанкине, но роль его была уже второстепенной: он мог лишь санкционировать свершавшиеся помимо его воли события, будь то назначение того или иного президента, изменение или восстановление конституции. В аналогичном положении находился и лидер китайской революции Сунь Ят-сен: то его избирали президентом, то он вновь терял этот пост, причем практически все зависело от воли милитаристов, обладавших реальной властью в том или ином регионе на юге страны. На севере на протяжении ряда лет президентом был Дуань Ци-жуй, опиравшийся на военную клику

Аньфу, с которой соперничала чжилийская клика во главе с У Пэй-фу. Именно Дуань Ци-жуй настоял на том, чтобы в 1917 г. Китай официально объявил войну Германии.

Гоминьдан и борьба за единый независимый Китай

Версальский мирный договор, санкционировавший право Японии на германские владения в Шаньдуне, вызвал бурю возмущения в Китае, где надеялись на иные итоги войны, в которой и Китай принял некоторое участие, послав в Европу на тыловые работы своих кули. Возмущение вылилось в так называемое движение «четвертого мая» – в этот день в 1919 г. студенты вышли на демонстрацию протеста с требованием аннулировать уступки Японии (ее «21 требование»). Выступление пекинских студентов было поддержано широкими слоями китайской молодежи и интеллигенции и сопровождалось движением за «новую культуру», результатом которого было введение в политическую публицистику, а затем и в литературу нового письменного языка байхуа, соответствовавшего разговорному. Это была подлинная культурная и литературная революция, позволившая приобщить к грамотности и облегчить образование для многих миллионов китайцев. Движение выдвинуло в гущу революционной борьбы новый мощный отряд китайской молодежи, немалая часть которой затем влилась в ряды суньятсеновской партии и оформившейся в 1921 г. Коммунистической партии Китая (КПК). Движение 4 мая способствовало также консолидации молодого китайского рабочего класса, что нашло проявление в его первых организованных выступлениях, в забастовках. Словом, это стало началом нового этапа в революционном процессе Китая, причем революция 1917 г. в России оказала немалое воздействие на те формы, которые это движение в Китае стало обретать.

В первую очередь это сказалось на оформлении партии Гоминьдан. Сунь Ят-сену с каждым годом становилось все очевиднее, что без собственных вооруженных сил революционная партия в Китае обречена на неудачу; в 1923 г., когда он вновь оказался у власти в Гуанчжоу, он начал вести работу по созданию новой партии и собственной армии. На I конгрессе Гоминьдана в 1924 г., в котором приняли участие и коммунисты, была провозглашена политика единого фронта, ядром которого должна была стать спаянная дисциплиной и строго централизованная по советской модели группа революционеров радикального толка. С помощью советских военных советников – М.М. Бородина, П.А. Павлова, В.К. Блюхера – была налажена работа военной школы в Вампу, ставшей кузницей кадров революционных командиров и комиссаров. Авторитет правительства Сунь Ят-сена в Гуанчжоу возрастал. Гоминьдановцев стали поддерживать и некоторые милитаристы Северного Китая, как, например, Фэн Юй-сян. Гоминьдановцы, как и бывшие с ними в союзе коммунисты, вели активную работу в различных общественных организациях – студенческих, рабочих, крестьянских, особенно на юге страны. Постепенно закладывались основы для дальнейшего усиления власти революционного гоминьдановского юга. Смерть Сунь Ят-сена в марте 1925 г. была большой утратой для революции, но не приостановила уже наметившегося процесса. Создались условия для выступлений в поход на север, причем первым из них была крепкая революционная армия.

1 июля 1925 г. гуанчжоуское правительство объявило себя Национальным правительством Китая и начало борьбу за объединение страны. Вначале это была борьба за укрепление позиций на юге. После II конгресса Гоминьдана весной 1926 г. наметилась определенная перегруппировка сил в партии, в результате которой фактическая власть оказалась в руках Чан Кай-ши, ставшего главнокомандующим. В июле гоминьдановские войска выступили в свой знаменитый Северный поход, план которого был разработан при участии советских специалистов, в частности Блюхера. Результатом похода было присоединение к территориям, контролируемым Чан Кай-ши, Шанхая, Нанкина, Ухани и ряда других больших городов и многонаселенных провинций Китая. По мере продвижения и новых захватов в гоминьдановскую армию вливались переформированные отряды разгромленных армий генералов-милитаристов, так что к весне 1927 г. численность ее возросла едва ли не втрое. Естественно, изменялся и состав армии, и ее настроения: революционный дух постепенно выветривался, а традиционные нормы все ошутимее давали о себе знать. К этому следует добавить, что армия становилась опорой новой власти в завоеванных провинциях, где

происходило сращивание военной и административно-политической функций, партийного и государственного аппарата, что всегда было нормой для конфуцианского Китая (конфуцианство как идейное течение и бюрократия как аппарат власти были в старом Китае синонимами).

Все эти процессы усиливали позиции главнокомандующего Чан Кай-ши, который весной 1927 г. провозгласил в Шанхае собственное Национальное правительство. Лидеры гоминьдановцев в Ухани, куда еще раньше переместилась столица прежнего Национального правительства из Гуанчжоу, вначале пытались сопротивляться этому перевороту, но осенью того же года Чан Кай-ши занял Ухань. Фэн Юй-сян и еще несколько северных милитаристов признали власть правительства в Нанкине, где отныне обосновался Чан Кай-ши. Объединение Китая на этом фактически было завершено. Все политические силы в стране, кроме коммунистов, резко осудивших переворот и начавших собственную революционную борьбу, признали правительство Чан Кай-ши. В конце 1928 г. ЦИК Гоминьдана принял официальное решение о завершении военного этапа революции и о начале политических преобразований.

Конечно, и в последующее десятилетие было немало военных столкновений. Но в целом это был все-таки период более или менее мирной политической консолидации, сложения новой государственности и формирования новых форм жизни. Какими же они были? Что принесли с собой гоминьдановцы? Что было характерным для их политики?

Первая четверть XX в., несмотря на сотрясавшие Китай революционные войны, была временем достаточно быстрого экономического развития страны, немалых изменений в образе жизни людей, особенно в городах, перемен в сфере образования, культуры и т. п. В экономике страны по-прежнему лидирующее положение занимал английский капитал, но по уровню инвестиций к нему быстро приближался японский. Доля национальной буржуазии была невелика и концентрировалась преимущественно в сфере торгового капитала, в мелких предприятиях. Зато все большее значение приобретала доля казенных предприятий. Унаследовав владение ими, гоминьдановское правительство центром своей социально-экономической политики сделало дальнейшее укрепление государственного сектора экономики. Оно взяло под свой контроль систему финансов страны – банки, страховые общества, налоговые и таможенные сборы, – а также создало сильный механизм государственного контроля над экономикой, государственного планирования экономического развития. Видные чиновники и ответственные лица правительства поощряли и частные вложения в экономику, сами вносили вклады в нее, но в смешанных государственно-частных предприятиях явно задавало тон государство, что вполне соответствовало китайской традиции. При этом существенно, что подобная экономическая политика сильного правительства, к тому же склонного ограничить прежние привилегии иностранного капитала, вела к быстрому возрастанию в экономике Китая доли национального (государственного и смешанного государственно-частного) капитала и к уменьшению влияния капитала колониального.

Гоминьдановское правительство приняло ряд законов о труде, создало систему официальных государственных профсоюзов, установило минимальный уровень зарплаты. Был принят и ряд других законов, призванных гарантировать определенные права граждан, и в особенно право собственности, что поощряло развитие частного предпринимательства. Был принят аграрный закон (1930), который ограничил размеры арендной платы, установил потолок для земельных владений, выступил в защиту арендатора. Этот закон был призван погасить социальные конфликты в деревне. И хотя большого эффекта программа реформ не дала, ибо для проведения ее в жизнь у гоминьдановского правительства не хватило ни сил, ни времени, общий принцип был очевиден: сильное централизованное правительство в новом Китае опиралось в целом на привычные для китайской традиции методы регулирования социальных и экономических отношений в стране. Пусть стали шире открываться двери для новых веяний, методов и процессов, но страна в целом, особенно крестьянство, еще не очень-то готовое к переменам, управлялись в принципе теми же методами, что и прежде. Более того, сращивание политических, экономических и иных интересов на высшем уровне правящей группы вело к укреплению привычной для традиционного Китая (да и всего Востока) государственной системы управления хозяйством, той самой древней системы, в рамках которой государство выступает в функции верховного собственника и высшего субъекта власти, а олицетворяют

государство и вершат дела его именем те, кто причастен к власти, кто составляет руководящий слой общества. Именно такая система администрации доминировала в качестве главной и ведущей в годы гоминьдановского правления Китаем, хотя справедливости ради следует сказать, что в эти же годы было немало сделано и для развития частнопредпринимательского сектора экономики и в принципе дело шло к постепенному превращению именно этого сектора в ведущий, как то и было продемонстрировано Гоминьданом во главе с тем же Чан Кай-ши после революции 1949 г. на Тайване, куда эмигрировали гоминьдановцы, до того стоявшие у власти в континентальном Китае.

Японо-китайская война и победа КПК

Укрепившись на континенте (Корея, Маньчжурия) и все усиливая свои экономические позиции в самом Китае, Япония в середине 30-х годов начала готовиться к завоеванию этой страны. В июле 1937 г., не встретив серьезного сопротивления, японцы оккупировали значительную часть восточного побережья, включая Пекин, Тяньцзинь, Шанхай. В 1938 г. под власть японского командования попали Ухань и Гуанчжоу. Практически это означало, что все важнейшие экономические районы Китая, все его крупнейшие города были оккупированы. Ограничившись этим, японцы пригласили «новый Китай» принять участие в совместном с Японией и Маньчжурией (где во главе с Пу И было создано марионеточное государство Маньчжоу-го) установлении «нового порядка в Восточной Азии». В оккупированном японцами Нанкине было создано новое правительство во главе с бывшим лидером гоминьдановцев Ван Цзин-вэем, тоже ставшим марионеткой японцев.

Чан Кай-ши, переместившийся вместе с Национальным гоминьдановским правительством на запад, в Чунцин, с помощью союзников, которая резко увеличилась с началом второй мировой войны, возглавил сопротивление Японии, пригласив включиться в антияпонскую борьбу вооруженные силы КПК. Но единству в этой борьбе мешали политические разногласия. Дело в том, что КПК выступила против гоминьдановской политики сразу после переворота Чан Кай-ши. Ею было организовано несколько восстаний еще в конце 1927 г., но они не имели успеха. VI съезд КПК, состоявшийся под Москвой в 1928 г., выдвинул задачу борьбы за массы и укрепление революционных вооруженных сил. В 1928–1930 гг. в ряде районов страны были созданы контролируемые коммунистами территории, где формировались Советы. В 1931 г. в Жуйцзине был даже созван съезд Советов, образовавший Китайскую советскую республику, просуществовавшую, однако, недолго. В середине 30-х годов КПК и ее вооруженные силы, правда, поставили вопрос о создании Единого фронта с гоминьдановцами в связи с японской агрессией, но с приходом к руководству КПК Мао Цзэ-дуна (1935) эта линия стала пересматриваться. После начала открытой агрессии Японии в 1937 г. она была вновь выдвинута на передний план в качестве первоочередной задачи. Однако борьбу с японцами коммунисты предпочитали вести обособленно, сами по себе.

КПК закрепила за собой власть в контролируемых ею районах (северо-западные провинции Китая), где в 1940 г. проживало, по разным данным, около 50–100 млн. человек. Две армии, восьмая и четвертая, численность которых, включая отряды местной самообороны, достигала 500 тыс. бойцов, были немалой частью китайских вооруженных сил, противопоставленных японской агрессии. Существенно, впрочем, заметить, что рост контролируемых территорий и населения, увеличение численности армии и самой партии сопровождалось естественным процессом растворения немногочисленных идеологически ориентированных членов КПК в массе традиционно настроенного китайского крестьянства, которое видело в КПК не столько марксистскую партию, сколько сильную и сплоченную, спаянную дисциплиной и имевшую немалую реальную власть организацию, которая ставит своей целью восстановление социальной справедливости. Для традиционно ориентированного китайского крестьянства в годы кризиса и безвластия этого было вполне достаточно, чтобы активно поддержать КПК.

1941–1943 годы были достаточно тяжелыми для КПК. Стабилизация фронтовой линии и некоторые успехи гоминьдановцев в антияпонской войне позволили Чан Кай-ши потеснить позиции китайских коммунистов. С конца 1943 г. в связи с общими изменениями в ходе второй

мировой войны КПК и ее армии вновь перешли в наступление, стремясь потеснить японцев в Северном Китае. А когда в августе 1945 г. СССР вступил в войну с Японией и оккупировал Маньчжурию, захваченные им военные трофеи способствовали укреплению базы КПК в Северном Китае. 1945–1949 годы прошли под знаком наращивания сил КПК и начала военных действий между ее вооруженными армиями и армиями гоминьдановского правительства. Как известно, эта борьба завершилась победой китайских коммунистов и образованием КНР. Гоминьдановцы во главе с Чан Кай-ши эвакуировались на остров Тайвань. Как для континентального Китая, так и для Тайваня этот момент явился отправной точкой, началом нового отсчета их истории. Гоминьдановцы на Тайване довели до успешного конца преобразования, позволившие населению острова быстрыми темпами развиваться по капиталистическому пути и добиться немалого экономического эффекта. Континентальный Китай, КНР, оказался на долгие годы ареной гигантских социальных экспериментов Мао Цзэ-дуна, явно не способствовавших экономическому развитию страны. Только со смертью Мао в 1976 г. началась в КНР эпоха энергичных реформ, давшая за короткий срок немалые результаты и положившая начало преобразованию континентального Китая.

Глава 14

Трансформация и модернизация пореформенной Японии (1868–1945)

Япония была едва ли не единственной страной Востока, в чьем развитии период колониализма совпал не с состоянием общего, порой весьма острого внутреннего кризиса, а, наоборот, с моментом бурного внутривосточного подъема, связанного с преодолением кризисных тенденций в ходе так называемой реставрации Мэйдзи и последовавшей за тем серии важных конструктивных реформ. В те самые десятилетия, когда в одних странах Востока на передний план вышла клерикальная реакция, в других одряхлевшие династии не были в состоянии дать должный отпор колонизаторам, а в третьих политическая администрация, как и экономика, оказались под контролем иностранцев, японцы практически безо всякого заметного вмешательства извне, но с привлечением необходимых для быстрой модернизации страны заимствований наращивали темпы экономического роста, модернизировали принципы и методы промышленного производства, энергично и умело добивались необходимых для этого нововведений в политических институтах, правовых нормах, в сфере гражданских свобод, образования, культуры и т. д. Причем все это происходило без радикальной ломки устоявшихся традиций, без болезненного отказа от привычного образа жизни, но на основе гармонического усвоения и логической трансформации принципов и ценностей прошлого, благотворного синтеза своего и чужого, старого и нового. В этом отношении Япония оказалась уникальным феноменом Востока, и эту уникальность она продолжает демонстрировать в наши дни.

Загадка феномена Японии еще далеко не разгадана, в том числе и самими японцами. Подробнее об этом будет идти речь в следующей главе. Пока же очертим те вехи, через которые прошла страна после реставрации власти императора до второй мировой войны. При этом постараемся отказаться от привычных стереотипов, вовсе не объясняющих японский феномен. Одним из них является представление о том, что так называемая токугавская мануфактура в XVIII–XIX вв. представляла собой нечто большее, нежели аналогичные явления в других странах, и что, возможно, именно это объясняет причины того, что в Японии сложилась система капитализма. Следует сразу же заметить, что принципиально токугавская мануфактура ничем не отличалась от цинской китайской, а кое в чем и явно уступала ей. Что же касается частнопредпринимательской деятельности как таковой, то и она ни по масштабам, ни по роли в хозяйстве Японии ничем не отличалась от того, что имело место в то же время в цинском Китае. И если Япония в чем-то все же была не такой, как Китай, то об этом «чем-то» следует говорить специально, его нужно вычленять и аналитически исследовать, ибо невооруженным глазом само по себе оно не так уж бросается в глаза. Итак, каким же был путь Японии после 1868 г.?

Как и Китай, Япония была «открыта» для колониальных держав в середине прошлого века. Как и в цинском Китае, купечество Японии было слабым и политически бесправным,

тогда как власть имущие (в Японии это были не чиновники-бюрократы, а самураи и князья во главе с сёгуном) не были заинтересованы в усилении связей с колониальными державами. В Японии, как и в Китае времен опиумных войн, насильственно навязанная стране иностранная торговля была экономически невыгодной, ибо выкачивала из страны драгоценный металл и вела к финансовому дисбалансу. Собственно, все эти, равно как и многие другие, факторы предопределили ослабление, а затем и падение режима сёгуната.

Разница в развитии между Китаем и Японией начинает сказываться и становится заметной именно с этого момента. В Китае реакция традиционной структуры на перемены, вызванные вмешательством колониализма, выразилась в форме крестьянской войны тайпинов, а в Японии эквивалентом тайпинам стал революционный переворот 1868 г., приведший к переходу власти в руки 15-летнего императора Муцухито (Мэйдзи). Революционным этот переворот следует считать не столько по форме, сколько по результатам, ибо вслед именно за этим важнейшим изменением в привычной для Японии традиционной структуре (император в истории Японии практически никогда не управлял делами страны; за него это делали сначала регенты, потом сёгуны) последовали все остальные, радикально изменившие облик страны.

Реформы и становление основ японского капитализма

Муцухито и действовавшие от его имени советники начали с того, что радикально реформировали систему социальных связей в стране. С целью ослабить и сделать невозможными в дальнейшем феодальные распри реформа 1871 г. ликвидировала феодальные уделы и наследственные привилегии князей-даймё, а также подорвала социальную и экономическую базу самурайства. Вся Япония была разделена на губернии и префектуры во главе с назначаемыми из центра чиновниками. Кадры чиновников, за неимением альтернативы, комплектовались из числа тех же князей и самураев, но теперь это были уже не независимые аристократы или рыцари, но именно стоящие на службе у государства и получавшие за это жалованье из казны чиновники. Причем это были чиновники, сформировавшиеся как социальный слой практически заново, не имевшие ни опыта, ни корней, ни традиций и потому еще не погрязшие в коррупции, не научившиеся практике бюрократических проволочек, взяточничеству и всему остальному, что неизбежно сопутствует бюрократической структуре и что, в частности, было традиционной нормой в Китае. Конечно, связи и протекционизм при этом продолжали сохраняться и играли свою роль, но это зло в условиях всеобщих перемен не было угрожающим для трансформирующегося общества.

Реформа официально отменила сословные различия. Хотя титулы и звания сохранились, лишившиеся владений князья и самураи (те, что не стали чиновниками, в первую очередь) были в социальном плане приравнены ко всем остальным сословиям страны. В качестве средств существования им были назначены выплачивавшиеся из казны пенсии – практика не столь уж необычная для Японии, во всяком случае для самураев. Важной составной частью первой серии социально-сословных преобразований стала реформа 1872 г., вводившая всеобщую воинскую повинность, которая была призвана окончательно подорвать позиции самураев, в лучшем случае теперь имевших основание претендовать на офицерские должности в регулярной армии.

Радикальный характер первой серии реформ очевиден. Пришедшее к власти новое руководство во главе с императором решительно отказывалось от старых принципов, чреватых феодальной раздробленностью и междоусобицами, ведших к децентрализации и своеволию сильных и независимых, опиравшихся на собственные воинские формирования князей. Взамен этого создавалась стройная административно-бюрократическая система, основанная на равенстве сословий, на усилении роли казны и единой финансовой системы страны, на подчиненных центру регулярных воинских подразделениях. Значение всех упомянутых нововведений едва ли можно переоценить: впервые в истории Японии император и его правительство оказывались не одной из соперничающих политических сил, но единственной, полной и общепризнанной властью.

Серия реформ 1872–1873 гг. уделила внимание также перестройке системы аграрных отношений, весьма радикальной по характеру. Земля, законодательно признанная собственностью тех, кто ею реально владеет, была закреплена за крестьянами. Правда, при этом

значительная часть мелких землевладельцев теряла свои участки и, не будучи в силах выплатить выкуп за землю и налоги, переходила в разряд арендаторов и батраков либо переселялась в города. Но это в принципе не изменяло сути дела. Суть же сводилась к тому, что зажиточное крестьянство было освобождено от земельной ренты в пользу князей (собственно, именно за это князья и получили от казны свои крупные пенсии) и получило возможность за не столь уж тяжелый выкуп владеть своей землей и работать на рынок. Иногда эту реформу сопоставляют с прусским путем развития капитализма в сельском хозяйстве. Независимо от того, насколько это сопоставление справедливо, оно разумно в том смысле, что аграрная реформа внесла свой немалый вклад в становление японского капитализма, обеспечив хотя бы частично необходимый для этого капитал (первоначальный капитал, японский вариант первоначального накопления).

Реформы открыли перед японским купеческим капиталом достаточно широкий простор для частнопредпринимательской деятельности, социально и юридически защищенной и активно поощряемой властями. В стране развернулось достаточно быстрое промышленное строительство. Расцветало банковское дело, чему способствовало решение правительства в 1876 г. капитализировать княжеские пенсии, заменив ежегодные выплаты единовременной компенсацией. Резко увеличившийся в результате этого акта банковский капитал не только обеспечил бывшим князьям их существование в будущем, но и позволил превратить их в предпринимателей, по меньшей мере в рантье, что также содействовало первоначальному накоплению японского капитала.

И наконец, еще одной принципиально важной акцией японского правительства, направленной все в ту же сторону, было решение вначале взять на себя строительство наиболее крупных и экономически неэффективных промышленных предприятий (арсеналы, металлургические заводы, верфи и т. п.), а затем, согласно принятому в 1880 г. закону, за бесценок продать их в руки наиболее крупных и умело действовавших торгово-промышленных компаний, таких, как Мицуи, Мицубиси, Фурукава и др. Тем самым японское правительство не только, ясно продемонстрировало твердый курс на поддержку защищенного законом частного предпринимательства, но и избавило Японию как государство от невыносимого груза неэффективной казенной промышленности, тяжесть которого всегда ощущали и ныне ощущают подавляющее большинство развивающихся стран.

Реформы 70-х годов привели к энергичной трансформации японского общества и пробудили к жизни новые социальные и экономические силы, в свою очередь требовавшие для оптимизации условий своей деятельности новых преобразований, на сей раз в сфере политической. С начала 80-х годов в стране развернулось широкое движение за конституцию, в первых рядах которого шли оформлявшиеся в партийные группировки сторонники новых методов ведения хозяйства, т. е. частные предприниматели города и деревни, вписавшиеся в новые условия существования вчерашние самураи, первые поколения получивших европейское образование японских интеллигентов, частично и выходцы из высших слоев японского дворянства, из княжеских семей. Движение за свободу и права народа (оно именовалось «минкэн ундо») привело к обещанию правительства ввести в 1890 г. конституцию, для чего, в частности, в Европу и США была послана специальная миссия Ито, которой следовало ознакомиться с соответствующими нормами, институтами и процедурами за рубежом и выбрать наиболее подходящие из них для Японии. Ито остановился на прусском варианте Бисмарка, что было по-своему весьма логичным итогом поисков: быстро развивавшаяся усилиями Бисмарка полуфеодальная Пруссия в конце прошлого века действительно была по многим параметрам наиболее сопоставима с Японией.

В 1889 г. от имени императора был опубликован текст конституции. Создавалась конституционная монархия с большими правами императора, которому по-прежнему принадлежала законодательная инициатива. Хотя парламент контролировал финансы, он был лишен права создавать ответственное перед ним правительство. Зато конституция официально провозглашала демократические свободы и гражданские права для всех граждан страны – условие, без которого успешное развитие капитализма в Японии было бы невозможным. Парламент был созван в 1890 г., причем правом избрания нижней и основной его палаты (верхняя была чем-то вроде палаты лордов) пользовались лишь некоторые из

налогоплательщиков, вначале примерно 1 % населения страны, что следует считать нормальным для общества, еще не подготовленного к парламентским институтам и вообще к нормам демократической процедуры. Первый японский парламент оказался достаточно самостоятельным и строптивым. Правительство несколько раз распускало его за стропливость, в частности за отказ голосовать за те или иные расходы, особенно на военные цели.

Провозглашение и реализация демократических нрав и свобод открывало путь для быстрого развития японского капитализма, развязывало руки молодой японской буржуазии, но необычно быстрые для отсталой восточной страны темпы ее социальной, экономической и политической трансформации во многом оплачивались страданиями простых людей – крестьян, лишившихся земли и шедших в города, рабочих, которых нещадно и порой бесконтрольно эксплуатировали. Но это было нормой для всех стран раннего развивающегося капитализма – и рабочий день, длившийся 12–14 часов, и нищенские условия существования, и несправедливость, и даже плетки надсмотрщиков и десятских. Японии не миновала эта доля, хотя преимуществом ее было то, что она прошла этот путь довольно быстро, чему способствовали, в частности, раннее развитие рабочего движения, появление профсоюзов. Но главное, что сыграло свою роль, – это культивирование патерналистских традиций, стремление предпринимателей наладить прямой контакт со своими рабочими на началах гармонии труда и капитала. Вначале весьма слабые, эти попытки в дальнейшем, с ростом уровня благосостояния страны и народа, стали реализовываться все успешнее, пока не достигли оптимального характера, каким отличаются взаимоотношения труда и капитала в Японии в наши дни. Ведь далеко не случайно бурно развивающаяся капиталистическая Япония вот уже на протяжении ряда десятилетий практически не знает мощных забастовок, подобных тем, что время от времени сотрясали ведущие капиталистические страны Европы и Америки.

Уже на рубеже XIX–XX вв. сформировались основные черты и характерные особенности японского капитализма. Важно заметить, что с самого начала XX в. это был сильный и сплоченный, динамично эволюционирующий капитал, вполне способный конкурировать на международном рынке с крупнейшими капиталистическими странами. Японский капитал и созданная им промышленная база послужили прочной основой для всей политики Японии, особенно для ее внешней политики.

Агрессивная внешняя политика Японии

Хотя самураи после 1868 г. перестали быть ведущим сословием Японии, дух самурайства не исчез. Лишенные прежних прав и привилегий потомки вчерашних самураев культивировали свои воинские доблести и воспитывали в соответствующем духе солдат регулярной армии. Разница была лишь в том, что если прежде дух и деятельность самураев реализовывались внутри страны, в междоусобных войнах и феодальных схватках, то теперь воинственность самураев оказалась направленной на внешний мир, на соседние с Японией страны и народы. Строительство сильной армии и особенно флота стало задачей номер один с первых же шагов новой японской администрации. И далеко не случайно государство на первых порах взяло в свои руки создание арсеналов и верфей – без них оно не сумело бы создать сильных вооруженных сил.

Первым из агрессивных шагов внешней политики пореформенной Японии стала борьба за японское влияние в Корее. В 1876 г. высадившийся в Корее японский экспедиционный корпус навязал этой стране неравноправный договор, предоставлявший японцам ряд прав и привилегий. В 1885 г. по японо-китайскому соглашению Китай признал японские интересы и права в Корее практически равными своим (до того Корея официально считалась вассалом Китая). В итоге японо-китайской войны 1894–1895 гг. по Симонсекскому договору Япония получила право владения островами Тайвань и Пэнхуледао и еще более укрепила свои экономические и политические позиции в Корее. Дело дошло до того, что в 1895 г. японские агенты убили антияпонски настроенную корейскую королеву, а король был вынужден искать убежища в русском посольстве. Все эти военные и внешнеполитические успехи Японии привели к тому, что на рубеже XX в. она не только по своему экономическому потенциалу и характеру развития, но и по агрессивности своей политики стала одной из ведущих

империалистических держав в мире. Япония была, в частности, в числе тех восьми держав, чьи миссии организовали интервенцию в Китае в 1900 г. в связи с восстанием ихэтуаней. Япония в 1902 г. заключила выгодный для нее военный союз с Англией, что помогло ей усилить свои позиции на континенте и выступить в феврале 1904 г. против России.

Русско-японская война, завершившаяся бесславным поражением русских войск, привела к тому, что южная Маньчжурия и Корея превратились в протекторат Японии. Японский капитал мощным потоком устремился в эти районы, способствуя их экономическому развитию и превращая их в плацдарм для дальнейшей агрессии на континенте, в основном против Китая. Десятилетие перед первой мировой войной было периодом быстрого промышленного развития Японии. На первых порах оно сопровождалось ростом активности рабочего движения и распространением социалистических идей в Японии, созданием там социалистического движения во главе с Сен Катаямой, но перед войной это движение пошло на убыль, а вся страна была охвачена националистическим угаром, под знаком которого Япония стала активно действовать в годы войны.

Тонко рассчитав свои ходы, японцы выступили против позиций Германии в Китае, потребовав от нее уступки ее владений на полуострове Шаньдун. Занятая военными действиями в Европе, Германия не могла противостоять натиску японцев, экспедиционный корпус которых в сентябре 1914 г. занял принадлежавшие Германии территории на этом полуострове. Вскоре после этого, как уже о том шла речь, японцы предъявили Юань Ши-каю свои «21 требование», значительную часть которых Китай был вынужден принять. И хотя после войны, в немалой мере из-за энергичных протестов в Китае в ходе движения «четвертого мая», на Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. Япония была вынуждена вернуть Китаю захваченные ею в 1914 г. территории, позиции японского капитала в Китае все укрепились.

Япония между первой и второй мировыми войнами

Итоги первой мировой войны были выгодны для Японии. Ее экономика развивалась, внешняя торговля завоевывала все новые рынки, особенно в Азии, куда сильно сократился поток товаров из Европы. Хотя в самой Японии вскоре после войны ощущались ее последствия («рисовые бунты», вызванные дороговизной риса, потрясли в 1918 г. страну), в целом страна была на подъеме. За 1914–1919 гг. валовой национальный продукт возрос в пять раз, с 13 до 65 млрд. иен. Неудивительно, что все это уже с начала 20-х годов стало служить надежной экономической базой для поддержания агрессивной внешней политики.

Хорошо известно, что Япония сыграла немалую роль в интервенции держав против молодой Советской России. Пыталась она, как упоминалось, сохранить свои территориальные приобретения и в Китае, не говоря уже о поставленной в колониальную зависимость от нее Корею. Но в целом 20-е и даже начало 30-х годов, были периодом сравнительно умеренной внешнеполитической экспансии Японии. В некотором смысле можно сказать, что это было время накопления ею сил и выжидания благоприятной обстановки. В то же время эти годы были периодом ожесточенной внутривнутриполитической борьбы, основной смысл которой сводился к стремлению наиболее радикальных слоев японского общества выйти на передний план и сформировать в стране определенное общественное мнение. Речь идет о так называемой группировке «молодых офицеров».

Здесь напрашивается бросающаяся в глаза аналогия с послевоенной Германией. Хотя между потерпевшей поражение в войне Германией и нажившейся на войне Японией была немалая разница, не говоря уже о различиях в культуре, политических и иных традициях, сходство все же есть, пусть даже более функциональное, нежели сущностное. Проявлялось оно прежде всего в воинственном радикализме социальных групп, делавших ставку на силу и агрессию, на культ исключительности и вседозволенности, на войну и уничтожение. «Молодые офицеры», чье влияние в Японии в 20–30-е годы все усиливалось, требовали практически того же, что и нацисты в Германии, – отказа от многопартийной системы и ответственных перед парламентом кабинетов, диктатуры внутри страны и экспансионистской политики вне ее.

Далеко не сразу – как и в Германии – они добились своего. Вначале процесс шел скорее в обратную сторону. Капитализм успешно развивался, рос рабочий класс, увеличивались ряды

интеллигенции, укреплялись завоеванные в социальных боях права трудящихся. В 1919 г. был снижен имущественный ценз, вследствие чего электорат в стране увеличился до 3 млн. (из 56 млн. населения), а в 1925 г. избирательное право стало всеобщим, правда, только для мужчин. В Японии одна за другой возникали и укрепляли свои позиции новые политические партии, в том числе коммунистическая (1922). Парламентские кабинеты стремились, хотя и не всегда удачно, противостоять энергичному натиску «молодых офицеров», чьи представители временами включались в кабинет министров. Словом, баланс сил пока сохранялся, хотя и становилось все более очевидным, что энергия воинствующего радикализма берет верх.

В 1927 г. к власти пришел кабинет генерала Танака, настроенного весьма агрессивно. Именно при нем вновь был направлен японский экспедиционный корпус в Китай, в Шаньдун. Вскоре, однако, войска были выведены, что послужило одной из причин падения кабинета Танака. Однако «молодые офицеры» не сдавались; В 1930–1932 гг. они совершили несколько путчей и политических убийств, что приблизило их к цели. Осенью 1931 г. Япония начала оккупацию Маньчжурии, где в 1932 г. было создано упоминавшееся уже государство Маньчжоу-то во главе с марионеткой Японии Пу И, последним китайским императором.

В 1933 г. Япония, чтобы развязать себе руки, демонстративно вышла из Лиги Наций, отказавшейся признать Маньчжоу-го. Снова был послан японский экспедиционный корпус в Китай, на сей раз в провинцию Жэхэ; с 1935 г. началось военное проникновение японских войск в степи Монголии. Правда, выборы 1936 г. прошли в Японии под знаком несомненного успеха сил, выступавших против агрессии и фашизма. Неудобный правительству новый парламент был распущен, но и проведенные вслед за тем выборы в марте 1937 г. дали тот же результат. Правительству и стоявшим за ним правящим кругам, сочувствовавшим «молодым офицерам», становилось все более очевидно, что демократической процедуре следует противопоставить сильный авторитарный режим, что и было сделано. В ноябре 1936 г. Япония подписала с Германией известный антикоминтерновский пакт, чем привязала себя к немецкому фашизму, а летом 1937 г. началась японо-китайская война, под знаком которой прошло почти целое десятилетие. С началом войны экономика Японии была переведена на военные рельсы. С партийной борьбой и парламентской деятельностью практически было покончено. Был взят твердый и решительный курс на расширение военной экспансии и провокаций, в том числе и против СССР. «Молодые офицеры» были довольны: армия и генералитет в Японии не только вышли на передний план, но и стали как бы символизировать силу, мощь, процветание и беспощадность страны, с 1938 г. начавшей открыто претендовать на установление «нового порядка» в Восточной Азии.

Япония во второй мировой войне

Осенью 1939 г., когда началась война и западноевропейские страны одна за другой стали терпеть поражения и становиться объектом оккупации со стороны гитлеровской Германии, Япония решила, что ее час пробил. Туго закрутив все гайки внутри страны (были ликвидированы партии и профсоюзы, взамен создана Ассоциация помощи трону в качестве военизированной организации фашистского типа, призванной ввести в стране тотальную политикоидеологическую систему жесткого контроля), высшие военные круги во главе с генералами, возглавлявшими кабинет министров, получили неограниченные полномочия для ведения войны. Усилились военные действия в Китае, сопровождавшиеся, как обычно, жестокостями против мирного населения. Но главное, чего выжидала Япония, – это капитуляции европейских держав, в частности Франции и Голландии, перед Гитлером. Как только это стало фактом, японцы приступили к оккупации Индонезии и Индокитая, а затем Малайи, Бирмы, Таиланда и Филиппин. Поставив своей целью создать гигантскую подчиненную Японии колониальную империю, японцы объявили о стремлении к «восточноазиатскому сопроцветанию».

После бомбардировки американской базы Пёрл-Харбор на Гавайях в декабре 1941 г. Япония оказалась в состоянии войны с США и Англией, что, несмотря на некоторые первые успехи, со временем привело страну к затяжному кризису. Хотя японские монополии немало выгадали, получив бесконтрольный доступ к эксплуатации богатств почти всей Юго-Восточной

Азии, положение их, как и японских оккупационных войск, было непрочным. Население оккупированных стран выступало, нередко с оружием в руках, против японских оккупационных войск. Содержание войск одновременно во многих странах, ведение непрекращавшейся и все очевиднее становившейся бесперспективной войны в Китае требовали немалых средств. Все это вело к ухудшению экономического баланса и к обострению внутреннего положения в самой Японии. Это с особой силой проявилось в начале 1944 г., когда в войне на Дальнем Востоке наметился определенный перелом. Американские войска высаживались то в одном, то в другом из островных районов и вытесняли оттуда японцев. Изменялись и отношения Японии с СССР. В апреле 1945 г. СССР денонсировал заключенный в 1941 г. пакт о нейтралитете с Японией, а в августе того же года, вскоре после атомной бомбардировки Японии американцами, советские войска вступили на территории Маньчжурии и принудили к капитуляции Квантунскую армию, что означало не только поражение Японии, но и начало революционных преобразований в Маньчжурии, а затем и на остальной территории Китая.

Капитуляция Японии в августе 1945 г. привела к краху замыслов японской военщины, крушению того агрессивного внешнеполитического курса Японии, который на протяжении нескольких десятилетий опирался на экономическое развитие и экспансию японского капитала, на самурайский дух прошлого. Как и самураи в конце прошлого века, милитаристы первой половины XX в. потерпели банкротство и вынуждены были сойти с исторической сцены. Япония лишилась всех своих колониальных владений и завоеванных территорий. Встал вопрос о статусе послевоенной Японии. И здесь сказали свое слово оккупировавшие страну американцы.

Смысл преобразований, которые были проведены созданным ими Союзным советом для Японии, сводился к радикальной перестройке всей структуры этой страны. Была осуществлена серия демократических реформ, включая возрождение партий, созыв парламента и принятие новой конституции, оставлявшей за императором весьма ограниченные права и отсекавшей возможность возрождения японского милитаризма в будущем. Был проведен показательный процесс с осуждением японских военных преступников, не говоря уже об основательной чистке государственного аппарата, полиции и т. п. Была пересмотрена система образования в Японии. Особые меры предусматривали ограничение возможностей крупнейших японских монополий. Наконец, в стране была проведена радикальная аграрная реформа 1948–1949 гг., ликвидировавшая крупное землевладение и тем окончательно подорвавшая экономические позиции остатков самурайства.

Вся эта серия реформ и радикальных преобразований означала еще один важный рывок Японии из мира вчерашнего дня в новые условия существования, соответствовавшие современному уровню. В сочетании с выработанными за пореформенное время навыками капиталистического развития эти новые меры оказались мощным импульсом, способствовавшим быстрому экономическому возрождению побежденной в войне Японии. И не только возрождению, но и дальнейшему развитию страны, ее энергичному процветанию. Раны второй мировой войны были залечены достаточно быстро. Японский капитал стал в новых и весьма благоприятных для него условиях, когда на развитие его не оказывали своего воздействия внешние силы (типа наполненных воинственным духом самурайства «молодых офицеров»), наращивать темпы роста, что и заложило фундамент того самого феномена Японии, который столь хорошо известен в наши дни. Как это ни парадоксально, но именно разгром Японии в войне, ее оккупация и связанные с этим радикальные преобразования в ее структуре окончательно открыли двери для развития этой страны. Были сняты все преграды для такого развития – и результат оказался поразительным...

Важно отметить еще одно существенное обстоятельство. В своем успешном продвижении по пути капитализма Япония полностью воспользовалась всем тем, что может предоставить для такого развития демократизация европейско-американского образца. Однако она не отказалась и от многого из того, что восходит к ее собственным фундаментальным традициям и что тоже сыграло свою позитивную роль в ее успехах. Об этом плодотворном синтезе пойдет речь в следующей главе. Пока же – несколько слов о Корее.

Корея под гнетом японского колониализма

Корея, на долю которой выпало быть в вассальной зависимости от Китая на протяжении многих веков, имеет все же уникальную судьбу для страны Востока в период колониализма: это единственная страна, оказавшаяся под колониальным господством не западной державы, а восточной, т. е. Японии. Это обстоятельство само по себе изменило в судьбах Кореи не так уж много, но о нем все же стоит напомнить, как и о том, что Япония была единственной восточной державой, имевшей колониальные владения, – не вассальные территории, как Китай, а именно колониальные владения, эксплуатировавшиеся колониальными методами, включая колониальную торговлю, ввоз капитала, разработку ресурсов и промышленное освоение колонии, в том числе создание необходимой для всего этого инфраструктуры.

Хотя Корея была вассальной от Китая территорией (вассалитет этот был, к слову, не очень заметен), в конце XIX в. многие влиятельные слои ее населения ориентировались более на Японию, видя в ее пореформенном развитии образец для своей страны. Реформаторы прояпонской ориентации в начале 80-х годов прошлого века попытались было устроить при поддержке японского консула переворот, но он потерпел неудачу. Результатом этого было усиление в стране позиций Китая, но ненадолго: японо-китайская война 1894–1895 гг. покончила с китайским влиянием в Корее. К власти пришли сторонники реформ. И хотя наряду с японским в стране в эти годы усилилось и влияние русского капитала, по условиям русско-японского соглашения 1898 г. Россия официально признала преобладающие экономические интересы Японии в Корее. После же русско-японской войны 1904 г. Корея, как упоминалось, была превращена в протекторат Японии.

Япония, сама почти лишенная природных ресурсов, активно взялась за капиталистическое освоение Кореи. Рудники и леса, железные дороги и легкая промышленность, внешняя торговля Кореи – все оказалось в руках японских компаний, во всяком случае, главным образом в их руках. В 1910 г. была официально провозглашена аннексия Кореи, управление которой от имени японского императора стала осуществлять колониальная администрация во главе с японским генерал-губернатором. В стране были созданы оптимальные условия для развития японского капитала, интересы которого защищала хорошо продуманная система военно-полицейского принуждения. Искусственно насаждался японский язык – в ущерб корейскому. Корейские рабочие на предприятиях подвергались жестокой эксплуатации. Что касается сферы аграрных отношений, то в Корее была провозглашена приватизация земли, причем значительная часть ее оказалась собственностью японских переселенцев, капиталистов или генерал-губернаторства как представителя японского государства. Как и в самой Японии, аграрная реформа содействовала повышению товарности земледелия, а обезземеленные крестьяне массами шли в города, где они пополняли ряды рабочих на промышленных предприятиях и в рудниках, число которых все время росло.

Мощное народное восстание 1919 г., с трудом подавленное колонизаторами, вынудило их пойти на определенные уступки и отменить военные формы управления. Были введены корейские законосовещательные собрания при японских административных органах. Увеличилось количество корейских и смешанных японо-корейских компаний. В Корее стали создаваться профсоюзы, общественные ассоциации, партии. После вторжения Японии в Китай и создания Маньчжоу-го Корея стала японским военно-промышленным плацдармом на континенте. Промышленное производство здесь, как и в самой Японии, развивалось ускоренными темпами. Строились металлургические заводы, электростанции, химические комбинаты. С конца 30-х годов, после начала японо-китайской войны, японцы пытались привлечь корейцев на свою сторону, выдвинув псевдопатриотический лозунг «японцы и корейцы – братья».

Поражение Японии во второй мировой войне имело своим следствием появление в Корее советских и американских войск и раздел полуострова на две части. В северной части, как известно, был взят курс на строительство марксистского социализма в его наиболее жесткой модификации. Южная Корея подверглась примерно тем же преобразованиям, что и Япония. Эти преобразования на основе созданной японскими колонизаторами социально-политической

и финансово-экономической промышленной базы способствовали развитию страны в том же направлении и теми же быстрыми темпами, что было в свое время в Японии. Более низкий стартовый уровень не позволил пока южнокорейскому государству во всех сферах экономики и образа жизни достичь таких же впечатляющих результатов, каких достигла современная Япония. Но все же южнокорейский стандарт в этом отношении достаточно близок к японскому.

Глава 15

Религиозно-цивилизационный фундамент и особенности развития стран Дальнего Востока

Цивилизационным фундаментом всего Дальнего Востока, включая Китай, Японию и Корею, следует считать китайское конфуцианство. Наряду с ним с первых веков нашей эры здесь стал играть активную роль и появившийся из Индии буддизм, который в Японии и Корее порой становился идеологически господствующим. И хотя параллельно существовали здесь также местные религии типа даосизма и синтоизма, именно конфуцианство всегда составляло основу. В чем это проявлялось и как это сказалось на развитии стран Дальнего Востока, особенно Китая и Японии?

Конфуцианство в Китае и XX век

Во второй половине XIX и особенно в начале XX в. традиционное китайское конфуцианство постепенно теряло свое значение. Конечно, оно во многом по-прежнему определяло систему ценностей страны и народа, принципы жизни китайцев, основы их мировоззрения и менталитета. В этом смысле каждый китаец оставался, даже если он не создавал этого, все-таки конфуцианцем. И все же конфуцианство как господствующая доктрина, как генеральный принцип жизни под ударами извне давало трещины, сквозь которые в империю проникали новые веяния – от христианства, под знаком которого формировались идеи тайпинов, до различных европейских социально-политических идей, как либерально-демократических, так и радикальных, включая различные формы социализма, анархизма и коммунизма. В идейнодоктринальном плане, значение которого для Китая последнего столетия невозможно переоценить, проблема здесь практически сводилась к тому, чтобы оптимально сочетать традиционные и заимствованные идеи и институты и на этой синтетической основе создать определенный фундамент для строительства на нем нового Китая.

Что же внесла в создание этого фундамента традиция, прежде всего конфуцианская, и что в нем появилось нового? Собственно, к ответу на этот весьма важный вопрос и должен привести предлагаемый анализ.

Сначала несколько слов о традиции, о религиозноцивилизационном фундаменте старого Китая, о его ценностях, ориентированных, как упоминалось,[^] прежде всего на ценности конфуцианства. В самом сжатом виде это можно изложить в форме нескольких тезисов:

– Китай в принципе нерелигиозен и, в отличие от индубуддийской либо исламской цивилизаций, считает наивысшим смыслом существования людей достижение социальной гармонии в рамках мудро управляемого государства, к чему призывали Конфуций и конфуцианцы и что было основной заботой великих правителей доконфуцианского прошлого (от легендарных Яо, Шуня и Юя до вполне реальных Вэнь-вана и Чжоу-гуна), на мудрость которых не уставал ссылаться Конфуций.

– Мудрость разумного правления, обеспечивающего социальную гармонию, отрабатывалась веками и закреплялась в социальном генотипе, на страже которого и стояли конфуцианцы. Неудивительно, что единственно стоящей мудростью в Китае всегда считалась именно она, так как только она способна научить людей жить по правилам, как то и подобает цивилизованному человеку, т. е. китайцу. Отсюда логичный вывод: лишенные этой мудрости народы суть жалкие варвары, у которых китайцам нечему учиться и которые, войдя в

соприкосновение с китайцами, сами рано или поздно китаизируются и конфуцианизируются, чему немало примеров дает столь высокочтимая и хорошо известная в Китае история, особенно история взаимоотношений Китая с его соседями, включая и завоевывавшие Китай народы.

– Но коль скоро мудрость известна и истина познана, причем именно китайскими мудрецами, то любое новое слово заслуживает внимания лишь постольку, поскольку оно сочетается с конфуцианской традицией и камуфлируется в ее одежды. Разумеется, новизна его от этого тускнеет, а сущность может всерьез трансформироваться, но зато традиционная мудрость за этот счет лишь выгадывает, крепнет, обрастает новыми идеями, которые позволяют ей выжить и даже расцвести в новых условиях существования. И для этого конфуцианская мудрость имеет надежный механизм самосохранения и самосовершенствования, сводящийся прежде всего к мобилизации умных и способных, т. е. к концентрации мозговых усилий всех тех, кто на это способен (речь идет прежде всего о тройном сите конкурсного отбора, в результате которого к власти в бюрократической иерархии империи приходят лучшие знатоки конфуцианства).

– Система в целом бдительно следит за престижем мудрости и священного канона, в котором она запечатлена, за стандартом конфуцианского ученого-чиновника, в котором она воплощена. Конечно, чиновник – не, идеал цзюнь-цзы. Но он обязан ориентироваться на этот идеал, и именно потому публичное уличение его во взятке, в коррупции важно не столько с точки зрения правосудия и правовой нормы, сколько с позиций этической нормы: «потеря лица» в традиционном Китае всегда означала гражданскую смерть для чиновника, образованного интеллектуала.

– Стремление к постоянному постижению мудрости древних, к самоусовершенствованию на основе выработанных ими предначертаний, к примату высокой морали, с которой не идет ни в какое сравнение низменная материальная выгода (хотя при этом всегда имеется в виду, что высокая мораль в статусе чиновника очень неплохо материально вознаграждается), – таков эталон поведения в Китае, воспетый в литературе, всегда высоко почитавшийся в реальной жизни и приносивший немалую практическую пользу каждому, кто добивался успеха на этом пути. Не богатый и знатный, но исполненный мудрости древних конфуцианский ученый-чиновник всегда стоял на вершине престижных ценностей в старом Китае. Залог же любого успеха – труд, постоянный и упорный. Культура и высокая дисциплина труда, как умственного, так и физического, – важнейший элемент конфуцианской цивилизации.

– Форма, ритуал, церемониал – основные способы закрепления и сохранения нормы, консервации социального порядка, обеспечения строгой организации общества, дисциплины и послушания. Общество в целом, как и его части, социальные корпорации (включая семью), всегда стояли на страже формы, главной сутью которой был строгий принцип патернализма. Долг как социальная категория намного выше чувства, особенно личностного, диктуемого неконтролируемыми эмоциями, включая низменные суеверия.

В этом пункте конфуцианство всегда соприкасалось с противоположным ему полюсом в биполярной структуре идейно-доктринального фундамента китайской традиции – с мистикой и метафизикой даосов и буддистов, во многом ориентированными на чувства крестьянской массы, особенно в критические периоды истории страны. Биполярная структура, о которой идет речь, находилась в состоянии неустойчивого баланса: в длительные периоды функционирования крепкой центральной власти конфуцианский полюс преобладал, порой абсолютно; в сравнительно краткие, но бурные периоды кризиса на передний план выходил даосско-буддийский полюс с его бунтарскими эгалитарно-утопическими идеями, магией и мистикой. Впрочем, за эгалитаризмом всегда легко просматривалась все та же конфуцианская в основе идея: восставшие стремились к регенерации нарушенной кризисом нормы, т. е. в конечном счете к возрождению сального централизованного государства, в котором традиционно управляли бы все те же ученые-конфуцианцы, знатоки великой мудрости древних, отстаивавшие генеральный для китайской цивилизации принцип социальной гармонии и справедливости с равенством жребия для каждого, кто обладает соответствующими потенциями и стремлениями.

Охарактеризованный выше конфуцианский в своей основе религиозно-цивилизационный фундамент старого Китая во многом определял судьбы этой страны в XIX и тем более в XX в.

Открытая для заимствований и даже достаточно охотно перенимавшая чужие идеи традиционная китайская мудрость имела тем не менее определенный предел, потолок заимствований, не говоря уже о практике переработки чужих идей до неузнаваемости. Выработанная веками, эта практика трансформации чуждого интеллектуального потенциала создала определенные стереотипы, сущность которых сводилась к тому, что перенимается прежде всего то, что как-то созвучно своему, привычному, и что может поэтому укрепить хорошо известное свое, придав ему новые возможности. Именно это было продемонстрировано в случае с тайпинами, а позже стало лозунгом в официальной политике самоусиления. Это же определило собой отношение к европейским идеям и институтам, от демократии и либерализма до социализма и коммунизма, после крушения империи.

Идеи равенства и справедливости, поиск социальной гармонии и ориентация на стремящегося к ней, ищущего его авторитетного лидера-мудреца – в крови китайской традиции. Отсюда – с легкостью воспринятая Китаем идея революции с ее ориентацией на лозунги Сунь Ят-сена; отсюда же и взлет влияния компартии во главе с Мао. Идея о ведущей роли государства и аппарата власти с его бюрократической иерархией – опять-таки в крови китайской традиции с ее неизменной ставкой на централизованное регулирование хозяйства. Именно это проявило себя во времена самоусиления, в годы успешных экспериментов гоминьдановского правительства до второй мировой войны, и, наконец, в период экспериментов Мао в КНР. Привычное отношение к частному предпринимательству как к поискам низменной выгоды, наносящим в конечном счете вред обществу в целом, определило и жалкое положение частного китайского капитала в годы самоусиления, и немногим лучший его статус в период власти гоминьдановцев, и тем более его ликвидацию при Мао. И еще одно: Китаем должны править мудрые правители, опирающиеся на хорошо знающих господствующую доктрину помощников. В свое время это были императоры с конфуцианскими чиновниками, рекрутировавшимися посредством системы экзаменов, а также многочисленными шэньпи, составлявшими их опору на местах. При гоминьдановцах во главе страны встали лидеры этой партии, опиравшиеся на хорошо знакомых с теорией Сунь Ят-сена функционеров, включая и военных. При Мао их место заняли активисты КПК, получившие сводное наименование «ганьбу» (кадровые работники-профессионалы).

В этой генеральной схеме, как то легко заметить, практически не было места тем институтам, которые не вписывались в традицию либо решительно противоречили ей. Нет слов, колониальный капитал немало сделал для того, чтобы разложить изнутри традиционную хозяйственную, а затем и социально-политическую структуру империи. Промышленное и торгово-экономическое развитие Китая в XX в. создало благоприятные условия для становления частного предпринимательства и проникновения в Китай соответствующих западных принципов и институтов. Однако приспособление мощной традиционной структуры к этим новшествам шло столь замедленными темпами и встречало столь яростное сопротивление (речь не только о восстании ихэтуаней, хотя оно говорит само за себя), что успехов в этом направлении было немного, даже несмотря на порой официальное поощрение со стороны государства, особенно гоминьдановского. Парадокс, но факт: те самые китайцы (хуацяо), которые во всей Юго-Восточной Азии, да и во многих других районах мира, вплоть до Америки, столь успешно проявляли себя на протяжении веков в качестве весьма динамичной и активной группы торговцев, а затем и удачливых предпринимателей, у себя дома оказывались совсем иными. И если задаться вопросом, что же им мешало, то ответ будет один: мощная государственная машина, т. е. бюрократический аппарат, опиравшийся на веками апробированную конфуцианскую традицию.

Формально эта традиция в XX в. уже как бы не признавалась, а китайский парламент вскоре после синьхайской революции даже принял на этот счет (правда, крайне мизерным большинством) официальное решение, отвергнув конфуцианство как государственную идеологию. Но реально традиция: продолжала функционировать, время от времени даже весьма активно и демонстративно. Именно она лежала в основе поведения китайского крестьянства – того самого, которое накладывало наиболее заметный отпечаток на весь ход событий в Китае в первой половине XX в. и привело, в частности, к победе КПК. И когда весь мир с удивлением следил за гигантскими социальными экспериментами Мао, стремившегося вогнать огромную

страну в коммунистическую казарму, в самом Китае все это воспринималось несколько иначе, ибо пусть не во всем, но в целом вписывалось в привычные нормы поиска социальной справедливости, государства высшей гармонии, управляемого обладающим харизматическим авторитетом великим мудрецом... Иными словами, традиция и здесь если формально и не вышла на передний план, то подспудно оказывала свое едва ли не решающее воздействие, причем традиция в ее полном объеме, включая не только конфуцианство, но и даосско-буддийский ее полюс со всей свойственной ему мистикой и магией, столь хорошо заметными на примере культа самого Мао.

И все-таки, учитывая все сказанное, нельзя не видеть и другого: в ходе длительного и болезненного приспособления старого Китая к новым условиям существования в стране многое менялось. Новые, в том числе заимствованные извне институты, нормы, стереотипы поведения постепенно усваивались, пусть порой в весьма трансформированном виде. Менялась традиционная система образования, ориентированная теперь на европейские стандарты. Это влекло за собой изменения в образе жизни и мышления новых поколений грамотного и образованного слоя людей, по-прежнему традиционно управлявших страной. Развивались города, превращаясь в центры современной промышленности и культуры. Экономика Китая, несмотря на все потрясавшие ее войны и революции, деструктивные социальные катаклизмы и эксперименты, не только не разваливалась, но даже постепенно укреплялась, что во многом достигалось за счет упорства и трудолюбия, организованности и дисциплины, традиционной культуры труда населения. Развивалась инфраструктура современного типа. Словом, традиционно практичный и прагматичный Китай как бы интуитивно, порой вопреки его признанным лидерам, усваивал все то полезное, что могло пригодиться для последующего процветания страны. И пусть этот процесс усвоения был непоследовательным и противоречивым, пусть он то и дело встречал яростное сопротивление как со стороны традиции, так и в лице экспериментаторов вроде Мао, тенденция все же ощущалась.

Словом, традиционный Китай не был, начиная с середины прошлого века, закрыт для перемен. Напротив, он, несмотря на мощный пласт традиционного фундамента, был открыт для трансформации, которая и составляла едва ли не главное внутреннее содержание развития страны за последние теперь уже почти полтора века. Но, в отличие от Японии, о которой пойдет речь дальше, Китай был не столько даже более сильно скован традицией, сколько был несколько по-другому ориентирован и ограничен ею. Сила государства и бюрократической власти, помноженная на века отработанной техники управления, опирающаяся на многотысячелетнюю общепризнанную традицию, не могла быть сломлена с легкостью, тем более что речь шла не столько о ломке одряхлевших институтов, сколько о крушении привычных стандартов бытия, о радикальной трансформации веками воспитывавшегося социального сознания. Неудивительно поэтому, что прагматичный Китай воспринимал, причем весьма избирательно, из потока нахлынувшего в страну нового именно то, что было ему наиболее близко и понятно, что хоть как-то вписывалось в хорошо знакомые ему нормы, порядки и ценности. Неудивительно и то, что все новое в китайских условиях привычно трансформировалось и приспособлялось, обретая несколько иные формы, а порой и иное содержание, будь то промышленное развитие или идеи социализма.

Существенно и еще одно важное обстоятельство. Китай не стал, да и не мог стать легкой добычей колониального капитала. Вовсе не случайно также и то, что в отличие от Индии эта страна оказалась не по зубам державам, включая и агрессивную Японию. Здесь вновь сказалась сила традиции: можно, иногда даже сравнительно легко, завоевать империю, но практически невозможно быстро и с легкостью трансформировать ее. Китай не раз бывал завоеван – но при этом всегда оставался Китаем, тогда как завоеватели неизменно окитаивались. Практически это значит, что колониальные державы не могли рассчитывать на превращение Китая в колонию, в чем с наибольшей определенностью убедились японцы в 30–40-е годы нашего века. Но при всем том столетие колониальной экспансии не обошлось Китаю дешево. Конечно, страна многое получила за счет навязанных ей едва ли не силой идей и институтов и в конечном счете сама стала ориентироваться на европейские стандарты в экономическом и социально-политическом развитии. Однако все это шло не просто на фоне яростного внутреннего сопротивления традиционной структуры, а в условиях почти непрерывной борьбы,

в том числе вооруженной, ослаблявшей Китай и то и дело вновь ввергавшей его в состояние глубокого кризиса.

Все вышесказанное – от состояния перманентного кризиса, длившегося едва ли не столетие, до потрясших страну гигантских экспериментов Мао, стоивших ей столь дорого, – было в некотором смысле той весьма высокой ценой, которую Китай был вынужден заплатить за процесс структурной трансформации и приспособления, болезненный, но жизненно необходимый ради самосохранения страны и народа в новых условиях существования. Что же касается внутренних потенций для подобного рода трансформации, то именно в Китае, как и во всей зоне ориентированной на Китай дальневосточной цивилизации, они реально существовали едва ли не в большей степени, чем в любом из других неевропейских регионов, не исключая, пожалуй, и Латинской Америки. Подробнее об их сути речь пойдет в следующей главе. Пока же весьма целесообразно продемонстрировать аналогичные и во многом родственные им потенции на примере соседней с Китаем и дочерней по отношению к нему в цивилизационном плане Японии.

Феномен Японии

То, что обошлось Китаю так дорого, Японией было достигнуто с завидной легкостью, причем оказалось для нее лишь неким стартовым уровнем, в довольно скором времени не просто превзойденным, но и оставленным далеко позади. Япония – единственная из неевропейских стран, чье развитие уже к рубежу XIX–XX вв. позволило ей не просто сравняться с ведущими европейскими державами, но и стать одной из наиболее влиятельных и успешно развивающихся капиталистических стран мира. Гак в чем же разгадка феномена Японии?

Конечно же, речь должна идти о сложном комплексе причин, об уникальном стечении благоприятных условий и обстоятельств, определивших успех Японии в те весьма неблагоприятные для развития неевропейского мира десятилетия активной экспансии европейских держав, которые ознаменовали собой колониальный раздел мира и насильственное втягивание внутренне не готовых к этому стран в жесткие сети мирового капиталистического хозяйства. Внешне, по сути своей, ситуация была в принципе одинаковой для всех, хотя каждая из стран Востока переносила ее по-своему и имела собственную судьбу, как правило, весьма незавидную. Исключением оказалась Япония, так что неудивительно, что ее судьба заслуживает особого, специального анализа.

Япония, как и Китай, «открывалась» капиталистической Европой дважды. Первый раз это было в XVI в. и сопровождалось знакомством с христианской (католической, преимущественно в ее иезуитской модификации) религиозной культурой и с достижениями европейской науки и техники того времени. Второй раз – после длительных веков «закрытия» страны и строгих официальных ограничений на сношения с Западом. Интенсивные контакты начались лишь в середине прошлого века. Однако, в отличие от Китая, изоляция Японии от европейского мира не только не была абсолютной (абсолютной она не была и для Китая), но и не сопровождалась высокомерным официальным отторжением всего иноземного, демонстративным пренебрежением по отношению к нему. Напротив, японцы, привыкшие перенимать у других народов (прежде всего из Китая) все полезное и пригодное для собственного развития и не видевшие в том ничего для себя зазорного либо унижительного, активно продолжали следовать этому весьма благоприятному для себя принципу и в период формального закрытия страны от влияний Запада. Более того, именно на протяжении веков «закрытия» продолжались энергичные контакты японцев с господствовавшими в юго-восточноазиатском регионе голландцами, а результатом подобных контактов оказалось достаточно широкое и энергичное распространение в Японии достижений западной науки и техники, получившей наименование «голландской науки» (рангакуся). Можно, таким образом, сформулировать первое из благоприятных обстоятельств, способствовавших формированию феномена Японии: это веками воспитанная склонность к активным полезным заимствованиям извне при отсутствии столь характерного для Китая почитания собственной мудрости и пренебрежения к представителям иных культур.

Островное положение Японии, обусловившее периферийность статуса этой страны в системе дальневосточной цивилизации и вызвавшее к жизни только что упомянутую склонность к полезным заимствованиям, имело своим следствием и еще одно немаловажное обстоятельство, а именно – особую роль торговли и мореплавания (вспомним о той роли, которую то и другое в свое время сыграло в судьбах финикийцев и древних греков). Вообще-то формально торговцы в Японии, как и в Китае, занимали приниженное положение: среди официально признанных сословий (самураи – крестьяне – ремесленники – торговцы) им принадлежало последнее место. Но тем не менее реальный статус торговцев был более предпочтительным, нежели в Китае, так как их поддерживали заинтересованные в развитии своих княжеств всесильные даймё. Эти последние не только предоставляли соответствующие льготы своим городам и их торговому люду, но и заботились о развитии морской торговли. Слабость же централизованной власти и специфика сёгуната как системы, ориентированной прежде всего на поддержание военной силы и сохранение статус-кво во взаимоотношениях с влиятельными даймё, объективно способствовали тому, что торговля и мореплавание в позднесредневековой Японии были чем-то вроде частного предпринимательства, находившегося под верховной опекой заинтересованных в этом князей. Еще раз можно напомнить, что нечто похожее было в эти же века и во взаимоотношениях Китая со странами южных морей, где активно действовали китайские торговцы. Но если китайцы были при этом формально не связаны с властями империи и даже как бы официально исключались из сферы их внимания, то с японцами дело обстояло иначе. Менее многочисленные и более тесно связанные с родными местами, они находились под покровительством своих даймё, что уже в XVII в. привело к возникновению в Японии богатых торговых домов, в том числе знаменитых впоследствии Мицуи и Сумитомо.

Именно через посредство связей такого рода торговцев с внешним миром осуществлялись, в частности, и контакты с голландцами, проникали и заимствовались достижения европейской науки и техники. Этот важный фактор, сыгравший свою серьезную роль в появлении феномена Японии, следовало бы в общих чертах охарактеризовать примерно так: торговля и мореплавание японцев, имевшие – как и в случае с китайцами в те же века и в том же регионе – характер частнопредпринимательской деятельности, опирались в своем развитии на активную поддержку со стороны власти имущих в Японии, что не могло не сыграть определенной роли в укреплении формального и, главное, реального статуса торговцев в этой стране.

Итак, японские торговцы и покровительствовавшие им князья вели частнопредпринимательскую по характеру активную внешнюю торговлю и заимствовали достижения западной (голландской) науки и техники – прежде всего те из них, которые способствовали развитию все той же торгово-предпринимательской хозяйственно-экономической деятельности, включая плантационное хозяйство, горнодобывающие промыслы и металлургию, судостроение, изготовление оружия. Те же отрасли экономики развивались и усилиями централизованной власти, сёгуната, т. е. были объектом внимания со стороны государства и являли собой неотъемлемую часть государственной экономики, хорошо известной в традиционной Японии, как и на всем Востоке. Однако существенная разница была в том, что, по сравнению с Китаем, государство в Японии было несколько иным, причем разница в конечном счете была в пользу частнопредпринимательского начала.

Как о том уже шла речь, в Японии по ряду причин не сформировалась гражданско-бюрократическая система власти с соответствующим аппаратом чиновников, который рекрутировался бы по китайской модели с помощью системы экзаменов. Альтернативой здесь оказалась система военной власти в форме сёгуната, где функции чиновников исполняли в основном самураи, воины-рыцари с характерным для них кодексом воинской доблести и рыцарского долга (бусидо). Восходя по основным параметрам к китайской традиции (верность долгу чести, преданность господину, почтение к старшему, культ добропорядочности и готовность отдать жизнь во имя соблюдения священных принципов и норм поведения), кодекс самураев бусидо лишь внешне соответствовал требованиям

конфуцианства. По сути же он уводил самураев в сторону выполнения ими военной и военно-феодальной функции, что вполне соответствовало реалиям Японии, но кардинально отличало ее в этом смысле от Китая. Практически это означает, что в Японии не сложилось всеобъемлющего государства с его тотальным контролем над населением – того самого государства, которое в Китае сковывало китайских торговцев и позволяло им разворачивать их возможности лишь там и тогда, где и когда сильной опеки государства не ощущалось, т. е. вне Китая, в тех же странах южных морей. Отсутствие такого государства в Японии сыграло важную роль в успехах этой страны, особенно после реставрации Мэйдзи, когда молодое, буквально на глазах создававшееся государство во главе с императором не только не было обременено многовековыми традициями бюрократизма со всеми свойственными ему пороками, включая косность и коррупцию, но напротив, было широко открыто для полезных заимствований. Именно эти заимствования, хлынувшие потоком в конце XIX в., во многом способствовали созданию государственного аппарата на принципиально новых началах, включая европейские принципы конституционной монархии, гражданского общества, демократической процедуры и т. п.

Как о том уже говорилось, Япония в годы энергичного натиска колониализма оказалась в условиях национального подъема, быстрого роста и внутреннего развития, что выгодно отличало ее от подавляющего большинства других стран Востока, которые находились в эту пору в состоянии упадка, столь облегчившего колонизаторам осуществление их целей. Если прибавить к этому, что скудные природные ресурсы не делали в глазах колониальных держав Японию привлекательной, то на поверхность выступит еще один важный фактор, сыгравший свою роль в феномене Японии: эта страна в силу ряда причин оказалась как бы вне пристального внимания колонизаторов. Разумеется, со временем европейские государства приобрели свои позиции в экономике Японии, но не их усилиями здесь осуществлялся процесс энергичной внутренней трансформации традиционной структуры. Он осуществлялся усилиями молодого ориентированного на европейские стандарты государства, проводшего ряд радикальных реформ, а также стараниями весьма подготовленных к упомянутой трансформации торгово-промышленных кругов, немалое место в ряду которых заняли и вчерашние даймё, и самураи.

Что же касается нового японского государства, пришедшего на смену многовековому сёгунату, то о нем тоже стоит сказать несколько слов. Это было для Востока действительно необычное государство. Не имевшее в прошлом собственных традиций и ориентированное на разрыв с этим прошлым (с системой сёгуната), японское государство сознательно ориентировалось на иные стандарты, на заимствования с Запада. Это, в частности, проявилось в его отношениях с частнопредпринимательским сектором народного хозяйства. Если во всех без исключения странах Востока традиционное государство стремилось сосредоточить в своих руках контроль над трансформирующейся экономикой, строить новые промышленные предприятия и вообще управлять хозяйством страны, то в Японии дело обстояло совершенно иначе. Распродажа государственных предприятий в руки частных фирм была важным сигналом, свидетельствующим о том, что японская империя вполне сознает преимущества и экономическую эффективность именно частнокапиталистической формы управления экономикой и что государство не только легко смирилось с потерей им контроля над бурно развивающейся экономикой страны, но даже и весьма удовлетворено этим процессом, готово активно ему содействовать. Главными же функциями японского государства с конца прошлого века стали те, что характерны именно для государства западного типа – функции политические, т. е. осуществление политики, в которой заинтересованы прежде всего господствующие классы и социальные слои новой Японии. И в этом пункте пора перейти к еще одному важному фактору, определившему не только феномен Японии как таковой, но и облик японской империи, ее агрессивную политику в первой половине XX в., да и в конце XIX в.

Речь пойдет все о той же военной функции, о которой уже упоминалось в связи с оценкой статуса и позиций самураев в традиционной Японии. Откуда в Японии столь сильная и развитая военная традиция? Почему конфуцианство именно в этом важнейшем для себя пункте – принцип строго централизованной бюрократической гражданской администрации – оказалось вынужденным отступить? Можно было бы представить дело таким образом, что здесь сыграл

свою роль основной идейный соперник конфуцианства в Японии – буддизм, на протяжении ряда веков бывший официальной идеологией сёгуната. И в этом есть определенный резон, ибо хорошо известно, что буддизм в его специфически-японской форме дзэнбуддизма (вариант китайского чань-буддизма) сыграл весьма существенную роль в воспитании поколений самураев, проходивших выучку в дзэнских монастырях с их суровой ориентацией на дисциплину и повиновение наставнику. Но если даже так, то нельзя отделаться от мысли, что сам буддизм, столь невоинственный по своей сути, по доктринальной его основе, стал воинственным именно в условиях Японии. Почему же?

Видимо, здесь решающую роль сыграли исторические условия становления Японии как государства, расчлененность страны на острова и постоянная политическая вражда влиятельных сил при общей слабости власти центра. Как бы то ни было, но все это способствовало выходу на передний план военной функции в ее столь специфической для Японии военно-феодальной форме, во многом сходной с Китаем времен Чуньцю или со средневековьем в Европе. Принципы воинской доблести веками оттачивались, достигнув совершенства в виде упоминавшегося уже кодекса бусидо, свода норм поведения самурая (вплоть до известного харакири). Не исчезли они и после реставрации Мэйдзи.

Конечно, ликвидация сёгуната и реформы японской армии сыграли свою роль. Однако дух бусидо не ушел в прошлое. Напротив, с выходом на передний план находившейся до того в состоянии упадка национальной японской религии – синтоизма (вариант китайского даосизма) – с ее культом императора как потомка богини Аматерасу воинский дух японцев как бы обрел новое содержание: все воины страны, в том числе вчерашние самураи и их потомки, ставшие офицерским корпусом новой армии, должны были быть готовы умереть во имя величия новой Японии и ее императора. Отсюда – тот самый дух милитаризма, та откровенная агрессивность, которая стала проявляться во внешней политике Японии по мере развития экономической и прежде всего военно-экономической базы этой страны в конце прошлого века.

Выйдя на просторы континентальной Азии, капиталистическая Япония с конца XIX в. и особенно в первой половине XX в. стала откровенно демонстрировать не столько свои экономические успехи, хотя они были весьма заметными, и даже не столько свои заимствованные у европейцев формы организации государства и общества – хотя именно это в первую очередь привлекало симпатии многих реформаторов и революционеров разных стран Азии, в первую очередь китайских, – сколько чуть ли не средневековую по уровню жестокости свою воинскую традицию, нормы которой сводились к безжалостному уничтожению не только побежденных воинов, но и гражданского населения в завоеванных странах, как то было особенно заметно на примере Китая. Неизвестно, сколь далеко завел бы Японию этот ее питавшийся традицией агрессивно-милитаристский дух и соответствующая внешняя политика, если бы не поражение страны во второй мировой войне, которое послужило исходным пунктом трансформации страны и своего рода завершающим ключевым аккордом в том процессе, который можно назвать феноменом Японии.

Поражение Японии привело, как упоминалось, к коренной ломке внутренней структуры общества. Оккупационные власти США во главе с генералом Макартуром и его командой немало сделал для того, чтобы привить японцам буржуазно-демократические нормы поведения и заодно вытравить тот милитаристский дух, который сыграл свою роль в предшествующие поражение десятилетия. Результатом этих преобразований явился выход на передний план тех стандартов и характерных черт японского образа жизни, которые в итоге и обусловили бурное процветание страны во второй половине нашего столетия. Речь идет о возрождении традиций, гармонично сочетавшихся с теми необходимыми заимствованиями, без которых эффективное функционирование капитализма невозможно.

В отличие от Китая, длительное время относившегося к заимствованиям осторожно и весьма отрицательно, Япония решительно взяла те из них, которые были для нее в новых условиях жизненно необходимы и способствовали дальнейшему развитию либерально-демократических правовых и политических норм, процедур и гарантий существования собственника. Развитие в этом направлении в конечном счете – уже в наши дни – привело к индивидуализации молодого поколения страны (феномен, вызывающий немалую озабоченность в современной Японии), а его возможные деструктивные последствия были в

немалой степени компенсированы традиционной коллективистской этикой, конфуцианским патернализмом. Сочетание заимствованного и своего в японских условиях оказалось достаточно гармоничным: японская фирма действует на рынке как собственник, но в то же время представляет собой нечто вроде традиционной социальной корпорации, построенной на принципе патернализма и взаимной поддержки низших и высших во имя успеха общего дела, т. е. процветания фирмы.

Японское государство, будучи вынужденным решительно отказаться от агрессивной внешней политики, энергично переключило свою активность на поддержку экономической деятельности фирм, в свою очередь выступая по отношению к ним все в той же привычной функции всеобщего отца в рамках патерналистских взаимосвязей. И это опять-таки оказалось не только гармоничным, но и экономически весьма эффективным: не вмешиваясь в экономику непосредственно, государство всемерно содействует ее процветанию, разумно перераспределяя при этом в интересах общества в целом получаемые от упомянутого процветания огромные доходы. Демилитаризованные потомки японских самураев, приобретя необходимую подготовку и навыки, заняли свое место в рядах служащих все тех же фирм («самураи с портфелями», как их нередко называют) и соответственно переключили свою активность в производящее конструктивное русло. Во многом восходящее к традиционной конфуцианской дисциплине, культуре и этике труда поведение рабочих, гораздо более склонных к искреннему сотрудничеству с фирмой, нежели к борьбе с ее верхушкой во имя отстаивания своих прав, тоже вносит немалый вклад в процветание страны. Словом, радикальная переориентация японской активности в мирное русло дала бесценные плоды, превратив современную Японию в передовую по многим параметрам страну, включая самые престижные и наукоемкие современные отрасли производства, новейшую технологию, социально-психологический комфорт.

Разумеется, у современной Японии есть свои проблемы. Но феномен Японии важен в том отношении, что он как бы высвечивает внутренние потенции эволюции, которые были в определенной степени свойственны всей дальневосточной цивилизации и обязаны своим существованием специфической мировоззренческой и социально-этической ориентации, сложившейся еще в древнем Китае и развитой затем конфуцианством. В том, что дело обстоит именно так, убеждают сами японцы с их опытом, навыками, дисциплиной, с их заимствованной от конфуцианства (и не деформированной буддизмом или синтоизмом) этикой труда и быта, практикой патернализма. В этом же убеждают современные темпы и особенности развития ряда других стран конфуцианского культурного круга, от Сингапура до Кореи, да и неслыханные темпы преобразований и развития в современном Китае. Ничего похожего не в состоянии продемонстрировать другие регионы неевропейского мира, включая и Латинскую Америку. Не представляют исключения в этом смысле и страны, разбогатевшие на нефтедолларах, чьи успехи во многом основаны на труде наемников из других регионов, в том числе и с Дальнего Востока (имеются в виду, в частности, корейцы).

Трансформация Востока в период колониализма (теоретический анализ и сравнительное сопоставление)

Глава 16

Колониальный капитал и традиционный Восток

Сильное экономическое, а затем и политическое давление колониальных держав, включая и прямые военные захваты, сыграли роковую и решающую роль в судьбах Востока. Практически каждая из стран Азии и Африки (это в той или иной мере коснулось и всего остального неевропейского мира) оказалась втянутой в мировой рынок, поставленный на службу капиталу, и уже хотя бы в силу этого подверглась заметной внутренней трансформации. Изменялось многое: и характер производства, и его объем, и связанные с ним привычные

трудовые навыки, и образ жизни значительной части населения, особенно городского, и веками считавшиеся незыблемыми духовные ценности, в том числе отношение человека к обществу, природе, миру в целом, к жизни... Но как именно все это изменялось? Как традиционная структура, в силу необходимости приспособившаяся к новым условиям существования, реагировала на вынужденные перемены, сочеталась с теми чуждыми ей структурными элементами, которые были связаны с европейской традицией и без которых колониальный капитал в странах Востока не мог эффективно функционировать?

Для ответа на эти вопросы нужно прежде всего выявить и проанализировать параметры и элементы обеих сопоставляемых структур, европейской и традиционной восточной, а также обратить внимание на связывающие эти структурные элементы типовые связи и на иерархию упомянутых связей.

Европа и Восток: структурный анализ

Как о том уже шла речь в первой части работы, европейская (античная) модель общества сложилась на основе ранней модификации восточной, бывшей в то отдаленное время единственной исходной структурой для развития цивилизации и государственности. Можно спорить на тему о том, были ли в Греции до реформ Солона структуры, в чем-то близкие к ней (например, крито-микенская), но несомненно, что эти предшественники гораздо ближе к типичной для ранних восточных обществ структуре, нежели к античности. Иными словами, античная Греция складывалась на фундаменте, подготовленном ранними политическими структурами восточного типа. Общность исходного фундамента – даже при условии радикальных изменений, которые имели характер социальной мутации и вызвали к жизни феномен античности, – означает существование какого-то минимума общих исходных элементов структуры. Попытаемся вычлени их.

Прежде всего, это производительное хозяйство на базе достижений неолитической революции и ранней металлургии, знакомое с избыточным продуктом и, как следствие этого, с разделением труда, обменом общественно полезной и необходимой для общества деятельностью, с восходящими к реципрокным связям первобытности принципами обязательного взаимобмена продуктами, товарами и услугами в натуральной либо товарно-денежной форме. Формами организации социума являются община с традиционными свойственными ей элементами самоуправления и политическая организация (надобщинная структура) с тенденцией к превращению ее в более или менее развитое государство, как централизованное, так и децентрализованное, вплоть до города-государства, полиса. Оба типа социума знакомы с неравноправием различных категорий населения, вплоть до бесправия чужаков-рабов, и, следовательно, с эксплуатацией чужого подневольного труда, хотя степень и формы неравноправия и эксплуатации во многом зависели именно от типа социума. Для каждой из сравниваемых структур характерна определенная система общественных отношений, соответствующая уровню, образу и принципам жизни коллектива, регулирующая жизнедеятельность общества и контролирующая все стороны его жизни, включая брачно-семейные отношения. Имеется также система жестко фиксированных нормативных установок, санкционированная религией и ставящая своей целью легитимизировать всю систему связей и статус каждого слесля населения.

Общих элементов, как видим, не так уж мало. К тому же они фундаментальны по характеру и значению – обстоятельство, во многом объясняющее привычку не придавать большого значения различиям между Востоком и Западом и связанное с этим стремление втискивать восточные общества и историю в жесткие рамки европейского стандарта. Однако, при всей их фундаментальности, эти общие элементы явственно отступают на второй план, как только заходит речь о различиях. Обратим внимание именно на них.

Производительное хозяйство античного общества, связанное с торговлей и мореплаванием, ориентировалось на рынок, было товарным и находилось в руках частных собственников, коллектив которых и составлял гражданскую общину. Она состояла из равноправных, но в имущественном плане неодинаковых граждан, тогда как остальная (как правило, меньшая) часть населения общины-полиса принадлежала к неполноправным, включая

и рабов. На базе традиций общинного самоуправления сложилась политическая организация, государство, считавшееся органом власти коллектива (лат. *res publica*). Причастность к власти не давала ни материальных выгод, ни привилегий; скорее напротив, это была обременительная, хотя и престижная обязанность. Демократическая процедура выборов обеспечивала регулярную сменяемость стоявших у власти, а правовые гарантии способствовали гражданской защищенности члена общины от посягательств со стороны властей. И хотя античный мир знал не только демократию, но и олигархию, даже тиранию, элементы античной структуры с древности оказались теми несущими конструкциями, на которые Опирался каркас общества: понятия и представления о правах, свободах, гарантиях, демократических процедурах, достоинстве гражданина и прерогативах собственника формировали нормы жизни, мировоззрение и всю духовную культуру. Общество безусловно доминировало над государством, а государство было его слугой (или, по Марксу, орудием в руках господствующего класса) – при всем том что на практике бывало разное, особенно в период упадка Римской империи, при господстве императоров типа Нерона или Калигулы.

Структура античного типа подверглась существенной деформации после падения Рима. Германская Европа раннефеодального типа была структурно чуждой ей. Правда, христианизация способствовала усвоению цивилизационного наследия античности, но процесс шел медленно. Только с начала II тысячелетия н. э. во многом благодаря развитию городской жизни и городских республик (Венеция, Флоренция, Ганза и пр.), где в силу необходимости элементы античной структуры с их правами и гарантиями частного собственника, покровительством торговле и мореплаванию стали выходить на передний план, наследие античности начало усваиваться более быстрыми темпами, которые еще возросли в эпоху Возрождения и в последующие столетия, когда на смену германскому феодализму пришли абсолютистские государства с поднимающим голову третьим сословием, т. е. зарождающимся классом буржуазии. Капитализм в интересующем нас плане структурного анализа – наследник, детище античности, проявивший свои потенции в условиях преодоления феномена феодализма, чуждого ей. Именно он не только возродил основные элементы античной структуры (господство частного собственника, ведущего ориентированное на рынок товарное хозяйство; защищающие этого собственника-гражданина права, свободы и гарантии; конституционное государство с демократическими процедурами и нормами; свобода мысли, развитие наук, искусств и т. п.), но и, опираясь на них, достиг небывалых темпов развития буквально во всех сферах экономики, что к эпохе колониализма создало ему выгодные позиции, особенно по сравнению с Востоком, куда и была устремлена его экспансия.

Восток структурно был во многом противоположен античнокапиталистической Европе, о чем было уже немало сказано. Альтернативой частной собственности здесь была власть-собственность, альтернативой гражданской общины-полиса и демократии, прав и свобод были всевластное государство с административным аппаратом власти и приниженность, «поголовное рабство» подданных, не имевших представления о свободах и гарантиях частного характера, но живших по нормам санкционированного религией обычного права и объединенных при этом в рамки социальных корпораций, растворявших в себе все индивидуально-личностное. Конечно, в обществах Востока, как об этом тоже шла речь, на определенном этапе их развития возникали и частная собственность, и товарно-денежные отношения, и эксплуатация зависимых. Все это, однако, существовало как бы на другом уровне, вне сферы взаимоотношений между государством и его подданными, вносившими, рентуналог в казну. Кроме того, государство, как правило, бывало недовольным, если частный сектор чрезмерно развивался. Для подавления частного собственника использовались, причем весьма успешно, рычаги власти, что превращало частнособственнические отношения не просто во вторичный, но в подконтрольный власти и всецело зависимый от нее сектор народного хозяйства. Собственно, обо всем этом уже шла речь в первой и второй частях работы. Но напоминание об этом имеет свой смысл, как то сейчас станет очевидным.

Дело в том, что было бы неверным недооценивать роль и место, даже жизненно важную значимость сектора частной экономики, о вторичности, зависимости и несамостоятельности которого только что шла речь. Восточная структура как гигантская саморегулирующаяся система отнюдь не случайно всегда сохраняла этот сектор, хотя и держала его под контролем.

Здесь нет противоречия. С точки зрения самосохранения структуры, частный сектор нельзя было выпустить из-под контроля, ибо стихия частнособственнического предпринимательства в этом случае грозила не просто немалыми экономическими и социальными потрясениями. Она была в состоянии подорвать структурные основы и тем поставить под сомнение стабильность, даже само существование социума и государства – речь не о создании иной структуры, скажем, капиталистической, а именно об ослаблении существующей и о крушении ее, о гибели соответствующего государства, об уходе с исторической арены соответствующего социума, а то и вообще данного народа. В то же время с точки зрения устойчивости и стабильности сложного и развитого социума и государства частнопредпринимательская активность, этот второй и, в отличие от первого, государственного, необычайно активный, тесно связанный с рынком и товарно-денежными отношениями сектор хозяйства всегда был жизненно важным, необходимым. Почему?

Потому что это своего рода антично-капиталистический механизм в миниатюре. Без прав и свобод, без демократии и конституции, без гарантий и даже в условиях жесткого контроля и повседневного надзора властей частный сектор и в условиях традиционного Востока делал примерно то, что он с несравненно большим успехом делал и делает в античной и капиталистической Европе. Он способствовал нормальному функционированию экономически развитого гигантского социального организма, наполнял его разветвленные кровеносные сосуды, всю систему кровообращения свежей, незастоявшейся кровью. Конечно, чрезмерная активность этого сектора могла привести, как только что упоминалось, к кризису и гибели традиционной структуры – своего рода апоплексическому удару. Примеры тому в немалом количестве даются самой историей, и об этом уже шла речь, особенно в связи с династийными циклами в Китае. Но чрезмерное ослабление рыночного сектора и тем более насильственная его ликвидация чревата не менее серьезными кризисами и последствиями, что опять-таки показала история на примере того же Китая, правда, в несколько иные времена и при других обстоятельствах, но тем не менее в структурно аналогичной ситуации (речь об экспериментах Мао, попытавшегося было в годы «большого скачка» отменить товарно-денежные отношения).

Сказанное означает, что, помимо общности фундамента, есть и еще нечто общее в структуре Востока и Запада – частный сектор в экономике. Но, если этот сектор на традиционном Востоке исполнял функции, аналогичные тем, которые он осуществлял в Европе со времен античности и до капитализма, то в чем же разница? Разница есть, и принципиальная. Однако она заключена не столько в структуре, хотя в ней несходство кардинальное, сколько в характере и иерархии типовых связей, соединяющих между собой различные элементы и тем придающих структуре тот или иной облик.

Типовыми связями господствующего типа для антично-капиталистической Европы являются рыночные, которые соединяют основные элементы структуры (собственников и производителей, свободных и зависимых, общество и государство) при наличии соответствующих прав, свобод и гарантий как фундамента этих связей, явно господствующих. Есть, конечно, и иные – семейные, клановые, сословные, властные связи, причем временами, особенно на первом этапе феодализма в Европе, они весьма давали о себе знать, порой даже выходя на передний план. И все же в целом для античнокапиталистической Европы была всегда характерна именно только что описанная иерархия связей: на первом плане рыночные, опосредованные частной собственностью, на втором – все остальные.

Совершенно иная иерархия связей на традиционном Востоке. Связи рыночные, опосредованные не только и даже не столько частной собственностью в ее привычной для Европы форме (недаром Маркс считал отсутствие таковой «ключом к восточному небу»), сколько многочисленными иными нормами привычных взаимоотношений. На Востоке в любом случае вторичны и второстепенны, при всей их жизненной важности для структуры в целом. На первом месте в иерархии типовых связей здесь находятся иные – те, что опосредованы государством, властью-собственностью и просто властью, господством административного аппарата или аналогичного ему аппарата военно-административного, т. е. системой централизованной редиистрибуции. Речь идет о традиционных типовых связях между социальными низами (производителями) и правящими верхами, независимо от конкретных форм их, вплоть до таких, которые имеют облик варново-кастовых. Второй важный тип связи,

характерный для традиционного Востока, это связи корпоративные, сила которых вполне ощутима на протяжении всей его истории, вплоть до наших дней. Сущность таких связей сводится прежде всего к вертикальным патронажно-клиентным связям, жизненно необходимым для выживания небольших социумов в условиях произвола власти и отсутствия прав, свобод и гарантий. Этот тип связей тесно переплетается как с первым (официальным, государственным, административным), так и с третьим, опосредованным частнособственническими отношениями. Таким образом, на традиционном Востоке можно зафиксировать определенную иерархию переплетающихся типовых связей. Высшее место занимают официальные, государственные, второе – корпоративные патронажно-клиентные, тесно переплетенные с официальными, а третье – рыночные, тоже, к слову; далеко не свободные, как на Западе, но, напротив, опутанные связями двух других типов.

При всей кажущейся усложненности общая схема здесь предельно проста, как и в Европе. Только там она ясна и сравнительно чиста, стройна, ибо рыночные связи лишь в очень незначительной степени сплетаются и тем более обуславливаются чем-то привходящим, будь то связи других типов (семейно-клановые, сословные, властные, патронажно-клиентные) или вообще любые формализованные и неформальные контакты. Решения диктуются обычно или, во всяком случае, прежде всего жестким законом прибыли, перед которым любые иные расчеты, связи, контакты, интересы и т. п. отходят на задний план, а то и исключаются вовсе. Что же касается традиционного Востока, то именно рынок и прибыль здесь не то чтобы мало ценятся, но в любом случае иерархически подчинены иным ценностям и зеками складывающимся типовым связям, от официально-административных, властных, командных до патронажно-клиентных, семейно-клановых, формализованных и неформальных. Едва ли не все типы связей на Востоке более предпочтительнее, нежели товарный рынок и прибыль, как бы отстраненные от людей, от общества, от привычек, интересов и предпочтений коллектива. Словом, здесь господствует иная, чем на Западе, система общепризнанных ценностей.

Дело, таким образом, не только в отношении к частной собственности и тем более к прибыли, которая, как известно, является признаком прежде всего развитого капитализма. Вопрос следует поставить шире и провести грань между ориентацией на материальную выгоду индивида-собственника в одной структуре и корпоративными связями, коллективизмом, свойственными другой. И речь здесь отнюдь не о предпочтениях либо склонностях. Имеется в виду жесткий закон жизни: либо он на стороне собственника, либо на стороне коллектива, завершающей и высшей формой организации которого является всемогущее государство. Закон, о котором идет речь, – это не только и даже не столько материальные условия бытия, формы организации хозяйства или соответствующие им правовые нормы, права, свободы и гарантии. Это нечто гораздо большее. Это весь стиль жизни, санкционированный веками складывавшейся нормативной практикой, за спиной которой стоит тот самый религиозноцивилизационный фундамент, которому было уделено специальное внимание в предшествующем изложении. Это именно тот порядок, который гарантирует незыблемость и стабильность данной структуры, того или иного традиционного государства и общества. Поколебать – такой порядок крайне рискованно, ибо это грозит структуре кризисом и крушением, не говоря уже о том, что внутри самих традиционных структур практически нет сил, которые были бы столь мощны и опирались на достаточно надежную опору для того, чтобы изнутри взломать традицию. Для этого необходимо было вмешательство извне.

Колониализм на Востоке

Но не всякое вмешательство имеется в виду. Вспомним еще раз тысячелетний период эллинизации, романизации и христианизации Ближнего Востока. Медленно и крайне неэффективно шел здесь процесс преодоления восточных традиций – там, где он все-таки шел. Но что поразительно: стоило исламу начать свое победоносное шествие, как на протяжении жизни одного поколения ситуация решительно изменилась. От западных влияний почти ничего не осталось, если не считать немногочисленных элементов античной духовной культуры, запечатленных на арабском языке и переданных в таком виде европейскому средневековью (в самом мире ислама, как о том уже упоминалось, эти элементы не закрепились).

Пример весьма убедительный. Он наглядно демонстрирует силу традиции на Востоке. Силу эту практически можно было преодолеть только еще большей силой. Поэтому нет ничего удивительного в том, что структурная трансформация Востока началась лишь с эпохи колониализма, да и то не сразу, но только после того, как торговая колониальная экспансия была заменена промышленной, капиталистической, настоятельно требовавшей для своих нужд расширения рынков сбыта, превращения всего мира в гигантский рынок. Именно сила частнособственнической стихии, безудержно растущей, хорошо организованной и надежно защищенной всей мощью европейских государств, оказалась необходимой и достаточной для того, чтобы взломать защитный панцирь восточной традиции и заставить восточные общества приспособляться к изменившимся обстоятельствам. Выше было показано, как конкретно происходило это в разных регионах Востока. Теперь необходимо дать теоретический анализ этого процесса.

Что происходит с традиционной структурой, когда она подвергается воздействию со стороны колониального капитала? На первых порах, если не поставить преград активности торгового капитала (как то было сделано, в частности, в странах Дальнего Востока в XVI–XIX вв.), идет процесс постепенного усиления того вида типовых связей, который в нашей типологии находился на последнем месте, т. е. связей рыночных. Постепенно, как это происходило наиболее заметно в юго-восточноазиатском регионе, а затем также в Индии, на Цейлоне, на побережье Африки, чуть позже и в других странах Востока, рыночные связи укреплялись и развивались, причем происходило это не только за счет усиления позиций местных торговцев и подключения к торговым операциям все новых слоев населения, от крестьян до правителей (стоит напомнить, что именно вожди и правители прото – и раннегосударственных образований были чуть ли не главными поставщиками живого товара, как это особенно характерно было для Африки), но и вследствие создания многочисленных торговых форпостов европейцев. Форпосты, о которых идет речь, становились не просто анклавами чужой структуры; сосредоточивая в своих пределах едва ли не всю предназначавшуюся на экспорт торговую массу (а также соответственно импорт, т. е. европейские товары, как ни мало их было), эти центры оказывались гигантскими рынками, причем рынками нового, капиталистического типа.

Практически это означало, что торговые связи на территории форпостов, как и вообще стимулированные колониальным капиталом предприятия, в том числе выращивавшие пряности и иные продукты плантации, реализовывались на иных основах, нежели то было принято в мире восточных традиций. Законы раннекапиталистического рынка со всеми их жесткими нормами, с их откровенным культом удачливого собственника постепенно обретали права гражданства и в некотором смысле, в частности, в сфере торговли, начинали задавать тон. Речь не о том, что нравы на Востоке были мягче или человеческая жизнь стоила дороже. Имеется в виду нечто иное: традиционный Восток столкнулся с незнакомым ему жестким индивидуалистическим поведением собственника (пусть собственники объединялись в компании – все равно они оставались именно частными собственниками, а компании лишь усиливали их позиции). К этому столкновению он не был готов; от такого контакта он многое терял, причем не столько в материальном плане, сколько во всем остальном, включая ослабление традиционной структуры. Неудивительно, что те государства, что были сильнее, пытались ставить процессу проникновения определенные преграды. Одни закрывали свою территорию для иностранной торговли, другие всячески ограничивали эту торговлю. Однако рано или поздно, путем введения льготных режимов капитуляций либо прямо военными экспедициями типа «опиумных войн» все восточные рынки были открыты для колониальной торговли. Что за этим следовало?

Как упоминалось, вначале торговля носила несколько односторонний характер: восточный экспорт в значительной степени покрывался ввозом европейского (а точнее – американского) серебра. И коль скоро торговля шла однобоко, затрагивая лишь небольшие зоны производства, специально работавшие на экспорт, рынок в странах Востока не был единым. Было как бы два рынка: один по-прежнему обслуживал нужды местного общества традиционными для него товарами и в традиционных формах, тогда как другой, все

развивающийся и связанный с европейскими форпостами, был элементом внесенной на Восток и укрепившейся там колониальной капиталистической структуры. Конечно, связь между обоими рынками существовала, причем один из них – капиталистический – все более очевидно питался за счет соков другого, или, иначе, через посредство местного рынка питался соками колонизованного общества в целом. Позже, однако, ситуация стала изменяться.

Капиталистическая Европа все активнее завоевывала восточные рынки за счет экспорта своих товаров, проникавших на местные рынки Востока. Это вело к сближению колониальных рынков-форпостов с традиционными рынками восточных обществ, к постепенному втягиванию части традиционного рынка в операции с капиталистическими товарами. А это, в свою очередь, означало, что законы капиталистического рынка все ошутимее проявляли себя уже не только на территории форпостов, но и на всей территории восточных государств, прежде всего в городах. В тех странах, которые были превращены в колонии ранее других (Индонезия, Индия), такому процессу весьма активно способствовала колониальная администрация, которая на первых порах даже организована была в торговые компании, т. е. вполне откровенно ставила своей целью завоевать рынки. Такая же судьба, безусловно, постигла бы и Африку в XVII–XVIII вв., если бы Африка не была Африкой и тем самым не ограничивала бы реальные возможности колонизаторов тех времен.

На той стадии колониализма, о которой пока что шла речь (торговый колониализм XVI–XVIII вв.), традиционная структура в обществах Востока еще почти не была поколеблена, даже в тех странах, что были превращены в колонии. Правда, в колониях, и прежде всего в Индии, давление колониализма было уже весьма заметным, а рыночные связи с метрополией вели ко все усиливавшемуся выкачиванию материальных ценностей. Колонизаторы, стремясь укрепиться в колониях и будучи заинтересованными в последующей их рыночной эксплуатации, начинали все более очевидно заботиться о налаживании оптимальной администрации, что и привело, как известно, к ликвидации Ост-Индских компаний. Процесс такого рода был тесно связан с изменением характера колониализма, что в свою очередь было обусловлено становлением в метрополиях развитого промышленного капитализма, заинтересованного в рынках сбыта и источниках сырья. Собственно, именно с этого момента, как о том шла речь в начале третьей части работы, и начинается период колониализма на Востоке в собственном (полном) смысле этого слова.

Промышленный капитализм по-прежнему был заинтересован в развитии восточных рынков, в продаже там промышленных товаров и закупке во все возрастающих количествах сырья. Но для того, чтобы обеспечить удовлетворение бурными темпами возраставших потребностей в том и другом, следовало столь же быстро наращивать в странах Востока производство сырья (хлопка, каучука, минеральных ресурсов или чего-либо иного) и, главное, превращать все произведенное в товар, т. е. создавать все новые рынки, а точнее – единый всеохватывающий мировой рынок, организованный по капиталистическим стандартам и служащий интересам колониального капитала. А для того, чтобы такой рынок на всем Востоке был создан и достаточно эффективно функционировал, следовало, во-первых, поставить страны Востока в политическую зависимость от европейских капиталистических держав, а во-вторых, создать в этих странах ту инфраструктуру, от банков и предприятий до железных дорог, портов, баз и т. п., без которой рынок нормально существовать не может. К этому следует добавить необходимое количество грамотных и образованных людей, кадровых администраторов, работников банков и предприятий, без которых необходимая новая инфраструктура не в состоянии функционировать. Важно также поставить поевропейски образованных людей, проникнутых европейскими ценностными ориентациями, во главе стран Востока или хотя бы на ключевые социальные, экономические и политические позиции в этих странах.

Как легко заметить из материала предшествующих глав, именно все это и стремились осуществить колонизаторы и в захваченных ими колониях, и в тех странах Востока, от Турции до Китая, которые хоть в какой-либо степени находились от них в зависимости. Но как реагировал на это Восток?

Первой и естественной реакцией побежденной или, во всяком случае, потесненной со своих привычных позиций стороны было стремление приспособиться к новым условиям существования. Для традиционной структуры это означало многое, даже очень многое. Прежде

всего переоценку привычных ценностей при сравнении их с теми, что несли с собой колонизаторы, будь то торговцы или бизнесмены, солдаты или колонисты, миссионеры или администраторы. А сравнивать, конечно, было что. Европейская наука и техника, включая в первую очередь военную, говорила сама за себя. Быстро растущий западный стандарт уровня жизни, непривычные и все завоевывавшие новые позиции конституционно-демократические права, свободы, гарантии, защищавшие не только интересы собственника, но и достоинство гражданина, наконец, плюрализм политической жизни, ограниченная роль религии и санкционированных ею традиций – все это оказало немалое воздействие на социальные верхи Востока. Они были готовы активно сотрудничать с европейцами, жадно перенимали достижения науки и культуры, получали европейское образование и, пользуясь столь же активной поддержкой со стороны колониальной администрации, стремились сотрудничать с ней. Симптомом и проявлением такой позиции были и реформы соответствующего, плана как в колониях, так и в иных странах Востока. Реформы XIX в., если взять их в целом, были именно отражением стремления Востока вырваться чуть ли не единым резким рывком из состояния отсталости и в чем-то главным сравняться с демонстрировавшими свое превосходство европейцами.

Европейский эталон в то время был если и не знаменем, то во всяком случае надежным ориентиром для власти имущих. И хотя структура в целом обычно сопротивлялась реформам (олицетворением сопротивления были, как правило, религиозные круги, опиравшиеся на консервативную массу крестьянства), это сопротивление сравнительно легко преодолевалось, особенно в колониях, где политическая власть находилась в руках колонизаторов. Как в колониях, так и в других странах Востока осуществлялись конституционно-демократические преобразования по европейскому образцу, создавались законосовещательные советы или парламенты, начинала реализовываться процедура демократических выборов. Словом, вторая половина XIX в. была в некотором смысле временем надежд на то, что с традиционной структурой Востока справиться сравнительно легко и что в результате ряда реформ и умелой администрации Восток впишется в европейские стандарты или, во всяком случае, легко смирится с той ролью, которую он издавна играл в масштабах мирового рынка, а может быть и добьется большего на пути экономического развития. Иллюзия такого рода во многом объясняется тем, что в XIX в. Восток еще не был пробужден, что от его имени выступали немногочисленные слои социальных верхов, находившие общий язык с колониальными властями.

Ситуация стала изменяться к концу XIX в. и особенно в начале XX в. Меньше всего это было заметно в колониях, где шел непрерывный процесс преобразований, а административная власть была в руках колонизаторов. Правда, и здесь преобразования сопровождались сопротивлением пробуждавшейся традиционной структуры, все острее ощущавшей свое кризисное состояние и мобилизовавшей силы для самосохранения. Однако, лишенная реальной политической власти структура в колониях оказывала преимущественно пассивное сопротивление. Зато в тех странах, где политическая власть находилась в руках местных правителей и где вмешательство колониального капитала рассматривалось как вторжение чуждых сил, угрожающих привычному существованию, обстановка накалялась. Не превращенные еще в колонии страны Востока быстрыми темпами пробуждались. Но каков был характер этого пробуждения, наиболее яркое выражение которого олицетворено младотурецкой, иранской и китайской революциями?

Снова обратимся к экономической сути процесса взаимодействия колониального капитала и традиционных восточных структур. В колониях создание промышленных предприятий, банков и всей инфраструктуры шло за счет соответствующей активности колониального, т. е. европейского капитала, и лишь сравнительно небольшая доля частнособственнической активности приходилась на местное население, причем и среди его представителей ведущую роль часто играли представители не коренного населения, а мигранты, как, например, китайцы-хуацяо в Юго-Восточной Азии. Связанная с рынком частнопредпринимательская деятельность, хотя в принципе она и была знакома традиционному Востоку, по-прежнему стояла как бы особняком по отношению к привычной структуре и в гораздо большей степени была элементом капиталистической (т. е. чужой) структуры в данной колонии. В аналогичном

положении была и вся созданная колонизаторами и приспособленная для нужд предпринимательской деятельности и мирового рынка система администрации. Хотя и опиравшаяся на местное население, вписывавшаяся в местные реалии, эта администрация тоже была как бы чуждой для большинства народа. Возникал феномен своего рода симбиоза, вынужденного сосуществования. На нижнем уровне (в Индии – в общине, в Африке – тоже в общине, но несколько иной по характеру и уровню развития; примерно то же и в других колониях) господствовала традиция с характерными для нее типовыми связями семейно-кланового и корпорационного типа, с патронажно-клиентными отношениями, опутывавшими все другие, в том числе и рыночные, товарно-денежные. На верхнем – колониальная администрация и капиталистические предприятия, работавшие по законам мирового рынка. Где-то посередине одно с другим состыковывалось, традиционные связи сочетались с рыночно-капиталистическими, но ситуация в целом напоминала именно симбиоз, пусть не всегда в чистом виде.

Иначе обстояло дело в политически самостоятельных странах (к их числу следует отнести и те, что формально не были самостоятельными, но обладали весомой автономией, как многочисленные вассальные от Османской империи арабские государства). Здесь наряду с двумя только что описанными чуждыми друг другу секторами экономики, жившими по различным законам, существовало и нечто третье, как бы соединявшее признаки обоих. Это третье, синтетическое по характеру, – государственное хозяйство. Остережемся именовать описываемое явление госкапитализмом и обратим внимание на суть его. В политически самостоятельных структурах власть и связанная с нею верховная собственность (власть-собственность) традиционно была атрибутом государства, выступавшего в функции совокупного хозяина по отношению к платившим ренту-налог в казну подданным. Функции хозяина традиционно сводились к праву на избыточный продукт производителя с последующей его редистрибуцией в интересах структуры в целом и государства как аппарата власти в первую очередь. В условиях, когда в трансформировавшейся под воздействием колониального капитала традиционной структуре появился новый сектор экономики, связанный с мировым рынком и быстро прогрессирующий во многих направлениях, государство от имени общества и во имя сохранения и укрепления существующей и приспособляющейся к новым условиям структуры берет на себя функции совокупного частного предпринимателя и создает государственный сектор ориентированной на рынок, промышленной экономики.

Этот третий, протокапиталистический по типу сектор в трансформирующемся восточном обществе (или, если угодно, третий уклад в его хозяйстве) генетически восходит к первым двум, но не похож ни на один из них. Это принципиально новый сектор экономики Востока, возникающий в конце XIX в. и усиливающийся в XX в. По-разному выглядит он в Турции, Иране, Китае или Японии, но везде суть его одинакова: государство традиционно берет на себя функции генерального субъекта в системе производства, выступает р, функции предпринимателя и в то же время представителя общества, гарантирующего стабильность структуре в целом. Риск неудачи тем самым сводится до минимума (момент конкуренции – одно из наиболее уязвимых мест для тех, кто к ней не привык), но соответственно резко уменьшается и средняя экономическая эффективность сектора в целом и всех его предприятий в частности. Неэффективность государственного протокапиталистического хозяйства объясняется многими факторами и причинами (незаинтересованность обеспеченной гарантированным окладом государственного жалования администрации, неповоротливость на рынке, отставание в темпах модернизации и т. п.), но прежде всего тем, что это хозяйство опутано теми самыми типовыми связями традиционного восточного общества, о которых уже шла речь, т. е. связями первых двух типов – официальными государственными и патронажно-клиентными. Эти связи не просто искажают рыночно-капиталистический тип отношений, они делают государственную экономику современного типа не только неконкурентоспособной, но обреченной на отставание от капиталистической. Какую же роль сыграл сектор государственного протокапиталистического хозяйства в судьбах традиционного Востока?

В первом-втором десятилетиях нашего века, по свежим следам революций в ряде неколониальных стран Востока, многое казалось в иной перспективе. Революционеры, стоявшие у истока соответствующих революций, предпринимали очередное отчаянное усилие с тем; чтобы вырвать свою страну из пут отсталости и традиционной косности, чтобы резким рывком изменить характер власти; всю систему администрации, веками господствовавшие социальные и политические связи и, заимствуя у развитого капиталистического Запада многие из его идей и институтов, не просто резко ускорить, но и кардинально изменить характер и направление развития. Как известно, иранская революция потерпела поражение, а младотурецкая и синьхайская победили. Но парадоксален тот факт, что далеко идущих и различных по значению последствий эта разница не имела, ибо и победившие революции к подлинному пробуждению (если иметь в виду под этим термином преобразование традиционных порядков быстрыми темпами, да к тому же с ориентацией на европейские стандарты, идеи и институты) не привели. Правда, победившие революции вызвали к жизни следующие (кемалистскую – в Турции, гоминьдановскую – в Китае), несколько более радикальные и результативные, но и в этом случае следует говорить не столько о пробуждении всей страны, всего народа, сколько об определенной поляризации сил, характерной для всего Востока в XX в.

Дело в том, что реформы и революционные преобразования шли в основном сверху, порой осуществлялись силами революционной армии, но при этом далеко не всегда встречали понимание и признание со стороны низов. Создавалась парадоксальная ситуация: преобразования будили страну, а разбуженный народ не понимал и не принимал их, что привело в конечном счете в Китае к массовому антирыночному, антикапиталистическому крестьянскому движению, возглавленному КПК, а в Иране – к не менее массовой и такой же по характеру исламской революции 1978 г. В странах, где массовые движения не были характерны, эквивалентом их было пассивное сопротивление преобразованиям или навязываемым колонизаторами порядкам; там, где это было привычной нормой (в частности, в Индокитае), сопротивление принимало характер мощных народных движений. Ситуация совершенно очевидная: крестьянские массы преобразований по буржуазно-демократическому стандарту не желали, причем это было общей нормой.

Подытожим сказанное. Структурно трансформирующийся в период колониальной экспансии европейского капитала и соответствующего ему цивилизационного и частноправового стандарта Восток заметно изменился. Наряду с традиционным сектором его экономики, олицетворенным крестьянством и опутанным привычными типовыми связями, появились два новых – колониально-капиталистический, свободный от традиционных типовых связей и ориентированный на мировой рынок, и государственный, созданный по образцу колониально-капиталистического, но опутанный традиционными типовыми связями. Приспособление трансформирующегося Востока к изменяющимся обстоятельствам шло за счет двух новых сил и связанных с ними секторов хозяйства, т. е. за счет колониального капитала и государства. Основной силой сопротивления были традиционный сектор и связанные с ним крестьянские массы. Постепенное ослабление позиций колониального капитала, во всяком случае его политических позиций в зависимых странах, и деколонизация колоний привели в середине XX в. к тому, что основная тяжесть в решении нелегких экономических проблем легла на государство, выступившее в некотором смысле в качестве преемника колониального капитала – преемника не только в смысле политической власти, но во многом и в плане экономическом.

Перед государством и государственным протокапиталистическим сектором экономики в деколонизованном Востоке середины XX в. оказалась сложная задача: как наилучшим образом добиться желаемых преобразований, быстрых темпов развития? Конечно, перед всеми странами Востока был уже эталон, на который можно было бы равняться, т. е. Япония. Но она оказалась эталоном не для всех. Главным препятствием при поисках оптимальных возможностей для развития оказалось все то же несоответствие стандартов или, говоря проще, нежелание и неподготовленность основной части населения большинства стран Востока,

особенно Африки, к тем радикальным структурным переменам, которые необходимы для ускорения развития. Естественно, что в этих условиях государство вынуждено было брать на себя основную долю усилий в области промышленного развития и всей экономической модернизации той или иной страны. Но практически это означало, что трансформирующиеся страны Востока оказались лишенными главного фермента, ускоряющего развитие: частнособственнического (капиталистического) скольконибудь развитого сектора экономики и пользующейся всеобщим престижем частнопредпринимательской деятельности. То и другое оставалось неразвитым.

Итак, трансформация пробужденного Востока вынужденно сводилась прежде всего к укреплению позиций традиционного государства. В колониях оно было возрождено после деколонизации, в зависимых странах стало укрепляться в процессе реформ и революционных преобразований. И хотя сформировавшиеся таким образом государства в разных странах Востока были весьма различными, хотя каждое из них соответствовало веками складывавшейся традиционной нормативной культуре общества, исконному религиозно-цивилизационному фундаменту, а также обстоятельствам, вызвавшим его к жизни, все они в целом имели и нечто общее, функционально обусловленное. Этим общим была традиционная государственная система хозяйства. Разумеется, государственная протокапиталистическая экономика XX в., о которой идет речь, отличалась от того, что было характерным для доколониального Востока (характеристика традиционной государственной системы контроля над экономикой была дана в первых частях работы, что избавляет от необходимости вновь вести о ней речь). В новых условиях колониализма и тем более после обретения независимости и деколонизации государственное хозяйство стало иным, сочетавшим в себе признаки как традиционного, так и рыночно-капиталистического, о чем только что шла речь. Это означает, что наряду с простым симбиозом двух чуждых друг другу секторов хозяйства, что было характерным для колониального мира на ранних этапах его существования, появлялся сектор хозяйства, являющий собой как бы синтез прежде чуждых друг другу структур.

Проблема синтеза, поднимаемая в последние годы специалистами для объяснения феномена современного Востока, отнюдь не проста и не однозначна. Существуют различные трактовки этого феномена, но чаще всего речь идет отнюдь не о полном и тем более не о гармоничном синтезе своего и чужого. Конечно, в ряде случаев, будь то развитие государства дальневосточного региона или процветающие разбогатевшие арабские монархии, синтез более или менее очевиден, порой, как японский, гармоничен. Но в большинстве случаев можно говорить лишь о вынужденном синтезе, неполном и уродливом, т. е. все о тех же попытках традиционного восточного государства взять на себя роль хозяина, собственника, предпринимателя. Государство на Востоке всегда выступало в функции хозяина и собственника. Но одно дело выполнять эти функции в условиях медленно развивающегося или даже почти не развивающегося, ограничивающегося простым воспроизводством традиционного общества и совсем другое – вступить в соревнование с капитализмом и попытаться добиться быстрых темпов развития, сопоставимых с капиталистическими. В невыполнимости этой задачи как раз и заключается уродливость, неполноценность вынужденного синтеза: государство не в силах справиться с бременем, которое на него легло. И это не может не сказаться на результатах, т. е. на процессе развития. Хотя, как о том будет идти речь в следующей главе, и здесь все далеко не однозначно: не все традиционные структуры Востока имели равные тенденции и возможности их реализации в процессе развития.

Глава 17

Факторы и потенции трансформации

Если в предыдущей главе речь шла преимущественно об элементах структуры и соединявших их между собой типовых связях, а также об определенных переменам в характере и иерархии связей в ходе трансформации восточных обществ в период колониализма, то теперь задача будет несколько иной. Какие именно конкретные факторы влияли на процесс трансформации отдельных стран или групп (блоков) стран Востока? Каковы внутренние

потенции упомянутой трансформации? Иными словами, теперь речь пойдет о том, как общие принципы проявляли себя в каждом особом случае. Но прежде, чем перейти к сравнительному сопоставлению и соответствующим оценкам, необходимо четко сформулировать, о чем именно пойдет речь.

Факторы и обстоятельства, влиявшие на процесс трансформации

Итак, структурно традиционные общества Востока отличны от европейских; на переднем плане у них – иные типовые связи; в иерархии типовых связей последнее место занимают те (рыночные, товарно-денежные, безличностные), которые доминируют в античнокапиталистической Европе, причем и этот вид связей представлен здесь не в чистом виде, как в Европе, – он опутан связями остальных типов, более весомых и значительных для традиционных структур. Первоначальные контакты колониального капитала с традиционным Востоком не смогли преодолеть структурные различия и привели к феномену симбиоза. Позже, однако, промышленный колониальный капитал, поддержанный политической силой держав, взломал защитный панцирь традиций и принудил Восток к трансформации. Как же трансформировался Восток и от чего именно зависели формы, темпы и конечные результаты его трансформации?

Среди многочисленных факторов и обстоятельств, сыгравших при этом свою роль, можно вычленил три основные группы их, о которых теперь и пойдет речь.

Группа первая: внешние факторы. К их числу следует отнести природно-климатические, экологические, о значимости которых уже шла речь в связи с оценкой феномена Африки, а также первоначальной экспансии колониального капитала. Имеются в виду как жаркий климат тропической зоны, так и соответствующие условия жизни, в том числе непроходимые джунгли, пустыни. Можно напомнить и о суровых условиях вне тропиков, в том числе о горных долинах Афганистана. Совершенно очевидно, что образ жизни живущих в суровых природно-климатических условиях этнических общностей зависит от этих условий. Это, в частности, касается и кочевников, знаменитых арабо-африканских бедуинов, и представителей иных этноязычных групп Азии и Африки. Именно зона обитания делает кочевников кочевниками, но она же при этом и ставит определенные пределы их развитию – пределы, не выходящие за рамки прото – и раннегосударственных образований, за рамки самой начальной стадии формирования цивилизации и государственности.

Другой аспект природно-климатического фактора – природные ресурсы, как минеральные (нефть и т. п.), так и прежде всего растительные (пряности, хлопок, кофе, какао, чай, каучук, сахарный тростник, индиго и т. п.). Будучи, как и зона обитания, внешним по отношению к населению фактором, ресурсы в период колониализма не в меньшей степени определяли судьбы соответствующих стран, чем климат или почва.

К числу внешних факторов относятся и те, что связаны с непосредственным вторжением колонизаторов. Во-первых, это колониальный капитал, олицетворенный в торговых связях, в капиталистическом рынке с его жесткими законами частнопредпринимательской экономики. Во-вторых, давление колониальных держав, сила политической и военной мощи европейцев. И наконец, в-третьих, – демонстрационный эффект, т. е. наглядная демонстрация достижений и преимуществ европейской цивилизации и капиталистической экономики, в меньшей мере также образа жизни, прав, свобод и гарантий личности. Все эти факторы можно свести к одному – эффекту колониализма. В таком случае стоит говорить о двух типах внешних факторов – *природном* и *колониальном*.

Группа вторая: факторы внутренние. Среди них исходный уровень развития данной этнической общности едва ли не на первом месте. Ведь в конечном счете именно он, обусловленный прежде всего внешним природным фактором, определяет едва ли не все остальное. Первобытность и полупервобытность населения Тропической Африки убедительно доказывает этот тезис. Второй важный внутренний фактор, тесно связанный с первым, – это религиозно-цивилизационный фундамент или, точнее, мощь этого фундамента. От него зависят все остальные внутренние факторы – характер и тип ориентации общества, его мировоззрения и культуры; готовность и интерес к плодотворным заимствованиям; сила традиции и ее

готовность к сопротивлению; внутренняя сила общества и государства. Если свести все эти факторы к основным, то на передний план выйдут три: *уровень развития, религиозно-цивилизационный фундамент и сила опирающегося на традицию государства.*

Группа третья: обстоятельства. Здесь имеются в – виду исторические случайности, включая непредсказуемый исход военных столкновений, нахождение того или иного общества в данный момент (например, в период колонизации) на той или иной фазе его циклического развития. Следует принимать во внимание и расклад внутривосточных сил в тот или иной критический для данной страны момент, и случайно сложившуюся в данном регионе геополитическую конфигурацию (Сиам как барьер между английской и французской зонами колониальных владений в Индокитае). Важную роль в судьбах той или иной страны может сыграть драматическое или, наоборот, счастливое сочетание благоприятных случайностей и обстоятельств. Обобщая, вычленим два основных типа факторов, которые стоит принять во внимание, – *случай и стечение обстоятельств.* Оба фактора в истории чрезвычайно важны, ибо они могут повернуть ход событий, т. е. являются залогом неоднолинейности исторического развития.

Выстроим теперь вычлененные факторы в определенную цепь:

- природный фактор;
- уровень развития (речь о периоде колониализма);
- религиозно-цивилизационный фундамент;
- сила государства;
- эффект колониализма;
- случай;
- стечение обстоятельств.

Если пропустить сквозь сито вычлененных факторов государства или группы (блоки) государств, о которых шла речь в предшествующем изложении, многое может проясниться и, в частности, можно будет достаточно обоснованно вести речь о потенциях трансформации различных стран Востока. Попытаемся это проделать.

Страны Востока и факторы трансформации

Необходимо оговориться, что в распоряжении исследователей нет строгой шкалы отсчета или каких-либо надежных количественных данных. Разговор может идти только о сопоставлении с единственно нужной для анализа позиции: что содействует трансформации традиционной структуры и что препятствует этому процессу?

Начнем с колониальных стран первого блока.

1. Природные условия *Индии*, несмотря на экваториальную зону и джунгли, в целом удовлетворительны, хотя ни особым количеством пряностей, ни слишком благоприятными условиями для выращивания товарной продукции эта страна не отличается. Уровень развития этого гигантского субконтинента, при всей пестроте его огромного населения, для Востока безусловно выше среднего. Роль религиозноцивилизационного фундамента огромна, государства как института – незначительна. В этих условиях эффект колониализма в Индии оказался едва ли не наивысшим из вообще возможных: англичане сыграли огромную роль в судьбах этой страны, чему способствовали и неблагоприятные для Индии случайности и обстоятельства.

Резюмируя итоговый расклад всех факторов, заметим, что природные условия, хотя они и были импульсом, привлечшим колонизаторов, решающей роли в последующем не сыграли. Уровень развития был благоприятным для возможной трансформации, традиционная слабость государства также этому способствовала, равно как и эффект колониализма, и исторические случайности. Что касается религиозноцивилизационного фактора, то это была главная сила, противостоявшая трансформации. Иными словами, вектор силы мощного религиозно-цивилизационного фундамента всегда был направлен в сторону, противоположную усилиям колонизаторов. Примерно так же обстояло дело на Цейлоне, где к двум противостоящим факторам следует добавить и роль природных условий, объективно усиливавшую позиции колониализма (стремление европейцев к пряностям).

2. *Индонезия и Индокитай*, если исключить некоторые острова с их полупервобытным населением, а также близкие к ним по стандарту некоторые районы Северной Бирмы и Лаоса, соответствуют среднему уровню развития и считаются весьма богатыми ресурсами. Государство здесь, кроме Вьетнама, не слишком сильно, хотя сильнее, чем в Индии. Но не очень велика и мощь религиозно-цивилизационного фундамента, к тому же многослойного, с взаимно погашающими влияние друг друга разнородными элементами. Случай и стечение обстоятельств здесь работали как в пользу колониализма, так и в пользу традиционного общества (исламизация, в частности, усилила его позиции). Если вывести из анализа, как нейтральные, случай и обстоятельства (они, как упоминалось, сыграли свою роль в Сиаме) и уровень развития, то расклад сил будет выглядеть примерно так: опирающийся на богатые ресурсы эффект колониализма против сравнительно слабых, но действующих воедино религиозноцивилизационного фундамента и государственности.

3. Второй блок. *Тропическая Африка*. Богатые ресурсами, но крайне неблагоприятные для жизни людей природные условия, равно как и определенный ими уровень жизни здесь – факторы отрицательные. Религиозно-цивилизационный фундамент и государственность крайне слабы. В этих условиях о случае и стечении обстоятельств говорить не приходится, ибо ни то, ни другое ситуации изменить не в состоянии. Остается эффект колониализма, которому противостоит лишь опирающаяся на первобытные нормы отсталая традиция (включая религию и государственность). Исключения типа Эфиопии, увы, лишь подтверждают общее правило.

4. Второй блок, страны *Магриба, Сомали и Судан* (без Египта). Природный фактор и уровень развития можно считать средними, хотя на юге (Судан, Сомали) они ниже среднего. Религиозноцивилизационный фундамент (ислам) исключителен по силе и устойчивости, по своей консервативной стабильности и сопротивляемости. Государственность и сила власти выше средней, хотя и ослаблена случайностями и обстоятельствами, которые оказались против нее и в пользу колониализма. Примерный общий расклад сил: эффект колониализма, опирающийся на благоприятные случайности и обстоятельства, против исламской традиции и государственности.

5. Третий блок, мир ислама, *Турция и арабские страны*, включая *Египет*, т. е. страны, испытавшие сравнительно длительное воздействие колониализма. Природные ресурсы (если не считать поздно открытых запасов нефти) средние, даже ниже средних; уровень развития средний. Сила ислама и исламского государства (Османской империи) огромна. Случай и стечение обстоятельств скорее в пользу государства, чем против него (стоит вспомнить, что державы по ряду внешнеполитических причин не желали развала этой империи и в меру своих сил сохраняли ее). Эффект колониализма заметен, но не одинаков: очень силен в Египте, наиболее слаб в Турции. Общий расклад сил: колониализм против ислама и сильного исламского государства. В случае с *Ираном* расклад тот же, но в еще более жесткой форме противостояния. В случае с *Афганистаном* примерно то же, но при более низком уровне развития страны и народа и более жестких и неблагоприятных природных условиях, что на пользу традиции и объективно против колониализма. Примерно это же касается и отсталых арабских стран *Аравии*.

6. Четвертый блок, *Китай*. Природные условия средние, даже выше средних. Уровень развития выше среднего, может быть даже наивысший на фоне всех остальных стран Востока. Здесь – гигантская сила цивилизационной традиции и огромная мощь традиционного государства. Эффект колониализма ниже среднего. Но вот случай и стечение обстоятельств в XIX–XX вв. оказались против традиции и в пользу колониализма. Общий итог: сравнительно слабый эффект колониализма против мощной традиции, олицетворенной высокой цивилизацией и сильной государственностью.

7. Четвертый блок, *Япония*. Природный фактор и уровень развития средние, сила государства невелика, но роль цивилизационного фундамента огромна, причем в его пользу случай и стечение обстоятельств. Эффект колониализма уникален по характеру: сила его крайне незначительна, а влияние колоссально. Здесь фактически нет противостояния (опять-таки нечто уникальное на общем фоне), а общий вектор примерно таков: динамичная традиция, опирающаяся на цивилизационный фундамент и использующая благоприятные для

нее случайности и обстоятельства, активно впитывает все полезное и усваиваемое из того, что выше было названо эффектом колониализма, учитывая при этом, что в данном случае этот эффект предстает в наиболее благоприятном варианте, при почти не ощущаемом военно-политическом давлении держав и колониальной торговле, выгодной для самой Японии.

Итак, семь вариантов. Соединив четвертый и пятый (исламские), получаем шесть основных моделей:

Модель первая, исламская: эффект колониализма или, иначе говоря, Запад против ислама, его мощной религиозной традиции и сильного государства.

Модель вторая, африканская: колониально-капиталистический Запад против первобытности и полупервобытности, опирающихся на примитивную традицию и крайне слабую государственность.

Модель третья, индийская: мощный эффект колониализма против мощной цивилизационной традиции с ослабленной государственностью.

Модель четвертая, юго-восточноазиатская: мощный эффект колониализма против сравнительно ослабленной цивилизационной традиции и государственности.

Модель пятая, китайская: слабый эффект колониализма против необычайно мощной традиции, цивилизации, государственности.

Модель шестая, японская: динамичная традиция, обогащаемая за счет Запада.

Из этих шести моделей для последующего разбора можно исключить – коль скоро идет речь о возможных потенциях трансформации – модель вторую, африканскую. Совершенно очевидно, что здесь внутренних потенций для трансформации практически нет, что только силовое воздействие извне и в буквальном смысле слова навязывание Тропической Африке европейских капиталистических стандартов оказались практически единственным импульсом, способствовавшим трансформации. Логично сделать из этого вывод, что и в последующем, т. е. после деколонизации, трансформация будет идти преимущественно за счет капиталистических методов, тогда как попытки изменить ее характер за счет усиления роли государства и огосударствленной по марксистско-социалистическому стандарту экономики объективно могут лишь привести к выходу на авансцену той самой первобытной общинной традиции, о которой уже упоминалось.

Можно также объединить в подварианты третью и четвертую самостоятельные модели. В этом случае количество их сведется к четырем: *исламская, индо-юговосточноазиатская* (сильные позиции колониализма против слабой местной государственности, но с подвариантами: при сильной и при ослабленной цивилизационной традиции), *китайская* и *японская*. О феномене Японии уже шла речь, так что эту уникальную модель из анализа можно исключить. Остаются три – исламская, индо-юговосточноазиатская и китайская. Собственно, именно эти три охватывают собой практически весь Восток (кроме территориально небольшой Японии и Тропической Африки), именно они соответствуют трем великим цивилизациям Востока – исламской, индо-буддийской и дальневосточной, конфуцианской. Это означает, что основные факторы и потенции трансформации в конечном счете логично сводятся к цивилизационным в своей глубинной основе моделям.

Индия и Юго-Восточная Азия: потенции трансформации

О факторах, оказывающих воздействие на процесс трансформации, уже говорилось; составлена и генеральная формула модели в двух ее модификациях – для Индии и для Юго-Восточной Азии. Основная характеристика модели – исключительно важная роль колониального капитала и колониальных держав для стран, давно и надолго превращенных в колонии. Само собой разумеется, что государства здесь, если они были, оказывались под высшей властью колониальной администрации, имели мало реальной власти и отличались внутренней слабостью. Как упоминалось, разница между обеими модификациями этой модели сводится к сильной индийской и слабой, сущностно разноречивой юго-восточноазиатской цивилизационной традиции. Что можно в связи с таким раскладом сказать о потенциях внутренней эволюции и вызванной воздействием колониализма трансформации?

Сначала об Индии. Казалось бы, здесь потенций крайне мало. Мощная сила

общинно-кастовой структуры почти не была поколеблена английской администрацией и колониальным капиталом. Но зато ее инертность позволила англичанам практически без особых усилий наращивать промышленный капитал и соответствующую инфраструктуру и тем самым создавать промышленно развитые анклав. А поскольку работали в сфере промышленности и инфраструктуры не только англичане, но и индийцы, равно как и представители иных религиозно-цивилизационных групп населения (мусульмане, парсы и др.), то феномен симбиоза осуществлялся здесь не в чистом виде. Напротив, английская в своей основе капиталистическая экономика постепенно втягивала в сферу своего воздействия индийцев. Основное большинство населения традиционно жило в общинах и не имело с внешним миром никаких связей, кроме тех, что диктовались законами общины и касты. Меньшинство же, своего рода аутсайдеры, среди которых, особенно на уровне социальных верхов, было немало выходцев из брахманских каст, не то чтобы вовсе разрывали связи с традицией, особенно кастовыми нормами, но как бы ослабляли эти связи (заботливо их сохраняя, как своего рода надежный тыл, опору на родную почву) и включались в сферу воздействия колониального капитала, английской администрации и вообще принципов западной цивилизации.

Это значит, что, несмотря на мощную инерцию индуистской традиции, в Индии были определенные потенции для внутренней эволюции и капиталистической трансформации. Но, во-первых, эти потенции могли быть реализованы только в ходе длительного, постоянного и целенаправленного силового воздействия внешних факторов, эффекта колониализма во всей его полноте. А во-вторых, они были весьма ограниченными, затрагивали лишь меньшинство населения и, главное, формировались строго под воздействием и в русле тех стандартов, что были принесены англичанами. Стоит оговориться, что эти стандарты, прежде всего вестминстерская парламентская демократия, английские принципы судопроизводства и всей администрации, оказались весьма подходящими именно для Индии с ее традиционно незначительной ролью бюрократической государственности, ее терпимостью и склонностью к плюрализму ориентиров и мнений, что и было весьма тщательно учтено руководством Республики Индия после обретения страной независимости. Но все же речь идет именно о чужих, заимствованных извне стандартах буржуазной демократии. Поэтому, в-третьих, потенции эволюции и-трансформации были не только ограниченными и сформировавшимися в результате длительного воздействия со стороны западных стандартов, но и как бы результатом взаимодействия своего и чужого. При этом едва ли не вся институциональная основа была чужой (о возникновении в Индии государственной экономики, функционально сблизившей ее с другими развивающимися странами, можно говорить лишь применительно к временам республики), тогда как своими были лишь те традиционные нормы жизни, включая и законы каст, которые со временем наложили столь существенный и заметный отпечаток на заимствованные у англичан институты и процедуры, включая парламент, суд, выборы и т. п.

Другими словами, можно сделать вывод, что потенции, о которых идет речь, не были чем-то спонтанно существующим и лишь ждущим благоприятных обстоятельств для того, чтобы быть вызванным к жизни. Они были буквально созданы англичанами за долгие годы их колониального господства, примерно так же, как это было сделано в Африке, скажем, в Нигерии. Разница лишь в исходной стартовой позиции, т. е. в уровне развития, который давал Индии с ее многотысячелетней цивилизацией несомненные преимущества при сравнении с той же Нигерией. Но, будучи чуть ли не искусственно созданы, эти потенции тем не менее начинали активно функционировать и развиваться в достаточно благоприятных условиях, что и вело к успешной трансформации традиционной Индии. Существенно при этом заметить, что, функционируя на генетически чуждой институциональной основе, элементы новой структуры в колониальной Индии отнюдь не были слепком соответствующих английских институтов, о чем уже вскользь было упомянуто. Совсем напротив, они были достаточно тесно связаны с традицией и не только опирались на нее, но и черпали именно в этой опоре свою внутреннюю силу – ту самую, что со временем позволила Национальному конгрессу сменить английскую администрацию и возглавить независимую республиканскую Индию. Важно обратить внимание и на то, что традиционная структура Индии и ее цивилизационный фундамент не были благоприятны для поиска радикальных и тем более насильственных способов

социального переустройства. И далеко не случайно, как о том в свое время уже шла речь, именно Национальный конгресс с его ненасильственными действиями и заимствованными у англичан буржуазно-демократическими институтами и процедурами оказался признанным выразителем интересов всей Индии.

Что же касается экономики современного типа, то она к моменту деколонизации Индии представляла собой сектор частнособственнического предпринимательства, активно функционировавший усилиями английских и индийских фирм наряду с продолжавшим существовать сектором традиционным, охватывавшим преимущественно сельское хозяйство, промыслы, традиционное ремесло и торговлю. Третьего – государственного – сектора в колониальной Индии практически не было, если не считать предприятия, обслуживавшие нужды колониальной администрации и по характеру отличные от традиционного государственного хозяйства на Востоке.

Юго-восточноазиатская модификация отличалась от индийской как слабостью и внутренней разноречивостью религиозноцивилизационного фундамента, так и некоторым отставанием в уровне развития, что, впрочем, кое-где компенсировалось сравнительно большей ролью государства, сосуществовавшего с колониальной администрацией или лишь формально подчинявшегося ей. Здесь тоже был, особенно в Индонезии, Малайе и в других странах, распространен феномен симбиоза, хотя и здесь симбиоз со временем терял свою чистоту, ибо в сектор колониальной экономики активно втягивалось местное население или прибывшие из других азиатских стран мигранты. Как и в случае с Индией, длительное воздействие колониализма вело здесь к формированию в недрах традиционных обществ элементов капиталистической структуры, ориентированных на европейский стандарт институтов. Однако более низкий исходный уровень развития в большинстве стран этого региона тормозил этот процесс. Роль катализатора в юго-восточноазиатском регионе сыграли китайцы-хуацяо.

Феномен хуацяо, в последние десятилетия привлекавший к себе все большее внимание специалистов, имел огромное значение в судьбах Индонезии, Индокитая и Филиппин. Именно китайцы с наибольшей легкостью и умением вписывались в те параметры создававшейся колонизаторами новой экономической структуры, которые оказывались чуждыми для большинства местных жителей. Китайцы-хуацяо, как это ни парадоксально, оказались сущностной основой тех потенциалов эволюции и капиталистической трансформации, которые мы можем вычленивать в странах Юго-Восточной Азии. Что же касается местного населения, особенно мусульманского (но также и католического на Филиппинах или буддийского в странах Индокитая), то оно демонстрировало эти потенциалы в неизмеримо меньшей степени. Трудно даже сказать, как эволюционировали бы страны региона без хуацяо. Во всяком случае о внутренних потенциалах среди местного населения особенно много говорить не приходится: оно и по сей день в этом плане сильно отстает. К слову, именно это обстоятельство сравнительно рано вызвало к жизни феномен государственного протокапиталистического хозяйства в странах региона, особенно в независимом Сиаме, а также в Малайе, Индокитае и Бирме после их деколонизации.

Подводя итоги, можно заметить, что как ни невелики элементы капиталистической структуры в колониальной Индии, в Юго-Восточной Азии они, если не считать хуацяо, еще меньше. И речь идет не столько о спонтанных внутренних потенциалах, которых практически не было, сколько о тех, что могли бы быть сформированы и действительно формировались на протяжении длительного периода активного воздействия колониализма на традиционную структуру Южной и Юго-Восточной Азии. Что же касается хуацяо, решительно изменивших ситуацию в этом смысле, то о них целесообразно вести речь, когда будет говориться о потенциалах дальневосточной группы стран.

Потенциалы мира ислама

Генеральная формула модели: колониальный капитал и европейские институты против норм и стандартов ислама, его мощной традиции и государственности. Эта модель тоже имеет модификации. Отдельно можно вести речь о Турции, особого слова заслуживают Египет, шиитский Иран, не говоря уже о горцах Афганистана. Даже арабские страны, длинной полосой

протянувшиеся от северо-западной части Африки до Персидского залива, весьма неодинаковы, особенно если иметь в виду нефтедобычу последних десятилетий и связанные с огромными доходами преобразования в богатых нефтью отсталых странах. Учитывая все эти модификации, можно тем не менее выработать общую характеристику потенциалов трансформации исламских стран, включая бывшие до деколонизации частью колониальной Индии Пакистан и Бангладеш.

Мусульманские торговцы всегда были хорошо известны на средневековом Востоке. Именно за счет их усилий далекие товары, а с ними и идеи ислама проникали в Юго-Восточную Азию еще до появления там европейских колонизаторов. Торговле покровительствует и Коран, что вполне естественно, если принять во внимание обстоятельства появления этой книги, происхождение пророка Мухаммеда, выросшего на торговом пути вдоль Аравии и в молодости бывшего торговцем. Но средневековая торговля, которой арабы активно занимались на всем Востоке, включая Африку, была традиционной и вписывалась в нормы ислама. Большим престижем она не пользовалась, а отсутствие прав и гарантий для богатых собственников делало занятие ею безубыточным лишь на расстоянии от сильного государства. Между тем именно сильное государство было чуть ли не неотъемлемым атрибутом развитого исламского общества.

Упадок исламской государственности (кризис Османской империи, а затем и шиитского Ирана) способствовал колонизации стран Магриба и установлению английского протектората в Египте в XIX в. Он же привел к колонизации арабских государств или к превращению этих государств в зависимые в XX в., а также к вмешательствам держав в дела Турции и особенно Ирана и Афганистана. Как сказался эффект колониализма на потенциалах трансформации мира ислама, включая и мусульман Индии?

В самом общем виде ситуация примерно такова. В отсталых странах, где влияние колониализма было сравнительно недолгим (Аравия, Афганистан, часть арабских стран Африки), трансформация вообще почти не была заметной, если не считать чужеродных колониальных анклавов типа Танжера или Адена. Конечно, проникновение колониальных товаров, создание элементов инфраструктуры, организация промышленных предприятий меняли традиционный облик соответствующих стран. Но при этом большую роль в такого рода переменах играли сами колонизаторы или поселенные в мусульманских странах европейцы-колонисты. Исламское же традиционное большинство продолжало жить по привычным нормам и активно сопротивлялось нововведениям. Примерно та же картина была и в странах, где влияние колонизаторов или их давление сказывалось долго и где первоначальный уровень развития был более высоким (Турция, Египет, Иран, Пакистан и Бангладеш). Сходство в том, что подавляющее большинство продолжало жить по нормам ислама и сопротивлялось чуждым влияниям, а также в том, что элементы колониально-капиталистической структуры, равно как и институты буржуазной демократии, вносились преимущественно за счет усилий колониалистов, хотя в Турции это происходило иначе и шло от европеизировавшихся руководителей страны (имеются в виду как реформы, так и революционные преобразования). Но разница была в том, что длительное воздействие колониализма (в Египте, в странах Магриба, Пакистане, Бангладеш) или просто давление извне (в Турции и Иране) вело к постепенному внедрению в традиционную структуру элементов иной, капиталистической. При этом именно в тех странах, где существовало более или менее независимое государство (Турция, Иран, Египет), а также и в остальных после достижения ими независимости наиболее сильным в экономическом плане быстро стал сектор государственный.

Государственная протокапиталистическая экономика была альтернативой частнокапиталистической европейского типа. И тот факт, что во всех странах ислама, где появлялось самостоятельное государство, наиболее быстрыми темпами развивалось именно государственное хозяйство современного типа, убедительно свидетельствует об отсутствии в мире ислама внутренних потенциалов для активизации частнопредпринимательской деятельности, да и вообще потенциалов для трансформации по еврокапиталистическому стандарту. Длительное воздействие извне создавало некоторые условия для появления такого рода потенциалов, но это шло еще более медленно и менее активно, нежели то было в Индии, не говоря уже о Юго-Восточной Азии с ее хауаю. Практически наиболее ощутимые элементы капиталистической структуры фиксируются лишь в Турции и Египте. В Иране они были менее

заметны, а попытки шаха искусственно форсировать процесс капиталистической модернизации при ведущей роли государственной экономики привели к революции 1978 г. Пакистан и Бангладеш близки к Турции и Египту по типу развития, но отстают по темпам и уровню (объективно это как раз свидетельство того, о чем только что упоминалось: в рамках колониальной Индии аналогичный процесс шел быстрее, чем в странах ислама, отчего сравнительно отсталая исламская часть Индии типологически наиболее близка к самым развитым странам ислама).

В целом мир ислама с его усилившейся после деколонизации государственностью настроен едва ли не наиболее непримиримо по отношению к еврокапиталистической структуре и соответствующим институтам, включая элементы цивилизации и буржуазной демократии. Здесь наиболее часты (если не считать Тропическую Африку) военные перевороты, свидетельствующие о слабости и внешней чуждости институтов буржуазной демократии; здесь наиболее воинственно подчеркивают приверженность к собственной религии и санкционированным ею социальным, моральным и духовным ценностям и стандартам (кроме Турции, едва ли не все исламские государства официально провозгласили ислам государственной религией); здесь наибольшее (опять-таки если не считать Тропическую Африку) значение имеет сектор государственной экономики и, пусть не везде, достаточно слаб сектор частнокапиталистический. Даже приток нефтедолларов не изменил сущность; структуры, хотя и резко изменил уровень жизни в богатых исламских странах. Словом, внутренние потенции для трансформации по еврокапиталистическому стандарту в мире ислама едва ли не наименьшие из трех моделей, о которых идет речь. И не только слабы потенции трансформации, но необычайно сильны противостоящие им силы противодействия, сопротивления трансформации.

Потенции трансформации стран дальневосточной цивилизации

Дальневосточная (конфуцианская) модель характеризуется противостоянием слабых позиций колониализма сильной цивилизационной традиции. Известна она в двух основных модификациях – китайской, с традиционно сильным государством, и японской (вариант – хуацяо), с ослабленной или вовсе, в случае с хуацяо, почти отсутствующей государственностью. Хотя японская модель была выделена типологически особо, причем было оговорено, что о ней речь идти не будет, упоминание о ее существовании в качестве модификации китайской существенно для того, чтобы вычленил феномен хуацяо, стоящий как бы между китайским и японским вариантами некоей общей модели, которую в этом случае можно было бы именовать дальневосточной.

Что характерно для китайской модели в интересующем нас плане? Высокий уровень развития цивилизации и санкционированная конфуцианством еще более высокая культура труда, этика и дисциплина труда. А это частично сближает китайско-конфуцианский стандарт с тем самым пуританско-протестантским образом жизни, в котором М. Вебер видел один из важных истоков капитализма. Ни в мире ислама, ни в индо-буддийской цивилизационной традиции ничего подобного нет – при всем том, что и там люди исправно делают свое дело. Это и есть основа тех внутренних потенций трансформации, которые мы пытаемся выявить на традиционном Востоке.

В чем тут смысл? Из предшествующего изложения очевидно, что права и свободы, гарантии собственности и личности и вообще все буржуазно-демократические институты и процедуры были нужны антично-капиталистическому обществу не сами по себе (хотя их самоценность очевидна, особенно в наши дни), но именно в качестве условий, обеспечивающих эффективную экономику, которая основана на энергии и инициативе предпринимателя, осуществляется на его страх и риск и на его средства. На всем Востоке прав и гарантий не было, но опиравшаяся на высокое качество труда эффективная экономика все же могла существовать, если для этого были необходимые условия.

Именно такие условия создались в системе конфуцианской цивилизации с ее культом посясторонней ориентации, патернализма, высокой морали, дисциплины и постоянного самоусовершенствования, даже активной соревновательное^{TM} во всем, прежде всего в труде.

Все это можно в какой-то мере воспринимать в качестве эквивалента отсутствующих прав и гарантий. И правомерность такого подхода лучше всего видна именно на примере хуацяо: попадая в страны с более низким уровнем развития, китайские мигранты несут с собой все основные элементы развитой китайской конфуцианской цивилизации, что дает быстрый экономический эффект.

На вопрос, почему же аналогичного эффекта китайцы не добиваются у себя дома, ответ, как говорилось, известен: в Китае реализации внутренних потенциалов мешало всемогущее государство с его стригущим всех под одну гребенку могущественным бюрократическим аппаратом власти. Вне Китая сильного государства не было.

Слабая государственная администрация не препятствовала проявлению потенциалов хуацяо, а для защиты себя от зависти и недоброжелательства со стороны местного населения китайские мигранты организовывались в спаянные жесткой дисциплиной социальные корпорации мафиозного типа, функционировавшие на основе хорошо известных всему Востоку патронажно-клиентных связей, к тому же резко усиленных традиционным конфуцианским духом патернализма.

Эффект колониализма на Дальнем Востоке оказался сравнительно слабым, так что традиционная китайская структура, даже в условиях ослабленного неблагоприятными обстоятельствами государства, сумела противостоять его воздействию и во многом нейтрализовать его. После революций (даже и до них, еще в XIX в.) быстрыми темпами развивался сектор государственной протокапиталистической экономики, оказавшийся к середине XX в. много более сильным, чем сектор экономики частнокапиталистической.

Что же касается сектора традиционной экономики, то он в условиях трансформации развивался медленно. Более того, сопротивлялся преобразованиям. Здесь ситуация близка к тому, что имело место в странах ислама. Однако это сходство ситуации не должно заставить нас забыть, что, в отличие от мира ислама, в Китае были внутренние потенциалы для трансформации. Эти потенциалы уже были охарактеризованы на примере хуацяо. Они были продемонстрированы Японией. Ждали своего часа они и в Китае, как это стало вполне очевидно в наше время, в 80–90-е годы.

В чем суть потенциалов, продемонстрированных странами дальневосточной цивилизации? В самом общем виде – в том, что они обеспечивают эффективное экономическое развитие при определенных обстоятельствах.

К числу этих обстоятельств относится отказ от традиционного для Китая сильного государства с могущественной бюрократией и соответственно изменение характера традиции. В измененном виде традиция склонна к полезным заимствованиям, в первую очередь элементов еврокапиталистической структуры, как это было продемонстрировано, в частности, Японией и хуацяо. Однако при этих заимствованиях сохранялись не менее сильные и значимые элементы культуры традиционной, что и позволяет в случае с Японией говорить о плодотворном гармоничном синтезе.

Менее гармоничным, но делающим свое дело следует считать и тот синтез, который демонстрируют хуацяо с их мафиозными корпорациями. Таким образом, сущность потенциалов в том, что они могут обеспечить плодотворный и гармоничный синтез, принципиально отличный от того уродливого силового синтеза, который являет собой государственная экономика в Китае.

Принципиальная разница здесь в том, что государственная экономика – эквивалент частнокапиталистической в тех обществах, которые не могут трансформироваться по еврокапиталистическому пути и (или) сознательно отвергают такой вариант развития, тогда как гармоничный синтез японского типа или типа хуацяо базируется на капиталистической основе и лишь обогащается (гармонизируется) за счет традиции. Отсюда и принципиально разный экономический эффект, не говоря уже о социально-политических, правовых и прочих институтах.

Часть четвертая

Современный Восток: процессы и проблемы

Современный Восток – особая, весьма емкая и специфическая часть истории Востока в целом. Специфика прежде всего в ее политической актуальности, калейдоскопическом динамизме. События следуют одно за другим, ситуация меняется едва ли не ежедневно, причем нередко весьма радикально. То и дело происходят военные и политические конфликты в том или ином регионе, государственные перевороты и многие иные события, из которых, собственно, и составляется ткань современной политической жизни. А так как стран, о которых идет речь, не менее сотни (не считая тех, что исторически и культурно близки к Востоку, но формально, т. е. географически, к нему не относятся, как, например, страны Латинской Америки), причем каждая из них закономерно претендует на внимание, то из этого следует, что излагать в рамках генерального очерка в деталях и подробностях современную историю каждой из стран практически нереально. Впрочем, этого и не нужно, ибо для знакомства с отдельными странами существует немало страноведческих изданий любого профиля, не говоря уже об обилии различного рода справочников. Перед нами иная задача: обратить внимание на важнейшие процессы и наиболее существенные проблемы, характерные либо для всего современного Востока в целом, либо для важнейших его регионов, цивилизаций и стран. Сквозь призму анализа этих процессов и проблем и высветится то главное, что составляет квинтэссенцию событий современной истории Востока.

Современная (*contemporary*; *current*) история во всем мире обычно выделяется в особый раздел или этап истории всемирной. Но если для Запада хронологическая грань между нею и новой (*modern*) историей в некотором смысле размыта и может быть сформулирована лишь весьма условно, то для Востока она более очевидна, формально и политически весьма отчетливо выражена. Речь идет о деколонизации, происходившей в середине XX в., в основном между 1945 и 1960 гг. Правда, деколонизация как обретение политической независимости коснулась не всего Востока, ибо многие страны его колониями не были и независимость не утрачивали, по меньшей мере формально. Однако фактически она так или иначе затронула весь Восток, и не только в том смысле, что зависимые страны обрели подлинную независимость, но прежде всего тем, что фактическое обретение всеми странами Востока реальной политической независимости означало превращение их в свободных субъектов современного мира. Свободных потому, что каждый имел возможность избирать свой путь развития.

Разумеется, на выбор пути оказывали свое, порой решающее воздействие многие существенные факторы. Но при всем том была все же и некоторая свобода выбора пути трансформации традиционного восточного общества. О проблемах, с которыми традиционный Восток столкнулся под давлением колониального капитала в период колониализма, речь уже шла достаточно подробно в третьей части работы. Болезненность процесса трансформации, вынужденной внешними обстоятельствами, была очевидной и в некотором смысле общей для всех, включая шедшую особняком и добровольно по этому пути Японию. Но эта общность судеб никак не исключала их неодинаковости. Напротив, по мере углубления процесса трансформации все явственней становилась эта неодинаковость, корни которой уходили как в глубинные пласты истории, в религиозно-цивилизационный фундамент, так и порой в факторы природно-географические (нефть и нефтедоллары). Отсюда и результат: современная история разных стран Востока весьма различна.

Восток никогда не был единым и одинаковым, между его передовыми и процветающими государствами и отсталыми районами всегда существовала заметная грань, подчас цивилизационная и имущественная пропасть. Но при всем том было и нечто общее для всего Востока, и об этом общем выше немало уже говорилось. Однако именно в наши дни современный Восток демонстрирует наибольшую степень неравномерности и неравноценности развития, различий во внутренней структуре. И эти структурные различия – результат успешной внутренней трансформации некоторых успешно развивающихся стран Востока, что наиболее отчетливо видно на примере Японии, структурно западной (вся техника, технология,

наука, образование, инфраструктура и т. п.), но цивилизационно восточной. И это органичное сплетение, этот гармоничный синтез в немалой мере обусловили и обуславливают ее процветание и выдающиеся успехи в темпах и качестве развития.

Из сказанного ясно, какого рода процессы и проблемы следует считать главными для современного Востока. Именно они и все связанное с ними будут стоять в центре внимания и анализа, что во многом обусловило и композицию четвертой части работы. Первые ее главы посвящены краткому обзору конкретных данных из истории ряда стран, сгруппированных по основным регионам современного Востока. Эти данные сопровождаются аналитической оценкой с вычленением основной динамики развития соответствующих стран или групп стран. В последующих главах речь пойдет об общих для современного Востока процессах и проблемах. Здесь будет обращено внимание на причины и факторы, обуславливающие неравномерность развития и повлиявшие на выбор пути, а также пойдет речь о генеральном направлении развития Востока в наши дни и в ближайшем будущем.

Глава 1 Африка южнее Сахары: после деколонизации

Освобождение от колониальной зависимости на рубеже 60-х годов нашего века народов Тропической Африки было завершающим и наиболее мощным по звучанию аккордом деколонизации: свыше четырех десятков независимых и в подавляющем большинстве прежде не существовавших государств возникло на развалинах колониальных империй Англии, Франции, Португалии. Главным общим признаком всех этих новорожденных государств оказался их политический инфантилизм. Возникнув на базе вчерашних колониальных территорий, будучи воспитаны колониальной администрацией и соответствующими нормами метрополий, все они, обретая независимость, не имели собственного политического опыта, если не считать за таковой реминисценции, связанные с существованием протогосударственных образований, да и то не везде, преимущественно на западном побережье.

Оказавшись в столь незавидном состоянии, новые африканские государства стали быстро самоопределяться. Но на какой основе? Естественной традиционной основой были племенные связи, общинноклановые структуры самоуправления, принципы социально-корпоративных и патронажно-клиентных взаимоотношений. Все это сыграло свою роль в процессе становления африканской государственности, но роль эта была скорее негативной, нежели позитивной, ибо апелляция к традиции не столько спланировала жителей нового государства, сколько разъединяла их по племенному, плановому либо земляческому признаку. Поэтому нужна была весомая альтернатива традиционной основе. Эта альтернатива и была выработана десятилетиями усилий колониальной администрации, немало сделавшей для того, чтобы воспитать в колониях будущую правящую элиту, политически ориентированную на нормы и принципы соответствующей метрополии. Речь идет прежде всего о нормах и принципах буржуазной парламентарной демократии, основанной на фундаменте из рыночно-частнособственнических отношений, гражданского общества и правового государства.

Разумеется, ни того, ни другого, ни третьего во вчерашних колониальных территориях Тропической Африки не было. Все это следовало создать заново, как заново создавались и сами государства, границы которых определялись не этническими или природными факторами, но исключительно случайностью колониального захвата. Понятно, что при этом родственные племенные группы оказывались в различных государствах, а неродственные и даже враждующие между собой соединялись жребием судьбы в одном. Логично, что это влекло за собой и вплоть до сегодняшнего дня порождает массу проблем, а то и ведет к кровавым межплеменным столкновениям, раздирающим многие молодые государства Африки. Но справедливости ради необходимо заметить, что здесь не было произвола коварных колонизаторов, хитроумно следовавших классическому принципу «разделяй и властвуй». Отнюдь. Просто иного варианта формирования государственности в Тропической Африке 60-х годов нашего века не было.

Раздел Африки между державами породил современные границы ее государств, соответствующие вчерашним колониальным территориям. Колониальная администрация в

рамках каждой из такого рода территорий немало, как упоминалось, делала для того, чтобы приобщить племенную знать к ценностям, которые предпочитались в Европе. Образованные африканцы, выпускники Кембриджа, Оксфорда и Сорбонны, постепенно, поколение за поколением, обретали уважение к этим ценностям, что и неудивительно: противостоять им могли лишь традиционные нормы африканской жизни, для создания устойчивой политической структуры, как правило, не приспособленные. Это не значит, что образованная элита пренебрегала традицией. Напротив, она уважала ее и опиралась на нее. Эта опора и сыграла свою роль в 60-е годы, когда от лозунга «Независимость при жизни настоящего поколения!» африканцы перешли к более радикальному – «Независимость немедленно!» – и добились своего. Однако, добившись цели, правящие образованные верхи новых африканских стран в поисках модели для оптимальной политической структуры возникавших государств обратились к хорошо знакомой им метрополии. Это было логично, особенно если учесть, что и господствующий язык, и система администрации в той или иной колонии соответствовали тем, что господствовали в метрополии.

Но это было лишь первым шагом новых государственных образований. Далее следовал выбор пути, кое-где приведший к смене приоритетных ориентации. Однако вне зависимости от того, какой путь был избран, как и когда этот выбор менялся – если он вообще изменялся, – каждая из молодых стран Африки прошла свой нелегкий и в какой-то мере общий для всех них путь становления государственности. Собственно, именно этот путь и есть история – вся их история, в основном не превышающая тридцати с небольшим лет (имеется в виду история современных государств Африки в нынешних их границах). Как она выглядит, эта история, пусть даже в самом кратком изложении?

Страны Западной Африки

К этой группе стран Тропической Африки условимся отнести те, что лежат к западу от Нигера и Нигерии. За исключением Мали, все они территориально сравнительно невелики, а некоторые и вовсе малы. Но зато многие из них принадлежат к числу сравнительно развитых или, во всяком случае, достаточно успешно развивающихся, что в немалой мере обусловлено их выгодным географическим расположением, частично также древними традициями государственности, торговыми связями с миром ислама и исламизацией, пусть слабой и не всеобщей.

1. **Мали**, бывшая французская колония, стала независимой республикой в 1960 г. Ориентация на марксистский социализм в 60-х годах под руководством М. Кейта привела это слаборазвитое и немногочисленное (ок. 9 млн.⁵² человек) государство к серьезному кризису. Гипертрофированная роль государственного сектора в промышленности и кооперирование сельского хозяйства подорвали экономику, а экономические просчеты привели к политическому кризису, итогом которого был военный переворот 1968 г. Пришедший к власти генерал М. Траоре свыше десяти лет правил как глава Военного комитета национального освобождения, а в 1979 г., после вступления в силу конституции 1974 г., он стал президентом. Конституция предусматривала однопартийную систему (Демократический союз малийского народа с филиациями в виде национальных союзов женщин, молодежи, профсоюзов и т. п.), которая к 1991 г. изжила себя, погрязнув в коррупции, бюрократических злоупотреблениях и т. п. Весной 1991 г. недовольные потребовали отставки президента, а вскоре он был свергнут в результате очередного военного переворота, возглавленного А. Туре. Туре пообещал покончить со злоупотреблениями и затем отдать власть гражданским лицам. Оппозиция в стране потребовала введения многопартийной системы и приватизации экономики.

2. **Гана**, в прошлом знаменитая английская колония Золотой Берег, стала независимой

---

⁵² Цифры, касающиеся численности населения современных стран Востока, здесь и далее даются на основании данных справочников или иных материалов, относящихся к концу 80-х – началу 90-х годов. Цифры, естественно, не всегда вполне точны и должны поэтому восприниматься лишь как приблизительные, дающие представление о количестве населения страны.

республикой во главе с президентом К. Нкрумой в том же 1960 г. Достаточно развитая, даже богатая ресурсами (золото, бокситы, какао-бобы) республика сразу же после возникновения на очередном съезде правящей Народной партии конвента летом 1962 г. избрала в качестве ориентира пути марксистский социализм. Результаты не замедлили сказаться: национализация промышленности и ставка на кооперацию по-марксистски достаточно быстро привели к развалу и без того весьма слабой экономики страны, чему способствовали и объективные факторы экономической конъюнктуры, в частности снижение мировых цен на какао-бобы. Естественной была и реакция: военный переворот 1966 г. сверг Нкруму, распустив правящую партию и решительно отказавшись от социалистических экспериментов. Конституция 1969 г. открыла путь для многопартийной системы, но избранный на этой основе парламент не сумел создать крепкую власть. В стране продолжались падение производства и инфляция. Очередной военный переворот 1972 г. и созданный военными Совет национального спасения привели к роспуску парламента и партий. Новые руководители заявили о решимости продолжить развитие по марксистско-социалистической модели. Ситуация повторилась, причем к развалу экономики добавилась процветавшая коррупция.

В 1979 г. очередной военный переворот привел к власти капитана Д. Ролингса. Совет был распущен и вновь был сделан поворот к конституционному правлению. На многопартийной основе состоялись парламентские и президентские выборы. Но новый президент Х. Лиманн не сумел навести порядок в стране, в результате чего в 1981 г. Д. Ролингс совершил еще один военный переворот, отменил конституцию, распустив парламент и партии и, создав Высший совет национальной обороны, принялся за решительные реформы, ориентируясь на рыночно-частнособственнические отношения. Гана стала быстрыми темпами (5% прироста в год) развиваться, магазины наполнились товарами, усилился приток зарубежных инвестиций. В 1991 г. Высший совет выступил с инициативой демократизации политической структуры в стране. Престиж Ганы с ее 15-миллионным населением вновь заметно возрос.

3. **Гвинея** (7 млн. чел.) добилась независимости в 1958 г., причем правящая Демократическая партия во главе с президентом А. Секу Туре сразу же взяла курс на развитие по марксистско-социалистической модели. Национализация промышленности, кооперирование сельского хозяйства, ограничения в сфере торговли и т. п. привели к заметному росту коррупции в администрации, разочарованию и недовольству населения. Авторитет президента помогал ему удерживаться у власти, несмотря на экономический кризис. Но после его смерти в 1984 г. к власти пришли военные и с социалистическим экспериментом в Гвинее было покончено. Поощрение частной инициативы, привлечение иностранных инвестиций, активное экономическое сотрудничество с развитыми странами, реорганизация финансовой системы – все это предпринято за последние годы с целью выйти из кризиса.

4. **Кот-д'Ивуар**, в прошлом Берег Слоновой Кости, – президентская республика с 1960 г. Правящая и единственная Демократическая партия успешно руководит страной, опираясь на профсоюзы, организации молодежи и женщин. Устойчивое правительство с отчетливой ориентацией на рыночно-частнособственническое развитие обеспечивает политическую стабильность и экономический рост (в среднем 7% в год), что позволило этому государству с его 11-миллионным населением занять место в числе наиболее преуспевающих стран Тропической Африки. Успехи в стране связаны с именем ее президента Ф. Уфуэ-Буаньи.

5. **Буркина-Фасо** (б. Верхняя Вольта) – государство, расположенное между Мали и Ганой к северу от республики Кот-д'Ивуар. Население – около 8,5 млн. чел.; республика – с 1958 г., независимое государство – с 1960 г. Авторитарное правительство, подавляющее оппозицию, было в 1966 г. свергнуто военными, распустившими парламент и партии. В 1970 г. была принята конституция и проведены выборы в Национальное собрание на многопартийной основе, а в 1974 г. армия вновь взяла власть в свои руки, приостановив действие конституции и распустив парламент. В 1977 г. была принята новая конституция, укрепившая руководящие позиции военных: возникшее в результате соперничество между военными и гражданскими политиками привело в 1980 г. к новому военному перевороту, под знаком которых прошло все десятилетие 80-х. Военный переворот 1982 г. создал Временный совет народного спасения, в 1983 г. – Национальный совет революции. С 1983 г. делались попытки революционными методами покончить с обуревавшими страну невзгодами – коррупцией, отсталостью и т. п. К

успеху эти методы не привели. Переворот 1987 г. ничего в этом смысле также не изменил, хотя и усилил было на некоторое время акцент в сторону создания «планируемой экономики». Естествен и результат: БуркинаФасо является ныне одной из самых бедных и отсталых стран Африки. Правит страной Народный фронт. Промышленность практически не развивается, сельское хозяйство в упадке, уровень жизни очень низок.

6. Сенегал с населением ок. 7 млн. чел. – одно из древних государственных образований Западной Африки, обладавшее определенными привилегиями и в годы французской колонизации (вспомним о сенегальских стрелках и о сенегальцах, имевших статус французских граждан и посылавших своего депутата во французский парламент). Став независимой республикой в 1960 г. Сенегал вплоть до наших дней сохранил в качестве действующей конституцию 1963 г. Долгие годы президентом страны был великий африканец Л. Сенгор, а после его отставки в 1980 г. этот пост занял А. Диуф. Вначале в парламенте и политической жизни страны господствовала одна партия – социалистическая, входившая в Социнтерн. Затем возникли и другие. С 1981 г. официально введена многопартийная система. Экономика развивается не быстро, но стабильно. На рубеже 80–90-х годов страну начали сотрясать межплеменные конфликты, причем территориальные и политические притязания народности диола негласно поддерживаются соперничающей с Сенегалом Мавританией.

7. Сьерра-Леоне с ее 4 млн. населения – небольшое государство на побережье к югу от Гвинеи, бывшее в прошлом форпостом англичан в Западной Африке. Обретя в 1961 г. независимость, страна стала многопартийным парламентарным государством (главой его признавалась английская королева). После военного переворота 1967 г. около года страной управляли военные, затем действие конституции было восстановлено. С 1971 г. Сьерра-Леоне – республика, а в 1978 г. была принята новая конституция, основанная на президентской власти и однопартийной системе. Президент Д. Момо, сделавший ставку на разгосударствление экономики, на протяжении 80-х годов добился незначительных успехов и в 1990 г. был вынужден прибегнуть к радикальным реформам, включающим либерализацию экономики, приватизацию, многопартийную систему и т. п. Переворот 1992 г. привел к свержению и бегству Момо. Власть в стране взяли военные.

8. Либерия, государство потомков американских рабов-переселенцев, имела конституцию еще в 1847 г., причем эта конституция действовала до 1980 г., когда в стране был совершен первый военный переворот. На протяжении 80-х годов обстановка в стране была нестабильной, а междоусобицы военных претендентов на власть ее усугубляли. С 1986 г. начал функционировать двухпалатный парламент на многопартийной основе. Население страны невелико – приблизительно 2,5 млн. чел. Экономический рост, заметный в 60–70-х годах (до 8% в год), затем существенно снизился. Начало 90-х годов отмечено углублением политического кризиса.

9. Того, узкой полосой тянущееся вдоль восточной границы Ганы с выходом на побережье Гвинейского залива, – небольшое государство с 3 с лишним млн. жителей. Став независимой республикой в 1960 г. и испытав в 1963 и 1967 гг. два военных переворота, Того затем обрело завидную политическую устойчивость. Президент Г. Эйадема, вначале (до 1979 г.) бывший главой военного режима, утвердил в стране президентскую республику с однопартийным парламентарным режимом и немало сделал для развития экономики, осуществив, в частности, зеленую революцию в сельском хозяйстве. Неплохие темпы развития (3–4% в год) способствовали прогрессу. В 1990 г. оппозиционные молодежные организации начали активно выступать с требованиями плюрализма, демократизации политической жизни, многопартийности. Позиции генерала-президента заметно пошатнулись.

10. Бенин (в прошлом – Дагомея) с его свыше чем 4-миллионным населением – еще одна узкая полоска африканской территории, идущая от Гвинейского залива в глубь континента, вдоль восточных границ Того. Независимая республика с 1960 г., Бенин до 1972 г. пережил пять военных переворотов, последний из которых, возглавленный М. Кереку, привел к созданию военно-революционного правительства, склонного к ориентации на марксистский социализм. Эта политика не привела страну к успеху. Пришедший к власти в 1991 г. новый президент Н. Согло предпринял реформы, направленные на демократизацию страны и преобразование ее отсталой экономики по рыночно-частнособственнической модели. Бенин стал многопартийной

республикой.

11–13. Гамбия (0,8 млн. чел.), **Гвинея-Бисау** (0,9 млн.), острова **Кабо-Верде**, в прошлом острова Зеленого Мыса (0,35 млн.), – небольшие государства Западной Африки, обретшие независимость соответственно в 1965, 1973 и 1975 гг. Гамбия, в прошлом французская колония, – стабильная парламентарная многопартийная республика, с 1982 г. связанная унией с Сенегалом. Гвинея-Бисау и Кабо-Верде – в прошлом португальские колонии, близкие друг к другу, – в первые годы после получения независимости имели в качестве правящей партии ПАИГК (Африканская партия независимости Гвинеи и Кабо-Верде), ориентированную на марксистский социализм. В 1990 г. эта партия в Кабо-Верде (с 1981 г. – ПАИКВ, т. е. Африканская партия независимости Кабо-Верде) выступила за введение многопартийной системы и на выборах потерпела поражение, уступив место оппозиции, выступающей за развитие по рыночно-частнособственническому пути с приватизацией государственной собственности и созданием основ гражданского общества. В Гвинеи-Бисау ситуация аналогичная.

* * *

Итак, перед нами тринадцать современных стран Западной Африки, в основном небольших (за исключением Ганы, население их не превышает 10 млн. чел., часто значительно меньше; невелика и территория). Кроме Либерии, все они – вчерашние колонии Англии, Франции и Португалии. Впрочем, принципиальной разницы между вчерашними колониями и Либерией с точки зрения стабильности конституционных и иных буржуазно-демократических институтов нет: в Либерии, имевшей конституцию еще полтора века назад, те же военные перевороты и жестокие межплеменные столкновения, что и в других странах Африки, а образцом политической стабильности и уважения к буржуазно-демократическим принципам жизни могут считаться вчерашние колонии Сенегал и Сьерра-Леоне, т. е. именно те, где колонизаторы чувствовали себя в свое время наиболее прочно. Напрашивается вывод о явной пользе колониализма для политической стабильности вновь возникающих государственных структур современной Африки.

Еще бросающаяся в глаза закономерность: едва ли не половина из стран этого региона так или иначе отдала дань идеям марксистского социализма, а некоторые из них зашли в свое время достаточно далеко в осуществлении преобразований по соответствующей модели. Хороших результатов это не дало нигде и практически везде страны от упомянутой модели рано или поздно отошли, что заметно способствовало изменению ситуации в лучшую сторону. И еще об одном: и в странах, ориентировавшихся на марксистско-социалистическую модель развития, и в тех, что шли по буржуазно-демократическому пути, ощущается явная тяга к однопартийной системе. Многопартийность фиксируется как эпизод в истории той или иной страны, причем нередко с неудачным исходом. Обратим теперь внимание на то, как все эти закономерности и особенности развития проявили себя в иных регионах Африки к югу от Сахары.

Страны Центральной Африки

К этой группе молодых государств Африки относятся как расположенные к востоку от западноафриканских страны суданского пояса, так и несколько экваториальных.

1. Нигерия – крупнейшая из них и самая населенная из стран Африки (около 110 млн. жителей); расположена рядом с Бенином и тяготеет к побережью в районе Гвинейского залива (в прошлом Невольничий Берег). Населенная этническими общностями хауса, йоруба, фульбе и многими другими, Нигерия обрела независимость в 1960 г. Ныне это государство состоит из прибрежных районов юга и территорий прежних мусульманских эмиратов (Кано, Сокото, Борну и др.) на севере. Объединение обеих частей в рамках единой административной структуры, осуществленное английскими колониальными властями еще в начале нашего века, сыграло определенную роль в развитии страны, хотя одновременно породило и массу конфликтных ситуаций. Современная Нигерия с 1963 г. – федеративная республика. Сложные взаимоотношения и межплеменные распри внутри страны не раз кончались военными

переворотами. В январе 1966 г. в результате первого из них страну возглавил генерал А. Иронси, а в июле того же года результатом нового переворота был приход к власти генерала Я. Говона. Примерно в то же время в наиболее экономически развитой провинции страны Биафре начался сепаратистский мятеж, подавление которого обошлось Нигерии в миллион жизней. Только в январе 1970 г. мятежники капитулировали.

Очередной военный переворот 1975 г. заменил Говона другим генералом, который, однако, уже в 1976 г. пал жертвой еще одного переворота. В 1979 г. военные передали власть гражданскому правительству во главе с лидером победившей на выборах Национальной партии Нигерии Ш. Шахари, ставшим президентом. Впрочем, гражданское правление скоро увязло в коррупции и вызвало всеобщее недовольство, за которым последовали перевороты 1983 г., а затем и 1985 г. Приходившие к власти один за другим нигерийские генералы то вводили парламентские нормы с многопартийностью, то – чаще – запрещали и то, и другое. Впрочем, это мало влияло на экономическое развитие страны, шедшее сравнительно быстрыми темпами (8,5% в год в 70-х годах; около 1000 долл. дохода на душу населения в 1980 г. – очень высокая для Африки цифра), в основном за счет богатейших ресурсов Нигерии, прежде всего нефти.

2. **Заир**, в прошлом Бельгийское Конго, затем Конго со столицей Леопольдвиль (ныне Киншаса), – еще одно крупное государство центральноафриканского региона, около 35 млн. жителей. Став независимым в 1960 г., Конго под руководством П. Лумумбы было вначале настроено на радикальные преобразования по марксистско-социалистической модели. Но после убийства Лумумбы в 1961 г. страна на ряд лет превратилась в острый клубок конфликтов на политической и прежде всего племенной основе. С 1965 г. во главе страны стал генерал Ж. Мобуту, который в качестве руководителя единственной в стране партии Народное движение революции сохраняет свою власть и поныне, несмотря на ряд сепаратистских выступлений против него в наиболее промышленно развитой части страны Катанге (Шабе) в 1977–1978 гг. Важно заметить, что внутренние смуты в Заире были подавлены с помощью европейских держав, заинтересованных в стабильности богатого ресурсами государства. Начало 90-х годов ознаменовано резким политическим кризисом, усугубившим нестабильность и нищету в стране.

3. **Камерун** расположен к востоку от Нигерии с выходом на побережье Гвинейского залива. Обретя независимость в 1960 г. и воссоединившись затем со своей западной частью, входившей вначале в состав Нигерии и решившей свою судьбу в ходе плебисцита в 1961 г., Камерун с его 11-миллионным населением являет собой одно из редких для Африки государств с внутренней политической стабильностью. Это парламентская республика, основанная на однопартийной системе. Председатель правящей партии (А. Ахиджо, затем П. Бийя) автоматически избирается президентом. Курс на рыночночастнобизнесную экономику позволил Камеруну обеспечить себя продовольствием, что не так уж часто встречается в государствах современной Африки. Промышленность развита сравнительно слабо и жизненный уровень населения невысок.

4. **Нигер** – бывшая французская колония в центральноафриканской зоне суданской саванны, к северу от Нигерии. Население – ок. 7 млн. чел. С 1960 г. – президентская республика с однопартийным режимом. После военного переворота 1974 г. действие конституции приостановлено, правящая партия распущена. Экономика развивается очень медленными темпами.

5. **Чад** – независимая республика с 1960 г., население – 5 с лишним млн. человек. Все тридцать с небольшим лет существования насыщены межплеменной борьбой с периодическими военными переворотами. В борьбу нередко вмешивались иностранные государства, чаще всего Ливия и Франция. Отсталая в экономическом плане страна с низким уровнем жизни населения.

6. **Центральноафриканская республика (ЦАР)** с населением ок. 3 млн. чел. стала независимой в 1960 г. В 1966 г. после военного переворота в стране был введен жесткий режим единоличной власти. В 1976 г. республика была преобразована в империю во главе с императором Бокассой, ставшим печально известным своей склонностью к каннибализму. После свержения Бокассы в 1980 г. была на короткий срок введена многопартийная система, но военный переворот 1981 г. ввел однопартийную республиканскую систему. Глава правящей партии А. Колинмба стал главой и государства, и правительства. Экономика развита слабо, уровень жизни низок.

7. Конго, в прошлом Французское Конго, затем Народная Республика Конго, – небольшое государство (2 млн. чел.), обретшее независимость в 1960 г. В 1963 г. республиканское правительство во главе с аббатом Ф. Юлу было свергнуто в результате революционного переворота, лидеры которого стали ориентироваться на марксистско-социалистическую модель. В 1968–1969 гг. пришедший к власти М. Нгуаби продолжил движение по этому же пути. В 1977 г. он был убит в результате заговора, но его преемники один за другим продолжали идти проложенным курсом. Богатые природные ресурсы, прежде всего нефть, даже при обилии нерентабельных предприятий государственного сектора позволили не только сводить концы с концами, но и добиться весьма высокого для Африки жизненного уровня (около 1000 долл. дохода на душу населения). Правящая Конголезская партия труда до последнего времени стойко держалась на позициях марксизма и лишь в начале 90-х годов в стране приступили к радикальным реформам, включая демократизацию политической структуры и трансформацию экономики по рыночно-частнособственнической модели.

8–10. Габон (1,3 млн. чел.). **Экваториальная Гвинея** (0,4 млн.) и острова **Сан-Томе и Принсипи** (0,1 млн.) в Гвинейском заливе – три небольших государственных образования, добившихся независимости соответственно в 1960, 1968 и 1975 гг. Габон прежде был французской колонией, Гвинея – испанской, острова – португальскими. Зажиточный Габон демонстрирует политическую стабильность в рамках однопартийной республики с парламентом и президентом, причем это одна из наиболее богатых по африканским стандартам стран. В бывшей испанской Гвинее первоначально функционировал аналогичный режим; в 1979 г. он был замещен правлением военных, а с 1982 г. там вновь была установлена президентская республика с однопартийной системой. Такого же типа республика и на островах, где политическая власть стабильна, но правящая партия была склонна ориентироваться на марксистско-социалистическую модель.

* * *

Если попытаться подвести общую черту, то картина окажется достаточно пестрой. Государства очень разные – и по размеру, и по населенности, и по экономическому развитию, и по политической ориентации. Заслуживает внимания Нигерия, которая, несмотря на спорадические военные перевороты, развивается динамично. Удивляет маленькое Конго, которое в условиях длительного марксистско-социалистического эксперимента и неэффективной экономики ухитрилось не только сводить концы с концами, но и иметь высокий доход на душу населения. Общей закономерностью, подтверждающей уже сделанный вывод, является отсутствие или крайняя слабость политических структур, основанных на многопартийном парламентаризме.

Страны Восточной Африки

Группа восточноафриканских государств демонстрирует еще большую степень различий, даже контраста, причем здесь отдельные страны заметно выделяются на фоне остальных, как бы выходят из общего ряда. Это касается и Эфиопии, и Сомали, и Танзании, и некоторых других стран. Вообще страны восточноафриканского региона заслуживают в упомянутом смысле особого внимания.

1. Эфиопия – крупнейшая и древнейшая из них. Ее история уходит в глубь веков и о ней уже не раз шла речь в предыдущих частях работы. В 60-х годах нашего века Эфиопия была самостоятельным и весьма уважаемым в Африке государством во главе с почитаемым монархом императором Хайле Селассие I. Правда, эту многонаселенную (свыше 50 млн. чел.) и скудную ресурсами страну постоянно донимали стихийные бедствия, особенно засухи, почти регулярно доводившие ее хозяйство до катастрофического состояния. Засухи, голод, неудачи с аграрной реформой привели страну в 1973 г. к острому политическому кризису, следствием которого стало низложение императора. С 1974 г. власть перешла к Временному военному

административному совету, лидеры которого в острой междоусобной борьбе уничтожали друг друга, пока к власти не пришел в 1977 г. М. Хайле Мариам, твердо взявший курс на развитие по марксистско-социалистической модели.

Национализация промышленности и земли, жесткий контроль власти над населением привели хозяйство страны за полтора десятилетия к полной деградации. Засухи участились, последствия их становились все более тяжелыми. Миллионы людей умирали от элементарного голода и беспорядка в стране, в то время как правящая бюрократия погрязала в беззаконии и коррупции. Решающий удар по правящей партии и ее руководству нанесли события в нашей стране, связанные с перестройкой и общим изменением идейно-политической ориентации, а также приостановившие поток поставок из СССР. Ослабление позиций правительства, усугубленное поражениями в борьбе с сепаратистами и повстанцами на севере, привело в 1991 г. к краху режима. Диктатор бежал, а его преемникам досталось нелегкое наследство. О марксистско-социалистической модели больше не было речи. Эфиопия ныне стоит перед тяжелой задачей обретения своего нового лица, выхода к нормальной жизни.

2. Сомали, расположенное к востоку от Эфиопии, на побережье, в районе Африканского Рога, – государство сравнительно небольшое (население ок. 6 млн. чел.). Независимость жители британского Сомали обрели в 1960 г.; была учреждена демократическая парламентарная республика на многопартийной основе, одна из первых в своем роде в Африке. Но многопартийная демократия привела к ослаблению политической структуры, подорванной к тому же трибализмом и клановыми патронажно-клиентными связями. переворот 1969 г. привел к власти С. Барре с его мечтами о Великом Сомали и с ориентацией на марксистско-социалистическую модель развития. В 1977–1978 гг. в войне с Эфиопией за Огаден Сомали потерпело поражение, причем это сказалось на смене ориентации: сомалийские власти отказались от прежней ставки на СССР, руководство которого предпочло взять сторону Эфиопии, и начали искать поддержки на Западе. В 1984 г. Сомали было вынуждено отказаться и от притязаний на часть Кении, населенную сомалийцами. Рухнула идея Великого Сомали. Наступила эпоха острого внутреннего кризиса, вызванного непосильными для маленькой страны военными тратами, разрухой, инфляцией. Начались выступления повстанцев против режима С. Барре. В 1989 г. он попытался было смягчить свой режим, взял курс на либерализацию экономики и приватизацию, обещал многопартийную систему и демократию, в октябре ввел даже новую конституцию. Но было уже поздно. В начале 1991 г. режим Барре пал под ударами повстанцев. В 1992 г. в стране началась кровавая междоусобица. Неустойчивость власти в ходе борьбы за политическое господство различных этнополитических групп создала в Сомали ситуацию опасной нестабильности, привела страну к голоду.

3. Кения, расположенная к югу от Эфиопии и юго-западу от Сомали, в прошлом английская колония, обрела достаточно широкую известность в первые послевоенные годы, когда здесь развернулось широкое национальное движение во главе с Д. Кениатой. Это движение было тесно связано с террористическими акциями общества Мау-мау, наводившими ужас на англичан. В 1953 г. движение Мау-мау было разгромлено, а Кениата оказался за решеткой. В 1960 г. страна обрела независимость, а ее президентом стал Кениата. В 1978 г. после его смерти страну возглавил Д. Мои. Однопартийная президентская система дала серьезные сбои при этом президенте: стала заметной коррупция, активизировалась оппозиция, требовавшая многопартийности. В 1990 г. Мои пошел на уступки и в конце 1991 г. объявил о введении многопартийной системы. Экономика страны по-прежнему в трудном положении, уровень жизни населения (ок. 25 млн. чел.) невысок, но на недавних выборах (1993) президентом вновь был избран Мои.

4. Уганда – государство к западу от Кении с населением 16–17 млн. чел. В 1962 г. оно обрело независимость и стало республикой с бывшим королем Буганды Мутесой II в качестве президента и М. Оботе в качестве премьера. В 1966 г. всю полноту власти взял Оботе, а конституция 1967 г. упразднила монархию в стране. В 1971 г. в результате военного переворота к власти пришел кровавый диктатор Иди Амин. Режим Амина был свергнут в 1979 г. при поддержке Танзании, а в 1980 г. одержавший победу на выборах Оботе вновь стал президентом. Военный переворот 1985 г. сместил Оботе; с 1986 г. страной руководит И. Мусевени. Уганда – одно из немногих государств Африки, где достаточно длительное время, пусть с пере^ рывами,

действовала и действует многопартийная система. Хозяйство страны неразвитое, уровень жизни населения очень низок. Либерализация экономики на рубеже 80–90-х годов, однако, начала давать позитивные результаты (6–7 % прироста в год).

5. Танзания, расположенная к югу от Кении и озера Виктория, была создана в 1964 г. в результате объединения независимой с 1961 г. Танганьики с островом Занзибар, получившим независимость в 1963 г. Это едва ли не единственный случай, когда такого рода объединение оказалось жизнеспособным. Население ок. 25 млн. чел. Танзания – президентская республика с весьма стабильной политической системой. Долгие годы президентом страны был Д. Ньерере, при котором предпринимались эксперименты, связанные с ориентацией на марксистско-социалистическую модель (национализация, кооперирование в стиле «уджамаа» и т. п.). Сменивший Ньерере в конце 80-х годов президент А.Х. Мвиньи склонен поддерживать принятую в 1986 г. программу экономического возрождения, связанную с либерализацией экономики и отходом от социалистических экспериментов.

6–7. Руанда (ок. 7 млн.) и **Бурунди** (ок. 5 млн. чел.) в 1908–1912 гг. были включены в состав германской Восточной Африки, с 1923 г. стали подмандатной территорией Бельгии, а в 1962 г. – соответственно независимыми республикой и монархией. Республиканская структура Руанды оказалась устойчивой. Бурунди, испытав рад военных переворотов, тоже стала республикой. В обоих государствах – однопартийная система, экономика слабо развита, жизненный уровень низок.

8–12. Джибути (0,5 млн. населения), а также ряд островных государств – **Реюньон** (0,6 млн.), **Сейшелы** (0,07 млн.), **Коморские острова** (0,5 млн.), **Маврикий** (1,1 млн.) – являют собой небольшие независимые страны Восточной Африки, обретшие свою независимость сравнительно поздно, в 1968–1977 гг. (Реюньон остается в статусе заморского департамента Франции). Маврикий – многопартийная парламентарная республика, формально признающая главой государства английскую королеву. Джибути – однопартийная президентская республика. На Сейшельских островах переворот 1979 г. привел к власти партию, ориентировавшуюся на марксистско-социалистическую модель. На Коморских островах аналогичный переворот 1975 г. имел иную судьбу: очередной переворот 1978 г. вернул к власти правительство А. Абдаллаха, которое затем устойчиво управляло страной долгие годы. Общим для всех этих небольших государств являются их сравнительная молодость как независимых структур (это не относится к Реюньону), достаточно заметная степень политической стабильности и, кроме Джибути, отдаленность от материка, что в немалой мере сказывается на их судьбах. Существенно заметить, что на Коморах преобладают арабы, на Маврикии – индо-пакистанцы, на Сейшелах и в Реюньоне – креолы-христиане.

13. Мадагаскар, крупный остров к востоку от Африки, обрел свою независимость в 1960 г. Население – свыше 11 млн. чел. Вначале руководителем государства и правительства был лидер социал-демократов Ф. Циранана. Переворот 1972 г. привел к власти военных, в 1975 г. Верховный революционный совет во главе с Д. Рациракой взял курс на развитие по марксистско-социалистической модели. Созданный советом Национальный фронт защиты революции объединил 7 политических партий, запретив деятельность остальных. Национализирована экономика, государственный сектор абсолютно преобладает. В начале 90-х годов власть Рацираки и его политический курс потерпели крах. В стране развернулось мощное оппозиционное движение.

* * *

Итак, среди 13 больших и мелких стран региона в четырех больших (Эфиопия, Сомали, Танзания и Мадагаскар) и по меньшей мере в двух остальных (Сейшелы, Коморы) были предприняты попытки развиваться по марксистско-социалистической модели, причем в трех случаях (Эфиопия, Танзания и Мадагаскар) это были длительные эксперименты, исчисляемые десятилетиями. Столь же длительным эксперимент мог бы оказаться и в Сомали, если бы политическая конъюнктура не побудила С. Барре сменить взятую ранее ориентацию. И только в Уганде, да и то с перерывами, функционировала многопартийная система. Все крупные страны региона развиты слабо, имеют низкий уровень жизни. Только некоторые из островов

(Маврикий, Реюньон и крохотные Сейшелы) выделяются на общем безрадостном фоне в лучшую сторону. С оговорками это же можно сказать о Джибути. Чуть выше, чем в других крупных странах региона, уровень жизни в политически сравнительно благополучной Кении.

Страны Южной Африки

Страны юга Африки, не говоря уже об ЮАР, несколько более развиты по сравнению со среднеафриканским уровнем. Но у многих из них свои проблемы.

1. Ангола, вчерашняя португальская колония (население – ок. 10 млн. чел.) обрела независимость в 1975 г., после крушения салазаровского режима в Португалии. Так как в предшествующие годы в стране уже существовали национально-освободительные движения различных ориентации, то неудивительно, что после 1975 г. между ними началась борьба за власть. Ориентировавшаяся на марксистско-социалистическую модель развития группировка во главе с А. Него с помощью СССР сумела одолеть противников и стать у власти, образовав правительство Народной Республики Ангола. Основная часть соперничавших группировок отступила на юг. Началась длительная война между правительством, на помощь которому были мобилизованы регулярные войска с Кубы, преимущественно из числа кубинских негров, и войсками оппозиционеров, возглавленных Ж. Савимби и опиравшихся на поддержку США и ЮАР. В некотором смысле Ангола в 70–80-х годах была своего рода полигоном, острой точкой соперничества великих держав, двух мировых сил. Вторая половина 80-х годов, прошедшая в СССР под знаком перестройки, медленно, но неуклонно изменяла ситуацию в Анголе в пользу антиправительственных сил, пока не было наконец в 1989–1991 гг. достигнуто соглашение о мирном урегулировании проблем Анголы. Кубинские войска были выведены из страны, великие державы отказались от активной поддержки воюющих сторон, встал вопрос о всеобщих выборах с участием всех политических сил Анголы. Выборы 1992 г. должны были поставить точку на военном этапе истории независимой Анголы. Однако результаты выборов не удовлетворили оппозиционеров (МПЛА), в стране сохраняется напряженность.

2. Мозамбик – еще одна португальская колония, обретшая независимость в 1975 г. и имеющая сходную с Анголой судьбу. Здесь тоже власть оказалась в руках марксистски ориентированных лидеров национально-освободительного движения. Страна с населением ок. 15 млн. чел. на протяжении полутора десятков лет энергично шла по привычному для марксистско-социалистической модели развития пути национализации и насильственной кооперации в деревне. Прогрессирующее ухудшение экономического положения вызвало к жизни мощное движение сопротивления, опирающееся на национально-трибалистскую основу. Рубеж 80–90-х годов был ознаменован отказом руководства Мозамбика от многих из его первоначальных позиций. Руководитель правящей партии и президент страны Ж. Чиссано, сменивший в 1986 г. С. Машела, провел реформы, связанные с приватизацией экономики и отказом от насильственной кооперации. Положение в стране стало понемногу улучшаться.

3. Замбия, в прошлом Северная Родезия, расположена между Анголой и Мозамбиком (ок. 7,5 млн. чел.). В 50-х годах включенная в состав Федерации Родезии и Ньясаленда, она в 1964 г. была провозглашена независимой республикой, во главе которой стал один из местных лидеров партии Африканский национальный конгресс (АНК) К. Каунда. Конституция 1973 г. установила в стране однопартийную президентскую систему с правящей Объединенной партией национальной независимости, преемницей замбийской части АНК. При Национальном собрании страны была создана в качестве совещательного органа палата вождей, что способствовало политической стабилизации режима. Экономика была частично национализирована, но сохранила активные позиции частного капитала. Богатые природные ресурсы (в первую очередь медь) способствовали энергичному развитию смешанной экономики Замбии (6–8 % годового прироста в среднем). В начале 90-х годов Каунда отказался от монополии на власть, объявив о переходе к многопартийной системе.

4. Малави, в прошлом Ньясаленд, – небольшая (ок. 8 млн. населения) республика к востоку от Замбии, расположенная вдоль западного побережья оз. Ньяса. Как и Замбия, она вначале была включена в федерацию Родезии и Ньясаленда, а в 1964 г. стала независимой. По конституции 1971 г. в стране установлен президентский однопартийный режим с правящей

Партией конгресса Малави, в прошлом малавийской частью АНК. Пожизненным президентом стал глава этой партии К. Банда. Как и Замбия, Малави демонстрирует политическую стабильность. Экономика страны развита слабо, но уходящая на заработки в ЮАР часть населения обеспечивает некоторый приток доходов в страну.

5. Зимбабве, в прошлом Южная Родезия, расположена к юго-востоку от Замбии, с населением ок. 9 млн. чел., включая заметную часть (ок. 100 тыс.) европейцев, прежде всего фермеров. Это одно из древних государств Африки (Мономотапа), колонизованное в конце прошлого века англичанами во главе с Сесилом Родсом. После распада Федерации Родезии и Ньясаленда Южная Родезия в 1965 г. провозгласила независимость, причем во главе страны стал лидер партии белых поселенцев Родезийский фронт Я. Смит, опиравшийся на поддержку ЮАР. Против правительства Смита энергично выступили африканские национально-освободительные организации ЗАПУ (Союз африканского народа Зимбабве) во главе с Д. Нкомо и ЗАНУ (Африканский национальный союз Зимбабве) во главе с Р. Мугабе. Обе группировки были достаточно радикальны, с марксистско-социалистическим уклоном, но первая из них при этом пользовалась активной поддержкой СССР. В 1978 г. обе они вошли в Патриотический фронт, а в 1979 г. на переговорах в Лондоне между фронтом и правительством, в то время уже возглавлявшимся африканским епископом А. Музорекой, было достигнуто соглашение о будущем страны. На выборах в 1980 г. победил союз ЗАНУ и премьером страны стал Р. Мугабе; этот же выбор населения был подтвержден и в последующие годы. По итогам Лондонского соглашения 1980 г. и выработанной на нем конституции Зимбабве – многопартийная парламентарная республика, причем 20% мест в парламенте зарезервировано за европейцами. В верхней палате парламента была выделена квота для вождей. Политика разумных компромиссов Р. Мугабе за десятилетие с лишним принесла свои плоды. Не отказываясь от марксистско-социалистической ориентации в принципе, Мугабе в то же время поощряет частнособственническую экономику в сельском хозяйстве, включая европейских фермеров, да и следующих за ними африканцев. Аналогичная картина в промышленности. Уровень жизни населения по африканским меркам выше среднего.

6. Ботсвана, в прошлом Бечуаналенд, с населением 1,2 млн. чел. – небольшое, с 1960 г. независимое государство в пустыне Калахари, к югу и юго-западу от Замбии и Зимбабве. Многопартийная система с парламентом и президентом, сравнительно высокий для Африки уровень жизни населения, немалая часть которого выезжает на заработки в ЮАР.

7. Намибия (ок. 1,8 млн. чел., включая примерно 100 тыс. европейцев) до 1989 г. оставалась подмандатной территорией ЮАР и обрела независимость лишь несколько лет назад, в немалой степени в связи с достижением договоренности великих держав по проблемам Анголы, где базировались намибийцы, выступавшие за независимость страны под руководством СВАПО (Народная организация Юго-Западной Африки) во главе с С. Нуйомой. Долгие десятилетия СВАПО вела борьбу за освобождение Намибии под знаменем марксистского социализма, но приход этой организации к власти в результате свободных выборов, проводившихся под контролем ООН, который совпал с мировым кризисом марксистского социализма на рубеже 80–90-х годов нашего века, многое изменил в лозунгах, политике, да и стратегических установках СВАПО. Ныне руководство Намибии во главе с президентом Нуйомой действует в рамках многопартийной парламентской республики и явно отходит от прежней ориентации на марксистско-социалистическую модель развития.

8–9. Лесото (1,6 млн. чел.) и **Свазиленд** (0,7 млн.) – территориальные анклавны в ЮАР, формально независимые королевства соответственно с 1966 и 1968 гг. Лесото до военного переворота 1986 г. было многопартийным государством; многопартийная структура долгие годы была нормой и в Свазиленде. Оба королевства – их иногда именуют бантустанами, – будучи анклавами на территории ЮАР, сильно зависят от нее. Значительная часть населения уходит на заработки в ЮАР.

10. Южно-Африканская республика (ЮАР) – единственное на континенте современное развитое капиталистическое государство с многорасовым составом населения (из 36 млн. населения около 5 млн. белых, еще 4 млн. – так называемые цветные, т. е. мулаты, и выходцы из Азии). О возникновении его шла речь в предыдущей части работы. Надо заметить, что страх белого меньшинства потерять власть явился причиной жестких расовых ограничений,

апартеида, долгие десятилетия бывшего зловещим символом ЮАР. Апартеид вызвал мощное национальное, даже расовое движение черного населения, основной поток которого был возглавлен АНК. Вооруженные отряды АНК одно время были серьезной силой, угрожавшей стабильности ЮАР и опиравшейся на активную поддержку окружающих ЮАР стран так называемой прифронтовой зоны. Ситуация стала заметно меняться после прихода в 1989 г. к власти правительства Ф. де Клерка, который выступил за достижения компромисса и создание государства без апартеида. Многие апартеидные запреты и ограничения были официально сняты уже в 1990 г., но психология апартеида, естественно, жива. Часть белого населения недовольна реформами. Не удовлетворены ими и радикалы из АНК, хотя Н. Мандела, выпущенный из тюрьмы, где он провел долгие годы, и ставший во главе этой организации, склонен к сотрудничеству с правительством де Клерка.

Обстановка в ЮАР сильно осложняется трибализмом, проявляющимся, в частности, в противостоянии многочисленной зулусской организации Инката и АНК. Это противостояние нередко выливается в кровавые межплеменные столкновения. Переговоры между АНК и Инкатой в 1991 г. сняли остроту разногласий, но не ликвидировали их. В целом важно констатировать, что начало 90-х годов прошло в ЮАР под знаком поиска и достижения компромисса, что внушает надежды на позитивное решение расовых и политических проблем в этой развитой и богатой стране Африки. Что касается экономики ЮАР, то уровень жизни здесь высок именно из-за ее развитости (золото, алмазы, машиностроение, металлургия, химия, судостроение и т. п.).

Более высокий уровень жизни, чем где-либо еще в Африке, позволяет и черным жителям ЮАР обрести сравнительно высокий уровень жизни, получать образование, участвовать в работе многочисленных партий и общественных организаций, вырабатывать – что видно, в частности, на примере АНК – уже не племенное, а национальное самосознание (за АНК, по некоторым подсчетам, стоит 56% черного населения, представителей разных племен).

* * *

Итак, юг Африки – группа стран весьма своеобразного облика. Здесь и развитый промышленный многорасовый гигант ЮАР с крошечными бантустанами в нем, и явственно тяготеющие к нему и связанные с экономикой ЮАР небольшие государства Ботсвана, Намибия, частично и Малави. Здесь и уникальный эксперимент Р. Мугабе в Зимбабве, сочетающий умеренные марксистско-социалистические установки с трезвым и основанным на рыночных реалиях расчетом, что позволяет добиваться заметных успехов в развитии. Здесь и истощившие себя в междоусобных войнах под знаменем чистоты радикального марксистского социализма Ангола и Мозамбик.

В целом, учитывая оговорки относительно Зимбабве, юг Африки подтверждает выводы, сделанные при изложении ситуации в иных регионах Африки южнее Сахары: попытки развиваться по радикальной марксистско-социалистической модели ведут к краху экономики и острому внутреннему кризису; многопартийные режимы редки, как не часто встречается и политическая стабильность. Спецификой региона является вынужденная связь большинства его стран с ЮАР, что, в частности, способствует повышению жизненного уровня в этих странах.

В заключение несколько общих замечаний. Даже беглый взгляд на особенности истории сорока с лишним ныне независимых государств Африки за три десятка (а кое-где и меньше) лет существования их государственности позволяет сделать ряд наблюдений.

Первое из них: весьма многие из стран Африки к югу от Сахары при выборе пути склонились в сторону марксистско-социалистической модели, но, за редкими исключениями, каждое из которых имеет свое объяснение (Конго, Зимбабве), этот выбор привел их к кризису, даже к краху. В одних случаях это случилось достаточно скоро, в других заняло десятилетия, однако конец режимов подобного рода всюду был одинаков.

Второе: почти все политические режимы новых самостоятельных государств оказались внутренне слабыми. Это проявлялось в их политической нестабильности, в обилии военных переворотов. На этом фоне политически стабильные структуры, чаще всего в весьма небольших странах, выглядят пусть и благоприятным, но все же исключением из общей нормы.

Третье: политическая нестабильность чаще всего была связана с внутренними противоречиями, с трибалистскими конфликтами. Попытки преодолеть их вели обычно к ликвидации многопартийности, а выход противоречий на передний план совпадал с требованиями многопартийности. В результате демократия по-европейски (многопартийность) в Африке оказывалась элементом политической нестабильности, ибо возрождала трибалистские и сепаратистские тенденции.

Глава 2

Африка южнее Сахары: специфика этносоциополитической структуры

Даже в силу необходимости беглое, поверхностное знакомство с каждой из сорока с лишним стран неарабской Африки, – точнее, с молодыми независимыми государствами, возникшими здесь после деколонизации, сразу же сталкивает с множеством проблем социального, политического, экономического, этнического и иного характера. Африка южнее Сахары в этом смысле – туго затянутый клубок проблем, анализ каждой из которых существен для оценки ситуации в целом.

Отсталость социальной структуры

Проблемы социальные среди них стоит вынести на передний план не потому, что они наиболее значимы, но из-за того, что социальноцивилизационная отсталость, как о том уже говорилось в третьей части работы, лежит в фундаменте современной Африки, являясь первопричиной всех остальных ее проблем, прежде всего сложностей ее независимого существования и развития. Африка южнее Сахары – в отличие от большинства стран Азии и даже от северной арабской части той же Африки – еще в недавнем прошлом была океаном первобытности и полупервобытности, морем этнических общностей, многие из которых еще не достигли в своем развитии уровня структурированного племени, т. е. устойчивых протогосударственных племенных образований во главе с вождями. Однако даже этот уровень означал для африканцев доколониальной эпохи не более чем стандарт полупервобытности. Лишь в немногих ее регионах, в основном благодаря транзитной торговле и влиянию извне, складывались прото – и раннегосударственные образования чуть более высокого уровня. Но и они, как правило, были хрупки и существовали, за редкими исключениями, не слишком долго. К числу исключений можно отнести, например, Эфиопию, хотя и здесь требуются оговорки.

О причинах социально-политической отсталости тоже уже специально шла речь. Здесь же следует более детально рассмотреть формы социальной структуры, ибо именно эти формы определяют многое из того, что характерно для современной Африки. Основой социальной организации здесь были, как и повсюду, семья и община. Но и то, и другое были всегда опутаны огромным количеством иных социальных связей, начиная с родовых (патри – и матрилинейных) и кончая земляческими, половыми (мужские союзы), возрастными (возрастные классы) и т. п. Среди них едва ли не ведущую социальную роль издревле играли плановые связи, объединявшие друг с другом группы родственников по определенной, чаще всего по мужской линии семей, а также связи патронажно-клиентного типа.

Все эти связи в условиях привычной патриархально-первобытной жизни служили важному делу устойчивости общества. Они были элементом общей культуры отношений, регулировали эти отношения и обеспечивали стабильное их существование и воспроизводство. Каждый рождавшийся человек с малолетства хорошо знал свое место в этой не столь уж сложной социальной сети, возникавшей в результате переплетения связей различного типа. А так как упомянутая сеть была практически единственной, знакомой ему, ибо административно-политической системы в подавляющем большинстве африканских обществ просто не существовало (ее функции как раз и исполняла, причем достаточно успешно, сеть социальных связей), то неудивительно, что соответствующим образом формировался культурный стереотип и менталитет.

Дело в том, что все связи и вся их сеть в целом были не только знаками, обозначающими место каждого в системе взаимоотношений: кому за кого выходить замуж или на ком жениться, от кого ждать помощи в случае беды, с кем в первую очередь объединяться в момент опасности и т. п. Значимость социальной сети была обширнее и весомее: она как бы навечно закрепляла *каждого среди своих*. Практически это означало, что от *своих* уйти нельзя, что каждый всегда и при любых обстоятельствах зависит от своих и связан с ними множеством жестко фиксированных стандартом нитей. Хорошо это или плохо – вопрос бессмысленный. Такого рода связь рождена условиями первобытной структуры и является фактом бытия, нерушимой и непререкаемой традицией, причем свойственной отнюдь не только африканцам. Об этих связях уже шла речь в первой части работы, где давался анализ древним обществам. Но там на этом не делалось акцента потому, что связи описываемого типа, постепенно трансформируясь под воздействием динамики политического и экономического развития, понемногу и достаточно гармонично на протяжении веков дополнялись, а затем и во многом замещались связями иного типа, свойственными развитому государству, и тем самым теряли свое первоначальное значение, обретая иную форму – форму социальных корпораций (община, клан, секта, цех, землячество, каста и др.), о месте которых в традиционном восточном обществе специально говорилось. Не то в Тропической Африке.

Здесь сильных государств не было, а потому и не возникали сотрудничавшие с властью социальные корпорации. Точнее, эти корпорации или потенциальные их зародыши как раз и переплелись в ту социальную сеть, о которой идет речь и которая выполняла функции и корпораций, и административно-политической власти одновременно. Но принципиальным отличием типичной для африканцев социальной сети как раз и является то, что определяет ее отсталость: она безразлична к надобщинным политическим административным отношениям и фиксирует незыблемость принципа «каждый прежде всего среди своих и для своих».

Казалось бы, что тут особенного?! Тем более, что нечто в этом роде можно встретить у многих народов мира – достаточно вспомнить, к примеру, о горцах Кавказа и о многих странах Азии. Но особенное все-таки есть, включая и степень силы упомянутой социальной сети, дающей много очков вперед даже спянным традицией кровной мести социальным обязательствам тех же кавказских горцев. Это особенное в той роли, какую играют в Тропической Африке патронажно-клиентные отношения, в принципе хорошо знакомые и многим другим народам.

Вообще-то отношения патрон-клиент базируются на классических реципрокных связях. Но, будучи включены в сложную социальную сеть взаимных обязательств, они обретают новые и более жесткие очертания постоянных взаимоотношений между старшими и различными категориями младших. Старший по возрасту, по социальному положению, по счету в системе родства автоматически оказывается и более зажиточным, и обладающим авторитетом среди окружающих, и в конечном счете носителем власти. В процессе трибализации примитивных этнических общностей именно эти старшие становятся вождями и королями, главами племен. Но далеко не всегда за этим следует становление государственных административно-политических связей. Очень часто альтернативой их в африканских раннеполитических структурах оказываются именно традиционные патронажно-клиентные отношения, включенные в привычную социальную сеть.

Суть отношений, о которых идет речь, сводится к тому, что каждый в рамках этой социальной структуры имеет свою строго определенную нишу, обусловленную многими жестко фиксированными параметрами. Соответственно своей нише каждый имеет право на строго определенную долю совокупного общественного пирога. Вся эта практика складывалась веками, освящена традицией и потому весьма прочна, закреплена в умах африканцев социопсихологическими стереотипами. Жить нужно и можно только и именно так – и не иначе. В этом суть стереотипов. И они, естественно, не могут не оказывать своего влияния на жизненные реалии. Особенно отчетливым это становится и проявляет себя, когда речь заходит о столкновениях интересов «своих» и «чужих». А такого рода столкновения в современной Африке на каждом шагу, если вспомнить о том количестве племен и племенных групп, которые обитают на обширных территориях Африки южнее Сахары и из причудливого конгломерата

которых по прихоти судьбы составлены все современные африканские государства. Это вплотную сталкивает нас с проблемами этническими.

Этнические проблемы и трибализм

Этнические проблемы в Тропической Африке необычайно обострились именно после обретения новыми странами их государственности. За редкими исключениями типа воссоединения части Восточной Нигерии с Камеруном в результате плебисцита, этнические проблемы и нагнетание в связи с ними напряженности, а также все проявления этих проблем, имеющие в современной политологической лексике сводное наименование «трибализм», – это стремление «наших» противопоставить себя «чужим» и добиться в чем-то лучших позиций и вообще жизненных условий, чем имеют другие. Иными словами, этнические проблемы сродни сепаратистским устремлениям, что при благоприятных условиях может вылиться в политический сепаратизм, как то случилось с Биафрой в Нигерии в конце 60-х годов, с Катангой (Шабой) в Заире в 60-х и снова в 70-х годах. Иноша этнические противопоставления усугубляются религиозным антагонизмом, однако в Африке южнее Сахары религиозные конфликты явно отступают на задний план перед этническими, может быть, из-за недостаточной эффективности и христианства, и ислама в этих странах (господствующая же здесь местная религиозная система, обычно неточно именуемая анимизмом, этнически нейтральна и потому не накладывает своего отпечатка на национальные конфликты).

Всего в Африке, по данным специалистов, насчитывается три – пять сотен этнических групп различного размера, от многомиллионных до весьма малочисленных. Каждая группа имеет свой язык – по языку они и классифицируются. Логично и понятно, что каждому этносу дорог свой язык, и это одна из важных причин (хотя и не единственная) того, что государственным языком в описываемых молодых государствах обычно становился не язык какого-либо из этносов, хотя бы численно преобладающего, но чужой язык, язык колониальной метрополии. Образованные люди, городское население (а оно численно и в процентном отношении очень быстро растет) говорят чаще всего по-английски, по-французски, по-португальски – в зависимости от того, чьей колонией была та или иная страна в прошлом. Впрочем, это немаловажное обстоятельство никак не исключает того, что вне пределов города и в домашних условиях в городах те же люди, как правило, говорят на родном языке, который является важнейшим для них этноидентифицирующим признаком.

Нормой едва ли не для всех молодых независимых африканских государств является то, что деревня остается этнически цельной, населенной данным племенем, его представителями, тогда как город, напротив, полиэтничен. Это, впрочем, никак не исключает того, что и в городе, особенно большом, приходящие из деревень новопоселенцы стремятся селиться землячско-племенными коллективами, образуя соответствующие районы, микрорайоны или кварталы. Неудивительно в этой ситуации и то, что трибализм сильнее и жестче проявляет себя не в деревне, где соседние поселки, населенные разными этническими группами, вполне могут длительно и бесконфликтно сосуществовать (им, собственно, чаще всего нечего делить – у каждого своя земля, а то и своя природная ниша), но именно в городе, где этнические процессы и проблемы тесно переплетаются с политическими и экономическими.

Еще более очевидной этническая основа проявляет себя в тех случаях, когда в государстве разгорается внутренний конфликт. О сепаратистских конфликтах в этой связи уже упоминалось. Но ими одними дело отнюдь не ограничивается. Вспомним Анголу, где полтора десятилетия существования этого одного из наиболее молодых независимых государств Африки шла острая борьба между, казалось бы, двумя политическими группировками, ориентировавшимися соответственно на социализм и СССР, либо капитализм и помощь со стороны ЮАР, а также США. Если изменить уровень наблюдения и, оставив в стороне верхние эшелоны власти и высшие политические задачи, обратить внимание на тех, кто воевал, то окажется, что за Луандой и ее властями шли одни племенные группы, а за Савимби – другие, этнически близкие именно ему. И так в основном везде. И кровавый Иди Амин в Уганде опирался на поддержку своего племени и был изгнан из страны тогда, когда лидеры иных этнических групп той же Уганды сумели, правда, с помощью соседей одолеть его и его

сподвижников.

Трибализм – это своего рода знамя, символ современной Африки. Гордиться им не приходится, но и обойтись без него никто не может. В дни вооруженных конфликтов он выходит на передний план в его наиболее резкой форме, генетически восходящей все к тому же классическому и всем понятному членению на «наших» и «чужих». Но и в дни относительной стабильности он незримо присутствует в каждой из стран, накладывая свой весомый и очень заметный отпечаток на ее жизнь, в первую очередь политическую, хотя и не только. Стоит заметить, что лидеры африканских государств лучше других понимают это и со своей стороны делают все, чтобы держать трибализм в приемлемых рамках. Совсем обойтись без него они не в состоянии – на кого еще им опереться в трудную минуту, как не на своих? Ведь сколько-нибудь развитой и устоявшейся социально-классовой структуры ни в одном из молодых африканских государств, о которых идет речь, пока нет. Она, эта структура, в лучшем случае только формируется, да и то далеко не везде. Однако в то же время политические лидеры хорошо осознают, что ради достижения желанной стабильности необходимо держать трибализм и все связанные с ним племенные и иные предпочтения в определенных рамках. Как конкретно это достигается и в чем проявляется?

Трибализм и политическая власть

Прежде всего, на передний план выходят все те же патронажно-клиентные связи, вся та сеть традиционных социальных взаимоотношений, которая столь привычна для африканцев с их полупервобытным менталитетом. Можно сказать, что эта сеть не просто целиком переносится из деревни в город, но в условиях крупномасштабной городской жизни как бы заново воссоздается. Далеко не случайно один из африканских политологов как-то даже заметил, что трибализм в этом смысле является для Африки чем-то искусственным, заново созданным для нужд правящей элиты. При всей рискованности такого рода тезиса в целом, в нем немало от справедливой истины. Дело в том, что эта сеть приходит в город не просто с земляками того или иного из формирующихся политиков. Она действительно переносится и к тому же обрамляется новыми, еще более надежными скрепами.

Система личных связей формируется как за счет действительных родственников и соплеменников, которые приходят из родных мест в город и, естественно, оказываются клиентами своего добившегося сколько-нибудь заметных политических либо иных успехов соплеменника, становящегося их патроном, так и за счет адаптации различного рода аутсайдеров, почему-либо выпавших из собственной кланово-племенной структуры случайных лиц, также изъявивших готовность стать клиентами влиятельного патрона. Возникает надежный социальный механизм на племенной (частично псевдоплеменной, адаптированной) основе, который является элементом все той же трибалистской практики. И чем выше на политической лестнице стоит патрон, тем мощнее его клиентелла, тем крепче и шире, разветвленной его опирающийся на родное племя клан. А все это в порядке обратной связи влияет на рост политических потенциалов патрона. И если мысленно представить себе, что такова в принципе социально-трибалистско-политическая структура в любом из независимых государств современной Тропической Африки, то мы и получим политическую администрацию, состоящую из ряда соперничающих влиятельных деятелей, каждый из которых опирается на свой клан, на своих клиентов и в конечном счете на свое племя. В крупных племенных группах может быть ряд аналогичных структур – скажем, по числу подразделений племени. Но в конечном счете главное состоит в том, что принцип создания политических структур и функционирования политической элиты именно таков.

Специалисты давно обращали внимание на то, что стоит кому-либо из политиков в той или иной африканской стране получить, скажем, министерский пост, как он тут же заполняет это министерство своей родней, соплеменниками. И это не только не удивительно (удивительным это может показаться лишь незнакомому с африканскими реалиями иностранцу), но, напротив, закономерно. Во-первых, потому, что традиционные нормы реципрокности и социальных связей вынуждают того из родни и соплеменников, кто поднялся по социально-политической лестнице выше других, позаботиться о своих ближних. И эти

ближние в такого рода случаях не церемонятся. Они окружают преуспевающего родственника, объявляя себя его клиентами и законно требуя за это места, должности, вспомоществования и т. п. Во-вторых, клиенты такого рода – это и есть привычная в Африке социальная опора каждого высокопоставленного представителя элиты. И если ты получил министерство – оно *твое* в буквальном смысле этого слова. Ты не только можешь, ты обязан отдать должности в нем своим клиентам. Неважно, могут они выполнять при этом необходимые функции или нет. Гораздо важнее то, что это твои люди, на которых ты всегда можешь положиться.

Трибализм, обусловивший функционирование и даже господство подобного рода кланово-патронажных структурных ячеек в политической жизни едва ли не всех стран Африки⁵³, оказал свое решающее воздействие и на выживаемость тех или иных форм политического режима в независимых странах Африки. Обратим внимание на Два аспекта режима, на характер государства и проблему многопартийности. В современной Африке, как то видно из предыдущей главы, республиканская форма правления абсолютно доминирует. Правда, есть мелкие королевства типа Лесото и Свазиленда, временами тот или иной правитель типа Бокассы объявлял себя монархом, даже «императором». Но все это скорее карикатура, нежели норма. Нормой оказалась республика – и это при всем том, что Британия, одна из главных колониальных держав, была и формально остается ныне монархией; да и во всех африканских странах до колонизации и во времена колониальной зависимости всегда хватало, есть и сегодня немало королей и вождей с явно монархическим стилем существования и соответствующим менталитетом их племенного окружения. Причина видна невооруженным глазом и сродни тому, о чем уже говорилось в связи с упоминанием о государственном языке: любой вождь или король, став во главе нового государства, уже одним этим восстановил бы против себя все те племена, к которым он не принадлежит и по отношению к которым заведомо является чужим – со всеми вытекающими из этого негативными и политически дестабилизирующими последствиями. Отсюда логичный вывод: нужна не монархия, а республика; во главе страны должен быть не обожествленный несменяемый монарх, но избранный большинством сменяемый президент.

Президент в большинстве стран современной Африки – это не столько символизирующая государство политическая фигура, сколько фиксированный результат определенного общественного компромисса, баланса политических сил. Разумеется, бывают случаи, коща во главе того или иного государства оказывается выдающаяся личность, чьи деяния как бы возносят ее над племенными предпочтениями, выносят за скобки элементарных политических расчетов. Но это – своего рода выход за пределы нормы, пусть даже выход желанный и благотворный для страны, хотя и не всегда. Нормой же остается баланс сил, и это убедительно проявляет себя в тех случаях, когда на смену выдающейся личности в той же стране приходит обыкновенная.

Наряду с президентской практически во всех молодых государствах Африки принята парламентская форма правления. Парламенты во всех возможных модификациях – национальные собрания, палаты представителей, рациональные ассамблеи, революционные советы, даже советы вождей, как демократически избранные, так и порой наспех скомплектованные, созданные по воле военных диктаторов, – неизбежная и немаловажная часть политической власти почти во всех африканских странах. У этих представительств может быть весьма разная доля власти, от почти полной до едва заметной консультативной, но всех их объединяет нечто общее: все они являются более или менее точным инструментом, отражающим совокупность этнических групп данного социума, а также соотносительную силу и значимость каждой из упомянутых групп. Можно сказать и более определенно: парламентарное представительство такого типа, о котором идет речь, является необходимым условием нормального осуществления политической администрации в стране, без него сколько-нибудь эффеkтивная власть вообще невозможна.

⁵³ Только в немногих из них структура подобного рода испытала определенную модернизацию, став чем-то вроде моноклановой, как в Кении, где политическое господство выходцев из племени кикуюю оказалось признанным другими этническими группами, добровольно выступающими в позиции младших партнеров.

Казалось бы, все сказанное должно по логике вещей вести к практике политического плюрализма и к системе многопартийности. Многопартийность как таковая присуща любой нормальной парламентарной демократии. А уж Африке с ее групповыми интересами вроде бы сам бог велел быть многопартийной. Между тем на деле все не так. Многопартийность как политическая система не только не распространена, но и с трудом находит себе место в молодых странах. Даже напротив, практика показывает, что эта система вредна и деструктивна, во всяком случае на раннем этапе становления государственности. Нетрудно понять, в чем дело: партии в рамках той структуры и той социальной сети, которые уже были охарактеризованы, неизбежно и очень быстро становятся племенными. Вместо партий появляются хорошо политически организованные противостоящие друг другу мощные этнополитические организации, каждая из которых радеет за своих и претендует на максимум власти и влияния. В любой стране, где подобное происходило, дело шло, как правило, к дезинтеграции и политической нестабильности и обычно завершалось военным переворотом и запретом на деятельность партий. Правда, военные режимы с их однопартийными организациями типа народных фронтов тоже на практике оказывались малоэффективными и обычно бывали нестабильными. Но одно преимущество таких режимов, как и функционально родственных им революционных, марксистски ориентированных, несомненно: это стремление и практическая возможность собрать под национально-революционными лозунгами все население страны, отодвинув на задний план этнические предпочтения и своекорыстные цели групп. Как правило, программы фронтов и общенациональных правящих партий крайне расплывчаты, как размыты сами эти организации по их внутренней структуре (в некоторые из них автоматически включается все взрослое население страны). Но свое дело они делают. Впрочем, здесь необходимы оговорки и дополнительные пояснения.

Парламентарная демократия и реалии африканских стран

Совершенно очевидно, что принятая практически всеми деколонизованными странами система парламентарных режимов с президентской властью и демократическими выборами, пусть даже не регулярными и далеко не всегда истинно демократическими, – это историческая неизбежность. Никакой иной системы власти молодые страны изобрести не могли, а принятая ими была хороша не только тем, что соответствовала этническому плюрализму в каждой из вновь возникших стран, но также и тем, что была неплохо известна и отработана веками в парламентской традиции Европы. С этой традицией была знакома получившая образование в метрополии правящая элита, которая, собственно, тот или иной политический режим и создавала, начиная с выработки (с помощью колониальной администрации или под ее влиянием) конституции. Но одно дело – респектабельная внешняя форма демократической президентско-парламентарной республики и нечто совершенно иное – наполняющие эту форму жизненные реалии.

Совершенно очевидно, что реалии африканских стран не соответствовали принятой ими политической форме, во всяком случае в том смысле, что все тонкости процедуры и хитросплетения разделения властей – а на этом стоит любая развитая демократическая система власти – были чужды массе электората. Люди привычно шли за своими и голосовали за своих. Это характерно не только для Африки, но и для всего Востока, даже и для Латинской Америки, т. е. встречается практически везде, куда демократия была привнесена извне и где тысячелетиями до того господствовали привычные нормы командно-административной системы. Но специфика Африки в том, что в ней не была развита даже эта самая командноадминистративная система. Альтернативой ее была уже упоминавшаяся социальная сеть, вписанная в привычную форму этноцентризма. И потому демократический плюрализм естественно и однозначно принимал облик полиэтнической дезинтеграции и способствовал дестабилизации.

Однако отказ от политического плюрализма, ставший почти нормой в странах Тропической Африки, где многопартийность вначале решительно не привилась, имел свои существенные недостатки. Главными из них были даже не деспотизм и произвол власти – к

этому на Востоке привыкли издревле, – а то, что оппозиция лишалась голоса. Иными словами, немалая часть этнических групп оказывалась как бы отодвинутой от рычагов власти. Разумеется, им всегда предлагалась определенная доля формального соучастия в отправлении власти в пределах народного фронта либо правящей партии. Но эта доля низводила оппозиционные группы на уровень несамостоятельных младших партнеров, что обычно рождало чувство неудовлетворенности, а то и обиды. Отсюда – мощные взрывы недовольства, которые проявлялись то в сепаратистских выступлениях, а то и в открытом противостоянии претенденту на диктаторскую власть или очередному диктатору. Вспомним события в Чаде в 70–80 тХ годах, когда за мощными политическими группировками Г. Уэддея и Х. Хабре при всем различии их политической ориентации (с опорой соответственно на Францию и Ливию) стояли все те же племенные разногласия, все гот же привычный и всесильный трибализм. И это не только не удивительно, а закономерно и естественно, ибо иной надежной социальной опоры у представителей власти в молодых африканских государствах просто не было и пока еще нет.

Словом, недовольные оппозиционеры в рамках однопартийной системы обычно накапливают недовольство, которое ищет выхода и проявляется обычно тогда, когда однопартийная власть входит в состояние кризиса. Кризис же как таковой для этой формы власти неизбежен примерно так же, как неизбежно наступление дня после ночи. Дело в том, что за однопартийной и тем более диктаторской (революционной, марксистской, народной и т. п.) властью, как правило, следуют по пятам такие хорошо знакомые командно-административной системе явления, как nepoтизм, коррупция, неэффективность экономики, особенно государственного сектора (а стремление усилить этот сектор жизненно связано с однопартийной формой власти, отнюдь даже не обязательно в ее марксистско-социалистическом варианте), инфляция и т. д. Ведь слабость создаваемой диктаторским режимом административной системы как раз в том, что она не институционализирована, что она вынуждена вписываться в те реалии, которые у нее есть. А это значит, что министерства заполняются чиновниками по кланово-трибалистскому признаку, что администрация неумела, чиновники берут взятки и воруют, сколько могут, не видя в этом даже криминала: если тебе досталось право распоряжаться общим достоянием, то как не взять себе солидную его часть?! Это значит, что частнособственнический сектор экономики находится в подчиненном, зависимом от чиновников положении, что процветает коррупция, растут цены и инфляция и т. п.

Это, собственно, и есть кризис. Кризис ведет к ослаблению и дестабилизации власти. Вот здесь-то и наступает час оппозиции, представители которой выходят на улицу с требованиями многопартийности, плюрализма, приватизации и либерализации экономики. И нередко добиваются требуемого. Наступает период многопартийности, у которого свои уже описанные слабости и который, в свою очередь, ведет к дестабилизации и ослаблению власти. И снова переворот, чаще всего военный, ведущий к новому витку однопартийности, диктаторского по сути режима.

Бывают, разумеется, варианты, в том числе связанные с тем, что у власти в стране оказывается на долгие годы, десятилетия влиятельный выдающийся деятель, пользующийся всеобщим уважением и признанием и потому обретающий возможность соединить в своем лице разноречивые тенденции и выступить в качестве верховного медиатора. Это способствует стабильности структуры, будь то Сенегал при Сенгоре, Танзания времен Ньерере или Заир под властью Мобуту. Однако в большинстве случаев ситуация именно такова: правящие однопартийные режимы, погрязая в коррупции, рушатся под давлением оппозиции, а многопартийные режимы, приходящие им на смену, не выдерживают испытания властью, следствием чего являются военные перевороты, снова ведущие к однопартийности.

За последние годы все чаще раздаются голоса, смысл которых сводится к тому, что в рамках многопартийных режимов следует вводить конституционные ограничения, запрещающие создание партий на моноплеменной основе. Может быть, на новом этапе существования независимых стран Африки это будет иметь шансы на осуществление и как-то повлияет на политическую реальность. Но это в лучшем случае дело будущего. Пока же ситуация в основном остается именно такой, как она выше была описана, пусть с исключениями и вариантами. В политическом цикле, характерном для развития большинства

стран Тропической Африки в период их независимости, остался пока без специального внимания один аспект – тот, что связан с военными переворотами и вообще с ролью военных и войн в современной Африке.

Политика и военные

Независимое государство должно иметь свою армию. Армия, как на то обращал внимание специально исследовавший эту проблему Г. Мирский, едва ли не единственная структура, которая не создается и не может создаваться в полиэтничном государстве по племенному признаку. Это не значит, что в рядах офицерского корпуса не существует клановых и земляческих связей, патронажно-клиентных отношений. Но это означает, что армейская структура как таковая неэтнична и потому в наименьшей степени поддается трибалистским настроениям. Поэтому армия в современных африканских странах являет собой хорошо организованную и как бы стоящую над этническими интересами типично государственную структуру, к тому же имеющую немалую внутреннюю силу и соответствующий авторитет. Армия обычно хорошо вооружена, базируется чаще всего на профессиональной основе и потому хорошо оплачивается. Быть военным, кроме всего, престижно, ибо открывает потенциально для каждого путь наверх, в правящую элиту, а то и непосредственно к власти.

Кризисная ситуация, вызываемая многими причинами (политические описаны выше, об экономических речь пойдет в следующей главе), подчас приводит не только к дестабилизации и слабости власти, но и просто к вакууму власти. Этот вакуум требует своего заполнения – и именно тогда наступает время армии. Генералы, офицеры, а то и сержанты во главе военных подразделений выступают на передний план и с завидной легкостью берут власть, объявляя себя правителями страны. Некоторые из них после этого укрепляются в правящих кругах, проявляя себя умелыми политиками, другие быстро сходят на нет, подчас уступая место более удачливым и напористым своим сотоварищам. Но в принципе ситуация очевидна: военные становятся у власти, наводя при этом армейскую дисциплину и порядок. Военные перевороты способствуют стабилизации власти после кризиса, это несомненно. И в этом смысле они часто играют позитивную роль, являясь своего рода санитарами, оздоравливающими обстановку в целом. Однако этим, как правило, их роль и ограничивается. Управлять страной в армейской форме с автоматом наперевес практически невозможно. Поэтому либо военные снимают форму и баллотируются на очередных объявленных ими же выборах в президенты, что нередко бывало во многих странах, как крупных типа Нигерии, так и небольших, будь то Того или ЦАР, либо, что реже, они вновь уступают место гражданским правителям, как то случилось в Гане в 1979 г.

В обоих случаях армия вскоре после переворота уходит в казармы и как бы дистанцируется от носителей власти. Власть же ведет себя как обычная власть, более всего склонная, особенно после кризиса и переворота, к введению сравнительно жесткого однопартийного режима, нередко усиленного революционной фразеологией. После этого динамика политического развития идет своим чередом, со всеми теми этапами, о которых уже говорилось.

Обращает на себя внимание то немаловажное обстоятельство, что роль военных в современной Африке южнее Сахары наиболее выявляется именно в политических переворотах. Реже она проявляет себя на поле брани. Если не считать не слишком большого числа внутренних войн и сепаратистских выступлений, пусть даже чреватых миллионами жертв (для сорока с лишком полиэтничных государств с неустоявшейся системой власти считанные серьезные конфликты в Анголе, Мозамбике, Нигерии, Заире, Чаде, Эфиопии – это в общем-то немного), то межгосударственные конфликты, особенно с применением военной силы, здесь редки. Это конфликт Сомали с Эфиопией, военные действия намибийских партизан за освобождение Намибии, конфликт Чада с Ливией, вмешательство Танзании в дела Уганды в годы правления там диктатора Иди Амина. Пожалуй, почти все. Даже если в перечне опущены кое-какие другие небольшие войны, это не влияет на общий вывод: межгосударственных военных столкновений на огромном континенте было мало. И вообще, как то ни покажется странным, почти нет пограничных проблем, взаимных претензий (кроме разве что претензий на

создание Великого Сомали, завершившихся полным крахом). Все как бы удовлетворены тем, что имеют. Видимо, отсутствие существенных и осознанных националотерриториальных притязаний – результат все той же инфантильности политических структур, племенной дробности и отсутствия исторических споров в прошлом между не существовавшими ранее государствами. В принципе это весьма позитивный фактор. Правда, нет уверенности, что он и впредь будет постоянно действующим.

Как показывают специальные исследования, Африка в целом весьма быстрыми темпами вооружается, закупает оружие, а в некоторых ее странах, во многом благодаря советской помощи, численность вооруженных сил достигла уровня, сопоставимого с уровнем богатых, развитых и могущих себе такое позволить стран. Это внушает определенные опасения за будущее. Но пока что ситуация в военном плане спокойная. Создается впечатление, что африканцы удовлетворены обретенной ими независимостью в тех рамках, какие были посланы судьбой. Они ценят свое и, как правило, не притязают на чужое, пусть даже родственное им в языковом и этническом плане. Не встает и проблема мирного соединения соседних стран. Если не считать соединения Занзибара с Танганьикой, добровольно объединившихся еще в 1964 г., никто больше такого рода проектов не выдвигал. Зато сепаратистские выступления подавляются жестко и бескомпромиссно. Словом, случайные границы уважаются и, похоже, обретают стандарты политической вечности. Причем делается это не столько за счет пограничных шлагбаумов с армейскими вооруженными заставами, сколько за счет взаимного уважения к границам, своим и соседей.

Проблема расизма и поиск самоидентичности

Специфика жизненных реалий, искажающая облик парламентарной демократии и во многом превращающая режим африканских стран в псевдодемократии» имеет еще один важный аспект, с которым, как правило, не сталкиваются народы иных современных государств Востока. Это расовая проблема. Правда, в подавляющем большинстве африканских государств этой проблемы внешне как бы и нет по той простой причине, что инорасовые вкрапления в них малы, а немногочисленная колония европейцев обычно ведет себя в этом смысле не только осторожно, но даже и подчеркнуто лояльно по отношению к местному негритянскому населению. Но это только внешне. Внутренне любая из стран, о которых идет речь, ощущает свою неполноценность по отношению к развитым странам европейского или американского Запада. И хотя эта неполноценность имеет цивилизационные, технологические, экономические, культурные и прочие корни, подспудно она неизбежно как бы опрокидывается на неравенство расовое. Другими словами, образованные слои местного населения (о прочих речи нет, ибо они над этими Проблемами в абстрактном плане не задумываются, а в реальной жизни с ними редко сталкиваются) в той или иной степени почти всегда затронуты комплексом расовой неполноценности.

Этот комплекс после достижения независимости усилился и нашел свое проявление в теории в форме концепций типа негритюда, смысл которых в том, чтобы подчеркнуть расовое достоинство, даже превосходство негритянской расы. Концепция эта, детально разработанная Л. Сенгором, получила достаточно широкое распространение, хотя и не была принята всеми. Характерна в этом плане реплика знаменитого африканского писателя, нобелевского лауреата нигерийца В. Шойинка, смысл которой в том, что тигр не провозглашает тигритюд, он просто прыгает. Реплика явно призвана погасить комплекс расовой неполноценности не за счет выпячивания мнимых достоинств своей расы, но за счет признания и трезвого учета своих потенций.

Иная формула преодоления комплекса, о котором идет речь, – в призыве к самоидентичности. Наиболее отчетливо эта политика проводится в Заире усилиями прежде всего самого президента маршала (едва ли не единственный маршал в негритянских странах Африки) Мобуту. Мобутизм как доктрина, претендующая на изложение основ национальной самобытности заирцев, исходит из того, что африканский путь самобытен и тем ценен, что необходимо максимально сохранять эту самобытность (для чего Мобуту, в частности, переименовал все европейские названия в стране), культивируя ее всеми средствами, прежде

всего с помощью национального телевидения. Самобытным, чисто африканским политическим принципом (в этом маршал не ошибся) был провозглашен и однопартийный режим власти в стране. Другим аналогичным самобытным принципом был обозначен факт сосредоточения всей власти в руках полуобожествленного правителя-президента, не только теоретика, но и пророка африканцев. В менее яркой и претенциозной форме с проповедью аналогичной самобытности выступали и другие руководители африканских стран, в частности президент республики Кот-д'Ивуар Ф. Уфуэ-Буаньи, также прибегающий для пропаганды своих идей к помощи телевидения.

Но если в большинстве стран Африки расизм и внутренняя потребность преодолеть связанный с этим комплекс неполноценности проявляются в общем в почти невинной форме негритюда или стремления к самоидентичности, то совершенно иначе обстоит дело с этим в тех странах, где из-за наличия заметных инорасовых прослоек расовая проблема реально ощутима, а то и крайне остра. Речь идет прежде всего о Зимбабве и ЮАР. В Зимбабве с ее сотней тысяч европейцев-предпринимателей, в основном богатых фермеров, дающих товарную продукцию, расовая проблема в свое время выразилась в нежелании правительства Я. Смита отдавать власть африканцам. Трудные поиски выхода, вначале решавшиеся было попыткой создать невыносимые условия для европейцев с целью заставить их покинуть страну, в конечном счете дали оптимальный итог: Лондонские соглашения 1979 г. сохранили европейцев в Зимбабве, чему страна в немалой мере обязана своими экономическими успехами, и нашли разумный баланс интересов, смягчив расовую проблему.

Иное дело – ЮАР. Здесь долгие десятилетия власть белого меньшинства была абсолютной, и только в самые последние годы ситуация стала заметно изменяться. Апартеид благодаря мудрой политике де Клерка уходит в прошлое, пусть не без сопротивления консерваторов из числа белых. Но каким будет компромисс? Ведь расовые проблемы в ЮАР тесно переплетаются с политическими, а радикальная репутация крупнейшей партии негритянского населения АНК никак не способствует легкому решению проблемы. Сумеют ли лидеры белого, черного и цветного населения найти компромисс, способный обеспечить разумный баланс в стиле того же Зимбабве? Вопрос неясен, и только будущее покажет, как пойдут в этом смысле дела. Одно несомненно: расовая проблема в ЮАР, в отличие от иных африканских стран, отнюдь не сводится к внутреннему комплексу неполноценности и к поискам его нейтрализации. В ЮАР все много серьезнее, ибо там расовые противоречия, даже антагонизмы еще вчера имели крайне жесткую, бесчеловечную форму, да и сегодня остаются весьма острыми.

Глава 3

Африка южнее Сахары: экономика и ориентация в развитии

Несовершенство политической системы, нестабильность власти и свойственные новоявленному примитивно-бюрократическому режиму административные пороки, такие, как nepotизм, коррупция, злоупотребление служебным положением, неумение эффективно управлять и т. п., – все это явилось в африканских странах следствием не только отсталой сети социальных связей и отсутствия сколько-нибудь развитой политической структуры, но также и отсталости экономического развития, низкого уровня образовательной и специальной подготовки тех, кто оказывался причастен к управлению. Все это следует считать естественным в молодых государствах, быстрыми темпами структурировавшихся на базе полупервобытности, пусть даже и обогащенной несколькими десятилетиями практики колониальной администрации. Но молодые африканские государства стремились как можно быстрее преодолеть свою вопиющую отсталость. А для этого следовало решить прежде всего две основные проблемы, экономическую и социокультурную. Первая сводилась к организации управления хозяйством и развитию экономического потенциала страны. Вторая – к решению проблем образования населения и подготовки квалифицированных работников. Обе они в конкретных условиях современной негритянской Африки могли решаться лишь при активном содействии и участии государства, административной власти. Это, разумеется, тоже наложило

свой заметный отпечаток как на характер власти, так и на выбор пути развития.

Ресурсы и экономический потенциал

Природными ресурсами Южная и Тропическая Африка не обделена. Медь и золото, нефть и алмазы, бокситы и фосфаты, да и многое другое обильно представлены в ее недрах и уже давно и в немалых количествах добываются. Но добычей полезных ископаемых заняты преимущественно иностранные компании или – если иметь в виду ЮАР – те, что основаны некоренным населением. Разумеется, при этом для работы в шахтах, на нефтепромыслах и в иных предприятиях привлекаются как раз коренные жители, африканцы. А в таких странах, как ЮАР, где промышленность хорошо развита и существует, огромное число неплохо оплачиваемых рабочих мест, немалое количество работающих составляют так называемые отходники, т. е. мигранты из соседних африканских стран.

О ЮАР особо говорить не приходится. Это высокоразвитая современная держава с высоким уровнем жизни, причем высоким для представителей всех рас, хотя при этом важно оговориться, что представители белой расы в этой стране апартеида до последнего времени получали за ту же работу в несколько раз больше африканцев. Впрочем, стоит заметить, что уровень зарплаты африканца в этой стране выше, чем в других. Но не только ЮАР, а и многие другие страны все активнее и результативнее разрабатывают богатства своих недр.

Успешно качают нефть Нигерия, Конго и Габон. Маленький Габон практически за счет нефти обеспечивает своим немногочисленным жителям сказочный, невероятный по африканским стандартам уровень жизни – средний ежегодный доход на душу населения равен здесь 3 тыс. долл. Нигерия и Конго тоже за счет нефти не только сводят концы с концами, но и добиваются ощутимых успехов как в темпах годового экономического прироста, так и в доходах на душу населения, хотя Нигерия многонаселенна, а Конго долгие годы истощалось экспериментом в марксистско-социалистическом духе. Богата цветными металлами, а также и нефтью Замбия, причем для активной промышленной разработки ресурсов в этой стране создана хорошая энергетическая база. Отсюда сравнительно высокие темпы экономического роста, хотя при этом уровень жизни достаточно скромен. К числу стран со сравнительно развитой промышленностью обычно относят также Заир с его индустриальным центром в Катанге (медь, кобальт, цинк и пр. металлы), но при этом с весьма низким уровнем жизни населения, Намибию (медь, цинк, урановые руды, алмазы), Ботсвану (алмазы, цветные металлы) с ее сравнительно высоким уровнем жизни населения, Либерию (железная руда, алма-зы).

Ценными ресурсами справедливо считаются и растительные. Так, богата красным деревом республика Кот-д'Ивуар, Гана экспортирует какао-бобы, Кения – кофе и чай, Камерун – какао-бобы, кофе и каучук, Сенегал – арахис, Мозамбик – кешью. И хотя по уровню благосостояния перечисленные страны, как правило, уступают тем, в которых имеется сравнительно развитая промышленность, на общем фоне остальных стран Африки они все же выделяются в лучшую сторону (кроме разве что Мозамбика, обессиленного длительной войной и рискованными социальными экспериментами). Неплохо зарабатывают экспортом собственных ресурсов также небольшие островные государства, в первую очередь Реюньон (ваниль, гвоздика, табак, сахар), а также Сейшелы (рыба и копра), Маврикий (сахар, чай). Достаточно развитым на общем фоне выглядит и королевство Свазиленд с его почти 700 долл. годового дохода на душу населения (сахар, табак, хлопок, цитрусовые).

Как легко заметить из вышеизложенного, экономический потенциал сравнительно развитых африканских стран измеряется природными ресурсами. Есть ресурсы – их разрабатывают и экспортируют, за счет чего и повышается уровень жизни населения. Нет ресурсов – страна, естественно, лишена возможностей для экспорта и оказывается отсталой, нищей. Более того, общие темпы экономического роста Африки в целом за последние десятилетия (приблизительно 5 % в год в 70-х и 3–4 % в 80-х годах) достигались в основном тоже за счет добывающей промышленности, наращивания экспортного производства. В принципе это вполне нормальный путь экономического развития слаборазвитого государства. Проблема в том, что для большей части новых государств Африки такой возможности просто

не было. В этом случае должен встать вопрос об альтернативном развитии. Но где было искать альтернативу? Для стран Тропической Африки с их полупервобытной социальной структурой и соответствующим уровнем социокультурного стандарта, цивилизованности альтернативы практически не было. Вот она, жестокая закономерность современных африканских реалий: нет ресурсов – нет развития. И далеко не случайно 28 стран Тропической Африки вошли в число 42 самых отсталых стран мира по классификации специализированных организаций ООН, как не случаен и тот показательный факт, что совокупный валовой продукт полусотни африканских стран за год в конце 80-х годов оказался равным примерно 150 млрд. долл., что соизмеримо с аналогичным продуктом одной Бельгии.

Если говорить экономическим языком, все перечисленные печальные факты означают одно: среди экономического потенциала новых государств Африки нет главной его составной части, без которой процветание в современном смысле невозможно, – нет подготовленного к производительному труду работника. Во всяком случае, во многих странах Африки таких работников в сколько-нибудь достаточном количестве пока еще нет. Имеются в виду как работники, имеющие навыки и квалификацию для регулярного труда на современных промышленных предприятиях, промыслах, плантациях, так и те работники преимущественно городского типа, которые могли бы взять на свои плечи всю массу необходимой работы по налаживанию современной инфраструктуры, – речь идет прежде всего о торговле, бытовом обслуживании, мелком и частично среднем предпринимательстве.

Грех обвинять в этом недостатке самих африканцев, ибо это не их вина, а их беда. Но тем не менее в этом – корень зла. В чем же конкретно все это проявляется? И как эта проблема сегодня решается?

Государство и экономика

Пути решения различны, но в конечном счете почти все они так или иначе упираются в государство, в проводимую им экономическую политику, в ориентацию на ту или иную модель развития. Далеко не случаен при этом тот знаменательный факт, что едва ли не половина из новых государств Африки отдала дань марксистско-социалистическим экспериментам. О пагубности этой дани еще будет идти речь ниже в специальной главе. Пока же заметим, что причиной ее было то, что в странах, претендовавших на реализацию идей «научного» социализма, осуществлялась суперцентрализация власти при лишении населения практически всех прав и свобод и превращении его в трудовую армию, что во многом отвечало реалиям стран с отсталой экономикой и неразвитым общественным сознанием. Руководителям соответствующих государств казалось, что путем небольших усилий, не меняя коренным образом привычной структуры и при сохранении привычных норм бытия можно за счет энтузиазма и организации сконцентрировать трудовую мощь населения и таким образом решить проблему отсталости. Увы, практика показала, что расчет этот был неверен в самой своей основе. Просчет был в том, что такими методами свободную рыночную экономику не создать. Что же касается несвободной хозяйственной системы, основанной на известных с древности нормативах власти-собственности и централизованной редистрибуции, командно-административной системы управления, то для ее формирования нужны, как показывает история, столетия и тысячелетия, не говоря уже о скромных ее возможностях с точки зрения современных темпов и качества развития.

Если же учесть стартовый полупервобытный, а то и вовсе первобытный уровень, с которого многим из числа отсталых стран Африки приходилось начинать, то станет совершенно понятным, почему марксистско-социалистическая модель с ее откровенным акцентом на коллективизм и эгалитаризм в потреблении (нормы, близкие полупервобытности и первобытности) и неприятием частной собственности и свободного рынка, в основе своей неведомых и африканскому населению, оказалась не просто экономически неэффективной, но и явственно ведущей в тупик. Социалистические марксистские лозунги подчас с энтузиазмом подхватывались массами и создавали иллюзию как в верхах, так и в низах. Но иллюзия не могла превратиться в реальность, так что рано или поздно трезвая реальность вынуждала правительства соответствующих стран отказываться от ведущего в никуда пути и возвращаться

на иной, рыночно-капиталистический.

Не был устан розами и этот путь. Для тех стран, кто вернулся на него после эксперимента с социализмом, многое оказалось упущенным, прежде всего темп. Достаточно привести в качестве примера Гвинею, раньше и активнее многих вступившую уже в 1960 г. под руководством Секу Туре на путь марксистского эксперимента. Владея 2/3 мировых запасов бокситов, эта небольшая страна могла бы только за этот счет стать вровень с теми, кто мудро распорядился своими ресурсами. Но национализация львиной доли промышленности, включая горнодобывающую, воспрепятствовала этому. Отсюда и результат: уровень жизни крайне низок, экономика неэффективна. Реформа 1986 г. с курсом на приватизацию промышленности и активизацию иностранного капитала привела к улучшению положения, но время было безвозвратно утеряно. Однако не слишком многим лучше положение тех стран, кто с самого начала прочно встал на путь капиталистического рыночного развития.

Конечно, умелая эксплуатация ресурсов дала тем, у кого эти ресурсы были, много очков, о чем уже упоминалось. Но тем, у кого их не было или было мало, этот фактор помочь не мог. Нужно было опираться на собственные силы и возможности. А их-то как раз и не хватало. И здесь тоже было вынуждено выходить на передний план государство. Экономически неэффективные, но крайне нужные для развития страны производства государство брало на себя, национализировало (не из принципа, как в марксистском эксперименте Секу Туре, а в силу необходимости), что сразу же вело к усугублению упомянутой экономической неэффективности, отягощенной к тому же коррупцией и злоупотреблениями администрации. Разумеется, при этом государство обычно проводило политику стимулирования частного предпринимательства и мелкого рыночного хозяйства (о крупном, естественно, речи не было, если не считать, что государственные предприятия наряду с иностранными были субъектами мирового рынка). Но втягивание местного населения даже в мелкое рыночное хозяйство с акцентом на развитие предпринимательства требовало времени и усилий, а потому долго не могло дать необходимого эффекта.

Следует еще раз напомнить, что для абсолютного большинства стран, о которых идет речь, – практически для всех них, кроме разве что ЮАР, – характерен необычайно низкий уровень производительности и культуры производительного труда. Это и неудивительно, скорее закономерно, если учесть исходный уровень работников. Повышение качества труда – дело медленное, требующее кроме терпения и настойчивости еще и условий. Условия же в данном случае сводятся к тому, чтобы обеспечить все возрастающее, причем весьма быстрыми темпами, городское население подходящими для него рабочими местами. Только обеспечение этими рабочими местами, т. е. строительство, в первую очередь, промышленных предприятий, как и инфраструктуры, способно необходимым образом дисциплинировать и цивилизовать массы прибывающих в города выходцев из общинной деревни, из привычного доиндустриального племенного быта.

Специальное исследование проблем развития мелкого и среднего предпринимательства в современных молодых государствах Африки показало, что в последние годы в этом деле произошел своего рода поворот, т. е. что все большее количество частнособственных предприятий, в большинстве своем мелких, практически индивидуальных, появляется в экономике и на рынке африканского континента. Это обнадеживающий признак, даже если принять во внимание, что многие из такого рода предприятий еще далеки от того, чтобы уподобиться современным рыночным фирмам, ибо несут на себе заметный отпечаток привычных старых форм торговли или ремесленного производства. Дело в том, что путь к рынку тем сложнее, чем с более низкого уровня экономического существования населения он начинается. Ниже африканского этот уровень едва ли еще где-либо можно встретить. Поэтому тенденция к развитию рынка и некоторому его насыщению за счет самостоятельного африканского населения – факт отрядный и заслуживающий внимания.

Этот факт заслуживает внимания прежде всего в том плане, что он свидетельствует о массовом выходе на рынок мелкого местного предпринимателя. Только такой предприниматель может если не насытить рынок – это с успехом делают и без него, в основном зарубежные фирмы, – то хотя бы освоить, сделать его своим для масс местного населения. А от такого рода освоения рынка и вообще рыночного хозяйства местным населением и зависит в конечном

счете будущее национальной экономики каждой из новых современных стран Африки. Иными словами, экономический успех, успех в развитии станет заметен в Африке южнее Сахары тогда, когда место предприниматели. Пока до этого, увы, еще далеко. И обусловлено это многими причинами. Частично о них уже шла речь; Обратим теперь внимание на социокультурный аспект проблемы.

Социокультурные стандарты и ориентиры

Как и во многих развивающихся странах, в отсталых странах Африки – а в интересующем нас аспекте они все могут быть отнесены именно к такой категории – наивысшим социальным престижем пользуется причастность к власти. Или, точнее, место служащего в государственном учреждении. А так как вследствие огромной роли государства не только в политической администрации, но и в хозяйстве страны государственных учреждений в городах достаточно много, то весь вопрос сводится к тому, чтобы найти себе в них место. Именно так обстоит дело со всеми теми, кто получил какое-либо образование в своей стране и тем более где-то за рубежом (как известно, во многих странах мира существовали и существуют квоты студенческих мест для выходцев из африканских стран, которые получают образование за небольшую плату, а то и вовсе бесплатно). Какая-то доля выпускников вузов, встав благодаря полученному образованию в ряды социальной элиты, может заняться бизнесом или пополнить ряды лиц так называемых свободных профессий. Однако это меньшинство. Большинство заполняет собой многочисленные государственные учреждения и к тому же, по упоминавшемуся уже закону клановой солидарности, наполняет низшие должности в этих же учреждениях своей родней.

Воспринимать государственные учреждения в качестве кормушки – это типичное проявление психологии иждивенчества, социального паразитизма, которая генетически связана с общинно-коллективистской кланово-трибалистской психологией и функционально родственна психологии любого лишенного собственности и индивидуальности субъекта, что очень хорошо известно нам по собственному опыту. Естественно, это рождает определенный социопсихологический стандарт, устойчивый, четко ориентированный стереотип: главное – хорошо устроиться, рассчитывать же на самого себя приходится тогда, когда устроиться не удалось.

Преодолеть такого рода стереотипы, уходящие корнями в социопсихологический стандарт полупервобытности, очень непросто. Когда на рубеже 50–60-х годов в формирующихся странах Африки стал вопрос о том, кто заменит ушедших колонизаторов и как организовать производство на предприятиях, в большинстве стран пошли по пути резкого увеличения заработной платы рабочих, особенно имевших хорошую квалификацию. Этим была повышена престижность их труда и обеспечена ломка привычного стереотипа. Работать и зарабатывать свой хлеб в условиях города за счет собственного труда стало достаточно престижным, хотя и престиж государственной службы по-прежнему оставался вне досягаемости. Кроме того, высокая заработная плата оказалась стимулом к хорошему регулярному труду, учиться которому тоже следовало практически почти заново.

Той же цели преобразования привычных общинно-первобытных стандартов служило стимулирование образования в африканских странах. С 1950 по 1988 г. общее число учащихся на континенте возросло в 10 раз, с 9,3 до 92,2 млн., причем в средней школе – в 27 раз (ныне количество учащихся свыше 20 млн.), а студентов – в 30 (теперь около одного миллиона). Правда, эти цифры, если исключить арабскую Африку, окажутся несколько ниже, как в абсолютных, так и в относительных величинах. Но при всем том рост весьма заметен. И пусть даже стремление к получению образования, особенно среднего и высшего, стимулируется возможностью влиться в ряды правящей элиты и получить свой кусок пирога, не слишком утруждая себя трудом. В конечном счете важен процесс и итог: чем больше в странах Африки станет образованных людей, тем быстрее они психологически преодолют синдром коллективистской первобытной общинности. И, преодолев, сумеют переориентироваться в быстро меняющихся условиях жизни, стать активными работниками, влиться в сферу производства и предпринимательства.

Проблема, о которой идет речь, для Африки сегодня крайне актуальна. Известно, в частности, что на континенте проживает 14 % населения мира (цифра с каждым годом увеличивается), а промышленной продукции здесь производится менее 1%, сельскохозяйственной – 6 % (без ЮАР). Привлечение и приучение населения к регулярному производительному труду является, таким образом, делом жизненной необходимости. И именно для этого нужны резкая ломка привычных стереотипов, повышение уровня образованности и культурности населения, для чего – если учесть быстрый рост городского населения и вообще влияние стандартов полиэтнического города в отличие от родной кланово-трибалистской деревни-общины – объективно создаются неплохие возможности. Важно уметь и хотеть ими воспользоваться.

Определенную роль в качестве стимула играет и хорошо известный социологам и культуроведам так называемый демонстрационный эффект. Ведь все страны Африки (быть может, за исключением немногих из числа стабильно ориентировавшихся на марксистскую модель или ведущих постоянные войны ради этого), являя собой обширный рынок, буквально забиты хорошими товарами, включая японскую электронику, красивую одежду и обувь и многое-многое другое. Нельзя сказать, чтобы эти товары по ценам были всем доступны. Но и нельзя считать, что они вовсе недоступны простому человеку. Рынок есть рынок, так что тот, кто хочет, чтобы товары не залеживались, соизмеряет цены на них с финансовыми возможностями населения. Практически это означает, что почти любая городская семья, как и многие деревенские, могут себе позволить покупать и пользоваться этими товарами. А это, собственно, и есть демонстрационный эффект: каждый хочет иметь то, что уже есть у других. Но для этого нужно работать и зарабатывать. Отсюда – дополнительный стимул к производительному труду, к предпринимательской инициативе. Кроме того, овладение современными товарами, особенно электроникой и иной сложной техникой, косвенно содействует как повышению культурного уровня владельцев, так и развитию их грамотности и образованности, хотя бы за счет радиовещания и телевидения (как в недавнем прошлом во всем мире – за счет кино).

Кризис развития и иностранная помощь

Африка по признанию специалистов понемногу изменяется и явно идет вперед. Наметившийся на рубеже 80–90-х годов в связи с крушением марксистского социализма переход избравших было эту модель стран на рельсы рыночно-частнособственнического развития дал дополнительный импульс движению к экономическому прогрессу. Все большее количество стран одна за другой заявляют о своем стремлении к либерализации и приватизации экономики, о готовности заимствовать идеи плюрализма и практику многопартийности. Не вполне пока ясно, насколько эти намерения серьезны и насколько их осуществление поможет движению вперед. Но сам импульс отчетливо заметен, это в некотором смысле знамение нашего времени, чутко воспринятое на континенте, где до того к развитию по рыночно-частнособственническому капиталистическому пути многие относились настороженно, считая его как бы чужим, негодным для Африки (иное дело генетически близкий марксистский социализм с его коллективистскими установками, командной дисциплиной и священной ненавистью к частной собственности и богатым вообще).

Однако одно дело – благие намерения, и совсем другое – реальность. Даже если принять как желаемые и обнадеживающие движение Африки в сторону рыночной экономики и некоторые достижения в этом направлении, включая адаптацию городского населения и определенное развитие мелкого и среднего предпринимательства, об успехах здесь говорить рано. Зато о суровом кризисе, кризисе развития континента, говорят уже многие и достаточно давно, как в самой Африке, так и вне ее. И для этого есть серьезные основания.

Во-первых, 80-е годы прошли в Африке под знаком спада в темпах развития, существенного обострения продовольственной проблемы. Поразившая обширный пояс Сахеля и некоторые прилегающие районы жестокая засуха, связанная с наступлением песков Сахары, принесла бедствия ряду стран, от Мали до Мозамбика. Но особенно пострадали Эфиопия, Чад,

ЦАР, Нигер. В Эфиопии, наиболее многонаселенной из перечисленных стран, это привело к массовым вынужденным перемещениям населения и соответственно к резкому обострению нищеты, а в сочетании с марксистско-социалистическими экспериментами, обескровившими экономику страны, – к голоду и голодной смерти сотен тысяч, если не миллионов людей.

Во-вторых, распространенность социальных экспериментов по марксистской модели привела к кризису, аналогичному эфиопскому, многие из стран Тропической и Южной Африки. Сократились зарубежные инвестиции – для них не было в упомянутых странах ни простора, ни условий. Нарушился привычный баланс во внешнеторговых связях, а торговые связи с так называемым миром социализма всегда имели уродливый характер и обычно не способствовали развитию, в лучшем случае содействовали вооружению и усилению военной мощи соответствующих стран, что опять-таки ложилось на слабую экономику этих стран невыносимым бременем.

В-третьих, Африку буквально потряс мощный демографический взрыв. Издревле этот полупервобитный континент был малонаселенным вследствие хотя бы неблагоприятных условий для обитания человека. Темпы прироста населения были достаточно стабильными в своей неторопливости, причем массовый вывоз рабов – вопреки имеющимся на этот счет предвзятым представлениям – не слишком на них влиял. К началу XVII в. на континенте ориентировочно проживало 55 млн. чел., к началу XIX в. – 70, к началу XX в. – 110 млн. чел. Однако энергичная колонизация и освоение Африки европейцами, знакомство с основами европейской культуры, в частности с медициной и гигиеной, успешная борьба с африканскими болезнями (малярией, сонной болезнью и т. п.) – все это уже к моменту деколонизации за какие-то 60 лет привело к тому, что население континента возросло более чем вдвое – до 275 млн. чел. Освобождение Африки дало еще один мощный толчок росту темпов прироста, которые ныне достигли 3,1 % в год. В результате население континента за 30 лет увеличилось еще раз более чем вдвое, достигнув 600 млн. И продолжает расти такими же темпами. К 2010 г., как ожидается, африканцев будет один миллиард.

Нетрудно из этого заключить, что при общем падении темпов экономического прироста, наметившемся в 80-х годах, демографический взрыв привел к тому, что доход на душу населения на континенте стал уменьшаться. Иными словами, люди начинают жить беднее, чем вчера. Это и есть кризис развития. Кризис, составляющими которого являются многие факторы – социальные, экономические, политические, цивилизационно-культурные, но решающий вклад в который внес фактор демографический, тоже в конечном счете тесно связанный со всеми остальными.

Кризис не явился неожиданностью для мира. О нем предупреждали давно, оперируя серьезными экономико-статистическими выкладками, социологическими, демографическими и иными специальными исследованиями. В ряде стран, как в Кении и Ботсване, Нигерии и Замбии, Сьерра-Леоне, Сомали, Зимбабве, Заире и некоторых других, ведутся даже на национальном уровне кампании в пользу малосемейности, ограничения рождаемости. Но эффект их пока невелик. Кроме того, корни кризиса уходят не только в демографический фактор. Социокультурная отсталость населения, о которой уже шла речь, играет здесь большую роль, ибо именно она сдерживает темпы экономического роста и благоприятствует рискованным социальным экспериментам. А для преодоления ее нужно немалое время. Времени же у африканцев нет, ибо каждый прожитый год приносит новые проблемы, в первую очередь все те же демографические. Как вырваться из этого порочного круга?

Конечно, лучше всего было бы сделать это, поднатужившись, собственными силами – примерно так, как решает свои проблемы, гордясь этим, тоже весьма перенаселенный Китай. Но Африка – не Китай. Разность потенциалов весьма ощутима. И на собственные силы африканцам рассчитывать не приходится, что хорошо понимает и весь остальной мир. Поэтому проблемы Африки – это проблемы всего мира, что человечество достаточно адекватно осознает, пытаясь помочь.

Прежде всего это помощь продовольствием, помощь в беде, в трудную минуту. Такое случается нередко, причем чаще всего – в бедных странах с марксистским режимом, как то было в 80-х годах в Эфиопии. Мир до сих пор помнит, как в дни, когда правящая верхушка страны помпезно отмечала десятилетие своей революции, народ умирал от голода, а помогали

людям те самые «империалисты», которых поносила официальная пресса. Западная помощь Африке исчисляется в среднем в 15 млрд. долл. в год, а к 2000 г., как ожидается, эта цифра возрастет до 22 млрд. Вообще за 1963–1982 гг. бесплатный продовольственный импорт в Африку увеличился, по некоторым подсчетам, в 6,5 раза. В середине 80-х годов потребность в продовольствии уже на 20 % удовлетворялась за счет такого рода импорта. Все более очевидным становится, что Африка прокормить себя не может и в обозримом будущем, видимо, не сможет.

За определенную, причем все возрастающую часть импорта приходится платить. Платить же странам Тропической и Южной Африки, кроме разве что некоторых зажиточных стран, практически нечем. Отсюда угрожающий и быстрыми темпами увеличивающийся рост задолженности. Только за 1982–1990 гг. она увеличилась вдвое, со 138,6 до 272 млрд. долл., что составляет примерно 93 % ВВП (валового внутреннего продукта) континента. И эти долги – в основном за счет неарабской Африки. Правда, частично быстрый рост задолженности связан с игрой мировых цен на некоторые виды сырья, поставляемые Африкой. Однако игра цен в этом смысле – норма мирового рынка, как закономерно и постоянное относительное возрастание цен на технический импорт, импорт промышленных товаров высокой технологической сложности, по сравнению со всем тем же сырьем. Баланс, естественно, не в пользу Африки.

За последние годы в связи с экономическими проблемами Африки раздаются голоса о необходимости установления так называемого нового международного экономического порядка. Под этим терминологическим нововведением скрыта, попросту говоря, надежда на продолжение и закрепление в нормативной форме практики постоянных дотаций, хотя бы за счет части средств, сэкономленных в результате сокращения гонки вооружений. В наши дни, когда весь баланс мировых политических сил решительно изменился в связи с крушением марксистско-социалистического режима в СССР и странах Восточной Европы, такие надежды уже не только не беспочвенны, но весьма реальны. Мир, видимо, сможет в близком будущем усилить свою помощь Африке, может быть, даже искусственно повысить цены на некоторые виды ее сырья, подобно тому как делал десятилетиями СССР с кубинским сахаром. Но эта и любая иная помощь – следует четко себе представлять – не может решить проблем Африки, может даже усугубить их.

Любая искусственная экономическая стимуляция, любые формы помощи и дотаций могут иметь значение лишь как поддержка собственных усилий Африки. Без собственных усилий, направленных на налаживание самообеспечивающего хозяйства, помощь уйдет в песок, как то весьма убедительно продемонстрировала наша собственная разрушенная режимом экономика на рубеже 80–90-х годов. Как ни несопоставимы по многим параметрам негритянская Африка и бывшие страны марксистского социализма на стыке Европы и Азии, между ними есть и нечто общее: только решительный поворот к рыночно-частнособственнической экономике и превращение массы люмпенов и социальных иждивенцев в хозяев собственной жизни, отвечающих за себя и свои семьи участников рыночного экономического процесса, могут решительно изменить судьбы оказавшихся в жестоком кризисе стран.

Как и когда, при каких обстоятельствах сумеет Африка добиться такого – это вопрос вопросов. Но иного выхода у нее нет. А возможности, при всех сложностях достижения желаемой цели, есть. Важным залогом успеха является отмеченный уже решительный поворот «заблудших» было стран Африки в сторону капиталистического рынка, рыночно-частнособственнической экономики – имеются в виду тенденции к либерализации и приватизации, к многопартийности и плюрализму и т. п. Осознав постигшие их неудачи, те страны Африки, которые отдали дань поиску легких путей без кардинальной ломки внутренней структуры, возвращаются и начинают свой путь почти сизнова. И в этом – залог завтрашнего успеха, которому будет стараться содействовать внешний мир. Еще одним залогом успеха может считаться тенденция к кооперации и сотрудничеству между странами Африки.

Стремление к сотрудничеству и компромиссам

Последние годы, особенно рубеж 80–90-х, были отмечены заметными изменениями на континенте именно в этом плане. Враждующие стороны в странах, разрывавшихся, казалось

бы, непримиримыми противоречиями и ведших между собой многолетние регулярные или партизанские боевые действия, начали искать путь к примирению. Решительные шаги по такому пути делает многострадальная Ангола, хотя результатов пока мало. Большого успеха добились правящие круги Мозамбика. Успешно завершилась долгая партизанская война за освобождение Намибии, причем завершилась не в результате победы одной из сторон, а в ходе поиска мирного и удовлетворившего обе стороны решения проблемы. Все три примера – знамение времени, того самого времени, параметры которого были обусловлены ликвидацией противостояния двух миров в связи с крахом марксистско-социалистических режимов в одном из них. В этом смысле можно сказать, что поиски компромисса и прекращение внутренних войн в ряде стран Африки – да и не только Африки, вспомним Никарагуа, – явились результатом генерального изменения баланса сил в мире в связи с крахом идеи мирового коммунизма.

Впрочем, стремление к компромиссу, пусть не в такой степени, проявляло себя и раньше, начиная с конца 70-х годов, когда в Лондоне за стол переговоров сели и достигли приемлемого результата враждующие стороны в стоявшем на грани внутренней войны Зимбабве. Завершились связанные с сепаратистскими выступлениями войны в Нигерии и Заире. На рубеже 80–90-х годов стало ощущаться постепенное затихание вооруженных конфликтов в Восточной Африке (Эфиопия – Сомали – Судан). Разумеется, нет оснований предаваться эйфории, но тенденция все же ощущается достаточно определенно: количество войн и конфликтов заметно снизилось, многие из них сошли на нет. Количество компромиссов и заметная тяга к решению проблем путем мирных переговоров нарастают. В общем это может быть определено как некий поворот континента в сторону сотрудничества – сотрудничества ради выживания.

На этом фоне совершенно по-иному выглядят сегодня и проблемы ЮАР. Еще совсем недавно воинственные группы из АНК и так называемые прифронтовые государства, окружающие ЮАР, делали откровенную ставку на конфронтацию. ЮАР в ООН подвергалась осуждению и бойкоту. И хотя многое в этой политике было справедливо, ибо апартеид как режим для XX в. решительно неприемлем, сам способ решения проблемы представлялся, очевидно, бесперспективным. ЮАР была заведомо сильнее всех прифронтовых государств, вместе взятых, вкуче с АНК, не говоря уже о том, что ее экономика питала многие из этих стран, тем самым на деле накрепко привязанных к ненавистной им ЮАР. Совершенно очевидно, что ставка на конфликт была бесперспективной, как ясно и то, что изменение мирового баланса сил сыграло свою роль в смягчении позиций африканских стран и всего мира по отношению к ЮАР. Но при всем том важнейшую роль в повороте к поиску компромисса внутри ЮАР сыграл приход к власти правительства де Клерка, ориентированного на слом одиозного апартеида. В итоге сочетание внутреннего и внешнего импульсов создало равнодействующую, направленную своим вектором на компромисс, что и является сегодня доминантой на юге Африки.

В Африке существуют и за последние годы усиливают свою активность и иные формы континентального и регионального сотрудничества. Многие годы функционирует Организация африканского единства (ОАЕ), на ежегодных сессиях которой рассматриваются важнейшие проблемы континента, вырабатывается общая позиция по многим из них, включая проблемы развития, задолженности, апартеида, региональных конфликтов. Существуют организации территориально-зонального характера – экономические сообщества, таможенные союзы, кредитные учреждения. Создаются время от времени организации, ставящие своей целью решение какой-либо одной из важных проблем экономического или экологического характера, будь то Комиссия по освоению бассейна оз. Чад (с 1964 г.), Администрация бассейна р. Нигер (1964 г.), Организация по освоению бассейна рек Сенегал (1972), Мано (1973), Кагеры (1977), Гамбии (1982), Организация по борьбе с засухой (1973 и 1986). Каждая из этих организаций разрабатывает проекты, намечает планы совместных согласованных действий, формирует свою администрацию, договаривается о координации и т.п. Пусть межгосударственные и региональные связи в рамках перечисленных организаций еще слабы, как не имеют обязательной силы их рекомендации, особенно если они противоречат интересам какой-либо из заинтересованных сторон. Однако сам интеграционный импульс, стремление к сотрудничеству

весьма существенны для Африки, для преодоления ее отсталости и раздробленности.

Сотрудничество, компромисс, интеграция – важнейшие способы решения проблем Африки, тех самых, которые в состоянии решить только она сама, пусть даже при активной и существенной помощи извне. В начале 90-х годов в мире сложилась обстановка, благоприятствующая решению этих проблем. Правда, озабоченность мирового сообщества оказанием помощи бывшему Советскому Союзу, этому рухнувшему колоссу с ракетно-ядерной начинкой, потребовала внимания и огромных финансовых затрат, что косвенно может повлиять на возможности оказания финансовой помощи отсталым странам, и в частности Африке. Тем не менее, несмотря на все вышесказанное, общая ситуация в мире сейчас благоприятна для Африки и для всего развивающегося мира в целом, ибо она сняла двойственность и колебания в выборе пути, нацелила правящую элиту этих стран и прежде всего беднейших из них на теперь уже всеми осознанную цель: идти по пути рынка, рыночно-частнособственнического хозяйства или, проще, по капиталистическому, еврокапиталистическому пути (имея в виду европейское происхождение и европейские цивилизационные основы, формы и современный облик капитализма).

Труден это путь для вчера еще полупервобытной, а то и просто первобытной Африки. Но с помощью других, опираясь на уже достигнутое, ориентируясь не на конфликты, а на поиски компромиссов и на сотрудничество со всеми заинтересованными сторонами, Африка вполне может рассчитывать на успех. Пусть не быстрый и не легкий, но на успех в конечном счете. И это очень важно, как важно осознать и самой Африке, и всему миру, что происходящие на континенте на рубеже 80–90-х годов благотворные перемены, даже если они и не сразу дадут результаты, в конечном счете могут стать решающими для судеб Африки. Отмечая это, нельзя еще раз не напомнить, что одним из важнейших импульсов, приведших к этим переменам, явился крах в масштабах планеты марксистско-социалистического эксперимента.

Глава 4 Арабские страны Африки

Группа современных арабских государств Африки в историко-цивилизационном плане является прямым наследником арабского мира времен халифата, хотя некоторые из них, как Египет и Ливия, уходят корнями в глубь истории. Все они позже оказались в вассальной зависимости от турецкого султана и еще позже – в колониальной зависимости различной степени от европейских держав. Пройдя таким образом свой нелегкий исторический путь, арабские страны Африки обрели в середине нашего века политическую независимость и вместе с другими странами арабского мира стали играть заметную роль на политической арене.

Всего в мире сейчас около двадцати арабских стран, причем все они входят в основанную в 1945 г. Лигу арабских стран, созданную для защиты интересов арабских государств, для сплочения их и координации их общей политики. Надо заметить, что арабы практически всех современных арабских государств, объединенные общей исторической судьбой, языком, религией, культурой, да и многими прочими этническими признаками, считают себя частями единой арабской нации. Однако это самосознание мало способствует их интеграции. Если не считать объединения в рамках Лиги, все прочие попытки интеграции обычно давали отрицательный эффект. Можно напомнить о непрочном, рухнувшем после нескольких лет существования объединении Сирии и Египта в рамках Объединенной Арабской Республики (1958–1961), упомянуть о нескольких экстравагантных попытках ливийского руководителя М. Каддафи соединить Ливию чуть ли не с каждым из ее арабских соседей, от чего все решительно отказывались. Единственное исключение на этом фоне – созданный сравнительно недавно из двух частей, северной и южной, единый Йемен.

Территориально современные арабские страны, о которых в этой и последующей главе пойдет речь, подразделяются на три большие зоны, африканскую, восточно-средиземноморскую и аравийскую. У каждой из этих зон своя судьба, но при этом первые две в чем-то ближе друг к другу, а крупнейшая из арабских стран, Египет, в котором проживает около трети общего числа арабов, как бы сближает их между собой, так как

принадлежит одновременно к обеим. Дело в том, что по многим параметрам разница между африканской и восточносредиземноморской зонами невелика, хотя приоритет средиземноморской достаточно ощутим. Третья, аравийская зона до недавнего времени была отсталой периферией арабского мира, но нефтедоллары позволили ей за последние четверть века преобразиться, как Золушке из известной сказки.

На сегодняшний день арабские страны очень неодинаковы, среди них есть большие и малые, богатые и бедные, многонаселенные и малолюдные. И хотя в рамках арабского единства существует практика взаимопомощи (богатые государства помогают нуждающимся), каждая страна имеет собственную судьбу и дорожит ею. Это сыграло свою роль в том, что тенденция к политической интеграции арабов не дала должного эффекта. Более того, когда попытки интеграции осуществлялись посредством насилия, как то было в 1990–1991 гг. в зоне Персидского залива (аннексия Ираком Кувейта), большинство арабского мира решительно выступило вместе с другими странами мира против агрессора.

Африканская зона арабского мира часто именуется сводным термином Магриб (Запад), хотя в строгом смысле этого понятия термином Магриб обозначаются страны лишь к западу от Египта. Но так как в Африке расположены и Египет, и еще одна арабская страна, Судан, которые находятся восточнее, то целесообразнее говорить просто об арабских странах Африки, об арабской Африке или африканских арабах.

Страны Магриба: Алжир, Марокко, Мавритания, Тунис, Ливия

Крупнейшей страной арабского Магриба считается **Алжир** (ок. 25 млн. жителей). Завоевав в нелегкой борьбе с французскими колонистами свободу и торжественно объявив на Учредительном собрании 1962 г. о создании независимой Алжирской Народной Демократической Республики, новое государство с первых дней своего существования стало на путь радикальных реформ и преобразований. Оказавшаяся в руководстве страны марксистски ориентированная правящая элита вчерашних борцов за свободу сочла первое алжирское правительство А. Бен Беллы недостаточно радикальным, и в 1965 г. сместивший Бен Беллу глава Революционного Совета Х. Бумедьен и правящая партия Фронт национального освобождения (ФНО) взяли курс на построение «социализма в рамках национальных ценностей и ислама». Национальная хартия и новая конституция 1976 г. выработали собственную линию развития, которая не совпадала с развитием по марксистско-социалистической модели, но кое-что из нее взяла. Социально-экономические преобразования свелись к национализации р значительной части собственности и национальных ресурсов страны при сохранении, однако, определенных позиций за частным капиталом; политико-идеологические – к стремлению совместить несколько секуляризованные ценности ислама с идеями социализма. Пятилетние планы с установкой на индустриализацию страны выявили неэффективность государственной экономики, которая до определенного момента гасилась доходами от нефти. Упадок наблюдался и в сельском хозяйстве: кооперативы и иные формы коллективного труда в деревне оказались нерентабельными, так что после эвакуации европейских колонистов до того кормивший себя Алжир стал удовлетворять свои потребности в продукции сельского хозяйства лишь на 30 %.

Все это, включая и падение цен на нефть в середине 80-х годов, привело к острому кризису в экономике.

Встал вопрос об экономической реформе (1986–1987), направленной на приватизацию промышленности, предоставление определенной самостоятельности государственным предприятиям, на поощрение частного сектора в городе и деревне. Однако реформы явно запоздали. Несмотря на рост частного сектора – а в какой-то степени именно из-за этого, – в стране усилились кризисные явления, возросли безработица, инфляция и социальная напряженность, чем не преминули воспользоваться противники режима из числа исламских фундаменталистов. Преемник умершего в 1978 г. Бумедьена Ш. Бенджедид быстро терял доверие населения, явно уставшего от истощивших страну экспериментов, сопровождавшихся коррупцией и некомпетентностью руководителей страны и ее хозяйства. Под давлением изменившейся ситуации и оппозиции власти были вынуждены в 1989 г. принять новую

конституцию, допускавшую многопартийность.

Этим воспользовались оппозиционеры из числа экстремистских мусульманских группировок. На выборах в муниципалитеты в июне 1990 г. Исламский фронт спасения получил большинство голосов избирателей и большинство мест в двух третях областей страны. Воодушевленные победой фундаменталисты стали требовать новых выборов в парламент. Этим требованием и успехами фундаменталистов были напуганы власти, да и не только они. Многие партии, вышедшие на арену политической жизни в 1990–1991 гг., заняли достаточно умеренные позиции. Назначенные на лето 1991 г. выборы в парламент были в последний момент отложены на полгода. Первый тур выборов на рубеже 1991–1992 гг. принес победу фундаменталистам, после чего руководство Алжира отменило второй тур, ликвидировало результаты первого и, воспользовавшись террористическими актами недовольных сторонников Исламского фронта спасения, объявило это движение вне закона. В стране резко ускорились темпы реформ, направленных в сторону создания основ рыночной экономики и светского плюралистического государства. Однако параллельно резко усилилась и политическая напряженность.

Марокко – независимое государство с 1956 г., конституционная монархия с населением ок. 25 млн. чел. По конституции 1972 г., дополненной в 1980 г., король Хасан II делит власть с парламентом, созданным на многопартийной основе. В политическом плане Марокко демонстрирует завидную стабильность, чему способствует устойчивая плюралистическая система с ориентацией на буржуазно-демократические нормы. Будучи страной в основном аграрной и в этом смысле более отсталой по уровню экономического развития, чем Алжир, Марокко, тем не менее, уверенно идет вперед по пути наращивания экономического потенциала. В стране преобладает частный капитал, включая иностранные инвестиции. Богатые залежи фосфоритов (3-е место в мире), а также уголь, металлические руды создают условия для развития горнодобывающей промышленности.

Продукции сельского хозяйства, включая рыболовство, стране с избытком хватает для удовлетворения собственных нужд, остается и для вывоза. Среди экспортных товаров – цитрусовые, сардины. Немалая часть марокканцев выезжает в поисках заработков за границу, прежде всего во Францию.

Марокканско-алжирские отношения резко ухудшились в 70-х годах из-за вопроса о так называемой Испанской (ныне она именуется Западной) Сахаре, малонаселенной территории на Атлантическом побережье Африки к юго-западу от Марокко. В спор за Западную Сахару вступили Марокко, Алжир и Мавритания, граничащие с ней. В 1975 г. Испания официально передала административные функции в Западной Сахаре Марокко и Мавритании. В 1979 г. Мавритания под нажимом организации западно-сахарских националистов ПОЛИСАРИО отказалась от претензий на часть Западной Сахары. Марокко, напротив, аннексировало значительную часть ее территории, причем бежавшие от аннексии нашли убежище в Алжире, оказывавшем поддержку ПОЛИСАРИО, что в немалой степени, видимо, определялось и марксистско-социалистическими симпатиями руководителей этой организации, борющейся за независимость Сахары. Война с ПОЛИСАРИО сильно истощила экономику Марокко – достаточно напомнить о многокилометровой стене, которой Марокко попыталось отгородить свои владения от набегов националистов. Тем не менее Марокко и ныне являет собой достаточно редкий в Африке пример политической стабильности и экономических успехов.

Мавритания с ее 2 млн. жителей, в основном арабов и арабо-берберов, с 1960 г. является независимой исламской республикой. Расположенная к югу от Марокко, в основном на песках Сахары, она являет собой малонаселенное и в экономическом отношении слаборазвитое государство с доходом на душу населения в 370 долл. (в середине 80-х годов). С 1965 г. в стране господствует однопартийная система, а с 1978 г. власть в руках военных. Вывозит железную руду и продукцию рыболовства; неплохо развито скотоводство. Частная инициатива в стране поощряется, что способствует развитию экономики и торговли. Мавритания на юге граничит со странами Тропической Африки, в частности с Сенегалом. Иногда это соседство ведет к вовлеченности Мавритании в дела соседей, как это имело место в случае с сепаратистскими волнениями в Сенегале.

Тунис (население ок. 8 млн. чел.) с 1957 г. стал республикой. К власти вместо упраздненной монархии пришла партия Нео-Дестур с ее социалистическим (но не

марксистско-социалистическим!) уклоном. Во главе партии стоял создавший ее в 1934 г. Х. Бургиба. Конституция 1959 г. ввела в стране президентское правление, президентом страны был Бургиба до его ухода от власти в 1987 г. по состоянию здоровья. В 1987 г. президентом стал, согласно конституции, премьер З. Бен Али, который одновременно возглавил дестуровскую партию. С 1981 г. в стране введена система многопартийного плюрализма, однако созданные и легализованные в результате этого акта партии пока еще не в состоянии составить серьезную конкуренцию правящей дестуровской.

Экономическая доктрина дестуровцев, предполагавшая гармоничное сочетание государственного, кооперативного и частного секторов экономики, достаточно быстро, за десятилетие с небольшим, выявила слабость и неэффективность. С 1969 г. в стране начался энергичный процесс реформ, в частности приватизации государственных предприятий. Были либерализованы система торговли и финансов, ликвидированы не оправдавшие себя кооперативы, стали активно поощряться частное владение землей и предпринимательство. Небольшое количество добываемой в Тунисе нефти и частичный ее экспорт обеспечивают страну необходимой валютой, равно как и вывоз продуктов обработки фосфоритов, традиционных фиников и оливкового масла. Большая статья дохода – тунисский туризм: достаточно напомнить о развалинах Карфагена. Вообще стабильность политической структуры, динамичное развитие экономики и сравнительно высокий уровень развития в стране культуры и необходимой инфраструктуры выгодно выделяют не слишком богатый, но весьма привлекательный для иностранца Тунис среди прочих стран Африки, в том числе и Северной. Пожалуй, из всех стран Магриба Тунис является если не наиболее процветающим, то, во всяком случае, наиболее уважаемым и близким к европейским стандартам.

Ливия с ее пустынями и немногочисленным (4 млн. чел.) населением могла бы считаться одной из самых отсталых среди арабских стран Африки. Она и была именно такой, когда в 1951 г. при поддержке ООН обрела свою независимость. Тогда это была монархия, тесно сотрудничавшая со странами Запада. Но открытие в Ливии нефтяных месторождений и их интенсивная эксплуатация круто изменили судьбу страны. Поток нефтедолларов вначале способствовал укреплению позиций конституционной монархии и ее главы Идриса I. Однако в недрах богатейшей и понемногу решавшей свои проблемы страны созрел заговор, нити которого шли к Организации свободных офицеров, созданной в Ливии в 1964 г. по образцу египетской и имевшей сходные установки и цели. В результате военного переворота 1969 г. монархия была низвергнута, а власть в стране перешла к Совету революционного командования во главе с М. Каддафи.

Экстремист по натуре, Каддафи жесткой рукой принялся за радикальные реформы, руководствуясь при этом собственными представлениями о благе народном и не останавливаясь перед самыми рискованными экспериментами. В сфере политико-административной были упразднены привычные формы власти. Ливия стала в 1977 г. джамахирией, т. е. общенародным самоуправляемым государством. В центре и на местах были созданы народные собрания, руководители которых составили Всеобщий народный конгресс, заменивший собой парламент. Эти и им подобные эксперименты сопровождалась национализацией экономики под лозунгами исламского социализма, обоснованию доктрины которого сам Каддафи посвятил свои книги. Вместо упраздненных в стране партий были созданы «революционные комитеты», руководившие деятельностью собраний, а руководитель страны стал именовать себя не иначе, как лидером революции.

Трудно сказать, как развивались бы события дальше, если бы не нефтедоллары, десятки миллиардов которых не только щедро оплачивают издержки экспериментов, но и сохраняют необходимый жизненный уровень. Для работы на нефтепромыслах и функционирования всей обслуживающей их инфраструктуры Ливия энергично импортировала рабочую силу: около полумиллиона рабочих из Турции, арабских стран, даже из Южной Кореи были заняты в этой стране, собственное население которой из-за его отсталости и некачественности не могло их заменить. Правда, с годами ситуация в этом плане изменилась, так что сегодня число иностранных рабочих наполовину уменьшилось. Сокращение потока нефтедолларов в связи с падением цен на нефть в начале 80-х годов вызвало в Ливии некоторые экономические затруднения. Однако и оставшихся денег с избытком хватало не только на импорт

продовольствия и иных товаров для снабжения ими населения, давно уже оказавшегося не в состоянии само себя прокормить, но и для закупок современного оружия, широкомасштабного строительства военных объектов, включая предприятия по изготовлению оружия, в том числе массового поражения.

Ливия имеет хорошо обученную и до зубов вооруженную армию, много более сильную, чем это можно было бы считать нормальным для столь небольшой страны. Мало того, Каддафи, опираясь на провозглашенную им внешнеполитическую доктрину, суть которой сводится к решительной борьбе с империализмом, энергично поддерживает все вооруженные партизанские и террористические группировки в мире, будь то палестинские или ирландские. И не только поддерживает финансами, но и обеспечивает условия для их успешной деятельности, создает на своей территории базы для их обучения и оснащения и, следовательно, в глазах мирового общественного мнения несет ответственность за различного рода террористические акты, убийства политических противников, взрывы на самолетах и т. п. Словом, усилиями Каддафи Ливия за последние десятилетия обрела устойчивую репутацию страны, поощряющей международный терроризм и принимающей в нем едва ли не наиболее активное участие среди других стран, особенно если иметь в виду именно государственный уровень.

Конец 80-х – начало 90-х годов прошли в мире под знаком крушения позиций марксистского социализма. Хотя Каддафи исповедует социализм несколько иного толка, по своей деструктивности и ряду других параметров он достаточно близок марксистскому, так что перемены в мире не могли косвенно не затронуть и Ливию. В 1986 г. там были предприняты некоторые меры, направленные на либерализацию экономики («зеленая перестройка»). Тем не менее Ливия лишь на 30 %, как и соседний Алжир, удовлетворяет свои потребности в сельскохозяйственных продуктах, компенсируя расходы нефтедолларами. Однако стоит заметить, что изменилась тональность общения лидера Ливии с миром. В 1991–1992 гг. в связи с уличением его сотрудников в совершении взрывов на авиалайнерах и предпринятыми в связи с этим международными санкциями Каддафи громко заявил, что он не поддерживает и не будет поддерживать террористов. И хотя громогласные заявления Каддафи, как показывает жизнь, мало чего стоят, тон их заслуживает быть принятым во внимание.

Египет и Судан

Египет, как уже упоминалось, – главная страна арабского мира, его наиболее населенная (св. 50 млн. чел.) и развитая часть. После достижения независимости, ликвидации монархии, успешной войны 1956 г. и национализации Суэцкого канала руководство страны во главе с президентом Насером взяло курс на строительство социализма по марксистской модели. За 1961–1964 гг. были национализированы вся крупная и средняя промышленность (в 1965 г. государственный сектор давал 85 % промышленной продукции), финансы, транспорт, внешняя торговля и т. п. Были также приняты меры по социальному обеспечению населения, особенно неимущей его части. В Хартии национальных действий 1962 г. говорилось о необходимости научного планирования экономики, ограничении крупного капитала и строительстве социализма, правда, без диктатуры пролетариата и с сохранением неэксплуататорского мелкого частного предпринимательства. В том же году был создан Арабский социалистический союз как правящая партия страны в рамках парламентарной однопартийной структуры. Декларация 1964 г. объявила все национализированное хозяйство страны общенародной собственностью. Во всех этих преобразованиях СССР оказывал Египту большую и дорогостоящую помощь – достаточно напомнить о вооруженной нами египетской армии и об Асуанской плотине.

Поражение в арабо-израильской войне 1967 г. и вынужденный курс Насера на союз с богатыми аравийскими государствами (которые прежде он именовал «реакционными монархиями»), взявшимися компенсировать ущерб, а также временное закрытие Суэцкого канала явились началом некоторой переоценки ситуации в стране. Экономика оказалась в состоянии стагнации, причем даже все возраставшие доходы от нефти не могли существенно изменить положение. Смерть Насера в 1970 г. и новая война с Израилем в 1973 г. окончательно расставили все точки над «i». Неэффективность государственной экономики становилась очевидной и, более того, угрожающей для то и дело терпевшей политические неудачи страны.

Преемник Насера А. Садат с 1974 г. взял решительный курс на реприватизацию экономики и поощрение частного сектора. В стране была восстановлена многопартийная система, а тесные связи с СССР стали свертываться. Эта же линия была продолжена сменившим Садата в 1981 г. президентом Х. Мубараком и в целом она принесла свои позитивные для экономики Египта результаты. Конец 70-х и 80-е годы были периодом бурного экономического развития страны, уверенно вступавшей на путь капиталистического развития. Изменился и политический курс Египта, что нашло проявление в кэмп-дэвидском соглашении и заключении мирного договора с Израилем (1979), а затем и в урегулировании взаимоотношений с недовольными этим арабскими странами.

Гибкая внешняя политика Египта пришлась не по вкусу многим арабским странам, обвинившим правительство Садата в том, что оно предало интересы палестинцев. Как известно, многие из этих стран разорвали дипломатические отношения с Египтом, было приостановлено и членство его в Лиге арабских стран. Но Египет не уступил. Время показало, что избранная Садатом политика поиска мирного решения отношений с Израилем оправдала себя, и это в конечном счете были вынуждены признать прежде осуждавшие ее арабские страны. В 1987 г. порванные дипломатические отношения были восстановлены, затем Египет снова стал полноправным членом Лиги.

Поворот политического курса в годы правления президента Садата проявился не только в экономике и внешнеполитических актах, но также и в сфере внутренней политики. Была открыта дорога многопартийному плюрализму, изменился характер деятельности парламента, нейтрализованы экстремистские группировки. Правда, члены одной из них, «братья-мусульмане», убили Садата во время военного парада. Но это убийство не изменило политики страны и ее уверенной рыночно-частнособственнической ориентации. В Египте появилось довольно много богатых предпринимателей, что явно свидетельствует о процветании экономики. Средний доход на душу населения в конце 80-х годов составлял 700 долл., что для Африки в целом неплохой показатель. Кроме того, Египет – страна высокой культуры, с большим количеством почитаемых древних развалин и памятников, включая великие пирамиды и богатейшие музеи, наполненные раритетами. Индустрия туризма дает экономике страны немалый доход. Большое количество, временами до 2 млн., египтян работает вне страны, пересылая на родину немалую часть своих заработков, как правило, в высоко ценимой валюте.

В дни спровоцированной Ираком в 1990 г. войны в Персидском заливе Египет проявил себя с лучшей стороны, решительно выступив в защиту жертвы агрессии – Кувейта. Умеренных позиций придерживался он и в ходе попыток начала 90-х годов найти мирные пути решения палестинской проблемы. Высокий авторитет страны проявился в конце 1991 г. в том, что ООН подавляющим большинством голосов избрала ее представителя Б. Гали, египетского копта-христианина и одного из наиболее опытных руководителей, в недавнем прошлом министра иностранных дел, новым Генеральным секретарем этой всемирной организации.

Судан – еще одно крупное арабское государство в восточной части континента, с населением около 23 млн. чел. Только половину этого населения составляют арабы, сконцентрированные в основном на севере страны, близ границ с Египтом. Южная часть Судана населена африканцами из числа негритянских этнических общностей, причем это этнорасовое несходство обеих частей страны является одной из важных причин внутренней политической нестабильности Судана, обретшего независимость в 1956 г.

На протяжении 1958–1969 гг. в стране произошло несколько переворотов, пока к власти не пришел генерал Д. Нимейри, ставший президентом. Политические партии после 1969 г. были запрещены, была проведена широкомасштабная национализация в сфере экономики, установлены тесные связи с СССР и получена помощь от него в строительстве ряда промышленных предприятий и иных сооружений. Было ограничено право собственности прежних властителей, особенно негритянских вождей южной части страны. В то же время Нимейри приложил немало усилий, чтобы блокировать сепаратистские выступления на юге, где мятежные выступления никогда не прекращались. С 1971 г., после неудачной попытки радикального переворота, Нимейри изменил свой политический курс, отказавшись от сотрудничества с СССР и сделав заметный крен в сторону ислама. Новое законодательство

1983 г. формально выдвинуло на передний план законы шариата.

Военный переворот 1985 г. низложил Нимейри. Пришедшие к власти генералы распустили его партию Суданский социалистический союз и объявили о введении многопартийного плюрализма. В 1986 г. состоялись выборы в Учредительное собрание, после чего было создано коалиционное правительство во главе с лидером партии «аль-Умма». Рубеж 80–90-х годов был ознаменован ростом политической нестабильности и яростным всплеском исламского фундаментализма в Судане, что, кроме всего прочего, тесно связано с этноплеменными столкновениями, особенно на юге страны, и с крайней экономической неразвитостью. Судан – отсталая сельскохозяйственная страна. Средний доход на душу населения здесь вдвое меньше египетского. Около 80 % населения неграмотно – при всем том, что эта страна древней культуры и что далекие предки суданцев, мероиты, были причастны к грамоте еще задолго до нашей эры.

Арабская Африка: успехи и неудачи

Арабские страны Африки, как это видно из всего, изложенного выше, очень разные. Однако за этой разницей прослеживаются определенные закономерности, о чем и следует сказать теперь в первую очередь. Начнем с того, что две из арабских стран Африки резко выделяются на общем фоне в сторону отсталости. Это Мавритания и Судан, крайние звенья цепи государств, протянувшихся по северной кромке континента с запада на восток, точнее, с северо-запада через север на северо-восток. Обе стороны получившейся таким образом дуги смыкаются своими краями с неарабским негритянским миром Африки, так что неудивительно, что в Мавритании и в Судане заметная доля населения – негроидные этнические общности. Это не могло не наложить своего отпечатка, что проявилось как в сравнительной отсталости соответствующих стран, так и в силе сепаратистских тенденций, рождающих серьезную внутривнутриполитическую нестабильность. В этом смысле Мавритания и Судан как бы оттеняют собой остальную часть арабской Африки, демонстрируя ее цивилизационное и экономическое превосходство по сравнению с негритянскими странами Тропической Африки.

Что касается других арабских стран Северной Африки, то все они, имея свое лицо, в то же время как бы вписываются в некие общие закономерности, частично уже выявленные на примере современной Африки южнее Сахары. Речь идет прежде всего об экспериментах в духе марксистского социализма с нарочитым упором на тотальную национализацию экономики и кооперацию, на ограничение частного сектора и свободного рынка. Как хорошо известно, эти эксперименты в экономике и социальных отношениях тесно сопряжены с соответствующими принципами во внутренней политике – ограничением демократии, однопартийностью, сильным президентским правлением, нередко перерастающим в деспотическую диктатуру.

Из пяти стран, о которых идет речь, три избрали в свое время такого рода эксперименты. И хотя лишь Египет откровенно ориентировался на марксистскую модель, тогда как ливийский лидер и алжирское руководство отступили от этой модели в сторону более приспособленной к исламу ее модификации, в каждой из этих двух стран особой, общие результаты одинаковы: во всех трех случаях (к ним можно было бы добавить и четвертый, суданский, если бы не кратковременность там эксперимента, не давшая ему проявить себя в полную силу) экономика достаточно быстро оказалась неэффективной. С особенной силой это проявилось в Египте, где поворот в сторону частнособственнической рыночной экономики был наиболее резким и решительным. В Алжире и тем более в Ливии нефтедоллары заметно смягчили негативные результаты экспериментов, что и позволило лишь в некоторой степени отступить от сомнительной доктрины в сторону прагматических отношений. Но и в Алжире, и даже в Ливии поворот все же стал фактом и об обратном пути в сторону чистого эксперимента уже не может быть речи. Еще раз заметим, что на этот поворот повлияли события, связанные с кризисом мирового марксистского социализма на рубеже 80–90-х годов.

Политическая стабильность в Марокко и Тунисе, с самых первых лет независимого существования уверенно шедших в своем развитии по рыночно-частнособственническому пути, достаточно убедительно свидетельствует о вреде сомнительных социальных экспериментов. Дестуровское движение умеренного буржуазно-социалистического направления экспериментом

называть нет оснований. Это лишь определенная тенденция, вполне ощутимая и в ряде развитых стран мира. В любом случае заслуживает внимания то, что лишенные нефти Марокко и Тунис вполне в состоянии прокормить себя и к тому же немало продуктов вывозят на мировой рынок, тогда как имеющие нефть Алжир и особенно Ливия себя не кормят, только нефтедоллары позволяют им сводить концы с концами. И здесь опять-таки приговор системе, склонной к утопическим идеям и экспериментам.

Из всех пяти стран, как богатых нефтью, так и лишенных ее, выделяется Египет. Не то чтобы он очень богат. Если посчитать, маленькая щедро осыпанная нефтедолларами Ливия в расчете на душу населения окажется много богаче. Но Египет добился такого уровня развития экономики, сельского хозяйства и культуры, который позволил ему не только в численном отношении, но и по многим другим параметрам стать подлинным лидером арабского и одним из ведущих лидеров исламского мира. Египет, несмотря на свои эксперименты насеровского времени – а может быть именно потому, что нашел в себе силы и решимость энергично от них отказаться и преодолеть все связанные с ними потери, – ныне уверенней многих других идет по капиталистическому пути и больше других преуспел в движении по нему.

Если рассматривать и оценивать страны арабской Африки в целом, то за десятилетия независимого существования они сумели достичь достаточно многого. Возрос их престиж в мире, заметны успехи в развитии – где благодаря отказу от рискованных экспериментов, а где вне зависимости от этих экспериментов. Если не говорить о Мавритании и Судане, то остальные страны арабской Африки развиваются в целом достаточно успешно, особенно по сравнению со всей остальной Африкой, не считая ЮАР. Арабские страны Африки мало участвовали в войнах. Египет потерпел ряд неудач в войне с Израилем; Ливия предприняла несколько в общем неудачных военных экспедиций в Чаде; Марокко вело боевые действия против ПОЛИСАРИО. Но все эти военные кампании были маломасштабными и даже в случае их неудачи не слишком сказались на соответствующих странах и их политике (стоит разве что сделать оговорку о неудачах Египта в войнах с Израилем, которые сыграли определенную роль в изменении его политики). В общем, это вполне согласуется с аналогичной незначительной ролью военных действий на всем африканском континенте с его этнополитической пестротой и случайными границами.

Африку как гигантский континент развивающегося мира нередко воспринимают и оценивают в целом, делая при этом лишь необходимые оговорки относительно ЮАР и арабского севера. В этом есть определенный смысл. Но для нашего анализа важно подчеркнуть, что – оставляя в стороне ЮАР – между негритянской и арабской зонами существует серьезная разница. Она ощущается во многом, а прежде всего – в общем, уровне развития и в цивилизационном фундаменте. Именно поэтому первые три главы четвертой части работы были специально посвящены Африке южнее Сахары, тогда как данная глава – и об этом уже упоминалось в ее начале – является частью раздела, посвященного арабским странам и миру ислама в целом. Соответственно и все приводившиеся выше данные, оценки и выводы целесообразно рассматривать именно сквозь арабо-исламскую призму. Если подходить с этой меркой, то окажется, что страны Магриба и Египет – не просто часть мира арабов, но самая многонаселенная и в этом смысле весьма значимая его часть. Здесь, в Африке, проживает свыше 2/3 всех арабов, а Египет, как упоминалось, является крупнейшей и едва ли не наиболее важной частью арабского мира, в этом с ним может соперничать разве что Саудовская Аравия с ее Меккой.

Глава 5 Арабские страны Азии

Арабы Азии достаточно отчетливо подразделяются на две зоны. Во-первых, это восточномедиземноморская, к которой тяготеет по ряду параметров также и Ирак. Во-вторых, аравийская с ее преимущественно бедуинским населением. Разница между обеими зонами весьма ощутима во многих отношениях. Правда, за последние десятилетия ситуация сильно изменилась, но тем не менее различия остались. Разница прежде всего в глубине

цивилизационного фундамента, а суть ее сводится к тому, что арабы восточномедиземноморской зоны пришли сюда из Аравии в VII в., причем до их прихода эта земля уже много тысячелетий интенсивно осваивалась земледельцами, была едва ли не центром мировой цивилизации, во всяком случае наиболее древней ее частью (Египет и Двуречье). Иными словами, цивилизационный фундамент этого региона был наиболее мощным и плодотворным, а навыки земледелия и ремесла уходили корнями в глубь многих тысячелетий. Что же касается аравийской зоны, то это древние места обитания арабов и иных семитских этнических групп, причем в силу природных условий они в основном пригодны лишь для кочевой жизни бедуинов, с редкими и небольшими земледельческими оазисами типа той же Мекки.

Разница, о которой идет речь, многое может объяснить и в последующей судьбе арабских государств обеих азиатских зон, когда поток нефтедолларов стал решительно менять структуру стран аравийской зоны и соотношение между зонами. Это касается и темпов, и качества, и направления развития. Почему, например, Кувейт или Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) стали процветающими мирными государствами, а качающий ту же нефть Ирака агрессивной диктатурой? Разумеется, здесь сыграли свою роль многие факторы, начиная с размеров и населенности той или иной страны.

Но среди прочих – и практика имперского мышления с соответствующими традициями, столь хорошо знакомая восточномедиземноморской зоне и столь мало – бедуинам Аравии. Впрочем, чтобы разобраться в этом, обратим внимание на сами страны, о которых идет речь.

Страны Восточного Средиземноморья

В этом регионе четыре арабские страны – Сирия, Ливан, Иордания, Ирак (проблема Палестины будет рассматриваться особо). Две из них, Сирия и Ирак, – сравнительно крупные, сильные, даже агрессивные государства, если иметь в виду господствующие в них политические режимы; две другие – государства небольшие и слабые, особенно это касается Ливана.

Сирия с ее 15 млн. населения после неудачной попытки объединения с Египтом в 1963 г. оказалась под властью лидеров ПАСВ (БААС), партии арабского социалистического возрождения. По духу своему это была партия национального единства арабов, и в ней было немало сторонников восстановления унии с Египтом и даже прибавления к этой унии Ирака. Однако в ПАСВ достаточно быстро верх одержала националистическая фракция с ориентацией на тоталитарный социализм, во многом близкий к классической советской марксистской модели (национализация предприятий и ресурсов страны, акцент на общественную собственность, правда, с признанием роли мелкой частной собственности и предпринимательской инициативы). Вскоре социалистический акцент в экономике был смягчен, но за этим последовал военный переворот 1966 г., вновь приведший к руководству страной радикалов. Курс на укрепление роли государственного сектора в экономике был продолжен.

Конституция 1969 г. определила Сирию как демократическую, народную и социалистическую республику с плановой экономикой, с ограниченными рамками закона частной собственности. В 1972 г. во главе республики стал президент Х. Асад, а по конституции 1973 г., одобренной всеобщим референдумом, к формуле о плановой экономике был добавлен тезис о ликвидации «всех форм эксплуатации». Явный светский социалистический уклон политики нового руководства был уравновешен реверансами в адрес ислама. Арабо-израильские войны 1967 и 1973 гг. способствовали увеличению роли Сирии в общем противостоянии арабов Израилю, что также говорило в пользу признания заслуг сирийского руководства в борьбе за ценности ислама. На волне этого признания Сирия попыталась было в конце 70-х годов улучшить свои взаимоотношения с арабскими соседями, Иорданией и Ираком, но в силу ряда причин, включая и вмешательство Сирии в дела раздираемого внутривосточными и религиозными конфликтами Ливана, этого не удалось достичь. Зато постепенно становилось все более очевидным сближение Сирии с экстремистски настроенным лидером Ливии Каддафи.

Несмотря на ряд мер, предпринятых в 1974 и 1979 гг. и направленных на либерализацию экономики, руководство Сирии не изменило своего курса, более того, постепенно радикализировало его. Эта радикализация проявлялась не только в дружбе с Ливией, но и в противостоянии умеренной политике Египта, и в той позиции, которую руководство страны заняло в ирано-иракском конфликте 1980–1988 гг., когда Ливия и Сирия оказались союзниками радикального, даже экстремистски настроенного правительства Ирана, но не Ирака, правитель которого, к слову, в то время еще не был символом радикализма и экстремизма на Ближнем Востоке. Кроме того, Сирия все эти годы была одним из ближайших, если не самым близким союзником СССР на Ближнем Востоке.

Политика и позиция Сирии в Ливане, исторически связанном с нею многими корнями, требует особого разговора. Вкратце можно сказать, что долгие годы это вмешательство выглядело более негативным, нежели позитивным, даже имея в виду совместное всеарабское противостояние Израилю. Но в начале 90-х годов оно неожиданно оказалось залогом оздоровления ситуации в Ливане. Едва ли это заслуга Сирии, скорее так сложились обстоятельства. Но факт остается фактом, как фактом остается и резкое противостояние Сирии и Ирака, что на первый взгляд может показаться удивительным хотя бы потому, что обе страны держатся почти одинакового курса во внешней, внутренней и экономической политике, имеют сходные режимы (буквально режимы-близнецы) и в обеих у власти стоит одна и та же партия ПАСВ, точнее, ответвления одной и той же первоначально единой партии. Видимо, здесь следует говорить уже не столько о близости режимов и политических курсов или партий, сколько о национальных интересах, которые Сирию и Ирак в основном и разделяют, прежде всего потому, что в рамках арабского Ближнего Востока обе страны объективно выступают как два сильных соперника.

В заключение существенно заметить, что социальные эксперименты, проводимые правительством Сирии в экономике, не могли привести эту страну к процветанию, скорее наоборот. И если неэффективное национализированное хозяйство не привело страну к экономическому кризису, то это не столько потому, что частный сектор в определенных пропорциях всегда продолжал существовать, хотя это весьма существенно, сколько из-за того, что Сирии, на чьи плечи падает весомая доля в борьбе с Израилем, активно помогают нефтедобывающие арабские страны (не стоит забывать и о немалой советской помощи, причем не только оружием).

Ирак с его 17 млн. населения – вторая крупная арабская страна ближневосточной и восточномедиземноморской зоны. После революции 1958 г. эта страна, занимающая территорию древнего Двуречья, перестала быть монархией. В 1963 г. на передний план в Иране, как и в соседней на западе Сирии, вышла партия ПАСВ, хотя она и не сразу укрепила в позиции правящей партии, ибо между претендентами на руководство страной шла ожесточенная борьба. 1969–1971 годы были отмечены реформами, направленными на усиление государственного сектора в экономике и кооперацию в сельском хозяйстве. В 1974 г. на долю государственной экономики приходилось около 3/4 промышленной продукции, чему способствовало и заметно усилившееся сотрудничество с СССР.

Политическая власть в стране не была стабильной, перевороты следовали один за другим, острая внутривластная ситуация то и дело осложнялась национальными конфликтами с иракскими курдами на севере страны. Рискованные социальные и экономические эксперименты не приносили и не могли принести успеха. Положение спасла национализация нефтяной промышленности страны с полной ликвидацией здесь позиций иностранных компаний. Резкое увеличение доходов от нефти в 70-х годах, когда цены на нефть были весьма высокими, позволило Ираку компенсировать все экономические неудачи и еще остаться в выигрыше, несмотря на большие расходы, связанные с закупкой оружия. Ежегодный доход от нефти составлял 21–26 млрд. долл. Это усиление потока нефтедолларов могло бы сыграть важную позитивную роль в судьбах Ирака, если бы не война с Ираном, стоившая огромных жертв и материальных затрат и завершившаяся безрезультатно.

Приход в 1979 г. к власти в партии ПАСВ и в государстве С. Хусейна явился важной вехой в истории страны. Жестокий и беспринципный политик, коварно уничтоживший всех

своих потенциальных соперников и умело установивший в стране режим тоталитарной диктатуры, Хусейн достаточно быстро сориентировался в обстановке и принял ряд мер, которые должны были способствовать росту его популярности. Прежде всего, он либерализовал экономическую политику, признав роль и место частной собственности и перестав рассуждать на каждом углу о социализме, чем обычно грешили его предшественники. Затем он стал играть на чувствительных струнах национального достоинства, выдвинув на передний план образ врага, против которого всем надлежало сплотиться. Хусейн был бы рад найти этого врага в Израиле, что принесло бы ему, бесспорно, много больше очков. Но Израиль оказался вне сферы его возможностей; кроме того, с ним уже успешно вела политику жесткого противостояния Сирия, соперничество Ирака с которой все время обострялось. Оставался один возможный враг – Иран. Была и причина вражды – спорные территории в районе Персидского залива. Именно с приходом Хусейна к власти в 1979 г. то и дело возникали в районе этих территорий конфликты и вооруженные столкновения, которые в 1980 г. переросли в широкомасштабную войну.

Война затянулась почти на десятилетие. Хотя она не принесла успеха ни одной из сторон и дорого обошлась каждой, победителем в ней оказался С. Хусейн. Это с особой силой выявилося на рубеже 80–90-х годов, когда в глазах населения Ирака Хусейн стал почти обожаемым национальным вождем, подлинным харизматическим лидером, которому верят и за которым готовы идти если не все, то очень многие. И вот здесь-то Хусейн решил играть ва-банк, пойдя на авантюру, которая могла в случае удачи сделать его лидером всего арабского, может быть даже арабо-исламского мира. Речь идет об аннексии Кувейта с дальним прицелом: в случае войны держав против агрессора обрушить всю накопленную страной военную мощь, включая оружие массового уничтожения, на Израиль и тем расколоть мир на враждующие лагеря и спасти свое положение. Как известно, авантюра провалилась. Кувейт был почти бескровно для войск коалиции, куда вошли и многие арабские страны, освобожден, а Израиль не дал спровоцировать себя, несмотря на регулярные ракетные обстрелы. Но показательно, что даже эта неудача не выбила Хусейна из седла, как того многие ожидали. Напрашивается вывод, что агрессивная тоталитарная структура пока не отторгается Ираком, а харизма всесильного лидера, несмотря на неуспех двух его войн, еще не изжила себя.

Иордания, расположенная к югу от Сирии и к западу от Ирака, – наиболее отсталая из стран восточномедиземноморской зоны. Слабонаселенная (ок. 3 млн.), она по многим параметрам тяготеет к странам аравийской зоны арабского мира. Правда, после объединения западноиорданских земель Палестины с Трансиорданией в рамках Хашимитского королевства (1950) ситуация в этом смысле несколько изменилась: вновь присоединенные районы были относительно развитыми и многонаселенными. Правящий страной с 1953 г. король Хусейн установил режим умеренной конституционной монархии с парламентом и многопартийной системой. Отторжение западноиорданских территорий после арабо-израильской войны 1967 г. нанесло удар по экономике страны и привело к обострению внутривосточной обстановки, ибо отступившие на восток палестинцы стали представлять серьезную угрозу власти короля. В 1971 г. Хусейн добился вывода палестинских отрядов с территории Иордании, хотя он при этом вплоть до 1988 г. поддерживал население оккупированного Израилем Западного Иордана, выплачивая жалованье чиновникам, предоставляя социальную поддержку нуждающимся, чему израильские власти не препятствовали. Следует заметить, что Иордания, как и Сирия, не имеет нефтяных запасов. Неразвитость же экономики, особенно после потери западноиорданских территорий, привела к тому, что Иордания, как и Сирия, стала получать регулярную помощь от богатых нефтью аравийских монархий. В 1988 г. в связи с решением признать территорию Палестины (в том числе западноиорданские земли) подвластной арабскому государству в лице Организации освобождения Палестины (ООП) Хусейн отказался от остатков своего суверенитета над Западным Иорданом, включая и упомянутые выплаты.

Соседство с Израилем и постоянная вовлеченность в дела палестинцев позволяют Иордании рассчитывать на поддержку богатых нефтедолларами соседей, что сильно помогает этой бедной стране с неразвитой экономикой сводить концы с концами. Тем более удивительной выглядела позиция короля Хусейна в дни кувейтского кризиса, когда Иордания, пусть с колебаниями, но встала на сторону агрессора, своего могучего соседа Ирака (как это

сделали и тесно связанные с ней едиными судьбами палестинцы во главе с Я. Арафатом) и тем самым как бы бросила вызов аравийским монархиям, оказывавшим ей помощь.

Ливан – тоже небольшая страна восточномедиземноморской зоны с населением св. 3 млн. чел. В отличие от Иордании, она всегда была едва ли не наиболее развитой частью арабского мира, а ливанская буржуазия издревле заправляла делами на рынках Магриба, как и в Египте, и в неарабском Средиземноморье. Став независимой республикой с 1943 г., Ливан с его сложным этнорелигиозным составом населения (христиане, мусульмане-сунниты, мусульмане-шииты, друзы; арабы, арабы-палестинцы из числа беженцев с юга, армяне, курды и пр.) два-три десятилетия с трудом поддерживал внутривосточный баланс, основанный на Национальном пакте, который предусматривал строгую систему распределения высших должностей в республике в зависимости от принадлежности к той или иной общине. В 50-х годах при президенте К. Шамуне Ливан в экономическом плане был процветающей страной, выступая в качестве богатого посредника между Западом и арабским рынком. На рубеже 60-х годов Ливан оказался вовлеченным во внутриаарабские конфликты, прежде всего в противостояние арабов Израилю. Июньская же шестидневная война 1967 г. и перемещение едва ли не главного центра деятельности антиизраильских политических организаций в Ливан, где обосновалось до 400 тыс. изгнанных или уехавших из Палестины, а затем и из Иордании арабов, усугубили это противостояние и к тому же сильно осложнили и без того напряженную внутривосточную ситуацию в стране. 70-е годы принесли с собой дальнейший рост напряженности, которая в 1975 г. переросла в острый кризис власти, сопровождавшийся постоянными междоусобными войнами между различными общинами страны.

Некогда процветавшая экономика Ливана за последовавшие затем полтора десятилетия была подорвана практически не прекращавшимися войнами между христианами и мусульманами, шиитами и суннитами, ливанцами и палестинцами и всеми ими вместе – с израильтянами. Южная полоса Ливана, граничащая с Израилем, была фактически оккупирована союзной с израильтянами ливанскохристианской армией, создавшей в этой полосе нечто вроде буфера, который предохранял Израиль от террористических актов со стороны базирующихся в Ливане боевых отрядов Организации освобождения Палестины (ООП). Итог был плачевным: правительство Ливана оказалось в состоянии паралича, боевые отряды ливанских общин действовали на свой риск и страх, а некогда цветущий Бейрут был превращен в разделенную на части груды развалин.

Вмешательство Сирии в ливанские дела долгое время было лишь усложняющим ситуацию моментом, пока в начале 90-х годов оно не стало способствовать консолидации страны и примирению враждующих сторон, чему способствовали принятие в 1989 г. и ратификация членами парламента 1972 г. (после этого выборов в стране больше не было) новой Хартии национального согласия. Есть надежда, что Ливан в 90-х годах встанет на путь политического выздоровления.

Аравийские монархии

Если не считать республики **Йемен**, возникшей на рубеже 80–90-х годов в результате объединения Йеменской Аравийской Республики с Народно-Демократической Республикой Йемен, бывшим Аденом (единственной из аравийских стран, которая еще в 70-х годах взяла курс на развитие по марксистско-социалистической модели, но в движении по этому пути, как и другие аналогичные страны, не преуспела), то все остальные государства аравийской зоны – это монархии. В отличие от бедного и слабо развитого, лишенного нефти Йемена, 11–12 млн. населения которого не могут похвастать высоким уровнем жизни (ок. 500 долл. в год на душу населения), все монархии аравийской зоны сегодня – это богатейшие и процветающие государства. Правда, процветание их – скорее результат щедрости судьбы, своего рода подарок Аллаха, нежели плод собственных целенаправленных усилий. Имеются в виду нефть и обильный поток нефтедолларов.

Саудовская Аравия – крупнейшая и богатейшая из этого ряда стран (население – ок. 10 млн. чел.). Родина арабов и ислама, Аравийская пустыня с ее немногочисленными оазисами издревле была малонаселенной, что, впрочем, не мешало ей время от времени выплескивать на

север очередные волны семитских племен и народов, последней в ряду которых была именно арабо-исламская. Расцвет арабо-исламской культуры, однако, мало затронул бедуинов Аравийской пустыни, сохранивших свой привычный образ жизни до наших дней. Активность ваххабитов, приведшая к созданию в XIX в. государства Саудидов, заложила основу современной монархии, существующей в ее нынешнем политическом оформлении с 1932 г.

Основа процветания саудоаравийской экономики – нефть, добыча которой по объему сопоставима с российской и американской. Если принять во внимание, что эта нефть добывается в малонаселенном (в основном кочевниками) государстве и почти целиком идет на экспорт, то нетрудно заметить, что нефтедоллары, объем поступления которых резко возрос после национализации нефтяной добычи (1975) и особенно после увеличения цен на нефть, сыграли роль золотого дождя для не ожидавшей такого подарка судьбы страны. За счет нефтедолларов в 70-х и особенно 80-х годах стала быстро развиваться экономика страны, укрепляться вооруженная новейшей техникой армия. Многие десятки и сотни аравийских миллиардов осели в банках и реализованы в акциях капиталистических стран (стоит напомнить, что богатейшим человеком мира был назван в 1988 г. аравийский миллиардер). Заметное количество их (до 12 млрд. в год) идет в форме помощи на нужды арабских государств, противостоящих Израилю. Немало делается для развития образования, культуры, для строительства и обслуживания туристов, особенно приезжающих в Мекку в дни хаджа. Однако все это принципиально пока не изменило образ жизни большинства населения страны. По-прежнему преобладают кочевники-бедуины (хотя их верблюды уже не нужны для дальних перевозок товаров – с этим отлично справляется современный автотранспорт), и лишь некоторая часть их, оседая в городах или орошаемых заново районах, постепенно адаптируется к новым условиям жизни и вкушает плоды бурного процветания. В частности, стоит особо сказать о полутораста сотнях тысяч субсидируемых государством современных ферм, производящих в бывших песках пустыни миллионы тонн первоклассной пшеницы, идущей и на экспорт.

Кувейт с его 2 млн. жителей, из которых половина не является гражданами этой небольшой страны, обрел независимость в 1961 г. Будучи формально конституционной монархией во главе с эмиром из династии Сабах, он по конституции имеет парламент и избираемого из членов клана Сабахов правителя-эмира. Но в реальности эта традиционная политическая структура не всегда функционировала. В частности, кувейтский парламент был малодетелен и маловлиятелен, а в 1986 г. вовсе прекратил свою деятельность. Это и неудивительно: традиционные формы исламского эмирата гораздо более привычны для жителей страны, в подавляющем своем большинстве вчерашних бедуинов-кочевников, возглавляемых своими шейхами.

Нефтяной бум 70–80-х годов превратил это небольшое государство в обладателя многих сотен миллиардов нефтедолларов, которые были умело вложены в ряд программ, обеспечивших за четверть века процветание преображенной страны. Усилиями нанятых за хорошую плату десятков и сотен тысяч опытных рабочих и специалистов, мигрантов из разных стран, с помощью новейшей техники и технологии Кувейт сумел создать в буквальном смысле слова чудо в пустыне, стать своего рода жемчужиной Ближнего Востока. Это пример того, что может дать современная развитая техническая цивилизация даже в столь неблагоприятных для обитания человека пустынных землях с небольшими оазисами, какие характерны для Кувейта.

Миллиарды Кувейта оказались яркой приманкой для иракского диктатора, который вскоре после окончания длительной и бесплодной ирано-иракской войны 80-х годов решил на своего рода блицкриг, аннексировав в начале 90-х годов Кувейт. Эта аннексия вызвала решительный отпор со стороны арабских соседей Кувейта, хотя и не всех. Возглавленные американской армией войска, как упоминалось, изгнали иракскую армию из Кувейта, достаточно быстро восстановившего свои тяжелые потери, – достаточно напомнить о примерно пятистах нефтяных скважинах Кувейта, которые были подожжены отступающими войсками Хусейна и с трудом в течение многих месяцев и ценой миллиардных затрат потушены специалистами из разных стран. Богатый Кувейт не только оплатил весомую часть расходов, связанных с войной за его освобождение, но и остался достаточно богат для того, чтобы продолжать быть процветающей страной Аравии.

Нечто похожее на Кувейт представляют собой и остальные небольшие эмираты аравийской зоны – Бахрейн, Катар, **Оман и ОАЭ** (Объединенные Арабские Эмираты), разбогатевшие на нефтедолларах и быстрыми темпами развивающиеся на хорошо продуманной коммерческой основе. Если и можно применительно к этим странам с их общим населением в 4–5 млн. чел. говорить о некоторых социальных и экономических проблемах, то только по отношению к тем иностранцам-мигрантам, которые своим трудом и за хорошую плату создают развитую экономику и инфраструктуру нефтедобывающих стран, оставаясь при этом людьми второго сорта, лишенными гражданства, не имеющими права на те многочисленные бесплатные социальные блага, которые полагаются гражданам этих стран – к слову, опять-таки преимущественно кочевникам-бедуинам или вчерашним кочевникам, далеко не все из которых спешат воспользоваться предлагаемыми им льготами и благами, нередко предпочитая привычную жизнь в пустыне со своими верблюдами.

Вообще аравийские монархии конца нашего века – интересный парадокс истории, в некотором смысле витрина возможностей современных техники, технологии и цивилизации Запада на далеком от всего этого и недавно еще заброшенном судьбой нищем Востоке. Здесь царство крайностей. С одной стороны, неслыханные богатства и соответственно сказочные, почти в духе сказок «Тысячи и одной ночи» возможности, с другой – уходящая в родоплеменную первобытность отсталость образа жизни кочевников-бедуинов; с одной стороны, наиболее благоприятные возможности для получения хорошего современного бесплатного образования и соответствующего рывка в мир современности, с другой – нежелание многих, имеющих на то право, воспользоваться этим; с одной стороны, высокие темпы экономического роста и уровень дохода на душу населения, а с другой – подчас полное безразличие к этому и явное отсутствие желания привести уровень процветания в соответствие с социально-политическими нормами бытия (имеются в виду многопартийный плюрализм парламентарной демократии и связанные с этим иные институты).

Правда, кувейтская трагедия сильно повлияла на изменение привычных стереотипов в аравийских монархиях. Пережитые регионом потрясения заставили осознать, что, во-первых, небольшим странам нужно объединиться, дабы трагедия не повторилась, – объединиться хотя бы в форме некоей конфедерации с общей или находящейся под общим командованием хорошо вооруженной, совместно содержащейся армией. Во-вторых, война дала толчок сотрудничеству с оказавшим помощь Кувейту Западом, восприятию западных форм политического устройства. В Кувейте вновь воссоздан закрытый было в 1986 г. парламент. Нечто вроде аналогичного пока еще консультативного совета планируется создать в Аравии. Тяга к вестернизации ощущается и в иных аравийских эмиратах.

Пока что аравийские монархии в целом – это страны-рантье, пользующиеся готовым, не созданным своими руками. В этом их внутренняя слабость, которую новые поколения сегодня, видимо, уже осознают. И пусть психология рантье еще преобладает, сдвиг уже ощущается. Если вчера престижем пользовалась в основном профессия военного, то сегодня немало вчерашних бедуинов уже получили образование и адаптировались к потребностям и возможностям современной городской жизни. Видимо, в недалеком будущем достигнутая столь легко высокая стартовая основа позволит адаптироваться к новым условиям жизни большинству местного населения (тем более, что есть неплохой пример и ориентир в виде массы наемных и хорошо работающих тружеников-мигрантов). Переход к регулярному созидательному труду в недалеком уже будущем может решительно преобразовать эту отсталую в недавнем прошлом периферию арабского мира.

Арабы Азии и мир арабов сегодня

Еще сравнительно недавно, как о том уже шла речь, отсталой периферией были аравийские монархии; наиболее передовой зоной арабского мира считалась восточномедиземноморская с Египтом, Сирией и Ливаном в качестве и экономических, и политических лидеров, а страны Магриба стояли как бы посередине. Сегодня в этой расстановке сил многое изменилось. По-прежнему общим для всех арабских стран являются их

генетические связи и этнорелигиозное родство. Общим следует считать их давнишнюю – до середины нашего века – политическую несамостоятельность или неполную самостоятельность в качестве сначала периферии Османской империи, а затем колоний или колониально-зависимых стран. Для всех деколонизация стала исходным моментом нового развития, и практически все арабские государства, за редкими исключениями вроде Мавритании, Судана, Иордании или Йемена, развиваются достаточно успешно и сравнительно быстрыми темпами, особенно по сравнению с государствами Тропической и Южной Африки (кроме ЮАР). Безусловно, здесь сказался исходный более высокий цивилизационный фундамент. Но сыграло свою роль и нечто другое, причем именно это «другое» и разделило современный мир арабов на несходные судьбой группы стран. Речь идет о нефти и нефтедолларах.

В Алжире и Тунисе нефтедоллары лишь помогают сводить концы с концами, зато в монархиях Аравии, в Ливии и Ираке нефть льется потоками и оказывается не просто основой основ экономики, но и залогом процветания, богатства. Более того, за счет нефтедолларов даются дотации тем странам (Иордания, Сирия, Ливан), где нефти нет и где в противном случае – без вливаний извне – было бы трудно свести концы с концами. Практически сказанное означает, что все арабские страны Азии – кроме, быть может, Йемена – так или иначе существуют за счет нефти либо вливания нефтедолларов. Это не ликвидирует существенную разницу между группой стран, богатых нефтью, и группой тех, кто ее не имеет, но это позволяет странам второй группы поддерживать их жизненный стандарт. В странах Магриба нефть тоже играет аналогичную роль. Только лишенное нефти Марокко и мало ее имеющий Египет (оставляя в стороне периферийные и полуарабские Мавританию и Судан) живут не за счет нефтедолларов. Но, не будучи вовлечены в рискованные социальные эксперименты, как Марокко, либо преодолев последствия таких экспериментов и решительно вступив на путь капиталистического развития (как Египет), они успешно развиваются и без потока нефтедолларов.

Резюмируя, можно сказать, что нефть и нефтедоллары в какой-то степени разделили арабский мир и поддержали те его части, которые оказались без нефти. Без нефти и нефтедолларов оказалось явное меньшинство стран. Подавляющее же большинство их так или иначе от нефти зависит. Более того, все их вооружение, количество которого особенно впечатляет в Ираке и Сирии, равно как и все их рискованные социальные эксперименты с марксистским акцентом (это касается Алжира, Сирии, Ирака), оплачивались все теми же нефтедолларами. Словом, мир арабов отличается от остальных регионов не столько своими цивилизационными особенностями, сколько обилием нефти. Неудивительно поэтому, что нефтяное хозяйство здесь пользуется очевидным приоритетом и что в первую очередь создается та инфраструктура (дороги, трубопроводы, насосные станции, нефтеперерабатывающие предприятия, терминалы и т. п.), которая нужна для бесперебойной работы скважин и реализации нефти и нефтепродуктов. Во всех экспортирующих нефть странах существуют министерства нефтяного хозяйства, а министры регулярно представляют свои страны на совещаниях стран ОПЕК (Организация стран – экспортеров нефти).

Если говорить о вненефтяном развитии промышленности, то наивысшего уровня она пока что достигла в Египте, кое-чего в этом смысле добились Сирия, Алжир и особенно Ирак, сделавший акцент на военной промышленности. Что касается сельского хозяйства, то в ряде случаев радикальные аграрные реформы способствовали росту производства продовольствия, однако тот печальный факт, что эти реформы нередко сопровождались рискованными экспериментами, направленными на кооперирование крестьянства и против частного сектора, объясняет, почему, скажем, богатые хорошими землями Алжир и Ливия обеспечивают себя продовольствием лишь примерно на 30 %.

В целом результаты развития арабского мира гораздо более внушительны, чем можно было бы ожидать, имея в виду и социальные эксперименты, и истощающие Ближний Восток частые войны, и безудержную гонку вооружений, и традиции кочевой жизни бедуинов, да и многое другое, включая неприятие исламом и особенно исламским фундаментализмом западных капиталистических норм, ценностей и порядков. Причин здесь две: во-первых, нефтедоллары, о которых много уже было сказано, а во-вторых, существенная тенденция к

всеарабской солидарности, что также было отмечено. Впрочем, об этом стоит сказать еще несколько слов.

Дело в том, что реальной политической солидарности арабы в современном мире обычно не демонстрируют. Уже обращалось внимание на то, что случаи объединения между соседними странами уникальны и к тому же не всегда прочны. Говорилось и о расколах между арабскими странами в серьезные моменты, например в ходе ирано-иракской войны, когда радикально настроенные Сирия и Ливия поддержали Иран. То же, хотя и с иным раскладом сил (Иордания, Ливия за Ирак), произошло в дни войны в связи с аннексией Ираком Кувейта. Но если так, то на чем держится экономическая солидарность арабов, почему миллиарды нефтедолларов ежегодно текут из богатых аравийских стран в некоторые восточносредиземноморские арабские государства, в связи с чем? Ответ один, и он хорошо известен. Речь идет о проблеме Палестины, проблеме, которая не просто объединяет всех арабов, но и является для них столь принципиально важной, что, коль скоро заходит речь о ней, все остальное остается на заднем плане. Не случайно миллиарды щедро текут на помощь палестинцам, а также тем странам, которые несут на себе тяжесть противостояния с Израилем. И далеко не случайно С. Хусейн мечтал разыграть израильско-палестинскую карту и тем не только сохранить за собой аннексированный Кувейт, но и стать признанным лидером всего арабского мира. Хусейн, как известно, проиграл. Но при несколько ином раскладе сил и как-либо изменившихся обстоятельствах он вполне мог и выиграть. Так в чем же суть проблемы палестинцев?

Палестина, Израиль⁵⁴ и ближневосточный конфликт

Образование государства Израиль в 1948 г. стало отправной точкой ближневосточного конфликта. Все началось с первой арабоизраильской войны, вспыхнувшей в связи с решением ООН создать в Палестине государство евреев. Придя на помощь палестинцам, группа арабских стран (Египет, Сирия, Ливан, Ирак, Иордания, а затем также Саудовская Аравия и Йемен) объявила войну Израилю. Результаты войны были печальны для арабов: Израиль захватил большую часть предназначавшейся палестинцам территории, а остальная попала под власть Иордании (западный берег р. Иордан) и Египта (сектор Газа). Именно в это время, на рубеже 1948–1949 гг., из Палестины было изгнано около 900 тыс. арабов, нашедших убежище в различных арабских странах. Возникла острая проблема беженцев, причем попытки расселить их с выплатой компенсации и последующей адаптацией на новых местах (с такого рода инициативой выступили, в частности, США) вызвали бурю возмущения и были с негодованием отвергнуты. Палестинцы стремились вернуться на свою родину, а родственные им арабские страны горели желанием осуществить это, а заодно и наказать Израиль.

Спустя почти двадцать лет, когда Египет времен Насера был, как казалось, в расцвете сил и, в частности, обрел достаточно хорошо вооруженную с помощью СССР армию, наступил момент для нового вооруженного конфликта. Политика Египта, не скрывавшего своих намерений в скором времени вновь скрестить оружие с Израилем, вызвала настороженность последнего. Упредив удар, израильская армия в июне 1967 г. разгромила египетскую армию и потеснила на других фронтах вооруженные формирования Сирии и Иордании. Результатом этой войны было присоединение к Израилю западного берега Иордана и сектора Газа с соответствующим включением в государство нескольких сотен тысяч проживавших на этих землях арабов, не получивших, однако, израильского гражданства (как упоминалось, в определенной степени они продолжали находиться – что касается западноиорданских территорий – под опекой и юрисдикцией Иордании). Очередная война 1973 г., ставившая своей

⁵⁴ В параграфе, посвященном проблеме Палестины, фактически не идет речь о почти уже полувековой истории государства Израиль. История эта заслуживает серьезного внимания, но по сути своей как бы выходит за рамки издания, посвященного истории Востока. Дело в том, что современное государство Израиль – при всех восточных корнях евреев как этноса – к государствам Востока не может быть отнесено. Оно по всем основным параметрам структуры и традициям культуры относится к Западу, даже принимая во внимание деятельность и традиции правоверных хасидов и иных групп ревностных сторонников древнего иудаизма.

целью вернуть утраченное, также не принесла успехов арабским государствам. Можно сказать и больше: новая война убедительно показала, что военной силой ближневосточной проблемы не решить.

Это был сильный удар по престижу арабского мира. Ничего не оставалось, как пойти на решительный пересмотр всей стратегии противостояния Израилю, за спиной которого была поддержка США. Дальше всех в направлении пересмотра своей ближневосточной политики пошел Египет, для которого 70-е годы были временем переоценки многих позиций, в первую очередь социально-экономических, внутривосточных. Президент А. Садат в 1979 г. заключил мир и восстановил дипломатические отношения с Израилем, что позволило ему вернуть утраченные в 1967 г. территории сектора Газа. И хотя остальные арабские страны дружно осудили за этот шаг Садата, расценив мир с Израилем как предательство общеарабских интересов (Египет после этого был исключен на несколько лет из Лиги арабских государств), решение прекратить состояние войны с Израилем со стороны крупнейшей и влиятельнейшей страны арабского мира означало как раз то, о чем уже только что было сказано: военными средствами проблему не решить. Нужно искать иные. Какие же?

Прежде всего, с середины 70-х годов центр тяжести противостояния Израилю переместился в сторону самих палестинцев, которые для этого должны были организовать и добиться международного признания. Собственно, именно достижение этой цели и легло в основу новой стратегии арабов в ближневосточном конфликте после войны 1973 г. Созданная еще в 1964 г. Организация освобождения Палестины (ООП), к руководству которой в 1969 г. пришел Я. Арафат, начала энергично бороться за международное признание. В 1974 г. она приняла участие в работе Генеральной Ассамблеи ООН, затем получила официальный статус наблюдателя при ООН, была принята в ЮНЕСКО и ряд других организаций, существующих под эгидой ООН. Территориальной базой для существования ООП и различных ее боевых и иных подразделений стали Сирия и Ливан (Иордания, как уже говорилось, настояла на выводе палестинцев со своей территории), финансовой основой – нефтедоллары из арабских стран.

Особый разговор о методах и средствах борьбы ООП. Рассчитывать на быстрое международное признание эта организация – при всей поддержке арабского мира – могла лишь при условии, если бы о ее целях, стремлениях и заботах узнали все, если бы палестинская проблема стала в центре внимания мирового сообщества. Но у мира множество проблем, и палестинская – лишь одна из них, причем далеко не самая животрепещущая. Стало быть, нужно было сделать так, чтобы ее заметили все, чтобы палестинцы и их дело были у всех на устах, чтобы все газеты мира писали о них.

И палестинцы сумели добиться этого, начав с террористических актов, потрясших мир. В 1972 г. во время мюнхенской олимпиады группа специально подготовленных боевиков проникла в здание, где находились израильские спортсмены, и хладнокровно уничтожила группу невооруженных людей. Затем начались взрывы и похищения людей, захваты самолетов и угроза жизни случайно захваченных заложников. Не проходило и года, чтобы очередной страшный террористический акт не напоминал миру о том, что палестинцы существуют и требуют к себе внимания мировой общественности. Мало того, с легкой руки именно палестинских террористов, сумевших добиться своей цели и доказавших эффективность методов террора в век массовой информации, эти же методы стали успешно использовать и другие агрессивные меньшинства и экстремистские группы, от басков и ирландцев до «красных бригад» или групп «прямого действия». После 1978 г. едва ли не лидирующие позиции заняли в терроризме шиитские сторонники иранского аятоллы. К слову, к этому времени палестинский терроризм стал постепенно уходить в прошлое. Террористических актов, совершаемых палестинцами, становилось все меньше, и они терялись среди массы других аналогичных экстремистских выступлений.

Разумеется, официальные руководители ООП всегда отреклись от действий боевиков. Но свое дело эти боевики, подчас смертники, сделали. Они заставили весь мир со вниманием отнестись к палестинскому делу. ООП была признана в качестве руководителя палестинского движения практически всеми государствами мира, установившими с ней отношения и предоставившими ей право представительства в своих столицах. Ближневосточный конфликт на долгие годы оказался в центре внимания мировой прессы.

Проблема палестинцев стала объектом заботы многих держав, включая и великие. Было принято решение об организации международного совещания по ближневосточной проблеме с участием всех заинтересованных сторон и так или иначе озабоченных решением проблемы великих держав. Практически проблема долгие годы упиралась лишь в то, чтобы на такого рода совещание согласился Израиль.

Но как раз в этом пункте, что называется, нашла коса на камень. Сумевший защититься от ударов палестинских боевиков, Израиль не без оснований обвинил в терроре всю Организацию освобождения Палестины и наотрез отказался иметь с ней дело, считать ее официальным и тем более единственным представителем народа Палестины. Формально в этом Израилю помогал и отказ ООП признать право Израиля на существование, для чего необходимо было публично заявить о принятии соответствующей резолюции ООН, с чем Арафат долго не торопился. Если задаться вопросом, почему ООП не торопилась официально признать право Израиля на существование, которое и сегодня многие из арабских стран не признают, то окажется, что здесь сыграли свою роль разногласия и в мире арабских стран, и в рядах самой ООП по поводу того, как вести дела с Израилем.

Аннексировав Кувейт, Ирак в 1990 г. неожиданно для многих обрел горячего союзника в лице Арафата. Неожиданно потому, что несколько сотен тысяч палестинцев работали в Кувейте и жили за счет кувейтских нефтедолларов, что, казалось бы, подразумевало их лояльность по отношению именно к Кувейту. Решительный выбор противоположного характера означал, что палестинцы во главе с Арафатом меньше всего были озабочены долгом благодарности по отношению к приютившему и давшему хорошие заработки немалой их части Кувейту. Их мечты сводились к одному: наконец-то нашелся лидер, проявляющий решимость, имеющий силу, пользующийся доверием людей и к тому же явно намеренный решительно покончить с Израилем, о чем Хусейн не стеснялся громко напоминать. Стоит добавить к этому, что ряд лидеров ООП считают Арафата весьма умеренным, за что он постоянно критикуется сторонниками более жесткой линии по отношению к Израилю.

Сказанного достаточно, чтобы понять, сколь накалена обстановка вокруг Палестины и как велика ненависть к Израилю не только и не столько как к агрессору, захватившему принадлежащие палестинцам земли, сколько как к государству, само существование которого недопустимо. И любой диктатор, берущийся помочь в уничтожении Израиля, – друг и брат палестинцев. Такова неприкрашенная реальность, даже если она порой смягчается явно вынужденными обстановкой заявлениями о готовности признать право Израиля на существование при определенных условиях. К такого рода заявлениям лидеры ООП вынуждены были прибегнуть после провала авантюры Хусейна в Кувейте, благодаря чему международный рейтинг Израиля, проявившего сдержанность, резко повысился, а рейтинг ООП, Арафата и соответственно палестинцев и их дела явно понизился (причем понизился в глазах не только внешнего мира, но и наиболее богатых арабских стран – можно вспомнить о том, что Совет сотрудничества арабских стран Персидского залива приостановил в связи с поведением палестинцев регулярную помощь им). Конечно, палестинское дело по-прежнему осталось в глазах всех арабов делом правым и касающимся всех арабов. Но престиж его на некоторое время упал.

На этом новом фоне сразу же после победы над Ираком США и СССР предприняли меры для решения сложной палестинской проблемы. Однако многосторонние переговоры, проходившие на виду у всего мира и постоянно осложнявшиеся непредсказуемыми политическими поворотами, не могли дать и тем более быстрого результата. Зато к ошеломляющему и никем не ожидавшемуся результату привели конфиденциальные встречи представителей Израиля и ООП, проходившие в Осло под патронажем норвежского министра иностранных дел и завершившиеся в сентябре 1993 г. торжественно подписанным соглашением: ООП и Израиль официально признали друг друга, а сектор Газа и город Иерихон были переданы под управление ООП. Конечно, окончательное решение палестинской проблемы еще далеко, но соглашение 1993 г. – политический прорыв, который не случайно сравнивается с падением берлинской стены.

Проблема Палестины долгие годы была и еще будет одной из острых на Ближнем Востоке. Однако стоит заметить, что в том же регионе есть и не менее острые другие проблемы,

например курдская, привлекающая внимание мира вскоре после поражения Хусейна, когда иракские курды попытались было еще раз открыто выступить против иракского господства вообще и диктатуры Хусейна в частности. Под покровительством держав-победительниц, в первую очередь США, в иракском Курдистане летом 1992 г. были проведены выборы в парламент. Во всю остроту встал вопрос об автономии. Как будут развиваться события дальше, пока неясно. Но стоит напомнить, что проблема курдов имеет отношение далеко не только к Ираку и даже не только к арабам, ибо немалая часть 20-миллионного курдского народа проживает и в Иране, и в Турции. Проблема Курдистана еще не поставлена перед миром достаточно определенно, ибо слишком многие из стран, поделивших между собой курдские земли и население, не заинтересованы в этом. Но она, проблема, все же существует и время от времени дает о себе знать. Чаще и больше всего – в арабском Ираке, где курды подверглись в последние годы особо жестокому обращению.

Глава 6 Турция, Иран, Афганистан

На всем Ближнем, а также и Среднем Востоке лишь эти три страны не принадлежат к числу арабских, являясь вместе с тем странами традиционной исламской культуры⁵⁵. Общее между ними и в том, что все они в прошлом не были – в отличие от арабских государств – колониями, хотя каждая из них достаточно ощутимо зависела от Запада. Отсутствие колониального статуса позволило сохранить в этих странах традиционную государственность, что, впрочем, не помешало ей в наши дни претерпеть серьезные испытания, а подчас и существенно трансформироваться. Особо выделяются из интересующих нас в данной главе стран две, Иран и Афганистан, судьбы которых в 80-х годах оказались в некотором смысле близки. Турция в этом плане стоит особняком, да и о ее недавней истории уже было достаточно сказано в предыдущей части работы. Поэтому ее проблемам мы уделим сравнительно немного внимания.

Турция

Как о том уже шла речь, современная Турция (ок. 55 млн. чел.) достаточно уверенно развивается по капиталистическому пути, причем динамика ее развития (почти регулярные военные перевороты с последующим выходом на передний план парламентского демократизма) свидетельствует о том, что страна в целом достигла достаточной зрелости в процессе модернизации и трансформации. Ни фундаментализму, ни социальному экстремизму – ради пресечения влияния которых, собственно, и брали власть военные – уже не одолеть наметившейся тенденции поступательного развития капиталистических методов в экономике и парламентарных в политике. В этом смысле у страны, несмотря на недавно еще характерную для нее нестабильность, вполне надежные позиции, чего нельзя сказать ни об Иране, ни об Афганистане.

В конце 80-х – начале 90-х годов эта тенденция была уже ощутима практически во всем – ив экономике, и в политике, и в социокультурных стандартах. Экономические реформы, совершавшиеся рывками, но в конечном счете давшие желаемый результат, привели к преобразованию хозяйства страны. Упорядочены валютно-финансовые связи: только за пять лет, 1986–1990, объем зарубежных инвестиций превысил их сумму за предшествовавшие 30. Этому способствовали и явно наметившаяся наконец политическая стабильность в стране, и либеральное законодательство, и конвертируемость турецкой лиры, и сравнительно дешевая

⁵⁵ При этом не имеют в виду ставшие недавно независимыми бывшие советские республики Средней Азии, в основном с тюркским и неарабским населением. Если принимать во внимание эти новые государства, без чего далее мировая политика обойтись уже не сможет, то картина, естественно, будет несколько иной, что в любом случае должно быть учтено в последующих изданиях.

рабочая сила.

Политический плюрализм в современной Турции вполне удовлетворяет мировым стандартам, что косвенно способствует включению этой страны не только в ЕЭС (Европейское экономическое сообщество), но и в другие организации объединяющейся ныне на глазах всего мира западнокапиталистической Европы. Турция демонстрирует миролюбивую внешнюю политику, что особенно существенно. Отметим в наше время, когда на территории бывшего СССР возникло несколько самостоятельных государств, в том числе не только мусульманских, но и тюркоязычных. От того, какие связи установят с ними их восточные соседи и едва ли не в первую очередь Турция, зависит во многом будущее большого региона. Если курс на связи с Ираном означает сегодня курс на исламский фундаментализм, то связи с Турцией ведут к иному пути, к становлению демократического современного капитализма. И важно заметить, что руководители Турции хорошо сознают и активно содействуют этому. Можно заметить в этой связи, что, видимо, уходит понемногу в прошлое и жесткий армяно-турецкий антагонизм, долгие десятилетия питавшийся страшными воспоминаниями о геноциде турецких армян. В сегодняшних условиях возникают возможности для плодотворного сотрудничества Турции с ее ближайшим соседом, независимой Арменией, весьма нуждающейся в таком сотрудничестве. Тесные контакты устанавливает Турция с Азербайджаном и новыми государствами Средней Азии, в первую очередь тюркоязычными.

Иран под знаком исламской революции

«Белая революция» сверху или курс шаха на ускоренное развитие Ирана по еврокапиталистическому образцу при участии государства, взявшего на себя львиную долю расходов и забот, привели в середине 70-х годов к резкому обострению внутренних противоречий и к массовому недовольству в стране. Экономический бум, стимулированный увеличившимся потоком нефтедолларов (повышение цен на нефть позволило шаху с 1973 по 1975 г. более чем вдвое увеличить объем ассигнований на индустриализацию страны), привел к диспропорциям. В частности, возрастание денежной массы в руках работающих не было приведено в соответствие с товарной массой необходимых населению продуктов. Да и само это население (всего – ок. 50 млн.), особенно из числа недавно осевших в городах маргинальных слоев, не было еще готовым к столь быстрым темпам трансформации. Нужны были силовые методы, чтобы заставить людей энергичнее вращаться в меняющуюся на глазах новую и непривычную для них структуру. И шах, как типичный восточный деспот, в средствах не стеснялся. Он не очень-то считался с нормами конституции, ограничивал права и свободы, предоставив огромные полномочия охранке (САВАК), стремился зажать рот оппозиции и высылал из страны влиятельных ее руководителей.

В числе важных просчетов шаха были ставка на голую силу и пренебрежение к духовенству. Вместо того чтобы как-то наладить контакт с шиитскими лидерами либо опереться на часть их, осыпав именно ее льготами, шах вступил в конфронтацию со служителями ислама. Одной из самых крупных его ошибок было лишение духовенства доходов (секуляризация их земель, вакуфов). Рассчитывая этим ослабить духовенство, шах на деле лишь восстановил его против себя. Вожди шиитского духовенства умело воспользовались ошибками шаха и начали против него ожесточенную кампанию. В ход пошло все: и вестернизаторские симпатии правителя Ирана, и его экономические просчеты, и вызывавшее недовольство чересчур быстрые темпы трансформации привычных норм бытия, и не в последнюю очередь отношение к служителям ислама. В результате идейное знамя ислама оказалось у противников шаха. Может быть, в иных условиях это еще и не было бы столь уж страшным – вспомним Ататюрка, бросившего вызов исламу в Турции пятьюдесятью годами раньше и выигравшего бой. Но в Иране все было не так. Не было революционного подъема снизу. Не было лишившегося авторитета суннитского духовенства, обанкротившегося вместе с претендовавшим на верховенство (халифат) султаном. Зато был ненавистный всем тиран, формально к тому же не имевший права господствовать над правоверными (напомним, что у шиитов глава государства не имеет сакрально освященного права на власть). Были поруганное духовенство и выбитый из привычной колеи жизни народ. И отсутствовала понятная людям

идея, которая могла бы объяснить народу необходимость преобразований.

Можно прибавить к сказанному, что и образованные круги иранской интеллигенции, за которыми, в частности, шли студенты, тоже высказывались преимущественно за сохранение исламской традиции. Левые группировки влиянием в стране не пользовались. Таким образом, единственным по сути источником индоктринации оказался традиционный шиитский ислам со всеми его характерными чертами, включая фанатизм, непримиримость в борьбе за идею, веру в мессию Махди и следование за руководителями-имамами, наиболее авторитетные из которых имели почетное звание аятоллы. Аятолла Хомейни в этой ситуации оказался тем, кто не только бросил открытый вызов шаху и поднял против него народ, но и сумел возглавить исламскую революцию и довести ее до успешного конца.

В обстановке небывалого подъема революционной активности народа вопрос о власти в начале 1979 г. был решен. Шах покинул Иран, в стране был проведен референдум, следствием которого было провозглашение 1 апреля 1979 г. Исламской Республики Иран. В декабре того же года была принята новая конституция страны, в которой было специально оговорено, что высшая власть в стране принадлежит духовенству в лице имама Хомейни (после его смерти – его преемнику), а гражданскую политическую власть осуществляют президент, меджлис и премьер.

Государственная, кооперативная и частная собственность – три сектора экономики новой республики. Вмешательство и влияние западных держав ликвидируются. Страна принципиально отвергает капитализм и коммунизм и противопоставляет им собственный, «исламский» дуть развития. Что все это означает практически – не вполне ясно. Известно лишь, что развитие страны по тому пути, который был избран для нее шахом, приостановилось. Не то чтобы капиталистический свободный рынок вовсе был свернут. Нет, он продолжает существовать, как существует и мощнейший созданный усилиями шаха государственный сектор в экономике. Но в условиях резко обострившегося противостояния Ирана вначале чуть ли не всему миру, затем в основном странам Запада (в первую очередь – США) говорить о продолжающемся развитии капиталистических связей приходится с осторожностью и оговорками. Если они и продолжали существовать и более или менее активно развиваться, так только в тех сферах; которые были жизненно необходимы для страны, – в реализации иранской нефти и в закупках оружия, которое требовалось для войны.

Что же касается войны, то именно она с начала 80-х годов стала основным содержанием внешней политики, а во многом и всего образа жизни новой республики. Не затрагивая в подробностях поводов, которые сыграли решающую роль в развязывании ирано-иракской войны, стоит заметить, что война эта была необходима прежде всего Ирану, точнее тем, кто стал управлять страной. В войне духовные пастыри иранского народа видели едва ли не подарок Аллаха: где, как не в ожесточенной бойне за великое дело исламской революции может отстоять Иран свое право на существование, мобилизовав и сплотив весь народ, консолидировав власть новых верхов под неопределимым патриотическим лозунгом борьбы за правое дело? И хотя противником иранцев оказались их единоверцы-мусульмане, в том числе и шииты (в Ираке свыше половины населения составляют шииты), это не изменило положения. Свыше восьми лет шла борьба, унесшая более миллиона жизней с обеих сторон и не давшая ни одной из них ощутимого результата. Но не добившийся успеха в войне и вынужденный в конечном счете согласиться на мировую Иран все же не проиграл. Точнее, не проиграли те, кто руководил страной. Власть имама Хомейни не только не была поколеблена, но даже как бы приобрела новый ореол, оттенок борца за великое дело со всем миром.

И это не пустые слова. Авторитет имама вплоть до его смерти в 1989 г. действительно был необычайно высок. Шииты в разных странах мира считали его своим духовным главой. От его имени и в его пользу действовали они, в частности, в Ливане, где шиитские группировки чаще других похищали людей (особенно представителей западных стран) и держали их в качестве заложников, пытаясь в нужный момент сыграть на этом при решении тех или иных политических проблем. Стоит напомнить, что и разоблачения, связанные с попыткой продажи Ирану американского оружия (события, связанные с этим, будоражили Америку и весь мир несколько месяцев, получив наименование «ирангейта»), во многом были связаны с тем, что руководящие деятели США пошли на сомнительную сделку с Ираном именно во имя спасения

жизней заложников.

Каковы перспективы Ирана? Что он представлял и представляет собой после прекращения войны и смерти всесильного имама? Ответить на эти вопросы далеко не просто. Сегодня страной уверенно управляют фундаменталисты наиболее жесткого толка. В их руках немалая сила. И эта сила движет страну в весьма определенном направлении: в сторону поисков принципиально нового, «исламского» пути развития. Но что составляет суть такого пути? Она – в сочетании традиционных форм экономической активности, характерных для мусульманских стран в прошлом, со значительным простором как для частнособственнического предпринимательства, так и, особенно, для государственного хозяйства. Правда, государственная экономика неэффективна, что хорошо известно и Ирану. Компенсацией неэффективности являются нефтедоллары. В недавнем прошлом едва ли не все они уходили на войну, затем пошли на восстановление разрушенного войной хозяйства. Но что дальше?

Пока что годы, миновавшие после прекращения ирано-иракской войны и кончины всесильного имама, к сколько-нибудь заметным переменам в политике страны не привели. Быть может, Иран при новом руководстве стал более сдержанным в своих внешнеполитических акциях и чуть менее радикальным во внутривнутриполитических. Но принципы его поведения и генеральные его установки остаются прежними. Как и раньше, считается действующей и не дезавуирована новыми властями анафема аятоллы в адрес писателя-еретика С. Рушди, до сих пор вынужденного скрываться от жаждущих его крови убийц, причем не столько наемных (хотя награда за голову Рушди немалая), сколько идейных, стоящих за чистоту и честь фундаментального ислама. По-прежнему Иран принадлежит к числу самых яростных противников Израиля – практически только из Тегерана донесся голос, близкий по тону к анафеме, коща готовилась одобренная даже всеми арабскими странами конференция в связи с ближневосточным кризисом в конце 1991 г.: по мнению иранских лидеров, с Израилем говорить не о чем и не следует – он просто не должен существовать. Да и поведение Ирана в дни кризиса, в связи с аннексией Ираком Кувейта можно назвать двусмысленным: не столько жертва агрессии, сколько агрессор, вчера еще на протяжении многих лет воевавший с Ираном, воспринимался иранским общественным мнением с некоторым даже сочувствием. Причина очевидна: Иран активно поддерживал антиизраильский пафос и намерения иракского Хусейна.

Будущее покажет, как будут развиваться события и сколь долго Иран сможет еще позволить себе активно противостоять миру капитализма, позиции которого в связи с крушением СССР заметно укрепились. Стоит напомнить, что выборы 1992 г. склонили чашу весов в пользу умеренной политики президента Хашеми Рафсанджани. Но пока эта страна все еще остается оплотом исламского фундаментализма и в нынешней ситуации, когда мусульманские республики бывшего Советского Союза ищут союзников и ориентиры, Иран, как, впрочем, и Турция, – один из возможных объектов выбора. Ясно, что миру этот выбор новых тюрко-исламских государств не безразличен.

Афганистан в годы войны и после нее

Политика и позиции нового Афганистана всерьез определяются с 1992 г., когда активное вмешательство держав в дела этой многострадальной страны решительно кончилось. От того, склонится Афганистан к исламскому фундаментализму типа иранского или изберет иной путь развития, будет кое-что зависеть и в ориентации тюрко-исламских республик бывшего Советского Союза. Какова же ситуация в Афганистане?

В середине нашего века, когда лишенная своих владений в Индии Англия перестала играть сколько-нибудь заметную роль в афганских делах, а попытавшиеся было потеснить ее на Среднем Востоке немцы потерпели поражение в войне, СССР превратился в главного и наиболее влиятельного соседа этой страны, о чем уже упоминалось. Соседство такого рода сыграло свою роль и в сфере экономики (участие СССР в строительстве ряда важных промышленных объектов), и в области политики (основанный на договоре 1931 г. дружественный по отношению к нашей стране нейтралитет Афганистана), и в идеологической ориентации. После ликвидации монархии правительство М. Дауда явственно ориентировалось на советскую помощь и содействие, хотя и не очень-то стремилось открыть дорогу к власти для

радикальных групп. Курс на неприсоединение и независимость страны был зафиксирован в конституции 1977 г., закрепившей в стране (ныне ок. 19 млн. населения) парламентарный однопартийный режим, президентское правление. Однако контроль над армией Дауд установить не сумел. Многие армейские части оказались под руководством радикально настроенных офицеров, что и привело к военному перевороту в апреле 1978 г., в результате которого власть перешла к Революционному совету, возглавленному лидерами бывшей до того на полулегальном положении Народно-демократической партии Афганистана (НДПА).

В апреле 1978 г. была провозглашена Демократическая Республика Афганистан, а в декабре того же года между этой республикой и СССР был подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, ознаменовавший качественно новый этап во взаимоотношениях между двумя странами. Новое качество сводилось к тому, что Советский Союз как бы брал на себя роль политического гаранта существования ДРА. В том, что такая роль была жизненно необходимой для новой республики, можно убедиться при знакомстве с последующим ходом событий. Дело в том, что к радикальным преобразованиям Афганистан не был готов. Отсталая экономика, низкий исходный уровень развития, социально-психологическая неподготовленность населения к трансформации, да к тому же еще и глубокие корни ислама, препятствовавшие распространению марксистско-социалистических идей и идеалов (при всем том, что сами мусульмане часто и охотно говорят о социализме, нельзя не заметить, что для правоверных все это имеет значение лишь постольку, поскольку основой основ продолжает оставаться ислам, пусть даже чуть перекрашенный в социалистические тона), – все это сужало социальную базу НДПА до минимума. Опереться внутри страны этой партии с ее радикальными установками было почти не на кого – и альтернативой стала опора на СССР.

Но и это еще не все. Внутри НДПА существовала устойчивая вражда между двумя составляющими ее фракциями – Хальк и Парчам. Вражда была, что называется, не на жизнь, а на смерть. Несмотря на все попытки сверху и со стороны (имеется в виду СССР) погасить ее, она продолжала пылать. В огне жестокой борьбы погибли многие сотни, если не тысячи членов НДПА, что не только ослабило партию, но и создало обстановку внутренней нестабильности в стране. В сентябре 1979 г. руководитель НДПА и Революционного совета Н. Тараки был свергнут и уничтожен его соперником Х. Амином, после чего была развернута кампания преследования сторонников Тараки. Похоже на то, что Амин склонен был противопоставить поддержке СССР какую-либо иную внешнюю силу. Это и сыграло роковую роль в его судьбе: в декабре 1979 г. в Кабул были введены советские войска, президентский дворец был окружен, Амин убит, а во главе НДПА и Революционного совета стал еще недавно бывший послом ДРА в Чехословакии Б. Кармаль.

С этого момента Афганистан оказался в огне войны, которая длилась свыше 13 лет. Речь идет как о гражданской войне, так и о войне с введенными в Афганистан советскими войсками, численность которых была для этой страны достаточно внушительной – около 100 тыс., не говоря уже о техническом оснащении и армейской выучке. Введение советских войск в Афганистан было не только ошибкой, но и грубым политическим просчетом, а фактически – преступлением бывшего советского руководства, привыкшего полагаться на силу.

Нежелание познакомиться со страной и ее историей, пренебрежение к реальности привели к бессмысленной гибели нескольких десятков тысяч жизней советских солдат, не говоря уже о миллионе, если не больше, уничтоженных современным оружием афганцев, о бесчисленных страданиях афганского народа. Кроме того, введение советских войск не только оттолкнуло от СССР большинство афганцев, но и еще резче выявило слабость социальной базы правительства в Кабуле. Запоздалые попытки выправить перекосы времен Тараки и Амина не дали заметных результатов, как и замена Кармаля новым президентом страны Наджибуллой и срочная институционализация власти (новая конституция, созыв парламента, призыв к многопартийному сотрудничеству на широкой политической основе и т. п.). Все эти реформы, равно как и укрепление достаточно хорошо оснащенной и обученной армии ДРА, позволили НДПА удержаться у власти. Но дни ее были сочтены.

Длительная война привела к неслыханным разрушениям, к уничтожению сотен и тысяч деревень, к разрушению городов, к массовой миграции населения (до 3–5 млн. афганцев

находились в качестве беженцев в соседних Пакистане и Иране). Но главное – она вызвала резкий рост сопротивления, рост национализма в Афганистане, многократное усиление позиций различного рода фундаменталистских, исламско-националистических и монархических политических течений, которые в ходе вооруженной борьбы выявили себя в рамках различного рода племенных и политических группировок. Как известно, борьба завершилась в 1992 г. капитуляцией лишившегося поддержки извне правительства в Кабуле. Силы вооруженной оппозиции заняли столицу Афганистана и установили свою власть в стране. Как будут развиваться события дальше, покажет будущее. Можно надеяться, что противостоящие друг другу вооруженные группировки все же в состоянии найти общий язык. Но одно можно сказать со всей определенностью: годы войны оказали сильнейшее воздействие на судьбы Афганистана. И едва ли не важнейшим результатом войны следует считать рост позиций исламского фундаментализма.

Есть ли будущее у исламского фундаментализма?

Здесь мы подходим к весьма тонкой материи футурологических прогнозов. Несомненным фактом последних десятилетий является усиление позиций ислама и исламских государств в мировом сообществе. Этот процесс заметен и в Турции, казалось бы, давно покончившей с засильем ислама и вполне светской после реформ Ататюрка; ощущается он и в Египте, хотя там группа «братья-мусульмане» – олицетворение фундаментализма – после убийства президента Садата была поставлена вне закона. Во многих других арабских странах, в том числе и в палестинской ООП, позиции сторонников фундаментализма еще более ощутимы. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует и недавний взрыв фундаменталистского ислама во вполне, казалось бы, благополучном в этом смысле, долгие годы ориентировавшемся на социалистические ценности и идеалы Алжире. Не приходится напоминать об Иране, признанном центре наиболее жесткого и активного исламского фундаментализма. Влиятельные позиции у сторонников фундаментализма в Афганистане. Наконец, стоит упомянуть о тенденции к возрождению чистоты ислама в Пакистане, об исламских настроениях в тюркоязычных среднеазиатских государствах и Азербайджане, да и некоторых иных странах ислама, которых в мире свыше сорока. О чем говорит сегодня повышенный интерес к исламу? И что являет собой исламский фундаментализм, каковы его идеи и потенциалы? Частично об этом уже шла речь. Но пора посмотреть в корень проблемы.

Фундаментализм – это не просто возвращение к истокам, к чистоте подлинного древнего ислама, когда был жив великий пророк и не было еще деления правоверных на шиитов и суннитов, хотя и это очень важно для всех его сторонников. Фундаментализм – это прежде всего требование единства всех мусульман в качестве ответа на вызов современности. Тем самым выдвигается претензия на создание мощного консервативного политического потенциала. Фундаментализм в его крайних формах ведет речь, таким образом, об объединении всех правоверных в их решительной борьбе с изменившимся миром, за возврат к нормам очищенного от позднейших наслоений и искажений настоящего ислама, и в этом он чем-то напоминает распространенные в прошлом веке идеи панисламизма.

Популярны ли подобные идеи и если да, то где именно и почему, в какой степени? Стоит сразу же заметить, что, если не считать небольших групп фанатиков, фундаментализм как всеобъемлющее и влиятельное течение мысли и тем более реальная политическая сила явно не грозит тем странам, которые уже успешно движутся по капиталистическому пути, будь то Турция, Египет или Пакистан. Пусть даже в этих странах движение за чистоту ислама станет заметным – оно не имеет в них серьезных шансов на успех по той простой причине, что здесь ненависть к чужим стандартам ушла в прошлое, а многие из этих заимствованных стандартов с успехом прижились и способствуют процветанию, чего не может не ценить население (опять-таки если не принимать всерьез небольшие группы фанатиков). По той же причине нет условий для роста фундаменталистских идей и настроений в современных арабских монархиях, при всем том, что здесь позиции ислама как такового крепки, как, может быть, нигде. Достаточно напомнить, что Саудовская Аравия с ее Меккой – признанный центр ислама, цель хаджа. Но при всем том и в Аравии, и в соседних с ней эмиратах высочайший

современный технический и цивилизационный, капиталистический в своей технологической основе стандарт гармонично сочетается с ненарушенным привычным исламским, подчас исламо-бедуинским образом жизни. Для такого рода гармонии нужны были большие деньги – эти деньги появились и сыграли свою благотворную позитивную роль, прежде всего в том смысле, что сняли внутреннюю социально-политическую, экономическую и любую иную напряженность, рождаемую обычно нехватками и жизненными невзгодами.

Разумеется, эти рассуждения не абсолютны. Им можно противопоставить, например, ситуацию в Ливии, где все перечисленные факторы вроде бы действуют или, точнее, могли бы действовать так же, как в аравийских монархиях, но где тем не менее усилиями Каддафи все перевернуто с ног на голову и в результате для исламского фундаментализма созданы все условия. Спорить тут не с чем. Но Ливия все же исключение, отнюдь не отменяющее, скорее оттеняющее правило. Для анализа же важна именно норма, но не исключение, хотя и его нельзя не принимать во внимание.

Если исходить из предложенных реалий, то логично заключить, что в основе фундаментализма лежат неудовлетворенность успехами в развитии, социопсихологический дискомфорт основной массы населения и, как следствие, ностальгия по идеализированному прошлому. Этот комплекс достаточно распространен в разных странах и в разные времена, нечто в этом роде типично и для нашей страны в переживаемое сейчас тяжелое время. Он сыграл свою роковую роль в судьбах Ирана, определив характер, успехи и направленность событий 1979 г. и, как итог, взрыв исламского фундаментализма. Где еще он может сыграть аналогичную роль?

Практически, если иметь в виду современные страны ислама, мало где. Небольшие государства вроде Ливии явно не в счет – там негде развернуться. Из более или менее крупных государств Магриба и восточномедиземноморской зоны арабского мира всерьез заражен вирусом фундаментализма разве что Судан, одно из самых отсталых исламских государств. Теоретически фундаментализм имеет неплохие шансы также и в Алжире, Сирии и Ираке. Алжир, где революционное правительство потерпело неудачу со своими социалистическими экспериментами, чуть было не стал жертвой этих неудач – только решительные действия властей преградили путь фундаменталистам в 1991–1993 гг. Сирия и Ирак, находящиеся под властью баасистских режимов скорее национал-социалистического, нежели религиозноисламского характера, в принципе достаточно энергично развиваются по капиталистическому пути, хотя и несколько ослаблены экспериментами того же социалистического характера. Слабости свои Ирак компенсирует нефтедолларами, а Сирия – дотациями от богатых нефтедолларами стран. Поэтому, строго говоря, почвы для серьезного недовольства жизнью и осознанного массового социополитического дискомфорта, для стремления в ностальгических поисках счастья обратиться к глубокому прошлому здесь пока что вроде бы нет. Однако эта почва при неудачном развитии событий и ухудшении ситуации, кризисных явлениях может, как то показывает пример Алжира, появиться. И в этом смысле Сирия, Алжир и богатый нефтью Ирак – это как бы резерв фундаменталистов, хотя реально рассчитывать на успех исламский фундаментализм в этих странах пока не имеет оснований. По сути, единственное государство, где такого рода основания имеются в избытке, это Афганистан.

Афганистан в чем-то близок к иранским реалиям. Правда, у него нет столь давней истории, древних и развитых традиций, которыми можно было бы гордиться. Зато он потенциально в еще большей степени, чем Иран, оказался неподготовленным к радикальным преобразованиям современного типа. У него нет и нефти, которая могла бы помочь. И главное, именно здесь оказались наиболее живучими восходящие к первобытным племенным нормам свободолюбие и горделивое стремление к независимости горцев, готовых сражаться за свой привычный образ жизни с кем угодно и сколько угодно. Идейной опорой этой позиции сегодня в Афганистане служит ислам. И этот ислам буквально на наших глазах перерастает в исламский фундаментализм, чему в немалой степени способствует тот комплекс, о котором только что упоминалось и все составные элементы которого в избытке представлены в современных афганских реалиях.

Надо заметить, что афганский фундаментализм отличен от иранского. Он не столько

внешне-формальный (женщин здесь пока не призывают поголовно надевать чадру), сколько глубоко-истинный, доктринально-сущностный. В фундаменталистских тенденциях афганцы видят и то *свое*, что дорого каждому из них, каждой племенной или политической группе, и то *общее*, что сплачивает всех их в нечто единое целое. Практически это означает, что взрыв фундаментализма в Афганистане – это вполне реальная возможность, ибо потенциал для этого накоплен, причем немалый. Но значит ли это, что все будет именно так? Вопрос далеко не праздный, ибо от того, каким будет Афганистан через несколько лет, зависит немало, особенно если иметь в виду неустоявшуюся еще политическую ориентацию среднеазиатских молодых государств, где потенциал по ряду параметров подчас близок к афганскому. Ведь граничат бывшие среднеазиатские республики именно с Афганистаном или с Ираном. Можно добавить к сказанному, что реакция афганской оппозиции на аннексию Кувейта Ираком на рубеже 1990–1991 гг. была хотя и сдержанной, но более проиракской, нежели направленной в защиту Кувейта и других аравийских монархий, откуда оппозиционеры получали поток нефтедолларов, оплачивавших вооружение. Проиракской именно потому, что Ирак олицетворял собой всеисламское стремление покарать Израиль, а эта политика небезразлична для любого, склонного к исламскому фундаментализму.

Разумеется, исламскому фундаментализму в Афганистане есть альтернативы. Могут быть найдены компромиссные варианты, которые позволят надежно объединить Афганистан не на фундаменталистско-исламской основе. Но вероятность прихода к власти фундаменталистов здесь тем не менее достаточно велика, чтобы всерьез обратить на нее внимание.

Существен и вопрос о потенциях исламского фундаментализма в случае его успехов в Афганистане, а тем более в Средней Азии или Азербайджане. Здесь трудно строить прогнозы, но все говорит в пользу того, что эти потенции в любом случае достаточно ограничены. И хотя это слабое утешение, особенно для неисламского населения тех же бывших советских республик, которые имеются в виду, все же можно заметить, что условий для распространения и превращения в фактор мирового значения исламский фундаментализм сегодня не имеет. Рано или поздно, но он будет вынужден пойти по пути приспособления к мировым реалиям. Прежде всего это касается Ирана, где фундаментализм давно уже является фактом и где он демонстрирует свою неприспособленность к принципам существования современного мира.

Глава 7 Южная Азия после деколонизации

После того как план Маунтбэттена обрел юридическую силу в качестве Закона о независимости Индии (15 августа 1947 г.), на смену прежней колонии пришли два доминиона – Индийский союз и Пакистан, причем второе из этих государств оказалось состоящим из двух частей, расположенных как к востоку от Индии (совр. Бангладеш), так и на западе от нее, в долине Инда. Разделенные по религиозному признаку, оба государства с самого начала оказались резко враждебными по отношению друг к другу, не говоря уже о том, что само их формальное размежевание происходило в огне резко обострившейся индо-мусульманской вражды, порой в обстановке жестоких гонений и кровавой бойни, стоившей едва ли не миллионов человеческих жизней (по некоторым подсчетам, только в Пенджабе резня и погромы унесли около полумиллиона жизней). Ситуация была еще более усугублена тем, что княжес[^]оам давалось право свободного выбора, вследствие чего ряд князей на территории Индии (большинство их были мусульманами) выразили желание – вопреки воле населения княжества, по преимуществу индуистского, – присоединиться к Пакистану, что повлекло дополнительные эксцессы и потребовало вооруженного вмешательства правительства Индийского союза. В результате княжества на территории Индии были включены в состав этого государства, включая и северное, Кашмир, хотя часть этого последнего так и осталась за Пакистаном.

Кровавые столкновения вызвали многомиллионный поток беженцев и, как следствие этого, взрыв националистических и шовинистических настроений, жертвой которых, в частности, пал пытавшийся погасить страсти М. К. Ганди, убитый в 1948 г. членом

религиозно-националистической группировки Хинду Махасабха. Нелегкой задачей была и перестройка экономики каждой из частей прежде единого организма: к Пакистану отошли богатые сельскохозяйственные районы, дававшие хлопок и джут для текстильных предприятий Индии.

Реформы и политический курс независимой Индии

1949 год прошел под знаком подготовки конституционных реформ, которые были оформлены в конце ноября Учредительным собранием в качестве конституции новой Индии, вступившей в силу в январе 1950 г. Была провозглашена Республика Индия, которая при этом оставалась членом Британского содружества наций, т. е. сохраняла привычные связи с прежней метрополией. На первых выборах в центральный парламент и законодательные собрания штатов (1951–1952) почти три четверти мест получил ИНК – с тех пор почти бессменная правящая партия страны. Возглавил правительство Д. Неру.

Первой серьезной реформой нового правительства была аграрная, о необходимости которой ИНК давно уже ставил вопрос. Суть реформы сводилась к ликвидации слоя посредников-заминдаров и к передаче земли тем, кто ее обрабатывает (прежде всего, это касалось арендаторов). За конфискованные земли посредники-заминдары получали выкуп. Результатом реформы было сокращение доли арендаторов за десятилетие с 70 % до 12–18 % и превращение основной части индийских крестьян в землевладельцев. Параллельно при поддержке государства шло развитие кооперации, призванной уменьшить в стране влияние ростовщиков. Аграрные преобразования в 60 – 70-х годах были дополнены серией передовых агротехнических методов и приемов, связанных с так называемой «зеленой революцией» и имевших целью резко усовершенствовать сельскохозяйственный процесс. Все эти меры способствовали тому, что, несмотря на явцо чрезмерные темпы демографических перемен, Индия в наши дни все-таки в основном справляется с продовольственной проблемой, хотя при этом значительная доля ее населения питается крайне скудно, а то и находится на грани выживания.

Доля государства в экономике Индии, как и всех деколонизованных стран Востока, быстро увеличивалась за счет энергичного промышленного строительства в ходе осуществления пятилетних планов. Как это обычно бывает, государство брало на себя осуществление наиболее трудоемких и дорогостоящих программ и проектов, включая металлургию, химию, ядерную энергетику. Однако при всем том правительство Индии с первых же шагов своего существования взяло четкий курс на поддержку частного капиталистического сектора в экономике, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. С начала преобразований в духе «зеленой революции» в середине 60-х годов результаты с особенной силой проявились в земледелии, где был взят курс на всемерную поддержку использующих передовую агротехнику зажиточных и богатых фермеров. Активное внедрение капиталистических методов в экономику и ориентация на свободный рынок с конкуренцией товаропроизводителей способствовали постепенному, но заметному наращиванию экономического потенциала страны. И хотя в целом этот потенциал не слишком велик, особенно если его сопоставить с масштабами страны, он все же достаточно весом. Современная Индия имеет собственную металлургию (наиболее значительные заводы построены при содействии СССР), развитую энергетическую базу, разностороннюю обрабатывающую промышленность, необходимую инфраструктуру. Политика государства сводится к всемерному поощрению развития при использовании для этого всех возможностей, включая привлечение зарубежного капитала и различных транснациональных корпораций (ТНК). Общая доля государственного сектора в валовом национальном продукте (ВНП) страны сегодня составляет лишь около 20 %, хотя в ряде ведущих отраслей экономики, как это уже упоминалось, ему принадлежат более весомые позиции.

Политический процесс в стране основан на состязательности партий с полной свободой для партийных коалиций в ходе избирательных кампаний. Общеиндийским языком по-прежнему считается английский, тогда как первоначальная попытка сделать таковым к 1965 г. хинди не смогла быть осуществлена, ибо этому энергично противодействовал ряд

южных штатов, для которых хинди является чужим. Так как большинство избирателей неграмотны (речь идет о письменности, в частности об избирательных бюллетенях и соответствующей предвыборной литературе, не говоря уже о газетах и текущей прессе), то важную роль в борьбе за избирателей играют символы. Для ИНК, в частности, это изображение священной коровы.

Избирательные кампании – реальный и очень важный барометр политической жизни страны. Они свидетельствуют об устойчивости симпатий основной массы избирателей: при наличии коммунистического левого (с 1964 г. – две компартии с примерно равными силами) и религиозно-коммуналистского правого крыльев основная доля голосов избирателей приходится на центр, представленный прежде всего ИНК, позже также и коалицией оппозиционных ему группировок типа Джаната парта. Если не считать небольшого промежутка времени, 1977–1979 гг., когда у власти оказалось правительство Джаната парта, все остальные годы уже свыше сорока лет во главе Индии стояло правительство ИНК, которое после смерти Неру возглавляла его дочь И. Ганди, а после ее убийства – ее сын Раджив Ганди, внук Неру. Ныне, после убийства Р. Ганди, во главе правительства стоит Н. Рао. В штатах картина аналогичная. В большинстве их правительство устойчиво возглавляет ИНК, но в некоторых – местные национальные группы либо их коалиции, подчас также и правительства во главе с коммунистами. Нередки обострения внутриштатных политических противоречий на национальной, религиозной или иной основе, для решения или погашения которых Дели обычно вводит временное президентское правление.

Внешнеполитическая позиция Индии во многом объясняется геополитической конфигурацией сил в Азии, в частности конфронтацией с КНР и ставшим ее союзником Пакистаном, что привело в свое время страну, декларировавшую независимость, нейтралитет и неприсоединение в качестве принципиальных основ политического курса, к тесному союзу с СССР. Этот союз и сотрудничество способствовали укреплению государственной экономики Индии (имеется в виду строительство современных предприятий) и заключению ряда важных договоров о мире, дружбе и сотрудничестве, включая Делийскую декларацию 1986 г. С распадом СССР его место заняла Россия. Существенно заметить, что независимая и по многим параметрам обретающая в наши дни облик великой державы Индия активно сотрудничает и с другими странами, является членом региональной группировки стран Южной Азии, выступает с различными призывами и инициативами в деле разоружения, борьбы за справедливый международный экономический порядок и т. п.

Проблемы Индии

Едва ли не важнейшая из внутренних проблем страны – национально-религиозная рознь. Несмотря на раздел 1947 г., в республике проживает не менее 85–90 млн. мусульман. Большую и влиятельную общину составляют сикхи. Индо-мусульманские столкновения в различных районах и борьба сикхского меньшинства вначале за политическую автономию, а затем и за собственное независимое государство – серьезные проблемы для страны. Причем обе они практически неразрешимы, так что радужной перспективы здесь пока нет. К числу упомянутых проблем национально-религиозного характера может быть добавлена та напряженность, которая возникла в 80-х годах на крайнем северо-западе Индии, в Ассаме и некоторых других районах, где беженцы-мигранты из Бангладеш создают серьезную нестабильность. Воспринимая мигрантов в качестве нежелательных пришельцев, местное население активно выступает против них. Правительство всячески стремится погасить конфликт, но не всегда добивается успеха. Следует учесть также и сепаратистские настроения тамиллов на юге и некоторых племенных групп пригималайского района страны.

Другая группа проблем, внешне менее острая, но чреватая далеко идущими последствиями, – это демографическая, о которой вскользь уже упоминалось. Неслыханно быстрый прирост населения (со времени деколонизации почти вдвое) угрожает стране катастрофой. Правда, наиболее тяжелые его последствия – прежде всего голод – были смягчены успехами «зеленой революции» и фермерского хозяйства тех районов Индии, где и то, и другое достигли наибольших успехов, в частности Пенджаба. Однако проблема не только остается, но

и продолжает быть крайне острой. Попытки решить ее ускоренными темпами, с административным нажимом, результатов не дали, более того, привели И. Ганди к поражению на выборах 1977 г. Вернувшись к власти спустя несколько лет, И. Ганди более к такого рода мерам не возвращалась, а демографический прирост по темпам и результатам все возрастал (ориентировочная численность населения страны на рубеже 80 – 90-х годов 800 млн. чел.). Если эти темпы не снизятся, то к концу века проблема перенаселения станет самой острой для страны.

Проблема каст – еще одна из тех, что не могут не волновать Индию. Хотя законы формально провозглашают равенство людей вне зависимости от кастовой принадлежности, а за представителями низших каст даже забронированы определенные квоты в вузах, государственных учреждениях и т. п., касты играют в Индии практически ту же роль, что и в прошлом. Но что характерно: в отличие от первых двух острых для Индии проблем, создающих дестабилизирующие импульсы, кастовая структура в некотором смысле – как на то обращают внимание специалисты, в частности Л. Б. Алаев, – играет в современной Индии роль стабилизирующего фактора. Вошедшее в норму неравенство держит три четверти населения страны (если даже не семь восьмых) на уровне бытия вчерашнего дня. Оно, это принадлежащее к низшим кастам большинство, привычно не претендует на ту долю имущества страны, которая по справедливости должна была бы ему принадлежать. Оставаясь на низком уровне развития и едва влача существование, оно тем самым дает возможность меньшинству, прежде всего городскому населению и социальной верхушке деревни, пользоваться благами современных достижений экономики и техники. Если бы не сдерживающие функции кастовой системы, бурный рост в скором будущем уже почти миллиардной Индии мог бы вести к катастрофическому усилению экстремизма.

Впрочем экстремизм в Индии ощущается, хотя и преимущественно среди мусульман и особенно сикхов. Он практически долгое время был незаметен в среде индуистского большинства страны, что, свидетельствует о сдерживающей функции системы каст. Однако за последние годы он дал о себе знать, в частности, в связи с проблемой индуистской святыни в Айодхье, где на месте разрушенного Моголами храма несколько веков назад была возведена мечеть, которую радикально настроенные индуисты недавно снесли. Это, естественно, вызвало энергичный протест мусульман и привело к серьезным конфликтам. К числу внутриполитических проблем стоит отнести и неспособность городских властей справиться с притоком в города, особенно большие, переселенцев из деревни, вынужденных существовать без жилья и работы, ночевать на тротуарах. И это еще при сдерживающей функции каст, которая заметно сокращает обычную для развивающегося мира долю сельского населения, выбитого из привычной колеи бытия и стремящегося в города.

Внутриполитическая напряженность, кастовая и национальная рознь обычно являются подоплекой той предвыборной борьбы, которую ведут партии и их коалиции в ходе избирательных кампаний. Апеллируя к поддержке своих, кандидаты обычно опираются на веками складывавшиеся в той или иной части страны патронажноклиентные связи, кастовые предпочтения, даже на престиж имени, особенно княжеского (княжества в Индии были упразднены, но получившие от правительства пенсии семьи правивших в недавнем прошлом князей по-прежнему имеют в стране немалый престиж, что играет свою роль на выборах). И в этом смысле партии в современной Индии, особенно на уровне штатов, не следует воспринимать как организации европейского типа, союзы политических единомышленников. Скорее это форма организации своих, сплоченность которых способна обеспечить поддержку тому, кто пользуется у своих достаточным престижем, во многом уходящим в традицию.

Вообще многие демократические нормы и институты современной Индии не просто вписываются в традицию, но и воспринимаются привыкшим к ней сознанием людей в привычно традиционном духе. Здесь сказывается определенная структурная близость того и другого (идейная терпимость, плюрализм, уважение к правам меньшинства, ненасилие и т. п.), как и играют свою роль двухвековое колониальное владычество англичан, определенная ориентация общего развития современной Индии. Но при всем весьма существенном типологическом сходстве с европейской парламентарной демократией индийская политическая система во многом остается восточной. Причем не просто восточной, но именно

ивдийско-индуистской с характерной для нее общинно-кастовой основой.

Община и каста живы в Индии и сегодня. Больше того, их сохранение – одна из серьезных проблем Индии. Собственно, это именно та проблема развития, которая ныне столь важна для всего развивающегося мира. Там, где каста слаба, а место общины занял фермер (например, в том же Пенджабе, прежде всего среди сикхов), там и зримы реальные итоги развития. О стабилизирующей функции касты уже шла речь, но не менее, если даже не более значима консервирующая ее функция, явно противостоящая задачам развития. Можно, конечно, надеяться на то, что со временем эта функция ослабнет, а развитие возьмет свое. Но когда это будет? И не случится ли раньше что-либо иное, более значимое? Например, не приведет ли демографический взрыв в последующие полвека к очередному удвоению населения страны? А если такое случится, то сумеет ли общинно-кастовая Индия, которая к тому времени явно не превратится в фермерскую, прокормить страну? И как быть с более отдаленной перспективой?

Снова одна проблема упирается в другую – и снова не видится приемлемых решений. Конечно, Индия здесь далеко не одинока (стоит вспомнить аналогичные проблемы Африки), но от этого не легче. Не легче хотя бы потому, что по абсолютным цифрам в сочетании с темпами прироста Индия не только лидирует, но и далеко оторвалась от остальных (численность всей Африки пока что меньше, чем население Индии, а скромные темпы прироста населения в миллиардном Китае несравнимы с индийскими).

По сравнению с острыми внутренними проблемами все остальные, включая и внешнеполитические, представляются незначительными и второстепенными. Международный авторитет страны высок, а противостояние и противоборство с Пакистаном или КНР, временами достигавшее за последние десятилетия уровня военных действий, правда, ограниченных и кратковременных, не доставляют стране слишком больших забот. Хорошо известны и заслуживают уважения миролюбие Индии, ее многочисленные внешнеполитические инициативы, ее завидная для всего развивающегося мира прочная внутренняя стабильность, вполне гармонично уживающаяся с ее упоминавшимися уже серьезными проблемами. Достаточно напомнить, что Индия не знакома ни с политическими переворотами, ни с попытками армии играть политическую роль, ни с чересчур острыми и одинаково значимыми для всей страны социальными конфликтами. И, видимо, это является и долгое время будет нормой для Индии – нормой, уходящей корнями в традицию и огражденной соответствующими институтами парламентарной демократии, тоже уже обретающей прочность традиции.

Пакистан и Бангладеш

Мусульманские районы Британской Индии были в 1947 г. выделены в особый доминион, который принял наименование «Пакистан» и географически состоял, как говорилось, из двух частей, оторванных друг от друга. Основной частью Пакистана считалась западная, с центром в долине Инда, быстрыми темпами превращавшаяся в житницу нового государства. Восточная, населенная бенгальцами, на протяжении ряда лет, вплоть до ее отделения от Пакистана в 1971 г. в качестве самостоятельного государства Бангладеш, воспринималась как сравнительно отсталая периферия Пакистана, что проявлялось, в частности, в экономической ее дискриминации: валютные доходы от торговли джутом шли на нужды в основном западных провинций, хотя джут поставляли бенгальцы.

Если говорить об исторических судьбах, то Пакистан был частью Индии, плотью от плоти ее. Однако почти полная исламизация именно этой части Индостана имела своим следствием существенные структурные изменения, прежде всего ослабление той стабилизирующей функции, которую в основной части континента издревле играла общинно-кастовая система. Взамен здесь окрепли отношения, которые были характерны для мира ислама с типичной для него политической нестабильностью при достаточно сильной и не очень-то считающейся с народом власти как таковой. Все это не преминуло сказаться на судьбах молодой исламской республики с первых лет ее существования.

Начать с того, что управлявшее страной правительство Мусульманской лиги не спешило с институционализацией своей власти. Первое созванное с этой целью Учредительное собрание было распущено в 1954 г. при обстоятельствах, связанных с угрозой власти Лиги, особенно со

стороны сепаратистов восточной части страны. Созванное в 1955 г. второе Учредительное собрание выработало конституцию, которая вступила в силу в марте 1956 г.: Пакистан был объявлен исламской республикой, генерал-губернатор стал президентом. В стране, в отличие от Индии, было введено президентское правление, а правительство во главе с премьером, равно как и двухпалатный парламент, стали обладать ограниченными полномочиями. Еще в большей мере эта особенность организации власти в республике проявилась после военного переворота 1958 г., в результате которого к власти в качестве нового президента пришел генерал М. Айюб-хан.

Айюб-хан приостановил деятельность политических партий и ввел в 1962 г. новую конституцию, укреплявшую власть президента. После этого деятельность партий была восстановлена (кроме компартии), а президентом в 1969 г. стал генерал Яхья-хан, правивший, впрочем, недолго: кризис 1971 г., в результате которого отделилась от Пакистана его восточная часть, привел к власти правительство народной партии во главе с З. Бхутто. Он управлял страной до тех пор, пока в 1977 г. не произошел очередной военный переворот, в ходе которого к власти пришел генерал Зия-уль-Хак, – он погиб в авиационной катастрофе в 1988 г. На смену генералу пришло правительство гражданских лиц во главе с дочерью Бхутто – Беназир Бхутто. Это было в течение некоторого времени чуть ли не сенсацией: женщина, к тому же молодая, во главе одного из крупнейших (свыше 100 млн. населения) исламских государств мира. Но правила Б. Бхутто недолго: в 1990 г. ее противники, используя в качестве предлога злоупотребления правящих кругов и недовольство населения, вынудили ее уйти от власти. Б. Бхутто сменил вновь избранный премьер.

Примечательна динамика политической власти. Примерно то же, даже в еще более калейдоскопичной форме, происходило в Бангладеш (население – около 110 млн. чел.), где с момента образования самостоятельной республики в 1971 г. сменили друг друга в результате военных переворотов три президента, двое из которых были генералами.

Обратим внимание на экономическую политику обоих государств. Вначале, когда Пакистан был еще единым, генерал Айюб-хан провел ряд серьезных реформ, направленных на укрепление экономики страны. Были ликвидированы посреднические слои в сфере аграрных отношений (с выкупом земли за счет государства), а земли переданы крестьянам, что способствовало ускоренному капиталистическому развитию в деревне, особенно в западной части страны. Были заложены серьезные основы для роста государственного сектора в промышленности параллельно с активной поддержкой частного предпринимательства и иностранных капиталовложений. Однако экономические достижения были сведены на нет неудачами в политической сфере, прежде всего во взаимоотношениях обеих частей страны. Именно это привело к отставке президента, а затем и к образованию Бангладеш. После разделения на два государства и прихода к власти правительства Пакистанской народной партии президент З. Бхутто попытался было сделать серьезный акцент на развитии государственного сектора. Он провел национализацию некоторых важных отраслей промышленности и банков страны, сделал дальнейший шаг с целью продолжения аграрной реформы. Правительство Зия-уль-Хака приостановило эту политику и заменило ее стремлением к укреплению частного предпринимательства, что в конечном счете дало некоторые позитивные результаты и привело к заметным успехам в промышленном развитии страны, включая и активный выход пакистанского капитала во внешний мир, участие пакистанцев в реализации строительных программ в богатых нефтедолларами аравийских монархиях.

Бангладеш, несравненно более отсталое государство, испытало приблизительно ту же динамику эволюции в сфере экономической политики: на смену неудачным опытам, связанным с национализацией экономики и разбуханием государственного сектора в 70-х годах, после прихода к власти президента Х. Эршада был взят курс на приватизацию экономики и поддержку частного предпринимательства. Впрочем, заметных результатов это пока не дало. Спорадические грандиозные стихийные бедствия, обрушивающиеся на страну, равно как и явная ее перенаселенность при крайне низком общем уровне экономического развития, держат экономику Бангладеш на одном из последних, мест в мире.

Рубеж 80 – 90-х годов Пакистан и Бангладеш проходят под знаком заметного оживления в политической жизни. В обеих странах активно функционирует многопартийная система,

уважается конституция, проводятся выборы. Однако той стабильности, что характеризует Индию, здесь нет, и это является типичным для большинства мусульманских государств. Влияние ислама в обоих государствах весьма заметно, что соответствует и официальной политике исламизации или, точнее, усиления роли ислама и его институтов. В числе других влиятельные позиции в обоих государствах занимают и группировки мусульманских фундаменталистов.

Несколько слов о внешнеполитической ориентации обеих стран. Что касается Бангладеш, то роль этой республики в международных делах сравнительно невелика. Более заметна она в сфере региональной: именно Бангладеш выступила в 1985 г. с инициативой создания Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК), в которую вошли Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка, Непал, Бутан и Мальдивы. Цель ассоциации – содействовать развитию и сотрудничеству членов СААРК. Не вполне пока ясно, насколько эта цель реализуется на практике. Но одно несомненно: в помощи других нуждается прежде всего именно Бангладеш. И эту помощь республика получает, в том числе со стороны развитых государств мира, богатых нефтью стран ислама. Однако решение собственных проблем в любом случае зависит от нее самой.

Пакистан ведет себя на международной арене много более активно. Занимая важное стратегическое положение, эта страна долгое время была объектом серьезного интереса со стороны других стран, включая, в первую очередь, КНР и США. Пакистан в свое время был активным членом СЕАТО и СЕНТО. Именно на его территорию в 80-х годах мигрировали миллионы беженцев из Афганистана и здесь же, в районе Пешавара, были созданы базы вооруженной борьбы партизан с правительством НДПА. Не вполне ясно, какую роль будет играть в этом смысле Пакистан после окончания борьбы за власть в Афганистане. Но заметно постепенное изменение общей международной ориентации Пакистана. После развала военных блоков Пакистан стал членом движения неприсоединения. Несколько улучшены были в 70-х годах отношения Пакистана с Индией и есть реальные шансы на то, что в 90-х годах эта политика будет продолжена – во всяком случае как результат общего улучшения международного климата во второй половине 80-х годов.

Непал, Бутан, Шри-Ланка

Два небольших пригималайских государства, Непал и Бутан, издревле территориально, политически, да и в религиозно-культурном плане тяготеют к Индии (Бутан также и к Тибету). Эти монархии принадлежат, как и Бангладеш, к числу наиболее бедных и отсталых среди развивающихся стран.

Королевство **Бутан** с населением около полутора миллионов человек, этнически близких тибетцам (70 %) и непальцам, после 1947 г. связало себя договором с Индией, по букве которого оно обязалось во внешних сношениях руководствоваться курсом и позицией своего великого соседа. Эти особые связи Бутана с Индией, однако, не слишком ограничивают его самостоятельность в международных делах, зато весьма помогают стране в экономическом плане, включая помощь со стороны Индии. Впрочем, помощь Бутану оказывают также некоторые международные организации и богатые страны. Цель ее – создать в Бутане необходимую современную инфраструктуру и помочь развить сельское хозяйство хотя бы до той степени, которая решила бы проблему самообеспечения страны продовольствием.

Непал – страна значительно более крупная (около 19 млн. чел.). Это королевство издревле было связано с Индией, да и населено оно по большей части выходцами из Индии, не говоря уже о том, что коренное население страны, гурки, еще в прошлом веке активно использовалось англичанами в качестве выносливых солдат, что опять-таки говорит в пользу связей его с Индией. Как королевство Непал возник в середине прошлого века в результате политического объединения нескольких княжеств. Управляли страной вплоть до 1951 г. представители феодально-аристократического дома Рана, выступавшие в официальной функции премьер-министров. Переворот 1951 г. привел к реставрации власти короля, к оживлению норм современной политической жизни, включая парламентарную демократию. Впрочем, эти нормы оказались для Непала преждевременными и были отторгнуты. На смену

им пришла система панчаятов (советов или самоуправления), причем на референдуме 1980 г. население высказалось в пользу именно этой системы. В Непале был создан и Национальный панчаят (парламент с совещательными функциями). На выборах 1991 г. немалую долю голосов собрали непальские коммунисты, впрочем, пока охотно сотрудничающие с монархом. Промышленность в основном перерабатывающая, развита слабо. Расходы по экономическому развитию страны чуть ли не на 70% покрываются за счет внешней помощи, в том числе из Индии и КНР. Китай весьма заинтересован в укреплении связей с Непалом.

Государство **Шри-Ланка**, расположенное на острове Цейлон, возникло как самостоятельное политическое образование после деколонизации. В 1948 г. оно получило статус доминиона, в 1972 г. стало республикой с парламентарной основой и многопартийной системой. Борьба ведущих партий и смена правительств сопровождалась изменениями в политическом курсе и в основах экономической политики страны. Акцент на преимущественное развитие государственной экономики сменялся предоставлением наибольшего благоприятствования частному предпринимательству, причем именно этот последний курс осуществляется и сейчас. В республике господствует президентская форма правления.

Население острова (около 17 млн. чел.) состоит в основном, на две трети, из сингалов, но существенную долю его на севере составляют выходцы из Южной Индии, тамилы. Сингало-тамильская национально-религиозная вражда сильно осложнила положение на острове в 80-х годах. Остроконфликтная ситуация сделала необходимым официальное вмешательство правительства Индии, которое вместе с правительством Шри-Ланки попыталось погасить бушующие страсти и было вынуждено даже на время ввести в северные районы острова свои войска. Частично это дало результаты, острота конфликта спала. Однако до решения проблемы далеко. Взрывы и террористические акты, вера в действенность которых докатилась до Цейлона, то и дело происходят на острове. И предоставление тамилам частичной автономии, и вмешательство Индии не удовлетворили экстремистов. Именно от их рук, как стало известно в результате расследования, пал премьер Индии Р. Ганди.

Экономически Шри-Ланка принадлежит к числу быстро развивающихся, даже процветающих стран Азии, особенно после отказа в 1977 г. от государственного вмешательства в экономику. Шри-Ланка активно экспортирует чай, каучук, производит достаточное количество риса, принимает немалое количество туристов, привозящих с собой валюту. Энергично наращиваются темпы промышленного развития.

Все эти три страны – Непал, Бутан, Шри-Ланка – входят, как упоминалось, в Ассоциацию регионального сотрудничества стран Южной Азии и весьма активно сотрудничают с Индией. Влияние Индии, ее мощи, ее культуры и религии, ее этнических корней, ощутимо в каждой из них. Столь же ощутима помощь Индии, как и играет свою роль ее вмешательство в случае необходимости.

Южная Азия и проблемы политической культуры

Страны региона, о котором идет речь, различны. Они достаточно очевидно распадаются на две группы – группу индо-буддийскую (Индия, Шри-Ланка, Непал, Бутан) и группу исламскую (Пакистан и Бангладеш). Хотя у обеих групп общие этногенетические и цивилизационные корни (пусть не совсем общие, ибо исламизация принесла кое-что свое там, где она одержала верх, т. е. в Пакистане и Бангладеш), разница между упомянутыми группами стран бросается в глаза. Индо-буддийская группа демонстрирует завидную политическую стабильность. Там, где с помощью англичан была взята за основу вестминстерская модель парламентарной демократии (Индия и Шри-Ланка), правительства приходят на смену друг другу в цивилизованном порядке, в результате свободных многопартийных выборов. И пусть эти выборы не вполне адекватны европейским, главная их идея реализуется достаточно убедительно. В малых странах (Непал, Бутан), где цивилизационный уровень ниже, а парламентарная демократия пока еще развита недостаточно, тогда как позиции монархов весомы, ситуация несколько иная, но тоже отличается стабильностью. Зато в группе исламских стран политическая нестабильность является фактически нормой.

Почему так? Ведь в конечном счете и пакистанцы, и тем более бенгальцы Бангладеша – это те же индийцы, разве что исламизированные за последние несколько столетий. Однако, если рассмотреть указанную странность на фоне всех остальных, в основном уже охарактеризованных выше исламских республик, нельзя не обратить внимание на то, что в подавляющем большинстве случаев нормой здесь является именно политическая нестабильность. Монархии – Марокко, Иордания, страны Аравии – напротив, демонстрируют собой стабильность. Создается впечатление, что республиканский строй исламским странам как бы противопоказан. Существует некая четко фиксируемая историей несовместимость ислама и республиканской демократии. Не то чтобы исламские страны и народы были в принципе против республики. Но коль скоро есть республика – есть и перевороты. Это, конечно, не означает, что переворотов не бывает и не бывало в прошлом в монархиях. Бывали, и не раз. Ими насыщена история практически любой исламской страны в прошлом. Тем не менее факт остается фактом: современная история мира ислама жестко фиксирует политическую нестабильность именно в республиках. Монархии по сравнению с ними стабильны.

Этот факт заслуживает особого внимания в нашем случае, когда речь идет о сопоставлении исламских и неисламских политических структур в рамках одного достаточно гомогенного в цивилизационном плане региона Южной Азии. Условия сопоставления делают анализ достаточно чистым в логическом плане и заставляют прийти к выводу, что политическая культура ислама относится к республиканскому строю как к своего рода нелегитимной или не вполне легитимной системе власти. Или, говоря проще, того, кто пришел к власти, опираясь не на силу (силу в мире ислама всегда уважали, уважают и, видимо, долго еще будут уважать, что и делает в глазах правоверных опирающихся на нее правителей легитимными), а на некую комбинацию чисел, на голоса избирателей, не за что уважать. Поэтому-то голоса и парламентарные демократические нормы не могут служить препятствием тому, кто ощущает за собой какую-то силу, чаще всего военную, – и совершает переворот.

В то же время для политической культуры, воспитанной на иных принципах, в частности религиозно-общинных и религиозно-кастовых на индо-буддийский манер, ситуация выглядит и расценивается совершенно иначе: кто почитается народом и заслуживает почитания, тот и достоин власти, тем более что на социально-политическом верху, в числе правящей элиты обычно оказываются (и баллотируются) прежде всего выходцы из высших каст, из традиционной правящей верхушки. Соответственно традиционная политическая культура здесь оказалась функционально и духовно близкой традициям парламентарной культуры англичан, что и сыграло свою роль в усвоении странами Южной Азии этих чуждых ей западноевропейских традиций. Правда, англичане сумели навязать свои вестминстерские нормы и другим бывшим колониям, например Египту, где парламент на многопартийной основе функционирует давно и устойчиво. Но при всем том парламент в Египте не столь уважаемый политический институт, как в Южной Азии. Поэтому и перевороты в Египте еще в недавнем прошлом были достаточно часты. В этом смысле нет принципиальной разницы между Египтом и Пакистаном, равно и давно знакомыми с демократией по-британски.

Напрашивается еще один вывод, вытекающий из уже сделанного. Современные исламские монархии стабильнее республиканских исламских режимов не потому, что в них нет парламентов, – они могут быть и часто бывают. Монархические режимы сильнее парламентарных потому, что опираются не только и не столько на закон, на по-европейски понимаемое право, источником которого считается и должен быть народ, сколько на волю правящего лица. А это и есть то, о чем уже шла речь: в исламской традиционной структуре уважается сила и ее носитель, будь то марокканский король или иракский диктатор. И хотя силе монарха или диктатора при случае тоже может быть противопоставлена сила рвущегося к власти кандидата в монархи или диктаторы, свергнуть его, как правило, много труднее, чем опирающееся на парламент правительство. Отсюда и результаты.

Эту группу стран объединяет не только общее для всех них развитие по марксистско-социалистической модели в рамках однопартийной системы при решительном уничтожении рыночно-частнособственнических отношений. Они близки между собой в том плане, что следовали и следуют по упомянутому пути наиболее решительно и неуклонно, даже после того, как этот путь убедительно выявил все свои пороки. Правда, две из этих стран, Китай и Вьетнам, сделали необходимые выводы из неудач и провели ряд радикальных реформ, изменивших путь и направление развития при сохранении пока еще идеологического курса и привычной политической системы с соответствующими ей марксистско-социалистической лексикой и лозунгами. Третья, Корея, не сделала этого, отчего ее развитие все более очевидно заходит в тупик.

Все три страны близки друг к другу. В сравнительно недавнем прошлом, всего несколько веков назад, Вьетнам и Корея были вассальными территориями могущественной китайской империи. У всех трех стран единая цивилизационная база, общие исходные ценности и традиции. Но при всем том у каждой, особенно за последние столетия, – своя история, свой путь. Более подробно об этом историческом пути уже говорилось в предшествующих частях работы. Теперь речь пойдет о сравнительно небольшом отрезке их истории, о последних нескольких десятилетиях, когда каждая из этих стран избрала путь развития, ориентированный на марксистскую модель в ее наиболее жесткой, по ряду параметров карикатурной (особенно в Корее), «оруэлловской» модификации. Сейчас перед всеми тремя стоит сложная проблема, как найти выход из тупика. И каждая страна решает эту проблему по-своему.

Современный Китай: просчеты и достижения

Что касается Китая, то эта страна после первых нескольких лет восстановления ее экономики и проведения необходимых реформ в 50-х годах нашего века (здесь сыграла огромную роль помощь СССР, хотя эта же помощь привела и к внедрению в структуру Китая жесткой сталинской модели со всеми ее органическими противоречиями и пороками) стала ареной рискованных экспериментов Мао Цзэ-дуна. Первым из них вскоре после XX съезда КПСС был так называемый «большой скачок», в ходе которого Мао стремился противопоставить новому курсу КПСС собственную политическую линию. Суть ее сводилась к стремлению опередить время и обогнать Советский Союз в деле строительства новой жизни. Не имея возможности за короткий срок создать в стране развитую экономическую базу, Мао решил пренебречь этим и свести скачок в будущее к реформе человеческих взаимоотношений, к стимулированию трудового энтузиазма в условиях эгалитарного быта, казарменных форм существования и при крайней степени официальной индоктринации.

Результаты не замедлили сказаться. Уже в конце 1958 г. и еще больше в 1959 г. страна стала испытывать голод. Трудовая активность лишенных земли и всякой собственности крестьян снизилась, прежде бережно хранившиеся на год припасы были беззаботно потреблены в рамках народных коммун за совместными трапезами. Производство было в сильной степени дезорганизовано, причем не только в деревне, но и в городе. В ответ на критику эксперимента со стороны ряда партийных лидеров, в частности Пэн Дэ-хуая, Мао обрушился на партию со всей мощью своего ставшего уже харизматическим авторитета. Вначале это не привело к заметным результатам, а взявшая в свои руки руководство страной партия и, в частности, такие ее деятели, как Лю Шао-ци, сумели несколько выправить положение на рубеже 60-х годов. Но конфликт между Мао и противостоявшими его экспериментам партийными лидерами не прекращался и в конечном счете привел к новому грандиозному эксперименту – к «культурной революции», под знаком которой прошло целое десятилетие – последнее десятилетие жизни Мао (1966–1976). Смысл этого социального эксперимента сводился к стремлению Мао пошатнуться с помешавшей ему и поставившей под сомнение его действия партией, что и привело к погромам партийных органов, аппарата власти и всей интеллигенции страны отрядами красногвардейцев-хунвэйбинов. Хунвэйбины свято верили в обожествленного ими вождя и преданно исполняли его указания, сводившиеся в конечном счете к главному:

«Открыть огонь по штабам!»

Культурная революция дорого обошлась стране и довела экономику КНР до предкризисного состояния. Неудивительно, что после смерти Мао встал вопрос о дальнейшем пути развития. Эксперименты Мао явственно продемонстрировали, что жесткая (сталинская в свое основе) модель социалистического строительства не дает желаемых результатов. Напротив, она оказывается деструктивной. Ее установки выключают созидательную энергию незаинтересованных в плодах своего труда работников и принижают значимость знаний, опыта, высокой творческой квалификации, сконцентрированных в головах образованных слоев населения. Перед преемниками Мао в 1976–1977 гг. во весь рост встала острая жизненная проблема: как выйти из созданного экспериментами тупика, восстановить заинтересованность работника в плодах своего труда и обратить его творческую энергию на благо страны и народа? Выход был найден на путях решительной перестройки всей созданной Мао структуры общественных отношений. Как конкретно это выглядело?

Сегодняшнее более чем миллиардное население страны отчетливо делит свою историю на два различных этапа – до третьего пленума и после него. Третий пленум (декабрь 1978 г.) был той гранью, за которой остались эксперименты Мао, а с ними и вся жесткая сталинская модель существования. Реформы, санкционированные этим пленумом ЦК КПК, положили начало принципиально новым формам бытия и всей системе общественных отношений в огромной стране, измученной десятилетиями непрекращающихся войн, революций и экспериментов. Суть этих реформ до удивления проста, даже банальна: был открыт путь к возвращению заинтересованности труженика в плодах своего труда, для чего были ликвидированы коммуны (китайские колхозы), а земля отдана крестьянам. В стране возникли тысячи, десятки тысяч рынков, коммерция была официально легализована. Что касается города и промышленности, то здесь были сильно ограничены роль государственного плана и централизованного регулирования, созданы возможности для развития кооперативно-коллективного и индивидуального секторов деловой активности и изменена вся система административных связей, финансирования, оптовой продажи и т. п. Директорам государственных предприятий предоставлялись невиданно широкие права и возможности, включая право организации на свой страх и риск дополнительных производств и свободной продажи внеплановой продукции, даже с самостоятельным выходом на внешний рынок, право свободного определения цен на сверхплановую продукцию, право выпуска акций и свободных займов в целях расширения сверхпланового производства и т. д.

Реформы были радикальными и осуществлялись быстро и решительно, для чего первые три года (1979–1981) были объявлены годами реконструкции, а плановые задания на эти годы были сняты либо пересмотрены. Были резко уменьшены ассигнования на военные нужды, а затем заметно сокращена армия, не говоря уже о том, что армейским частям и военной промышленности было вменено в обязанность всемерно содействовать перестройке экономики страны. Были существенно ограничены права и полномочия административных органов, включая и партийные комитеты. Несколько позже было уделено внимание проблемам демократизации жизни общества, необходимым для этого изменениям в системе права, в привычной для однопартийных структур избирательной процедуре.

Результаты реформ сказались столь быстро, что это удивило весь мир. Резко возросло производство продовольствия: к 1984 г. страна вышла на уровень 400 млн. т зерна в год, что вполне достаточно для обеспечения ее гигантского населения необходимым минимумом питания. Активность трудолюбивого китайского крестьянства привела к резкому повышению его благосостояния: за годы после реформы средний жизненный стандарт вырос (если учитывать доход на душу) в два-три раза. И хотя неизбежная в условиях резкого роста рыночного хозяйства инфляция съела часть этого выигрыша, значительная доля его все же осталась и продолжает возрастать. Нечто подобное, хотя и более замедленными темпами, происходит и в китайском городе, где бурное развитие частного и коллективного – приватизированного – секторов хозяйства радикально изменило образ жизни людей, особенно в сфере обслуживания.

Соответственно сильно видоизменился и весь общий стандарт существования. В стране проявились слои зажиточных крестьян и горожан, работающих на рынок. Промышленность в

значительной мере тоже обратилась лицом к внутреннему рынку, о чем, в частности, свидетельствует переход автотракторного и автомобильного производства к изготовлению многих сотен тысяч мелких тракторов и грузовичков, приобретаемых в собственность, обеспечивающих механизацию работ на полях и регулярное снабжение городов производимой в деревне продукцией. Ликвидация громоздких и экономически не заинтересованных в плодах своего труда многочисленных посреднических организаций, служб и контор привела к налаживанию прямых связей между заинтересованными сторонами на рыночной и договорной основе. Изменился и общий стандарт поведения людей: отбросив скованные доктриной принципы жизни, они стали свободнее, у них появились личные вкусы, предпочтения, что повело к изменениям в одежде (куда делась униформа времен Мао?), поведении, образе мышления, в стремлении к основам гражданского общества и правового государства.

Конечно, на пути реформ были и препятствия. Сопrotивлялся привыкший к власти партийный аппарат. Давали о себе знать негативные явления, вызванные к жизни рыночным хозяйством (злоупотребления властью, коррупция, контрабанда, инфляция, социальная напряженность во взаимоотношениях между бедными и процветающими, особенно в деревне, и т. п.). Однако на фоне несомненных успехов и неслыханных темпов экономического роста, до 12–18% в год, а то и выше, все эти негативные явления оставались лишь досадными издержками развития, что и признавалось официально на очередных партийных съездах или сессиях китайского парламента. Съезды и сессии полностью и безоговорочно поддерживали взятый Дэн Сяо-пином и во многом успешно осуществленный благодаря его руководству курс на реформу. Идеологически этот курс был обоснован официальным признанием того несомненного факта, что Китай являет собой отсталую развивающуюся страну и что говорить о серьезном строительстве социализма в таком обществе еще рано. Пока Китай находится на начальном этапе строительства социализма, причем социализма китайского типа. Считалось, что именно этому соответствует избранная страной теперь модель развития со значительным включением элементов рыночного хозяйства и даже частнопредпринимательской деятельности, не говоря уже о весьма существенной роли приватизированного сектора, работающего прежде всего на свободный рынок, функционирующий на конкурентной основе.

К концу 80-х годов реформы в Китае привели страну к примечательным достижениям. Эти достижения измеряются не столько миллионами тонн или штук той или иной продукции, сколько принципиально новым образом жизни людей, их раскованностью и устремленностью вперед, желанием приложить свои усилия ради общей и зримой для всех пользы, ради укрепления быстро развивающейся экономики Китая, ради будущего страны, наконец-то освободившейся от дурмана тотальной индокринации и уверенно идущей к лучшему. Все это проявилось и в уровне жизни людей, и в их внутренней уверенности в себе, и в их отношении к труду. При этом то лучшее, что вышло в Китае на передний план, во многом опиралось на оживившиеся традиции, включая тысячелетиями воспитанную культуру труда – труда заинтересованного, оплаченного, приносящего пользу себе и другим, в конечном счете всем. Сыграли свою роль и привычное, воспитанное конфуцианством отношение к жизни, стремление к достижению социальной гармонии и зависимость этого от собственных усилий, от постоянного движения вперед и самоусовершенствования человека.

Успехи Китая в десятилетие реформ были обусловлены многими причинами. Не исчезли, не были уничтожены экспериментами Маонавыки людей к производительному труду, хотя для этого Мао приложил немало усилий. Сказались века и тысячелетия традиции, что проявилось и в том, как отнесся крестьянин к возвращенной ему земле. Сыграло свою роль сохранившееся в 900-миллионном крестьянстве отношение к труду. Даже безжалостный разгром противников Мао из штабов, т. е. китайской административной бюрократии, сыграл, как это ни парадоксально, позитивную роль: было резко ослаблено сопротивление реформам, так что Дэн Сяо-пину оказалось сравнительно несложно одолеть сопротивление мощного, но напуганного и измороженного хунвэйбинами отряда китайской партийной и административной бюрократии.

Словом, осуществленная в Китае перестройка экономики оказалась не просто удачным экспериментом. Она стала спасением для Китая, чья судьба в XX в. была крайне драматичной. Однако взятые страной на рубеже 70 – 80-х годов быстрые темпы реформы неожиданно привели ее руководство к проблемам, с которыми справиться оказалось не так-то легко. Но это

были проблемы уже не столько экономического, сколько социально-политического и, как следствие, идеологического характера, и в попытке их решения руководство страны начало на рубеже 80 – 90-х годов буксовать, даже пятиться назад. В чем же причины, суть дела?

Современный Китай: проблемы развития

Убедившись в том, что экономические принципы марксистского социализма с его отрицанием частной собственности и лишением людей заинтересованности в труде ведут к тупику, – а это наглядно и неоспоримо проявилось в ходе гигантских социальных экспериментов Мао, начиная с большого скачка 1958 г., – руководство страны буквально вынуждено было предпринять радикальные реформы с тем, чтобы возродить интерес людей к труду, к его результатам. В этом и была суть реформ, наделивших крестьян собственными участками земли и предоставивших возможность каждому завести собственное дело или принять участие в работе приватизированного предприятия, основанного на так называемой коллективной собственности и получившего права юридического лица.

Реформа быстро дала необходимый эффект, особенно в деревне. Но реализация ее означала крах маоистского, а по большому счету – марксистско-социалистического режима в Китае. Практически Китай достаточно быстрыми темпами возвращался к тем отношениям, которые в нем господствовали до Мао. Структура такого рода уже не раз характеризовалась в предшествующих главах применительно к разным странам и даже в разное время (XIX и XX вв.). Это была переходная структура, которая хранила в себе мощный пласт традиционных форм хозяйства, основанных на привычной восточнодеспотической командно-административной системе отношений с существенной ролью государственного сектора в экономике, и которая в то же время была уже хорошо знакома с рыночно-частнособственническим хозяйством. Возникла она в Китае еще в конце XIX в. и благополучно просуществовала, пережив ряд модификаций, до середины XX в., когда и начала гнуться и ломаться под нажимом экспериментов Мао, целью которых было изжить в этой структуре ее рыночно-частнособственнический пласт, оставив лишь модернизированный в сталинском духе традиционный восточно-деспотический. Крах маоистских экспериментов и всей сталинской модели в ее китайскомаоистской интерпретации как раз и означал возврат к смешанной домаоистской структуре, еще хорошо знакомой массе переживших маоизм китайских тружеников. Возврат, собственно, и обеспечил тот экономический эффект, которому не устают удивляться наблюдатели со стороны: измученный десятилетиями бесплодного труда на обезличенных огосударствленных предприятиях в городе и деревне китайский труженик с охотой взялся за производительный труд на себя. Но у импульса, о котором идет речь, были свои естественные пределы действия, причем очень скоро стало ясно, что пределы уже достигнуты.

Речь о том, что при смешанной экономике с преобладающими еще государственным сектором и командно-административной системой нет условий для подлинного расцвета рынка. И отнюдь не только потому, что в Китае нет демократических свобод.

Такого рода свобод долгие десятилетия не было и на Тайване, они вообще не свойственны традиционной китайской культуре. На Тайване после 1949 г. была достаточно деспотическая власть, по сути та же традиционная командно-административная система. Но коренным отличием ее от пекинской было то, что эта власть – наподобие, скажем, современной турецкой – изначально ориентировалась на еврокапиталистическую модель и потому активно поддерживала процесс становления частного капитала, собственности, предпринимательства. Пекинские власти в ходе реформ после Мао не могли себе позволить Открыто взять курс на капитализм, даже если бы захотели. С 1989 г. они отчетливо видели не внушающий оптимизма пример СССР, вступившего на путь структурной перестройки и быстрыми темпами обретавшего состояние нестабильности. Впрочем они и до этого вполне адекватно ощущали, что любое послабление в сфере социально-политической и идеологической, любая уступка требующим демократических реформ студентам и интеллигентам означали бы не просто дестабилизацию жесткой коммунистической структуры, но и быстрый развал страны. Не забывали они и об ответственности, которую каждый из причастных к власти после этого

должен был бы нести.

Собственно, к этому и сводится основная проблема развития страны после успешной реформы и убедительно проявивших себя первых ее результатов. Все дело в том, что у экономического развития по рыночно-частнособственническому пути есть своя жесткая внутренняя логика. Цены отпущены, значительная часть ресурсов и предприятий приватизирована, рынок заработал и набирает обороты. Обороты раскручивают гигантский механизм, который грозит серьезными осложнениями. Любому специалисту понятно, что сколько-нибудь развитый рынок несовместим с авторитарным режимом и с командно-административными формами контроля над страной. Всюду, где упомянутый рыночный механизм раскручивался, командноадминистративные структуры, до того энергично и целенаправленно его поддерживавшие, должны были уйти, сойти с политической сцены. Так было на Тайване, в Южной Корее, Турции. Необычность Китая в том, что механизм раскрутился, а представляющие командно-административную структуру коммунистические руководители уходить не хотят, да и не могут. В результате возникает эффект перегретого котла, вот-вот готового взорваться.

Стоит напомнить читателю, что «перегрев экономики» как термин вошел в официальную лексику Китая еще в середине 80-х. И термин вполне соответствовал реалиям. Экономика развивалась быстрыми темпами, а административно-политическая структура за ними не поспевала и сознательно делала все, что от нее зависело, дабы умерить темпы развития, грозившие снести все преграды. Создавалась явственная ситуация перенапряжения, рождавшая эффект массового дискомфорта. Производители напирали, управители с трудом сдерживали напор, а отражавшая интеллектуальный потенциал нации интеллигенция начинала все громче требовать демократизации, что на практике означало завуалированные требования к коммунистическому руководству уйти от власти. Требования эти в конце 80-х годов звучали год от года все громче, причем к ним прислушивались влиятельные лица в руководстве, включая генсека КПК Ху Яо-бана и сменившего его на этом посту Чжао Цзы-яна. Беда была в том, что у обоих генсеков не было той власти, что в других коммунистических странах обычно бывала у генеральных секретарей правящей партии. В Китае реальная власть продолжала оставаться в руках формально отошедшего от нее архитектора реформ Дэн Сяо-пина. И именно к нему, к Дэну, апеллировали недовольные партаппаратчики, вполне справедливо видевшие в возможных уступках демократическому напору начало конца режима.

Дэн Сяо-пин, насколько можно понять по ситуации, достаточно долго колебался. Он не мог не сознавать, что требование политических реформ разумно и справедливо, что без них, т. е. без приведения политической, социальной, правовой структуры общества в соответствие с энергичным движением по рыночно-частнособственническому пути, упомянутое движение застопорится, а «перегрев» внутри страны будет способствовать стагнации. Но он не менее четко сознавал – имея к тому же перед глазами то, что происходило в конце 80-х годов в СССР и Восточной Европе, – что согласие на радикальные политические реформы быстро приведет режим к краху с непредсказуемыми последствиями для страны. Выбор между Сциллой и Харибдой был сделан в пользу меньшего, как его понимали коммунистические руководители Китая, зла. Демократическое движение студентов, выплеснувшееся летом 1989 г. на улицы и площади Пекина, было раздавлено проехавшимися по живому на площади Тяньаньмынь танками. Студентов направили по вузам на идеологическое перевоспитание. Снова подняли голову махровые коммунистические реакционеры. Главным козырем обвинителей стали упреки демократам в том, что они – сторонники буржуазного либерализма, какими они в действительности и были (стоит заметить, что сам этот термин, будучи использован в соответствующем контексте, стал в Китае на рубеже 90-х годов не только идеологическим клеймом, но прямо-таки чем-то вроде ругательства).

Экономика Китая после 1989 г. продолжала развиваться, хотя и более сдержанными темпами. Все чаще сталкивалось это развитие с невидимыми преградами и очевидным противодействием, связанным с сохранением правящей однопартийной структуры и административнокомандного режима, отнюдь не отказавшихся от своих лозунгов и принципов. Более того, требование сохранения и усовершенствования «социализма с китайской спецификой» стало привычной нормой официальной лексики, как целиком сохранилась и

соответствующая этой лексике манера поведения правящих верхов. А после крушения СССР коммунистические верхи явно с облегчением вздохнули, поздравляя друг друга с их выбором в 1989 г. Впрочем, уже весной 1992 г. все тот же неутомимый Дэн Сяо-пин снова повернул руль в сторону продолжения радикальных реформ. Капитализм и буржуазный либерализм, похоже, скоро уже не будут клеймиться в Китае. Напротив, они станут маяком, ориентиром в пути. Это вполне ясно уже сегодня, в 1993 г.

Совершенно очевидно, что об успехах в движении по пути марксистского социализма не может быть и речи. Что же тогда такое «социализм с китайской спецификой»? Если кто-либо в современном Китае все еще полагает, что это и есть движение страны к светлому будущему в стиле Маркса и Мао, то он ошибается. Сегодня Китай в пути. Конечно, путь может продлиться еще долго – страна огромная и не спешит, даже нарочито тормозит. Но путь уже совершенно определен. Это общий для всего развивающегося мира путь, давно уже реализованный передовыми странами Дальнего Востока с его конфуцианскими цивилизационными ценностями, установками и традиционной моделью поведения. Это путь Японии и Тайваня, Южной Кореи и Сингапура. И разговоры о «социализме с китайской спецификой» в этой связи не более, чем камуфляж. Смысл же лозунга в том, чтобы выиграть время и предотвратить взрывчатый процесс, что так наглядно проявил себя в ходе детоталитаризации иных марксистско-социалистических режимов прежде всего СССР.

Китай идет по пути того самого буржуазного либерализма, с которым всех в этой стране еще призывают бороться. Иного пути у него нет по той простой причине, что без норм и институтов буржуазного либерализма (разумеется, в дальневосточной их модификации – японской, тайваньской и т. п.) не может быть простора для активной рыночно-частнособственнической экономики, а без такой экономики, как показал собственный столь дорого обошедшийся стране опыт последних десятилетий, нет выхода из нищеты и отсталости, нет и не может быть успехов в развитии. Но – с точки зрения руководства, от которого это прежде всего и зависит, – пусть страна идет по этому пути как можно медленнее и плавнее. Пусть уйдет в небытие поколение ветеранов войн и революций и займет свое место у руля правления страной следующее, более прагматичное поколение, все еще, как показывает опыт, приверженное коммунистическим идейным ценностям. За ним вскоре придут новые люди, для которых эти ценности будут уже относительными и которые не будут нести на себе груз ответственности за содеянное в ходе экспериментов. Вот им и карты в руки. Именно они и начнут поворачивать руль политических реформ, приводя административную практику в соответствие с требованиями рынка. По сравнению с сильно обогнавшими его соседями. Южной Кореей, Гонконгом или Тайванем, Китай запаздывает. Он слишком много времени и сил отдал не оправдавшим себя экспериментам. Но он уже идет по единственно верному пути и рано или поздно окончательно покончит с марксистским социализмом.

Вьетнам

К моменту капитуляции Японии во второй мировой войне наиболее серьезной организованной силой во французском Индокитае была компартия, руководитель которой Хо Ши Мин в сентябре 1945 г. возглавил временное правительство Демократической Республики Вьетнам. Правда, последующие события и процессы внесли свои коррективы и во многом изменили ситуацию. Франция способствовала формированию независимого от Ханоя южновьетнамского государства со столицей в Сайгоне, вследствие чего Вьетнам на долгие годы оказался в огне гражданской войны. После ухода французов из Индокитае в 1954 г. южновьетнамское правительство стало опираться на активную поддержку США, причем неудачи в борьбе с Северным Вьетнамом побудили США ввести во Вьетнам свои войска. Почти десятилетие, с 1965 по 1973 г., американцы принимали участие в войне во Вьетнаме, но успеха не добились. В 1975 г. пал Сайгон, и весь Вьетнам вновь оказался под контролем северовьетнамских коммунистов.

Распространение на южную часть страны с ее процветающим сайгонским регионом марксистской экономической модели в ее весьма жестком сталинско-маоистско-вьетнамском варианте привело к ликвидации там частной собственности и рынка и, как следствие, к быстрой

экономической стагнации. Конец 70-х – начало 80-х годов прошли во Вьетнаме под знаком нарастающего ухудшения экономического положения, несмотря на ту весомую помощь, которую оказывали этой стране СССР и другие страны марксистского социализма. Еще более ухудшилась обстановка во Вьетнаме после введения вьетнамских войск в Камбоджу и конфликта в связи с этим с Китаем.

Конфликт с Китаем побудил Вьетнам еще более сблизиться с СССР, который, однако, в 80-х годах уже был не в состоянии спасти Вьетнам от экономического краха, с каждым годом становившегося все очевиднее и ощутимее. В пришедшем после смерти Хо Ши Мина (1969) к власти руководстве возникли противоречия по вопросу о том, как выйти из кризиса, по какому пути пойти. Пример реформ в Китае был толчком к решительным действиям, а начало перестройки в СССР (1985) – сигналом для них. Смена руководства означала, что Вьетнам с его 65-миллионным населением готов к решительным реформам.

Экономическая реформа во Вьетнаме, во многом напоминая по духу ту, что была начата за несколько лет до того в Китае, принесла, причем достаточно быстро, существенные результаты. Рынок наполнился товарами, темпы развития стали быстро расти. Как и в Китае, некоторые слои населения пытались сочетать движение в сторону реформ с требованиями политической либерализации. Но вьетнамское руководство компартии, как и китайское, осталось твердым не столько в своих убеждениях, сколько в стремлении крепко держать власть в своих руках. Курс на социалистическое развитие формально продолжал декларироваться, хотя в реальности Вьетнам, как и Китай, на рубеже 80–90-х годов уже уверенно шел по рыночно-частнособственническому пути. Правда, движение его по этому пути было значительно медленнее и труднее, чем в Китае, да и сопровождалось оно прежними административными притеснениями. Не случайно многие вьетнамцы именно в эти годы стремились покинуть свою родину. Впрочем, Вьетнаму все же удалось выбраться из состояния кризиса, и ныне он демонстрирует экономические успехи, что, вопреки каждодневным лозунгам, убедительно доказывает в глазах его же собственного населения преимущества рыночного капитализма перед редистрибутивной системой марксистского социализма.

Северная Корея

В результате изгнания японцев из Кореи в 1945 г. эта страна обрела свою независимость. Но реалии послевоенного времени и советско-американское соперничество на Дальнем Востоке привели к тому, что в 1948 г. Корея оказалась разделена на две части вдоль 38-й параллели. В Северной Корее, находившейся в зоне влияния СССР, в 1948 г. была провозглашена Корейская Народно-Демократическая Республика, во главе которой стал офицер советской армии Ким Ир Сен. Достаточно быстро новый руководитель решительными мерами обеспечил себе диктаторскую власть в стране. Используя привычные методы тоталитарного режима, умноженные на восточно-деспотические традиции и культ социальной дисциплины среди населения, ставший президентом Ким добился абсолютного господства, сделался кем-то вроде живого бога для населения КНДР.

Введенный Ким Ир Сен режим существования не раз описывался очевидцами и не имеет себе равных. Абсолютный регламент со строгими проработками и жестокими наказаниями за его нарушения превратил страну с 22-миллионным населением в коммунистическую казарму, в реальное воплощение самых страшных утопий типа оруэлловской.

Индустриальная основа страны, заложенная и с успехом совершенствовавшаяся еще японцами, была реконструирована и усилена новым режимом. Высокая традиционная культура труда в сочетании с жесткой дисциплиной казармы позволила достичь определенных результатов в экономике. Пропаганда, закрывшая доступ людям к иным средствам массовой информации, кроме тех, что даются по официальным каналам, создала в стране культ великого руководителя, а заодно и его сына, которого Ким Ир Сен официально провозгласил своим наследником. Ветры перемен, охватившие на рубеже 80 – 90-х годов страны марксистского социализма, пока что обошли север Кореи. Здесь все по-прежнему. Однако престарелый президент не может не волноваться за будущее своего режима, не может не сознавать, что рано

или поздно изменения коснутся и КНДР. С одной стороны, он лихорадочно готовится к борьбе не на жизнь, а на смерть, ускоренными темпами создавая оружие массового уничтожения. С другой – стремится наладить контакты с процветающей Южной Кореей, тесных связей с которой он тем не менее боится как огня.

В конце 1991 г. Южная Корея заключила с КНДР соглашение о перемирии, ненападении, сотрудничестве и обменах, что призвано было способствовать снижению напряженности в отношениях между обеими частями в прошлом единой страны. Параллельно с этим американцы вывели из Южной Кореи подразделения, оснащенные ядерным оружием, и тем лишили КНДР оснований для продолжения работ над созданием атомной бомбы. Но в 1993 г. режим Кима демонстративно отказался от сотрудничества с МАГАТЭ, что означало неприятие любого контроля за его ракетно-ядерной программой. Не вполне ясно, как пойдут события дальше. Северная Корея явно приближается к состоянию кризиса.

Конфуцианская традиция и марксистский социализм

Все три только что охарактеризованные страны демонстрируют с некоторыми вариациями единую и весьма жесткую модель марксистского социализма. Эта модель создана на основе конфуцианских традиций, причем именно это обстоятельство многое в ней объясняет.

Прежде всего речь идет о сравнительной легкости создания и завидной устойчивости существования модели. Как-то очень просто и даже по-своему гармонично на конфуцианской административно-командной основе создавалась марксистско-социалистическая: никаких внутренних неразрешимых противоречий и несоответствий. Трудно сказать, что при этом сыграло решающую роль: то ли привычка уважать сильную власть и стабильную администрацию, то ли привычно пренебрежительное отношение к торговцам и собственникам, к частникам, против которых при всяком социальном кризисе обращалась ненависть народа в странах конфуцианской традиции; то ли, наконец, высокий, воспитанный тысячелетиями уровень социальной дисциплины, готовность не показным образом, а всей глубиной натуры, воспитанной на идеях великого Конфуция, почитать старших и мудрых. Как бы то ни было, но совершенно очевидно, что сила и авторитет власти сыграли при этом свою важную роль.

В странах ислама власть тоже сильна. Более того, держится в основном на силе. Но она не имеет того авторитета, даже если апеллирует к Аллаху. И это сказывается в момент решающих переломов, в период реформ. Некоторые из стран ислама тоже пытались реализовать марксистско-социалистическую модель – достаточно напомнить о Египте, Йемене, с оговорками можно вспомнить об Алжире, где социализм не вполне марксистский. Тупик, в который завело каждую из упомянутых стран движение в сторону марксистской модели, и связанная с этим необходимость реформ сразу же выявляли внутреннюю нестабильность власти, ее неавторитетность и ослабленность. Известен и результат. Нечто подобное происходит и в европейских странах марксистского социализма – с аналогичным результатом. Не то в странах конфуцианской традиции.

Несмотря на то что модификация марксистской модели здесь наиболее жестка, она оказалась достаточно жизненной и не ослабляет авторитета власти даже в момент серьезного кризиса. Ведь далеко не случаен тот факт, что в странах, о которых идет речь и которые оказались в том же тупике, реформы проходят если и не безболезненно, то во всяком случае без слишком радикальных осложнений, порождающих острую политическую нестабильность.

Практически сказанное означает, что конфуцианская традиция создает и хранит некий социальный ген устойчивости внутренней структуры. Это не значит, что конфуцианские страны не знали социальных катаклизмов. Напротив, они хорошо с этим знакомы. Но катаклизмы здесь – реакция на нарушение нормы, не более того. Эксперименты Мао, Хо или Кима не слишком нарушали привычную норму, а вынужденные реформы возвращали к этой норме. Неудивительно, что реформам в Китае и Вьетнаме сопутствует не кризис, а стабилизация и даже процветание. Другое дело, что после этого в силу вступает логика современного развития, суть которой сводится к неизбежной либерализации всей структуры во имя дальнейшего развития рыночно-частнособственнической экономики. При этом радикальная ломка привычной структуры неизбежна. Но, как показывает опыт иных стран конфуцианской

традиции, в условиях современных реалий и эта ломка вполне может вписаться в традицию и даже добиться дополнительных позитивных результатов за ее счет.

Глава 9 Монголия, Лаос, Камбоджа и Бирма

Это еще одна группа стран, развивавшихся определенное время по марксистско-социалистической модели, но их развитие шло на иной – буддийской – цивилизационной основе, отсюда и несколько иные результаты. Существенно также оговориться, что неодинаковы исходные позиции. Кочевники Монголии были силой втянуты в социалистические преобразования. Лаос и Камбоджа волею судеб оказались в зоне, где эти преобразования давно уже происходили. Что же касается Бирмы, то она избрала свой и достаточно особый путь к социализму, причем социализм по-бирмански – это не вполне марксистский социализм, хотя кое-что от него и было заимствовано. Но взглянем на каждую из только что перечисленных модификаций отдельно.

Монголия

Монголы вплоть до XX в. оставались кочевниками. Монгольские ханы – как и бедуинские шейхи – были, к слову, не феодалами, как их подчас считают и именуют, а едва вышедшими за пределы первобытности племенными вождями, главами протогосударственных образований, выше уровня которых кочевники подняться не в состоянии именно в силу их образа жизни. Таким был уровень существования подавляющего большинства монголов в начале XX в. несмотря на то, что страна и народ в XIII–XIV вв. знавали лучшие времена и что распространившийся в Монголии буддизм, равно как и имевшаяся у них собственная письменность, являли собой необходимый фундамент для дальнейшего развития.

Собственно, развитие такого рода понемногу и шло. Еще в XVIII–XIX вв. территория Монголии была уже не только царством кочевников. Существовали крупные монастыри, рядом с которыми строились жилые дома, возникали городские сооружения, развивались ремесла и торговля. Правда, ремесло, торговля и городской образ жизни во многом были связаны не с самими монголами, а с оседавшими в Монголии иностранцами. Но факт остается фактом: страна развивалась, причем все большее количество монголов становились городскими жителями. А после революции 1911 г. в Китае, частью которого в то время была Монголия, создались даже условия для возникновения самостоятельного монгольского государства, во главе которого стал самый уважаемый в то время в стране человек – духовный глава монгольских буддистов.

После переворота 1921 г. в столице Монголии Урге страна стала народной республикой и оказалась под сильным влиянием СССР, без ведома и согласия руководителей которого местные власти, как правило, не принимали сколько-нибудь важных решений. Советское влияние позволило монголам, во всяком случае многим из них, уйти от первобытного кочевого быта. С помощью советских специалистов и рабочих в богатой ресурсами стране было построено несколько крупных предприятий, особенно в сфере горнодобывающей промышленности. С помощью советских тракторов распахивались целинные земли, на которых дети кочевников учились вести земледельческое хозяйство. Разумеется, вся экономика страны контролировалась государством и принадлежала ему, а сельское хозяйство строилось по советской модели. По этой же модели развивались политическая структура, социальные отношения – словом, все, вплоть до беспредельной власти репрессивных органов. Известно, что около 70% лам в стране, где существовала традиционная норма одного из сыновей отдавать в монастырь и обучать там, дабы он стал монахом, ламой, было физически уничтожено. Соответственно разрушались и храмы.

Конец 80-х годов прошел в Монголии под знаком серьезного и всестороннего кризиса. Непопулярная власть, лишившись поддержки советского руководства, которому было уже не

до этого, стала быстро сдавать позиции. В стране формировалась оппозиция, благо количество грамотных и образованных городских жителей в этом двухмиллионном государстве было уже достаточно внушительно. Активизация оппозиции и широкое движение за демократические реформы привели к решительным преобразованиям в стране. Начало 90-х годов проходило в обновленной Монголии под знаком многопартийного плюрализма. В Монголии быстро стали осуществляться радикальные реформы, широким фронтом шла приватизация, создавались мелкие и средние частные предприятия, была сокращена армия, энергично росло национальное самосознание, выразившееся прежде всего в прославлении национального героя монголов Чингисхана.

Сегодня Монголия достаточно уверенно смотрит в будущее. Имея не такой уж плохой для слабой в общем-то страны доход на душу населения (ок. 500 долл.), она активно прибегает к иностранной помощи, открывает простор для инвестиций и очень рассчитывает на то, что ее богатейшие природные ресурсы в скором времени смогут обеспечить стране высокий экономический стандарт. Не приходится и говорить, что восстанавливается монастырская инфраструктура, увеличивается количество новых лам и возрождаются утраченные было нормы и ритуалы монголо-тибетского буддизма.

Камбоджа⁵⁶

Камбоджа была признана независимым государством по условиям Женевского соглашения 1954 г. Поначалу страну возглавлял король Н. Сианук, который затем отрекся от престола и остался во главе страны в качестве ее президента. В 1970 г. в результате военного переворота к власти пришло правительство Лон Нола, что вызвало реакцию со стороны коммунистического подполья. Захватив в 1975 г. власть в стране, коммунистические отряды красных кхмеров под водительством Пол Пота превратили свою небольшую страну (сегодня в ней ок. 8 млн. населения) в полигон для страшного социального эксперимента, перед которым отходят на задний план даже те, что осуществляли Ким Ир Сен в КНДР или Мао в Китае. Кровавый эксперимент Пол Пота привел к уничтожению всех камбоджийских городов с их промышленностью и развитой инфраструктурой, к физической ликвидации миллионов людей, прежде всего образованных и специалистов, к превращению страны в огромный концлагерь, где безнаказанно распоряжались красные кхмеры. Для полпотовцев, ориентированных на ценности марксистского социализма, жизнь человека ничего не стоила: чтобы не тратить пули, людей убивали лопатами и иными подручными средствами, морили голодом, не говоря уже об изощренных издевательствах. Стоит заметить в этой связи, что попытки коммунистов ряда стран, прежде всего советских, отмежеваться от этих преступлений и не увидеть в них родственные всем коммунистическим диктатурам репрессии малоубедительны. Конечно, кхмерский красный террор может восприниматься как карикатурный, но если присмотреться и сравнить его с тем, что стало известно, скажем, о нашем собственном красном терроре за последние годы открытых публикаций и разоблачений, то сомнений в родстве не будет. Источник убеждений красных кхмеров, равно как и их бесцеремонности и неуважения к жизни людей, все тот же – марксистская теория диктатуры пролетариата, идея уничтожения враждебных классов и вообще всех врагов революции, к которым, как известно, можно отнести любого, кто сам не убивает лопатой (а при случае и его самого тоже).

В начале 1979 г. в результате сложной борьбы политических сил (кхмеров поддерживал Китай, Вьетнам склонялся к тесному союзу с СССР) вьетнамская армия вошла в Камбоджу, после чего остатки полпотовцев вынуждены были уйти в пограничные с Таиландом горные районы, а власть в стране оказалась в руках немногих случайно оставшихся в живых образованных камбоджийцев, прокоммунистически настроенная часть которых объединилась в Единый фронт национального спасения. Была создана народная республика, гарантом независимости которой стал Вьетнам.

Освобожденная от полпотовцев Камбоджа лежала в руинах. Все следовало воссоздавать

⁵⁶ Одно время, в 70 – 80-х годах, страна именовалась Кампучией.

заново, причем в первую очередь с помощью Вьетнама, который тем самым взял на себя ответственность за все камбоджийские дела. Это вызвало, как известно, международные осложнения: новое правительство Хун Сена не было признано в ООН. Сианук и Китай активно выступали против его признания, видя в нем марионетку Вьетнама. Началась длительная эпоха переговоров и поисков компромисса, в которые были вовлечены многие страны мира, как соседние с Камбоджей, так и весьма далекие от нее. На рубеже 80 – 90-х годов наметились контуры решения проблемы. Были выведены из Камбоджи вьетнамские войска, и на специальных конференциях и встречах заинтересованных сторон выработано решение, суть которого сводилась к тому, что представители всех сторон возвратятся в Пномпень и получают свое определенное место в коллегиальном органе, призванном временно управлять страной и подготовить намеченные на 1993 год выборы. Во главе страны вновь стал Сианук.

Конец 1991 г., когда этот план начал реализовываться, был отмечен в Пномпене и всей Камбодже серией энергичных реформ, направленных на развитие страны по рыночно-капиталистической модели. Были приватизированы предприятия, открыт путь для иностранных инвестиций и приглашены вернуться в страну покинувшие ее в свое время бизнесмены как кхмерского, так и китайского происхождения (китайцы всегда имели прочные экономические позиции в хозяйстве Камбоджи). Словом, был открыт путь для возрождения Камбоджи. 1992 год принес, однако, немало разочарований и был отмечен усилением в стране позиций красных кхмеров. Политическая обстановка в год выборов (1993) заметно накалилась.

Лаос

В Лаосе, добившемся, как и Камбоджа, независимости по условиям Женевских соглашений 1954 г., уже в 60-х годах создалась обстановка острой политической нестабильности. Борьба враждующих группировок в этой небольшой (ок. 4 млн. чел.) и отсталой стране вела к расколу и гражданской войне. Тот самый 1975 год, который был годом падения сайгонского режима и триумфа в Камбодже красных кхмеров, сыграл роковую роль и в судьбах Лаоса – стоит напомнить в этой связи о так называемой теории домино, которая часто поминалась политиками в то время и смысл которой сводился к тому, что падение южновьетнамского режима неизбежно повлечет за собой крушение нестабильных режимов в соседних странах (примерно так, как упавшая костяшка домино, когда несколько из них стоят на ребре рядом друг с другом, приведет к падению всех остальных). Это предсказание, как известно, сбылось, во всяком случае в том, что касается Камбоджи и Лаоса.

В 1975 г. коммунистически настроенные повстанцы одержали победу над всеми своими соперниками и провозгласили Лаос народно-демократической республикой. Ведущим сектором экономики стал государственный, были национализированы банки, поставлена под строгий контроль мелкая частная собственность и декларировано движение к социализму марксистского толка. Лаос счастливо избежал катастрофы, подобной той, что принесли в Камбоджу красные кхмеры. Но отсталая его экономика пришла в результате марксистско-социалистического эксперимента в еще более убогое состояние. Дух реформ конца 80-х годов способствовал тому, что к такого рода реформам приступили и в Лаосе, благодаря чему тяжелое экономическое положение стало понемногу выправляться.

Бирма (Мьянма)

Бирма (ок. 40 млн. чел.) несколько отличается от группы стран с ориентацией на марксистскую модель социализма. Разница прежде всего в том, что в других странах во главе соответствующих партий, правительств и преобразований стояли коммунисты (даже если сами партии при этом именовались несколько иначе). В Бирме было по-другому. Коммунисты с 40-х годов существовали и здесь, причем в виде различных групп, включая и организации экстремистского толка. Но в дальнейшем они предпочли позицию борьбы с существующим правительством, подчас вооруженной борьбы, три всем том, что в первые годы после войны входили в состав правящей Антифашистской лиги народной свободы. Впрочем, изменялись и позиции лиги, равно как и составлявшей ее ядро социалистической партии.

Первое десятилетие ее власти (1948–1958) прошло под знаком укрепления государственной экономики и борьбы с вооруженной оппозицией, включая коммунистов. Но добиться экономических успехов в состоянии перманентной вооруженной борьбы было невозможно, что и привело к политическому кризису в конце 50-х годов. Вначале гражданское правительство У Ну было заменено военным, во главе с генералом Не Вином, причем военные и поддерживавшие их силы взяли курс на некоторую демократизацию в стране. Затем на недолгое время возвратилось гражданское правительство У Ну, что, впрочем, привело к нарастанию кризисных явлений в экономике и политике, а в марте 1962 г. в Бирме был совершен военный переворот, и власть снова попала к Не Вину – на сей раз в качестве главы Революционного совета. Буквально через несколько недель после захвата власти Революционный совет опубликовал программу «Бирманский путь к социализму», под лозунгом реализации которой Бирма существует вот уже около 30 лет.

Суть программы сводится к отказу от парламентарной демократии и эксплуатации человека человеком, к национализации основных средств производства и провозглашению экономической основой нового общества государственной и кооперативной собственности. Частное предпринимательство резко ограничивается, а рабочие и крестьяне провозглашаются опорой нового социалистического строя. Декларация звучит вполне в духе, который привыкли воспринимать в качестве нормы все те партии и страны, где шло развитие по марксистско-социалистическому пути с ориентацией на сталинскую модель. Это означает, что при всей специфике ситуации в Бирме (коммунисты не в правительстве, а в вооруженной оппозиции) официальный курс был близок к тому, который провозглашался взявшими власть коммунистами. И именно этот курс стал реализовываться в стране.

Национализация иностранного и крупного капитала, ликвидация экономических позиций землевладельческой знати, серьезное ограничение возможностей национальной буржуазии, объявление государственных монополий в ряде важных сфер хозяйства, затем едва ли не полная национализация всех предприятий в стране и введение такой налоговой системы, которая ограничила частное накопление, – все эти и другие шаги привели на рубеже 60 – 70-х годов к превращению экономики Бирмы в государственную. Государство же, со своей стороны, приняло ряд мер для развития инфраструктуры, сельского хозяйства, системы трудового законодательства, образования и т. п. Неудивительно, что уже на рубеже 60–70-х годов стали обозначаться первые серьезные проблемы, резко упали экономическая эффективность и темпы роста экономики. Подрыв позиций мелкого производителя в городе и деревне привел к упадку рынка и товарного производства и соответственно к расцвету черного рынка и теневой экономики. Появились инфляция и заметная безработица, причем все это сочеталось с непрекращавшейся внутривнутриполитической нестабильностью. Лидеры созданной в 1964 г. Партии бирманской социалистической программы во главе с Не Вином предпринимали усилия для урегулирования своих взаимоотношений с оппозицией, во всяком случае в первые годы существования новой партии. В народе пропагандировались идеи бирманского социализма, заметно окрашенного в привычные буддийские тона. Опорой партии стали народные советы. Все иные партии в стране были запрещены, причем эти нововведения были официально закреплены конституцией 1974 г.

Последующий ход событий показал, что жесткая линия на ограничение частного сектора и свободного рынка не может быть компенсирована апелляцией к буддийским традициям. Кризис в стране нарастал. Темпы развития были неудовлетворительными, росло сопротивление, прежде всего со стороны студенчества. – Ответом на недовольство были репрессии, но они уже не помогали. Позиции правительства становились все слабее. В стране нарастал взрыв. Под давлением народного возмущения военные в 1988 г. вначале были вынуждены отступить, но затем достаточно быстро пришли в себя и стали укреплять свою власть. Было объявлено о введении новых принципов управления, проведены некоторые реформы экономического характера, открывшие простор для рыночных отношений. Было дано согласие на восстановление норм парламентской демократии на многопартийной основе. Страна получила новое имя (Мьянма – впрочем, это новая транскрипция ее имени) и ждала выборов, состоявшихся в 1990 г.

На выборах неожиданно для властей одержала решительную победу Национальная демократическая лига во главе с дочерью национального героя Бирмы Аун Сана – Су Чжи. Генералы, фактически правящие страной, не признали их результата и отказались передать власть Су Чжи и ее сторонникам. Более того, руководители Лиги оказались под арестом, причем сама Су Чжи была взята под домашний арест еще до выборов, в 1989 г. Опираясь на первые достигнутые в результате реформ экономические успехи, генералы упорно держатся за власть и лишь туманно обещают в будущем созыв Учредительного собрания, которое должно решить политические проблемы. Присуждение Су Чжи осенью 1991 г. Нобелевской премии мира не повлияло на их позиции и даже не помогло лауреату освободиться из-под ареста.

Марксистский социализм в странах буддизма

Таковы четыре страны, из которых три небольшие демонстрируют неординарные модификации одной и той же марксистско-социалистической модели развития на фундаменте цивилизации буддизма. Много неординарно в этих странах. Сильно различается цивилизационный фундамент, весьма слабый в культурном плане у кочевников Монголии или горцев Лаоса и много более мощный, уходящий корнями в глубь тысячелетий – у кхмеров и бирманцев. Еще более разительны отличия в судьбах. Красные кхмеры не поколебались самым зверским образом уничтожить миллионы своих сограждан, убивая их просто за то, что те не отвечали признанному ими за норму стандарту. Монголы терпеливо и вынужденно ждали часа своего освобождения и в этом смысле мало чем отличались от любой из азиатских республик СССР. Бирманцы долгие десятилетия находились под жестким гнетом власти военных. Лаосцы почти покорно испытывали на себе очередные удары судьбы, во многом зависевшие от политической конъюнктуры и баланса сил вне своей страны. Но что общего у всех этих стран, даже имея в виду все особенности и контрасты?

Общим был и остается цивилизационный фундамент, во многом предопределивший принципиальный характер социальных отношений и государственной власти. Преобладающей чертой социума являются здесь веками воспитывавшиеся буддизмом терпеливое смирение, покорность, готовность к страданиям. Правда, сквозь привычную покорность порой прорывается и готовность к сопротивлению, как например, в Бирме в конце 80-х годов. Да и далеко не одни буддисты вынуждены склоняться перед жестокой силой. Но, тем не менее, обстоятельства, когда сотни тысяч и миллионы людей покорно дают убивать себя лопатами и не пытаются восстать, вооружившись хотя бы теми же лопатами, говорят сами за себя. В мире ислама, в Китае в годы социальных катаклизмов люди вели себя в аналогичной ситуации иначе.

Впрочем, у только что отмеченной цивилизационной особенности буддийских стран есть и иной аспект: буддистов трудно воодушевить и заставить с энтузиазмом строить светлое будущее. Китайцев или мусульман – легче, как, к слову, и европейцев. Те, кто привык не очень-то ценить земную жизнь и в чьи цивилизационные ценности входит видеть светлое будущее в иной жизни, не проявляют подобного энтузиазма. А это неизбежно сказывается на манере поведения и жизненных стандартах, обрекая любую марксистско-социалистическую модель даже в момент развития ее по восходящей линии на вялость. Другое дело – рыночно-частнособственнические отношения, не требующие особого энтузиазма и удовлетворяющиеся размеренным трудом собственника. Пусть не слишком быстро, но эта стихия и в странах буддизма способна проявить себя и дать должный эффект, как то будет показано ниже на примере буддийского Таиланда.

В целом сравнение модели марксистского социализма на конфуцианском и буддийском цивилизационном фундаменте демонстрирует существенное различие именно в основах, причем оно, это различие в основах, весьма отчетливо сказывается на результатах. И Китай, и Вьетнам, и Северная Корея в процессе развития марксистско-социалистической модели по восходящей, т. е. на первых ее порах, когда она еще не выявила своих органических внутренних пороков и даже могла зажечь сердца людей энтузиазмом и верой в светлое будущее, продемонстрировали определенные успехи. Ни одна из стран с буддийской цивилизационной основой этим не может похвастать. Правда, кое-чего в плане развития достигла за семьдесят лет

Монголия. Но здесь нужно принять во внимание не только советскую помощь, но и постоянную советскую опеку, которая позволяет, как упоминалось, приравнять в этом смысле Монголию к обычной советской азиатской республике, что в корне меняет точки отсчета и оценки.

Разумеется, здесь следует учитывать и разницу в исходном уровне. Страны конфуцианской традиции в этом смысле были значительно более подготовленными к рывку вперед. Однако, даже имея это в виду, нельзя не заметить тех различий, о которых упоминалось. Но при всех различиях судьбы обеих групп стран в принципе все же одинаковы: развитие по марксистско-социалистической модели оказалось в конечном счете экономически неэффективным и социально деструктивным как для стран конфуцианской традиции, так и для стран буддийских. Печальный итог в обоих случаях однозначен, как одинаково несомненно и то, что теперь уже выбраться из ямы, куда они попали в результате эксперимента, все те страны, о которых идет речь, могут лишь при решительном курсе на развитие рыночно-частнособственнической экономики. Соответственно должны быть решительно перестроены социально-политическая система, стратегические установки, привычные стереотипы и т. д. Собственно, именно это все страны, кроме разве что Северной Кореи, и делают, каждая по-своему, своими темпами. Это касается и Бирмы, и Китая, где власти все еще формально отказываются признать поражение своего курса. Но жизнь возьмет свое – собственно, это уже и происходит.

Глава 10

Страны Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока: путь капиталистического развития

Группа стран, о которых теперь пойдет речь, весьма противоречива и неоднородна. Объединяет их одно – развитие по капиталистическому пути с ориентацией на японскую модель развития. Под термином «японская модель» имеется в виду развитие с учетом собственных традиций по пути, соответствующему в основных своих параметрах еврокапиталистическому стандарту. Как показывает практика, с точки зрения результатов это для стран Востока оптимальный путь развития. Сложность, однако, в том, что страны, ориентирующиеся на такую модель, различны, в том числе и по традициям, что, естественно, сказывается на результатах. В соответствии с этим и будут группироваться страны. Начать следует с эталона, дабы в последующем был ориентир.

Япония

О феномене Японии уже достаточно подробно шла речь в предыдущей части работы. Обратим внимание на то, что особенно выпукло характеризует Японию сегодня и составляет суть той японской модели развития, которая является ныне ориентиром для многих стран Востока. Итак, что же такое современная Япония?

Прежде всего – очень быстро и динамично развивающееся богатое и процветающее государство, современное поколение жителей которого (ок. 125 млн.) уже полностью вкусило плоды упорного труда своих предшественников. Для экономики страны характерны высокие темпы прироста; очень высокий (выше, чем в США) объем ВВП на душу населения, первоклассная промышленность, повсеместно вытесняющая конкурентов с мирового рынка, высший класс качества изделий, невиданный подъем научно-технического стандарта, превративший Японию в центр науки и техники завтрашнего дня, великолепно развитое сельское хозяйство, обеспечивающее на скудных почвах маленькой страны все ее большое население необходимыми продуктами, невиданная по степени развития инфраструктура, включающая лучшие из современных дороги, транспортные средства и т. п., высококачественную систему народного образования, здравоохранения, социального обеспечения. Этот перечень можно продолжить, перечисляя все японские достижения мирового

класса. Разумеется, все это не означает, что у Японии нет проблем. Они есть и проявляются в болезненной напряженности людей, стремящихся не отстать от быстрых темпов прогресса, в невозможности для части молодежи выдержать общепринятый темп и объем усваиваемых в школе или вузе знаний, в росте непривычного для традиций этой страны отчуждения людей, уставших от напряженной погони за стандартом. Но согласимся, эти проблемы иные, нежели у развивающихся стран вчерашнего традиционного Востока. Иной стандарт жизни, иные реалии и совсем иные проблемы.

Традиция и воспитанная ею высокая культура труда, корпоративная дисциплина общежития способствуют достижению тех успехов, коими по праву может гордиться современная Япония. За счет этой традиции достигается высокое качество продукции при сохранении социальной гармонии во взаимоотношениях старших и младших (важнейший принцип конфуцианства!), особенно в рядах средней фирмы, каждая из которых в современной Японии являет собой все ту же традиционную конфуцианскую разросшуюся семью с общими интересами и полным взаимопониманием. Доблесть и достоинство самурая, трансформировавшиеся в этику инженера, ученого, предпринимателя, политического и общественного деятеля, способствуют сохранению высокого стандарта самоуважения и отношений в обществе, что дает дополнительный импульс немалой силы для достижения все новых успехов.

Политическая система современной Японии основана на многопартийной парламентской демократии с сохранением императора в качестве главы государства. Практически неизменно господствует на выборах и формирует правительство одна ведущая либерально-демократическая партия, что свидетельствует об устойчивости политических симпатий избирателей и завидной внутривластной стабильности страны. Государство в современной Японии – весьма активный политическо-правовой институт, заботливо стоящий на страже интересов общества, прежде всего цветущей национальной экономики. Оно постоянно покровительствует бизнесу, заботится о выгодной структуре экспорта и импорта, активно поддерживает мелких собственников, не забывает о народном образовании, культуре и прочих жизненно важных потребностях населения.

Важно заметить, что национальное процветание сыграло решающую роль в отмирании японского милитаризма, чему способствовала и буква послевоенного мирного договора, запретившего Японии иметь большую армию. Нет у Японии и территориальных притязаний, если не считать некоторых и обоснованных претензий на группу южнокурильских островов, силой отобранных у Японии в конце войны без закрепления этого акта в общепризнанных документах международного права. Словом, традиционный военный дух самурайской Японии на глазах уходит в прошлое. Соответственно меняется, особенно за последние полвека, и все японское общество. Разумеется, традиции чтутся, но многие из них на глазах превращаются в раритеты наподобие знаменитых гейш или заметно трансформируются в новых условиях жизни. В то же время обращает на себя внимание стремление японцев продолжать учиться у развитых стран Запада, перенимая все современные достижения мировой науки, техники, технологии, при всем том, что во многих отраслях знаний и достижений японцы уже опережают других.

Давно ушло в прошлое время, когда на Японию смотрели как на любопытное и почти экзотическое явление, как на страну, способную лишь на жестокости и насилия. Сегодня Япония совсем иная – и другое к ней отношение. На эту страну смотрят с замиранием сердца. Едут туда, как в Мекку. Уже ничто японское не удивляет – люди привыкли ожидать новое, интересное, необычное, феноменальное именно оттуда. Этому активно содействует и сама Япония, чьи товары заполнили мир, чьи предприятия и капиталы осваивают новые рынки, чьи туристы занимают заметное место среди людей, посещающих разные страны мира. Такова Япония сегодня, если обратить внимание именно на то, что наиболее показательно характеризует японскую модель как ориентир для других.

Страны, следующие по японскому пути (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур)

Перечисленная группа стран, включая и такие территории, как Тайвань и Гонконг, которые формально не имеют самостоятельного политического статуса (или, как в случае с Тайванем, имеют не вполне ясный с точки зрения международного права статус), но фактически являют собой вполне самостоятельно существующие политические образования, – это как раз те четыре страны конфуцианской цивилизационной традиции, которые и демонстрируют ныне, наряду с Японией, потенции дальневосточной цивилизации. Что представляют собой эти страны?

Они достаточно разные. Две наиболее крупные из них, **Южная Корея** (43 млн. жителей) и **Тайвань** (20 млн.), принадлежали на протяжении ряда десятилетий, вплоть до конца 80-х годов, к числу политически весьма жестких, авторитарных структур. Военные правители Кореи или десятилетиями бессменно находившийся у власти сын Чан Кай-ши Цзян Цзин-го являются олицетворением такого рода режима. Однако в обеих странах сильное и жестко осуществлявшее свою власть государство, опиравшееся на однопартийную систему с ограниченными прерогативами парламента и с президентским правлением, не менее энергично и активно, чем государство в Японии, поддерживало частное предпринимательство и иные соответствующие еврокапиталистическому стандарту условия развития экономики, опирающейся на свободный рынок с конкурентной борьбой.

Этот отчетливо фиксированный курс в сфере экономической политики сыграл свою роль и способствовал развитию в обеих странах капитализма, приобщению к нормам капиталистической экономики основной массы населения как в городе, так и в деревне. По мере развития и убыстрения темпов капиталистического развития в обеих странах осваивались, как и в Японии, передовые наукоемкие отрасли современного производства, что способствовало включению творческого потенциала населения, уровень образованности которого год от года рос. Традиционная культура труда, проявленная и в учении, и в работе на предприятиях, приносила, как и в Японии, свои плоды. И хотя не все фирмы на Тайване или в Южной Корее формировались по японскому патерналистскому стандарту, значительная часть их была именно такой – сказалась общая для рассматриваемой группы стран конфуцианская традиция. Это обстоятельство способствовало стабилизации экономических успехов и наращиванию научнотехнического потенциала. : Различна политическая ситуация в обеих странах. На Тайване она отличается покорностью населения властям и весьма незаметной ролью социального протеста населения. Только в самые последние годы в связи со смертью Цзян Цзин-го на передний план стали выходить оппозиционные настроения и соответствующие политические тенденции, что постепенно ведет к сложению на острове новой внутривластной ситуации, включая не формальную, а политически реальную многопартийную структуру. В частности, создается весьма влиятельная политическая сила сепаратистов, готовых к отказу от претензий на единство с КНР, ассоциирующихся с годами правления гоминьдановцев. И хотя власть гоминьдановцев пока не поколеблена, что было – подтверждено выборами на многопартийной основе в конце 1991 г., сепаратистские тенденции все же усиливаются. Не вполне ясным остается и статус острова: КНР не только не отказывается от прав на него, но и весьма твердо дает понять, что никогда от них не откажется. Будущее острова в свете сложностей его статуса неясно. Но одно несомненно: Тайвань за десятилетия параллельного с КНР существования в качестве части великого Китая, активно развивающейся по капиталистическому пути, убедительно доказал преимущества этого пути (ныне доход на душу населения здесь минимум в 10 раз выше, чем в КНР, при примерно равной исходной позиции в 1949 г). К слову, это сопоставление играет не последнюю роль в выборе того направления, по которому ныне следует Китай.

Южная Корея являет собой нечто иное. Сильная авторитарная власть здесь вот уже несколько лет назад была ослаблена в результате энергичного протеста населения, особенно бунтующего студенчества. Это сыграло определенную роль в вынужденном отказе властей от авторитарных форм правления. Признание роли оппозиции и введение многопартийной системы способствовали заметному изменению в политической структуре, сближению этой структуры с привычной еврокапиталистической. Но если оставить в стороне руги и способы достижения нового качества (в Корее это студенческое движение, на Тайване – оживление

оппозиции после смерти президента Цзяна), то суть дела обнажится более отчетливо. Она сводится к тому, что на определенном витке развития по капиталистическому пути авторитарный режим, до того вынужденно необходимый в странах с неподготовленными к новому стандарту жизни массами местного населения, уступает свое место более демократическим формам правления в новых условиях. Примерно такой же путь продемонстрировало в свое время и японское государство. Более быстрыми темпами развитие по этому же пути, уже изведанному, демонстрируют Тайвань и Южная Корея.

Что касается **Гонконга** и **Сингапура**, то здесь несколько иная ситуация. Разница в том, что оба мелких политических образования (формально остающийся еще колонией Британской империи Гонконг с его 6 млн. жителей и сравнительно недавно, в 1965 г., ставший независимым Сингапур с его 3-миллионным населением) обязаны своим процветанием выгодному стратегическому положению. Это торговые форпосты на важных морских путях. Впрочем, геополитическое положение было лишь стартовой основой, не более того. Последующее развитие обеих территорий во многом связано со все теми же цивилизационными особенностями этих населенных в основном китайцами районов Азии. Здесь не было жестких авторитарных режимов, но не было и сжатых исторических сроков для важных внутренних преобразований. Гонконг и Сингапур с прошлого века, были колониями Англии, которая здесь, как и в других своих колониях, вела курс на сближение местных условий с еврокапиталистическим стандартом. Этот курс на протяжении более чем века не мог не дать определенных результатов, так что последние десятилетия развития (в том числе в Сингапуре уже в условиях независимости) были лишь заключительным аккордом: импульсы колонизационной политики и цивилизационный потенциал местного населения совпали по вектору, что и обусловило результат.

Если попытаться сопоставить между собой все четыре страны, о которых идет речь, то на первое место, пожалуй, выйдет Южная Корея – и по темпам развития, и по его результатам. Ныне южноКорейская экономика уже наступает на пятки японской, а крупнейшие ее фирмы занимают почетное место в ряду первых десятков богатейших корпораций мира. Считается, что по уровню и темпам развития корейская экономика отстает от японской лишь на десять – пятнадцать лет, причем разрыв этот имеет тенденцию к сокращению (речь не об отсталости промышленности, но лишь об общем стандарте экономики). Тайвань, в еще большей степени Сингапур и тем более Гонконг несколько отстают, хотя каждая из этих стран стремится взять свое. Что касается Гонконга, то его производство и торговая марка по сравнению с японской, южнокорейской и тайваньской считаются стоящими ниже: аналогичные изделия и стоят дешевле, и ценятся меньше. Не вполне способствует устойчивости и репутации торговой марки гонконгских предприятий статус территории: в конце XX в. Гонконг станет частью КНР. И хотя Китай заинтересован в том, чтобы Гонконг еще долго оставался тем форпостом капитализма в Китае, каким он сейчас является, ситуация тем не менее является более чем сомнительной, что и сказывается на результатах: гонконгские капиталисты и фирмы уже подыскивают для себя новые места обитания.

Иное положение в Сингапуре, расположенном на крошечном острове, который усилиями трудолюбивого своего населения превращен если и не в рай, то во всяком случае в весьма ухоженное место для жизни. По-прежнему извлекая огромные доходы из своего выгодного расположения] остров вместе с тем форсирует наращивание производства в тех Отраслях экономики, которые наиболее соответствуют его положению), его возможностям.

В целом же, несмотря на заметные различия, все четыре страны обычно ныне рассматриваются и оцениваются в рамках единого блока, что вполне справедливо, ибо все они развиваются по единой общей японской модели на сходной цивилизационной основе. Это не значит, однако, что иная цивилизационная основа обязательно меняет дело кардинальным образом. Здесь многое зависит от обстоятельств. При благоприятных обстоятельствах даже сравнительно слабый импульс со стороны конфуцианской цивилизации – имеются в виду хуацяо – может сыграть решающую роль в развитии по японской модели, как то продемонстрировали некоторые страны Юго-Восточной Азии.

Четыре государства Юго-Восточной Азии, о которых теперь пойдет речь, являют собой нечто вроде второго эшелона стран, активно развивающихся по капиталистическому пути – с ориентацией на японскую модель – и добивающихся при этом заметных результатов. У всех этих стран немало общего: парламентский демократический многопартийный режим (при президентском либо конституционно-монархическом правлении), курс на развитие частнособственнического предпринимательства и свободного рынка, опора на поддержку со стороны развитых стран и открытость для внешних инвестиций. Но самым основным для всех них общим фактором, сыгравшим решающую роль в процессе развития, следует считать определенное место хуацяо в экономике.

Таиланд (ок. 55 млн. населения) – единственная из стран региона, не бывшая колонией, – после второй мировой войны открыл свои рынки для иностранного капитала, особенно американского, что принесло свои результаты и способствовало ускоренному промышленному развитию. К этому уже в 50-х годах была добавлена американская экономическая и военная помощь, масштабы которой были весьма существенны хотя бы потому, что территория страны служила плацдармом для противостояния США странам Индокитая, избравшим марксистскую модель развития. Вплоть до 70-х годов внутривнутриполитическое положение страны было неустойчивым, что нашло свое отражение в спорадических военных переворотах. Государственный сектор в экономике был весьма значительным, а злоупотребления в этой сфере со стороны военнотбюрократических верхов были столь велики, что время от времени вызывали грандиозные скандалы. Естественно, это не вело к быстрому и эффективному экономическому развитию. Ситуация заметно изменилась в конце 70-х годов, когда очередной государственный переворот привел к принятию новой конституции, восстановившей принципы конституционной монархии (заложенные еще в 1932 г.), в том числе многопартийную систему и парламентскую демократию. Попытки поколебать эту систему, предпринятые было военными в 1991 г., потерпели крах в 1992 г.

Последние годы характеризуются уверенной поступью страны по пути промышленного развития и стремлением ее правительства наладить добрососедские отношения с окружающими ее странами, в первую очередь с Лаосом и Камбоджей. Как известно, остатки войск красных кхмеров вплоть до 1992 г. пребывали в пограничных с Таиландом районах Камбоджи, так что от позиции этого государства зависело достаточно многое. Тенденция к урегулированию конфликта в Камбодже проявилась на рубеже 80 – 90-х годов, в частности, в том, что Таиланд продемонстрировал добрую волю и внес свой вклад в решение камбоджийской проблемы.

Для современного развития Таиланда характерно не только наращивание производства и экспорта сельскохозяйственной продукции (риса и каучука), но также и энергичный акцент в сторону развития ряда новых отраслей промышленности, в том числе современных и наукоемких, таких, как электротехника, электроника, нефтехимия. Центр тяжести перенесен на частные инвестиции – здесь стоит напомнить о солидных позициях китайской общины, хуацяо, – а правительство взяло на себя обеспечение экономического развития необходимыми элементами инфраструктуры. Кроме того, Таиланд взял курс на создание отраслей производства, ориентированных на экспорт (готовое платье, драгоценности, текстиль, электроника). Все эти усилия содействуют росту темпов развития страны (с 1960 по 1980 г. ежегодный объем дохода на душу населения удвоился, еще более быстрыми темпами увеличивался он в 80-х годах).

Малайзия (ок. 17 млн. населения), т. е. Малайя и соединенные с ней в рамках единого государства территории Северного Калимантана, Саравак и Сабах, являет собой конституционную монархию, хотя монарх здесь больше напоминает президента: из 13 штатов Малайзии 9 являются султанатами и именно из числа 9 наследственных монархов-султанов избирается сроком на пять лет правитель Малайзии. Двухпалатный парламент на многопартийной основе и назначенный монархом, неотвечственный перед парламентом кабинет управляют страной. Нефть, олово и каучук – национальные богатства страны, в немалой степени обеспечивающие ее успехи в развитии: по темпам роста среди стран АСЕАН Малайзия вышла на второе место (после Сингапура).

В 80-х годах произошла приватизация заметной доли государственного сектора в экономике страны, что еще больше способствовало увеличению темпов роста. Как и в Таиланде, здесь еще в 70-х годах был взят курс на производство трудоемкой экспортной продукции. Системой льгот и поощрений правительство стимулирует частное предпринимательство в промышленности. Заботится оно и о создании необходимой инфраструктуры. Специально принятая в 70-е годы так называемая новая экономическая политика поставила своей целью усилить социальную защищенность основной, наиболее отсталой и бедной части населения страны – самих малайцев. Речь идет о предоставлении малайцам большей части рабочих мест в городах, где до того преобладали китайцы-хуацяо и индийцы. Дело в том, что мигрировавшие из деревни в город коренные жители Малайзии с трудом адаптировались к городской жизни. Следствием этого стали национально-социальная напряженность в городах и связанные с этим конфликты. Целью новой политики было посредством льгот, кредитов и специальной помощи помочь малайцам адаптироваться, найти им рабочие места (не менее 50 %) и даже довести долю малайского капитала в современных отраслях промышленности к 1990 г. до 30 % (1970–2 %). Независимо от того, сколь успешно реализуется этот курс, направленность его вполне определена: Малайзия хочет и в экономическом отношении быть главным образцом малайской, что осуществляется за счет некоторого уменьшения влияния в городской промышленной экономике китайцев-хуацяо, – стоит напомнить, что китайская община здесь многочисленна, едва ли не треть населения страны. При все том политика «малаизации» Малайзии проводится осторожно и взвешенно, дабы не породить встречное недовольство и обострение национальной розни. Пока ничего подобного не наблюдается. Напротив, важнейшие национальные партии – Всекитайская ассоциация Малайзии и Индийский конгресс Малайзии – входят вместе с Объединенной малайской национальной партией в единый Национальный фронт (Союзная партия Малайзии), которому в 1988 г. принадлежало 148 мандатов из 177 в палате представителей (сенат из 58 членов частично представлен сенаторами из штатов, по два от каждого, частично лицами, назначенными по воле монарха).

Индонезия с ее свыше чем 170 млн. населения после деколонизации и обретения независимости напряженно искала свой путь развития. 40–50-е годы здесь прошли под знаком острого соперничества между правыми и левыми силами, в качестве верховного арбитра по отношению к которым выступал президент Сукарно, сформулировавший в конце 50-х годов свою концепцию направляемой демократии, сводившейся к укреплению его личной власти. На рубеже 50 – 60-х годов президент опубликовал программу, получившую наименование Политического манифеста исключившую в себя ряд теоретических позиций – индонезийский социализм, направляемая экономика, самобытность страны и др. Последовавшие за тем реформы привели к разбуханию государственного сектора в экономике и злоупотреблениям управлявшей этим сектором бюрократии. Пожалуй, в рамках «направляемой демократии» по Сукарно едва ли не с наибольшей отчетливостью проявилась неэффективность государственной экономики, особенно в условиях политической нестабильности, обострившихся противоречий между национально-религиозными партиями и компартией. Провалы в экономике ощущались на каждом шагу. Инфляция за 6 – 7 лет к 1964 г. привела к росту цен на товары первой необходимости в 20 раз. Производственные мощности использовались едва наполовину. И в этой тяжелой внутренней обстановке был выдвинут политический лозунг противостояния Малайзии – Сукарно не хотел, чтобы части федерации, Саравак и Сабах, граничили на островах Индонезии с индонезийскими землями.

Однако антимаалайзийский лозунг, хотя он и сплотил националистические силы, не сыграл той роли, которую должен был сыграть (явно имелось в виду ослабить значимость экономических кризисных явлений в условиях роста патриотического накала страстей). Напротив, он внушил угрозу левым силам во главе с компартией, что и послужило одной из причин заговора этих сил с последующим их разгромом армией, которая и взяла после этого в 1965 г. власть в свои руки. Президентом страны в 1968 г. стал генерал Сухарто, а компартия была исключена из политической жизни страны, что привело к восстановлению политической устойчивости и к перемене курса в направлении развития. Рамки государственной экономики

стали сокращаться в пользу частнопредпринимательской. Рынок страны широко открылся для иностранных инвесторов. Основой же развития и даже расцвета экономики Индонезии стала нефть (добыча в 1985 г. – 65 млн. т). Страна обеспечивает свои потребности в продовольствии.

Развитие промышленности и особенно современных ее отраслей идет в Индонезии много медленней, чем в Таиланде или Малайзии, которые активно, как о том говорилось, работают на экспорт. В Индонезии намного больше и внутренних проблем, связанных как с огромным населением страны, так и с исходно низким уровнем подавляющего его большинства, индонезийской деревни, для развития которой серия аграрных реформ пока что предоставила лишь потенциальные возможности. Словом, Индонезия по развитию стоит заметно ниже Таиланда, Малайзии и даже Филиппин. Однако важно заметить, что взятый в 1965 г. курс развития за четверть века дал немалые позитивные результаты и привел страну к заметному развитию капитализма, а активность индонезийских хуацяо этому во многом способствовала. Новым условиям экономической жизни соответствуют и конституционные преобразования: страна объявлена унитарной республикой с президентским правлением. Существует многопартийная система (деятельность компартии запрещена). Страна играет активную роль в мировых делах, способствует урегулированию разногласий в регионе, в частности решению камбоджийской проблемы.

Послевоенная ситуация на **Филиппинах** (ок. 60 млн. жителей) чем-то напоминает индонезийскую. Как и в Индонезии, на филиппинском архипелаге большую роль играла компартия с весьма радикальной установкой на вооруженные методы решения проблем. Борьба с коммунистами на Филиппинах привела в начале 50-х годов к успеху правительственных войск, а последовавшая за тем серия реформ закрепила этот успех. В эти же годы на передний план вышел курс на филиппинизацию экономики страны, что способствовало развитию по капиталистическому пути. Такое развитие было также активно поддержано США, которые вели дело к ликвидации остатков колониального феодализма времен испанского господства и содействовали преобразованиям в соответствующем духе. Хотя влияние США на ход дел на Филиппинах было косвенным, от этого оно не было незначительным, ибо тесные связи с США здесь долго сохранялись. Словом, на Филиппинах все послевоенное время осуществлялся последовательный курс на развитие капитализма, причем существенную роль в его реализации играла община китайцев-хуацяо. В деревне усилиями правительства и зарубежных инвесторов создавалась необходимая для реализации принципов «зеленой революции» инфраструктура (дорожная сеть, ирригация, система снабженческих, сбытовых пунктов и т. п.). Велась работа по созданию перерабатывающей сельскохозяйственные продукты местной промышленности, по организации экспорта. И хотя эта программа пока еще не дала значительных результатов и даже вызвала побочные негативные явления (рост нищеты вытесненных из деревни маргинальных слоев населения), она тем не менее имеет будущее, которое выражается в постоянном увеличении сельскохозяйственного экспорта и доходов от него, в развитии первоклассного плантационного хозяйства.

Филиппины не имеют нефти и вынуждены ее импортировать. Акцент в капиталистическом развитии страны делается на трудоемкие отрасли хозяйства, прежде всего сельского. Однако с конца 70-х годов был взят курс на создание современной промышленности, причем практически целиком за счет усилий частного капитала, включая и иностранный. Правда, заметных успехов пока нет.

Политический баланс в целом соответствует уровню развития и состоянию экономики в стране. При президенте Ф. Маркосе этот баланс сохранялся с помощью силы, в том числе и поддержки военных. После поражения и изгнания Маркоса в 1986 г., когда на выборах была избрана президентом К. Акино, сохранять баланс сил стало еще сложнее, ибо курс на демократизацию стал вызывать сопротивление не только справа, со стороны военных и прежних сторонников Маркоса, но и слева, со стороны компартии маоистской ориентации, ведущей в стране вооруженную борьбу. Несколько мятежных выступлений против правительства Акино на рубеже 80 – 90-х годов – свидетельство неустойчивости баланса сил в стране. Стоит в этой связи напомнить о национально-религиозных проблемах: действующая на юге группировка мусульманских националистов-моро активно продолжает борьбу за автономию южных провинций. И все же при всех сложностях экономического развития и

политической ситуации Филиппины не только выбираются из кризисного состояния, но и делают заметные успехи в развитии по капиталистическому пути.

Сравнивая все четыре государства, можно заметить разницу между ними и даже вытянуть их в некую линию на шкале развития. Можно легко заметить, что всем им, особенно Индонезии и Филиппинам, весьма далеко до развитой японской модели и даже до тех стран дальневосточной конфуцианской культуры, которые вплотную подошли к реализации такой модели. Видимо, здесь сыграли свою роль многие причины и не в последнюю очередь исходный уровень развития и цивилизационный фактор. Совершенно очевидно, что рассматриваемым четырем странам, особенно последним двум из них, предстоит еще большой путь и что большинство населения в этих странах долго еще не достигнет приемлемого стандарта жизни. Но одно несомненно: с избранного пути эти страны уже не сойдут. Более того, альтернативные пути развития, представляемые экстремистскими группировками, явно в этих странах не имеют будущего, тогда как развитие по еврокапиталистическому пути набирает темпы. В заключение стоит еще раз напомнить о той роли, которую сыграли при этом хуацяо.

Глава 11

Восток после деколонизации: наследие колониализма

В предшествующих главах в общих чертах был продемонстрирован процесс развития стран Востока после деколонизации. Обратимся теперь к осмыслению изложенного материала. Задача состоит в том, чтобы попытаться понять и объяснить закономерности и особенности исторического пути различных стран и регионов Востока в целом в период современной его истории, так или иначе отмеченной знаком колониализма.

Историческая роль колониализма

Колониализм не пользуется доброй репутацией. Более того, в самих странах Востока, равно как и во многом поддерживавшей их в этом марксистской историографии, до сравнительно недавнего времени было принято едва ли неоднозначно считать, что колониализм – это зло. Еще недавно всерьез разрабатывались концепции, исходившие из того, что, если бы не колониальное вмешательство держав, принесшее столько несчастий народам Востока, они бы достигли на сегодня много большего. Сейчас от столь прямолинейных позиций специалисты в основном отходят. Но предубеждение к капиталистической колонизации остается. И, надо сказать, далеко не безосновательное.

Прежде всего колониализм, особенно ранний, был отмечен не только жестокостями, начиная с работорговли, но и беззастенчивой ставкой на разграбление природных богатств Востока и эксплуатацию дешевого труда его населения. И далеко не случайно именно там, где это проявлялось дольше всего и к тому же в весьма неблагоприятной форме, уже на рубеже нашего века сложилось нечто вроде комплекса вины колонизаторов (воззвание Девентера «Долг чести» в голландской Индии). Черным пятном на совести европейцев навсегда останется африканская работорговля. Да и рассуждения англичан на тему о том, сколь тяжело «бремя белого человека», взятое ими на себя в Индии, – тоже в конечном счете лишь попытка сделать хорошую мину при плохой игре: каждому из английских колонизаторов было хорошо известно, что никто никогда не просил их брать на себя столь тяжелое для них «бремя». Словом, колониализм приукрашивать не приходится.

Другое дело – проблема исторической роли колониализма. Об этом стоит сказать особо. Дело в том, что современные арабы или индийцы, не говоря уже об африканцах, имеют немалый счет именно к колониализму, с ненавистью говорят о его наследии, гневно обличают проявление неоколониалистских тенденций и в то же время, как правило, весьма спокойно относятся к зверствам Чингис-хана или Тамерлана, к бесчеловечности африканских вождей, продававших за ружья и спирт в рабство своих пленников и даже соплеменников. Почему так? Дело объясняется достаточно просто. На войне как на войне: одни завоевывают, другие от этого

терпят урон. Все понятно и само собой разумеется, как понятно и то, что правители распоряжаются жизнью своих подданных. Иное дело – чужие, европейцы, появляющиеся на Востоке со своими непонятными для его жителей нормами, иными принципами и целями. Это не просто враг, а бедствие, грозящее разрушить все, чем люди живы, на чем стоят. И неудивительно, что традиционная структура Востока всегда сопротивлялась колониализму, мобилизуя для этого все свои силы. Отсюда и неиссякаемая ненависть к нему, не просто дожившая до наших дней, но и время от времени набирающая силу и проявляющаяся в мощных взрывах наподобие иранского.

Иными словами, принципиальное, структурное несоответствие и, как следствие этого, энергичное неприятие западного стандарта на протяжении веков формировали определенный стереотип отношений Востока к колониализму, колониальному капиталу. Суть такого стереотипа сводилась к неприятию, сопротивлению, отторжению чужого. А поскольку противостояние своего чужому является одним из древнейших модусов поведения человека, восходящим не только.. к первобытности, но и к досапиентным формам его стадного существования, то неудивительно, что стереотип оказался устойчивым и сильным, дожил до наших дней и во многом задает тон и сегодня.

Академический анализ не может пройти мимо подобного явления. Но исследователь не должен идти на поводу у него и, руководствуясь какой-либо политической, идеологической или публицистической злободневностью, исказить истину. Истина же состоит в том, что колониализм отнюдь не может быть однозначно охарактеризован лишь как зло. И дело не только в том, чтобы сбалансировать саму формулу: колониальный капитал жестокими методами эксплуатировал Восток, грабил его ресурсы, но, взламывая традиционную структуру, способствовал тем самым развитию колоний. Речь не только о взвешенности оценки, хотя это само по себе уже достаточно важно, ибо позволяет избежать односторонности и прямолинейности и восстановить реальное положение дел, что важно для любого непредвзятого исследования. Перед нами всемирно-исторического значения феномен, который нуждается в объективном анализе прежде всего потому, что без этого многое останется непонятным и необъясненным и по-прежнему будет оцениваться и решаться сквозь призму идейно-политических лозунгов, обычно отнюдь не содействующих постижению истины.

Оставляя в стороне значение колониализма для самой Европы, для развития в ней капитализма (имеется в виду первоначальное накопление; стоит, однако, оговориться, что роль ресурсов колониального Востока в этом в отечественной марксистской историографии обычно преувеличивалась), обратим преимущественное внимание на то, что колониализм и затем колониальный капитал во всех его модификациях сыграли решающую роль внешнего фактора, мощного импульса извне, не просто пробудившего традиционную структуру Востока, но и придавшего ей новый ритм поступательного развития. Без такого импульса традиционная структура по-прежнему развивалась бы в привычном ей русле при скромной роли контролируемого рынка и ограниченной в правах и возможностях частной собственности. И это касается абсолютно всего Востока, включая и Японию. Вот почему важность внешнего импульса можно сопоставить по значимости с ролью оплодотворения живого. организма: это было условие *sine qua* поп для последующего развития, для рождения нового качества.

Отталкиваясь от сказанного, мы вправе теперь обратиться к проблеме воздействия колониального капитала на ту или иную страну Востока, к вопросу о значимости, силе, времени, интенсивности его влияния. Вопрос можно поставить примерно так: имело ли значение – и если да, то какое именно, – то обстоятельство, что та либо иная страна была колонией длительное время или недолго? Что она представляла собой в момент колонизации – развитое общество или полупервобытное? Что другие страны вовсе не были колониями, а находились в положении зависимых, как Турция, Иран, Китай? Что третьи ощущали едва заметную степень зависимости (Сиам), а четвертые, как Япония, практически не были зависимыми и, более того, сами достаточно быстро стали колониальными державами?

Конечно, разница есть, причем весьма существенная. Но в чем именно? Вектор колониального импульса был общим для всех – к капитализму европейского типа. Именно поэтому независимые страны Востока, будь то Япония или Сиам, уверенно взяли старт в этом направлении и, каждая в меру своих сил и содействовавших этому благоприятных

обстоятельств, приступили к энергичной трансформации собственной структуры. Там, где зависимость от иностранных держав и колониального капитала была ощутимой, целенаправленной трансформации в этом же направлении содействовали, причем весьма активно, сами европейцы, что можно видеть на примере Турции, Ирана, Китая (до середины XX в.) и в меньшей степени таких более отсталых стран, как Афганистан.

Теперь о собственно колониях. Конечно, мощь внешнего влияния здесь была сильнее, чем где бы то ни было. В Южной и Юго-Восточной Азии длительное воздействие колониализма постепенно преодолеvalo инерцию традиции и трансформировало структуру на еврокапиталистический лад. Это заметно и для Африки, где именно целенаправленная и несущая с собой цивилизационное начало политика колониальной администрации была той силой, которая пусть медленно, но неустанно и успешно прокладывала дорогу к еврокапиталистическому стандарту. И исходный уровень развития, и длительность периода колониализма, и религиозно-цивилизационный фундамент при этом играли свою немаловажную роль, что несомненно сказывалось на результатах и темпах развития. Но при всем том развитие в целом шло в четко определенном направлении – к капитализму. И в этом смысле разница в статусе – колония, зависимая страна, едва зависимая или вовсе не зависимая – была несущественной. Гораздо более важными в этом смысле факторами были такие, как исходный уровень развития, цивилизационная принадлежность и благоприятные обстоятельства, о чем уже шла речь в третьей части работы.

Говоря о воздействии колониализма на Восток в целом, нельзя не рассматривать его в комплексе, с учетом всех протекавших и протекающих на современном Востоке процессов. Речь идет о формировании в странах колониального и зависимого Востока нового государства и нового общества, соответствующих трансформирующейся структуре и призванных способствовать дальнейшей ее трансформации. Именно в этом историческая роль колониализма проявилась наиболее отчетливо.

Колониализм и современные государства Востока

Как известно, результатом деколонизации стало появление на политической карте мира свыше полусотни новых самостоятельных государств и обретение подлинной политической независимости еще несколькими десятками их. Внешним знаком и символом суверенитета этих стран стало их членство в ООН. Заслуживает внимания то обстоятельство, что государства деколонизованного Востока обычно обретали суверенитет в пределах веками складывавшихся границ, хотя в ряде случаев (Индия, некоторые арабские страны, Индонезия) эти границы перекраивались или создавались заново в зависимости от национальных, религиозных и иных причин. Большую роль играли при этом и границы колоний – в Африке именно они определяли очертания вновь возникавших государств. В странах зависимых и тем более слабо зависимых, независимых государства вообще не возникали заново. Однако и они, как правило, изменяли свой характер, и в частности форму правления. Среди этих форм в XX в. на Востоке стали преобладать республиканские, до того там вовсе неизвестные. Что же касается тех политических лидеров, которые оказывались во главе новых государств, особенно республик, то среди них практически абсолютно преобладали те, кто был воспитан в русле европейской политической культуры и чаще всего получил образование в какой-либо из стран Европы либо в учебном заведении европейского типа. И это тоже был закономерный результат вполне определенной и целенаправленной политики.

Если вести речь о колониях, проводниками такой политики были колониальные державы в лице их администрации в этих колониях. Англичане, французы, голландцы, португальцы, испанцы, бельгийцы не только не препятствовали, но всячески содействовали процессу формирования в своих колониях влиятельного слоя европейски образованных и соответствующим образом подготовленных людей, преимущественно из числа выходцев из местных правящих кругов, высших слоев. Именно из их числа колониальная администрация подбирала себе надежных помощников, проводников ее политики. Что касается стран зависимых, то там тоже складывалась влиятельная элита ориентированная на европейские ценности людей, в основном из числа высокопоставленных слоев общества. Там тоже

создавались учебные заведения европейского типа, готовившие кадры будущих управителей, технической и иной интеллигенции.

Эта большая подготовительная работа, ведшаяся на протяжении многих десятилетий, а кое-где и века-полтора, не могла не дать результатов. К моменту деколонизации проблема кадров, способных возглавить новые самостоятельные государства и повести их по европейскому пути, в основном уже не стояла. Возникал лишь вопрос о выработке политики, об организации управления, характере власти, формах социально-политического устройства, наконец, о выборе пути развития. Все эти вопросы были новыми для традиционного Востока, прежде не имевшего никаких представлений о подобных проблемах. Выход их на передний план – это и есть в определенном смысле наследие колониализма, т. е. то новое, что проявило себя под его воздействием и способствовало преодолению консервативной традиции.

Важным моментом, вначале характерным едва ли не для всех государств Востока после деколонизации либо обретения политической независимости, стало ограничение характерного для традиционной структуры всеилия власти, типичной для недавнего прошлого абсолютной безнаказанности, произвола администрации на местах. Конечно, не следует преувеличивать. Многое осталось от прошлого, а со временем кое-где и окрепло, освоило новые формы существования, адаптировалось к переменам. Речь идет о коррупции и nepотизме, бюрократизме и волоките, семейно-клановых и патронажно-клиентных связях, опоре на земляков-соплеменников в ущерб всем остальным, да и о многом другом, аналогичном уже сказанному. Тем не менее степень всеилия власти и произвола на местах была все же иной, не той, что прежде, – даже в тех нередких случаях, когда молодые республики с их демократическими институтами и процедурами замещались военными диктатурами.

Важным элементом политической культуры, чаще всего сознательно насаждавшимся колонизаторами либо естественно воспринимавшимся от Европы странами, зависевшими от колониализма, стала практика многопартийной борьбы, политического плюрализма. На традиционном Востоке нечто в этом роде всегда существовало, но там это проявляло себя в форме скрытых закулисных либо дворцовых интриг и переворотов и разве что изредка принимало облик сколько-нибудь организованной оппозиции, как то было во времена династии Мин в Китае или в Корее. В эпоху колониализма, особенно в последний ее период, все изменилось: государства Востока не только познакомились с идеей многопартийности и открытой политической борьбы, включая парламентские выборы, свободную прессу и гласность, да и многие прочие демократические свободы, но и по меньшей мере с XX в., а кое-где и раньше научились активно всем этим пользоваться. Это не значит, что все эти институты, права, свободы и принципы европейской политической культуры заработали на Востоке в полную силу: ведь традиция здесь еще достаточно сильна, включая и традицию сильной центральной власти. Но даже в тех нередких случаях, когда в той либо иной из современных стран Востока демократический режим на долгое время вытеснялся привычным строем однопартийной власти или вовсе беспартийной военной диктатуры, ситуация оказывалась вовсе не безнадежной: трансформированные восточные общества, уже знакомые с идеей многопартийности и плюрализма в принципе, явно дорожили ею, видя именно в этом надежный противовес всеилию диктата сверху. Наиболее тонко ощущала эту разницу молодежь, легче всего адаптирующаяся к изменившимся условиям жизни (имеется в виду изменение в сторону свободы) и тивнее всего выражающая свой протест, как то проявило себя в сра нительно недавнее время, на рубеже 80 – 90-х годов и в Африке, и в Азии.

Сыграла свою роль на современном Востоке и заимствованная из Европы не без помощи колонизаторов практика независимого от властей судопроизводства. Пусть она заимствовалась разными способами (в Индии ее внедрили англичане, в Турцию она пришла в ходе радикальных реформ Ататюрка и т. п.), важен сам принцип: европейский тип судопроизводства проник во многие страны Востока, и это сыграло там немалую роль, хотя во многих случаях, особенно в исламских странах, параллельно продолжал существовать и традиционный суд. Вместе с независимостью суда проникла и в большинстве случаев заняла весомые позиции европейская по происхождению идея разделения властей, необходимая в практике республиканского правления, парламентской демократии. Не чужды многим странам современного Востока и заимствованные из Европы идея индивидуальных свобод, принцип гражданского общества,

феномен правового государства – то, чего прежде нигде и никогда на Востоке не было, да и быть не могло. Все это, независимо от механизма приобретения (в колониях насаждалось; в зависимых странах воспринималось в ходе реформ; реформы были характерными и для политически независимых государств, например для той же Японии, хотя здесь свою роль сыграла американская военная оккупация после второй мировой войны), можно считать на Востоке наследием колониализма, т. е. результатом целенаправленной, активной политики, вектором которой было заимствование еврокапиталистического стандарта.

Наследие колониализма и Восток

Нетрудно заметить, что основные элементы европейской (колониальной) администрации и цивилизации и всей политической культуры Востока не только противостоят друг другу, но и практически несовместимы. С одной стороны, ставка на материальный успех индивида, собственника, гражданина, обладающего правовой защитой закона, огражденного веками выковывавшейся и направленной против произвола власти броней демократических процедур, свобод, гласности, разделения властей. С другой – привычные нормы всевластия власти и бесправия подданного, произвола власть имущих и безгласности отдельного человека, включенного для выживания в состав различного рода социальных корпораций, внутренне тоже организованных по принципу безоговорочного подчинения младших старшим. Соединить одно с другим означало бы попытку соединить несоединимое. Стало быть, речь должна была идти не столько о синтезе старого и нового, своего и чужого, сколько о вытеснении и замещении одного другим.

Но так бывает только в теории. Социальная практика сложнее, и она в конечном счете сводится именно к соединению, пусть даже к насильственному и неорганичному, сближению одного с другим, по меньшей мере вначале, на первых порах. Впрочем, последующее скрепление либо органичное соединение элементов, равно как и вытеснение одних другими, зависело уже от многих обстоятельств, которые были в разных странах Востока весьма различными и в свою очередь обуславливались множеством факторов.

Индия, например, с ее древней многовековой традицией религиозного плюрализма и ненасильственных действий, с огромной ролью в ее жизни общины и касты при сравнительно ограниченных функциях государства оказалась достаточно благоприятным полигоном для насаждения там элементов британской политической практики и культуры, включая вестминстерскую парламентскую традицию. Принимая во внимание длительность правления англичан в Индии и целенаправленность политики британской колониальной администрации, не приходится удивляться тому, что английская парламентарно-демократическая модель в Индии была воспринята, а затем и закреплена, внедрена в жизнь достаточно основательно. Впрочем, это далеко не значит, что весь механизм демократической культуры работает в Индии так, как в самой Англии. Достаточно обратить внимание на поведение электората, склонного поддерживать имя и личность кандидата, но не его программу, чтобы зафиксировать существенную разницу между этими странами. Разница станет еще более очевидной, если принять во внимание принцип организации в Индии политических партий, фракций и группировок, многие из которых организованы по традиционному принципу вчерашних социальных корпораций с их подчинением и преданностью тесно и навсегда связанных друг с другом людей возглавляющим их лидерам. Впрочем, это характерно не только для сравнительно еще отсталой Индии, но и для передовой Японии.

Если это заметно в Японии и Индии, то что же говорить об Африке?! Здесь спаянность и взаимозависимость электората восходят не только к социальным корпорациям, но и прямо к племенным первобытным связям. Тем не менее именно в Африке наиболее активно насаждаются европейские стандарты администрации и партийно-демократической практики, причем за неимением весомой альтернативы (если не считать за альтернативу первобытно-племенные нормы и неконтролируемый произвол власти) эти стандарты постепенно укрепляются, вживаются в ткань традиционной структуры. Новые поколения все органичнее адаптируются к ним. Правда, далеко не все так гладко. Время от времени происходят перевороты, с удивительной легкостью возвращающие структуру к исходному

уровню и порой отмечаемые кровожадными тенденциями упивающихся властью вождей и царьков. Но что характерно: слишком долго всевластный диктатор или взобравшийся на трон тиран не удерживается. Политическая почва в Африке зыбка, традиций институционализированной и тем более устойчивой власти и сильного централизованного правительства, столь типичных для Азии, здесь нет. И это способствует восстановлению демократической нормы, привнесенной колонизаторами. Правда, местные особенности оказали свое воздействие на эту норму: несмотря на племенной плюрализм и даже во многом благодаря именно ему многие из молодых африканских государств отошли от практики опирающейся на привычные нормы трибализма многопартийной борьбы, расплывающейся и без того слабые силы политических верхов, и предпочли ей однопартийные режимы на весьма широкой основе (организации типа народного фронта и т. п.) с пропорциональным представительством.

Между Индией, почти идеально вписавшейся в парламентскую демократию по-английски, и Африкой с ее происходившей на ходу переработкой колониального наследия в политическо-правовой сфере находятся остальные страны Востока, будь то исламские или буддийские. Где-то парламентские республики приживаются лучше, где-то хуже. В одних странах часты военные перевороты, другие почти свободны от них. Однако везде европейский стандарт корректируется восточной традицией. Собственно, именно этого и следовало ожидать. Вопрос лишь в том, к чему в конечном счете сводится корректировка.

Казалось бы, учитывая все рассмотренное выше, следовало ожидать, что наследие колониализма или влияние еврокапиталистических стандартов так или иначе должны были потеснить, если даже не подорвать традиционные позиции восточного государства, издревле бывшего не просто всемогущим, но всемогущим. Государство, оказавшись под контролем со стороны общества, народа, вооруженного системой тщательно разработанных Западом и активно внедренных в странах Востока избирательных процедур, демократических институтов, прав и гарантий, должно было не просто утратить свое бывшее могущество и всевластие, но уйти на задний план, очистив место для общества, осознавшего свои возможности, ставшего символом и знаменем народа, общества европейского типа. Можно было ожидать, что именно к этому должно было все свестись, пусть даже не сразу и не по всем пунктам, но все же в этом направлении, даже невзирая на сопротивление традиции. Однако на практике произошло нечто иное. Государства на современном Востоке после его деколонизации и обретения политической независимости отнюдь не стали такими, какие столь типичны для капиталистической Европы. Они оказались едва ли не столь же всемогущими, что и прежде, во всяком случае на раннем этапе постколониальной истории Востока, т. е. именно тогда, когда, казалось бы, должны были активно начать работать те институты, которые отражали интересы пробудившегося народа и соответственно ослабляли позиции всемогущего традиционного государства. Более того, в ряде случаев новые государства обрели даже дополнительную мощь. Почему же это произошло?

Дело в том, что на Востоке было иное государство, чем в Европе. Об этом немало уже сказано выше. На этом строится вся концепция данной работы. И если принять во внимание то обстоятельство, что на Востоке государство никогда не было выразителем интересов общества, а напротив, выражаясь марксистскими терминами, всегда было субъектом производственных отношений (т. е. не надстройкой, а элементом базиса) и что соответственно выглядела вся традиционная структура, принципиально в этом плане отличавшаяся от европейской, то не приходится удивляться тому, что заимствование важнейших по своей значимости политическо-правовых стандартов европейского типа, сыгравшее огромную роль в процессе трансформации традиционного Востока, не привело к превращению восточного государства в европейское. Не привело потому, что процессы, происходившие в экономике трансформировавшегося Востока, не только существенно отставали от трансформации в сфере политики либо права (это особенно заметно на примере Тропической Африки, где молодые государства от первобытности делали скачок в сторону парламентской демократии), но и, эволюционируя, требовали, как это ни парадоксально, все большего внимания со стороны государства, все большего участия его в системе трансформирующихся политических, экономических и социальных отношений. Как о том уже шла речь, государства постколониального Востока не только продолжали быть субъектами всех этих отношений, но и как бы наращивали это свое обычное для Востока качество. Чтобы более обстоятельно

разобраться в причинах и обстоятельствах, сопровождавших процесс вовлечения молодых государств постколониального Востока в хозяйственные проблемы, рассмотрим этот вопрос специально.

Глава 12

Постколониальный Восток: государство и экономика

Проблемы, которые предполагается затронуть в этой главе, принадлежат к числу едва ли не самых важных для выявления сути феномена современного Востока. На эту тему написано много специальных исследований, высказано огромное количество различных точек зрения. Даже короткий обзор их, если бы была поставлена такая задача, не вместился бы в рамки главы. Поэтому, не вникая чересчур глубоко в споры, попытаемся разобраться в том, что является наиболее очевидным. Конечно, следует сразу же оговориться, что очевидное для одних может не быть очевидным для других, тем более для всех. Поэтому обратим внимание на то, что представляется наиболее существенным для выявления как генеральных закономерностей, так и специфических особенностей развития современного Востока в целом – при всех характерных для различных его стран и регионов отличиях.

Изложение теоретических позиций, без которых в анализе не обойтись, потребует апелляции к тем материалам и выводам, которые были уже изложены и сформулированы. Но эти повторы необходимы для раскрытия проблемы.

Традиционное хозяйство и колониальный капитал: политэкономический аспект проблемы взаимодействия

Для начала стоит вспомнить о том, что в Европе капитализм возник на основе свободного рыночного хозяйства с развитой частной собственностью и конкуренцией. Эга основа, защищенная институтами гражданского общества и правового государства, восходит к античности. Оказавшись в состоянии упадка в период раннего германского феодализма, генетически чуждого античному миру, она затем стала возрождаться, прежде всего в форме городских республик и городов феодального средневековья, и в эпоху Ренессанса и Великих географических открытий достигла необходимого уровня для того, чтобы сделаться фундаментом европейского капитализма. Как известно, в сфере идеологии и социопсихологии этому помогла Реформация, т. е. прежде всего протестантизм с характерной для него этикой взаимоотношений между человеком и Богом, равно как и между людьми. Механизм всего процесса, начиная с так называемого первоначального накопления, был показан в прошлом веке Марксом и в принципе общеизвестен.

Учитывая все это и принимая во внимание тезис о единстве всемирно-исторического процесса, многие марксисты вплоть до недавнего времени исходили из того, что и на Востоке, особенно после начала эпохи колониализма, процессы и механизмы – должны были быть аналогичными. Но так ли это?

Структурообразующим элементом традиционного Востока является институт власти-собственности с централизованной редиистрибуцией при вторичной, зависимой роли рынка и товарно-денежных отношений. Практически это означает, что внеэкономические отношения зависимости населения от государства в структуре задают тон. Вторичные и зависимые рыночные связи – при всей их жизненно важной роли для социального организма в целом – не свободны и не могут быть свободными от доминирующих административнополитических отношений господства и подчинения. Рынок и товарноденежные отношения здесь всегда опосредованы отношениями зависимости, как официальной (от государства, чиновника, казны), так и полуофициальной либо неофициальной, но весьма жесткой (от ростовщической кабалы, хозяина-патрона, главы социальной корпорации, в том числе объединения мафиозного типа, и т. п.). Именно доминирующие в такой структуре хозяйственные связи, присущие несвободному обществу и несвободному труду,

обуславливали господство в обществе отношений редистрибуции, столь очевидно и принципиально противостоящих отношениям рыночно-частнособственнического характера и особенно капитализму с его товарно-рыночным противостоянием труда и капитала, с его экономически обусловленной свободой продающей себя рабочей силы.

Итак, перед нами два принципиально разных типа хозяйственных отношений, две чуждые друг другу структуры: рыночная и командно-административная, свободная и несвободная, европейская и неевропейская, восточно-традиционная, – т. е. явное несходство буквально по всем основным параметрам. Можно ли было рассчитывать на то, что данный колониализм и в принципе необычайной важности импульс приведет на традиционном Востоке в движение те же механизмы, что и в Европе? И что же было на самом деле?

Проникновение на Восток колониального капитала, вначале внедрявшегося преимущественно в сферу обращения и использовавшего в своих интересах традиционный восточный рынок и привычные, основанные на внеэкономическом принуждении хозяйственные связи, привело к феномену сосуществования, симбиоза двух различных секторов экономики: традиционного и колониального, своего и чужого. Первый из них был хорошо знаком с рынком, второй бил целиком основан на рыночных связях. Казалось бы, разве это не достаточная основа для сближения? И очень многие специалисты вплоть до сегодняшнего дня исходят именно из этого, не видя разницы между рынком, функционирующим в рамках системы внеэкономического принуждения, и свободным рынком. А разница огромна. И именно она, в частности, объясняет, почему крестьянин на Востоке никогда не был и не должен считаться и именоваться мелким буржуа: это не крестьянин-собственник в европейском смысле слова. Это совершенно иной крестьянин, даже если он регулярно продает излишки продукции на рынке. Это крестьянин-подданный, т. е. человек зависимый, функционирующий в рамках системы внеэкономического принуждения со всеми вытекающими из этого весьма существенными для политэкономического анализа следствиями.

Однако положение не было безвыходным. Несмотря на огромный и труднопреодолимый разрыв между двумя чуждыми друг другу секторами экономики, на колониальном Востоке шел процесс преодоления этого разрыва за счет, прежде всего, вовлечения в колониально-капиталистический, чуждый по типу традиции, сектор некоторых групп местного населения, вначале, как правило, из числа аутсайдеров (в Турции это были нетурецкого происхождения горожане, прежде всего армяне, греки, кавказцы и славяне; в Индии – выходцы из некоторых исламизированных каст, а также джайны и парсы; в Юго-Восточной Азии – хуацяо). Именно позиция аутсайдеров облегчала этим слоям населения включение в чуждый структуре сектор колониально-капиталистической экономики, но это же обстоятельство и не слишком способствовало преодолению разрыва между секторами: переход из одного в другой лишь менял соотношение сил между ними, что само по себе весьма существенно, но не сближал эти сектора между собой в сколько-нибудь значительной степени. Разрыв продолжал существовать, и это не могло не беспокоить колонизаторов, не могло удовлетворить их.

Дело в том, что, хотя европейский капитал был, по меньшей мере вначале, заинтересован лишь в выкачивании необходимых товаров и получении за этот счет прибылей и несмотря на то, что колониальный капитал умело приспособливался к господствовавшим на Востоке внеэкономическим связям, активно использовал их, даже ставил себе на службу, он при этом всегда оставался все-таки именно капиталом. Это значит, что для своего развития и тем более процветания он нуждался в подходящих для него условиях, прежде всего в свободе действий, которых на Востоке никогда не было. Такого рода условия, и необходимые свободы нужно было создать, пусть даже в несколько видоизмененных в силу обстоятельств формах. Собственно, именно это, как о том уже шла речь, в частности, в предыдущей главе, и происходило на колониальном Востоке, причем чем позже, тем энергичнее. Ведущей в этом направлении силой была в колониях колониальная администрация. В зависимых странах, где ситуация была хотя иной, но, с точки зрения социально-экономической, весьма близкой к той, что наблюдалась в колониях, функции колониальной администрации выполняли в ходе реформ местные руководители, как то было в Турции, Иране, Китае.

Смысл преобразований в колониях и реформ в зависимых странах, с точки зрения политэкономии, сводился к расчищению почвы для развития, а затем и господства

капиталистического по характеру рынка, работающего по законам европейского типа частной собственности с сопутствующими ей конкуренцией, борьбой за прибыль и т. п. Именно для обеспечения этого создавались компании типа Ост-Индских, генеральной целью которых было не столько вывезти товары, сколько создать условия для эксплуатации колоний капиталистическими методами. Для достижения цели строились фактории и порты, развивалось портовое и плантационное хозяйство, создавалась необходимая инфраструктура, включая банки, страховые компании, пароходства, железные дороги, почту, телеграф, наконец, организовывались промышленные предприятия по добыче полезных ископаемых, предприятия обрабатывающей промышленности. Вместе со всем этим возникали и быстро развивались города-порты, города с заводами и фабриками, строившиеся по европейской капиталистической модели.

Это был массивный рывок, все усиливавшийся нажим колониального капитала на традиционный и трансформирующийся под этим нажимом Восток. Однако этот нажим даже в XIX в. еще не принес ожидаемого результата: хотя колониальные власти и (в зависимых странах) колониальный капитал стремились активно взаимодействовать с традиционным рынком и всей системой основанного на внеэкономическом принуждении хозяйства, обеспечивая именно через такого рода взаимодействие свои все возрастающие доходы, оба рынка тем не менее как бы сосуществовали, но воедино не сливались, ибо по ряду важнейших параметров продолжали быть практически несовместимыми. Рано или поздно один из них должен был уступить место другому. А пока именно для связи между обоими рынками сложилась на Востоке влиятельная прослойка посредников-компрадоров, процветавшая достаточно долгое время со времен первых португальских колонизаторов и исчерпавшая себя лишь в начале XX в.

Существенные изменения в характере отношений между двумя рынками, начавшиеся с XIX в. вследствие промышленной революции в Европе, которая была ознаменована появлением массовой машинной продукции, привели в XX в. к энергичной трансформации как традиционного восточного рынка, так и колониального капитала. Колониальный торговый капитал был замещен в XIX в. промышленным, а в XX в. – финансово-промышленным, банковско-промышленным с присущими ему империалистическими транснациональными тенденциями, стремлением к укрупнению фирм и корпораций. Действуя в пределах всего мира, этот капитал создал единый мировой рынок и превратил его в сферу своего господства. Это повлекло за собой не только постепенное оттеснение традиционного восточного рынка на задворки и изменение соотношения сил не в его пользу, но также и существенную трансформацию такого рынка, всей его тысячелетиями складывавшейся внутренней структуры.

Это проявилось в заметном разрушении традиционных форм хозяйства, основанных на внеэкономическом принуждении и централизованной редиистрибуции. Много больший, чем прежде, простор получили товарно-денежные отношения, что явилось следствием серии реформ, приведших к наделению крестьян землей и превращению земельных наделов в отчуждаемый товар, что стало характерным для аграрных отношений на Востоке уже в первой половине XX в. Соответственно принципиальная разница-разрыв между традиционно-восточным и колониально-капиталистическим рынками сократилась, трансформированный рынок во многом сблизился с еврокапиталистическим, стал интегральной частью мирового. Казалось, еще некоторое небольшое усилие, еще немного времени – и старый Восток с господством внеэкономического принуждения и основанным на этом господстве рынком рухнет, уступив свое место капиталистической структуре.

Для подобного вывода было немало оснований. Колониальный капитал уверенно теснил разваливавшееся традиционное хозяйство еще в XIX в. Разорявшиеся ремесленники пополняли собой ряды бездомных. Обезземеленные крестьяне стекались в большие города. Теряли свои привычные позиции ростовщики и купцы, даже еще вчера процветавшие компрадоры. Словом, вполне могло показаться – долгое время именно так и представлялось, в том числе и идеологам революционного обновления мира, от Маркса до Ленина, – что традиционный Восток обречен и вот-вот рухнет под напором капитала. Следствием же этого станут пробуждение Востока и мощный революционный взрыв многомиллионных масс, потенциально рассматривавшихся в качестве союзника европейского пролетариата.

Эта точка зрения позже, уже в середине нашего века, была обстоятельно разработана в рамках концепции так называемого «догоняющего развития», смысл которой сводился ко все той же идее, что упоминалась в начале главы: развитие Востока в принципе подобно развитию Запада, разве что несколько отстало; а коль скоро так, то вполне можно ожидать, что с некоторого момента оно ускорит свой путь и нагонит отставание, став в ряд стран развитых. Концепция, о которой идет речь, просуществовала недолго, ибо достаточно скоро стало очевидным, что на деле все обстоит далеко не так, как то разрабатывалось в теоретических построениях. Правда, небольшая группа стран во главе с Японией действительно энергично выдвинулась и не только нагнала развитые страны, но и вышла на передовые позиции среди них. Однако это была лишь очень небольшая часть стран традиционного Востока. Что же касается остальных, то они не только не догнали развитые, но явно отстают от них по всем параметрам а в некоторых случаях (что касается прежде всего Африки, хотя и не только ее) отставание даже возрастает. Феномен «догоняющего развития» сработал, таким образом, лишь выборочно, так что теперь перед теоретиками встал иной вопрос: чем объяснить, что в случае с рядом дальневосточных стран все оказалось не так, как с большинством остальных? Иными словами, снова следует сначала искать общие закономерности, а потом уже причины, обусловившие исключения. Что же следует считать закономерностями развития современного Востока?

Государство и экономика на современном Востоке

Только что шла речь о том, как в процессе освоения колониальным капиталом Востока в целом и традиционного восточного рынка в частности постепенно уходили в прошлое прочные позиции старой структуры, основанной на внеэкономическом принуждении подневольного, во всем зависевшего от властей и сильных мира сего подданного-производителя. Упоминалось и о том, что многие видели в этом знак гибели старого Востока. Почему же он не погиб? Прежде всего потому, что в его недрах шли два параллельных процесса: приспособление к изменившимся обстоятельствам (о чем на примере укрепления позиций колониального капитала и элементов еврокапиталистической структуры говорилось выше) и сопротивление навязываемым извне переменам.

Сопротивление в зависимости от обстоятельств принимало разные формы, от бурных массовых движений типа китайских ихэтуаней до пассивного неповиновения властям в духе Ганди. Однако суть его в конечном счете была одинакова: насильственная ломка привычного стандарта жизни вызывала протест со стороны населения, прежде всего консервативно настроенной крестьянской массы, всегда выше всего привычно ставившей незыблемость существующих устоев, гарантированное статус-кво.

В колониях этот протест подавлялся администрацией. В зависимых странах ситуация обычно была сложной и неоднозначной, ибо традиционное государство в принципе было на стороне недовольного большинства, но в то же время не всегда могло открыто поддержать его протест, как то наиболее наглядно проявило себя в ходе все того же восстания ихэтуаней. В любом случае, однако, — и это существенно еще раз подчеркнуть, — пробуждение трансформировавшегося под влиянием колониализма Востока «отнюдь не было революционным порывом к новому, как то еще недавно было принято считать в отечественной историографии. Конечно, во главе массовых движений часто оказывались представители европейски образованных слоев населения, ориентировавшиеся на революционные изменения по европейскому стандарту. И нередко это играло решающую роль. Однако даже в тех случаях, когда революции побеждали и на смену деспотическим монархиям приходили молодые республики, как то было в Турции или в Китае в начале XX в., это еще отнюдь не означало, что соответствующая страна уже созрела для радикальных перемен и была готова к ним. Как правило, и после этих революций на протяжении десятилетий сопротивление структуры не ослабевало, а временами даже усиливалось. И если в Турции Ататюрк сумел обуздать его, то в Китае с этим было гораздо сложнее, а в Иране силы сопротивления даже сумели в конечном счете взять реванш за поражения в прошлом.

Но дело не только в естественном сопротивлении традиционной и обычно с трудом приспособивавшейся к новому структуры. Гораздо более важным для судеб Востока следует считать то обстоятельство, что в качестве медиатора между приспособлением и сопротивлением с начала XX в. вновь стало выступать государство. Если говорить пока о зависимых странах, где государство как институт не было уничтожено, но оказалось лишь на время придавленным колониальной экспансией, как это весьма наглядно предстает на примере Ирана или Китая, в меньшей степени Турции или Афганистана, то важно заметить, что для такого рода выхода на авансцену были весомые причины. Во-первых, государство обрело крылья как символ и основа сопротивления традиционной структуры. Оправившись от колониального шока, длившегося где столетия, а где десятилетия, оно должно было взять на себя задачу управления страной в изменившихся условиях. Но перемены, о которых идет речь, были многосторонними. Они не просто были связаны с унижением страны европейцами, с колониальным шоком, с необходимостью как-то выбраться из кризиса, преодолеть комплекс неполноценности, подогревавшийся постоянно демонстрируемым превосходством европейской техники, включая военную, которая производила особенно сильное впечатление на Востоке. Много более значительными были те изменения, которые произошли в сфере хозяйства, в экономике страны и выражались, как о том уже шла речь, в оттеснении на задний план тех привычных элементов структуры, что были связаны с внеэкономическим принуждением, в том числе традиционного рынка.

Поскольку на Востоке не было традиций, способствующих расцвету частной собственности, да и вообще вычленению индивида как такового, самостоятельности общества перед лицом государства (о чем специально речь еще раз пойдет ниже), именно государство должно было осваивать новую технику, включая военную, налаживать необходимую для капиталистического рынка инфраструктуру, т. е. выступать в функции собственника и важнейшего субъекта экономики, народного хозяйства – в привычной для него, во всяком случае на Востоке, функции. Не сразу, но по мере осуществления навязанной Востоку политики национального капиталистического развития создается в странах Востока новый, промежуточный по структуре и характеру сектор хозяйства – государственно-бюрократический по форме, государственно-капиталистический по характеру.

Что касается колоний, особенно таких, как африканские, то здесь вновь возникшие после деколонизации государства сразу же взяли на свои плечи заботы, до того лежавшие на колониальной администрации. В условиях традиционной восточной структуры это было естественным и практически единственно возможным выходом: государство берет на себя распоряжение хозяйством, ответственность за благосостояние общества, контроль за жизненно важными экономическими процессами, патронирование экономики капиталистического типа. Гибридность и промежуточность нового сектора экономики была в том, что от еврокапитализма в нем были техника и технология, частично экономические связи, а от традиции – вынужденное невнимание к законам свободного рынка с его требованием рентабельности, конкурентоспособности, прибыльности, что на практике всегда оборачивалось экономической неэффективностью и дотациями со стороны казны.

Наряду с новым сектором хозяйства и под его защитой, подчас буквально под покровительством государства в постколониальных восточных обществах постепенно укреплял свои позиции сектор колониально-капиталистический, трансформировавшийся в обычный частнокапиталистический со свободным рынком, конкуренцией, стремлением к рентабельности. Этот трансформирующийся и расширяющийся сектор терял свой прежде принципиально чуждый внутренней структуре традиционного Востока облик, переставал быть сектором колониально-европейским и становился просто капиталистическим, частнособственническим. Правда, в большинстве случаев в нем по-прежнему задавали тон вчерашние колонизаторы либо иные европейские, американские, позже также и японские фирмы, подчас уже лишившиеся национальной окраски (речь прежде всего о ТНК), но все более весомую роль здесь начинали играть и свои предприниматели и банкиры. Это в XX в. было характерным для Индии, Турции, ряда стран Юго-Восточной Азии, да и многих других стран современного Востока. Правда, по-прежнему среди местного населения выделялись те

его слои, которые в прошлом, будучи аутсайдерами, в большей степени, чем остальные, контактировали с колониальным капиталом – будь то джайны, хуацяо или компрадоры.

Но приобщались к этому процессу, особенно под покровительством государства, также и другие группы местного населения (вспомним политику малаизации национальной экономики в современной Малайзии).

Итак, на позднеколониальном и постколониальном Востоке – речь не только о колониях, но и о зависимых странах, даже о таких, как Япония, – роль государства в хозяйстве не только не уменьшилась под воздействием колониального капитала и свободного рынка, но в некотором смысле даже возросла. По всем параметрам государство в странах современного Востока занимает ведущие позиции в сфере хозяйственной деятельности и лишь в немногих из них, прежде всего в высокоразвитых дальневосточных, оно в последние годы начало отходить на задний план, уступая место уже целиком завладевшим экономикой отношениям рыночного капитализма. О том, почему именно так произошло, речь уже шла. Обратим теперь внимание на то, почему усиление государства оказалось не только не помехой, но в определенном смысле поддержкой, может быть, даже единственно возможным условием развития по еврокапиталистическому пути в странах постколониального Востока.

Прежде всего здесь следует принять во внимание уже упоминавшийся жизненно важный момент: колониальнокапиталистическая, принципиально чуждая традиционному Востоку по всем основным параметрам система рыночного хозяйства требовала для эффективного своего существования хорошо подготовленных людей – предпринимателей, собственников, мастеров рыночных свободных связей, готовых к жесткой конкуренции, ориентированных на извлечение прибавочного продукта. На Востоке таких людей не было. Были купцы, ростовщики, ремесленники, богатые землевладельцы; были рынки и даже международные торговые связи с большими торговыми оборотами. Были специализировавшиеся на этих связях мастера транзитной торговли, знавшие толк в прибыли, понимавшие смысл конкуренции, значение рынка. Именно эти люди, как-то подготовленные к жестким условиям функционирования капитала, и оказались первыми посредниками-компрадорами, агентами колониального капитализма в своих странах, той базой, на которую опирался в этих странах колониальный капитал. Но всего этого было недостаточно, что с особенной отчетливостью проявилось тогда, когда торговый колониализм сменился промышленно-банковским, энергично осваивавшим колонии и зависимые страны. Людей, подготовленных для оптимального функционирования по законам развитого капитализма, на Востоке было мало, кое-где практически не было вовсе. Это и стало объективной причиной того, что функции совокупного предпринимателя рыночно-капиталистического типа в изменившихся условиях взяло на себя государство, – больше некому было. Государство приняло на себя вызов эпохи. В его лице сконцентрировались и сопротивление традиционной структуры натиску колониального капитала, еврокапитализма, и приспособление к изменившимся вследствие этого обстоятельствам.

Почему именно государство? Само собой разумелось, что только государство, традиционно вовлеченное на Востоке в экономические заботы, издревле бывшее там генеральным субъектом централизованной редистрибуции и имевшее огромным тысячелетиями накапливавшийся опыт в деле организации хозяйства и контроля за оптимальным его состоянием, должно было взять на себя столь сложное, новое, непривычное, небезвыгодное, но и чреватое риском банкротства дело. При этом предполагались издержки, причем немалые. Накопленный веками хозяйственный опыт государства никогда и нигде на Востоке не был ориентирован на прибыльное ведение хозяйства, на экономическую эффективность, тем более в рамках свободной международной рыночной конкуренции. Однако общество в странах Востока, составлявшие его зависимые от власти индивиды не имели и этого опыта. Что же касается государства, то оно в силу его мощи и всевластия, его высшего права распоряжаться достоянием страны и народа (функция централизованной редистрибуции) было именно тем единственным институтом, который оказался способен гарантировать слабую развивающуюся рыночно-капиталистическую экономику страны от потрясений и неожиданностей, от ошибок и провалов с помощью своего покровительства и казенных дотаций.

И еще одно обстоятельство. Именно и только государство на Востоке владеет теми

большими материальными средствами, включая богатства казны, которые могут быть сконцентрированы и реализованы в том направлении, что считается по тем либо иным причинам наиболее важным для страны, ее хозяйства, оборонных нужд или иных стратегических целей. Именно казенные доходы государства легче всего при случае могут быть преобразованы в капитал, необходимый для создания тех или иных современных предприятий, отраслей экономики, а также инфраструктуры. Государство же чаще всего выступает и как субъект внешнего кредитования: именно оно гарантирует внешние займы – те самые, которые ныне столь тяжелым бременем лежат на бюджете многих, почти всех развивающихся стран. Займы эти, как правило, идут в руки государства, а далее соответствующие средства через бюджет вкладываются в различные отрасли хозяйства, включая дотации для нерентабельных предприятий государственного сектора и субсидирование цен на продукты первой необходимости ради удержания их на приемлемом для беднейшей части населения уровне.

Государство и общество

В этом пункте тема «государство и экономика» достаточно плавно переходит в близкую к ней и тесно с ней связанную тему «государство и общество». Дело в том, что колониально-капиталистическая трансформация, силовыми методами решительно взламывавшая традиционное хозяйство и буквально вынуждавшая государство взять в свои руки и даже возглавить перевод экономики – насколько это было практически возможным в той или иной стране – на рыночнокапиталистические рельсы, не могла достаточно быстро изменить то, что подчас именуется «человеческим фактором» (или *human relations*) и что зависит от традиции, норм поведения и образа жизни, социопсихологических и ценностных установок и ориентации населения. В этом смысле отличие социума в восточных странах от гражданского общества в странах Запада было огромным, принципиальным, во многих отношениях решающим.

На Западе веками труженик приучался к тому, чтобы стать рабочим, т. е. тем, кто продает свою рабочую силу на свободном рынке. И без такого труженика капитализм не может развиваться во всю свою мощь, это условие его существования и развития. На Востоке такого труженика не было и не могло быть, ибо даже издревле существовавший здесь наемный труд, в том числе и функционировавший на казалось бы добровольных договорных началах, всегда был опутан густой паутиной внеэкономических связей, вне которых индивид существовать здесь просто не мог. Это было нормой, традицией, стереотипом поведения, элементом привычного образа жизни, как такого же рода элементом были корпоративные связи, делавшие работника несвободным. Иной характер, иная система политических, экономических и социальных отношений вели к тому, что работники, трудившиеся на предприятиях, вроде бы вполне современных, действующих в рамках рыночно-капиталистического сектора, по сути являли собой – а во многом являют и сейчас – вчерашних крестьян традиционно-восточного типа, с ног до головы опутанных привычными социальными, экономическими и, главное, внеэкономическими (административно-политическими, корпоративными) связями. При этом давление избытка населения – фактор, все более ощутимый в развивающихся странах и механически во все возрастающих масштабах воспроизводящий именно привычные традиционные формы отношений, – отнюдь не способствует возникновению нормальных для функционирования капитала европейского типа условий, особенно таких, как свободный рынок рабочей силы, свободный выбор места работы и т. п.

В самом деле, многое в традиционной экономике Востока в наши дни переменялось. Изменился характер производства, особенно в больших городах, – оно стало машинным и крупномасштабным. Изменился характер труда – на смену прежним подданным, обязанным государству налогами и отработками, на смену несвободным батракам и наемникам пришли обычные рабочие, получающие за свой труд заработную плату (на государственном предприятии – из казны). В немалой мере изменился и характер социально-экономических отношений: на смену традиционным связям между всемогущим государством и бесправными подданными, опосредованным централизованной редиистрибуцией и принципиально не имевшим отношения к рынку, товарообмену, тем более к частной собственности, пришли связи

товарно-рыночного типа, пусть даже не вполне последовательные. Казалось бы, сдвиги огромные. Но, как о том только что говорилось, все на деле было не так, как может показаться при анализе с использованием лишь политэкономического инструментария.

Социологический анализ свидетельствует о том, что иной «человеческий фактор» создает иную ситуацию, в том числе и в экономике. В исторических трудах, особенно отечественных, специалисты долгие годы не видели, старались не замечать этой разницы. Много и охотно писали они, например, о рабочем движении, о профсоюзах, забастовках в странах Востока, о революционных выступлениях там пролетариата. Конечно, все это было, но в иной социальной среде, при иных политических реалиях, при господстве иных традиций и типа личности, форм соединения производителя со средствами труда (форм, опосредованных внеэкономическим принуждением). Все это не только выглядело иначе, но и играло другую роль как в реальной жизни Востока, так и в процессе его развития. И здесь опять нужно сказать несколько слов о государстве.

Конечно, колониальный капитал адаптировался к местным условиям, даже умело использовал их, приспособливал для своих нужд. Однако при этом он должен был вынужденно меняться сам, изменять в какой-то степени и себя. Для такого рода изменений были естественные пределы, за которыми современный капитал переставал быть независимым и ориентирующимся на свободный рынок конкурентной борьбы капиталом. Далеко не случайно колониальный капитал всегда стремился ограничить сферу своего функционирования добывающими промыслами и обрабатывающими предприятиями (вынужденно, необходимыми и трудоемкими), тогда как создание капиталоемких производств, особенно тяжелой промышленности, обычно выпадало на долю государственного сектора. Что же касается государственного сектора, то он хотя и был в зависимости от рынка, но не страдал от конкуренции и не гнался за экономической эффективностью и конкурентоспособностью, покрывая убытки дотациями. Более того, он поддерживал на плаву тем же способом либо посредством льготных тарифов национальную промышленность капиталистического типа, которая всегда оказывалась слабейшей частью современного сектора, ибо не только не имела необходимого опыта, но и сталкивалась все с теми же препятствиями – с несвободными работниками, традиционным рынком, внеэкономическими связями и т. п.

Словом, речь не только о том, что структурно чуждый традиционному Востоку капитализм развивался с трудом и приживался нелегко, что-то ломая и изменяя, как-то приспособливаясь и постоянно идя на компромиссы. Дело даже не только в том, что хуже всего приживался частный национальный капитал, постоянно нуждавшийся в щедрой поддержке со стороны государства. Главная сложность состояла в том, что слишком много и тем более быстро капитал, в том числе в его преимущественно государственной форме, достичь не мог по той простой причине, что традиционное восточное общество, даже пройдя через многие десятилетия, а кое-где и века колониализма, к этому не было готово. Конечно, на протяжении веков колониализма кое-что в этом направлении было достигнуто. Занял свои позиции колониальный капитал с его рынком, передовыми форпостами, торговыми факториями, плантациями и т. п. Активно вовлекались в сферу колониально-капиталистического рынка определенные слои местного населения, компрадоры и аутсайдеры. Частично приобщались к этому же социальные верхи, особенно правящие. Но всего этого было явно недостаточно для достижения серьезных результатов в деле капиталистического преобразования Востока – недостаточно прежде всего для преобразования общества, для трансформации специфического, с точки зрения европейского стандарта, восточного социума. Как ни медленно шел процесс индустриализации Востока, темпы его намного превышали темпы трансформации социума. Возникал драматический разрыв между необходимостью (общество должно было уметь управлять промышленной экономикой) и реальностью. Именно этот разрыв и вынуждено было заполнить государство.

Почему восточное общество даже после длительного периода колониализма и радикальной внутренней трансформации всей структуры оказалось, как правило, не готовым к существованию в рамках капитализма, и в частности к необходимому для этого самоуправлению? Быть может, период колониализма оказался для этого все же недостаточным? Едва ли. Индия прожила в качестве британской колонии около двух веков, а Япония колонией

не была вовсе. И хотя колониализм сыграл и не мог не сыграть своей роли, дело, видимо, все же не в этом. Возможно, сыграла роль сила сопротивления нововведениям? Безусловно, этот фактор нельзя не принимать во внимание, а кое-где, как в Иране, он активно действует и в наши дни. Но Иран все же крайний случай. А что же следует считать средним, типичным?

Оставляя в стороне ту модель, которая связана с крайне низким исходным уровнем развития (это касается в первую очередь Тропической Африки, хотя и не только ее), обратим еще раз внимание на то, что процесс индустриализации опережал много более сложный процесс адаптации к вызванным им переменам в образе жизни людей. Конечно, некоторые слои местного населения в силу ряда объективных причин быстрее остальных заимствовали чужой опыт, получали европейское образование, необходимую профессионализацию, сближались с еврокапиталистическим стандартом (как правило, не теряя при этом связи с родной почвой и традициями). Это способствовало адаптации общества в целом, но ненамного: основная часть населения в большинстве стран Востока даже после деколонизации (а в ряде случаев после деколонизации и обретения самостоятельности в еще большей степени, нежели прежде) не только не была готова к необходимой адаптации, но и решительно выступала против этого.

Здесь играло свою роль многое. Это и привычка, консервативный традиционализм крестьян; это и приверженность к собственным системам ценностей, апробированному веками образу жизни; это и противодействие нажиму извне, со стороны чужих, пытающихся навязать свою волю. На Востоке не знакомы с европейской демократией, не ощутили ее преимуществ, не приспособлены к правовым нормам, свободам, индивидуальным гарантиям европейского типа и не стремятся к ним, а то и активно не хотят иметь с ними что-либо общее. Здесь привыкли к иерархии и неравенству, к веками сложившимся стереотипам бытия, к давлению верхов, к всемогуществу власти. Пожалуй, именно в этой связи стоит еще раз напомнить о «поголовном рабстве». Теперь эта формула предстает перед нами не только как красочная метафора, символизирующая всемогущество власти и государства. В гораздо большей степени она – символ слабости, неразвитости, зародышевого состояния гражданского общества, общества самостоятельных и ценящих свое достоинство, свои свободы индивидов. Может быть, мы вправе даже говорить о практически полном отсутствии на Востоке такого института, как общество (далеко не случайно в работе используется термин «социум»). Именно вместо общества и был феномен, именуемый «поголовным рабством».

Речь идет не о рабстве в юридическом или экономическом смысле слова, а о социально-политическом и даже в еще большей степени о социально-психологическом феномене. Ленин писал в свое время, что никто не виноват в том, что родился рабом, однако раб, довольный своим положением, способен вызвать презрение и достоин называться холуем и хамом. И хотя эта формула относится к России, в ней заключен немалый смысл. Можно к ней добавить и существенное для нашего случая пояснение: именно многовековые традиции Востока (Россия в этом плане – тоже Восток) создали ситуацию, при которой рабы – рабы с европейской точки зрения, т. е. лица, не ценящие свободы, – не только удовлетворены своим положением, но и, даже зная уже о существовании иных стандартов бытия, не желают отказываться от привычного образа жизни (имеющего, к слову, свои преимущества, особенно с точки зрения гарантированного обеспечения жизненного минимума). Это и есть то, что можно было бы назвать сервильным комплексом и что сыграло и все еще играет свою роль в истории Востока и, увы, в судьбах нашей страны.

Иными словами, виноват не человек как таковой (тот, кто удовлетворен положением раба или, скажем мягче, бесправного подданного) – виноват веками апробированный стиль жизни, строй, командно-административная система, при которой ведущая сила не народ, а государство. Народ же довольствуется тем, что имеет, более того, склонен обоготворять власть и неустанно благодарить ее за ее щедрые деяния. Эта привычка прошла через века, дошла до наших дней и во многом определяет современные стереотипы взаимоотношений на Востоке. В частности, это касается феномена обоготворения носителя высшей власти. Неважно, как он называется – королем, императором, президентом или лидером революции. Важно, что для традиционно ориентированных подданных он и сегодня является законным носителем власти, символом ее. Не имеет значения, как он пришел к власти с точки зрения принятых в Европе процедур – законно или нет, демократическим путем или иначе. Кто взял власть, тот и достоин ее, тот и

хозяин. А по отношению к хозяину все остальные – его слуги, если не рабы. И хотя понятие «раб» здесь соотносится не столько с полным бесправием, сколько именно с феноменом холуйства, само по себе все это далеко не безобидно, ибо отсутствие человеческого достоинства в европейском смысле этого слова играет весьма немаловажную роль в создании определенных социопсихологических установок, замедляющих процесс адаптации населения к еврокапиталистическому стандарту и даже препятствующих выработке таких личных качеств и личностных отношений, без которых упомянутая адаптация просто невозможно.

Здесь уместно остановиться на восточном крестьянине как социальном феномене. Еще сравнительно недавно в марксистской историографии твердо считалось, что неевропейское крестьянство (особенно современное) – это мелкая буржуазия. Между тем крестьянин на Востоке никогда не был мелким буржуа и не является им в массе своей (за редкими исключениями типа пенджабских фермеров, которые к тому же далеко не всегда «мелкие» буржуа). Даже торгуя на рынке, крестьянин на Востоке всегда был общинником и коллективистом. Причем не только по формальной своей принадлежности к какой-либо социальной корпорации, что существенно, но и социально-психологически. Он не превращался в буржуа потому, что жил в условиях, несовместимых с буржуазными. Он не имел ни прав, ни гарантий, ни привилегий собственника, не знал свободного рынка и конкурентной борьбы, но зато всегда зависел от власти и был опутан густой сетью внеэкономических связей.

Неудивительно поэтому, что восточный крестьянин, в принципе хорошо знакомый с рынком и издревле соприкасавшийся с товарноденежными отношениями, знавший и аренду, и наемный труд, и жесткие ростовщические проценты, оказался неприспособленным к условиям капиталистического рынка, примерно так же, как большинство из людей старшего поколения, воспитанных в старых привычках, не готовы или с трудом воспринимают в наши дни реалии компьютерного века. Неудивительно и то, что, не имея соответствующего опыта, крестьянин быстро разоряется в мире чистогана, пополняя собой ряды пауперов и оказываясь тем самым тяжелым грузом для все того же государства, вынужденного брать на себя заботы о его хотя бы минимальном жизнеобеспечении. Впрочем, сказанное касается и значительной части горожан, тех же выбитых из жизни и перебравшихся в города бедняков и пауперов. Правда, адаптируются горожане в силу оторванности от деревенских корней и разнородности контактов в городе быстрее. Но строить иллюзии не приходится: в том, что касается потребительского стандарта, адаптация идет полным ходом, но далеко не так обстоит дело со всем остальным, что порождает множество проблем.

Ко всему сказанному в заключение важно добавить и еще один очень существенный фактор: прирост населения. Как ни относиться к колониальной экспансии (а на Востоке до нынешнего дня, как упоминалось, обычно относятся к ней более чем сурово, клеймят колониализм и неоколониализм), нельзя не заметить того, что вместе с ней в страны Востока проникали европейская культура, более высокий уровень цивилизации, включая современную систему здравоохранения, просвещения, социальной защиты, следствием чего, в частности, были распространение и постепенное усвоение элементарных представлений о гигиене, квалифицированной врачебной помощи. Эти новые условия бытия быстро сказались на изменении темпов прироста населения. Демографический взрыв, повлекший за собой резкое увеличение населения на Востоке, особенно заметное в XX в., означал, что трансформирующийся Восток не просто оказался перенаселенным, но начал вынужденно воспроизводить бедность, даже просто нищету, ориентированную к тому же на традиционный стандарт. Это, естественно, оказалось серьезным тормозящим адаптацию фактором, не говоря уже о том, что перенаселенность вызвала новые проблемы, справиться с которыми большинство стран Востока (особенно это касается Африки) практически не в состоянии.

Естественно, что забота о решении всех проблем, включая вызванные сложностями адаптации и перенаселенностью, легла на плечи государства, которое одно только могло как-то гарантировать минимальный жизнеобеспечивающий стандарт и которое издревле было так или иначе занято именно этим. Но в новых условиях трансформирующегося и активно индустриализирующегося Востока это вызвало серьезные внутренние противоречия в политике. С одной стороны, государство должно содействовать развитию, ибо в этом будущее страны, залог ее процветания в дальнейшем. Для этого оно должно создавать

благоприятствующие свободному рынку условия, что объективно ведет к экономическому расслоению населения и к выбиванию из привычной жизненной колеи все новых миллионов не приспособившихся к изменившемуся стандарту жизни людей, прежде всего из числа беднейшего крестьянства. С другой стороны, государство вынуждено заботиться о сохранении в определенных рамках традиционной структуры и связанных с ней институтов, так как только это способно реально обеспечить минимальный стандарт существования для угрожающе возрастающего населения, – стоит еще раз напомнить в этой связи о ситуации в современной кастовой Индии, где огромное количество низкокастового населения по привычке вполне удовлетворено нищенским существованием и не стремится к лучшему.

Эта объективная позиция восточного современного государства между Сциллой капиталистической индустриализации и рыночного хозяйства и Харибдой традиционно ориентированных людей, количество которых все возрастает, во многом объясняет шараханье в политике развивающихся стран, особенно из числа слабейших. В ходе политических переворотов на передний план выходят то одни, то другие лидеры с различными установками и рецептами в поисках выхода из нелегкого положения. Одни исходят из того, что задача сохранения минимума и гарантий для большинства – наиважнейшая и что выполнить ее можно лишь привычными жесткими административными методами с ориентацией на традиционные формы существования. Логика такого рода ориентации ведет к отрицанию чуждого структуре капитализма и, как следствие, к попыткам ориентации на альтернативную модель развития, представленную в XX в. преимущественно в одном варианте – советском, тоталитарномарксистском, ленинско-сталинском. Другие видят выход именно в предоставлении статуса наибольшего благоприятствования капитализму во всех его модификациях, сознавая при этом всю сложность ситуации и болезненность трансформации, связанной с радикальной ломкой привычного стандарта, но обещающей успехи в будущем.

Как хорошо известно, шараханье в политике и ориентации тех или иных современных восточных государств вело к их переориентации, а порой и ко вторичной, обратной переориентации с одной модели развития на другую. Однако в итоге большинство из них избрало ориентацию на еврокапиталистический стандарт, продемонстрировавший свою эффективность. И здесь, в конце главы, посвященной взаимоотношениям государства и экономики на современном Востоке, стоит сделать весьма определенный вывод: капитализм на современном Востоке не является и в силу структурных причин не мог быть, как то было на Западе несколькими веками ранее, итогом некоего динамично развивавшегося, но в основе своей стихийного саморегулировавшегося процесса, лишь иногда подправляемого, корректируемого политикой государства. Здесь это был процесс, субъективно осмысленный и сознательно определяемый государством.

Это был результат определенной политики. Возможно, именно в этом – основа специфики процесса капиталистического развития на Востоке. Лучше всего это видно из того, как в послевоенном мире освободившиеся от колониальной зависимости страны Востока выбирали свой путь, свою модель развития.

Глава 13

Проблемы развития: выбор пути

Страны Востока, обретя политическую независимость, получив либо упрочив свою государственность и оказавшись перед объективной необходимостью преодоления отсталости и ускорения развития, в середине нашего века должны были сделать выбор – тот самый выбор пути, который столь зависел от решения государства, от его политики. Государство, встав над всем и отвечая за все, брало на себя решение, вырабатывало стратегию развития. Будучи вынужденным балансировать между двумя едва ли не равными по силе и значимости тенденциями (как лучше содействовать развитию и как при этом легче гарантировать прожиточный минимум людям, не подготовленным для радикальных изменений в образе жизни), оно было свободным в выборе, хотя на деле эта свобода была более чем относительной и условной.

Итак, государство – или, точнее, представлявшие его руководители – должно было избрать ту или иную политику и следовать ей, причем от этого зависело очень многое. Можно было открыть в стране свободный рынок и поощрять его, но можно было сделать прямо наоборот: закрыть рынок почти наглухо, как то было в Китае при Мао. Государство могло стимулировать развитие частной собственности, но могло и пресечь ее, вырвать с корнем; могло разрешить деятельность в стране иностранных компаний и ТНК, а могло и запретить эту деятельность, решительно изгнав иностранцев. И от того, какая именно политика будет взята на вооружение тем или иным свободным государством развивающегося мира, зависела вся его судьба в последующем. Так что выбор пути был делом весьма важным. От чего же он зависел? Что влияло на выбор? И в конечном счете на что можно было ориентироваться, делая выбор?

Эталоны для ориентации

Естественным ориентиром для развития стран Востока с прошлого века была Европа, т. е. еврокапиталистическая структура в целом и, более конкретно, олицетворенные метрополиями ее модификации. Изучая язык страны-метрополии, получая образование в ее университетах, пропитываясь ее культурой, представители высших социальных слоев колониальных и зависимых стран в большинстве своем становились как бы представителями двух цивилизаций, двух социальных структур – собственной и оказавшей на них огромное влияние чужой. Логично, что в перспективе они представляли себе будущее своих стран как нечто промежуточное между традиционным прошлым и заимствованным образцом. И если принять во внимание, что во главе вновь образовывавшихся самостоятельных государств постколониального Востока оказывались пропитанные культурой метрополии представители высших слоев местного населения, то не приходится удивляться тому, что еврокапиталистическая структура метрополии представлялась им чем-то вроде Образца.

К этим субъективным представлениям можно прибавить и нечто более объективное. Речь прежде всего о длительной целенаправленной деятельности колониальной администрации в колониях, которая вела к насаждению принятых в метрополии порядков, ее языка, культуры, политических и правовых норм и т. п. Оба фактора, накладываясь один на другой, усиливали друг друга и создавали мощный импульс с четким вектором. Что касается стран зависимых, где фактора колониализма в форме длительного господства колониальной администрации не было, то там на передний план обычно выступала политическая ориентация своего правительства. Иногда определенную роль играли случай, борьба политических сил, соперничество великих держав, даже свободный выбор (вспомним миссию Ито, посланную в Европу в конце прошлого века для ознакомления с теми политическими системами, из которых следовало выбрать нечто наиболее подходящее для Японии). Кроме того, объективным фактором огромной силы был сам колониальный капитал во всех его модификациях. Этот капитал зримо демонстрировал свое техникотехнологическое и экономико-индустриальное превосходство и буквально подавлял своей мощью традиционное хозяйство и связанный с ним образ жизни Востока. Стать капиталистической, развиться до такого уровня было если и далеко не всеми осознанной, то во всяком случае подспудно вызревавшей целью каждой из стран отсталого Востока. К этому вело и развитие национального капитала, пусть медленное и противоречивое. В еще большей степени такого рода целью было обычно озабочено бравшее на себя экономические функции государство.

Словом, многое говорило в пользу именно еврокапиталистического стандарта. Этот стандарт, олицетворенный той или иной его конкретной модификацией (страной-метрополией), обычно и брался за эталон для подражания. Именно на такого типа развитие ориентировались на рубеже XIX–XX вв., а то и вплоть до середины XX в. практически почти все страны Востока. Ситуация несколько изменилась во второй четверти нашего века, причем это изменение было связано с революцией 1917 г. в России и возникновением в мире мощного коммунистического движения.

Идеи марксистского социализма в их большевистской модификации оказали немалое воздействие на Восток. Подспудно они проникали туда, скажем, в Иран, еще до 1917 г. Но

после русской революции и образования СССР эти идеи обрели организованную форму. Во многих странах Востока возникли компартии, руководство которых ставило своей целью ориентироваться на революционный переворот и строительство марксистского социализма, т. е. такой социально-экономической структуры, которая была противопоставлена капитализму и призвана преодолеть, заместить его, ликвидировав при этом такие его «язвы», как частная собственность и эксплуатация человека человеком. Естественно и логично, что молодые и теоретически не очень-то искушенные, вначале численно весьма слабые компартии Востока не только ориентировались на русский опыт, но и просто всему учились у большевиков, практически внимая каждому слову, раздававшемуся из Москвы, где для координации коммунистических сил и руководства их политикой был создан Коминтерн. Разумеется, все перемены в Москве соответственно сказывались на компартиях вне ее, включая и страны Востока. В частности, приход к власти в СССР Сталина и строительство там жесткой силовой системы марксистского социализма (сталинская модель) означали для компартий Востока, что именно на такую модель им отныне и следует ориентироваться. Это было тем более естественным и логичным, что соперники Сталина, предлагавшие иные модели, были заклеены как враги народа и уничтожены. Осталась однаединственная (лишь в 1948 г. Тито в Югославии попытался создать другую), и именно она стала для коммунистов всего мира эталоном. Впрочем, с середины нашего века эта модель стала ориентиром уже не только для коммунистов, но и для многих близких к марксизму националистов, что проявилось в феномене так называемой социалистической ориентации в ряде стран Азии и Африки, олицетворяли которую радикально настроенные реформаторы, готовые многое заимствовать из сталинской модели, но в то же время не всегда отождествлявшие себя с коммунистами (речь не о букве, не о названии той или иной партии, а о сути дела).

Что привлекало определенные и чаще всего руководящие слои ряда стран Востока в сталинской модели марксистского социализма? Ответ на этот вопрос не составляет труда. В этой модели лидеры стран Востока, прежде всего отсталых, видели казавшуюся им едва ли не оптимальной возможность для ускоренного развития в условиях, которые не требовали радикальной трансформации структуры, не вынуждали ломать веками устоявшуюся норму и на ее развалинах формировать свободный рынок с конкуренцией действующих на свой страх и риск частных собственников. Не имея ни развитого капиталистического рынка, ни знакомых с его принципами и тем более умеющих извлекать прибыль из конкурентной борьбы частных собственников, лидеры этих стран вместе с тем принимали во внимание, что сталинская модель с ее жесткой командноадминистративной системой, функционально до мелочей сходной с политическо-правовыми нормами классического Востока («восточная деспотия», «поголовное рабство» и т. п.), продемонстрировала принципиальную возможность за кратчайший исторический срок вырваться из состояния отсталости, совершить индустриализацию, превратить страну в мощную военную державу. О цене этого рывка тогда не было известно, но мало кого она – даже если была бы известна – остановила бы. Главным было добиться цели, пусть даже очень дорогой ценой, избегнув при этом болезненной ломки структуры, к чему отсталая страна менее всего готова. Добиться цели, используя те рычаги и издревле существовавшие нормы жизни, которые были привычны как для управителей, так и для управляемых.

Не все и не всегда полностью отдавали себе отчет в этом. Что касается коммунистов первого поколения, то в них было немало от революционного порыва и искренней веры в то, что они несут своим народам освобождение. Именно эта вера и эта искренность сыграли едва ли не решающую роль в том, что в годы серьезного политического и социального кризиса, вызванного второй мировой войной и японской оккупацией Китая и Юго-Восточной Азии, поднявшиеся на борьбу с оккупантами крестьянские массы в ряде случаев пошли за коммунистами, что и привело после победы революций в этих странах к созданию там сходных с СССР режимов марксистского социализма.

Итак, в качестве генерального ориентира для развития деколонизованного Востока оказались в середине XX в. две основные модели – еврокапиталистическая и марксистско-социалистическая в ее сталинской модификации. Обе продемонстрировали успехи, причем вторая сделала это в условиях, весьма близких к тем, что были характерны для

Востока. Нельзя сказать, что в СССР не было крутой ломки структуры и решительных радикальных преобразований всего образа жизни страны и людей. Было и то, и другое, да и много еще такого, о чем в то время мир не знал или только смутно догадывался. Но одно четко отличало сталинскую модель от еврокапиталистической: она принципиально выступала против свободного рынка и свободной частной собственности, т. е. выступала как раз против того, что было чуждым традиционному Востоку и требовало от него болезненной структурной ломки, правда, уже давно начатой, а кое-где и приведшей к ощутимым позитивным результатам. Сталинскую и еврокапиталистическую модели развития следует считать своего рода полюсами широкого диапазона возможного выбора пути для стран Востока. Между этими полюсами лежал веер направлений промежуточного характера. Что же сыграло решающую роль в выборе пути развития? Какие факторы и обстоятельства повлияли на выбор?

Религиозно-цивилизационный фундамент как фактор выбора

Об этом фундаменте уже немало было сказано в третьей части книги. Теперь вопрос необходимо поставить в несколько иной плоскости: как та или иная из восточных цивилизаций содействовала выбору пути развития в середине нашего века? Для этого следует провести небольшой сопоставительный анализ.

1. Генеральная установка-ориентация

В мире ислама – явственный акцент на религиозно-детерминированное социальное поведение при покорности каждому воле Аллаха, соблюдении строгой обрядово-этической дисциплины. Заметны фанатизм и фатализм правоверных, забота о благосостоянии социума (уммы) с неким подобием социального страхования (закят).

Для индо-буддизма характерен акцент на религиозно-детерминированное индивидуальное поведение различающихся кармой людей с установкой на личностные усилия ради исключения из мира сансары и слияния с небытием. Материальное благополучие, социальная гармония и тем более идея равенства людей высшей ценности не имеют.

Дальневосточно-конфуцианская традиция-цивилизация характеризуется акцентом на социальную этику и административно-регламентированное поведение. Высоко ценятся стремление к гармонии, благосостоянию при постоянном личном самоусовершенствовании, а также идея равенства.

2. Отношение к человеку и обществу, взаимоотношения людей

В мире ислама сфера человеческих отношений строго регламентирована, простор для самореализации минимален, социум довлеет над человеком безоговорочно.

В индо-буддизме нет такой степени подавления человека социумом, как в исламе. Но простор для индивидуальных поисков ограничен сферой потустороннего. Взаимоотношения людей регулируются строгими нормами общины и касты.

На Дальнем Востоке статус социума выше статуса человека, но за каждым признается право на самореализацию и самоусовершенствование в рамках общепринятой нормы. Поощряется состоятельность, способствующая выявлению потенций каждого.

3. Отношение к собственности и власти

В мире ислама государство всеильно, общество и личность подчинены ему абсолютно. Частная собственность признается, но ограничивается.

В индо-буддизме государство не сильно. Частная собственность престижем не пользуется.

На Дальнем Востоке государство, как правило, сильно. Социальным престижем собственники не пользуются, но условия для проявления-энергии и инициативы в сочетании с высокой культурой труда и постоянным самоусовершенствованием способствуют реализации частнособственнических потенций.

4. Сравнительное сопоставление основных параметров

Генеральная установка всех трех восточных цивилизаций (да и африканцев Тропической Африки, не выработавших своей религиозно оформленной цивилизации) отлична от европейской с ее постоянной ориентацией на материальный успех индивида-собственника. На Востоке, включая Африку, преобладают ценности духовно-религиозные и этические. Но, сравнивая эти ценности между собой, мы вправе заключить, что на фоне исламской с ее религиозным фатализмом, жесткой обрядовостью и всеобщей покорностью воле Аллаха, а также индо-буддийской с ее поисками спасения во внефеноменальном мире заметно выделяется дальневосточная с характерной для нее установкой на стремление к социальной гармонии в результате личной активности каждого, на реализацию производительной энергии и постоянное самоусовершенствование дисциплинированного индивида, действующего в пределах санкционированной нормы.

Дальневосточный индивид, резко отличающийся от ищущей спасения во внефеноменальном мире личности индо-буддийского мира и от скованного религией правоверного, не может, конечно, быть поставлен рядом с европейским гражданином-собственником, на страже прав и свобод которого стоят общество и государство. Однако стоит дать дальневосточному индивиду хотя бы некоторые из тех условий и гарантий, которыми обладают европейцы, и избавить его при этом от чрезмерной регламентации сверху, со стороны государства, как он при его культуре труда, социальной дисциплине с ориентацией на этическую норму, неприхотливости и умении довольствоваться малым не только сравняется с европейцем, но и кое в чем превзойдет его, – достаточно еще раз напомнить о феномене хуацяо.

Если коснуться сферы человеческих отношений, личности и социума, то опять-таки окажется, что ближе всего к европейскому стандарту стоит дальневосточная цивилизация, где при всей строгости социального регламента всегда поощрялись способности, соревновательность в условиях нерелигиозной ориентации и стремления к достижению благосостояния. Ислам с формальным равенством приниженных и задавленных социальным регламентом рабов Аллаха или Индия с ее кастами, да и буддизм с его ориентацией на спасение в мире потустороннего не оставляют много места для самореализации потенций индивида. Что же касается власти, то во всех цивилизациях Востока она имеет абсолютный авторитет и право контролировать собственника. Более того, структура выработала механизмы (речь о крестьянских восстаниях или общинно-кастовой системе в Индии), которые призваны компенсировать ослабление власти, особенно когда она находится в состоянии кризиса, и не дать собственнику использовать это в своих интересах. Здесь все три восточные цивилизации едины и равно противоположны европейской структуре, в чем и заключается основа структурных различий между Европой и Востоком.

Таким образом, из трех больших сфер, избранных для сопоставительного анализа, одна (третья) четко фиксирует принципиальное несходство Востока с Европой, а две другие позволяют заключить, что ближе остальных к европейскому стандарту стоит дальневосточный, тоща как далее всего от этого стандарта отстоит мир ислама. Мир ислама в некотором смысле наиболее гармонично ложится на самые отсталые структуры, как то можно видеть на примере значительной части современной Тропической Африки, Афганистана, ряда арабских стран, Индонезии, да и некоторых других регионов. Сталкиваясь с развитыми цивилизациями – будь то Индия, страны буддизма. Дальний Восток, – он не добивается аналогичного эффекта. Это может показаться противоречащим истории, ибо в пору своего распространения ислам быстро одолел районы древних ближневосточных цивилизаций. Однако ни Египет, ни Двуречье не имели религиозно-цивилизационного фундамента, сравнимого с индубуддийским или дальневосточно-конфуцианским.

Но мало сказать, что мир ислама как религиозноцивилизационный фундамент в наибольшей степени соответствует отсталым структурам. Он в наибольшей мере консервативен, обладает наивысшей инерцией и в наименьшей степени поддается внутренней

трансформации. Причем это зависит не только от его доктринальной сущности, анализ которой в общих чертах только что производился, но также и от его внутренней силы как тотальной религии, охватывающей все стороны жизни, сливающейся воедино с политикой, с государством, доходящей в своем религиозном рвении до нетерпимости (джихад). В случае с шиитским исламом, где слитность с государством отсутствует, компенсацией выступает еще большая степень нетерпимости, питающаяся веками борьбы за самоидентификацию.

Несколько иначе обстоит дело с индо-буддийским миром, где религиозная терпимость и нейтралитет по отношению к государству создают определенные предпосылки для постепенной трансформации внутренней структуры в условиях энергичного высшего воздействия. И хотя религиозная ориентация здесь сковывает возможности человека, воздействует на него путем создания определенных социопсихологических стереотипов, она практически не вмешивается в нерелигиозные сферы бытия. А сформированная самой религией генеральная установка на определенную активность индивида (пусть даже только в сфере поиска спасения во внефеноменальном мире) все же делает свое дело, облегчая каждому – при создании благоприятной для этого ситуации – вовлечение в процесс развития. Что же касается только что упомянутых благоприятных обстоятельств, то они в интересующем нас плане связаны как с длительным воздействием колониализма, так и – в Юго-Восточной Азии – с феноменом хуацяо. Словом, при отсутствии характерной для ислама мощной инерции торможения (а стоит напомнить, что ислам в Юго-Восточной Азии в этом смысле не столь силен, как на Ближнем Востоке) и активной религиозно-идеологической индокринации, особо сильной у шиитов, индо-буддийская традиция-цивилизация почти нейтральна по отношению к импульсам со стороны. И хотя многое в Индии (закон кармы и сила касты) и в Юго-Восточной Азии (сравнительно низкий уровень развития в условиях субтропиков и тропиков) задерживает развитие, иные факторы способствуют ему.

Что касается дальневосточного религиозно-цивилизационного фундамента, то о нем уже было сказано достаточно много: этот фундамент наиболее благоприятен для активной трансформации традиционной структуры. Мешает этой трансформации лишь сильное государство. Там, где его не было (Япония, хуацяо Юго-Восточной Азии), позитивные результаты налицо.

Завершая сопоставительный анализ, можно заключить, что религиозно-цивилизационный фундамент – важный фактор, определяющий потенции развития стран Востока. Это очень заметно на примере тех стран, где фундамент минимален, а то и вовсе отсутствует, как то имеет место в Тропической Африке. Это хорошо заметно на примере исламского фундамента: там, где он сравнительно слаб (Малайзия, Индонезия, частично Пакистан), результаты развития более ощутимы. Там, где он сильнее, нужен был в качестве компенсирующего фактора более сильный эффект колониализма, что видно на примере Турции или Египта, длительное время ощущавших на себе давление со стороны европейского капитала. Особых оговорок требует феномен богатых нефтедолларами арабских стран, где именно богатство выступило в качестве компенсатора инерции ислама. Наконец, роль цивилизационного фундамента блестяще демонстрируется на примере Дальнего Востока, где позитивное воздействие его наиболее очевидно.

Следует заметить, что с особой силой этот фактор, действовавший и до того, начинает действовать с момента деколонизации, когда он функционирует в своем, так сказать, чистом виде. Именно с этого момента ощущаются как внутренняя его сила, так и вектор импульса, что сказывается на результатах.

Условия и обстоятельства выбора пути развития

Вернемся, однако, к проблеме выбора пути развития. Проблема эта для стран зависимых встала в начале XX в., для колоний – после деколонизации в середине века. Однако если учесть сложность и неоднозначность процесса выбора и принять во внимание вызванную обстоятельствами переориентацию, то в конечном счете решать проблему пришлось всем так или иначе в одно и то же время, в основном – во второй половине нашего века (включая колебания и переориентации). От чего же зависел выбор пути?

Снова вспомним об исходных позициях: конец эпохи колониализма; политическая независимость и выход на передний план усилившегося и взявшего на себя заботы о развитии страны государства; противоречивость позиции государства (как содействовать развитию, не слишком резко меняя привычный для людей образ жизни); религиозно-цивилизационный фундамент, содействующий или препятствующий курсу на трансформацию традиционной структуры; противоположные по многим параметрам эталоны-полюса возможного индустриального развития. И главное – необходимость все же сделать выбор, подчинив ему в дальнейшем политику страны, разработав соответствующую стратегию развития. Исходные позиции в общем были однотипны для всех, хотя равнодействующая всех упомянутых факторов могла быть весьма различной по мощи и вектору импульса. Этот импульс мог быть сильным и позитивным, т. е. объективно содействующим энергичной внутренней трансформации, что было наиболее характерно, как о том уже шла, речь, для стран Дальнего Востока региона с их конфуцианским религиозноцивилизационным фундаментом. Он мог быть, напротив, сильным и негативным, т. е. олицетворять собой мощь инерции, что наиболее характерно для стран ислама, особенно шиитского ислама. Но для многих стран Востока, включая и Африку, импульс был слабым, порой практически нулевым.

Что означала или могла означать разница в мощи и векторе импульса? Сильный негативный импульс означал прежде всего энергичное сопротивление структуры любым воздействиям на нее извне, стремление остаться самим собой, кульминацией которого можно считать события рубежа 70 – 80-х годов в Иране. Смягчающие факторы и обстоятельства могли несколько повлиять на положение дел, как то имело место в богатых нефтедолларами аравийских монархиях: нефть здесь сделала внутреннюю трансформацию безболезненной, а ориентацию на еврокапиталистический стандарт ненавязчивой, даже в некотором смысле необязательной – особенно для тех, кто этого не желал (бедуины). Однако это действовало отнюдь не обязательно. Богатые нефтью Ливия и Иран использовали свои нефтедоллары для того, чтобы еще резче противопоставить неисламскому и особенно западному миру с его еврокапиталистическими стандартами свои, нарочито акцентированные исламские ценности с явно фундаменталистской окраской. За ценности фундаменталистского ислама высказываются ныне определенные силы и в иных исламских странах, от Афганистана и Судана до сравнительно развитого Алжира. И только там, где сам ислам и тем более его негативный импульс изначально были ослаблены, т. е. вне территории Ближнего Востока, от Пакистана до Индонезии, развитие по еврокапиталистическому пути в наши дни явно выходит вперед по сравнению с привычными исламскими ценностями, хотя и при сохранении чтимых традиций.

Слабый или нулевой импульс, характерный для стран индубуддийской цивилизации и для Африки, означал, что многое в развитии, в ориентации при выборе пути здесь зависит от внешних обстоятельств, порой просто от случая. Пример Африки наиболее нагляден. Но стоит вспомнить и об Индии, чей путь был избран за нее англичанами, о буддийских странах Индокитая, с легкостью становившихся жертвами любителей социальных экспериментов. Впрочем, ослабленный импульс всегда был залогом неудачи любителей рискованных экспериментов, что опять-таки видно и на примере современной Африки, и в буддийском Индокитае, где последний из такого рода экспериментов – бирманский – явно близится к благополучному концу. Во всяком случае благоприятные для успешного развития внешние обстоятельства могут сыграть в условиях слабого или нулевого импульса решающую роль.

Сильный позитивный импульс, характерный для стран, внутренне как бы готовых к активной трансформации, проявляет себя далеко не автоматически. Можно даже сказать, что внешне он себя вовсе не проявляет, так что феномен Японии долгие десятилетия был своего рода уникальным явлением. Но выявившиеся во второй половине нашего века закономерности развития стран Дальнего Востока, ориентированных на конфуцианские цивилизационные ценности, позволяют поставить вопрос иначе, т. е. выдвинуть на передний план именно способность и потенции для трансформации как таковые. Стоит напомнить, в частности, что именно дальневосточные страны оказались лидерами в движении по обоим наметившимся в послевоенном мире путям развития и радикальной трансформации – по марксистско-социалистической и еврокапиталистической модели.

Было ли в странах этого региона внутреннее сопротивление структуры навязываемым извне переменам? Безусловно, оно ощущалось даже в Японии. Но по сравнению с другими регионами это сопротивление было каким-то иным, достаточно своеобразным. Менять свои привычки под бесцеремонным нажимом извне никто особенно не хотел, как это видно из истории Китая, Кореи или Вьетнама в конце XIX – начале XX в., – достаточно еще раз напомнить об ихэтуанях. Но коль скоро ситуация стала необратимой и практически с этим уже ничего нельзя было поделать, прагматизм дальневосточной традиции вышел на передний план и сказал свое веское слово. В Японии раньше других; на континенте – несколько позже и иначе. Но во всех случаях прагматическая реакция стран Дальнего Востока означала, что страны, раз уж это неизбежно, к переменам готовы. Они готовы мобилизовать свои потенции для того, чтобы даже способствовать такого рода переменам. Вопрос лишь в том, в каком направлении начать трансформацию, – какой путь избрать для развития. И если в этом пункте пути стран Дальнего Востока кардинально разделились, то зависело это прежде всего от случайных и тем более внешних обстоятельств. Рассмотрим ситуацию в этом смысле более подробно.

Как о том уже шла речь, компартии вскоре после 1917 г. возникли во многих странах Востока, однако далеко не везде они смогли стать влиятельной политической силой. Ранее других этого удалось добиться компартии Китая, несколько позже – Вьетнама. Этому способствовало многое, но едва ли не важнейшую роль сыграло то, что лозунги компартий с их призывом к социальному переустройству посредством достижения власти в ходе массового революционного движения были не только близки и понятны именно в странах Дальнего Востока (как они были чужды массам в Индии и не всегда понятны в мире ислама или в буддийских странах), но и во многом сущностно совпадали с нерелигиозной в своей глубинной основе конфуцианской ориентацией на социальную справедливость и государство всенародной гармонии во главе с мудрыми и заботливыми правителями. В ходе второй мировой войны и японской оккупации Китай и Вьетнам оказались в состоянии глубокого внутреннего кризиса, а выход из него, как то обычно бывало в странах конфуцианской культуры, оказался тесно связан с массовым народным движением, которое на сей раз было возглавлено коммунистами. Во Вьетнаме это привело к победе компартии в бывшей колонии, не имевшей собственного правительства, хотя и хорошо знакомой с традицией независимого государства: незадолго до революции 1945 г. во Вьетнаме еще был жив император, правда, к тому времени уже фактически лишенный власти французскими колонизаторами. В Китае, где существовало собственное независимое правительство, переход власти к коммунистам был облегчен внешними обстоятельствами, т. е. оккупацией советскими войсками Маньчжурии, которая была японской колонией. Это же внешнее обстоятельство сыграло еще более важную, практически решающую роль для севера Кореи, тоже бывшей японской колонией и, естественно, не имевшей собственного государства и правительства.

Итак, во Вьетнаме, Китае и на севере Кореи была заимствована сталинская модель с жесткой властью классического восточного типа при ограничении индивидуальных прав и свобод и всеилии бюрократической администрации, опирающейся к тому же на мощную идеологическую индоктринацию. Эта модель функционально и структурно оказалась не столь уж чужда классической конфуцианской, хорошо знакомой и Китаю, и Корее, и Вьетнаму, так что нет ничего удивительного в том, что все три страны, о которых идет речь, достаточно гармонично в нее вписались. Конечно, дело не обошлось без серьезных внутренних реформ, без радикальных социальных преобразований и массовых репрессий, но многое осталось по-старому. Не только не получил развития свободный капиталистического типа рынок с конкуренцией и борьбой за прибыль частных собственников, но наоборот, все дело промышленно-индустриального развития и финансово-экономического регулирования взяло на себя централизованное государство, а свободный рыночный обмен во многом был заменен привычной бюрократической редистрибуцией. Социальная дисциплина стала еще более жесткой, а власть обожествленного правителя (это особенно касается Китая и Кореи) еще более всемогущей, чем когда-либо.

Иная судьба постигла юг Кореи, остров Тайвань, бывшие английские колонии Сингапур и Гонконг, не говоря уже о Японии. Эти части все того же дальневосточного цивилизационного

региона тоже были внутренне готовы к трансформации, что и было продемонстрировано оказавшейся в исключительных обстоятельствах Японией еще в прошлом веке. Но иные внешние обстоятельства сыграли решающую роль в судьбах этих стран и в выборе ими пути развития. Тайвань, куда бежали гоминьдановцы с захваченного коммунистами континента, стал быстрыми темпами развиваться по капиталистическому пути. Такой же путь начал реализовываться на юге Кореи, попавшем, как и Япония, после войны под контроль американской администрации и продолжавшем пользоваться и впоследствии военной и всякой иной поддержкой США. Ликвидация колониального статуса в Сингапуре и ослабление его в Гонконге означали то, что эти территории стали теперь энергично развиваться по тому пути, по которому они шли уже достаточно давно, к тому же умело используя геостратегические преимущества своего расположения на оживленных морских торговых путях. Ориентируясь на японский стандарт, эти страны вскоре стали демонстрировать невиданные темпы экономического и промышленного роста, что и позволило им если и не догнать Японию, то во всяком случае заметно к ней приблизиться, стать с ней почти вровень, оказаться вместе с ней флагманами капиталистической экономики всего развивающегося мира (а в недалеком будущем, вполне возможно, и вообще всего мира).

Любопытная ситуация. Цивилизационно близкие друг другу страны одного и того же региона демонстрируют потенции в развитии по противоположным моделям. Что здесь сыграло свою роль? В основе, безусловно, как о том уже говорилось, внутренняя готовность к трансформации в принципе. Но что существенно: если при трансформации по марксистско-социалистическому пути сыграли свою роль такие конфуцианские стереотипы, как извечное стремление к социальной справедливости и царству гармонии, правда, в сочетании с жесткой бюрократической структурой сильного патерналистского государства с мощным зарядом идеологической индоктринации, то успеху в развитии по капиталистической модели способствовали совсем иные стороны той же конфуцианской традиции. Это стимуляция к самоусовершенствованию, высокая культура труда в сочетании с социальной дисциплиной и патерналистской заботой старших о младших, высокоразвитое чувство долга и моральной ответственности, постоянное стремление к знаниям, умение довольствоваться малым в неуклонном продвижении ко все большему и т. п. Все это так или иначе не просто лежит в основе японо-дальневосточной модели развития, но и дает ей те ощутимые преимущества перед евроамериканской, которые ныне уже очевидны для всех.

Специфика ситуации со странами конфуцианско-дальневосточной цивилизации, где цивилизационный фундамент сам по себе оказался одинаково подходящ для успеха в движении по принципиально разным путям (об эффективности движения пока речи нет – имеются в виду лишь благоприятные условия для старта и первых видимых успехов), позволяет сделать вывод, что едва ли не решающим фактором оказывается внешний. Вряд ли он имеет равную силу для всего Востока, но по отношению к странам Дальнего Востока он напрашивается сам собой. Вопрос, который встает в связи с такого рода выводом, имеет, однако, более широкое, нежели просто региональное, значение. Он может быть сформулирован примерно так: какие обстоятельства выводят на передний план внешний фактор?

Если поставить вопрос таким образом, то логичным будет следующий ответ: тогда, когда возникает ситуация вакуума власти. Или, иными словами, когда то или иное государство на распутье, чаши весов истории сбалансированы, так что роль случая, личности и внешних обстоятельств может оказаться в данный момент решающей. Выше уже много говорилось о противоборствующих тенденциях, о гасящих друг друга факторах. Логично заключить, что эта-то ситуация и создает уравновешенный, как бы нейтральный баланс сил и что опирающаяся на этот баланс власть непрочна, как бы висит в воздухе. Это и есть вакуум власти.

Но вакуум власти – еще не все. Это лишь благоприятное условие. Для реализации его нужен тот самый внешний по отношению к стране и власти фактор, который выше был назван решающим. Но как действует этот фактор? Случайный ли это импульс или нечто постоянно действующее? Видимо, могло быть по-разному. Но приоритет безусловно за постоянно действующей силой, рождающей определенное поле политического напряжения. И поскольку это поле сыграло свою весомую роль в судьбах современного Востока, о нем стоит сказать подробнее.

Глава 14

Роль идеологическо-политического поля напряжения в судьбах современного Востока

Понятие поля идеологическо-политического напряжения не является общеупотребительным в современной политологической терминологии и потому требует некоторых пояснений. В самом общем виде речь идет о том, что в политологии прошлого, да и нынешнего века именовалось зонами влияния тех или иных держав. Но к одному этому проблема не сводится. Имеются в виду не только зоны политического влияния, т. е. непосредственного политического воздействия одних стран на другие, но и влияние косвенное, идеологическое, доктринальное.

Векторы политического и идеологического влияния могли совпадать, как то чаще всего бывало в случае с исламизацией, но могли и не совпадать. Буддизм, например, мирно проникал в страны, весьма далекие от Индии, где он появился на свет. Но для XIX и тем более для XX в. стало закономерностью сближение этих векторов, даже слияние их и соответственно взаимное усиление. Отчего это произошло?

XIX век поляризовал мир на две его неравные части, западную и незападную, капиталистическую и некапиталистическую. Хотя эта поляризация в реальности была противостоянием, но просто к противоборству не сводилась. Напротив, доминантой ее было активное воздействие капиталистического Запада на некапиталистический мир традиционного Востока (в широком смысле этого слова) с тем, чтобы преобразовать его по своему образу и подобию. Эта объективная поставленная историей сверхзадача способствовала сближению цивилизационного (западного идеологического), политического и экономического (экспансия капитализма) векторов и слиянию их в противостоянии всему незападному и некапиталистическому миру в целом, включая и такие его давно уже прозападные части, как Россия. Некапиталистический не-Запад, в том числе и Россия, этому активно сопротивлялся, выдвигая на передний план идею собственной самобытности в самых различных ее вариантах. В результате в мире возникало великое множество доктринальных религиозно-идеологических импульсов, противостоявших западнокапиталистическому и в меру своих сил нейтрализовавших его. При этом доктринальные идейно-религиозные импульсы обычно сливались по вектору с политическим сопротивлением соответствующих стран, так что сближение и слияние политического и идеологического векторов стало нормой и для трансформирующегося традиционного Востока.

XX век внес свои весомые коррективы в это противостояние. Во-первых, он положил конец кажущемуся единству глобального западнокапиталистического противостояния некапиталистическому не-Западу. Противоречия между странами Запада, до поры до времени как-то решавшиеся на уровне европейской политики и дипломатии, вышли за пределы этого уровня, проявив себя в двух мировых войнах, в ходе которых многие из стран Востока оказались втянутыми метрополиями или иным образом во враждующие политические блоки. Во-вторых, мощные тоталитарно-утопические европейские по происхождению доктрины в силу ряда благоприятствовавших им обстоятельств превратились в глобальную идеологическо-политическую силу. С одной из таких доктрин, фашизмом, весь мир соединенными усилиями покончил во второй мировой войне. Вторая, коммунистическая, напротив, вышла из этой войны в числе победителей и обрела дополнительный престиж, весьма привлекательный для незападного некапиталистического мира, о чем уже достаточно подробно говорилось.

В результате этих исторических перемен в мире сложился новый и еще более, чем в XIX в., резкий биполярный баланс сил. Он возник сразу же после второй мировой войны, когда место поверженного фашизма в качестве грозной противостоящей буржуазной демократии силы занял сталинский коммунизм, да еще и оснащенный атомной, а потом и водородной бомбами. Биполярный баланс, усиленный средствами массового уничтожения с обеих сторон,

создал в мире два мощных по импульсу и заряду противостоящих друг другу вектора силы. Эти векторы, в свою очередь, породили мощные поля идеологическо-политического напряжения, причем такие поля стали постоянно действующими, хотя и пульсирующими, волнообразно усиливающимися либо чуть ослабевающими. Важно добавить к сказанному, что, хотя поля напряженности, о которых идет речь, сложились только после второй мировой войны, первые признаки их существования появились в мире значительно раньше, вскоре после октябрьского переворота в России в 1917 г. и возникновения Коминтерна, ставившего своей целью координацию усилий коммунистов во всем мире ради уничтожения капитализма и буржуазной демократии. Коминтерн, как известно, активно работал и в странах Востока, но преуспел только в некоторых из них, более всего – в странах Дальнего Востока, для чего, как явствует из приводившегося выше анализа, были благоприятные условия.

Поля напряженности как глобальная всепланетная сила состояли как бы из двух надвигающихся друг на друга и теснящих одна другую противостоящих и заряженных противоположными зарядами сил. И от того, в чьей зоне оказывались те или иные страны, многое зависело. Стоит сразу же оговориться, что речь не только о зоне непосредственного политического влияния, как о том уже упоминалось, но также и о сфере опосредованного идеологического воздействия, которое временами проявляло себя в самых разных местах – практически везде, где возникал феномен вакуума политической силы, причем именно тогда, когда этот вакуум становился особенно серьезным и заметным.

Итак, феномен вакуума политической силы, превращающийся под воздействием идеологическо-политических полей напряжения в важный фактор ориентации и выбора пути, начал играть весьма существенную роль в жизни стран современного Востока в постколониальное время. Как конкретно это выглядело?

Восток на перепутье

Постколониальный Восток не мог оставаться таким, каким он был до времен колониально-капиталистической экспансии. Не мог потому, что времена изменились, что весь неевропейский мир так или иначе был уже втянут в систему мирового рынка, т. е. рынка капиталистического со всеми вытекавшими из этого следствиями, вынуждавшими страны Востока к трансформации в сторону еврокапиталистической модели развития. Сопrotивление такого рода трансформации было естественным для любого нормального социополитического организма. Практически это означало, что в каждом регионе, в каждой из стран Востока, да и в любой другой неевропейской некапиталистической стране складывалось свое соотношение сил между теми, кто ощущал и сознавал необходимость перемен ради выживания и направлял свои усилия к тому, чтобы оптимально приспособиться к новым условиям жизни, и теми, кто ни при каких обстоятельствах не желал изменений и решительно им сопротивлялся. Япония и Иран были своего рода символами, олицетворением обеих тенденций, крайними точками достаточно обширного диапазона вариантов, продемонстрированного Востоком.

Противоборство обеих тенденций внутри каждой страны было нормой для стран Востока в XX в., причем оно еще более усилилось после деколонизации. Во многих случаях результатом его было взаимное гашение противостоявших друг другу импульсов. И хотя эти импульсы временами усиливались, порой даже рождая мощные вспышки, сама по себе постоянная ситуация противоборства рождала синдром внутренней политической слабости, неуверенности и шатаний, колебаний в выборе пути для новых, да и не новых государств. Это и есть тот вакуум политической силы, о котором уже упоминалось. Вакуум не в том смысле, что нет власти или у власти нет никакой силы. Порой бывало в избытке и то, и другое. Суть вакуума в том, что у власти нет серьезной и надежной опоры в стране, как нет никакой уверенности в том, что народ готов ее активно поддержать. Соответственно нет и политического иммунитета. А это значит, что при любом легком воздействии со стороны, при слабом даже сгущении туч идущего извне политического и идеологического напряжения того или другого характера страна достаточно легко подвергается инфекции, заражению чужими идеями. А так как ветры меняются, а вместе с ними на смену одним тучам могут прийти другие, то изменяется и поле напряжения, характер заражения. И если отойти от метафор и говорить строгим

политологическим языком, то все это означает, что на политический выбор страны оказывается достаточно несложно повлиять извне. Решающим фактором в этих условиях, как то уже отмечалось, становится фактор внешний. Под сильным внешним воздействием большинство стран Востока и делало свой выбор судьбы, выбор пути.

Каждый знает, что такое выбор, особенно серьезный, судьбоносный, единственный в своем роде. Сделать его непросто, и правильное решение дается не всем и не всегда. Особенно когда есть весомые «за» и «против» в любом из вариантов выбора. Для стран постколониального Востока выбрать еврокапиталистический путь и открыть все двери частной собственности, включая иностранную, и свободному рынку означало обрести поддержку метрополии и вчерашней колониальной администрации, получить необходимую финансовую, техническую и иную помощь. Но это в то же время означало длительное и достаточно унижительное существование под давлением структурно чуждой силы (синдром неокOLONIALИЗМА) и в большинстве случаев требовало в какой-то мере пожертвовать традициями, а то и религиозно-цивилизационной и национально-культурной идентичностью. То есть жить уже не так, как жили предки. И хотя сложность ситуации и степень зависимости при этом сильно варьировали (одно положение в Индии, другое в Африке), чем-то жертвовать в обмен на успехи в развитии по еврокапиталистическому пути все-таки так или иначе приходилось всем. Но, как известно, несмотря на это, многие страны Востока твердо избрали именно такой путь, бескомпромиссно следовали ему и, как правило, за несколько десятилетий уже немало достигли. Практически сказанное означает, что страны, сделавшие подобный выбор, оказались в поле идеологическополитического напряжения Запада, его образа жизни.

Был и иной выбор, сделав который можно было сохранить привычную структуру, но при этом, как тогда казалось, тоже преуспеть в развитии. Этот выбор был притягателен тем, что можно было решительно отказаться от ненавистного капитализма, сохранить традиционные для Востока нормы эгалитарного коллективизма с авторитарной властью при жесткой, но привычной социальной дисциплине населения. Правда, при этом не было места ни экономической, ни вообще какой-либо иной свободе, без чего немислим свободный рынок. Но зачем он, этот рынок, если можно обойтись и без него, как о том свидетельствовал опыт стран марксистского социализма, прежде всего могущественного СССР?

Марксистский социализм в его псевдонаучной упаковке и с его зримыми тогда, в середине века, достижениями был весьма привлекателен для многих интеллектуалов Востока, активно искавших выход для своих стран из кризисного тупика. Преимущество его было, помимо прочего, в том, что идеологический заряд утопической доктрины был в чем-то схож с привычными эгалитарными утопиями народных масс и тем самым хорошо на них воздействовал, бил, что называется, в самую точку. Богатые собственники и собственность как таковая, если она не была обусловлена силой власти, ставились под сомнение, особенно в их не слишком уважавшейся на Востоке частной индивидуальной форме, что явно импонировало воспитанному во многих странах Востока на эгалитарных утопиях населению. Преимуществом было также то, что марксистско-социалистический выбор не требовал радикального переустройства структуры. Достаточно было отнять имущество у собственников и раздать его неимущим – и все преобразования, к удовольствию большинства, на этом завершались. Далее восстанавливалась привычная норма, разве что несколько более жесткая, чем прежде.

Итак, сложившееся в мире еще до второй мировой войны и резко усилившееся, поляризовавшееся противоборство двух полей политического и идеологического напряжения настоятельно требовало от деколонизовавшегося Востока определить свои позиции, сделать свой выбор. Этот выбор определялся многими факторами, о которых уже говорилось достаточно подробно. Сложность была в том, что факторы действовали в разных направлениях, опирались на противостоявшие друг другу тенденции и в силу этого нередко взаимно нейтрализовывались. Во многих случаях в результате возникал вакуум политической силы. И тем самым на передний план выходили факторы субъективные, будь то случай, стечение обстоятельств, решение группы активных деятелей и т. п. А все эти субъективные факторы, в свою очередь, были весьма подвержены влиянию со стороны, обретали потенции под воздействием тех самых полей напряжения, о которых вдет речь. Именно так решилась в свое время наша судьба, судьба России, после чего опыт России внес свой вклад в расстановку сил и

определение сфер влияния разных полей напряжения.

Говоря о постколониальном Востоке на перепутье, следует обратить внимание еще на один аспект проблемы. Выбор капиталистического пути давал в целом однотипные результаты, хотя они и варьировали в зависимости от потенциала страны, ее исходного уровня и возможностей. Выбор марксистско-социалистического пути означал выход на зыбкую почву уже не вариантов, а экспериментов, что вело к непредсказуемым и весьма различным результатам. Конечно, в чем-то общем и главном они тоже были однотипны: ни один из экспериментов к добру не привел. Но в остальном различия были весьма существенными. Одни режимы оказывались жесткими, другие более умеренными, третьи вообще отходили от догмы марксизма и искали истину в создании идейно-институциональной смеси из марксизма и социализма иных типов, прежде всего исламского. Даже в официальной марксистской лексике этот диапазон различий нашел свое отражение («страны социализма» и «страны социалистической ориентации»), хотя на деле разница была много более ощутимой и существенной и, главное, гораздо более связанной с цивилизационным фундаментом соответствующих стран, нежели то воспринималось догматической терминологией истматовского марксизма.

Цивилизационный фундамент в процессе выбора в условиях вакуума силы и постоянно действовавших полей напряжения сыграл, между тем, настолько существенную роль, что целесообразно учитывать именно его в первую очередь при рассмотрении конкретных ситуаций в различных странах современного постколониального Востока.

Дальний Восток и Юго-Восточная Азия

Дальневосточный регион – это страны конфуцианской традиции; регион Юго-Восточной Азии в цивилизационном плане более сложен, хотя и тут конфуцианская традиция не только ощутима, но и порой, при посредстве хуацяо, явственно доминирует как раз в той самой сфере экономики, развития, которая прежде всего важна для анализа. Много общего в судьбе этих двух соседних регионов было в те решающие годы, которые для большинства стран определили выбор пути. Стоит напомнить в этой связи, что почти все страны, о которых идет речь, были в годы второй мировой войны оккупированы Японией, а это практически означало ликвидацию или сведение на уровень марионеток правительств соответствующих государств там, где эти государства существовали. Там, где до того были колонии, это означало ликвидацию колониальной администрации и замену ее оккупационным режимом. Поражение Японии означало освобождение оккупированных стран и территорий обоих регионов с последующей их деколонизацией. Но деколонизация в подобного рода обстоятельствах как раз и вела к ситуации вакуума власти и выхода на передний план субъективных факторов, потенции которых выявлялись под заметным воздействием извне, со стороны того или иного поля напряжения.

В первую очередь упоминания в этой связи заслуживает Вьетнам. Сразу же после капитуляции Японии в условиях не просто вакуума, но практического отсутствия власти и системы администрации наиболее организованной силой оказались коммунисты, чья ориентация на определенное поле напряжения в аргументах не нуждается. Вьетнам – северная его часть – был первым из государств Востока, если не считать Монголию и советские азиатские республики, где был сделан решительный выбор в пользу марксистского социализма. Выбор вполне осознанный и активно поддержанный местным населением, охотно солидаризировавшимся с коммунистическими лозунгами о равенстве, социальной справедливости, осуждении частной собственности и т. п. В том, что на этот выбор оказало решающее воздействие влияние извне, т. е. поле идеологического воздействия, сомневаться не приходится: и сам Хо Ши Мин, и другие руководящие деятели вьетнамской компартии получали свое образование и становились коммунистами во Франции, где в те годы соответствующие идеи были широко распространены, особенно в студенческих кругах. Но в той же Франции получали то же образование и заражались теми же идеями и представители иных стран Востока. Однако коммунистическое правительство возникло именно на севере Вьетнама, а не где-либо еще, по крайней мере в 1945 г. Почему? Как раз потому, что конфуцианский цивилизационный фундамент оказался наиболее для этого благоприятен, а

обстоятельства политического характера были таковы, что социополитический организм потерял иммунитет. В итоге занесенная извне коммунистическая идея с легкостью овладела этим ослабленным и податливым именно по отношению к ней организмом.

Нечто подобное при сходных, хотя и заметно иных обстоятельствах случилось с родственными в цивилизационном плане Вьетнамом, Китаем и Кореей. Вступление СССР в войну с Японией в августе 1945 г., уже после Хиросимы, когда Япония находилась в состоянии шока, сыграло едва ли не решающую роль в создании на Дальнем Востоке принципиально новой ситуации. Оккупированные советскими войсками Маньчжурия и северная часть Кореи сразу же стали базой коммунистических преобразований. Все трофейное, да и, видимо, значительная часть советского оружия оказалось в распоряжении руководимых китайскими коммунистами армий, что позволило им резко усилить свои позиции и нейтрализовать военную силу гоминьдановского правительства. Решающую же роль в победе сыграло идеологическое поле напряжения, о котором идет речь в данной главе.

Китайские коммунисты и Коминтерн еще в 30-х годах создали это поле, которое в условиях политической нестабильности, вызванной поражением Японии и советской оккупацией, и становившегося все более очевидным вакуума силы сыграло в 1949 г., как и несколькими годами ранее во Вьетнаме, решающую роль. Китай, как и Вьетнам, оказался лишенным иммунитета по отношению к идеям коммунизма именно потому, что цивилизационно был податлив для соответствующих настроений. Нечто подобное произошло и в оккупированной советскими войсками Северной Корее, хотя здесь вообще не стоило бы говорить о каком-либо выборе и об активной роли масс: режим коммунизма был жестко навязан Корее оккупантами и их ставленниками во главе с Ким Ир Сенем.

Ситуация в целом достаточно понятна и убедительна. Конфуцианский цивилизационный фундамент не только не был несовместим с идеями и принципами марксистского социализма, но, напротив, оказался в чем-то внутренне близок такого рода идеям, что не могло не сыграть своей роковой роли в судьбах соответствующих стран. Более того, укрепление режима марксистского социализма в странах, о которых идет речь, позволило резко усилить соответствующее поле напряжения на всем Дальнем Востоке и даже в близлежащем регионе Юго-Восточной Азии. Среди наиболее слабых частей этого региона, отмеченных тем же знаком вакуума власти, оказались Лаос, Камбоджа, Индонезия, Малайзия и даже Филиппины; косвенно поле повлияло и на события в Бирме. Однако во всех этих странах, чей цивилизационный фундамент существенно отличался от конфуцианского, многое происходило иначе, чем в Китае, Корее и Вьетнаме. Иными были даже сами марксистско-социалистические режимы там, где они все-таки были установлены, как в Лаосе и Камбодже. В Лаосе этот режим оказался заметно ослабленным, умеренным, в Камбодже, напротив, экстремальным, но зато и кратковременным.

Вообще регион Юго-Восточной Азии, хотя и оказался под заметным воздействием со стороны коммунистов, сумел найти в себе силы не только противостоять им, но и обнаружить серьезные внутренние потенциалы, позволившие усилить в этом регионе влияние капиталистического поля напряжения. Частично этому способствовала возрождавшаяся быстрыми темпами Япония. Но не только она. Нельзя забывать, что конфуцианский цивилизационный фундамент благоприятен отнюдь не только для коммунистических идей, как о том ранее говорилось. На этот же фундамент со столь же очевидной легкостью в иных обстоятельствах опираются и противостоящие коммунизму идеи и принципы капитализма. Об этом свидетельствует не только пример Японии. Китайское гоминьдановское правительство до своего поражения шло таким же путем. Более того, ситуацию на Дальнем Востоке в середине XX в. можно было бы описать с помощью классического закона физики: действие рождает противодействие. Особенно когда каждое из них опирается на свое поле напряжения, а оба поля активно противостоят друг другу именно в этом регионе.

Превращение Китая, северных частей Кореи и Вьетнама в бастионы мирового коммунизма и соответствующее резкое усиление его позиций на Дальнем Востоке заметно нарушило баланс сил в мире в пользу коммунизма, и это вызвало мощную ответную реакцию. Активизировались военные действия во Вьетнаме, хотя они в конечном счете завершились в пользу севера. Был не только принят вызов Северной Корее в 1950 г., когда Ким Ир Сен с

благословения Сталина попытался было аннексировать южную часть полуострова, но и создана мощная ответная сила в виде войск ООН, успешно противостоявших агрессии. От континентального Китая отделился Тайвань, где установилась власть гоминьдана, получившего, наконец, возможность в условиях стабильности завершить свою программу преобразования страны по капиталистической модели с явной ориентацией на японскую ее модификацию. И хотя все эти меры восстановить статус-кво не могли, а во Вьетнаме вовсе не имели успеха, в целом баланс сил, пусть несколько сместившийся в этом регионе в пользу коммунистического лагеря, был стабилизирован. Даже крушение южновьетнамского государства и последующий приход к власти коммунистических сил в Лаосе и Камбодже этот новый баланс уже не очень-то сильно поколебали. Тем более что 70-е годы, когда все это случилось, были уже временем упадка коммунистического лагеря. Приход марксистов к власти в Лаосе и особенно очевидно в Камбодже был уже чем-то вроде отчаянного пароксизма, карикатурной (в Камбодже) гримасы упомянутого лагеря.

Хотя коммунистическое поле напряжения затронуло, таким образом, значительную часть Индокитая (нельзя забывать и о Бирме, военные власти которой в немалой мере питались за счет все тех же идей), Юго-Восточная Азия в целом и тем более в островной ее части оказалась в ином положении. Здесь было заметным соприкосновение обоих полей, но цивилизационный фундамент региона оказался менее податлив для коммунистических идей и более подходящ для капиталистических. Преимущество капитализма и воздействие соответствующего поля ощутили на себе и реализовали в первую очередь китайские мигранты-хуацяо, сыгравшие роль дрожжей в экономическом тесте Юго-Восточной Азии. А коль скоро процесс начался, то в условиях нейтральности буддийского цивилизационного пласта и слабости исламского именно конфуцианский пласт сыграл решающую роль в развитии стран региона. В сочетании с Японией, Южной Кореей, Гонконгом и Сингапуром страны Юго-Восточной Азии, за исключением четырех индокитайских (Вьетнама, Лаоса, Камбоджи и Бирмы), настолько усилили, особенно за последние десятилетия, капиталистическую активность, что баланс сил на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии вновь изменился в пользу некоммунистического юга. Этому содействовал и общий кризис марксистского социализма, вынудивший коммунистические страны, прежде всего Китай, уже в 70-х годах пойти на радикальные реформы и тем заметно подорвать позиции прежде столь высоко чтившейся и тщательно соблюдавшейся утопической доктрины.

Африка южнее Сахары

Африка, при всей несопоставимости этого полуконтинента (южнее Сахары) с метарегионом Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, являет собой, пусть в миниатюре, аналогичную картину. Здесь тоже ясно фиксируются два противоборствующих поля – капиталистическое и коммунистическое. Однако цивилизационный фундамент в Африке неизмеримо слабее, слаба и социальная база власти с ее не институционализированной административной структурой. Поэтому ситуация вакуума здесь власти оказалась почти перманентной, а роль внешних воздействий, случайных обстоятельств огромной. Иными словами, все сорок с лишним молодых государств Тропической и Южной Африки с самого своего появления на свет были легко подвержены влиянию извне. Не имея иммунитета, они покорно воспринимали тот или иной поток идеологического или политического влияния, который затем мог перекрываться противоположным[^] по характеру. Только после этого многие из африканских стран обретали, наконец, желанный иммунитет.

Стоит еще раз обратить внимание на то, что влияние марксистского социализма было в Африке очень заметным с первых же шагов деколонизации. О причинах этого уже немало было сказано. Но важно добавить, что в ряде случаев это влияние держалось на прямом и активном вмешательстве, как то было в Анголе, Эфиопии, Мозамбике, Намибии, где на протяжении десятка, а то и полутора десятков лет шли непрерывные войны и соответственно потоком шло советское оружие, не говоря уже о специалистах, а то и солдатах, вроде кубинцев в Анголе. Впрочем, это же влияние, пусть в иной форме, ощущалось и в других странах вроде Танзании, Ганы, Гвинеи, Мадагаскара, Мали, Зимбабве. Список можно продолжить, но ситуация и без

этого ясна: Африка оказалась податлива для распространения коммунистических идей. Правда, для закрепления там этих идей она была непригодна.

Капиталистическое влияние тоже не имело благодатной почвы для успеха в Африке. Но иммунитет, вырабатывавшийся по мере разочарования в марксистском социализме, способствовал его усилению. Иллюзии, связанные с утопическими идеями, улетучивались, а реалии жизни вынуждали прошедшую через эксперименты страну выбирать наконец рыночно-капиталистический путь. Чем дальше, тем большее количество африканских стран проходило этот тяжелый путь, а общий кризис марксистского социализма на рубеже 80 – 90-х годов окончательно прояснил все связанные с прошлыми заблуждениями проблемы. На сегодняшний день баланс политических сил в Африке убедительно свидетельствует о крахе иллюзий. Коммунистическое поле напряжения практически исчезло или исчезает буквально на глазах. Его место уверенно занимает поле капиталистическое. Однако это еще отнюдь не означает, что Африка быстро превращается в сумму буржуазных государств. Для этого у молодых африканских государств многого еще не хватает. Одно Африка имеет в достатке – горький опыт недавних заблуждений.

Этот опыт совершенно по-новому ставит сейчас проблему взаимоотношений негритянских стран Африки с ЮАР. Дело даже не только в реформах, направленных на изживание апартеида, хотя эти реформы сыграли едва ли не решающую роль в изменении отношения к ЮАР во всем мире. Дело еще и в том, что ЮАР – это витрина капитализма в Африке и что по мере разочарования в коммунистических иллюзиях Африка все более внимательно смотрит на эту витрину. Показательна в этом смысле судьба маленькой Намибии. На протяжении многих лет намибийских повстанцев содержали и соответственно ориентировали силы марксистско-социалистические. Поле коммунистического напряжения на юге Африки было огромным. Стоит в этой связи напомнить, что в Москве, где не было посольства ЮАР, было представительство АНК, через которое осуществлялось сильное воздействие на южноафриканские дела. Но стоило только найти решение намибийской проблемы, как тот же С. Нуйома, глава намибийских повстанцев, став президентом Намибии, резко изменил свой политический курс. Правда, по времени эта перемена совпала с тем самым общим кризисом марксистского социализма, о котором не раз упоминалось. Однако сам факт показателен: придя к власти, Нуйома заботится не об идеях коммунизма, а о практической выгоде. Практическая же выгода диктует не только хорошие, но и прямо-таки близкие отношения Намибии с ЮАР. И очень похоже на то, что уже в скором времени малонаселенная, но весьма богатая ресурсами Намибия станет примерно такой же витриной африканского капитализма, что и ЮАР.

В этой связи еще раз обратим внимание и на Зимбабве, чей президент Р. Мугабе на словах продолжает провозглашать свою преданность идеям марксистского социализма, а на деле давно и весьма успешно осуществляет политику поощрения рынка и частной собственности, причем делает это не только по условиям Лондонского соглашения, но явно с трезвым пониманием реальности, т. е. так же, как и намибийский Нуйома. Быть может, нет оснований утверждать, что такая политика в случае с Мугабой является результатом резкого изменения баланса сил в Африке и практического исчезновения там присутствия СССР с его военной помощью, что представляется совершенно очевидным в случае с Нуйомой. Однако сам факт впечатляет. Он еще раз убедительно свидетельствует о том, что коммунистическое влияние в Африке исчезает, если уже не исчезло вовсе.

Исламский Восток

Страны исламского Востока и прежде всего государства арабского мира, в отличие от молодых негритянских государств Африки, давно уже до предела институционализированы в рамках жестких властных структур. И если принять, что многие страны исламского Востока долгие годы были близки к СССР и что поле коммунистического напряжения постоянно как бы окутывало мир ислама, теоретически можно было бы ожидать, что тоталитарные нормы марксистского социализма с легкостью овладеют этим миром. Однако ничего подобного не произошло, хотя и было приложено – прежде всего со стороны СССР – для этого немало

усилий. Конечно, кое-какие успехи марксистский социализм в мире ислама все же может записать на свой счет: Египет времен Насера, Южный Йемен 70 – 80-х годов, с оговорками Алжио и тем более Афганистан. Но достаточно внимательно взглянуть на этот перечень, чтобы убедиться в том, что эти успехи мнимые, что они как раз подчеркивают полный провал марксистского социализма в мире ислама, причем провал быстрый и бескомпромиссный. Почему же так?

Объяснение достаточно простое, хотя для того, чтобы его понять и принять, нужно было отрешиться от прямолинейных истматовских позиций, коими руководствовались советские руководители, определявшие контуры политики в мире ислама. Ведь то несомненное обстоятельство, что между традициями ислама и лозунгами, а еще больше реалиями марксистского социализма есть немало общего и что общее здесь – прежде всего в привычной жесткости деспотизма власти, в бесчеловечности произвола администрации, в приниженности индивида и т. п., как раз и означало, что исламский мир не приемлет, не в состоянии принять марксистский социализм. Ислам – религия сильная и жесткая, даже не столько религия, сколько образ жизни. Религия здесь заменяет и идеологию, и политику, к тому же она нетерпима по отношению к любым иным идеям и несовместима с ними. Да и зачем, в самом деле, воспринимать марксизм с его лозунгами и идеями (не забудем, что марксизм – идеология западная, чуждая по происхождению), если ислам проповедует практически почти то же, не говоря уже о том, что ислам лучше просто потому, что он свой?!

Руководители коммунистического лагеря не очень-то разбирались в тонкостях ислама (и потому, к слову, часто и жестоко просчитывались, особенно в Афганистане). Но они хорошо сознавали, что ислам духовно и институционально близок к марксизму именно в том, о чем только что упоминалось. Поэтому ставка делалась не только и даже не столько на тех, кто, наподобие слабого и малонаселенного Южного Йемена, открыто примкнул к коммунистическому лагерю, сколько на те сильные режимы, которые склонялись к различным вариантам исламского социализма или националсоциализма. Диктаторы Сирии, Ливии и особенно Ирака всегда были духовно близки правителям стран коммунистического лагеря, причем это ощущали обе стороны. Сходство позиций по отношению к ненавистному еврокапитализму как структуре и буржуазной демократии как ее политической форме сближало упомянутых диктаторов с коммунистическим миром и позволяло им рассчитывать на щедрую помощь с его стороны, которая лилась потоками, особенно если иметь в виду вооружение и вообще все, служащее милитаризации соответствующих арабских стран.

Важно оговориться, что ненависть к капитализму и буржуазно-демократическим нормам гибко сочеталась в этих арабских странах с экономическим прагматизмом, причем не только во всем том, что касалось умелого использования нефтедолларов, но и вообще в экономической политике. Не будучи связанными нелепыми догмами марксизма о частной собственности и капиталистическом рынке, диктаторы в странах арабского Востока охотно допускали умеренное развитие того и другого, продолжая при этом в традиционном восточном стиле жестко их контролировать. Эта политика в сочетании с нефтедолларами выгодно отличала если и не всегда процветающее, то вполне жизнеспособное хозяйство соответствующих стран. И важно в этой связи специально подчеркнуть, что правители стран, о которых идет речь, стремились и продолжают стремиться сделать из своих режимов нечто вроде третьей силы, не капиталистической и не коммунистической. В этом смысле рядом с ними стоило бы поставить и Иран, наиболее последовательно осуществляющий именно такого рода политику.

Именно усилиями лидеров агрессивных стран арабского и вообще исламского мира биполярная структура мирового баланса сил за последние четверть века начала деформироваться, по меньшей мере в регионе Ближнего Востока. Оба поля напряжения, капиталистическое и коммунистическое, активно боролись за воздействие на Ближний и Средний Восток. Оба имели там определенные позиции, сталкивались друг с другом в борьбе, но при всем том именно в этом едва ли не наиболее хрупком для дела мира регионе сказывалась ограниченность силы обоих полей, к тому же явно нейтрализовавших одно другое. Можно даже сказать, что на Ближнем Востоке закладывались основы для своего, третьего, воинственного исламского поля напряжения, противостоявшего не без успеха двум главным полям. А центром, ядром, связующей силой и большим местом нового поля была и остается Палестина.

Вот на этой-то болезненной для исламского ближне – и средневосточного мира проблеме и решили было сыграть руководители коммунистического лагеря. Расчет был прост, даже примитивен: поддержав палестинцев и резко осудив Израиль, лагерь коммунизма завоюет поддержку воинственных арабских режимов, превратит мир ислама в своего союзника и тем самым ослабит мир капитала. И если идеи коммунизма не воспринимаются на исламском Востоке, то прагматическая выгода должна взять свое.

Надо сказать, что до известной степени эти расчеты оправдались. В острой проблеме Палестины позиции коммунистов были предпочтительнее. Связи с арабским миром становились достаточно тесными, хотя и экономически выгодны именно арабам, не очень-то торопившимся оплачивать счета, например, за советское оружие, потоком шедшее в наиболее агрессивные арабские страны. Но достаточно быстро, особенно после начала нефтяного бума, выяснилось, что влиятельная часть арабского мира, аравийские монархии, сделали открытую ставку на капитализм. Выяснилось также, что без капиталистических арабских нефтедолларов агрессивные антикапиталистически настроенные режимы просуществовать уже не могут. Иранская революция внесла в нарушавшийся тем самым баланс сил свой заметный вклад, резко выступив как против капитализма, так и против коммунизма. В результате стратегические расчеты стали рушиться, а позиции коммунизма на Ближнем Востоке быстро ослабевали.

Рубеж 80 – 90-х годов завершил начавшийся процесс. Кризис марксистского социализма в планетарном масштабе практически снял с повестки для проблему противостояния двух враждующих сил. Влияние агонизирующего лагеря коммунизма быстрыми темпами шло к нулю. Авантюра иракского Хусейна продемонстрировала ярче всего, что этого лагеря больше нет, тогда как капитализм по-прежнему процветает и при этом достаточно силен, чтобы дать хороший урок любому агрессору. Логическим результатом разрядки напряженности в зоне Ближнего Востока стал разгром войск Хусейна с последующим ростом престижа Израиля и установлением с ним дипломатических отношений странами бывшего лагеря коммунизма. Жесткая конфронтация в регионе, видимо, подходит к концу. Начинается период поиска компромиссов, прежде всего в решении проблемы Палестины.

Южная Азия

Индия и соседние с ней страны, включая те, что отошли от нее в процессе деколонизации, с первых же послевоенных лет были устойчивой зоной развития по капиталистическому пути. Цивилизационный фундамент здесь оказался принципиально неблагоприятным для экспериментов в марксистско-социалистическом духе, при всем том, что в Индии есть две влиятельные компартии, одна из которых многие годы провела у руля правления такого штата, как Бенгалия, с ее столицей в Калькутте. Можно даже сказать, что индийские коммунисты настолько цивилизованны, что больше заботятся об успехах демократической администрации в той же Калькутте, чем о реализации кардинальных тезисов марксизма (уничтожение частной собственности и буржуазной демократии). Зато занесенные в Индию англичанами демократические традиции хорошо вросли в местную структуру, упрочив иммунитет по отношению к эгалитаристским и тем более революционаристским доктринам. Постепенно трансформируясь в сторону рыночно-частнособственнической структуры, страны Южной Азии, включая и исламские, достигли немалых успехов. Впрочем, это отнюдь не означает, что Индия и другие страны региона полностью интегрированы с капиталистическим Западом и готовы слиться с ним во всех отношениях. Отнюдь.

Хотя регион Южной Азии не противопоставляет себя миру развитых капиталистических стран и менее всего заботится о соз. дании чего-то вроде третьей силы, чем столь озабочены некоторые ближневосточные режимы, он тем не менее не упускает случая подчеркнуть свой нейтралитет. Индия – крупнейшая из так называемых неприсоединившихся стран. И хотя смысл неприсоединения в условиях исчезновения коммунистического лагеря как бы испарился, факт остается фактом: Южная Азия существует как бы сама по себе, сама выбирает свое место в общемировом балансе сил, включая отношения с Западом, СССР (теперь – Россией и иными республиками бывшего Союза) и Китаем. При этом внутри региона есть свои разногласия и напряженные отношения, например между Индией и Пакистаном, двумя крупнейшими

странами Южной Азии.

Специфика цивилизационного фундамента и нейтралистской политики региона, особенно самой Индии, заметно уменьшают роль Южной Азии в мировом балансе сил. Коммунистический лагерь никогда всерьез на успехи в этом регионе не рассчитывал, капиталистические страны не боялись его утратить и легко смирились с нейтральным его статусом, видя в нем резонно залог некоей стабильности. За Индию никто и никогда не вел и не ведет борьбу, как за Ближний Восток или Африку, ибо здесь все было до предела ясным. Можно даже сказать, что здесь никогда не было того вакуума власти, которым отличались многие другие страны Востока. И вовсе не потому, что государства Южной Азии традиционно сильны, – как раз напротив, они традиционно слабы, и об этом уже шла речь. Все дело в том, что государства с их стабильным политическим курсом устойчиво и надежно всегда опирались на привычные нормы существования и отвечали в своей политике этим нормам. И коль скоро о вакууме силы и власти говорить не приходится, то отсюда вытекает, что в этом обширном регионе практически не было сколько-нибудь значительных полей напряжения, ни коммунистического, ни капиталистического. Просто тех зерен, что посеяли в свое время колонизаторы-англичане, оказалось достаточно, чтобы в Южной Азии проросли капиталистические всходы.

* * *

Резюмируя все сказанное о роли внешних влияний и полей идеологического напряжения на постколониальный Восток, легко сделать вывод, что вакуум власти был не везде. Его практически не было в мире ислама, где власть традиционно внутренне сильна, и в Южной Азии, где она традиционно слаба. Зато вакуум оказался решающим фактором в Африке с ее неинституционализированной структурой и в ослабленном колонизацией, а затем японской агрессией в метарегионе Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Наличие или отсутствие вакуума силы и власти сыграло свою едва ли не решающую роль в том, что в процесс естественной вызванной веками колониализма трансформации традиционного Востока по еврокапиталистической рыночной модели вторгся силовой фактор коммунистического эксперимента.

Созданное этим влиятельным фактором мощное силовое поле своим напряжением воздействовало как раз на те регионы, где был вакуум власти и где цивилизационный фундамент в силу разных причин оказался подходящим для социальных экспериментов помарксистски. Начатые в XX в. в России эксперименты были продолжены в Китае, Корее, во Вьетнаме и ряде стран Африки, не говоря уже о Кубе или небольшом Никарагуа в Латинской Америке. На первых порах процесс отпадения от нормы и присоединения к коммунистическому лагерю одной за другой все новых стран не ощущался чересчур болезненно. Позже, однако, он стал вызывать заметную обеспокоенность, особенно среди тех, кто хорошо знал, что такое коммунистический лагерь, кто испытал на себе все прелести ГУЛАГа. Но уже с конца 70-х и особенно в 80-х годах процесс прекратился и, более того, дал обратный ход, причем чем дальше, тем ощутимее. Почему?

Можно было бы просто ответить на этот вопрос, что сила коммунистического лагеря стала иссякать, а притягательность его в глазах стран Востока резко упала. И этот ответ был бы совершенно справедливым. Но остался бы другой, вполне закономерный вопрос: а почему именно так? Почему лагерь ослаб? Что обусловило его упадок и как именно это ощутили на себе те страны Востока, которые оказались к нему причастны? В самом общем виде об этом уже шла речь, и не раз. Но стоит взглянуть внимательнее на те механизмы, которые привели к известному всем результату. Или, иначе говоря, почему коммунистический эксперимент провалился? Обязательно ли он должен был провалиться? Каковы, если так, его внутренние пороки?

Глава 15

Социализм и национализм на Востоке

Многие из стран современного Востока – их явное большинство – так или иначе отдали дань социалистическому выбору. И хорошо, если это был немарксистский социализм типа дестуровского в Тунисе. Но в подавляющем большинстве речь идет либо прямо о марксистском социализме, либо о близких к нему типах деспотического социалистического режима (Сирия, Ирак, Ливия), в лучшем случае в несколько смягченном варианте (Зимбабве, Алжир, Индонезия).

О том, чем именно привлекал к себе отсталые страны Востока марксистский социализм и как воздействовало на эти страны созданное лагерем коммунизма поле идеологическо-политического напряжения, включая подчас и прямое вмешательство во внутренние дела тех или иных стран Востока, речь уже шла. Можно добавить к сказанному, что в пользу марксистско-социалистического или близкого к нему пути работало много разных факторов, как специфических для данной страны, региона, цивилизации, так и общих для всего Востока, для всего неевропейского мира. То общее, что имеется в виду, – это прежде всего объективная несовместимость неевропейских стран с еврокапиталистической структурой и совместимость с марксистско-социалистической. Обращая внимание на это обстоятельство, существенно заметить, что и марксистский социализм со своей стороны – пусть не как доктрина (ибо доктрина разрабатывалась как раз для развитых стран капиталистической Европы), но как практическая ее реализация – оказался пригодным именно для неевропейского мира, начиная с России. Ни в одной из развитых стран европейской культуры марксизм не победил – разве что некоторым из них был навязан силой, как в Восточной Европе. И это не случайно. Он оказался несовместимым с европейской традицией, системой ценностей, внутренней структурой, а потому и не имел шансов на успех, что с горечью ощутил сам творец доктрины на склоне своих лет. Зато марксизм победил в России, где структура была переходной, где шел процесс, аналогичный тем, что испытывали в ту же эпоху иные страны Востока, от Японии до Турции, и где в кризисной ситуации вакуум власти был компенсирован жестким идеологическим прессом (имеются в виду не только большевики, но и вся ориентация страны, прежде всего ее интеллигенции, ее мыслящей части, на революцию).

Докапиталистическая, традиционно-восточная в основе своей структура России, в которой капитализм был еще крайне слаб, несмотря на успехи промышленности после великой реформы Александра II и преобразований Столыпина в сельском хозяйстве, оказалась не только совместимой с марксистско-тоталитарной, она совпала с ней по вектору, ибо обе были резко против капитализма. И это сыграло роковую роль в судьбах России. Стоит в этой связи вкратце рассмотреть, как проявила себя марксистско-социалистическая модель развития в России, ибо в конечном счете именно она стала в XX в. эталоном для подражания в неевропейском мире.

Марксистский социализм в России

Модель, о которой идет речь, чаще всего ассоциируют с именем Сталина, сыгравшего решающую роль в ее реализации. Однако начали работу в том же направлении и действовали теми же методами Ленин и Троцкий, возглавившие в свое время большевистский переворот в России и навязавшие измученной и ослабленной стране режим военного коммунизма. Только неминуемый крах, ожидавший этот режим в 1921 г., симптомом чего был кронштадтский мятеж моряков революционной Балтики, заставил большевистских вождей ввести в стране нэп, позволивший ей вздохнуть и начать жить по-человечески. Однако нэп, как известно, был лишь передышкой. Возглавивший затем большевиков Сталин достаточно скоро отказался от послаблений и стал быстрыми темпами завинчивать гайки, возвращая страну к угасшему было режиму военного коммунизма, принявшему внешне чуть иной облик. Не останавливаясь на деталях, несколько слов о сути той модели, что была создана Сталиным в 20 – 30-х годах и с незначительными изменениями просуществовала более полувека.

Были ликвидированы частная собственность и свободный рынок, весь экономический механизм оказался сконцентрированным в руках всемогущего государства, которое взяло на себя, естественно, и функции до предела централизованной глобальной редиистрибуции.

Процесс концентрации власти и экономических функций сопровождался введением режима жесточайшей диктатуры, социального (против целых классов и слоев населения) и политического (против инакомыслия или неподчинения властям) террора. Сильнейшая индокринация, возможная лишь в век развитых средств массовой информации, спекулировала на иллюзиях революционного порыва к светлому будущему. Одураченный лозунгами народ ориентировался на скорейшее преодоление трудностей и строительство основ нового общества в условиях неслыханного перенапряжения сил при нищенском уровне существования. И многие искренне верили в лозунги, были готовы все отдать во имя светлого будущего.

Для тех, кто не верил или верил недостаточно активно, в ход пускался тщательно разработанный, утонченный до изуверства механизм принуждения. Речь идет не просто о запугивании, стремлении пресечь любое недовольство. Режим создал индустрию репрессий – ГУЛАГ и все обслуживавшие его органы, бравшие за образец ленинских чекистов. Был создан и воплощался в жизнь нормативный принцип всеобщей слежки и взаимного доноительства с наказаниями за недонесение. Все это привело к тому, что людей сковал страх, который сделал из них рабов режима, а подгонявший рабов кнут репрессий заставлял их работать, причем много, до изнеможения.

Вера, с одной стороны, и страх – с другой, а также репрессии и постоянное сверхперенапряжение – все это были составляющие того зримого успеха, которым могли похвастать коммунисты, особенно в 30-е годы, когда закладывалась основа военной индустрии Советского Союза. Война с фашистской Германией, ведшаяся в том же режиме перенапряжения и с тем же бездумным расточительством человеческих ресурсов, лишь усилила генеральные принципы сталинской модели, как бы доказав миру ее преимущества. Послевоенное время перемен измученной стране в этом смысле не принесло. Но зато именно в это время страна оказалась на пределе своих возможностей, и это объективное обстоятельство не преминуло сказаться сразу же после смерти Сталина.

Дело в том, что основанный на перенапряжении населения командно-административный режим в его тоталитарной модификации может приносить сколько-нибудь позитивные результаты недолго, не более срока жизни одного попавшего под его безжалостные колеса поколения. Энтузиазм следующего поколения неизбежно ослабевает, вера в достижение быстрых результатов при сверхперенапряжении сил у него исчезает, а страх без веры и энтузиазма перестает безотказно действовать, все чаще дает сбои. В условиях отсутствия хоть какого-то рынка, выполняющего функции кровеносной системы социально-политического организма, когда заменой рынка выступает именно сверхперенапряжение (нечто вроде искусственного кровообращения), социальная структура быстро и резко ослабевает, оказывается на грани катастрофы. Нужны срочные меры по спасению. Какие же?

Нужен спасительный рынок. И в условиях общего ослабления социально-политического организма и его органов, включая и репрессивные, в условиях исчезновения веры и тотального страха рынок появляется. Но нелегальный, черный, со временем разрастающейся до уровня второй – теневой – экономики, берущей на себя обслуживание населения. Параллельно с теневой экономикой проявляется осмелевшая от страха репрессий, столь свойственная командно-административному режиму бюрократия, тесно связанная с дельцами теневой экономики в единую мафиозного типа суперструктуру.

Казалось бы, есть рынок, пусть черный, значит, вот оно, спасение! Но не тут-то было. Бюрократия и при черном рынке олицетворяет собой все то же государство, ту же власть, ту же систему тотальной редистрибуции. А причастность экономики к власти принципиально несовместима с экономической эффективностью хозяйства, ибо бюрократ не заинтересован ни в прибыли, ни в открытом рыночном регулировании, ни в сбыте товаров, произведенных на предприятии, которым он руководит. Его зарплата зависит не от рынка или сбыта, не от качества либо конкурентоспособности произведенного товара, а от регулярных выплат из казны. Примерно так же обстоит дело с теми, кто работает на предприятии и производит товар: не качество и конкурентоспособность, но количество товара, вал определяют норму выработки и соответственно заработок. Бюрократ может при этом погреть руки на связях с дельцами теневой экономики, но эффективности экономике в целом это не добавит.

Экономическая неэффективность, являющаяся следствием такого рода хозяйственного

механизма, ведет к развалу народного хозяйства, к развращению отвыкающего от качественного труда работника, не заинтересованного в хорошей работе и потому не включающего всех своих потенций. А без экономического интереса, реализуемого на свободном рынке, структура в целом приходит в состояние стагнации. Правда, черный рынок, теневая экономика включает те потенции, которые оказались ненужными экономике государственной. Именно здесь на первое место выходит интерес, который не работает там, именно здесь имеет первостепенное значение качество товара. Но теневая экономика потому и теневая, что официально существовать не может, ибо основана на рынке и частной собственности, официально системой не признаваемых и преследуемых в уголовном порядке. Для того, чтобы все-таки существовать в таких условиях, свыше половины своих доходов дельцы теневой экономики вынуждены отдавать на подкуп представителей власти. Результат очевиден: тотальная коррупция администрации и не только стагнация, но и гниение структуры в целом.

Весь этот путь проделала наша экономика, причем последние его этапы характеризовались лихорадочным стремлением отдать все средства страны на военную индустрию, что окончательно изуродовало баланс народного хозяйства. Только гигантские доходы от нефтедолларов удерживали страну от окончательного краха в 70 – 80-х годах. Но и нефтедоллары кончились, что сыграло существенную роль в наступлении эпохи кризиса первой в истории страны марксистского социализма. Крушение марксистского социализма в СССР было шоком для всего мира, ибо резко изменило баланс сил, превратило привычную в XX в. биполярную его структуру в нечто иное – то ли монополюсную, то ли многополюсную, что в условиях огромного количества накопленного в развалившемся СССР оружия массового уничтожения оказалось весьма небезопасным для всего мира. Но проблемы развалившегося СССР – иная тема. Для уяснения же проблем современного Востока важно обратить внимание на то, как воплотившаяся в СССР марксистско-социалистическая модель эволюции проявила себя в тех странах, которые, будучи замороженными ею, решились повторить у себя этот губительный для любого социума, в том числе и для привыкшего к командно-административной структуре, рискованный, хотя и для многих притягательный социальный эксперимент.

Марксистско-социалистический режим на Востоке

Официальная марксистская историография – ив этом с ней вполне можно согласиться – подлинно марксистско-социалистическими считала лишь несколько неевропейских стран: Китай, Северную Корею, Вьетнам, Кубу. Особый статус у Монголии. Иногда с оговорками в это число включались такие страны, как Лаос, Камбоджа, с еще большими оговорками – Ангола, Эфиопия, Никарагуа. Остальные страны с марксистско-социалистическими режимами обычно относились к разряду стран «социалистической ориентации» – категория весьма расплывчатая, о чем речь впереди. Обратим прежде всего внимание на три основные из названных стран, о которых специально уже шла речь и которые могут считаться олицетворением марксистско-социалистического режима в странах современного Востока. В чем их путь схож с советским и в чем от него отличен?

Прежде всего сформулируем специфику российского пути. Россия была первой, причем эксперимент здесь затянулся почти на три четверти века, т. е. захватил срок жизни нескольких поколений. Синдром враждебного окружения и агрессивность режима вызвали к жизни в нашей стране уродливую экономику, работающую почти исключительно на войну. Мир не знает ничего подобного советскому ВПК: своими щупальцами он опутал всю страну, забрав себе все самое ценное в ней. Последние десятилетия при столь уродливой экономике страна выживала только за счет нефтедолларов, пока не иссякли и они. Наконец, в мире нет ничего похожего на наше сельское хозяйство с его крепостнической системой колхозов, которая довела русскую деревню до разорения и обезлюдения, а всю богатую природу России – да и не только собственно России – до трагического разрушения, экологической катастрофы. Существенно заметить, что все приведенные черты, признаки и особенности нашего пути следует воспринимать не по отдельности, но именно в комплексе. Подобного не было более ни у одной

из стран Востока, избравших наш путь.

Во всех них эксперимент был сравнительно недолог, в пределах тридцати-сорока лет, если считать до начала радикальных реформ (разве что в КНДР он затянулся несколько дольше). Ни у одной из них не было синдрома враждебного окружения, при всем том, что страны, о которых идет речь, вели реальные войны и, если иметь в виду Китай и Корею, до сих пор активно противостоят своим более удачливым некоммунистическим южным частям. При всех непропорционально больших затратах на войну и милитаризацию общества ни у одной из них нет ВПК, хоть отдаленно сравнимого с нашим, даже с учетом масштабов страны. Но самое главное – во всех них сохранилось крестьянское население. Над ним измывались, его мучили экспериментами, но оно все же выжило. И стоило в Китае или во Вьетнаме начать рыночные реформы, как крестьяне первыми поняли, что от них требуется, и энергично взялись за производство и рыночный обмен, что и позволило реформам быстро набрать силу и дать результаты.

Все перечисленное, что отличает марксистско-социалистические режимы в странах Востока от советского, говорит об одном: им легче было реформировать марксистские режимы и, выйдя из тупика, вернуться к исходному стартовому рубежу. Однако на этом разница кончается. Остальное – в общности судеб. Как и СССР, все перечисленные страны (в том числе Куба, с оговорками Ангола и Эфиопия, Лаос и Камбоджа) испытали на себе, что такое структура без частной собственности и свободного рынка, которые замещаются жестким тоталитарным режимом с гипертрофированной экономической и редистрибутивной функцией, с жесткой социальной дисциплиной и суровыми репрессиями за малейшее отклонение от строго сформулированной нормы. Как и в СССР, в них после первых связанных с верой и энтузиазмом успехов в строительстве новой жизни – к тому же при помощи СССР – возникло естественное разочарование в достигнутых результатах и резко упали производительность труда, результативность экономического развития. Всюду развилась бюрократическая администрация, в большей или меньшей степени теневая экономика, основанная на черном рынке и коррупции власти. Люди постепенно переставали хорошо работать и производить качественные изделия. В Китае, например, вскоре после реформ 1978 г. в печати стали раздаваться жалобы на то, что за годы экспериментов люди разучились хорошо трудиться и что молодому поколению следует учиться качественному труду заново.

Словом, все пороки, имманентные системе, которая стоит на тотальном огосударствлении экономики и самого человека, проявили себя в полной мере в каждой из стран Востока, где был установлен марксистско-социалистический режим. Разумеется, у каждой из стран были своя судьба, свои особенности. Но все они, включая Кубу и КНДР, которые пока еще из последних сил пытаются стоять на своем, прошли один и тот же сходный с советским путь. Во всех них первоначальный энтузиазм и вера, сопровождавшиеся репрессиями и животным страхом, некоторое время давали определенный эффект. Затем наступил период сомнений, неуверенности, потери энтузиазма и, как результат, экономических трудностей, перераставших в тяжелый кризис. Попытки половинчатых реформ, как правило, лишь усугубляли положение, как и новые рискованные эксперименты типа маоцзэдуновских в Китае. По-прежнему подавлялись частная собственность и черный рынок, причем в отдельных случаях, как на Кубе и КНДР, весьма решительно. Словом, при всех существенных различиях в конкретике каждый марксистско-социалистический режим за несколько десятилетий своего существования испытал на себе одни и те же внутренние пороки утопической доктрины, которую он пытался воплотить в реальность. Каждый прошел свой крестный путь и оказался в итоге в состоянии мучительной стагнации, если не явного гниения.

Преимущества по сравнению с СССР, о которых говорилось выше, позволили марксистско-социалистическим режимам Востока, хотя и не всем, найти выход из тупика в радикальных реформах, коренным образом менявших внутреннюю структуру и де-факто кончавших с марксистской утопией. Такого рода реформы в Китае начались после смерти Мао, в 1978 г.; во Вьетнаме – позже, в 80-х. Сегодня они проводятся также и во многих других странах, жестко или не очень жестко следовавших по пути марксистского эксперимента. Реформы всюду идут достаточно успешно, причем их успеху содействует прежде всего то обстоятельство, что уставшие от экспериментов люди еще не забыли старую, до

социалистических экспериментов жизнь, пусть даже в условиях по-восточному контролируемого рынка. Этот-то рынок и восстанавливается в странах, о которых идет речь, в первую очередь.

Иными словами, все марксистские режимы сделали из тупика, в котором они оказались, шаг назад. Этот шаг и позволил им обрести твердую почву под ногами и начать движение вперед, но теперь уже по принципиально иному, капиталистическому пути. Разумеется, вслух об этом предпочитают не говорить: публичный отказ от доктрины означал бы вынужденный уход руководства от власти с угрозой для судеб многих тысяч, а то и миллионов ретивых администраторов и тем более идеологов, ревностно эту доктрину реализовывавших. Однако сам факт, что лидеры обанкротившегося режима сохраняют свою власть и даже продолжают рассуждать о марксистском социализме, означает, что радикальные реформы в соответствующих странах идут сравнительно легко и безболезненно – в отличие от того, что было в СССР.

Обобщая ситуацию, можно заключить, что марксистско-социалистические режимы на Востоке в силу ряда причин не сыграли здесь той роковой роли, что аналогичный режим сыграл в России. Неизвестно, как будет обстоять дело с теми странами, которые не пошли по пути спасительных реформ. Затычка с этим явно будет содействовать более болезненному для страны выходу из тупика. Но относительно КНДР можно прогнозировать, что скорее всего ее ждет судьба ГДР, – и это несколько обнадеживает, ибо в любом случае спасает положение. Одно несомненно: даже не принесший необратимого ущерба страшный социальный эксперимент губителен для каждой втянутой в него страны. Годы, ушедшие на него, – это потерянные годы, не говоря уже об уничтоженных людях, искореженных судьбах, изуродованных социопсихологических стереотипах. Конечно, можно козырять некоторыми индустриальными достижениями. Но согласимся, что на убедительном фоне аналогичных и много более существенных достижений южных частей тех же стран, о которых идет речь (прежде всего имеются в виду Тайвань и Южная Корея), эти козыри оказываются безнадежно битыми. Банкротство марксистских режимов очевидно.

Сказанное означает, что внутренние пороки системы, соответствующие букве и духу доктрины (прежде всего отказ от частной собственности, свободного рынка, буржуазной демократии, защиты прав и свобод индивида со ставкой на силу обезличенного коллектива, не говоря уже о культе одного класса и его диктатуры), не есть случайный результат, некое отклонение от марксистской истины. Это важно подчеркнуть, ибо у доктрины во многих странах все еще есть сторонники, склонные списывать ее неудачи на бездарное воплощение либо отклонения от нормативного эталона. Опасное заблуждение! Чтобы развеять его, стоит специально обратить внимание на ту группу стран Востока, где был открыт в силу ряда причин широкий простор для поисков и вариантов и где не следовали слепо советскому либо китайскому эталону, но, принимая советскую, китайскую и любую иную помощь, старались творчески, по-своему использовать те преимущества марксистской доктрины, которые всем ее сторонникам представляются именно ее преимуществами (огосударствление экономики, коллективизм труда и быта, высокий уровень социальных гарантий вплоть до социального иждивенчества и т. п.). Речь пойдет о многочисленной группе стран так называемой «социалистической ориентации».

Страны «социалистической ориентации»

Еще раз стоит в самом начале заметить, что принципиальной грани между жесткими марксистскими режимами и странами, ориентирующимися на марксизм, нет. Не потому, что нет разницы; она есть и вполне ощутима. Но прежде всего потому, что одна и та же группа стран (упоминавшиеся уже Ангола и Эфиопия, Лаос и Камбоджа, Никарагуа) может быть с оговорками отнесена и к той, и к другой категории. Только при отнесении ее к первой категории нужны одни оговорки, при отнесении ко второй – иные. Связано это с тем, что группа стран, о которой идет речь, характеризуется неустоявшимся режимом, чаще всего в сочетании с экстремальной ситуацией перманентной войны, когда стоит задача не столько последовательно воплощать в жизнь утопические требования доктрины, сколько находить

оптимальные варианты для выживания.

Но есть и другая группа стран, ориентировавшихся на марксистский социализм. Это преимущественно страны Африки, включая в разные периоды их современной истории Мали и Гвинею, Гану и Танзанию, Конго и Мадагаскар, Египет и Зимбабве, да и ряд других. Это упоминавшийся уже Южный Йемен, может быть, еще некоторые страны ~ опять-таки в разные периоды их современной истории. Главное отличие режимов этих стран от жестких марксистско-социалистических в том, что все они так или иначе стремились с самого начала их «социалистической ориентации» в сторону марксизма сочетать генеральные установки доктрины с ее отношением к частной собственности, рынку, индивиду и коллективу с различного рода послаблениями в сфере мелкой частной собственности, ограниченного рынка и т. п. С марксистскими режимами, кроме прочего, всех их сближал нарочитый акцент в сторону огосударствления экономики, а то и национализации основной ее части. Кроме того, сближающим фактором всегда была идеологическая жесткость, опять-таки во многом восходившая к нормам марксистской доктрины, пусть не по букве, но по духу, как то было, в частности, в Египте при Насере, когда компартия официально была запрещена, а власти действовали в близком к марксистскому духу стиле. Нечто подобное, пусть с оговорками, можно сказать и о Бирме, и об Алжире.

Для всех этих стран характерны сильное политическое и идеологическое воздействие на них со стороны лагеря коммунизма и постоянная помощь оружием, хотя и не только им. Лидерам Танзании и некоторых других африканских стран явно импонировала идея кооперации по-марксистски, коллективизации сельского хозяйства, которая и была в наиболее последовательной форме воплощена в танзанийской системе уджамаа. На правителей Ганы в 60-х годах произвела впечатление плановая система управления экономикой (был принят 7-летний план в 1962 г.). Аналогичный интерес к плану по-марксистски проявил в 80-х годах Йемен. О помощи Египту при Насере и говорить не приходится – она была разнообразной и объем ее был весьма велик, начиная от поставок оружия и кончая Асуанской плотинной. Но даже в тех странах, где помощь и влияние со стороны коммунистического лагеря были относительно слабы, будь то Алжир или Бирма, косвенное воздействие лагеря (вот оно – поле напряжения) ощущалось и воспринималось, в том числе и при отсутствии заявлений о намерении идти по марксистскому пути.

По-разному страны этой категории находили избранный ими путь. На чаще всего ориентация на социализм по-марксистски была как бы вынужденной, объяснялась отсталостью. В слабо развитых африканских странах необходимую роль посредника, основного субъекта рыночных связей с внешним миром и в то же время гаранта сохранения жизнеобеспечивающего уровня жизни населения брало на себя государство, которое всегда так или иначе связано с командноадминистративными методами управления и бюрократической неэффективностью руководства хозяйством. Это, естественно, способствовало консервации старой структуры, т. е. мешало развитию частной экономики и самому принципу конкурентоспособного предпринимательского хозяйства, базирующегося на экономической эффективности. Выход из этого замкнутого круга в 60-х годах многие видели в иллюзии быстрого и легкого решения этой сложной проблемы по-марксистски. Но для стран той категории, о которой идет речь, это была именно иллюзия. Ни у одной из них практически не было шансов рассчитывать даже на те начальные успехи, что продемонстрировали в первые годы коммунистического эксперимента хорошо институционализированные страны с конфуцианским цивилизационным фундаментом. Объясняется это тем, что африканские молодые государства не имели ни такого фундамента, ни той степени институционализации, социальной дисциплины и готовности к перенапряженному труду, какими обладали дальневосточные страны (что касается Египта, то здесь сыграли свою роль иные причины, имеющие отношение к исламу; это же относится и к другим исламским странам, делавшим шаги в сторону ориентации на марксизм).

Там, где не было ни фундамента, ни дисциплины труда, ни административной институционализации, ориентация на социализм по-марксистски приводила к приостановлению движения вперед по пути развития, к неспособности прокормить себя, наконец, к перманентному более или менее глубокому кризису. Но, так как все это не уходило слишком вглубь и было в немалой степени внешним, искусственным, наносным, то от него сравнительно

легко можно было избавиться, что и продемонстрировали миру едва ли не все африканские страны, отдавшие в свое время дань иллюзиям развития по-марксистски. Выход из кризиса был в смене режима либо в реформах, порой в том и другом сразу. Особенно заметным процесс прозрения стал на рубеже 80 – 90-х годов, в период глобального краха марксистского эксперимента во всем мире. Зашедшие в марксистский тупик страны «социалистической ориентации» одна за другой, пятась, выбирались каждая из своего тупика на исходные позиции и, наученные горьким опытом, начинали движение вперед по рельсам капиталистического рынка.

Общими для всех стран этой категории являются меньшая степень потерь и большая легкость переориентировки, нежели то было со странами первой категории, т. е. жесткого марксистского режима. Здесь многое сыграло свою роль, но главным образом – относительная гибкость политико-стратегического курса, сочетавшего требования доктрины с разумным допущением элементов частной собственности, рынка и всего традиционного образа жизни. Ситуация вакуума силы и воздействие со стороны противостоявшего коммунизму капиталистического поля напряжения тоже играли свою роль, как, впрочем, и влияние ислама и исламской третьей силы (третьего поля) в случае с мусульманскими странами, будь то Египет, Алжир или Йемен.

Немарксистский социализм

Что можно сказать на очевидном фоне внутренних пороков марксистского социализма как доктрины и как реальности о социализме немарксистском? Здесь тоже есть два разных типа, условно обозначим их третьим и четвертым. К третьему типу относятся хорошо известные страны диктаторского, деспотического социализма во всех его модификациях, от национал-социализма Сирии и Ирака через жесткий исламский социализм Ливии до сравнительно мягких социалистических режимов с уклоном в сторону ислама. Снова стоите оговориться, что такие режимы, как алжирский или бирманский, могут быть отнесены не только ко второму, но и к третьему типу социализма, ибо в них марксизм не слишком заметен, а национальный и цивилизационный уклон (в сторону ислама в одном случае, буддизма – в другом) вполне ощутим.

Социалистические страны третьего типа сближают с марксистскими жесткая, близкая к тоталитарной политическая структура, произвол власти, ставка на унифицированность социального поведения, строгий контроль над инакомыслящими, религиозное рвение поверивших в официальную идею и обязательность репрессий по отношению к тем, кто сомневается или оспаривает ее. Аналогичным является режим Ирана, но он решительно не приемлет самого термина «социализм», считая его несовместимым с подлинным, фундаментальным исламом. Существенно подчеркнуть, что, кроме Бирмы, страны третьего типа – мусульманские. Даже Индонезия, где во времена Сукарно много говорили об «индонезийском социализме», формально тоже может считаться исламской, хотя цивилизационный ее фундамент достаточно сложен. Впрочем, индонезийский вариант при Сукарно был несравненно более мягок, нежели другие, только что охарактеризованные диктаторские социалистические режимы. Можно было бы даже вывести этот вариант из числа режимов третьего типа или, во всяком случае, поместить его где-то между третьим и четвертым.

Для режимов третьего типа социализма (национал-социализма) характерна та особенность, которая отличала страны «социалистической ориентации»: при всей их структурной жесткости, при всем деспотизме и произволе власти эти режимы в принципе существуют в пределах привычной для традиционного Востока нормы с характерными для него мелкой частной собственностью, ограниченным по потенциам рынком и т. п. Более того, эти режимы в принципе допускают и частнокапиталистический сектор в сфере экономики и финансов, хотя этот сектор, как и все прочие, включая мощный государственный, тоже находится под сильным контролем власти – на то она деспотическая власть. Впрочем, здесь тоже нет ничего нового, особенно для исламского Востока. Новое лишь в том, что режимы щедро пользуются социалистической фразеологией и эксплуатируют идею национального или

религиозного (исламского) социализма, чем они и отличаются, например, от принципиально не имеющего ничего общего с социализмом режима в Иране.

Но коль скоро так, то – если не акцентировать внимания на жесткость диктатуры и произвол власти, а также на спекуляцию на социалистических идеях – жизнеспособность режимов, о которых идет речь, несомненна. Именно этим они кардинально отличаются от социалистических режимов первых двух типов, или, иначе, в этом их отличие от нежизнеспособных и утопических, внутренне порочных марксистских режимов. Частнопредпринимательский сектор в странах национал-социализма достаточно активен, причем его активность – как и нефтедоллары – в известной мере компенсирует экономическую неэффективность государственного сектора. Соответственно исламско-социалистические государства внутренне устойчивы и даже способны к некоторому саморазвитию, к заметным успехам. Но значит ли это, что исламский социалистический национализм или вообще социализм диктаторского типа с явно выраженным национальным либо национально-религиозным уклоном оптимален как успешно справляющийся со своими задачами режим на современном Востоке?

Достаточно поставить вопрос в таком разрезе, как ответ становится очевидным. Особенно если оставить в стороне богатые нефтедолларами Ливию и Ирак, снабжаемую достаточно щедро теми же нефтедолларами Сирию и обратиться к Бирме, очевидно продемонстрировавшей миру за несколько последних десятилетий экономическую неэффективность режима. Далекое не случайно бирманские генералы, давно уже стоящие в этой стране у власти, вынуждены были после пробуждения страны в конце 80-х годов начать широкую кампанию реформ примерно того же типа, что и в странах марксистского социализма. Правда, Бирма всегда стояла ближе к марксистскому социализму, чем исламские страны деспотического социализма. Не забудем, что и в принятой здесь классификации Бирма стоит как бы посередине между вторым и третьим типами социализма, относясь к ним обеим. Однако апелляция к бирманскому варианту позволяет предположить, что без нефтедолларов агрессивная политика исламских националсоциалистических стран быстро привела бы соответствующие режимы, при всей их внутренней жизнеспособности, к неминуемому краху. Стоит вспомнить об Ираке, пережившем за последние полтора десятилетия две тяжелые войны, но продолжающем существовать достаточно стабильно именно благодаря нефтедолларам.

Словом, страны немарксистского национал-социализма сильны вовсе не своей игрой в социализм, но национализмом и питающими его нефтедолларами, что хорошо видно на примере рискованных экспериментов в богатой нефтедолларами Ливии, покупающей продовольствие. В этом смысле они сущностно близки Ирану, с социализмом не заигрывающему. И даже более того, как бы расчищают дорогу исламскому фундаментализму. Вспомним и об Алжире, который можно, наподобие Бирмы, классификационно приравнять и ко второму, и к третьему типам социалистических стран Востока. И далеко не случайно здесь поворот от социализма полумарксистскойполуисламской ориентации к фундаментализму готов был совершиться в 1991–1992 гг.

И наконец, несколько слов о социализме четвертого типа, о немарксистском социализме социал-демократического, как в Сенегале, или дестуровского, как в Тунисе, характера. Немарксистский социализм четвертого типа распространен на Востоке слабо, и этому есть немало причин. Прежде всего, такой социализм сущностно почти ничем не отличается от капитализма, точно так же, как шведский или австрийский социализм в Европе есть интегральная часть еврокапитализма, его модификация. Но, сближаясь с мягкими формами исламского (например, в индонезийском его варианте) или «африканского» социализма (в разных его модификациях), этот социализм тоже играет свою роль, образуя своего рода левую фракцию в мощном потоке идей, апеллирующих к национальным, национально-религиозным, национально-цивилизационным ценностям. Идеи, о которых идет речь, далеко не всегда и не везде становились официальным знаменем, как в Тунисе или Сенегале. Но они тем не менее весомо влияют на политику и общественное мнение стран Востока.

Прежде всего имеются в виду националистические идеи. В отличие от националистических идей в Европе, обычно несших в себе заряд буржуазно-демократических преобразований, национализм на современном Востоке характеризуется иным

социально-политическим вектором. При всей пестроте составляющих его направлений и фракций это движение отражает реалии современного Востока с его сложными взаимоотношениями между традицией и модернизацией по европейскому стандарту, собственными и заимствованными ценностями. Именно национализм с его апелляцией к интересам не подготовленной к трансформации по еврокапиталистическому образцу крестьянской массы обретает заметные черты и признаки популизма как доктрины, ставящей своей целью увязать интересы народа в самом широком смысле этого слова с объективной необходимостью перемен во имя этих самых интересов. Имея в виду эту особенность популизма как идейного течения, обстоятельно охарактеризованного, в частности, В. Г. Хоросом, необходимо подчеркнуть, что национализм на современном Востоке не буржуазный или, во всяком случае, не вполне буржуазный. Можно сказать, настолько же не буржуазный, насколько страна, где взяты на вооружение его лозунги, не демонстрирует заметных успехов в развитии по капиталистическому пути. И именно это отличие призван подчеркнуть сам термин «популизм».

Национализм в его популистской форме – это отчаянный крик души народа, поставленного на перепутье, перед необходимостью сделать выбор, который он в большинстве случаев не хочет делать, ибо не готов к этому. Но жизнь требует выбора, а иногда и нового выбора взамен неудачного. Неудивительно, что вокруг сложившейся ситуации идет борьба, накаляются страсти, появляются идеологи, пытающиеся дать свое понимание происходящего и предложить свой ответ на неумолимый вызов эпохи.

К чему же сводятся ответы в наши дни, когда выбор в большинстве случаев уже сделан, иногда и по второму разу, а результаты его все же остаются неутешительными? В самом общем виде – к противопоставлению себя, своей страны, своего народа, его культуры, религии, цивилизации, ценностей, даже вообще Востока с традиционным для него приоритетом духовных ценностей всему западному, чужому, с характерными для него преимущественно материальными ценностями, погоней за прибылью, за улучшением качества жизни. Генеральная установка на противопоставление своего чужому и духовного материальному тесно переплетается с подчеркиванием высокого морального стандарта цивилизационной традиции, противопоставленного аморальности капитализма, которая проявляется в отчуждении человека от средств производства, в безразличии общества к индивиду, в многочисленных иных пороках современного развитого мира.

Смысл сопоставления очевиден. Да, мы не можем угнаться за развитыми странами с их динамичной экономикой и высокоразвитой техникой и технологией, с их бросающимся в глаза процветанием. Но мы в то же время хорошо видим неурядицы и моральные потери, являющиеся платой за прогресс. Нужен ли нам такой прогресс? Стоит ли за ним гнаться? Может быть, правильнее выбрать иной путь развития, в центре которого стояли бы собственные традиции и критерием которого были бы веками накопленные ценности? Словом, мы желаем остаться самими собой, т. е. тем, кем всегда были.

Конечно, в такого рода позиции немало лукавства. Едва ли какая-нибудь из стран Востока отказалась бы, например, стать такой, как Япония. Но выше головы не прыгнешь. Не у всех есть потенции для достижения таких успехов. Следует считаться с реальностью. Реальность же такова, что народ не готов к радикальным изменениям – именно народ, причем даже тогда, когда объективные предпосылки (например, нефтедоллары Ливии или Ирана, где означенные мотивы популизма звучат наиболее громко) вроде бы позволяют достичь многого из еврокапиталистических стандартов. Неудивительно поэтому, что требования национально-культурной и национально-религиозной идентификации как бы пропускаются сквозь призму народного восприятия и обретают тот самый популистский характер, о котором идет речь. Национализм именно поэтому оказывается не буржуазным, а популистским.

Диапазон конкретных модификаций его широк, а мощь потока в наши дни явно возрастает. В современном популизме представлены социалистические и близкие к ним течения, народно-религиозные с некоей социалистической или псевдосоциалистической окраской (доктрина М. Каддафи). Встречаются серьезные теории революционно-демократического характера (Ф. Фанон и его учение), культурно-цивилизационные доктрины типа негритюда (Л. Сенгор), а также порой достаточно

наивные коллективистские конструкции (идеи А. Секу Туре или Д. Ньерере). Все эти доктрины в конечном счете объединяются воедино генеральной идеей: Восток – это не Запад, нужно искать собственный путь развития. Но так как поиск идет по классическому методу проб и ошибок, то неудивительно, что он дает чаще всего негативный результат. Практически это означает, что Популистские идеи мало помогают решению сложных проблем развития. Проблемы остаются, порой обостряются. В идейном плане это ведет к определенной радикализации, что, в частности, нашло свое выражение за последние годы в рассматривавшемся уже феномене фундаментализма.

Дело в том, что ставка на национальную самодостаточность – это вынужденная реакция традиционного социального организма на неудачи в процессе развития. И чем больше эти неудачи, чем драматичнее разрыв между желаемым и возможным, между различными политическими силами, стремящимися к разным целям (особенно заметно это в странах ислама, где защитный панцирь традиции и стоящие на страже его силы прошлого наиболее сильны), тем мощнее оказывалась реакция сопротивления структуры, порой переходящая в реакцию отторжения всего нового и чужого. Собственно, именно эта реакция – точнее, ее идеологическое оформление – и есть фундаментализм, т. е. возвращение к истокам, к фундаменту. Смысл этого феномена – в резком разрыве со всякими попытками угнаться за чужими стандартами и вообще ориентироваться на них. В лучшем случае это замещается призывом к некоему иному развитию, в остальных – апелляцией к высшим изначальным религиозноцивилизационным ценностям. В том, что фундаментализм наиболее отчетливо и с наивысшей силой проявил себя в странах ислама, а из исламских стран – в шиитском Иране, нет ничего удивительного. Более того, в свете всего сказанного именно этого и следовало ожидать, так как ислам – наиболее жесткая и сильная из религий Востока, а шиизм – наиболее радикальное из мусульманских идейных течений, наиболее фанатичное из них.

Но фундаментализм свойствен не только миру ислама. Нечто похожее можно встретить и в Индии, где в качестве влиятельной оппозиции Конгрессу выступают религиозно-коммуналистские партии и группы, ориентирующиеся не только на индуистские, но и на древневедические духовные ценности и традиции, не говоря уже о сикхах. И это особенно ощутимо в сегодняшней Индии, после убийства сикхами И. Ганди и разгрома индуистами мечети в Айодхье. Пожалуй, только динамичная дальневосточная цивилизация, демонстрирующая потрясающие успехи в развитии, свободна от подобного рода идей.

Словом, тесная связь фундаментализма с неудачами в развитии (а в случае с шиитским Ираном – с неудачами в политике, ставившей своей целью ускоренное развитие) вполне закономерна. Мощь его – в силе неумиряющей традиции. Правда, не стоит эту силу преувеличивать. Везде, кроме Ирана, это пока только тенденция, лишь в немногих случаях, как в Алжире, Судане или Афганистане, влиятельная. Больше того, тенденция, как можно полагать, едва ли имеющая сколько-нибудь серьезное будущее, что касается и Ирана. Похоже на то, что взрыв фундаментализма в 70 – 90-х годах может быть воспринят как отчаянная попытка противостоять болезненной ломке привычных социопсихологических установок и ценностных ориентации, всего традиционного образа жизни, как реакция на grimасы городского быта, втягивающего в свой неумолимый водоворот все новые миллионы быстро увеличивающегося, преимущественно крестьянского населения не слишком быстро развивающихся стран. Это в общем-то реакция живущего и даже как-то развивающегося социального организма, и потому можно надеяться, что фундаментализм, вызванный к жизни экстремальными обстоятельствами, может отойти на задний план, коль скоро кризисная ситуация начнет как-то сглаживаться. Вопрос лишь в том, будет ли приостановлен кризис развития тгйм, – где он сегодня все ощутимее сказывается, есть ли серьезные шансы на это.

Для ответа на этот вопрос необходимо обратить внимание на то, как выглядит развивающийся Восток сегодня. Отталкиваясь от приводившейся выше схемы генеральных направлений процесса и двух ее базовых моделей-ориентиров, марксистско-социалистической и еврокапиталистической, обратим внимание на те реальные моделиформы, в которые отлились результаты развития сегодня, в наши дни.

Глава 16

Восток сегодня: основные модели и перспективы развития

Современный Восток противоречив и неоднозначен. Пожалуй, пора всерьез осознать, что развитие неевропейского мира за несколько последних десятилетий многое изменило в нем. Конечно, Восток и тем более весь неевропейский мир не был единым или хотя бы однообразным никогда. Он всегда разделялся и по уровню развития, и по типу цивилизационной и тем более религиозной культуры, и по многим другим параметрам. Но при этом всегда было нечто общее, что соединяло между собой неевропейский мир и отличало его от Европы, Запада. Это общее – господство командно-административной системы, приниженная роль несвободной частной собственности, рынка и соответственно бесправие подданных – не только очевидно, но и имеет основополагающий для понимания мировой истории характер. И вот теперь, к концу второго тысячелетия нашей эры, то, что разделяло мир на Восток и Запад на протяжении тысячелетий, не только отходит на второй план, но и как бы размывается, постепенно исчезает как структурообразующий признак неевропейского мира.

Проявляется это в том, что в мире появилась группа стран Востока (регион Дальнего Востока), которая структурно буквально на наших глазах перестает быть Востоком в классическом смысле этого слова. В таком же направлении несколько медленней и много трудней идут еще две группы стран – ряд латиноамериканских и юго-восточноазиатских. Часть стран Востока, двигаясь в сторону структурной перестройки, являет собой сложные системы из сосуществующих и имеющих шансы еще долго сосуществовать двух структур, старой и новой. И наконец, остальные достаточно твердо держатся за сохранение старой структуры либо просто не в состоянии добиться существенных результатов в попытке ее трансформации. Если в заключение попытаться как бы подытожить сказанное и подвести все разнообразие современного Востока под какие-то генеральные рамки, то перед нами окажутся три основные модели. Рассмотрим их более основательно, с учетом потенций и перспектив.

Модель первая, японская

Совершенно очевидно, что к группе стран, объединяемых в рамках первой модели, относятся страны Дальнего Востока, да и то пока не все. Видимо, к странам этого типа можно отнести и некоторые латиноамериканские, что стоит учесть для полноты картины, имея в виду трансформацию развивающегося мира в целом. Как легко понять, речь идет о странах, добившихся наиболее заметных успехов в развитии по еврокапиталистическому пути.

Эти страны зримо сближаются с еврокапиталистическим стандартом по многим основным параметрам: для них характерно полное, практически абсолютное господство свободного рынка с конкуренцией выходящих на него частных собственников. Здесь важно оговориться, что речь идет отнюдь не о примитивной базарной конкуренции мелких частников, отбивающих друг у друга покупателей или заказчиков. Такого рода ситуация была нормой капиталистического рынка на зародышевых этапах его формирования (или где-либо в античности, да и то не без оговорок). Для развитого современного мира рынок являет собой нечто гораздо более сложное. Велика здесь и патронирующая роль государства, и контролирующая роль системы налогов, пошлин, банковских процентов и учетных ставок, и т. д. Как известно, огромную роль на современном рынке играет искусство маркетинга. Не менее известна та роль, которую играют на нем мощные капиталистические объединения, включая ТИК. Словом, современный рынок – очень сложное и весьма развитое финансовоэкономическое хозяйство, к регулированию которого во всех странах, включая самые развитые капиталистические, так или иначе причастно государство (впрочем, речь не идет о госкапитализме как секторе хозяйства – только о патронирующе-контролирующей функции власти, способствующей созданию наиболее благоприятного режима для своих при приемлемости его и для всех других).

Для нормального функционирования рынка такого типа нужно его полное господство в рамках той или иной страны, которая к такому рынку причастна. Или, точнее сказать, чем полнее господство рынка, тем экономически эффективнее его воздействие на экономику

страны. И далеко не случайно с этой точки зрения то стремление к реприватизации даже в развитых странах Европы (в Англии, во Франции), которое явилось фактом последних лет и привело к преодолению кризиса и к экономическому оздоровлению в упомянутых странах. Вывод очевиден: рынок не терпит посторонних иноструктурных вкраплений. Чем больше в той или иной стране развит государственный (госкапиталистический) сектор со всеми присущими ему элементами неэффективного хозяйствования, тем меньше влияние рынка и меньший эффект дают рыночные связи, тем с большими затруднениями связана экономика страны.

Все это хорошо известно странам первой модели. Более того, Япония в этом смысле показывает пример оптимального решения сложных проблем. Государство здесь напоминает чуткий барометр, моментально реагирующий на экономические затруднения и принимающий почти автоматически меры, необходимые для регулирования рынка. Не будучи само втянуто в экономику через какие-либо госкапиталистические предприятия, оно тем не менее все время держит свою весомую руку на руле хозяйственного регулирования, экономической политики. И за этот счет японская экономика обретает дополнительные очки в конкуренции с другими.

Государство в Японии давно, по меньшей мере с послевоенного времени, стало инструментом обеспечения эффективного функционирования хозяйства страны, сохранив при этом за собой все остальные функции, необходимые для нормального развития общества. Главное, что важно отметить, оно перестало быть государством традиционно-восточным и стало едва ли не более государством еврокапиталистического типа, чем государства в странах Западной Европы или США. И это касается не только государства, но и многих остальных элементов еврокапиталистической структуры, включая институты демократии, правовые, да и многие другие стандарты. Но что характерно, при всем том Япония не перестала быть Японией. Мало того, оставив по многим показателям позади себя передовые государства Европы, Япония не потеряла своего лица, она осталась страной Востока, причем в этом ее сила и даже ее преимущество перед Европой. Достаточно напомнить о дисциплине труда и отсутствии забастовок при достаточно гармоничном сотрудничестве труда и капитала (корни такого сотрудничества социопсихологически и институционально восходят к нормам конфуцианства). В общем, Япония – убедительный пример гармоничного и во многих отношениях весьма удачного, едва ли не оптимального синтеза.

По пути Японии ныне идут сегодня и другие страны. Для всех них – это и есть критерий отнесения их к первой группе – свойственно господство рыночных связей и вовлечение подавляющего большинства населения в сферу такого рода связей. Характерно и приведение системы государственного воздействия к японскому стандарту или в состояние, близкое к нему. Наиболее заметен такого рода процесс на примере Южной Кореи, которая буквально на наших глазах превратилась в демократическую страну. Государство восточно-автократического типа здесь, как и на Тайване, немало сделало в качестве силового административного института, целенаправленно способствовавшего трансформации традиционной структуры и переориентации населения к существованию в условиях рыночной экономики. Коль скоро успехи на этом пути были достигнуты (а в плане жизненного стандарта это выразилось в виде многократного улучшения уровня жизни), автократическое государство стало отходить на задний план, уступая место более подходящим для эффективного функционирования рыночной экономики демократическим институтам. Разумеется, при этом Корея осталась Кореей, так же как и населенные китайцами автономно существующие территории (Тайвань, Гонконг) не утратили своего «китайского» лица, что отражается в сохранении многих традиций, норм и принципов жизни.

Важно обратить внимание на то, что те традиции, которые могли помешать трансформации структуры, ослаблены либо видоизменены; те же, что не мешали ей, сохранились, пусть подчас тоже в несколько измененной форме. В целом же именно влияние традиции делает сегодня Японию Японией, а Корею – Кореей, но при всем том это уже иная традиция: не та, что задавала тон веками, а та, что гармонично слилась с наиболее важными элементами еврокапиталистической структуры. Это-то и привело к синтезу, т. е. к созданию качественно нового стандарта. Именно феномен синтеза и является определяющей характеристикой стран первой модели. Не берясь строго определять, какие именно страны и сколько их уже относятся к группе стран первой модели (часть стран находится на подходе к

ней), можно тем не менее считать, что такого рода группа уже реальность. В некотором смысле первая модель – образец, ориентир для многих. Увы, недостижимый пока для большинства.

Модель вторая, индийская

Вторая модель заметно отличается от первой внутренней неоднородностью, порой даже кричащим контрастом. Речь идет о достаточно большой группе стран, успешно развивающихся по еврокапиталистическому пути, но при этом далеко еще не перестроивших свою традиционную внутреннюю структуру. Практически это значит, что заметная часть страны и ее населения (речь преимущественно о городах, хотя и не только о них) уже существует в рамках новой, трансформированной по капиталистическому образцу экономики, что в масштабах государства в целом активно функционируют важные элементы еврокапиталистической структуры – многопартийная система, демократические процедуры, европейского типа судопроизводство и т. п. В то же время большая часть населения, подчас подавляющее его большинство, по-прежнему остается в плену привычного для их предков образа жизни, лишь едва затронутого нововведениями и переменами. И хотя обе части активно контактируют друг с другом, они в то же время остаются обособленными и живут каждая по своим законам, составляя в то же время единый организм.

Это упоминавшийся уже применительно к колониальным структурам недавнего прошлого феномен симбиоза. Суть феномена в том, что сохраняется какая-то грань, незримо, но жестко отделяющая одних, перепрыгнувших через барьер традиции, от других, которым пока что не удается это сделать. Такая грань была везде, в том числе и в странах первой модели. Но там ее удалось сравнительно быстро преодолеть, и после этого она исчезла. Здесь грань солиднее, потолок ее выше, преодолеть ее сложнее, причем причины этого уходят в глубь самой традиции, ее религиозно-цивилизационного фундамента. Для того чтобы грань была ликвидирована, нужны время и благоприятные обстоятельства. Метафорически ситуацию можно сравнить с яйцом, где белок и желток сосуществуют в органической связи, взаимно дополняя друг друга, но не смешиваясь. Только при определенных условиях начинается процесс, ведущий к поглощению одной части яйца другой, развивающейся и совершенствующейся качественно за ее счет.

Наиболее типичный представитель стран второй модели – Индия с ее системой общин и каст, которая продолжает держать в плену большинство населения страны. К этой же модели относятся многие страны Юго-Восточной Азии, от Таиланда до Индонезии, а также ряд стран ислама (Турция, Пакистан, Египет и др.). В любой из них активно идет процесс экономического роста, укрепляются многие элементы структуры европейского типа, но в то же время существует определенный барьер, опирающийся как на экономическую отсталость сельского населения, так и на социопсихологические стереотипы массового сознания и связанные с ними жесткие формы социального бытия, что особенно заметно в странах ислама.

Какова динамика развития стран этой группы? Для всех них характерно заметное поступательное движение в сторону постепенного сближения с еврокапиталистическим стандартом. В частности, это хорошо прослеживается на примере постепенного изменения роли государства, что особенно заметно там, где государство традиционно наиболее сильно, прежде всего в странах ислама. Дело в том, что усиление роли и влияния еврокапиталистического сектора экономики и упрочение позиций европейского типа политической, правовой и иной культуры ведут к уменьшению важности командноадминистративных и бюрократических методов управления. Элементы европейской структуры постепенно превращаются в ведущую идейноинституциональную основу успешного развития. В результате в стране возникает новая ситуация, ослабляющая потенции старой структуры и силу ее возможного сопротивления, включая взрывы национализма и тем более экстремизма в форме прежде всего фундаментализма.

Это касается и политических либо военных переворотов. Речь не обязательно о том, что таких переворотов становится меньше. Имеется в виду другое: сужаются возможности для честолюбивых генералов и амбициозных политиков. В Турции, например, где генералы достаточно регулярно брали в свои руки власть, сложилась уже некая примечательная

закономерность: взяв власть, генералы гасят страсти и создают условия для перехода руководства страной к гражданскому, демократическим способом избранному правительству, опирающемуся на европейского типа идейно-институциональную норму, соответствующие принципы. Нечто похожее происходит и в Таиланде. Развитие событий в Пакистане на рубеже 80 – 90-х годов свидетельствует об аналогичных тенденциях. В Индонезии, где у власти все еще стоит генерал, взявший ее в результате переворота 1965 г., эта власть была институционализована и по существу превратилась в президентское правление в рамках парламентской многопартийной демократии.

Конечно, нет никаких гарантий, что не произойдет новый переворот и ситуация в интересующем нас смысле в какой-либо из стран второй модели не изменится. Но, несмотря на это, отмеченная тенденция несомненна, причем именно ее существование характеризует положение дел. Более того, ряд стран описываемой модели, как Турция или Таиланд, уже стоят на грани перехода к первой – японской – модели, к структуре гармоничного синтеза.

Вариантом второй модели следует считать примыкающую к странам этой группы, но по ряду важных параметров отличную от нее группу арабских нефтедобывающих монархий. Здесь тоже симбиоз, тоже резкое, даже бросающееся в глаза сосуществование двух секторов хозяйства, двух частей населения в пределах каждого из государств. Но, в отличие от стран первой группы той же модели, здесь мало институциональных элементов европейской структуры, как нет и заметных признаков движения в сторону еврокапиталистического стандарта со стороны основной части местного населения и привычно стоящего во главе его аппарата власти. Симбиоз здесь построен не просто на контрасте, но и как бы на сепарации, сознательном отделении коренного населения (или, по меньшей мере, его большинства) от современного сектора хозяйства и соответствующей ему инфраструктуры (то и другое функционирует в основном благодаря усилиям мигрантов, тогда как местное население выступает преимущественно в качестве получателей ренты). Трудно говорить о тенденциях и перспективах, но похоже на то, что заметного изменения ситуации здесь пока не предвидится.

Как следует расценивать положение стран второй модели в целом? Общее для всех них в том, что они в принципе находятся в состоянии определенного равновесия, устойчивой стабильности. Экономика их если и не процветает, то во всяком случае вполне может обеспечить существование страны и народа. В регулярной помощи страны, развивающиеся по этой модели, не нуждаются, и даже есть определенные перспективы экономического роста. От стран первой, японской модели страны второй модели отделяет определенная дистанция, несмотря на то, что по доходу на душу населения некоторые нефтедобывающие страны (это относится не только к арабским монархиям и Ливии, но и, например, к Брунею) могут соперничать с той же Японией. Дело ведь не только и не столько в доходе, сколько во внутренней структуре, в динамичности самой модели. Существенна политическая стабильность большинства стран второй модели. Некоторое беспокойство может вызывать демографическая проблема, особенно ощутимая в Индии, крупнейшей из всех стран этой группы. Пока что успехи «зеленой революции» в Пенджабе и некоторых других районах, развивающихся по еврокапиталистическому образцу, позволяют компенсировать резкий рост населения, хотя миллионы все еще находятся в этой стране буквально на грани голода. Естественно, что при любом неблагоприятном повороте событий положение может резко ухудшиться.

И все-таки, при всех оговорках, положение стран, объединенных в рамках второй модели и функционирующих в условиях симбиоза, достаточно устойчиво. В ряде стран этой модели, как говорилось, намечается тенденция к преодолению ситуации симбиоза, к перерастанию симбиоза в синтез.

Модель третья, африканская

Для стран, объединенных в рамках этой модели – а они численно преобладают, да и по количеству населения, особенно с учетом темпов прироста, весомы, – типичны не столько развитие и тем более стабильность, сколько отставание и кризис. Именно здесь накал драматизма наиболее заметен и ситуация наименее перспективна. К странам этой модели относится подавляющее большинство африканских стран, некоторые страны исламского мира,

в частности Афганистан и Бангладеш, а также другие бедные страны Азии, как Лаос, Камбоджа, Бирма и т. п.

Хотя в подавляющем большинстве этих стран еврокапиталистическая структура имеет весомые позиции в экономике, отсталая, а то и полупервобытная периферия здесь много более значима и практически задает тон. В строгом смысле слова применительно к странам этой модели тоже можно говорить о симбиозе, ибо сосуществование современного и традиционного секторов очевидно. Но если в странах второй модели симбиоз как феномен сопровождается внутренней устойчивостью и явной позитивной динамикой в сторону укрепления экономической базы и даже развития по направлению к будущему синтезу, то в странах третьей модели положение иное. Лишь немногие из них со временем и при благоприятном стечении обстоятельств имеют шансы передвинуться в ряды стран второй модели, т. е. добиться некоей внутренней устойчивости и самообеспечения. Для большинства же видится удел незавидный, во всяком случае в обозримой перспективе. Страны африканской модели в большинстве своем обречены на отставание, причем разрыв между ними и развитыми странами долго еще, видимо, будет только возрастать.

Причины этого очевидны: здесь и низкий исходный уровень развития, отсутствие либо слабость имеющегося религиозноцивилизационного фундамента, и скудость природных ресурсов, во всяком случае таких, которые, как нефть, могли бы легко приносить доход. Видимо, следует принять во внимание и некоторые другие факторы, сыгравшие свою негативную роль. Но сказанного вполне достаточно, чтобы уяснить ситуацию: перед нами феномен некомпенсируемого существования, неспособности к самообеспечению или, в ряде случаев, феномен полупервобытного комплекса, способного гарантировать существование на полупервобытном уровне. Речь, разумеется, не столько об уровне цивилизованности (в ряде стран, будь то Бангладеш или Бирма, этот уровень достаточно высок), сколько об уровне существования, уровне потребления.

Важно учесть и еще одно обстоятельство. Там, где такой уровень привычен и где феномен потребительства не слишком известен, как в Афганистане, экономические проблемы не очень остры – несмотря даже на внутренние междоусобицы. Хуже обстоит дело там, где демонстрационный эффект, т. е. связанное с законами капиталистического рынка энергичное стимулирование потребления, достиг внушительных размеров при невозможности обеспечить население теми товарами, которые в обилии на рынке и которые оно желало бы иметь. Драматический разрыв между желаемым и возможным рождает эффект иждивенчества, естественное стремление потреблять, не производя эквивалента. Частично такой разрыв покрывается за счет кредитов, но задолженность при этом растет угрожающими темпами, что рано или поздно приводит к прекращению кредитов и к еще более драматическому несоответствию между предложением свободного рынка и возможностями населения.

Если принять во внимание, что именно в наиболее отсталых странах едва ли не наивысший темп прироста населения, о чем уже упоминалось, то ситуация предстанет еще более напряженной и еще менее обнадеживающей. Отсталость и нищета угрожающими темпами не только воспроизводятся, но и увеличиваются абсолютно; то и другое здесь явно уходит из-под контроля и выходит за все разумно приемлемые пределы. И хотя природные катаклизмы (засухи и сопутствующий им массовый голод) нередко уносят миллионы жизней, абсолютный рост бедности и нищеты, особенно в Африке, продолжается. И это проблема проблем, причем не только для Африки, но и для всего мира.

Единственный выход – массивная целенаправленная политика, преследующая своей целью искусственное форсирование развития с прицелом на постепенное втягивание в экономику рыночного сектора все большего количества пока еще мало пригодного для этого местного населения. Нужно создавать рабочие места, вести работу по социопсихологической перестройке массового сознания. Тому и другому способствуют большие города, число и размеры которых, в частности в Африке, быстро увеличиваются. И это несколько обнадеживает. Но не слишком: нужны долгие десятилетия целенаправленных и дорогостоящих усилий для достижения хоть сколько-нибудь заметных позитивных результатов. Очевидно, рано или поздно необходимость таких усилий для всеобщего блага будет осознана в мире. Нельзя сказать, что сейчас на это мало обращают внимания. Существует немало исследований,

авторы которых предлагают свои рекомендации. Создано множество фондов и программ под эгидой ООН, ее специализированных учреждений или других организаций, ставящих своей целью содействовать развитию отсталых стран, прежде всего африканских. Ставится вопрос о финансировании такого рода программ за счет предполагаемого – и представляющегося теперь реальным в свете наметившегося ныне прогресса в области международных отношений – сокращения расходов на военные цели с направлением части их в фонд помощи отсталым странам.

Видимо, кое-что для собственного спасения могут сделать и сами отсталые страны, особенно богатые природными ресурсами. Региональные проекты, любые формы межнациональной и межгосударственной интеграции могут принести определенную пользу, концентрируя усилия на наиболее выгодных и результативных направлениях развития. Но, даже учитывая такого рода возможности, следует сознавать, что проблема кризиса развития и даже просто выживания населения большинства стран африканской модели остается пока еще очень острой.

Основные модели и перспективы развития

Не все страны современного Востока вписываются в вычлененные основные три модели. Часть их находится как бы вне их. Это относится, в первую очередь, к таким странам, как Китай и Вьетнам, энергично приступившим к переделке структуры, а также к таким, как КНДР, где все это еще впереди. Что следует сказать об особенностях развития упомянутых стран в свете закономерностей, выявленных при анализе основных моделей?

Формально руководство КНР (да и Вьетнама) все время подчеркивает, что ориентируется на строительство социализма. Однако на деле речь идет о существенной роли социальных гарантий и об ограниченности функций рынка и частной собственности, которые традиционно контролирует восточное государство. Если это так, то КНР скоро может стать в ряд со странами второй модели и быть еще одним вариантом развития в рамках этой модели. Впрочем, некоторые признаки динамики Китая дают основание заключить, что в будущем он не будет слишком строго придерживаться принципа централизованного контроля над рынком и частной собственностью. Если же учесть, что предприятия коллективной собственности в Китае вполне гармонично могут стать чем-то вроде обычных фирм с юридическим лицом и правом независимого от контроля поведения на свободном рынке, и принять во внимание, что в этом же направлении эволюционируют ныне и многие государственные предприятия, то вполне можно допустить, что Китай как страна дальневосточной цивилизации сумеет достичь в будущем успехов, сравнимых с теми странами, что ныне входят в группу первой модели. Словом, будущее покажет, как повернутся в этом смысле события. Пока же, учитывая описанные варианты и особо стоящих аутсайдеров, мы вправе сформулировать некий генеральный вывод.

Восток в наши дни состоит из трех основных групп стран, развивающихся в рамках отличных друг от друга моделей. Первые две из них – японская модель гармоничного синтеза и индийская модель симбиоза – жизнеспособны и в постоянной помощи извне не нуждаются. Более того, часть из них сама способна оказать помощь другим и делает это (имеются в виду Япония и нефтедобывающие страны). Третья группа стран, развивающаяся по африканской модели и тяготеющая к традиции в ее наиболее отсталой, чаще всего полупервобытной модификации, явно нежизнеспособна. В лучшем из ее вариантов развитие по этой модели ведет к стагнации, в худшем – к кризису и катастрофам. Эта группа стран не может жить без чужой помощи в самом элементарном смысле слова: страны Африки, пусть даже не все, просто не в состоянии себя прокормить. Это же относится и к некоторым беднейшим странам Азии.

Помощь, как упоминалось, оказывается. Но проблема остается и обостряется с каждым годом из-за демографического роста, нарастания задолженности, отсутствия стратегии развития. Что можно сделать в этой ситуации? Видимо, вовсе не обязательно беднейшим странам третьей модели напрягать все силы и стремиться к развитию по первой модели. Это невозможно, да и не нужно. Необходимо найти какой-то иной путь, наметить очертания иного развития. Это касается также и тех стран, развивающихся в рамках второй модели, где

большинство населения по-прежнему пребывает в рамках традиционной структуры. Если приплюсовать это большинство (а в Индии оно многократно превышает ориентирующееся на свободный рынок меньшинство) к населению стран африканской модели, то в итоге – даже исключив Китай – мы получим колоссальную цифру, которая будет намного больше (видимо, в несколько раз) того количества населения мира, что живет в условиях рыночной структуры и так или иначе причастно к благам экономического прогресса. В Китае соотношение приблизительно то же самое, хотя там более активно идет процесс приобщения к современному рынку всего крестьянства.

Не претендуя на точность подсчетов, хотелось бы обратить внимание, с точки зрения перспектив развития, на главное: в странах второй и третьей модели, включая Китай, живет большинство населения мира, которое пока что не затронуто благами современной экономики или соприкоснулось с ними в очень незначительной степени. Это значит, что поиски новой стратегии развития должны вылиться в какой-то общий глобальный принцип.

В чем может быть сущность такого принципа? Прежде всего в ограниченной роли рынка и современной экономики и в ориентации того и другого на оптимизацию сельского хозяйства, способного обеспечить гарантированное существование населения. В мобилизации всех возможностей – под эгидой собственных государств, международных организаций, стран-доноров и т. п. – для повышения урожайности полей и для борьбы с природными аномалиями (засухи, наводнения и т. п.). Можно ли ставить задачу добиться большего? Едва ли, особенно если принять во внимание экологическое состояние планеты и учесть, что промышленное развитие влечет за собой горы отходов, мусора, вредных выбросов (их и сейчас, когда промышленно развита лишь небольшая часть мира, приходится в среднем 20 т на каждого человека в год), переработка которых в более глобальных масштабах пока просто не под силу человечеству. Можно напомнить также и о проблеме чистой воды и чистого воздуха, о сведении лесов, о парниковом эффекте с угрозой серьезных неблагоприятных климатических перемен, об угрожающе растущей озонной дыре на полюсах, да и о многом другом в том же плане. Сказанное означает, что стратегия развития (она же – стратегия помощи отсталым странам и неспособной обеспечить себя части населения) не может и не должна исходить из того, чтобы всемерно подтягивать страны третьей группы к уровню второй, а второй – к первой. Видимо, гораздо целесообразнее исходить из сложившейся уже разницы в уровнях, тем более, что изменить что-либо в этом смысле достаточно сложно, если вообще возможно, и ставить перед собой только выполнимые задачи, главная из которых – обеспечить жизненный минимум для самых отсталых, имея при этом в виду демографический рост именно в этих странах. Может быть, частью стратегии развития должно стать регулирование рождаемости в отсталых странах, хотя практика свидетельствует, что добиться этого очень трудно.

Заключение

Восток и мир накануне третьего тысячелетия: наследие, традиции и перспективы

С высоты надвигающегося на мир третьего тысячелетия отчетливо видится, что исторический процесс демонстрирует два различных пути развития, второй из которых, европейский, отпочковался от первого, генерального, где-то на рубеже античности. Именно динамично ускоряющееся развитие европейского пути привело к торжеству научно-технического прогресса на земном шаре. Вопрос лишь в том, в прогрессе ли счастье человечества.

Вопрос поставлен далеко не случайно. Генеральный путь – первый путь развития, для которого характерно господство государственной командно-административной системы при второстепенной роли рынка и частной собственности, приниженности человека и безусловном господстве государства над социумом, а социума над личностью, – не вел к научно-техническому прогрессу, не способствовал раскрепощению личности и не создавал

условий для активной реализации выдающихся открытий человеческого ума. Зато он заботливо сохранял необходимое единение человека с природой, гарантировал статус-кво и в своей консервативной стабильности мог сосуществовать с нашей матерью-Землей еще, быть может, тысячелетия и тысячелетия. Европейский путь, раскрепостив личность и придав ей мятежный дух Прометея, довел уровень прогресса к концу второго тысячелетия до неслыханных, непредсказуемых, подчас непредставимых прежде величин. Но именно за это люди заплатили столь же неслыханной ценой: гибнет на наших глазах природа, цветут и мутнеют моря, загрязняется воздух, пропадает озон. Мир содрогается под тяжестью ядерной угрозы, а на смену этой угрозе, как-то регулируемой человеком, идет нерегулируемая им беда – неуправляемый демографический взрыв и, как реакция природы на него, пожирающий всех без разбора и пока что неостановимый СПИД. И где гарантия, что дальнейший путь прогресса не приведет завтра к новым, еще более грозным, непредсказуемым и неостановимым потерям, если даже не к всеобщей гибели?

Не стоит, конечно, нагнетать апокалиптические страсти, но нельзя и умалчивать об угрозе жизни на Земле, делать вид, что ее нет, что она чуть ли не искусственно раздувается бьющими в колокола алармистами, «зелеными» и т. п. Нет оснований также во всех несчастях человечества винить сам прогресс как таковой. Все намного сложнее. Но с позиций историка, пытающегося охватить исторический процесс в целом, многое видно, особенно сегодня, на рубеже тысячелетий. Видно, в частности, то, что путь первый в лице традиционного Востока заканчивает свое обособленное движение и явственно сливается с путем вторым, который буквально за несколько коротких веков из специфического, европейского, и в силу этой географической ограниченности первоначально очень узкого, стал всемирным, а затем и генеральным. Чем грозит миру это слияние двух путей, даже если иметь при этом в виду, что далеко не все страны Востока уверенно влились в движение по широкой дороге современного прогресса, что едва ли не большинство из них остались пока на обочине этого нового для них пути и не то чтобы не движутся по нему, но движутся столь медленно и несут при этом на себе столь весомый груз традиций старого (первого) пути развития, что движение их по новому подчас почти не заметно? Грозит, если так можно выразиться, многим...

Прежде всего природа явно не в состоянии вынести издержки прогресса в том их объеме, который характерен для сегодняшнего дня. А включение в орбиту прогресса все увеличивающегося количества людей объективно способно только ухудшить положение дел. С этой точки зрения – пусть не обижаются поборники справедливости и равноправия – может расцениваться весьма позитивно то, что далеко не все страны мира уже досыта вкусили от прогресса. Если бы было так, ситуация на планете, видимо, оказалась бы уже непоправимой. Так что же, так и оставаться бедным бедными, а голодным голодными? Это явно не выход. Выход следует искать в другом. В чем же?

Вероятно, следует решительно пересмотреть не только стратегию развития отставшего Востока, но и всю стратегию глобального прогресса человечества. Собственно, это уже делается, хотя и пока очень медленными темпами. О чем идет речь?

О том, чтобы перестать наращивать не только военную, но и вообще тяжелую, разрушительную мощь человека. Перестать злоупотреблять металлургией и химией, ограничившись самым необходимым и учтя при этом все возможности, которые способны гарантировать природу от заражения, от лишних отходов, газов и т. п. Добиться стопроцентной утилизации всех промышленных отходов, а там, где это невозможно, – таких способов уничтожения отходов, которые не вредили бы природе. Энергично развивать прогрессивные виды производства, включая и сельскохозяйственное, с тем, чтобы за счет наращивания производственного потенциала всегда иметь необходимые запасы, за счет которых развитым государствам долго еще, видимо, придется оказывать помощь отсталым. Всемерно наращивать в отставших странах не наиболее вредные и трудоемкие – как то подчас делается – виды производства, а те, что могут максимально способствовать их развитию, имея в виду под развитием не достижение высот современного мирового прогресса, но прежде всего способность к самообеспечению необходимыми продуктами и товарами.

В последние десятилетия многие специальные организации, компетентные группы специалистов – вроде тех, что были объединены в рамках хорошо известного «Римского

клуба», – заняты обоснованием новой стратегии развития и предлагают свои рекомендации. Нет сомнений в том, что детально разработанная и учитывающая все сложности окружающего нас мира такого рода стратегия нужна, жизненно важна. Видимо, для участия в разработке и осуществлении соответствующих рекомендаций нужно привлечь и страны Дальнего Востока из числа добившихся наивысших успехов в развитии по пути прогресса за последние годы (в первую очередь, Японию, хотя и не только ее). Вообще проблемы развития стран Азиатско-Тихоокеанского бассейна выходят на передний план, это своего рода знак времени. Так пусть же страны, о которых идет речь, будут в первых рядах тех, кто озабочен выработкой генеральной, необходимой для выживания человечества в целом стратегии!

И в заключение еще об одном важном соображении глобального характера. Похоже на то, что человечество вступает в третье тысячелетие не только с тяжелым грузом экологического кризиса и экономических неурядиц и диспропорций, но также и с явной необходимостью решить наконец свои политические проблемы. Речь о тех проблемах, что веками разделяли людей и вели их к войнам. Время военного решения конфликтов, очевидно, подходит к концу: новой мировой войны планете не выдержать. Вероятно, придется отказаться ей и от крупных региональных конфликтов, ибо они все чаще грозят использованием ядерного оружия и опасностью разрушения АЭС, что вполне может, как показал опыт Чернобыля, привести к последствиям, сравнимым с теми, чем грозит использование ядерного оружия. Объективная логика необходимости сотрудничества с целью спасти планету от экологической гибели, спасти людей от ядерной и иной глобальной катастрофы в новом тысячелетии будет с каждым десятилетием все энергичнее направлять мировое сообщество в русло политической и любой иной интеграции. Собственно, этот процесс уже идет, причем едва ли не решающий вклад в его необратимость внес крах идеи марксистского социализма и развал вчера еще всемогущего лагеря коммунизма, прежде всего СССР. Правда, все идет далеко не так гладко, как хотелось бы. Позитивное продвижение время от времени сопровождается мощными откатами. Силы дезинтеграции огромны, они питаются соками этнических и религиозных предпочтений и предрассудков, политическим неравенством народов, их экономической несамостоятельностью, да и многими другими причинами. Решить все вопросы быстро и удовлетворительно невозможно, так что еще достаточно долго, видимо, мир будет сталкиваться с неприязнью арабов и Израиля, проблемой курдов и режимов тех стран, в которые этот народ политически включен (Турция, Иран, Ирак), негров и европейцев в ЮАР, не говоря уже о сепаратистских тенденциях в различных районах планеты, о старательно поддерживаемом все еще немалым количеством людей представлении о важнейшей и первостепенной роли классового антагонизма. Словом, проблем, разделяющих людей, немало. Но как-то решать их человечеству завтрашнего дня придется – решать во имя будущего самого человечества, во имя будущего жизни на Земле. И в качестве решения этих проблем, как своего рода ключ к их решению выходит на первый план интеграция.

Речь идет о различных формах объединения, как регионального, так и всемирного, под эгидой ООН. Видимо, только здесь может быть найден реальный путь для развития и жизнеобеспечения той самой численно преобладающей части населения мира, которая пока что не способна себя прокормить либо может сделать это на уровне, граничащем с голодом и голодной смертью. Имеется в виду отнюдь не вечная благотворительность богатых по отношению к бедным в некоем всемирном социальном организме. Разумеется, помощь такого рода будет оказываться еще долго, без этого, как о том уже шла речь, просто не обойтись. Но важнее другое: развитая часть мира объединенными усилиями должна будет позаботиться, чтобы достижения современного прогресса поставить на службу именно там, где он слабее всего ощущается и где от его применения многое может измениться, пусть даже далеко не сразу. Прогресс, о котором идет речь, отнюдь не сводится к достижениям техники и технологии, хотя это имеется в виду едва ли не в первую очередь. Он должен всей своей мощью коснуться культурного стандарта людей, позволить им вырваться из плена традиций, особенно традиционных предрассудков, размыть веками отработавшиеся социопсихологические стереотипы. В частности, речь идет о воспроизводственных нормах, о демографической проблеме, о необходимости побудить всех, особенно население беднейших и отсталых народов мира, со всей серьезностью отнестись к проблеме перенаселенности мира. Реально ли это?

Видимо, да, хотя и не приходится надеяться на быстрое решение вопроса.

Нет смысла делать пророчества в духе Кассандры, но есть все основания полагать, что если проблему перенаселенности мира не решат сами люди, ее решит природа – приблизительно так, как то Происходит с численно перевалившими за разумную норму популяциями животных. Конечно, люди не животные и добровольно топиться в море или выбрасываться на берег не станут. Но у природы найдутся другие механизмы для самосохранения и саморегулирования. Одним из таких механизмов можно, как о том уже упоминалось, считать СПИД, имеющий непосредственное отношение к воспроизводству человека. Не исключено, что появится и еще что-либо в этом же роде. Словом, сам вопрос не столь уж нелеп, как может показаться на первый взгляд: природа проявляет осмысленность там, где происходят грозящие ей гибелью перекосы. Пусть это только инстинкт самосохранения, но кто сказал, что наша Земля в целом лишена такого инстинкта?

Словом, человечество несет с собой в третье тысячелетие тяжелый груз нерешенных проблем, подавляющее большинство которых имеет самое непосредственное отношение к модусу существования наиболее отсталой его части, стран Востока. От того, как будут решены людьми эти проблемы, зависит их будущее. Не некое светлое будущее в некоем бесклассовом дистиллированном социуме, а реальное будущее достаточно близких наших потомков, уже, быть может, в третьем-четвертом поколении. Следует надеяться, что у грядущих поколений хватит сил, знаний и мудрости решить проблемы нашего века и тем обеспечить существование и развитие человечества надолго.

-----КОНЕЦ-----